This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSLav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 – 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5
1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. Гл. III. *Продолженіе.*—**В. И. Семевскаго** 1

II. БАШКА. Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ.—**Д. Сибиряка.** 42

III. НА ВСТРѢЧУ СЧАСТЬЮ (SHANDON BELLS). Романъ **Вилльяма Блэка.** Переводъ съ англійскаго. Гл. XXVIII—XXXIII. *Окончаніе.* 76

IV. ИЗЪ АККЕРМАНЪ. Стихотвореніе. — **Д. Л. Михаловскаго.** . . . 137

V. ДУХОБОРЦЫ. Историческій очеркъ.—**И. Н. Харламова.** 138

VI. ПОСЛѢДНІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ГР. Л. Н. ТОЛСТАГО.—**Анна Каренина.** Гл. XXI—XXVII. *Окончаніе.*—**М. С. Громеки.** 162

VII. М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ ПО ВЫХОДѢ ИЗЪ ШКОЛЫ ГВАРДЕЙСКИХЪ ПОДПРАПОРЩИКОВЪ.—**П. А. Висковатаго.** 236

VIII. ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ ТРАГЕДІИ ГЁТЕ «ФАУСТЪ» — **С. А. Юрьева.** 261

IX. СКУЧАЮЩАЯ ПУБЛИКА. Очерки, путевыя замѣтки, разсказы.—IV. **Трудами рукъ своихъ.** — **Гл. И. Успенскаго.** 300

X. ЛЮБОВЬ ВСЕ ВИДИТЪ (AMOR HA CENTI OCCHI). Романъ **Сальваторе Фарина.** Переводъ съ итальянскаго **В. Крестовскаго (псевдонимъ).** Часть II, гл. IX—XIV. *Продолженіе* 325

XI. МУДРЕЦУ. Стихотвореніе.—**Д. С. Мережковскаго** 363

XII. ФАБРИЧНЫЙ БЫТЪ МОСКОВСКАГО РАЙОНА.— **И. И. Ивановскова.** 1

XIII. ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ХРОНИКИ.—**В. П. Острогорскаго.** 25

XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Ученые съѣзды нынѣшней осени за границей и въ Россіи. 36

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Послѣдній отчетъ по духовному вѣдомству. — Борьба съ расколомъ. — Нынѣшняя дѣятельность земскихъ учрежденій. — Кахановская коммиссія. — Проектъ закона о «совмѣстимости». — Юбилейныя торжества. — Рѣчь ректора кіевскаго университета г. Ренненкампфа. — Дѣятельность крестьянскаго банка. — Землевладѣльческій кредитъ и предположенія объ учрежденіи государственнаго земельнаго банка. 62

XVI. ДВѢ ЭПОХИ КОНГРЕССОВЪ.—**А. А. Майкова** 93

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА

1884.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій пер., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Варшавѣ—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

△
P Slar 605.10
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. Гл. III. *Продолженіе.*—**В. И. Семевскаго** 1

II. БАШКА. Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ.—**Д. Сибиряка**. 42

III. НА ВСТРѢЧУ СЧАСТЬЮ (SHANDON BELLS). Романъ **Вилльяма Блэка**. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXVIII—XXXIII. *Окончаніе.* 76

IV. ИЗЪ АККЕРМАНЪ. Стихотвореніе. —**Д. Л. Михаловскаго**. . . . 137

V. ДУХОБОРЦЫ. Историческій очеркъ.—**И. Н. Харламова**. 138

VI. ПОСЛѢДНІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ГР. Л. Н. ТОЛСТАГО.—**Анна Каренина**. Гл. XXI—XXVII. *Окончаніе.*—**М. С. Громеки**. 162

VII. М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ ПО ВЫХОДѢ ИЗЪ ШКОЛЫ ГВАРДЕЙСКИХЪ ПОДПРАПОРЩИКОВЪ.—**П. А. Висковатаго**. 236

VIII. ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ ТРАГЕДІИ ГЁТЕ «ФАУСТЪ» — **С. А. Юрьева**. 261

IX. СКУЧАЮЩАЯ ПУБЛИКА. Очерки, путевыя замѣтки, разсказы.—IV. **Трудами рукъ своихъ. — Гл. И. Успенскаго**. 300

X. ЛЮБОВЬ ВСЕ ВИДИТЪ (AMOR HA CENTI OCCHI). Романъ **Сальваторе Фарина**. Переводъ съ итальянскаго **В. Крестовскаго** (**псевдонимъ**). Часть II, гл. IX—XIV. *Продолженіе* 325

XI. МУДРЕЦУ. Стихотвореніе.—**Д. С. Мережковскаго** 363

XII. ФАБРИЧНЫЙ БЫТЪ МОСКОВСКАГО РАЙОНА. – **И. И. Иванюкова**. 1

XIII. ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ХРОНИКИ.—**В. П. Острогорскаго**. 25

XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Ученые съѣзды нынѣшней осени за границей и въ Россіи. 36

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Послѣдній отчетъ по духовному вѣдомству. — Борьба съ расколомъ. — Нынѣшняя дѣятельность земскихъ учрежденій. — Кахановская коммиссія. — Проектъ закона о «совмѣстимости». — Юбилейныя торжества. — Рѣчь ректора кіевскаго университета г. Ренненкампфа.—Дѣятельность крестьянскаго банка. — Землевладѣльческій кредитъ и предположенія объ учрежденіи государственнаго земельнаго банка. 62

XVI. ДВѢ ЭПОХИ КОНГРЕССОВЪ.—**А. А. Майкова** 93

Стр.

XVII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: Обзоръ журналовъ.—Беллетристика.—Исторія, политика, біографія и проч.—Естествознаніе, технологія и проч.—Педагогика, книги для дѣтскаго и народнаго чтенія и учебники.—Искусство.—Плоды книгопродавческой спекуляціи. — Литературная хроника. — Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ.—Указатель новыхъ книгъ 1

XVIII. ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ «РУССКОЙ МЫСЛИ».

XIX ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая *).

III.

Дѣятельность комитета 1839—1842 гг.—Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ.

Работы секретныхъ комитетовъ, учрежденныхъ въ 1826 и 1835 годахъ, не привели ни къ какимъ законодательнымъ мѣрамъ по крестьянскому вопросу; 10 ноября 1839 г. государь повелѣлъ учредить новый секретный комитетъ, дѣятельность котораго должна была быть посвящена уже исключительно вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Членами его, подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, который участвовалъ и въ двухъ предшествовавшихъ комитетахъ, были назначены: гр. Орловъ, гр. Киселевъ, министъ юстиціи гр. Панинъ, статсъ-секретарь Блудовъ, бывшій дѣлопроизводителемъ комитета 1826 г., членъ государственнаго совѣта Тучковъ, статсъ-секретарь Танѣевъ и управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. А. Строгановъ; правителемъ дѣлъ сдѣланъ былъ камергеръ Ханыковъ. Государь повелѣлъ «все дѣло сохранить въ совершенной тайнѣ», и, чтобы исполнить его волю, положено было гласно заявлять, что комитетъ будетъ заниматься вопросомъ «о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній». Государь разрѣшилъ предъявить комитету, хотя и въ «наивеличайшей тайнѣ», дѣла, имѣющія связь съ предметомъ его дѣятельности.

Въ запискѣ, прочитанной при открытіи засѣданій комитета (16 ноября 1839 г.) и въ которой объяснялась цѣль его уч-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

реженія, высказано было, прежде всего, слѣдующее сужденіе относительно закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ: «Это постановленіе, съ благою цѣлью изданное, съ одной стороны, могло произвести важный въ государствѣ переворотъ, ибо земли— основное достояніе дворянства — переходили отъ него въ руки крестьянъ, а съ другой—не достигло своей цѣли, ибо въ продолженіе 35 лѣтъ... уволено въ свободные хлѣбопашцы до 60 тысячъ душъ мужескаго пола», и по 8 ревизіи ихъ числится 70 тысячъ душъ мужескаго пола. «Причину столь малаго поступленія въ сей классъ людей искать должно въ затрудненіяхъ выхода изъ крѣпостнаго состоянія: въ многосложности формъ, въ потребности большаго капитала на выкупъ личный и на покупку господской земли». Затѣмъ въ той же запискѣ упоминалось, что въ проектѣ комитета 6 декабря 1826 г. относительно установленія класса «вольноотпущенныхъ земледѣльцевъ» предполагалось оставить въ силѣ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, но, въ то же время, были расширены и облегчены способы увольненія крестьянъ съ землею и безъ земли съ предоставленіемъ имъ права покупать и нанимать земли и наниматься у другихъ по договорамъ. Далѣе взгляды правительства на крестьянскій вопросъ формулировались такимъ образомъ: «Нынѣ правительство имѣетъ постоянно въ виду улучшить бытъ крестьянъ и постепенно выводить ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, не ослабляя значущности достоянія дворянства, единственно въ земляхъ состоящаго, и для того издаваемыми постановленіями сдѣлать переходъ къ лучшему порядку и благоденствію легкимъ и непримѣтно отклонить всѣ безпорядки, отъ ложныхъ толковъ и неточнаго направленія понятій проистекающихъ». Въ концѣ-концовъ, цѣль вновь учрежденнаго комитета, какъ она была формулирована въ вышеупомянутой запискѣ, состояла, во-первыхъ, въ томъ, чтобы заняться разсмотрѣніемъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, сообразить его недостатки и постановить правила, на какомъ основаніи можно впредь дозволять помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ, а, во-вторыхъ, обсудить, какія мѣры всего удобнѣе для составленія инвентарей по каждой губерніи: предоставить ли это мѣстному дворянству, или начать дѣло съ однихъ казенныхъ крестьянъ *). «Въ семъ

*) При этомъ въ запискѣ упоминалось, что въ губерніяхъ западной Россіи и Остзейскаго края для арендныхъ имѣній (которыя въ Западномъ краѣ называются и старостинскими) повинности опредѣлены особыми правилами; тамъ особыя коммис-

дѣлѣ,—сказано въ заключеніе записки,—хорошій примѣръ есть лучшій опытъ и учитель. Положивъ ему основательное начало, можно развить и распространить въ Россіи сію благодѣтельную мѣру, которая укажетъ дворянамъ собственную ихъ пользу и обезпечитъ благоденствіе крестьянъ».

Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ ставилъ освобожденіе крестьянъ того или другаго имѣнія въ полную зависимость отъ согласія помѣщика, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ этотъ не допускалъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ.

Представителемъ мнѣній той части нашей интеллигенціи, которая готова была допустить безземельное освобожденіе крестьянъ, явился въ комитетѣ 1839 г., прежде всего, его правитель дѣлъ Ханыковъ, который при самомъ его учрежденіи представилъ записку подъ заглавіемъ: «Предполагаемыя начала, на коихъ могъ бы быть составленъ проектъ закона объ *обязанныхъ поселянахъ*». Главная мысль записки—желаніе сохранить земли въ рукахъ одного дворянства—высказывается уже въ самомъ ея началѣ. «Какъ земли суть основное достояніе дворянъ,—говоритъ авторъ,—то для поддержанія сего перваго въ государствѣ сословія необходимо, чтобы сіе достояніе оставалось въ родахъ дворянъ. Посему и можно бы было постановить, чтобы дворяне передавали свои земли, продажею ли, или другими средствами, закономъ опредѣленными, не иначе, какъ потомственнымъ и личнымъ дворянамъ, а также и купцамъ, пріобрѣвшимъ права личнаго дворянства. Отсюда само собою проистекаетъ, что помѣщики *не иначе могутъ увольнять своихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго владѣнія, какъ безъ земли*». Но для того, чтобы предупредить послѣдствія такого освобожденія—бродяжничество и связанные съ нимъ безпорядки, Ханыковъ предлагалъ установить цѣлый рядъ правилъ, изъ которыхъ мы приведемъ наиболѣе существенныя. «Помѣщикъ можетъ отпускать на волю своихъ крестьянъ по одиночкѣ, частями и цѣлыми селеніями, но безъ земли, за условленную плату». Выкупъ «по одиночкѣ лица мужескаго пола или одного семейства» не долженъ превышать

сіи описываютъ эти имѣнія и составляютъ въ западныхъ губерніяхъ инвентари, а въ остзейскихъ вакенбухи и аншлаги. Въ инвентарѣ означается: количество и состояніе крестьянскихъ дворовъ, всѣ земли и угодья, работы, исполняемыя крестьянами въ пользу владѣльца, и исчисляется доходъ, который можетъ быть полученъ; вакенбухомъ или табелью называется та часть описанія, въ которой опредѣляются хозяйственныя повинности крестьянъ, исчисленіе же дохода, доставляемаго имѣніемъ, называется его аншлагомъ.

ставилъ ее, прежде всего, Императору Николаю, чтобы, какъ писалъ въ докладѣ 18 марта 1840 г., «предварительно убѣдиться, успѣлъ ли онъ въ своемъ трудѣ выразить вполнѣ намѣренія государя». При этомъ Киселевъ указывалъ на необходимость, въ виду ослабленія помѣщичьей власти и освобожденія крѣпостныхъ, ввести постепенно слѣдующія мѣры: 1) устройство дворовыхъ людей; 2) взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно отбыванія очередей для всѣхъ прочихъ сословій; 3) назначеніе для крестьянъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права на движимую себственность; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство между крѣпостными крестьянами сельскаго управленія съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами. Государь возвратилъ Киселеву его докладъ на другой день съ слѣдующею резолюціею: «Читалъ съ особеннымъ вниманіемъ и полнымъ удовольствіемъ; начала, на коихъ основанъ проектъ, мнѣ кажутся весьма справедливы и основательны. Я не нашелъ сдѣлать ни одного замѣчанія и разрѣшаю внести въ комитетъ». Записка, внесенная Киселевымъ въ секретный комитетъ, обнимала не всѣ вопросы, затронутые въ его докладѣ государю; впрочемъ, объ устройствѣ дворовыхъ людей ему пришлось высказать въ то же время свое мнѣніе въ особомъ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ съ этою цѣлью въ 1840 г., а затѣмъ гораздо подробнѣе разработать его въ новомъ комитетѣ по тому же вопросу 1844 г. Теперь же мы ограничимся подробнымъ разсмотрѣніемъ записки, представленной въ секретный комитетъ 1839 года, до сихъ поръ не изданной, какъ и большинство документовъ этого комитета.

Этотъ трудъ Киселева начинается изложеніемъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, затѣмъ слѣдуютъ краткія историческія свѣдѣнія объ установленіи въ Россіи крѣпостнаго права и весьма обстоятельный перечень мѣръ, принятыхъ для его ограниченія въ XVIII и первыхъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка. Въ заключеніе этого перечня авторъ говоритъ: «Мѣры ограниченій въ продолженіе цѣлаго столѣтія и особенно въ послѣднее время ведены были съ непрерывною послѣдовательностью и произвели то дѣйствіе, что владѣніе крѣпостными крестьянами составляетъ нынѣ право потомственнаго дворянства, имѣющаго недвижимую собственность,

т.-е. землю; безъ сего и... дворянинъ не можетъ пріобрѣтать дворовыхъ людей. Крестьяне ограждены въ нѣкоторой степени надзоромъ правительства отъ жестокостей помѣщиковъ; въ случаѣ отыскиванія свободы они пользуются покровительствомъ мѣстнаго управленія и, получивъ единожды свободу, не могутъ быть возвращены въ крѣпостное состояніе. Но всѣ подобныя мѣры ограниченій имѣютъ предѣлъ, за которымъ онѣ не только перестаютъ быть полезными, но, возбуждая въ крестьянахъ тщетныя надежды на свободу, а въ помѣщикахъ опасенія и безпокойства, производятъ взаимное неудовольстіе и потрясаютъ довѣріе къ правительству». «Почти единственный законъ, изданный съ цѣлью преобразовать крѣпостное состояніе на началахъ, обоюдно выгодныхъ какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ,—говоритъ далѣе Киселевъ,—есть указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ», къ подробному разбору котораго онъ и переходитъ, такъ какъ этого прямо требовалъ отъ него секретный комитетъ. Указавъ, прежде всего, на ничтожные результаты, достигнутые изданіемъ этого закона, онъ затѣмъ разбираетъ его по существу. «Законъ этотъ,—говоритъ Киселевъ,—опредѣляетъ два главные способа перехода крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы: 1) освобожденіе за извѣстную сумму, вносимую сразу при совершеніи отпускной или съ разсрочкою, и 2) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, заключаютъ съ помѣщиками условія, на основаніи которыхъ они владѣютъ землею за извѣстныя опредѣленныя повинности. Относительно перваго способа установлены подробныя правила, для втораго же не указана мѣра повинностей и вообще средства обезпечить исполненіе условій». «По сей причинѣ,—утверждаетъ Киселевъ, — вторая и главнѣйшая часть указа осталась безъ всякаго дѣйствія», но это несправедливо: были случаи, когда помѣщичьи крестьяне переходили въ свободные хлѣбопашцы съ обязанностью до смерти прежняго владѣльца платить ему извѣстный денежный оброкъ, исполнять опредѣленную барщину или, наконецъ, нести и тѣ, и другія повинности *). Ошибочно полагая, что изъ двухъ способовъ, опредѣленныхъ указомъ 1803 г., пришлось удовольствоваться только однимъ, т.-е. увольнять крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы за опредѣленную сумму (хотя и нельзя отрицать, что такой до-

*) Многіе подобные случаи въ эпоху Императора Александра I см. въ нашей статьѣ въ *Русской Мысли* 1883 г., кн. XI, стр. 18—20.

говоръ былъ дѣйствительно наиболѣе употребительнымъ), Киселевъ старается доказать, что этотъ способъ, во-первыхъ, несообразенъ «съ основаніями государственнаго благоустройства». «Увольненіе крестьянъ съ землею,—говоритъ онъ,—требовало перехода всей недвижимой собственности изъ владѣнія дворянъ въ пользу низшаго сословія. Послѣдствіемъ сей мѣры было бы уничтоженіе самостоятельности дворянства и образованіе демократіи изъ людей, перешедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія. Послѣ сего не нужно, кажется, особенныхъ доказательствъ, сколь мѣра сія противна государственному устройству, въ которомъ дворянство, составляя необходимое звѣно, соединяющее верховную власть съ народомъ, должно исключительно пользоваться правомъ владѣнія заселенными землями, дабы, сохраняя вліяніе свое на массу народа и обезпечивъ свое существованіе, быть въ возможности исполнять высокое назначеніе свое на службѣ престолу».

Это мѣсто въ запискѣ Киселева страннымъ кажется тому, кто привыкъ видѣть въ его трудахъ стремленіе къ серьезнымъ мѣрамъ на пользу народа, но, съ другой стороны, высказанныя здѣсь мысли находятся въ связи съ нѣкоторыми аристократическими взглядами Киселева, какъ, напр., желаніемъ ввести майораты, хотя и на условномъ правѣ владѣнія крестьянами. Это мѣсто записки Киселева тѣмъ болѣе странно, что по закону 1801 г. всѣ сословія, кромѣ крѣпостныхъ, получили право пріобрѣтать ненаселенныя земли, а, слѣдовательно, и открывалась возможность для перехода недвижимой собственности изъ владѣнія дворянъ въ руки крестьянъ. Что же касается его опасеній относительно перехода на основаніи закона 1803 г. *всей* поземельной собственности въ руки низшаго сословія, то, не говоря уже о невѣроятности освобожденія всей массы крѣпостныхъ путемъ добровольныхъ договоровъ съ помѣщиками, нужно замѣтить, что правила о свободныхъ хлѣбопашцахъ, требуя освобожденія крестьянъ съ землею, въ то же время, вовсе не предписывали передачи имъ *всей* помѣщичьей земли, и было не мало случаевъ освобожденія крѣпостныхъ съ передачею имъ лишь извѣстной части помѣстья. Затѣмъ Киселевъ переходитъ къ вопросу о томъ, можно ли надѣяться, чтобы выкупъ крестьянъ на свободу на основаніи закона 1803 года принялъ большіе размѣры. Онъ указываетъ, во-первыхъ, на то, что для освобожденія по этому способу всѣхъ 12 милліоновъ душъ (муж. п.) крѣпостныхъ потребовалось бы огромныхъ суммъ,

«какихъ не можетъ быть въ государственномъ обращеніи», упуская при этомъ изъ вида возможность кредитной операціи при содѣйствіи государства, которое приходило уже въ голову авторамъ нѣкоторыхъ мнѣній въ эпоху Александра I. Во-вторыхъ, онъ ставитъ на видъ, что стремленіе владѣльческихъ крестьянъ во что бы то ни стало добиться освобожденія заставляетъ ихъ соглашаться на условія, совершенно для нихъ непосильныя *). Указавъ затѣмъ и на нѣкоторыя другія неудобства закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, какъ, напр., нерѣдкіе поземельные споры между получившими свободу, вызываемые борьбою подворнаго и общиннаго принциповъ землевладѣнія, Киселевъ приходитъ къ убѣжденію, что ни помѣщики, ни крестьяне не имѣютъ удобныхъ способовъ для преобразованія своихъ отношеній на прочныхъ началахъ, и въ заключеніе опять повторяетъ свою мысль, что «мѣра перехода всей недвижимой дворянской собственности во владѣніе крестьянъ, уничтожая самостоятельность высшаго въ государствѣ сословія, какъ мѣра, противная основаніямъ всякаго государственнаго устройства, особенно устройства монархическаго, не можетъ и не должна быть допущена».

Отъ критики закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, далеко не всегда, какъ мы видѣли, справедливой, Киселевъ переходитъ къ положительной части своей записки. Не считая нужнымъ распространяться о томъ благотворномъ вліяніи, которое уничтоженіе крѣпостнаго права должно имѣть на развитіе промышленности, увеличеніе народнаго богатства и охраненіе общественнаго спокойствія, такъ какъ все это уже признано изданіемъ закона 1803 г., авторъ приступаетъ къ изысканію средствъ освобожденія крѣпостныхъ, которыя были бы выгодны и для нихъ са-

*) „Весьма часто,—говоритъ Киселевъ,—для выкупа себя они дѣлаютъ займы, превышающіе ихъ способы, подъ залогъ земель, которыми они, по праву собственности, могутъ располагать произвольно. По невыплатѣ въ срокъ займа, земли отчуждаются во владѣніе кредитора, и хлѣбопашцы, лишась средствъ къ существованію, или остаются въ совершенной нищетѣ, или требуютъ переселенія на казенныя земли, гдѣ правительство, сверхъ того, должно оказать имъ пособіе на водвореніе. Въ сихъ обстоятельствахъ дѣло оканчивается тѣмъ, что на устройство вольныхъ хлѣбопашцевъ казна дѣлаетъ пожертвованіе едва ли не наравнѣ съ суммою выкупа... Въ тѣхъ случаяхъ, когда уплата условленной суммы распредѣлена на сроки, положеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ дѣлается еще затруднительнѣе. Истощивъ свое состояніе усиленными взносами, они въ первый неурожайный годъ поставляются въ совершенную невозможность продолжать уплату и за неисполненіе такимъ образомъ условія, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ свободы, возвращаются, попрежнему, во владѣніе помѣщика, въ противность коренныхъ законовъ, по коимъ люди, воспользовавшись одинъ разъ свободой, не должны бы были подлежать крѣпостному состоянію".

михъ, и для дворянства, и съ этою цѣлью, прежде всего, считаетъ необходимымъ обратиться къ примѣрамъ иностранныхъ государствъ и разсмотрѣть главныя основанія мѣръ, принятыхъ тамъ для освобожденія крестьянъ. Въ высшей степени важно при этомъ то рѣшительное осужденіе, съ которымъ Киселевъ относится къ безземельному освобожденію крестьянъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ осуждаетъ и передачу даже нѣкоторой части дворянскихъ земель въ собственность земледѣльцевъ, видя въ этомъ торжество демократическихъ принциповъ. «Въ Англіи, Ирландіи и нѣкоторыхъ частяхъ Италіи, подобно тому какъ у насъ въ остзейскимъ губерніяхъ,—говоритъ авторъ,—съ освобожденіемъ крестьянъ земли остались въ полномъ и неограниченномъ распоряженіи дворянства; крестьяне, за малымъ исключеніемъ кортомщиковъ или фермарей, сдѣлались вольными поденщиками, т.-е. бобылями: положеніе, опасное при всякомъ недостаткѣ выгодной работы для бобылей и особенно при неурожаѣ или внутреннихъ замѣшательствахъ, гдѣ люди, не имѣющіе осѣдлости, обыкновенно бываютъ орудіемъ злоумышленныхъ дѣйствій. Во Франціи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи крестьяне вмѣстѣ со свободою получили прежнія крестьянскія поля, а помѣщикамъ оставлены однѣ господскія запашки. Въ Пруссіи земли также раздѣлены между помѣщиками и крестьянами. Симъ распоряженіемъ, во-первыхъ, нарушены права собственности дворянства, во-вторыхъ, ослаблена самостоятельность высшаго государственнаго сословія и чрезъ то уничтожена важнѣйшая нравственная сила, чрезъ которую верховная власть дѣйствовала на народъ, и, въ-третьихъ, по праву вотчинной собственности привлечена къ участію въ важнѣйшихъ предметахъ государственнаго управленія масса народа, которая силою необузданнаго большинства ниспровергаетъ равновѣсіе въ частяхъ и колеблетъ порядокъ государственнаго устройства». Срединою между этими двумя крайностями Киселевъ считаетъ такую мѣру, которая, «поставивъ крестьянъ на приличную для нихъ степень свободныхъ или обязанныхъ земледѣльцевъ, обезпечиваетъ ихъ бытъ силою закона, не вводя ихъ въ права, принадлежащія одному только дворянству».

Въ видѣ примѣровъ, авторъ ссылается, во-первыхъ, на постановленіе австрійскаго правительства объ устройствѣ крѣпостнаго состоянія въ Венгріи, гдѣ «хотя крестьяне обременены еще

большими работами *) и поставкою въ пользу владѣльцевъ $^1/_9$ всѣхъ произведеній, но, тѣмъ не менѣе, повинности сіи опредѣлены положительно, крестьяне могутъ получить личную свободу и могутъ переходить съ одной земли на другую, и въ настоящее время правительство приняло уже мѣры къ уменьшенію самыхъ повинностей». Въ видѣ втораго примѣра симпатичныхъ для него мѣропріятій для уничтоженія крѣпостнаго права Киселевъ указываетъ на крестьянскую реформу, произведенную въ Дунайскихъ княжествахъ во время его управленія, съ главными основаніями которой мы познакомились уже выше. «Разсматривая эти три способа устройства быта крѣпостныхъ крестьянъ,—продолжаетъ онъ,—нельзя не убѣдиться, что система фермерства въ Англіи, Ирландіи, нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и у насъ въ остзейскихъ губерніяхъ, оставляя безъ всякаго устройства и обезпеченія цѣлое сословіе, составляющее главную массу народонаселенія, и порождая огромный классъ бездомныхъ бобылей, столь опасныхъ для общественнаго спокойствія, не можетъ быть принята въ Россіи безъ справедливаго опасенія послѣдствій, которыхъ вполнѣ невозможно и представить». Это рѣзкое отрицаніе остзейской системы освобожденія крестьянъ, которое несомнѣнно повліяло и на взгляды Императора Николая, составляетъ огромную заслугу Киселева, такъ какъ не только во вторую половину царствованія Императора Александра I постепенное примѣненіе ея казалось возможнымъ для всей Россіи, не только комитетъ 6 декабря 1826 года допускалъ безземельное освобожденіе цѣлыхъ селеній, но даже и позднѣе находились, какъ мы увидимъ ниже, очень вліятельные сановники, которые только въ этомъ направленіи и допускали измѣненіе быта крестьянъ. Но, въ то же время, Киселевъ, какъ мы уже знаемъ, отрицалъ и тотъ способъ освобожденія крѣпостныхъ, при которомъ имъ предоставлялось право собственности на земли. «Система Франціи, Швейцаріи, нѣкоторыхъ частей Германіи и Пруссіи, утвердившая за крестьянами право вотчинничества, основанная на началахъ демократіи и порожденная политическими переворотами,—говоритъ онъ,—должна быть чужда всякаго примѣненія къ Россіи». Указывая затѣмъ

*) Въ приложенной въ концѣ мнѣнія Киселева запискѣ на французскомъ языкѣ о мѣрахъ по крестьянскому вопросу въ Австріи (быть можетъ, той самой, которая была, какъ мы упоминали во II главѣ, прислана изъ Вѣны Татищевымъ) было указано на то, что по Урбарію Маріи-Терезіи требовалось отъ крестьянъ 52 дня барщины съ рабочимъ скотомъ или 104 пѣшихъ дня.

на необходимость соблюденія осторожности при переходѣ отъ рабства къ свободѣ, онъ совѣтуетъ подражать, съ необходимыми, конечно, по мѣстнымъ обстоятельствамъ измѣненіями, той средней мѣрѣ, примѣрами которой послужили для него законодательства венгерское и румынское. Главныя основанія освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи должны, по его мнѣнію, состоять въ слѣдующемъ: «Помѣщики, сохраняя при себѣ право вотчинной собственности на земли, предоставляютъ крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользуются отъ нихъ взамѣнъ того соразмѣрными повинностями или оброкомъ, *положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ*... Исполненіе повинностей, опредѣляемыхъ инвентаремъ, обезпечивается круговою отвѣтственностью крестьянъ и содѣйствіемъ правительства, посредствомъ судебной власти и посредствомъ власти помѣщиковъ, которые, въ качествѣ вотчинныхъ начальниковъ въ имѣніи, пользуются правами, предоставленными закономъ сельскому управленію какъ по части распорядительной, такъ и по разбору маловажныхъ тяжбъ и проступковъ крестьянъ... Лѣса, оброчныя статьи, богатства въ нѣдрахъ земли составляютъ принадлежность помѣщика; сверхъ того, владѣльцы земель, предоставляя крестьянамъ личную свободу, освобождаются всѣдствіе того отъ обязанности въ пособіи на продовольствіе и въ пожарныхъ случаяхъ, которые обезпечиваются въ видѣ взаимнаго страхованія на основаніи правилъ, постановленныхъ для государственныхъ крестьянъ... Уволенные такимъ образомъ крестьяне по отношенію къ своимъ владѣльцамъ земли получаютъ названіе обязанныхъ крестьянъ».

Не имѣя возможности подробно останавливаться на всѣхъ сторонахъ проекта гр. Киселева, мы сообщимъ изъ этого замѣчательнаго труда преимущественно то, что касается размѣровъ земельнаго надѣла и соотвѣтственныхъ повинностей крестьянъ.

При опредѣленіи повинностей Киселевъ считаетъ лучшимъ средствомъ вознагражденія помѣщика за отведенный крестьянамъ земельный надѣлъ обработку извѣстнаго количества господской земли, а, слѣдовательно, подобно Стройновскому (въ его книгѣ *О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами*, изданной въ Вильнѣ въ 1808 г.), рекомендуетъ договоры за извѣстное количество барщиннаго труда, съ тою лишь разницей, что послѣднее находилось въ зависимости отъ количества земли, предоставленной

крестьянину *). По словамъ Киселева, въ его время въ помѣщичьихъ вотчинахъ, состоящихъ на барщинѣ, были всего обычнѣе двѣ нормы: 1) обрабатываніе помѣщичьей земли въ такомъ же размѣрѣ, какъ она воздѣлывается крестьянами для себя, и 2) обработка трети всей земли, т.-е. половины количества, предоставленнаго крестьянамъ. Первый способъ считается весьма обременительнымъ, и доказательствомъ справедливости этого можетъ служить бѣдность половниковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что помѣщики получатъ при увольненіи крестьянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ денежное вознагражденіе, что они освободятся отъ различныхъ обязательствъ относительно крестьянъ и что, наконецъ, они сохранятъ многія выгоды отъ помѣстій, Киселевъ находитъ необходимымъ принять вторую норму. Признавъ, такимъ образомъ, справедливымъ обрабатываніе въ пользу помѣщика $^1/_3$ всей пахотной земли, онъ опредѣляетъ размѣръ крестьянскаго надѣла въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи на основаніи данныхъ, собранныхъ въ 1838—39 гг. коммиссіями по переложенію податей съ душъ на землю, а также по свѣдѣніямъ о нѣкоторыхъ частныхъ хозяйствахъ. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ губерній сѣверной и средней Россіи Киселевъ предлагаетъ опредѣлить размѣръ всего надѣла *на душу* (т.-е. пашни, покоса, огородной, усадебной земли и выгона) въ 5 десят. 2,000 кв. саж., въ томъ числѣ 4 $^1/_2$ дес. пашни и 1 дес. покоса; въ многоземельныхъ имѣніяхъ губерній низовыхъ и степныхъ, гдѣ сѣютъ пшеницу и коноплю и гдѣ воздѣлываніе земли не сопряжено съ такимъ трудомъ, какъ въ губерніяхъ сѣверныхъ, Киселевъ назначаетъ всего 8 дес. 1,600 саж., въ томъ числѣ 6 дес. пашни, 1 $^1/_2$ дес. сѣнокоса и 1 дес. подъ огороды и конопляники. Такъ какъ для всѣхъ имѣній нельзя установить одинаковой пропорціи, то указанную мѣру надѣла въ многоземельныхъ имѣніяхъ Киселевъ предлагалъ какъ maximum, «выше котораго помѣщикъ не можетъ обременить крестьянъ» (слѣдуетъ помнить, что за свой надѣлъ крестьянинъ долженъ обрабатывать помѣщичьи пашни, огороды и сѣнокосы въ количествѣ, равномъ половинѣ данныхъ ему

*) Киселевъ не допускаетъ только обязательныхъ работъ крестьянъ, получившихъ свободу, на помѣщичьихъ фабрикахъ; для этого должно имѣть рабочихъ по «вольной цѣнѣ». Точно также въ дворовые обязанные крестьяне могутъ быть взяты лишь по свободному договору.

угодій *), но затѣмъ этотъ размѣръ надѣла можетъ быть уменьшенъ по взаимному соглашенію между помѣщиками и крестьянами «до такого, однако же, количества земли, какое необходимо для обезпеченія продовольствія и уплаты податей»; точно также крестьяне «могутъ, если пожелаютъ, взять и бо́льшую пропорцію, но не иначе, какъ по полученіи личной свободы и по особому съ владѣльцами земель соглашенію, дабы чрезъ сіе отвратить всякое отяготительное для нихъ условіе до полученія свободы». Въ имѣніяхъ малоземельныхъ Киселевъ находилъ необходимымъ опредѣлить не maximum, а minimum «пропорціи, достаточной для продовольствія и уплаты податей», съ тѣмъ, что если помѣщикъ не можетъ предоставить крестьянамъ такого надѣла, въ такомъ случаѣ земля дѣлится между ними «по наличному состоянію угодій», но крестьяне должны имѣть право свободнаго перехода на другія земли до тѣхъ поръ, пока не составится на остающееся количество душъ пропорціи, признанной за minimum. Этотъ minimum надѣла для малоземельныхъ имѣній Киселевъ предлагаетъ назначить въ 4 дес., въ томъ числѣ 3 дес. пашни. Въ промышленныхъ имѣніяхъ размѣръ надѣла уменьшается еще болѣе,—до 3 дес. (въ томъ числѣ $2^1/_2$ дес. пашни), такъ какъ крестьяне имѣютъ средства покупать хлѣбъ и, кромѣ того, значительная часть населенія, находящаяся въ отсутствіи, не имѣетъ надобности въ запасахъ собственнаго продовольствія **). Важный недостатокъ проекта Киселева состоитъ въ томъ, что онъ не обязываетъ помѣщика выдѣлить крестьянамъ извѣстную часть лѣса, предоставляя имъ при самомъ освобожденіи договориться относительно пользованія имъ ***).

Относительно способовъ пользованія землею, полученною отъ помѣщика, Киселевъ говоритъ: «Надѣлъ производится *по числу*

---

*) За пользованіе усадебною и выгонною землею онъ также долженъ былъ нести нѣкоторое количество барщиннаго труда.

**) Нужно замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне, занимаясь вслѣдствіе малоземелія промыслами, платятъ оброкъ, значительно превышающій повинности, опредѣляемыя инвентаремъ, т.-е. когда доходъ помѣщика основывается не на земледѣліи, а на промыслахъ крѣпостныхъ, помѣщику въ проектѣ Киселева предоставляется по соглашенію съ крестьянами при ихъ освобожденіи назначить, въ дополненіе къ инвентарнымъ повинностямъ, единовременное денежное вознагражденіе, которое въ различныхъ губерніяхъ можетъ доходить до 45—60 руб. съ души и которое составляетъ, слѣдовательно, выкупъ за личную свободу.

***) Авторъ проекта ограничивается въ этомъ отношеніи лишь слѣдующею, довольно неопредѣленною, оговоркою: «правительство можетъ только наблюдать, чтобы условія... въ отношеніи пользованія лѣсомъ, какъ потребностью, необходимою для жизни, не были стѣснительны».

ревизскихъ душъ на цѣлое мірское общество обязанныхъ крестьянъ; въ частности земля дѣлится между крестьянами или, на основаніи особаго постановленія въ условіи, назначеніемъ въ каждой полосѣ отдѣльнаго для каждаго семейства участка, сообразно съ его рабочими силами, или же другимъ способомъ по существующимъ между крестьянами обычаямъ». Такимъ образомъ, очевидно, что Киселевъ признавалъ необходимымъ сохраненіе общиннаго пользованія землею.

Если бы помѣщикъ пожелалъ взамѣнъ работъ получать отъ обязанныхъ крестьянъ оброкъ, въ такомъ случаѣ ихъ повинности на основаніи инвентарнаго положенія опредѣляются на рожь или другой наиболѣе воздѣлываемый продуктъ по среднему урожаю и по сложности мѣстныхъ цѣнъ за 12 лѣтъ и потомъ переводятся на деньги, которыя по особымъ условіямъ, возобновляемымъ время отъ времени, должно будетъ уплачивать помѣщику въ опредѣленные сроки.

Повинности обязанныхъ крестьянъ въ пользу землевладѣльца обезпечиваются круговою порукой всего сельскаго общества; если оно окажется совершенно несостоятельнымъ въ уплатѣ оброчныхъ денегъ, то имѣніе «обращается на запашку подъ надзоромъ помѣщика». До тѣхъ поръ, пока крестьяне исправно исполняютъ повинности, ихъ нельзя выслать съ земель, предоставленныхъ имъ въ пользованіе. Они получаютъ полное право собственности на движимое имущество; дома и другія усадебныя строенія также принадлежатъ имъ; они могутъ жаловаться на притѣсненія со стороны владѣльца въ общія судебныя учрежденія. При соблюденіи извѣстныхъ условій обязанные крестьяне могутъ переходить въ другія свободныя состоянія и на иныя владѣльческія земли.

Первоначальный разборъ во взаимныхъ спорахъ и проступкахъ крестьянъ, на основаніи сельскаго судебнаго устава, предоставляется владѣльцу вотчины и «отъ него зависитъ наказаніе виновныхъ въ размѣрѣ, для сельской расправы опредѣленномъ»; такимъ образомъ, вотчинная юрисдикція сохраняется, но ограничивается установленными закономъ правилами. Дѣла бо̀льшей важности, также какъ и уголовныя, поступаютъ въ судебныя учрежденія на общемъ основаніи. Попрежнему, стремясь къ введенію майоратовъ, Киселевъ по образцу остзейскихъ губерній предлагаетъ установить, чтобы по смерти владѣльца имѣніе переходило въ полномъ составѣ въ руки старшаго въ родѣ, который и распредѣляетъ получаемые доходы между сонаслѣдниками, если

насчетъ ихъ не было иного распоряженія со стороны первоначальнаго владѣльца. Если бы по жалобѣ обязанныхъ крестьянъ обнаружилась неспособность владѣльца къ управленію имѣніемъ или жестокое обращеніе съ его жителями, то оно берется въ опеку. При увольненіи крестьянъ землевладѣлецъ можетъ отказаться отъ права управленія ими; въ такомъ случаѣ они причисляются къ ближайшей волости государственныхъ крестьянъ, но при томъ изъ слѣдующихъ помѣщику доходовъ вычитается 10% на содержаніе управленія и составленіе хозяйственнаго капитала. Какъ уже было указано выше, помѣщики освобождаются при увольненіи крестьянъ отъ обязанности оказывать имъ пособія въ случаѣ неурожая и пожара, что, разумѣется, составляло важное лишеніе для землевладѣльцевъ.

Киселевъ полагалъ, что на этихъ «главныхъ началахъ могутъ быть основаны первоначальныя мѣры устройства у насъ крѣпостнаго состоянія, какъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, такъ и западныхъ». Новое положеніе онъ предлагалъ опубликовать какъ дальнѣйшее развитіе закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ, предоставляя «на произволъ помѣщиковъ» слѣдовать этому постановленію или, «буде они по мѣстнымъ обстоятельствамъ признаютъ болѣе удобнымъ дѣлать и представлять условія, заключаемыя крестьянами на другихъ основаніяхъ, *лишь бы повинности, возлагаемыя на крестьянъ, въ общей сложности не превышали мѣры, симъ положеніемъ опредѣляемой*», чтобы, по разсмотрѣніи этихъ условій и инвентарей въ подлежащемъ учрежденіи и по удостовѣреніи соразмѣрности инвентарныхъ повинностей съ земельнымъ надѣломъ, обезпечить исполненіе ихъ со стороны крестьянъ утвержденіемъ правительства. Кромѣ того, помѣщикамъ предоставлялось право дѣлать подобныя распоряженія на случай своей смерти и въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Такимъ образомъ, проектъ Киселева, какъ и законъ 1803 г., и проектъ комитета 1826 г., не заключалъ въ себѣ мѣръ, обязательныхъ для помѣщика; послѣдній переводилъ своихъ крестьянъ въ званіе обязанныхъ поселянъ только въ томъ случаѣ, если самъ этого желалъ, и, разумѣется, съ согласія крѣпостныхъ; но очень важно, что при этомъ измѣненіи ихъ быта по проекту Киселева они не могли быть обложены за нормальный надѣлъ повинностями произвольной величины, если бы даже и сами на это согласились, а эти повинности должны были не превышать установляемой новымъ закономъ мѣры. Важную заслугу Киселева

составляетъ, кромѣ того, какъ мы уже замѣтили, категорическое заявленіе о вредѣ и опасности безземельнаго освобожденія крестьянъ, а также разработка вопроса о размѣрахъ надѣла.

Противникомъ проекта гр. Киселева въ секретномъ комитетѣ объ обязанныхъ крестьянахъ явился генералъ-адъютантъ кн. Меншиковъ, который представилъ (10 января 1841 г.) опроверженіе по самому существу проекта. Прежде всего, онъ обращаетъ вниманіе на то, что по этому проекту «помѣщикъ долженъ надѣлять своею землею цѣлое мірское общество съ круговою отвѣтственностью его за каждый дворъ въ исправномъ исполненіи повинностей»; «такимъ образомъ,—продолжаетъ Меншиковъ,—земля помѣщика не останется уже въ полномъ правѣ вотчинничества, но переходитъ въ невозвратное владѣніе крестьянскихъ обществъ. Круговая отвѣтственность лишитъ помѣщика возможности наблюдать за благосостояніемъ земли своей, обезпечить извлеченіе своихъ доходовъ и понудить какой-либо дворъ къ исправному платежу повинностей, ибо отвѣтственность каждаго крестьянина предъ помѣщикомъ будетъ устранена отвѣтственностью общества; но если и оно неисправно, что останется дѣлать помѣщику? Онъ уже не въ состояніи будетъ выслать его съ земли своей и не можетъ даже имѣть на него никакого нравственнаго вліянія, ибо общество противупоставитъ ему всю свою массу и найдетъ покровительство земскихъ судебныхъ властей, а помѣщикъ, или недостаточный, или находящійся въ отсутствіи, будетъ приведенъ къ продолжительнымъ и обременительнымъ тяжбамъ. Этого нельзя назвать полнымъ правомъ вотчинничества». Затѣмъ, по мнѣнію Меншикова, мѣра надѣла въ проектѣ Киселева несоразмѣрно велика, что приведетъ къ сильному увеличенію объема нынѣшнихъ крестьянскихъ угодій, а повинности слишкомъ малы: при подобныхъ условіяхъ помѣщикъ былъ бы гораздо болѣе обязаннымъ, чѣмъ крестьянинъ. Кн. Меншиковъ увѣряетъ, что если принять нормы надѣла, предложенныя Киселевымъ, то бо́льшая часть дворянскихъ имѣній перейдетъ въ безвозвратное владѣніе крестьянъ. Упуская изъ вида различіе русскаго поземельнаго строя съ западно-европейскимъ, онъ указываетъ на то, что въ Богеміи, по акту освобожденія крестьянъ въ 1781 г. и позднѣйшимъ постановленіямъ, земли «отданы были не мірскимъ обществамъ, а подворно» и помѣщикъ сохранилъ право ссылать крестьянина съ выкупленныхъ угодій, а невыкупленныя брать себѣ обратно, если за крестьяниномъ три года

сряду была недоимка, если долги его превосходятъ $^2/_3$ стоимости имущества и если онъ довелъ свой участокъ до совершеннаго упадка. Кн. Меншикову очень нравится, что тамъ всякій обыватель, даже не имѣющій ни избы, ни угодій, а только живущій на землѣ помѣщика, обязанъ отработать въ его пользу 13 дней въ году «въ ознаменованье своей подчиненности». Еще болѣе нравятся Меншикову англійскія и остзейскія поземельныя отношенія. «Въ Англіи,—говоритъ онъ,—земля принадлежитъ, также какъ и въ Австріи, помѣщику, но тамъ она отдается крестьянину не потомственно, а на срокъ; такъ же въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ и Финляндіи. Однако же, въ Англіи земледѣліе образцовое; сельское хозяйство процвѣтаетъ тамъ въ высшей степени. Не есть ли это доказательство, что земля въ рукахъ дворянства драгоцѣннѣе, чѣмъ въ рукахъ необразованнаго и безпечнаго мужика?» Въ концѣ-концовъ, кн. Меншиковъ считалъ справедливымъ только тотъ способъ освобожденія крестьянъ, какой былъ употребленъ въ Остзейскомъ краѣ, т.-е. чтобы «земля оставалась собственностью помѣщика, а крестьяне имѣли право личной свободы, примѣнивъ къ сему основному началу правила о половникахъ съ *подворнымъ* надѣленіемъ». «Въ остзейскихъ губерніяхъ,—продолжаетъ авторъ возраженія,—дворянство имѣетъ полное, безотчетное право собственности на свои помѣстья»; русское купечество, владѣющее землями, располагаетъ ими также произвольно, отдавая ихъ на добровольныхъ условіяхъ, которыя ограничены закономъ только относительно срока контракта; «одно только русское, коренное дворянство лишено будетъ правъ своихъ и родоваго своего достоянія», если будутъ приняты для освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ иныя основанія, чѣмъ тѣ, какія предлагалъ кн. Меншиковъ.

Гр. Киселевъ отвѣчалъ на это очень мѣтко и умно. При установленіи правилъ, предложенныхъ кн. Меншиковымъ, замѣтилъ онъ, «помѣщикъ можетъ при всякомъ окончаніи условленнаго срока выселять крестьянъ изъ имѣнія, и крестьяне поставляются между двумя крайностями, болѣе тяжкими, чѣмъ самое рабство: имъ остается или купить дорогою цѣною право продолжать свое существованіе на землѣ, воздѣланной ихъ трудомъ, или, оставивъ свои дома, осѣдлость, скитаться изъ губерніи въ губернію, доколѣ не найдутъ средства водвориться въ другихъ мѣстахъ. На сіе можно возразить, что собственная выгода помѣщика побудитъ его къ соглашенію съ крестьянами на усло-

віяхъ обоюдно-выгодныхъ, но какого рода условій можно ожидать отъ подобныхъ соглашеній? Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщики, соблюдая исключительно свои выгоды, образуютъ систему фермерства; они раздадутъ большіе участки зажиточнымъ крестьянамъ и, можетъ быть, на условіяхъ обоюдно-выгодныхъ; но, взамѣнъ того, $^{9}/_{10}$ населенія не будетъ имѣть ни земли, ни пристанища и должны обратиться въ работниковъ у богатыхъ крестьянъ или фермеровъ. Такимъ образомъ, выгоды помѣщика и фермера падутъ на счетъ незаплаченнаго труда бѣдныхъ. Такимъ образомъ возникнетъ у насъ, изъ нѣсколькихъ милліоновъ душъ, новый классъ бобылей, или поденщиковъ, которыхъ состояніе столько же несносно будетъ для нихъ, сколько опасно для государственнаго спокойствія. Нужно ли подробнѣе описывать послѣдствія подобной мѣры? Они многосторонни. При безпрестанномъ движеніи бобылей изъ одного мѣста въ другое для пріисканія работъ правительство встрѣтитъ неисчислимыя затрудненія въ сборѣ податей, равно въ исполненіи рекрутской повинности, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно будетъ терпѣть значительную потерю въ доходахъ и рекрутахъ. При недостаткѣ выгодныхъ работъ и особенно при первомъ общемъ неурожаѣ правительство поставится въ необходимость пожертвовать всѣ свои средства, дабы взять на свое продовольствіе нѣсколько милліоновъ бобылей или въ противномъ случаѣ подвергнуть внутреннее спокойствіе величайшимъ безпорядкамъ, какихъ можно ожидать отъ народа неосѣдлаго, доведеннаго до крайности нищетою и голодомъ. Всѣ сіи причины никакъ не дозволяютъ остановиться на мысли лишить помѣщичьихъ крестьянъ возможности имѣть постоянную осѣдлость и обратить цѣлое населеніе въ бродячее или полукочевое состояніе».

Кн. Меншиковъ требовалъ нарушенія при освобожденіи крестьянъ одного изъ главныхъ устоевъ народнаго быта — общиннаго пользованія землею; къ требованію этому, какъ мы увидимъ ниже, онъ возвращался и позднѣе. Но Киселевъ, уступая своимъ опонентамъ нѣкоторые, весьма существенные пункты составленнаго имъ проекта, съ проницательностью истинно-государственнаго человѣка явился энергическимъ противникомъ подворнаго землевладѣнія. Въ своемъ отвѣтѣ на замѣчаніе кн. Меншикова онъ писалъ: «Какая для помѣщика можетъ представиться польза отъ подворнаго надѣленія землею? Какимъ образомъ можетъ онъ обезпечить свои выгоды, имѣя дѣло отдѣльно

съ каждымъ семействомъ, тогда такъ въ одномъ единственный работникъ въ неизвѣстной отлучкѣ или постигнутъ болѣзнію, въ другомъ по несчастію семейство лишилось рабочаго скота, а, между тѣмъ, господское поле требуетъ неотложной работы и т. д.? Сіи и подобные тому вопросы можно разрѣшить тѣмъ только, что помѣщики, по крайней мѣрѣ, бо́льшая ихъ часть, получивъ неограниченное право располагать землею, и не думаютъ о подворномъ надѣленіи *всѣхъ* семействъ. Они раздадутъ свои земли зажиточнымъ крестьянамъ, сдѣлавъ изъ нихъ фермарей, и остальное населеніе обратятъ въ работниковъ, которымъ позволятъ оставаться на земляхъ своихъ, доколѣ они будутъ въ состояніи работать изъ насущнаго хлѣба, если, впрочемъ, работа ихъ будетъ нужна, а потомъ съ истощеніемъ послѣднихъ силъ вышлютъ ихъ изъ имѣній и заставятъ испытывать всѣ крайности нищеты и голода *). И такъ,—говоритъ въ заключеніе Киселевъ,—какая бы ни принята была система надѣленія, во всякомъ случаѣ надѣлъ долженъ быть сдѣланъ не посемейно, но на цѣлое сельское общество. Это единственная мѣра, которая, обезпечивая помѣщика круговымъ ручательствомъ, должна обезпечить уволенныхъ крестьянъ въ правахъ личной свободы, а, главное, въ средствахъ существованія».

Мы не находимъ нужнымъ разсматривать возраженія на проектъ Киселева каждаго изъ членовъ секретнаго комитета по одиночкѣ, а сгруппируемъ главнѣйшія изъ ихъ замѣчаній. (Возраженія были представлены въ теченіе января 1841 г., кромѣ Меншикова, Панинымъ, Блудовымъ, Строгановымъ и Тучковымъ). Они, во-первыхъ, вооружились противъ предложенныхъ Киселевымъ нормальныхъ надѣловъ и вознагражденія помѣщика посредствомъ обработки земли, равной половинѣ *полученной крестьянами земли* (или, другими словами, $^1/_3$ *всѣхъ* пашенъ и сѣнокосовъ). Гр. Панинъ указалъ на то, что надѣлъ долженъ соотвѣтствовать трудамъ, требуемымъ земледѣліемъ, а они чрезвычайно различны, смотря по почвѣ, климату и состоянію скотоводства. По его мнѣнію, въ сѣверныхъ и въ бо́льшей части среднихъ губерній обработка третьей части полей въ пользу помѣщика «соотвѣтствовала бы трудамъ хлѣбопашца и скудости урожая»; а тамъ, гдѣ земля не требуетъ никакого удобренія, крестьянинъ «безъ

*) Нѣчто подобное дѣйствительно предлагалъ Якобъ въ своемъ отвѣтѣ на задачу вольнаго экономическаго общества (1812 г.) о сравнительной выгодности свободнаго и крѣпостнаго труда. (*Рус. Мысль* 1883 г., кн. 1, стр. 106).

всякой тягости можетъ воздѣлывать для помѣщика столько же земли, сколько и для самого себя», или, по крайней мѣрѣ, за полученныя двѣ десятины можетъ обрабатывать помѣщику $1^1/_2$. Но вообще, въ виду различія мѣстныхъ условій, весьма трудно назначить общую мѣру надѣла для южной Россіи, для низовыхъ и нѣкоторыхъ восточныхъ губерній. Блудовъ, сообщивъ въ своемъ возраженіи свѣдѣнія о различной величинѣ помѣщичьей запашки сравнительно съ количествомъ данной крестьянамъ пахотной земли и указавъ на разнообразіе другихъ ихъ обязанностей относительно господина, приходитъ къ заключенію, что не слѣдуетъ опредѣлять указомъ общей мѣры всѣмъ этимъ повинностямъ, во-первыхъ, для того, чтобы не связать руки правительству, помѣщикамъ и крестьянамъ установленіемъ такихъ правилъ, которыя, будучи не всегда и не вездѣ удобны, послужатъ только новымъ препятствіемъ къ освобожденію крѣпостныхъ, а также и потому, что подробное обозначеніе въ указѣ повинностей обязанныхъ крестьянъ «легко можетъ въ другихъ, не уволенныхъ хлѣбопашцахъ возбудить мысль, что новымъ положеніемъ, опредѣляемыми въ немъ условіями и порядкомъ, измѣняются и ихъ отношенія къ владѣющимъ ими еще на крѣпостномъ правѣ вотчинникамъ». Гр. Строгановъ, возражая противъ назначенія нормальныхъ надѣловъ, указывалъ на то, что въ имѣніяхъ Вологодской и Пермской губерній земля не имѣетъ почти никакой цѣнности, а среди промышленныхъ имѣній много такихъ, въ которыхъ земли далеко недостаточно для надѣла, да крестьяне не имѣютъ въ ней и надобности. Далѣе авторъ замѣчаній обращаетъ вниманіе на то, что, какъ видно изъ разсчетовъ, приложенныхъ къ проекту Киселева, крестьянамъ всѣхъ разрядовъ предполагается отдѣлить болѣе земли, чѣмъ они, по примѣрнымъ соображеніямъ, имѣютъ ея теперь. Не касаясь того,—говоритъ Строгановъ,—«полезно ли для видовъ добраго хозяйства передавать въ руки крестьянъ большее количество земли, когда они не имѣютъ способовъ къ улучшенію земледѣлія», онъ замѣчаетъ только, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ поля требуютъ унавоженія, крестьянину трудно обработать 2 дес. земли, а въ степныхъ, гдѣ навоза не требуется, 2-хъ дес. въ полѣ мало для удовлетворенія нуждъ крестьянина. При установленіи предложенныхъ Киселевымъ нормальныхъ надѣловъ часть помѣщиковъ, по мнѣнію Строганова, можетъ вовсе лишиться земель, такъ какъ «въ значительной части имперіи есть множество имѣній, въ которыхъ земли... не доста-

нетъ для одного надѣла крестьянъ». Денежное же съ ихъ стороны вознагражденіе можетъ тогда только быть полезнымъ, если оно будетъ внесено при самомъ увольненіи крѣпостныхъ, а иначе уплата его не будетъ обезпечена, такъ какъ крестьяне, «выйдя изъ его непосредственной власти, естественно предадутся небрежности къ своимъ обязанностямъ и, можетъ быть, праздности и разврату», а богатые крестьяне могутъ перейти въ другія сословія. Находя, что установленные Киселевымъ размѣры надѣловъ велики, Строгановъ, въ то же время, считалъ недостаточными назначенныя за нихъ повинности. Считая неудобнымъ, въ виду различной продолжительности работы на разныхъ почвахъ, опредѣленіе повинности крестьянина обработкою извѣстнаго количества земли, смотря по размѣру полученнаго надѣла, Панинъ утверждалъ, что справедливѣе и выгоднѣе для помѣщика и крестьянина назначить опредѣленное число дней барщины въ году. Тучковъ также предпочиталъ этотъ способъ, опасаясь, при системѣ Киселева, многихъ споровъ между помѣщиками и крестьянами изъ-за того, хорошо ли обработана земля, тѣмъ болѣе, что различныя почвы и роды хлѣба требуютъ различной обработки; но, въ то же время, думалъ, что лучше всего было бы предоставить заключеніе условій на волю помѣщиковъ и крестьянъ, причемъ правительство могло бы только наблюдать, чтобы крестьяне не были увольняемы вовсе безъ земли или съ количествомъ, недостаточнымъ для ихъ продовольствія, и чтобы они не обременяли себя непосильными повинностями. Блудовъ, въ виду приведенныхъ выше соображеній о неудобствахъ общаго опредѣленія указомъ повинностей крестьянъ, предлагалъ, составивъ правила, столь же, а если нужно и болѣе подробныя, не обнародовать ихъ, а дать только въ руководство тѣмъ министерствамъ, которыя будутъ разсматривать заключаемыя условія.

Подъ напоромъ возраженій большинства членовъ комитета противъ предложенной имъ мѣры надѣловъ и повинностей обязанныхъ крестьянъ, Киселевъ долженъ былъ уступить. Онъ согласился не опредѣлять неизмѣнной нормы для надѣленія обязанныхъ крестьянъ землею, но предоставить назначеніе надѣла обоюдному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, съ тѣмъ только, чтобы количество надѣляемой земли по среднему урожаю хлѣба было достаточно для продовольствія семействъ, уплаты податей и составленія запасовъ, и затѣмъ повинности крестьянъ перевести на рабочіе дни, соразмѣрно съ полученнымъ ими надѣломъ,

съ правомъ замѣнять всю барщину или часть ея денежнымъ оброкомъ; въ этомъ смыслѣ и былъ измѣненъ представленный имъ проектъ. «Такимъ образомъ,—писалъ Киселевъ въ своемъ отвѣтѣ на замѣчанія кн. Меншикова,—хотя всѣ выгоды остаются на сторонѣ помѣщиковъ, но сохраняется, по крайней мѣрѣ, возможность обезпечить осѣдлость крестьянъ и отвратить общую народную нищету и неустройства, которыя неразлучны съ умноженіемъ класса бобылей. Но должно сознаться,—продолжалъ онъ,—что положеніе сіе далеко отъ того, чтобы можно было назвать увольняемыхъ крестьянъ свободными. Вся перемѣна будетъ состоять въ томъ, что повинности ихъ будутъ опредѣлены положительнѣе, что въ рекруты будутъ брать по очередному порядку, а не по произволу помѣщика, что крестьяне будутъ имѣть право собственности на движимое имѣніе и что, наконецъ, помѣщикъ не будетъ имѣть власти исторгать изъ среды семействъ людей для личной или дворовой услуги, но крестьяне останутся крѣпкими землѣ».

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя замѣчанія членовъ комитета на проектъ Киселева. По поводу мысли его, чтобы имѣніе, крестьяне котораго перешли въ сословіе обязанныхъ поселянъ, не подлежало дробленію между наслѣдниками и чтобы тотъ членъ фамиліи, которому оно досталось во владѣніе, дѣлилъ между остальными доходы, Блудовъ, для избѣжанія раздоровъ въ подобныхъ случаяхъ, предложилъ постановить, что получающій имѣніе обязанъ немедленно удовлетворить всѣхъ прочихъ за слѣдующія имъ части деньгами по опредѣленной цѣнѣ, а для содѣйствія такимъ сдѣлкамъ считалъ необходимымъ, чтобы правительство учредило дворянскій вспомогательный банкъ, основанный на томъ негласномъ, но неизмѣнномъ правилѣ, чтобы просроченныя по залогу въ немъ имѣнія, даже если они будутъ состоять и не изъ обязанныхъ, а крѣпостныхъ крестьянъ, поступали бы не въ продажу, а въ казенное вѣдомство и впослѣдствіи могли быть раздаваемы въ видѣ майоратовъ, но «во всякомъ случаѣ безъ правъ крѣпостнаго владѣнія крестьянами». Киселевъ согласился съ мыслью Блудова о сосредоточеніи имѣнія въ рукахъ одного изъ наслѣдниковъ посредствомъ выкупа и измѣнилъ въ этомъ смыслѣ свой проектъ.

Нельзя не остановиться еще на одной любопытной мысли члена комитета Тучкова. Какъ было указано выше, Киселевъ предлагалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне, занимаясь вслѣд-

ствіе малоземелья промыслами, платятъ оброкъ, значительно превышающій повинности, указанныя инвентаремъ, предоставить помѣщику опредѣлить въ условіи по соглашенію съ крестьянами единовременное, въ свою пользу, денежное вознагражденіе, доходящее до размѣровъ банковыхъ ссудъ въ данной мѣстности, т.-е. по 45—60 руб. съ души такъ, чтобы проценты съ этого капитала могли по возможности пополнить разность между доходомъ по инвентарю и получаемымъ до измѣненія быта крестьянъ. На уплату такого единовременнаго выкупа помѣщикамъ крестьяне должны были нуждаться въ вспомоществованіи изъ правительственныхъ кредитныхъ учрежденій. По этому поводу Тучковъ составилъ особую записку, въ которой замѣчаетъ, что, при среднемъ размѣрѣ добавочнаго выкупа за малоземельныхъ крестьянъ по 50 руб. за душу, они должны будутъ ежегодно платить процентовъ по 3 р. съ каждой ревизской души, что при недостаточномъ количествѣ земли и при исполненіи прочихъ повинностей на бывшаго владѣльца было бы для нихъ отяготительно. Вмѣсто того, Тучковъ предложилъ, чтобы правительство выпустило особыя ассигнаціи или билеты на сумму, необходимую для уплаты помѣщикамъ за увольненіе малоземельныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы эти билеты принимались въ платежи, какъ казенные, такъ и частные, а также и въ кредитные учрежденія наравнѣ съ ассигнаціями или депозитными билетами. Для погашенія выпущенныхъ билетовъ должно обложить крестьянъ, ими воспользовавшихся, платежемъ по 1% въ годъ, что составитъ отъ 30 до 75 к. сер. съ ревизской души, и вносить собираемыя такимъ образомъ деньги въ кредитныя учрежденія для приращенія по 4%, съ тѣмъ, чтобы онѣ оставались неприкосновенными въ теченіе 37 лѣтъ: въ этотъ срокъ ими будетъ погашенъ весь предлагаемый выкупъ билетовъ, а если, какъ это дѣлается относительно капиталовъ, вносимыхъ приказами общественнаго призрѣнія, не будетъ удерживаться съ нихъ 1% въ пользу кредитныхъ учрежденій, то погашеніе произойдетъ въ 26 лѣтъ. Билеты эти, замѣчаетъ Тучковъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ потерять своей цѣны, такъ какъ они будутъ обезпечены ежегоднымъ платежемъ съ увольняемыхъ хлѣбопашцевъ, который такъ невеликъ, что нельзя ожидать появленія недоимки. Нужно замѣтить только, что Тучковъ представлялъ себѣ всю эту операцію въ менѣе значительномъ размѣрѣ, чѣмъ какая, по всей вѣроятности, потребовалась бы въ дѣйствительности: онъ предполагалъ, что малозе-

мельныхъ крестьянъ въ Россіи окажется лишь около 300 тыс. душъ и что, слѣдовательно, потребуется выпустить билетовъ всего на сумму около 15 мил. руб. сер. Мы отмѣчаемъ проектъ этой частной кредитной операціи, такъ какъ вмѣстѣ съ другими подобными онъ подготовлялъ мысль о выкупной операціи, совершающейся въ неизмѣримо болѣе широкихъ размѣрахъ на основаніи положенія 19 февраля 1861 г.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще справедливое указаніе гр. Строганова на одну невыгодную сторону будущаго устройства быта крестьянъ по проекту гр. Киселева: «Они лишатся права на безвозмездное пользованіе лѣсами, коими теперь, по дозволенію помѣщиковъ, пользуются,—говоритъ гр. Строгановъ,—а также потеряютъ ближайшее, такъ сказать, родственное попеченіе о нихъ владѣльца, который весьма часто изъ своихъ средствъ платитъ за нихъ подати и въ годину несчастія, при неурожаѣ, употребляетъ на продовольствіе крестьянъ собственное достояніе». Однихъ этихъ выгодъ для помѣщика отъ новаго устройства быта крестьянъ, замѣтимъ отъ себя, было достаточно, чтобы не претендовать на выкупъ за личную свободу крестьянъ, который впослѣдствіи и былъ отвергнутъ Императоромъ Александромъ II.

Въ теченіе января мѣсяца 1841 г. многіе члены комитета заняты были составленіемъ замѣчаній на проектъ Киселева, который, въ свою очередь, заготовилъ отвѣтъ на каждое изъ мнѣній своихъ товарищей. Затѣмъ 25 февраля 1841 г. предсѣдатель секретнаго комитета кн. Васильчиковъ объявилъ его членамъ слѣдующее повелѣніе Государя Императора: такъ какъ возложенныя на комитетъ занятія «проистекаютъ изъ существа указа 1803 г., предоставляющаго помѣщикамъ увольнять крестьянъ своихъ съ землею или безъ земли по собственному своему желанію, то Его Величество какъ прежде не имѣлъ, такъ и нынѣ не изволитъ имѣть намѣренія дать когда-либо предлагаемому дополненію указа 1803 г. силу обязательнаго закона, а потому Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы собственное желаніе помѣщиковъ на увольненіе крестьянъ было принято главнымъ основаніемъ означеннаго дополненія». Въ этомъ распоряженіи не было, собственно говоря, ничего противорѣчащаго проекту Киселева: и онъ не предлагалъ обязывать помѣщиковъ измѣнять бытъ своихъ крестьянъ на основаніи закона, который предстояло издать. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это повелѣніе государя по своему

общему смыслу могло подкрѣпить мнѣнія членовъ комитета, возставшихъ противъ установленія какихъ бы то ни было обязательныхъ нормъ повинностей при обращеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные.

Вслѣдъ затѣмъ секретный комитетъ сталъ дѣятельно заниматься обсужденіемъ проекта Киселева и установленіемъ правилъ по тѣмъ вопросамъ, которые имъ возбуждались. Въ засѣданіи 28 февраля 1841 г. «послѣ продолжительныхъ разсужденій» были «единогласно» постановлены правила: о надѣлѣ обязанныхъ крестьянъ землею, о повинностяхъ ихъ въ пользу помѣщика и объ обезпеченіи ихъ исправнаго исполненія и, наконецъ, о переходѣ обязанныхъ крестьянъ въ другое состояніе или на другія земли. Въ слѣдующемъ засѣданіи 7 марта комитетъ продолжалъ разсмотрѣніе проекта и «согласно съ онымъ» постановилъ правила о правахъ обязанныхъ поселянъ и помѣщиковъ. Наконецъ, въ засѣданіи 14 марта были приняты правила объ управленіи въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ и порядѣ составленія условій. Такъ какъ основные взгляды кн. Меншикова не нашли сочувствія въ комитетѣ, то 23 марта онъ попытался повліять на него новою запискою, составленною въ томъ же направленіи, какъ и первая. По его словамъ, разсужденія въ комитетѣ не могли поколебать въ немъ убѣжденія, что можно считать справедливымъ только одинъ способъ освобожденія крестьянъ—по образцу нашихъ остзейскихъ губерній, т.-е., чтобы крестьяне получили личную свободу, а земля оставалась полною собственностью помѣщика; для обезпеченія же осѣдлости обывателей, сроки условій, по которымъ угодья будутъ отдаваться въ пользованіе крестьянъ, должны быть «долговременные». Онъ полагалъ, будто бродяжничество крестьянъ можно предотвратить, обязавъ помѣщиковъ заключать съ крестьянами условія на различные сроки: отъ 6 до 25 лѣтъ, а послѣдующія условія всѣ на 25 лѣтъ; затѣмъ онъ утверждалъ, что переселенія народа съ сѣвера на югъ бояться нечего; напротивъ, это даже желательно. Меншиковъ, попрежнему, протестовалъ противъ передачи земель цѣлымъ обществамъ, такъ какъ это будто бы ведетъ «къ отчужденію дворянскихъ недвижимыхъ имѣній и даже къ зависимости помѣщиковъ отъ крестьянскихъ обществъ»: кромѣ того, онъ выражалъ опасенія относительно послѣдствій, «можетъ быть, и не близкихъ, *сего муниципальнаго начала*, коего страшились и другія государства». «Не отъ отдѣльно обязанныхъ обывателей опасаться дол-

жно неповиновенія,—продолжаетъ Меншиковъ,—но отъ общинъ, которымъ дается политическое бытіе, огражденное матеріальными силами людnаго соединенія, способнаго къ сопротивленію и, слѣдовательно, къ неповиненію. Отъ неповиненія же недалекъ переходъ къ явному мятежу». По его словамъ, ему «неизвѣстно, чтобы гдѣ-либо допущены были условія съ общинами низшаго класса народа... Для упроченія власти правительства и общественнаго спокойствія не соединять, а разобщать должно силы матеріальныя: *divide et impera*». Поэтому кн. Меншиковъ полагалъ, что «круговая порука общинъ можетъ быть допущена только временно и для тѣхъ имѣній, гдѣ другое управленіе сначала окажется невозможнымъ», но что тѣмъ помѣщикамъ, которые могутъ отдавать земли «въ подворное оброчное содержаніе» (т. е. въ аренду отдѣльнымъ дворамъ), отнюдь не должно этого запрещать, внося, если это окажется удобнымъ, частныя условія въ одинъ общій контрактъ. Кн. Меншиковъ настаиваетъ на томъ, что если его основная мысль объ освобожденіи крестьянъ не будетъ принята, то «для отвращенія послѣдствій общинныхъ началъ необходимо, по крайней мѣрѣ, предоставить помѣщику право подворной нарѣзки земли», съ тѣмъ, чтобы крестьянъ, неплатящихъ оброка, неисполняющихъ повинностей и доводящихъ свои участки до совершеннаго упадка, можно было, какъ и въ Богеміи, выселять по приговору суда, а земельные надѣлы возвращать помѣщику. Въ заключеніе Меншиковъ говоритъ, что его предположенія клонятся къ тому, чтобы «ввести личную свободу въ крестьянскомъ состояніи и сохранить собственность дворянскую, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ дворянствомъ завоеванныхъ областей».

Киселеву не трудно было опровергнуть эти разсужденія. Онъ справедливо объяснилъ, что опасеніе бродяжничества относится не къ крестьянамъ-хозяевамъ и что нужно опасаться не переселенія народа съ сѣвера на югъ, а «безпрестаннаго движенія безземельныхъ бобылей, которые, не имѣя способовъ сдѣлаться хозяевами, должны будутъ скитаться изъ одного мѣста въ другое»; разновременные сроки контрактовъ нисколько не устраняютъ этой опасности. По поводу разсужденій объ опасности «муниципальнаго начала», заключающагося въ общинахъ, Киселеву также не трудно было показать, что «въ учрежденіи сельскихъ обществъ нѣтъ ничего новаго», что въ царствованіе Ивана Грознаго сельскому общественному управленію предостав-

ленъ былъ даже разборъ уголовныхъ дѣлъ съ правомъ казнить разбойниковъ смертію, что, наконецъ, при Павлѣ I явилось учрежденіе волостнаго управленія, въ которомъ сосредоточились власти полицейская, хозяйственная и судебная, и которое продолжаетъ существовать въ казенномъ и удѣльномъ вѣдомствахъ; слѣдовательно, правительство видѣло не опасность въ «общинномъ началѣ», а «пользу и увѣренность въ сохраненіи порядка и спокойствія». «И дѣйствительно,—продолжаетъ Киселевъ,—нѣтъ ни одного историческаго факта, чтобы сельскія общественныя учрежденія когда-либо произвели внутреннія неустройства. Они не оказали сопротивленія даже и тогда, когда дворянство въ малолѣтство царей Іоанна и Петра Алексѣевичей предприняло... косвенныя мѣры къ личному укрѣпленію свободныхъ обывателей». Видѣть какую-либо опасность въ сельскихъ обществахъ обязанныхъ крестьянъ нельзя уже потому, что вся власть остается въ рукахъ помѣщика, «который управляетъ имѣніемъ какъ владѣлецъ земли и какъ органъ правительства, въ административномъ отношеніи имѣя право суда и расправы». Основная мысль въ запискѣ Меншикова состоитъ, по словамъ Киселева, въ томъ, чтобы, сохранивъ за помѣщиками «всѣ матеріальныя выгоды, удовольствовать крестьянъ неограниченною личною свободой»; по мнѣнію же Киселева, выгоды какъ дворянства, такъ и крестьянъ должны быть подчинены интересамъ государства, для котораго обращеніе населенія въ бродячее состояніе не можетъ не представлять большой опасности. «Возразятъ,—продолжаетъ онъ,—что правительство имѣетъ силу обуздать безпорядки, но есть ли польза и необходимость составлять положенія, которыя должно поддерживать вооруженною силою?»

Кн. Меншиковъ, все-таки, не успокоился и въ новой запискѣ 12 апрѣля 1841 г. настаивалъ на примѣненіи къ русскимъ крестьянамъ эстляндскаго способа освобожденія. Появленіе людей совершенно безземельныхъ его нисколько не пугаетъ. «Неравенство владѣнія, — разсуждаетъ онъ, — есть коренное начало всѣхъ обществъ, отъ котораго проистекаютъ ремесла, фабрики, мореходство, художества и науки. Вся масса народа не можетъ составлять хлѣбопашцевъ, и для самаго совершенствованія хлѣбопашества нужны большіе участки и капиталы, слѣдовательно, нужны зажиточные крестьяне, фермеры и работники».

Записка Меншикова не встрѣтила одобренія комитета, который нашелъ, что такъ какъ на основаніи высочайшей воли его

занятія должны ограничиться составленіемъ дополнительныхъ правилъ къ указу 1803 г., то онъ «не можетъ входить ни въ какія разсужденія относительно предоставленія помѣщичьимъ крестьянамъ свободы» и потому остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, опредѣливъ изъ всѣхъ постановленій его, сдѣланныхъ въ различныхъ засѣданіяхъ, составить общій проектъ положенія объ обязанныхъ крестьянахъ.

Между тѣмъ, кн. Меншиковъ, все-таки, не отступалъ отъ своего мнѣнія, несмотря на несочувствіе къ нему комитета, и продолжалъ энергически его защищать. Въ новой запискѣ 10 мая 1841 г., попрежнему, усиленно восхваляя крестьянскую реформу въ Эстляндіи, онъ говоритъ, что «и въ видахъ комитета» нужно было бы принять, по крайней мѣрѣ, слѣдующія начала: 1) увольнять крестьянъ *общинами*, надѣляемыя земли считать въ завѣдываніи и управленіи *общиномъ*, но пользованіе участками считать за каждымъ крестьянскимъ дворомъ *отдѣльно*, а не за *общиной*, т.-е. при нерадѣніи или развратномъ поведеніи пользователя, подлежащаго *по судебному приговору* удаленію, считать участокъ его принадлежащимъ *помѣщику*, *а не общинѣ* (хотя справедливѣе было бы дозволить помѣщику и подворное надѣленіе); 2) дозволить отводить надѣлъ по условіямъ на извѣстное число лѣтъ по обоюдному соглашенію. Наконецъ, на тотъ случай, если комитетъ, все-таки, останется при прежнемъ своемъ мнѣніи о надѣленіи крестьянъ землею, Меншиковъ предлагалъ постановить, что надѣлъ можетъ быть двухъ родовъ: «нормальный или непремѣнный» и «обоюдно-произвольный». Первый долженъ равняться $^1/_4$ десятины на каждую ревизскую душу, включая въ это количество и усадьбу, а второй все, что свыше этого. За пользованіе нормальнымъ надѣломъ крестьянинъ долженъ работать на помѣщика или платить ему оброкъ «въ такой мѣрѣ, которая соотвѣтствуетъ стоимости» полученнаго надѣла (причемъ нормальная мѣра повинностей опредѣляется рабочими днями, а замѣна ихъ деньгами, произведеніями натурою и работою на фабрикахъ зависитъ отъ соглашенія помѣщиковъ и крестьянъ); за землю же, которою крестьянинъ пользуется по надѣлу «обоюдно-произвольному», онъ платитъ оброкъ или исполняетъ повинности по соглашенію съ помѣщикомъ «также обоюдно-произвольному»; наконецъ, въ имѣніяхъ промысловыхъ, гдѣ главнѣйшій доходъ зависитъ не отъ количества пахотной или сѣнокосной земли, мѣра повинностей даже и за полудесятинный на-

дѣлъ должна зависѣть отъ добровольнаго соглашенія помѣщика и крестьянъ. Такимъ образомъ, Меншикову во что бы то ни стало хотѣлось уменьшить до возможнаго minimum'а вмѣшательство государства при заключеніи условій между помѣщиками и крестьянами.

Киселевъ и на этотъ разъ не оставилъ безъ возраженія разсужденія Меншикова и, между прочимъ, замѣтилъ, что толковать по поводу составляемаго комитетомъ проекта «о нарушеніи правъ дворянской собственности, о зависимости дворянъ отъ крестьянскихъ обществъ и т. п.» уже потому не приходится, что этотъ проектъ «не есть мѣра обязательная» и что отъ воли помѣщиковъ будетъ зависѣть принять или не принять предлагаемый способъ устройства ихъ имѣній.

Комитетъ въ засѣданіяхъ 10 и 16 мая 1841 г. одобрилъ объясненіе Киселева, но кн. Меншиковъ остался при особомъ мнѣніи и просилъ производителя дѣлъ комитета Ханыкова такимъ образомъ формулировать во всеподданнѣйшемъ докладѣ его взглядъ на крестьянскій вопросъ: «единственный способъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, который ему кажется удобнымъ и справедливымъ, есть надѣленіе крестьянъ землею по обоюднымъ условіямъ на продолжительные сроки и съ ограниченіями», коихъ требуетъ «постепенность освобожденія, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи сихъ сроковъ крестьянинъ имѣлъ право переходить на другія земли и чтобы помѣщику не воспрещалось условія заключать подворно, *принявъ общинное надѣленіе, какъ мѣру переходную*, тамъ, *гдѣ подворное окажется затруднительнымъ*, и устраняя во всякомъ случаѣ общинное надѣленіе помѣщичьихъ крестьянъ на вѣчныя времена». Такимъ образомъ, кн. Меншиковъ, въ концѣ-концовъ, сдѣлалъ лишь одну уступку своимъ противникамъ: онъ допустилъ общинное владѣніе землею на извѣстное переходное время и то лишь тамъ, гдѣ немедленное введеніе подворнаго окажется слишкомъ труднымъ.

Къ 11 іюня 1841 г. проектъ указа и всеподданнѣйшая докладная записка были уже готовы. Изъ послѣдней видно, что комитетъ не смотрѣлъ на свой проектъ, какъ на трудъ, окончательно завершенный: онъ оговаривается, что сколько ни старался соединить въ немъ «удобства къ соглашенію взаимныхъ пользъ помѣщиковъ и крестьянъ, но разнообразное положеніе помѣщичьихъ имѣній на обширномъ пространствѣ государства можетъ представить такого рода особенности, которыхъ безъ предвари-

тельнаго опыта нельзя предвидѣть, тогда какъ при малѣйшемъ недостаткѣ въ законѣ помѣщики могутъ встрѣтить затрудненія въ составленіи условій; а, между тѣмъ, крестьяне, не видя послѣдствій сего закона, могутъ быть вовлечены въ ложныя понятія объ уклоненіи помѣщиковъ». Чтобы предупредить это неудобство и какъ можно болѣе усовершенствовать свой проектъ, комитетъ считалъ необходимымъ до обнародованія его во всѣхъ подробностяхъ обратиться къ нѣкоторымъ предварительнымъ мѣрамъ, которыя дали бы возможность сдѣлать предполагаемыя правила болѣе согласными съ мѣстными потребностями и желаніями помѣщиковъ и крестьянъ. Съ этою цѣлью комитетъ предлагалъ ограничиться на первый разъ изданіемъ пояснительнаго къ закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ указа, которымъ, сохраняя за помѣщиками полное право вотчинной собственности на землю, предоставить имъ, не стѣсняясь закономъ 1803 г., заключать со своими крестьянами условія, какія по взаимному соглашенію будутъ признаны обоюдно-выгодными; при этомъ въ указѣ помѣстить главныя статьи положенія объ обязанныхъ крестьянахъ, но не касаться подробностей, чтобы дать помѣщикамъ возможность установлять ихъ по своему усмотрѣнію. Такой указъ отвратитъ всякій поводъ къ ложнымъ толкамъ о видахъ правительства и, въ то же время, дастъ возможность получить нѣсколько заключенныхъ «благонамѣренными» помѣщиками договоровъ, послѣ чего, сопоставивъ ихъ съ проектомъ новаго положенія, можно будетъ приступить къ исправленію и изданію его съ бо̀льшею увѣренностью на успѣхъ. Въ то же время, секретный комитетъ ходатайствовалъ о продленіи его дѣйствій въ прежнемъ составѣ, съ тѣмъ, чтобы всѣ поступающія на основаніи новаго указа условія по разсмотрѣніи ихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вносились бы въ комитетъ для соображенія и извлеченія тѣхъ свѣдѣній, какія могутъ оказаться полезными при исправленіи проекта. Въ настоящее же время, до внесенія этого дѣла на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, онъ считалъ необходимымъ войти секретно въ сношеніе съ главнымъ начальствомъ кредитныхъ учрежденій для истребованія отъ него заключенія по вопросу о ссудѣ подъ залогъ земель, населенныхъ обязанными крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на усмотрѣніе государя былъ представленъ «проектъ главныхъ основаній положенія обязанныхъ крестьянъ». Считаемъ необходимымъ подробно съ нимъ познакомиться, такъ какъ онъ составляетъ результатъ болѣе чѣмъ

двухлѣтней дѣятельности комитета и соглашенія нѣсколькихъ вліятельныхъ государственныхъ людей того времени.

Главнѣйшія положенія проекта состояли въ томъ, что помѣщикамъ предоставлялось заключать съ крестьянами по взаимному соглашенію условія, по которымъ крестьяне обязаны за пользованіе полученными въ надѣлъ земельными участками исполнять соразмѣрныя повинности, имѣя право въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ переходить на другія земли и въ другое состояніе; крестьяне, заключившіе съ помѣщиками такія условія, назывались *обязанными*. Назначеніе имъ надѣла въ пользованіе предоставлялось добровольному согласію обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, мысль Киселева объ опредѣленіи нормы надѣла не была принята комитетомъ, но онъ отстоялъ существованіе общиннаго землевладѣнія *). Комитетъ, однако, опираясь на законъ Павла о трехдневной барщинѣ, хотѣлъ до нѣкоторой степени оградить крестьянъ отъ слишкомъ обременительныхъ условій, и въ проектѣ было сказано, что «число рабочихъ дней въ пользу помѣщика должно быть опредѣлено въ такой мѣрѣ, чтобы цѣнность работы соотвѣтствовала пространству надѣла землею. Во всякомъ случаѣ надѣлъ приводится въ такую соразмѣрность, чтобы повинности крестьянъ не превышали установленныхъ 3-хъ дней съ работника въ недѣлю. Мѣра дневной работы опредѣляется особымъ урочнымъ положеніемъ по различнымъ полосамъ и съ тѣми измѣненіями, какія по свойству почвы необходимы». Киселевъ въ своемъ проектѣ не допускалъ, чтобы получившіе свободу крестьяне обязались условіемъ работать на помѣщичьихъ фабрикахъ, и требовалъ, чтобы для этого употреблялись вольнонаемные; напротивъ, въ проектѣ комитета было сказано, что «въ первоначальныхъ актахъ увольненія помѣщикъ можетъ условиться съ крестьянами о поставкѣ въ замѣну рабочихъ дней соразмѣрнаго числа рабочихъ для фабрикъ и заводовъ», и только сдѣлана была оговорка, что, если при самомъ увольненіи этого не было выговорено, то помѣщикъ не можетъ прямо замѣнить земледѣльческую работу фабричною, а «пріобрѣтаетъ рабочихъ для фабрикъ и заводовъ по особому условію». Взамѣнъ всѣхъ рабочихъ дней или части

*) «При назначеніи надѣла,—сказано было въ проектѣ,—опредѣляется въ заключенномъ съ крестьянами условіи и вотчинной описи (которая въ другой статьѣ названа «инвентаремъ») пропорція угодій для каждой ревизской души. Сообразно сей пропорціи отдѣляется слѣдующее на наличное количество душъ пространство угодій *въ распоряженіе сельскаго мірскаго общества* обязанныхъ крестьянъ».

ихъ можетъ быть назначенъ оброкъ, причемъ стоимость рабочихъ дней опредѣляется на извѣстный срокъ или навсегда съ согласія крестьянъ деньгами или переводится на наиболѣе воздѣлываемый зерновый хлѣбъ (причемъ берутъ среднюю цѣну хлѣба за 12 лѣтъ и возобновляютъ такое назначеніе оброка чрезъ каждыя 12 лѣтъ). Въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне занимаются промыслами, назначеніе оброка предоставлялось «взаимному соглашенію помѣщика и крестьянъ, съ тѣмъ только, чтобы мѣра сего оброка соотвѣтствовала средствамъ крестьянъ и возможности за взносомъ оброка обезпечить продовольствіе семействъ, уплату податей и составленіе запасовъ»; слѣдовательно, такой оброкъ могъ оказаться и значительно выше стоимости трехдневной барщины. Исполненіе повинностей крестьянъ обезпечивается круговою порукою всего сельскаго общества; если же они окажутся несостоятельными, то «обращаются въ имѣніяхъ земледѣльческихъ на запашку подъ надзоромъ помѣщика, а въ имѣніяхъ промысловыхъ на заработки» до тѣхъ поръ, пока не будетъ выручена вся сумма, слѣдующая землевладѣльцу. Въ числѣ правъ обязанныхъ крестьянъ указано, что они пользуются правомъ общественнаго самоуправленія, могутъ вступать въ бракъ по своему усмотрѣнію, «во всѣхъ дѣлахъ спорныхъ или въ притѣсненіяхъ могутъ приносить жалобы въ общія судебныя мѣста», не могутъ быть высланы помѣщикомъ съ земель, отданныхъ имъ въ пользованіе, пока исправно исполняютъ свои повинности, могутъ пріобрѣтать движимую и недвижимую собственность, за исключеніемъ населенныхъ земель и домовъ въ столицахъ (дома и другія усадебныя строенія въ селеніяхъ составляютъ также ихъ собственность), могутъ входить въ обязательства на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, заниматься торговлею и промыслами, учреждать фабрики и заводы. Рекрутскую и другія государственныя повинности они исполняютъ на общемъ основаніи съ государственными крестьянами, съ которыми также уравниваются относительно обезпеченія продовольствія и пособій въ случаѣ пожара. Для перехода обязанныхъ крестьянъ въ другое состояніе и на другія земли установлены слѣдующія правила: если они обязались работать на помѣщика или платить оброкъ, въ такомъ случаѣ желающій переселиться долженъ получить согласіе помѣщика и сельскаго общества, причемъ послѣднее обязывается принять остающійся послѣ переселенца участокъ и исполнять слѣдующія за него повинности; если же общество на это не согласится, то

переселяющійся можетъ перейти съ дозволенія одного помѣщика, если только на немъ нѣтъ недоимокъ и онъ не состоитъ на рекрутской очереди; въ этомъ случаѣ его земля переходитъ въ непосредственное распоряженіе помѣщика и общество освобождается отъ всякихъ за нее повинностей. Затѣмъ обязанные крестьяне могутъ перейти въ другое состояніе и на другія земли, заплативъ помѣщику опредѣленную по взаимнымъ условіямъ сумму и взявъ отъ сельскаго общества удостовѣреніе въ томъ, что нѣтъ препятствій для перехода относительно исполненія государственныхъ повинностей. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ случаѣ нужно получить, хотя бы и за деньги, согласіе помѣщика на переселеніе, но если народонаселеніе въ деревняхъ обязанныхъ крестьянъ настолько увеличится, что земли, опредѣленной въ ихъ пользованіе, будетъ недостаточно для полнаго надѣла на душу въ такомъ количествѣ, какое означено въ вотчинной описи (инвентарѣ), въ такомъ случаѣ послѣ каждой новой ревизіи все излишнее населеніе можетъ «безпрепятственно», слѣдовательно, и безъ согласія помѣщика, переселиться на другія земли съ обычнымъ удостовѣреніемъ отъ общества относительно государственныхъ повинностей. Впрочемъ, эти крестьяне, если пожелаютъ, могутъ войти въ соглашеніе съ помѣщикомъ относительно надѣленія ихъ свободною землею на особыхъ добровольныхъ условіяхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ переселяющіеся крестьяне должны представить пріемный актъ или приговоръ того общества мѣщанъ или государственныхъ крестьянъ, къ которому они желаютъ приписаться, или согласіе помѣщика, на землю котораго они переселяются (согласіе это не требуется только при вступленіи въ купеческое сословіе).

Относительно правъ помѣщика въ проектѣ комитета, прежде всего, оговорено, что онъ «сохраняетъ полное право вотчинной собственности на земли и угодья своей дачи, *въ томъ числѣ и на земли, предоставленныя въ надѣлъ обязанныхъ крестьянъ*». Онъ можетъ закладывать, продавать и другимъ законнымъ образомъ отчуждать свою землю съ установленными условіями относительно обязанныхъ крестьянъ. Если имѣніе при увольненіи составляло одну вотчину и въ ней было одно хозяйство и одно вотчинное управленіе, въ такомъ случаѣ оно переходитъ по наслѣдству въ полномъ составѣ безъ раздробленія къ одному старшему въ родѣ наслѣднику по нисходящей линіи (слѣдовательно, взгляды Киселева по этому поводу нашли сочувствіе въ коми-

тетѣ, но слѣдуетъ замѣтить, что обращеніе всѣхъ имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами, въ майораты могло бы только задержать распространеніе новыхъ отношеній въ Россіи, гдѣ, какъ доказала полная неудача петровскаго закона о единонаслѣдіи, среди дворянства сильно укоренился обычай равнаго раздѣла имущества между дѣтьми).

Помѣщикъ, по проекту комитета, имѣетъ въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ право суда и расправы. Кромѣ сельскаго схода, въ нихъ учреждается вотчинное управленіе изъ помѣщика или его управляющаго, бурмистра—по назначенію помѣщика и двухъ старшинъ—по избранію сельскаго общества. Вотчинный начальникъ дѣлаетъ распоряженія не только по хозяйственной части на основаніи положенія объ обязанныхъ крестьянахъ и инвентаря, но также и относительно исполненія государственныхъ повинностей. «Первоначальный разборъ во взаимныхъ тяжбахъ и спорахъ, равно судъ и расправа въ маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ крестьянъ, на основаніи сельскаго судебнаго устава, предоставляется вотчинному начальнику, и отъ него зависитъ наказаніе виновныхъ въ размѣрѣ, для сельской расправы опредѣленномъ. Наказанія сіи производятся старостами по письменнымъ всякій разъ предписаніямъ помѣщика». Въ важнѣйшихъ случаяхъ, т.-е. за явное непослушаніе и другія «вредныя дѣйствія» крестьянина, помѣщикъ въ правѣ отослать его къ суду, но если бы обязанный крестьянинъ не могъ быть терпимъ на мѣстѣ жительства вслѣдствіе развратнаго поведенія и совершеннаго нерадѣнія къ исполненію своихъ обязанностей, то помѣщику или сельскому обществу дозволялось просить объ отдачѣ его въ рекруты или выселеніи въ отдаленныя губерніи, съ тѣмъ, чтобы объ этомъ былъ предварительно составленъ приговоръ, подтвержденный въ присутствіи членовъ земскаго суда присягою 24 домохозяевъ, или, иначе, помѣщикъ можетъ просить судебное мѣсто объ удаленіи такого крестьянина, и просьба исполняется, если на повальномъ обыскѣ подтвердится нерадѣніе и развратное поведеніе крестьнина. Для огражденія крестьянъ отъ злоупотребленій со стороны помѣщика было постановлено, что «противузаконныя дѣйствія по управленію и злоупотребленія судебной власти подлежатъ сужденію и взысканію на основаніи общихъ законовъ». Условія крестьянъ съ помѣщиками предполагалось разсматривать въ губернскихъ коммиссіяхъ *), а оттуда они препровождались

*) Состоящихъ подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводи-

въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Утвержденіе должно производиться въ порядкѣ, установленномъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ на основаніи особой инструкціи.

Государь ознакомился съ изложеннымъ проектомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1841 г. и уже готовъ былъ его утвердить, но такъ какъ при разсмотрѣніи этого дѣла не участвовали нѣкоторые министры и особенно министръ финансовъ, то онъ повелѣлъ отложить его до возвращенія уѣзжавшаго изъ Петербурга предсѣдателя секретнаго комитета кн. И. В. Васильчикова, съ тѣмъ, чтобы тогда проектъ былъ разсмотрѣнъ съ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи государственнаго совѣта при участіи соотвѣтственныхъ министровъ или съ приглашеніемъ ихъ въ секретный комитетъ. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія кн. Васильчикова, Киселевъ писалъ ему, что, кромѣ того, государю угодно, чтобы «при окончательномъ обсужденіи сего предмета предложенъ былъ къ разсмотрѣнію одинъ токмо проектъ указа съ краткимъ объясненіемъ содержащихся въ ономъ статей, не касаясь подробностей, изложенныхъ въ запискѣ» *). Вслѣдъ затѣмъ, согласно съ предложеніемъ секретнаго комитета, былъ возбужденъ вопросъ о правилахъ выдачи ссудъ подъ залогъ имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами, который и обсуждался въ секретномъ комитетѣ по дѣламъ кредитныхъ установленій. Наконецъ, въ комитетѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, былъ окончательно составленъ проектъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ и затѣмъ внесенъ въ государственный совѣтъ, гдѣ разсматривался 15 марта 1842 года въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи. Здѣсь противникомъ проекта, съ консервативной точки зрѣнія, явился одинъ только гр. Гурьевъ, а возражали ему въ защиту проекта гр. Левашовъ, Блудовъ, Лавинскій, гр. Паленъ и Тучковъ. Они считали его особенно необходимымъ потому, что до того времени помѣщикъ «не могъ предоставить свободы крестьянамъ цѣлаго селенія иначе, какъ съ отдачею имъ въ вотчинное владѣніе

теля дворянства, предсѣдателя казенной палаты, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора и двухъ опытныхъ помѣщиковъ, избранныхъ начальникомъ губерніи изъ кандидатовъ, представленныхъ предводителемъ дворянства.

*) На проектѣ указа и главныхъ положеній объ обязанныхъ крестьянахъ уже написано было рукою государя „исполнить“, но затѣмъ сдѣлана приписка: „оставлено безъ исполненія по особо данному словесному высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе коего состоялся по сему дѣлу высочайшій указъ 2 апрѣля 1842 года“.

и земли, родоваго наслѣдія предковъ своихъ» (причемъ они упускали изъ вида, что по закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ помѣщикъ вовсе не былъ обязанъ отдавать крестьянамъ всю свою землю) и что будто бы вслѣдствіе этого законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ имѣлъ мало результатовъ. Кромѣ того, вопреки мнѣнію гр. Гурьева, который ссылался на одну статью свода законовъ, уже достаточно ясно выражающую принадлежность земли помѣщикамъ*), по словамъ пяти членовъ государственнаго совѣта, «особое подвержденіе, что земля принадлежитъ не водвореннымъ на ней крестьянамъ, а помѣщикамъ, не только полезно, но для полнаго искорененія возникшей.... въ умѣ поселянъ ложной мысли, будто бы обрабатываемые ими участки земли принадлежатъ имъ въ вотчинное владѣніе, рѣшительно необходимо: мысль сія съ подверженіемъ нынѣ всенародно въ высочайшемъ собственноручно государемъ подписанномъ указѣ, что земля есть *неприкосновенное достояніе* помѣщиковъ, конечно исчезнетъ». Наконецъ, одинъ членъ государственнаго совѣта (бар. Ганъ), высказавшись вообще за проектъ указа, требовалъ только, чтобы съ помѣщиковъ не слагалась отвѣтственность за исправный взносъ обязанными крестьянами податей и обезпеченіе продовольствія, опасаясь въ противномъ случаѣ увеличенія недоимокъ и «безчисленныхъ заботъ для правительства въ случаѣ неурожая»

Когда дѣло поступило въ общее собраніе государственнаго совѣта, сдѣлалось извѣстнымъ, что государь изъявилъ желаніе присутствовать въ его засѣданіи. Наканунѣ этого засѣданія кн. Васильчиковъ нашелъ нужнымъ обратиться къ государю съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Я глубоко убѣжденъ въ благѣ, которое послѣдуетъ отъ присутствія Вашего Величества въ совѣтѣ, если пренія будутъ свободны и продолжительны, потому что въ этомъ увидятъ только желаніе Ваше выяснить вопросъ, до такой степени важный; въ противномъ случаѣ не преминутъ сказать, что Вы явились въ засѣданіе только для того, что бы погасить пренія. Я опасаюсь, что въ настоящемъ случаѣ благое впечатлѣніе, долженствующее неминуемо произойти при заявленіи, которое Ваше Величество предполагаете сдѣлать, что въ Ваши принципы не входитъ освободить крестьянъ обязательнымъ для всѣхъ закономъ, — что это

*) „Земли, состоящія подъ селеніями помѣщичьими, такъ какъ и дома крестьянскіе, на сихъ земляхъ построенные, принадлежатъ помѣщику". (Сводъ законовъ, т. IX, изд. 1833 г., статья 664).

впечатлѣніе будетъ потеряно; а, между тѣмъ, только это заявленіе можетъ успокоить умы тѣхъ, которые полагаютъ, что это ничто иное, какъ первый шагъ, и что Вы намѣреваетесь вести дѣло далѣе».

Засѣданіе общаго собранія государственнаго совѣта по дѣлу объ обязанныхъ крестьянахъ состоялось 30 марта 1842 г. и въ немъ государь произнесъ рѣчь. «Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право,—сказалъ онъ,—въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи, есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ коего въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной къ исполненію. Я также никогда на сіе не рѣшусь: если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще весьма далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь точно также будетъ предметомъ особенной и съ помощію Божіею успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда». Одною изъ причинъ часто повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ, государь считалъ то, «что нѣкоторые помѣщики, хотя, благодаря Богу, самое меньшее ихъ число, забывая благородный долгъ, употребляютъ во зло свою власть, а къ пресѣченію сихъ злоупотребленій дворянскіе предводители... не находятъ средствъ въ законѣ, ничѣмъ почти не ограничивающемъ помѣщичьей власти». «Но если настоящее положеніе,—сказалъ государь,—таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры безъ общаго потрясенія невозможны, то необходимо, по крайности, пріуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не устрашаясь передъ всякою перемѣной, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь къ другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое право вотчинной соб-

ственности на землю. Я почитаю сіе священною своею обязанностью и обязанностью преемниковъ своихъ на престолѣ, а средства къ тому вполнѣ представляются въ предложенномъ нынѣ государственному совѣту проектѣ указа». Будучи только развитіемъ существующаго уже закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, онъ «устраняетъ, однако же, вредное начало помянутаго закона— отчужденіе отъ помѣщиковъ поземельной собственности, которую напротивъ столько по всему желательно видѣть навсегда неприкосновенною въ рукахъ дворянства, мысль, отъ коей я никогда не отступлю». Новый законъ «даетъ каждому благонамѣренному владѣльцу средства улучшить положеніе его крестьянъ и, отнюдь не налагая сего по принужденію или съ стѣсненіемъ правъ собственности, предоставляетъ *все единственно доброй его волѣ и влеченію собственнаго сердца*. Съ другой стороны, оставляя крестьянъ крѣпкими той землѣ, на коей они записаны, проектъ избѣгаетъ неудобствъ тѣхъ положеній, которыя доселѣ дѣйствовали въ остзейскихъ губерніяхъ,—положеній, доведшихъ крестьянъ до самаго жалкаго состоянія, обратившихъ ихъ въ батраковъ и побудившихъ нынѣ тамошнее дворянство единодушно просить именно того же, что теперь здѣсь предполагается... Въ огражденіе интересовъ помѣщиковъ ставится добрая ихъ воля и собственная заботливость, а интересъ крестьянъ будетъ ограждаться разсмотрѣніемъ проектовъ условій не только мѣстными властями, но и высшимъ правительствомъ съ утвержденія власти самодержавной. Идти теперь далѣе и обнять впередъ прочія, можетъ статься весьма обширныя, развитія сихъ главныхъ началъ невозможно... Невозможно ожидать, чтобы дѣло сіе принялось вдругъ и повсемѣстно. Это не соотвѣтствовало бы даже и видамъ правительства... Въ законѣ должны быть одни главныя начала; частности разрѣшатся при частныхъ случаяхъ и совокупный сводъ всѣхъ случаевъ впослѣдствіи будетъ основою цѣлаго, положительнаго уже законодательства». Затѣмъ государь пригласилъ членовъ совѣта откровенно высказать свои мысли, напомнивъ только, что все это должно быть хранимо въ глубочайшей тайнѣ; такъ какъ, напротивъ того, дѣло это уже возбудило преувеличенную молву, источникъ которой заключается «въ неумѣстныхъ разглашеніяхъ» со стороны лицъ, обязанныхъ хранить государственную тайну, то виновные въ этомъ впредь, сказалъ государь, «будутъ судимы по строгости законовъ, какъ за преступленіе государственное». Всего важнѣе въ этой рѣчи

было рѣшительное осужденіе обезземеленія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, а, во-вторыхъ, заявленіе, что настоящій законъ есть только первый шагъ на пути ограниченія крѣпостнаго права: воспользовавшись тѣми договорами, которые будутъ заключены на основаніи этого указа, и подробною разработкою въ нихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, государь предполагалъ издать впослѣдствіи обстоятельный законъ, который, какъ надо полагать на основаніи его упоминанія о *положительномъ* законодательствѣ, онъ предполагалъ уже сдѣлать обязательнымъ для помѣщиковъ.

Послѣ того проектъ указа подвергся обсужденію въ государственномъ совѣтѣ; противъ него говорили гр. П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Гурьевъ и князь Волконскій. Кн. Д. В. Голицынъ сдѣлалъ замѣчаніе, что если оставить договоры на волю владѣльцевъ, то едва ли они будутъ кѣмъ-либо заключаемы и потому лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ въ основаніе указъ Императора Павла объ ограниченіи работъ крестьянъ на помѣщика 3 днями въ недѣлю. Но государь въ отвѣтъ на это сказалъ: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры; это должно быть дѣломъ доброй ихъ воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному». Гр. Киселевъ всталъ только однажды и коротко заявилъ, что согласился на заключенія комитета и теперь не споритъ противъ нихъ единственно въ той надеждѣ, что это будетъ предисловіемъ или вступленіемъ къ чему-нибудь лучшему и обширнѣйшему впослѣдствіи времени. Въ заключеніе для свѣдѣнія государственнаго совѣта былъ прочтенъ проектъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, который долженъ быть разосланъ ко всѣмъ начальникамъ губерній одновременно съ обнародованіемъ указа въ предупрежденіе всякихъ превратныхъ толковъ и безпокойствъ. Затѣмъ, вновь напомнивъ о сохраненіи тайны, государь поздравилъ членовъ государственнаго совѣта съ исполненіемъ «столь благого дѣла» и затѣмъ закрылъ засѣданіе. Черезъ три дня послѣ того указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ подписанъ.

Послѣ упоминанія о законѣ, предоставляющемъ помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы съ уступкою имъ въ собственность помѣщичьихъ земель за опредѣлен-

ное по взаимному условію вознагражденіе, въ указѣ было сказано: «Желая въ общихъ видахъ государственной пользы, чтобы при заключеніи такихъ условій принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, охранены были отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ, Мы признали за благо... предоставить тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые сами сего пожелаютъ, заключать съ крестьянами своими по взаимному соглашенію договоры на такомъ основаніи, чтобы, не стѣсняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ, помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю, со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности». Относительно этихъ повинностей въ указѣ было только сказано, что онѣ «могутъ быть опредѣлены въ договорахъ денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обрабатываніемъ помѣщичьей земли или другою работою». Такимъ образомъ, тутъ не было ограниченій натуральныхъ и денежныхъ повинностей, точно также какъ и работъ на фабрикахъ, которыя мы встрѣчаемъ въ подробномъ проектѣ секретнаго комитета. Далѣе въ указѣ оговорено, что рекрутская повинность въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ исполняется по очередному порядку, установленному въ рекрутскомъ уставѣ, и, слѣдовательно, крестьяне были освобождены отъ произвола помѣщиковъ въ этомъ отношеніи; затѣмъ было сказано, что заботы о продовольствіи и вспомоществованіи на случай пожаровъ должны падать на собственныя средства обязанныхъ крестьянъ лишь подъ наблюденіемъ помѣщиковъ, которые, впрочемъ, и наблюденіе это могутъ передать правительству; упомянуто и о правахъ помѣщика на вотчинный судъ и расправу и наблюденіе за сельскою полиціею. Наконецъ, было оговорено, что «помѣщики и обязанные крестьяне сохраняютъ заключенные между ними договоры навсегда ненарушимо, имѣя, однако, право особыми частными условіями дѣлать измѣненія въ надѣлѣ землею и повинностяхъ на опредѣленные сроки съ обоюднаго согласія».

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАШКА.

(Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ).

I.

Утро было отвратительно, точно природа выворотила изъ своихъ нѣдръ всю грязь, какая только была въ запасѣ. По небу ползли низкія, грязныя облака, цѣплявшіяся за самыя крыши городскихъ домовъ. На улицахъ грязь стояла по колѣно, и можно было подумать, что съ неба въ теченіе двухъ послѣднихъ дней лился не дождь, а помои. Грязь, грязь и грязь—цѣлое море грязи, въ которомъ уѣздный городишко Пропадинскъ растворялся, какъ брошенная въ стаканъ воды горсть соли.

— Совершенная подлость!—коротко замѣтилъ густымъ надтреснутымъ басомъ Башка, взглянувъ въ запотѣвшее окно на улицу.

Въ этотъ моментъ все кругомъ окончательно потонуло въ мутной кружившейся мглѣ, сверху тихо начали падать хлопья мокраго снѣга и сейчасъ же таяли въ липкой, точно разведенной грязи. Черезъ полчаса окна кабака «Плевна» были залѣплены мокрымъ снѣгомъ, такъ что внутри сдѣлалось совершенно темно, какъ въ сумерки.

— Экое божеское произволенье!—флегматично замѣтилъ сидѣлецъ «Плевны», толстый и рябой мужикъ въ плисовомъ пиджакѣ; его звали обыкновенно Иванъ Василичемъ, а подъ сердитую руку просто Ванькой Каиномъ.—Ну, Башка, дѣло дрянь выходитъ... совсѣмъ какъ есть дрянь!

Башка протянулъ свои длинныя ноги въ стоптанныхъ опоркахъ, ничего не отвѣтилъ, а только передернулъ широкими пле-

чами. Облокотившись жилистой, волосатой рукой на стойку, онъ низко опустилъ свою лохматую голову съ легкой просѣдью въ русыхъ кудрявыхъ волосахъ. Костюмъ Башки давно требовалъ самой серьезной ремонтировки, потому что засаленный старинный сюртукъ съ узкими рукавами и широкимъ воротникомъ расползался окончательно и далъ нѣсколько трещинъ по швамъ, а сѣрые триковые штаны готовы были свалиться каждую минуту, не говоря уже о выдавшихся заплатанныхъ колѣнкахъ и точно выѣденныхъ задкахъ раструбовъ. Но Башкѣ было не до костюма. Онъ былъ весь поглощенъ одной идеей, сосавшей и щемившей его съ ранняго утра: это — опохмѣлиться. Все громадное тѣло Башки ныло каждой косточкой, каждой каплей крови, а въ трещавшей головѣ колесомъ вертѣлась одна мысль. Его широкое лицо съ окладистой бородой, густыми бровями, приплюснутымъ носомъ и высокимъ лбомъ точно было подернуто сегодня туманомъ, а маленькіе сѣрые глазки смотрѣли воспаленнымъ взглядомъ.

— Хоть-бы чортъ принесъ кого-нибудь,—проворчалъ Башка, поглядывая на отворяющуюся и затворяющуюся дверь кабака.— Этакая мерзость!

Непогодь гнала народъ въ «Плевну», но это все были чужіе: извощики, отставные солдаты, мужики съ базара, нѣсколько мастеровыхъ. Они вносили съ собой комья грязи на ногахъ, отряхивали снѣгъ съ шапокъ, ругались и подходили къ стойкѣ Ваньки Каина, который не успѣвалъ сегодня поворачиваться, наливая стаканчики изъ толстаго пузыристаго стекла. Водка выпивалась, слышалось здоровое кряканье совсѣмъ прозябшихъ людей, на стойку сыпались пятаки, а потомъ долго прожевывалась захваченная съ собой закуска. «Ухъ, студено!»—кричалъ приземистый, плотный извощикъ, отворачивая полу своего кафтана, чтобы достать кисетъ съ деньгами. Онъ какъ-то особенно аппетитно опрокинулъ себѣ въ ротъ стаканчикъ водки, закрылъ глаза и однимъ глоткомъ покончилъ всю церемонію. Башка старался не смотрѣть на эту картину, но это не мѣшало ему чувствовать каждый глотокъ водки, разливавшій блаженную теплоту. Ванька Каинъ казался какимъ-то необыкновеннымъ капельмейстеромъ, который разыгрывалъ цѣлую оперу.

«Нѣтъ, чтобы предложить опохмѣлиться... ну, какой-нибудь стаканчикъ,—съ тоской думалъ Башка, и ненависть къ Ванькѣ Каину нѣсколько парализовала ломавшее его жестокое

похмѣлье.—Этакая шадривая каинская рожа!... Вѣдь, разсчитался бы послѣ. У! дьяволъ... И какъ на зло никого нѣтъ: ни Хохлика, ни Корнилыча, ни Трубы!

Кабакъ «Плевна» былъ изъ привилегированныхъ и находился почти въ центрѣ города, въ глухомъ переулкѣ, который шелъ отъ хлѣбнаго рынка. Прямо изъ сѣней дверь вела въ большую полутемную комнату со стойкой Ваньки Каина въ глубинѣ; это собственно и былъ кабакъ; изъ-за стойки маленькая дверца вела въ каморку самого сидѣльца, а другая дверь изъ кабака вела въ двѣ слѣдующія комнаты, предназначенныя для публики почище, собственно для кабацкихъ завсегдатаевъ вродѣ Башки. Эти завсегдатаи рѣдко останавливались передъ стойкой, а проходили дальше и проклажались уже въ своей компаніи. Случайные посѣтители и мужичье толклись обыкновенно въ первой комнатѣ или сидѣли на широкой грязной лавкѣ, поставленной вдоль всей передней стѣны. Теперь собственно была полна только эта первая комната. Но музыкальное, чуткое ухо Башки уже поймало знакомые торопливые шаги въ сѣняхъ; это, безъ сомнѣнія, былъ онъ, Корнилычъ. Въ растворившихся дверяхъ показалась сгорбленная юркая фигурка въ пиджакѣ и фуражкѣ; раскланявшись съ Ванькой Каиномъ, она быстро исчезла въ сосѣдней комнатѣ, куда поплелся и Башка.

— Едва ушелъ...—торопливо разсказывалъ Корнилычъ, мортая своими рысьими глазками. — Всего двѣ партіи сыгралъ на биліардѣ, подвинулъ двѣнадцатаго шара рукавомъ, ну, меня и взбрили. Въ бокъ здорово саданули кулакомъ... Ну, а ты? Вижу, вижу... Эхъ, скверно!...

Корнилычъ запустилъ руки въ карманы брюкъ и забѣгалъ по комнатѣ маленькими шажками, какъ ходятъ трактирные половые; на его пиджакѣ мокрыми отпотинами обозначались остатки мокраго снѣга, а плечи просто дымились отъ пара.

— Нѣтъ, Ванька-то... а? Каковъ подлецъ?!—громко проговорилъ Башка, останавливаясь посреди комнаты въ самой трагической позѣ.—Вѣдь, видитъ, шельма рогатая, какъ живаго человѣка кочевряжитъ и хоть бы какой наперстокъ...

— Это ты напрасно, Башка,—уговаривалъ Корнилычъ.— Гдѣ же насъ всѣхъ поить даромъ? А безъ Ваньки куда бы мы? Пропадай, какъ червь...

Башка крѣпко выругался, но долженъ былъ согласиться съ Корнилычемъ, который всегда и всѣхъ оправдывалъ и даже на

самого себя смотрѣлъ какъ-то со стороны. Лицо у Корнилыча было бойкое, всегда измятое и всегда добродушное; остриженные щеткой волосы дали поводъ называть его въ своей компаніи «ерошкой». Онъ былъ замѣчательный мастеръ разговаривать и знакомиться съ кѣмъ угодно и былъ самый необходимый человѣкъ въ хорошей компаніи.

— Ну, а снѣгъ? — спросилъ Башка, что-то соображая про себя.

— Снѣгъ? Подлецъ, а не погода... такъ и лѣпитъ. Мнѣ за воротникъ сколько насыпало... бррр!... У тебя покурить нѣтъ? Ну, не надо...

Ерошка наслаждался теперь и охватившей его теплотой гнилаго кабацкаго притона, и сознаніемъ собственной безопасности. Эти грязныя, покосившіяся стѣны, избитый точно въ конюшнѣ полъ, пропитанная специфическими кабацкими міазмами атмосфера, — все ему было дорого и мило; Ерошка съ удовольствіемъ потянулъ въ себя промзглую струю воздуха, прохваченную запахомъ грязи, дегтя, гнилой кожи, мокраго платья, перегорѣлаго лука и сивушнаго масла. Нѣсколько расшатанныхъ стульевъ и некрашеный деревянный столъ составляли всю меблировку этой привилегированной половины.

— А вотъ и наши здѣсь!—проговорилъ въ дверяхъ плечистый, приземистый мужикъ въ поддѣвкѣ; рыжая борода и прищуренный косой глазъ придавали ему очень подозрительный видъ.—Ну и погодка!... Мѣсилъ, мѣсилъ грязь, хоть бы одна шельма попалась. Ѣсть до смерти хочется, братцы...

— У насъ табаку нѣтъ, а онъ ѣсть! — презрительно отвѣтилъ Башка, шагая по комнатѣ неровными шагами. — Хохлика не видалъ?

— Какъ не видалъ! У Хохлика ненастье.

— Вотъ что, Труба, какъ бы намъ того... не пропадать же въ самомъ дѣлѣ?—заговорилъ Ерошка заискивающимъ голосомъ. — Сходи, братику, къ Каину, авось разступится... а? Ты объясни ему... а?...

Труба почесалъ въ затылкѣ, еще сильнѣе прищурилъ свой косой глазъ и отрицательно покачалъ головой. Наступила тяжелая пауза, которой не нарушило даже появленіе Хохлика. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ съ зеленовато-сѣрымъ лицомъ и глубоко ввалившимися глазами, горѣвшими лихорадочнымъ, чахоточнымъ блескомъ. Онъ молча сѣлъ въ уголокъ, под-

жалъ подъ себя ноги и долго не могъ отдышаться послѣ скорой ходьбы. На всѣхъ напала минута тяжелаго унынія, какъ у людей, заблудившихся въ лѣсу. Въ такихъ исключительно критическихъ случаяхъ обыкновенно выручалъ Башка, отличавшійся дьявольской изобрѣтательностью, но сегодня и онъ повѣсилъ носъ, точно пришибленный. А изъ кабака доносилась настоящая мелодія довольнаго кряканья послѣ выпивки, звона стаканчиковъ и того кабацкаго галдѣнья, какое бываетъ только около стойки.

— Экъ ихъ взяло, подлецовъ!—глухо пробасилъ Башка, натягивая на свою голову заношенную, какъ блинъ, кожаную фуражку.—Ну, братцы, я схожу... подождите, можетъ, и выгоритъ что.

Когда высокая фигура Башки скрылась въ дверяхъ, всѣ какъ-то разомъ оживились и заговорили: «Ужь Башка одно слово... Выручитъ! Да онъ изъ земли добудетъ, особенно ежели съ похмѣлья ломаетъ когда. Золотая голова!» Даже Ванька Каинъ почувствовалъ угрызеніе своей каиновой совѣсти, когда мимо его стойки Башка прошагалъ съ самымъ мрачнымъ видомъ.

«По погодью-то надо бы стаканчикъ было подать, — думалъ Ванька Каинъ, проворно орудуя за своимъ прилавкомъ.— Ну, да больно зазнаваться сталъ, пусть не фордыбачитъ».

Въ душѣ Ваньки Каина шевельнулась обидная мысль, что Башка третьяго-дня облаялъ Акулину, его любовницу, которая жила съ нимъ въ каморкѣ. И всего-то дѣла было, что Акулина попросила Башку наставить самоварчикъ, такъ куда тебѣ—сейчасъ на дыбы, мы-ста образованные люди и всякое прочее, а вотъ теперь, образованный человѣкъ, ступай-ка, помѣси грязь-то... Это даже совсѣмъ преотлично для тѣхъ, кто настоящаго понятія не хочетъ имѣть и добра не помнитъ.

II.

Отчаянное положеніе выдавило въ головѣ Башки мысль, которую онъ теперь несъ изъ «Плевны» на самый конецъ города. Собственно, это было послѣднее средство, на какое онъ рѣшался только въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ.

— Э, чортъ съ ними!—ругался Башка, шагая черезъ грязь.

А погода дѣлалась все отвратительнѣе. Холодъ крѣпчалъ. Откуда-то налеталъ порывами пронизывавшій насквозь вѣтеръ,

который просто жегъ голыя руки и спину. Хлопья мокраго снѣга смѣнились сухой снѣжной пылью, тихо кружившейся въ воздухѣ отдѣльными пушистыми снѣжинками въ формѣ правильныхъ звѣздочекъ, иглъ и разныхъ замысловатыхъ геометрическихъ фигуръ. Недавно сплошная полоса грязи, заливавшая пропадинскія улицы, теперь приняла самый обманчивый видъ, и Башка постоянно ошибался, стараясь пробраться мелкими мѣстами. Въ одномъ мѣстѣ онъ совсѣмъ оставилъ свои опорки въ грязи и долго не зналъ, что дѣлать съ ними. Грязь еще сохраняла въ себѣ извѣстную теплоту, сравнительно съ верхнимъ снѣговымъ налетомъ, который рѣзалъ ноги, какъ ножемъ. Послѣ короткаго раздумья, Башка всунулъ ноги въ полныя грязи опорки и зашагалъ по деревянному тротуару, шлепая на ходу. Отъ «Плевны» ему было нужно перекосить соборную площадь, потомъ обогнуть старый гостинный дворъ, а тамъ свернуть въ узкую Проломную улицу, гдѣ тонули въ грязи постоялые дворы. Сдѣлавъ съ полверсты по этой убійственной дорогѣ, Башка почувствовалъ непреодолимое желаніе вернуться подъ гостепріимный кровъ «Плевны»,—обычная энергія измѣнила даже его желѣзной натурѣ. Это былъ настоящій припадокъ малодушія, но Башка устоялъ противъ искушенія и только быстрѣе зашагалъ впередъ.

Скрестивши по-наполеоновски руки на груди, чтобы сохранить терявшуюся теплоту, и поднявъ плечи, чтобы защитить голую шею отъ попадавшаго за воротникъ снѣга, Башка летѣлъ впередъ, какъ хорошій волкъ. Въ концѣ Проломной стоялъ кабачекъ Зобуна, въ который Башка иногда заходилъ, но теперь было не до него—до цѣли оставалось всего съ полверсты. Купеческіе каменные дома въ Пропадинскѣ были только въ центрѣ, затѣмъ во всѣ стороны расходились деревянныя постройки, а на окраинахъ тянулись самыя жалкія лачуги, слѣпленныя кое-какъ изъ разной дряни, какъ ласточкины гнѣзда. За Проломной, на самой окраинѣ, какъ исключеніе, стоялъ большой каменный домъ гуртовщика Ломотина; сюда и держалъ свой путь Башка. Разбогатѣвшій мужикъ Ломотинъ недавно умеръ, и сегодня шелъ девятый день, слѣдовательно, должна была быть богатая подачка нищей братіи. Башка не безъ основанія разсчитывалъ кое-что получить здѣсь, хотя къ такому нищенству прибѣгалъ только въ самомъ безвыходномъ положеніи, какъ сегодня.

Около ломотинскаго дома уже собралась порядочная кучка нищихъ. Когда Башка подходилъ къ ней, въ воротахъ появился

мордастый дворникъ; онъ загородилъ калитку жердью и началъ пропускать подъ нее во дворъ по одному человѣку. Нищая братія однимъ сплошнымъ шевелившимся комомъ лохмотьевъ наперла на калитку и брала приступомъ каждый вершокъ. Слышалась хриплая ругань, бабій визгъ и тяжелые вздохи. Башка остановился позади всѣхъ и терпѣливо ждалъ своей очереди пролѣзть подъ жердью, перегораживавшей калитку; онъ чувствовалъ особенное отвращеніе къ этой грязной сволочи, потерявшей всякій образъ и подобіе Божіе, потому что и въ самомъ паденіи своемъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше этого человѣческаго хлама. Нѣкоторыхъ онъ зналъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ сѣдой сгорбленный старичекъ, который особенно назойливо пробивался впередъ; онъ когда-то служилъ въ земскомъ судѣ, занималъ видное мѣсто и во время своей славы раскуривалъ трубку кредитками, но спился съ круга и теперь жилъ подаяніемъ. За нимъ держался смуглый бритый мужчина; этотъ славился какъ прежній богачъ, умѣвшій промотать доставшееся ему наслѣдство въ пятьдесятъ тысячъ. Далѣе слѣдовалъ рядъ совершенно темныхъ личностей, собравшихся сюда, Богъ знаетъ, изъ какихъ трущобъ; особенно были подозрительны женщины-побирушки, съ обрюзгшими, измятыми лицами и злыми глазами. Это все были спеціально нищіе, промышлявшіе сборомъ подаянія по домамъ, на рынкѣ, по церковнымъ папертямъ и шмыгавшіе по всѣмъ поминкамъ въ богатыхъ купеческихъ и чиновничьихъ домахъ. Для нихъ лохмотья и заплаты служили средствомъ существованія, какъ вывѣски какого-нибудь цехового мастера; гдѣ кончались лохмотья и гдѣ начинался человѣкъ, трудно было разобрать; люди здѣсь превращались въ живыя лохмотья, заплаты и прорѣхи.

Башкѣ пришлось прождать битый часъ въ этой толпѣ, и онъ совершенно окоченѣлъ, напрасно стараясь согрѣться переминаніемъ съ ноги на ногу. Живая теплота живаго тѣла оставила его; у Башки начинали стучать зубы, и онъ почувствовалъ особенную ненависть къ жирному и брыластому дворнику, который нарочно медлилъ, пропуская очередныхъ, и нѣсколько разъ начиналъ переругиваться съ нищими жиденькимъ теноркомъ.

— Отпячивай назадъ, пѣхота!—кричалъ дворникъ, защищая входъ своимъ толстымъ брюхомъ въ бѣломъ фартукѣ.—Я вотъ скажу Анфусѣ Парфеновнѣ, такъ она васъ всѣхъ метлой отселева...

— А ты не больно шеперься, не великъ въ перьяхъ-то!—

огрызалась какая-то шустрая старушонка съ птичьимъ лицомъ.— Не къ тебѣ пришли...

— Разговаривай! — лѣниво протянулъ дворникъ.—Вонъ она, Анфуса-то Парфеновна, сама на крыльцѣ-то стоитъ.

Наконецъ, наступила и очередь Башки. Онъ уже держался одной рукой за палку, ожидая своей очереди и стараясь не глядѣть на дворника, который его просто возмущалъ всей своей фигурой, какъ голоднаго волка возмущаетъ сытая собака. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Башка испытывалъ тяжелое чувство униженія и еще больше сердился на ни въ чемъ неповиннаго дворника, котораго съ удовольствіемъ перекусилъ бы пополамъ. Отъ нечегодѣлать онъ разсматривалъ внутренность богатаго двора, усыпаннаго желтымъ песочкомъ, съ крѣпкими службами назади, съ цѣпной собакой у амбара, съ привязанной у столба великолѣпной лошадью, заложенной въ лакированный экипажъ; палѣво былъ подъѣздъ съ стекляннымъ фонаремъ; въ этомъ фонарѣ, защищенная отъ вѣтра и снѣга, стояла сама Анфуса Парфеновна въ лисьей шубѣ и степенно давала каждому его пай милостыни, лѣниво повторяя одну и ту же фразу: «Помолись, миленькій, за раба Божія Симеона и сродниковъ». Около купчихи толклись какія-то двѣ старушонки въ темныхъ платочкахъ съ глазками.

— Пролѣзай!—крикнулъ дворникъ на зазѣвавшагося Башку.

Башка согнулся, чтобы пролѣзть подъ жердью, но въ этотъ моментъ мимо него головой впередъ рванулась какая-то бабенка съ подбитымъ глазомъ и чуть было не предупредила его, но Башка во время схватилъ ее за шиворотъ и отбросилъ назадъ, какъ тряпицу.

— Куда, фигура, прешь? — ворчалъ онъ, уже шагая къ крыльцу.

Получивъ подаяніе и крѣпко сжавъ деньги въ кулакѣ, Башка зашагалъ въ другой конецъ двора, куда выпроваживалъ нищую братію высокій кучеръ въ кожаномъ кафтанѣ. Чтобы не было напрасной давки, нищихъ выпускали изъ двора другими воротами. Очутившись на улицѣ, Башка сосчиталъ полученныя деньги; на его долю достался цѣлый полгинникъ, и это обстоятельство разомъ вознаградило его за всѣ лишенія.

Черезъ десять минутъ Башка уже входилъ въ кабакъ Зобуна, гдѣ толпились нищіе, успѣвшіе «выправить» подаяніе раньше его. Размякшій, ожирѣлый сидѣлецъ съ зобомъ на шеѣ

орудовалъ не хуже Ваньки Каина и, наливая стаканчики, приговаривалъ:

— Помяни раба Божія Симеона и сродниковъ... Больно добра для васъ Анфуса-то Парфеновна, гли-ко, по полтинѣ на рыло сошлось. А! и ты, Башка, здѣсь?

— Ну, ну, не разговаривай... совсѣмъ околѣлъ!

Башка залпомъ выпилъ два стаканчика, чтобы сразу согрѣться, но водка на него не дѣйствовала сегодня, и онъ потребовалъ себѣ третій. Когда Башка уже подносилъ дрожавшей рукой стаканъ ко рту, около него появилась давешняя бабенка съ подбитымъ глазомъ и нахально толкнула его локтемъ въ бокъ.

— Ты опять, фигура?—зарычалъ взбѣшенный Башка и даже замахнулся на надоѣдливую бабенку поднятой рукой.—Раздавлю, какъ муху...

— Ухъ, какой страшный!—кокетливо взвизгнула Фигура и нахально захихикала прямо въ лицо Башкѣ. — Этакое верзило и съ бабами драться... Ну, тронь, только тронь!...

Отпустивъ нѣсколько отборнѣйшихъ выраженій на спеціально-кабацкомъ жаргонѣ, Фигура съ наслажденіемъ выпила стаканчикъ зеленаго бальзама, вытерла губы подоломъ грязнаго платья и опять засмѣялась своимъ нахальнымъ смѣхомъ.

— Што, Башка, наткнулся на ерша?—спрашивалъ Зобунъ, кисло улыбаясь.—Ужь она октрыса, одно слово, какъ бритвой брѣтъ...

Башка презрительно взглянулъ на Фигуру еще разъ и отвернулся. Онъ вообще ненавидѣлъ всѣхъ женщинъ, какъ другіе не выносятъ мышей или таракановъ, а теперь еще долженъ былъ переживать чувство оскорбленнаго достоинства, что связался съ бабой.

Именно этотъ почти невольный жестъ физическаго отвращенія задѣлъ за живое Фигуру, которая въ дни крайняго паденія не могла разстаться съ логикой хорошенькой женщины, привыкшей требовать общаго вниманія. Взглянувъ теперь на Фигуру, никто бы не повѣрилъ, что это отекшее лицо съ воспаленными и слезившимися глазами, съ распухшимъ носомъ и блестѣвшими синеватыми губами могло быть когда-нибудь красиво, хотя это было такъ. Костюмъ Фигуры былъ самаго подозрительнаго свойства — какая-то рыжая кофточка, сбившаяся на одинъ бокъ, ситцевыя юбки, обносокъ шали на головѣ и стоптанныя ботинки на ногахъ. Выпивъ два стакана бальзаму, Фигура сѣла на лавку,

рядомъ съ Башкой, и далеко вытянула свои грязныя ноги, такъ что изъ-подъ юбки выставились совсѣмъ голыя щиколотки и нижняя часть бѣлыхъ полныхъ икръ.

— Будь ты проклята, анафема! — выругался Башка, вскочивъ съ лавки.—Чего ты лѣзешь?

— Будетъ лаяться-то, невѣжа! — совсѣмъ другимъ тономъ, спокойно и самоувѣренно проговорила Фигура, взяла Башку за локоть и посадила рядомъ съ собой. — Ну, чего ты бѣсишься? Лучше покуримъ; у меня табакъ есть...

Башка сердито плюнулъ на сторону, но отъ табаку не отказался. Онъ испытывалъ теперь совершенно особенное чувство, именно, онъ точно былъ давно знакомъ съ этой нахальной бабой и даже былъ доволенъ, что она его удержала на мѣстѣ. Про себя Башка нѣсколько разъ обругалъ сосѣдку самыми непечатными словами и хотѣлъ сейчасъ же отправиться въ «Плевну» къ ожидавшимъ его товарищамъ, но, вмѣсто этого, языкъ Башки какъ-то противъ его воли проговорилъ:

— Хочешь еще бальзаму, Фигура Ивановна?

— Только вмѣстѣ съ тобой....

Дальше все происходило въ какомъ-то туманѣ: стаканчики слѣдовали за стаканчиками, Башкѣ сдѣлалось тепло и весело; онъ хохоталъ и пѣлъ съ своей новой знакомой, какъ сумасшедшій. Потомъ они вмѣстѣ пошли отъ Зобуна по Проломной улицѣ и Башка даже помогалъ своей спутницѣ переходить черезъ грязь, какъ настоящій кавалеръ.

— Пойдемъ къ Ванькѣ Каину; тамъ у насъ настоящее гнѣздо,—объяснялъ Башка, сильно пошатываясь. — Все отличные ребята... Ерошку не знаешь? и Хохлика? и Трубу?... Ну, послѣ этого ты ровно ничего не знаешь...

Башка дергалъ на ходу плечами, сжималъ кулаки и совсѣмъ не чувствовалъ холода, который леденилъ его тѣло.

— Нужно еще денегъ достать,—говорила Фигура.—Пойдемъ, я знаю гдѣ... Еще есть въ двухъ домахъ поминки.

III.

На привилегированной половинѣ «Плевны» цѣлый день прошелъ въ самомъ нехорошемъ настроеніи духа; это рѣшительно былъ прескверн**ѣ**йшій день. Сначала все поджидали возвращенія Башки и разсказывали анекдоты о его необыкновенной находчи-

вости; потомъ начали ворчать и ругаться, зачѣмъ Башка такъ долго не идетъ на выручку, и, наконецъ, всѣ тяжело замолчали, какъ люди, потерявшіе послѣднюю надежду. Даже Ванька Каинъ, и тотъ сжалился надъ ними и выслалъ цѣлое рѣшето чернаго хлѣба и луку. Это было ужь совсѣмъ подъ вечеръ.

— Должно быть, Башку пьянаго въ полицію гдѣ-нибудь забрали, — повторялъ нѣсколько разъ Корнилычъ. — Зашелъ погрѣться куда-нибудь, выпилъ, ну, и разомлѣлъ съ холоду-то... Это бываетъ!

Точно въ отвѣтъ на это предположеніе въ дверяхъ «Плевны» появился самъ Башка, сильно пьяный; гнѣвъ всего общества былъ готовъ обрушиться на его голову, но его проявленіе было парализовано появленіемъ Фигуры, которую привелъ съ собой Башка.

— Господа, рекомендую... вотъ женщина... Фигура Ивановна,—бормоталъ Башка заплетавшимся языкомъ.

Все общество встрѣтило эту рекомендацію гробовымъ молчаніемъ и сдѣлало такой видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ присутствія «женщины». Въ дверяхъ выглядывала улыбавшаяся рожа Ваньки Каина, а изъ-за его плеча сумрачно смотрѣла Акулина, высокая костлявая баба, съ широкимъ деревяннымъ лицомъ, походившимъ на лопату.

— Вотъ такъ укололъ Башка штуку... ловко!—хрипѣлъ Ванька Каинъ, любуясь происходившей предъ его глазами сценой.

— Да вы что молчите-то, оглашенные?—заговорила Фигура, обращаясь къ публикѣ вообще. — Подавились чѣмъ, или мухъ ловите здѣсь?

Общество оставалось глухо и нѣмо; всѣ были сконфужены и за себя, и въ особенности за сбѣсившагося Башку, который нарочно теперь бодрился передъ своими друзьями, какъ всѣ виноватые люди. Онъ съ напускной развязностью потребовалъ у Ваньки Каина водки и сѣлъ вмѣстѣ съ Фигурой за отдѣльный столикъ, точно вызывая все общество на бой. Собственно говоря, собравшіеся въ этой комнатѣ потерянные люди отличались большой тонкостью чувствъ и той особенной психической чуткостью, когда слова являются излишними для взаимнаго пониманія. Всѣ они отлично понимали другъ друга по одному взгляду, по малѣйшему жесту. Молчаливый протестъ друзей для Башки былъ въ тысячу разъ тяжелѣе открытаго возстанія, ругани и даже рукопашной. Даже нахальная безъ границъ Фигура,

и та, видимо, не ожидала такой встрѣчи и теперь только улыбалась пьяной и нахальной улыбкой.

— Пожалуйте, Фигура Ивановна,—угощалъ Башка свою гостью, стараясь быть любезнымъ на зло всѣмъ.

— А какъ тебя зовутъ? Я еще не знаю,—спрашивала Фигура, дѣлая видъ, что ничего не понимаетъ.

— Меня здѣсь зовутъ Башкой...

— Очень хорошее имя: Башка... да! Изъ семинаристовъ? Да, да... Я встрѣчала много семинаристовъ... Славный народъ и пьютъ отлично.

Фигура стыдливо обдернула сбившуюся на бокъ юбку, спрятала грязныя ноги и нѣсколько времени упорно старалась принять серьезный видъ приличной дамы, но ея опухшее лицо само собой расплывалось въ отвратительную улыбку, которая просто коробила Башку, точно его поджигали каленымъ желѣзомъ. Но онъ хотѣлъ выдержать характеръ. Труба, Корнилычъ и Хохликъ сбились въ углу въ одну кучку, какъ послѣдніе римляне и какъ люди, хорошо посвященные въ тайны свѣтскихъ приличій; они вели въ полголоса совершенно постороній разговоръ, какъ это дѣлаютъ хорошіе друзья, когда въ домѣ покойникъ или другое какое несчастіе.

Это критическое положеніе сторонъ разрѣшилось совершенно неожиданной развязкой. За стойкой у Ваньки Каина произошла довольно горячая сцена съ Акулиной, которая сначала шипѣла, а потомъ принялась голосить и ругаться на весь кабакъ.

— Хотя я тебѣ не жена, а, все-таки, у тебя ума нисколь нѣтъ!—кричала Акулина, размахивая длинными руками.—Развѣ это порядокъ, штобы пущать въ заведеніе всякую дрянь? Да она, шлюха этакая, ищо стащитъ што-нибудь. Развѣ углядишь за ей, паскудой?... И што это я за каторжная далась тутъ вамъ, штобы напускать всякихъ потаскушекъ!

— Затвори хайло - то, хайло затвори, ворона!—огрызался Ванька Каинъ, хотя это дѣлалось только для порядку, чтобы показать передъ публикой свою хозяйскую власть. — Вотъ я возьму какъ обихаживать самое-то, только стружки полетятъ.

— Ну, бей, бей! А я не соглашусь, чтобы всякая потаскушка распоряжалась въ заведеніи!—голосила Акулина неистовымъ голосомъ, точно ее рѣзали. — Хотя я не въ законѣ съ тобой, а въ дому порядокъ долженъ быть... Да я ей, твари, всѣ зѣнки выцарапаю, вотъ што! Развѣ у насъ такое заведе-

ніе, штобы манеры-то эти разводить?... Я и Башкѣ всю рожу исцарапаю.

Положеніе Башки крайне усложнилось. Ополоумѣвшая Акулина имѣла за себя всѣ преимущества какъ предъ мужемъ, такъ и передъ завсегдатаями, которые, конечно, держали ея сторону. Въ пьяной головѣ Башки шевелилась уже мысль о неизбѣжности рукопашнаго спорнаго вопроса, и онъ подъ столомъ сжималъ свои страшные кулаки, вызывающе поглядывая на недавнихъ пріятелей.

— Ботъ что, Башка, пойдемъ отсюда, — предложила ему Фигура, поднимаясь съ мѣста. — У меня еще дѣло есть... Медальонъ ждетъ.

— Какой Медальонъ?

— Увидишь.

За водку деньги были заплачены впередъ, и парочка торжественно направилась къ выходу. Когда Фигура была уже у дверей, Акулина выбѣжала изъ-за стойки, догнала ее и толкнула своей деревянной рукой въ шею.

— Акулька, язва, отвяжись!—кричалъ Ванька Каинъ.

Башка зарычалъ, какъ медвѣдь, по которому выстрѣлили, но Фигура успѣла его вытолкнуть въ сѣни и энергично потащила за руку впередъ.

— Стоитъ связываться съ дурой! — успокоивала она своего спутника, шлепая по грязи.—Тутъ не далеко, живо дойдемъ. Дай руку, вотъ такъ, какъ барыни ходятъ...

Фигура хрипло засмѣялась въ темнотѣ, а Башка молча зашагалъ рядомъ съ ней. Кругомъ было совершенно темно, хоть глазъ выколи, и только слабо мигали жалкіе фонари по угламъ улицъ. Снѣгъ остановился, но холодъ былъ, попрежнему, страшный и пробиралъ до костей. Гдѣ-то завывала бездомная собаченка, слышалось хлопанье оторвавшагося съ крыши желѣзнаго листа; какой-то забулдыга брелъ черезъ соборную площадь и все старался затянуть пѣсню, походившую на мычанье. Медленно проѣхалъ извощикъ, позвонилъ въ чугунную доску ночной сторожъ, а впереди и назади кромѣшная тьма. Парочка брела на ощупь и черезъ двадцать минутъ была уже въ узкомъ и глухомъ переулкѣ.

— Здѣсь,—проговорила Фигура и остановилась у какой-то деревянной развалины.

Они вошли во дворъ, потомъ въ какой-то сырой и холодный

подвалъ, походившій на могилу. Фигура черкнула спичкой и отыскала сальный огарокъ, вставленный въ бутылку изъ-подъ зельтерской воды. При слабомъ свѣтѣ Башка могъ разсмотрѣть весь подвалъ, когда-то служившій кухней. Маленькія окошечки съ желѣзными рѣшотками, какъ въ казематѣ, выходили на улицу; ободранная дверь болталась на одной петлѣ; около одной стѣны на грудѣ тряпья спалъ какой-то человѣкъ съ блѣднымъ, худымъ лицомъ.

— Медальонъ, вставай... Я гостя привела!—кричала Фигура, расталкивая спавшаго.—Да ну же, вставай!... Это, наконецъ, невѣжливо такъ принимать гостей. Посмотри, какого я звѣря привела...

— Ахъ, это ты, Милочка?—проговорилъ Медальонъ, поднимаясь съ своего неприхотливаго ложа.—Какого звѣря?... Милочка, какъ у меня страшно голова болитъ, мнѣ всего одну бы.. а?

— Видишь какой ты лакомка, Медальонъ: «одну бы», а гдѣ я тебѣ ее возьму? Ну, ну, не плачь, я сейчасъ... Я и закуски принесла, а пока позволь представить тебѣ нашего гостя: m-r Башка.

Медальонъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, бѣлокурый, жиденькій, съ длинной шеей и голубыми дѣтскими глазами; костлявыя плечи, ввалившаяся грудь и безкровное лицо придавали ему видъ какого-то подвижника. «Эхъ, какая дохлятина! — съ презрѣніемъ подумалъ Башка, разглядывая Медальона. — Настоящая глиста». Фигура въ это время успѣла достать откуда-то бутылку водки и кусокъ вареной печенки, что составляло уже цѣлый ужинъ на троихъ.

— Странно, право: насъ сегодня выгнали изъ кабака,—разсуждала Фигура, разрѣзывая печенку обломкомъ перочиннаго ножа.—Нашли меня неприличной... Ужели я настолько не умѣю себя держать, что не могу быть приличной даже для кабака? Фи... какая гадость! Боже мой, Боже мой, до чего можетъ дойти человѣкъ! Я собственно и обидѣлась только сейчасъ, т.-е. не обидѣлась даже, а такъ... гадко стало для самой себя...

Медальонъ, выпивъ двѣ рюмки, нѣсколько пришелъ въ себя и съ аппетитомъ принялся ѣсть печенку. Проглотивъ послѣдній кусокъ, онъ проговорилъ съ комическимъ пафосомъ:

— Sic transit gloria mundi!

— Domine, ты знаешь по-латыни?—обрадовался Башка, протягивая руку.

— Да, немножко...

— Медальонъ кончилъ гимназію съ золотой медалью, — объяснила Фигура не безъ удовольствія,—а такихъ тамъ называютъ «медальонами».

— Ага!—проговорилъ Башка.—У насъ въ семинаріяхъ первыхъ учениковъ звали «башками», и я имѣлъ несчастіе быть такимъ первымъ ученикомъ; значитъ, мы съ вами одного поля ягоды...

Они молча пожали другъ другу руки и засмѣялись. Знакомство завязалось быстро и за рюмкой водки новые друзья разсказали о себѣ всю подноготную. Медальону пришлось не много разсказывать о себѣ: сынъ богатыхъ, но разорившихся родителей, блестящимъ образомъ кончившій гимназію, онъ быстро свихнулся, когда пришлось зарабатывать свой хлѣбъ, и теперь ждетъ какого-то мѣста, обѣщаннаго ему какимъ-то очень хорошимъ человѣкомъ.

— Только бы получить мѣсто, а потомъ я брошу эту проклятую водку и заживемъ съ Милочкой припѣваючи,—закончилъ свою повѣсть Медальонъ.—Такъ, вѣдь, Милочка?

— Конечно, конечно... да, припѣваючи, — машинально повторяла Фигура, опуская голову.

— А знаете, что насъ всѣхъ сгубило?—задумчиво говорилъ Башка.—Самолюбіе... Да!... Вся система нашего воспитанія построена именно на самолюбіи, которое въ насъ развивали съ дѣтства. По себѣ знаю... Это общая судьба всѣхъ первыхъ учениковъ... Поврежденный народъ выходитъ... Видите ли, для такихъ людей должна быть жизнь на особенныхъ условіяхъ, а не прозябаніе обыкновенныхъ смертныхъ. А когда тебя станутъ по носу щелкать на каждомъ шагу, тутъ и погибель: характера-то не хватаетъ, а самолюбіе давитъ... ну, и утѣшаемся по своему... Такъ, вѣдь?

— Вѣрно,—согласился Медальонъ.

— Много насъ такихъ-то,—продолжалъ Башка, не обращаясь собственно ни къ кому.—Ну, и, конечно, обвинять когонибудь и что-нибудь въ своемъ паденіи, по меньшей мѣрѣ, глупо, все равно, что обвинять машину, которая одному раздробила руку, а другаго совсѣмъ искрошила... Все, что существуетъ—существуетъ разумно и, ergo, имѣетъ право на существованіе. Фактъ стоитъ выше всякихъ законовъ... да. Если я говорю: «насъ погубила система», то это только принятая форма выраженія, приспособленная для пониманія большинства. Такъ ска-

зать, это только личная форма... Можно только понимать факты, а сердиться и радоваться по поводу нихъ,—это уже дѣтство мысли. Одна есть истинная точка зрѣнія на вещи и факты, это—отвлеченная, философская мысль.

— Ухъ, какая ученость!—со вздохомъ проговорила Фигура, чувствуя, какъ у нея слипаются глаза.

Черезъ пять минутъ подъ шумокъ умныхъ разговоровъ Фигура уже заснула, гдѣ сидѣла. Ей грезилась плохонькая сцена провинціальнаго театра, плохонькая музыка, плохонькая провинціальная публика, плохонькое освѣщеніе, а она выпархиваетъ въ короткихъ юбкахъ и трико прямо къ рампѣ и начинаетъ пѣть забористую шансонетку. Публика аплодируетъ и любуется ея ногами, которыя дѣйствительно замѣчательно хороши своей упругой полнотой и классическими линіями. Ей подносятъ большой букетъ, она прячетъ въ него свое счастливое, улыбающееся лицо, потомъ посылаетъ поцѣлуй публикѣ и улетаетъ за кулисы.

IV.

Теперь намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о «Плевнѣ» и ея завсегдатаяхъ.

Въ Пропадинскѣ было много кабаковъ и каждый изъ нихъ имѣлъ свою собственную физіономію. Такъ, кабакъ Зобуна въ Проломной улицѣ славился, какъ притонъ конокрадовъ и лѣсоворовъ; кабакъ «Ямка», около гостиннаго двора, служилъ сборнымъ мѣстомъ нищихъ; были кабаки самой подозрительной репутаціи, какъ пристанище жуликовъ и мазурпковъ, и т. д. «Плевна» рѣзко отличалась отъ нихъ отъ всѣхъ, потому что въ ней завсегдатаями были особенные люди, промышлявшіе разными художествами: въ «Плевнѣ» составлялись прошенія мужикамъ, тамъ всегда можно было найти для нотаріуса грамотнаго свидѣтеля съ паспортомъ, тамъ же процвѣтала игра въ стуколку, три листа и въ трынку, тамъ же можно было послушать музыку и даже пѣніе, покутить въ хорошей компаніи и т. д. Главное, въ «Плевнѣ» никогда не позволялось буйство и мазурничество, за чѣмъ Ванька Каинъ слѣдилъ въ оба; полиція была поэтому особенно довольна «Плевной» и рѣдко осчастливливала ее своими посѣщеніями.

Такія особенности «Плевны» создались отчасти благодаря ея выгодному центральному положенію, а, главнымъ образомъ, бла-

годаря смѣткѣ и административной прозорливости Ваньки Каина. До него изъ сидѣльцевъ въ «Плевнѣ» славился кривой старикъ Ермило, но послѣ Ермилы наступилъ смутный періодъ междуцарствія: перемѣнился цѣлый рядъ сидѣльцевъ, и звѣзда «Плевны» начала быстро клониться къ закату, если бы не выручилъ Ванька Каинъ, явившійся въ самый критическій моментъ и съумѣвшій сразу поставить свое «заведеніе» прямо на точку, чѣмъ онъ особенно гордился. Его предшественники или не умѣли обращаться съ публикой, или не могли выдержать характера, или просто прогорали отъ плохихъ разсчетовъ. Кабацкое дѣло кажется со стороны такимъ простымъ, но оно далеко не просто и только посвященные знаютъ, сколько нужно умѣнья, характера и чисто дипломатической изворотливости, чтобы удержаться на такомъ видномъ посту, какъ «Плевна». Конечно, запутанная кабацкая бухгалтерія стояла на первомъ планѣ, потомъ разныя отношенія къ полиціи и акцизнымъ чиновникамъ, но всего важнѣе было организовать правильныя отношенія къ разношерстной кабацкой публикѣ, вѣрнѣе сказать, создать такую публику.

— Прежде всего, мы народъ очень самолюбивый,—объяснялъ Башка, когда Ванька Каинъ забралъ въ свои цѣпкія руки бразды правленія.—Да... А потомъ нужно помнить, что мы потерянный народъ только для васъ, а для себя мы потерянные только временно. Самый послѣдній пьянчужка глубоко убѣжденъ, что онъ пьянствуетъ только пока, а потомъ броситъ водку и заживетъ еще лучше другихъ.

— Ужь это обнакновенно: кажный послѣднюю рюмочку у васъ пьетъ,—прибавлялъ глубокомысленно Ванька Каинъ отъ себя.—И мы тоже не безъ понятія...

— Отлично... Потомъ заруби себѣ на носу, что деньги наживаютъ не съ богатыхъ, а съ бѣдныхъ, вотъ съ такихъ проходимцевъ, какъ мы, въ особенности. Я тебѣ объясню, почему... Во-первыхъ, богатыхъ людей очень немного, второе, богатый всегда и все купитъ во время и подешевле,—такъ?—ну, а бѣднота платитъ въ три дорога вашему брату, и изъ грошиковъ-то да изъ пятачковъ, глядишь, у ловкаго человѣка капиталъ выросъ... Такъ?... И мотай себѣ это на усъ... Если бы ты зналъ математику, такъ я тебѣ доказалъ бы какъ дважды два, что значитъ такъ называемыя несоизмѣримо малыя величины. Горы изъ нихъ растутъ, изъ этихъ несоизмѣримо малыхъ величинъ.... Да. Такъ и въ вашемъ дѣлѣ...

— Ужь извѣстно, надо и намъ свою линію выводить... А только я вотъ чего никакъ не пойму: такъ это вы складно умѣете говорить, какъ по писанному, и такъ все вѣрно у васъ выходитъ, а только вотъ съ собой-то не можете ничего сдѣлать... Даже, ей-Богу, жаль глядѣть въ другой разъ со стороны!... При этакомъ-то умѣ да при вашей грамотѣ какую-бы линію можно было вывести... то-есть, только ахъ, Боже мой!

— Ну, это ужь не твоего ума дѣло, Иванъ Василичъ.

Башка сдѣлался для Ваньки Каина правой рукой во всѣхъ важныхъ кабацкихъ дѣлахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянной статьей дохода. Говоря вообще, именно Башка задавалъ тонъ всей «Плевнѣ», гдѣ онъ являлся вполнѣ авторитетнымъ лицомъ. Спеціальностью Башки служило ходатайство по дѣламъ, причемъ онъ иногда зарабатывалъ порядочныя деньги, одѣвался за-ново и потомъ все спускалъ до послѣдней нитки. Знакомыхъ у Башки въ мелкомъ купечествѣ, въ духовномъ званіи было несмѣтное число, и онъ умѣлъ эксплуатировать всю эту братію съ замѣчательной изворотливостью. Въ «Плевнѣ» было составлено и написано Башкой множество прошеній, которыми онъ одолѣвалъ суды всѣхъ инстанцій; онъ же являлся свидѣтелемъ въ двухъ нотаріальныхъ конторахъ, какъ человѣкъ, «лично извѣстный» гг. нотаріусамъ. На худой конецъ Башка зарабатывалъ въ день рубль или полтора, хотя въ его тревожной жизни случались нерѣдко совсѣмъ глухіе моменты, особенно послѣ жестокаго перепоя, когда онъ сидѣлъ безъ гроша по недѣлямъ. Такія несчастія обыкновенно случались съ нимъ сейчасъ послѣ большихъ полученій: получитъ Башка деньги и пойдетъ чертить, а потомъ и зубы на полку, такъ что даже къ нотаріусу не въ чемъ явиться. Обыкновенно изъ такого отчаяннаго положенія Башку выручалъ Ванька Каинъ, дѣлавшій ему при этомъ приличную нотацію. Въ глубинѣ души Ванька Каинъ благоговѣлъ предъ талантами Башки, хотя иногда и любилъ его поприжать своей каиновой лапой.

Около Башки группировались уже остальные завсегдатаи «Плевны».

Корнилычъ, промотавшійся купеческій сынокъ, былъ великимъ артистомъ по части биллiардной игры; онъ дневалъ и ночевалъ по трактирамъ, выжидая подходящаго случая нагрѣть руки около загулявшаго купчика или чиновника. Всю выручку онъ несъ въ «Плевну», гдѣ сейчасъ же появлялись на сцену сардинки, сыръ, разныя лакомства сезона и т. д., пока не уле-

тучивалась у Корнилыча послѣдняя копейка. Этотъ человѣкъ остался неисправимымъ мотомъ; сорить деньгами было у Корнилыча въ крови, и онъ многолѣтней практикой до совершенства постигъ великое искусство шикнуть и показать товаръ лицомъ. Пилъ Корнилычъ совсѣмъ мало и перебивался въ «Плевнѣ» около хорошихъ людей вродѣ Башки.

Труба, сбившійся съ панталыку мужикъ, промышлялъ около пріѣзжавшихъ въ городъ мужиковъ, съ которыми умѣлъ заводить знакомство съ необыкновенной быстротой; онъ въ одномъ карманѣ носилъ колоду картъ, а въ другомъ свой величайшій секретъ — «гривенку». Захмѣлѣвшихъ мужиковъ Труба умѣлъ затянуть въ извѣстную кабацкую игру «три туза» или начиналъ метать орлянку, причемъ на сцену выступала завѣтная гривенка. Эта гривенка была устроена особеннымъ образомъ. Труба взялъ двѣ старыхъ николаевскихъ гривны и у одной сточилъ «рѣшетку», а у другой «орелъ», такъ что сложенныя вмѣстѣ они составляли одну гривну; въ «рѣшоткѣ» Труба искусно высверлилъ нѣсколько желобковъ и въ нихъ налилъ ртути, а потомъ спаялъ обѣ гривны въ одну. Такая монета, брошенная вверхъ, всегда ложится рѣшоткой внизъ, а орломъ наружу, такъ что Труба никогда не рисковалъ проиграться, хотя завѣтную гривенку приходилось пускать въ оборотъ очень осторожно. Труба рѣдко игралъ въ «Плевнѣ», а бо́льшею частью на сторонѣ, гдѣ его не знали, и съ выигрышными деньгами непремѣнно являлся къ Ванькѣ Каину и пилъ тяжелымъ мужицкимъ запоемъ.

Кто такой былъ Хохликъ, по всей вѣроятности, онъ и самъ того не зналъ. Въ «Плевнѣ» онъ являлся безотвѣтнымъ, чрезвычайно скромнымъ существомъ; его можно было послать куда угодно и онъ, кажется, никогда не могъ возразить что-нибудь. Чѣмъ онъ существовалъ—тоже являлось неразрѣшимой загадкой. Его друзья знали только то, что Хохликъ умѣетъ играть на гитарѣ и на пробкахъ; послѣднее искусство стоило ему самаго каторжнаго труда, и онъ овладѣлъ имъ настолько, что, взявши въ зубы двѣ пробки, разыгрывалъ даже опереточныя аріи. Корнилычъ и Труба часто пользовались услугами безотвѣтнаго товарища, когда имъ нужно было подставное лицо, а Башка гонялъ Хохлика съ прошеніями по всему городу. Вообще Хохликъ отличался полнымъ отсутствіемъ воли и былъ счастливъ, когда дѣлалъ что-нибудь для другихъ по ихъ приказанію.

— И какой ты, право, Христосъ съ тобой! — говорила ему

въ припадкѣ сердечнаго разслабленія сожительница Ваньки Каина.—Ты бы смѣлѣе, ей-Богу... Учись у Башки-то, али у другихъ тоже... Право, какой ты!...

— Гдѣ ужь намъ, Акулина Митревна?... Мы ужь такъ-съ... по маленьку-съ,— смущенно отвѣчалъ Хохликъ, обдергивая рукава своего пальто.

— Ежели бы ты блаженненькій былъ... придуривалъ тамъ, а то, вѣдь... Уродится же этакой человѣкъ, подумаешь! А?

Кромѣ этихъ завсегдатаевъ, «Плевну» періодически посѣщало множество другихъ особенныхъ людей, которые временемъ сильно зашибали водкой. Посѣщеніе такого гостя было настоящимъ праздникомъ для завсегдатаевъ. Гость пропивался до нитки и потомъ удалялся во свояси. Въ этомъ разрядѣ были чиновники, купцы и люди неопредѣленныхъ профессій; за ними обыкновенно являлись родственники, которые страшно ругались съ Ванькой Каиномъ и обѣщались жаловаться начальству.

— Что же съ? Я ихъ не неволю-съ,—любезно отвѣчалъ Ванька Каинъ, взмахивая жирными волосами.—А что до начальства касательно, такъ у меня есть пакентъ... сдѣлайте ваше одолженіе.

Ванька Каинъ былъ великій тактикъ и въ совершенствѣ обладалъ величайшимъ сокровищемъ, которое называется «чувствомъ мѣры»; людей онъ видѣлъ насквозь и со всякимъ умѣлъ обойтись по своему. Тонкость пониманія была въ немъ развита замѣчательно и еще скрашена извѣстнымъ запасомъ чисто русскаго добродушія. Конечно, по своему, Ванька Каинъ былъ прожженый плутъ и мошенникъ, но только для другихъ, а не у себя дома, гдѣ онъ являлся почти отцомъ семейства. Бездомные бродяги и скитальцы вели у него все хозяйство, ходили за лошадью и даже самъ Башка пололъ въ огородѣ гряды. Завсегдатаи любили Ваньку Каина именно за его пониманіе, т.-е. за то, что онъ одинъ относился къ нимъ, какъ къ людямъ.

— Да ты думаешь, Иванъ Василичъ, я пошелъ бы куда-нибудь въ кабакъ?... а?—допрашивалъ пьяненькій Корнилычъ. — Нѣ-ѣтъ, братъ, я тоже себѣ цѣну знаю... А къ тебѣ вотъ иду, потому что уважаю. Да!... Какъ къ отцу родному иду, во-какъ... Ужь это ты будь безъ сомнѣнія, по всей формѣ.

Отмѣтимъ здѣсь ту особенность, что въ этой средѣ кабацкихъ завсегдатаевъ соблюдался цѣлый ритуалъ самыхъ строгихъ приличій, преступать которыя никто не могъ, и, можетъ быть, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ такъ жестоко не преслѣдовалось отсту-

пленіе отъ этихъ приличій, какъ здѣсь. Между прочимъ, строго было запрещено приводить въ «Плевну» женщинъ или, выражаясь кабацкимъ жаргономъ, бабъ, что и выполнялось до сихъ поръ неукоснительно. Причинъ такого драконовскаго закона было много, начиная съ того, что Башка не выносилъ бабъ вообще и въ частности, и кончая тѣмъ, что Акулина Митревна строго блюла патріархальность нравовъ своего заведенія и въ качествѣ женщины ненавидѣла всѣхъ другихъ женщинъ, а тѣмъ болѣе шляющихся по кабакамъ. Ванька Каинъ держалъ нейтралитетъ, тѣмъ болѣе, что находился въ нѣкоторомъ подчиненіи у своей сожительницы, особенно, когда самъ зашибалъ своимъ товаромъ.

Теперь намъ понятно то чувство негодованія, которое было вызвано несжиданнымъ появленіемъ въ «Плевнѣ» Фигуры. Когда дверь кабака захлопнулась за ней, сейчасъ же послѣдовалъ настоящій взрывъ одобренія, адресованнаго къ расхрабрившейся Акулинѣ Митревнѣ.

— Молодца у насъ Акулина Митревна, — галдѣли завсегдатаи, точно праздновали настоящую побѣду.—Ловко она отчехвостила эту шлюху... А Башка послѣ этого будетъ хуже Мазепы.

— Настоящій Гришка Отрепьевъ.

Общественное мнѣніе «Плевны» было возмущено до глубины души и вынесло Башкѣ обвинительный вердиктъ безъ всякихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, и только одинъ Ванька Каинъ испытывалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти, что не предложилъ Башкѣ во время стаканчика и тѣмъ довелъ его до окончательнаго паденія. Впрочемъ, онъ вслухъ никому не высказывалъ своихъ мыслей, тѣмъ болѣе, что его вина носила слишкомъ косвенный характеръ.

«Сбѣсился, песъ, — раздумывалъ Каинъ, орудуя за стойкой. — Этакое колѣно укололъ!... а?... Бабу приволокъ, да еще какую-то такую, что... тьфу! Этакія пропастины, подумаешь, на бѣломъ свѣтѣ водятся...»

На другой день послѣ этого событія «Плевна» уже имѣла самыя подробныя біографическія свѣдѣнія относительно прошлаго и настоящаго Фигуры. Это поусердствовалъ Корнилычъ, имѣвшій большія трактирныя связи, а въ трактирахъ Фигуру отлично знали.

— Перво-на-перво она у родителевъ жила, — повѣствовалъ Корнилычъ, глубокомысленно насасывая дешевенькую сигарку.— Изъ дворянъ еще будетъ... Ну, воспитаніе получила самое нѣж-

ное, да потомъ и пошла щеголять. Въ театрѣ актрисой была, потомъ арфисткой, потомъ по трактирамъ... Щеголяла-щеголяла, да вотъ и дощеголяла до своего настоящаго виду. Зобунъ разсказывалъ, какъ она Башку-то подцѣпила... Нехорошо даже разсказывать. И такая, сказываетъ, пройдоха, что не приведи Христосъ. Шлёнда, однимъ словомъ...

— Удавить бы ее, проклятущую!—предложилъ кто-то.

Однако, такіе разговоры никого не могли утѣшить; отсутствіе Башки чувствовалось во всемъ: точно изъ машины вынули главное колесо. И, какъ на зло, народъ такъ и перъ въ «Плевну» съ прошеніями, а Башка и глазъ не показывалъ.

— Сказываютъ, утонулъ онъ,—отвѣчалъ Ванька Каинъ на разспросы просителей и мрачно улыбался.

V.

Черезъ недѣлю Башка неожиданно появился въ «Плевнѣ»; онъ привелъ съ собой Медальона и занялъ свое обычное мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало. Понятно, что завсегдатаи встрѣтили его очень подозрительно, но Башка съ обычной хитростью притворился, что ничего не замѣчаетъ, и держалъ себя такъ, точно ничего особеннаго не случилось.

— Экіе безстыжіе глаза!—изумлялась Акулина Митревна.— И безпремѣнно у него што-нибудь есть на умѣ... ужь не таковскій человѣкъ, штобы спроста! И одежонкой раздобылся, песъ...

Дѣйствительно, Башка явился въ сапогахъ, въ калошахъ, въ приличныхъ брюкахъ и даже въ осеннемъ дипломатѣ съ чужаго плеча. Медальонъ жался въ одномъ пиджачкѣ.

— А мы ужь тебя утонувшимъ записали,—ехидно говорилъ Ванька Каинъ, выставляя приличную посудину. — Много тутъ спрашивали... Я ищо пожалѣлъ, потому какъ въ цвѣтѣ лѣтъ и, можно сказать, безъ покаянія...

— Будетъ тебѣ огороды-то городить, — обрѣзалъ Башка.— Я вотъ тебѣ хорошаго человѣка привелъ.

— Что же? Мы хорошимъ людямъ завсегда рады... Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Медальонъ былъ подвергнутъ самой безпощадной критикѣ и выдержалъ испытаніе. Его какъ-то сразу всѣ полюбили, а Акулина Митревна сказала прямо, что «энтотъ какъ разъ подъ пару подойдетъ Хохлику-то». Однако, вечеромъ, когда пьяный Башка

принялся разсуждать съ Медальономъ о разныхъ философскихъ предметахъ, Ванька Каинъ замѣтилъ женѣ, что Медальонъ «далеко не вплоть» Хохлику-то, вонъ какія мудреныя слова разговариваетъ, даже Корнилычъ, на что лютъ бобы-то разводить, и тотъ только глазами хлопаетъ. А Башка дѣйствительно разговорился какъ-то необыкновенно и точно все заискивалъ передъ новымъ своимъ другомъ, чѣмъ завсегдатаи были обижены еще разъ.

— Есть цѣлый разрядъ фактовъ, который совсѣмъ выходитъ изъ предѣловъ обыкновенной логики,—философствовалъ Башка.— Напримѣръ, общество не хочетъ знать насъ и даже стыдится, а, между тѣмъ, мы самое наизаконнѣйшее явленіе... Даже можно сказать, мы правильнѣе смотримъ на вещи, потому что по теоріи утилитаризма промѣняли фиктивныя блага на болѣе существенное, такъ сказать, мы пьемъ сокъ жизни, когда другіе только приближаются къ этому идеалу. Важно доработаться до философскаго міросозерцанія, а съ высоты его разныя житейскія невзгоды кажутся просто смѣшными...

— Совершенно вѣрно! —соглашался Медальонъ, запуская тонкія руки въ свои бѣлокурые волосы. — Людямъ крайне тяжело разставаться съ извѣстными житейскими предразсудками, особенно тѣми изъ нихъ, которые срослись съ домашнимъ обиходомъ... Только вотъ у насъ въ гимназіи плохо проходили философію, и я не совсѣмъ понимаю нѣкоторыя твои разсужденія.

— Пустяки! Этотъ недостатокъ твоего воспитанія мы пополнимъ,—смѣялся Башка, встряхивая своей гривой.—Знаешь, я человѣкъ откровенный и прямо тебѣ скажу, что крѣпко недолюбливаю ваше сухарное гимназическое образованіе... Ей-Богу!... Знаете вы много и порядочно знаете, а вотъ настоящаго закалу въ васъ нѣтъ... этой философской выдержки. У нашего брата, бурсака, дубленые мозги-то... Ха-ха!... Жизнь, братику, это мудреная исторія, если особенно взять не казовые концы и не ея парадную праздничную сторону, а настоящую суть. Вездѣ противорѣчія... «Ввергохомъ злато въ огонь, и изліяся телецъ». Ха-ха!... Это ужь постоянно. «Злато»—это то, чѣмъ мы были до нашего воспитанія, а «телецъ» получился ужь въ результатѣ. Знаешь, я недавно шелъ ночью босикомъ въ одной рубахѣ по грязи... холодище смертный, даже одеревенѣлъ весь, а въ главизнѣ разныя латинскія да греческія цитаты такъ и шевелятся: изъ Овидія, изъ Гомера, изъ Цицерона. Вѣдь, получается жесто-

кая, но поучительная иронія... Я хохоталъ, надъ собой хохоталъ. Къ чему? Зачѣмъ?... Жизнь требуетъ цѣльнаго человѣка, сильнаго умомъ и волей, а мы являемся на житейскій пиръ, какъ попугай, съ двумя-тремя латинскими фразами. Я вотъ человѣкомъ-то себя чувствую только здѣсь, въ «Плевнѣ», и то постоянно сосетъ червь... Просто иногда пугаетъ этотъ всеобщій разладъ, частицу котораго составляешь и самъ своей особой. Вотъ Ванька Каинъ уравновѣшенная душа, потому что онъ безмѣрно глупъ... изъ породы сумчатыхъ и толстокожихъ, и, навѣрное, у него волосы растутъ прямо изъ мозговъ.

Медальонъ говорилъ на эту же безконечную тему, хотя во многомъ не могъ согласиться съ жестокой логикой Башки. Онъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, болѣзненно согнувшись, точно все еще подъ нимъ была гимназическая парта, и нервно вздрагивалъ каждый разъ, когда за стѣнами «Плевны» съ визгомъ и завываніями поднимался рѣжущій осенній вѣтеръ, метавшійся по городскимъ улицамъ, какъ оглашенный. Стоялъ октябрь, земля уже покрылась промерзшей корой и вездѣ бѣлѣлъ первый снѣгъ, которымъ такъ пріятно любоваться изъ хорошихъ теплыхъ домовъ, когда въ запасѣ есть теплая шуба. Въ «Плевнѣ» въ эту пору всегда бываетъ особенно много посѣтителей, потому что холодъ всѣхъ гонитъ къ теплу.

— Экая у тебя жидкокостная и гнилая натуришка! — негодовалъ Башка каждый разъ, когда у Медальона на улицѣ зубъ съ зубомъ не сходился.—Ты смотри на меня: точно изъ подошвенной кожи сшитъ.

Раньше Башка ночевалъ вмѣстѣ съ другими завсегдатаями въ задней каморкѣ «Плевны» или по разнымъ ночлежнымъ притонамъ, а теперь къ ночи обязательно исчезалъ въ обществѣ Медальона.

— Это онъ къ той шляется,—соображала «Плевна» и презрительно пожимала плечами. — А та, не бойсь, боится сюда безстыжіе-то свои глаза показать.

Между тѣмъ, Фигура лежала больная въ своемъ подвалѣ, куда Башка и Медальонъ приносили дрова и разный необходимый провіантъ, добываемый ими по всему городу. Башка былъ неузнаваемъ. Онъ сначала ненавидѣлъ Фигуру, потомъ помирился съ ней, а теперь ухаживалъ за ней, какъ за ребенкомъ, т.-е. ухаживалъ-таки опять по своему, по-бурсацки. Со стороны можно было подумать, что Башка хочетъ приколотить больную.

Но это не мѣшало ему просиживать надъ ней цѣлыя ночи, безконечныя осеннія ночи, когда все кругомъ покоится мертвымъ сномъ и только вѣтеръ выводитъ дикія ноты въ трубѣ. Башка привелъ къ больной доктора, ему одному извѣстными способами добывалъ лѣкарства, Башка приносилъ откуда-то дрова, Башка раздобылся матрацомъ и одѣяломъ для больной; однимъ словомъ, онъ работалъ неутомимо и, кромѣ того, еще ухаживалъ за Медальономъ, котораго полюбилъ съ перваго раза. Фигура лежала на своемъ одрѣ съ закрытыми глазами и, кажется, не узнавала никого; по ночамъ она начинала тяжело метаться и глухо стонала. Башка обкладывалъ ее компрессами, измѣрялъ температуру, подавалъ лѣкарства и былъ очень доволенъ, что у него не остается ни минутки свободнаго времени. Иногда Башка приносилъ съ собой бутылку водки и молча ее распивалъ въ обществѣ Медальона, который дѣлалъ всегда то, что дѣлаютъ другіе. Особенно хорошо чувствовали себя друзья въ тѣ часы, когда топилась вечеромъ печь и они могли сидѣть предъ ней въ безмолвномъ созерцаніи, какъ настоящіе философы. Пламя трещало такъ весело и разливало кругомъ такую благодатную теплоту.

— Странная вещь этотъ огонь,—задумчиво говорилъ Башка, глядя на переливы пламени. — Это стихійное начало, съ одной стороны... съ другой, символъ очищенія, прообразъ домашняго очага, величайшее пріобрѣтеніе для ветхаго человѣка и неутомимый работникъ для новаго.

Медальонъ цитировалъ греческихъ и римскихъ авторовъ, припоминая мѣста, гдѣ говорится объ огнѣ, а Башка сидѣлъ и думалъ, думалъ безъ конца, какъ думается только въ осеннія непроглядныя ночи. Ни отца, ни матери онъ не помнилъ; они умерли разомъ въ 48-мъ холерномъ году. Дядя свезъ его восьми лѣтъ въ бурсу, и съ тѣхъ поръ Башка жилъ своимъ умомъ. Много перенесъ онъ за двѣнадцать лѣтъ бурсацкой науки и холода, и голода, и всякихъ другихъ напастей, и, въ концѣ-концовъ, выработался изъ него чистокровный семинарскій «башка». Чѣмъ только онъ ни былъ, проходя черезъ это бурсацкое чистилищѣ: архіерейскимъ исполатчикомъ, кадило и свѣщевозжигателемъ, канонархомъ, иподіакономъ, архіерейскимъ басомъ, потомъ служилъ въ консисторіи, въ акцизномъ вѣдомствѣ, при полиціи, на золотыхъ промыслахъ, въ городской управѣ и т. д.

— Не сносить тебѣ головы, братецъ,—говорилъ Башкѣ одинъ старичекъ, семинарскій профессоръ, — винта не хватаетъ одного

въ мозгахъ... Очень ужь ты башковатъ, своя сила одолитъ да и гордости этой въ тебѣ черезъ мѣру.

Дѣйствительно, въ головѣ у Башки не доставало какого-то винта. Съ блестящими способностями, съ философской складкой ума, выносливый, изобрѣтательный, онъ принимался за десятки спеціальностей, быстро дѣлался общимъ любимцемъ, а потомъ также быстро ссорился со всѣми, бросалъ дѣло и уходилъ на улицу, которая всегда кормила и поила его. Въ минуты раздумья Башка самъ сознавалъ, что пропадаетъ ни за грошъ, но переломить себя не могъ: его вѣчно грызъ бѣсъ ненасытной гордости, точно какая скрытая зараза. Конечно, Башка страшно пилъ, пилъ съ двѣнадцати лѣтъ, но что могла значить водка для его желѣзной натуры? Онъ пилъ съ тоски, которая неотступно сосала его. Даже успѣхъ не радовалъ его, а наводилъ уныніе: онъ, который чувствовалъ въ себѣ силу сдвинуть гору, долженъ былъ «ловить мышей», какъ выражался Башка. Сознаніе собственной силы и превосходства надъ окружающими сдѣлало его несчастнымъ, какъ и многое множество другихъ талантливыхъ русскихъ выродковъ, кончившихъ роковымъ «общимъ знаменателемъ», какъ называлъ Башка кабакъ.

— Что воспитаніе! Это только частица громаднаго органическаго цѣлаго,—разсуждалъ Башка. — Всѣ мы только мышей ловимъ... Ха-ха-ха!... Богатырь Святогоръ говорилъ: «Тяжело отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени...» Ты и разумѣй.

Въ жизни Башки былъ одинъ ничѣмъ необъяснимый пробѣлъ: для него женщины почти не существовали или, вѣрнѣе, существовали, какъ печальная физіологическая необходимость. Радужный ореолъ, которымъ окружали женщину поэты всѣхъ странъ и народовъ, для Башки былъ дребеденью и чепухой; онъ видѣлъ только бабъ, самый вздорный и ничего нестоющій народишко, который въ природѣ служитъ только переходной формой и, какъ таковая, носитъ въ себѣ всѣ недостатки переходнаго существованія. Съ физической стороны Башка относился къ женщинѣ брезгливо, съ тѣмъ презрѣніемъ, которое выработала въ немъ тяжелая практика; какъ философъ, онъ ихъ ненавидѣлъ, какъ ненавидитъ каторжникъ цѣпи даже на другихъ. О любви и вообще нѣжныхъ чувствахъ Башкѣ не приходилось задумываться, и въ немъ жилъ какой-то подвижническій, почти аскетическій духъ. Не помня матери и не имѣя семьи, Башка выросъ дикаремъ и частенько подумывалъ о монашествѣ.

Случайная встрѣча съ Фигурой и Медальономъ произвела на него какое-то смѣшанное впечатлѣніе: чѣмъ ближе онъ знакомился съ Фигурой, тѣмъ сильнѣе ее презиралъ, и чѣмъ больше презиралъ, тѣмъ больше любилъ Медальона, этого гимназическаго башку въ зародышѣ, въ безконечномъ приближеніи къ своему первообразу и идеалу, точно Башка видѣлъ въ Медальонѣ часть самого себя, именно ту часть, которой ему не доставало. Какъ ни странно сказать, Башка питалъ къ Медальону отечески нѣжныя чувства, точно самъ онъ физически хотѣлъ продолжиться въ этой жидкокостной натуришкѣ. Сначала Башку до глубины души возмущали телячьи нѣжности въ отношеніяхъ Фигуры и Медальона; эти нѣжности шокировали и коробили Башку, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ нимъ странница за страницей раскрывался совершенно невѣдомый міръ, міръ неиспытанныхъ ощущеній. Фигура любила Медальона, и это неизвѣданное чувство Башка переживалъ въ отраженной формѣ. Имъ овладѣвала какая-то новая тоска, точно онъ что-то потерялъ такое хорошее и дорогое и, вмѣстѣ, такое чистое... Да, это было новое чувство, и Башка боролся съ нимъ молча, сосредоточенно, какъ борются въ темнотѣ съ смертельнымъ врагомъ, который напалъ сзади.

— Вздоръ... глупости!—ворчалъ Башка, схватывая себя за голову.

Развѣ онъ могъ любить грязную, истасканную Фигуру, столько же походившую на женщину, какъ стоптанная, валяющаяся дырявая калоша гдѣ-нибудь на улицѣ походитъ на настоящую обувь. Башка былъ слишкомъ силенъ физически, чтобы не чувствовать физическаго отвращенія къ Фигурѣ, хотя это чувство не мѣшало ему видѣть въ ней другую женщину, именно ту, которая еще такъ недавно блестѣла своей свѣжестью,—женщину, которая одной улыбкой могла сдѣлать человѣка счастливымъ. Просиживая ночи у постели больной, Башка припомнилъ плохонькій провинціальный театръ, изъ райка котораго онъ любилъ смотрѣть на сцену, и на этой сценѣ онъ припомнилъ Фигуру. Да, это была она—улыбающаяся, заражавшая публику своимъ весельемъ, а теперь... Даже философски-организованный умъ не въ состояніи помириться съ такимъ безпощаднымъ превращеніемъ, какъ не помирится онъ съ виномъ, потерявшимъ свой букетъ,—оставалась одна форма, а содержаніе улетучилось.

А Фигура все лежала съ закрытыми глазами, и Башка не

одинъ разъ думалъ, что она уже умираетъ. Его схватывала какая-то злоба отъ сознанія своего полнаго безсилія предъ творившимся на его глазахъ актомъ природы; онъ, съ своимъ желѣзнымъ здоровьемъ, суровый и непреклонный, былъ здѣсь слабѣе ребенка и, какъ ребенокъ, только могъ ждать. Одна ночь особенно была тяжела, но эта ночь имѣла благодѣтельный исходъ. Фигура заснула въ первый разъ спокойнымъ сномъ выздоравливающаго человѣка и на утро въ первый разъ попросила ѣсть.

— Мнѣ лучше,—прошептала она и пожала руку Башкѣ.

Это невольное движеніе испортило все дѣло: Башка даже пожалѣлъ, что Фигура не умерла, и озлился на себя, зачѣмъ напрасно терялъ время въ этомъ подвалѣ. Главное, Башка почувствовалъ себя какъ-то необыкновенно глупо, и ему сдѣлалось совѣстно даже предъ выздоравливавшей.

Наступила новая полоса. Башка началъ теперь пропадать по цѣлымъ днямъ и являлся на квартиру къ Медальону только вечеромъ. Выздоровленіе Фигуры подвигалось впередъ быстрыми шагами, молодой организмъ бралъ свое; она уже могла сидѣть на постели и все придумывала разныя необыкновенныя кушанья.

— Знаете, что мнѣ кажется?—говорила однажды Фигура, когда Медальонъ и Башка сидѣли у топившейся печки и мечтали.—Мнѣ кажется, что я родилась во второй разъ... Я какъ-то проснулась здѣсь днемъ одна и вдругъ мнѣ представилось, что я маленькая дѣвочка, совсѣмъ маленькая, когда ходила въ коротенькихъ платьицахъ и въ панталонахъ съ кружевной оборочкой. Да... Это такъ было смѣшно. И рубашка на мнѣ была такая тонкая и чистая, настоящая батистовая, лѣтнее платьице изъ дешевенькой кисеи съ маленькими такими розовыми мушками, а волосы на головѣ были подвязаны одной ленточкой,— и больше ничего. Вѣдь, это во снѣ все... да. И сама я такая легкая сдѣлалась, и хорошо мнѣ такъ, что я даже засмѣялась про себя.

Этотъ разсказъ просто взбѣсилъ Башку. Онъ схватитъ свою шапку и, не сказавъ никому ни одного слова, убѣжалъ изъ подвала.

— Что это съ нимъ такое сдѣлалось?—недоумѣвала Фигура.

— А кто его знаетъ?—равнодушно отвѣтилъ Медальонъ.— Онъ, вѣдь, вообще довольно странно себя держитъ.

Башка жестоко пилъ весь этотъ вечеръ въ «Плевнѣ», рас-

кался во всѣхъ своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ Корнилычу и, облегченный этой добровольной исповѣдью, далъ слово своему закадычному благопріятелю, что больше никогда не заглянетъ къ Медальону.

— Ну ихъ къ чорту!—коротко замѣтилъ Корнилычъ.

— Бѣленькое платьице... батистовая рубашка... Слышишь? И рубашка бѣленькая! Ха-ха!... Говоритъ, во снѣ видѣла... Этакая подлая душонка! И ленточка... тьфу!...

Пьяный Башка проклиналъ всѣхъ бабъ вообще, а на другой день вечеромъ опять сидѣлъ въ подвалѣ у Медальона и сурово курилъ одинъ крючекъ махорки за другимъ. Онъ шелъ мимо и зашелъ погрѣться—не больше. Съ Фигурой онъ не говорилъ ни слова и точно совсѣмъ не замѣчалъ ея присутствія, а когда уходилъ, то такъ сильно хлопнулъ дверью, что та соскочила съ послѣдней своей петли. Это обстоятельство задержало Башку въ подвалѣ дольше, чѣмъ онъ предполагалъ, но онъ, все-таки, до конца выдержалъ характеръ и не проронилъ съ Фигурой ни одного словечка. Очутившись на улицѣ, Башка долго бродилъ и все что-то обдумывалъ, ругаясь про себя.

— Нѣтъ, это ужъ благодарю покорно!—думалъ онъ вслухъ, шагая по молодому снѣжку, который своей бѣлизной опять напоминалъ ему о проклятой бѣленькой рубашкѣ.—Дудки!... Къ чорту!

Башка въ послѣднее время работалъ самымъ лихорадочнымъ образомъ и успѣлъ обдѣлать сотни ловкихъ дѣлъ. Изъ-подъ его пера летѣлъ цѣлый градъ прошеній и всяческихъ кляузъ во всевозможныя инстанціи. Денегъ у него было много и, между прочимъ, онъ успѣлъ доставить Медальону мѣсто писца у нотаріуса. Словомъ, работа кипѣла. По вечерамъ Башка иногда захаживалъ въ подвалъ къ Медальону погрѣться, выкуривалъ нѣсколько папиросъ и исчезалъ. Къ Фигурѣ онъ относился съ прежней суровостью, а, между тѣмъ, она уже могла бродить по комнатѣ и съ удовольствіемъ сидѣла передъ печкой. Болѣзнь совсѣмъ измѣнила ее. Пьяная одутловатость исчезла, лицо вытянулось, кожа поблѣднѣла, глаза смотрѣли чистымъ свѣтлымъ взглядомъ, какъ у проснувшагося ребенка.

— Теперь ужъ кончено,—въ сотый разъ повторяла Фигура.— Я водки больше ни-ни... У тебя теперь есть мѣсто, и я тоже найду занятія. Поступлю суфлеромъ въ театръ, возьму мѣсто прикащицы, словомъ, устроимся.

Эти планы повѣрялись и Башкѣ, который только иронически

улыбался. Онъ теперь занятъ былъ исключительно философскими соображеніями и постоянно спорилъ съ Медальономъ, т.-е., вѣрнѣе, придирался къ нему и постоянно разбивалъ его по всѣмъ пунктамъ. Разъ такой разговоръ перешелъ въ настоящую ссору.

— Ничего вы, медальоны, не понимаете—вотъ что!—обрѣзалъ Башка.—Ну, что вы за народъ, если разобрать? Плюнуть—и растереть нечего, вотъ и весь разговоръ.

— Однако, ты, Башка, довольно сильно выражаешься сегодня,—замѣтилъ Медальонъ, задѣтый за живое.

— А вы привыкли, чтобы васъ по головкѣ гладили?... а?—зарычалъ неожиданно Башка. — Какой-нибудь издохлый гимназистишко и философія... Ха-ха!...

— Послушайте, это невѣжливо, наконецъ, — замѣтила отъ себя Фигура.

— Не-вѣж-ли-во? — переспросилъ съ разстановкой Башка, побѣлѣвъ отъ охватившей его злости. — А тебя, Фигура Ивановна, кто спрашиваетъ?... Къ чорту!... Слышала?... А то я, безъ церемоніи, за хвостъ да и объ стѣну...

Башка разругался на пропалую, и, какъ всѣ неправые люди, старался вымѣстить свою злость ни на чемъ неповинномъ Медальонѣ, который скоро замычалъ, и это окончательно вывело изъ себя Башку.

VI.

Дѣла въ «Плевнѣ» шли все подъ гору, что завсегдатаи объясняли отщепенствомъ Башки. Онъ, правда, бывалъ въ «Плевнѣ» и даже очень часто бывалъ, но это было «то, да не то», потому что душой онъ уже не принадлежалъ къ ней, какъ это было прежде.

«И точно на меня затмѣніе тогда нашло какое, — раздумывалъ съ горечью про себя Ванька Каинъ, пересчитывая выручку.—Ну, чего стоило дать тогда Башкѣ опохмѣлиться, ну, какой-нибудь стаканчикъ—плевать, а теперь вотъ и ожигайся...

Съ другой стороны, Ваньку Каина точно какой бѣсъ подталкивалъ не покоряться Башкѣ ни подъ какимъ видомъ. «Эка важность, и безъ него проживемъ; было бы болото, а черти будутъ!» Наружно онъ былъ вѣжливъ съ Башкой попрежнему, хотя и не умѣлъ скрыть оборотной стороны этой вѣжливости, выжидая только случая отомстить Башкѣ по настоящему. Эти жестокія мысли въ Ванькѣ Каинѣ поддерживались еще больше плохой вы-

ручкой, которая даже передъ Рождествомъ не поправилась, хотя это было самое бойкое время. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, чуть не подъ носомъ у Ваньки Каина открывался другой кабакъ, что, очевидно, было дѣломъ рукъ все того же Башки.

— Это даже весьма обыкновенно,—разсуждалъ Ванька Каинъ въ своей компаніи съ видомъ угнетенной невинности.—И поговорка такая есть: «не поя, не кормя, ворога не наживешь». Оно все такъ и выходитъ: за мою хлѣбъ-соль да меня же Башка и подводитъ. Прежде прошенія писать сколько мужиковъ въ «Плевну» ходило, такъ и прутъ, какъ въ окружный судъ, а теперь, видно, шабашъ, какъ обрѣзало... а все за мою доброту, да,— прибавлялъ Каинъ многозначительно.

Завсегдатаи «Плевны» тоже чувствовали себя не особенно весело, потому что и у нихъ дѣла безъ Башки сильно пошатнулись, а, главное, ужь не было прежняго духа. Про себя они тоже обвиняли въ своихъ неудачахъ Башку, обвиняли въ такихъ проступкахъ, о которыхъ онъ не могъ знать даже «сномъ-дѣломъ». Такъ, Корнилычъ проигрывался на биліардѣ—рука стала не тверда и глазъ притупился, а онъ обвинялъ въ этомъ обстоятельствѣ Башку; Трубѣ гдѣ-то въ харчевнѣ крѣпко наломали бока за его гривенку—и тоже Башка былъ виноватъ. Даже безотвѣтный Хохликъ, и тотъ, ложась съ пустымъ желудкомъ, не разъ былъ огорченъ страннымъ поведеніемъ своего недавняго покровителя.

Разъ, не задолго до Рождества, выдался для «Плевны» особенно плохой день. Снѣгъ такъ и ходилъ по улицамъ бѣлой стѣной, холодъ былъ страшный и пробиралъ до костей въ самыхъ теплыхъ шубахъ, а у завсегдатаевъ на троихъ не было даже теплой шапки. Приходилось сидѣть въ «Плевнѣ» и ждать, не подвернется ли какой хорошій человѣкъ. А тутъ еще, какъ на зло, мимо «Плевны» шли и ѣхали съ разными покупками къ празднику: тащили гусей, ломти замороженной свинины, всяческую другую снѣдь, точно съ спеціальной цѣлью непремѣнно подзадорить щелкавшихъ зубами завсегдатаевъ. Положеніе, вообще, было не изъ красивыхъ.

— Хоть бы Башку чортъ принесъ!—ворчалъ Корнилычъ, тоскливо поглядывая на отворяющуюся дверь.—Сказываютъ, въ шубѣ щеголяетъ и съ бобровымъ воротникомъ.

— Ахъ, песъ!—ругался Труба.—Вѣдь, вотъ, подумаешь, какое другимъ людямъ счастье привалитъ.

Въ моментъ наибольшаго отчаянія въ «Плевнѣ» появляется Фигура; она сильно навеселѣ и держитъ окоченѣвшими отъ холода руками какой-то бумажный свертокъ.

— Башка здѣсь?—спрашиваетъ Фигура самого Ваньку Каина, который смотритъ такими глазами, точно сейчасъ намѣренъ проглотить ее живьемъ.

— Былъ да весь вышелъ. — отвѣчаетъ онъ въ галантерейномъ тонѣ.

— Мнѣ бы поговорить съ вами нужно...

— Говорите.

— Нѣтъ, здѣсь нельзя; у меня секретъ.

Каинъ отлично зналъ эти секреты своихъ посѣтителей и только указалъ головой на дверь въ свою комнату, куда Фигура и шмыгнула съ проворствомъ ящерицы. Отдыхавшая на перинѣ Акулина Митревна встрѣтила посѣтительницу самымъ непривѣтливымъ образомъ, не говоря ни слова, вырвала у ней изъ рукъ бумажный свертокъ и сердито принялась обрывать бумагу, вытаскивая на свѣтъ что-то бѣлое.

— Можетъ ищо украдено,—говорила Акулина, растягивая передъ окномъ тонкую батистовую женскую рубашку, отдѣланную кружевами, а потомъ кисейное бѣлое платье съ розовыми мушками; изъ средины упала на полъ тоненькая голубенькая ленточка.—Ищо въ судъ потащутъ за краденное-то. Нѣтъ, матушка, не надо... у насъ не такое заведеніе, штобы краденымъ промышлять.

— Могу васъ увѣрить, что это не краденое, — увѣряла Фигура.—Что дадите, то и возьму.

— Сказывай сказки-то, знаемъ мы...

Въ сущности, у Акулины глаза разбѣжались на хорошій кладъ, но она не могла отказать себѣ въ удовольствіи поломаться надъ ненавистной Фигурой, которую такъ бы и смазала прямо по рожѣ. Акулинѣ давно хотѣлось имѣть кисейное платье, а то она лѣтомъ ужасно прѣла въ жары, а теперь платье само прилетѣло къ ней.

— Откедова у тебя такому платью взяться?—тянула Акулина, снова прикидывая на свѣтъ и рубашку, и платье.

— Да, вѣдь, это для васъ все равно: мое, и только.

— Твое!... А купи его да надѣнь, въ полицію и представятъ. Это какъ?

— Ахъ, Боже мой!... Я дешево отдамъ...

— Не надо,—обрѣзала Акулина, свертывая комомъ платье.— Наживешь грѣха-то съ вашимъ братомъ. Проваливай по добру, по здорову!

— Послушайте, я даже скажу вамъ, отъ кого это платье, только, пожалуйста, не разсказывайте никому...

— Ну?

— Мнѣ подарилъ все это Башка... Да. Онъ такой странный... Вчера я вечеромъ была дома одна, Медальонъ еще не пришелъ со службы, слышу шаги Башки... Я знаю его походку хорошо. Ну, я нарочно и притворилась спящей и думаю: что онъ будетъ дѣлать? Ей-Богу, только онъ вошелъ въ комнату, видитъ, что я одна и сплю, подкрался ко мнѣ и спряталъ подъ подушку вотъ этотъ самый свертокъ, а самъ убѣжалъ. Честное слово, не вру, вотъ ни капельки не вру! Ужь что ему за фантазія пришла — не понимаю...

— Сколько тебѣ подъ закладъ-то?

— Дайте пять рублей... Вѣдь, эти двѣ вещи стоятъ больше двадцати.

— Два бери.

— Помилуйте, вѣдь, эти вещи изъ магазина.

Торгъ закончился на трехъ рубляхъ, и Фигура, зажавъ бумажку въ рукѣ, отправилась прямо въ комнату завсегдатаевъ и сейчасъ же спросила три бутылки водки и закуски.

— Господа, мы сегодня кутимъ!—приглашала она компанію.— Да вы не стѣсняйтесь, пожалуйста... Ха-ха!... Ну, первая коломъ, вторая соколомъ, а потомъ мелкими пташечками полетятъ.

«Плевна» закутила. Корнилычъ и Труба позабыли всѣ невзгоды и сосали рюмку за рюмкой; безотвѣтный Хохликъ тоже «поддерживалъ компанію». Но всѣхъ великолѣпнѣе, безъ сомнѣнія, была сама виновница этого импровизированнаго торжества, т.-е. Фигура. Она быстро опьянѣла и коснѣвшимъ языкомъ, улыбаясь, разсказывала разные анекдоты о Башкѣ и, между прочимъ, сама же первая разболтала со всѣми подробностями исторію послѣдняго подарка Башки.

— Онъ славный,—тянула Фигура, дѣлая неопредѣленный жестъ рукой.—И ленточку голубенькую не забылъ. . Ха-ха!.. Это я ему сама разсказывала... когда была маленькая... да-а!.. Чему вы смѣетесь?

Подогрѣтая виномъ и общимъ вниманіемъ, Фигура принялась разсказывать о Башкѣ въ лицахъ, кривлялась, размахивала ру-

ками и нѣсколько разъ чуть не растянулась на полу. Это даровое представленіе надрывало животики всей «Плевнѣ», такъ что самъ Ванька Каинъ хохоталъ надъ Фигурой до слезъ.

— Охъ, будь же она проклята, язвина!—шепталъ онъ въ умиленіи, утирая катившіяся отъ смѣха слезы.—Не даромъ сказано, что «баба хмѣльная—вся чужая»... Ай да Башка, молодца!

Въ самый разгаръ этого веселья, когда вся посторонняя публика приняла въ немъ оживленное участіе, въ «Плевну» вошелъ Башка. Ванька Каинъ пальцемъ подозвалъ его къ стойкѣ, вынулъ изъ шкафа купленный у Фигуры свертокъ и, развернувъ покупки на стойкѣ, спросилъ:

— Узнаешь супрызецъ-то? Ха-ха!... Погляди-ка ступай, какъ твоя-то Фигура представляется.

Башка въ первое мгновеніе совсѣмъ ошалѣлъ отъ этой пріятной неожиданности, и Ванька Каинъ втолкнулъ его въ комнату, гдѣ Фигура въ десятый разъ представляла въ лицахъ передѣланный по своему анекдотъ о подаркѣ Башки. Публика аплодировала и задыхалась отъ смѣха, а Башка, блѣдный, какъ полотно, смотрѣлъ на нее дикими, остановившимися глазами.

— Видѣлъ?... а?—спрашивалъ Каинъ, наклоняясь къ самому уху Башки.

— Видѣлъ.

— И это правда все?

— Правда.

Завсегдатаи, замѣтивъ стоявшаго въ дверяхъ Башку, вдругъ присмирѣли и начали одинъ за другимъ отодвигаться отъ пьяной Фигуры, которая уже не могла ничего видѣть.

— Ну-ка, закати ей хорошаго раза, — поджигалъ Каинъ осовѣвшаго Башку и даже легонько подталкивалъ его впередъ.— Да ну, взвесели ее, шельму!

Башка черезъ плечо посмотрѣлъ на Каина какъ-то такъ странно, улыбнулся и, не сказавъ ни слова, пошатываясь, пошелъ къ двери.

— Постой! Куда ты?—кричалъ Каинъ.—Шапку-то хоть возьми, ежёва голова!

Но Башка ничего не слыхалъ и шагалъ уже далеко, чувствуя, какъ его голова и безъ шапки горитъ огнемъ.

Послѣ этого Башку больше не видали въ «Плевнѣ»; онъ исчезъ навсегда изъ Пропадинска.

Д. Сибирякъ.

НА ВСТРѢЧУ СЧАСТЬЮ *).

(Shandon Bells).

Романъ Вилльяма Блэка.

Глава XXVIII.

«Черный Лебедь».

На слѣдующее утро мистриссъ Четвиндъ почти совершенно рѣшилась ѣхать кататься на яхтѣ и сошла даже для этой цѣли на берегъ, но въ послѣднюю минуту, все-таки, раздумала и заявила, что лучше посидитъ на вершинѣ холма и будетъ оттуда слѣдить за всѣми движеніями «Чернаго Лебедя». Благодаря ея колебаніямъ, произошло, однако, нѣкоторое промедленіе, и когда миссъ Четвиндъ, Фицджеральдъ и Микъ высадились, наконецъ, на яхту, Шейль Гленни, иначе «гномъ», находился уже въ состояніи крайняго нетерпѣнія. Начался отливъ; пары поднялись на пять фунтовъ выше надлежащаго давленія и машина дребезжала, точно пустая жестяная коробка. Прежде чѣмъ Фицджеральдъ успѣлъ опомниться, онъ держалъ уже въ рукѣ веревку, конецъ которой былъ прикрѣпленъ къ какому-то грохотавшему и двигавшемуся рычагу, и «Черный Лебедь» бѣшено мчался, невѣдомо куда, весь окутанный густымъ паромъ, не дававшимъ никакой возможности разглядѣть даже очертаній яхты.

— Миссъ Четвиндъ,—громко окликнулъ ее Фицджеральдъ,—имѣете ли вы хоть какое-нибудь понятіе о томъ, куда мы ѣдемъ?

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

— Ни малѣйшаго,—отвѣчала она.—Но Микъ находится у руля.

Тѣмъ временемъ или пары убавились, или, быть можетъ, усилился вѣтеръ, но только мало-по-малу Фицджеральдъ началъ нѣсколько распознавать окружающіе предметы. Какъ страшно шумѣла маленькая яхта! Или, вѣрнѣе, она издавала цѣлый рядъ звуковъ, совершенно непохожихъ другъ на друга и быстро смѣнявшихся. Внезапно послышался еще новый звукъ, неожиданный, раздирающій, дважды повторенный, и Фицджеральдъ увидалъ, что миссъ Четвиндъ держитъ въ рукѣ мѣдную цѣпочку свистка.

— Это сигналъ тетѣ; слышала ли она его, какъ вы думаете? —спросила или, вѣрнѣе, прокричала молодая дѣвушка.

— Слышала ли?—отвѣчалъ Фицджеральдъ. такъ же громко.— Да его слышно, я полагаю, въ Нью-Іоркѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, къ его несказанному удовольствію, «гномъ» появился на палубѣ, взялъ изъ его рукъ веревку и далъ Мику какія-то приказанія. Ясно, что они приближались къ опасному мѣсту. По временамъ виднѣлось въ прозрачной струѣ что-то золотисто-коричневое; это были длинные листья морской травы. Далеко впереди вода какъ-то подозрительно кружилась; однако, подводныхъ скалъ не было еще замѣтно. По мѣрѣ приближенія къ узкому проходу обнаруживалось, что отливъ усиливается съ страшною быстротою.

— Мы должны бы ѣхать часомъ раньше,—замѣтила Мэри, подозрительно глядя на кружащуюся воду.

— Во всякомъ случаѣ возвращаться теперь уже поздно,— отвѣчалъ ея спутникъ.

«Гномъ» не спускалъ глазъ съ воды и береговъ. Внезапно раздалась громкая команда:

— Поворачивай, Микъ!

Фицджеральдъ оглянулся, чтобы слѣдить за тѣмъ, какъ повернется яхта, но она не шевельнулась. Послышался сначала легкій скрипъ; за нимъ послѣдовалъ сильный толчекъ, отъ котораго «Черный Лебедь» содрогнулся до основанія; «гномъ» поспѣшно захлопнулъ клапанъ, и послѣ недавняго грохота внезапно водворилась полнѣйшая тишина. Фицджеральдъ не зналъ хорошенько, наткнулась ли яхта на скалу, или просто увязла въ тинѣ. Послѣ долгаго осмотра, всевозможныхъ догадокъ и предположеній выяснилось, наконецъ, что имъ придется просидѣть на мѣстѣ. по крайней мѣрѣ, часовъ пять.

— Миссъ Четвиндъ. —сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ дѣвушкѣ,—не хотите ли, чтобы мы свезли васъ на берегъ въ лодкѣ?

— Развѣ я имѣю право покинуть корабль?—отвѣчала она.— Къ тому же, мнѣ надо поговорить съ вами, и если сообщеніе мое не наполнитъ цѣлыхъ пяти часовъ, за то у васъ останется время поразмыслить о немъ.

Она помолчала съ минуту, не отрывая глазъ отъ палубы и, видимо, смущенная.

— Мистеръ Фицджеральдъ,—начала она, наконецъ, нѣсколько безсвязно,—я читала ваши статьи. До той минуты я никакъ не предполагала, чтобы вы думали о такихъ вещахъ; теперь мнѣ кажется, что вы не были счастливы здѣсь. Тетя хочетъ подарить вамъ имѣніе, а я желаю, чтобы вы уѣхали отсюда.

Пальцы ея дрожали. Она казалась испуганною и нервною.

— Не думайте, пожалуйста, объ этомъ,—поспѣшно произнесъ Фицджеральдъ, чтобы выручить ее изъ затрудненія. — Вы уже вчера были встревожены. Забудьте все и повѣрьте, что человѣку иногда хорошо быть одному. Не объ этой же бездѣлицѣ желали вы говорить со мною въ теченіе пяти часовъ, миссъ Четвиндъ? Увѣряю васъ, что мнѣ было здѣсь очень пріятно; не думаю даже, чтобы мнѣ когда-либо въ жизни жилось опять такъ покойно. Но кто же сказалъ вамъ, что это мои статьи?

— Кто мнѣ сказалъ?—повторила она съ прояснившимся лицомъ.—Да сами статьи, каждая строчка ихъ, хотя мнѣ и кажется, что вы никогда прежде не писали въ этомъ родѣ.

Она слегка покраснѣла и поспѣшно прибавила:

— Знаете ли вы, какое впечатлѣніе онѣ произвели на публику? Навѣрное, нѣтъ. Всѣ говорятъ о нихъ теперь, какъ о чемъ-то совершенно новомъ въ литературѣ. Еженедѣльныя газеты отозвались о нихъ съ высшею похвалою, въ особенности *Либеральное Обозрѣніе*.

— Нѣтъ, навѣрное, только не оно!—быстро возразилъ молодой человѣкъ.

— Напротивъ, именно *Либеральное Обозрѣніе*, и даже не разъ. Когда вы вернетесь въ Лондонъ, вы увидите себя знаменитостью.

— Я получилъ уже нѣсколько писемъ по поводу моихъ статей и приглашеніе сотрудничать въ разныхъ журналахъ. Нашелся даже издатель, который желаетъ перепечатать ихъ отдѣль-

нымъ томомъ. Если это осуществится, я получу болѣе прочное положеніе въ литературномъ мірѣ, а то, признаюсь, я начиналъ уже нѣсколько отчаяваться. Только не безпокойтесь, пожалуйста, обо мнѣ, миссъ Четвиндъ.

— Напротивъ, я должна безпокоится,—отвѣчала она, довольная тѣмъ, что первый шагъ уже сдѣланъ.—Тетя велѣла вамъ сказать, что она болѣе, чѣмъ когда-либо, желаетъ передать въ ваши руки имѣніе.

— Я помню ея намѣреніе. Это, конечно, очень великодушно съ ея стороны, только въ моемъ положеніи такая мѣра была бы болѣе, чѣмъ безполезна.

— Тетя хорошо понимаетъ это,—спокойно отвѣчала Мэри.—Конечно, она позаботится и о томъ, чтобы вамъ было на что содержать имѣніе.

— Я не могу никакъ понять, почему ваша тетушка такъ добра ко мнѣ.

— О, это ужь ея натура! Въ настоящемъ случаѣ я ей не препятствую. Я надѣюсь, что она проживетъ еще долгіе годы, и не нахожу никакого удовольствія поддерживать имѣніе для исключительной пользы Макъ-Джи. И такъ, мистеръ Фицджеральдъ, я увѣрена, что вы сдѣлаетесь собственникомъ Boat of Harry. У васъ будетъ много свободнаго времени, и тетя, навѣрное, пожелаетъ, чтобы вы жили бо́льшую часть года здѣсь. Только я надѣюсь, что вы этого не сдѣлаете. Вы можете приносить людямъ громадную пользу, и мнѣ кажется, было бы эгоистично, еслибъ вы жили здѣсь для одного наслажденія. Вы видите меня постоянно окруженною людьми учеными и думаете, быть можетъ, что я не интересуюсь ничѣмъ, кромѣ науки, словомъ, что я безсердечна. Толковать объ этомъ, конечно, нечего, только я думаю, что люди счастливые должны заботиться о тѣхъ, кому не такъ хорошо живется. Я не люблю, конечно, говорить о томъ, что нѣкоторые изъ насъ дѣлаютъ для бѣдныхъ...

— Знаете что, миссъ Четвиндъ? Если не случится чуда, мы просидимъ здѣсь еще четыре часа съ половиною...

— И вы желаете, чтобы въ теченіе четырехъ часовъ съ половиною я описывала вамъ наши лекціи, воскресныя увеселенія и все прочее? О, нѣтъ! Мы побесѣдуемъ объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ. А теперь, мистеръ Фицджеральдъ, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь поѣсть на этой злополучной яхтѣ?

— Есть, кажется, бисквиты.

— Ну, вотъ и отлично.

Онъ спустился въ каюту и принесъ оттуда не только бисквитовъ, но и двѣ бутылки содовой воды. Мало-по-малу миссъ Четвиндъ разговорилась и сообщила кое-что молодому человѣку о своихъ собственныхъ заботахъ. Оказалось, что среди людей, съ которыми она дѣйствовала, происходили иногда разногласія и что у нея были свои собственные планы и замыслы.

— И такъ, вы видите, что мнѣ очень нужна поддержка. Вѣдь, я считаюсь страшнымъ еретикомъ и новаторомъ. Я, надо вамъ сказать, яростная защитница пива.

— Неужели?

— Да. Устроить вечеръ для подростковъ—весьма легко. Если дать имъ въ видѣ награды за вниманіе яблоко, два, три бисквита или орѣховъ, они совершенно довольны. Совсѣмъ не то съ взрослыми мужчинами. Можно ли въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы усталые рабочіе приходили на наши лекціи со всѣхъ концовъ Лондона и получали только по чашкѣ жидкаго чаю, да еще съ запрещеніемъ курить? Что за бѣда, если дать каждому изъ нихъ по кружкѣ пива и позволить вынуть трубку изъ кармана. Сначала и я не выносила табачнаго дыма, а теперь кое-какъ примѣнилась.

Мэри нашла, повидимому, сочувственнаго слушателя, и время шло быстро. Молодые люди не замѣтили, какъ начался приливъ и нѣкоторыя мели стали мало-по-малу покрываться водою. Вскорѣ «Черный Лебедь» дрогнулъ, а черезъ нѣсколько времени совсѣмъ поднялся на поверхность. Немного спустя оказалось возможнымъ его повернуть и вскорѣ онъ уже несся по направленію къ берегу, рѣзкими свистками извѣщая о своемъ приближеніи.

— И такъ, мистеръ Фицджеральдъ,—начала дѣвушка, пока они шли по дорогѣ къ дому,—я цѣлый день говорила съ вами о вещахъ, которыя васъ, навѣрное, вовсе не интересуютъ, а самое главное забыла. Только помните одно: не живите въ Boat of Наггу, когда онъ достанется вамъ. Я очень, очень жалѣю, что вообще просила васъ пріѣхать сюда. Никогда не сдѣлала бы я этого, еслибъ предвидѣла, въ какомъ тонѣ вы будете писать!

Она говорила негромко, опустивъ глаза.

— Но почему? — спросилъ онъ.— Каждое мѣсто покажется уединеннымъ, если человѣкъ одинъ. Вы серьезно думаете, что мои статьи произвели впечатлѣніе на публику?

— Совершенно увѣрена въ этомъ. Удивительно ли, что люди рады, когда кто-нибудь разъяснитъ имъ, что предметы, ихъ окружающіе, гораздо прекраснѣе, чѣмъ они думали. Развѣ жизнь не становится отъ этого богаче?

— Но я-то тутъ совершенно не при чемъ,—задумчиво отвѣчалъ Фицджеральдъ. — Я высказывалъ только то, на что постоянно обращалъ мое вниманіе Россъ. Очень желалъ бы я знать, не удастся ли мнѣ хоть теперь наживать что-нибудь литературою. Извините, пожалуйста, миссъ Четвиндъ, — поспѣшно прибавилъ онъ, внезапно спохватившись, — что я опять говорю съ вами о своихъ личныхъ дѣлахъ. Только мнѣ кажется, что и вы нѣсколько заинтересованы въ этомъ случаѣ.

— Я?—спросила дѣвушка, слегка вздрогнувъ.

— По крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, — продолжалъ онъ.—Мнѣ хотѣлось бы скорѣе вернуться въ Лондонъ...

— О! какъ я рада!—воскликнула она съ искреннимъ удовольствіемъ.

— Если мои дѣла пойдутъ хорошо, вы позволите мнѣ, конечно, пожертвовать что-нибудь въ пользу вашихъ бѣдныхъ.

Она засмѣялась, очевидно, не надѣясь, чтобы онъ такъ скоро разбогатѣлъ.

— Что же вы мнѣ дадите? — спросила она, пока онъ отворялъ калитку.

— Если ваша тетушка позволитъ...

— Моя тетушка? Да ей-то что за дѣло?

— О, это до нея касается въ значительной степени,—продолжалъ онъ, идя по дорожкѣ къ дому.—Если она будетъ согласна, я думаю, что мое пожертвованіе должно будетъ состоять...

— Не въ двухъ же стахъ фунтахъ въ годъ?—шутливо подсказала дѣвушка.

— Нѣтъ, — возразилъ онъ, окинувъ взоромъ прелестный ландшафтъ.—Я думаю, что мое пожертвованіе должно состоять— изъ Boat of Harry.

Глава XXIX.

Планы и мечты.

— Я увѣрена, тетя, что ты будешь меня бранить,—сказала миссъ Четвиндъ, снимая шляпку и поправляя волосы передъ зеркаломъ.

— Еще бы!—отвѣчала старушка съ напускнымъ раздраженіемъ.—Да гдѣ вы были, скажи, ради Бога? Въ Лимерикѣ? Въ Квинстоунѣ? Какъ же не бранить васъ!

— Да дѣло вовсе не въ томъ. Это было неизбѣжно. Мы сидѣли на мели въ двухъ шагахъ отъ тебя. Еслибъ ты взобралась на гору немного повыше, ты имѣла бы удовольствіе созерцать насъ цѣлыхъ пять часовъ кряду. Такъ, случилось маленькое приключеніе! Къ этому необходимо привыкать съ «Чернымъ Лебедемъ».

— Какъ это досадно!—воскликнула мистриссъ Четвиндъ.—Нужно же было случиться бѣдѣ именно въ первый разъ, когда мистеръ Фицджеральдъ рѣшился ѣхать на яхтѣ. Онъ, пожалуй, подумаетъ, что съ нею постоянно что-нибудь приключается!

— А развѣ это не правда, тетя?

— О чемъ же думалъ Шейль Гленни?

— Нечего на него сердиться. Ты одна во всемъ виновата. Сначала все утверждала, что поѣдешь только для того, чтобы показать, что на свѣтѣ нѣтъ ничего восхитительнѣе прогулки въ «лукошкѣ»; благодаря этому мы опоздали, начался отливъ, и мы увязли въ пескѣ. За то я цѣлыхъ пять часовъ говорила о дѣлѣ и всѣми силами желала вознаградить мистера Фицджеральда за невольное молчаніе въ продолженіе столькихъ недѣль.

— И навѣрное,—замѣтила старушка съ неудовольствіемъ,—навѣрное, ты все время старалась разочаровать его въ Boat of Harry.

— Нѣтъ, до этого еще дѣло не дошло, — отвѣчала Мэри. Она сидѣла спиной къ окну, и вечернее солнце освѣщало очертанія ея хорошенькой головки, оставляя лицо въ тѣни.—Однако, все-таки, есть за что бранить меня, тетя. Я готова все выслушать. Мистеръ Фицджеральдъ очень удивился, узнавъ, какой эффектъ произвели его статьи. Понятно, что ему теперь хочется вернуться скорѣе въ Лондонъ,—вѣдь, тамъ настоящее мѣсто для литератора,—а онъ, конечно, честолюбивъ.

— А ты поддерживала его въ этомъ, несомнѣнно совѣтовала поскорѣе уѣхать отсюда,—хоть онъ именно здѣсь нашелъ сюжеты для своихъ статей,—настаивала на необходимости переселиться въ Лондонъ, гдѣ у него не будетъ ровно никакой спеціальности...

— Тетя,—начала Мэри,—человѣкъ, который пишетъ такъ, можетъ писать обо всемъ. Тутъ дѣло не въ мѣстности и не въ

случаѣ. Вѣдь, всѣ его описанія моря, рыбной ловли — только одинъ предлогъ. Ты, навѣрное, чувствуешь, что за этимъ скрывается что-то другое, что невольно дѣйствуетъ на умы. Я смѣло утверждаю, что мистеръ Фицджеральдъ съумѣетъ придать описанію солнечнаго восхода въ самомъ грязномъ кварталѣ Лондона ту же таинственную прелесть, какъ еслибъ дѣло шло о Килларнэѣ. Развѣ онъ лишится зрѣнія оттого, что переселится въ Лондонъ?

Она пріотворила дверь, желая убѣдиться, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь, и потомъ продолжала:

— Не знаю, въ чемъ его тайна, но, читая его статьи, невольно чувствуешь, будто всѣ неодушевленные предметы живутъ, слѣдятъ за человѣкомъ, сочувствуютъ ему. Я хочу показать ему, что мы дѣлаемъ въ Истъ-Эндѣ; мнѣ кажется, онъ пойметъ нашу дѣятельность и не осудитъ ее. Признаюсь, долгое время я считала его просто человѣкомъ сентиментальнымъ, вродѣ...

— Вродѣ меня, не стѣсняйся, пожалуйста, — прервала ее старушка, ласково улыбаясь.

— Нѣтъ, вовсе не такимъ, а вродѣ тѣхъ людей, которые любятъ читать патетическія описанія бѣдности, отвлеченно восторгаются добротою и не въ состояніи пожертвовать ни однимъ обѣдомъ для спасенія цѣлой голодной семьи. Что-жь дѣлать! Всѣ мы способны ошибаться. Его статьи показали мнѣ, что и я ошиблась, и что въ немъ есть что-то поглубже простой чувствительности. Я рада, что онъ уѣзжаетъ отсюда,—продолжала миссъ Четвиндъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—хотя бы только на время. Разъ онъ будетъ въ Лондонѣ, онъ самъ рѣшитъ, вернуться ли ему сюда, или нѣтъ, и это будетъ для меня гораздо пріятнѣе... Ну, теперь брани меня, если хочешь.

— За что?

— Да я не сказала еще тебѣ самаго худшаго. Ты поручила мнѣ говорить съ нимъ о твоихъ планахъ. Онъ былъ очень изумленъ, благодаренъ и недоумѣвалъ, почему ты къ нему такъ добра. Говорила ли я тебѣ, какъ онъ заинтересовался моимъ разсказомъ объ Истъ-Эндѣ? Говорила? Ну, такъ знаешь ли, какое предложеніе онъ мнѣ сдѣлалъ? Пожертвовать что-нибудь въ пользу моихъ бѣдныхъ.

— Чѣмъ же инымъ могъ бы онъ вознаградить тебя за пятичасовую болтовню?

— Онъ желаетъ, конечно, только съ твоего согласія, тетя, пожертвовать мнѣ Boat of Harry.

— Я ровно ничего не понимаю!

— Онъ хочетъ отдать Boat of Harry или суммы, вырученныя за него, бѣднымъ.

— Этому никогда не бывать!—рѣшительно сказала мистриссъ Четвиндъ.—Ты можешь сорить своими деньгами, сколько хочешь, Мэри, только не трогай имѣнія Франка.

— Если ты не согласна, то этого, конечно, не будетъ,— спокойно отвѣтила миссъ Четвиндъ.

— Ни за что не соглашусь! Какая нелѣпая мысль! Такъ-то онъ дорожитъ имѣніемъ?

— Тетя,—начала молодая дѣвушка, испугавшись дѣйствія своихъ словъ,—не будемъ больше говорить объ этомъ. Вѣдь, это одно пустое предположеніе и во всякомъ случаѣ оно дѣлаетъ мистеру Фицджеральду большую честь. Я увѣрена, что ты не захочешь помѣшать ему составить себѣ карьеру. Для этого необходимо быть въ Лондонѣ. Подари ему имѣніе, только не обставляй своего подарка слишкомъ тягостными условіями; не требуй, чтобы мистеръ Фицджеральдъ жилъ постоянно здѣсь.

— Остановись на минуту, Мэри; я отлично поняла твой планъ. Меня ты не обманешь. Ты видишь способнаго, щедраго молодаго человѣка и надѣешься, разъ у него будетъ много денегъ и никакого дѣла, завербовать его въ члены твоихъ благотворительныхъ комитетовъ. Онъ будетъ помогать тебѣ устроивать лекціи, махнетъ рукой на литературу и дастъ заглохнуть имѣнію.

Миссъ Четвиндъ слегка вспыхнула, однако, сохранила обычное спокойствіе.

— Ошибаешься, тетя,—отвѣчала она въ полголоса, такъ какъ Фицджеральдъ стоялъ теперь недалеко отъ нихъ на лужайкѣ.—У него свои собственные планы и врядъ ли онъ позволитъ намъ распоряжаться своей судьбою. Я знаю, что ему хочется занять почетное мѣсто въ литературѣ, и я увѣрена, что съ выходомъ книги репутація его будетъ составлена. Твое великодушіе дастъ ему возможность работать именно такъ, какъ ему хочется; ни что не будетъ его безпокоить, кромѣ желанія писать какъ можно лучше; нѣтъ сомнѣнія, что онъ преисполнится благодарности къ тебѣ и ты будешь выставлять его на показъ на своихъ обѣдахъ, въ качествѣ твоего придворнаго поэта. Только подумай объ

этомъ! Онъ сдѣлается твоею вещью; ты одна будешь знать, что онъ пишетъ въ извѣстное время; настоящій, *заправскій* писатель будетъ у тебя постоянно въ домѣ, такъ какъ ты, конечно, пригласишь его жить въ Гайдъ-паркѣ, гдѣ устроишь ему кабинетъ, выгнавъ сначала изъ дому меня и мой десятивершковый телескопъ. Его милость будетъ по временамъ пріѣзжать въ Boat of Harry стрѣлять дикихъ птицъ; быть можетъ, ты и мнѣ пришлешь когда-нибудь утку въ мою бѣдную квартиру въ одной изъ трущобъ Лондона, гдѣ я буду умирать съ голода, продавъ сперва телескопъ и послѣднюю пару сапоговъ.

— Убирайся, пожалуйста, и прикажи лучше подавать скорѣе чай,—сердито сказала мисстрисъ Четвиндъ и на этомъ разговоръ окончился.

Тѣмъ временемъ предметъ этого горячаго спора спокойно направлялся къ потоку съ удочкою на плечѣ. Лицо Фицджеральда имѣло довольное выраженіе. Окрестности Boat of Harry казались ему гораздо веселѣе со времени пріѣзда дамъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не обращалъ теперь большаго вниманія на ландшафтъ, а весь погрузился въ размышленія о томъ, какова была бы его жизнь, еслибъ онъ согласился принять предложеніе мистриссъ Четвиндъ. Онъ думалъ о себѣ, какъ о собственникѣ имѣнія; ему представлялась его тихая, уединенная жизнь. Онъ заботится по мѣрѣ силъ о хозяйствѣ, быть можетъ, сберегаетъ достаточно, чтобы посылать иногда миссъ Четвиндъ маленькія пожертвованія, записываетъ свои ежедневныя впечатлѣнія и поддерживаетъ тѣмъ связь съ лондонскими друзьями, которыхъ никогда уже болѣе не увидитъ. Потомъ онъ заглянулъ въ будущее. Ему почудилось, что молодость его уже прошла. Да, именно съ чувствами человѣка среднихъ лѣтъ писалъ онъ *Досуги отшельника*. Казалось, онъ пересталъ уже интересоваться жизнью, настала пора созерцанія; явленія природы имѣли для него важность только потому, что наводили его на странныя мысли или становились повѣренными его думъ во время уединенныхъ скитаній по морскому берегу.

Фицджеральдъ такъ погрузился въ размышленія, что не слыхалъ раздавшихся за нимъ шаговъ. Къ нему подошелъ мальчикъ, помогавшій Морто въ конюшнѣ, и, подавъ два письма, снова удалился.

Эти письма заставили сердце Фицджеральда сильно забиться и наполнили его воображеніе мечтами, не имѣвшими ничего об-

шаго съ созерцательною жизнью вдали отъ міра. Первое было отъ издателя, который уже раньше выражалъ готовность выпустить *Досуги отшельника* отдѣльнымъ томомъ, а теперь сопровождалъ свое предложеніе опредѣленными денежными условіями, весьма выгодными. Если мистеръ Фицджеральдъ согласенъ, не приступитъ ли онъ сейчасъ же къ пересмотру статей и не знаетъ ли онъ хорошаго художника, способнаго сдѣлать рисунки для книги?

— Ну, объ этомъ мы потолкуемъ съ Джономъ Россомъ, — сказалъ про себя Фицджеральдъ.

Второе письмо онъ читалъ и перечитывалъ съ гораздо бо́льшимъ удовлетвореніемъ. Первое касалось денегъ, второе было истиннымъ торжествомъ. Въ немъ говорилось слѣдующее:

«Милостивый государь! Вы, вѣроятно, помните, что я имѣлъ нѣкогда удовольствіе видѣться съ вами у мистера Гильтона-Клерка на обѣдѣ, на которомъ присутствовалъ и мистеръ Скоббель, обязательно сообщившій мнѣ теперь вашъ адресъ. До меня дошли слухи, что *Досуги отшельника* написаны какимъ-то Фицджеральдомъ, но я сначала не подумалъ о васъ, пока не встрѣтился съ Скобеллемъ. Мнѣ кажется, что еженедѣльное изданіе дало бы вамъ болѣе простора въ выборѣ сюжетовъ, хотя надо сознаться, что мистеръ Ноэль предоставилъ вамъ большую свободу. Смѣлость его вполнѣ оправдалась; статьи вызвали много похвалъ; онѣ дѣйствительно очень оригинальны и отличаются совершенно новыми пріемами. Я не желаю, конечно, переманивать васъ изъ газеты Ноэля къ себѣ, не считая это позволительнымъ въ журналистикѣ; но многіе изъ сотрудниковъ ежедневныхъ газетъ работаютъ и въ еженедѣльныхъ, и я хотѣлъ только просить васъ, въ случаѣ если у васъ окажется статья, непригодная для ежедневной газеты, не отказать прислать ее къ намъ.

«Преданный вамъ

«Г. Джиффордъ».

Первою мыслью Фицджеральда подъ вліяніемъ горделиваго чувства, имъ овладѣвшаго, было пойти скорѣе домой и показать письмо Мэри.

Но зачѣмъ именно ей? Она, вѣдь, не знаетъ его прежней исторіи съ Джиффордомъ; никто ее не знаетъ—торжество его безполезно.

Онъ снова посмотрѣлъ на письма. Нѣтъ сомнѣнія, они сулятъ ему успѣхъ, весьма соблазнительный для молодаго человѣка

съ литературными вкусами и стремленіями. Глядя на нихъ и раздумывая обо всемъ, что за ними скрывалось, онъ не могъ не сознавать, что въ этой карьерѣ болѣе пользы и смысла, чѣмъ въ безплодномъ удаленіи отъ міра, въ отчужденіи отъ заботъ, тревогъ и радостей жизни. И такъ, онъ, наконецъ, писатель. Ему выпадетъ, быть можетъ, на долю хоть до нѣкоторой степени овладѣть симпатіями многочисленной и не всегда неблагодарной публики. Писать для *Либеральнаго Обозрѣнія*—какъ это странно! Не стоять уже, какъ въ старину, у подножья лѣстницы, робко выжидая, какая судьба постигнетъ маленькую статейку, написанную о книгѣ другого человѣка, а самому взойти на каѳедру, произнести свою собственную рѣчь, если только посреди шума политической жизни найдутся еще люди, готовые внимать отголоскамъ съ далекихъ холмовъ и береговъ. Просто невѣроятно! Ему трудно было оставаться на мѣстѣ, хотѣлось уѣхать скорѣе, начать дѣло сразу. Жизнь призывала его къ себѣ изъ этой глуши; завѣса, скрывавшая картину, пала. Какъ знать, до чего еще онъ достигнетъ!

Но вдругъ, подобно тому, какъ внезапное рыданье нарушаетъ иногда безмолвіе ночи, неожиданно обнаруживая чье-то скрытое, затаенное горе и заставляя сердце содрогнуться отъ собственной старой, незаснувшей еще боли, въ умѣ молодаго человѣка промелькнуло: «Слишкомъ поздно, слишкомъ поздно!» Время смѣлыхъ мечтаній миновало; ни одинъ человѣкъ не борется безъ опредѣленной цѣли, не стремится впередъ безъ надежды на награду, не добивается великаго будущаго только для себя одного. «Слишкомъ поздно!» Но онъ научился уже владѣть собою; знаетъ, когда надо перестать думать, и понимаетъ всю нелѣпость безплодныхъ жалобъ. Онъ всталъ, спокойно положилъ письмо въ карманъ, взялъ удочку и пошелъ среди высокаго тростника вдоль рѣки. Погода великолѣпная; онъ не вернется домой безъ хорошей форели.

Долгое время ему не везло, но онъ упорно закидывалъ удочку, пока не вытащилъ, наконецъ, на берегъ прекрасную рыбу, по крайней мѣрѣ, фунта въ три вѣсу. Замѣтивъ, что приближается часъ обѣда, и зная, что мистриссъ Четвиндъ терпѣть не можетъ неаккуратности, онъ всталъ, положилъ форель въ корзинку и пошелъ домой. Вскорѣ онъ увидалъ Мэри, которая, видимо, поджидала его.

— Поймали вы что-нибудь?—спросила она.

— Прекрасную форель. Боюсь только, что она не поспѣетъ къ столу.

— Ни въ какомъ случаѣ. Сейчасъ будемъ обѣдать. Мистеръ Фицджеральдъ,—прибавила дѣвушка,—мнѣ хочется предостеречь васъ. Вы говорили что-то о своемъ желаніи передать мнѣ Boat of Naggy. Это очень мило съ вашей стороны, но лучше и не касайтесь этого плана. Тетя слышать о немъ не хочетъ и даже чуть было серьезно не разсердилась на меня. Нѣтъ, вы должны принять отъ нея имѣніе и исполнить всѣ ея желанія; вы увидите, что они очень умѣренны и деликатны.

— Но что начну я съ нимъ? — сказалъ онъ, совершенно растерявшись.

Они дошли до угла аллеи и домъ былъ у нихъ въ виду. Мэри мелькомъ взглянула на Фицджеральда.

— Это ужь не мое дѣло,—медленно произнесла она.—Только мнѣ кажется, что если вы примете предложеніе тети, вы будете въ состояніи принести пользу многимъ, многимъ людямъ.

Онъ не успѣлъ спросить у нея объясненій; оставалось слишкомъ мало времени до обѣда. Странныя мысли шевельнулись у него въ головѣ. Если нѣкоторыя вещи теперь невозможны для него, за то не доступны ли ему другія? Развѣ для счастья человѣка такъ необходимо, чтобы жизнь его увѣнчивалась непремѣнно любовью или честолюбіемъ? Вотъ посмотрите на Мэри: ея существованіе кажется ей цѣннымъ потому, что оно полезно для другихъ. Философія миссъ Четвиндъ, если не отличается, быть можетъ, большой глубиною, за то очень практична: «Мы пользуемся всѣмъ, что насъ окружаетъ,—говоритъ она,—только потому, что другіе, хорошіе люди сдѣлали для общаго блага все, что могли. Будемъ же и мы поступать такъ». Трудно представить себѣ человѣка счастливѣе ея, но ея довольство происходитъ только отъ того, что она нашла себѣ дѣятельность по вкусу. Если же женщина съумѣла избрать такой образъ жизни, который освѣщаетъ для нея весь міръ и дѣлаетъ его милымъ, не слѣдуетъ ли вникнуть внимательнѣе, въ чемъ же собственно заключается ея тайна?

Не успѣли они сѣсть къ столу, какъ мистриссъ Четвиндъ начала развивать передъ нимъ свои планы; говорила она какъ будто весело, но подъ этой личиной она хотѣла скрыть свое волненіе.

— Мы сейчасъ побранились съ Мэри изъ-за васъ, — сказала она.

— Очень жалѣю объ этомъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—хотя мнѣ и кажется, что никакой серьезной бѣды не произошло.

— Нужно вамъ сказать, что мы съ Мэри создали цѣлый планъ для вашей будущей карьеры; конечно, дѣло не обошлось безъ разногласій. Время теперь самое подходящее: вы какъ будто начинаете новую жизнь...

— Я?—испуганно спросилъ онъ. (Неужели она догадалась о страшномъ кризисѣ, недавно имъ пережитомъ?)

— Да; всѣ теперь только и толкуютъ, что о новомъ писателѣ. Когда вы вернетесь въ Лондонъ, вы будете совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Не могу же я ожидать, что вы, попрежнему, будете ходить къ бѣдной слѣпой старухѣ и читать ей уголовную хронику.

— Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы я пріобрѣлъ извѣстность, — искренно отвѣчалъ онъ,—хотя и желалъ бы, конечно, существовать литературою. Кажется, на это есть нѣкоторая надежда, судя по двумъ только что полученнымъ мною очень лестнымъ письмамъ. Но неужели вы думаете, что я сдѣлаюсь изъза этого неблагодарнымъ? Я не стану брать тогда жалованья, которое вы были такъ добры мнѣ назначить. Передайте его лучше миссъ Четвиндъ для бѣдныхъ. Только это не помѣшаетъ мнѣ приходить читать вамъ, попрежнему, если вы позволите. Я отлично знаю,—шутливо продолжалъ онъ,—что именно интересуетъ васъ, и ни за что не сдамъ васъ на руки вашей племянницѣ, которая опять, пожалуй, станетъ увѣрять васъ, что газеты и журналы не содержатъ ничего, кромѣ отчетовъ санитарныхъ коммиссій...

— Нѣтъ, это ужь черезъ-чуръ,—прервала его Мэри.—Цѣлые годы читала я тетѣ, и не слышала отъ нея даже спасибо. А тутъ еще на меня сыплются оскорбленія.

— Но, мистеръ Фицджеральдъ,—начала старушка нѣсколько взволнованно,—Мэри сообщала мнѣ объ одномъ вашемъ предложеніи. Поймите, пожалуйста, что всякій подобный планъ относительно Boat of Naggy совершенно немыслимъ. Я передамъ вамъ имѣніе, назначу сумму, достаточную для его содержанія, и нѣкоторый лишекъ для вашихъ собственныхъ издержекъ, но ни отдать въ наймы, ни продать, ни заложить имѣніе я никогда не позволю.

— Мистеръ Фицджеральдъ все это отлично понимаетъ, тетя,—вмѣшалась тутъ Мэри мягкимъ, убѣдительнымъ тономъ.—Я уже говорила съ нимъ объ этомъ. Это была минутная фантазія съ

его стороны, великодушная, но неосуществимая. Не мучься объ этомъ, тѣмъ болѣе, что въ твоей власти помѣшать кому бы то ни было продать имѣніе. Мистеръ Фицджеральдъ, конечно, никогда этого не сдѣлаетъ.

— Еслибъ оно перешло въ мои руки,—отвѣчалъ онъ,—я считалъ бы его только отданнымъ мнѣ на храненіе и поступалъ бы совершенно такъ, какъ вы желаете.

— Я предпочитаю положиться на вашу совѣсть,—отвѣчала старушка спокойнѣе.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ имѣніе оставалось въ прежнемъ видѣ, такъ, чтобъ, если вы когда-нибудь пригласите насъ сюда, мы застали бы здѣсь все, какъ было въ старину, при моемъ бѣдномъ мальчикѣ.

— Вы какъ будто извиняетесь въ чемъ-то передо мною. Врядъ ли вы отдаете себѣ отчетъ въ томъ, что значитъ для человѣка моихъ лѣтъ независимость. Я нѣсколько разъ былъ близокъ отъ голодной смерти, и даже весьма недавно. А теперь вы предлагаете мнѣ обезпеченный доходъ, всевозможную роскошь, и еще какъ будто думаете, что я не цѣню вашей доброты или могу быть неблагодарнымъ. Этого вамъ бояться нечего.

— Я вполнѣ довѣряюсь вамъ,—повторила она,—не сдѣлаю никакихъ условій при передачѣ имѣнія, не потребую, чтобы вы приняли наше имя, какъ я сначала желала. Довольно будетъ съ меня, если вы поступите съ имѣніемъ, какъ я хочу. Только позвольте мнѣ называть васъ Вилли,—конечно, если это вамъ не непріятно.

— О, напротивъ! Это только новое доказательство вашей доброты.

— И такъ, дѣло рѣшено?

— Если это вамъ угодно,—нѣсколько смущенно отвѣчалъ онъ, не зная еще хорошенько, не попросить ли ему старушку еще разъ взвѣсить вопросъ. Въ эту минуту глаза его встрѣтились съ взглядомъ Мэри. Въ немъ выражалось что-то вродѣ удивленія, почти упрека. Она какъ будто говорила ему: «Что же вы колеблетесь? Развѣ такъ принимаютъ такой даръ?» Замѣтивъ это, онъ прибавилъ:

— Еслибъ я только зналъ, какъ благодарить васъ...

— Объ этомъ и не думайте,—добродушно отвѣчала мистриссъ Четвиндъ.—Значитъ, дѣло рѣшено. Давайте же руку.

Онъ всталъ, обошелъ вокругъ стола и поцѣловалъ ея руку, въ знакъ признательности, потомъ снова сѣлъ. Обрядъ былъ не

сложный, но съ той поры мистриссъ Четвиндъ уже ни разу не выражала сомнѣній относительно судьбы имѣнія.

— А теперь поговоримъ о васъ...—Она замялась и слегка покраснѣла. Видно было, что ей хотѣлось назвать его Вилли и что она не смогла.—Поговоримъ о вашихъ планахъ. Мэри сообщила мнѣ, что вамъ хочется скорѣе вернуться въ Лондонъ.

— Я хотѣлъ бы съѣздить туда на короткое время, но я останусь здѣсь, если вы желаете.

— О, ничуть! Не на рабство обрекаю я васъ. Владѣлецъ Boat of Haggy долженъ жить, какъ ему угодно. Вернитесь въ Лондонъ хоть завтра.

— И этого я сдѣлать не могу,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.—Если вамъ все равно, я пригласилъ бы сюда на время моего друга Росса, чтобъ онъ срисовалъ нѣсколько видовъ. Издатель моей книги желаетъ приложить къ ней иллюстраціи, и еслибъ вы позволили Россу пріѣхать, я указалъ бы ему тѣ мѣста, которыя надо срисовать.

— Ну, что это за человѣкъ!—засмѣялась старушка своимъ милымъ смѣхомъ.—Спрашиваетъ позволенія пригласить гостя въ свой собственный домъ!

— Дѣло въ томъ, что Россъ очень непокладливъ. Съ нимъ не легко справиться,—нерѣшительно замѣтилъ Фицджеральдъ.

— Что касается меня,—вмѣшалась Мэри, молчавшая все время,—я уѣзжаю отсюда очень скоро.

— Да, вѣдь, въ Лондонѣ нѣтъ ни души, Мэри!—воскликнула мистриссъ Четвиндъ.

— Неужели, тетя? Увѣряю тебя, *мои* знакомые не ѣздятъ ни въ Біарицъ, ни въ Ментонъ.

— Я надѣялась, что мистеръ Фицджеральдъ вернется немного погодя вмѣстѣ съ нами, чтобъ окончательно устроить дѣло.

— Я готова немного подождать, — тотчасъ же отвѣчала Мэри.—Я тоже заслужила небольшой отдыхъ, а что касается такого безполезнаго человѣка, какъ ты, тетя,—не все ли равно, гдѣ бы онъ ни находился?

— Кромѣ того, я думала еще, что мы могли бы сдѣлать небольшую экскурсію на возвратномъ пути,—заѣхать, напримѣръ, въ Килларнэй. Вѣдь, это было бы прелестно, не правда ли?

— Въ Килларнэй?—повторилъ Фицджеральдъ, задыхаясь, и съ трудомъ прибавилъ:—вы находите?

— А вы другаго мнѣнія?—спросила мистриссъ Четвиндъ, глядя на него съ изумленіемъ.—Неужели вы, ирландецъ, имѣете что-нибудь противъ Килларнэя?

— О, нѣтъ, — отвѣчалъ онъ едва слышно. — Конечно, это очень красивое мѣсто, но, вѣдь, и только, не правда ли? Быть можетъ, я не совсѣмъ справедливъ къ нему; я, вѣдь, не охотникъ до такихъ красотъ. Можно ли сравнить ихъ съ моремъ! Васъ въ самомъ дѣлѣ интересуетъ эта поѣздка?

— Въ такомъ случаѣ, что скажете вы объ Айнишинѣ?

Она не замѣтила, какъ вся кровь отхлынула на мгновеніе отъ его лица, но Мэри обратила на это вниманіе и поспѣшила сказать:

— Объявляю тебѣ, тетя, что я не намѣрена тратить время на подобныя экскурсіи. Онѣ годятся только для праздныхъ людей. Къ тому же, и Дэнъ, и Веллингтонъ всегда неспокойны въ чужихъ конюшняхъ. Ужь не желаешь ли ты, чтобъ они сломали намъ шеи?

— Мнѣ хотѣлось только поѣздить съ мистеромъ Фицджеральдомъ по нѣкоторымъ изъ прелестныхъ мѣстъ, которыя онъ описалъ...

— Но, вѣдь, ты ежедневно видишь ихъ вокругъ себя,—отвѣчала племянница.—Въ статьяхъ мистера Фицджеральда гораздо болѣе отразились здѣшнія окрестности, чѣмъ Айнишинъ, — если это вообще Айнишинъ. Посвятимъ лучше все наше время мистеру Россу; они прославятъ вдвоемъ Boat of Harry и сдѣлаютъ его знаменитымъ. И такъ, я подаю голосъ противъ Килларнэя и Айнишина. Кто за нихъ, пусть подниметъ правую руку.

— Ну, ты всегда дѣлаешь все по своему, Мэри,—замѣтила мистриссъ Четвиндъ, совершенно довольная.

— А ты, тетя, и не спросила даже, желаетъ ли еще мистеръ Фицджеральдъ ѣхать съ нами. Не всѣ любятъ путешествовать съ женщинами. По моему, самый разумный и подходящій планъ...

— Все, что совпадаетъ съ твоими желаніями, Мэри, всегда кажется тебѣ разумнымъ.

— Молчи же, тетя. Оппозиція можетъ поднять правую руку, когда настанетъ надлежащая минута. Мистеръ Фицджеральдъ долженъ скоро уѣхать въ Лондонъ по литературнымъ дѣламъ; мнѣ тоже пора. Предположимъ, что онъ въ восторгѣ отъ мы-

сли возиться въ дорогѣ съ двумя женщинами, брать для нихъ билеты, выслушивать ихъ ворчанье, когда потеряется какая-нибудь бездѣлица. Останемся же здѣсь какъ можно дольше, не думая ни о Килларнэѣ, ни объ Айнишинѣ; потомъ отправимся всѣ вмѣстѣ въ Лондонъ, а когда мистеръ Фицджеральдъ покончитъ тамъ свои дѣла, онъ можетъ снова вернуться сюда для охоты. Вѣдь, жаль было бы пропустить ее.

— Ну, въ этомъ случаѣ ты права, Мэри,—одобрительно замѣтила старушка.

— Если вамъ пріятно,—вмѣшался, наконецъ, Фицджеральдъ, сидѣвшій до той минуты, опустивъ глаза; онъ говорилъ медленно и съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—если вамъ пріятно вернуться черезъ Килларнэй, я съ удовольствіемъ поѣду съ вами, и въ Айнишинъ тоже, коли угодно.

— О, нѣтъ, омываю руки,—сказала добродушно старушка.— Это до меня вовсе не касается. Мэри постоянно все рѣшаетъ за всѣхъ. Поступайте, какъ хотите. Я, вѣдь, только игрушка въ ея рукахъ.

— Но, вѣдь, такая хорошенькая куколка, тетя, такая крѣпкая, благовоспитанная! Съ тобой никогда не бываетъ хлопотъ. А теперь пойдемте въ садъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло; сейчасъ подадутъ туда кофе.

Была чудная ночь, одна изъ тѣхъ ночей, которыя никогда не забываются. Мракъ окутывалъ еще холмы и побережье; мѣсяцъ только что поднимался надъ густыми акаціями; гдѣ-то далеко за поляной журчалъ ручей. Говорить было не зачѣмъ; достаточно было сидѣть и слѣдить за тѣмъ, какъ постепенно разливался повсюду слабый свѣтъ луны.

Когда Фицджеральдъ вернулся, наконецъ, въ свою комнату, онъ увидалъ передъ собой на столѣ листъ бумаги, и по первому взгляду узналъ четкій, красивый почеркъ Мэри Четвиндъ. Написаны были всего только слѣдующія слова: *Обѣщаю жертвовать ежегодно двадцать фунтовъ на игрушки бѣднымъ дѣтямъ.*

Онъ сѣлъ, не сводя глазъ съ бумаги, очень хорошо понимая смыслъ этихъ словъ. Это былъ вызовъ подѣлиться съ бѣдными дѣтьми частью тѣхъ благъ, которыя посыпались на него. Чѣмъ дольше размышлялъ онъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что его литературныя занятія дадутъ ему возможность жертвовать ежегодно не только подобную, но гораздо болѣе крупную сумму. Онъ

всталъ, взялъ перо, вычеркнулъ слово *двадцать*, замѣнивъ его словомъ *пятьдесятъ*, и подписалъ сполна свое имя. Потомъ запечаталъ документъ въ конвертъ, адресованный на имя миссъ Четвиндъ, и порѣшилъ положить его на слѣдующій день около ея прибора, не говоря никому ни слова.

Глава XXX.

Книга.

Въ концѣ октября *Досуги отшельника*, дополненные значительнымъ числомъ новыхъ очерковъ и цѣлымъ рядомъ гравюръ, снятыхъ съ рисунковъ Росса, были предложены публикѣ въ формѣ книги, встрѣтили большой спросъ и возбудили много толковъ. Издатель зналъ свое дѣло и «не жалѣлъ ни хлопотъ, ни издержекъ». Рецензенты отнеслись къ книгѣ благопріятно, а *Либеральное Обозрѣніе* заявило даже, что хотя авторъ и состоитъ въ числѣ его постоянныхъ сотрудниковъ, но что это обстоятельство не можетъ помѣшать ему похвалить хорошую вещь. А ужь когда *Либеральное Обозрѣніе* принималось хвалить что-нибудь, оно дѣлало это основательно. Нельзя было, конечно, ожидать, чтобы Скобелль пропустилъ такой удобный случай. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ на Фольгэмскую дорогу. Фицджеральдъ все еще жилъ по старой памяти на своей прежней квартирѣ; но теперь тяжелая портьера скрывала его постель; въ комнатѣ стояло нѣсколько удобныхъ креселъ; всюду лежали теплые ковры, а на каминѣ красовались двѣ вазы, подарокъ миссъ Четвиндъ. Старушка просила Фицджеральда нанять себѣ квартиру получше, гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Пикадилли, но онъ отъ этого отказался, не желая тратить много денегъ на себя. Жилъ онъ почти по старому, хотя однажды, когда тетка и племянница посѣтили его скромную квартиру, чтобы напиться у него чаю, онъ купилъ для этого случая японскій сервизъ и нѣсколько горшковъ цвѣтовъ. Тогда-то Мэри и нашла, что комната слишкомъ пуста и обѣщала ему двѣ вазы.

— Любезнѣйшій другъ,—началъ мистеръ Скобелль, кладя шляпу и трость на столъ и снимая желтыя перчатки,—позвольте мнѣ васъ поздравить. Вы достигли славы сразу однимъ прыжкомъ. Только и толковъ, куда бы я ни пришелъ, что о вашей книгѣ. Клянусь честью, что, когда я сказалъ вчера вечеромъ у лэди

Лэмпли, что слѣдилъ за каждымъ шагомъ вашей карьеры, всѣ такъ и навострили уши. Я всегда это предвидѣлъ; сколько разъ говорилъ я Джиффорду: «Джиффордъ, мой милый, вы не знаете, о чемъ толкуютъ люди, слишкомъ замыкаетесь въ своей средѣ, все вращаетесь въ литературныхъ кружкахъ и не вѣдаете, о чемъ говорятъ въ обществѣ. Отчего вы не пригласите Фицджеральда работать у васъ? Неужели онъ всю жизнь будетъ писать для Ноэля и его республиканской газеты?» Не то, чтобъ я одобрялъ политическіе взгляды самого *Либеральнаго Обозрѣнія*,— этого вы, конечно, отъ меня не можете ожидать,—но все же *Либеральное Обозрѣніе*—джентльменское изданіе; вы увидите его въ хорошихъ домахъ и даже въ моемъ клубѣ.

Говоря это, онъ все озирался кругомъ.

— Слушайте-ка, любезнѣйшій, это никуда не годится. Если такой пустой, ни на что негодный человѣкъ, какъ Гильтонъ-Клеркъ, да еще безъ гроша въ карманѣ, жилъ въ Альбани-стритѣ...

— Бѣдняга! Его уже давно тамъ нѣтъ!

— Я хочу сказать, что вы не должны оставаться въ такой трущобѣ! Наймите хорошенькую квартиру, держите экипажъ. Мистрисъ Четвиндъ, насколько мнѣ извѣстно, даетъ вамъ хорошее содержаніе.

— Это правда. Только знаете ли, литература всего лучше процвѣтаетъ на сухоядѣніи. Къ тому же, у меня есть куда дѣвать мои сбереженія.

— Но, любезнѣйшій,—снова началъ Скобелль съ покровительственною улыбкою,—вы вовсе не пользуетесь выгодами вашего положенія. Вы могли бы бывать всюду, въ самыхъ лучшихъ домахъ. Знаете что? Моя жена пришлетъ вамъ приглашеніе на одинъ изъ своихъ вечеровъ, и вы должны непремѣнно придти. Даю вамъ слово, что вы встрѣтите у насъ лучшее общество. Кромѣ того, будьте такъ милы, подарите мнѣ еще одинъ вечеръ, чтобы пообѣдать вмѣстѣ въ клубѣ. Это не первый клубъ Лондона, не одинъ изъ самыхъ модныхъ, но въ немъ вы встрѣтите весьма порядочную компанію. Если хотите, я приглашу стараго Джиффорда или кого-нибудь другаго по вашему выбору. Мы устроимъ маленькое празднество въ честь васъ, потому что, знаете ли, мнѣ все кажется, будто и я до нѣкоторой степени участвую въ вашемъ успѣхѣ, и вы не повѣрите, какъ искренно я горжусь этимъ.

При всемъ тщеславіи, въ натурѣ Скобелля было много неподдѣльнаго добродушія. Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку.

— Какой вечеръ выберемъ мы? Назначимъ, пожалуй, какую-нибудь субботу, ну, скажемъ, хоть 15 или 22 число, и посмотрите, не получите ли вы у меня въ клубѣ такой же хорошій обѣдъ съ отличнымъ виномъ, какъ гдѣ бы то ни было въ Лондонѣ.

— Выберемте день, какой вамъ угодно.

— Такъ назначимъ 22 число, чтобы имѣть болѣе времени для приготовленій. По моему, надо устроить все хорошо. Непростительно пригласить человѣка обѣдать и предложить ему такое же *menu*, какъ въ грошовомъ ресторанѣ. Я стараюсь всегда дать лучшее, что только есть въ погребѣ и кухнѣ, и не боюсь никакихъ хлопотъ. Есть множество людей, которые станутъ увѣрять васъ, что они выше такихъ вещей. Интересоваться хорошимъ обѣдомъ, виномъ или сигарами кажется имъ ниже ихъ достоинства. По ихъ словамъ, они предпочитаютъ чистую воду кларету, за который плачено по ста шиллинговъ за дюжину. Вздоръ, все вздоръ! Не мало глупостей въ этомъ родѣ можно слышать и у Четвиндовъ, — только онѣ въ этомъ невиноваты. Честное слово, по моему, просто непочтительно въ отношеніи къ хозяйкѣ съѣсть маленькую котлетку съ кусочкомъ хлѣба, запить ее стаканомъ воды и увѣрять, что ужь пообѣдалъ. Это нехорошо, неблаговидно. Еслибъ кто-нибудь позволилъ себѣ такую штуку за моимъ столомъ, я ужь ни за что не позвалъ бы его во второй разъ. И такъ, мы назначаемъ обѣдъ 22 числа, въ три четверти осьмаго. Удобно это вамъ?

Въ этомъ заключалась главная цѣль посѣщенія Скобелля, и онъ захлопнулъ записную книгу съ видимымъ удовольствіемъ, потомъ взялся за шляпу и трость.

— Вы были такъ любезны, что сказали... т.-е. предложили мнѣ...—робко началъ Фицджеральдъ, потомъ смѣлѣе продолжалъ:— мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы пригласили и моего друга Росса; вѣдь, ему принадлежатъ рисунки къ моей книгѣ.

— Съ удовольствіемъ! Тысячу разъ благодарю за напоминаніе. Съ истиннымъ удовольствіемъ!

Скобелль опять вынулъ записную книгу.

— Дайте мнѣ его адресъ, и я ему напишу. Вы не повѣрите, какъ я этимъ доволенъ. Должно быть, онъ очень умный

человѣкъ! Картины, которыя я видѣлъ у мистриссъ Четвиндъ, великолѣпны. По моему, онъ первоклассный талантъ.

— Россъ живетъ здѣсь внизу,—отвѣчалъ Фицджеральдъ, взглянувъ на часы.—Теперь онъ, навѣрное, за работою. Не хотите ли сейчасъ же спуститься къ нему?

— Непремѣнно.

Они сошли съ лѣстницы, постучались въ дверь мастерской и были впущены. Скобелль поспѣшилъ извиниться за несвоевременное посѣщеніе.

— Ничего,—отвѣчалъ Россъ, державшій трубку въ рукѣ.—Я рисую вотъ этого пса; только онъ плохо сидитъ и постоянно засыпаетъ. Мнѣ надоѣло вѣчно будить его свистками, и я принялся читать газету.

Скобелль съ изумленіемъ озирался въ большой мастерской, гдѣ звонко раздавались голоса. Потомъ, въ вычурныхъ выраженіяхъ и съ обиліемъ комплиментовъ, изложилъ цѣль своего посѣщенія, на что Россъ только кратко отвѣчалъ:

— Хорошо. Приду.

Но капиталистъ не унимался. Онъ принялся ходить по мастерской и дѣлать замѣчанія, между тѣмъ какъ Россъ становился все раздражительнѣе.

— Знаете ли, что я сдѣлаю, мистеръ Россъ?—величественно сказалъ онъ, наконецъ.—Я не могу допустить, чтобъ художникъ, который рисуетъ такъ, какъ вы, оставался въ неизвѣстности. Вотъ что я придумалъ: я приглашу Сайденгэма обѣдать съ нами.

Сайденгэмъ былъ весьма извѣстный живописецъ и академикъ, мужъ той самой дамы, съ которой Фицджеральдъ нѣкогда ужиналъ у Бьюда.

— Сайденгэмъ хорошій малый и его заступничество вамъ не повредитъ. У васъ, художниковъ и литераторовъ, есть одинъ недостатокъ: вы прячетесь въ своемъ кругу, никуда не ходите и не знакомитесь съ тѣми людьми, которыхъ вамъ надо бы знать. Держу пари, что вы во всю вашу жизнь не видѣли вблизи ни одного академика.

— Академія и я—врядъ ли очень поладили бы,—сухо возразилъ Россъ.—Я отщепенецъ, не хочу подчиняться установленнымъ формамъ, люблю рисовать на свой образецъ. Академики меня не стѣсняютъ; я иду своимъ путемъ, они своимъ, и мы не ссоримся. Право, мнѣ даже кажется иногда, что они изъ

вниманія ко мнѣ вѣшаютъ всегда мои картины подъ самой крышей, — эффектъ разстоянія, понимаете ли; онъ, быть можетъ, смягчаетъ нѣсколько рѣзкость моей кисти...

— Вы не станете, однако, увѣрять меня,—замѣтилъ Скобелль, остановившись, какъ вкопанный, передъ совсѣмъ неотдѣланнымъ наброскомъ, изображавшимъ ферму, нѣсколько коровъ и кучу соломы, ярко озаренной лучами солнца,—вы не станете, конечно, увѣрять меня, что въ академіи не дадутъ хорошаго мѣста вотъ такой картинѣ. По моему, она замѣчательна. На своемъ вѣку я видѣлъ много извѣстныхъ картинъ, осмотрѣлъ всѣ галлереи Европы,—и надоѣдали же онѣ мнѣ подчасъ, надо сознаться! Я не выдаю себя за знатока, но я умѣю отличить хорошую кисть отъ дурной, и утверждаю, что этотъ теленокъ нарисованъ такъ, какъ только можно пожелать. Грубовато,— продолжалъ онъ, махнувъ рукой,—грубовато, нужна отдѣлка, понимаете ли; но, все-таки, эскизъ хорошъ. Я не прочь бы повѣсить его у себя въ залѣ. Только крыша дома какъ будто нѣсколько нависаетъ, не такъ ли? Надо бы...

Онъ взялъ съ камина картину и держалъ ее передъ собою, критически разсматривая подробности.

— Это пустяки, пустая мазня!—нетерпѣливо сказалъ Россъ. Потомъ взялъ картину изъ рукъ Скобелля и поставилъ ее обратно на каминъ, лицомъ къ стѣнѣ.

Но Скобелль завладѣлъ ею и опять принялся разсматривать.

— Нѣтъ, нѣтъ,—покровительственно заговорилъ онъ,—картина не безъ достоинствъ. Въ ней все уравновѣшено. Свѣтъ и тѣни распредѣлены, по моему, безукоризненно. Я не боюсь довѣриться собственному сужденію, и никогда не высказываю его, если не готовъ подтвердить своего взгляда деньгами. Человѣкъ долженъ, по моему, покупать только тѣ картины, которыя ему лично нравятся. Что ему за дѣло до мнѣнія другихъ! Прекрасная картина, отличные свѣтовые эффекты! Словомъ, мистеръ Россъ, я желаю купить ее. Мнѣ вовсе не стыдно будетъ повѣсить ее въ своей залѣ...

Но тутъ художникъ пришелъ уже въ полное бѣшенство, схватилъ злополучный эскизъ и швырнулъ его въ противуположный конецъ мастерской, гдѣ онъ упалъ прямо на спавшаго щенка. Собаченка немедленно вскочила съ громкимъ воемъ и кинулась въ отдаленнѣйшій уголъ комнаты, поджимая хвостъ.

— Я ни за что не выпущу изъ своей мастерской такой

вещи,—сухо сказалъ Россъ, но тутъ же успокоился, и когда, наконецъ, Скобелль удалился, высказавъ еще не мало совѣтовъ, критическихъ или ободрительныхъ замѣчаній, художникъ только замѣтилъ, обращаясь къ своему другу:

— Вотъ оселъ!

Тѣмъ не менѣе, пріятели отправились въ назначенное время обѣдать въ Эберкорнъ-клубъ, гдѣ все было устроено очень пышно. Посѣтителямъ отвели особую, ярко освѣщенную залу; столъ былъ роскошно убранъ цвѣтами. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ Фицджеральдъ зналъ только самого хозяина, Росса, Джиффорда и Сайденгэма, да и то послѣдняго только съ лица. Остальнымъ же онъ былъ торжественно и въ весьма лестныхъ выраженіяхъ представленъ Скобеллемъ, причемъ гости, люди среднихъ лѣтъ, глядѣли на него молча и такъ тупо-пытливо, что онъ не разъ готовъ былъ воскликнуть: «Господа, честное слово, я не кусаюсь!» Фицджеральдъ недоумѣвалъ, кто бы они могли быть, и загадка нисколько не разъяснилась, когда Скобелль, послѣ того какъ всѣ усѣлись къ столу, шепнулъ ему на ухо:

— За этимъ столомъ вы видите четыре милліона.

По исчисленію самого Фицджеральда, въ комнатѣ было всего только десять человѣкъ, и онъ окончательно растерялся.

— Четыре милліона,—повторилъ Скобелль все тѣмъ же шепотомъ.—А такъ какъ на вашу долю, на долю Росса, Сайденгэма и мою приходится довольно мало, судите, сколько же имѣютъ остальные шесть. Мой визави и его сосѣдъ съ правой руки—директоры англійскаго банка.

Тутъ только Фицджеральдъ прозрѣлъ. Неудивительно, что эти господа были такъ серьезны, если на нихъ лежала отвѣтственность за четыре милліона. Даже за ѣду они принялись какъ-то сосредоточенно, не увлекаясь фривольными шутками, а внимательно разглядывая каждое новое блюдо. Мало-по-малу, однако, и ихъ серьезность поослабѣла. Отрывочныя замѣчанія относительно вѣроятности европейской войны, до той поры единственныя проявленія ихъ разговорчивости, перешли въ повальную брань французской внѣшней политики. Какому-то шутнику, сидѣвшему на концѣ стола, удалось даже смѣшить своего сосѣда (когда онъ не слишкомъ углублялся въ тарелку). Россъ и знаменитый академикъ сразу подружились и оживленно бесѣдовали. Джиффордъ былъ разсѣянъ, между тѣмъ какъ царившій во главѣ стола Скобелль сіялъ въ молчаливомъ довольствѣ.

— Съ того времени, какъ мы въ послѣдній разъ обѣдали вмѣстѣ, Фицджеральдъ,—началъ, наконецъ, Джиффордъ,—одинъ изъ тогдашняго кружка исчезъ съ горизонта.

— Знаете ли вы что-нибудь о немъ?—спросилъ молодой человѣкъ, догадавшись, о комъ идетъ рѣчь.—Гдѣ онъ теперь?

— Въ Парижѣ. Дѣла его плохи, какъ мнѣ кажется. Онъ женился на лэди Ипсвичъ, когда она получила разводъ; родные дали ей нѣкоторыя средства, но Клеркъ всегда былъ небреженъ и расточителенъ, и, сколько мнѣ извѣстно, любилъ входить въ долги. Тѣмъ не менѣе, у нихъ свой хорошенькій домъ за Мраморной аркой.

— За Arc de Triomphe?—подсказалъ сосѣдъ.

— Ну, да, а я что же сказалъ?... Надѣюсь, что его книга будетъ имѣть успѣхъ; только сюжетъ не совсѣмъ интересенъ для большой публики.

— Его книга? Какая же именно?

— Ее прислали въ редакцію, кажется, дня два тому назадъ. Клеркъ назвалъ ее: *Законы и предѣлы искусства*.

— Ахъ, еслибъ вы дали мнѣ разобрать ее!—воскликнулъ Фицджеральдъ съ такою горячностью, что Джиффордъ бросилъ на него быстрый взглядъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ съ странной усмѣшкой,—мы не можемъ допустить, чтобы въ нашей газетѣ бранили одного изъ вя сотрудниковъ.

— Въ вашей газетѣ?—съ изумленіемъ переспросилъ Фицджеральдъ.—Да развѣ Гильтонъ-Клеркъ пишетъ у васъ?

— Иногда,—былъ отвѣтъ.—Онъ уже давно разошелся съ прежней редакціею и обратился тогда ко мнѣ. Онъ кое-что работаетъ весьма не дурно. Жаль мнѣ его. Желаю, чтобъ книга его имѣла успѣхъ, только врядъ ли!

— Такъ почему же не хотите вы дать мнѣ разобрать ее?—удивился Фицджеральдъ, находившійся теперь съ Джиффордомъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ.

— У васъ, вѣдь, были съ нимъ какія-то недоразумѣнія по *Семейному Журналу*,—замѣтилъ Джиффордъ, глядя на него своими проницательными глазами.—Скобелль говорилъ мнѣ, что Клеркъ поступилъ съ вами очень дурно. Положимъ, это не новость для меня, но, все-таки...

— Если *это* васъ останавливаетъ,—поспѣшно перебилъ его Фицджеральдъ,—то напрасно. Дѣло совсѣмъ не въ томъ. Я хо-

тѣлъ, напротивъ, постоять за книгу, насколько силъ хватитъ. Клеркъ остался, правда, мнѣ долженъ небольшую сумму, но, вѣдь, и я обязанъ ему многимъ. Не будь его, я, пожалуй, до сихъ поръ пребывалъ бы вторымъ редакторомъ *Коркской Лѣтописи*. Мнѣ хочется, напротивъ, похвалить книгу.

— Ну, и это никуда не годится,—возразилъ Джиффордъ.—Мы поищемъ болѣе безпристрастнаго, но, все-таки, дружественнаго рецензента. Только зачѣмъ вамъ теперь вообще писать такія статьи? Скобелль говорилъ мнѣ, что у васъ свое имѣніе въ Ирландіи и, кромѣ того, хорошій доходъ.

— Мнѣ нужно какъ можно больше денегъ,—отвѣчалъ Фицджеральдъ,—есть на что ихъ тратить. Что касается ирландскаго помѣстья, то я считаю себя только его управителемъ, хотя пользуюсь охотой и рыбной ловлей даромъ, и наслаждаюсь тамъ по временамъ величайшемъ покоемъ. Спросите вашего сосѣда,—ахъ, извините, пожалуйста, позвольте васъ познакомить: мистеръ Россъ—мистеръ Джиффордъ,—такъ вотъ спросите его,—онъ, вѣдь, художникъ,—что думаетъ онъ о Boat of Harry.

Джиффордъ обратился тогда къ Россу и Фицджеральдъ былъ на нѣкоторое время предоставленъ себѣ. Этимъ воспользовался Скобелль, чтобъ шепнуть ему на ухо:

— Слушайте, милѣйшій, что это вамъ вздумалось посвятить вашу книгу «мистриссъ Четвиндъ *изъ Boat of Harry*»? Честное слово, не знаю, была ли это добрѣйшая дама болѣе довольна или возмущена этимъ? Объяснилась она съ вами?

— Да, т.-е. она благодарила меня, вотъ и все. Чѣмъ тутъ возмущаться?

— А вотъ что она мнѣ какъ-то сказала: «Любезнѣйшій мистеръ Скобелль,—мы вѣдь съ ней, знаете, старинные пріятели; Четвинды всегда были въ нашемъ кружкѣ, — любезнѣйшій мистеръ Скобелль, съ какой это стати Фицджеральдъ величаетъ меня «мистриссъ Четвиндъ изъ Boat of Harry? Развѣ онъ не желаетъ прянять отъ меня имѣніе? То онъ хотѣлъ передать его Мэри на растрату, а теперь навязываетъ мнѣ его на плечи; что же это въ самомъ дѣлѣ! Неужели я такъ-таки никогда не развяжусь съ нимъ?»

— Нѣтъ, теперь все въ порядкѣ. Все выяснено и улажено. Мистриссъ Четвиндъ и я вполнѣ поняли наше взаимное положеніе, точно также, какъ и миссъ Четвиндъ.

Пиръ продолжался; разговоръ становился все громче и иногда

прерывался взрывами смѣха. Фицджеральдъ снова оживленно бесѣдовалъ съ Джиффордомъ, и искусно коснулся значенія нѣкоторыхъ ходячихъ изреченій; потомъ какъ бы совершенно невзначай замѣтилъ, что немногія изъ нихъ пользуются такой извѣстностью, какъ двустишіе:

De par le Roi, défanse à Dieu
D'opérer miracle en ce lieu.

Джиффордъ сразу попался въ ловушку.

— *De faire miracle*, *de faire* miracle, сколько мнѣ извѣстно,— вѣжливо замѣтилъ онъ.

— *D'opérer*, мнѣ кажется,—столь же любезно отвѣчалъ Фицджеральдъ.

— Извините, я вполнѣ увѣренъ, что вы ошибаетесь. Это весьма обыкновенное изреченіе.

— Не смѣю вамъ противорѣчить; какъ вы совершенно вѣрно замѣтили, изреченіе это очень распространено.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, ни тѣни сомнѣнія. Всякій школьникъ вамъ это скажетъ. *De faire miracle*—будьте въ этомъ увѣрены.

— Мой авторитетъ въ пользу *d'opérer*,—отвѣчалъ противникъ съ самымъ равнодушнымъ и даже разсѣяннымъ видомъ, внимательно разглядывая кусочекъ какого-то диковиннаго пирожка,— мой авторитетъ не можетъ, конечно, считаться абсолютнымъ. Я нашелъ это указаніе въ старомъ изданіи вольтеровской *Pucelle;* на книгѣ стоитъ 1773 годъ и двустишіе названо тамъ очень распространеннымъ. Быть можетъ, тутъ есть ошибка...

— Очень можетъ быть,—прервалъ его Джиффордъ, однако, поспѣшилъ перемѣнить тему и началъ разспрашивать Фицджеральда о вліяніи какого-то новаго закона на судьбу бѣднѣйшихъ жителей юго-западной Ирландіи. Молодой человѣкъ сообщилъ все, что зналъ объ этомъ, и не припомнилъ ему, что они уже спорили насчетъ французскаго куплета въ прежнее время, когда встрѣчались не на такой равной ногѣ.

Наконецъ, роскошный пиръ, все-таки, кончился и гости разошлись, радушно пожавъ другъ другу руки на ступеняхъ Эберкорнъ-клуба; что касается Фицджеральда, то онъ скоро увидалъ, что этотъ пышный обѣдъ могъ бы, по его желанію, сдѣлаться началомъ цѣлой серіи подобныхъ трапезъ, быть можетъ, нѣ-

сколько болѣе домашняго характера. Книга его имѣла поразительный успѣхъ и что-нибудь въ ея содержаніи, навѣрное, возбуждало любопытство читающей публики относительно личности автора, такъ что онъ могъ бы несомнѣнно участвовать во многихъ обѣдахъ, ужинахъ и другихъ пиршествахъ. Но оказалось, что жизнь его слишкомъ наполнена для подобной траты времени. Если онъ вообще когда-нибудь обѣдалъ поздно вечеромъ, то только за «табль-д'отомъ» мистриссъ Четвиндъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ заслужилъ бы презрѣніе Скобелля своимъ равнодушіемъ къ житейскимъ благамъ, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ, которыя появляются за обѣденнымъ столомъ. Дѣятельная жизнь принесла ему большую пользу и въ другомъ отношеніи, точно также какъ и сознаніе, что ни времени, ни денегъ не хватило бы у него на удовлетвореніе всѣхъ спросовъ на нихъ. Старая боль совершенно вытѣснялась изъ его существованія; для нея не было въ немъ мѣста. Все это осталось далеко позади, — но увы! только за исключеніемъ ночной поры, когда душа его парила въ волшебномъ мірѣ сна, и ему казалось, что онъ снова гуляетъ съ Китти по благоухающимъ полямъ Корка или катается съ нею на лодкѣ въ теплую лунную ночь мимо заснувшихъ набережныхъ Айнишина.

Глава XXXI.

На восточной окраинѣ Лондона.

Легко догадаться, на что тратилъ теперь Фицджеральдъ время, остававшееся у него отъ литературныхъ занятій, и деньги, сберегаемыя имъ въ качествѣ управителя Boat of Haggu, какъ онъ продолжалъ себя называть. Сначала онъ сопровождалъ Мэри во время ея похожденій въ отдаленную восточную часть Лондона скорѣе изъ любопытства, чѣмъ съ какою-нибудь надеждою; и ему, да и большей части людей, непосвященныхъ въ дѣло, казалось столь же невыполнимымъ уменьшить нужду и страданія обширнаго населенія одними наличными средствами общества, какъ осушить ирландскія болота губкою. Къ тому же, занятія миссъ Четвиндъ, какъ она предупреждала его, вовсе не были поэтичны. Несчастія, съ которыми ей приходилось вѣдаться, рѣдко отличались трагизмомъ; все было низко и заурядно. Жизнь въ этихъ узкихъ, зараженныхъ улицахъ и мрачныхъ закоулкахъ не представляла ничего интереснаго; значительная часть населенія

выказывала скорѣе недовѣрчивость, чѣмъ благодарность, и всегда отличалась крайнимъ невѣжествомъ. Но мало-по-малу, когда Фицджеральдъ болѣе приглядѣлся къ механизму различныхъ благотворительныхъ учрежденій, онъ не могъ воздержаться отъ удивленія въ виду героизма этихъ добровольныхъ миссіонеровъ, не смутившихся громадностью и трудностью своей задачи, а ревностно и бодро дѣлавшихъ свое дѣло. Съ теченіемъ времени онъ научился подмѣчать и результаты этой дѣятельности, вносившей свѣтъ въ самыя мрачныя жилища, и скоро отъ простаго сочувствія перешелъ къ практической помощи. Сначала онъ сопровождалъ миссъ Четвиндъ въ качествѣ помощника или защитника, но потомъ увидалъ, что въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Мэри превосходно умѣла обращаться съ бѣднымъ людомъ и отличалась большимъ самообладаніемъ,—разъясняла ли она собранію мужчинъ и женщинъ страшныя послѣдствія употребленія нефильтрованной воды, или декламировала патріотическія стихотворенія передъ дѣтскою аудиторіею. Не такъ хорошо шли дѣла на собраніяхъ ея общества; но, когда Фицджеральдъ былъ избранъ въ составъ комитета, оказалось, что новый членъ смотритъ очень радикально на права меньшинства, въ особенности когда оно состояло изъ Мэри Четвиндъ. Все было тогда тщетно: и аргументы, и выраженія неудовольствія. Онъ упорно настаивалъ на своемъ. Наконецъ, когда дѣло коснулось однажды жгучаго вопроса о пивѣ, наступилъ кризисъ.

— Отлично,—сказалъ Фицджеральдъ послѣ того, какъ онъ и миссъ Четвиндъ остались въ одинокомъ меньшинствѣ,—нечего объ этомъ болѣе говорить. Идите своимъ путемъ; это не помѣшаетъ мнѣ пойти своимъ. Какъ я уже не разъ высказывалъ, я не думаю, чтобъ стаканъ эля повредилъ кому бы то ни было, кромѣ, конечно, мальчиковъ, и нахожу несправедливымъ отрывать на цѣлый вечеръ людей отъ ихъ занятій и не доставить имъ даже такого невиннаго удовольствія. Поэтому я и хочу сдѣлать опытъ.

Раздался протестующій ропотъ. Неужели онъ осмѣлится игнорировать такую священную вещь, какъ общее голосованіе?

— Я могу предложить вамъ два средства: или я выйду изъ членовъ и получу тогда свободу дѣйствовать, какъ мнѣ угодно, или же останусь въ комитетѣ и буду устраивать вечера самъ, то-есть, я хочу сказать, на свой собственный счетъ, такъ что отвѣтственность за нихъ не ляжетъ на общество. Упрекъ въ

распространеніи пива падетъ тогда не на васъ; я одинъ буду во всемъ виноватъ.

Снова раздался ропотъ; однако, второе предложеніе было, въ концѣ-концовъ, принято. Общество не желало лишиться Финджеральда. Онъ былъ человѣкъ дѣятельный, да еще съ деньгами. Къ тому же, всѣ видѣли, какъ славно расправлялся онъ съ мужчинами и мальчиками на миттингахъ, гдѣ держалъ ихъ въ полномъ повиновеніи самымъ добродушно-авторитетнымъ образомъ. Въ послѣднее время общество имѣло также нѣсколько стычекъ съ газетными рецензентами, и Финджеральдъ оказался полезнымъ защитникомъ и въ этомъ случаѣ.

Когда они вышли на улицу, Мэри сказала, глядя на молодаго человѣка полусмѣющимися, полуиспуганными глазами:

— Мистеръ Финджеральдъ, что вы сдѣлали?

— Ничего особенно ужаснаго, надѣюсь, — улыбаясь, отвѣчалъ онъ.

— Когда вы говорили отъ своего лица, вы, конечно, имѣли въ виду и меня?

— Да; ну, такъ что-жь?

— Можемъ ли мы сдѣлать все это вдвоемъ? Подумайте о расходахъ. Тетушка, навѣрное, будетъ внѣ себя. Обо мнѣ она ужь болѣе не печалится, но говоритъ, что я васъ разоряю, что вы нисколько не наслаждаетесь жизнью...

— Развѣ я не обѣщалъ съѣздить въ іюлѣ въ деревню? Надѣюсь, что и вы, и тетушка тоже пріѣдете и поживете тамъ нѣкоторое время.

— Я чувствую просто угрызеніе совѣсти,—продолжала миссъ Четвиндъ.—Вы никогда не подумали бы о пивѣ, еслибъ я не говорила съ вами о немъ въ Ирландіи. Кромѣ того, наемъ маленькаго театра будетъ стоить намъ восемь фунтовъ десять шиллинговъ въ вечеръ, не говоря уже о пивѣ. Еслибъ я могла платить за все сама, я была бы покойна, или еслибъ вы держали хоть экипажъ и катались каждый день въ паркѣ, какъ предлагаетъ мистеръ Скобелль, тогда тетушка нѣсколько просвѣтлѣетъ духомъ, и я тоже буду знать, что у васъ есть хоть какое-нибудь удовольствіе...

— Развѣ я имѣю такой несчастный видъ?—спросилъ онъ, смѣясь.—Однако, вы очень кстати упомянули о Скобеллѣ. Мнѣ кажется, что я долженъ еще немного поприжать его.

— О, нѣтъ! Послѣ того, какъ онъ пожертвовалъ намъ фильтры...

— Но у него есть друзья. Вѣдь, онъ мнѣ самъ говорилъ въ прошломъ году на обѣдѣ, что шестеро изъ наличныхъ гостей представляютъ собою четыре милліона. Еслибъ намъ удалось убѣдить Скобелля подѣйствовать на нихъ, что значило бы тогда для насъ платить восемъ фунтовъ десять шиллинговъ въ вечеръ за наемъ театра?

— Вамъ лучше знать,—отвѣчала она.—Надѣюсь только, что мы не приняли на себя слишкомъ большой отвѣтственности.

Въ сущности, неизвѣстно, сознавали ли это молодые люди, или еще нѣтъ, но только если что-нибудь интересовало Фицджеральда въ его новой дѣятельности и дѣлало ее настолько пріятною, что онъ и не думалъ даже о какихъ-либо другихъ наслажденіяхъ или удовольствіяхъ, такъ именно возможность слѣдить за Мэри въ ея сношеніяхъ съ бѣднымъ людомъ. Вся прелесть и простота ея натуры проявлялась тутъ посреди массы нужды, заботъ, невѣжества и даже преступленій, съ которыми ей приходилось сталкиваться. Гдѣ бы ни появлялась она, всюду водворялся миръ.

Больныя и страждущія женщины, готовыя упасть духомъ подъ гнетомъ жестокой судьбы, ободрялись и продолжали борьбу. Многія изъ нихъ говорили Фицджеральду, что никто не вноситъ въ ихъ семейный бытъ такого луча свѣта, какъ именно она. Мало-по-малу и онъ научался такъ же думать о ней. Онъ вслушивался въ эти разсказы, смотрѣлъ на Мэри глазами ея бѣдныхъ друзей и видѣлъ, какъ она, подобно сказочной царской дочери, разливаетъ всюду счастье и свѣтъ.

— Вилли,—сказала ему однажды мистриссъ Четвиндъ, пока собирались гости для «табль-д'ота»,—зачѣмъ не прочелъ ты мнѣ изъ *Либеральнаго Обозрѣнія* статью о благотворительности, ту именно, гдѣ описывается, какъ она вліяетъ на самого благотворителя? Не припомню что-то ея заглавія Ахъ, да: *Благотворительность, какъ выгодно помѣщенный капиталъ*.

— Я видѣлъ эту статью, — уклончиво отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Да? И самъ же и написалъ ее?

— Почему думаете вы это?

— Потому, что мистриссъ Симсъ была здѣсь сегодня и прочла мнѣ статью. Мы съ ней порѣшили, что ты описываешь нашу Мэри.

— Я... я надѣюсь... вы не думаете, конечно, что въ статьѣ есть что-нибудь непріятное... то-есть, я хочу сказать, слишкомъ личное, такъ что, еслибъ миссъ Четвиндъ увидала...—несвязно бормоталъ онъ.

— Ну,—сказала старушка добродушно,—если принять въ соображеніе, что ты приписываешь ей всѣ ангельскія добродѣтели и еще съ полдюжины чисто-женскихъ, то мнѣ кажется, что Мэри не на что пенять. Хотя она мнѣ и племянница, но я, все-таки, должна по справедливости признаться, что портретъ узнать можно.

Время шло. Мэри очень гордилась результатомъ новаго предпріятія, затѣяннаго Фицджеральдомъ, хотя трудно сказать, обусловливался ли успѣхъ дѣла заслугами самой чтицы, ловкостью ея режиссера и защитника, или просто пивомъ. Въ іюлѣ того же года мистриссъ Четвиндъ съ племянницею и Фицджеральдомъ переселились на время въ Boat of Haggy. За ними послѣдовалъ и Россъ, которому было поручено воспроизвести масляными красками нѣкоторые изъ его прежнихъ эскизовъ. Такъ прожили они до конца августа. И въ деревнѣ, и въ Лондонѣ жизнь ихъ текла ровно, и, казалось, не было никакой причины желать, чтобы она измѣнилась хоть въ чемъ бы то ни было.

Однако, безъ случайностей дѣло никогда не обходится. Въ одинъ прекрасный вечеръ, вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ деревни, Мэри назначила въ упомянутомъ уже маленькомъ театрѣ собраніе, на которомъ желала съ помощью волшебнаго фонаря показать своимъ слушателямъ нѣсколько портретовъ знаменитыхъ англичанъ, сопровождая это необходимыми объясненіями. Фицджеральдъ присутствовалъ обыкновенно на этихъ сборищахъ, готовый всѣми средствами поддерживать порядокъ, хотя надо сказать, что въ присутствіи Мэри аудиторія держала себя всегда безупречно. На этотъ разъ онъ прибылъ въ театръ лишь къ срединѣ лекціи и, проскользнувъ незамѣтно въ темный уголокъ партера, началъ наблюдать.

Миссъ Четвиндъ держала себя съ большимъ самообладаніемъ, и видно было, что она совершенно свыклась съ своими слушателями. Говорила она съ ними очень просто, пока дѣлала приготовленія, необходимыя для опытовъ; иногда подходила даже къ самой рампѣ, чтобы прямо обращаться къ аудиторіи.

— Послушайте,—начала она, наклоняясь надъ столомъ, чтобы взять нужную ей пластинку, — я увѣрена, что многіе изъ васъ читаютъ *Газету Джонса?*

Газета Джонса была самымъ дряннымъ мѣстнымъ листкомъ, производившимъ большую смуту среди бѣднаго населенія столицы. Публика, ожидавшая, быть можетъ, увидать портретъ самого великаго Джонса, затопала ногами. Тогда Мэри встала и съ изумленіемъ посмотрѣла на слушателей.

— О!—сказала она,—такъ вотъ какое чтеніе вамъ нравится? Надѣюсь, что нѣтъ. Быть можетъ, нѣкоторые изъ васъ думаютъ, что, если мистеръ Джонсъ обличаетъ правительство или утверждаетъ, что оно должно бы дѣйствовать такъ, а не иначе, самъ онъ, слѣдовательно, съумѣетъ править искуснѣе. Неужели онъ болѣе способенъ руководить страною или болѣе честенъ, чѣмъ люди, которые всю жизнь готовились къ этой дѣятельности и приняли на себя не мало тяжкаго труда? Посудите сами, что онъ за человѣкъ. Уже два раза судился онъ за пьянство и былъ оштрафованъ. Можетъ ли человѣкъ, такъ относящійся къ своимъ собственнымъ дѣламъ, руководить цѣлымъ государствомъ?

Этотъ аргументъ, быть можетъ, нѣсколько безцеремонный и, пожалуй, даже рискованный, былъ во всякомъ случаѣ весьма удобопонятенъ.

— Н-нѣтъ,—раздался общій отвѣтъ.

— Теперь посмотрите сюда; я покажу вамъ портретъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей консервативной партіи, человѣка талантливаго и честнаго. Быть можетъ, я сама—не консерваторъ, но это сюда не относится. Я желала бы убѣдить васъ въ томъ, что люди, руководящіе англійскою политикою, къ какой бы партіи они ни принадлежали, дѣйствуютъ для общаго блага по своему крайнему убѣжденію. Не вѣрьте, будто богатые украли у васъ деньги; въ большинствѣ случаевъ состояніе ихъ нажито благодаря тому, что ихъ отцы и дѣды были люди трезвые, трудолюбивые и способные. Сохраненіе порядка и законности необходимо для всѣхъ. Еслибъ не порядокъ, могли ли бы ваши матери, жены и сестры безбоязненно ходить по улицамъ поздно вечеромъ и закупать, что имъ нужно? Только законъ охраняетъ ихъ отъ грабежа. Не смотрите же на блюстителей порядка, какъ на своихъ личныхъ враговъ, а помогайте имъ лучше поймать вора или обуздать пьяную ватагу, толкающую женщинъ и безпокоющую мирныхъ обывателей.

Миссъ Четвиндъ вставила пластинку въ волшебный фонарь; человѣкъ, находившійся за кулисами, спустилъ газъ и, когда на полотнѣ появился большой, раскрашенный портретъ великаго

государственнаго дѣятеля, онъ былъ встрѣченъ ропотомъ одобренія, несмотря на всѣ тирады *Газеты Джонса*. Въ эту минуту случилось совершенно неожиданное происшествіе. Одинъ изъ присутствующихъ, случайно перенеся взоръ съ яркаго свѣтоваго круга на полотнѣ въ сторону кулисъ, замѣтилъ огонь на краю занавѣса и въ ту же минуту, не успѣвъ хорошенько опомниться, громко закричалъ: «пожаръ». На секунду въ залѣ воцарилось гробовое молчаніе; потомъ всѣ оглянулись и, увидавъ огонь надъ своими головами, пришли въ страшное смятеніе. Фицджеральдъ вскочилъ и громкимъ голосомъ приказалъ всѣмъ сѣсть; но съ такимъ же успѣхомъ обратился бы онъ къ взволнованному морю. Не слышно было ни криковъ, ни воплей, — въ залѣ не было ни одной женщины,—но всѣ старались какъ можно скорѣе пробраться къ дверямъ, и отъ этого началась ужаснѣйшая давка. Протиснуться не было никакой возможности. Тогда толпа внезапно обернулась и черезъ мгновенье хлынула, чтобы взять приступомъ сцену. Фицджеральдъ схватилъ перваго попавшагося бѣглеца и силою приковалъ его къ мѣсту.

— Садись, безумецъ, опасности никакой нѣтъ!—закричалъ онъ. Но никто не слушалъ его; всѣ разомъ бросились къ сценѣ и вскочили на нее. Увидавъ это, Фицджеральдъ кинулся туда же, растолкалъ толпу и бросился къ Мэри, стоявшей неподвижно, съ испуганнымъ лицомъ. Она не глядѣла на пламя надъ своей головой, и не спускала глазъ съ надвигавшагося народа, который стремился къ узкому проходу за сценою. Фицджеральдъ схватилъ ея руку и крѣпко сжалъ въ своей.

— Не бойтесь,—сказалъ онъ, взглянувъ сперва на тлѣвшій занавѣсъ, а потомъ на исчезавшую толпу.—Опасности нѣтъ. Всѣ спасутся.

— Я ничего не боюсь, пока вы со мною,—отвѣчала она нѣсколько гордо.

Онъ обернулся и посмотрѣлъ на нее; взоры ихъ встрѣтились.

— И такъ, навсегда?—спросилъ онъ.

Она ничего не отвѣчала, а только молча положила свою руку на его плечо. Такъ они и остались, выжидая, чтобы дикая и взволнованная масса разсѣялась, между тѣмъ какъ огненная точка наверху разгоралась все ярче.

Страшное было это положеніе, но Фицджеральдъ не чувствовалъ никакого страха. Впослѣдствіи онъ помнилъ, что все

время соображалъ, сколько секундъ пройдетъ, прежде чѣмъ выйдетъ изъ театра послѣдній человѣкъ, пріѣдутъ ли пожарные и неужели же во всемъ зданіи нѣтъ ни одного изъ служащихъ. При этомъ онъ спокойно слѣдилъ за ходомъ огня. Пламя распространялось не быстро. Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ гдѣ-либо загорѣлись доски; сначала онѣ только чернѣли и обугливались, потомъ въ разныхъ мѣстахъ начали вспыхивать узкіе огненные языки и вдругъ все озарилось яркимъ краснымъ цвѣтомъ.

— Не уйти ли намъ теперь?—спросилъ молодой человѣкъ, когда громкіе окрики, призывавшіе то Дика, то Билля, то Джэка, начали, наконецъ, стихать.

— Если вы хотите,—твердо отвѣчала она.

Выйти можно было теперь безъ опасности или затрудненія. Въ ту минуту, когда они двинулись къ выходу, послышалось громкое шипѣніе и плескъ, и черезъ мгновенье вода лилась уже дождемъ по сценѣ. Они пробрались за кулисы и черезъ актерскій подъѣздъ вышли на улицу, гдѣ застали громадную толпу зѣвакъ, съ трудомъ отстраняемую полиціею отъ пожарныхъ трубъ. Минутъ черезъ десять все было кончено. Фицджеральду пришлось только отыскать машиниста, бывшаго въ числѣ первыхъ бѣглецовъ, и заставить его запереть газъ въ предупрежденіе взрыва; потомъ съ помощью нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ и при свѣтѣ одинокой свѣчи онъ собралъ всѣ принадлежности волшебнаго фонаря и велѣлъ перенести ихъ въ кэбъ, гдѣ его ожидала Мэри.

Когда они отъѣхали отъ гудѣвшей толпы, все еще тѣснившейся вокругъ пожарища, говорить снова стало возможно; но они долго молчали. Наконецъ, Мэри сказала:

— Недавно вы хотѣли пожертвовать мнѣ Boat of Harry, теперь отдаете мнѣ вашу жизнь. Что же далѣе?

— Жизнь моя получитъ цѣну только тогда, когда вы возьмете ее въ свои руки,—отвѣчалъ онъ.

Глава XXXII.

Въ картинной галлереѣ.

Пропустимъ нѣсколько лѣтъ и перенесемся прямо на художественную выставку въ Ганноверскомъ Скверѣ. Она задумана была, чтобы служить дополненіемъ къ выставкамъ королевской

академіи; открылась она всего только за годъ передъ тѣмъ, однако, успѣла уже вызвать немало и вражды, и сочувствія. Иные утверждали съ бо́льшею запальчивостью, чѣмъ было прямо необходимо, что характеристическую черту художниковъ этой школы составляетъ манерная подражательность стилю старыхъ флорентинцевъ, причемъ будто бы красота, яркость красокъ и жизненность, присущія картинамъ итальянскихъ мастеровъ, замѣняются болѣзненной изнѣжностью, извращеніемъ и упадкомъ вкуса. Говорилось также, что декоративный характеръ замысловъ новѣйшихъ художниковъ, не въ силахъ скрыть ихъ очевиднаго незнакомства съ анатоміею и неумѣнья рисовать человѣческое тѣло, между тѣмъ какъ ихъ ландшафты обнаруживаютъ скорѣе непростительную смѣлость, чѣмъ вѣрное изученіе природы. За то другіе утверждали, тоже не безъ запальчивости, что въ Ганноверскомъ Скверѣ просто отдыхаешь душою, что картины, выставленныя тутъ, научаютъ людей думать и что стремленіе къ высшему совершенству въ искусствѣ, при всѣхъ недостаткахъ исполненія, все-таки, лучше самодовольнаго ничтожества и во всякомъ случаѣ избавляетъ публику отъ безцвѣтныхъ картинъ, обыкновенно красующихся на стѣнахъ британскихъ галлерей.

Въ числѣ самыхъ яростныхъ защитниковъ новаго учрежденія находился, конечно, и Россъ. Примѣшивалось ли тутъ нѣкоторое чувство досады на королевскую академію, все еще продолжавшую игнорировать его работы, сказать трудно; какъ бы то ни было, его поклоненіе новой школѣ высказывалось такъ искренно, что мистриссъ Четвиндъ, всегда готовая послужить по мѣрѣ силъ всякому, устроила между сэромъ Сирилемъ Смитомъ, директоромъ новый галлереи, и шотландскимъ художникомъ свиданіе, имѣвшее блестящіе результаты, по крайней мѣрѣ, для Росса.

Былъ прекрасный, совершенно лѣтній день, несмотря на раннюю весну. Густая и нарядная толпа двигалась изъ комнаты въ комнату, иногда останавливалась группами, весело болтая или критически разсматривая туалеты дамъ, бо́льшею частью оригинальные по покрою, но мрачные по цвѣту. Только въ одной группѣ виднѣлась стройная молодая женщина съ очень красивыми глазами, туалетъ которой, если и напоминалъ нѣсколько средневѣковый стиль, отличался, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣлостью и красотой подбора красокъ. Платье изъ темнаго бархата, было отдѣлано блѣдно-желтыми кружевами. Надо сознаться, однако, что не туалетъ привлекалъ, главнымъ образомъ, вниманіе, а гра-

ціозность и спокойствіе каждаго движенія молодой женщины и ея ясные, прямодушные, смѣющіеся глаза.

Высокій, красивый пожилой господинъ пробрался къ ней черезъ толпу.

— Дитя мое,—сказалъ онъ, взявъ ее за руку,—я всюду искалъ васъ. Мнѣ сказали, что вы здѣсь. Какая вы сегодня красивая! И что за туалетъ! Всѣ говорятъ, что изящнѣе его нѣтъ въ цѣломъ залѣ. Очень мило, право, очень мило!

— Только за это нечего хвалить ни меня, ни мою портниху, сэръ Сириль,—отвѣчала молодая женщина.—Все это выбралъ мой мужъ. Ну, скажите, не послушная ли я жена? Онъ знаетъ, что я одѣваюсь только для него, и я предоставляю ему право выбирать, что ему нравится. Вѣдь, это мило съ моей стороны, не правда ли?

— О!—пошутилъ онъ,—всѣ вы, молодыя жены, таковы сначала.

— Молодыя жены!—насмѣшливо повторила она.—Да моему сыну минетъ въ іюнѣ четыре года!

— Вашъ сынъ не поблагодаритъ васъ, если вы еще разъ заразитесь горячкой и уѣдете на зиму въ Италію, оставивъ бѣднаго мальчугана дома. А гдѣ же вашъ мужъ?

— Да гдѣ-нибудь здѣсь съ Россомъ. Опять, навѣрное, ссорятся. Они постоянно бранятся теперь, съ тѣхъ поръ, какъ мы вернулись изъ Италіи.

— Вы уже обошли всѣ залы?—спросилъ сэръ Сириль, окинувъ взоромъ небольшую группу, отъ которой молодая женщина нѣсколько отдѣлилась. Она поспѣшила представить его.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Я какъ-то совсѣмъ растерялась. Всѣ наши знакомые здѣсь, и такъ трудно запомнить все, что нужно сказать имъ, что времени нѣтъ даже подумать о картинахъ. Гораздо спокойнѣе сидѣть гдѣ-нибудь на террасѣ въ Сорренто или на верандѣ въ Капри и слѣдить за тѣмъ, какъ туристы взбираются вверхъ на ослахъ, не правда ли? Мы были въ Искіи послѣ вашего отъѣзда. А теперь не оставайтесь долѣе со мною, сэръ Сириль; вамъ нужно, конечно, повидаться со всѣми вашими друзьями...

— Передо мною еще весь день; я сейчасъ опять вернусь къ вамъ. Смотрите, не уходите никуда завтракать. Я зайду за вами около часу. Изловите къ тому времени вашего мужа, да, кстати, и Росса. У меня тутъ приготовленно въ укромномъ уголкѣ

недурное угощеніе, совершенно подходящее для человѣка выздоравливающаго. А теперь поскорѣе сядьте. Не оставайтесь на ногахъ цѣлый день, хотя, правду сказать, вы давно не высматривали такъ хорошо, какъ сегодня.

Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, потомъ поспѣшно вернулся.

— Что это со мной дѣлается? Я совсѣмъ забылъ спросить о здоровьѣ вашей тетушки. Ей лучше, надѣюсь?

— Да, мнѣ кажется даже, что гораздо лучше. Но она любитъ покой и не хочетъ выходить изъ дому, даже отказывается ѣхать съ нами въ нынѣшнемъ году въ Boat of Haggy.

— Но она, вѣдь, не больна?

— О, нѣтъ! Почти совсѣмъ здорова. Теплая погода ей всегда полезна; она сама сознается, что страдаетъ теперь только непреодолимою лѣнью.

— И такъ, ровно въ часъ, не забудьте!

Минуту спустя, торопливыми шагами подошелъ Фицджеральдъ.

— Слышала ли ты? Говорили тебѣ?—горячо спрашивалъ онъ.

— Я ничего особеннаго не слыхала, но зачѣмъ вырядился ты въ этотъ поношенный, старый костюмъ? Всѣ сегодня во фракахъ и перчаткахъ. Вѣдь, мы не на Капри!

— Представь себѣ, по общему мнѣнію, картины Росса лучше всего, что есть на этой выставкѣ,—продолжалъ Фицджеральдъ столь же быстро, не обративъ вниманія на ея замѣчаніе.—Имъ отведено почетное мѣсто въ слѣдующей залѣ; всѣ пять картинъ поставлены рядомъ. Пойдемъ взглянуть на нихъ... Джиффордъ,— и при этихъ словахъ онъ обратился къ журналисту, который вмѣстѣ съ своей женой, красивой высокой дамой, разсматривалъ выставку,—Джиффордъ, двинемтесь въ слѣдующую комнату. Я, вѣдь, говорилъ вамъ, что эти картины произведутъ эффектъ. Знайте, что я намѣренъ хвалить ихъ, несмотря на то, что Россъ мнѣ другъ; и такъ, если вы дрожите за репутацію *Либеральнаго Обозрѣнія*, вы должны будете обратиться въ этомъ случаѣ къ другому критику или заручиться мнѣніемъ какого-нибудь безпристрастнаго авторитета.

Нѣтъ сомнѣнія, что, пробираясь вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ въ слѣдующую комнату, Джиффордъ считалъ самого себя достаточно безпристрастнымъ авторитетомъ. Но и его сразу необыкновенно поразили ландшафты Росса. Или, вѣрнѣе, ландшафтъ былъ только одинъ, но снятый въ пять различныхъ моментовъ. Художникъ изобразилъ поляну, море, холмы и часть

неба, видимыя изъ окна столовой въ Boat of Naggu. Первая картина представляла спокойную, ясную зорю, занимающуюся на востокѣ, природу еще безжизненную, но погруженную въ безмолвіе; вторая воспроизводила всѣ разнообразныя явленія вѣтреннаго лѣтняго дня; по небу неслись стаи бѣлыхъ облаковъ и тѣней, деревья гнулись, полевыя работы были въ полномъ ходу, а на далекомъ горизонтѣ вырѣзывалась зловѣщая красная полоса; № третій изображалъ ливень; все было сѣро, неясно, безотрадно; на четвертой картинѣ погода прояснилась, золотистый туманъ все болѣе и болѣе окутывалъ предметы по мѣрѣ того, какъ солнце пробивалось сквозь пары. Наконецъ, серію картинъ завершало изображеніе ясной лунной ночи.

— Что за прекрасный замыселъ!—сразу воскликнулъ Джиффордъ.—Просто сживаешься съ мѣстностью! Странно, что никто не брался до сихъ поръ за такой сюжетъ! Всѣ стремятся къ большему разнообразію, а, между тѣмъ, настоящее искусство художника именно и заключается въ умѣньи обходиться безъ новыхъ сюжетовъ. Милѣйшій другъ, вы можете хвалить эти картины, сколько душѣ угодно. Это — лучшее изо всей выставки, за исключеніемъ, конечно, портрета вашей жены. Хвалите себѣ, на здоровье; я вамъ не мѣшаю.

— Не забывайте, однако,—замѣтилъ Фицджеральдъ, — что между критиками, навѣрное, завяжется борьба, по примѣру прошлаго года. Лучше не впутывайте *Либеральное Обозрѣніе* въ какія-нибудь непріятности. Знаете, что мы можемъ сдѣлать? Обратимся къ какому-нибудь изъ извѣстныхъ художниковъ и спросимъ его мнѣнія.

— Никогда! Въ такомъ случаѣ я долженъ бы предоставить поэтамъ разбирать стихотворенія, а романистамъ—романы. Будетъ ли это справедливо? Мы ратуемъ противъ этого съ самаго основанія *Либеральнаго Обозрѣнія*.

— По моему, это единственно вѣское мнѣніе, — осмѣлился замѣтить Фицджеральдъ,—если, конечно, вы увѣрены въ его безпристрастіи. Можетъ ли человѣкъ судить объ искусствѣ, если незнакомъ съ технической стороной? Цѣнно сужденіе критика, понимающаго дѣло и стоящаго настолько выше другихъ, что даже мысль о завистн или соперничествѣ съ его стороны не приходитъ въ голову.

— И вы думаете, что *Либеральное Обозрѣніе* въ состояніи оплачивать работу такихъ людей?

— Что касается меня,—продолжалъ Фицджеральдъ,—я желалъ бы, главнымъ образомъ, слышать мнѣніе Сайденгэма. Онъ выше всякаго соперничества, умѣетъ рисовать и портреты, и ландшафты; равнаго ему нѣтъ въ настоящее время...

— За то онъ слишкомъ добродушенъ; по его мнѣнію, во всемъ есть хорошая сторона. Я какъ-то обошелъ съ нимъ всю выставку въ академіи. Ни одного слова осужденія не слышалъ я отъ него. Онъ постоянно указывалъ на достоинства картинъ, разъяснялъ трудности, хвалилъ все, особенно работы начинающихъ художниковъ. У него нѣтъ ни малѣйшаго критическаго задора. Нѣтъ, если ужъ аппелировать къ кому-нибудь, такъ къ вашей женѣ; она, вѣдь, хорошо знакома съ мѣстностью. Мистрисъ Фицджеральдъ, намъ нужно ваше мнѣніе о картинахъ Росса.

— Не спрашивайте меня,—отвѣчала она.—Я желала бы ихъ купить, а у меня нѣтъ денегъ.

— Ну, вотъ это, по крайней мѣрѣ, честная критика. Думаю, Фицджеральдъ, что можно дозволить *Либеральному Обозрѣнію* похвалить этюды Росса. Но гдѣ же онъ самъ?

— Онъ не хочетъ даже войти въ эту комнату. По его мнѣнію, это такъ же непріятно, какъ вставить самого себя въ рамку и дать публикѣ право глядѣть черезъ микроскопъ.

Всѣ двинулись, чтобы, наконецъ, систематически и серьезно обозрѣть галлереи; осмотръ прерывался, однако, по временамъ прибытіемъ новой группы знакомыхъ, желавшихъ взглянуть на портретъ Мэри Четвиндъ (какъ многіе продолжали еще называть ее). Это была работа Сайденгэма и составляла, по общимъ отзывамъ, главное украшеніе одной изъ залъ. Вскорѣ къ нимъ присоединился и Россъ, и его замѣчанія, правда, отрывочныя и нѣсколько догматичныя, отличались во всякомъ случаѣ мѣткостью.

— Это-то,—говорилъ онъ въ отвѣтъ на чей-то вопросъ, разглядывая картину художника, потратившаго немало труда на созданіе аллегоріи, разгадка которой оставалась невозможною безъ помощи каталога,—это-то? Развѣ вы не видите всей лжи замысла? Вѣдь, такой человѣкъ, навѣрное, украситъ даже могилу своей матери раскрашенными жестяными цвѣтами. Взгляните лучше сюда,—продолжалъ онъ, обращаясь къ портрету мистриссъ Фицджеральдъ, находившемуся въ самой срединѣ комнаты.—Вотъ это работа человѣка, который знаетъ, что его дѣло рисовать, а не ломать себѣ голову надъ двѣнадцатымъ или какимъ-нибудь другимъ столѣтіемъ.

Онъ уже давно вышелъ изъ пеленокъ и для него нѣтъ болѣе трудностей. Говорятъ, будто онъ небреженъ; я же утверждаю, что онъ пренебрегаетъ только тѣмъ, что несущественно. Вѣдь, не рисовать же ему, въ самомъ дѣлѣ, такъ, чтобы можно было счесть каждую булавку?

— Любезнѣйшая мистриссъ Фицджеральдъ,—раздался за ними голосъ,—убѣдительно прошу васъ удалиться отсюда.

Они обернулись и увидали передъ собою Сайденгэма и его хорошенькую жену, которую Фицджеральдъ старался нѣкогда подкупить сандвичами.

— Ну, хорошо ли это,—продолжалъ онъ,—по христіански ли? Зачѣмъ это вы помѣстились какъ разъ подъ вашимъ портретомъ? Чтобы люди видѣли всю разницу между нимъ и оригиналомъ? Да еще возвращаетесь прямо изъ Италіи; у васъ не сошелъ еще съ лица лучъ неаполитанскаго солнца.

— Я слушала лекцію,—мистеръ Сайденгэмъ,—отвѣчала молодая женщина.—Мистеръ Россъ тутъ ораторствовалъ; вы остались бы очень довольны, еслибъ слышали, что онъ говоритъ.

— Это значитъ: «похвалите меня, я похвалю васъ»,—сказалъ знаменитый академикъ съ улыбкою.—Ничто въ этой комнатѣ не въ состояніи затмить вашихъ ирландскихъ эскизовъ, мистеръ Россъ.

Приближался часъ, назначенный сэромъ Сирилемъ для завтрака. Вскорѣ появился и самъ хозяинъ и увлекъ за собою всю компанію. Только одинъ Россъ пошелъ неохотно и какъ-то дичился; однако, вскорѣ и онъ повеселѣлъ подъ вліяніемъ мистриссъ Сайденгэмъ. Она обратилась къ нему съ вопросомъ, не въ его ли пользу хотѣлъ подкупить ее нѣкогда Фицджеральдъ.

— Совсѣмъ безполезно было,—отрѣзалъ Россъ.

— Совершенно безполезно,— подтвердила хорошенькая женщина, весело улыбаясь.—По крайней мѣрѣ, не сандвичами; это мнѣ не по лѣтамъ.

— Не объ этомъ говорю я,— возразилъ Россъ,— а о томъ, что не слѣдуетъ безпокоить вашего мужа такими вещами. Человѣка, который работаетъ, какъ онъ, ничѣмъ не надо отвлекать отъ дѣла. Если онъ пропуститъ хоть день, страна теряетъ столько же, какъ...

— Да, вѣдь, онъ очень интересуется молодыми художниками. Я очень рада, что ему понравились ваши картины. Мужъ по-

стоянно говорить о нихъ. Вы, конечно, довольны мѣстомъ, которое имъ отведено...

— О, да, хотя я, какъ лиса, всюду нашелъ бы себѣ нору.

— Вы что сказали?

Но онъ не отвѣчалъ, быть можетъ, даже не слыхалъ вопроса. Тогда она перешла къ другимъ предметамъ: правда ли, что онъ снова ѣдетъ съ Фицджеральдомъ въ Ирландію, видѣлъ ли онъ сборникъ стихотвореній или драматизованныхъ поэмъ, которыя, по слухамъ, мистеръ Фицджеральдъ кончилъ въ Италіи и готовится теперь издать? Россъ отвѣчалъ, насколько могъ, удовлетворительно, но мало-по-малу начиналъ хмуриться, такъ какъ за этимъ, по его мнѣнію, несообразно-пышнымъ завтракомъ нечего было пить, кромѣ жидкаго, холоднаго вина. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ лакею, тщетно соблазнявшему его различными графинами:

— Послушайте, любезный, не можете ли вы добыть мнѣ хоть глотокъ виски?

— Сейчасъ подамъ, сэръ.

Послѣ этого Россъ повеселѣлъ. Наглядно обрисовалъ онъ жизнь въ Boat of Harry и такъ ярко изобразилъ всѣ подвиги, ежедневно совершаемые тамъ имъ и его друзьями, что только описаніе демонической паровой яхты помѣшало мистриссъ Сайденгэмъ, по ея словамъ, подойти тутъ же къ Фицджеральду и просить для себя приглашенія на будущій лѣтній сезонъ.

Послѣ завтрака всѣ снова двинулись къ картинамъ; одинъ только Фицджеральдъ воспользовался этой минутой, чтобъ удалиться.

— Куда спѣшишь ты?—спросила его жена.

— Хочу порыться въ двухъ, трехъ книжныхъ магазинахъ, если хватитъ времени до обѣда.

— Возьми меня съ собою.

— Въ этомъ-то туалетѣ? Да ты произведешь тамъ сенсацію.

— Я останусь въ каретѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ; ты теперь отставлена отъ должности и зачислена въ ряды безпомощныхъ инвалидовъ, хотя вовсе не смотришь больною. Останься лучше съ мистриссъ Сайденгэмъ и повидайся со всѣми нашими друзьями. Мой костюмъ для этого недостаточно наряденъ.

— Хорошо. Когда же ты будешь дома?

— Въ четверть седьмаго, что бы ни случилось. Я сказалъ

дома, что у насъ будетъ многочисленнѣйшій табль-д'отъ, такъ что ты можешь зазывать къ себѣ всѣхъ, кого хочешь. Не забудь только Росса; не теряй его изъ вида. Мы сдѣлаемъ его предлогомъ нашего пира и заставимъ произнести рѣчь. Сегодня его бенефисъ. Мы устроимъ ему овацію.

Минуту спустя Фицджеральдъ уже сидѣлъ въ кэбѣ и ѣхалъ по направленію къ Commercial Road East, желая скорѣе добраться до книжныхъ новинокъ и стараясь по пути ознакомиться съ содержаніемъ утренней газеты, которую не успѣлъ еще просмотрѣть.

Глава XXXIII.

Въ Айнишинѣ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. У окна одной изъ комнатъ айнишинской королевской гостинницы стоитъ маленькій, хорошенькій мальчикъ съ большими, нѣжными, задумчивыми глазами и вьющимися волосами. Съ виду онъ очень здоровъ, хотя одна нога его не касается пола, и онъ опирается на палку. Въ эту минуту въ комнату вошелъ его отецъ.

— Ну, мистеръ Франкъ, съумѣешь ли ты заняться чѣмъ-нибудь, пока я схожу погулять? Теперь ты видишь, что значитъ карабкаться по деревьямъ за гнѣздами.

— Отличное дѣло,—самодовольно отвѣчалъ мальчуганъ.

— Что же тутъ отличнаго? Вывихнуть себѣ ногу?

— Да. Вѣдь, ты не взялъ бы меня съ собой, еслибъ не это, папа. Мама сказала, что ты очень занятъ и что я не долженъ тебѣ мѣшать, не велѣла надоѣдать тебѣ, потому что ты любишь быть одинъ, когда кончаешь книгу, и сказала, чтобъ я не скучалъ, если ты уйдешь. И я не буду скучать.

Онъ окинулъ глазами комнату.

— Это въ самомъ дѣлѣ та гостинница, которую содержалъ твой папа?

— Да, та самая. Что-жь, она тебѣ не нравится, что ли?

— Какъ тебѣ сказать, папа?—осторожно началъ мальчикъ, боясь оскорбить чувства отца.—Она, вѣдь, не *очень* нарядна, не такъ ли?

— Когда я былъ ребенкомъ, дружокъ, это была единственная гостинница во всемъ Айнишинѣ и считалась весьма важ-

нымъ мѣстомъ. Смотри же, вотъ твои книги. Сядь-ка лучше и дай отдохнуть ногѣ.

— Я гораздо больше люблю тѣ сказки, которыя ты мнѣ разсказываешь, чѣмъ все, что стоитъ въ книгахъ,—отвѣчалъ мистеръ Франкъ, глядя на книги далеко не дружелюбнымъ взоромъ,— только мама говоритъ, что я не долженъ тебѣ вѣрить.

— Вѣрить чему?

— Да твоимъ разсказамъ. Мама говоритъ, что ты всегда шутишь. Слушай, папа, — то, что ты разсказывалъ про человѣка, который уѣхалъ въ Индію, правда?

— Дитя, столько людей уѣзжаютъ въ Индію, что я не знаю, о комъ ты спрашиваешь. Лучше возьми книгу, положи ногу на стулъ, а я пойду пока посмотрѣть, остались ли еще здѣсь у меня знакомые. Врядъ ли найдется кто-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ Анди Скакунъ... помнишь, мистеръ Россъ нарисовалъ тебѣ его портретъ?...

— О, да, помню, папа.

— Ну, такъ Анди уѣхалъ теперь въ Трэморъ. Не думаю, чтобъ во всемъ городѣ нашлось хоть одно знакомое лицо.

Когда Финджеральдъ вышелъ на ярко освѣщенную солнцемъ улицу, онъ увидалъ, что, по крайней мѣрѣ, старинная часть Айнишина мало измѣнилась за послѣднія семь лѣтъ. Если замѣтна была вообще какая-нибудь разница, то только между тѣмъ Айнишиномъ, который онъ такъ часто видѣлъ въ своихъ сновидѣніяхъ, и настоящимъ, будничнымъ, прозаическимъ городомъ. Вторично пріѣзжалъ онъ сюда послѣ своего окончательнаго переселенія въ Лондонъ, и всякій разъ ему приходилось дѣлать эту умственную поправку. Да, это все тѣ же, какъ бы заснувшіе, степенные дома, лавки, ратуша, верфи, набережныя, заваленныя бочками съ дегтемъ и грудами угля, барки, увязшія въ грязи, ясныя воды залива и холмы, зеленѣющіе на горизонтѣ. Чтобы достигнуть болѣе обширнаго кругозора, онъ взобрался на вершину крутаго откоса, на которомъ частью былъ расположенъ городъ. Дома едва лѣпились по склону холма; мѣстами виднѣлись остатки древнихъ развалинъ; куры рылись въ пескѣ или прятались въ крапивѣ; дѣти карабкались черезъ стѣны, поросшія густою зеленью; какой-то старикъ въ жакеткѣ безъ рукавовъ дремалъ въ тѣнистомъ углу сада, за забороиъ, покрытымъ мохомъ. Выше тянулись болѣе зажиточные дома, построенные на самомъ гребнѣ холма, среди садовъ и лужаекъ. Отсюда открывался видъ на живопис-

ную маленькую гавань, заливъ и широкія песчаныя отмели, а далѣе тянулось необъятное пространство блѣдно-голубаго моря, видимаго сквозь золотистую дымку, и вырѣзывались очертанія двухъ, трехъ большихъ судовъ, которыя медленно направлялись къ порту, гонимыя легкимъ южнымъ вѣтеркомъ.

Фицджеральдъ чувствовалъ себя здѣсь совершенно чужимъ. Быть можетъ, еслибъ онъ прошелъ внизу, мимо лавокъ, онъ еще нашелъ бы кого-нибудь, кто помнилъ мистера Вилли, или еслибъ спустился по ту сторону холмовъ (горъ, какъ ихъ называли мѣстные жители), тамъ онъ, навѣрное, наткнулся бы на какую-нибудь бѣдную хижину, гдѣ старуха, разслабленная лихорадкой, привѣтствовала бы его словами: «Слава Всевышнему!» Но изъ прежнихъ друзей, какъ онъ слышалъ время отъ времени, уже почти никого не оставалось. Отецъ умеръ давно. *Корская Лѣтопись*, которую айнишинскіе жители нѣкогда выписывали, главнымъ образомъ, потому, что мистеръ Вилли помѣщалъ въ ней стихи объ Айнишинѣ и хорошенькихъ дѣвушкахъ, перестала существовать. Когда онъ подъѣхалъ къ Королевской гостинницѣ, слуга, поспѣшившій взять подъ уздцы лошадей, никогда даже не слыхалъ имени Фицджеральдовъ, прежнихъ владѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе, хорошенько вглядѣвшись въ набережныя, дома и гавань, онъ убѣдился, что въ Айнишинѣ не произошло собственно большихъ перемѣнъ. Измѣнился, главнымъ образомъ, онъ самъ, да еще что-то другое—молодость ли его прошла, или только сгладились молодыя воспоминанія, которыя нѣкогда такъ неотвязно преслѣдовали его и придавали Айнишину совсѣмъ особый колоритъ.

Онъ спустился съ высоты, чтобъ подойти къ новому городу, обращенному фасадомъ къ морю. Идя по главной улицѣ стараго Айнишина, быть можетъ, не замѣчая хорошенько того, что дѣлалось кругомъ, и готовясь свернуть въ узкій переулокъ, ведущій къ морю, онъ услыхалъ за собою восклицаніе:

— О, Господи, милосердый Боже!

Быстро обернувшись, онъ узналъ старую Молли, многіе годы продававшую орѣхи, яблоки и апельсины айнишинскимъ ребятамъ. Старуха съ усиліемъ приподнялась съ боченка, на которомъ сидѣла.

— Господь съ нами, вы ли это, мистеръ Вилли? — воскликнула она, схвативъ его руку длинными костлявыми пальцами.— Что за важный баринъ стали вы теперь, ѣздите по городу въ

собственной каретѣ. Я сначала такъ и думала, что это вы, а потомъ порѣшила, что это, навѣрное, вздоръ. Вы пріѣхали, конечно, занять мѣсто вашего батюшки — царство ему небесное! Если ваша милость поселится опять въ Королевской гостинницѣ, не замолвите ли вы прислугѣ словечко насчетъ старой Молли?...

Ему пришлось объяснить старухѣ, наружность которой много выиграла бы, еслибъ ея сѣдые волосы были менѣе растрепаны, а костюмъ болѣе приличествовалъ ея возрасту, что онъ вовсе не предполагаетъ снова водворить въ Королевской гостинницѣ родъ Фицджеральдовъ. Потомъ, наградивъ Молли всѣми мелкими деньгами, которыя находились у него въ карманѣ, онъ продолжалъ свой путь.

Сколько разъ ходилъ онъ по этой самой дорожкѣ въ давно минувшіе дни, полный честолюбивыхъ замысловъ и мечтая о будущемъ со всѣмъ пыломъ молодости. Теперь, когда онъ достигъ почти всего, что грезилось ему въ ранніе годы, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже гораздо большаго, къ чему все это сводилось? Онъ пріобрѣлъ много друзей, близкихъ и далекихъ; это было, конечно, очень пріятно, и онъ старался оставаться съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ литературѣ онъ тоже дѣлалъ все, что могъ, и относился къ своей работѣ честно и основательно. Но, по его убѣжденію, дѣлать добро просто и непритязательно составляло, все-таки, высшую цѣль жизни, и въ этомъ отношеніи онъ совершенно усвоилъ себѣ взгляды своей жены. Они не заботились о томъ, какіе мотивы будутъ имъ приписаны. Если это даже роскошь—она имъ по средствамъ, если—самоудовлетвореніе, то во всякомъ случаѣ такое, которое не вредитъ никому, хотя и нарушаетъ, быть можетъ, принципы политической экономіи. Словомъ, и Фицджеральдъ, и жена его были такъ заняты, что не имѣли времени разсматривать вопросъ съ точки зрѣнія высшей нравственности.

Новый Айнишинъ, обращенный къ морю, измѣнился болѣе, чѣмъ старая часть города; цѣлый рядъ хорошенькихъ виллъ,— по всему вѣроятію, лѣтнія резиденціи коркскихъ жителей,—тянулся вдоль берега. Но Фицджеральдъ отвернулся отъ нихъ и предпочелъ обратить свое вниманіе на прежнюю знакомую ему картину, на тотъ обширный кругозоръ, который онъ воскрешалъ обыкновенно передъ своимъ умственнымъ взоромъ, когда желалъ воспроизвести въ своихъ работахъ впечатлѣніе шири и свѣта, а, быть можетъ, и нѣкоторой пустынности. Нельзя сказать, чтобы

картина не была пустынна. Ничего не было видно, кромѣ далекихъ, ровныхъ полосъ блѣдно-желтаго песку, необъятнаго пространства голубаго моря, узкой линіи волнъ, то темныхъ, то искрящихся, то ниспадавшихъ бѣлою пѣною и съ громкимъ шипѣніемъ разбивавшихся о берегъ. Блѣдная мирная картина, быть можетъ, нѣсколько грустная. На такомъ неясномъ фонѣ воображенію легко рисовать человѣческія фигуры; какъ живыя движутся онѣ вдоль песчанаго берега, полныя молодыхъ силъ и роскошныхъ мечтаній...

Внезапно Фицджеральду вспомнился бѣдный мальчуганъ съ вывихнутой ногою, и онъ тотчасъ направился къ гостинницѣ, гдѣ засталъ мистера Франка, поглощеннаго вырѣзываніемъ своего вензеля на одной изъ ставней комнаты.

— Когда я выросту, папа,—тотчасъ началъ онъ, любуясь этой попыткой обезсмертить свое имя,—я надѣюсь, что буду такъ же знаменитъ, какъ и ты.

— Кто же сказалъ тебѣ, что я знаменитъ?—спросилъ отецъ со смѣхомъ.

— Мама. Я желалъ бы тоже получать любезныя письма отъ незнакомыхъ людей, изъ Америки, Канады и изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ Робинзонъ. Иногда мама читаетъ ихъ мнѣ. Что сдѣлалъ ты, чтобы королева называла тебя «любезнѣйшимъ»?

— Что за глупости у тебя въ головѣ?

— Нѣтъ, не глупости, — настойчиво отвѣчалъ мистеръ Франкъ.—Мама нашла это въ большой книгѣ. Королева сказала, что ты «любезный и надежный».

— Это вздоръ! Развѣ ты не знаешь, что когда королева назначаетъ кого-нибудь комиссаромъ по извѣстному дѣлу, она всегда такъ выражается? Мама, навѣрное, прочла это въ Синей книгѣ...

— Королева не называла бы тебя такъ, еслибъ этого не думала. Она, навѣрное, не лжетъ.

— Конечно, нѣтъ. Знаешь что, мистеръ Франкъ? Оставимъ лучше обсужденіе этого вопроса до того времени, когда ты вырастешь, а пока напьемся чаю. Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что ты будешь обѣдать сегодня со мною.

— Какъ хочешь, папа. Мама сказала, чтобы я тебѣ не мѣшалъ...

— И ты такъ хорошо запомнилъ ея наставленія, что я разскажу тебѣ въ награду за это сказку.

— Неужели?—Мальчуганъ подошелъ, прихрамывая, къ отцу, влѣзъ къ нему на колѣни и устремилъ на него большіе глаза, полные нетерпѣливаго ожиданія.

— Не только простую сказку, но даже сказку про быка.

— *Очень* страшную?

— *Самую* ужасную.

Послышался какой-то восторженный вздохъ.

— Ну, такъ слушай же. Быкъ этотъ имѣлъ обыкновеніе бродить какъ разъ за Айнишиномъ. Мѣсто тутъ очень открытое и онъ могъ все видѣть на большое разстояніе. Иногда онъ выходилъ на самую средину дороги и не давалъ тогда никому пройти. Въ особенности не любилъ онъ мальчиковъ, и ты не повѣришь, какіе обходы намъ приходилось дѣлать...

— О, папа! Неужели и ты былъ въ числѣ этихъ мальчиковъ?

— Я жилъ въ то время въ Айнишинѣ,—нѣсколько уклончиво отвѣчалъ разсказчикъ,—и могъ поэтому видѣть, что дѣлали другіе. Самое ужасное съ этимъ быкомъ было то, что онъ съ величайшей ловкостью перепрыгивалъ черезъ заборы, и совершенно безполезно было запирать ворота, если онъ гнался за кѣмъ-нибудь. Быкъ наводилъ ужасъ на весь околодокъ, въ особенности на дѣтей, и мы часто приходили въ ярость,—то-есть, я хочу сказать, они приходили въ ярость,—и придумывали всякія средства повредить своему врагу, еслибъ это оказалось возможнымъ. Наконецъ, одинъ изъ насъ,—то-есть, одинъ изъ нихъ,—напалъ на блестящую мысль. Мальчуганы пошли вдоль дороги и высмотрѣли мѣсто, гдѣ къ ней подходило болото. Тутъ было нѣсколько кочекъ, по которымъ можно было удобно пройти, если ступать полегче. Ты помнишь, конечно, что сдѣлалъ Брюсъ при Баннокбрэнѣ?

— Вырылъ ямы и прикрылъ ихъ хворостомъ.

— Именно. Вотъ они и устроили засаду въ этомъ же родѣ. Не думаю, чтобы слово «засада» было здѣсь самымъ подходящимъ; ну, да все равно; сойдетъ какъ-нибудь съ рукъ. Вотъ мальчишки и затѣяли...

— Да, вѣдь, и ты былъ съ ними, папа?

— Быть можетъ, я только наблюдалъ за ними издали или случайно проходилъ мимо. Во всякомъ случаѣ эти повѣсы отыскали Анди Скакуна, о которомъ я часто говорилъ съ тобою. Онъ былъ большой чудакъ и любилъ носить куртку съ красными ру-

кавами. Вотъ они и взяли у него напрокатъ эту куртку, натянули ее на двѣ палки и пошли по дорогѣ. Быкъ былъ, конечно, тутъ, какъ тутъ, но ничего не говорилъ, а только молча глядѣлъ на мальчиковъ. Осторожно приближались они къ нему, пока не подошли на извѣстное разстояніе, гдѣ и остановились. Быкъ все не двигался. Въ эту минуту они начали медленно отступать, а ты, конечно, знаешь, мистеръ Франкъ, что быки всегда считаютъ этотъ маневръ приглашеніемъ идти бодаться. Животное сдѣлало нѣсколько шаговъ, постояло съ секунду, потомъ замычало и двинулось быстрѣе. Этого только и нужно было злымъ мальчикамъ. Они тотчасъ же обернулись и кинулись со всѣхъ ногъ; быкъ помчался за ними. На заранѣе условленномъ мѣстѣ они свернули съ дороги и въ припрыжку пустились по болоту, очень мокрому въ это время года отъ сильныхъ дождей. Врагъ ихъ не имѣлъ, конечно, никакого понятія о засадахъ и тому подобномъ, не сообразилъ также и того, что онъ гораздо тяжелѣе мальчугановъ и что его ноги увязнутъ тамъ, гдѣ ихъ маленькимъ ножкамъ пройти легко. Словомъ, онъ бросился за ними; раздался плескъ; быкъ забарахтался, началъ все глубже и глубже погружаться въ густую черную грязь и мычать, и ревѣть отъ бѣшенства. Ты никогда не видалъ ничего подобнаго. Нельзя сказать, чтобъ мы не трусили; стоило быку ступить хоть одной ногой на твердую почву, намъ пришлось бы спасаться бѣгствомъ, и онъ, навѣрное, затопталъ бы насъ до смерти. Лишь тогда отказался онъ отъ борьбы, когда увидалъ, что всѣ его усилія тщетны. Въ его мычаніи ужь не слышалось болѣе угрозы: «погодите, вотъ я васъ!» а скорѣе мольба: «да вытащите же меня отсюда».

— Папа,—задумчиво произнесъ мистеръ Франкъ,—развѣ вы не могли подойти къ нему?

— О, да, могли бы. Онъ увязъ крѣпко.

— И подойти безъ всякой опасности?

— Да, вѣроятно,—отвѣчалъ отецъ, увѣренный, что мальчикъ, пріученный ласково обращаться съ животными, изобрѣлъ, конечно, какое-нибудь средство выпутать бѣднаго быка изъ бѣды.

— Значитъ, вы, навѣрное, принесли большую палку и били его по головѣ?—горячо спросилъ, наконецъ, мистеръ Франкъ.

— Ну, нѣтъ,—отвѣчалъ отецъ, немного разочарованный.—Я тебѣ скажу, что тогда случилось. Понадобилась половина айнишинскихъ жителей, чтобы вытащить изъ грязи быка; всѣ боялись подойти къ нему и обвязать его веревками, а когда его

извлекли, наконецъ, изъ тины, онъ былъ, казалось, готовъ разорвать на части своихъ же избавителей. Только этого я уже самъ не видалъ,—скромно прибавилъ разсказчикъ.

— Ты не дождался, пока его вытащили изъ болота?—спросилъ мистеръ Франкъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.

— Видишь ли, въ этомъ мѣстѣ было множество дрянныхъ мальчишекъ, и жители Айнишина подозрѣвали, что именно они заманили быка въ болото. Еслибъ я находился по близости,—такъ, просто, какъ зритель,—они могли бы подумать, что и я участвовалъ въ этой шалости, и мнѣ пришлось бы плохо. Гораздо лучше держаться подальше въ такихъ случаяхъ. Подозрѣніе падаетъ иногда на невинныхъ. Не подходи никогда близко къ толпѣ, Франкъ.

Мистеръ Франкъ призадумался съ минуту и потомъ съ увѣренностью произнесъ:

— Мнѣ кажется, папа, что это *ты* заманилъ быка въ болото...

Вечеромъ они обѣдали вмѣстѣ и это несомнѣнно повліяло на Франка, сдѣлало его необыкновенно разговорчивымъ и оживленнымъ. Мало-по-малу онъ открылъ сокровищницу своего ума и началъ выкладывать изъ нея всевозможные вопросы, накопившіеся тамъ для обсужденія.

— Мама говоритъ еще, что намъ съ тобой не мѣшаетъ вспоминать иногда, что здѣсь, въ Ирландіи, есть люди, которые отрѣзаютъ у коровъ хвосты и стрѣляютъ въ прохожихъ.

— Ну, объ этомъ здѣсь благоразумнѣе не говорить, Франкъ. Въ этихъ мѣстахъ даже у стѣнъ есть уши.

— Я знаю,—энергически заявилъ мистеръ Франкъ,—что мама будетъ очень рада, когда ты покончишь съ рыбной ловлей и мы вернемся всѣ въ Англію...

— Вздоръ!

— Я самъ слышалъ, какъ она говорила это, папа.

— Она шутила съ тобой. Тебѣ не понять еще этихъ глубокихъ вопросовъ, дитя мое. Развѣ ты не знаешь, что я не изъ крупныхъ собственниковъ, не англичанинъ, не арендую землю, словомъ, ни въ чемъ не виноватъ? По этому мы такъ же безопасны въ Boat of Harry, какъ у себя въ Гайдъ-паркѣ.

— А мама, все-таки, не любитъ, когда ты уѣзжаешь ловить рыбу одинъ,—упорно твердилъ мальчикъ.

— Да развѣ я пріѣзжаю сюда одинъ, или, вѣрнѣе, ѣздилъ ли

я до тѣхъ поръ, пока ты не вздумалъ вывихнуть себѣ ноги? Предположимъ даже, что какіе-нибудь негодяи бродятъ около Boat of Haggy, чего, слава Богу, нѣтъ; что они подкрадываются ко мнѣ на цыпочкахъ, когда я этого не ожидаю, а ты стоишь съ палкой въ рукѣ, и даже съ такой палкой, на которой острый желѣзный наконечникъ,—что случится тогда? Что сдѣлаешь ты? Ты довольно ловко ловишь лосося и морскую форель,—съумѣешь ли ты поймать за ухо одного изъ этихъ ночныхъ посѣтителей?

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ и, видимо, тщательно обдумывалъ что-то. Наконецъ, съ серьезнымъ видомъ сказалъ:

— Хорошо бы, еслибъ ты былъ королемъ, папа. Далъ бы ты себя знать этимъ негодяямъ.

— Но чѣмъ же? Что могъ бы я сдѣлать имъ?

— Убить ихъ всѣхъ.

— Что-жь, они поумнѣли ли бы отъ этого?

По окончаніи обѣда, Фицджеральдъ пододвинулъ кресло къ огню, больше изъ привычки, чѣмъ по необходимости, такъ какъ ночь была теплая, зажегъ сигару и принялся просматривать газету. Послѣднее занятіе было тяжкимъ испытаніемъ для терпѣнія мистера Франка, которому, очевидно, казалось, что было бы умнѣе посвятить это время обсужденію государственныхъ вопросовъ двумя родственными душами. Что касается его, то онъ оказалъ полнѣйшее пренебреженіе книгами. Не имѣя въ эту минуту въ своемъ распоряженіи двухъ ногъ, онъ началъ придавать своей единственной здоровой ногѣ всевозможныя положенія, пока, наконецъ, едва не опрокинулъ стола; потомъ привязалъ бичевку къ чайной ложкѣ и принялся вертѣть ее; наконецъ, вынулъ изъ кармана ножъ, медленно и тщательно заострилъ его о переплетъ книги и вырѣзалъ свой вензель. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ шло время, онъ началъ нѣсколько тревожиться.

— Папа,—спросилъ онъ,—не собираешься ли опять уходить?—Фицджеральдъ дѣйствительно уже раза два смотрѣлъ въ окно.

— Еслибъ я и ушелъ, для тебя отъ этого ничего не измѣнится; ты скоро ляжешь въ постель. Быть можетъ, я выйду погулять, только не надолго; а ты будешь въ это время спать крѣпко.

Разговоръ на этомъ оборвался. Мистеръ Франкъ тщательно рисовалъ какой-то портретъ на заглавномъ листѣ своей латинской грамматики.

— А хороша сегодня ночь, папа?—снова заговорилъ онъ.

— О, да.

Немного спустя опять раздался его голосъ:

— *Очень* хороша?

— Должно быть, луна уже высоко взошла,—отвѣчалъ отецъ, подходя къ окну и откидывая занавѣску.—Да, отличная ночь.

Мальчикъ взялъ въ руки палку и, прихрамывая, подошелъ къ окну.

— Дай и мнѣ взглянуть. Ночь-то, ночь-то какая! Какъ жаль, что мы не видимъ отсюда моря!

— Франкъ,—сказалъ отецъ, положивъ руку на голову мальчугана,—хотѣлось бы тебѣ идти со мною?

Радостный лучъ промелькнулъ въ глазахъ ребенка, но тотчасъ же, съ величайшимъ героизмомъ, Франкъ отрицательно покачалъ головой.

— Я обѣщалъ мамѣ не надоѣдать тебѣ,—медленно произнесъ онъ.—Да, къ тому же, я, вѣдь, не могу ходить...

Онъ опустилъ голову, чтобъ скрыть слезы разочарованія и досады, невольно наполнившія его глаза. Отецъ глядѣлъ въ окно и не видалъ ихъ.

— Бѣдный мальчикъ! тебѣ было скучно весь день. Знаешь что? Вѣдь, лошади сегодня почти что стояли безъ дѣла; не велѣть ли намъ заложить карету? Мы поѣдемъ покататься, и ты увидишь при лунномъ свѣтѣ не только море, но и бухту, и то лѣсное ущелье, куда я собираюсь.

— А мама не разсердится?—нѣсколько нерѣшительно спросилъ Франкъ, но по его лицу было видно, что онъ смотритъ на это предложеніе съ величайшимъ восторгомъ.

— Мы купимъ ей что-нибудь, когда пріѣдемъ въ Бэнтри, чтобъ задобрить ее. Ну, а теперь я пойду отыщу Морто, и мы мигомъ заложимъ тебѣ карету. Только надо сознаться, дружокъ, что со мною не такъ обращались, когда я былъ маленькій. Мнѣ не позволяли позднихъ обѣдовъ; не было также кареты, чтобъ катать меня при лунномъ свѣтѣ. Право, не знаю, что будетъ съ теперешнимъ поколѣніемъ.

— Но, папа, еслибъ ты могъ имѣть всѣ эти хорошія вещи, ты, вѣдь, воспользовался бы ими?—и мальчикъ заглядывалъ ему въ лицо.

— Не въ томъ дѣло,—отвѣчалъ онъ, надѣвая пальто и шляпу.—Я хочу только сказать, что мальчиковъ ужасно балуютъ

теперь, особенно тѣхъ, кому позволяютъ жить въ Boat of Haggy, когда имъ надо бы сидѣть въ школѣ, или кому матери покупаютъ снарядъ для ловли форели, въ то время, какъ они не одолѣли еще премудрости *omnis Gallia*. Смотри же, не сходи съ лѣстницы; пока я не приду за тобой.

Фицджеральдъ былъ въ самомъ веселомъ, безпечномъ настроеніи духа, когда они съ сыномъ сѣли, наконецъ, въ открытый ландо и закутались массою пледовъ. Ночь оказалась прекрасною; воздухъ былъ мягкій, небо ясно; Айнишинъ и окаймлявшія его широкія, неподвижныя воды живописно дремали при лунномъ свѣтѣ.

— Что отвѣтилъ бы ты, Франкъ,—спросилъ Фицджеральдъ, когда они выѣхали, наконецъ, за городъ,—еслибъ я сказалъ тебѣ, что нѣкогда заключилъ договоръ съ волшебницами въ томъ самомъ ущельѣ, о которомъ я тебѣ говорилъ?

Ребенокъ взглянулъ на отца, не зная, шутитъ ли онъ, или нѣтъ.

— Не думаю, чтобъ теперь были волшебницы,— отвѣчалъ онъ.

— Видишь ли, если тебѣ когда-нибудь тоже придется заключить договоръ съ домомъ Фіерной и его крошечнымъ народомъ, и если ты обѣщаешь навѣщать ихъ каждыя семь лѣтъ, ты увидишь, какъ мало-по-малу тебѣ станетъ все труднѣе слышать ихъ приближеніе или видѣть, какъ раздвигаются стѣнки ущелья и появляется длинная процессія. Когда молодъ, это гораздо легче. Ты, конечно, не побоишься остаться въ каретѣ, пока я снущусь въ ущелье; а если я увижу или услышу тамъ что-нибудь интересное, я тотчасъ же вернусь и разскажу тебѣ.

— О, папа, ты меня не обманешь,—лукаво засмѣялся мальчикъ.—Не волшебницъ идешь ты искать. Если ты уходишь куда-нибудь одинъ, такъ только для того, чтобы наблюдать, какъ живутъ кролики и другіе звѣрушки, а потомъ писать о нихъ. Я отлично это знаю. Всякій разъ, какъ ты отправляешься изъ дому и безъ удочки, мама сейчасъ же отзываетъ насъ назадъ.

— Неужели? Но дѣло въ томъ, Франкъ, что ты никогда не былъ прежде въ Айнишинѣ, а здѣсь происходили странныя вещи, когда я былъ молодъ; Богъ одинъ знаетъ, что только можно было видѣть въ этомъ ущельѣ. И такъ, ты останешься въ каретѣ, когда мы пріѣдемъ на мѣсто. Если же я внизу увижу волшебницъ, я не скажу имъ ни слова, а сейчасъ же выбѣгу на дорогу и свистну тебѣ. Понимаешь?

— Это все вздоръ, папа; я не вѣрю, чтобы тамъ были волшебницы.

Наконецъ, они приблизились къ той части дороги, надъ которой нависъ двойной рядъ вязовъ. Фицджеральдъ велѣлъ остановиться и вышелъ изъ экипажа, оставивъ въ немъ Франка.

— И такъ, уговоръ: какъ только я свистну, готовься...

— Не могу же я спуститься въ ущелье съ вывихнутой ногой?— отвѣчалъ мальчикъ.

— Люди никогда не знаютъ, на что они способны, если увидятъ волшебницъ. Это, вѣдь, цѣлое событіе въ жизни человѣка.

Не слишкомъ тяжело было на сердцѣ у Фицджеральда и не особенно мучительны были его воспоминанія, когда онъ спустился вторично, уже въ среднемъ возрастѣ, т.-е. тридцати семи лѣтъ, въ ущелье, чтобы сдержать обѣтъ, данный имъ въ двадцать три года. Бойко прошелъ онъ по открытой полянѣ, потомъ осторожнѣе сталъ пробираться по крутому склону, черезъ кустарникъ, и очутился, наконецъ, у впадины въ скалѣ, куда вода, попрежнему, падала съ непрерывнымъ шепотомъ. Здѣсь ничто не измѣнилось. Казалось, только вчера стоялъ онъ тутъ съ Китти и держалъ ее за руку, прежде чѣмъ увезти ее въ лодкѣ къ Айнишину. Семь лѣтъ спустя онъ снова вернулся къ этому мѣсту, но уже одинъ, окруженный мучительными видѣніями и еще далеко не настолько примиренный съ своею судьбой, какъ теперь.

Да, его первое возвращеніе въ это ущелье, семь лѣтъ тому назадъ, было тяжело. Ему казалось, что онъ впервые постигъ тогда все значеніе своей утраты. Старое горе снова нахлынуло на него; заснувшая боль шевельнулась въ его сердцѣ, терзанія, измучившія его, когда онъ узналъ о предательствѣ Китти, опять ожили, несмотря на долгій промежутокъ времени. Страшно казалось ему стоять около ручья, видѣть по ту сторону пустое мѣсто и мракъ тамъ, гдѣ должны были сверкать ея милые глазки. Такую ночь не легко забыть!

Теперь, черезъ новый семь лѣтъ, все это было въ значительной степени пережито. Онъ сѣлъ на какой-то обломокъ скалы и сталъ прислушиваться къ монотонному лепету воды. Теперь ему почти вовсе не было жаль, что все это случилось съ нимъ въ давно прошедшее время. Это была такая милая картина, или, вѣрнѣе, такой неисчерпаемый источникъ поэзіи и романтизма, изъ котораго онъ могъ во всякое время черпать вдохновеніе!

Окунуться въ этотъ фантастическій міръ не значило ли воскресить всю свою молодость? Въ этомъ и заключалась, быть можетъ, мораль его замѣчаній Франку, какъ трудно иногда знать, гдѣ находятся волшебницы...

Тѣмъ не менѣе, пока онъ старался увѣрить себя, что теперь онъ человѣкъ въ высшей степени практическій, что онъ смотритъ на этотъ эпизодъ своей молодости, какъ на нѣчто, стоящее совершенно внѣ его, и размышлялъ о томъ, какое вліяніе на его литературную дѣятельность имѣло и это событіе, и прежнее отчаяніе,—какая-то невольная нѣжность къ прошлому закрадывалась мало-по-малу въ его душу, и онъ былъ бы радъ слышать, что Китти здорова, попрежнему, красива и живетъ въ довольствѣ. Раза два до него доходили о ней слухи, хотя самые неопредѣленные. Онъ не зналъ даже, гдѣ живетъ она теперь. Если что-нибудь мучило его въ настоящую минуту, такъ именно воспоминаніе о заключительной части ихъ клятвы. Зачѣмъ закралась ненависть и мстительность въ обѣтъ, данный двумя молодыми людьми, ничего не знавшими о томъ, что имъ предстоитъ? Сама Китти просила его сдѣлать изъ этой ночи — только ночь любви. Онъ помнилъ умоляющій взглядъ ея глазъ, звукъ ея голоса (что за нѣжный, ласковый, музыкальный звукъ!): *О, Вилли, только не это*,—говорила она,—*пусть это будетъ ночь любви*. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ желалъ, чтобы *горе было вѣчнымъ спутникомъ ея жизни и чтобы печаль не покидала ея жилища во вѣки?* Конечно, нѣтъ.

Китти скрасила въ свое время его жизнь. Что, еслибъ онъ никогда не встрѣтился съ нею? Понялъ ли бы онъ тогда то очарованіе, которое составляетъ радость и тайну человѣческаго бытія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, порождаетъ и столько горя? Зналъ ли бы онъ такъ хорошо, о чемъ пѣли всѣ поэты, начиная съ того времени, когда Елена скрылась за башнями Иліона? Никогда не понялъ бы онъ всей красоты цвѣтовъ, еслибъ не рвалъ ихъ вмѣстѣ съ Китти на тѣхъ далекихъ высотахъ, которыя, какъ ему тогда казалось, навѣрное, очень близки къ небу, такъ ярко и ослѣпительно освѣщены онѣ. Бѣдная Китти! Поетъ ли она теперь ту пѣсню: «Прости! Когда бы ни насталъ нашъ часъ свиданья!»? Пріѣзжаетъ ли въ Коркъ, выходитъ ли на крутизну и думаетъ ли о минувшихъ дняхъ? Нѣтъ причины, почему бы ей не совершать этого паломничества; мужъ ея богатъ, а путешествовать она всегда любила.

Ночь была такъ же тиха, какъ въ то отдаленное время, когда онъ былъ здѣсь вмѣстѣ съ Китти. Вѣтеръ не шелестилъ вѣтками; посреди глубокаго молчанія слышался только лепетъ ручья гдѣ-то во мракѣ.

«Точно кто смѣется,—промелькнуло въ его головѣ.—Быть можетъ, ручей наслушался на своемъ вѣку много вздора, понялъ все и ему стало, наконецъ, просто смѣшно. Какъ этотъ звукъ похожъ на смѣхъ! Какимъ тайнамъ внимала эта вода, какимъ клятвамъ! Никого-то не предупредила она о томъ, чѣмъ все это кончается. Этотъ насмѣшливый голосъ внизу, глумится ли онъ надо мною или просто шутитъ? Лучше всего обращать все въ шутку. Надо всѣмъ можно смѣяться современемъ».

Далеко отодвинулось отъ него это прошлое; хорошо казалось оно ему теперь, когда было пережито тяжелое горе разставанья. Жизнь его стала богаче отъ этого; воображеніе вызывало передъ нимъ цѣлый рядъ картинъ, центральною фигурою которыхъ была Китти, веселая, улыбающаяся. Позволительно ли ему думать сурово о ней или говорить о ея предательствѣ и лжи? Съ мертвыми не спорятъ. Для него она умерла, и въ воспоминаніи о ней не заключалось теперь ничего трагическаго или даже грустнаго, а скорѣе что-то граціозное, окруженное неясной поэтической прелестью. Въ этомъ прошломъ было въ свое время не мало тяжелаго, много страданій и отчаянной борьбы, но теперь, когда онъ думалъ о Китти, онъ видѣлъ передъ собою только смѣющееся, милое, немного задорное существо, съ которымъ нѣкогда бродилъ по прелестнымъ лѣсистымъ дорожкамъ. Никогда ей не подняться до уровня того, другаго прекраснаго женскаго характера, съ которымъ его связала судьба и передъ которымъ онъ все болѣе и болѣе преклоняется по мѣрѣ того, какъ яснѣе познаетъ все его величіе и простоту. Нѣтъ; Китти была только прелестная маленькая кокетка, нѣжная, не лишенная хорошихъ сторонъ, словомъ, самая подходящая героиня для воспѣванія любовными стихами въ *Коркской Лѣтописи*.

А, все-таки... все-таки, картины, постепенно возставшія въ его воображеніи, окружены какимъ-то трепетнымъ свѣтомъ; онъ не можетъ относиться къ нимъ холодно или равнодушно оцѣнивать ихъ настоящее достоинство. Изъ далекаго прошлаго до него доносятся отголоски чего-то необъяснимо-прелестнаго, все очарованіе молодости, память о чемъ-то, что онъ видѣлъ нѣкогда въ глазахъ Китти. То грезится ему ночь въ Коркѣ, улицы, затоп-

ленныя грязью и дождемъ, газъ, отражающійся на мокрой мостовой; онъ идетъ съ Китти подъ зонтикомъ и она обращаетъ къ нему внезапно свое милое личико. То возстаетъ передъ нимъ весеннее воскресное утро; птицы чирикаютъ въ высотѣ, воздухъ нѣженъ; Китти идетъ мимо, не подозрѣвая вовсе его присутствія, и вдругъ вскидываетъ на него заплаканные изумленные глаза, въ которыхъ зажигается радостный лучъ любви. Хорошенькіе были у нея глазки въ это время, милый голосокъ, все равно смѣялась ли она, пѣла ли пѣсню о Шандонскихъ колоколахъ, или просто дразнила миссъ Пэшьенсъ.

Онъ всталъ. Обозрѣвать такимъ образомъ свою жизнь, какъ ни доволенъ человѣкъ ея результатомъ, все-таки, грустно; ручей, журчавшій въ полумракѣ, казалось, ужь не смѣялся болѣе надъ мечтами и ошибками молодости, а точно лепеталъ: «прощай, прощай», торопливо пролагая себѣ путь къ морю.

Фицджеральдъ ухватился за росшій по близости кустарникъ, вскарабкался по склону и вышелъ въ озаренное луною пространство; потомъ на минуту остановился и окинулъ взоромъ маленькую долину, всю бѣлую и безмолвную. Какъ хорошо, что сегодня такая славная ночь! Онъ унесетъ въ своей памяти воспоминаніе о мирной картинѣ. Въ былые годы онъ содрогался при мысли объ одинокомъ исполненіи своего обѣта, но чего же ему теперь бояться? Мѣсто было красивое и пробуждало въ немъ воспоминанія, на половину печальныя, на половину поэтическія. Вотъ и все. Ему хотѣлось бы срисовать долину въ томъ видѣ, въ какомъ она ему представлялась теперь, только трудно было бы передать то впечатлѣніе одиночества и отдаленности отъ міра, которое придавало ландшафту полнѣйшее безмолвіе.

Онъ перелѣзъ черезъ стѣнку и спрыгнулъ на дорогу.

— Ну, мистеръ Франкъ,—безпечно началъ онъ,—прости, что я тебя такъ долго задержалъ. Я увѣренъ, что ты захочешь ужинать, когда мы вернемся домой.

Но тутъ онъ увидалъ, что мальчикъ стоитъ въ каретѣ и съ изумленіемъ оглядывается назадъ, на дорогу.

— Папа, — спросилъ онъ, съ выраженіемъ чего-то вродѣ страха на лицѣ,—видѣлъ ты *ее*, даму?

Фицджеральдъ остановился на минуту; онъ только что готовился сѣсть въ экипажъ.

— Какую даму?—спросилъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ.

— Развѣ ты ее не видѣлъ? Даму въ траурѣ, — отвѣчалъ мальчикъ, нѣсколько пріободрившись.—Я не знаю, кто она. Я ее никогда не видалъ, только она подошла ко мнѣ и стала со мною говорить.

Отецъ молча глядѣлъ на него; онъ, очевидно, былъ не въ силахъ произнести ни слова; рука его все еще сжимала дверцу кареты.

— Она спросила: «Тебя зовутъ Вилли?» Я говорю: нѣтъ, Франкомъ. Потомъ она опять сказала: «Да, но Франкомъ Фицджеральдъ, не такъ ли?» Я говорю: да. А она говоритъ: «Можно тебя поцѣловать?» И она плакала, когда подняла вуаль; потомъ пошла назадъ вонъ по той дорогѣ.

Фицджеральдъ оглянулся; на дорогѣ не было видно никого. Тогда, со всѣми наружными признаками спокойствія, онъ сѣлъ въ карету, захлопнулъ дверцу и коротко сказалъ:

— Домой, Морто.

— Папа,—опять началъ мальчикъ,—кто она такая?

— Почемъ я знаю. Не надоѣдай мнѣ, по крайней мѣрѣ, теперь.

Лицо его имѣло странное выраженіе, пока они ѣхали назадъ къ гостинницѣ. Франкъ помнилъ наставленіе матери и умѣлъ молчать, когда отцу было не до него. Они были уже почти въ Айнишинѣ, когда Фицджеральдъ прервалъ, наконецъ, молчаніе.

— Видишь ли, Франкъ,—небрежно началъ онъ,—все, что съ тобою случилось, въ высшей степени естественно. Понятно, что изъ Корка постоянно пріѣзжаютъ къ морю посѣтители, чтобъ пожить въ тѣхъ виллахъ, которыя я тебѣ показывалъ. Почему бы кому-нибудь изъ нихъ и не выйти прогуляться въ такую прелестную ночь? Быть можетъ, дама, которая говорила съ тобою, живетъ здѣсь по сосѣдству; тутъ есть деревенька Каррига не болѣе четверти мили отсюда. Все это въ высшей степени просто. Нынче самая подходящая ночь для прогулокъ. Только я, все-таки, сомнѣваюсь, видѣлъ ли ты вообще даму. Ты просто думалъ о волшебницахъ, Франкъ, не такъ ли?

— Морто ее тоже видѣлъ, папа.

— Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, это была какая-нибудь изъ окрестныхъ жительницъ,—задумчиво сказалъ отецъ.

— Только откуда знаетъ она мое имя? — продолжалъ мальчикъ, все еще недоумѣвая.

— Вотъ этого я ужъ не понимаю,—отвѣчалъ отецъ. Онъ

говорилъ одно, какъ будто думая о другомъ.—Догадаться, что ты Фицджеральдъ, не трудно, даже очень просто. Здѣсь всѣ или Фицджеральды, или Макъ-Кэрти. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Она, навѣрное, изъ Карриги. Ты не замѣтилъ, на кого она похожа?

Онъ говорилъ, повидимому, равнодушно, не глядя, однако, на мальчика.

— Н-нѣтъ,—отвѣчалъ онъ нѣсколько нерѣшительно.—Она вѣдь, плакала, а я... я очень испугался.

— Но она тебя, все-таки, поцѣловала?

— О, да.

Отецъ помолчалъ съ минуту.

— Быть можетъ, она лишилась такого же мальчугана, какъ ты,—сказалъ онъ, немного погодя.

— Можетъ быть,—задумчиво произнесъ мистеръ Франкъ.—Она была въ черномъ.

Карета съ шумомъ катилась теперь по улицамъ города и вскорѣ остановилась передъ подъѣздомъ гостинницы.

— Слушай, мистеръ Франкъ,—сказалъ отецъ, когда они вошли, наконецъ, въ комнату,—ты долженъ встать завтра рано, такъ какъ намъ надо ѣхать въ Кэппоквинъ и прибыть туда одновременно съ мистеромъ Россомъ.

— Завтра? Такъ скоро? Мнѣ хотѣлось бы остаться нѣсколько дней въ Айнишинѣ,—грустно произнесъ мальчикъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы видѣть всѣ мѣста, о которыхъ ты мнѣ говорилъ. Я хотѣлъ бы посмотрѣть домикъ, гдѣ живутъ соколы портнаго Джерри, и... и то мѣсто, куда загнали быка; да мама велѣла еще привезти ей кусочекъ отъ того дерева...

— Какого дерева?

— Да того, на которое ты лазилъ, знаешь, гдѣ вѣтки разрослись наверху такъ, что ты могъ сидѣть съ книгой и никто тебя не видѣлъ.

— Послушай, мистеръ Франкъ, вѣдь, отрѣзать отъ деревьевъ кусочки на память или выдалбливать вензеля на ставняхъ, это—одни изъ самыхъ гнусныхъ преступленій. Оставаться въ Айнишинѣ для того, чтобы видѣть всѣ эти мѣста, было бы совершенно безполезно, потому что и ходить-то ты не можешь хорошенько, бѣдняжка. Нѣтъ, мы побудемъ здѣсь подольше въ другой разъ, быть можетъ, пріѣдемъ сюда когда-нибудь зимою

и пойдемъ вмѣстѣ ночью на охоту за дикими утками. Хорошо это будетъ?

— О, да, папа!

— А теперь мы должны выѣхать изъ Айнишина какъ можно скорѣе, для того чтобы не задержать мистера Росса въ Кэппоквинѣ или Лисморѣ. Въ твои лѣта я легко могъ бы приготовиться къ отъѣзду часамъ къ семи.

— Ты хочешь выѣхать завтра утромъ въ семь часовъ, папа?

— Да.

— Хорошо, я буду готовъ къ этому времени.

Мальчикъ все еще мялся, однако, на мѣстѣ и не шелъ прощаться съ отцомъ.

— Папа,—началъ онъ, наконецъ,—отчего лицо твое такъ поблѣднѣло, когда я сказалъ тебѣ про даму?

Отецъ сидѣлъ передъ каминомъ, не спуская глазъ съ огня, и не слыхалъ вопроса.

— Поди сюда, простись со мною, дружокъ,—сказалъ онъ, немного погодя.—Я разбужу тебя завтра въ половинѣ седьмаго, если ты самъ не встанешь. Ты вполнѣ увѣренъ, что тебѣ не хочется ужинать? Въ такомъ случаѣ прощай, покойной ночи.

— Но я спрашивалъ тебя, папа...

— Что ты спрашивалъ?

— Отчего лицо твое такъ поблѣднѣло, тамъ, на дорогѣ, когда я сказалъ тебѣ, что видѣлъ даму?

— Пустяки, вздоръ! Твоя головка, дитя мое, переполнена сегодня всевозможными фантазіями. Быть можетъ, ты слишкомъ приблизился къ царству эльфовъ. Прощай; желаю, чтобы тебѣ не снился донъ-Фіерна.

— Прощай, папа!

На другой день утро было прекрасное и путешественникамъ предстояла перспектива прелестной поѣздки вдоль лѣсистыхъ береговъ рѣки. Когда Франкъ, сидя въ каретѣ, съ больною ногою, тщательно закутанною и уложенною на подушкахъ, узналъ, что ему суждено увидать еще разъ Черную рѣку, онъ почти забылъ разочарованіе, вызванное въ немъ невозможностью осмотрѣть различные пункты Айнишина, которые онъ разсчитывалъ посѣтить.

— Конечно, папа,—началъ онъ,—ты, вѣдь, покажешь мнѣ то мѣсто, гдѣ ты упалъ и упустилъ въ воду лосося?

— Во всякомъ случаѣ мы будемъ весьма близко отъ него,—

отвѣчалъ отецъ, когда лошади тронулись и карета катилась уже по городу.

— Я увижу также и гнѣздо водяной курочки? Не такъ ли?

— Какой водяной курочки?—Память этого мальчугана была дѣйствительно изумительная.

— Да развѣ ты не помнишь, папа, что ты мнѣ разсказывалъ про водяную курочку, какъ она достала гдѣ-то кусочекъ сломанной корзинки и вставила его въ свое гнѣздо? Я очень хотѣлъ бы видѣть это!

— Что за мальчуганъ! Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что гнѣздо еще цѣло? Все, что я тебѣ разсказывалъ, случилось много, много лѣтъ тому назадъ.

Они миновали уже послѣдніе городскіе дома, и Фицджеральдъ привсталъ въ каретѣ и обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на мѣсто, которое они покидали. Айнишинъ казался очень привлекательнымъ въ эту раннюю, утреннюю пору. Мелкая, зеленоватая вода залива, лодки у набережной, ратуша съ золотымъ пѣтухомъ на шпицѣ и террасы холма, покрытыя садами,—все это сверкало подъ лучами утренняго солнца. Далеко за гаванью блѣдно-голубое море перерѣзывалось мѣстами рѣзкими бѣлыми полосами; съ юга дулъ свѣжій вѣтеръ. Когда Фицджеральдъ усѣлся, наконецъ, на свое мѣсто, глаза его имѣли какое-то мечтательное выраженіе.

— Курочкино гнѣздо, мистеръ Франкъ,—сказалъ онъ немного погодя, глядя на задумчивое личико мальчика, — относится къ давно минувшему времени. Все на свѣтѣ мѣняется. Бѣдняжка! и тебѣ придется когда-нибудь убѣдиться въ этомъ на опытѣ!...

Изъ Аккерманъ.

Я плачу про себя, тая свои рыданья...
И слезъ моихъ никто не видѣлъ, не считалъ;
Во глубь моей души, во мракъ ея страданья
Ничей нескромный взглядъ не проникалъ.

*
* *

Кто страждетъ—пусть молчитъ, и тайною глубокой
Останется для всѣхъ, для ближнихъ, для друзей;
Пусть твердо онъ идетъ, безмолвный, одинокій,
Къ могилѣ, не дѣлясь печалію своей.

*
* *

Я разобью свою отзывчивую лиру,
Чтобъ звуковъ жалобы въ струнахъ не пробудить:
Повѣдать о моихъ печаляхъ тайныхъ міру
Мнѣ было-бъ тяжелѣй, чѣмъ въ сердцѣ ихъ носить.

Д. Михаловскій.

ДУХОБОРЦЫ.

(Историческій очеркъ).

По кривой дорогѣ впередъ не видать.
Послов.

Духоборцевъ обыкновенно стараются представить какъ секту съ весьма высокимъ уровнемъ раціонализма и съ особеннымъ преобладаніемъ въ ученіи и жизни «соціальнаго элемента». «Духоборчество, говорятъ, требовало отъ своихъ послѣдователей высокаго уровня нравственныхъ чувствъ, а также и недюжиннаго ума, а потому и не могло быстро распространяться... Духоборцы заняты больше общинноустроительною дѣятельностью, нежели борьбой съ установившимися порядками. Они стремятся создать свою общину по типу, который считаютъ справедливымъ и разумнымъ... Построивши свои общественныя отношенія на глубокомъ уваженіи къ личности, а, слѣдовательно, и на полномъ равенствѣ всѣхъ людей, духоборцы стараются внести тѣ же принципы въ свои отношенія къ другимъ, ко всему народу и къ государству» [1]). Интересно провѣрить эти пышныя аттестаціи, пересмотрѣть матеріалъ, изъ котораго сдѣланы, столь категорически, «бьющіе въ носъ» выводы. Секта духоборцевъ дѣйствительно такъ глубоко поучительна по своей исторической судьбѣ, по своимъ нравственнымъ принципамъ, а свѣдѣній о ней распространено въ публикѣ такъ мало, что, даже если бы оказалось, что она вовсе не можетъ быть аттестована такъ, какъ мы видѣли выше, то, все-таки, она своего интереса вовсе еще тѣмъ самымъ не теряетъ. Изученіе этой секты съ настоятельностью

---

[1]) *Юзовъ*: «Старовѣры и духъ христіанъ», стр. 127, 142. Ср. *Щапова* въ *Дѣлѣ* 1867 г., № 10.

ставитъ предъ изслѣдователемъ вопросы о «соціальномъ элементѣ» и «раціонализмѣ» въ нашемъ расколѣ и сектантствѣ,—вопросы нерѣшенные, если не считать разныхъ голословныхъ утвержденій, которыхъ, правда, было-таки довольно. Особенно въ виду-то этихъ утвержденій и позволительно спросить и серьезно провѣрить, насколько широки соціальные планы и задачи, какъ глубоко идетъ сектантскій раціонализмъ?

Названіе «раціоналистическихъ» давно усвоено нѣкоторымъ нашимъ сектамъ и въ томъ числѣ сектѣ духоборцевъ, а, между тѣмъ, неизвѣстно, какой смыслъ придаютъ этой кличкѣ. Есть раціонализмъ и раціонализмъ. Понимаемъ ли мы раціонализмъ, какъ особую склонность ума разсуждать на «достаточномъ основаніи», объяснять явленія естественными причинами, а не сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ, въ религіи отдавать преобладающее значеніе морали предъ догматикой [1]), или мы крестимъ именемъ раціонализма рядъ отрывочныхъ, безсвязныхъ положеній, имѣющихъ, правда, на первый взглядъ нѣкоторый раціоналистическій оттѣнокъ, на самомъ же дѣлѣ основанныхъ или на данныхъ грубой, неустойчивой эмпиріи, случайной, непровѣренной, неочищенной методическимъ размышленіемъ, сплывающей, какъ «вешняя вода», предъ парой даже софистическихъ силлогизмовъ? Но такой «раціонализмъ» можно вездѣ и всюду отыскать, только изъ его наличности слѣдуетъ ли что-нибудь? Въ XII в. галицкій князь Владимірко говорилъ: «въ наше время чудесъ не бываетъ». Когда его упрекали въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и грозили, что крестъ его накажетъ, онъ съ насмѣшкою сказалъ, пренебрежительно указывая на крестъ: «сей ли крестецъ малый?!» Можно всячески объяснять этотъ фактъ: можно, напр., искать его разгадки въ исключительныхъ способностяхъ Владимірка, въ его геніи, опередившемъ, молъ, вѣка и вѣка, но въ связи съ общими умственными привычками эпохи и вѣрнѣе, и проще видѣть въ этомъ вольнодумствѣ только грубое, легкомысленное невѣжество дикаря. Владимірко презираетъ «крестецъ малый», а будь-ка «крестецъ-то» покрупнѣе, такой, что своимъ паденіемъ могъ бы раздавить нахала, такъ и презрѣніе какъ разъ смѣнилось бы суевѣрнымъ страхомъ. И, вѣроятно, въ дѣйствительности Владимірко былъ ничуть не меньше суевѣренъ, чѣмъ всѣ его современники: также приходилъ въ ужасъ отъ

---

[1]) *Лекки*: «Ист. раціонализма въ Евр.», т. I, passim.

«Гоха», «окомича» «ухозвона», вѣрилъ въ лѣшихъ, водяныхъ и оборотней, въ чудодѣйственную силу заговоровъ отъ стрѣлы и меча. Поговорите съ современнымъ молоканиномъ и вы готовы будете черезъ 10 минутъ признать въ немъ зародыши раціоналистическаго духа. Однако, не торопитесь съ выводами. Завтра вы узнаете, что вашъ собесѣдникъ, оставивъ свой раціонализмъ въ сторонѣ, отправился разыскивать кладъ въ сопровожденіи знахаря и продѣлалъ при этой оказіи подъ руководствомъ доки весь суевѣрный ритуалъ, изстари условленный для кладоискателей, не желающихъ трудиться по пусту [1]).

Изъ молоканскихъ, духоборческихъ etc. религіозныхъ воззрѣній, разумѣется, при добромъ желаніи можно сдѣлать очень красивую «систему», которая будетъ казаться раціоналистической. Такъ это обыкновенно и дѣлается, причемъ авторы забываютъ обыкновенно прибавлять, что это они расположили отрывочныя, безсвязныя мысли и положенія въ болѣе или менѣе стройномъ порядкѣ, опустивъ то, что не допускалъ самый кладъ ихъ ума, исказивъ все сектантское ученіе въ его дѣвственной органической свѣжести на «прокустовомъ ложѣ» своей логики. Безсознательно мы сами вносимъ въ данный матеріалъ привычки своей собственной мысли и потомъ очаровываемся сектантскимъ раціонализмомъ! Не въ томъ-то и дѣло, что раціонализмъ этотъ нашъ (да и то часто невысокой пробы, коли взглянуть на него повнимательнѣе).

Отъ правильной постановки и надлежащаго выясненія вопроса о качественномъ и количественномъ содержаніи раціонализма въ массовомъ умонастроеніи и въ сектахъ, служащихъ выразителями этого настроенія, сполна зависитъ и правильность постановки и рѣшенія вопроса о роли и значеніи «соціальнаго элемента» въ нашихъ «общинноустроительныхъ» сектахъ. Въ статьѣ о *Странникахъ* я на самой выразительной сектѣ старался показать, какъ мало въ ея ученіи и жизни политическаго протеста, на который усиленно указываютъ иные изслѣдователи. Теперь, боюсь, мнѣ опять придется доказывать, что «соціальнаго элемента» въ нашихъ сектахъ такъ же мало, какъ и раціонализма, какъ и политическаго протеста, и политическихъ идеаловъ

Само собой разумѣется, что нѣсколько вѣрующихъ, собравшихся вмѣстѣ подъ вліяніемъ единой идеи, особенно идеи столь

---

[1]) «Саратов. Сборн.» 1881 г., т. I, стр. 146.

широкой по захвату, какъ религіозная идея, стремящаяся регулировать всѣ отношенія человѣка къ человѣку, обществу и вселенной, — эти нѣсколько человѣкъ непремѣнно окажутся въ той или иной степени прикосновенными къ «соціальному элементу». Всякая церковь представляетъ религіозное *общество*, объединенное организованной іерархіей, преслѣдующее нѣкоторыя общія (стало быть, соціальныя) цѣли. Но, разумѣется, когда говорятъ о «соціальномъ элементѣ», то вовсе не въ томъ смыслѣ и, главное, не въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ какомъ бы то ни было религіозномъ обществѣ. Среди разноголосицы современныхъ научныхъ опредѣленій общества [1]) нельзя не отмѣтить вполнѣ резонное опредѣленіе церкви, скорѣе какъ «культурной группы», чѣмъ какъ общества, такъ какъ связь членовъ церкви, связь психическаго взаимнодѣйствія, еще не можетъ быть названа соціальною связью. Послѣднею же является только *кооперація*, извѣстная система *экономическихъ* отношеній, охраняемая собственной политической организаціей [2]). Разумѣется, реформы въ области кооперація и требованія реформъ здѣсь, по всей справедливости, должны быть названы соціальными, общинноустроительными. На наличность такихъ именно требованій и попытокъ общинноустроительнаго свойства и указываютъ у нашихъ сектантовъ. Но, вѣдь, соціальные планы и задачи, основаные на такихъ глубокихъ и разносторонникъ предварительныхъ изслѣдованіяхъ, предполагаютъ позади себя такую массу предшествовавшей культурной работы, такое широкое развитіе раціонализма во всѣхъ областяхъ мысли, что даже a priori трудно допустить, чтобы хоть нѣчто подобное, хоть въ наименьшей мѣрѣ проявилось у насъ среди народныхъ массъ. Откуда? Съ чего? «По щучьему велѣнью, по Емелину прошенью»? Положимъ, мы — давно извѣстно—народъ особенный, такой, что «безъ науки всѣ науки прошелъ»! Положимъ, чего нельзя свалить на «народный геній»! Но и за всѣмъ тѣмъ безъ предварительной работы критической мысли надъ вопросами о свободѣ воли, о происхожденіи и причинахъ богатства и бѣдности, о происхожденіи и формахъ человѣческихъ обществъ, о законахъ ихъ развитія etc., etc. невозможно дойти до сознательной постановки общинноустроительныхъ правилъ. «Широкое творчество соціальныхъ формъ» не можетъ явиться ex nihilo.

---

[1]) *Карѣевъ*: «Основные вопросы философіи ист.», т. II, стр. 25—32.

[2]) *Спенсеръ*: „Развитіе политич. учрежденій", стр. 17—18 и др.

Наличности общинноустроительныхъ попытокъ я не отрицаю, однако, въ иныхъ нашихъ сектахъ, какъ и въ другихъ, сходныхъ съ ними, появлявшихся на громадной исторической сценѣ. Все дѣло только въ томъ, чтобы опредѣлить ихъ истинный смыслъ и значеніе. Кооперація, объединяющая только людей общественной связью, можетъ быть и безсознательной, и сознательной. Когда намъ говорятъ о «широкомъ творчествѣ новыхъ соціальныхъ формъ» среди новѣйшаго сектантства, когда мы слышимъ, что «духоборцы заняты больше общинноустроительною дѣятельностью и стремятся создать свою общину по типу, который считаютъ справедливымъ и разумнымъ», то мы въ правѣ думать, особенно при наличности «критическаго анализа» и «раціонализма», что это творчество сознательно. Да на сознательности настаиваютъ и люди, рекомендующіе сектантство съ точки зрѣнія «преобладанія въ немъ экономической стороны предъ религіозной». Но это заблужденіе. Г. Юзовъ не показалъ *формъ* того типа общины, который духоборцы считаютъ справедливымъ и разумнымъ. Г. Ѳедосѣевецъ, настаивающій на «широкомъ творчествѣ новыхъ формъ» у сектантовъ, однако, не показалъ обращиковъ этого творчества хотя бы у «штундистовъ», о которыхъ онъ писалъ [1]). Въ «программѣ» же, выше цитированной, въ качествѣ обращиковъ «творчества» онъ отмѣчалъ такія формы, какъ «помочь», «артель», т.-е. то только, что русскій народъ «сотворилъ» неизвѣстно еще въ какую далекую пору.

«Не только и свѣта въ сектантскомъ окнѣ», что «раціонализмъ», да «соціальный элементъ». Ежели мы и ограничимъ эти стороны и отведемъ имъ только очень и очень скромную роль, то изъ этого еще вовсе не будетъ слѣдовать, что расколомъ и сектантствомъ заниматься не стоитъ. Нѣтъ, очень стоитъ. Все-таки, это явленія огромной важности и поучительности не только для россійской исторіи, но и вообще для исторіи культурныхъ группъ, ихъ вліянія на общественно-психологическое развитіе человѣчества. Вопросы общественной психологіи получаютъ въ видѣ раскола и сектантства богатый матеріалъ для разработки, особенно драгоцѣнный тѣмъ, что это у насъ матеріалъ живой, еще развивающійся въ своеобразныхъ условіяхъ нашей обширной родной равнины.

---

[1]) *Дѣло* 1883 г., №№ 1—2.

I.

Почва и начало секты; ея первые распространители и организаторы.

Стремленіе къ освобожденію личности въ религіозныхъ ученіяхъ проявляется въ двухъ видахъ. Одно направленіе отрицаетъ все тѣлесное, убиваетъ плоть, считая ее зломъ, путами, навязанными дьяволомъ для ослабленія и развращенія высшей, духовной природы человѣка. Возвышеніе, освобожденіе духа отъ мелочей жизненной обстановки, удаленіе изъ міра борьбы за житейскіе интересы, освобожденіе отъ всякихъ связей родственныхъ, общественныхъ, вообще отъ всѣхъ традиціонныхъ узъ,— вотъ главное требованіе этого направленія. Представителями его являются аскетическія секты. Во второмъ направленіи дуализмъ между духовной и матеріальной стороною человѣка не теоретизируется такъ рѣзко и послѣдовательно, хотя и проскальзываетъ въ видѣ исходнаго пункта, а потомъ и въ самомъ развитіи доктрины въ отдѣльныхъ, ничѣмъ съ цѣлымъ не связанныхъ, противорѣчивыхъ положеніяхъ. Нѣтъ признанія роковой, неизбѣжной и неисправимой грѣховности человѣческой природы, какъ въ аскетизмѣ, нѣтъ пессимистической скорби надъ невозможностью не только полнаго нравственнаго перерожденія и очищенія, но даже и хоть сколько-нибудь замѣтнаго улучшенія свойствъ человѣческой личности. Допускается, напротивъ, что побѣда надъ зломъ въ человѣкѣ возможна въ полной мѣрѣ и въ этомъ мірѣ, потому что въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божества, которую только надо ему сознательно ощутить въ себѣ. Какъ только такое ощущеніе воспринято, какъ только человѣкъ убѣдился послѣ практики извѣстнаго ряда духовныхъ упражненій въ присутствіи въ себѣ Бога, такъ всѣ счеты со зломъ покончены, антагонизмъ духа и матеріи уничтоженъ. Всѣ внѣшнія указанія авторитета: обычая, преданія, власти становятся необязательными, потому что они годятся только, какъ признаютъ, напр., духоборцы, для «умовъ непросвѣщенныхъ» сознаніемъ присутствія въ себѣ Божества. Напротивъ, всѣ движенія и побужденія человѣческаго существа, человѣческой личности обязательны, потому что они представляютъ внушеніе Божественнаго духа, живущаго въ человѣкѣ. Что бы человѣкъ

ни дѣлалъ въ пользу своего тѣла, своей матеріальной субстанціи,—все это, какъ сдѣланное по внушенію «духа», не можетъ быть плохимъ и грѣховнымъ, а должно быть, напротивъ, признано святымъ и праведнымъ. Это направленіе—мистическое.

Аскетическое направленіе ищетъ нравственнаго удовлетворенія въ самоотрицаніи личности, такъ какъ только этимъ путемъ, этимъ отрицаніемъ, прежде всего, себя, своихъ удобствъ, своихъ стремленій личность находитъ возможнымъ отрицать и притязанія на нее общества, стада, ее давящаго. Аскетизмъ отрицаетъ личность не во имя общества, отъ котораго личности приходится жутко, а во имя высшаго существа, во имя Бога, его требованій, предъ которыми уже, конечно, должны замолкнуть всѣ другія людскія притязанія и требованія. Второе, мистическое направленіе, идетъ прямѣе: оно обоготворяетъ личность, признаетъ святыми, Богомъ внушенными всѣ позывы къ счастью, всѣ жизненныя свои стремленія и отрицаетъ притязанія на свою личность общественнаго порядка на томъ основаніи, что личности, осуществляющія общественный порядокъ, не просвѣтлены Божествомъ. И то, и другое направленія идутъ къ одной цѣли—освобожденію личности отъ гнета стада, отрицанію правъ этого стада на личность. Въ развитіи своихъ воззрѣній оба направленія идутъ изъ признанія принципа — равенства всѣхъ людей. Но это только первый шагъ. Второй же въ корнѣ уничтожаетъ принципъ. «Всѣ мы равно немощны и грѣшны, — смиренно начинаетъ аскетъ, — но вы во злѣ и служите злу потому, что не знаете, что оно зло. Я тоже немощенъ и грѣшенъ, какъ и вы; но я то и дѣло терзаю свои грѣховные струпья, то и дѣло мучаюсь во имя Божіе такими страшными муками, какихъ вы никогда не узнаете. Оставьте же меня въ покоѣ. Во мнѣ святы только эти мои мученія и я не хочу прекращать ихъ, работая съ вами среди вашей мизерной дѣйствительности... Я избралъ себѣ «благую часть» и не хочу съ ней разставаться!»

Гордость аскета, все-таки, хоть чѣмъ-нибудь прикрыта Чистый же мистикъ идетъ напрямикъ и тѣмъ прямѣе, тѣмъ рѣзче его линія, чѣмъ онъ непосредственнѣе по натурѣ. «Всѣ мы равны, всѣ люди, всѣ человѣки,—это правда. Но вы во тьмѣ ходите и свѣтъ не объялъ васъ, а во мнѣ дѣйствуетъ Богъ; какъ же вы хотите, чтобъ между нами было что-нибудь общее, какъ вы смѣете навязывать мнѣ свою волю, не просвѣтленную божественнымъ духомъ? Зачѣмъ мнѣ обуза закона, обы-

чая, традиціи, когда я въ себѣ ношу Высшій Законъ?! «Праведному законъ не лежитъ».

Наши сектанты не сильные психологи и еще менѣе сильные мыслители. Оттого у нихъ въ ученіяхъ оба эти направленія не выдерживаются послѣдовательно: то въ аскектизмъ вносятся такія поправки, какъ признаніе Никитою Семеновымъ возможности побѣдить страсти съ годами, «когда юность прострека-етъ» [1]), то въ ученіи духоборцевъ невзначай проскочитъ безнадежное признаніе грѣховности человѣческой природы. Но за всѣмъ тѣмъ общій колоритъ направленій, все-таки, выдерживается и оба они могутъ быть намѣчены всегда безошибочно.

Въ исторіи религіозной и философской мысли само мистическое направленіе постоянно разбивается на два теченія. Или Божество во всей полнотѣ своего содержанія существуетъ внѣ человѣка и только отчасти въ минуты особеннаго душевнаго состоянія индивидуумъ воплощается въ немъ, или Божество существуетъ постоянно и только въ индивидуумѣ и не существуетъ внѣ его. Въ первомъ случаѣ цѣль жизни мистика заключается въ постоянномъ и все бо́льшемъ подготовленіи себя къ тѣсному соединенію съ Божествомъ, такъ чтобъ, наконецъ, индивидуумъ растворился въ абсолютномъ, исчезъ въ немъ. Во второмъ случаѣ—практическій результатъ есть прямое и полное обоготвореніе личности [2]). Первое теченіе ближе къ аскетизму и иногда привходитъ въ него, какъ добавочная, хотя и нелогическая, черта. Представителями этого теченія можно считать нашихъ прыгуновъ, хлыстовъ, скопцовъ. Ко второму же теченію мистицизма мы должны отнести духоборцевъ: чисто мистическая въ своей основѣ, въ своихъ крайнихъ выводахъ, эта секта выработала полный, цѣлостный культъ личности и замерла въ этомъ культѣ.

На какой же почвѣ выросло и разцвѣло духоборчество?

Появилось оно въ срединѣ XVIII вѣка, прежде всего, въ Харьковской и Тамбовской губерніяхъ. Если мы взглянемъ на бытовыя условія въ этомъ краю въ XVIII вѣкѣ, то увидимъ, что для мистическихъ ученій была богатая почва въ преобладающемъ психологическомъ типѣ, задававшемъ здѣсь тонъ жизни, въ преобладающемъ психическомъ настроеніи массъ. Двѣ эти губерніи,

---

[1]) *Русск. Мысль* 1884 г., кн. 6, ст. о *Странникахъ*.

[2]) *Гартманъ*: „Философія безсознат.“, пер. Козлова, I, 254—255.

громадныя по пространству, но слабо населенныя, были пограничными въ XVIII вѣкѣ, раздвигались и шли къ юго-востоку помѣрѣ движенія пограничной черты. Вотъ какъ правительство характеризовало состояніе Новослободской (Харьковской) губерніи до 1762 г.: «Мы нашли народъ сей внутренними распрями обезпокоенъ и подъ видомъ военной службы лишними и часто беззаконными поборами отягощенъ. Правосудіе въ немъ было таково, что сильный и богатый удручалъ слабаго и безгласнаго» [1]). То же самое можно было слово въ слово сказать и о Тамбовскомъ намѣсничествѣ въ ту эпоху. Пустыя мѣста пограничной черты, все дальше отодвигавшейся въ глубь степей, къ кочевникамъ, заселялись обыкновенно слободами служилыхъ людей и крестьянъ, перегонявшихся принудительно изъ гуще населенныхъ, болѣе близкихъ къ центрамъ, мѣстностей. Недовольные такими переселеніями, сплошь и рядомъ, не справившись съ трудностями колонизаціонной, осѣдлой работы въ виду постоянныхъ опасностей изъ степей, въ виду невыносимыхъ претензій безконтрольнаго пограничнаго начальства, предпочитали, разъ ужь сдвинуты съ насиженнаго пепелища, брести дальше съ отведенныхъ насильно мѣстъ, отказываться отъ всякой осѣдлости и жить на положеніи «вольной птицы» на степномъ раздольи съ постоянной опасностью, правда, голодной или насильственной смерти, но за то, по крайней мѣрѣ, на всей своей волѣ, какъ Богъ на душу положитъ. Сюда же на окраины въ колонизаціонныхъ цѣляхъ, между прочимъ, ссылали преступниковъ послѣ наказанія. И, кромѣ того, такъ какъ переселяемаго по неволѣ люда, все-таки, далеко не доставало даже для рѣдкаго заселенія обширнаго края, то селиться здѣсь на льготныхъ условіяхъ приглашали разныхъ «охочихъ» людей. Тамбовская губернія и за всѣмъ тѣмъ своими особенными удобствами привлекала всѣхъ недовольныхъ установившимися порядками жизни, всѣхъ бѣжавшихъ отъ законныхъ и беззаконныхъ каръ и притязаній, привлекала глухой лѣсистой полосой, тянувшейся по сѣверной сторонѣ края. Сюда бѣжали скрываться и изъ безлѣсной сравнительно Великороссіи, и съ юга изъ украинскихъ степей. Въ этомъ надежномъ пріютѣ и вообще на безлюдныхъ пространствахъ окраины сталкивалась, такимъ образомъ, масса людей «безъ опредѣленнаго образа жизни», которымъ хотѣлось устроиться «безъ власти, безъ закона». При-

[1]) Пол. Собр. Зак., т. XVIII, № 13,039.

бавьте еще ко всѣмъ этимъ людямъ дезертировъ, бѣжавшихъ изъ полковъ во время азовскихъ походовъ, когда Тамбовская губернія была сборнымъ пунктомъ войскъ, а послѣ во все время суровой солдатчины до начала даже прошлаго царствованія. Въ богатомъ краѣ быстро развивалось крѣпостное право и снова гнало «въ бѣга» новыя массы непокорныхъ судьбѣ людей. На заводахъ то и дѣло бунтовали рабочіе; отсюда шли волны разныхъ «нескладныхъ» и «развратныхъ» слуховъ. Само правительство справедливо разсматривало Харьковскую и Тамбовскую окраины, какъ очагъ всевозможныхъ «превратныхъ» толковъ и источникъ волненій. Въ цитированномъ мною выше указѣ слышится жалоба на то, что на окраинахъ даже и стремленіямъ правительства упорядочить тамошнюю жизнь туземцы даютъ «иной толкъ» и, являясь въ Москву, стараются и здѣсь «всячески отводить людей отъ должнаго правительствамъ почтенія и послушанія» и т. п.

На этихъ окраинахъ надо было жить каждую минуту съ оглядкой, особенно бродячему человѣку, находящемуся въ вѣчной войнѣ со всѣми, даже съ своими товарищами по бродяжничеству. Тутъ ничто не спасетъ, кромѣ своей удали, силы, смѣтки. Но за то разъ человѣкъ благополучно выходитъ изъ опасностей и недѣлю, и мѣсяцъ, и годъ, наконецъ, какая страшная самоувѣренность разовьется въ немъ въ концѣ, какъ привыкнетъ онъ играть съ самыми опасными вещами, какое появится довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, какое вырастетъ горделивое и даже хвастливое чувство превосходства надъ людьми, находящимися въ иныхъ условіяхъ, надѣленныхъ потому менѣе рѣзкими индивидуальными отличіями. Въ удачѣ постоянная пища чувству личности; въ степи предѣлъ личной оригинальности ставитъ только мать-природа и понятно, какъ далекъ этотъ предѣлъ! Въ бродяжничествѣ, исполненномъ опасностей, утрачивается всякое чувство мѣры желаніямъ и порывамъ; тутъ бери у жизни все, что хочешь и можешь, не разбирая, хорошо ли, худо ли, лишь бы нравилось и въ руки шло. Утрачиваются всѣ сдерживающія и стѣсняющія личность путы обычая, традиціи, власти. Съ разрывомъ общественныхъ связей рушится и всякое уваженіе къ нимъ: чѣловѣкъ не хочетъ знать ни рода-племени, ни общины. Соединяясь въ казацкій кругъ, онъ и тутъ старается ничѣмъ не поступиться въ пользу товарищей. Равенство признается только передъ общей бѣдой. Въ удачѣ, въ счастливыхъ похожденіяхъ—все вертитъ личныя удаль, таланъ, сила. Дѣленіе

добычи идетъ не по общинному «изравненію», а именно по силѣ, таланту участниковъ.

На первый-то пай клали 500 рублевъ,
На другой-то пай всю тысячу,
А на третій становили красную дѣвицу...
...Золотая парча—по достоинствамъ,
Жемчугъ—по молодечествамъ...

Бродячій людъ, «удалые добрые молодцы» задавали тонъ жизни. Ихъ подвиги передавались въ пѣсняхъ съ восторженнымъ удивленіемъ, по нимъ снова воспроизводились въ народномъ воображеніи могучіе образы старинныхъ богатырей,—какая богатая почва для развитія культа личности, для разцвѣта принциповъ антропоморфизма въ самой грубой, наивной, идолопоклонической формѣ!

И не одинъ только бродячій человѣкъ, «удалой добрый молодецъ», обязывался условіями жизни къ самодѣятельности, къ вѣрѣ только въ свои силы, въ свой умъ. Поселенцы, не бросавшіе колонизаціонной работы, сидѣвшіе на мѣстахъ, были не болѣе «безопасны», чѣмъ и добрые молодцы. И кочевникъ, и свой бродяжникъ, и какая-нибудь «конная или пѣшая бѣда» каждую минуту могли заявиться, непрошенные, въ гости и обобрать все, что можно унести, а остальное изломать, исковеркать, сжечь и пр. Требовалась, значитъ, та же оглядка, та же постоянная осторожность. Каждую минуту нужно было на все быть готовымъ. Бродяжникъ клалъ свой отпечатокъ и на психику мирнаго поселенца; этотъ послѣдній растилъ въ себѣ черты бродяжническаго типа, самъ старался не отстать отъ него. Мужикъ - поселенецъ разбойничалъ такъ же безъ разбора, какъ и удалой добрый молодецъ, лишь бы къ рукамъ пришлось. «Многимъ тамбовскимъ крестьянамъ разбойный промыселъ представлялся до такой степени соблазнительнымъ, что деревенскіе обитатели внезапно рѣшались на такіе подвиги, которые были подстать только закоренѣлымъ разбойникамъ» [1]).

Такая жизнь не могла, однако, идти безъ конца. Какъ бы человѣкъ ни озвѣринился, какъ бы онъ ни привыкъ рубить людей, какъ капусту, чужія вещи считать своими, тѣмъ не менѣе, искра Божія, все-таки, остается.

---

[1]) *Дубасовъ*: „Очерки изъ ист. Тамб. края", вып. II, стр. 229—233.

...Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть;
Она проснется въ черный день.

А этотъ «черный день» постоянно виситъ надъ головой «удалаго молодца». То на досугѣ раздумье доведетъ его до тоски-кручинушки, то рядъ неудачъ посыплется на его голову, то какая-нибудь примѣта смутитъ суевѣрное воображеніе, то зловѣщій сонъ приснится, вспомнится жалобный крикъ какой-нибудь жертвы и будетъ безотходно звучать въ ушахъ. Сначала водка, гульба— единственное средство забыться среди тяжелой дѣйствительности, но и она удовлетворяетъ только до поры до времени, а неугомонный червякъ—совѣсть точитъ да точитъ молодецкое сердце.

Съ молоду, пито много, граблено;
Подъ конецъ надо душу спасти,

говоритъ старинный ушкуйникъ Васька Буслаевъ. И это сознаніе грѣховности, необходимости спасти душу время отъ времени встаетъ въ душѣ непосредственнаго человѣка вдругъ, живое и дѣйственное, и заставляетъ радикально измѣнить образъ жизни.

Вставаютъ со сна всѣ разбойники...
Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,
Поздоровались и всѣ расплакались,
Раздавали разграблено злато-серебро
И все имѣніе-богачество
По тѣмъ ли сиротамъ по бѣднымъ,
По тѣмъ ли церквамъ по Божіимъ;
Сами пошли скитаться въ разныя стороны.

Старецъ Корнилій разсказываетъ, что однажды въ лѣсу на него набрела шайка разбойниковъ въ 35 человѣкъ. «Осмотрѣвши въ кошелѣ моемъ и видѣвши нужныя мнѣ книги и случившіяся тутъ повѣсти о спасшихся разбойникахъ, а денегъ только 10 алтынъ, атаманъ велѣлъ мнѣ читать книги. Читалъ я имъ всю ночь; атаманъ слушалъ внимательно и, наконецъ, прослезился, примолвивъ: «отъ сего дня престану я разбойничать, а ты, отче, ступай съ миромъ и не бойся». И далъ мнѣ еще милостыню, примолвивъ: «блаженны вы есте» [1]).

[1]) *Максимовъ*: «Разсказы изъ ист. старообр.», стр. 29—30.

Какъ бы удалой молодецъ ни грабилъ, ни бражничалъ, какъ бы онъ ни былъ въ теченіе всей своей жизни равнодушенъ къ спасенію, но хоть при концѣ жизни потребность примиренія съ совѣстью, все-таки, неудержимо возникала въ немъ.

Ахъ, вы, братцы, мои товарищи!
Возьмите меня, братцы, за бѣлы руки,
Поставьте меня, братцы, на рѣзвы ноги,
Поведите меня въ Божью церковь,
Причастите меня, братцы, исповѣдайте...

При наличности указанныхъ нравственныхъ запросовъ, разумѣется, проповѣдь религіозныхъ истинъ не могла не найти тѣмъ болѣе ревностныхъ послѣдователей, чѣмъ больше «съ молоду пито было, граблено». Проповѣдники же, говорившіе отъ сердца, убѣжденные и искренніе, являлись только изъ среды представителей разнообразныхъ сектъ, которыхъ на окраинахъ тоже было довольно. «Съ половины XVII в. Тамбовскій край начинаетъ обращать на себя вниманіе правительства (между прочимъ) и разнообразіемъ и силою мѣстнаго раскола и сектъ». Здѣсь «издавна было много хлыстовъ и скопцовъ» [1]). Сюда на окраину бѣжали преслѣдуемые въ Москвѣ послѣдователи лѣкаря Тверитинова. Эти-то сектанты и пропагандировали здѣсь всего успѣшнѣе свои идеи. Причина понятна. Человѣкъ окраинъ нуждался въ нравственномъ успокоеніи больше, чѣмъ кто-нибудь другой. Но, въ то же время, ему и труднѣе было отстать отъ пріобрѣтенныхъ на волѣ привычекъ, сдерживать свои страстные порывы, обуздывать желанія. И вотъ на выручку являлся мистикъ съ реабилитаціей личности, съ проповѣдью, которая какъ разъ соотвѣтствовала преобладающему психологическому типу. Онъ говорилъ о людской грѣховности, но всегда обнадеживалъ людей полною возможностью спастись, очиститься отъ грѣховъ, возродиться и за этимъ возрожденіемъ открывалъ такую перспективу, въ которой слушатель видѣлъ весь свой типъ цѣликомъ со всѣми свойствами, которыя у него есть и съ которыми онъ не можетъ разстаться. Онъ видѣлъ, что можетъ не входить съ собой въ разладъ, не терзаться собственной неисправимостью, потому что проповѣдникъ говоритъ ему: «прислушивайся къ голосу жизни, говорящему въ тебѣ; дѣлай все,

[1]) *Дубасовъ*: «Очерки изъ ист. Тамб. края», в. II, стр. 234.

что скажетъ этотъ голосъ,—все это праведно и свято». Разумѣется, проповѣдникъ, прежде всего, коритъ слушателя зломъ, которое тотъ дѣлаетъ, не переставая. Разумѣется, онъ, прежде всего, требуетъ, чтобы слушатель не дѣлалъ вреда ближнему. Но, вѣдь, и самъ слушатель потому и бесѣдуетъ съ проповѣдникомъ, что совѣсть его замучила, что, наконецъ, ему жутко стало все вредить, да вредить; онъ самъ напередъ согласенъ съ проповѣдникомъ, что пора перестать, что ужь и безъ того «много пито было, граблено». Прекращеніе безпутной жизни для кающагося само собою разумѣется; онъ съ тѣмъ пришелъ къ проповѣднику, чтобы узнать, какъ «душу спасти». И онъ съ радостью слышитъ, что нѣтъ незамолимыхъ грѣховъ, что спасенье и для него возможно и, притомъ, даже безъ насилованія типа. Его не обязываютъ ни смиряться, ни лить вѣчныя слезы, ни убивать плоть. Ему говорятъ то же, что уже шевелилось смутно въ его сознаніи, изъ-за чего онъ вступилъ въ войну съ обществомъ; что человѣкъ не имѣетъ никакого права надъ другимъ человѣкомъ, такимъ же, какъ и онъ, что человѣкъ—дѣло великое, что въ немъ самомъ, опозоренномъ преступленіями, есть частица Божества, которую надо только умѣть найти, чтобы снова, но на этотъ разъ уже безупречному, стать выше всѣхъ, стѣсняющихъ человѣческую личность, традицій стада.

Такимъ образомъ, почвой, на которой развивалось духоборчество, надо признать и преобладавшее на окраинахъ психическое настроеніе массъ, въ особенности бродячихъ, недовольныхъ элементовъ, протестовавшихъ во имя личности, боровшихся за ея развитіе, за ея духовную и матеріальную свободу, и тотъ интеллектуальный запасъ, какой существовалъ здѣсь въ лицѣ представителей преимущественно мистическихъ сектъ, давшихъ основной матеріалъ для образованія духоборческой доктрины.

Опредѣлить начало секты вообще невозможно. Нельзя въ народной массѣ отыскать, кто первый сложилъ какую-нибудь пѣсню, потому что рядъ пѣвцовъ, ее послѣдовательно пѣвшихъ, кладетъ на ней такой сильный отпечатокъ своихъ индивидуальностей, что индивидуальность перваго пѣвца, давшаго замыселъ и развитіе пѣсни, какъ и индивидуальности слѣдующихъ «сказателей» становятся не отдѣлимыми одна отъ другой, взаимно стираются; а изъ этихъ поправокъ и передѣлокъ, чѣмъ больше пѣсня живетъ и переходитъ изъ устъ въ уста, выясняется, вмѣсто того, общая индивидуальность народа. И свое имя около из-

вѣстнаго цикла пѣсенъ въ народной памяти оставляетъ не тотъ, кто больше трудился надъ ихъ внутренней обработкой, надъ содержаніемъ, а тотъ, кто лучше передавалъ ихъ въ пѣніи, кто своей передачей сильнѣе воздѣйствовалъ на массу, чѣмъ собственно творцы пѣсенъ, сказывавшіе только то, что думалъ и чувствовалъ самъ народъ, что съумѣлъ бы выразить такъ или иначе каждый отдѣльный представитель народа. То же — и въ исторіи сектъ, возрастающихъ среди массы. Каждый первый распространитель секты назоветъ вамъ, бывшаго раньше его, учителя, который говорилъ то же, что и онъ, и не замѣтитъ, притомъ, что онъ изъ рѣчей учителя воспользовался, быть можетъ, только какой-нибудь, у того — неважной, частностью, особенно плодотворно поразившей его умъ и вызвавшей совсѣмъ особую, оригинальную ассоціацію идей. Если вы будете слѣдовать подобнымъ указаніямъ и по нимъ искать перваго творца даннаго цикла религіозныхъ идей, то вамъ очень скоро придется столкнуться съ цѣлой массой разнообразныхъ ученій, часто взаимно уничтожимыхъ, во всякомъ случаѣ лишенныхъ между собою органической связи, родства. Въ умѣ непосредственномъ, только что переходящемъ отъ творчества въ области воображенія, гдѣ живой образъ пластически запечатлѣвается и по необходимости выходитъ опредѣленный рѣзкими чертами въ словесной передачѣ, — въ умѣ, переходящемъ къ творчеству отвлеченныхъ идей, то, что онъ узнаетъ въ отвлеченной передачѣ, никогда не запечатлѣвается точно. Непривычный къ отвлеченной работѣ, умъ схватываетъ скорѣе отдаленный намекъ на идею, имъ услышанную, или вычитанную, чѣмъ точный ея отпечатокъ, и самъ перерабатываетъ этотъ намекъ въ нѣчто цѣлое и понятное, по своему крайнему разумѣнію. Такимъ образомъ, одна и та же идея должна пройти большое количество отдѣльныхъ, индивидуальныхъ умовъ, чтобы выработаться въ нѣчто такое общее, что могло бы уже усвоиться однообразно цѣлою массой, или во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ отдѣльныхъ индивидуальностей. Такъ обыкновенно и бываетъ, что религіозная идея, прежде чѣмъ найдетъ такого выразителя, который сдѣлаетъ ее понятною цѣлой толпѣ, довольно долго предварительно перерабатывается коллективнымъ умомъ народа, въ которомъ она зародилась. Какъ же тутъ сказать, кто далъ первый толчекъ образованію зародыша? Откуда появился этотъ зародышъ? Можно сказать только, что его питало, какіе элементы почвы были

болѣе или менѣе для него пригодны. Всевозможные споры—явилась ли данная религіозная идея органически изъ народной среды, или она привнесена въ народъ откуда-нибудь извнѣ,—отъ квакеровъ, отъ Бэма и пр.,—споры совершенно безплодные. Явилась ли идея извнѣ, со стороны, или изнутри народнаго духа—все равно: она, если только начала распространяться, прошла предварительно длинный и незамѣтный путь перерожденія и уподобленія въ общемъ народномъ интеллектѣ и ужь несомнѣнно стала и должна разсматриваться идеей вполнѣ оригинальной со всѣми слѣдами индивидуальности даннаго народа, среди котораго распространяется. Г. Новицкій утверждаетъ, напр., что идеи духоборцевъ заимствованы отъ квакеровъ, а, между тѣмъ, квакеры, посѣтившіе поселенія духоборцевъ на Молочныхъ Водахъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, пришли въ ужасъ отъ духоборческой доктрины. И почему отъ квакеровъ? По внутреннему сродству идей? Но развѣ это сродство не могло явиться результатомъ одинаковости условій, при которыхъ возникли и та, и другая секты? Потому что иностранецъ въ Охочемъ былъ квакеръ? Но и то только догадка—по внутреннему сродству его идей съ квакерскими, а, между тѣмъ, онъ могъ быть и квакеръ, и послѣдователь какого-нибудь нѣмецкаго мистика, узнавшій ученіе этого мистика изъ десятыхъ рукъ, или, наконецъ, просто «собственнымъ умомъ дойти» до извѣстной идеи при чтеніи Писанія и пр., и пр.

Благодаря подобнымъ произвольнымъ соображеніямъ о началѣ сектъ, обыкновенно чуть не каждый авторъ, пишущій о религіозныхъ разномысліяхъ, опредѣляетъ начало той секты, которую онъ изслѣдуетъ, по своему. О началѣ духоборческой секты мы имѣемъ нѣсколько мнѣній; преданія и сообщенія на этотъ счетъ самихъ духоборцевъ темны и неопредѣленны и предположеніямъ открывается, такимъ образомъ, широкій просторъ. «Было преданіе между самими духоборцами, что ихъ секта первоначально образовалась въ Тамбовской губерніи и уже отсюда распространилась въ другихъ мѣстахъ Россіи и въ Малороссіи». Напротивъ, тамбовскіе духоборцы указывали на Малороссію, какъ на первый разсадникъ ученія, ими принятаго. Екатеринославскіе духоборцы въ 1791 г. показывали, что ихъ секта образовалась сначала въ с. Никольскомъ, Екатеринославскаго округа. Есть еще одно преданіе у духоборцевъ, что ихъ вѣра происходитъ будто бы отъ трехъ вавилонскихъ отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила, брошенныхъ въ

огненную пещь за ихъ отказъ поклониться образу Навуходоносора. Разумѣется, это преданіе надо понимать въ иносказательномъ смыслѣ, какъ понимаютъ и сами духоборцы, подразумѣвая при этомъ лицъ, высказывавшихъ сходныя съ ихъ ученіемъ мнѣнія и сожженныхъ, какъ еретики [1]). Наконецъ, одно изъ наиболѣе раннихъ показаній духоборцевъ говоритъ, что въ Харьковской губерніи, въ селеніи Охочемъ (нынѣ Зміевскаго уѣзда) около 1740—60 гг. появился какой-то иностранецъ, называвшій себя прусскимъ отставнымъ унтеръ-офицеромъ. Онъ долго жилъ въ деревнѣ, перекочевывалъ изъ дома въ домъ и пользовался среди крестьянъ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Онъ мирилъ ссоры, давалъ совѣты на сходкахъ, помогалъ въ работахъ. Онъ-то и заронилъ здѣсь первыя идеи своего ученія. Основная мысль его ученія заключалась въ томъ, что въ душѣ человѣка пребываетъ самъ Богъ и наставляетъ ее внутреннимъ словомъ [2]). Митрополитъ кіевскій Арсеній неизвѣстно на какихъ основаніяхъ называетъ этого иностранца «польскимъ жидомъ и протестантскимъ прозелитомъ» [3]). Г. Новицкій полагаетъ, опять-таки неизвѣстно на какомъ основаніи, что онъ былъ квакеръ. Но кто бы ни былъ иностранецъ: квакеръ ли, или «польскій жидъ и протестанскій прозелитъ», или просто русскій бѣглый господскій человѣкъ, дезертиръ изъ солдатъ (по другимъ свѣдѣніямъ),—все равно: съ его полумиѳическимъ образомъ связана первая сколько-нибудь замѣтная, оставшаяся въ памяти людской, попытка формулировать основную духоборческую идею. Не много людей, должно быть, убѣдилъ онъ, но съ того времени въ селѣ Охочемъ не переводятся духоборцы. Идея этого ли «польскаго жида», или кого другаго, незамѣтно расходится по окраинѣ и назрѣваетъ, проявляясь мало-по-малу то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Почти въ то же время, когда въ Охочемъ появился полумиѳическій унтеръ-офицеръ, въ Екатеринославской губерніи начинаетъ распространять энергически духоборчество уже завѣдомо русскій человѣкъ, крестьянинъ с. Никольскаго (Екатериносл. губ.) Силуанъ Колесниковъ (1750—75 гг.), который и духоборцамъ памятенъ, какъ первый организаторъ секты, развившій доктрину, уже въ общемъ смутно ходившую въ массѣ, въ опредѣленной

---

[1]) *Новицкій*: «Духоборцы; ихъ исторія и вѣроученіе», изд. второе. Кіевъ, 1882 г., стр. 3, 12.

[2]) Ibid., стр. 5 – 6.

[3]) «Труды кіев. дух. акад.» 1875 г., № 2, стр. 149, 154—155.

формѣ, сообщившій ей до извѣстной степени законченный видъ. Колесниковъ былъ человѣкъ очень даровитый, грамотный и большой охотникъ читать, кромѣ того, главное, человѣкъ прекрасной души, «старикъ, какъ говорили туземные духоборцы, — всему нашему селенію извѣстно,— добродѣтельнѣйшій, благотворительнѣйшій въ нуждахъ, премногимъ изъ своего достатка, собственнымъ трудомъ съ дѣтьми нажитаго, пособствовавшій» [1]). Повидимому, въ его руки попадали сочиненія нѣмецкихъ мистиковъ въ переводѣ на русскій языкъ. По крайней мѣрѣ, по показанію екатеринославскихъ духоборцевъ, въ домѣ Колесникова они читали *Ключъ разумѣнія* (таинствъ натуры?) Эскартсгаузена, у котораго Силуанъ, повидимому, заимствовалъ нѣсколько положеній мистическаго свойства [2]). Колесниковъ устроилъ въ Екатеринославской губерніи нѣсколько обществъ своихъ послѣдователей, жилъ до глубокой старости и передалъ затѣмъ дальнѣйшіе труды по проповѣди своего ученія своимъ сыновьямъ Кирилу и Петру, которые съ полной и искренней горячностью взялись за дѣло [3]).

Остановимся нѣсколько на ученіи Силуана, какъ оно передано екатеринославскими духоборцами въ запискѣ, представленной ими въ 1791 г. екатеринославскому губернатору Каховскому. Въ его ученіи вы видите пытливаго, вдумчиваго человѣка, на которомъ отразились разнообразныя вліянія. Вы видите, что онъ съ «сектарями разныхъ вѣръ» побесѣдовалъ и кое-что отъ нихъ невольно усвоилъ; книжекъ почиталъ и изъ нихъ нѣчто взялъ для души полезное. Глубоко въ душу запала ему мысль, что въ душѣ человѣка пребываетъ Богъ; все существо его поддалось вліянію этого дѣятельнаго, высокаго сознанія. Но его смущаютъ разнообразныя жизненныя явленія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что человѣкъ скорѣе есть обиталище сатаны, чѣмъ храмъ Божій: столько въ окружающемъ его мірѣ онъ видитъ зла и неправды, столько грѣха, что стыдно и страшно, и ни съ чѣмъ, кажется, несообразно для Высочайшаго Существа опредѣлять такое смрадное жилище. Стыдно и страшно, а, между тѣмъ, что-то говоритъ ему, что это могло бы быть и справедливо. Вѣдь, онъ чувствуетъ, онъ не разъ въ жизни своей видѣлъ такія высокія проявленія человѣческой личности, которыя именно только Богомъ

---

[1]) «Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1871 г., № 2, смѣсь, стр. 27.
[2]) Ibid., стр. 39.
[3]) *Новицкій*, стр. 4.

и могутъ быть внушены. Да и потомъ—вѣдь, только въ подобномъ признаніи божественнаго происхожденія души единственное утѣшеніе въ жизни, гдѣ тебя на всякомъ шагу третируютъ, какъ самую захудалую скотину. Приниженная личность до такой степени безраздѣльно отдается новой идеѣ о высокомъ своемъ значеніи, что идею эту уже нельзя вырвать изъ сознанія. Ее надо только оправдать, объяснить, устранить противорѣчіе между грѣховными явленіями дѣйствительности и божественнымъ значеніемъ личности. Богъ пребываетъ въ человѣкѣ, но и въ человѣкѣ, и въ мірѣ столько зла въ то же время, что какъ же совмѣстить и то, и другое? Откуда это зло? Два начала—доброе и злое существуютъ въ мірѣ,—отвѣчаетъ Колесниковъ.—Человѣческія души—это ангелы, павшіе подъ вліяніемъ духа зла, когда еще не былъ созданъ міръ. По правосудію за преступленіе душъ для нихъ созданы Богомъ на землѣ темницы—наши тѣла. «Жить въ мірѣ погибельномъ — значитъ засѣменяться, зарождаться и назрѣвать во зла духа предвѣчна и вѣчна *въ мѣру степеней 666* злыхъ совершенствъ его, Іоанну отъ Господа откровенныхъ». И дѣйствительно,—развиваетъ мысль свою Колесниковъ, – міръ людской представляетъ изъ себя такое общество, гдѣ только и гонятся за славой, за почетомъ да за удовлетвореніемъ своихъ похотей. Всякъ бросается за этимъ наперерывъ передъ другимъ, желая все захватить и мало что съ другимъ не подѣлиться, а даже и то, что тотъ пріобрѣлъ, отнять. Въ виду такой грызни, мудрые, справедливо разсудивъ, что не устоитъ общество, ведущее такую братоубійственную войну другъ съ другомъ, учредили различнообразныя власти, удерживающія безпутство людское [1]). Зло въ мірѣ, однако, не вѣчно, не неисправимо. Наша душа—частица Божества лишь ослѣплена грѣхомъ, главное, грѣхомъ самолюбія, гордости и славолюбія, уничтожающимъ равенство людское посѣяннымъ въ насъ духомъ зла. Изъ этого грѣха все зло въ мірѣ. Надо убить его въ себѣ отреченіемъ отъ себя, отъ своей личности. *Если бы каждый отрекся отъ себя, не было бы ни личныхъ пороковъ и грѣховъ, ни общественныхъ золъ и преступленій.* Слѣдить за собой ежечасно, чтобы не приходили злыя, гордыя, самолюбивыя побужденія и желанія,—такова основная заповѣдь «старика» (какъ звали его духоборцы въ своей «Запискѣ») всѣмъ желающимъ, чтобы Господь сошелъ въ сердце,

[1]) «Чт. въ Общ. Ист. и Древн.» 1871 г., № 2, стр. 34, 43—44, 74.

чтобы душа вновь пріобрѣла свое божественное значеніе, утраченное еще до начала міросозданія. Практически три ступени подвига для нравственнаго возрожденія долженъ пройти человѣкъ: 1-я—«покаяніе очищенія» (отрѣченіе отъ злой воли и борьба съ искушеніями сатаны на грѣхъ), 2-я—«поученіе просвященія» (посвященіе всѣхъ свободныхъ часовъ на чтеніе и слушаніе слова Божія). Третьей ступенью уже будетъ сладостное единеніе съ Богомъ въ сердцѣ, душевный покой и миръ. Внутренно возрожденный въ Богѣ, человѣкъ увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ все зло мірское. Разъ въ сердцѣ его «взойдетъ вѣчное солнце правды, онъ не пойдетъ больше на это зло и ему не нужны будутъ, какъ сыну Божію, никакія власти, никакіе человѣческіе законы. потому что на зло не пойдетъ онъ не изъ страха, а изъ живаго и дѣйственнаго желанія жить во Христѣ» [1]). Жить же во Христѣ значитъ: «жить всякому въ повиновеніи, покорности и въ страхѣ Господнемъ», особенно между собою «ходить въ братолюбіи, и дружелюбіи, и услужливости, *покланяясь Богу другъ въ другѣ, яко есмы начатокъ созданіевъ Его, образъ Бога на землѣ*. Любовь другъ къ другу представляетъ единственно прочное основаніе общества. Великъ тотъ членъ въ славномъ духовномъ царствѣ Христовомъ, во всемъ мірѣ разсѣянномъ, въ чьемъ сердцѣ духъ любви Іисуса Христа» [2]). Въ возрожденномъ подвигомъ человѣкѣ Богъ воплощается какъ память, разумъ и воля; этотъ-то божественный разумъ, или Слово, внутренно и наставляетъ человѣка на всяку истину. Человѣкъ есть единственный храмъ Божества. «Моя церковь,—говорится въ катехизическомъ оглашеніи духоборцевъ, — построена не на горахъ, не въ бревнахъ, не въ каменныхъ стѣнахъ, а построена церковь у меня въ душѣ» [3]).

Позаимствовавъ нѣкоторыя свои положенія у нѣмецкихъ мистиковъ, Колесниковъ долженъ былъ признать, что люди, въ высокой степени одаренные божественнымъ разумомъ, встрѣчаются всюду, къ какой бы національности они ни принадлежали. Понятно, что всѣ они должны составлять одну церковь, хотя бы и принадлежали къ иному какому племени, языку и исповѣданію. И до сихъ поръ духоборцы утверждаютъ по словамъ учителя, что, «кромѣ открытыхъ духоборцевъ, есть во всякой вѣрѣ духо-

[1]) Ibid., стр. 29, 30, 32,—33, 41—48, 74.
[2]) Ibid., стр. 36, 62—63.
[3]) *Новицкій*, стр. 240, 242.

борцы потаенные, которые, страха ради, не открываютъ себя. Оттого будто и видимая численность духоборцевъ, несмотря на древнее ихъ происхожденіе, до сихъ поръ весьма незначительна» [1]).

При Колесниковѣ духоборцы еще не выдѣлялись, однако, изъ толпы религіозныхъ вольнодумцевъ. Слишкомъ много, какъ видитъ читатель, было въ ученіи «старика» частностей, сбивавшихся то на одинъ ладъ, то на другой. Основная идея прорывалась еще не очень замѣтно; плачъ о грѣховности міра и человѣка больше занимали вниманіе слушателя въ словахъ учителя, чѣмъ развитіе мысли о «поклоненіи Богу другъ въ другѣ». Кромѣ того, несмотря на непослѣдовательности, доктрина была еще и слишкомъ интеллигентна для массы. Закутанная въ туманный плащъ символизма, сосредоточенная, главнымъ образомъ, на вопросахъ нравственности, она не выдѣлялась изъ общей массы поученій морализировавшихъ учителей разныхъ сектъ какими-нибудь рѣзкими, угловатыми особенностями. У послѣдователей Колесникова еще не было опредѣленнаго культа, не было какого-нибудь своеобразнаго ритуала, необходимаго затѣмъ, чтобы секта остановила на себѣ изумленное вниманіе массы, возбудила къ себѣ интересъ. Вначалѣ у екатеринославскихъ духоборцевъ всякій могъ давать у себя молитвенныя собранія, послѣ котораго собратьямъ предлагалась обыкновенно трапеза. Если собравшій самъ не могъ предложить трапезы по бѣдности, другіе участники общей молитвы и собесѣдованія доставляли заранѣе или приносили нужную пищу [2]). Ничего формальнаго не было въ этихъ собраніяхъ. Не образовалось еще мертвыхъ традиціонныхъ привычекъ: тутъ были прозелиты новой вѣры, еще не устоявшіеся, не разобравшіеся внутри самихъ себя, искренніе, сполна сосредоточенные на своихъ личностяхъ, равнодушные еще къ внѣшнему міру.

А, между тѣмъ, религіозная идея распространялась по Украйнѣ все больше и больше, разносимая и хлыстами, и безпоповскими толками старовѣрья, и послѣдователями Тверитинова. Въ 1768 г. многія изъ деревень Тамбовской губерніи, особенно крестьяне с. Лысыхъ Горъ, объявили начальству, что они рукотвореннымъ и написаннымъ на доскахъ образамъ не покланяются, а потому храмовъ православныхъ не почитаютъ и ходить молиться въ нихъ

---

[1]) *Новицкій*, стр. 240, 242.
[2]) *Лисановъ*: «Раск. и остр.», т. II, стр. 227.

не будутъ. «Мы поклоняемся Христу не писанному на изображеніяхъ, а Христу животворному» [1]). Такой «раціоналистическій» оттѣнокъ протеста, безъ сомнѣнія, могъ быть вызванъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что наличное духовенство окраинъ по своему крайнему невѣжеству не могло внушить уваженія къ обрядовой сторонѣ религіи, потому что само сплошь да рядомъ не умѣло служить. Но нельзя тутъ не признать и прежде всего вліянія проповѣди разныхъ учителей, родственныхъ по духу съ духоборчествомъ, которое около этого времени начинаетъ распространяться въ Тамбовской губерніи уже весьма замѣтно. Нельзя не замѣтить, между прочимъ, тотъ весьма выразительный фактъ, что духоборчество на первыхъ порахъ особенно радушный пріемъ встрѣтило здѣсь у однодворцевъ, т.-е. у населенія и болѣе независимаго, и болѣе обособившагося среди общей крестьянской массы [2]). Около 1775—85 гг. на долю одного однодворца и выпало придать духоборчеству именно тотъ рѣзкій, выпуклый характеръ, котораго ему не доставало въ передачѣ Колесникова. Этотъ однодворецъ былъ Иларіонъ Побирохинъ, изъ с. Горѣлаго, Тамбовской губерніи и уѣзда.

Иларіонъ Побирохинъ, богатый человѣкъ, велъ большую оптовую торговлю шерстью въ своей и сосѣднихъ губерніяхъ. Онъ былъ человѣкъ впечатлительный, увлекающійся, обладалъ даромъ слова и силой убѣжденія, очень любилъ читать и разсуждать о предметахъ вѣры. Столкнувшись во время своихъ торговыхъ поѣздокъ съ послѣдователями Колесникова, онъ, повидимому, уже знакомый съ ученіемъ «людей Божіихъ» (хлыстовъ), увлекся ученіемъ «старика» и сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ новой доктрины, внесши въ нее сильный отпечатокъ своей индивидуальности. Онъ болѣе опредѣленно прибавилъ къ ученію Силуана, что Бога въ собственномъ существѣ нѣтъ, что Онъ существуетъ въ праведныхъ людяхъ [3]), что божественная Троица (память, разумъ и воля) нераздѣльна и что Христосъ есть божественный Разумъ. Ученіе о паденіи душъ Побирохинъ добавилъ тоже очень существенной подробностью. Такъ какъ земныя тѣла, въ которыя поселяются падшія души, недолговременны, то Побирохинъ вывелъ отсюда заключеніе, что по смерти одного тѣла душа должна переходить въ другое, а именно: душа чело-

[1]) *Вѣстн. Европы* 1881 г., № 2. «Русскіе раціоналисты». стр. 670.
[2]) *Отеч. Зап.* 1867 г., іюль, кн. I, ст. *Максимова*: «За Кавказомъ», стр. 88.
[3]) *Отеч. Зап.* 1869 г., № 6, стр. 298.

вѣка благочестиваго послѣ смерти его переходитъ въ другаго человѣка же, а душа человѣка беззаконнаго—въ животное. Божественный Разумъ по смерти историческаго Христа открылся въ апостолахъ, принявшихъ его ученіе, и затѣмъ выражается въ душѣ каждаго духоборца все полнѣе вмѣстѣ съ бо́льшимъ ознакомленіемъ его съ словомъ Божіимъ [1]). Душа Христа, такимъ образомъ, какъ всякая другая, подлежитъ закону переселенія. Всѣ духоборцы поэтому сыны Божіи въ извѣстной мѣрѣ, но въ комъ-нибудь одномъ индивидуальность Христа выражается сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, и этимъ преимущественнымъ воплощеніемъ Христа Побирохинъ объявилъ себя.

Проповѣдь Побирохина пошла чрезвычайно успѣшно. По торговымъ дѣламъ онъ имѣлъ множество знакомствъ, видался съ массою деревенскаго люда, и это дало ему возможность широко распространить свои религіозные взгляды. Народъ называлъ Побирохина «пророкомъ», «кормильцемъ», питающимъ его духовною пищей. Подъ вліяніемъ успѣха и общаго преклоненія предъ нимъ Побирохинъ подъ старость сдѣлался «смѣлымъ и рѣшительнымъ до хвастливости въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ». Случилось то, что случается со всякимъ непосредственнымъ человѣкомъ, когда, освободившись отъ всѣхъ стѣсняющихъ сдержекъ житейскихъ условностей, личность развертывается во всю ширь, даже до упраздненія здраваго смысла включительно. Подъ конецъ жизни онъ сталъ учить, что спасеніе идетъ не по книгѣ, а по духу, что источникъ спасенія, источникъ познанія истины не въ библіи, а въ книгѣ животной, въ живой памяти людской. Изученіе библіи онъ сталъ признавать совершенно излишнимъ и самую эту книгу называлъ «хлопотницею». Наконецъ, однажды, онъ созвалъ своихъ послѣдователей и объявилъ имъ, что вслѣдствіе своей божественности онъ будетъ судить дѣла всей вселенной [2]). По отзывамъ самихъ духоборцевъ, «задудурилъ старикъ». Въ подражаніе Іисусу Христу онъ избралъ себѣ изъ своихъ послѣдователей 12 апостоловъ и назвалъ ихъ архангелами. Затѣмъ избралъ еще 12 «смертоносныхъ ангеловъ». Первые помогали ему въ распространеніи ученія, а обязанностью послѣднихъ было преслѣдованіе тѣхъ, которые, принявъ ученіе, потомъ измѣняли ему.

---

1) *Новицкій*, стр. 225, 229.
2) *Максимовъ*: «За Кавказомъ», стр. 97—98.

Провозглашеніе себя Христомъ не прошло, однако, Побирохину даромъ, особенно когда онъ вошелъ въ роль и «задурилъ». Зять его, Семенъ Уклеинъ, бывшій ревностнымъ послѣдователемъ тестя, человѣкъ бывалый, начитанный въ Писаніи, искренній, возсталъ противъ запрещенія читать библію и противъ черезъчуръ ужь послѣдовательныхъ замашекъ Побирохина и увлекъ за собою немало недовольныхъ [1]). Такимъ образомъ, доселѣ неопредѣленная толпа съ замѣтными разномыслiями въ средѣ своихъ членовъ, разбилась на двѣ половины, каждая съ рѣзко опредѣленными пунктами несходства. Взаимная полемика, рѣзко опредѣлившіяся разницы въ ученіяхъ индивидуализировали теперь обѣ секты. Каждая внутри у себя стала однороднѣе, послѣдовательнѣе и фактичнѣе въ виду возраженій и соревнованія другой. Послѣдователи Побирохина и Уклеина рѣзко разошлись между собою даже въ житейскихъ отношеніяхъ. Когда «духовные христіане» (молокане), смѣшивавшіеся съ духоборцами, въ 1804—5 г. по приказанію правительства стали переселяться на Молочныя Воды, то духоборцы-переселенцы рѣшительно отказались принять ихъ въ свою общину. Да и вообще, гдѣ только духоборцамъ и молоканамъ приходилось жить совмѣстно, тамъ постоянно возникали между ними споры, взаимная вражда и насилія и все это разрѣшалось, въ концѣ-концовъ, жалобами по начальству [2]). Даже теперь, почти столѣтіе спустя послѣ раздѣленія, духоборцы считаютъ молоканъ отступниками отъ своей вѣры, а молокане, наоборотъ, духоборцевъ. Обѣ секты ненавидятъ одна другую [3]).

Смѣлая и широко распространившаяся пропаганда Побирохина привлекла на него, наконецъ, вниманіе духовенства. Побирохинъ былъ взятъ, преданъ суду и сосланъ съ дѣтьми и нѣкоторыми изъ своихъ «апостоловъ» въ Сибирь [4]). Это былъ уже не первый примѣръ «мученичества» послѣдователей духоборчества. Секта—сложилась.

И. Харламовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) *Максимовъ.* Ibid. *Отеч. Зап.* 1869 г., № 6, стр. 298—299. *Правосл. Собесѣд.* 1858 г., № 9, стр. 45—51.

[2]) *Новицкій*, стр. 82—83. *Гакстгаузенъ*: «Изслѣд. внутр. отнош. нар. жизни», т. I, стр. 253, 280—281.

[3]) *В. Верещагинъ*, ст. о «Духоборцахъ». *Спб. Вѣд.* 1867 г., № 226.

[4]) *Правосл. Собесѣд.* 1858 г., № 9, стр. 45.

Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстаго.

„Анна Каренина".

*(Окончаніе *).*

XXI.

Мнѣ снится, что я въ Россіи и будто со станціи желѣзной дороги ѣду на мужицкихъ саняхъ куда-то, къ кому-то, въ деревню. Ѣду, вспоминаю, и никакъ не могу припомнить, куда это я ѣду. Вѣдь, я такъ долго, такъ страстно объ этой поѣздкѣ мечталъ, и какъ же могъ я забыть? Постой... контрабандисты, г. Станкевичъ... Левинъ... Ахъ! вѣдь, это Левинъ: вѣдь, я ѣду къ Левину, къ Агафьѣ Михайловнѣ... Ахъ, какъ хорошо! Вотъ теперь я все узнаю, всѣ свои сомнѣнія разрѣшу окончательно. Вотъ отлично!... А вотъ уже и Покровское! Какъ здѣсь хорошо все: и волшебно какъ-то, и вмѣстѣ просто совсѣмъ.

Сани остановились у непокрытаго подъѣзда. «Только бы не слишкомъ сухо они со мною обошлись,—подумалъ я, входя въ высокія темныя сѣни.—Уйду въ свою раковину, не разговорюсь—такъ ни съ чѣмъ и уѣду, пожалуй».

Я сталъ снимать съ себя шубу, но въ эту минуту дверь отворилась и ко мнѣ подошелъ старый-престарый, сгорбленный, съ желтой сѣдиной, камердинеръ. Въ его привѣтливой, благообразной, несмотря на глубокую старость, наружности было что-то располагающее къ довѣрію — гостепріимно-радушное и

---

*) *Русская Мысль* 1883 г., кн. II, III и IV. Помѣщеніе этого окончанія статьи было задержано болѣзнью, а затѣмъ кончиною автора.

милое, что-то такое, теперь уже рѣдкое, старосвѣтское. Онъ помогъ мнѣ раздѣться и провелъ въ кабинетъ.

Кабинетъ былъ большой, и все въ немъ было такое же большое и старинное, какъ его высокія толстыя стѣны. У ближайшаго къ двери окна стоялъ простой письменный столъ, и на немъ не было ничего, кромѣ чернильницы, перьевъ, какихъ-то тетрадокъ и кипы разбросанныхъ, запыленныхъ бумагъ. «Вѣроятно, это его трактатъ о сельскомъ хозяйствѣ»,—подумалъ я, и сѣлъ на край большаго стараго кожанаго дивана, у стола, и невольно задумался.

Вотъ у этого стола Китти послѣ свадьбы сидѣла съ мужемъ и вырѣзывала broderie anglaise. Тутъ они и чай пили съ Агафьей Михайловной, въ тотъ вечеръ, когда получили письмо отъ Марьи Николаевны, что Левинъ Николай при смерти. И что теперь будетъ дѣлать бѣдная Долли? И какіе они всѣ теперь стали? Вѣдь, съ тѣхъ поръ, какъ гр. Толстой написалъ о нихъ романъ, прошло лѣтъ десять.

Вошелъ старикъ лакей и прервалъ мои размышленія.

— Пожалуйте наверхъ въ столовую. Дарья Александровна чай кушаютъ, васъ просятъ. Баринъ вышли, скоро придутъ.

Я пошелъ по лѣстницѣ наверхъ, и вдругъ напало на меня сомнѣніе. Вѣдь, я-то давно ихъ всѣхъ знаю и люблю, а они, вѣдь, меня не знаютъ. Пожалуй, еще будутъ недовольны. И такъ грустно мнѣ стало. «Ну, что-жъ,—попытался я себя утѣшить,—какъ бы ни приняли, ты останешься тѣмъ же и самъ къ нимъ не измѣнишься. Остальное ихъ уже дѣло. А для тебя важно одно: чтобы жить для Бога, для души».

Но всѣ мои опасенія оказались напрасны. Въ столовой, у стола съ большимъ самоваромъ, сидѣла Долли и разливала чай. Она была въ черномъ съ плерезами платьѣ—очевидно, въ траурѣ. По комъ это?... А вокругъ нея всѣ шестеро ея дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ были уже взрослые. На другомъ концѣ стола, противъ Долли, сидѣла Агафья Михайловна въ очкахъ и чепцѣ и вязала чулокъ. Долли повернулась ко мнѣ, и я сейчасъ узналъ ее по ея добрымъ грустнымъ глазамъ. Она очень постарѣла, и въ лицѣ не было и слѣдовъ прежней наклонности къ веселой, насмѣшливой шуткѣ. Она казалась убитою горемъ. «Ужь не умеръ ли Стива?»—подумалъ я. Агафья Михайловна нисколько не измѣнилась, только согнулась немножко. Младшія дѣти Долли, не признавая никакихъ законовъ, жгли малину на свѣчкѣ, пускали молоко фонтаномъ

въ ротъ и на мое появленіе и поклонъ не обратили никакого вниманія.

— Вы къ Константину Дмитричу? — сказала Долли тихимъ голосомъ.—Онъ сейчасъ придетъ. Онъ вышелъ только приказать что-то на завтра прикащику. Не хотите ли чаю? Услыхавъ вашъ колокольчикъ, я подумала, ужь не вернулась ли это сестра со своими дѣтьми изъ-за границы.

Послышались шаги быстро и легко взбѣгавшаго по лѣстницѣ человѣка.

— А! вотъ и онъ! Костя, вотъ гость къ тебѣ.

Левинъ подошелъ ко мнѣ, и на мгновеніе его сѣрые глаза взглянули на новое лицо старчески внимательно и строго. Но сейчасъ же потомъ онъ улыбнулся съ спокойной, привѣтливой лаской.

— Я знаю васъ немножко. Я зналъ вашего отца, ѣздилъ съ нимъ на медвѣдей и разъ былъ у васъ въ домѣ. Тогда вы были, пожалуй, еще меньше этого философа,—и онъ показалъ на младшаго племянника, бѣлокураго мальчика лѣтъ четырехъ.—Но разскажите, какъ вы попали въ наше деревенское царство? Откуда вы пріѣхали?

— Я живу въ Малороссіи, на австрійской границѣ. По дорогѣ заѣзжалъ еще въ Москву и Петербургъ. Мнѣ хотѣлось ужасно васъ увидѣть — поговорить объ эпилогѣ романа, написаннаго о васъ графомъ Толстымъ, и еще о г. Станкевичѣ.

— Что такое г. Станкевичъ?—сказалъ Левинъ и нахмурился.—Я не слыхалъ, кажется, такой фамиліи.

— Развѣ вы не читали? Вѣдь, это нашъ знаменитый критикъ изъ *Вѣстника Европы*. Неужели вы не знаете? Вѣдь, онъ объ васъ писалъ, не совсѣмъ основательно, правда, но не безъ остроумія.

— Я никогда не читаю ничего изъ того, что обо мнѣ пишутъ. И я очень сержусь на гр. Толстаго, что онъ представилъ меня въ своемъ романѣ. Пріѣхалъ, познакомился, влѣзъ въ мою душу и потомъ изобразилъ въ смѣшномъ еще видѣ. Это очень дурно съ его стороны. Я очень любилъ его прежде, но теперь прекратилъ съ нимъ всякія отношенія. Пренепріятный оказался человѣкъ.

— Ахъ, помилуйте, Константинъ Дмитричъ, это совсѣмъ не такъ было...

— Что вы мнѣ говорите!—перебилъ меня Левинъ, и въ его

голосѣ послышалось раздраженіе, которое онъ не сразу могъ подавить.—Я не читалъ, но я отлично знаю. Меня осмѣяли во всѣхъ толстыхъ журналахъ. Кто же въ этомъ виноватъ, какъ не гр. Толстой?

— Нѣтъ, Константинъ Дмитричъ, повѣрьте, что гр. Толстой нисколько тутъ не виноватъ. Совсѣмъ напротивъ. Это не онъ—онъ, напротивъ, очень васъ любитъ. Это только толстые журналы не поняли его, исказили его мысль. Они не васъ, они собственную свою ошибку осмѣяли, самихъ себя. Увѣряю васъ. Я по себѣ знаю: я никогда бы къ вамъ не пріѣхалъ, я никогда не могъ бы полюбить васъ за глаза, если бы гр. Толстой не писалъ о васъ...

Левинъ сидѣлъ, крѣпко нахмуривъ свои большія съ просѣдью брови, и изрѣдка полусердито, полувыжидательно косился на меня. Вѣроятно, не слова мои, а убѣжденный тонъ мой поколебалъ слегка его предубѣжденіе къ гр. Толстому.

Долли вышла съ дѣтьми и Агафьей Михайловной, и мы остались одни.

— Константинъ Дмитричъ,—обратился я къ Левину,—отчего княгиня въ траурѣ?

Левинъ посмотрѣлъ на меня серьёзно и строго.

— Она потеряла недавно мужа и родителей.

— А что Львовы?—спросилъ я.

— Львовъ получилъ мѣсто посла и теперь живетъ съ женой въ Италіи. Китти съ дѣтьми теперь у нихъ въ Римѣ. Долго что-то загостилась.

— А Алексѣй Александровичъ?—спросилъ я съ возрастающимъ страхомъ.

— Каренинъ получилъ размягченіе мозга. Его помѣстила графиня Лидія Ивановна гдѣ-то въ Швейцаріи у одного знаменитаго психіатра и сама поселилась около него. Она тоже непрочна. И Каренинъ не долго проживетъ. Слѣдинъ говорилъ мнѣ надняхъ, что его смерти ждутъ со дня на день. Они вмѣстѣ съ его другимъ другомъ, извѣстнымъ петербургскимъ врачемъ, поѣхали теперь проститься съ нимъ.

Мнѣ стало ужасно грустно. Какъ все ужасно разыгралось! И какъ хорошо, что Левины, что Долли, что всѣ они еще живы! И отчего, и чѣмъ они живы? Левинъ, уже не дожидаясь вопросовъ моихъ, самъ продолжалъ:

— Вронскій сдѣлалъ всю сербскую и всю турецкую кампаніи и подъ Санъ-Стефано умеръ отъ пятнистаго тифа. Жена

его брата ѣздила за тѣломъ его и похоронила его въ Петербургѣ рядомъ съ могилой Анны Аркадьевны.

— Братецъ Сергѣй Ивановичъ напечаталъ окончаніе *Опыта обзора основъ*, — продолжалъ Левинъ съ доброй хитрой усмѣшкой,—и играетъ видную роль теперь въ славянскомъ комитетѣ.

— А Марья Николаевна?—робко обратился я къ Левину.

Лицо Левина опять сдѣлалось серьезно и строго.

— Она была, вмѣстѣ съ Варенькой, сестрой милосердія на войнѣ, и теперь они вмѣстѣ живутъ въ Петербургѣ, въ санитарной общинѣ, которая борется противъ дифтерита. Онѣ изрѣдка пишутъ намъ... Слава Богу... онѣ обѣ живы и здоровы...

«Ахъ, какъ это хорошо!»—подумалъ я.

XXII.

Мы пошли въ кабинетъ Левина покурить.

— Сядемте здѣсь на диванъ. Здѣсь очень уютно. Петръ, кстати, догадался каминъ затопить. Вы что-то начали говорить о какомъ-то г. Станкевичѣ.

— Ахъ, да. Я не понимаю людей, которые такъ глубоко вѣруютъ въ человѣческую науку. Вотъ тоже и господинъ Станкевичъ. Онъ...

— Ахъ, это такъ просто совсѣмъ,—перебилъ меня Левинъ и улыбнулся.—Это потому, что имъ анатоміи разныя, біологіи, соціологіи и другія логіи дороже вопросовъ о душѣ.

Левинъ помолчалъ, потомъ всталъ, поколотилъ краснымъ огнемъ, съ синимъ сіяніемъ, задумчиво тлѣвшіе угли стальной кочергой съ новой золоченою ручкой, и долго стоялъ и смотрѣлъ въ огонь, котораго колебавшіеся цвѣта и шорохъ какъ будто бы о чемъ-то ему говорили. Я смотрѣлъ на миръ и глубокую мысль его лица, и самъ въ своей метающейся душѣ ощущалъ впервые спокойствіе и миръ.

— Я также вопрошалъ человѣческое знаніе, — продолжалъ Левинъ задумчивымъ голосомъ.—Я искалъ объясненія на вѣчные вопросы жизни во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыя пріобрѣли люди. И я мучительно и долго искалъ, и не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно и упорно, дни и ночи,—искалъ, какъ ищетъ погибающій человѣкъ спасенія — и ничего, ничего не нашелъ. Я искалъ во всѣхъ знаніяхъ, и не только не нашелъ, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же,

какъ я, искали въ знаніи, точно также ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня въ отчаяніе—безсмыслица жизни—есть единственное, несомнѣнное знаніе, доступное человѣку.

— Вы говорите по поводу вашего эпилога у гр. Толстаго? Какъ я радъ! Это и былъ другой вопросъ, за разрѣшеніемъ котораго я къ вамъ пріѣхалъ.

— Да. Я искалъ вездѣ,—продолжалъ Левинъ, видимо недовольный тѣмъ, что я прервалъ теченіе его мысли.—И благодаря жизни, проведенной въ ученіи, а также тому, что, по связямъ моимъ съ Кознышевымъ, Метровымъ и Катавасовымъ, мнѣ были доступны сами ученые всѣхъ разнообразныхъ отраслей знанія, не отказывавшіе открывать мнѣ всѣ свои знанія не только въ книгахъ, но и бесѣдахъ, я узналъ все то, что на вопросы жизни отвѣчаетъ знаніе. Долго я никакъ не могъ повѣрить тому, что знаніе ничего другаго не отвѣчаетъ на вопросы жизни, какъ то, что оно отвѣчаетъ. Долго мнѣ казалось, вглядываясь въ важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положенія, не имѣющія ничего общаго съ вопросами человѣческой жизни, что я чего-нибудь не понимаю. Долго я робѣлъ передъ знаніемъ, и мнѣ казалось, что несоотвѣтственность отвѣтовъ моимъ вопросамъ происходитъ не по винѣ знанія, а отъ моего невѣжества. Но дѣло было для меня не шуточное, не забава, а дѣло всей моей жизни, и я волей-неволей былъ приведенъ къ убѣжденію, что вопросы мои — одни законные вопросы, служащіе основаніемъ всякаго знанія, и что виноватъ не я съ моими вопросами, а наука, если она имѣетъ притязательность отвѣчать на эти вопросы.

Левинъ вдругъ пришелъ въ волненіе и замолчалъ. Помѣшавъ въ каминѣ и присмотрѣвшись снова къ его кровавому съ синими и бѣлыми переливами пламени, онъ успокоился и продолжалъ:

— Вопросъ мой,—тотъ, который нѣсколько разъ держалъ меня на волоскѣ отъ самоубійства,—былъ самый простой вопросъ, лежащій въ душѣ каждаго человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца,—тотъ вопросъ, безъ котораго жизнь невозможна, какъ я и испыталъ на дѣлѣ. Вопросъ состоитъ въ томъ: что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра,—что выйдетъ изъ всей моей жизни? Иначе выраженный, вопросъ будетъ такой: зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ что-нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать? Еще иначе выразить

вопросъ можно такъ: есть ли въ моей жизни такой смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжной предстоящей мнѣ смертью?... На этотъ-то одинъ и тотъ же, различно выраженный, на этотъ именно вопросъ я искалъ отвѣта въ человѣческомъ знаніи. И я нашелъ, что по отношенію къ этому вопросу всѣ человѣческія знанія раздѣляются какъ бы на двѣ противуположныя полусферы, на двухъ противуположныхъ концахъ которыхъ находятся два полюса: одинъ отрицательный, другой положительный; но что ни на томъ, ни на другомъ полюсѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы жизни. Одинъ рядъ знаній какъ бы и не признаетъ вопроса, но за то ясно и точно отвѣчаетъ на свои независимо поставленные вопросы: это—рядъ знаній опытныхъ, и на крайней точкѣ ихъ стоитъ математика; другой рядъ знаній признаетъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него: это—рядъ знаній умозрительныхъ, и на крайней ихъ точкѣ—метафизика...

Я, глядя въ каминъ, слушалъ Левина съ величайшимъ вниманіемъ и возрастающимъ удовольствіемъ. Это было совершенно такъ, какъ и я думалъ въ послѣдніе годы. Вдругъ горка раскаленныхъ углей развалилась: нижній кусокъ, истлѣвъ, провалился черезъ рѣшетку въ подолъ камина. Горка разсыпалась, и одинъ изъ верхнихъ угольковъ, вспыхивая и потрескивая на лету, упалъ на полъ и подкатился къ ногамъ Левина. Впечатлѣніе горки, въ ея ancien régime, ассоціировалось съ мыслями о разсказѣ Левина, и я, въ досадѣ на происшедшую въ каминѣ революцію, которая разбила теченіе моей мысли, хотѣлъ было раздавить уголекъ собственнымъ сапогомъ.

Левинъ засмѣялся.

— Эге, какой вы неловкій господинъ!—сказалъ онъ, милой улыбкой смягчая свое замѣчаніе.—Вы, должно быть, очень непрактичный человѣкъ. Я объ этомъ еще тогда подумалъ, когда вы говорили въ столовой, что, отправившись съ австрійской границы сюда, вы по дорогѣ заѣзжали въ Москву, т.-е. совсѣмъ въ другую сторону,—сказалъ онъ, сгребая уголь двумя какими-то мудреными лопаточками.

— Это вышло совсѣмъ нечаянно,—отвѣчалъ я, сконфузившись.—Я ѣхалъ собственно не въ Москву, а къ вамъ въ Покровское. Но я очень интересовался отношеніемъ нашихъ писателей къ вамъ, и, не довольствуясь газетными и журнальными свѣдѣніями, ѣздилъ въ Москву и Петербургъ побесѣдовать лично съ представителями разныхъ литературныхъ партій.

Левинъ чему-то засмѣялся еще добродушнѣе и потомъ прибавилъ серьезно:

— Я тоже люблю изучать вещи изъ первыхъ рукъ, изъ жизни, а не изъ книгъ. Вотъ и въ томъ, о чемъ я началъ говорить, мнѣ очень много помогли живыя наблюденія надъ Катавасовымъ и моимъ почтеннѣйшимъ и ученѣйшимъ братцемъ Сергѣемъ Ивановичемъ Кознышевымъ.

Левинъ задумался.

— Напримѣръ, Катавасовъ,—продолжалъ Левинъ.—Я долго, вѣдь, былъ подъ его вліяніемъ, когда мы оба были еще молодыми студентами. Я долго вѣрилъ слѣпо въ его теорію слѣдующаго приблизительно содержанія: «Все развивается, дифференцируется, идетъ къ усложненію и усовершенствованію, и есть законы, руководящіе этимъ ходомъ. Ты—часть цѣлаго. Познавъ, насколько возможно, цѣлое и познавъ законъ развитія, ты познаешь и свое мѣсто въ этомъ цѣломъ, и самого себя». Какъ ни совѣстно мнѣ признаться, но было время, когда я удовлетворялся этой теоріей. Это было то самое время, когда я самъ усложнялся и развивался. Мускулы мои расли и укрѣплялись, память обогащалась, способность мышленія и пониманія увеличивалась. Я росъ и развивался и, чувствуя въ себѣ этотъ ростъ, мнѣ естественно было думать, что это-то и есть законъ всего міра, въ которомъ я найду разрѣшеніе вопросовъ и моей собственной жизни. Но пришло время, когда ростъ во мнѣ прекратился—я почувствовалъ, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабѣютъ, зубы падаютъ,—и я увидалъ, что этотъ законъ не только ничего мнѣ не объясняетъ, но что и закона такого никогда не было и не могло быть, а что я принялъ за законъ то, что нашелъ въ себѣ въ извѣстную пору своей жизни. Я строже отнесся къ опредѣленію этого закона, и мнѣ ясно стало, что законовъ безконечнаго развитія не можетъ быть; ясно стало, что сказать: въ безконечномъ пространствѣ и времени все развивается, совершенствуется, усложняется, дифференцируется,—это значитъ ничего не сказать. Все это—слова безъ значенія, ибо въ безконечномъ нѣтъ ни сложнаго, ни простаго, ни лучше, ни хуже.

Я, невольно улыбаясь, подтвердительно кивнулъ головой, не рѣшаясь словами выразить своего сочувствія. Левинъ строго сдвинулъ брови и рѣшительно продолжалъ:

— Главный же результатъ катавасовской философіи былъ

тотъ, что вопросъ мой, главнѣйшій для души вопросъ: что такое я съ моими желаніями?—оставался ужь совсѣмъ безъ отвѣта. И я понялъ, что знанія эти очень интересны, очень привлекательны, но что точны и ясны эти знанія обратно пропорціонально ихъ приложимости къ вопросамъ жизни: чѣмъ менѣе они приложимы къ вопросамъ жизни, тѣмъ они точнѣе и яснѣе; чѣмъ болѣе они пытаются давать рѣшенія на вопросы жизни, тѣмъ болѣе они становятся неяснымп и непривлекательными. Если обратиться къ той отрасли этихъ знаній, которыя пытаются давать рѣшенія на вопросы жизни,—къ физіологіи, психологіи, біологіи, соціологіи,—то тутъ встрѣчаешь поразительную бѣдность мысли, величайшую неясность, ничѣмъ не оправданную притязательность на разрѣшеніе неподлежащихъ такому методу вопросовъ, и безпрестанныя еще противорѣчія одного мыслителя съ другимъ и даже съ самимъ собою. Если...

— Ахъ!—не выдержалъ я и прервалъ Левина.—Ахъ! какъ вы это хорошо сказали!—кричалъ я въ восторгѣ.—Вѣдь, я тоже всегда именно это самое думалъ. Меня всегда поражало, какъ такіе несомнѣнно серьезные умы, какъ Милль, Контъ и Спенсеръ, съ такой удивительной важностью часто говорятъ такія просто на просто ребенку непростительныя глупости. И еще изумляло меня то подобострастіе, съ какимъ въ нашей публикѣ эти глупости повторяютъ, именно эти-то глупости и поставляя своимъ идоламъ въ величайшую заслугу. Да, именно, именно—бѣдность, скудость ужасная мысли! Именно величайшая неясность, претензіи огромныя на ходуляхъ изъ подгнившаго дерева! Помните у Спенсера теорію материнскаго чувства или женскаго состраданія—изъ какихъ гадостей онъ ихъ объясняетъ... Или у Милля теорія счастья! Чортъ... чортъ знаетъ что такое! Или это дурацкая теорія прогресса у Конта! Боже мой, что это за безсмыслица! Если можно быть къ ней сколько-нибудь снисходительнымъ, то только за то, что конечный ея результатъ есть возведеніе въ боги самого ея автора. Потому что авторъ этой философіи прогресса дѣйствительно божество для нашего безсмысленнаго вѣка. У Спенсера, впрочемъ, та же философія дифференцирована много превосходнѣе, но почему-то онъ не пошелъ далѣе генерала. И то сказать—генералъ тоже въ своемъ родѣ нѣкоторый богъ...

Сѣдыя брови нахмурились ужасно строго.

«Вѣроятно,—подумалъ я,—Левинъ разсердился за мою дикость и рѣзкость».

— Извините, пожалуйста, я перебилъ вашъ интересный разсказъ. Въ обществѣ всегда приходится сдерживаться. Вѣдь, это состояніе, впрочемъ, хорошо вамъ знакомо. Въ нашемъ обществѣ, вы знаете, очень много радикаловъ, порядочное количество Катавасовыхъ и Кознышевыхъ, и не достаетъ только самаго маленькаго—людей. Людей слишкомъ, слишкомъ ужь мало. Когда, наконецъ, увидишь человѣка, становишься нетерпѣливъ, какъ сильно проголодавшійся охотникъ въ виду дымящагося тонкаго блюда... Вы, кажется, начали говорить, что если обратиться къ отрасли знаній, не занимающихся разрѣшеніемъ вопросовъ жизни, но отвѣчающихъ на свои научные спеціальные вопросы, то восхищаешься силой человѣческаго ума, но знаешь напередъ, что отвѣтовъ на вопросы жизни нѣтъ?

— Да,—сказалъ Левинъ,—это моя мысль, мои слова. И эти знанія, дѣйствительно, прямо игнорируютъ вопросы жизни. Они, эти знанія, какъ будто издѣваются надъ каждымъ истинно алкающимъ правды, какъ гоголевскій Иванъ Никифоровичъ надъ голодной нищей старухой. Эти науки говорятъ такъ: «На то, что ты такое и зачѣмъ ты живешь, мы не имѣемъ отвѣтовъ; мы этими пустяками не занимаемся. А вотъ если тебѣ нужно узнать законы свѣта, химическихъ соединеній, законы развитія организмовъ, если тебѣ нужно знать законы тѣлъ, ихъ формъ и отношеній чиселъ и величинъ, если тебѣ нужно знать законы своего ума, то это мы съ нашимъ удовольствіемъ, въ лучшемъ видѣ готовы тебѣ предоставить: на все это у насъ есть ясные, точные и несомнѣные отвѣты». Вотъ и Катавасовъ: онъ такъ прямо и говоритъ, и еще смѣется прямо въ глаза.

— Это вы очень хорошо сказали, Константинъ Дмитричъ. И это очень многое объясняетъ мнѣ также и въ моемъ недоумѣніи относительно г. Станкевича. Теперь его самоувѣренность, его непоколебимая вѣра въ разсудокъ сдѣлалась почти совершенно для меня понятной. Вопросы о вибраціяхъ свѣтоваго эѳира, химическихъ соединеніяхъ и т. д. этимъ людямъ дороже вопросовъ о душѣ. Теперь я все почти въ нихъ понимаю.

— Однако, какъ вы раздражены противъ г. Станкевича; нѣтъ, нѣтъ и вспомните про него. Что такъ? За что вы такъ на него разсердились?

— Я? Я совсѣмъ не сержусь на него, и у меня нѣтъ рѣшительно никакого личнаго къ нему ни раздраженія, ни неудовольствія. Я не виноватъ, что его устами говоритъ большинство

пишущей, печатающей и читающей современной Россіи. Я, напротивъ, чрезвычайно даже благодаренъ ему, что онъ, хотя и неосновательно, но съ несомнѣннымъ, если не умомъ, то, все-таки, остроуміемъ и обдуманностью выразилъ общераспространенное мнѣніе, противъ котораго, не соглашаясь съ нимъ, я могу и долженъ спорить. Я только благодаренъ г. Станкевичу за то, что могу смотрѣть на него, какъ на лицо собирательное, какъ на типическое выраженіе отношенія русской публики къ философіи Константина Дмитрича Левина. И еще долго такъ будетъ. Долго еще люди будутъ считать Катавасовыхъ и Кознышевыхъ идеалами человѣческой мудрости.

— Вы правы,—сказалъ Левинъ.—Кознышевъ только видоизмѣненіе Катавасова. Мудрость Кознышева сводится къ слѣдующему: «Все человѣчество живетъ и развивается на основаніи духовныхъ началъ, идеаловъ, руководящихъ его. Эти идеалы выражаются въ религіяхъ, въ наукахъ, искусствахъ, формахъ государственности. Идеалы эти все становятся выше и выше, и человѣчество идетъ къ высшему благу. Я часть человѣчества и потому призваніе мое состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать сознанію и осуществленію идеаловъ человѣчества». Долженъ сознаться, было время, когда я вѣрилъ и этому. Это было то время, когда у меня были свои излюбленные идеалы, оправдывавшіе мои прихоти, и я старался придумать такую теорію, по которой я могъ бы смотрѣть на свои прихоти, какъ на законъ человѣчества. Но какъ скоро возстали въ моей душѣ вопросы жизни во всей ясности, отвѣтъ этотъ сейчасъ же разлетѣлся прахомъ. Не говоря о моей недобросовѣстной неточности, при которой знанія этого рода выдаютъ выводы, сдѣланные изъ изученія малой части человѣчества, за общіе выводы, не говоря о взаимной противорѣчивости разныхъ сторонниковъ этого воззрѣнія о томъ, въ чемъ состоятъ идеалы человѣчества,—странность, чтобы не сказать глупость, этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, предстоящій каждому человѣку: «что я такое», или: «зачѣмъ я живу», или: «что мнѣ дѣлать»,—человѣкъ долженъ прежде разрѣшить вопросъ, «что такое жизнь всего ему неизвѣстнаго человѣчества, изъ которой ему извѣстна одна крошечная часть въ одинъ крошечный періодъ времени?» Для того, чтобы понять, что онъ такое, человѣкъ долженъ прежде понять, что такое все это таинственное человѣче-

ство, состоящее изъ такихъ же людей, какъ и онъ самъ, не понимающихъ самихъ себя...

Левинъ вдругъ поблѣднѣлъ и замолчалъ. Потомъ продолжалъ голосомъ тихимъ отъ сдержаннаго негодованія:

— Но какъ въ области опытныхъ знаній человѣкъ, искренно спрашивающій, какъ ему жить, не можетъ удовлетвориться отвѣтомъ: изучи въ безконечномъ пространствѣ безконечныя по времени и сложности измѣненія безконечныхъ частицъ и тогда ты поймешь свою жизнь, точно также не можетъ искренній человѣкъ удовлетвориться отвѣтомъ: изучи жизнь всего человѣчества, котораго ни начала, ни конца мы не можемъ знать и малой части котораго мы не знаемъ, и тогда ты поймешь свою жизнь...

Философія Левина начинала мнѣ нравиться все больше и больше. Левинъ продолжалъ говорить, подбросивъ въ огонь огромный кусокъ угля.

— Философія ясно ставитъ вопросъ: что такое я и весь міръ? И зачѣмъ я, зачѣмъ весь міръ? И съ тѣхъ поръ, какъ она есть, она отвѣчаетъ всегда одинаково. Идеи ли, субстанцію ли, духъ ли, волю ли называетъ философія сущностью жизни, находящеюся во мнѣ и во всемъ существующемъ, философъ говоритъ одно: что эта сущность есть и что я есть та же сущность; но зачѣмъ она, онъ не знаетъ и не отвѣчаетъ, если онъ точный мыслитель. Я спрашиваю: зачѣмъ быть этой сущности? Что выйдетъ изъ того, что она есть и будетъ?... И философія не только не отвѣчаетъ, а сама только это и спрашиваетъ. И если она истинная философія (тутъ Левинъ возвысилъ свой голосъ), то *вся ея работа только въ томъ и состоитъ, чтобы ясно поставить этотъ вопросъ*. И если она твердо держится своей задачи, то она и не можетъ отвѣчать иначе на вопросъ: что такое я и весь міръ?—какъ—«все и ничто», а на вопросъ: зачѣмъ существуетъ міръ и зачѣмъ существуя я?—«не знаю». Такъ что, какъ ни верти умозрительными отвѣтами философіи, я никакъ не получу ничего похожаго на отвѣтъ,—и не потому, что—какъ въ области ясной, опытной—отвѣтъ относится не до моего вопроса, а потому, что тутъ, хотя вся работа умственная направлена именно на мой вопросъ, отвѣта нѣтъ, а вмѣсто отвѣта получается тотъ же вопросъ, только въ усложненной формѣ. И если есть люди, которые удовлетворяются этимъ новымъ вопросомъ, принимая его за отвѣтъ, то только потому, что имъ

не отвѣтъ дорогъ, а это дурацкое дифференцированіе мысли; имъ дорогъ самый процессъ безплоднаго умствованія, и они рады тянуть его до безконечности, въ довершеніе абсурда принимая за условную истину каждый фазисъ этого своего процесса. И удовлетворяются этой условной истиной, и еще гордятся тѣмъ, что ихъ истина условна, и смѣются надъ тѣми, кто хочетъ истины абсолютной. Вотъ и братецъ Сергѣй Ивановичъ такой въ его философіи.

— Да, да,—не выдержалъ я опять.—Это совсѣмъ какъ Кантъ, который говорилъ, что человѣку дорога не истина, а исканіе истины, и еслибъ человѣкъ какимъ-нибудь чудомъ нашелъ ее, то сталъ бы несчастнымъ. И Кознышевъ тоже. И г. Станкевичъ тоже самое думаетъ, должно быть. Теперь я совершенно все уже о немъ понимаю. Я не понимаю только, отчего вы, Константинъ Дмитричъ, сердитесь такъ напрасно на гр. Толстаго. Вѣдь, онъ очень вѣрно передалъ всѣ ваши мысли, только вкратцѣ. И въ этомъ онъ также не виноватъ: хорошо и то, что онъ далъ понять вашу точку зрѣнія въ ея настоящемъ свѣтѣ. Нельзя же ему было помѣстить въ романѣ философскій трактатъ. Помните, какъ его бранили прежде за его философію въ *Войнѣ и мирѣ*.

Левинъ промолчалъ, но видно было, что онъ начинаетъ немного сдаваться. Онъ старался скрыть, что немного сконфуженъ чѣмъ-то. Вѣроятно, онъ начиналъ догадываться, что былъ не совсѣмъ справедливъ къ гр. Толстому.

— Пожалуйте кушать. Дарья Александровна просятъ,—доложилъ незамѣтно вошедшій Петръ.

XXIII.

Въ столовой сидѣли Агафья Михайловна и Долли. Старушка разрѣзывала холодный ростбифъ, а Долли, слегка сгорбившись, сидѣла въ креслахъ, поставленныхъ бокомъ къ столу, и что-то читала.

— Ну, что, кончили все говорить о гр. Толстомъ?—спросила насъ Долли.

— Нѣтъ, мы еще только начинаемъ до него добираться, — сказалъ Левинъ, изрѣдка, незамѣтно для Долли, вглядываясь внимательно въ выраженіе ея лица.

Долли положила книгу на колѣни и, повернувъ къ намъ свое

лицо, поразившее меня новой чертой совершеннаго спокойствія въ его тонкой, совсѣмъ духовной красотѣ, тихо сказала:

— Я всегда спорю съ Костей и стараюсь ему доказать, что именно насмѣшка газетъ и журналовъ—лучшая похвала гр. Толстому, той части его книги, которая написана о Костѣ. — И Долли посмотрѣла на Левина съ грустной и нѣжной улыбкой.— Я знаю это по себѣ,—продолжала она.—Я за то больше всего и люблю гр. Толстаго, что онъ представилъ меня такою, что на меня никто не обратилъ никакого вниманія. Я совсѣмъ не гордая. Но я вижу, что огромное большинство людей... почти всѣ цѣнятъ, кто потоньше—талантъ, умъ, волю сильную, характеръ живой и веселый, красоту, кто пожестче — вліяніе, положеніе, власть, кто погрубѣе — деньги, происхожденіе, и очень немногіе, почти никто не цѣнитъ того, что одно только и имѣетъ достоинство... по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ. И поэтому я всегда рада, когда... меня не замѣчаютъ... какъ прежде всегда была рада, когда бывала несчастлива, — прибавила она совсѣмъ уже тихо, и помолчала.

— Я все,—продолжала она,—я все—и умъ, и поэтическій даръ, и знаніе, и власть, и славу безсмысленную и ничтожную,— все это, не задумываясь, отдала бы сейчасъ за маленькій кусочекъ человѣческаго сердца — за то, гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей...

Послѣднія слова она сказала какъ-то особенно, какъ будто бы въ комнатѣ никого не было, кромѣ ея души и ея воспоминаній.

— И я знаю, что и Костя также смотритъ. Онъ также дорожитъ только душою и сердцемъ. Но онъ мужчина и, какъ мужчина, не можетъ отдѣлаться отъ самолюбія, котораго я горжусь, что не имѣю, т.-е. гордилась бы, если бы могла чѣмъ-нибудь гордиться. Костя никакъ не хочетъ понять, что именно смѣхъ и пренебреженіе, именно презрѣніе и враждебность ничтожества къ его тонкому сердцу, къ его глубокому уму возносятъ его такъ необыкновенно высоко. Иногда мнѣ кажется, что онъ нарочно хочетъ этого не понимать.

Левинъ былъ тронутъ и сконфуженъ.

— Долличька дорогая,—сказалъ онъ вдругъ голосомъ, полнымъ необыкновенной задушевности.—Твои добрыя слова и голосъ твой дѣйствуютъ на меня неотразимо. Но ты женщина и забываешь одно. Намъ, мужчинамъ, ничего нѣтъ тяжелѣе, какъ

видѣть дѣятельность свою безплодной, какъ видѣть всю жизнь, что мыслей твоихъ, которыя тебѣ такъ дороги, никто не только не раздѣляетъ, но даже понять-то на минуту какъ слѣдуетъ не хочетъ. И повѣрь, мужчинѣ это тяжелѣе всего, тяжелѣе даже несчастья въ женской любви. Когда Китти мнѣ отказала, то знаешь, мнѣ было ужасно больно — невыносимо. Но эта ужасная боль была ничтожествомъ въ сравненіи съ тѣмъ, что я испытывалъ прежде, видя, что то самое, что ты съ такимъ страданіемъ сомнѣній, съ такою ужасною жаждою истины, съ такою готовностью все для нея отдать, — выносилъ въ своей душѣ, и что тебѣ несомнѣнно дороже всей жизни, становится вдругъ посмѣшищемъ для всѣхъ... И, вѣдь, я все это пережилъ уже. Я съ этимъ примирился давно. Я давно уже выучился презирать эти вещи и идти впередъ одиноко, живя для одной только души. Но когда при мнѣ говорятъ, я вспоминаю все, что пережилъ, и въ эти минуты не могу не раздражаться. И ты, Долли, должна понять это, наконецъ, и на меня больше за это не сердиться.

Левинъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Долли слѣдила за нимъ своими грустными глубокими глазами и качала головой.

— Ахъ, какой ты, какой ты смѣшной! Ты ничего, ничего не понимаешь,—сказала она съ нѣжной, грустной улыбкой.—Ты не понимаешь, что и этимъ ты долженъ гордиться. Это все потому, что ты думаешь сердцемъ, а эти скучные господа — однимъ пустымъ разсужденіемъ. И твое чуткое сердце видитъ такъ далеко, что они съ своимъ сухимъ разсужденіемъ никакъ за тобой не могутъ поспѣвать. И не понимаютъ. Ихъ мысли на одинъ день, а твои останутся навсегда. Это такъ просто, такъ просто, что я удивляюсь, какъ ты, такой умный и серьезный, этого не понимаешь. И какъ сердца они не цѣнятъ, такъ и истекающихъ изъ сердца мыслей они не поймутъ. Ты сердцемъ своимъ ясновидящимъ узнаешь сердца, мысли, дѣла, желанія и страсти людей, и цѣна твоего знанія, незамѣтная теперь, съ каждымъ годомъ будетъ возрастать.

Брови, ужасно нахмуренныя, вдругъ разгладились и сѣрые глаза просвѣтлѣли.

— Если бы такъ. Совѣстно какъ-то этому вѣрить. А хотѣлось бы...

— Если бы ты говорилъ языкомъ ангеловъ и людей, но не имѣлъ бы любви, то слово твое было бы только—колоколъ звенящій и мѣдь бряцающая...—И голосъ Долли сталъ едва слы-

шенъ отъ глубокаго чувства.—И люди въ суетѣ своей не замѣчаютъ, чѣмъ живутъ, и слышатъ только серебро и мѣдь бряцающія и звенящія. И ты, имѣя любовь и говоря людямъ о любви, радуйся и не сердись, что они за то ненавидятъ тебя и презираютъ. И если гр. Толстой представилъ тебя такъ, что тебя осмѣяли, то это только доказываетъ, что онъ тебя угадалъ и вѣрно представилъ. И, значитъ, не гр. Толстой передъ тобою, а ты передъ гр. Толстымъ виноватъ, если сердишься на него.

— Вы согласны?—обратилась Долли ко мнѣ.

— Да, я совсѣмъ, совсѣмъ съ этимъ согласенъ. Я это и говорилъ Константину Дмитричу съ самаго начала. Я нахожу въ отношеніяхъ гр. Толстаго къ Константину Дмитричу только двѣ ошибки,—сказалъ я, обращаясь къ Долли.—Во-первыхъ, не было надобности скрывать, что Константинъ Дмитричъ писатель и художникъ; не было надобности и даже смысла скрывать то, что извѣстно всей Россіи. И отъ этого вышла маленькая неполнота, несоотвѣтствіе между характеромъ дѣйствующаго лица и жизнью его. Во-вторыхъ, онъ ничего не сказалъ о прежней жизни Константина Дмитрича, т.-е. о его прежней духовной жизни—и отсюда вышла опять маленькая неполнота, ослабляющая впечатлѣніе художественной необходимости образа: кажется, что онъ случайно, произвольно затесался въ романъ. Отъ этого явилась необходимость слишкомъ усиливать тонъ на тѣхъ моментахъ, которые онъ оставилъ, и вотъ послышалось многимъ что-то карикатурное тамъ, гдѣ въ сущности была одна только истина. И это было тѣмъ неудобнѣе, что косвенно ложилось маленькою тѣнью неумѣстной шутки на общую идею и результатъ всей жизни Константина Дмитрича. Потому что идея возвращенія отъ разсудочнаго къ религіозному міросозерцанію слишкомъ серьезна и глубока, чтобы было позволительно обставлять лицо, воплощающее эту идею, чѣмъ-либо смѣшнымъ,—хотя и мило смѣшнымъ, но все же смѣшнымъ,—обставлять это лицо чѣмъ-либо комическимъ, хотя бы въ незначительныхъ даже подробностяхъ...

— Вы правы,—замѣтилъ Левинъ,—но, становясь на такую точку зрѣнія, вы собственными руками разрушаете всю вашу прежнюю аргументацію защиты.

— Какъ?

— Очень просто. Гр. Толстой не могъ скрыть моихъ недостатковъ тамъ или слабостей. Если бы онъ это сдѣлалъ, онъ бы нарушилъ законы жизненной и художественной правды. И выхо-

дитъ то самое, въ чемъ я такъ тщетно старался убѣдить гр. Толстаго въ то время, когда его романъ печатался въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Выходитъ, что искусство, по крайней мѣрѣ, его традиціонная форма—художественная поэзія, не можетъ по существу своему служить религіознымъ цѣлямъ успѣшно. Непремѣнно выйдетъ уступка или религіи, или художественности, и въ обоихъ случаяхъ—ложь, потому что выйдетъ несоотвѣтствіе или содержанія формѣ, или, наоборотъ, формы содержанію. И вотъ за это то я и сержусь больше всего на гр. Толстаго, а вовсе не за то, что онъ представилъ меня смѣшнымъ, какъ по-женски думаетъ Долли.

— Извините меня, Константинъ Дмитричъ, но я этого никакъ не могу понять,—сказалъ я, пораженный такимъ оборотомъ разговора. Левинъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Это очень просто,—сказалъ онъ.—Искусство—это только пѣснь торжествующей любви, но не любви сыновъ человѣческихъ другъ къ другу, а любви льва къ своей львицѣ, воробья и оленя къ ихъ самкамъ и т. д., и т. д., и т. д. И это искусство, эта поэтическая пѣснь торжествующей половой любви—ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ пѣсни какой-нибудь птички, отъ пѣсни соловья, напримѣръ. Она очень музыкальна, эта пѣснь соловья, но она поетъ только о его чувственной любви къ его самкѣ, и еще развѣ о благоуханіи новой растительности, о красотѣ лунной ночи, объ ароматахъ весною и страстью весеннею напоеннаго воздуха. Эта пѣснь говоритъ только о востòргѣ его чувственной страсти, о радости, съ которой онъ исполняетъ законъ животной природы: живи, наслаждайся, плоди живое и размножай самого себя—и больше ничего. И поэзія человѣка тоже только это и говоритъ. И пѣснь какого-нибудь трубадура, ночью, при южной лу́нѣ въ лодкѣ какой-нибудь съ лебединой кормой, на озерѣ передъ фантастическимъ замкомъ, передъ террасой съ ступенями изъ мрамора, купающимися въ золотистой теплой водѣ, передъ какой-нибудь принцессой съ пепельными волосами и ангельскимъ лицомъ, — пѣснь французскаго поэта monsieur Тургенева (котораго гр. Толстой такъ любитъ, а я такъ ненавижу) на скрипкѣ съ пляшущими вокругъ змѣями, ящерицами, лягушками, съ одуряющими напитками своими дурманами вливающими новую духовную какую-то жизнь въ сонное тѣло обманомъ и чарами изнасилованной женщины,—эти пѣсни, право, не только не лучше, но гораздо, гораздо хуже пѣсни простаго курскаго

или даже нашего кашинскаго соловья. Увѣряю васъ. У соловья нѣтъ одуряющихъ напитковъ, ни яда, чтобы отравить соперника, ни змѣй и никакой другой чертовщины, ни шармановъ, ни арфы золотой, ни меча, ни шлема, ни шпоръ, ни кринолиновъ, корсетовъ, турнюровъ безобразныхъ, сюртуковъ, штановъ, галстуховъ дурацкихъ... Ахъ, какъ посмотришь разъ въ эти засаленныя карты—противно становится брать ихъ въ руки!

— Ахъ, это такъ трудно рѣшить! То, что вы сказали, очень меня поразило, Константинъ Дмитричъ. Тѣмъ болѣе, что вы какъ бы назвали словами то чувство, которое давно уже шевелится въ душѣ и у меня, но которому я боялся и теперь еще все боюсь вѣрить. Тутъ есть и правда, и большое преувеличеніе, и я еще не могу ихъ какъ слѣдуетъ различить. Напримѣръ, вѣдь, половая любовь не всегда торжествуетъ...

— Ну, что-жь? Тогда пѣснь ея будетъ пѣснью тоскующей, но все же любви—половой любви... И отдаленная цѣль ея—все то же торжество любви, торжество половаго подбора.

— Это такъ, но, вѣдь, у человѣка есть и другія цѣли, другія привязанности — другая любовь, кромѣ половой. Развѣ они не входятъ въ искусство?—Левинъ нахмурился.—Входятъ, конечно, т.-е. могли бы войти, но объ этомъ почти никто пока еще и не думаетъ. А потомъ эти иныя, внѣличныя цѣли всѣ цѣликомъ и въ наибольшей чистотѣ выражаются не въ искусствѣ, а въ другой, высшей области духа — въ религіозномъ чувствѣ, въ чистой проповѣди любви. Въ искусствѣ, въ поэзіи особенно, ихъ очень мало. И потому я не могу теперь безъ отвращенія вспомнить про мои одиннадцать томовъ, въ которыхъ такъ много половой любви и такъ мало христіанской...

— Тутъ очень глубокая мысль, Константинъ Дмитричъ, въ этихъ вашихъ словахъ. Но я все еще не могу ее какъ слѣдуетъ оцѣнить. Мнѣ это было бы легче, если бы вы согласились разсказать мнѣ отношеніе ваше къ христіанской любви въ вашей молодости. Вѣдь, гр. Толстой объ этомъ ничего не говорилъ въ своемъ романѣ...

— Это очень грустная исторія, и мнѣ больно о ней вспоминать. Но вы терпѣливый слушатель, и я разскажу. Кстати, и Долли еще ея не знаетъ.

— Хотя я былъ крещенъ и воспитанъ въ христіанской вѣрѣ,—продолжалъ Левинъ,—я никогда, однако, не вѣрилъ серьезно, а имѣлъ только довѣріе къ тому, чему меня учили, и тому, что

исповѣдывали передо мной большіе; но довѣріе это было очень шатко. И потому отпаденіе мое отъ вѣры произошло во мнѣ очень скоро такъ же, какъ оно происходило и теперь происходитъ въ большинствѣ людей нашего склада образованія. *Люди* живутъ такъ, какъ всѣ живутъ, и всѣ *живутъ на основаніи началъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ вѣроученіемъ, но большею частью противуположныхъ имъ. Вѣроученіе не участвуетъ въ жизни*, и въ сношеніяхъ съ другими людьми никогда не приходится сталкиваться и въ собственной жизни никогда самому не приходится справляться съ нимъ. *Вѣроученіе это исповѣдуется гдѣ-то тамъ, вдали отъ жизни и независимо отъ нея.* Какъ прежде, такъ и теперь вѣроученіе, принятое по довѣрію и поддерживаемое внѣшнимъ давленіемъ, понемногу таетъ подъ вліяніемъ знаній и опытовъ жизни, противуположныхъ вѣроученію, и человѣкъ часто очень долго живетъ, наивно воображая, что въ немъ цѣло то вѣроученіе, которое сообщено было ему съ дѣтства, тогда какъ его давно уже нѣтъ и слѣда. Иногда одно случайно услышанное слово насмѣшки, какъ толчекъ пальцемъ въ стѣну, готовую упасть отъ собственной тяжести, указываетъ человѣку, что тамъ, гдѣ, онъ думалъ, есть вѣра, тамъ давно уже пустое мѣсто. То же самое было и со мной. Я съ шестнадцати лѣтъ пересталъ становиться на молитву и ходить въ церковь.

— Неужели ты совсѣмъ ни во что не вѣрилъ тогда, даже въ глубинѣ души?—спросила Долли съ безпокойствомъ.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать... Я пересталъ вѣрить въ то, что мнѣ было сообщено съ дѣтства, но я вѣрилъ во что-то. Во что я вѣрилъ, я никакъ не могъ бы сказать. Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что вѣра моя — то, что кромѣ животныхъ инстинктовъ двигало моею жизнью — единственная вѣра моя въ то время была вѣра въ совершенствованіе, въ прогрессъ. Но въ чемъ они были, какая была цѣль ихъ, я бы не могъ сказать. Я старался совершествовать себя умственно — и учился всему, чему могъ и на что наталкивала меня жизнь. Я старался совершенствовать свою волю — составлялъ себѣ правила, которымъ старался слѣдовать. Совершенствовалъ себя физически, всякими упражненіями изощряя силу и ловкость и всякими лишеніями пріучая себя къ выносливости и терпѣнію. И все это я считалъ совершенствованіемъ — въ примѣненіи къ себѣ. Началомъ всего было, разумѣется, нравствен-

ное совершенствованіе; но скоро оно подмѣнилось совершенствованіемъ вообще, т.-е. желаніемъ быть лучше не передъ самимъ собою или передъ Богомъ, а желаніемъ быть лучше передъ другими людьми. И очень скоро это стремленіе быть лучше передъ людьми подмѣнилось желаніемъ быть сильнѣе другихъ... Гадко вспомнить даже объ этомъ. Но, говоря совсѣмъ безпристрастно, я не могу обвинять въ этомъ только себя. Напротивъ, у меня и тогда было горячее желаніе добра. Но я былъ молодъ, у меня были страсти, и я оказывался совершенно одинокъ каждый разъ, когда хотѣлъ уйти отъ страстей и идти къ добру. Люди, которые почти всѣ безъ исключенія живутъ совсѣмъ не вѣрой, не идеей добра, а страстями и силой, встрѣчали меня презрѣніемъ и насмѣшкой каждый разъ, когда я, высказывая свои задушевныя желанія, хотѣлъ стать нравственно чистымъ, и хвалили и поощряли меня всегда, какъ только я предавался страстямъ. Честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, любострастіе, гордость, гнѣвъ, месть,—всѣ эти проявленія индивидуальной силы уважались людьми, и я, проявляя эти отвратительныя страсти, становился похожъ на другихъ взрослыхъ людей и этимъ вызывалъ въ нихъ одобреніе....

— Я совершенно это понимаю,—вдругъ сказалъ чей-то незнакомый робкій голосъ.—Я болѣе, нежели согласенъ съ вами.

Левинъ и Долли спокойно обернулись по направленію голоса.

— Иванъ Ивановичъ, это съ почтовымъ вы, вѣрно, пріѣхали? Какъ это такъ вы тихо подкрались,—сказалъ Левинъ, ласково улыбаясь новому собесѣднику, и познакомилъ насъ. Я взглянулъ — и ужасно непріятное чувство сначала меня охватило. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50, сѣдой ужъ совсѣмъ, худой очень—кожа и кости, и ужасно безобразный. Казалось, это было воплощеніе всѣхъ недуговъ и уродствъ человѣческаго тѣла. Хромая, онъ сѣлъ рядомъ со мной, и я съ трудомъ удержался, чтобы не отодвинуться. Онъ, какъ будто угадавъ это, взглянулъ на меня грустными, глубокими глазами — такой красоты выраженія, которая одна искупала все безобразіе остальнаго. Я не могъ оторваться отъ его глазъ, и ужасно вдругъ стыдно стало мнѣ своей низости.

— Я болѣе, чѣмъ согласенъ съ вами, Константинъ Дмитричъ,—сказалъ Ивановъ, усаживаясь и морщась.—Меня поражало, какъ люди, думая, что живутъ идеалами христіанской нравственности и любви, въ дѣйствительности строятъ всю свою

жизнь на началахъ силы, личныхъ, животныхъ, жестокихъ страстей. Я ужасался, видя, что даже лучшіе изъ нихъ, искренно вѣруя въ ученіе Христа, оставляя его гдѣ-то въ далекомъ идеалѣ, прилагаютъ къ практической жизни нравственность звѣря, наивно считая свой образъ дѣйствій воплощеніемъ религіозной чистоты и земной законности. Не ученіе Христа торжествуетъ въ жизни, а ученіе звѣря — дарвиновская борьба за существованіе и половой подборъ—съ ихъ богомъ, богомъ силы, насилія, козней, убійства, мести, съ ихъ ангелами—властью, оружіемъ, умомъ, красотою, талантомъ, обманомъ. Имъ поклоняются люди, имъ, богамъ эгоизма и злобы, служатъ они въ своей жизни. Ихъ слова объ ихъ культѣ Христа, Бога любви,—только пустые, безъ смысла повторяемые красивые звуки. Не любовь, а злоба торжествуютъ въ жизни, не-человѣкъ, а звѣрь... Когда разъ это увидишь, гадко становится тогда жить на этомъ свѣтѣ. Когда передъ тобою, отъ свѣта этой правды, поблѣднѣетъ вся красота того, что прежде тебѣ было такъ дорого; когда увидишь отвратительныя черты этого безчеловѣчнаго звѣря во всемъ, что было для тебя всегда драгоцѣнной святыней—въ душѣ женщины, которую любишь, въ материнской любви, которая прежде такъ высоко восторгала тебя, въ идеѣ народности, съ которой составляешь одно, которая подвигала людей на дѣла, казавшіяся тебѣ прежде славными и великими, въ государствѣ, которому ты служишь, въ тѣхъ даже, кого ты привыкъ считать олицетвореніемъ и охранителями человѣческой справедливости и истины,— не хочешь, не можешь тогда жить дольше на свѣтѣ. Все существо, вся душа тогда бываетъ отравлена. Все—зло, въ тебѣ и кругомъ. Если бы не стыдно, не противно такъ было наложить на себя руки, право, съ наслажденіемъ бы повѣсился.

Я въ волненіи, ничего не понимая, посмотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ. Долли качала головой съ выраженіемъ доброй и грустной укоризны. Лицо Левина я не сразу узналъ: такъ оно вдругъ поразило меня какимъ-то особеннымъ, незнакомымъ мнѣ сіяніемъ мира и кротости на странно просвѣтлѣвшихъ, преображенныхъ чертахъ. Его глаза смотрѣли на Иванова съ теплотою спокойной любви, и все его просіявшее лицо дышало желаніемъ мира.

— Костя, какъ долго ты велъ эту жизнь, полную однихъ страстныхъ влеченій?—сказала Долли, не отвѣчая новому гостю.

— Лѣтъ десять. Въ то же время я сталъ и писать — изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости.

— Костя! какъ ты это можешь говорить! Зачѣмъ ты самъ всегда наклевещешь на себя? Вѣдь, всѣ, кто тебя знаетъ, знаютъ и то, что писалъ ты всегда изъ потребности высказать свои мысли и чувства, совершенно искренней...

— Ты не совсѣмъ это понимаешь, милая Долли. Побужденіе къ творчеству было у меня дѣйствительно искреннее, — это ты вѣрно сказала. Но я желалъ также и славы. И нѣтъ сомнѣнія, что желаніе авторской славы есть желаніе суетное. Значитъ, я тоже писалъ изъ тщеславія, или, по крайней мѣрѣ, примѣшивалъ къ своему писанію это мелкое побужденіе. Потомъ — развѣ я былъ равнодушенъ къ тѣмъ огромнымъ деньгамъ, которыя мнѣ платили за то только, что я, слѣдуя своему же побужденію, писалъ безъ всякаго почти напряженія повѣстушки разныя и романцы? Я даже торговался; я не только поправилъ, но я увеличилъ свое состояніе на эти деньги. И значитъ—я былъ не чуждъ въ этомъ дѣлѣ и корыстолюбія. Гордость,—ея тутъ всего болѣе было,—гордость силы, которой я долго не зналъ къ чему примѣнить, которой ничтожество и глупость долго не признавали и тѣмъ раздражали меня. Гордость—мой первый грѣхъ, съ которымъ я долго, очень долго и упорно боролся... Я часто боюсь, не было ли гордости и въ томъ, что я открыто передъ всѣми приносилъ въ ней покаяніе... Это одно, Долли. А еще ты не знаешь, ты забываешь, что въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ, въ сущности, то же самое, что и въ жизни своей. Какъ въ жизни, слѣдуя по теченію, я, какъ и большинство, покланялся силѣ и красотѣ силы, такъ и въ произведеніяхъ своихъ я больше всего воспѣвалъ всѣ красивыя проявленія индивидуальной силы. И еще говорилъ, и еще хвастался, что люблю правду. А на дѣлѣ я любилъ только силу, и когда находилъ ее безъ примѣси притворства и ничтожества, то принималъ за правду, когда въ дѣйствительности это было только силой — силой въ чистомъ, безпримѣсномъ ея состояніи. И въ глубинѣ души я зналъ, что это нравится большинству людей и что это принесетъ мнѣ славу и деньги. И еще глубже лежало предчувствіе, что истина и добро не въ силѣ, а противъ нея. И, зная это все, я писалъ, стараясь скрывать добро и воспѣвая красоту человѣческой силы. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ, подъ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости, тѣ затаенныя стремленія мои къ истинной красотѣ добра, такое странное развитіе которыхъ одно составило позже оправданіе и смыслъ моей жизни...

— Это что-то превыше моего женскаго ума. Но неужели и другіе писатели всѣ такъ же, какъ ты говоришь о себѣ, относились къ своему дѣлу?—спросила Долли съ недоумѣніемъ.

— Конечно. Мнѣ было 26 лѣтъ, когда я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли какъ своего, льстили мнѣ даже. И не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала. Теорія утверждала, что жизнь вообще идетъ развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы — художники, поэты. Наше призваніе—учить людей, не зная чему: художникъ-де и поэтъ учатъ безсознательно. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. И вотъ я, художникъ, поэтъ, писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня былъ прекрасный столъ, квартира, женщины, общество; у меня была слава: значитъ, то, чему я училъ, было очень хорошо. Теорія эта о развитіи жизни и значеніи поэзіи была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень выгодно и пріятно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй и особенно на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что жрецы этой вѣры не всѣ были согласны между собою. Одни изъ нихъ говорили: «мы—самые хорошіе и полезные учители; мы учимъ тому, что нужно, а другіе учатъ неправильно». А другіе говорили: «нѣтъ, мы—настоящіе, а вы учите неправильно». И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга. Много было между нами и не заботящихся о томъ, кто правъ, кто неправъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощью нашей дѣятельности. Все это заставило меня усомниться въ истинности самой нашей писательской вѣры. Усомнившись въ ней, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы эти, писатели, были люди безнравственные и въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ, много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни, но самоувѣренные

и совершенно довольные собою. Люди мнѣ опротивѣли, и самъ я себѣ опротивѣлъ, Я понялъ, что въ своемъ самообольщеніи мы не замѣчали, что ничего не знаемъ, что мы не знаемъ самаго главнаго, что на самый простой и, вмѣстѣ, единственно важный вопросъ жизни: что хорошо, что дурно—мы не умѣемъ найти никакого точнаго отвѣта. И вотъ мы, не зная этого единственно важнаго въ жизни, не зная добра и зла, чему-то кого-то учили, кричали, не слушая другъ друга, иногда потакая другъ другу и восхваляя другъ друга, съ тѣмъ, чтобы и меня похвалили, иногда же раздражаясь другъ противъ друга — совершенно какъ въ сумасшедшемъ домѣ. И я, смутно чувствуя ложь эту, не зная, гдѣ истина, страдалъ, но не имѣлъ духа отречься отъ тщеславнаго чина художника, поэта, учителя,—и гордость моя, и сумасшедшая увѣренность, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему, все болѣе и болѣе болѣзненно развивались. Такъ я жилъ, предаваясь этому безумію, еще шесть лѣтъ. Въ это время я поѣхалъ за границу. Жизнь въ Европѣ и сближеніе мое съ передовыми и учеными европейскими людьми утвердили меня еще больше въ той вѣрѣ совершенствованія вообще, потому что ту же самую вѣру я нашелъ и у нихъ. Вѣра эта приняла во мнѣ ту обычную форму, которую она имѣетъ у большинства образованныхъ людей нашего времени. Вѣра эта выражалась словомъ: прогрессъ. Только изрѣдка—не разумъ, а чувство возмущалось противъ этого общаго въ наше время суевѣрія, которымъ люди заслоняютъ отъ себя свое непониманіе жизни. Но это были только рѣдкіе случаи сомнѣній; въ сущности же, я жилъ, продолжая исповѣдывать только вѣру въ прогрессъ... «Все развивается, и я тоже развиваюсь, а зачѣмъ это я развиваюсь вмѣстѣ со всѣми—это видно будетъ». Такъ бы я долженъ былъ тогда формулировать свою вѣру...

Левинъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Долли сидѣла, сгорбившись, машинально раскладывая пасьянсъ. Лицо ея вдругъ какъ-то состарѣлось, и тонкія морщины показались на лбу и у глазъ.

— Костя, а жизнь въ деревнѣ тебя не смягчала?—спросила она.

— Да, если бы не Покровское и потомъ семья, я бы пропалъ... Вернувшись изъ-за границы, я поселился въ деревнѣ и попалъ на занятія крестьянскими школами. Здѣсь я тоже дѣйствовалъ во имя прогресса. Но я уже относился критически къ

самому прогрессу. Я говорилъ себѣ, что прогрессъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своихъ совершался неправильно и что вотъ надо отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно свободно, предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, который они захотятъ... Въ сущности же, я вертѣлся все около одной и той же неразрѣшимой задачи, состоявшей въ томъ, чтобы учить всѣхъ тому именно, чего я не зналъ: учить смыслу жизни, который былъ непостижимъ мнѣ, учить добру, котораго самъ я не умѣлъ отличить отъ зла. Въ высшихъ сферахъ литературной дѣятельности мнѣ ясна была ложь моего положенія, неразрѣшимость моей задачи; здѣсь же, съ крестьянскими дѣтьми, я думалъ, что можно обойти эту трудность тѣмъ, чтобы предоставить дѣтямъ учиться тому, чему они сами хотятъ. Инстинктъ говорилъ мнѣ вѣрно: дѣти, мужики лучше насъ, ученыхъ людей, знали смыслъ жизни, лучше насъ различали добро отъ зла; не мы, а они знали, чему нужно учить людей. Но глупость моя и виляніе мое въ томъ и заключались, что я, все это чувствуя въ глубинѣ души своей, вмѣсто того, чтобы идти у нихъ учиться, я самъ, ничего не зная, и зная, что ничего не знаю, на ходули становился, чтобы исполнить свою похоть учительства, за границу ѣздилъ школы тамъ изучать, посредникомъ сдѣлался мировымъ, школу завелъ и журналъ, и важничалъ, и оскорблялся, и всѣхъ училъ, не зная, чему я учу, не зная того, чему нужно учить...

«Не зная, что есть въ людяхъ, не зная, чего не дано имъ, не зная главнаго — чѣмъ люди живы», — подумалъ я, глядя на Левина.

— Снаружи все гладко выходило какъ будто; но въ душѣ я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ. Я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ—дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью... Но, все-таки, я бы и тогда еще, можетъ быть, пришелъ къ совершенному отчаянію, еслибъ у меня не было одной стороны жизни, еще не извѣданной мною и обѣщавшей мнѣ спасеніе: это была семейная жизнь. Вернувшись отъ башкиръ, я женился. Новыя, счастливыя условія семейной жизни уже совершенно отвлекли меня отъ всякаго исканія общаго смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ дѣтяхъ и потому въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе къ усовершенствованію, подмѣненное

уже прежде стремленіемъ къ усовершенствованію вообще, къ прогрессу, теперь подмѣнилось стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ съ семьей было какъ можно лучше. Такъ прошло еще пятнадцать лѣтъ. Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками—тогда, я, все-таки, продолжалъ писать. Я вкусилъ уже отъ соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за ничтожный трудъ, и предавался ему какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей... И я писалъ, научая тому, что для меня было единой истиной, что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше...

— Да, да, именно такъ это у васъ было. Именно такъ я думалъ о васъ, когда читалъ объ васъ у гр. Толстаго. Это—идеализація индивидуализма, теоріи борьбы за существованіе, у которой одно оружіе — сила личная и родовая. Но, все-таки, вы слишкомъ умаляете значеніе другой струи, замѣтной уже въ первыхъ вашихъ произведеніяхъ и потомъ всегда возраставшей. Все это случилось постепенно. Иначе, вѣдь, и невозможно,—горячо принялся я возражать Левину, боясь, что берусь за очень рискованное дѣло и, все-таки, чувствуя неспособность молчать и скрывать свое убѣжденіе. Брови Левина опять ужасно сдвинулись крѣпко, и я опять не зналъ, сердится онъ или доволенъ.

Левинъ, не отвѣчая мнѣ, продолжалъ свой разсказъ съ такимъ видомъ, какъ будто это возраженіе онъ давно слышалъ, обдумалъ и отвергъ.

— Такъ я жилъ, но пять лѣтъ назадъ со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоразумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать, и я терялся и впадалъ въ унынie. Но это проходило, и опять я продолжалъ жить по прежнему. Потомъ эти минуты недоумѣнія стали повторяться чаще и чаще и все въ той же самой формѣ. Эти остановки жизни выражались всегда одинакими вопросами: зачѣмъ?... ну, а потомъ?... Сначала мнѣ казалось, что это такъ себѣ, безцѣльные, неумѣстные вопросы. Мнѣ казалось, что все это извѣстно и что если я захочу заняться ихъ разрѣшеніемъ, то это не будетъ стоить мнѣ никакого труда, что теперь мнѣ некогда только этимъ заняться, а когда вздумаю, тогда и отвѣты найду. Но чаще и чаще стали повторяться вопросы, настоятельнѣе и настоятельнѣе

требовались отвѣты и, какъ точки, падая все на одно мѣсто, сплотились эти вопросы, безъ отвѣтовъ, въ одно черное пятно. Я нашелъ, что это не случайное недомоганіе, а что-то очень важное, и что если повторяются все тѣ же вопросы, то надо отвѣтить на нихъ. Но только что я тронулъ ихъ и попытался разрѣшить эти казавшіеся мнѣ дѣтскими и простыми вопросы, я тотчасъ же убѣдился, что эти вопросы — самые глубокіе и важные въ жизни вопросы, и что сколько бы я ни думалъ, я не могу разрѣшить ихъ. Прежде чѣмъ заняться самарскимъ имѣніемъ, воспитаніемъ сына, писаніемъ книги, надо знать, зачѣмъ я это буду дѣлать. Пока я не знаю—зачѣмъ, я не могу ничего дѣлать. Ну, хорошо, у тебя будетъ 6 тысячъ десятинъ, 300 головъ лошадей — *а потомъ?*... И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше. Или, начиная думать о томъ, какъ я воспитаю дѣтей, я говорилъ себѣ: *зачѣмъ?* Или, разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, я вдругъ говорилъ себѣ: а мнѣ что за дѣло? Или, думая о славѣ, которую пріобрѣтутъ мнѣ мои сочиненія, я говорилъ себѣ: «Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ,—*ну, и что-жъ?*» И я ничего, ничего не могъ отвѣтить...

Часы пробили три.

— Ну, завтра разскажу конецъ. Какъ засидѣлись! Прощай, Долли. Пойдемте, я покажу вамъ ваше ложе.

Мы пошли внизъ.

XXIV.

— Вотъ вамъ постель,—сказалъ Левинъ, обращаясь ко мнѣ,— а вамъ по вашему росту будетъ лучше на этомъ диванѣ, Иванъ Ивановичъ. Я всегда спалъ на немъ, когда былъ холостымъ. Не стѣсняйтесь, раздѣньтесь: я посижу еще съ вами минутку. Вы всегда подкупаете меня, Иванъ Ивановичъ, вашею способностью слушать. И мнѣ часто кажется, что что-то есть у насъ общее въ мысляхъ,—сказалъ Левинъ и ласково улыбнулся.

— Это ужасно неделикатно просить,—сказалъ Ивановъ, раздѣваясь,—но если можно, если это не долго, докончите разсказъ объ остановкѣ вашей жизни... Это мнѣ очень интересно теперь.

— Да, именно остановка! Именно остановилась тогда моя жизнь. Я могъ дышать, ѣсть, пить, спать, и не могъ не дышать, не есть, не пить, не спать, но жизни не было, потому

что не было такихъ желаній, удовлетвореніе которыхъ я находилъ бы разумнымъ. Если я желалъ чего, я впередъ зналъ, что удовлетворю или не удовлетворю мое желаніе—изъ этого ничего не выйдетъ. Если есть у меня не желанія, но привычки желаній прежнихъ, въ пьяныя минуты, то въ трезвыя минуты я знаю, что это—обманъ, что *желать нечего*. Какая-то непреодолимая сила влекла меня къ тому, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ жизни. Мысль о самоубійствѣ была такъ соблазнительна, что я долженъ былъ употреблять противъ себя хитрости, чтобы не привести ее слишкомъ скоро въ исполненіе. Я не хотѣлъ торопиться только потому, что хотѣлось употребить всѣ усилія, чтобы распутаться. Если не распутаюсь, то всегда успѣю, говорилъ я себѣ... И это сдѣлалось со мною тогда, когда я былъ совершенно счастливъ—все у меня было: семья прекрасная, средства большія и все возраставшія, слава, уваженіе ближнихъ, здоровье, сила тѣлесная и душевная.... кажется, все.... Что вы улыбаетесь?—спросилъ Левинъ у Ивана Ивановича, вдругъ сконфузившись и прерывая разсказъ.

— Извините, меня поразило совпаденіе моего предчувствія съ вашимъ признаніемъ сейчасъ. Я такъ, вѣдь, и думалъ. Мнѣ всегда казалось, что именно полнота индивидуальнаго счастья (что такъ рѣдко случается) вызвала пресыщеніе имъ, ускорила въ вашей вѣчно стремящейся къ развитію, вѣчно алкающей истины душѣ обращеніе къ той области, гдѣ живетъ истина—къ внѣшнему счастью. И еще потому я улыбнулся, что это почему-то подтвердило мнѣ другую мою старую мысль,—что къ тому же результату можно придти абсолютно противуположнымъ путемъ, при условіи, впрочемъ, той же потребности развитія, той же потребности достиженія конечной цѣли—познанія истины... Это—палка о двухъ концахъ... Это—старое наблюденіе, но его забываютъ. Надо пройти черезъ индивидуальное счастье или несчастье, чтобы постигнуть истину и счастье внѣличное, счастье христіанской любви. Мы не виноваты, что мы люди, что прежде чѣмъ постигнуть общее, мы должны пережить все индивидуальное, отжить все личное, эгоистическое. Это—какъ корь, который нельзя миновать. И вотъ одинъ бываетъ счастливъ въ личной своей жизни, и, насытившись личнымъ своимъ счастьемъ, отвращается отъ него для того, чтобы всецѣло предаться общему—общей истинѣ, общему счастью. Другой же, не найдя личнаго счастья, страдаетъ долго и иногда гибнетъ, а

иногда, переживъ несчастіе личное, обращается прямо къ общему и вѣчному. Жизнь—это какъ комната, въ которой двѣ двери. Есть люди, способные вѣчно сидѣть въ этой комнатѣ взаперти. Но есть натуры, въ которыхъ отъ рожденія вложена потребность изслѣдованія. И вотъ они, узнавъ все, что есть въ отведенной имъ комнатѣ, стремятся узнать все, что бываетъ за нею—и выходятъ изъ нея: одни въ правую дверь, другіе въ лѣвую. Черезъ правую идти пріятнѣе, но и лѣвая выводитъ туда же, куда и правая. И никакъ нельзя сказать, что въ правую выходятъ европейцы, а въ лѣвую—русскіе. Выборъ двери зависитъ отъ чего-то, что не во власти человѣка. Вѣрно одно: выходятъ изъ комнаты живыми лишь тѣ, которые ищутъ увидать глубину высокаго свободнаго неба. Тѣ же, которые довольствуются комнатой и неба не ищутъ, тѣ такъ въ комнатѣ до конца жизни и остаются. Сократъ былъ бѣденъ, Платонъ былъ богатъ и знатенъ, но оба искали истины и оба нашли ее. Также и всѣ остальные, которые дѣйствительно любили истину, напр., Спиноза. Если вы пришли къ отреченію отъ индивидуальнаго счастья, то не потому, что вы русскій, а по той простой причинѣ, что вы—человѣкъ, возлюбившій истину. Потому что истина не въ личномъ счастьи, а въ общемъ. Это не только вѣрно, но и безспорно вѣрно. Очень немногіе отождествляютъ свою жизнь съ служеніемъ общему счастью, немногіе даже поставляютъ себѣ такое отождествленіе сознательною цѣлью, но нѣтъ такого человѣка, который бы сталъ открыто оспаривать исключительную истинность жизни для общаго счастья—отреченія отъ счастья индивидуальнаго.

Левинъ задумался и долго молчалъ.

— Да!... я зналъ это,—сказалъ Левинъ, и глаза его наполнились чѣмъ-то глубокимъ и свѣтлымъ.—Я зналъ это, но оно не представлялось мнѣ еще такъ конкретно, какъ въ вашихъ словахъ, какъ обсолютная и живая, притомъ, антитеза мнѣ самому...

— Вотъ это и есть наше общее, дорогой Константинъ Дмитрічъ. Вы мнѣ дороги вдвойнѣ—непосредственно и теоретически. Извините за проклятую потребность опредѣленій и формулъ... Мнѣ дорога ваша сосредоточенность исканія правды и мнѣ дорого то, что вы шли къ ней путемъ, противуположнымъ моему...

Левинъ смотрѣлъ на него и не выходилъ изъ глубокой задумчивости. Глаза его все больше и глубже свѣтлѣли.

— Вы тоже, Иванъ Ивановичъ, мнѣ дороги, — сказалъ онъ съ какой-то особенной, серьезною нѣжностью—тихо.

— Разскажите о вашемъ желаніи смерти,—сказалъ Ивановъ, съ трудомъ подавляя волненіе и глядя на Левина съ странной восторженностью.

— Это было такъ просто. Я уже ничему въ жизни не могъ придать никакого разумнаго смысла. Все это такъ давно всѣмъ извѣстно. Не нынче, завтра придутъ болѣзни и смерть на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои, какія бы они ни были, забудутся всѣ—раньше или позже—это все равно. И, главное, *меня* не будетъ. Такъ изъ чего же хлопотать? Прежній обманъ радостей житейскихъ, заглушавшій ужасъ смерти, уже не обманывалъ меня. Сколько ни говорили мнѣ: ты не можешь понять смысла жизни, не думай, живи,—я не могъ уже этого дѣлать, потому что слишкомъ долго дѣлалъ это прежде. Теперь я не могъ не видѣть дня и ночи, бѣгущихъ и ведущихъ меня къ смерти... Тѣ двѣ капли меда, которыя дольше другихъ отводили мнѣ глаза отъ жестокой истины,—любовь къ семьѣ и къ писательству, которое я называлъ искусствомъ,—уже стали не сладки мнѣ. *Семья?*—говорилъ я себѣ,—но семья—жена, дѣти; они—тоже люди. Они тоже должны или жить во лжи, или видѣть ужасную истину. Зачѣмъ же имъ жить? Зачѣмъ мнѣ любить ихъ, беречь, ростить... и блюсти ихъ?...—говорилъ Левинъ, рыдая.—Для того же отчаянія, которое во мнѣ, или для тупоумія? Любя ихъ, я не могу скрывать отъ нихъ истины—всякій шагъ въ познаніи приведетъ ихъ къ истинѣ. А истина—смерть... *Искусство*, *поэзія*? Долго подъ вліяніемъ успѣха, похвалы людской я увѣрялъ себя, что это дѣло, которое можно дѣлать, несмотря на то, что придетъ смерть, которая все уничтожитъ—и дѣла мои, и память о нихъ. Но скоро я увидѣлъ, что и это—обманъ. Мнѣ ясно было, что искусство есть украшеніе жизни, заманка къ ней. Но жизнь потеряла для меня всю заманчивость,—какъ же я могу заманивать другихъ? Пока я вѣрилъ, что жизнь имѣетъ смыслъ, хоть я и не умѣю выразить его,—отраженіе жизни въ искусствѣ доставляло мнѣ радость, мнѣ весело было смотрѣть на жизнь въ это зеркальце искусства. Но когда я сталъ отыскивать смыслъ жизни, зеркальце это стало мнѣ или мучительно, или ничтожно. Зеркальце теперь говорило, что положеніе мое отчаянно и глупо; этимъ я не могъ утѣшаться. Хорошо мнѣ было любоваться его отраженіями, когда я вѣрилъ, что жизнь имѣетъ смыслъ. Тогда эта игра свѣтовъ — комическаго, трагическаго, трогательнаго,

прекраснаго, ужаснаго въ жизни—потѣшала меня. Но когда я узналъ, что жизнь безмысленна и ужасна, игра въ зеркальцѣ не могла уже забавлять меня. Но и этого мало. Еслибъ эта истина всегда была мнѣ извѣстна, я бы могъ быть спокойнымъ, зная, что это—мой удѣлъ. Если бы я былъ, какъ человѣкъ, отъ рожденія безвыходно живущій въ лѣсу, изъ котораго онъ знаетъ, что выхода нѣтъ, я бы могъ жить. Но я былъ, какъ человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу, на котораго нашелъ ужасъ отъ того, что онъ заблудился, и онъ мечется, желая выбраться на дорогу; знаетъ, что всякій шагъ еще больше путаетъ его — и не можетъ не метаться. Это было ужаснѣе всего... И чтобъ избавиться отъ этого ужаса, я хотѣлъ убить себя. Я испытывалъ ужасъ предъ тѣмъ, что ожидаетъ меня, зналъ, что этотъ ужасъ ужаснѣе самаго положенія, но не могъ терпѣливо ждать конца. Какъ ни убѣдительно было разсужденіе о томъ, что все равно разорвется сосудъ въ сердцѣ или лопнетъ что-нибудь, и все кончится,—я не могъ терпѣливо ожидать конца. Ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣе, поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей. И вотъ это-то чувство сильнѣе всего вело меня къ самоубійству...

Левинъ былъ блѣденъ, какъ полотно. Видно было, что онъ недавно переживалъ это, и, вспоминая, онъ чувствовалъ снова весь ужасъ тогдашняго положенія. Ивановъ, слушая Левина, весь былъ вниманіе. Казалось, онъ забывалъ собственное отчаяніе и всѣ слова Левина переносилъ на себя.

— Скажите, какъ же вы вышли изъ этого ужаса смерти и уцѣлѣли?

— Я подумалъ, неужели это состояніе отчаянія нормально, неужели оно свойственно всѣмъ людямъ? И я сталъ смотрѣть, какъ другіе люди отвѣчаютъ на вопросъ, неразрѣшимость котораго привела меня въ такое безвыходное отчаяніе. Сначала я обращался къ людямъ разсуждающимъ и мнящимъ себя быть мудрыми и учеными. Я искалъ сначала во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыми они гордятся... Я говорилъ уже объ этомъ молодому человѣку... Спрашивая у одной стороны человѣческихъ знаній, я получалъ безконечное количество точныхъ отвѣтовъ о томъ, чего я не спрашивалъ: о химическомъ составѣ звѣздъ, о происхожденіи видовъ и человѣка, о формахъ безконечно малыхъ невѣсомыхъ частицъ эфира; но отвѣтъ въ этой области знаній на мой вопросъ: въ чемъ смыслъ моей жизни — былъ одинъ:

ты—то, что ты называешь твоей жизнью, ты—временное, случайное сцѣпленіе частицъ. Взаимное воздѣйствіе, измѣненіе этихъ частицъ производитъ въ тебѣ то, что ты называешь твоею жизнью. Сцѣпленіе это продержится нѣкоторое время; потомъ взаимнодѣйствіе этихъ частицъ прекратится—и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и всѣ твои вопросы. Такъ отвѣчаетъ ясная сторона знаній, и ничего другаго не можетъ сказать, если только она строго слѣдуетъ своимъ основамъ. И отвѣта на вопросъ нѣтъ въ ней. Другая сторона знанія, умозрительная, когда она строго держится своихъ основъ, вездѣ и во всѣ вѣка отвѣчаетъ и отвѣчала одно и то же: міръ есть что-то безконечное и непонятное, жизнь человѣка есть непостижимая часть этого непостижимаго *всего*. Это тоже не отвѣтъ, конечно. Потому что это отвѣтъ неопредѣленный. Правда, изъ него можно сдѣлать практически-опредѣленный выводъ. И выводъ этотъ будетъ уже не неопредѣленный, а отрицательный, безусловно отрицательный. Это тотъ выводъ, который сдѣлали точнѣйшіе и глубочайшіе умы человѣчества—Сократъ, Соломонъ, Будда, Шопенгауеръ. «Къ чему мы, любящіе истину, стремимся къ жизни? *Къ тому, чтобы освободиться отъ тѣла и отъ всего зла, вытекающаго изъ жизни тѣла*. Если такъ, то какъ же намъ не радоваться, когда смерть приходитъ къ намъ? *Мы приблизимся къ истинѣ только настолько, насколько мы удалимся отъ жизни*,—говорилъ Сократъ, готовясь къ смерти.—Мудрецъ всю жизнь ищетъ смерть и потому смерть не страшна ему».

— Какъ это прекрасно говорилъ Сократъ! Такъ вотъ за что я всегда любилъ такъ Сократа,—чуть слышно прошепталъ Ивановъ.

— «Все въ мірѣ—и глупость и мудрость, и богатство и нищета, и веселье и горе,—все суета и пустяки. Человѣкъ умретъ и ничего не останется отъ него. И это глупо». Такъ думалъ Соломонъ, — продолжалъ голосъ Левина. — А Будда говоритъ, что жить съ сознаніемъ неизбѣжности страданій, ослабленія, старости и смерти нельзя—надо освободить себя отъ жизни. А Шопенгауеръ говоритъ, что жизнь есть зло—то, чего не должно бы быть, и переходъ въ ничто есть единственное благо жизни... И это подтверждало мое отчаяніе и указывало, что то, къ чему я пришелъ, не есть плодъ заблужденія или болѣзненнаго состоянія ума; это подтверждало мнѣ, что я думалъ вѣрно

и сошелся съ выводомъ сильнѣйшихъ умовъ человѣчества... Обманывать себя нечего. Все—суета. Счастливъ, кто не родился, смерть лучше жизни: надо избавиться отъ нея... Таковъ былъ выводъ, къ которому привело меня познаніе мудрости человѣческаго разума.

Лицо Иванова стало неспокойно и онъ раскрылъ свои большіе грустные глаза.

— Но вы, конечно, не успокоились на выводахъ разсудка? Вѣдь, Сократъ говорилъ лучше, чѣмъ Соломонъ, Будда и вашъ Шопенгауеръ? Вѣдь, Сократъ сердцемъ вынесъ изъ жизни предчувствіе истины и способность познанія ея за предѣлами смерти. Христосъ же, придя въ міръ и оставивъ его, показалъ людямъ, что истина постижима сердцу человѣческому и въ жизни. А разсудокъ не зналъ ее тогда и не знаетъ теперь...

— Да, и я окольными тропинками тоже старался выбраться на прямую. Не найдя разъясненія въ знаніи, я сталъ искать этого разъясненія въ жизни, надѣясь въ людяхъ, окружающихъ меня, найти его, и я сталъ наблюдать людей, такихъ же какъ я, какъ они живутъ вокругъ меня и какъ они относятся къ этому, въ отчаяніе приведшему меня, вопросу. И я нашелъ, что люди моего круга имѣютъ четыре выхода изъ общаго намъ съ ними ужаснаго положенія. Первый выходъ есть выходъ невѣдѣнія. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и безсмыслица. Люди этого разряда—бо́льшею частью женщины, или очень молодые, или очень тупые люди—еще не поняли того вопроса жизни, который представился Соломону, Шопенгауеру, Буддѣ. Отъ нихъ мнѣ нечему научиться: нельзя перестать знать того, что знаешь... Второй выходъ, это—выходъ эпикурейства. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться пока тѣми благами, какія есть, какъ Соломонъ говорилъ: «Ѣшь съ веселіемъ хлѣбъ твой и пей въ радости сердца вино твое... и наслаждайся жизнью съ женщиною, которую любишь, во всѣ дни суетной жизни твоей, во всѣ суетные дни твои, потому что это—доля твоя въ жизни и трудахъ твоихъ, какими ты трудишься подъ солнцемъ... Все, что можетъ рука твоя по силамъ дѣлать, дѣлай, потому что въ могилѣ, куда ты пойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости». Этого втораго выхода придерживается большинство людей нашего круга. Условія, въ которыхъ они находятся, дѣлаютъ то, что благъ соломоновскихъ у нихъ больше, чѣмъ золъ, а нрав-

ственная тупость даетъ имъ забвеніе случайности ихъ положенія—что всѣмъ нельзя имѣть 1,000 женщинъ и дворцовъ, какъ Соломонъ, что за каждаго человѣка съ 1,000 женъ есть 1,000 людей безъ женъ и за каждый дворецъ есть 1,000 людей, въ потѣ лица строющихъ его, и что эта случайность, которая нынче сдѣлала меня Соломономъ, завтра можетъ сдѣлать меня рабомъ Соломона. Тупость же воображенія этихъ людей даетъ имъ возможность забывать про то, что не дало покоя Буддѣ,—про неизбѣжность болѣзни, старости и смерти, которыя не нынче, завтра разрушатъ всѣ эти удовольствія. И этимъ людямъ я также не могъ подражать: не имѣя ихъ тупости воображенія, я не могъ ее искусственно въ себѣ произвести... Третій выходъ состоитъ въ томъ, чтобы, понявъ, что жизнь есть зло и безсмыслица, уничтожить ее. Я хотѣлъ поступить такъ... Четвертый выходъ есть выходъ слабости. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понимая зло и безсмысленность жизни, тянуть ее, зная напередъ, что ничего изъ нея выйти не можетъ. Никто не мѣшаетъ тебѣ съ Шопенгауеромъ отрицать жизнь. Но тогда убей себя — не будешь разсуждать. Не нравится тебѣ жизнь—убей себя. А живешь, не можешь понять смысла жизни, такъ прекрати ее, а не вертись въ этой жизни, разсказывая и расписывая, что ты не понимаешь жизни. Пришелъ въ веселую компанію, всѣмъ очень хорошо, всѣ знаютъ, что они дѣлаютъ, а тебѣ скучно и противно, такъ уйди, не носись съ своею глупостью, какъ дуракъ съ писаной торбой. Если я знаю лучшее и оно въ моей власти, почему не отдаться лучшему? Потому что слабъ. И я находился въ этомъ разрядѣ—предпочиталъ жизнь въ положеніи Соломона, Шопенгауера—знать, что жизнь есть злая и глупая шутка и, все-таки, жить, умываться, обѣдать, говорить и даже книги писать. Это было для меня отвратительно, мучительно, но я оставался въ этомъ положеніи... Теперь я вижу, что если я не убилъ себя, то причиной тому было какое-то смутное сознаніе несправедливости моихъ мыслей. Какъ ни убѣдителенъ и несомнѣненъ казался мнѣ ходъ моихъ мыслей и мыслей мудрецовъ, приведшихъ насъ къ познанію безсмыслицы жизни, во мнѣ оставалось неясное сомнѣніе въ истинности моего разсужденія... Оно было такое: я, мой разумъ, призналъ, что жизнь неразумна. Если нѣтъ *высшаго* разума, то разумъ есть творецъ жизни *для меня:* не было бы разума, не было бы для меня и жизни. Какъ же этотъ разумъ отрицаетъ жизнь, а онъ

самъ творецъ жизни? Или, съ другой стороны, еслибъ не было жизни, не было бы, вѣдь, и моего разума; стало быть, разумъ есть сынъ жизни. Жизнь есть все. Разумъ есть плодъ жизни, и разумъ этотъ отрицаетъ самую жизнь. Не ладно что-то... Съ тѣхъ поръ, какъ началась какая-нибудь жизнь людей, у нихъ уже былъ этотъ смыслъ жизни, и они вели эту жизнь, дошедшую до меня. Все, что есть во мнѣ и около меня, все это плодъ ихъ знанія жизни. Тѣ самыя орудія мысли, которыми я обсуждаю эту жизнь и осуждаю ее,—все это не мной, а ими сдѣлано. Самъ я родился, воспитывался, возросъ благодаря имъ. Они научили другъ друга жить вмѣстѣ, урядили нашу жизнь; они научили меня думать, говорить. И я-то—ихъ произведеніе, ими вспоенный, вскормленный, ими наученный, ихъ мыслями и словами—доказалъ имъ, что они—безсмыслица. Опять не ладно. Гдѣ-нибудь я ошибся. Но въ чемъ была ошибка, я никакъ не могъ найти. Въ самомъ ли разсужденіи, въ постановкѣ ли вопроса – я не зналъ. Я чувствовалъ только, что убѣдительность разумная была совершенная, но что, все-таки, ея было мало. Всѣ эти доводы не могли убѣдить меня такъ, чтобы я сдѣлалъ то, что вытекало логически изъ моихъ разсужденій, т.-е. чтобы я убилъ себя. И я бы сказалъ неправду, если бы сказалъ, что я разумомъ пришелъ къ тому, къ чему я пришелъ, и не убилъ себя. Разумъ работалъ, но работало и еще что-то, что я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни. Сила жизненнаго сознанія, жизненнаго чувства вывела меня изъ моего отчаяннаго положенія и совершенно иначе направила мой разумъ. Эта сила заставила меня обратить вниманіе на то, что я съ сотнями подобныхъ мнѣ людей не есть все человѣчество, что жизни человѣчества настоящаго я еще не знаю. Я зналъ только тотъ тѣсный кружокъ ученыхъ, богатыхъ и досужихъ людей, къ которому я принадлежалъ, и думалъ, что онъ и составляетъ все человѣчество; а что тѣ милліарды жившихъ и живыхъ—это *такъ*, какіе-то скоты, не люди. Какъ ни странно, неимовѣрно непонятно кажется мнѣ теперь то, что я могъ до такой степени нелѣпо заблуждаться, чтобы думать, что жизнь моя, жизнь Соломоновъ и Шопенгауеровъ, есть настоящая, нормальная жизнь, а жизнь милліардовъ есть нестоющее вниманія обстоятельство,—какъ ни странно это мнѣ теперь, я вижу, что это было такъ. Въ заблужденіи гордости своего ума, мнѣ такъ казалось несомнѣннымъ, что мы съ Соломономъ и Шопенгауе-

ромъ поставили вопросъ такъ вѣрно и истинно, что другаго ничего быть не можетъ,—такъ несомнѣнно казалось, что всѣ эти милліарды принадлежатъ къ тѣмъ, которые еще не дошли до постиженія всей глубины вопроса, что я искалъ смысла своей жизни и ни разу не подумалъ: «да какой же смыслъ придаютъ и придавали всѣ милліарды, жившіе и живущіе на свѣтѣ?» Я долго жилъ въ этомъ сумасшествіи, свойственномъ именно самымъ либеральнымъ и ученымъ людямъ. Но, благодаря какой-то странной физической любви къ настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидѣть, что онъ не такъ глупъ, какъ мы думаемъ, или благодаря искренности моего убѣжденія въ томъ, что лучшее, что я могу сдѣлать — это повѣситься,—я чуялъ, что, если я хочу жить и понимать смыслъ жизни, то *искать этого смысла жизни мнѣ надо не у тѣхъ, которые потеряли смыслъ жизни и хотятъ убить себя, а у тѣхъ милліардовъ отжившихъ и живущихъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь*. И я оглянулся на огромныя массы отжившихъ и живущихъ простыхъ, неученыхъ и небогатыхъ людей и увидѣлъ совершенно другое. Я увидѣлъ, что всѣ эти милліарды людей не подходятъ къ моему дѣленію. Признать ихъ непонимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставятъ его и съ необыкновенною ясностью отвѣчаютъ на него. Признать ихъ эпикурейцами тоже не могу, потому что жизнь ихъ слагается больше изъ лишеній и страданій, чѣмъ наслажденій; признать же ихъ неразумно ложивающими безсмысленную жизнь могу еще менѣе, такъ какъ всякій актъ ихъ жизни и самая смерть объясняются ими. Убивать же себя они считаютъ величайшимъ зломъ. И оказалось, что у всего человѣчества есть какое-то непризнаваемое и презираемое мною знаніе смысла жизни. Выходило то, что разумное знаніе не даетъ смысла жизни, исключаетъ жизнь; смыслъ же, придаваемый жизни милліардами людей, всѣмъ человѣчествомъ, зиждется на какомъ-то презрѣнномъ, ложномъ знаніи. Разумное знаніе въ лицѣ ученыхъ и мудрыхъ отрицаетъ смыслъ жизни, а огромныя массы людей, все человѣчество, признаютъ этотъ смыслъ въ *неразумномъ* знаніи. И это неразумное знаніе есть вѣра—та самая, которую я не могъ не откинуть, какъ нѣчто совершенно несовмѣстное съ требованіями моего разума. Положеніе мое было ужасно. Я зналъ, что я ничего не найду на пути разумнаго знанія, кромѣ отрицанія жизни, а тамъ, въ вѣрѣ,—ничего, кромѣ отрицанія

разума, которое еще невозможнѣе, чѣмъ отрицаніе жизни. По разумному знанію выходило такъ, что жизнь есть зло и люди знаютъ это: отъ людей зависитъ не жить, а они жили и живутъ, и самъ я жилъ, хотя и зналъ уже давно то, что жизнь есть зло и безсмыслица. По вѣрѣ же выходило, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, я долженъ отречься отъ разума, того самаго разума, для котораго нужно знаніе этого смысла. Выходило противорѣчіе, изъ котораго было только два выхода: или то, что я называлъ разумнымъ, не было такъ разумно, какъ я думалъ, или то, что мнѣ казалось неразумно, не было такъ неразумно, какъ я думалъ.

Левинъ остановился. Онъ, видимо, усталъ отъ своихъ длинныхъ оживленныхъ монологовъ. Ивановъ лежалъ неподвижно. На блѣдномъ лицѣ его нѣсколько разъ показывалась слабая добрая улыбка, прежнее выраженіе болѣзненнаго безпокойства исчезло и замѣнилось выраженіемъ спокойной радости. Онъ открылъ глаза и, улыбаясь, тихо сказалъ:

— Я все ждалъ этихъ словъ, Константинъ Дмитричъ. Еще никогда я не слыхалъ, чтобы такъ просто и вѣрно развязывался этотъ старый узелъ, затянутый оторвавшимся отъ жизни разсудкомъ человѣка такъ туго, что кровообращеніе не можетъ правильно продолжаться, и доступъ къ питающему источнику сердца прекращенъ, такъ что вотъ-вотъ остановится и жизнь. Да, здѣсь, въ этомъ кажущемся противорѣчіи, вся сила. Разсудочное знаніе разума дѣйствительно оказывается неразумнымъ. Но это потому, что оно всегда было только мнимо разумнымъ. Съ другой стороны, считавшееся неразумнымъ знаніе вѣры потому только могло теперь оказаться разумнымъ, что противупоставленіе вѣры разуму всегда было ошибкой. Разсудокъ оторвали отъ преданія и его источника—чувства. И выхолощенную силу разсудка въ ослѣпленіи называли разумомъ. Вѣру же старались отрывать отъ здраваго смысла. Долго занимались люди этимъ безобразнымъ занятіемъ, называя свое дѣло, одни—прогрессомъ, другіе—охраненіемъ основъ. Но не было такого зла и преступленія, котораго бы не были готовы причинить другъ другу изъ-за вражды разсудка и сердца. И вотъ, измучившись, на волоскѣ отъ сумасшествія и самоубійства, хотятъ какъ будто помириться, но, все-таки, хорошенько еще не понимаютъ другъ друга. И весь смыслъ, вся задача человѣческаго духа въ настоящее время лежитъ въ этой смутно еще сознаваемой потребности при-

миренія измученнаго и полузасохшаго въ одиночествѣ чувства съ раздраженнымъ, горделивымъ, сомнѣвающимся, страдающимъ отъ безсилія и пустоты одинокимъ разсудкомъ. И вотъ вы первый называете такъ просто, понятно и вѣрно то самое кажущееся противорѣчіе, въ которомъ и лежитъ не только вопросъ, но также, по возможности, и его окончательное рѣшеніе... Мнѣ чрезвычайно интересно, какъ вы его рѣшите. Потому что чутье говоритъ мнѣ, что ваше рѣшеніе — самое простое по существу, хотя и давалось вамъ путемъ такихъ тяжелыхъ страданій...

— Мнѣ кажется, что для точности выраженія нужно согласиться называть разсудокъ разсудкомъ или логикой, но не разумомъ. Хорошо, что здѣсь нѣтъ съ нами никого изъ противнаго лагеря. Иначе онъ непремѣнно воспользовался бы нашей неточностью въ терминологіи, тѣмъ болѣе, что ошибка раціоналистовъ въ томъ и заключается, что они назвали разумомъ разсудокъ. Особенно трудно это съ такъ называемыми образованными людьми, которые, считая себя въ правѣ говорить и судить обо всемъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ незнакомы не только съ исторіей человѣческаго просвѣщенія, но даже съ элементарными понятіями логики и особенно психологіи. И если начнешь поправлять ихъ неточности и настаивать—сердятся сейчасъ, говорятъ: это—пустяки, это—споръ о словахъ... Что-жь дѣлать? Уступать здѣсь нельзя: пусть привыкаютъ. А намъ ужь, во всякомъ случаѣ, надо сговориться и не давать врагамъ оружія въ руки,— говорилъ я съ азартомъ, видимо, непріятно дѣйствовавшимъ на обоихъ престарѣлыхъ моихъ собесѣдниковъ, которыхъ мнѣ, за молодостью лѣтъ, не приходилось, конечно, брать на себя поучать и судить. «Вѣчно проврешься,—ругалъ я себя въ душѣ.— Но что-жь дѣлать? По крайней мѣрѣ, сказалъ, какъ думалъ: пусть ихъ себѣ тамъ посердятся немножко, а я тѣмъ временемъ опять помолчу и послушаю»,—подумалъ я и опять, нырнувъ подъ мохнатое мягкое одѣяло, приготовился слушать дальнѣйшіе монологи. Но въ эту минуту одна свѣча, неожиданно догорѣвъ, потухла, а другая стала трещать и примѣриваться, какъ бы и ей тоже погаснуть.

На дворѣ уже чуть-чуть свѣтало.

— Ну, господа, въ темнотѣ о такихъ страшныхъ вещахъ разговаривать не приходится; пора спать. Ужь завтра докончимъ нашу бесѣду. Спите спокойно,—сказалъ Левинъ и ласково простился съ нами.

— Я нахожу, что вы оба правы—и Константинъ Дмитричъ, и вы, молодой человѣкъ. Разумное знаніе не можетъ быть неразумнымъ и неразумная вѣра не можетъ быть разумною. Это абсурдъ. Но разсудокъ не можетъ быть разумнымъ всегда, потому что онъ только часть разума. И вѣра не можетъ быть неразумной всегда, потому что она часть разума. Значитъ, все дѣло въ томъ, чтобы откинуть отъ знанія то, что въ немъ бываетъ разсудочнаго—по вашему, или неразумнаго—по терминологіи нашего хозяина, и откинуть въ вѣрѣ все то, что въ ней противорѣчитъ истинному разуму,—все то, что въ ней есть антропоморфическаго и земнаго. Тогда исчезнутъ нынѣшнія глупыя перегородки въ жизни человѣческаго духа; тогда не будетъ уже дѣленія его на непримиримыя между собою науку, искусство и религію, будетъ все нераздѣльнымъ проявленіемъ объединеннаго, очищеннаго человѣческаго сознанія... Въ далекомъ, очень далекомъ будущемъ это возможно,—говорилъ Ивановъ, и тяжело вздохнулъ и задумался.

— Иванъ Ивановичъ, ваша мысль, хотя я и не совсѣмъ еще ее понимаю, очень симпатична мнѣ. Но если вы возлагаете на будущее такія радостныя надежды, отчего же вы какъ-то мало радуетесь, отчего вы вздыхаете? Извините, что я позволяю себѣ судить и говорить о васъ, но мнѣ кажется, что какъ и Константинъ Дмитричъ, также точно и вы живете для истины—для души, для Бога. И если цѣль вашей жизни представляется вамъ несомнѣнной и достижимой, вы должны быть счастливы...

Лицо Иванова было блѣдно и строго. Онъ долго лежалъ молча съ закрытыми глазами. Онъ раскрылъ ротъ, желая сказать что-то, но не могъ и, тихо застонавъ, въ изнеможеніи откинулъ свою исхудалую голову на край подушки. Изъ-подъ блѣдныхъ опущенныхъ морщинистыхъ вѣкъ потекли крупныя неудержимыя слезы. Очевидно, я попалъ въ его больное мѣсто. Проклиная себя за неделикатную неосторожность, я сползъ съ кровати и сѣлъ у изголовья Иванова на кресло и, растерявшись, смотрѣлъ на болѣзненныя черты старика, выражавшія глубокое безпомощное состояніе. На лбу, на вискахъ у него мелкими каплями выступилъ потъ. Прежнее возбужденіе мое исчезло, сердце упало, и я тщетно перебиралъ въ головѣ успокоительныя фразы, чувствуя глупость, неспособность поправить свою ошибку. «Вѣчно провершься, вѣчно относясь къ людямъ отвлеченно, легкомысленно задѣваешь ихъ живыя раны. Пріѣхалъ о литературѣ разговари-

вать—и что надѣлалъ? Дуракъ!» И я оглядывался по сторонамъ, какъ будто стѣны, обои или мебель могли мнѣ чѣмъ-нибудь помочь.

— Въ томъ и есть ужасъ моего положенія, что я, какъ Тантал, стою по колѣна въ водѣ, и только нагнусь, волны отъ меня убѣгаютъ, и нѣтъ средствъ утолить возрастающей жажды. Есть теоретически несомнѣнное для меня убѣжденіе, но нѣтъ конкретнаго чувства, нѣтъ отъ этой вѣры удовлетворенія сердцу. И всего ужаснѣе то, что прежде все это было и вдругъ недавно куда-то непонятно исчезло. Прежде была полнота вѣры и счастье ею — и въ величайшихъ радостяхъ, и въ величайшемъ горѣ. Но недавно со мной случилось что-то странное, странно-ужасное. Помните, въ сказкѣ Андерсена о Гертрудѣ и Каѣ, какъ ему въ глазъ попалъ осколокъ дьявольскаго зеркала и какъ вдругъ пересталъ онъ видѣть доброе въ жизни? Ну, и у меня въ глазу сидитъ такой же осколокъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ неслышно впился мнѣ въ зрачокъ, я пересталъ видѣть человѣка, и въ себѣ и въ другихъ вижу одного только звѣря. Я сажусь обѣдать, и всѣ аксессуары человѣческой кухни: ножи, вилки, тарелки, блюда, всѣ виды кушаній исчезаютъ, и я вижу въ себѣ и въ другихъ только животное, поѣдающее такихъ же животныхъ, какъ оно само. Я прихожу въ общество—и всѣ утонченныя формы человѣческихъ отношеній исчезаютъ для моего взора; остается одно только зрѣлище вѣчной вражды, зависти, «клеветы друзей», эгоизмъ, и въ обществѣ я не вижу теперь ничего, кромѣ стада звѣрей. Я прихожу въ семью и ужь не вижу прежней любви, вижу только, что это логовище для выведенія новыхъ животныхъ. Святѣйшія чувства матери, дѣтей какъ-то обнажились: въ ядрѣ ихъ души я вижу того же звѣря, ту же тигрицу, тигрятъ, только для разнообразія изрѣдка надѣвающихъ ангельскія личины. Женская красота, любовь къ женщинѣ... нѣтъ границъ омерзѣнію, которое не онѣ даже, а малѣйшая тѣнь намека на нихъ—во мнѣ возбуждаютъ. Языкъ любви, казавшійся мнѣ прежде такимъ поэтическимъ, звучитъ мнѣ теперь чѣмъ-то невыразимо фальшивымъ, невообразимо отвратительнымъ и безобразнымъ. Сохраненіе рода.... продолженіе вида... половой подборъ! Бррр... мерзость какая!— Начавъ почти съ шепота, постепенно голосъ Иванова крѣпчалъ, и въ звукѣ его стихало горе и возрастала злоба. Слабости какъ не бывало. Сжавъ зубы, онъ смотрѣлъ впередъ съ неподвижнымъ выраженіемъ ненависти и отвращенія.

— Подлецъ!—закричалъ онъ вдругъ, вскочивъ блѣдный, какъ полотно, и весь трясясь отъ гнѣва.—Подлецъ! какъ смѣлъ ты обманывать себя, другихъ? Какъ смѣлъ ты вѣрить и другихъ еще увѣрять въ возможности счастья, истины, добра? Ты — воплощеніе зла, воплощеніе звѣря!—кричалъ старикъ, обращаясь, очевидно, къ самому себѣ и съ отвращеніемъ глядя на свое тощее тѣло и длинные искривленные члены.

— Иванъ Ивановичъ, вспомните о душѣ вашей, о Богѣ...— сказалъ я, собравшись, наконецъ, съ силами.

— О душѣ? О Богѣ? Ахъ... я понимаю ихъ только вмѣстѣ съ мыслью о смерти. Въ жизни душа представляется мнѣ неосуществимымъ идеальнымъ отвлеченіемъ. Развѣ можетъ быть душа у людей, когда ихъ жизнь построена на тѣхъ же законахъ борьбы за существованіе, за сохраненіе вида, какъ и у животныхъ? Душа есть любовь, а любви нѣтъ у людей. Любовь человѣка бываетъ всегда къ одному на счетъ другихъ... Любишь жену, дѣтей, друга, чтобы меньше любить остальныхъ людей. Любишь русскихъ, чтобы ненавидѣть поляковъ, нѣмцевъ, турокъ, англичанъ. И во всемъ то же самое. Ничего нѣтъ въ людяхъ, кромѣ эгоизма и ненависти... Ничего не дано людямъ, кромѣ знанія и науки, превосходствомъ которыхъ они только побѣждаютъ другъ друга и другихъ животныхъ, къ нимъ неспособныхъ. И живы люди на свѣтѣ только ненавистью своею къ другимъ, только эгоистическою заботою о себѣ, о сохраненіи рода, только трудомъ и наукой, направленными къ той же эгоистической цѣли... Нѣтъ добра и любви на этомъ свѣтѣ. А если ихъ нѣтъ, то нѣтъ и правды. А нѣтъ правды, любви и добра, значитъ нѣтъ и души у живущаго на землѣ человѣка... И когда это поймешь, тогда и къ Богу чувство твое становится отвлеченнымъ, теоретическимъ, холоднымъ... Да, Богъ есть: теоретически это несомнѣнно для меня. Но практически я не вѣрю въ исполнимость людьми его закона на землѣ. Люди въ дѣйствительности живутъ на основаніи другихъ законовъ — законовъ своей животной природы, законовъ борьбы и побѣды. Словомъ, я признаю, что истина существуетъ, что познаніе ея возможно для человѣка, но *осуществленіе* ея въ дѣйствительности для людей представляется мнѣ недоступнымъ. Когда увидишь все это такъ ясно, какъ я это вижу, не можешь быть счастливъ. Въ одномъ только вижу я счастье—въ смерти. Тамъ только разстанусь я съ источникомъ зла моего—съ моимъ отвратительнымъ тѣломъ.

Тамъ только откроются мнѣ любовь, истина и добро. Тамъ только буду я счастливъ.

Голосъ, постепенно стихая, замолкъ. Морщины расправились. Глаза стали спокойны и свѣтлы и съ неожиданнымъ выраженіемъ прощенія и любви смотрѣли куда-то далеко. Какъ будто онъ прислушивался къ звукамъ, раздающимся гдѣ-то далеко, далеко, несущимъ ему оттуда сладкую музыку счастья и миръ, которыхъ онъ не зналъ на землѣ. Вдругъ что-то мягкое и нѣжное промелькнуло въ лицѣ больнаго.

«Ну, слава Богу, успокоился несчастный,—подумалъ я.—И какъ это удивительно: Левинъ пришелъ въ ужасъ отъ мысли о смерти, а этого одна мысль о ней дѣлаетъ счастливымъ. Странно!»

Успокоившись за Иванова, который лежалъ съ закрытыми глазами и готовился заснуть, я на цыпочкахъ, осторожно пробрался на свою кровать и легъ, чтобы тотъ опять какъ-нибудь не заговорилъ. Я лежалъ и думалъ о несчастномъ Ивановѣ, о счастливомъ Левинѣ. Какъ ни тягостно было впечатлѣніе разговора съ Ивановымъ, инстинктъ говорилъ мнѣ, что такъ ли, иначе ли, раньше или позже, но этотъ несчастный освободится отъ яда, пропитавшаго все его существо, и найдетъ истину и примиреніе, какъ и Левинъ, только обратнымъ путемъ, и что теперешнее его состояніе есть только послѣдніе приступы слабѣющаго уже эгоизма. Въ мысляхъ о Левинѣ и Ивановѣ открывалось мнѣ что-то новое и таинственное: какъ будто сама собой открывалась какая-то тайна, разгадать которую было будто бы издавна моимъ задушевнымъ желаніемъ. «Какъ они одновременно близки и далеки другъ къ другу,—думалъ я.—Неужели счастье и несчастье—только ступени, съ двухъ противуположныхъ сторонъ ведущія къ той далекой таинственной вершинѣ, съ которой человѣку открывается истина?... И по которой изъ двухъ этихъ лѣстницъ суждено мнѣ взойти на желанную вершину въ моей собственной жизни?» Я думалъ объ этомъ и не спалъ.

Солнце взошло, и комната ярко освѣтилась. Старикъ, ровно дыша, спалъ крѣпко съ спокойнымъ выраженіемъ лица. Что-жъ? Неужели спать въ такое прелестное утро, послѣ всѣхъ этихъ необыкновенныхъ впечатлѣній? Я потихоньку одѣлся и вышелъ. Въ передней старый Петръ подметалъ полъ.

— Дайте мнѣ мою шубу.

Петръ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Помилуйте, баринъ, вѣдь, весна на дворѣ. Почитай, градусовъ 15 будетъ на солнцѣ.

— Какъ же такъ? Вѣдь, я вчера на саняхъ къ вамъ пріѣхалъ?

— Не могу знать. Только извольте выйти на дворъ посмотрѣть, какъ вамъ угодно будетъ одѣться.

Я, ничего не понимая, вышелъ на крыльцо. Уже когда я отворилъ первую дверь, на меня пахнуло свѣжестью теплаго весенняго утра. Что за чудо? На дворѣ точно была весна. Деревья уже давно распустились. Солнце такъ ласково грѣло. Птицы щебетали о чемъ-то съ веселымъ сердцемъ. Ничего не понимаю... ахъ, это, вѣдь, сонъ, это, вѣдь, все во снѣ со мной происходитъ... Ну, тогда ничего... И фантастическія представленія сна опять, цѣпляясь одно за другое, потянулись старою цѣпью.

XXV.

Возвращаясь за шапкой и палкой, я наткнулся на Левина, который, свѣжій и веселый, какъ юноша, шелъ въ кабинетъ.

— Какъ спали? Долго еще бесѣдовали съ моимъ другомъ?

— Да, онъ недавно только заснулъ. Онъ чѣмъ-то разстроился. Я боюсь, не я ли это какъ-нибудь разбередилъ ему то, что, видимо, болитъ у него уже давно.

— Да, ему, бѣднягѣ, не повезло въ жизни,—сказалъ Левинъ грустно и вздохнулъ.—Но вообще онъ ничего, бодрится. Иногда только находитъ на него линія, какъ онъ выражается, и тогда онъ становится тяжелъ для окружающихъ, но не для меня: со мной онъ какъ-то довѣрчивѣе и веселѣе, и мы какъ-то ужь очень скоро понимаемъ другъ друга. Такъ не будемъ его будить. Пойдемте, я покажу вамъ балконъ.

Мы обошли домъ черезъ калитку сада и взобрались на какое-то странное сооруженіе, представлявшее нѣчто среднее между балкономъ, террасой и колонадой, очень красивое и уютное. Видъ открывался далекій и просторный. Домъ стоялъ на возвышеніи, и за садомъ поля и рощи, спускаясь ступенями къ рѣкѣ, переходили по ту сторону рѣки въ большую долину, на горизонтѣ которой виднѣлись безконечные лѣса. Восходящее солнце увеличивало прелесть далекаго вида, который весь какъ будто бы былъ сдѣланъ изъ золота, эмали и бархата, весеннихъ

цвѣтовъ и отливовъ и воздуха, чистотѣ и мягкой свѣжести котораго не было опредѣленія.

— Какъ хорошо!—сказали мы оба въ одинъ голосъ.

— Пойдемте по саду, пока принесутъ намъ поѣсть,—сказалъ Левинъ.

Мы спустились со старыхъ, съ потрескавшимся цементомъ, каменныхъ ступеней террасы и пошли по нерасчищенному еще саду. Такъ хорошо было, что мы долго молчали, и ни Левину, ни мнѣ не хотѣлось ни о чемъ говорить.

Мы подошли къ старому наклонившемуся забору, вдоль котораго стояли почему-то вишневыя деревья въ цвѣту.

— Вѣдь, какъ хорошо,—сказалъ Левинъ, помолчавъ.—Такъ хорошо, что не хочется думать. Да и не нужно думать, — прибавилъ онъ серьезно. — Думать, анализировать все — ненормально, несвойственно природѣ. Нужно жить, а не думать. Вотъ предо мною природа, Богъ, смыслъ жизни, свободы, добра. Они передъ нами. Зачѣмъ подвергать ихъ логическому изслѣдованію, которое къ нимъ непримѣнимо? Они не выдерживаютъ анализа, но не потому, чтобы они были ниже, а потому, что они отъ него ускользаютъ. Передъ критикой остаются не добро, не истина, не счастье, познаваемое лишь прямымъ созерцаніемъ природы и общей съ нею жизнью, а наши случайныя понятія о нихъ. И понятія наши, случайныя и несовершенныя, не выдерживаютъ разсудочной критики. Если бы не было такъ ужасно, было бы смѣшно, съ какою гордостью и самодовольствомъ мы, какъ дѣти, разбираемъ часы, вынимаемъ пружины, дѣлаемъ изъ нихъ игрушку и потомъ удивляемся, что часы перестали идти... Жизнь не поддается разсудку, его пониманію; его пониманіе жизни узко и мелко Въ сравненіи съ истиной жизни оно—ничтожество, нуль. И вотъ оно, разсудочное знаніе, начинаетъ судить будто бы жизнь, а на дѣлѣ само себя, т.-е. нуль, и приходитъ къ результату, что нуль равенъ нулю... и удивляется! Нечего удивляться: ничего другаго и не могло получиться въ результатѣ! Жизнь, представляющаяся разсудку ничѣмъ, есть ничто, конечно; но она есть ничто только для разсудка. Отвѣтъ разсудка есть отвѣтъ неопредѣленный. Онъ не можетъ имѣть значенія достовѣрно отрицательнаго, потому что онъ условенъ. Онъ говоритъ: *я* не понимаю жизни, *я* не въ силахъ ее объяснить. Безусловность отрицанія несомнѣнна здѣсь только по отношенію къ

вопрошающему разсудку, но не къ вопрошаемой жизни. Разсудокъ говоритъ такъ: мое знаніе жизни равно нулю; потомъ спрашиваетъ: что есть нуль? и отвѣчаетъ: нуль есть нуль... Это похоже на то, что бываетъ въ математикѣ, когда, думая рѣшать уравненіе, рѣшаемъ тождество. Ходъ размышленія правиленъ, но въ результатѣ получается отвѣтъ: $a=a$, или $x=x$, или $0=0$. Жизнь, представляющаяся нормальному чувству добромъ, есть добро. Жизнь, кажущаяся извращенному чувству зломъ, есть зло. Разсудокъ говоритъ: жизнь есть ничто; чувство говоритъ: жизнь есть добро или зло. Разсудокъ ничего не отвѣчаетъ; рѣшаетъ вопросъ и судитъ одно только чувство... Я спрашивалъ: какое внѣвременное, внѣпространственное значеніе моей жизни? Разсудокъ не признавалъ такой постановки: онъ не понималъ безконечнаго. И потому разсудокъ отвѣчалъ на другой вопросъ: какое временное, причинное и пространственное значеніе моей жизни? И отвѣтъ его былъ: никакого. Понявъ это, я увидѣлъ, что нельзя было искать въ разсудочномъ знаніи отвѣта на мой вопросъ, и что отвѣтъ, даваемый разсудочнымъ знаніемъ, есть только указаніе на то, что отвѣтъ положительный и опредѣленный можетъ быть полученъ только при иной постановкѣ вопроса, только тогда, когда въ разсужденіе будетъ введенъ непостижимый разсудку вопросъ отношенія конечнаго къ безконечному. Я понялъ и то, что какъ ни безосновательны съ разсудочной точки зрѣнія Отвѣты, даваемые вѣрою, они имѣютъ то преимущество, что вводятъ въ каждый отвѣтъ отношеніе конечнаго къ безконечному, безъ котораго не можетъ быть отвѣта. Вопросъ: какъ *мнѣ* жить? Отвѣтъ: по закону *Божію*. Что выйдетъ изъ *моей* жизни? *Вѣчное* мученіе или *вѣчное* блаженство. Какой неуничтожаемый смертью смыслъ жизни? Соединеніе съ безконечнымъ *Богомъ*, рай... Такъ что, кромѣ разсудочнаго знанія, которое прежде представлялось мнѣ разумнымъ и единственнымъ, я былъ приведенъ къ необходимости признать, что существуетъ другое знаніе, казавшееся мнѣ прежде неразумнымъ, но которое одно даетъ человѣчеству отвѣты на вопросы жизни и вслѣдствіе того возможность жить,— вѣра. «Разумное» знаніе привело меня къ признанію того, что жизнь безсмысленна; жизнь моя остановилась и я хотѣлъ уничтожить себя. Оглянувшись на людей, на все человѣчество, я увидалъ, что люди живутъ и утверждаютъ, что знаютъ смыслъ жизни. Какъ другимъ людямъ, такъ и мнѣ смыслъ жизни и

возможность жизни давала вѣра. Оглянулся дальше, на людей другихъ странъ и временъ—увидалъ то же самое. Гдѣ жизнь, тамъ вѣра, съ тѣхъ поръ, какъ есть человѣчество, даетъ возможность жить, и главныя черты вѣры вездѣ и всегда однѣ и тѣ же. И я понялъ, что не разсудокъ, а вѣра есть знаніе смысла человѣческой жизни, вслѣдствіе котораго человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Вѣра есть сила жизни. Если человѣкъ живетъ, то онъ во что-нибудь да вѣритъ. Еслибъ онъ не вѣрилъ, что для чего-нибудь надо жить, то онъ бы и не жилъ. Если онъ не видитъ, не понимаетъ, что конечное есть призракъ, онъ вѣритъ въ конечное; если онъ понимаетъ призрачность конечнаго, онъ долженъ вѣрить въ безконечное. Безъ вѣры нельзя жить... нужно и дорого только разрѣшеніе противорѣчія конечнаго съ безконечнымъ, отвѣтъ на вопросъ жизни такой, при которомъ возможна жизнь. И это единственное разрѣшеніе, которое мы находимъ вездѣ, всегда и у всѣхъ народовъ,—разрѣшеніе, вынесенное изъ временъ еще доисторическихъ, разрѣшеніе столь трудное, что мы новаго, подобнаго ему, сдѣлать не можемъ, и это-то разрѣшеніе мы легкомысленно разрушаемъ, съ тѣмъ, чтобы поставить опять тотъ вопросъ, который присущъ всякому и на который у насъ нѣтъ и не можетъ быть иного отвѣта. Понятіе безконечнаго Бога, божественности души, связи дѣлъ людскихъ съ Богомъ, понятія нравственнаго добра и зла,—эти понятія выработаны въ скрывающейся отъ разсудка дали доисторической жизни человѣчества; это тѣ понятія, безъ которыхъ не было бы жизни и меня самого. А я, откинувъ всю эту работу всего человѣчества, хочу все самъ дѣлать по новому и по своему. И матеріалъ для нея ищу тамъ, гдѣ его не можетъ быть, ищу внѣ меня, въ разсудкѣ, тогда какъ онъ внутри меня, въ моемъ сердцѣ... Я понималъ, что всѣ наши разсужденія вертятся въ заколдованномъ кругѣ, какъ колесо, не цѣпляющееся за шестерню. Сколько бы и какъ бы хорошо мы ни разсуждали, мы не можемъ получить отвѣта на вопросъ, и всегда будетъ $0=0$, и что по этому нашъ путь, путь разсужденія, ошибоченъ. Я понималъ, что въ отвѣтахъ, даваемыхъ вѣрою, хранится глубочайшая мудрость человѣчества, что я не имѣлъ права отрицать ихъ на основаніи «разума» и, что главное, отвѣты эти одни отвѣчаютъ на вопросы жизни. Я понималъ, что скотникъ Николай, старикъ, умершій въ Богѣ—Ѳоканычъ, Ѳедоръ подавальщикъ, вотъ эта старушка няня моя,

Агафья Михайловна, которая въ эту минуту съ такою торжественностью засѣдаетъ тамъ у самовара на террасѣ и готовитъ намъ чай,—что *они*—хранители истинной мудрости, и что мы—съ г. Станкевичемъ вашимъ, съ братцемъ моимъ ученымъ Сергѣемъ Ивановичемъ, съ Катавасовымъ, Песцовымъ и Метровымъ—олицетвореніе невѣжества и ничтожества въ сравненіи съ этими умными, добрыми, прекрасными людьми...

«Какъ онъ хорошо говоритъ,—думалъ я, восходя съ Левинымъ по ступенямъ террасы.—И какъ это онъ вѣрно и сразу объяснилъ мнѣ все о г. Станкевичѣ. Удивительно! Г. Станкевичъ, просто, забылъ то, что теперь большинству образованныхъ людей уже неизвѣстно, но что твердо знаютъ и помнятъ такіе люди, какъ Агафья Михайловна. Такъ вотъ почему онъ такъ смѣялся надъ ея философіей, которая, очевидно, гораздо, несравненно глубже его неопредѣленной системы... Только бы Левину не надоѣло говорить дальше. Тогда бы, можетъ быть, я узналъ и о томъ, почему г. Станкевичъ отнесся съ такимъ ужаснымъ презрѣніемъ не только къ мнѣніямъ Агафьи Михайловны, но и къ ней самой, почему онъ такъ неуважительно отзывался о ней, о скотникѣ Николаѣ и т. д. Только бы Левинъ говорилъ — ужь я его теперь не перебью... Какъ бы не забыть только? Вѣдь, записывать неловко, да и невозможно во снѣ. Какъ хорошо я сдѣлалъ, что пріѣхалъ сюда! Одно нехорошо, это—Ивановъ, больной и озлобленный. Но, вѣдь, это пройдетъ у него, какъ все проходитъ на свѣтѣ.

— Здравствуйте, Агафья Михайловна. Пойдите, узнайте у Петра, проснулся ли Иванъ Ивановичъ. Что вы пьете утромъ, чай или кофе? Садитесь сюда,—говорилъ Левинъ, садясь у самовара.

— Такъ вотъ, видите ли,—продолжалъ онъ свой разсказъ,—я все это прекрасно понималъ въ теоріи, но отъ этого мнѣ не было легче. Я видѣлъ, что знаніе смысла—въ вѣрѣ, но въ какой вѣрѣ и какъ понять ее — я не зналъ. И я изучалъ буддизмъ и магометанство по книгамъ, и болѣе всего христіанство и по книгамъ, и по живымъ людямъ, окружавшимъ меня. Я естественно обратился, прежде всего, къ вѣрующимъ людямъ моего круга. И я ухватился за нихъ и допрашивалъ ихъ о томъ, какъ они вѣрятъ и въ чемъ видятъ смыслъ жизни. Несмотря на то, что я дѣлалъ всевозможныя уступки, избѣгалъ всякихъ споровъ, я не могъ принять вѣры этихъ лю-

дей; я видѣлъ, что то, что они выдавали за вѣру, было не объясненіе, а затемнѣніе смысла жизни, что сами они утверждали свою вѣру не для того, чтобы отвѣтить на тотъ вопросъ жизни, который привелъ меня къ вѣрѣ, а для какихъ-то другихъ, чуждыхъ мнѣ цѣлей. Меня оттолкнуло то, что жизнь этихъ людей была та же, какъ и моя, съ тою только разницею, что она не соотвѣтствовала тѣмъ самымъ началамъ, которыя они излагали въ своемъ ученіи. Я чувствовалъ ясно, что они сами себя обманываютъ и что у нихъ, также какъ у меня, нѣтъ другаго смысла въ жизни, какъ того, чтобы жить, пока живется, и брать все, что можетъ взять рука. Я видѣлъ это потому, что еслибъ у нихъ былъ тотъ смыслъ, при которомъ уничтожается страхъ лишеній, страданій и смерти, то они бы не боялись ихъ. А они, эти вѣрующіе нашего круга, точно также какъ и я, жили въ избыткѣ, старались увеличить или сохранить его, боялись лишеній, страданій, смерти и жили, удовлетворяя похотямъ, жили также дурно, если не хуже, чѣмъ невѣрующіе. И потому никакія разсужденія не могли убѣдить меня въ истинности ихъ вѣры. Я понялъ, что вѣра этихъ людей не та вѣра, которой я искалъ, что ихъ вѣра не есть вѣра, а только одно изъ эпикурейскихъ наслажденій въ жизни. Я понялъ, что эта вѣра годится, можетъ быть, хоть не для утѣшенія, а для нѣкотораго разсѣянія раскаивающемуся Соломону на смертномъ одрѣ, но она не можетъ годиться для огромнаго большинства человѣчества, которое призвано не потѣшаться, а творить жизнь. Для того, чтобы все человѣчество могло жить, для того, чтобы оно продолжало жизнь, придавая ей смыслъ, у нихъ, у этихъ милліардовъ, должно быть другое, настоящее знаніе вѣры. Вѣдь, не то, что мы съ Соломономъ и Шопенгауеромъ не убили себя, не это убѣдило меня въ существованіи вѣры, а то, что жили эти милліарды и живутъ и насъ съ Соломономъ вынесли на своихъ волнахъ... Вотъ идетъ нашъ милый нераскаявшійся еще Соломонъ,—сказалъ вдругъ Левинъ, ласково улыбаясь и вставая на встрѣчу Иванову.

— Какъ вы спали? Какъ чувствуете себя, дорогой Иванъ Ивановичъ?—говорилъ Левинъ, крѣпко пожимая руку своего друга и съ спокойнымъ вниманіемъ вглядываясь въ выраженіе его лица, слегка освѣженнаго сномъ.

— Спалъ немного, но крѣпко. Вотъ, юношѣ выболталъ всю душу и заснулъ. А вы давно встали? Какъ сегодня хорошо здѣсь!

И на изможденномъ лицѣ старика не видно было вчерашняго озлобленія, а было что-то доброе и благодушное.

— Прошла линія? Вотъ вамъ стаканъ. Пожалуй, и мясо будете ѣсть сегодня?

На сморщившемся вдругъ лицѣ Ивана Ивановича, сквозь неожиданно веселую улыбку, показалось выраженіе, свойственное человѣку, когда его хотятъ угостить пріемомъ olei ricini.

— Когда Иванъ Ивановичъ подвергается своей линіи,— обратился ко мнѣ Левинъ, поднявъ кверху брови съ хитрымъ и добродушно-веселымъ выраженіемъ,— онъ тогда не ѣсть мяса... на философскомъ основаніи.

— Отчего это, Иванъ Ивановичъ?

Старикъ сконфузился.

— Видите ли... я тогда вспоминаю микроскопъ Тицнера. Вы видали? Помните, какъ тамъ въ каплѣ воды у васъ на глазахъ рождаются, пздыхаютъ, поѣдаютъ другъ друга тысячи инфузорій? Вотъ и мы, люди, также поѣдаемъ другихъ животныхъ. И когда вспомнишь это живо, не лѣзетъ кусокъ въ горло и питаешься тогда акридами и дикимъ медомъ — молокомъ, хлѣбомъ, чѣмъ-нибудь растительнымъ. А иногда и вовсе ничего не ѣшь,— сказалъ Иванъ Ивановичъ и покраснѣлъ.

— Да что объ этомъ говорить. Лучше скажите, о чемъ вы тутъ бесѣдовали съ юношей?

— Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu. Да все о томъ же, о вчерашнемъ. Разсказывалъ, какъ я раскаялся.

— Пожалуйста, продолжайте. Я, въ наказаніе за то, что опоздалъ, буду не только слушать и стараться понимать, но еще догадываться о томъ, чего не слыхалъ.

— Да... я началъ говорить, что, не найдя удовлетворенія въ вѣрѣ людей моего круга, я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей, со странниками, монахами, раскольниками, мужиками. Вѣроученіе этихъ людей изъ народа было тоже христіанское, какъ вѣроученіе мнимовѣрующихъ изъ нашего круга. Но многое въ жизни вѣрующихъ нашего круга было противорѣчіемъ ихъ вѣрѣ, а вся жизнь людей вѣрующихъ и трудящихся была подтвержденіемъ того смысла жизни, который давало знаніе вѣры. И я сталъ вглядываться въ жизнь и вѣрованіе этихъ людей, и чѣмъ больше я вглядывался, тѣмъ больше убѣждался, что у нихъ была настоящая вѣра, что вѣра ихъ необходима для нихъ и одна да-

етъ имъ смыслъ и возможность жизни. Въ противуположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на судьбу за лишенія и страданія, эти люди принимали болѣзни и горести безъ всякаго недоумѣнія и противленія, а съ спокойною и твердою увѣренностью въ томъ, что все это должно быть и не можетъ быть иначе, что все это—добро. Въ противуположность того, что чѣмъ мы умнѣе, тѣмъ менѣе понимаемъ смыслъ жизни и видимъ какую-то злую насмѣшку въ томъ, что мы страдаемъ и умираемъ, эти люди живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти съ спокойствіемъ, чаще же всего съ радостью. И я оглянулся шире вокругъ себя. Я вглядѣлся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей. И я увидѣлъ такихъ понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ умирать — не двухъ, трехъ, десять, а сотни, тысячи, милліоны. И всѣ они, безконечно различные по своему нраву, уму, образованію, положенію, всѣ одинаковы и совершенно противуположно моему невѣдѣнію знали смыслъ жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишенія и страданія, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро. И я полюбилъ этихъ людей...

Слезы выступили на глазахъ Левина, и онъ остановился и долго не могъ справиться съ своимъ волненіемъ. Ивановъ слушалъ его съ такимъ выраженіемъ, какъ будто жизнь его зависѣла отъ того, что будетъ сказано Левинымъ дальше.

— И чѣмъ больше я вникалъ въ ихъ жизнь, тѣмъ больше я любилъ ихъ и тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить,— продолжалъ Левинъ, оправившись. Я жилъ такъ два года, и со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ и зачатки котораго всегда во мнѣ были. Жизнь нашего круга не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука и искусство,—все это представилось мнѣ однимъ баловствомъ. Я понялъ, что искать смысла жизни въ этомъ нельзя. Дѣйствія же трудящагося народа, творящаго жизнь, представились мнѣ единымъ настоящимъ дѣломъ. И я понялъ, что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и принялъ его...

Вдругъ я замѣтилъ, что Левинъ пристально и сурово смотритъ въ глаза своему другу, а тотъ сидитъ съ выраженіемъ человѣка, который въ ослѣпленіи долго дѣлалъ что-то очень дурное и потомъ вдругъ, сразу, неожиданно понялъ, наконецъ,

что онъ преступникъ. Я смотрѣлъ на нихъ и ничего не понималъ.

— Я вспомнилъ, — говорилъ Левинъ сухимъ и строгимъ тономъ, не спуская глазъ съ Ивана Ивановича,—я вспомнилъ, какъ тѣ же самыя вѣрованія отталкивали меня и казались безсмысленными, когда ихъ исповѣдывали люди, жившіе противно этимъ вѣрованіямъ, и какъ эти же самыя вѣрованія привлекли меня и показались мнѣ разумными, когда я видѣлъ, что люди живутъ по нимъ. Я вспомнилъ это и понялъ, почему я *тогда* откинулъ эти вѣрованія, почему нашелъ ихъ безсмысленными и почему *теперь* принялъ ихъ и нашелъ полными смысла. Я понялъ, что я заблудился тогда — и какъ я заблудился. Я *заблудился* не столько отъ того, что неправильно мыслилъ, сколько *отъ того, что я жилъ дурно*. Я понялъ, что истину закрыло отъ меня не столько заблужденіе моей мысли, сколько самая жизнь моя въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ эпикурейства, удовлетворенія похотямъ, въ которыхъ я провелъ ее. Я понялъ, что мой вопросъ о томъ, что есть моя жизнь, и отвѣтъ: зло— былъ совершенно правиленъ. Неправильно было только то, что отвѣтъ, относящійся только ко мнѣ, я отнесъ къ жизни вообще: я спросилъ себя, что такое моя жизнь, и получилъ отвѣтъ: зло и безсмыслица. И точно моя жизнь — жизнь потворства, похоти — была безсмысленна и зла, и потому отвѣтъ: «жизнь зла и безсмысленна» относится только къ моей жизни, а не къ жизни людской вообще. Я жилъ въ избыткѣ, все у меня было, чего можетъ желать человѣкъ: свобода, независимость, деньги, имѣніе, здоровье, сила, талантъ, слава и, сверхъ всего этого, семейное счастье. И эта жизнь избытка человѣческаго счастья не имѣла уже цѣли и была потому безсмысленна. Она вся была направлена на мое личное благо (я не говорю о семьѣ, потому что семья моя для меня — тотъ же я) и потому была эгоистична и зла. Она была совершенно также бызсмысленна и зла, какъ жизнь тѣхъ, которые страдаютъ отъ того, что не имѣютъ славы, независимости, здоровья, денегъ, таланта, отъ того, что не имѣютъ личнаго счастья, и за свое страданіе ненавидятъ людей и жизнь и считаютъ жизнь человѣчества зломъ и безсмыслицей, еще находя дерзость увѣрять другихъ, что вѣруютъ въ Бога,—говорилъ Левинъ, возвышая голосъ и съ возрастающей суровостью глядя на Иванова.

Каждое слово Левина какъ будто молотомъ огромнымъ било

Ивана Ивановича. Онъ вздрагивалъ отъ каждаго слова своего друга. Онъ сидѣлъ, широко раскрывъ глаза, краснѣя все больше и больше, и закрылъ лицо руками.

Левинъ вдругъ смягчился. Лобъ и брови разгладились, глаза и лицо просвѣтлѣли, и онъ, замолчавъ, смотрѣлъ на своего друга съ любовью и кротостью. И заговорилъ голосомъ тихимъ, какъ будто это не онъ, а голосъ его самъ отъ себя, прямо изъ сердца приносилъ его другу отраду и миръ.

— Я понялъ ту истину,—говорилъ этотъ голосъ, — я понялъ ту истину, что люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его. Я понялъ, что для того, чтобы понять смыслъ жизни и увидѣть въ ней добро, надо, прежде всего, чтобы твоя собственная жизнь была не безсмысленна и зла, а потомъ уже разумъ, чтобы назвать свое пониманіе словомъ. Если думаешь и говоришь о жизни человѣческой, то надо говорить и думать о жизни всего человѣчества, а не о жизни нѣсколькихъ паразитовъ жизни... Эта истина всегда была истиной, какъ дважды два—четыре, но я не признавалъ ея, потому что, признавъ $2 \times 2 = 4$, я тѣмъ самымъ обязывался признать себя дурнымъ человѣкомъ, а чувствовать себя хорошимъ для меня было важнѣе, нежели признавать $2 \times 2 = 4$. Я полюбилъ хорошихъ людей, *возненавидѣлъ себя* и—призналъ истину. И все сразу ясно мнѣ стало... Возненавидѣть себя, забывать о себѣ, не думать о себѣ, любить другихъ,—это одно средство, чтобы жить и понимать жизнь, любить ее и считать добромъ... Птица существуетъ такъ, что она должна летать, собирать пищу, строить гнѣздо, и когда я вижу, что птица дѣлаетъ это, я радуюсь ея радостью. Коза, заяцъ, волкъ существуютъ такъ, что они должны кормиться, множиться, кормить свои семьи, и когда они дѣлаютъ это, у меня есть твердое сознаніе, что они счастливы и жизнь ихъ разумна. И человѣкъ точно также долженъ добывать жизнь, какъ и животныя, но съ тою огромною разницей, что онъ погибнетъ, добывая ее одинъ; онъ долженъ добывать ее не для себя, а для всѣхъ. И когда онъ дѣлаетъ это, у меня есть твердое сознаніе, что онъ счастливъ и жизнь его разумна. Если смыслъ человѣческой жизни въ томъ, чтобы добывать ее, то какъ же я, проживъ паразитомъ тридцать лѣтъ сознательной жизни, могъ получить другой отвѣтъ, какъ тотъ, что жизнь

моя есть безсмыслица и зло? Она и была безсмыслица и зло...

Левинъ замолчалъ и задумался. Ивановъ, отнявъ руки отъ мокраго лица и покраснѣвшихъ глазъ, смотрѣлъ на Левина съ мольбой и надеждой.

— Константинъ Дмитричъ,—сказалъ онъ голосомъ робкимъ и нетвердымъ,—но зачѣмъ же эта борьба за существованіе въ мірѣ человѣка и животныхъ? Зачѣмъ волкъ поѣдаетъ козу и зайца? Зачѣмъ мы охотимся на волковъ? Зачѣмъ ястребъ поѣдаетъ ласточекъ и цыплятъ? Зачѣмъ мы убиваемъ ястреба и гоняемъ его, чтобы онъ не мѣшалъ намъ ѣсть цыплятъ съ зеленью и крупой? Зачѣмъ люди убиваютъ другъ друга? Я готовъ признать, что я—зло и что поэтому я считаю жизнь зломъ. Но какъ же быть въ виду этой, и внѣ меня столь несомнѣнной истины? Какъ быть въ виду того факта, что міръ въ каждое мгновеніе своего существованія есть поле битвы, гдѣ поминутно одни погибаютъ въ изнеможеніи, другіе побѣждаютъ и рождаютъ новыхъ существъ, которыя въ слѣдующій моментъ продѣлываютъ другъ съ другомъ то же самое? И каждый разъ одно и то же. Перемѣняются платья, моды, культура, породы людей и животныхъ, а суть все та же и та же. Зачѣмъ же все это? Неужели это не зло, не безсмыслица?—говорилъ со слезами отчаянія въ голосѣ несчастный старикъ.

Лицо Левина опять потемнѣло. Опять голосъ его сдѣлался сухимъ и суровымъ.

— Чтобъ имѣть надежду понять смыслъ той воли, которая управляетъ жизнью міра, надо, прежде всего, исполнять ее, дѣлать то, чего отъ насъ хотятъ. А если я не буду дѣлать того, чего хотятъ отъ меня, то и не пойму никогда и того, чего хотятъ отъ меня, а ужь тѣмъ менѣе — чего хотятъ отъ всѣхъ насъ и отъ всего міра... Если голаго, голоднаго, нищаго взяли съ перекрестка, привели въ крытое мѣсто прекраснаго заведенія, накормили, напоили и заставили двигать вверхъ и внизъ какую-то палку, то очевидно, что, прежде чѣмъ разбирать, зачѣмъ его взяли, зачѣмъ двигать палкой, разумно ли устройство всего заведенія,—нищему, прежде всего, нужно двигать палкой. Если онъ будетъ двигать палкой, тогда онъ пойметъ, что палка эта движетъ насосъ, что насосъ накачиваетъ воду, что вода идетъ по грядкамъ; тогда его выведутъ изъ крытаго колодца и поставятъ на другое дѣло; и онъ будетъ собирать плоды и вой-

детъ въ радость господина своего и, переходя отъ низшаго дѣла къ высшему, все дальше и дальше понимая устройство всего заведенія и участвуя въ немъ, никогда не подумаетъ спрашивать, зачѣмъ онъ здѣсь, и ужь никакъ не станетъ упрекать хозяина. Такъ и не упрекаютъ хозяина тѣ, которые дѣлаютъ его волю, люди простые, рабочіе, неученые, а мы вотъ, мудрецы, ѣсть ѣдимъ все хозяйское, а дѣлать не дѣлаемъ того, чего хочетъ отъ насъ хозяинъ, и, вмѣсто того, чтобы дѣлать, сѣли въ кружокъ и разсуждаемъ: «Зачѣмъ это двигать палкой? Вѣдь, это глупо!» Вотъ и додумались. Додумались до того, что лишь мы умны, только чувствуемъ, что никуда не годимся и надо намъ какъ-нибудь самимъ отъ себя избавиться...

Голосъ Левина дрожалъ отъ негодованія, и онъ, почти съ презрѣніемъ взглянувъ на своего стараго друга, всталъ, потянулся и прошелся по балкону. Ивановъ, сморщивъ лобъ, усиленно думалъ. Меня удивило, что рѣзкій тонъ и слова Левина не только не сердили его, а какъ будто даже были ему пріятны.

— Пойдемте, господа, пройтись немножко, — сказалъ Левинъ.—Вотъ тамъ, за рѣчкой, есть прелестныя мѣста.—И онъ, улыбаясь, поводилъ рукой по спинѣ своего сконфуженнаго друга. Мы оба съ удовольствіемъ согласились, тѣмъ болѣе, что всѣ въ домѣ, судя по шуму и голосамъ, уже проснулись, и дамы съ дѣтьми каждую минуту могли войти и помѣшать разговору, который становился все интереснѣе и серьезнѣе. Къ тому же, для Иванова, съ его заплаканнымъ лицомъ и жалкимъ видомъ, появленіе новыхъ лицъ могло быть непріятно и въ другомъ отношеніи.

XXVI.

Мы прошли садъ и спустились чрезъ поле, мимо небольшой рощи, къ рѣкѣ, переправились чрезъ дрожащій мостокъ и пошли къ виднѣвшемуся вдали большому лѣсу. Собесѣдники мои молчали; они полны были мыслями и шли съ серьезными лицами. Но для меня прелестный ландшафтъ былъ новъ, и весеннее утро въ Россіи, въ деревнѣ, такъ было отрадно, что я ни о чемъ не думалъ и просто радовался тому, что еще существую и еще на родинѣ.

— Я боюсь,—сказалъ Левинъ, наконецъ,—не будетъ ли вамъ далеко идти къ большому лѣсу, господа? Впрочемъ, мы такъ много разговаривали, что пройтись, какъ слѣдуетъ, будетъ по-

лезно. Мнѣ очень бы хотѣлось его увидѣть. Я давно въ немъ не былъ, а онъ особенно дорогъ мнѣ по воспоминаніямъ о томъ, что мнѣ тамъ открылось въ шумѣ деревьевъ—въ тотъ памятный мнѣ годъ, когда сердце мое непрестанно томилось мучительнымъ чувствомъ, которое я не могу назвать иначе, какъ исканіемъ Бога. Я говорю, что это исканіе было не разсужденіе, а чувство, потому что это исканіе вытекало не изъ мыслей моихъ, а изъ сердца. Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужаго и надежды на чью-то помощь. Сердцемъ искалъ Бога, надѣясь, что найду Его, обращался по старой привычкѣ съ мольбой къ Тому, Кого я искалъ и не находилъ. То я провѣрялъ въ умѣ доводы Канта и Шопенгауера о невозможности доказательства бытія Божія, то я начиналъ опровергать ихъ. «Причина, говорилъ я себѣ, не есть такая же категорія мышленія, какъ пространство и время. Если я есмь, то есть на то причина и причина причинъ». И я останавливался на этой мысли и старался всѣмъ существомъ сознать присутствіе этой причины. И какъ только я сознавалъ, что есть сила, во власти которой я нахожусь, такъ тотчасъ же чувствовалъ возможность жизни. Помню, однажды,—это было ранней весной,—я одинъ былъ въ томъ лѣсу и прислушивался къ звукамъ лѣса, говорившимъ что-то задумчиво-торжественное и прекрасное. Я прислушивался къ спокойно-величественной музыкѣ звуковъ, а самъ съ тревогой и болью думалъ все объ одномъ, какъ я постоянно все объ одномъ и томъ же думалъ эти послѣдніе годы. Я опять искалъ Бога. Я говорилъ себѣ: «Хорошо! Нѣтъ никакого Бога, нѣтъ такого, который бы былъ не мое представленіе, но дѣйствительность, такая же, какъ вся моя жизнь,—нѣтъ такого. Хорошо! Но понятіе мое о Богѣ, о томъ, котораго я ищу, понятіе-то это откуда взялось?» И опять при этой мысли во мнѣ поднялись радостныя волны жизни. Все вокругъ меня ожило, получило смыслъ. Но радость моя продолжалась недолго. Умъ продолжалъ свою работу. «Понятіе Бога — не Богъ. Понятіе есть то, что происходитъ *во мнѣ*; понятіе о Богѣ есть то, что я могу возбудить и могу не возбудить въ себѣ. Это не то, чего я ищу. Я ищу того, безъ чего бы не могла быть жизнь». И опять все стало умирать вокругъ меня и во мнѣ, и мнѣ опять захотѣлось убить себя... Но тутъ я оглянулся на самого себя, на то, что происходитъ во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти, сотни разъ проис-

исходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда я вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь, сказалъ я себѣ: стоитъ мнѣ знать о Богѣ — и я живу; стоитъ забыть, не вѣрить въ него—и я умираю. Что же такое эти оживанія и умиранія? Вѣдь, я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь, я бы давно уже убилъ себя, если бы у меня не было надежды найти Его. Вѣдь, я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. И сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня. И я спасся отъ самоубійства... Какъ незамѣтно уничтожилась во мнѣ сила жизни и я пришелъ къ невозможности жить, къ остановкѣ жизни, къ потребности самоубійства, такъ же постепенно и незамѣтно возвратилась ко мнѣ теперь эта жизненная сила. И странно, что она была не новая, а самая старая—та самая, которая влекла меня на первыхъ порахъ моей жизни. Я вернулся во всемъ къ самому прежнему, дѣтскому и юношескому. Я вернулся къ вѣрѣ въ ту волю, которая произвела меня и чего-то хочетъ отъ меня, я вернулся къ тому, что главная и единственная цѣль моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т.-е. жить согласнѣе съ этою волей; я вернулся къ тому, что выраженіе этой воли я могу найти въ томъ, что въ скрывающейся отъ меня дали выработало для руководства своего все человѣчество, т.-е. я вернулся къ вѣрѣ въ Бога, въ нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передававшее смыслъ жизни. Только та и была разница, что тогда все это принято было безсознательно, теперь же я зналъ, что безъ этого я не могу жить...

Левинъ долго еще говорилъ, но я не слыхалъ почти дальнѣйшихъ его словъ. Его разсказъ о томъ, какъ онъ вернулся къ вѣрѣ, ко всѣму дѣтскому, такъ запалъ мнѣ въ душу, что я все думалъ о немъ и не слыхалъ продолженія, относившагося къ разнымъ современнымъ проявленіямъ вѣры въ образованныхъ и достаточныхъ классахъ. Это было очень интересно—то, что онъ говорилъ дальше, но оно касалось возможнаго и желаемаго, но далекаго будущаго, а въ настоящемъ, относясь къ нему заслуженно строго, давало только осужденіе. Впрочемъ, тогда, въ тѣ минуты я и не могъ бы всего себѣ объяснить. Я чувствовалъ лишь то, что часто случалось со мною, когда я слушалъ хорошую музыку. Слушая музыку или музыкальный голосъ, я, въ качествѣ профана, пропускаю разныя интродук-

ціи и все то, чего я не могу понять, и жду только тѣхъ звуковъ мелодіи, которые сами придутъ въ мою душу, сами неслышно для меня вынутъ изъ нея ея горе и радость, ея вѣру и сомнѣнія, ея надежды и отчаяніе и облегчатъ ихъ и помогутъ тому, что въ нихъ есть чистаго, добраго и высокаго, отдѣлиться отъ зла, мути и низменности, которыя составляю я весь, забыть себя для чего-то лучшаго и возвыситься надъ собою на нѣсколько счастливыхъ мгновеній. Тогда бываешь счастливъ и слушаешь все тотъ же звукъ, который въ дѣйствительности давно уже исчезъ въ безконечномъ пространствѣ, давно смѣнился другимъ, а ты все боишься разстаться съ нимъ и уходишь душою въ тотъ всегда далекій и вдругъ приблизившійся міръ, который былъ вызванъ этимъ сладкимъ, удивительнымъ звукомъ. Тогда неспособенъ слышать того, что дальше поетъ или играетъ великій артистъ. Пусть онъ себѣ тамъ поетъ, что хочетъ, или играетъ, пусть слушаютъ его другіе и рукоплещутъ ему: но тебѣ можно не слышать ихъ дальше; вѣдь, для тебя цѣль артиста уже имъ достигнута, вѣдь, твоя душа полна уже невозвратимой, мучительной болью и сладостью счастья. И разсказъ Левина о томъ, какъ онъ опять сталъ вѣрить, опять въ 50 лѣтъ сталъ ребенкомъ, какъ онъ исполнилъ завѣтъ Христа, говорившаго, чтобы всѣ мы были какъ дѣти,—былъ для меня почему-то такою же небесною, такою же невозвратно счастливою музыкой. Я вслушивался въ нее, пока она еще отъ меня не ушла, и, слушая ея звуки, вглядывался въ то жесткое и тяжелое, что отъ дѣйствія ея размягчающихъ, облегчающихъ звуковъ выходило изъ грязнаго, глубокаго, темнаго дна и, уносясь вверхъ, становилось безтѣлесно-легкимъ, золотисто-свѣтлымъ и прекраснымъ. Я вспоминалъ все, что прожилъ душой, всѣ ея невозвратно пропавшія радости, всѣ ея безцѣльно разбитыя надежды—и всѣ они вдругъ получали неожиданное примиреніе и смыслъ. Я вспоминалъ все, чему учился, все, что читалъ, стараясь узнать мысли давно прошедшихъ людей и вѣковъ—и разрозненное, отрывочное, мучительно-безцѣльное знаніе получало впервые значеніе и свѣтъ. Я вспоминалъ ту горечь и раздраженіе, которыя возбуждало во мнѣ зрѣлище нашего вѣка — вѣка вещественнаго прогресса и духовнаго разложенія, казавшагося мнѣ безнадежнымъ—и я начиналъ вѣрить опять, что онъ пройдетъ и настанетъ скоро другой, въ которомъ уже

не будетъ убійствъ, сумасшествія и смерти отъ голода и злобы. О! они, наконецъ, перестанутъ убивать другъ друга душою и тѣломъ. Они перестанутъ презирать и ненавидѣть любовь и искать краснваго, веселаго зла; перестанутъ вырывать изъ рукъ другъ у друга лишнюю кость, лишнюю корку хлѣба. Они перестанутъ отдѣлять себя отъ природы и Бога, перестанутъ гордиться, болѣть, сумасшествовать, умирать душою въ своемъ эгоистическомъ одиночествѣ. Я думалъ объ этомъ и не слыхалъ словъ Левина, хотя они были полны глубокой мысли, глубокаго чувства. Я думалъ—и не замѣтилъ, сколько времени и какими мѣстами мы шли. Я очнулся отъ счастливой мечты только въ лѣсу, гдѣ мы, какъ оказалось, сидѣли всѣ трое на старыхъ полусгнившихъ пняхъ давно прорубленной, поросшей молодыми, довольно уже высокими деревьями, просѣки. Всѣ молчали. Левинъ сидѣлъ, поднявъ голову, и вглядывался въ верхушки старыхъ деревьевъ, и на лицѣ его было что-то такое же тихое, задумчивое и торжественное, какъ въ тѣхъ звукахъ, которыми тамъ, наверху, переговаривались высокія, важныя сосны. Ихъ голоса тоже были музыка, и музыка ихъ говорила о томъ же мірѣ и счастіи людямъ, которыхъ обѣщаніе слышалось мнѣ въ разсказѣ стараго Левина. Голоса сосенъ, уносимые вѣтромъ, раздавались далеко, какъ будто онѣ стояли не тутъ, близко такъ надъ нами. Но иногда стихавшій вѣтеръ дѣлалъ слышными ихъ голоса, и тогда онѣ какъ будто говорили: «Мы стоимъ здѣсь давно, когда васъ никого еще не было на свѣтѣ, но люди были уже; вы умрете, и любовь ваша, и злоба, и слава ваша исчезнетъ, а мы все еще будемъ стоять — и нѣтъ у насъ ни любви, ни злобы, и есть вѣковая красота и слава; но пройдутъ вѣка, и мы упадемъ, и поднимутся вершины нашихъ дѣтей, и они съ вѣками тоже падутъ, а вѣчная душа наша — созидающая насъ вѣчная природа и Богъ, вѣчно живущій надъ ней, пребудутъ вѣчно. И вы, рождаясь на мгновеніе, живите, познавая вѣчную общую душу природы — вѣчнаго Бога, и умрите съ вѣрой, что останетесь въ природѣ и въ Богѣ. И не старайтесь увидѣть ихъ умомъ и глазами, потому что слабы глаза ваши и умъ вашъ безсиленъ; но сердцемъ вашимъ всевѣдущимъ, но душою вашею вѣчной слушайте наши голоса, голоса всей великой вѣчной природы—и въ звукахъ ея неумирающей музыки услышите красоту, истину и добро, и утишатся страсти ваши, и по-

знаете любовь, и въ ней познаете вѣчнаго Бога... узнаете Бога... узнаете вѣчнаго Бога... вѣчнаго Бога... Бога...»,—умолкая, тихо и торжественно замирая и опять съ усиленіемъ вѣтра переходя въ неразборчивый гулъ, говорили голоса огромнаго, прекраснаго стараго лѣса... Я слушалъ ихъ, и недавнее чувство боязни потерять преходящее счастье возвышенной мысли исчезало во мнѣ, замѣняясь чѣмъ-то еще болѣе счастливымъ, чуждымъ страха утраты, спокойнымъ и мирнымъ. Несчастный Ивановъ сидѣлъ, согнувши свое хилое тѣло, и слезы стояли въ его прекрасныхъ глазахъ. Левинъ тихо и задумчиво улыбался.

— Да, то же самое говорили онѣ, эти сосны, тогда, когда я пришелъ къ нимъ три года назадъ, когда я искалъ еще Бога, и голоса ихъ нечувствительно для меня помогли мнѣ найти Его... Но что же это вы все молчите?—спросилъ Левинъ, обращаясь ко мнѣ.—Положимъ, здѣсь такъ хорошо, что говорить не хочется, но, вѣдь, вы постоянно молчите. Вотъ мы съ Иваномъ Ивановичемъ много говоримъ, особенно я, а васъ и не слышно. Что-жь это такъ? Вы разговаривайте, а то мы подумаемъ, что вы самолюбивый и недобрый человѣкъ, что молчите, или что вы и слушать насъ не хотѣли, — говорилъ Левинъ, шутливо улыбаясь. —Скажите, что вы думаете обо всемъ, что я разсказывалъ вчера и сегодня? Только искренно и откровенно говорите то, что вы думаете.

— Мнѣ трудно это очень, Константинъ Дмитричъ. И не потому, чтобы я не слыхалъ или былъ невнимателенъ: напротивъ, именно потому, что я слишкомъ вжился въ ваши мысли, въ ваши слова, во всю вашу жизнь. Я такъ сжился съ ними, что я не всегда могу даже различить, гдѣ кончается въ душѣ моей то, что я пріобрѣлъ отъ васъ, и гдѣ начинаются мои собственныя мысли. Я не могу сказать, чтобы я кралъ ваши мысли: нѣтъ, я принимаю въ нихъ лишь то, что проще, яснѣе и лучше выражало мое давнее темное, неясное предчувствіе. Но, все-таки, я такъ объединился съ вами душою, что мнѣ не всегда легко стать къ вамъ бокомъ и судить васъ. Это одно. А потомъ, когда я получаю способность относиться къ вамъ критически, тогда со мною случается новая бѣда. Тогда я слишкомъ страстно, слишкомъ строго отрицаю въ васъ то, чему не сочувствую или что считаю заблужденіемъ. Я бы не сказалъ этого другому. Но вы лучше меня знаете человѣческое сердце, и вамъ я не боюсь сознаться ни въ чемъ. Вы знаете, конечно, что когда истинно

любишь человѣка, то не только не бываешь къ нему снисходителенъ, но, напротивъ, становишься къ нему строгъ, черезъчуръ, непріятно для самого даже себя, придирчивымъ къ нему и требовательно-строгимъ. Когда любишь человѣка, когда бываешь счастливъ отъ звуковъ его голоса, когда онъ возводитъ тебя за собою на очень высокую высоту, малѣйшее его отступленіе внизъ оскорбляетъ тебя, и ты, осуждая, становишься небезпристрастенъ и часто не правъ. Я часто замѣчаю это въ себѣ по отношенію именно къ тѣмъ писателямъ, которыхъ я особенно горячо люблю, напр., къ Тургеневу, къ Достоевскому, къ Щедрину, но всего болѣе къ вамъ, потому что васъ я больше всѣхъ, я слишкомъ люблю васъ, Константинъ Дмитричъ. И потому, когда я порицаю васъ, я слишкомъ рѣзко тогда говорю. И объ этомъ вы, прежде всего, должны знать, чтобы, слушая меня, на меня не сердиться, по крайней-мѣрѣ, не слишкомъ сердиться, потому что эта рѣзкость выходитъ не изъ злобы, а изъ слишкомъ горячей къ вамъ любви... Большинство людей смотритъ на эти вещи иначе. Оно говоритъ: любовь есть источникъ пристрастныхъ, незаслуженныхъ похвалъ. Это мнѣніе всегда меня ужасно возмущало. Прежде всего, любовь исходитъ изъ того, что ее заслуживаетъ — изъ того, что прекрасно. За что всѣ мы любимъ Пушкина, Гоголя, Тургенева? За то, конечно, что творенія ихъ прекрасны, за то, что въ душахъ ихъ, откуда ихъ творенія вышли, жили высокіе, прекрасные звуки. Если бы эти люди жили еще на свѣтѣ, если бы они были доступны, я тоже приходилъ бы испытывать ихъ, не за имя, а за ихъ чудные звуки, отъ которыхъ душа моя наполнялась восторгомъ и счастьемъ. Я бы тоже приходилъ къ нимъ узнавать, такъ же ли прекрасна и остальная душа ихъ, какъ тѣ ея всѣмъ слышные, всѣмъ доступные звуки. И еслибъ я убѣдился, что душа ихъ достойна ихъ звуковъ, я бы любилъ ихъ въ ихъ цѣломъ,— ихъ звуки, ихъ душу, ихъ лица, ихъ голосъ; я бы любилъ ихъ живою любовью, какъ живыхъ и самыхъ драгоцѣнныхъ для меня изъ живущихъ на свѣтѣ людей. И, радуясь въ душѣ моей живому сочетанію добра и силы, которое въ человѣческой природѣ такъ рѣдко, я бы опять былъ на мгновеніе счастливъ, опять забывалъ бы ничтожество и злобу, живущія во мнѣ и во всемъ меня окружающемъ. И, привыкая къ истинному и чистому счастью, я бы становился все болѣе и болѣе строгимъ къ тѣмъ, кто давалъ его мнѣ, и съ возрастающею страстностью нена-

видѣлъ бы въ немъ всѣ тѣ его отдѣльные звуки, которые сами по себѣ не прекрасны и не могли бы сдѣлать меня самого счастливымъ и чистымъ. Ахъ, право, любовь есть источникъ совсѣмъ не пристрастія и попущеній, а, напротивъ, чрезмѣрной даже, можетъ быть, строгости... И изъ вашихъ печатныхъ созданій ни одно не волновало меня такъ, ни одно не было для меня источникомъ такого высокаго счастья, какъ этотъ вашъ изустный разсказъ; ничто не возбудало во мнѣ бо́льшей къ вамъ строгости, чѣмъ то, что̀ я слышалъ отъ васъ вчера и сегодня... Прикажете продолжать?—говорилъ я съ удивившимъ меня самого раздраженіемъ.

Левинъ слушалъ внимательно. Брови его были очень нахмурены, но глаза были свѣтлы и оживленны. Онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Да, конечно; мнѣ нравится, что вы говорите.

XXVII.

— Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе о томъ, что у огромнаго большинства вѣрующихъ людей вѣра не участвуетъ въ ихъ жизни, а исповѣдывается гдѣ-то вдали отъ жизни и независимо отъ нея, точно также, какъ и у большинства невѣрующихъ идеалы, замѣняющіе вѣру, стоятъ въ сторонѣ отъ жизни и практическая дѣятельность ихъ и нравственный тонъ имъ не соотвѣтствуютъ. Это очень тонкое и очень вѣрное наблюденіе. Если противъ него можно что-либо возразить, такъ развѣ указаніемъ на то, что къ раздвоенію жизни между идеалами и вѣрой, съ одной стороны, и практической дѣйствительностью — съ другой, ведетъ не только неискренность, лживость и нецѣльность людей, но и общее ихъ несовершенство — ихъ неспособность осуществить въ собственной жизни то идеальное начало, которое составляетъ отдаленную цѣль жизни и развитія всего человѣчества. Я согласенъ также и съ тѣмъ еще болѣе глубокимъ замѣчаніемъ вашимъ о томъ, что стремленіе къ безусловной чистотѣ жизни часто оставляетъ человѣка почти одинокимъ среди большинства образованныхъ и достаточныхъ людей, покланяющихся началу, вынесшему ихъ на поверхность теченія, т.-е. силѣ и случаю, благодаря которымъ они ею овладѣли, особенно въ томъ кругѣ, жизнь котораго преслѣдуетъ одну лишь цѣль— легкаго, веселаго и тонкаго наслажденія. Родившись, воспитав-

шись, живя среди людей этого круга, вы дѣйствительно были одиноки съ вашею наклонностью относиться къ нравственнымъ идеаламъ съ безусловною послѣдовательностью и строгостью. Но вы приходили въ соприкосновеніе съ людьми другихъ круговъ, вы съ дѣтства уже сталкивались съ трудовыми и хорошими людьми изъ образованныхъ и изъ народа. И это обстоятельство, о которомъ вы забыли въ вашемъ разсказѣ, лишаетъ силы вашъ аргументъ одиночества, ограничиваетъ его. Вы, еще съ дѣтства пріучаясь любить простыхъ людей, не искали, а предпочтительно желали сочувствія не отъ нихъ, а отъ тѣхъ, которые, по вашимъ словамъ, хвалили и поощряли въ васъ страсти и поклоненіе силѣ и къ вашимъ нравственнымъ стремленіямъ относились съ презрѣніемъ и насмѣшкой. Среди *этихъ* людей вы были одиноки, но не среди всѣхъ людей. Года вашей молодости были временемъ духовнаго разцвѣта Россіи. Тогда было много людей, быть можетъ, неумѣло, но все же горячо и искренно стремившихся къ истинѣ и добру. И потому слова объ одиночествѣ нехорошо дѣйствуютъ на слухъ, отзываясь чѣмъ-то аристократическимъ и капризнымъ. Это тѣмъ болѣе странно, что, за исключеніемъ этой мысли, весь вашъ разсказъ представляетъ противуположную крайность — скорѣе склонность осудить себя въ прошломъ безусловно, чѣмъ къ какой-либо снисходительности. Потомъ, тутъ есть проявленіе вашей постоянной черты — склонности къ безусловному. Вамъ недостаточно стремленія къ добру: вы требовали отъ другихъ, чтобы и пути къ добру у нихъ были тѣ, по которымъ инстинктивно шли вы сами и которые были, конечно, короче и вѣрнѣе. Поэтому, если я что-нибудь тутъ возражалъ, то болѣе противъ формы вашего разсказа, касающагося многихъ глубокихъ вопросовъ лишь вскользь, открывая тѣмъ возможность обвиненіямъ въ парадоксальности, въ большинствѣ случаевъ и въ сущности невѣрнымъ. Ваши слова о томъ, что ваша молодость, проведенная въ упражненіяхъ индивидуальной силы, въ страстяхъ, бывшая воплощеннымъ противорѣчіемъ основному принципу христіанской нравственности — началу любви, отреченія отъ личности, и потому бывшая однимъ сплошнымъ преступленіемъ, однако, вызывала къ вамъ уваженіе окружающихъ,—эта мысль трогаетъ меня не только искренностью, но и глубиной своего содержанія. Между тѣмъ, она выражена у васъ такъ коротко, въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ и такъ мало разъяснена, что у многихъ можетъ

вызвать впечатлѣніе парадокса. Это потому и досадно, что это не парадоксъ, а чрезвычайно глубокая истина. Я очень радъ, что Иванъ Ивановичъ тогда высказалъ все, что я могъ бы прибавить къ этимъ словамъ, но не рѣшился, боясь, что не въ силахъ буду передать моихъ мыслей. Да, люди въ большинствѣ живутъ не любовью, а силою, не христіанствомъ, а дарвиновской борьбой за существованіе, и въ другихъ сочувствуютъ проявленіямъ началъ, составляющихъ принципъ ихъ жизни — всякимъ проявленіямъ силы. Оскорбленій не прощаютъ, а убиваютъ за нихъ, блаженными считаютъ не нищихъ духомъ, а надѣленныхъ всякими богатствами таланта, славы, денегъ, почестей, власти, счастья, силы. Это все такъ. И никто такъ глубоко этого не понимаетъ, какъ вы. Отчего же объ этомъ, о самомъ главномъ, вы говорили только вскользь? Отчего вы не развили той мысли, которая составляетъ основаніе всѣмъ остальнымъ, какъ ихъ противуположеніе, какъ воплощеніе зла, противъ котораго вы боретесь своею любовью, своею проповѣдью любви? Вы говорите: «для того, чтобы имѣть славу и деньги, для которыхъ я писалъ, нужно было скрывать хорошее и высказывать дурное»... Здѣсь очень, очень глубокая, глубоко печальная по своей вѣрности мысль. Но какъ парадоксально, какъ неясно вы ее сказали! Какъ долго нужно думать, чтобы понять, что она означаетъ! Какъ тщательно и долго нужно сводить ее съ остальными частями вашего разсказа, чтобы постигнуть, что дѣйствительно и въ литературѣ, и также въ поэзіи люди восхищаются не тѣми рѣдкими проявленіями прощенія, состраданія, любви истинно христіанской, а очарованіемъ и внѣшнимъ блескомъ внѣшней красоты, любви половой, любви условной, соединенной съ ненавистью и борьбой посредствомъ силы! Какъ долго нужно напрягать духъ, чтобы понять, что литература, искусство, поэзія, служа отраженіемъ дѣйствительной жизни, занимаются также лживой идеализаціей и того начала борьбы, на которой эта жизнь до сихъ поръ еще строится огромнымъ большинствомъ людей, несмотря на внѣшне-громадное распространеніе христіанства!... Это вѣрно, это очень, очень вѣрно. Но такую глубокую мысль нужно высказывать во всеоружіи ея свѣта, чтобы голосъ, ее высказывающій, не былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, чтобы тупоуміе, ничтожество, эгоизмъ и злоба окружающихъ васъ бездарностей и невѣждъ не осмѣливались судить вашей глубокой идеи слегка, чтобы не давать имъ

въ руки оружія, которымъ они могли бы осквернить вашу святыню и замедлить принятіе ея всѣми... И въ такое время, какъ теперь, когда въ ней одной лежитъ спасеніе отъ всеобщей вражды, междоусобій, войнъ, убійствъ, смертей голодныхъ и преступленій!

Точно такой же характеръ глубины, вѣрнаго содержанія и внѣшней порадоксальности, кажущейся слабости носитъ и все то, что вы говорили о писателяхъ и объ ихъ «писательской вѣрѣ». Вы хотѣли сказать, что писатели, поклоняясь идеѣ прогресса, пытались ее проповѣдывать, но при этомъ не знали самаго главнаго—въ чемъ лежитъ прогрессъ, какая его конечная цѣль; они не знали, въ чемъ зло и въ чемъ добро, не знали, чему надо учить людей, а, между тѣмъ, учили, не зная, чему они учатъ и чему надо учить. И всѣ учили разному. И вы съ ними. И это было сумасшествіе, потому что истина была тутъ рядомъ, а вы ея не замѣчали. Истина была ученіе Христа. И передъ нею проповѣдь прогресса была ничтожествомъ и безуміемъ. Опять это очень глубоко, очень вѣрно. И опять вы сказали это такъ странно, какъ будто все, что ясно вамъ самому, должно моментально, безъ всякихъ съ вашей стороны усилій, быть принято всѣми. А другіе сейчасъ увидятъ крайность—обвиненіе всѣхъ писателей въ корыстолюбіи и славолюбіи, которыя были свойствомъ все же не безусловно общимъ: были люди чистые, и у другихъ, самыхъ низменныхъ писателей, все же была своя, хотя и несовершенная, но все же чистая для нихъ святыня. И за эту крайность ваши противники уцѣпятся сразу съ радостью, а глубокой и вѣрной стороны вашей мысли не поймутъ: такъ неясно, отвлеченно, такъ неподкрѣпленно, эксцентрично она у васъ выражена. И, мало того, она выражена еще съ раздраженіемъ. И не всѣ поймутъ, что раздраженіе ваше направлено вами противъ себя же—противъ своихъ прежнихъ заблужденій, что это—раздраженіе жаждущаго правды человѣка противъ всего того, что мѣшало ему прежде достигнуть земли обѣтованной. Не всѣ это поймутъ, и многіе примутъ ваше раздраженіе на свой счетъ. И это, оскорбивъ ихъ, тоже помѣшаетъ вашей цѣли, которая, я знаю, одна дорога вамъ... Тоже и разсказъ вашъ о школахъ и журналахъ, о томъ, что вы ѣздили за границу для пріобрѣтенія искусства самому ничего не зная учить другихъ. И тутъ опять глубокая, но эксцентрично, неясно выраженная мысль. Вы хотѣли сказать, что

вы не знали конечной цѣли знанія, а потому и первоначальныя ступени знанія—грамота, педагогія — казались вамъ безцѣльными и безсмысленными. Вамъ, все-таки, хотѣлось учить, потому что инстинктъ неугомонно говорилъ, что истина доступна человѣку. Но вы не знали путей, ведущихъ къ ней, и видѣли только несовершенство общепринятыхъ и существующихъ, своего же еще не могли изобрѣсти. И, убѣдившись, что попали въ безвыходный кругъ, заболѣли. Это очень просто и понятно. И еще было бы проще, если бы вы прямо сказали, что не знали тогда, «чѣмъ люди живы», что вы тогда инстинктивно порывались къ христіанству, которое одно для васъ всегда было истиной въ сердцѣ, но еще отклонялись отъ него умомъ, что вся ваша жизнь, все ваше развитіе имѣло одинъ смыслъ, одну цѣль—возвращенія къ христіанству. У гр. Толстаго въ *Аннѣ Карениной* это сказано о васъ гораздо яснѣе (а вы еще на него сердитесь!). Въ связи съ этимъ у васъ есть еще другая важная ошибка. Слушая вашъ разсказъ, можно подумать, что вы жили, жили долгіе годы такъ себѣ, опустя рукава, и только на 50 году вашей жизни явились у васъ эти вопросы: «*зачѣмъ?... ну, а потомъ?*» Извините, это неправда. Эти вопросы *всегда* жили въ вашей душѣ. Они часто, постоянно даже выражались во всей вашей дѣятельности, во всей вашей жизни, которой многочисленные и сложные фазисы, приблизившіеся теперь къ конечной ихъ цѣли, получаютъ глубокій и истинный смыслъ. И опять это объяснилъ мнѣ графъ Левъ Толстой, которымъ вы такъ несправедливо недовольны. Онъ давно слѣдилъ за вами, воспроизводилъ васъ подъ разными именами, и я давно уже зналъ о васъ по его сочиненіямъ. Еще когда вы были Колей Иртеньевымъ, когда вамъ было 14 лѣтъ и вы были влюблены въ горничную Машу, еще тогда вы стали себѣ задавать эти самые вопросы и получили способность страдать и радоваться отъ мыслей о нихъ. Уже тогда вы, вспоминая иногда о смерти, ожидающей васъ каждую минуту, недоумѣвали, какъ люди не понимаютъ той простой истины, что въ виду смерти можно быть счастливымъ только въ настоящемъ, только не думая о будущемъ, которое есть смерть,—и вы цѣлые дни лежали на постели, читая романы, заѣдая ихъ пряниками съ кроновскимъ медомъ и стараясь жить однимъ лишь наслажденіемъ минуты, совершенно какъ маленькій Соломонъ. Уже тогда вы инстинктивно отдавались потребности мечтательнаго скептическаго ум-

ствованія, рисовавшаго вамъ, что, кромѣ васъ, ничего другаго не существуетъ въ мірѣ, и всѣ предметы—только ваше представленіе. Уже тогда, въ 14 лѣтъ, вы бывали счастливы и мучились надъ рѣшеніями этихъ вопросовъ, и изъ этого непосильнаго ребенку, неестественно-ранняго, тяжкаго душевнаго труда выносили непропорціональное развитіе анализирующей силы сознанія—мучительную привычку нравственной рефлексіи самоизслѣдованія, которая болѣзненно раздражала ваше врожденно глубокое чувство и убивала способность яснаго и спокойно-восторженнаго размышленія. Уже въ «юности» вы болѣли «любовью любви», желаніемъ счастья, отвращеніемъ къ самому себѣ и порывами раскаянія, въ которыхъ вы безусловно отрицали все свое прошлое, какъ сегодня. Въ *Люцернѣ*, негодуя на лакеевъ, которые издѣвались надъ нищимъ музыкантомъ, на лордовъ, которые ничего не хотѣли дать ему изъ своихъ богатствъ, вы возставали противъ эгоизма, написаннаго на знамени цивилизаціи, вы еще сильнѣе негодовали на безсильную потребность своего ума къ абсолютнымъ рѣшеніямъ и — уже тогда непогрѣшимый голосъ всемірнаго духа заглушалъ для васъ шумное, торопливо-суетное движеніе прогресса, уже тогда вы видѣли, какъ онъ кротко смотрѣлъ съ своей свѣтлой неизмѣримой высоты и радуется на безконечную гармонію, въ которой всѣ мы движемся съ кажущимся намъ безконечнымъ противорѣчіемъ. Вы тогда уже вступали душою въ область безконечнаго. Потомъ въ разсказѣ *Три смерти*... Тамъ нѣтъ никакого вымышленнаго вамъ подобія, но тамъ тоже было отраженіе вашей души въ величавомъ зрѣлищѣ міра, приносимаго смертью,—въ томъ яркомъ восковомъ свѣтѣ, падавшемъ съ высокихъ серебряныхъ подсвѣчниковъ на блѣдный лобъ усопшей. Ваша душа отражалась въ строгомъ и величавомъ, холодномъ лбѣ покойницы, которая съ ея твердо сложенными устами, вся олицетворяя вниманіе, не двигаясь, въ торжественномъ молчаніи слушала его слова: «Сокроешь лицо Твое—смущаются, возьмешь отъ нихъ духъ — умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой—созидаются и обновляютъ лицо земли. Да будетъ Господу слава во вѣки». Ваша душа была тутъ, и я тогда первый разъ полюбилъ ее, я тогда первый разъ былъ счастливъ, слушая ея звуки. Потому что она говорила о величіи Бога, и звукъ ея хвалы и славословія былъ чистый и прекрасный. И чистое его отраженіе слышалось также и въ

пѣніи птицъ, которыя, помните, какъ потерянныя, щебетали что-то счастливое, — слышалось въ спокойномъ и радостномъ шепотѣ вершинъ, медленно и величаво шевелившихся надъ поникшимъ мертвымъ срубленнымъ деревомъ. Все это были звуки души, старавшейся услышать и передать гармонію божественной тайны. Да, вы уже тогда «искали Бога». Въ *Казакахъ*, когда вы были Дмитріемъ Олениным, вы, правда, не искали Бога непосредственно, но и тогда, поклоняясь природѣ, вы пытались отречься отъ себя и жить для другихъ, т.-е. опять приближались къ той области, гдѣ живетъ сознаніе Бога. А *Война и миръ*? Князь Андрей и Безухій? Я теперь какъ во снѣ и не могу хорошенько этого разобрать, но я помню, что на яву я зналъ, что и Болконскій, и Безухій были оба—вы: Болконскій—сухой вы, а Безухій тоже вы, но вы, когда вы бываете добрымъ и открытымъ всему міру. Князь Андрей тоже, какъ вы, переживалъ разныя фазы, и душа его также желала славы, любви къ женщинѣ, къ семьѣ, и отъ нихъ переходила къ истинѣ, къ Божьей любви—и нашла ихъ въ послѣднія мгновенія его жизни на землѣ. Пьеръ... онъ тоже искалъ правды и Бога и тоже нашелъ ихъ въ лишеніи, въ страданіяхъ, въ счастьи... Извините, если я говорю такъ странно, но мнѣ кажется, что я былъ тогда съ вами. Да, я былъ тогда съ вами, но вы меня не видали. Я больше всего любилъ васъ въ тотъ вечеръ, когда, помните, вы стояли на паромѣ и, ожидая перевоза, смотрѣли на красный отблескъ солнца въ синѣющей водѣ разлива. Въ эти минуты одна часть вашей души, утомленная отъ раздражающей жажды славы, власти, измученная житейскими разочарованіями, хотѣла не вѣрить въ счастье истины и добра, а другая, лучшая часть ея, упрекала ее въ эгоизмѣ и говорила ей, что она есть часть огромнаго гармоническаго цѣлаго, что она не исчезнетъ совсѣмъ, что надъ нею есть новая жизнь и что въ этомъ мірѣ все же есть правда. На перевязочномъ пунктѣ Бородинскаго поля, когда вы были смертельно ранены осколкомъ гранаты, вамъ было жаль убѣгающей жизни, потому что вы были полны тогда прощеніемъ и жалостью къ умирающему врагу; вы хотѣли жить для любви къ ненавидящимъ васъ, для той любви, которой учила васъ ваша сестра и которой вы прежде умомъ не понимали. Въ Мытищахъ, въ промежуткахъ предсмертнаго бреда, вы желали счастья одной лишь души — счастья любви, которая есть самая сущность души и которой ничто не мо-

жетъ разрушить, ни даже самая смерть. Вы хотѣли любить этой новой любовью и ту, которую вы болѣе всѣхъ ненавидѣли, вы желали, чтобъ вамъ было возможно еще разъ одинъ только удидѣть ее, еще разъ только сказать ей снова о вашей любви. Тогда, въ эти часы страдальческаго уединенія и полубреда, чѣмъ болѣе вы вдумывались въ новое открывавшееся вамъ начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе вы отрекались тогда отъ жизни земной и тѣмъ совершеннѣе уничтожали въ себѣ ту страшную преграду, которая безъ любви стоитъ между жизнью и смертью. Въ Троицкой лаврѣ, когда Наташа сидѣла около васъ, и вы чувствовали, что снова незамѣтно вошедшая любовь къ женщинѣ привязала васъ къ жизни, вы плакали о томъ, что истина жизни открылась вамъ для того, чтобы вы жили во. лжи. И въ мысляхъ о Богѣ, о вѣчной любви, несмотря на ихъ утѣшительность, какъ это потомъ повторилось въ сегодняшнемъ вашемъ разсказѣ, было что-то слишкомъ односторонне-отвлеченное, не было очевидности, были тѣ же безпокойство и неясность. Но вотъ во снѣ вы увидѣли образъ приблизившейся смерти и проснулись,—и завѣса, до тѣхъ поръ скрывавшая предъ вами невѣдомое, была приподнята предъ вашимъ душевнымъ взоромъ и вы поняли, что смерть есть пробужденіе — пробужденіе отъ жизни — и съ той минуты вы охладѣли ко всему земному. Вы умерли просто и спокойно-прекрасно, но душа ваша осталась и устами Наташи и Мари, благоговѣйно умиленныхъ таинственнымъ зрѣлищемъ смерти, она говорила, какъ и сегодня, что *это — должно быть*, *что это — хорошо*, т.-е. что нужно жить и нужно умереть, и что это — хорошо, что это — добро. Это даже удивительно, что прежде иногда вы говорили буквально тѣми же словами, что въ сегодняшнемъ, вчерашнемъ вашемъ разсказѣ. Вотъ и сейчасъ тоже. А когда вы были Пьеромъ Безухимъ и жили отставнымъ камергеромъ въ Москвѣ, такъ вы тогда даже тѣ *вопросы* задавали себѣ именно теперешними словами. Вы поминутно съ недоумѣніемъ спрашивали себя: *къ чему? зачѣмъ? что такое творится на свѣтѣ? Зачѣмъ* испанцы возсылаютъ мольбы Богу, чрезъ католическое духовенство, о томъ, чтобы имъ 14 іюня побѣдить французовъ, и *зачѣмъ* французы черезъ то же католическое духовенство и тому же Богу молятся о томъ, чтобы 14 іюня имъ удалось побить испанцевъ? *Зачѣмъ* эта безсмыслица? *Зачѣмъ* эта ложь? *Гдѣ* истина? *Какъ* распутать

этотъ ужасный жизненный узелъ? И какъ, будучи Ленинымъ на Кавказѣ, вы искали объясненія всему въ отреченіи отъ цивилизованной жизни и сліяніи съ людьми, живущими жизнью естественной и простой—съ жизнью казаковъ, такъ и тогда, будучи Пьеромъ, вы у солдатъ-ополченцевъ учились *понимать волю Бога, исполняя ее*, и, отрицаясь своего внѣшняго человѣка, учились просто *сопрягать безконечнаго Бога съ своимъ конечнымъ я*, какъ это вы говорили намъ сегодня. Перейдя въ Каратаева, душа ваша, смирясь, постигала цѣлесообразность добра и зла въ человѣческомъ мірѣ, возвышалась до познанія этого таинственнаго *круга*, доступнаго инстинктивному пониманію, но не разсудку человѣка, не воздѣйствію его сознательной воли—и вдругъ все и въ глазахъ вашихъ, и въ вашихъ словахъ получало характеръ торжественнаго благообразія—и жизнь ваша, безсмысленная отдѣльно, получала глубокое значеніе, какъ вы говорили намъ вчера и сегодня... Я веду все это къ тому, чтобы вы убѣдились, что вы *всегда* искали Бога, съ самаго начала вашей жизни, во всей вашей дѣятельности; всегда задавали себѣ этотъ вопросъ: *зачѣмъ?... ну, а потомъ?*—всегда искали рѣшенія ему въ той почвѣ, которая одна можетъ воспитать для него человѣка: въ той области, которая была родною для няни вашей матери, Настасьи, для блаженнаго, юродиваго Гриши, для казаковъ, для солдатъ, для мужиковъ, для всѣхъ этихъ милліоновъ простыхъ трудящихся людей. Только вы, родясь въ другой, худшей области жизни, долго не могли совсѣмъ плотно срастись съ этой лучшей жизнью—вы срастались съ ней постепенно. Такъ только оно и могло случиться, такъ оно и случилось. Совершенно понятно. Вы родились въ томъ кругѣ, въ томъ вѣкѣ, которымъ чуждо сознаніе истины, добра и Бога, и вы прожили долгую жизнь, пока инстинктивное влеченіе къ правой жизни породнило васъ съ мыслями и вѣрою людей, живущихъ право. Это совершено. совершенно понятно. Помню, недавно, въ Крыму, купаясь въ морѣ одинъ во время волненія, я никакъ не могъ добраться до берега; волна била меня о мелкій песокъ и опять уносила. Я уже изнемогалъ отъ безплодныхъ усилій, но тутъ палка какая-то билась; я схватилъ ее и, воткнувъ въ песокъ, ухватился за нее и отдохнулъ и потомъ по новымъ сильнѣйшимъ волнамъ добирался постепенно все дальше, вонзая въ песокъ свою палку исцарапанными, окровавленными руками, и—спасся. Также и вы. Также и вы но-

сились по житейскому морю далеко отъ желаннаго берега. Вы носились далеко, и долго силы было въ васъ много, и привольно было вамъ на просторѣ. Но инстинктъ тянулъ васъ къ берегу, и волна чувства, инстинктивныхъ предчувствій, расла и расла, и вы, изнемогая, добираясь до цѣли и снова уносясь отъ нея, достигли, наконецъ, берега и спаслись и лежите теперь еще въ изнеможеніи, и усиленное дыханіе, усиленное біеніе сердца еще мѣшаютъ вамъ видѣть весь берегъ, какъ слѣдуетъ. Но вы, все-таки, уже спасены сами и знаете, что тянете за собою тысячи другихъ, которые бьются, тонутъ, изнемогаютъ, но, все еще надѣясь, изъ послѣдняго запаса, отчаянно кричатъ вамъ, чтобы вы поскорѣе укрѣпили на берегу и бросили бы имъ веревку... Да, Константинъ Дмитричъ, все это случилось совсѣмъ не такъ, ex abrupto, какъ вы говорите. Ваше возвращеніе къ вѣрѣ произошло постепенно, и вся ваша жизнь есть рядъ усилій, преслѣдовавшихъ одну и ту же цѣль, наконецъ, вами достигнутую. Я понимаю это чувство, которое заставляетъ васъ относиться къ вашему прошлому съ такимъ отвращеніемъ. О! это чувство такъ знакомо теперь мнѣ и близко, когда все во мнѣ—и прошлое мое, и будущее, и больше всего настоящее—представляются мнѣ чѣмъ-то безнадежно-безобразнымъ и отвратительнымъ. У васъ оно лучше, изъ лучшаго источника: у васъ оно идетъ отъ любви къ истинѣ, отъ того страстнаго, всеисключающаго благоговѣнія къ святынѣ открывающейся вамъ правды, которое заставляетъ васъ съ безпощадною страстью относиться ко всему тому въ себѣ, что прежде мѣшало вамъ къ ней приблизиться такъ же полно, какъ въ эту минуту. Но вы забываете, что *настоящее* ваше пониманіе не могло бы явиться, его вовсе бы не было у васъ безъ длиннаго ряда прежнихъ попытокъ. Это заблужденіе—заблужденіе доброе и прекрасное въ себѣ. Но не всѣ его поймутъ: многіе увидятъ въ этомъ признакъ легкости мысли, пустоты, ничтожества праздной фантазіи, неясности и слабости мысли. И потому мнѣ досадно, ужасно досадно. Я знаю, что нѣтъ такого мыслителя, котораго глубокія мысли и чувства были бы сразу усвоены всѣми; но мнѣ досадно, когда онъ чѣмъ-нибудь излишнимъ, хотя бы и добрымъ, но все же излишнимъ, самъ ослабляетъ удобовоспріимчивость своихъ великихъ и благотворныхъ идей.

Я былъ въ Москвѣ надняхъ. Тамъ всѣ объ васъ говорятъ. Ваши мысли, которыя вы намъ высказывали вчера и

сегодня, извѣстны тамъ всѣмъ. Онѣ передаются изъ устъ въ уста—и меня поразило, какъ всѣ къ нимъ относятся. Никто не относится къ нимъ равнодушно. Одни ужасно лихорадочно какъ-то восторгаются и въ каждомъ вашемъ словѣ видятъ олицетвореніе человѣческой истины; но огромное большинство возмущено вашими мыслями, какъ личнымъ какимъ-то себѣ оскорбленіемъ. И больше всего—ученые, писатели, вообще люди, мнящіе себя быть служителями и обладателями истины. Философы оскорблены всего больше. Они злобно издѣваются, какъ надъ чѣмъ-то невообразимо-безсмысленнымъ. Иные считаютъ васъ сумасшедшимъ и разсуждаютъ такъ: прежде онъ былъ здоровъ, писалъ отличные романы и не вѣрилъ въ Бога, теперь увѣровалъ въ Бога и пересталъ писать романы — значитъ, сумасшедшій—очень просто. Вообще ужасно много и ужасно озлобленныхъ порицаній. И меня поражала крайность озлобленія и презрительныхъ насмѣшекъ; меня приводило въ недоумѣніе, отчего же всѣ эти порицатели съ такимъ озлобленіемъ бросаются на то, что сами же считаютъ ничтожествомъ? Развѣ кто обращаетъ вниманіе на ничтожество? Если это ничтожество, то отчего же всѣ читаютъ, всѣ говорятъ, одни съ лихорадочнымъ восторгомъ и совершеннымъ отсутствіемъ критики, а другіе съ озлобленіемъ и чувствомъ личнаго оскорбленія? Я не могъ тогда этого понять. Но теперь, послушавъ васъ, я понимаю, въ чемъ дѣло. Вы сказали, гдѣ лежитъ истина, которую всѣ ищутъ теперь съ такимъ ужаснымъ мученіемъ. И тѣ, которые склонны искать ее тамъ же, гдѣ ее увидѣли вы, пришли въ восторгъ и умиленіе. Большинство же, ищущее ее совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, было возмущено, связывало свое дѣло съ своею личностью, которому вы—олицетворенное осужденіе. Но никто не спокоенъ, всѣ крайне взволнованы, а никто не испыталъ того мира, который дается словомъ кротости и глубокаго, спокойнаго *обладанія* правдой. Вы, теперешній вы, ваши теперешнія мысли и чувства не есть еще это обладаніе: они только очень близко приближающееся къ цѣли *исканіе* ея. И потому никто не можетъ пройти мимо васъ равнодушно, потому что всѣ теперь заняты ея мучительнымъ исканіемъ. Вы долго искали, вы долго толкались въ дверь истины и просили о ней. Васъ долго и всячески отталкивали отъ двери; часто вы сами отъ нея далеко уходили; но вотъ вы все забыли, все возненавидѣли, кромѣ одной лишь истины, вы бѣгомъ до-

бѣжали до двери; вы, запыхавшись, нетерпѣливо стучитесь въ нее и, вмѣстѣ, торжествуете, зная, что вотъ сейчасъ, сію минуту, вы войдете въ нее и увидите то, что такъ долго, такъ искренно желала видѣть ваша душа. Вы весь одно волненіе—волненіе ожиданія, надежды, послѣднихъ убѣгающихъ сомнѣній, озлобленія на всѣ свои увлеченія, мѣшавшія вамъ найти желанную дверь. И вотъ это ваше волненіе всѣхъ такъ и волнуетъ. Я знаю, толкаемое отворится для васъ и просимое вами дастся вамъ. Но это — въ будущемъ еще, а теперь мы, судя по словамъ вашимъ, застали васъ еще у двери, еще не отворившимъ ея. И вотъ мы тоже въ волненіи. Вы намъ только сказали, какой вы дорогой бѣжали, какой путь ведетъ къ истинѣ, вы указали на послѣднюю дверь, за которой стоитъ уже она одна, эта желанная истина, но дверь все такъ же, какъ прежде, закрыта, и вы—все то же волненіе, радостное и полное трогающаго умиленія и надежды, но все же только волненіе, а не тотъ миръ и спокойствіе, которыхъ такъ мучительно жаждемъ всѣ мы — мы, сомнѣвающіеся, страдающіе, сумасшествующіе люди девятнадцатаго вѣка, мы, безумно, безсмысленно метающіеся. Вы сообщили намъ ваше волненіе — и мы наполнились имъ. Давайте же намъ миръ и отраду, а не только волненіе, укажите намъ не только путь къ истинѣ, но самую истину. Теперь мы отъ васъ не отстанемъ. Мы вѣримъ вамъ — одному изъ насъ, одному изъ заблудившихся и потомъ свободно и искренно возвратившихся. Мы знаемъ, что вы перестрадали душою все то, чѣмъ всѣ мы сами болѣли и болѣемъ. Мы услышали, какъ вы выздоравливали отъ общаго нашего смертельнаго недуга, какія цѣлебныя силы васъ излѣчили и гдѣ ихъ можно найти; теперь мы ждемъ отъ васъ, чтобы вы показали намъ то, что еще намъ важнѣе—всѣ подлинные признаки самаго неповреждающагося здоровья. Но пока мы еще этого не узнали, не сердитесь, что мы *только* взволнованы ожиданіемъ скорой радости и еще не торжествуемъ ея. Теперь мы только приходимъ къ вамъ съ мольбою, съ нетерпѣніемъ и дѣтской надеждой: разскажите намъ, что вы узнали послѣ того, какъ опять замолчали? Вѣдь, людей, которыхъ интересуетъ происшедшій въ васъ переворотъ съ теоретической его стороны, очень немного. *Немногихъ* можетъ интересовать вопросъ о томъ, *какъ* вы стали вѣрить, потому что немногіе понимаютъ, что вы — олицетвореніе нашего вѣка въ его начи-

нающемся поворотѣ отъ невѣрія, отчаянія и убійствъ къ вѣрѣ, къ надеждѣ, къ прощенію, къ любви. Это понятно немногимъ. Но, наоборотъ, всѣ интересуются знать, къ какимъ *выводамъ* пришли вы, всѣ хотятъ услышать отъ васъ очищенное любовью ученіе правды. Большинство интересуется не процессомъ этого поворота, а результатомъ его. А въ вашемъ разсказѣ говорится лишь о внутреннемъ процессѣ, приведшемъ васъ къ вѣрѣ, а не о самой вѣрѣ вашей. И отсюда у всѣхъ чувство безмѣрнаго возбужденія, у однихъ — страстнаго восторга, у другихъ—негодованія, но у всѣхъ одинаково чувство лихорадочнаго ожиданія и неудовлетворенности. Это — главная причина впечатлѣнія, производимаго вашими мыслями на большинство. У ученыхъ и писателей, конечно, есть еще личныя причины: вы разрушаете ихъ ученіе, которое есть для нихъ все. Вооружаясь противъ васъ, они стоятъ за свою жизнь, потому что не имѣютъ другой. И вотъ, въ виду этихъ внутреннихъ препятствій къ сочувственному принятію вашихъ идей, необходимо по возможности устранять тѣмъ болѣе всякія препятствія внѣшнія—нелѣпость выраженія, парадоксальность формъ построенія мысли. Для меня, напримѣръ, это больно вдвойнѣ. Потому что именно эти-то парадоксальности ваши мнѣ всего болѣе дороги. Потому что онѣ, я знаю, исходятъ именно изъ самыхъ чистыхъ и искреннихъ порывовъ души, которая такъ мучительно тоскуетъ объ истинѣ, что для нея разсужденія, тѣмъ болѣе соображенія о формѣ, о словѣ, о фразѣ,—въ тѣ минуты, когда духъ полонъ однимъ желаніемъ непосредственнаго обладанія истиной, чистаго, безъ мысли, безъ словъ, сліянія съ нею,—такъ же физически невозможны въ эти мгновенія, какъ во всякомъ порывѣ чувства, котораго полнота и искренность достигли всеисключающей силы самозабвенія. Но мнѣ дорого также, чтобы эта чистота вашего чувства вливалась во всѣхъ непосредственно: не всѣ будутъ вникать очень подробно, очень глубоко, для немногихъ ваши слова въ ихъ теперешнемъ видѣ будутъ безцѣльно разбросаннымъ бисеромъ. А сказано: не мечите бисера... И вотъ потому-то мнѣ такъ больно и такъ оскорбительно. И это тѣмъ болѣе, что перлъ вашего разсказа и есть эта трогательная, младенчески-чистая искренность чувства. Душа раскрывается, и самъ, слушая васъ, чувствуешь то неповторяемое блаженство, какъ въ дѣтствѣ, бывало, когда, сдѣлавъ что-нибудь злое, послѣ тяжелаго злобнаго чувства, на колѣняхъ у нихъ—у отца или

у матери—плачешь слезами раскаянія и вѣры, что они своею любовью сдѣлаютъ тебя снова счастливымъ и чистымъ, и за ихъ прощающею любовью чувствуешь себя снова покойнымъ и безопаснымъ, какъ за недоступной всему злому, несокрушимой твердыней. Слушая васъ, опять наполняешься неразсуждающею, счастливою дѣтскою вѣрою въ Бога и, также какъ вы, ждешь отъ Него помощи противъ горя и зла, ждешь новой надежды, новой вѣры въ разумность и добро человѣческой жизни. Это чувство возрождающей, младенчески-чистой, беззавѣтно-глубокой любви къ Богу — самое прекрасное въ вашемъ разсказѣ. Разсказъ вашъ, его чистое чувство сдѣлали дѣло. Они смягчили намъ сердце, наполнили насъ предчувствіемъ истины, приготовили насъ. Говорите теперь. Говорите уже безъ разсужденій, безъ анализовъ философскихъ, безъ горькихъ воспоминаній о прошломъ, безъ самобичеваній. Раскройте намъ тайны открывающейся вамъ новой, величайшей области прекраснаго. Говорите о Богѣ, о томъ, какіе законы оставилъ Онъ намъ и какъ ихъ намъ можно исполнить. И пусть вашъ голосъ звучитъ одной только любовью. Мы всѣ такъ измучились отъ силы и злобы; намъ такъ нужно слышать голосъ любви...

— Ваше высокоблагородіе, извольте вставать! Девятый часъ!—говорилъ голосъ гимназическаго сторожа.

Ужасно жаль было просыпаться.

М. Громека.

М. Ю. Лермонтовъ по выходѣ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

(Неизданныя письма поэта къ А. Верещагиной и М. Лопухиной и бабушки Арсеньевой къ внуку).

Кутежи и шалости. — Монго-Столыпинъ. — Дружеская связь его съ поэтомъ. — Лермонтовъ въ салонахъ петербургскаго общества. — Е. А. Хвостова. — Женщины друзья Лермонтова.

Лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ офицерскій кругъ котораго вступилъ Лермонтовъ, былъ расположенъ въ Царскомъ селѣ *). Бабушка не поскупилась роскошно экипировать своего внука и дать молодому корнету всю обстановку, почитавшуюся необходимой для блестящаго гвардейскаго офицера. Поваръ, два кучера, слуга (всѣ трое крѣпостные изъ дворовыхъ села Тарханъ) были отправлены въ Царское. Нѣсколько лошадей и экипажи стояли на конюшнѣ. Бабушка, какъ видно изъ прилагаемаго любопытнаго письма ея, писаннаго изъ Тарханъ осенью 1835 г., кромѣ денегъ, выдаваемыхъ въ разное время, ассигновала ему десять тысячъ рублей въ годъ (по 2,500 р. въ каждые три мѣсяца (1). Арсеньева изрѣдка, обыкновенно на лѣтніе мѣсяцы, ѣздила въ Тарханы, проживая бо́льшую часть года въ Петербургѣ, гдѣ часто и по долгу гостилъ у нея Лермонтовъ, охотно покидавшій Царское село для свѣтскихъ удовольствій Петербурга. «Я теперь ѣзжу въ свѣтъ... чтобы познакомить съ собою, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ *высшемъ обществѣ*», — пишетъ онъ въ Москву черезъ мѣсяцъ послѣ производства въ офицеры (2).

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII. — Лерм. вышелъ въ офицеры въ ноябрѣ 1832 г.

Его несказанно радовало, что онъ вырвался изъ стѣнъ училища на свободу. Но что начать съ собою, куда кинуться, куда дѣвать, куда направить избытокъ молодыхъ силъ? Онъ чувствовалъ себя узникомъ, которому растворили тѣсную темницу. Ему хотѣлось на—свободу порасправить могучія крылья, полной грудью дохнуть свѣжимъ воздухомъ; словомъ, хотѣлось жить, дѣйствовать, ощущать; онъ хотѣлъ извѣдать все, «со всею полнотою». Его манилъ блескъ свѣтскаго общества и удалыя товарищескія пирушки да выходки и тревожили прежнія стремленія и идеалы, не заглохшіе въ теченіе «двухъ ужасныхъ лѣтъ», только что пережитыхъ имъ. Любопытно, какъ при самомъ вступленіи въ новую жизнь Лермонтовъ ясно ощущалъ двойственность своихъ стремленій, разладъ души, съ одной стороны, дорожившей воспоминаніями о времени своихъ чистѣйшихъ увлеченій и порывовъ, о годахъ, когда онъ думалъ посвятить всего себя служенію искусству и поэзіи, а съ другой — увлекала его та свѣтская порча, которая уже успѣла коснуться его. Объ этой порчѣ Лермонтовъ писалъ, какъ мы видѣли, и прежде къ другу своему М. А. Лопухиной *). Теперь онъ пишетъ ей же: «Милый другъ! Что бы ни случилось, я иначе никогда называть васъ не буду, а то это значило бы порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ; этого бы не хотѣлъ я ни за что на свѣтѣ, потому что будущность моя, блистательная на видъ, — пошлая и пустая. Надо вамъ признаться, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что изъ меня ничего не выйдетъ со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными (mauvais) опытами на пути жизни... потому что мнѣ не достаетъ либо случая, либо рѣшимости... Мнѣ говорятъ: случай когда-нибудь выйдетъ; время и опытъ дадутъ и рѣшимость... а кто поручится, что когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной молодой души, которою Богъ чрезвычайно не кстати одарилъ меня?...» (3)

Ощущаемый поэтомъ разладъ и двойственность выразились и въ жизни его. Съ одной стороны, онъ сожигалъ свои силы въ шумномъ кругу гвардейской молодежи или разсаживалъ душевныя свои качества по паркетамъ гостинныхъ, съ другой—завязывалъ литературныя знакомства, приглядывался къ людямъ, чи-

*) Ст. «М. Ю. Лермонт. въ школѣ гвард. юнкеровъ». *Русская Мысль*, кн. VII, стр. 62.

талъ и мыслилъ. Сосредоточенный и замкнутый въ себѣ, Лермонтовъ не легко высказывалъ лучшія свои думы и оставался молчаливымъ въ обществѣ писателей, только въ исключительныхъ случаяхъ и больше въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ изрѣдка позволялъ заглянуть въ святую святыхъ своей души. Но тогда онъ поражалъ и мощью, и глубиной мысли, которую никакъ не могли подозрѣвать въ молодомъ гусарскомъ офицерикѣ-кутилѣ. Мы будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ изъ разсказовъ о Лермонтовѣ Бѣлинскаго, Краевскаго, Панаева и другихъ.

Великосвѣтское общество того времени жило бѣдными интересами. Мы видѣли, какъ въ воспитательныхъ заведеніяхъ запрещалось всякое чтеніе книгъ литературнаго содержанія и молодежь направляла свои силы на различныя шалости, иногда стоившія ей довольно дорого, доводя до временнаго заключенія, солдатской шинели и ссылки. Жизнь сковывалась разными стѣснительными правилами и регламентаціей и противодѣйствіе имъ считалось среди юношей подвигомъ. На этотъ протестъ тратились силы, въ немъ выступало лихое молодечество, плодъ праздности умственной жизни.

Подвиги эти встрѣчали въ обществѣ отзывъ, о нихъ говорили, герои прославлялись. Наказаніе ихъ вызывало къ нимъ симпатію даже тѣхъ лицъ, которымъ приходилось карать ихъ. Кара выходила какая-то отеческая, семейно-патріархальнаго оттѣнка. Типы эти описаны много разъ. Однимъ изъ такихъ людей былъ забіяка и дуэлистъ Коверинъ, воспѣтый Пушкинымъ. Такой типъ выставленъ и гр. Л. Толстымъ въ лицѣ Долохова (*Война и миръ*). Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ много разсказывали о продѣлкахъ Константина Булгакова, офицера преображенскаго, а затѣмъ московскаго полка, товарища Лермонтова по школѣ. Смѣлыя, подъ часъ нелишенныя остроумія проказы Булгакова доставили ему особую милость великаго князя Михаила Павловича, отечески его журившаго и сажавшаго подъ арестъ и на гауптвахту.

Съ этимъ *Костькой Булгаковымъ* (какъ его называли товарищи) Лермонтовъ «хороводился» особенно охотно, когда у него являлась фантазія учинить шалость, выпить или покутить на славу. Двоюродный братъ и товарищъ Лермонтова, Николай Дмитріевичъ Юрьевъ (лейбъ-драгунъ), разсказывалъ, какъ однажды, когда Лермонтовъ дольше обыкновеннаго зажился въ Царскомъ, соскучившаяся по немъ бабушка послала за нимъ въ Царское Юрьева, съ тѣмъ, что бы онъ непремѣнно притащилъ внука въ Петербургъ.

Лихая тройка стояла у крыльца и Юрьевъ собирался спуститься къ ней изъ квартиры, когда со смѣхомъ и звономъ оружія ввалили предводительствуемые Булгаковымъ лейбъ-егерь Павелъ Александровичъ Гвоздевъ и лейбъ-уланъ Меринскій. Бабушка угостила новоприбывшихъ завтракомъ и развеселившаяся молодежь порѣшила всѣмъ вмѣстѣ ѣхать за «Мишелемъ» въ Царское. Явилась еще наемная тройка съ пошевнями (дѣло было на масляной) и молодежь понеслась къ заставѣ, гдѣ дежурнымъ на гауптвахтѣ стоялъ знакомый преображенскій офицеръ Н. Недавній однокашникъ пропустилъ товарищей, потребовавъ при этомъ, чтобы на возвратномъ пути *Костька Булгаковъ* былъ въ настоящемъ своемъ видѣ, т.-е. сильно хмѣльной, что называлось «быть на шестомъ взводѣ». Друзья обѣщали, что всѣ съ прибавкою двухъ-трехъ гусаръ прибудутъ въ самомъ развеселомъ, настоящемъ масляничномъ состояніи духа. Въ Царскомъ, въ квартирѣ Лермонтова, застали они пиръ горой и, разумѣется, пирующей компаніей были приняты съ распростертыми объятіями. Пирушка кончилась непремѣнною жженкою, причемъ обнаженныя гусарскія сабли своими невинными клинками служили подставками для сахарныхъ головъ, облитыхъ ромомъ и пылавшихъ великолѣпнымъ синимъ огнемъ, поэтически освѣщавшимъ столовую, изъ которой, эффекта ради, были вынесены всѣ свѣчи. Булгаковъ сыпалъ французскими стихами собственной фабрикаціи, въ которыхъ воспѣвались красные гусары, голубые уланы, бѣлые кавалергарды, гренадеры и егеря со всякимъ невообразимымъ вздоромъ въ связи съ Марсомъ, Аполлономъ, Парисомъ, Людовикомъ XV, божественною Наталіей, сладостною Лизой, Георгеттой и т. п. Лермонтовъ изводилъ карандаши, которые Юрьевъ едва успѣвалъ чинить ему, и сооружалъ застольныя пѣсни самаго нескромнаго содержанія. Пѣсни пѣлись при громчайшемъ хохотѣ и звонѣ стакановъ. Гусарщина шла въ полномъ разгарѣ. Шумъ встревожилъ даже коменданта города. Помня приказъ бабушки, пришлось-таки ѣхать въ Петербургъ. Собрались гурьбой, захвативъ съ собою на дорогу корзину съ половиной окорока, четвертью телятины, десяткомъ жареныхъ рябчиковъ, дюжиной шампанскаго и запасомъ различныхъ ликеровъ и напитковъ. Лермонтову пришло на умъ дать на заставѣ записку, въ которой каждый долженъ былъ росписаться подъ вымышленной фамиліей иностраннаго характера. Булгаковъ подхватилъ эту мысль и назвалъ себя французомъ Marquis de Gloupignon; вслѣдъ за нимъ подписались:

испанецъ Don Skotillo, румынскій бояринъ Болванешти, грекъ Мавроглупато, лордъ Дураксонъ, баронъ Думшвейнъ, итальянецъ синьоръ Глупини, панъ Глупчинскій, малороссъ Дураленко и, наконецъ, россійскій дворянинъ Скотъ-Чурбановъ (имя, которымъ назвалъ себя Лермонтовъ). Много было хохота по случаю этой, по словамъ Лермонтова, «всенародной экспедиціи».

Приблизительно на полдорогѣ къ Петербургу упалъ коренникъ одной изъ четырехъ троекъ (изъ Царскаго къ прежнимъ двумъ присоединилось еще двѣ тройки съ гусарами) и кучеръ объявилъ, что надо распречь сердечнаго, «ибо у него отъ бѣшеной скачки, должно быть, сдѣлался родимчикъ» и его надо оттереть снѣгомъ. Всѣ рѣшились остановиться, а чтобы времени даромъ не терять, воспользоваться торчавшимъ близъ дороги балаганомъ, лѣтомъ служившимъ для торговли, а на зиму заколоченнымъ, и въ немъ соорудить пирушку. При содѣйствіи свободныхъ ямщиковъ и кучеровъ, компанія занялась устройствомъ помѣщенія: размѣстили нашедшіяся доски, наколотивъ ихъ на полѣнья и соорудивъ, такимъ образомъ, нѣчто вродѣ стола, зажгли экипажные фонари и распаковали корзину. Ея содержаніемъ занялись всѣ присутствующіе, не исключая и возницъ. Среди выпивки порѣшили увѣковѣчить память проведеннаго въ балаганѣ времени, написавъ углемъ на гладко оштукатуренной и выбѣленной стѣнѣ принятыя присутствующими имена, но только въ стихотворной формѣ. Общими силами была составлена слѣдующая надпись, которой содержаніе разсказчикъ помнилъ лишь приблизительно:

Гостьми былъ полонъ балаганъ:
Болванешти изъ молдаванъ
Стоялъ съ осанкою воинской;
Болванополпуло былъ грекъ,
Чурбановъ—русскій человѣкъ,
Вблизи его—полякъ Глупчинскій и т. д.

Было два часа ночи, когда компанія прибыла къ городскимъ воротамъ. Караульный унтеръ-офицеръ, прочтя записку и глядя на красныя офицерскія фуражки гусаръ, полонъ былъ почтительнаго недоумѣнія.

Караульные офицеры не разъ попадались въ просакъ при неосторожномъ пропускѣ мистифицирующихъ проѣзжихъ. Компанія, ѣхавшая изъ Царскаго, не желала, конечно, ввести въ непріятное положеніе своего однокашника Н. и потому на оборотѣ листа,

гдѣ были записаны псевдонимы шалуновъ, они прописали настоящія свои имена. «Но, все-таки,—кричалъ Булгаковъ,—непремѣнно покажи записку караульному офицеру и скажи ему, что французскій маркизъ былъ на шестомъ взводѣ!» — «Слушаю, ваше сіятельство!»—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ и крикнулъ: «Бомвысь!» Тройка въѣхала въ спавшій городъ (4).

Это препровожденіе времени и выходки очень занимали гвардейскую молодежь того времени.

За разныя «невинныя» шалости молодыхъ офицеровъ сажали на гауптвахту. Жили на гауптвахтахъ арестованные за менѣе важные проступки весело. Къ нимъ приходили товарищи, устраивались пирушки, а при появленіи начальства бутылки и снадобья куда-то исчезали при помощи услужливыхъ сторожей.

Лермонтовъ особенно часто не во время возвращался изъ Петербурга и за разныя шалости и мелкіе проступки противъ дисциплины и формы сиживалъ въ Царскомъ селѣ на гауптвахтѣ. Однажды онъ явился на разводъ съ маленькою, чуть-чуть не дѣтскою игрушечною саблею, несмотря на присутствіе великаго князя Михаила Павловича, который тутъ же далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которыхъ привели посмотрѣть на разводъ, а Лермонтова приказалъ выдержать на гауптвахтѣ (5). Послѣ этого Лермонтовъ завелъ себѣ саблю большихъ размѣровъ, которая при его маломъ ростѣ казалась еще громаднѣе и, стуча о панель или мостовую, производила ужасный шумъ, что было не въ обычаѣ у благовоспитанныхъ гвардейскихъ кавалеристовъ, носившихъ оружіе свое съ большою осторожностью, не позволяя ему гремѣть. За эту несоразмѣрно большую саблю Лермонтовъ опять-таки попалъ на гауптвахту. Точно также великій князь Михаилъ Павловичъ съ бала, даваемаго царскосельскими дамами офицерамъ лейбъ-гусарскаго и кирасирскаго полковъ, послалъ Лермонтова подъ арестъ за неформенное шитье на воротникѣ и обшлагахъ вицъ-мундира. Точно также не разъ доставалось нашему поэту за то, что онъ свою форменную треугольную шляпу часто носилъ «съ поля», что было противно правиламъ и преслѣдовалось.

Въ шалостяхъ и выходкахъ разнаго рода принимали участіе и славились ими молодые люди, считавшіеся образцомъ благородства и свѣтскаго рыцарскаго духа. Таковымъ былъ Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, товарищъ по школѣ и близкій другъ Лермонтова. Онъ приходился ему родственникомъ, собственно

двоюроднымъ дядей, но вслѣдствіе равенства лѣтъ ихъ называли двоюродными братьями (6). Столыпинъ былъ красавецъ. Красота его вошла въ поговорку. Всѣ дамы высшаго свѣта были въ него влюблены. Его называли «le beau Столыпинъ» и «la coqueluche des femmes». Вотъ какъ характеризируетъ его одинъ изъ современниковъ: «Красота его, мужественная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличавшаяся какою-то нѣжностью, была бы названа у французовъ «proverbiale». Онъ былъ одинаково хорошъ и въ лихомъ гусарскомъ ментикѣ, и подъ барашковымъ киверомъ нижегородскаго драгуна, и, наконецъ, въ одѣяніи современнаго льва, которымъ былъ вполнѣ, но въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Изумительная по красотѣ внѣшняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать «Монго-Столыпина» значитъ для насъ, людей нашего времени, то же, что выразить понятіе о воплощенной чести, образцѣ благородства, безграничной добротѣ, великодушіи и беззавѣтной готовности на услугу словомъ и дѣломъ. Его не избаловали блистательнѣйшіе изъ свѣтскихъ успѣховъ, и онъ умеръ уже немолодымъ, но тѣмъ же добрымъ, всѣми любимымъ «Монго», и никто изъ львовъ не возненавидѣлъ его, несмотря на опасность его соперничества. Вымолвить о немъ худое слово не могло бы никому придти въ голову и принято было бы за нѣчто чудовищное».

Отмѣнная храбрость этого человѣка была внѣ всякаго подозрѣнія. И такъ было велико уваженіе къ этой храбрости и безукоризненному благородству Столыпину, что, когда онъ однажды отказался отъ дуэли, на которую былъ вызванъ, никто въ офицерскомъ кругу не посмѣлъ сказать укорительнаго слова, и этотъ отказъ, безъ всякихъ пояснительныхъ замѣчаній, былъ принятъ и уваженъ, что, конечно, не могло бы имѣть мѣста по отношенію къ другому лицу: такова была репутація этого человѣка. Онъ нѣсколько разъ вступалъ въ военную службу и вновь выходилъ въ отставку. По смерти Лермонтова, которому онъ закрылъ глаза, Столыпинъ вскорѣ вышелъ въ отставку (1842 г.) и поступилъ вновь на службу въ крымскую кампанію въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, храбро дрался подъ Севастополемъ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и скончался затѣмъ въ 1856 году во Флоренціи.

Съ дѣтства Столыпина соединяла съ Лермонтовымъ тѣсная дружба, сохранившаяся ненарушенной до смерти поэта. Не знаемъ, даже сомнѣваемся, чтобы *Монго* понималъ значеніе сво-

его родственника, какъ поэта, чтобы онъ могъ раздѣлять серьезныя думы и интересъ его къ литературнымъ идеаламъ. Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ нигдѣ не касается этой стороны отношеній къ *Монго*. Говоритъ онъ о немъ только по поводу «гусарской выходки», героями которой были оба они, но Столыпинъ, близко знавшій душу своего знаменитаго родственника, по словамъ брата Дмитрія Аркадьевича, всегда защищалъ Михаила Юрьевича отъ всякихъ нападокъ многочисленныхъ враговъ и мало расположенныхъ къ нему людей. Въ двухъ роковыхъ дуэляхъ Столыпинъ былъ секундантомъ Лермонтова, что при безукоризненной репутаціи Столыпина не мало способствовало къ огражденію поэта отъ недоброжелательныхъ на него навѣтовъ. Два раза сопровождалъ онъ его на Кавказъ, какъ бы охраняя горячую, увлекающуюся натуру Михаила Юрьевича отъ опасныхъ въ его положеніи выходокъ.

Почему Столыпина называли «Монго», неизвѣстно. Кажется, что названіе это, навсегда оставшееся за нимъ, было дано ему Лермонтовымъ, описавшимъ одну изъ гусарскихъ шалостей. Въ этомъ произведеніи поэтъ назвалъ себя *Маешкой*, именемъ, которое носилъ въ школѣ. Подъ какимъ именемъ назвать Столыпина, онъ затруднялся. Но тутъ ему подвернулось лежавшее давно на столѣ Столыпина сочиненіе на французскомъ языкѣ: *Путешествіе Монгопарка*. Лермонтовъ воспользовался первыми двумя слогами. Такимъ образомъ, происхожденіе имени чисто случайное. Самая поэма получила названіе *Монго*. Она пришлась по вкусу молодежи и во множествѣ рукописей и варіантовъ ходила по рукамъ. Весь Петербургъ зналъ ее, а за Столыпинымъ осталось прозвище. Самъ онъ назвалъ имъ свою любимую и прекрасную собаку, сопровождавшую хозяина по парку Царскаго села и не разъ прибѣгавшую искать его во время полковаго ученія, чѣмъ вводила въ досаду командира полка, Михаила Григорьевича Хомутова (⁸). Похожденіе, описанное Лермонтовымъ въ поэмкѣ его *Монго*, и успѣхъ ея среди блестящей молодежи тоже представляютъ иллюстрацію тогдашняго общаго ей времяпрепровожденія. Событіе, подавшее поводъ къ поэмѣ-шуткѣ, заключалось въ слѣдующемъ: героиня—Ек. Ег. Пименова, «краса и честь балетной сцены», приглянулась Столыпину, котораго «внимательный лорнетъ» легко можно было замѣтить во время представленій въ одномъ изъ первыхъ рядовъ

креселъ Большаго театра. Поразившая его молодая танцовщица любви его сначала

Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.

Пименова была дочь кузнеца и воспитывалась въ театральной школѣ. Красота ея увлекла богатаго казанскаго помѣщика и откупщика, Моисеева, и дѣвушка не устояла передъ золотымъ Молохомъ. Счастливый побѣдитель поселилъ свою нимфу на лѣто въ одной изъ весьма модныхъ тогда дачъ по Петергофской дорогѣ, не далеко отъ славившагося въ то время *Краснаго Кабачка*, гдѣ окружилъ ее всевозможною роскошью. Ей-то за холодность думалъ отомстить *Монго*. Вмѣстѣ съ *Маешкой* задумалъ онъ совершить ночной набѣгъ на жилище балерины. Верхами выѣхали они изъ Краснаго села съ закатомъ солнца, съ тѣмъ, чтобы поспѣть обратно къ 7 часамъ утра на полковое ученье. Вотъ какъ Лермонтовъ характеризуетъ своего друга и самого себя:

Монго—повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель—
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ,
Флегматикъ съ бурными усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами...
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Маешка былъ такихъ же правилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ;
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;

Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ.
Порою, трезвый—вралъ безбожно
И молчаливъ былъ—на пирахъ,—
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей, и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ?—онъ былъ таковъ!

Съ смѣлою нахальностью ворвались молодые офицеры въ жилище танцовщицы, но внезапно пріѣхалъ Моисеевъ съ цѣлою свитою. Гусарамъ пришлось бѣжать, уступая поле соперникамъ. «Штатскіе взяли верхъ», что для молодаго воинства казалось весьма обиднымъ. Поэтому Лермонтовъ не входитъ въ описаніе столкновенія, а восклицаетъ:

Но нѣтъ, постой, умолкни лира!
Тебѣ-ль, поклонницѣ мундира,
Побѣду фрачныхъ воспѣвать?
. . . . . .
Осталось средство имъ одно—
Перекрестясь, прыгнуть въ окно.
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы;
Но въ нихъ проснулся духъ военный
Прыгъ, прыгъ—и были таковы!...

По свидѣтельству гр. Евд. Ростопчиной, проказы, шалости и шутки всякаго рода послѣ пребыванія Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ сдѣлались его любимымъ занятіемъ. «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы» (⁹). До самой высылки на Кавказъ въ 1837 г. Лермонтовъ жилъ въ Царскомъ вмѣстѣ со Столыпинымъ на углу Большой и Манежной улицъ. Столыпинъ невольно подчинялся уму Лермонтова, который, какъ увидимъ, и среди разсѣяннаго и веселаго образа жизни въ кругу товарищей и петербургскаго свѣта, продолжая жить двойствен-

ною жизнью, не оставлялъ серьезныхъ занятій и интересовъ литературныхъ. Оба друга имѣли на офицеровъ своего полка большое вліяніе. «Товарищество (esprit de corps) было сильно развито въ этомъ полку и, между прочимъ, давало одно время сильный отпоръ притязаніямъ полковника С., временно командовавшаго полкомъ. Къ Лермонтову, по свидѣтельству г. Лонгинова, дальняго родственника его и часто съ нимъ видавшагося ([10]), начальство тогда уже не благоволило и считало его дурнымъ фронтовымъ офицеромъ. Что касается успѣховъ Лермонтова въ аристократическомъ обществѣ Петербурга, то оно сначала оставалось для него недосягаемымъ, по крайней мѣрѣ, стать интимнымъ посѣтителемъ гостинныхъ ему не удалось. Фамилія Лермонтовыхъ не была извѣстна въ тогдашнемъ высшемъ свѣтѣ и сама по себѣ ничего не представляла. Родъ Лермонтовыхъ, какъ уже было сказано, захудалъ и обѣднѣлъ. Молодой, некрасивый, не чрезмѣрно богатый гусарскій корнетъ ничѣмъ не могъ привлечь къ себѣ вниманія въ гостинныхъ и на балахъ. Положеніе, которое другіе легко пріобрѣтали, часто безъ всякихъ нравственныхъ преимуществъ, Лермонтовъ долженъ былъ завоевывать себѣ, борясь съ большими трудностями. Пока его поддерживали только связи бабушки, имена Арсеньевыхъ и Столыпиныхъ. Сознаніе, что онъ некрасивъ, тревожило самолюбиваго юношу.

О душевномъ состояніи при вступленіи въ салоны петербургскаго свѣта Лермонтовъ въ 1835 г. писалъ другу своему Сашенькѣ Верещагиной въ Москву: «Вступая въ свѣтъ, я увидалъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества» ([11]). Желаніе обратить на себя вниманіе въ гостинныхъ во что бы то ни стало было слабостью, недостойною ума и талантовъ поэта. Онъ это, впрочемъ, сознавалъ, но много времени протекло раньше, нежели сознаніе это побѣдило мелочное самолюбіе 20-ти лѣтняго юноши, желавшаго ни въ чемъ не отставать отъ своихъ товарищей.

При самомъ вступленіи въ свѣтъ поэтъ встрѣтился съ дѣвушкою, которая, когда ему было 15 лѣтъ, занимала его фантазію и даже вдохновляла его, но, будучи старше его годами, подсмѣивалась надъ восторженнымъ мальчикомъ. То была Екатерина Александровна Сушкова.

Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой, содержащія, главнымъ образомъ, разсказъ объ отношеніяхъ къ ней Лермонтова, въ свое время возбудили живой интересъ. Многіе въ печати высказались за правдивость ихъ, за искренность тона и мѣткость характеристики. Появились, однако, и сильныя нападки даже со стороны ближайшихъ людей, хорошо знавшихъ ее. Между прочимъ, противъ вѣрности сообщаемаго авторомъ записокъ выступили родная сестра г-жи Хвостовой и извѣстная наша писательница графиня Ростопчина. Тоже рожденная Сушкова и двоюродная сестра Екатерины Александровны, графиня Ростопчина не безъ иронін указывала на то, что кузина ея увлеклась желаніемъ прослыть «Лаурой» русскаго поэта. Это желаніе такъ увлекало Екатерину Александровну, что она совершено сбилась въ хронологіи. Считая себя вдохновительницею лучшихъ произведеній Лермонтова, она разсказывала, между прочимъ, что стихотвореніе *Сонъ* («Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана») было написано имъ, когда поэтъ дѣлалъ видъ, что вызоветъ на дуэль жениха ея, друга своего Лопухина, т.-е. въ 1835 году, тогда какъ стихотвореніе это черновымъ находится въ альбомѣ, подаренномъ Лермонтову княземъ Одоевскимъ въ послѣдній выѣздъ поэта изъ Петербурга на Кавказъ въ 1841 г. О многихъ стихотвореніяхъ, писанныхъ Лермонтовымъ другимъ лицамъ, Екатерина Александровна говоритъ, какъ о посвященныхъ ей. Она, очевидно, запамятовала и сочла то, что было вписано поэтомъ въ альбомъ ея, за посвященное ей ([12]).

Насмѣхавшаяся надъ 15-ти лѣтнимъ влюбленнымъ въ нее мальчикомъ, Екатерина Александровна встрѣтилась съ нимъ вновь черезъ пять лѣтъ въ салонахъ Петербурга, когда ей было уже двадцать три года и родные вывозили ее на балы съ очевиднымъ намѣреніемъ выдать замужъ. Сама Екатерина Александровна разсказываетъ о цѣломъ рядѣ своихъ обожателей въ Москвѣ, но злой рокъ не позволилъ ей тогда съ кѣмъ-либо изъ нихъ соединить свою судьбу. Отъ любви къ нѣкоему Г-нъ она даже захворала. Осенью 1834 года она пріѣхала изъ деревни въ Петербургъ; не много погодя, пріѣхалъ туда же изъ Москвы близкій другъ Лермонтова, Алексѣй Александровичъ Лопухинъ, за котораго родные очень желали выдать Екатерину Александровну и къ которому легко воспламеняющееся сердце дѣвушки, по собственному ея разсказу, было полно нѣжной страсти еще прежде. 4 декабря на балу судьба

опять свела Екатерину Александровну съ Лермонтовымъ, только за нѣсколько дней до того произведеннымъ въ офицеры.

«Я не видала Лермонтова съ 30 года,—пишетъ Екатерина Александровна.—Онъ почти не перемѣнился... возмужалъ немного, но не выросъ и не похорошѣлъ и почти все такой же былъ неловкій и неуклюжій, но глаза его смотрѣли съ бо́льшей увѣренностью; нельзя было не смутиться, когда онъ устремлялъ ихъ съ какой-то неподвижностью». Несмотря на то, что Екатерина Александровна любила другаго и обрадовалась Лермонтову только потому, что онъ могъ сказать «когда пріѣдетъ Лопухинъ», эта дѣвушка не преминула отнестись съ вызывающею кокетливостью къ молодому офицеру. Она обѣщала ему и кадриль, и мазурку и въ отвѣтъ на его замѣчаніе, что онъ помнитъ, какъ жестоко она обращалась съ нимъ, когда онъ носилъ еще студенческую курточку *), и поэтому въ юнкерскомъ мундирѣ избѣгалъ встрѣчать ее, сказала: «Ваша злопамятность и теперь доказываетъ, что вы сущій ребенокъ; но вы ошиблись: теперь и безъ вашихъ эполетъ я бы пошла танцовать съ вами». И дальнѣйшій разговоръ, и ловкость, съ какою Екатерина Александровна вводитъ Лермонтова въ домъ свой, на балъ, который дается тамъ черезъ два дня, 6 декабря, и разговоръ на этомъ второмъ вечерѣ, и манера, какъ она ни за что не хочетъ отдать поэту писанное имъ еще 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ стихотвореніе,—все это, разсказанное самой Екатериной Александровной, бывшей старше поэта почти на три года и давно выѣзжавшей въ свѣтъ, отзывается пріемами уже искусившейся въ игрѣ сердца дѣвушки, которую поэтому, можетъ быть, не безъ основанія Лермонтовъ въ письмѣ къ Сашенькѣ Верещагиной характеризуетъ кокеткой. Къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной Лермонтовъ по поводу отношеній Екатерины Александровны къ брату ея пишетъ 23 декабря 1834 г., слѣдовательно, вскорѣ послѣ встрѣчи съ ней: «Скажите, я замѣтилъ, что онъ какъ будто чувствуетъ слабость къ M-elle Catherine Souchkoff... Извѣстно ли это вамъ?... Дяди барышни, кажется, желали бы очень поженить ихъ: да сохрани Господь!.. Эта женщина—летучая мышь, крылья коей зацѣпляются за все встрѣчное! *Было время, когда она мнѣ нравилась.* Теперь она почти принуждаетъ меня ухаживать за нею. Но не знаю, есть что-то въ

*) Вѣроятно, полуфракъ, въ коемъ Лермонтовъ выѣзжалъ въ 30 годахъ, будучи воспитаникомъ университетскаго пансіона.

ея манерахъ, въ ея голосѣ, что-то жесткое, отрывистое, отталкивающее. Стараясь ей понравиться, въ то же время, ощущаешь удовольствіе скомпрометировать ее, запутавшуюся въ собственныя сѣти!» ([13]).

Эти жесткія, дышащія презрѣніемъ строки отчасти поясняются желаніемъ Лермонтова мстить Екатеринѣ Александровнѣ за прежнее жесткое, насмѣшливое отношеніе къ нему, мальчику, жаждавшему любви и ласки. «Вы видите,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—что я мщу за слезы, которыя пять лѣтъ тому назадъ заставляло проливать меня кокетство M-elle Сушковой. О! наши счеты еще не кончены! Она заставила страдать сердце ребенка, а я только мучаю самолюбіе старой кокетки!» Должно быть, Екатерина Александровна прежде дѣйствительно жестоко поступала съ Лермонтовымъ. Къ сожалѣнію, о прежнихъ отношеніяхъ мы знаемъ только изъ разсказовъ самой бывшей M-elle Сушковой (*Записки*, стр. 77—90). Въ лермонтовскихъ черновыхъ тетрадяхъ того времени сохранились лишь слабыя указанія на перенесенныя имъ мученія (*Рус. Мысль* 1882 г., кн. II, стр. 113—118).

Еще одно сердечное обстоятельство возбуждало Лермонтова противъ Екатерины Александровны. Это были отношенія ея къ Алексѣю Александровичу Лопухину. Михаилъ Юрьевичъ видѣлъ, что друга его дѣтства, человѣка, съ которымъ онъ до конца жизни оставался въ отношеніяхъ самыхъ искреннихъ и откровенныхъ, стараются завлечь, что дѣвушка, которую онъ считаетъ одаренною характеромъ мало правдивымъ, начинаетъ увлекать этого друга, что махинаціи подстроены и становятся опасными. Лермонтовъ рѣшается не только мстить за себя, но и разорвать нити, которыми, полагалъ онъ, она опутываетъ его друга. Изъ записокъ Екатерины Александровны опять-таки ясно видно, что она колеблется между Лопухинымъ и Лермонтовымъ ([14]), но въ разсказѣ своемъ она старается выставить и себя, и Лопухина жертвою лермонтовскихъ козней. Если, какъ сейчасъ увидимъ, поступки Лермонтова по отношенію къ Екатеринѣ Александровнѣ недостойны серьезнаго человѣка и не могутъ быть извиняемы даже и желаніемъ мстить ей за прошлое, то обвиненіе поэта въ коварствѣ относительно своего друга и въ обманѣ его совершенно не вѣрно и, очевидно, не согласно съ истиной. Лермонтовъ, безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствовалъ съ вѣдома своего друга Лопухина. Это видно изъ письма, которое онъ пишетъ въ Москву своей двоюродной сестрѣ уже послѣ возвращенія туда Лопухина изъ поѣздки его въ Пе-

тербургъ. Откровенно описывая всю исторію своихъ отношеній къ Екатеринѣ Александровнѣ, Михаилъ Юрьевичъ ссылается на то, что начало ея, конечно, было ей разсказано Алексисомъ (т.-е. Лопухинымъ). Затѣмъ въ томъ же письмѣ говоритъ о дѣвушкѣ (M-elle Ладыженской), которой интересовался Лопухинъ. Изъ всего этого мы, полагаемъ, въ правѣ сдѣлать выводъ, что оба друга, замѣтивъ слабую струнку Екатерины Александровны, подшутили надъ ней, съ тою разницей, что Лермонтовъ пошелъ дальше своего друга и не только отомстилъ M-elle Сушковой, но и воспользовался ея опрометчивостью для того, чтобы, скомпрометировавъ ее, заставить въ обществѣ заговорить о себѣ и, какъ этого добивалась вся салонная молодежь, пріобрѣсти репутацію опаснаго Донъ-Жуана. Въ то время этого добивалась вся золотая молодежь, это было въ модѣ.

Не будемъ передавать разсказы о всѣхъ разговорахъ и встрѣчахъ, на которыхъ подробно останавливается Екатерина Александровна Хвостова. Сестра ея, г-жа Ладыженская, близкая свидѣтельница того, что происходило, говоритъ обо всемъ иначе. Люди, не знавшіе ничего, кромѣ разсказа самой Екатерины Александровны, съумѣли и изъ него проглядѣть суть дѣла и вывести заключеніе, что героиня имѣла сильное поползновеніе завлечь молодаго офицера въ сѣти брачнаго союза, и что поэтъ уклонился отъ чести быть мужемъ такой милой, предусмотрительной особы ([15]).

Посмотримъ, какъ самъ Лермонтовъ, никогда не лгавшій о себѣ, разсказываетъ объ этой второй своей встрѣчѣ съ Екатериной Александровной въ письмѣ къ Сашенькѣ Верещагиной. Письмо это, до сей поры еще вполнѣ не опубликованное, представляетъ исповѣдь поэта, поражающую искренностью тона; оно письмо весною 1835 года, когда Лермонтовъ уже совершилъ свое вступленіе въ свѣтъ и исторія съ Екатериной Александровной пришла къ концу. Лермонтовъ пишетъ:

«Если я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Вначалѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало разсчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя титулъ, покровительство... Я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда

отношенія къ Сушковой. Я понялъ, что, желая словить меня, она легко себя скомпрометируетъ. Вотъ я ее и скомпрометировалъ насколько было возможно, не скомпрометировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею, какъ съ личностью, весьма мнѣ близкою, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ надо мною властвовать. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это удалось, и что еще одинъ дальнѣйшій шагъ погубитъ меня, я выкинулъ маневръ. Прежде всего, въ глазахъ свѣта я сталъ болѣе холоднымъ къ ней, чтобы показать, что я ея болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ (что, въ сущности, не имѣло мѣста). Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я въ глазахъ свѣта сталъ съ нею жестокъ и дерзокъ, насмѣшливъ и холоденъ. Я сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разсказывать имъ тѣ стороны исторіи, которыя представлялись въ мою пользу. Она такъ была поражена этимъ неожиданнымъ моимъ обращеніемъ, что сначала не знала, что дѣлать, и смирилась, что заставило говорить другихъ и придало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея казалась и друзьямъ, и недругамъ уязвленною любовью. Далѣе она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, разсказывая всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ, что любитъ меня; я не вернулся къ ней, а искусно всѣмъ этимъ пользовался... Не могу сказать вамъ, какъ все это послужило мнѣ; это было бы очень скучно и касается людей, которыхъ вы не знаете. Но вотъ веселая сторона исторіи. Когда я созналъ, что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, а съ глазу на глазъ, все-таки, еще казаться преданнымъ, я быстро нашелъ любезное средство—я написалъ анонимное письмо: *Mademoiselle, я человѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный... и т. д.; я васъ предвоpяю, берегитесь этого молодаго человѣка; М. Л—овъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательство... (разный вздоръ)* и т. д. Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ—громъ и молнія... На другой день ѣду туда, рано утромъ, чтобы во всякомъ случаѣ не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную новость и мы дѣлаемъ разныя предположенія; я все отношу къ тайнымъ врагамъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные

запрещаютъ ей говорить и танцовать со мною; я въ отчаяніи и, конечно, не беру сторону дядюшекъ и тетушекъ. Такъ было ведено это трогательное приключеніе, что, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма нелестное мнѣніе. Впрочемъ, женщина всегда прощаетъ зло, которое мы дѣлаемъ другой женщинѣ (правило Ларошфуко). Теперь я не пишу романовъ. Я ихъ переживаю...»

То же говоритъ и Екатерина Александровна, но только на многихъ десяткахъ страницъ. И какая разница между этими разсказами! Лермонтовъ говоритъ просто и правдиво, нисколько не стараясь выгородить себя или вызвать къ себѣ симпатію; даже и мысль о томъ, что онъ мститъ за страданія, доставленныя ему въ дѣтствѣ, кинута, очевидно, не для того, чтобы оправдывать себя. Г-жа Хвостова разсказываетъ совершенно иначе, съ очевиднымъ намѣреніемъ возбудить сочувствіе къ себѣ, бѣдной, любящей дѣвушкѣ, обманутой волокитой гусаромъ, умнымъ и талантливымъ человѣкомъ, геніальнымъ Лермонтовымъ, такъ злоупотребившимъ своимъ превосходствомъ. Она сначала достигла своей цѣли: о Лермонтовѣ по отношенію къ ней говорили съ негодованіемъ. Къ характеру поэта, и такъ уже подверженному нареканіямъ, прибавилась еще крупная антипатичная черта. Никому не приходило въ голову, что дѣло стояло немного иначе и что бой происходилъ не между невинной молодой дѣвушкой и искусившимся сердцеѣдомъ, а совершенно наоборотъ. Двадцатилѣтній мальчикъ, едва кончившій свое воспитаніе и вошедшій въ общество только за нѣсколько дней передъ тѣмъ, попадаетъ въ руки искусившейся кокетки, старше его нѣсколькими годами, лѣтъ семь выѣзжавшей и кружившей головы цѣлому ряду поклонниковъ изъ столичной и нестоличной молодежи. Эта опытная кокетка уже разъ измяла сердце 15-ти лѣтняго мальчика-поэта и теперь принимается за него и за его близкаго друга, чтобы того или другаго опутать и связать узами Гименея.

Становится больно за то, что уже въ ранней юности на пути поэта оказалась особа пустая, на которую онъ потратилъ первые почти аккорды своей славной лиры; что эта лживая, драпировавшаяся въ Лауру «черноокая красавица» вторично оказалась на пути поэта, когда онъ только что вырвался изъ двухгодоваго плѣна, такъ тяжело отозвавшагося на душевномъ его развитіи. Что, если бы, выходя на арену жизни, когда въ борьбѣ съ самимъ собою онъ стоялъ передъ двумя путями, не зная, кинуться ли въ вихрь жизни и товарищескихъ увлеченій, или жить для

коснувшихся еще прежде души его идеаловъ,—что, если бы въ это время попалась ему не праздная интриганка, а высокая, чистая, умная и любящая дѣвушка, привязанность которой облагородила бы чуткую душу поэта, которой уже коснулась свѣтская порча?

Спасибо г-жѣ Гюгель (Сашенькѣ Верещагиной), что она сохранила намъ письмо Михаила Юрьевича и тѣмъ дала возможность возстановить истину.

Мы не оправдываемъ поступковъ Лермонтова, но и не можемъ обвинять его не въ мѣру.

Разсчеты Лермонтова оправдались. Друга своего Лопухина онъ вырвалъ изъ мягкихъ кошачьихъ лапокъ красавицы. За себя онъ ей мстилъ, да еще заставилъ «послужить себѣ». До того ничтожно было общество петербургскихъ гостинныхъ, лишенное всякихъ серьезныхъ интересовъ, что эпизодъ съ M-elle Сушковой дѣйствительно обратилъ вниманіе на молодаго гусарскаго офицера. Сама виновница успѣха разсказываетъ, какъ теперь имъ заинтересовался цѣлый рядъ лицъ, и Саша Ж., и Лиза Б. Особенно послѣдняя сильно влюбилась въ поэта и, бѣдная, тоже погибла отъ этой любви (*Записки*, стр. 177). Заинтересовались и другіе мужчины и женщины; вообще объ этомъ случаѣ заговорили въ обществѣ и, слѣдовательно, заинтересовались Лермонтовымъ. Графиня Е. Ростопчина, очевидно, имѣетъ въ виду это время жизни Лермонтова, когда въ воспоминаніяхъ своихъ замѣчаетъ: «Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Лермонтова, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо, при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донжуанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ, онъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родные невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ и затѣмъ уже болѣе въ этотъ домъ не являлся».

Къ такого рода продѣлкамъ общество относилось тогда очень снисходительно. Принимая во вниманіе нравы времени, приходится быть болѣе снисходительнымъ къ молодому корнету, платившему ему дань.

Надо удивляться, какъ еще въ вихрѣ свѣтскихъ похожденій и товарищеской жизни Лермонтовъ сохранилъ столько серьезныхъ интересовъ и внутренней чистоты, что не только не погибъ въ этихъ своихъ увлеченіяхъ, но ставилъ имъ вѣрную оцѣнку и не давалъ брать верхъ надъ собой. Идя съ жизнью и съ бытомъ своего времени, онъ относился къ нимъ, какъ наблюдатель и критикъ, и собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ сочиненій тамъ, гдѣ ему приходилось сталкиваться съ разными людьми, на балахъ ли генералъ-губернатора Петербурга, графа Эссена, адмирала А. С. Шишкова и другихъ, или на маскарадахъ и столичныхъ вечерахъ, въ кругу пирующей и мечущей банкъ молодежи, позднѣе въ лагерѣ боевой жизни, на кавказскихъ водахъ, въ саклѣ чеченца и т. д. «Я на дѣлѣ заготовляю матеріалы для многихъ сочиненій»,—говорилъ Лермонтовъ M-elle Сушковой, когда она спрашивала его, зачѣмъ онъ такъ ведетъ себя ([16]).

Если въ Петербургѣ судьба не поставила на пути поэта ни одной женщины, любовь къ которой очистительно подѣйствовала бы на его душу, то до нѣкоторой степени пробѣлъ этотъ былъ выполненъ дружбою къ двумъ дѣвушкамъ въ Москвѣ, о вліяніи которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Александра Верещагина и Марья Александровна Лопухина связывали воспоминанія поэта съ лучшими годами его юности, съ идеальными стремленіями его университетскихъ лѣтъ. Память этихъ дѣвушекъ была чрезвычайно дорога ему и онъ высоко чтилъ ихъ мнѣніе о себѣ. Утопая въ вихрѣ разсѣянной жизни послѣ выхода въ офицеры, Лермонтовъ какъ бы совѣстился писать имъ. Послѣднее письмо, писаннее къ М. А. Лопухиной, помѣчено 23 декабря (1834 г.). Затѣмъ ближайшее, дошедшее до насъ письмо писано уже 31 мая 1837 г. (*Соч.*, т. I, стр. 532). Нѣтъ сомнѣнія, что цѣлый рядъ этихъ любопытныхъ писемъ утратился. Всѣ наши поиски остались безуспѣшными и намъ пришлось убѣдиться, что Марья Александровна дѣйствительно сожгла ихъ,—слухъ, которому сначала мы отказывались вѣрить. Причиною сожженія были нѣкоторыя семейныя тайны, а, можетъ быть, и просто вспышка неудовольствія на то, что часть писемъ, нынѣ находящихся въ изданіи сочиненій Лермонтова, попала въ печать противъ воли Марьи Александровны ([17]).

Если нынѣ существующій въ этихъ письмахъ пробѣлъ и былъ не такъ великъ, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что Лермонтовъ долго не писалъ своему другу, боясь навлечь на себя

его неудовольствіе за свое недоброе поведеніе. Самое письмо отъ 23 декабря, говорящее объ образѣ жизни, который сталъ онъ вести, есть исповѣдь, какъ называетъ его самъ поэтъ. Затѣмъ въ письмѣ къ Верещагиной, писанномъ весной 1835 года, онъ прямо говоритъ: «О, милая кузина, надо признаться вамъ, почему я не писалъ болѣе ни вамъ, ни M-elle Marie. То былъ страхъ, чтобы изъ писемъ моихъ вы не заключили, что я почти недостоинъ болѣе дружбы вашей... Передъ обѣими вами я не могу скрывать истины, передъ вами, которыя были наперстницами юношескихъ моихъ мечтаній, столь прелестныхъ, особенно въ воспоминаніи» (18).

При пылкости характера поэтовъ и ихъ врожденной впечатлительности, являются какъ бы естественными тѣ бурныя увлеченія, которымъ предаются они при вступленіи въ жизнь. Извѣстно, что кутежи привели юношу Гёте на край могилы. Только желѣзная натура спасла его. Пушкина буйная жизнь, которой онъ предался по выходѣ изъ лицея, довела до тяжкой болѣзни. Кутежи и потрата таланта на произведенія весьма скабрезнаго свойства не мѣшали, однако, ему въ тиши кабинета предаваться серьезному служенію музамъ. И Лермонтовъ, несмотря на разсѣянный образъ жизни, въ которой прожигалъ онъ силы и молодость, трудится надъ своимъ образованіемъ и надъ развитіемъ своего таланта. Кромѣ посѣщенія свѣтскихъ гостинныхъ и кутежа въ товарищескихъ кружкахъ и салонахъ полусвѣта, поэтъ искалъ общества людей съ болѣе серьезными интересами или примыкавшихъ къ литературному кругу. Послѣдуемъ за нимъ туда, въ тишину рабочаго кабинета, гдѣ онъ ввѣрялъ бумагѣ свои вдохновенныя мысли.

Пав. Висковатый.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Составившееся мнѣніе, будто Лермонтовъ былъ бѣденъ, несправедливо, какъ замѣтилъ уже г. Лонгиновъ (*Русск. Стар.* 1873 г., VII, стр. 383). Управляющій нынѣ Тарханами г. Журавлевъ говорилъ, что при Арсеньевой насчитывалось болѣе 600 душъ. Кромѣ того, былъ капиталъ и другія помѣстья. Отцовское имѣніе Лермонтовъ, кажется, отдалъ въ пользованіе роднымъ сестрамъ отца. Приводимъ ненапечатанное письмо Арсеньевой къ внуку, писанное изъ Тарханъ. Оно находится въ Имп. публичной библіотекѣ и обязательно доставлено намъ А. Ѳ. Бычковымъ. Напечатано письмо не было. Письмо, характерно рисуетъ тогдашнее отношеніе старушки къ молодому внуку. «Милый любезный другъ Мишенька,—пишетъ она,—конечно, мнѣ грустно, что долго тебя не вижу, но, видя изъ письма твоего привязанность твою ко мнѣ, я плакала отъ благодарности къ Богу. Послѣ двадцати пяти лѣтъ страданія любовію своею и хорошимъ поведеніемъ ты заживляешь раны моего сердца. Что дѣлать, Богу такъ угодно, но Богъ смилосердится надо мною и тебя отпустятъ. Меня безпокоитъ, что ты безъ денегъ. Я съ десятаго сентября всякій часъ тебя ждала, а 12 октября получила письмо твое, что тебя не отпускаютъ. Цѣлую недѣлю надо было почты ждать. Посылаю теперь тебѣ, мой милый другъ, тысячу четыреста рублей ассигнаціями, да писала къ Афанасію *), чтобъ онъ тебѣ послалъ двѣ тысячи рублей. Надѣюсь на милость Божію, что нынѣшній годъ порядочный доходъ получимъ, но теперь еще никакихъ цѣнъ на хлѣбъ нѣтъ и задаромъ жалко продавать. Невѣстка Марья Александровна была у меня и сама предложила написать къ Афанасію и ты вѣрно черезъ недѣлю получишь отъ него 2 тысячи; еще теперь мы не устроились. Я въ Москвѣ была нездорова, отъ того долго такъ и прожила, долго ѣхала, слаба еще была и домой пріѣхала 25 іюля, а тебя моего друга ждала въ сентябрѣ и до смерти мнѣ грустію, что ты нуждаешься въ деньгахъ; буду посылать всякіе три мѣсяца по 2,500 рублей, а всякій мѣсяцъ уже слишкомъ по малу, а, можетъ, иной мѣсяцъ мундиръ надо сшить. Я долго тебѣ не писала, мой другъ, всякій часъ ждала тебя, но не безпокойся обо мнѣ; я здорова, береги свое здоровье, мой милый. Ты здоровъ, веселъ и хорошо себя ведешь. Я счастлива истинно, мой другъ, забываю всѣ горести и со слезами благодарю Бога, что онъ на старости послалъ въ тебѣ мнѣ утѣшеніе. Лошадей тройку тебѣ купила и, говорятъ, какъ птицы летятъ; онѣ одной породы съ буланой и цвѣтъ одинаковъ, только черный ремень на спинѣ и черныя гривы; забыла, какъ ихъ называютъ. Домашнихъ лошадей всѣхъ шесть, выбирай любыхъ: пара темногнѣдыхъ, пара свѣтлогнѣдыхъ и пара сѣрыхъ, но здѣсь никто не умѣетъ выѣзжать лошадей: у Матюшки силы нѣтъ, Никанорка объѣзжаетъ купленныхъ лошадей, но боюсь, что нехорошо ихъ пріѣздитъ. Лучше, думаю, тебѣ Митьку кучера взять можно до Москвы въ (не разобрано), его отправить дня за четыре до твоего отъѣзда. Ежели ты своихъ вятскихъ продашь—и сундучекъ съ мундирами, и

*) Афанасій Алексѣевичъ Столыпинъ. (*Русская Мысль* 1881 г., кн. X, стр. 2, и кн. XII, стр. 75.

съ бѣльемъ съ нимъ можно отправить; впрочемъ, какъ ты самъ лучше придумаешь; тебѣ уже 21 годъ. Катерина Аркадьевна переѣзжаетъ въ Москву, то въ Средниково тебѣ не нужно заѣзжать, да ты послѣ тѣхъ ни разу не писалъ къ Афанасію Алексѣевичу; чрезъ письма родство и дружба сохраняются; онъ другъ былъ твоей матери и любилъ тебя какъ роднаго племянника, да къ Марьѣ Акимовнѣ и Павлу Петровичу *) хоть бы въ моемъ письмѣ приписалъ два слова. Стихи твои, мой другъ, читала, безподобны, а всего лучше меня утѣшило, что тутъ нѣтъ нынѣшней модной неистовой любви. И невѣстка сказывала, что Афанасію очень понравились стихи твои, и очень ихъ хвалилъ, да какъ ты не пишешь какую ты пьесу сочинилъ намедни или трагедію **)? Все (ко всему), что до тебя касается, я неравнодушна; увѣдомь обо всемъ (?), коли можно, и пришли черезъ почту. Стихи твои я болыпе десяти разъ читала. Скажи Андрею ***), что онъ такъ давно къ женѣ не писалъ; она съ ума сходитъ, все плачетъ, думаетъ, что онъ болѣнъ. Achetez quelquechose pour Дарья ****) elle me sert avec beaucoup d'attachement. Очень благодарна Екатеринѣ Александровнѣ, что она обо мнѣ помнитъ, но мое присутствіе здѣсь необходимо. Степанъ очень прилежно смотритъ, но все какъ я прикажу — то выходитъ лучше. Дѣвки, молодыя вдовы (неразобрано) безпутничаютъ. Я кого уговариваю, кого на работу посылаю и отъ 16 большихъ дѣвокъ 4 только осталось и вдовы всѣ вышли и (неразобрано) все пришло въ прежній порядокъ. Какъ Богъ дастъ милость свою и тебя отпустятъ, то хотя Тарханы и Пензенской губерніи, но на Пензу ѣхать слишкомъ 200 верстъ крюку. Изъ Москвы нужно ѣхать на Рязань, Козловъ и на Тамбовъ, а изъ Тамбова на Кирсановъ въ Чимбаръ. У Екатерины Аркадьевны на дворѣ тебя ожидаетъ долгуша, точно коляска, перина и собачье одѣяло; можетъ, еще зимняго пути не будетъ. Здѣсь у насъ о сю пору совершенная весна среди дня, ночью морозы только велики.

(Идутъ разныя незначущія порученія).

«Прощай мой другъ, Христосъ съ тобою, будь надъ тобою милость Божія. Вѣрный другъ твой Елизавета Арсеньева. 1835 года 18 октября... Все-то мнѣ кажется, мой другъ, что тебѣ денегъ мало, еще сто посылаю тебѣ, всего 1,500 рублей».

2) Je vais dans le monde maintenant... pour me faire connaitre, pour prouver que je suis capable, de trouver du plaisir dans la *bonne societe* (подчеркнуто Лермонтовымъ). (*Сочин.*, изд. въ 1882 году). Оно писано въ 1834 г.; въ напечатанномъ текстѣ большой пропускъ. Пропущено то, что говорится о г-жѣ Хвостовой и отношеніи къ ней Лермонтова въ концѣ 1834 года (объ этомъ ниже).

3) Въ томъ же письмѣ срави., что говоритъ о Лермонтовѣ въ это время Пыпинъ. *Соч. Лерм.*, изд. 1873 г., т. I., стр. XIII; только и онъ вовлеченъ въ ошибку, думая, что письмо писано въ 1835, а не 34 году.

---

*) Шанъ-Гирей.

**) Стихи, понравившіеся бабушкѣ, вѣроятно, напечатаны въ *Библ. для чтенія*: *Хаджи Абрекъ*. Комедія, это—*Маскарадъ*, писан. въ 1835 г.

***) Лакей, отправленный къ Лермонтову изъ Тарханъ.

****) Ключница въ Тарханахъ, имѣвшая сильное вліяніе на Арсеньеву.

4) «Мих. Ю. Лермонтовъ въ разсказахъ о гвардейскихъ однокашникахъ» г. Бурнашова. *Русск. Арх.* 1872 г.

5) Г. Лонгиновъ («Замѣтки о Лермонтовѣ». *Русск. Стар.* 1873 г., т. VII, стр. 388) говоритъ, что было въ 1839 г., но на точность указаній г. Лонгинова нельзя полагаться. Такъ, онъ говоритъ (*Русск. В.* 1857 г., № 11), что Л. вышелъ *въ офицеры въ 1835 г., тогда какъ онъ вышелъ въ 1834 г.* Точно также г. Лонгиновъ (на стр. 382) говоритъ, что Столыпинъ въ 1840 году служилъ въ лейбъ-гусарахъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, тогда какъ Столыпинъ въ это время давно находился въ отставкѣ и, когда въ началѣ 1840 г. произошла дуэль между Лермонтовымъ и де-Барантомъ и Столыпинъ былъ его секундантомъ, Императоръ Николай I по окончаніи суда велѣлъ сказать Столыпину, что «въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть празднымъ». Конецъ стихотвор. Л. къ Казбеку г. Лонгиновъ (*Русск. В.* 1860, № 8., стр. 387) приписываетъ М. И. П. (опову) и разсказываетъ обстоятельства дѣла, тогда какъ это совершенно ошибочно и стихъ принадлежитъ Лермонтову, на что указалъ и П. А. Ефремовъ (*Соч. Лерм.*, изд. 1882., т. I, стр. 614). Г. Лонгиновъ же утверждаетъ, что Лермонтовъ род. въ 1815 г., тогда какъ онъ род. въ 1814 г.

6) Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, по прозванію *Монго*, былъ сынъ Аркадія Алексѣевича Столыпина, оберъ-прокурора сената и друга Сперанскаго. Аркадій Алексѣевичъ былъ роднымъ братомъ бабки Лермонтова, Ел. Ал. Арсеньевой, рожд. Столыпиной. Онъ, кромѣ «Монго», имѣлъ еще двухъ сыновей: Николая Аркадьевича, умершаго въ 1884 г. нашимъ уполномоченнымъ министромъ въ Гаагѣ, и Дмитрія Аркадьевича, обязательными сообщеніями котораго мы много пользовались при составленіи біографіи.

7) Г. Лонгиновъ въ *Русской Старинѣ* 1873 г., т. VII стр., 382, срав. тоже Бурнашова въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 г., стр. 1780; гр. Соллогубъ, много о немъ разсказывавшій намъ, изобразилъ его въ повѣсти *Большой свѣтъ*. Кромѣ указаннаго, мы въ дальнѣйшихъ разсказахъ о Столыпинѣ пользуемся сообщеніями о немъ, сдѣланными намъ А. О. Смирновой (рожд. Росетти), Ак. Павл. Шанъ-Гиреемъ, братомъ «Монго» Дмитр. Арк. Столыпинымъ и другими.

Фельдмаршалъ князь А. Ив. Барятинскій, тоже товарищъ «Монго» по школѣ, одинъ очень недружелюбно отзывался о немъ, какъ и о Лермонтовѣ. Но тому были другія причины. Однако, и онъ не заподозривалъ благородства Алекс. Аркадьевича.

8) О случайномъ происхожденіи имени «Монго» сообщилъ намъ Дм. Арк. Столыпинъ. Г. Лонгиновъ производитъ его прямо отъ клички собаки. *Русская Старина* 1873 г., въ вышеозн. мѣстѣ.

9) Разсказы о Лермонтовѣ гр. Ростопчиной, помѣщенные Дюма въ его Impressions de Voyage—le Caucase и перевед. Шульцемъ въ *Русской Старинѣ* 1882 г., сентябрь, стр. 610.

10) См. *Русскую Старину* въ означен. мѣстѣ, стр. 382, и *Русскій Вѣстникъ* 1857 г., ноябрь.

11) «J'ai vu en entrant dans le monde que chaqun avait son piedestal: une fortune, un nom, un titre, une faveur... j'ai vu que si j'arrivais à occuper de moi une personne, les autres s'occuperont de moi insensiblement, par curiosité avant, par rivolité après». Это длинное письмо, на 8 страницахъ

мелкаго почерка, писано все на французскомъ языкѣ и находится у насъ. Нѣкоторые отрывки были помѣщены нами въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1882 г., мартъ, стр. 340. Нач. письма см. ниже, прим. 18-е.

12) До 1832 года Лермонтовъ многимъ изъ молодыхъ дѣвушекъ, съ которыми былъ друженъ, вписывалъ въ альбомы свои лирическія пьесы. См., что сказано нами въ *Русской Мысли* 1884 г., кн. IV, стр. 170, прим. 4-е, и *Р. М.* 1882 г., кн. II, стр. 114.—*Р. В.* мартъ 1882, стр. 335. Въ этой статьѣ мы подвергнули разсмотрѣнію отношенія Лермонтова къ г-жѣ Хвостовой и подробно указываемъ на обстоятельства, совершенно не подтверждающія разсказы автора записокъ, появившихся сначала въ *В. Евр.* 1869 г., а потомъ отдѣльнымъ изданіемъ М. И. Семевскаго въ 1870 г. Противъ правдивости этихъ записокъ писали, между прочимъ, сестра г-жи Хвостовой, г-жа Ладыженская, въ *Русск. Вѣст.* 1872 г., № 2, и г-жа Фадѣева въ *Совр. Лѣтописи* 1869 г., № 46, и 1872 г., № 41. Г-жа Фадѣева — сестра извѣстнаго нашего военнаго писателя Фадѣева (автора *Вооруженныхъ силъ Россіи*) проживаетъ въ Одессѣ, гдѣ мы имѣли возможность познакомиться съ нею во время археологическаго съѣзда (авг. 1884 г.) и получить часть записокъ г-жи Хвостовой въ первоначальномъ ихъ видѣ, которыя и передали въ Лермонтовскій музей при ник. кав. училищѣ.

13) «Dites moi, j'ai cru remarquer qu'il a du tendre pour M-elle Souchkoff est ce que vous le savez? Les Oncles de mamselle auraient bien voulu les marier!... Dieu preserve!... Cette femme est une chauve souris, dan les ailes s'accrochent à tous ce qu'ils rencontrent!—il y eut un temps ou elle me plaisait, maintenant elle me force presque de lui faire la cour... mais, je ne sais, il y a quelque chause dans ses manières qui repousse; tout en cherchant à lui plaire on trouve du plaisir à la compromettre, de la voir s'embarasser dans ses propres filets». (Изъ письма, напечатаннаго въ *Собр. соч.*, т. I, стр. 528, съ пропусками и безъ собственныхъ именъ, и невѣрно отнесеннаго къ 1835 году, тогда какъ оно писано въ 1834 г.).

14) *Записки*, стр. 139—165. М. С. Багговутъ, для которой (?) писаны записки, по разсказу г-жи Хвостовой (стр. 164), даже замѣчаетъ ей по поводу ея колебаній между Лермонтовымъ и Лопухинымъ и отдачи предпочтенія первому: «ты промѣняла кукушку на ястреба».

15) Г. Мартьяновъ («Поэтъ Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ». *Всемірный Трудъ*, годъ IV, октябрь, стр. 581) замѣчаетъ: «Е. А. Хвостова говоритъ здѣсь со всей увлекательностью жертвы увлеченія, разсказываетъ, между прочимъ, о личныхъ отношеніяхъ къ ней поэта. Разсказъ этотъ веденъ блистательно, съ знаніемъ дѣла, но не отличается искренностью. Всѣ эти странные звучные аккорды воспринятой ею на себя восторженной страсти, вся эта мелодичная пѣснь любви, вся эта трогательная задушевная исповѣдь разбитаго сердца покрываются высокой нотой оскорбленнаго самолюбія и звучатъ упрекомъ поэту въ грубомъ нравственномъ растлѣніи и въ холодномъ, эгоистичномъ бездушіи... Такая всеобъемлющая, глубокая страсть, которую рисуетъ намъ Е. А. Хвостова, едва ли могла вспыхнуть у нея въ сердцѣ послѣ многихъ лѣтъ холодныхъ, свѣтскихъ отношеній къ поэту. Это не болѣе, не менѣе, какъ блестящій обманъ самое себя, миражъ пылкаго воображенія» и т. д.

Издатель *Записокъ* въ предисловіи своемъ, напротивъ, признаетъ искренность и правдивость тона. Но М. Ив. Семевскій не имѣлъ свѣдѣній, которыя стали

извѣстны позднѣе, и, вѣроятно, не углубившись въ сокрытый смыслъ искуснаго разсказа, былъ введенъ въ заблужденіе, въ которое впали и мы при первомъ прочтеніи труда г-жи Хвостовой. Мы были тогда вполнѣ на ея сторонѣ и въ противникахъ ея видѣли только зависть или недоброжелательство. Увы! подробное изученіе эпизода заставило насъ глядѣть на г-жу Хвостову совершенно другими глазами. И роль ея, и *Записки* представляютъ явленіе весьма некрасивое. Признаемся, намъ даже неловко было (*Русск. Вѣстн.* 1882 г., мартъ, стр. 332) изобличать ее, неловко и теперь! Было бы гораздо пріятнѣе, если бы *Записки* ея вышли анонимно; тогда, быть можетъ, осталось бы неизвѣстнымъ, кто такая эта самозванная Лаура, явившаяся на дорогѣ молодаго поэта.

16) *Записки*, стр. 155 и 186.

17) Такъ было объяснено намъ нѣкоторыми изъ родныхъ покойной Марьи Александровны, этого достойнаго и умнаго лица. Г. Бартеневъ первый напечаталъ письма эти въ *Русскомъ Архивѣ* съ выпусками и безъ объясненія, кому они были писаны. Въ изданіи сочиненій Лермонтова, изготовленномъ Дудышкинымъ, письма эти перепечатаны съ тѣми же пропусками. Затѣмъ г. Ефремовымъ въ издан. 1873 года были отдѣльно помѣщены пропущенныя мѣста. Въ изд. 1880 и 1882 года письма явились почти цѣликомъ. Но есть и теперь пропуски и ошибки. Имена собственныя скрыты подъ буквами N. N., что въ виду протекшихъ уже лѣтъ не слѣдовало бы дѣлать. Всѣ встрѣчающіяся тамъ лица умерли и имена ихъ названы въ цѣломъ рядѣ статей въ различныхъ журналахъ. Для новаго изданія пересмотръ писемъ былъ бы необходимъ. Мы пользовались спискомъ, который П. И. Бартеневъ въ 1880 году обязательно позволилъ снять съ этихъ писемъ.

18) «Chère cousine, il faut vous avouer la cause de ce que je ne vous écrivais plus, à vous et à M-elle Marie, c'est la crainte que vous ne remarquiez par mes lettres que je ne suis presque plus digne de votre amitié... car à vous deux je ne puis pas cacher la verité, à vous qui avez été les confidentes de mes rêves de jeunesse. Si heux—surtout dans le souvenir...» Это еще нигдѣ ненапечатанное письмо, безъ означенія года и числа, было писано весною 1835 года; это видно изъ того, что въ немъ говорится объ анонимномъ письмѣ, писанномъ къ Екат. Ал. Сушковой, и окончательномъ съ нею разрывѣ, что, по запискамъ ея (стр. 176), имѣло мѣсто послѣ Пасхи.

Пав. Висковатый.

ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ ТРАГЕДІИ ГЁТЕ „ФАУСТЪ“.

I

Предварительныя объясненія.

Великое произведеніе Гёте, трагедія *Фаустъ*, не принадлежитъ только одному своему вѣку. Оно, возникнувъ изъ самыхъ центральныхъ стремленій духа человѣческаго и основныхъ вопросовъ, породившихъ направленія мыслей и идеалы какъ первой половины XIX вѣка, такъ и нашего времени, озаряетъ ихъ яркимъ свѣтомъ и раскрываетъ существенныя черты великаго ихъ синтеза.

Гёте, обладая могучею обобщающею силою трансцендентальнаго мышленія, необычайно чуткою воспріимчивостью впечатлѣній, получаемыхъ изъ внѣшняго міра, и, въ то же время, глубокимъ, тонкимъ чувствомъ, осязающимъ, такъ сказать, движенія живыхъ силъ и слышащимъ ихъ гармонію въ жизни вселенной, былъ равно далекъ какъ отъ того раціоналистическаго, холоднаго мистицизма, который мертвитъ жизнь логическою формулою, такъ и отъ того чувственно-узкаго пониманія жизни человѣчества и природы, для которыхъ они являются какимъ-то механическимъ сцѣпленіемъ явленій безъ свободы и живаго разума, а потому понималъ творческое прогрессивное движеніе человѣчества, конечную цѣль его развитія и царственный путь къ ней.

И все, что уразумѣлъ этотъ великій умъ, заключилъ онъ въ своемъ произведеніи *Фаустъ*, а также частью и въ романѣ *Wilhelm Meister's Lehrjahre und Wanderjahre*, который можетъ служить въ нѣкоторомъ смыслѣ дополненіемъ къ трагедіи, разъясненіемъ нѣкоторыхъ мыслей въ ней.

Полагаемъ, что обозрѣніе, хотя и съ краткостью, обусловленною журнальною статьею, идей, заключающихся въ твореніи Гёте, не можетъ почесться лишнимъ въ наше время, взволнованное столькими вопросами, которые также ставилъ и рѣшалъ всесторонне обозрѣвающій ихъ геніальный разумъ съ спокойствіемъ олимпійца, ясно созерцающаго жизнь. Не лишнимъ будетъ для тѣхъ, кто не прочиталъ съ должнымъ вниманіемъ всего творенія Гёте, послушать этого мудраго учителя нашего вѣка, который, по слову поэта,

Могучею мыслью весь міръ облетѣлъ.

Въ трагедіи Гёте *Фаустъ* въ художественной полнотѣ слитовоедино все, что до половины девятнадцатаго вѣка понято о человѣкѣ, о его творческихъ силахъ, его назначеніи и цѣляхъ на землѣ, о томъ идеальномъ совершенствѣ, которое доступно его личнымъ силамъ. Передъ нами человѣкъ, обуреваемый стремленіемъ, переходящимъ мѣру силъ человѣческихъ, объять мыслью всю вселенную, проникнуть въ тайны жизни и самого Божества. Въ борьбѣ съ непостижимыми для него силами, скрывающими отъ него истину, онъ предоставленъ только себѣ, только духу своей личной самодѣятельности. Изъ глубины мукъ духовной жажды, его снѣдающей, и борьбы съ непостижимымъ выходитъ онъ побѣдителемъ и самъ становится творческою силою въ жизни и затѣмъ причастникомъ жизни вселенской. Это твореніе Гёте — побѣдная пѣснь духа человѣческаго, послѣднее слово той мудрости, которая, признавъ божественность личнаго духа человѣка, утвердила въ немъ средоточіе всей истины. Оно закончило тотъ періодъ въ жизни человѣчества, за которымъ вступило въ свои права сознаніе, что полное удовлетвореніе духа человѣческаго и истинное блаженство для него — въ жизни для другихъ, что счастье обрѣтается среди счастливыхъ и свободныхъ людей. Таково значеніе послѣднихъ словъ Фауста въ концѣ второй части трагедіи, которыя имѣютъ такой смыслъ: «величайшее блаженство есть жизнь на свободной почвѣ среди свободнаго народа, самодѣятельно создающаго свою свободу и свое счастье. Предчувствіемъ такого высокаго блаженства я наслаждаюсь въ послѣднія минуты моей жизни». Вотъ та ступень, на которую поднялся Фаустъ изъ глубины запертой въ своемъ «я» и потому эгоистической жизни, и поднялся онъ на эту высоту ничѣмъ

инымъ, какъ мощью его упругой воли и энергіею силъ его духа, направленныхъ къ познанію истины. До той же высоты нравственнаго пониманія поднялось и все передовое человѣчество путемъ могущественной самодѣятельности, такъ что твореніе Гёте можетъ стать настольною его книгой и зеркаломъ, въ которомъ оно можетъ ясно видѣть самого себя, созерцать прямой путь къ великой цѣли и всевозможныя уклоненія отъ него. Эта трагедія создана тѣмъ міровымъ геніемъ, который объялъ весь вѣдомый въ его время міръ, «чувствовалъ травъ прозябаніе», духомъ своимъ проникалъ глубины духа человѣческаго, своимъ сердцемъ извѣдалъ всѣ лучшія и высшія стремленія, своимъ всеобъемлющимъ міровоззрѣніемъ озарилъ высоты, доступныя развитію человѣчества, и освѣтилъ ему путь въ его движеніи впередъ.

Трагедія Гёте возникла изъ глубины такъ называемой эпохи «бурныхъ стремленій» (Sturm und Drangperiode) единовременно съ *Гёцъ ф. Берлихингенъ* и *Вертеромъ*, по указанію самого Гёте, около 1773 года, а по мнѣнію Риммера Экермана, задумана еще въ 1769 г. и, со включеніемъ второй части, окончена зимою 1832 г. въ эпоху философскаго и поэтическаго выясненія человѣчнаго (гуманитэтнаго) идеала.

Первая и вторая части составляютъ одно неразрывное цѣлое. Хотя первая часть была издана въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ, только въ 1808 г., но печаталась и выходила въ свѣтъ по частямъ, съ большими перерывами во времени. Вторая же часть, въ полтора раза бо́льше первой, начата лѣтъ за семь до смерти поэта и писалась безпрерывно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сценъ ея, написанныхъ гораздо ранѣе. Еще въ 1800 г., когда напечатанный въ этомъ году отрывокъ первой части, составлявшій только около половины ея, заключалъ въ себѣ лишь первый монологъ Фауста, разговоръ его съ Вагнеромъ, явленіе духа земли, сцену со школьникомъ, кухню вѣдьмы, сцены Гретхенъ, за исключеніемъ сцены въ тюрьмѣ, сцену въ лѣсу и пещерѣ, вопросъ о второй части былъ уже дѣломъ рѣшеннымъ, какъ это несомнѣнно явствуетъ изъ письма Шиллера отъ 13 сентября этого года, слѣдовательно, гораздо ранѣе появленія въ свѣтъ такихъ многознаменательныхъ сценъ, какъ прологъ въ небѣ, заключеніе договора Фауста съ Мефистофелемъ и заключительныя сцены первой части. И не только мысль о второй части трагедіи занимала поэта до 1808 г., но несомнѣнно и то, что ко времени между 1797 и 1801 годами относится и созданіе нѣсколькихъ частей ея, а

именно: первыхъ сценъ втораго акта, начала третьяго и, какъ теперь положительно уже извѣстно, заключенія пятаго акта, впослѣдствіи измѣненнаго. Затѣмъ послѣдовалъ перерывъ въ обработкѣ этой части и, только по минованіи долгаго промежутка послѣ окончанія первой части трагедіи, въ 1824 г. принялся поэтъ за написаніе второй и продолжалъ послѣднюю параллельно съ написаніемъ романа *Wilhelm Meister's Lehrjahre und Wanderjahre*, родственнаго трагедіи по идеѣ, такъ что онъ можетъ служить, какъ мы сказали, къ выясненію многихъ идей послѣдней и въ этомъ смыслѣ къ дополненію ея. Романъ приводитъ своего героя только инымъ путемъ къ счастію нравственнаго успокоенія въ сосредоточенной дѣятельности труда на пользу людей, но труда нормированнаго и освѣщеннаго красотою гармонически устроенныхъ, всесторонне развитыхъ душевныхъ силъ, и открываетъ кругозоръ на возможность будущаго въ жизни человѣчества, исполненнаго свободы, счастія и красоты. Изъ предъидущихъ данныхъ о томъ, какъ создавалась трагедія, необходимо слѣдуетъ, что вся идея уже жила въ поэтѣ, хотя и не въ полномъ, окончательномъ еще развитіи, при самомъ началѣ этого произведенія; что вторая часть его была задумана, какъ рѣшеніе тѣхъ великихъ общечеловѣческихъ вопросовъ, томившимъ душу поэта, которыми былъ вызванъ въ его творческой фантазіи созданный имъ поэтическій образъ Фауста. На эти великіе вопросы Гёте далъ отвѣтъ въ двухъ своихъ монументальныхъ произведеніяхъ, въ трагедіи *Фаустѣ* и въ сказанномъ романѣ *Wilhelm Meister's Lehrjahre und Wanderjahre*. Эти произведенія мы не должны отдѣлять одно отъ другаго, если хотимъ понять самого Гёте и ту высоту, на которую встала культурная мысль въ половинѣ нашего вѣка. Разница между ними состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что трагедія, объемля собою, такъ сказать, всю вселенную, все безконечіе доступныхъ человѣческой мысли и человѣческому чувству силъ, проникая, такъ сказать, въ первичныя основы судебъ жизни человѣка на землѣ и въ нравственныя основы мірозданія, поднимаетъ и рѣшаетъ вопросы неизмѣримо болѣе глубокіе и многообъятные, нежели романъ, который имѣетъ дѣло съ фактами жизни изъ сферы болѣе ограниченной, обыденной.

Изъ предъидущаго также понятно, почему поэтъ отложилъ до позднѣйшаго времени окончательную обработку второй части своего произведенія, начатой до 1801 года. Поэтъ не былъ еще удовлетворенъ при началѣ своей работы тѣми рѣшеніями, которыя представлялись тогда его уму; онъ сознавалъ, что его міросозерцаніе

не развилось до желанной полноты и строгости, что оно не выросло до той устойчивой силы и той поражающей читателя своей яркостью ясности, къ которымъ всегда стремился этотъ великій мыслитель и поэтъ.

Сравнивъ произведенія Гёте до 1800 года съ тѣмъ, что написано имъ послѣ 1820 года, нельзя не увидѣть гигантскаго подъема въ богатствѣ и широтѣ его воззрѣній, въ высотѣ его многообъемлющаго міросозерцанія. Изучая творенія Гёте, поэтическія и ученыя, письма его, разныя замѣтки и, слѣдя, въ то же время, за его жизнью и работами, можно видѣть, какъ постепенно углублялось, уточнялось, расширялось и крѣпло его пониманіе жизни природы и человѣка, и созерцаніе вѣчныхъ, хотя таинственныхъ, но столь же реальныхъ, какъ все дѣйствительно существующее, силъ, строющихъ жизнь вселенной. Становится тогда понятнымъ, почему Гёте оставилъ въ 1800 г. обработку второй части трагедіи *Фаустъ* и принялся за нее только въ 1824 г. Если все предъидущее уже доказываетъ, что вторая часть этого произведенія есть продолженіе первой, такъ что онѣ составляютъ двѣ половины одного цѣлаго, то это становится непосредственно очевиднымъ изъ самаго содержанія всей трагедіи. Первая часть ея безъ второй—произведеніе безъ конца, въ которомъ коллизія—безъ положительнаго результата для героя, завязка—безъ развязки, вопросъ—безъ разрѣшенія. Если отъ трагическаго героя по законамъ естетики требуется вина его, состоящая въ разрушеніи гармоніи его духовныхъ силъ или гармоніи нормальнаго теченія жизни, отмщающаяся на немъ самомъ такъ, что на судьбѣ этого героя осуществляется законъ природы жизни, высказанный неоднократно Шекспиромъ: «изъ противуестественнаго дѣла вытекаютъ и противуестественныя послѣдствія», то Фаустъ первой части, если угодно, въ полномъ смыслѣ такой герой, претерпѣвающій возмездіе за чрезмѣрность своихъ безконечныхъ стремленій, переходящихъ мѣру силъ человѣческой природы.

Такую бы вину вмѣнилъ Фаусту поэтъ классическаго греческаго міра, Эсхилъ или Софоклъ, для которыхъ нарушеніе равновѣсія душевныхъ силъ титаническимъ стремленіемъ овладѣть тайнами Божества — дѣло противуестественой гордыни, преступленіе, неминуемо ведущее къ гибели. Но не такъ взираетъ на это дѣло человѣкъ новаго времени, вѣрующій въ безконечный прогрессъ человѣчества: въ пониманіи мыслителя и поэта XIX вѣка безкопечность стремленій къ истинѣ не есть дѣло, противное

естеству природы человѣка, но существенная, положительная сила его бытія,—и Гёте не губитъ своего героя.

Въ душѣ Фауста живетъ внутренняя, положительная сила, спасающая его въ минуту самой гибели, превращающая его въ возстановителя гармоніи въ жизни его духовныхъ силъ, нарушенной тѣмъ уклоненіемъ его отъ нравственной правды, которое можетъ быть дѣйствительно поставлено ему въ вину. Духъ христіанства, которымъ сознательно и несознательно живутъ новые вѣка, ведущіе человѣка къ жизни безконечной, не можетъ считать противуестественными стремленія человѣка познать абсолютную истину и проникнуть духомъ въ нѣдра жизни божественной, но вмѣняетъ въ вину человѣку эгоистическое направленіе его душевныхъ стремленій, эгоистическую отрѣшенность его отъ прочихъ людей, его жизнь исключительно только для себя и видитъ въ этомъ нравственное извращеніе природы человѣка и, какъ дѣло противуестественное, источникъ его разрушенія.

Вина Фауста—въ его полной отрѣшенности отъ жизни людей, въ его полной сосредоточенности въ своемъ «я». Эта замкнутость его, это нравственное одиночество заморили его чувства,—работалъ только его холодный умъ. Закрылась для него жизнь, и Божество, сіяющее въ ней своими лучами, доступное только цѣлому духу, только гармонически соединеннымъ всѣмъ силамъ его, удалилось въ безотвѣтную для его запросовъ даль. Отсюда муки внутренняго разлада въ его душѣ. Подъ напоромъ титаническаго движенія его стремленій онъ мыслью хотѣлъ овладѣть тѣмъ, что недоступно для нея одной, что за предѣлами возможнаго для нея Отсюда и разрастаніе пламени, снѣдающаго его стремленія, а съ нимъ и страстей, ничѣмъ неумѣряемыхъ въ томъ эгоистическомъ направленіи, какое приняло въ немъ стремленіе къ познанію жизни.

Во второй половинѣ первой части мы застаемъ его въ минуты сильнѣйшаго разгара его эгоизма, принесшаго въ жертву себѣ невинное созданье, преступное только своею чистою, безкорыстною, беззавѣтною любовью къ нему, и въ самомъ концѣ оставляемъ его среди ада, созданнаго въ немъ самомъ и вокругъ него. Но онъ не умеръ, не погибъ. Что же дальше? Какая его судьба? Какой же исходъ? На страшной сценѣ въ тюрьмѣ первая часть обрывается, и произведеніе—безъ конца. Этотъ конецъ трагедіи во второй части ея, которая съ эпилогомъ даетъ исходъ, развязку трагическихъ

судебъ какъ Фауста, такъ и его жертвы. Стремленіе къ познанію истины и разума жизни, разрушительное для каждаго человѣка по своей неудовлетворенности, когда оно, обратившись исключительно въ страсть ума, не питается живыми нравственными силами, единящими людей между собою, становится, будучи управлено любовью къ человѣку и идеалами счастія людей, силою созидательною, ведущею человѣка отъ совершенства къ совершенству и вводящею его во святая святыхъ таинъ жизни, полнаго удовлетворенія и блаженства.

Во второй части Фаустъ — въ круговоротѣ общественной жизни, соприкасающейся съ высшими вопросами ея, и чувство и мысль его направлены къ идеаламъ красоты, правды и счастія въ жизни людей, объяты и управлены стремленіемъ къ обрѣтенію ихъ и осуществленію этихъ идеаловъ въ жизни человѣчества. Въ его душѣ, разбуженной вліяніемъ на него любви къ Гретхенъ, постепенно просыпаются, какъ бы спавшія дотолѣ, новыя живыя силы, единящія его съ жизнью всей природы; его духъ наполняется идеалами нравственной красоты, истины, добра, и, по мѣрѣ такого нравственнаго его восхожденія, слабѣютъ въ немъ отрицательныя силы эгоизма; онъ проникается желаніемъ внести гармонію и счастіе въ жизнь людей и открыть просторъ для ихъ творческихъ силъ. Изъ громителя неба Фаустъ становится побѣдителемъ земли. Сверхчеловѣческій титанизмъ, возставшій противъ границъ, положенныхъ природою уму человѣка, превращается въ титанизмъ, стремящійся отворить для людей настежь двери въ храмъ счастія. Его духъ наполняется блаженствомъ предвидѣнія грядущаго рая на землѣ.

Но закваска прежняго эгоизма, переродившаяся въ новомъ его состояніи въ нетерпѣливое желаніе разрушать препятствія, замедляющія достиженіе желанной цѣли, не оставляетъ его до послѣдней минуты, и *забота* мрачитъ его послѣдніе дни,—забота, никогда не оставляющая человѣка въ его жизни, прикованной къ землѣ. Онъ слѣпнетъ и сходитъ въ могилу. Какъ новый Моисей, остановился онъ на краю обѣтованной земли; ему дано было только вкусить блаженство видѣнія обѣтованнаго края, но не вступить въ него. Обрадованный возможности наступленія дня предвидимаго имъ счастія для человѣчества, Фаустъ сходитъ въ могилу. Мефистофель, въ силу договора съ нимъ, хочетъ овладѣть его душой, но въ ней нѣтъ уже ничего отрицательнаго, въ ней уже царитъ одно положительное, и духу от-

рицанія нечего взять. Въ эпилогѣ, происходящемъ въ пространствѣ небесъ и раскрывающемъ передъ нами жизнь вселенскихъ силъ, Гретхенъ—въ числѣ кающихся женщинъ; у ногъ Богородицы получаетъ она прощеніе въ грѣхахъ ради той чистой любви, жертвой которой она пала, и своими молитвами къ всемилостивой Царицѣ небесъ помогаетъ Фаусту расти и восходить изъ силы въ силу и подниматься въ высшія сферы вѣдѣнія и радости.

Несмотря на всю индивидуальность характера Фауста, несмотря на то, что процессъ его внутренняго развитія преобладаетъ надъ всѣмъ прочимъ въ трагедіи, несмотря на то, личность героя, такъ сказать, втянула въ себя всѣ событія фабулы драмы,—въ это произведеніе вошли всѣ высшія идеи развитія человѣчества, которыя выработаны философскимъ періодомъ, начиная съ трактатовъ Канта, относящихся къ философіи исторіи, и до кончины Гёте, всѣ свѣтлыя чаянія, высказанныя въ сочиненіяхъ Лессинга и Гердера, въ особенности въ *Воспитаніи человѣчества* перваго и въ *Идеяхъ къ исторіи человѣчества* втораго, въ твореніяхъ Шиллера и другихъ. Въ этомъ твореніи, какъ въ фокусѣ, собрано въ художественной формѣ все, что далъ опытъ сердца великаго поэта, которому не было чуждо ни одно движеніе души человѣка, все, что дала ему его проницательная наблюдательность, все, что уразумѣлъ его ясный умъ, господствующій надъ всѣми явленіями жизни человѣка и природы. Это великое произведеніе не отуманиваетъ ума измышленіями мистицизма, не мучитъ сердца горечью отрицательныхъ отношеній къ жизни, не дурманитъ сознанія безплодными, безъ всякаго дѣла, воплями такъ называемыхъ міровыхъ страданій (Weltschmerz), не разжигаетъ крови призывомъ къ насилію; но, отражая, какъ въ чистомъ зеркалѣ, всѣ направленія стремленій, волнующихъ человѣчество, общихъ для всѣхъ народовъ и, такъ сказать, раздирающихъ его на враждебныя другъ другу части, раскрываетъ, вмѣстѣ съ Wanderjahre передъ нами красоту ихъ синтеза, полнаго гармоніи и свѣта,—синтеза, въ которомъ они, оставаясь въ ихъ обособленности силами разрушительными, становятся въ своей гармонической совокупности силами консервативно движущими человѣчество впередъ къ свѣтлому будущему, но, наоборотъ, оно вселяетъ въ душу вѣру въ это великое будущее и призываетъ къ спокойной зиждительной работѣ на осуществленіе его. Такое твореніе, независимо отъ его художественныхъ красотъ, по одно-

му уже содержанію своему вѣчно для всѣхъ временъ и поучительно для всѣхъ направленій.

Имѣя такое значеніе, трагедія *Фаустъ* должна быть доступною для всѣхъ во всей своей цѣлости, почти настольною книгой каждаго мыслящаго человѣка. Къ сожалѣнію, читается всѣми только первая ея часть, въ которой высказался Гёте, будучи на полпути своего развитія, и даже читаются только первыя ея сцены и сцены съ Гретхенъ. Вторая же половина трагедіи, въ которой высказался весь Гёте, со всею полнотою и ясностью, уже взойдя на самую вершину своего пониманія міра, своего всеобъемлющаго міросозерцанія, остается для большинства книгою, запечатанною семью печатями. Для этого большинства эта вторая половина всего произведенія является какимъ-то непонятнымъ наборомъ произвольно измышленныхъ и аллегорически сопоставленныхъ фигуръ. Было даже время, когда раздавались у насъ голоса, изъ среды даже людей науки, будто Гёте самъ не понималъ, что писалъ онъ, чуть ли не сойдя съ ума подъ старость. Хоть бы справились такіе господа, что многія сцены второй части, и самыя странныя съ виду, писались единовременно со многими сценами первой части, приводившими ихъ въ восторгъ. Слѣдовало бы имъ обратить вниманіе и на то, что вторая часть отличается отъ первой несравненно бо̀льшимъ единствомъ и бо̀льшей гармоніей стиля. Она какъ бы вылита изъ металла заразъ въ готовую уже форму. Тогда какъ первая часть написана на манеръ старинныхъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ драмъ, состоитъ изъ ряда только идеально связанныхъ между собою сценъ, отрывочныхъ, какъ бы набросанныхъ мастерскою рукою эскизовъ, не развитыхъ, не оконченныхъ положеній, которые точно ждутъ еще отъ художника окончательной отдѣлки, во второй части всѣ подробности развиты и окончены, цѣлое раздѣлено на акты и на сцены, служащіе необходимыми членами общаго, крѣпко сплоченнаго организма пьесы. Конечно, это зависѣло, между прочимъ, и оттого, что первая часть трагедіи была, такъ сказать, тридцатилѣтнею спутницею жизни Гёте и различные члены этой части отражали въ себѣ различныя фазы личнаго развитія самого поэта (мы увидимъ, что Гёте имѣлъ и другое основаніе остановиться на такой формѣ первой части своей трагедіи); вторая же часть была плодомъ работы послѣднихъ лѣтъ *великаго мыслителя-художника, завершившаго свое міросозерцаніе.*

Причины бо̀льшею частью болѣе холоднаго отношенія читате-

лей ко второй части трагедіи *Фауста* и даже невниманія къ ней, по нашему мнѣнію, слѣдующія:

1) Первая часть писана поэтомъ въ первую половину его жизни, когда ярче горѣла его фантазія и творческое вдохновеніе его *было сильнѣе* согрѣто жаромъ молодости, а потому и дѣйствуетъ она неотразимѣе на читателя яркостью своихъ красокъ; вторая же часть создавалась въ старческіе годы подъ болѣе или менѣе охлаждающимъ вліяніемъ спокойнаго размышленія.

2) Въ первой части произведенія реальные человѣческіе образы, взятые изъ дѣйствительной жизни, переплетаясь съ сказочными, взятыми изъ легенды, являются чаще передъ читателемъ, чѣмъ послѣдніе, и, притомъ, въ такіе моменты, въ такихъ коллизіяхъ, что заставляютъ говорить всѣ струны сердца человѣческаго и, такимъ образомъ, преобладаютъ надъ легендарно-фантастическими. Во второй же части наоборотъ; и при этомъ и тѣ, и другіе, и реальные, и чудесные говорятъ преимущественно уму, вызываютъ и плѣняютъ такія чувства, которыя доступны только поднявшимся на извѣстную интеллектуальную высоту.

3) Смущаетъ также читателя ошибочное представленіе, что всѣ образы во второй части, взятые не изъ дѣйствительности, насъ окружающей, суть разсудочно придуманные поэтомъ, аллегорическіе, искусственно составленные, а все событіе, развивающееся въ этой половинѣ произведенія, произвольно сочиненная фабула. Между тѣмъ, такое мнѣніе совершенно ошибочно. Почти все заключающееся во второй части трагедіи взято поэтомъ изъ народныхъ сказаній о Фаустѣ и мнимая аллегорія есть ничто иное, какъ драматизированные факты легенды. Нѣкоторыя только, очень немногія, подробности взяты изъ другихъ народныхъ повѣрій. Поэтъ только сообщилъ фантастическимъ образамъ, взятымъ изъ легенды, символическое, но не аллегорическое значеніе, то-есть сдѣлалъ ихъ, отмѣтивъ ихъ надлежащими характерными, но согласными съ ихъ природою чертами, представителями тѣхъ силъ, которыя народная фантазія олицетворила въ ихъ образахъ, чувствуя дѣйствіе этихъ силъ въ себѣ или вліяніе ихъ, предполагая ихъ существующими внѣ себя. Двѣ, три или четыре изъ подобныхъ фигуръ, выведенныхъ поэтомъ, могутъ быть приняты за изобрѣтенные имъ самимъ аллегорическіе образы, но сформованы они такъ, что являются какъ бы естественными продуктами естественныхъ явленій природы и смыслъ ихъ непосредственно явствуетъ или изъ ихъ словъ, или изъ

сочетанія ихъ съ другими окружающими ихъ образами. Мистическое, аллегорическое толкованіе трагедіи Гёте *Фаустъ* можно, мнѣ кажется, считать устраненнымъ трудами новѣйшихъ критиковъ и Б. Тайлоръ, прекрасный англійскій переводчикъ этого произведенія, могъ съ полнымъ правомъ сказать въ предисловіи къ своему переводу: «періодъ непониманія главнѣшаго произведенія Гёте миновался». Лучшее разъясненіе отличія аллегоріи отъ символизма можно найти въ сочиненіи *Fr. Fischer'a*, въ его книгѣ *Faustbuch*, въ послѣднемъ его изданіи, въ сочиненіи *Volkelt'a*: *Symbol-Begriff in der neuesten Aestetik* 1886 г., въ статьѣ *Siebek'a* въ *Zeitschrift für Volkerpsychologie* (Bd. X, I) и во второй части сочиненія *Gustav'a Theodor'a Fechner'a*: *Vorshule der Aestetik*.

Скажемъ нѣсколько словъ о самыхъ источникахъ фабулы трагедіи *Фаустъ* и о томъ, какъ воспользовался поэтъ ихъ сказаніями. Древнѣйшая *Книга о Фаустѣ* относится къ 1587 году. Имѣются только три экземпляра этого изданія, изъ которыхъ сохранился лишь одинъ полнымъ. Эта книга была издана до 1592 г. до десяти разъ и, получивъ большое распространеніе, издавалась затѣмъ неоднократно и еще одинъ разъ въ послѣднее время. Въ ней говорится, что составлена она съ цѣлью «представить очамъ всѣхъ христіанъ, въ назиданіе имъ, какой ужасный конецъ постигъ Іоганна Фауста за его волшебства». Въ ней разсказывается жизнь Фауста и, согласно духу реформаціоннаго времени, излагаются «диспутаціи» этого чародѣя съ Мефистофелемъ, злымъ духомъ, служившимъ ему. Это сочиненіе было переведено до конца XVI ст. на англійскій языкъ и легло въ основаніе трагедіи Марлова *Фаустъ*, въ которой дѣйствуетъ и Мефистофель, и Вагнеръ, фамулусъ Фауста, въ которую также входятъ и многія событія, разсказанныя легендою, напримѣръ: явленіе съ того свѣта Елены и проч. Изъ этой трагедіи, во второй половинѣ XVII ст., легенда о Фаустѣ перешла въ нѣмецкія народныя театральныя представленія и на сцены маріонетокъ. Легендарная біографія о Фаустѣ разработана самымъ тщательнымъ и полнымъ образомъ нѣмецкими учеными, начиная съ сочиненія о Фаустѣ Неймана, изд. въ 1599 г. въ Гамбургѣ, и трудовъ Крейзенаха. 1682 г., до позднѣйшаго времени. Теперь несомнѣнно, что Фаустъ дѣйствительно существовалъ. Онъ родился, по *Книгѣ о Фаустѣ*, въ 1587 г. въ Родѣ, близъ Веймара. Его жизнь приводятъ въ связь съ жизнью Франца фонъ-Сикингена. Ульманъ на-

шелъ въ старинныхъ актахъ Гейдельбергскаго университета имя нѣкоего Фауста, бакалавра теологіи, прибывшаго изъ Зиммера. Потомъ имѣются данныя, что Фаустъ проживалъ въ Маульброннѣ, гдѣ и башня его имени; что онъ изучалъ теологію и медицину въ Виттенбергѣ и Краковѣ; что онъ странствовалъ по Германіи, какъ «путешествующій студентъ» (fahrender Schüler), и прославился своими волшебствами, какъ великій чародѣй. Его выѣздъ на бочкѣ изъ погреба Ауербаха въ Лейпцигѣ изображался на гравюрахъ, причемъ ему давали въ спутники, какъ его spiritus familiaris, дьявола въ образѣ собаки. Его современники были увѣрены, что этотъ дьяволъ-собака, всюду его неотлучно сопровождавшій, разорвалъ его на части въ послѣднюю минуту его жизни. Съ конца XV до половины XVIII ст. преданіе о Фаустѣ, какъ о великомъ волшебникѣ, весьма распространенное по всей Европѣ, въ Нидерландахъ, во Франціи, Англіи, Польшѣ и въ особенности въ Германіи, гдѣ оно было особенно любимою темою народныхъ представленій на маріонетныхъ сценахъ, стало центромъ народныхъ вѣрованій во все чудесное, демоническое, въ магію, въ алхимію, въ таинства философскаго камня,—центромъ, къ которому пріурочивались всѣ невымершія древнія волшебныя сказанія о таинственныхъ сношеніяхъ съ нездѣшнею силой, съ душами умершихъ, злыми духами, съ самимъ сатаною и о возможности и условіяхъ договора съ послѣднимъ. Послѣднее послужило прототипомъ заключенія договора Фауста съ Мефистофелемъ въ трагедіи. Этотъ центральный образъ чудесныхъ вѣрованій въ таинственныя, невѣдомыя силы, Фауста, избралъ Гёте центромъ своего произведенія. Фантастическіе образы, которыми легенда окружила Фауста и въ которыхъ фантазія народа олицетворила ощущаемыя имъ дѣйствія невѣдомыхъ силъ, имѣютъ и въ трагедіи Гёте то же значеніе олицетвореній этихъ таинственныхъ и непостижимыхъ для человѣка въ ихъ сущности силъ природы и души и въ этомъ смыслѣ получаютъ символическое значеніе. Такимъ образомъ, Фауста поставилъ Гёте въ своемъ произведеніи въ центрѣ или, лучше сказать, въ фокусѣ всѣхъ міровыхъ силъ, на рубежѣ, такъ сказать, осязаемыхъ явленій и невѣдомаго таинственнаго міра за предѣлами ихъ. При такой постановкѣ героя драмы, представился для поэта полный просторъ раскрыть все его міросозерцаніе, какъ итогъ обширной его учености, геніальной опытности и ясновидящей проницательности, глубокаго, спокойнаго въ своемъ царственномъ величіи ума.

Въ такомъ сопоставленіи человѣческаго и чувственно земнаго съ сверхчеловѣческимъ и неземнымъ, въ трагедіи Гёте и то, и другое переплетаются такъ между собою, что свободная воля человѣка нисколько не нарушается, также какъ и свобода всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и остается въ полной силѣ ихъ нравственная отвѣтственность за ихъ дѣйствія.

При всей символической типичности фантастическихъ лицъ въ драмѣ, они такъ художественно созданы, съ такими характерно-индивидуальными и живыми чертами, что мы можемъ, не обращая вниманія на ихъ символическое значеніе, наслаждаться реальностью ихъ изображеній, какъ живыхъ существъ, взятыхъ изъ того міра, изъ котораго почерпнула ихъ фантазія поэта. Въ этой поэтической картинѣ предъ нами не миѳъ, не сказаніе о богахъ, не сказка, въ которой уничтожена воля человѣка, а развертывается передъ нами легендарное событіе, многознаменательное происшествіе, въ которомъ развивается свобода дѣйствій человѣка, среди свободныхъ силъ, строющихъ жизнь человѣчества на фонѣ жизни міра при данномъ опредѣленномъ ея состояніи.

Сказаніе, послужившее содержаніемъ трагедіи, возникло на рубежѣ перехода изъ среднихъ вѣковъ въ новые, коренится въ основѣ и духѣ реформаціоннаго времени и развивалось среди народа подъ вліяніемъ сознанія нравственныхъ началъ, вызваннаго этимъ временемъ. Само сказаніе, бывшее предметомъ суевѣрнаго вѣрованія, обратилось въ сказку, но духъ реформаціоннаго времени, которымъ оно было проникнуто, господствуетъ и въ настоящее время какъ въ народныхъ массахъ, вѣрующихъ еще въ чудесное, такъ и въ умахъ, строющихъ все свое міросозерцаніе или на чистомъ разумѣ, или только на чувственномъ опытѣ. Этотъ духъ проникнутъ несомнѣнною увѣренностью, что вся истина лежитъ въ разумѣ человѣка и потому онъ имѣетъ неотъемлемое царственное право на совершенно свободное отношеніе къ ней, на самостоятельное опредѣленіе ея, а, слѣдовательно, и человѣкъ—на свободное самоопредѣленіе на началахъ стремленія къ истинѣ. Все твореніе Гёте проникнуто тѣмъ же духомъ и въ основаніи трагедіи положена идея, что въ природу духа человѣческаго врождена сила стремленія къ истинѣ, и что энергіей и мощью этого стремленія, безъ *всякой посторонней помощи*, побѣдоносно достигаетъ онъ возможнаго для него совершенства, превращая всѣ враждебныя ему силы, какія бы онѣ ни были, стремящіяся извратить его путь, въ силы ему служебныя.

Вслѣдствіе этого Гёте долженъ былъ измѣнить окончаніе легенды, соотвѣтствовавшее средневѣковымъ вѣрованіямъ: въ легендѣ Фаустъ погибаетъ за свой союзъ съ дьяволомъ, въ трагедіи Гёте Фаустъ спасается силою своихъ свободныхъ стремленій къ истинѣ. Во всей прочей фактической сторонѣ поэтъ не сходилъ съ почвы легендарныхъ народныхъ вѣрованій и принялъ въ трагедію почти всѣ сообщаемые легендою факты. Въ трагедіи встрѣчаетъ читатель и сказанія прозаической *Книги о Фаустѣ*, и сказанія, вошедшія какъ въ трагедію Марлоу, такъ и въ представленія маріонетокъ, и другіе факты, взятые изъ вѣрованій народа, напр., договоръ Фауста съ Мефистофелемъ, пребываніе Фауста съ его адскимъ товарищемъ при дворѣ императорскомъ, или княжескомъ, вызовъ духа Елены, битва, выигранная волшебными средствами, пріобрѣтеніе цѣлой области во власть, женитьба Фауста на суккубѣ Еленѣ, рожденіе у нихъ рано умершаго сына Юста Фауста и др. Изображая эти факты и оставляя, такъ сказать, неприкосновенною прагматическую сторону легендарнаго событія, Гёте мотивируетъ всѣ дѣйствія выводимыхъ имъ лицъ и событія и полагаетъ въ глубокое основаніе всего произведенія вѣру въ Бога, въ безсмертіе души, въ свободу воли и нравственный долгъ.

Наполняя свою трагедію чудесными фактами и образами, взятыми изъ народныхъ вѣрованій, соединяя ихъ съ реальными фактами изъ дѣйствительной, обыденной жизни, поэтъ требуетъ отъ читателя одного только, чтобы послѣдній допустилъ на время существованіе такихъ явленій, какъ, напр., возможность помолодѣть отъ извѣстнаго волшебнаго питья, летаніе по воздуху на чудесной мантіи, явленіе дьявола въ образѣ человѣка-собаки, существованіе вѣдьмъ и т. д. Онъ требуетъ этого ради того, что въ возможность такихъ фактовъ вѣровалъ и еще вѣруетъ простой народъ, что во многихъ чудесныхъ образахъ, которые создала фантазія народа, олицетворяетъ онъ вполнѣ реальное чувство, испытываемое имъ при непостижимыхъ ему вліяніяхъ на него различныхъ сторонъ и явленій окружающей его жизни. Но, обрабатывая поэтически эти символическіе образы и представленія, Гёте давалъ имъ, частью иногда нѣсколько видоизмѣняя ихъ, такую постановку и развитіе, чтобы они согласовались съ главною идеею и цѣлью всего произведенія или отдѣльной части, или отдѣльныхъ сценъ ея. Такъ, Мефистофель, духъ отрицанія, не является у него во всемъ величіи и неодолимой, безъ помощи свыше, силы зла, какъ во многихъ произведеніяхъ другихъ по-

этовъ, а трагикомическимъ лицомъ, силою отрицательною, вѣчно стремящеюся разрушать, но на самомъ дѣлѣ созидающею, на которую Фаустъ, носящій въ себѣ врожденную божественную силу высокихъ стремленій, не можетъ не взирать свысока. Фаустъ не можетъ не смотрѣть съ презрѣніемъ на эту *кривляющуюся обезьяну Бога*, какъ мѣтко назвалъ дьявола еще Лютеръ, хо́лопа, только передразнивающаго своего Госпюда, но на перекоръ себѣ служащаго его цѣлямъ. Такою съ виду страшною, но на самомъ дѣлѣ смѣшною обезьяною Бога представился дьяволъ протестантскому сознанію послѣ паденія торжества римской церкви, вѣчно воевавшей съ нимъ, какъ съ равносильнымъ борцемъ, и изъ такого представленія выработался дьяволъ вродѣ Hanswurst'a нѣмецкихъ Fastnachtsspiele. Такой типъ сообщилъ Гёте своему Мефистофелю, обрисовавъ его выпуклѣе и ярче въ первой части своей трагедіи и заставивъ поблѣднѣть во второй, на что мы укажемъ дальше, анализируя послѣднюю, причемъ постараемся объяснить тогда и необходимость этого. Идея договора человѣка съ дьяволомъ послѣ реформаціи получила другое значеніе, совершено отличное отъ того, которое она имѣла въ дореформаціонное время: протестантская совѣсть борьбу съ дьяволомъ, со зломъ не оставила на обязанности церкви, т.-е. духовенства, какъ представителя ея, а передала силамъ каждаго человѣка. Каждый долженъ былъ вести эту борьбу и отвѣчать за успѣхъ ея. По суевѣрнымъ понятіямъ, коренившимся въ прежнихъ вѣкахъ, каждый имѣлъ своего домашняго недобраго духа; съ нимъ онъ, по собственной волѣ, могъ вступать въ союзъ или вести войну на собственный страхъ и отвѣтственность и личной силой самодѣятельности побѣждать его. Такое протестантское отношеніе къ злому духу и такое значеніе договора съ нимъ вполнѣ входили въ планъ и цѣль трагедіи Гёте, который еще усиливаетъ это пренебрежительнымъ отношеніемъ Фауста къ такому договору съ Мефистофелемъ, а самый договоръ впослѣдствіи обращается въ путы для самого злаго духа, ставящія его во второй части трагедіи въ комическія положенія, въ которыхъ онъ, обязанный договоромъ, вынужденъ безпрерывно трудиться, въ противность его собственной природѣ, на исполненіе такихъ желаній Фауста, изъ которыхъ, ясно для него, должно истекать добро или при которыхъ онъ вынужденъ сознаться въ своемъ безсиліи. Символичность образовъ, взятыхъ Гёте изъ народной фантазіи, даетъ ему возможность изображать сущность жизни цѣлыхъ слоевъ и отдѣловъ обще-

ственной и народной жизни, идей и силъ, управляющихъ жизнью человѣка или жизнью общества. Таковы картины въ первой части: кухни вѣдьмъ, Вальпургіевой ночи и во второй: классической Вальпургіевой ночи, взятой изъ эллинскихъ преданій, и др.

Въ драматической біографіи о Фаустѣ, созданной Гёте, чудесное, переплетаясь съ реальнымъ, не покидаетъ драмы до конца и это сплетеніе обращаетъ ее въ поэтическое произведеніе, которое, по справедливости, можетъ быть названо мистеріей, каковое названіе и далъ ей Айстеръ, одинъ изъ англійскихъ переводчиковъ ея. Этотъ характеръ драмъ, свойственный среднимъ вѣкамъ, вѣроятно, и былъ причиной, что Гёте, между прочимъ, не сообщилъ первой части своего произведенія формы драмъ новѣйшаго времени, а оставилъ ее драматизованною біографіею героя, составленною изъ отрывочныхъ сценъ, какъ писались такія біографіи въ средніе вѣка. Событіе ея относится ко времени среднихъ вѣковъ; объемъ происшествія охватываетъ многія фазы жизни героя, не сосредоточивая ея на одной изъ нихъ. Средневѣковой характеръ фабулы указывалъ поэту на народную форму средневѣковыхъ драматическихъ представленій, которыя обнимали цѣлую жизнь Спасителя или цѣлыя біографіи святыхъ угодниковъ. Перенесеніе сказанія XVI в. въ область поэзіи сопровождалось, такимъ образомъ, въ творчествѣ Гёте возведеніемъ драматическихъ представленій XVI в. въ форму художественнаго произведенія. Въ такой формѣ и написана первая часть трагедіи *Фаустъ*. Отсутствіе того, что въ тѣсномъ смыслѣ называютъ *узломъ* драматическаго событія, *интриги*, отрывочность моментовъ дѣйствій, изображаемыхъ въ отдѣльныхъ сценахъ безъ промежуточныхъ, которыя могли бы изображать переходные моменты дѣйствій, наивность и простота многихъ картинъ и изображеній, несмотря на всю ихъ поэтическую глубину, наивность, съ какою сопоставляется человѣческое съ божественнымъ, сатира и намеки на современныя событія и даже полемика, карнавальная вольность въ словахъ и формѣ дѣйствій,—все это свойственно средневѣковой драмѣ, допускавшей эпизодическія сцены и интермессы, и все это давало просторъ фантазіи, уму и юмору великаго поэта, открывало ему возможность высказывать въ продолженіе 30 лѣтъ результаты его думъ и чувствъ, выражать въ художественныхъ образахъ все, что проникало въ его душу, превращалось въ яркое чувство и заканчивалось ясною мыслью и яркимъ образомъ. Такимъ образомъ могло создаваться въ продолженіе 30 лѣтъ и создалось

высоко-художественное произведеніе, богатое по внутреннему содержанію и полное живаго разнообразія, въ новой оригинальной формѣ средневѣковыхъ германскихъ мистерій, гармонирующей съ характеромъ содержанія самой легенды. Этотъ послѣдній характеръ опредѣлилъ не только форму произведенія, но и съ многихъ существенныхъ сторонъ индивидуальный характеръ самого Фауста, какъ средневѣковаго ученаго и мыслителя. Въ лицѣ геніальнаго Фауста передъ нами второй Парацельсъ. Онъ отъ средневѣковой схоластики обращается къ природѣ, которую средніе вѣка признавали во власти дьявола и за жилище духовъ нейтральныхъ, витающихъ между небомъ и адомъ. Этими духами хочетъ онъ повелѣвать посредствомъ средневѣковыхъ же средствъ: астрологическихъ, алхимическихъ и теургическихъ, посредствомъ таинственныхъ заклятій. Движимый силою своего ума, не нашедшаго удовлетворенія въ самомъ себѣ, требованіями возбужденнаго желанія проникнуть умомъ въ тайны жизни, изучить ея явленія и дѣла, и потомъ желаніемъ погрузиться въ пучину движеній и волненій міра, отреченія отъ котораго требовала аскетика римской церкви, Фаустъ ставится легендою въ тотъ исходный пунктъ, которымъ предопредѣляется путь его развитія и вносятся существенные элементы въ индивидуальность его характера.

Замѣтимъ, что Гёте могъ взять героя для своей драмы и не изъ аскетической кельи средневѣковаго ученаго, а изъ потока жизни общественной или народной, одареннаго тѣми индивидуальными чертами характера, альтруистическими и эгоистическими, которыя воспитываются бурями и волненіями этого потока и, сосредоточивая постепенно его интеллектуальную дѣятельность, подъ импульсомъ стремленія къ истинѣ, въ сферѣ идеальныхъ цѣлей и стремленій, привести его къ тому же синтезу жизни, какъ и Фауста, къ сознанію полнаго удовлетворенія и блаженства въ дѣятельной работѣ на осуществленіе царства правды, красоты и счастья въ жизни человѣчества. Но для Гёте былъ нуженъ герой, одаренный такою индивидуальностью, какую онъ создалъ для Фауста, съ цѣлью, чтобы ходъ внутренняго развитія ея былъ необходимо аналогиченъ тому, какому слѣдовало сознаніе человѣчества отъ среднихъ вѣковъ и до новѣйшаго времени, отъ средневѣковой схоластики и аскетической мистики, которыми, такъ сказать, подавлялся человѣкъ, и отъ пониманія жизни среди людей источника зла до идеальныхъ стремленій нашего вѣка преобразовать эту жизнь по началамъ правды. Это сознаніе, перейдя

черезъ вѣкъ Возрожденія, обновившій идеалы человѣчества изученіемъ античнаго міра и сознаніемъ правъ человѣка на свободу, независимость и самостоятельность, пришло къ постановкѣ и рѣшеніямъ задачъ, касающихся общественной жизни, къ самодѣятельному стремленію примиренія идеаловъ добра и красоты съ свободою и требованіями жизни дѣйствительной. Такъ же точно и Фаустъ отъ стремленій въ міръ, доступный только отвлеченному мышленію, путемъ обрѣтенія красоты, и внутренней, и внѣшней, въ лицѣ античной героини, достигаетъ до сознанія блаженства въ неустанно дѣятельной работѣ на счастье людей. Эту параллель имѣетъ поэтъ постоянно въ виду и пользуется въ высшей степени художественно всѣми подробностями фабулы о Фаустѣ, записанными въ легендѣ для образнаго выясненія путей нравственное развитія народовъ и человѣчества. Съ этой точки зрѣнія символичность фантастическихъ лицъ расширяется въ значеніи во второй части трагедіи. Первая часть вся относится къ среднимъ вѣкамъ. Принявъ прототипомъ для ея формы форму средневѣковыхъ карнавальныхъ пьесъ, въ сценахъ, написанныхъ по образцу пьесъ Розенблюта, напр., въ сценахъ: кухня вѣдьмъ, Вальпургіева ночь на Брокенѣ, поэтъ предоставилъ просторъ своему юмору, сатирѣ и полемикѣ. Вторая же часть трагедіи, охватывающая въ томъ смыслѣ, какъ мы сказали, время Возрожденія и новѣйшія времена, изображая развитіе Фауста, представляетъ и картину развитія европейскаго человѣчества отъ среднихъ вѣковъ до времени Гёте. Такъ какъ только въ новѣйшее время, начиная съ вѣка Возрожденія, былъ выясненъ ходъ развитія сознанія идеаловъ красоты, выразившагося въ художественныхъ античныхъ созданіяхъ, Гёте, для поэтическаго олицетворенія этого развитія и, въ то же время, стремленія и интеллектуальной и нравственной работы Фауста къ обрѣтенію идеала красоты, вставилъ во вторую часть изображеніе, взятое изъ разсказа Витрувія о таинственной Фарсальской ночи, въ которую, по преданію эллинскому, собирались на Фарсальскихъ поляхъ миѳическія божества и тѣни полубоговъ и героевъ.

Въ такой драмѣ, въ которой фабула, служащая ей содержаніемъ, своими подробностями уже сообщаетъ символическое значеніе различнымъ образамъ, входящимъ въ нее, и самъ поэтъ художественными чертами, не нарушающими характерныхъ индивидуальностей этихъ образовъ, ярко оттѣняетъ ихъ символизмъ, въ такой драмѣ, полагаемъ мы, объясненіе символическаго значенія сценъ,

образовъ и дѣйствій не представляетъ особыхъ затрудненій, если только мы знакомы хорошо съ легендою, повѣрьями нѣмецкаго народа и греческими миѳическими сказаніями и отнесемся къ дѣлу просто, руководствуясь главною идеей произведенія. Эта идея организовала всѣ подробности въ размѣщеніи и постановкѣ всѣхъ образовъ и дѣйствій такъ, что даже самыя мѣста, занимаемыя въ драмѣ различными сценами и дѣйствующими въ ней лицами, подсказываютъ, какое значеніе они имѣютъ. При этомъ, необходимо нужно не упускать изъ вида, что почти ни одного факта и образа не изобрѣтено поэтомъ. Мы упоминаемъ объ этомъ въ особенности въ отклоненіе многихъ объясненій трагедіи Гёте тѣми толкователями, которые, поражаясь чудесностью событій, изображаемыхъ особенно во второй части трагедіи, какою-то съ перваго взгляда кажущеюся нагроможденностью разнаго рода странныхъ образовъ, принимали почти все произведеніе за какую-то искусственную аллегорію, скрывающую въ себѣ непонятный смыслъ; они забывали именно то, что поэтъ не выдумалъ, повторяемъ, ни одного почти факта, взятаго не изъ реальнаго міра, ни одного миѳическаго образа, а бралъ ихъ непосредственно изъ легенды и соединенныхъ съ нею вѣрованій народныхъ, такъ что трагедія, помимо символическаго значенія ея сценъ и другихъ подробностей, можетъ имѣть значеніе, какъ поэтическая передача въ драматической формѣ легенды, фабулѣ которой дано только другое окончаніе. Одни ищутъ объясненій предполагаемой аллегоріи или въ другихъ сочиненіяхъ поэта, или выводятъ ихъ изъ разныхъ событій его жизни, или изъ различныхъ словъ и замѣчаній его въ разговорахъ съ друзьями, хотя бы эти замѣчанія сказаны были мимоходомъ, при различныхъ условіяхъ случайнаго разговора, или, наконецъ, предполагаютъ, что въ нѣкоторыхъ сценахъ подъ формою поэтическихъ изображеній Гёте пускается въ ученые споры и пишетъ какъ бы ученые трактаты. Послѣднее намъ казалось всегда особенно страннымъ со стороны толкователей поэтическаго произведенія. Какъ будто Гёте въ послѣдніе годы своей жизни, при полномъ развитіи его художественнаго такта и на вершинѣ художественнаго пониманія, могъ допустить такую антихудожественную вещь, какъ, напр., предполагаетъ Дюнцеръ, объясняя одно мѣсто классической Вальпургіевой ночи, защиту научной теоріи нептунистовъ противъ научной же теоріи плутонистовъ, нѣчто вродѣ ученаго трактата въ драматической формѣ. Другіе же совершенно произволь-

но, не справясь съ йдеею, положенною поэтомъ въ основаніе его произведенія, подмѣняютъ послѣднюю своею собственною и съ этой точки зрѣнія объясняютъ значеніе мнимо-аллегорическихъ фигуръ. Такъ, толкователи, принадлежащіе къ философамъ гегеліанской школы, въ сценѣ акта второй части трагедіи, изображающей ходъ Фауста къ мистическимъ матерямъ, видятъ въ треножникѣ, чудесномъ ключѣ и т. д. аллегорическое изображеніе діалектическихъ построеній ихъ учителя Гегеля.

Изъ объясненій трагедіи Гёте составился цѣлый отдѣлъ нѣмецкой литературы. Многія изъ такихъ сочиненій, конечно, намъ неизвѣстны, но можемъ почти съ увѣренностью сказать, что за лучшія изъ нихъ въ отношеніи оцѣнки можно почесть слѣдующія: 1) *Carrier'a* предисловіе къ его изданію *Фауста;* 2) соч. *Cuno Ficher'a: Göthes Faust. Ueber die Enstehung und Composizion des Gedichts;* 3) *Hermann Grimm* въ его *Vorlesungen. Ueber den Zweiten Theil des Faust;* 4) *Gervinus*, въ его исторіи литературы, объясненіе первой части *Фауста*. 5) *B. Taylor: Faust, a tragedy by. J. W. von Goethe the second part*, и 6) замѣчательное по подробности и многосторонности объясненій соч. *Düntzer'a: Göthe's Faust. Erster und Zweiter Theil, zum ersten Mal vollständig erläutert* 1861 г. и *Göethés Faust als einheitliche Dichtung erläutert von Schreyer* 1882, *Halle*.

Мы не имѣемъ намѣренія предлагать въ нашей статьѣ подробнаго критическаго разбора трагедіи *Фауста* во всѣхъ частностяхъ сценъ, рѣчей и дѣйствій, всѣхъ мыслей, которыми съ такимъ обиліемъ преисполнена она. Мы желаемъ только доставить читателямъ возможность наслаждаться великимъ твореніемъ германскаго поэта, предложивъ и объясненіе идеи цѣлаго произведенія, идей сценъ, образовъ, выводимыхъ авторомъ, и символическаго значенія тѣхъ и другихъ, необходимое, по нашему мнѣнію, для пониманія трагедіи. Ограничиваясь преимущественно необходимыми объясненіями, мы для дальнѣйшихъ подробностей рекомендуемъ читателямъ обратиться особенно къ вышеозначеннымъ сочиненіямъ. Мы останавливаемся съ бо́льшею подробностью только на тѣхъ сценахъ и образахъ, объясненіе которыхъ другими толкователями намъ показалось не совсѣмъ правильнымъ или было опущено во всѣхъ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ о занимающемъ насъ произведеніи.

Трагедія Гёте начинается прологомъ въ небѣ, далѣе распадается на двѣ половины: первую и вторую и оканчивается эпи-

логомъ, въ которомъ Фаустъ поднимается молитвами Гретхенъ въ высшія небесныя сферы.

II.

Прологъ въ небѣ.

Прологъ этотъ служитъ введеніемъ въ трагедію; въ немъ высказывается идея цѣлаго произведенія. Разверзается небо и является самъ Богъ, окруженный тремя архангелами и сонмомъ небесныхъ силъ. Архангелы восхваляютъ твореніе Божіе, солнце, звѣзды, всю природу, которыя и нынѣ такъ же прекрасны, какъ въ первый день ихъ созданія. Предъ Господа предстаетъ и дьяволъ Мефистофель — духъ отрицанія, духъ *змѣя*, *ядущаго прахъ*, *обезьяна Божія*. Ужь одно это вступленіе открываетъ всю широту кругозора трагедіи, для которой сценой служитъ вся вселенная. Такое начало далъ своей трагедіи Гёте по образцу библейскаго сказанія объ Іовѣ. Самую форму пролога избралъ онъ не произвольно: она была подсказана средневѣковою драмою. Въ XVI вѣкѣ съ особою любовью драматизировались сказанія объ Іовѣ. Намъ извѣстно нѣсколько драмъ изъ жизни этого библейскаго страдальца, относящихся къ годамъ 1522, 1546 и 1547, и мистерій реформаціоннаго времени 1571 г. Дьяволъ передъ Богомъ съ жалобой на человѣка, на основаніи евангелія отъ Луки 22, 31 и посланія Апостола Петра 5, 7. Всѣмъ лицамъ въ прологѣ Гёте сообщилъ характеръ въ высшей степени осязательный, такъ что они являются лицами какъ бы вполнѣ реальными. Небесныя силы, согласно средневѣковому пониманію, являются у него представителями *божественной власти* надъ природою, завѣдующими всѣми силами ея и порядкомъ теченія ея жизни. Вседержитель Господь изображенъ отцомъ, любящимъ человѣка и спокойно увѣреннымъ, что никакая сила не можетъ поколебать основъ Его міросозданія, и что *хорошій* человѣкъ и въ неясныхъ стремленіяхъ своихъ знаетъ прямой путь и цѣль, для которой онъ созданъ, а всѣ враждебныя отрицательныя силы—не болѣе, какъ силы служебныя божественнымъ предначертаніямъ. Человѣкъ слишкомъ любитъ безусловный покой, и нужно тревожить его безпрестанно, чтобы будить его къ дѣятельности. Мефистофель, какъ жалкій плутъ, не понимающій божественной силы, живущей въ духѣ человѣка, хочетъ биться

объ закладъ, что тщеславный въ своей гордости человѣкъ будетъ вѣчно жить въ прахѣ и питаться только прахомъ, подобно теткѣ его, Мефистофеля, знаменитой змѣѣ. Богъ, увѣренный въ незыблемости положительныхъ основъ природы человѣка, охотно даетъ Фаусту такого товарища, который, вѣчно тревожа его, только приведетъ его, вопреки своему намѣренію, къ цѣли, предустановленной Создателемъ. Небо затворяется, и ангелы разсѣваются по разнымъ направленіямъ вселенной. Мефистофель остается одинъ и оканчиваетъ сцену словами: «Люблю я отъ времени до времени говорить со старикомъ, не остерегаясь полнаго разрыва съ нимъ. Прекрасно со стороны великаго господина такъ человѣчно говорить съ дьяволомъ».

Изъ такой постановки характера Мефистофеля видно, что мы имѣемъ дѣло уже съ пониманіемъ дьявола, какъ злаго начала, видоизмѣненнымъ протестантскимъ духомъ. Мефистофель, безсильный въ своемъ состояніи отрицанія, не могъ оторвать свое существованіе отъ источника всякаго бытія, и даже чувствуетъ удовольствіе, замѣчая человѣчное отношеніе къ нему Верховнаго Владыки всего существующаго. Въ словахъ Бога: «хорошій человѣкъ и въ неясныхъ своихъ стремленіяхъ знаетъ истинный путь»—вся идея трагедіи. Стремленіе къ познанію истины, къ осуществленію правды въ жизни, есть основная и центральная сила духовной природы человѣка, которая влечетъ его на высшія степени совершенствованія, къ высшимъ цѣлямъ его жизни. Это голосъ Бога въ его душѣ, незаглушимый, неистребимый никакими отрицательными силами, въ какія бы уклоненія ни отвлекали они его отъ прямаго пути, какими бы извилинами ни шелъ онъ въ своей жизни. Если только жива въ человѣкѣ сила стремленія къ истинѣ, если не погасла энергія его воли, онъ безъ всякой посторонней помощи, одною только этою силой, побѣдитъ все, ему противодѣйствующее, и обрѣтетъ правду и насытится радостью въ самой работѣ на воцареніе ея—и этой радости ничто отнять у него не въ силахъ. Таковъ законъ природы человѣка, на которомъ зиждется вся жизнь человѣчества и твердое упованіе на постоянное и безконечное возрастаніе счастія на землѣ. Эта внутренняя, всепобѣждающая сила не только торжествуетъ надъ всѣмъ, ей враждебнымъ, но и это враждебное превращаетъ въ силу служебную возрастанію ея мощи. Передъ могуществомъ такого закона природы человѣческой смѣшны затѣи отрицательныхъ силъ, мечтающихъ затормазить побѣдоносное шествіе человѣчества впередъ,

заглушить и уничтожить творческія силы въ человѣкѣ, проникнутыя вѣчнымъ, неистребимымъ стремленіемъ къ правдѣ въ жизни, смѣшны онѣ въ своей слѣпотѣ. Такое самообольщеніе силъ отрицательныхъ равносильно безумному желанію сдвинуть вселенную съ ея основъ. Комичность положенія силъ, желающихъ превратить человѣка, вопреки дѣйствующей въ немъ божественной силы, въ червяка, живущаго во прахѣ и питающагося прахомъ, въ высшей степени художественно олицетворена въ постановкѣ Мефистофеля, въ томъ комичномъ положеніи, въ которое самъ себя ставитъ во второй части трагедіи этотъ Schalk (плутъ), этотъ Kauz (чудакъ), какъ называетъ поэтъ этого злаго Hanswurst'a міровой трагедіи.

Послѣ пролога въ небѣ начинается самая трагедія на фонѣ, объемлющемъ жизнь человѣка и человѣчества. Фаусту, «хорошему человѣку», исполненному неодолимыми стремленіями къ истинѣ, данъ въ товарищи Мефистофель, духъ лукавый и все отрицающій, желающій смѣшать съ прахомъ полубога, стремящагося овладѣть безконечнымъ.

Жизнь Фауста раздѣлена на двѣ половины, составляющія двѣ части трагедіи. Въ первой части онъ взятъ въ его обособленной отъ всѣхъ другихъ людей, запертой въ свое эгоистическое «я» жизни. Это могучій волею, чувствами и умомъ геніальный духъ, титаническая природа котораго погружена въ самое себя, въ свои ничѣмъ неудержимыя стремленія проникнуть въ тайны Божества и природы, насильственно и побѣдоносно вторгнуться въ таинственныя глубины мірозданія ни для чего иного, какъ для удовлетворенія страстныхъ стремленій своего «я»,—стремленій, цѣли которыхъ лежатъ за предѣлами, доступными для человѣка. Весь видимый міръ для него—не болѣе, какъ предметъ для операцій ума, какъ средство для цѣлей, лежащихъ за міромъ этихъ явленій. Для людей онъ только предметъ суевѣрнаго благоговѣнія передъ его ученостью и благодарности за мнимую пользу, будто бы получаемую отъ него. Взаимнаго душевнаго сліянія любви между нимъ и остальными людьми нѣтъ. Онъ живетъ только для себя; онъ одинокъ. Въ этой жизни нѣтъ для него удовлетворенія: въ такомъ состояніи онъ самъ—сила разрушительная и въ концѣ всѣхъ его стремленій и желаній—безнадежность и отчаяніе. Удовлетвореніе ждетъ его только въ жизни, общей съ человѣчествомъ, и вотъ онъ во второй части трагедіи въ центрѣ историческихъ событій, въ центрѣ сферъ, объемлющихъ жизнь и судьбы наро-

довъ. Тутъ онъ весь погруженъ въ думы объ идеалахъ красоты и совершенствъ жизни, его душа полна неутомимою жаждою и неодолимою энергіею стремленія открыть глубокіе источники первичныхъ силъ, преобразующихъ жизнь по этимъ идеаламъ. Онъ живетъ не для себя, а для человѣчества, для счастья людей, и потому самъ превращается въ творческую силу, пролагающую путь къ этому счастію, и — обрѣтаетъ Бога. И постановка Мефистофеля въ обѣихъ частяхъ, и въ первой, и во второй, получаетъ соотвѣтствующія ихъ значеніямъ измѣненія. Въ первой части, будучи снутникомъ Фауста въ его эгоистическомъ обособленіи, является Мефистофель во всеоружіи своей демонической отрицательной силы и владыкою всѣхъ катастрофъ. Во второй же части онъ блѣднѣетъ, мало-по-малу становится жалкимъ подневольнымъ слугою, принужденъ совершать даже то, что противно демонической его природѣ,— рабомъ, едва могущимъ слѣдовать за своимъ господиномъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ТРАГЕДІИ.

I.

Первыя сцены до сцены въ Ауербаховомъ погребкѣ.

Трагедія открывается, какъ и въ представленіи театра маріонетокъ, монологомъ Фауста, изъ котораго развивается и вся пьеса. Онъ въ тѣсной готической комнатѣ, въ креслѣ передъ пюпитромъ, окруженный свитками бумагъ, банками, стклянками, различными физическими инструментами, скелетами, покрытыми пылью, пожираемый ненасытной, неумолкающей жаждою проникнуть въ тайны міросданія. Онъ разбитъ, уничтоженъ молчаніемъ природы, не отвѣчающей на его вопросы. Онъ подавленъ сознаніемъ своего безсилія проникнуть мыслью въ ея таинственную загадочность, отпереть изобрѣтенными имъ орудіями ея двери, за которыми хранится невѣдомое для него. На этотъ безплодный трудъ пожертвовалъ онъ всѣми благами, радостями жизни, деньгами, почестями, которыя онъ могъ пріобрѣсть, и т. д., скрылся отъ людей, заперся въ душную щель стѣны, куда едва проникаетъ свѣтъ Божій, обрекъ себя на жизнь среди червей, гнили, мертвыхъ костей,—на жизнь, какой не вынесла бы, какъ онъ говоритъ, собака, убилъ себя безплодно!...

Убилъ? Но въ духѣ его живутъ могучія творческія силы, въ душѣ его, все-таки, громко звучитъ отвѣтный голосъ на гармонію вселенной, которую чуетъ она, его сердце чувствуетъ движеніе жизни въ природѣ. Единственный печальный товарищъ душнаго его одиночества—лунный лучъ трепетно скользитъ по бумагамъ и книгамъ и манитъ его на просторъ, на выси горъ, въ хоры таинственныхъ духовъ природы, и въ прохладныя долины. Слабый свѣтъ солнца, проникающій сквозь раскрашенныя стекла его оконъ, говоритъ ему о широкошумной полнотѣ жизни, окружающей стѣны его кельи, о роскоши, среди которой поставленъ человѣкъ природою. Но не этотъ внутренній голосъ властвуетъ надъ нимъ и покоряетъ его себѣ, а другой могущественно заглушаетъ всѣ другія пламенныя стремленія его сердца и, владычествуя безгранично надъ его духомъ, неодолимо влечетъ его не въ среду жизни, не къ наслажденіямъ всѣхъ прочихъ созданій, а за предѣлы міра явленій, въ тѣ таинственныя безпредѣльныя пространства, гдѣ исчезаютъ всѣ осязаемыя формы, гдѣ таятся всѣ сѣмена жизни; гдѣ совершается первое движеніе живыхъ силъ, ткущихъ непосредственно осязаемую человѣкомъ живую одежду невѣдомой всеобъемлющей сущности. Уничтоженный недоступностью для мысли и науки того міра, въ которомъ скрыты тайны природы, онъ обращается къ магіи, призываетъ парящихъ вокругъ него незримо духовъ, ближе стоящихъ къ невѣдомымъ для него сферамъ, и раскрываетъ магическую книгу Нострадама, ученаго мага среднихъ вѣковъ, на знакѣ Макрокозма. По мнѣнію среднихъ вѣковъ, существуютъ два міра: Макрокозмъ, великій міръ—вся вселенная, и Микрокозмъ, малый міръ—человѣкъ. Эти два міра стоятъ лицомъ къ лицу, симпатизируютъ другъ другу и дѣйствуютъ другъ на друга. Зрѣлище знака Макрокозма, изображающаго сплетеніе и взаимнодѣйствіе всѣхъ силъ вселенной, приводитъ Фауста въ восторгъ. Передъ его духомъ раскрылись ясныя черты всемірной гармоніи творческихъ силъ. «Не Богъ ли я? Какой свѣтъ! Передо мною въ ясныхъ чертахъ вѣчно творящая, вѣчно дѣйствующая природа!»—восклицаетъ онъ. Мудрецъ, написавшій таинственную книгу, словами ея говоритъ ему: «Міръ духовъ не закрытъ для тебя! Твое сердце мертво. Искупай твою земную грудь въ пурпурѣ зари». Купанье въ пурпурѣ зари означало въ средніе вѣка на языкѣ ученыхъ, занимавшихся магіей, опредѣленный магическій экспериментъ, содѣйствующій образованію философскаго камня. Онъ

въ связи съ кабалистической космогоніей, по которой Макрокозмъ состоитъ изъ трехъ міровъ. Выше всѣхъ міръ, окружающій непосредственно Бога, высшій міръ. За нимъ слѣдуетъ второй міръ—Люцифера, какъ самаго свѣтлаго ангела до его паденія, или, какъ говорили, созданнаго истеченіемъ божественной соли, т.-е. творческой силы Бога. Съ потокомъ этой соли изливался свѣтъ, сіяющій, какъ заря,—высшее таинственное знаніе. И въ этомъ знаніи книга приглашаетъ Фауста искупать свою душу. Затѣмъ третій міръ—міръ земли.

Для увядшей груди Фауста, какъ онъ говоритъ,—потому что работалъ до сихъ поръ только умъ, но чувство не питалось, не возрастало въ силѣ, не расширялось, а только подавлялось,—недоступны источники жизни. Ихъ жаждетъ его душа. Они текутъ, они напояютъ все живое, а онъ томится безплодно. Онъ открываетъ книгу на знакѣ земли. Духъ земли ему близокъ. При видѣ его поднимаются его душевныя силы. Онъ чувствуетъ пламя новаго вина въ своей крови, онъ ощущаетъ въ себѣ мужество, отважность погрузиться въ пучины земной жизни, вынесть на себѣ всѣ ея радости и страданія, выдержать всѣ битвы земныя и вызываетъ духа земли, произнося его знакъ. Духъ земли является въ огнѣ, во всемъ своемъ пламенномъ величіи. Фаустъ не въ силахъ вынести его вида и въ трепетѣ отступаетъ. «Гдѣ-жь эта грудь,—говоритъ духъ,—которая создала цѣлый міръ, носила его въ себѣ и лелѣяла? Какой жалкій ужасъ охватилъ тебя, того, кто ставилъ себя выше всѣхъ людей. Ты ли это Фаустъ, ошеломленный дыханіемъ моимъ? Ты ли корчишься, какъ червякъ?»—вещаетъ духъ.—«Мнѣ ли,—взываетъ Фаустъ,—бѣжать отъ тебя, созданіе пламени? Я равенъ тебѣ». Но духъ отвѣчаетъ: «Ты равенъ духу, котораго понимаешь,—не мнѣ», и исчезаетъ. «Кому-жь? Я образъ Божества—и не тебѣ?»—восклицаетъ, въ невыразимомъ отчаяніи, уничтоженный титанъ. Въ эту страшную для Фауста минуту появляется Вагнеръ, его famulus, въ шлафрокѣ, въ ночномъ колпакѣ и съ лампочкой въ рукѣ, представитель того самодовольнаго, мелкаго знанія, которое не идетъ далѣе кропотливаго собиранія голыхъ фактовъ и словъ и нанизыванія ихъ на скудныя заимствованныя идеи, учености, гоняющейся за формой, умѣющей только стряпать нѣчто вродѣ рагута на удивленіе дѣтямъ и обезьянамъ изъ остатковъ пира другихъ, дѣтски счастливой уже и малой искоркой, которую удастся ей вздуть въ грудѣ пепла. Появленіе такого представителя заурядной, такъ

сказать, цѣховой учености, въ минуту сильнѣйшаго наѳоса, глубочайшихъ потрясеній духа, стремящагося въ самую глубину основъ мірозданія и жизни, но оставленнаго, такъ сказать, на рубежѣ, отдѣляющемъ человѣка отъ безконечнаго, и сопоставленіе двухъ такихъ личностей, какъ Фаустъ и Вагнеръ, въ бесѣдѣ, которая открываетъ всю бездну, отдѣляющую мертвое знаніе отъ того, которое изливаетъ вокругъ себя неизсякаемые потоки жизни, глубоко знаменательно и въ высшей степени художественно. И преданіе, и *Книга о Фаустѣ* сообщаютъ, что у Фауста былъ ученикъ, всюду ему сопутствовавшій, его famulus, который и былъ его наслѣдникомъ по черноknижію. *Книга о Фаустѣ* называетъ его Кристофомъ, а преданіе, также какъ и Гёте, Вагнеромъ. Этотъ famulus имѣлъ при себѣ дьявола Ауергана и въ жизни своей, хотя въ слабой степени, повторилъ жизнь Фауста. Фамулусы существуютъ даже въ наше время въ нѣкоторыхъ университетахъ Германіи. Названіемъ famulus означаютъ студента, который, будучи ученикомъ и секретаремъ профессора, въ то же время, помощникъ въ его ученыхъ трудахъ и по другимъ университетскимъ дѣламъ и посредникъ между нимъ и студентами.

Замѣтимъ въ этомъ разговорѣ съ Вагнеромъ слова Фауста, обличающія себялюбящую надменность его духа, сложившуюся подъ вліяніемъ жизни, обособленной отъ другихъ людей. На восклицаніе Вагнера: «Міръ, сердце, духъ человѣка! Каждому хочется узнать что-нибудь объ этомъ!» Фаустъ отвѣчаетъ: «А тѣхъ безумцевъ, которые, узнавъ кое-что объ этомъ, не сберегли для своего сердца, а открыли черни то, что узрѣли мыслью и познали сердцемъ, тѣхъ распинали и жгли». Чернью называетъ Фаустъ людей и безумцами тѣхъ, которые сообщили этой черни открытыя ими тайны. Не для людей вообще, не для этой черни хотѣлъ Фаустъ проникнуть въ тайны жизни истинной, а имѣлъ въ виду только себя, и жаждалъ познанія только для насыщенія страсти своего гордаго духа, мѣряющагося силою съ Богомъ и всей вселенной. Передъ владычнымъ величіемъ гордыхъ стремленій этого духа замолкали въ Фаустѣ всѣ силы, соединяющія его съ людьми, всѣ силы, влекущія его въ общую съ ними жизнь, и потому такъ ужасно его пораженіе громовымъ словомъ духа, который казался такъ родственно близкимъ ему. И даже передъ этимъ духомъ земли онъ не болѣе, какъ раздавленный червякъ. Теперь онъ вполнѣ одинокъ во всей необъятной для него пустынѣ вселенной. Онъ уничтоженъ окончательно:

«Я—образъ Божества — воображалъ себя уже близъ лона вѣчной правды и думалъ, что, отбросивъ все земное, наслажуся ею въ сіяніи небесъ. Я—болѣе, чѣмъ херувимъ—дерзалъ мечтать, что, предвкушая жизнь боговъ, потеку свободной творческою силой по жиламъ всей природы. О, какъ жестоко долженъ я платить за дерзкія мечты! Одно громоносное слово,—и я во прахѣ!»

Страшное безсиліе человѣка! За свои высокія стремленія онъ осужденъ на безъисходное мученіе. Какая иронія надъ нимъ природы и жизни! Къ лучшимъ дарамъ его духа примѣшивается чуждая имъ матерія и прекрасное чувство, которое даруетъ жизнь, каменѣетъ въ водоворотѣ земномъ. А мысль о томъ, что выше того, чего можно достигнуть здѣсь,—лживая мечта, обманъ! «Богамъ не равенъ я! Глубоко чувствую я это! Червяку я равенъ, который роется въ пыли и питается лишь пылью. Нога путника давитъ его и погребаетъ!» Вонъ изъ этой темницы, изъ этой щели! Приспѣла для Фауста минута разломать эти тѣснины, давящія его, дерзко сорвать запоры съ этихъ вратъ, скрывающихъ отъ него вѣчность, передъ которыми трепещетъ человѣкъ, настала минута смѣло переступить черезъ страшный порогъ, что бы тамъ, за нимъ, ни ждало его. Съ страстнымъ чувствомъ вперяетъ Фаустъ свой взоръ въ драгоцѣнный кубокъ, который когда-то обходилъ ряды его дѣдовъ за веселыми пирами, вливаетъ въ чашу убійственный ядъ, уже предвкушаетъ сладость освобожденія отъ мукъ, и подноситъ его къ устамъ своимъ, привѣтствуя утро новаго вѣчнаго дня. Въ это самое мгновеніе раздается благовѣстъ, знаменующій наступленіе радостнаго дня, свѣтлаго торжества Воскресенія Христова, и слышится воскресная пѣснь, которою нѣкогда небожители возвѣстили человѣчеству о новомъ союзѣ Бога съ человѣкомъ. Эти звуки воскресили въ душѣ Фауста тѣ чистыя, святыя чувства, которыми свѣтилась она въ дни дѣтства и юности, отняли роковой кубокъ отъ его губъ. «Что ищете меня въ прахѣ, могущественные, небесные звуки? Звучите тамъ, гдѣ живутъ мягкіе сердцемъ! Вѣсть вашу слышу, но нѣтъ во мнѣ вѣры, не дерзаю я стремиться туда, откуда звучитъ дорогая вѣсть!» Но эти звуки уже совершили свое дѣло, они воскресили въ сердцѣ Фауста то сладкое чувство, которое когда-то наполняло раемъ его душу, манило въ лѣса и долы, вызывало горячія, полныя блаженства, слезы. «Звучите!—восклицаетъ Фаустъ.—Звучите! небесныя пѣсни! Лейтесь, слезы! Я снова отдаюсь землѣ». Это свѣтлое чувство, осѣнившее душу, наполнившее ее

свѣтомъ младенческой чистоты, смирило ее, угасивъ огонь ея титаническихъ стремленій. Открылись въ его сердцѣ источники такихъ чувствъ, для которыхъ стало доступно наслажденіе зрѣлищемъ ликованія людей. Онъ выходитъ за ворота города. Для его обновленнаго чувства раскрылась во всемъ своемъ блескѣ красота обновившейся весенней природы и народнаго шумнаго движенія праздничной толпы; въ немъ засвѣтилось новое чувство радости быть человѣкомъ среди людей. «Здѣсь человѣкъ я и здѣсь имъ долженъ быть!» — говоритъ онъ. Совершенно противуположное чувствуетъ Вагнеръ. Для холодной ограниченности его души невыносимы эти крики вокругъ, эти свирѣли, этотъ шумъ, эти бѣснованія. «И это,—говоритъ онъ,—называютъ весельемъ и радостью!» Вагнеръ, какъ тѣнь, слѣдуетъ за Фаустомъ и художественно и сильно оттѣняетъ движенія души послѣдняго и, въ то же время, служитъ представителемъ, какъ бы символомъ духа мертвой учености, отвращающейся отъ движеній жизни.

Фаустъ отъ полноты чувства, роднящаго его съ людьми, осушаетъ за здоровье всѣхъ, столпившихся вокругъ него, дружественный бокалъ и на слова стараго крестьянина, склонившагося передъ нимъ съ словами благодарности за помощь, оказанную имъ во время мора, отвѣчаетъ: «Склоняйтесь только передъ Тѣмъ, Кто тамъ, въ небѣ. Онъ лишь одинъ учитъ помогать, Онъ и помощь посылаетъ». Засвѣтилось въ сердцѣ Фауста то чувство человѣчности, которое соединяетъ людей, и душу его озарилъ, какъ запавшій въ нее лучъ, свѣтъ вѣры, которую онъ еще такъ недавно въ стѣнахъ своего одинокаго жилища отрицалъ въ себѣ. Напоминаніе стараго крестьянина о бывшемъ морѣ вызвало въ Фаустѣ воспоминанія о тѣхъ дняхъ, когда онъ еще былъ богатъ надеждами, когда онъ, полный вѣры, въ слезахъ и воплѣхъ, ломая свои руки при видѣ страданій людей, молилъ небо о помощи имъ. Съ этими воспоминаніями воскресли въ немъ и другія, о томъ, какъ его отецъ, посвятивъ себя искусству леченія, по всѣмъ правиламъ науки, добросовѣстно морилъ людей, сильнѣе, чѣмъ моръ. Это послѣднее воспоминаніе наполняетъ Фауста горестнымъ чувствомъ сознанія того, какъ призрачны надежды человѣка избѣгнуть океана заблужденій и знать то, что нужно человѣку. Но онъ гонитъ эту мрачную мысль, чтобъ не возмутить благодатнаго чувства, осѣнившаго его. Взирая на вечерній закатъ солнца, слѣдя за торжественнымъ теченіемъ его въ лазурныхъ пространствахъ неба,—теченіемъ, всюду будящимъ жизнь, слѣдя за полетомъ орла и

пернатыхъ надъ торжественной красою природы, Фаустъ желалъ бы подняться на крыльяхъ и летѣть за божественнымъ свѣтиломъ, оставляя за собою мракъ ночи, и высказываетъ самую суть своей внутренней жизни, болѣзненное раздвоеніе его душевной природы.

«Во мнѣ,—говоритъ онъ,—живутъ двѣ души: одна изъ нихъ хочетъ отдѣлиться отъ другой. Одна силою грубой любви цѣпко держится за міръ, другая насильственно стремится вырваться изъ тумана къ тѣмъ предѣламъ, гдѣ витаютъ высокія предчувствія мои. О! если существуете вы, духи, въ воздухѣ и царите властно межъ небомъ и землею, перенесите меня въ новую жизнь. О! когда бы былъ у меня волшебный плащъ и перенесъ меня въ другія страны, былъ бы онъ дороже для меня королевской мантіи!» Этимъ восклицаніемъ какъ бы указываетъ онъ ту брешь въ его духѣ, сквозь которую проникаетъ сомнѣніе, а за нимъ и отрицаніе. Послѣднее близко къ нему. При боязливомъ замѣчаніи Вагнера, что къ ночи опасно призывать всѣмъ хорошо извѣстныхъ духовъ, со всѣхъ сторонъ стерегущихъ человѣка, Фаустъ указываетъ ему на страннаго пуделя, который мчится по полямъ и, описывая спиральные круги, близится къ нимъ, оставляя за собою въ воздухѣ свѣтъ въ видѣ свѣтлаго потока. Магическіе круги тѣснѣе и тѣснѣе стягиваются вокругъ ногъ Фауста и, наконецъ, пудель подлѣ него. Фаустъ зоветъ его въ свое жилище. Лишь только сознялъ онъ, подъ вліяніемъ возникшаго въ немъ свѣтлаго чувства, счастье быть человѣкомъ среди людей, лишь только затихли въ немъ самонадѣянно-гордыя стремленія силою только своей абсолютно-независимой мысли самостоятельно овладѣть всѣмъ безконечнымъ, лишь только наполнилась его душа благоговѣніемъ предъ высшею благодѣющей человѣку силою и сердце озарилось лучемъ смиренной вѣры, въ этотъ самый моментъ духъ отрицанія, въ образѣ, согласно легендарному преданію, пуделя, сталъ окружать его магическими кругами и затягивать мертвую петлю всесокрушающаго отрицанія,—отрицанія, которому оставленъ проходъ въ душу Фауста раздвоенностью ея на двѣ враждующія между собою половины, о которыхъ онъ только что говорилъ.

Вслѣдъ за приглашеніемъ пуделя мы видимъ Фауста въ его ученомъ уединеніи. Онъ оставилъ поля и долины съ возбужденнымъ въ немъ свѣтлымъ чувствомъ. Зажглись въ его душѣ, подъ вліяніемъ вспыхнувшаго въ немъ чувства, любовь къ человѣку и любовь къ Богу. Засвѣтилъ онъ въ своей темной

кельѣ дружественную лампу и стало свѣтло на его сердцѣ, узнавшемъ себя. Въ немъ заговорилъ живой разумъ, воскресла надежда и духъ его пламенно рвется къ святому источнику жизни, къ роднику, изъ котораго бьетъ она ключемъ. Вотъ какимъ воротился онъ изъ среды жизни въ свою уединенную келью, разъ испытавши то чувство, которое объединяетъ людей въ минуты общей радости! Вотъ во что преобразило свѣтлое мгновенье среди людей неутомимую жажду проникнуть въ тайны родниковъ жизни! Но при всей доброй волѣ Фауста изъ груди его не истекаетъ удовлетворенія. Откуда возьметъ онъ то святое знаніе, котораго жаждетъ душа его? Нужно откровеніе свыше, которое бы насытило ее. «Нигдѣ оно не высказано прекраснѣе и достойнѣе, какъ въ книгѣ Новаго Завѣта, Евангеліи»,—говоритъ онъ. Эту небесную книгу и раскрываетъ Фаустъ и хочетъ добросовѣстно, честно передать ея содержаніе родному ему народу на родномъ его языкѣ онъ думаетъ о родныхъ ему людяхъ. Его заботливая мысль обращена уже не къ себѣ одному, а къ другимъ людямъ. Но на время только поднимались въ душѣ Фауста сладостные звуки, знакомые съ дѣтства, на время заговорившее въ ней свѣтлое чувство братской любви къ людямъ смирило непреклонную гордость его ума и передало въ руки высшей благодатной силы. Все это было въ противорѣчіи съ элементами, *преобладающими* въ его индивидуальности и характерѣ. Лишь только коснулся онъ книги Откровенія, критическая сила ума подняла въ немъ свой голосъ. Фаустъ остался тѣмъ же Фаустомъ, какимъ онъ былъ и прежде. Въ искреннее желаніе почерпнуть разумѣніе сущаго изъ чистаго божественнаго источника и добросовѣстно передать слово жизни на родномъ языкѣ, ничего не примѣшивая отъ себя, вторгается незамѣтно и самоувѣренно критическая мысль. Фаустъ отвергаетъ точный переводъ слова λογος—словомъ «слово» «Ибо,—говоритъ онъ,—я не могу такъ высоко ставить слово». Отвергаетъ и другое значеніе λογος—разумъ, разумѣніе, и не хочетъ передавать его словомъ Sinn—смыслъ. «Заключаетъ ли въ себѣ Sinn,—говоритъ онъ,—творческую силу, дѣйствуетъ ли, творитъ ли оно разумѣніе?» Затѣмъ Фаустъ уже совершенно отступаетъ отъ мысли книги Откровенія, замѣняя λογος словомъ «сила» и, наконецъ, That—дѣло (совершонное). На мѣсто Бога ставитъ онъ или Его творческую силу, или актъ Его творчества. Въ эту самую минуту полнаго извращенія святой истины отрицательною силою ума демонъ сбрасываетъ съ себя маску пуделя и изъ тумановъ (символиче-

ское олицетвореніе сомнѣнія) возстаетъ Мефистофель. Фаустъ направляетъ на него ключъ Соломона. Въ средніе вѣка почитали еврейскаго царя Соломона первымъ заклинателемъ духовъ и потому разныя заклинанія послѣднихъ назывались ключами Соломона. Въ минуту появленія духа отрицанія передъ положительнымъ духомъ, говорящимъ изъ книги Откровенія и въ душѣ Фауста, духи, перелетающіе мимо, говорятъ на ходу: «Тамъ пойманъ одинъ! Останьтесь! Никто за нимъ. Въ оковахъ лисица. Въ страхѣ адская рысь. Однако, внимайте! Носитесь туда и сюда, и вверхъ, и внизъ, и онъ освободится! Не оставляйте его въ покоѣ! Онъ много намъ сдѣлалъ въ угоду». Что это за духи? Поэтъ оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта. Вѣрованія народныя, которыя представляли себѣ одушевленными всѣ явленія и силы природы, олицетворяли стихіи, признававшіяся элементарными: огонь, воздухъ и т. д., въ формѣ духовъ, властвующихъ ими и живущихъ между небомъ и землею. Эти духи были вполнѣ *нейтральными* въ отношеніи добра и въ отношеніи зла, подобно тому, какъ одни и тѣ же явленія и силы природы могутъ быть и созидательными, и разрушительными. Къ нимъ относились въ старое время съ заклинаніями не какъ къ демонамъ, но какъ къ нейтральнымъ существамъ. Отъ ихъ дѣйствій Вагнеръ предостерегалъ Фауста, приглашая его въ сценѣ прогулки не оставаться въ сумерки за городомъ; ихъ Фаустъ умолялъ перенести его въ новую жизнь; съ ихъ хорами желалъ онъ въ первомъ монологѣ смѣшаться на высяхъ горъ и въ долинахъ. Этихъ духовъ заклинаетъ Фаустъ: Саламандру—духа огня, Ундину—духа воды Incubus—домоваго, эльфовъ—духовъ воздуха. Эти духи, живущіе въ стихіяхъ природы, индифферентные и къ положительному, и къ отрицательному духу, въ настоящей сценѣ къ Фаусту, и къ Мефистофелю, присутствуя при начинающейся борьбѣ между ними и замѣчая ослабленіе положительнаго начала въ Фаустѣ, склоняются къ Мефистофелю и хотятъ помочь ему выпутаться изъ цѣпей, налагаемыхъ на него заклинаніями перваго. Фаустъ, испытавъ противъ Мефистофеля заклинанія, способныя подчинять только нейтральныхъ духовъ и оказавшіяся недѣйствительными противъ адскаго духа, обращаетъ на него знаменіе креста и грозитъ спалить его тройнымъ лучемъ, исходящимъ изъ святаго знаменія. Въ предупрежденіе такой страшной угрозы Мефистофель открывается, являясь передъ Фаустомъ въ видѣ путешествующаго схоластика. По легендѣ о Фаустѣ, Мефистофель является

передъ нимъ въ образѣ аббата или монаха. Гёте же заставляетъ его принять образъ одного изъ scholastici vagantes, которые въ средніе вѣка до XVII столѣтія были распространителями некромантіи, астрологіи и т. д. и представителями тогдашней школьной мудрости. Понятно, почему образъ представителя отвлеченнаго, формальнаго мышленія, столь враждебный живому знанію, приличенъ представителю духа отрицанія. Припомнимъ, что и Шеллингъ, и Гёте смотрѣли на раціоналистическую философію, какъ на отрицательную, и такъ ее называли. Мефистофель является съ словами: «Къ чему шумѣть? (т.-е. къ чему хлопоты?). Я всегда съ тобой, въ тебѣ самомъ» и заявляетъ, что онъ часть той силы, которая вѣчно хочетъ зла, но вѣчно создаетъ добро. Слово, непонятное для средневѣковаго мыслителя, Фауста, для котораго непостижима тайна жизни, превращающей зло въ добро, силу разрушенія въ источникъ созиданія; загадка, неразрѣшимая для него, привыкшаго вѣрить въ истинность выводовъ отвлеченно формальнаго мышленія,—въ его сознаніи непримиримо логическое противорѣчіе между зломъ и добромъ, такъ, чтобы послѣднее стало результатомъ перваго. Мефистофель точнѣе опредѣляетъ себя, что онъ есть духъ отрицанія и что такъ быть должно по справедливости, ибо все, что возникаетъ, стоитъ лишь того, чтобъ обратиться въ ничто, и потому разрушеніе и зло есть его стихіи. На вопросъ Фауста, пораженнаго послѣднимъ заключеніемъ, болѣзненно согласнымъ съ его мучительнымъ сознаніемъ своего ничтожества: «Если ты только часть, какъ же ты предсталъ предо мною, какъ полное цѣлое?» получается отъ духа зла отвѣтъ, убійственный по своей ироніи надъ гордыми мечтаніями человѣка. «Я скромно высказываю правду,—говоритъ Мефистофель.—Тогда какъ человѣкъ, этотъ маленькій міръ, этотъ жалкій шутъ, обычно считаетъ себя цѣлымъ, я только часть части, бывшей въ началѣ всѣмъ, часть мрака, породившаго для себя свѣтъ, тотъ гордый свѣтъ, который оспариваетъ пространство и старую честь у матери своей—ночи. Но въ этомъ нѣтъ ему удачи. Какъ ни хлопочетъ онъ, а все остается приклееннымъ къ тѣламъ. Изъ тѣла истекаетъ онъ, украшаетъ его, но тѣло преграждаетъ ему путь. Надѣюсь, недолго будетъ такъ. Съ тѣлами и погибнетъ онъ». Отъ словъ Мефистофеля въ душѣ Фауста раскрылись раны съ жгучею болью, передъ нимъ развернулась страшная картина безплодной борьбы съ силою разрушающей. Мефистофель, такъ сказать, *сдунувъ* съ

души Фауста посѣтившее его на мгновеніе свѣтлое чувство и воскресивъ въ ней съ бо́льшею силою прежнія муки, на этомъ хочетъ и оставить его. Фаустъ, желая удержать «чуднаго сына хаоса», въ тоскѣ отчаянія требуетъ, чтобъ онъ развлекъ его какой-нибудь сказкой, и получаетъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ готовъ потѣшить его своимъ искусствомъ. «Ты въ этотъ часъ выиграешь болѣе, чѣмъ въ цѣлые годы твоей однообразной жизни. Тѣ сладостныя пѣсни, которыя споютъ тебѣ духи, тѣ очаровательные образы, которые въ нихъ принесутъ они тебѣ, не простая волшебная игра. Они обольстятъ твое обоняніе, усладятъ твой вкусъ и всѣ твои чувства приведутъ въ восхищеніе. Они здѣсь!»—говоритъ онъ и приказываетъ духамъ: «Начинайте!» Элементарные духи матеріальной природы, равно готовые служить и добру, и злу, всюду присущіе, рисуютъ восхитительную картину, обаятельную для плотскихъ чувствъ, какъ и прилично ихъ природѣ. Подъ вліяніямъ чаръ, отуманившихъ Фауста представленіями чувственныхъ наслажденій, онъ погружается въ сонъ, полный невыразимо сладостныхъ грезъ. «Эти образы, очаровавшіе Фауста,—говоритъ Фишеръ,—суть слѣды тѣхъ чувственныхъ впечатлѣній, которыя вынесъ онъ изъ своей прогулки», такъ сказать, заглянувъ на время въ веселыя движенія волнующейся жизни, — слѣды, единственно оставшіеся во мракѣ его души, опустошенной отчаяніемъ, разбуженнымъ въ ней съ новою силою Мефистофелемъ. Засвѣтившееся въ его душѣ свѣтлое чувство братскаго отношенія къ людямъ, довѣріе къ высшей благодатной силѣ, царящей надъ міромъ,—все это сгорѣло на огнѣ новыхъ мукъ, поднявшихся подъ вліяніемъ духа отрицанія, и, при этомъ опустошенномъ состояніи его души, жизнь сказывается въ немъ только въ чувственныхъ раздраженіяхъ, возбуждаемыхъ чувственными представленіями его воображенія! Въ объятіяхъ такихъ чаръ оставляетъ Фауста Мефистофель. Это чарующее представленіе духовъ взято Гёте также изъ *Книги о Фаустѣ*. Мы не останавливаемся на объясненіи пентаграммы, начертанной на порогѣ двери, ведущей въ кабинетъ Фауста, ни на крысѣ, прогрызающей по приказанію Мефистофеля одинъ изъ острыхъ угловъ пентаграммы для свободнаго выхода его. Полагаемъ, что всѣмъ читателямъ, хотя бы бѣгло заглядывавшимъ въ какіе-нибудь комментаріи къ трагедіи Гёте, или знакомымъ съ вѣрованіями среднихъ вѣковъ, извѣстно, что все это взято изъ этихъ послѣднихъ и составляетъ художественныя подробности,

переносящія въ средневѣковую среду дѣйствія трагедіи. Фаустъ просыпается, — это наслажденіе, эти чарующія мечты исчезаютъ, какъ дымъ. Чѣмъ острѣе было сладостное чувство, тѣмъ тяжелѣе пустота, оставленная имъ въ воображеніи и сердцѣ, тѣмъ ядовитѣе горечь мукъ отчаянія, которыми переполнена душа Фауста, и тѣмъ сильнѣе желаніе забыться въ буряхъ круворота жизни, туманящихъ, убивающихъ сознаніе. Онъ готовъ бѣжать на встрѣчу ихъ изъ душной своей кельи. Но это—рѣшимость отчаянія, знающаго, что ни что не въ силахъ обмануть и уничтожить его мукъ. Въ эту самую минуту стучится Мефистофель. Онъ входитъ молодцомъ, аристократомъ; не въ прежнемъ видѣ, не въ одеждѣ бродячаго схоластика, но въ красномъ платьѣ, расшитомъ золотомъ, въ щегольской мантіи, съ длинной острой шпагой при бедрѣ и въ шляпѣ съ петушьимъ пером, и приглашаетъ Фауста сбросить оковы, наложенныя имъ на себя, и выдти на свободу щеголемъ и узнать, что̀ такое жизнь. Видъ Мефистофеля и приглашеніе его ярче вызываютъ въ Фаустѣ сознаніе самообмана въ желаніи утонуть въ потокѣ наслажденій жизни, звучатъ ироніей надъ неистребимостью мученій его души, вонзаются жестокимъ ударомъ въ самое больное мѣсто его сердца; невыносимая боль одолѣваетъ его и вся горечь, накипѣвшая въ его душѣ, выливается отчаяннымъ воплемъ о невыносимо горькой участи человѣка: «Въ какой бы нарядъ ни нарядился я, мука отъ тѣсноты этой жизни земной не оставитъ меня. Я слишкомъ старъ, чтобъ тѣшиться игрушками, и слишкомъ молодъ, чтобъ жить безъ желаній. Что можетъ доставить мнѣ жизнь въ этомъ мірѣ? Отказаться долженъ ты! Вотъ что, до хрипоты, кричитъ намъ вѣчная пѣснь и въ продолженіе всей нашей долгой жизни. Съ ужасомъ, обливаясь горячими слезами, просыпаюсь я каждымъ утромъ, зная, что наступающій день не дастъ исполниться ни одному желанію, что даже предвкушеніе каждаго наслажденія оборвано упрямо, что всѣ созданія моего живаго чувства исковерканы тысячами уродливыхъ кривляній жизни, что во мнѣ живетъ тотъ Богъ, который, поднявъ на дыбы всѣ мои душевныя силы и царствуя надъ ними, не въ силахъ двинуть ими ничего, что̀ внѣ меня. Мнѣ тяжко *быть!* Желанна смерть и ненавистна жизнь». Мефистофель замѣчаетъ, что «смерть не очень пріятный гость». «О нѣтъ!—восклицаетъ Фаустъ,—блаженъ тотъ, вкругъ чьей головы обвивается побѣдный вѣнокъ изъ лавровъ, обрызганный кровью,

кто послѣ бѣшенаго, веселаго танца сжимаетъ красавицу въ рукахъ. О! если бы я могъ, восхищенный высшею силою духа, въ минуту самую восторга испустить послѣднее мое дыханіе!» И это сладостное мечтаніе, еще доступное Фаусту, обрываетъ духъ отрицанія насмѣшливымъ замѣчаніемъ, что именно въ такую-то минуту онъ и испугался смерти и удалилъ смертельную чашу отъ своихъ губъ. Фаустъ, пораженный воспоминаніемъ, что его обманулo самое искреннее и свѣтлое чувство, что, видно, и смерть ему такъ же тяжка, какъ ненавистна жизнь, раздражается проклятіями: «Кляну все, что манитъ душу призрачной игрой и, льстиво ослѣпляя обманчивымъ свѣтомъ, гонитъ ее въ этотъ гробъ, называемый тѣломъ! Проклятіе высокому мнѣнію о себѣ, которымъ поднимается духъ человѣка! Проклятіе всему блеску явленій, которыя слѣпятъ наши чувства! Проклятіе лживымъ мечтамъ о славѣ! Проклятіе всему, что имѣемъ! Проклятіе женѣ, ребенку, слугѣ! Проклятіе богатству! Проклятіе любви, дарующей высшія наслажденія! Проклятіе надеждѣ! Проклятіе вѣрѣ и, прежде всего, проклятіе терпѣнію!» Тогда раздается какъ бы голосъ оскорбленной природы, страдающей за человѣка, отвергшаго ея лучшіе дары, рыдающее пѣніе невидимыхъ нейтральныхъ духовъ ея, стонущихъ о томъ, что человѣкъ разрушилъ для себя всѣ блага, даруемыя природой, и призывающихъ его къ возсозданію для себя разрушеннаго міра. «Горе, горе!—поютъ они.—Разрушилъ ты могучимъ ударомъ прекрасный міръ. Онъ рухнулъ, онъ распался. Полубогъ его разрушилъ. Мы плачемъ о погибшей красѣ. Могучій изъ сыновей земли! воздвигни его снова, воздвигни его въ лучшей красѣ въ твоей груди! Начни свою жизнь снова съ чувствомъ яснымъ въ душѣ, и новыя пѣсни вновь зазвучатъ». Нейтральные духи природы являлись какъ бы сочувствующими отрицательнымъ силамъ, въ этой же пѣснѣ они являются родственными силамъ положительнымъ могущимъ возратить его къ жизни. И силы разрушительныя, и силы созидательныя, и тѣ и другія могутъ считать нейтральныхъ духовъ своими, а потому Мефистофель называетъ ихъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ въ состояніи понять ихъ, своими малютками и, объясняя по своему ихъ пѣснь, говоритъ: «Мои малютки вызываютъ тебя къ веселью и движенію. Вонъ изъ твоего одиночества, гдѣ замираютъ въ недвижности твои чувства и останавливаются всѣ соки твоей жизни! Перестань играть твоимъ горемъ, не давай коршуну терзать твою жизнь; самое худшее общество заставитъ

тебя почувствовать, что ты съ людьми—человѣкъ» и призываетъ Фауста отправиться въ товариществѣ съ нимъ и обѣщаетъ быть ему вѣрнымъ, требуя за это отъ Фауста одного: за ту службу, которую сослужитъ онъ Фаусту въ здѣшней жизни, послѣдній въ другой долженъ будетъ стать его слугою.

Что значитъ для Фауста другая жизнь? «Что тамъ, мало заботитъ меня»,—говоритъ онъ; при невозможности узнать что-нибудь за предѣлами чувствъ, ему противно и думать о невѣдомомъ. «Изъ этой земли истекаютъ всѣ мои радости, только это солнце освѣщаетъ мои страданія. А разстанусь съ ними, пусть будетъ что хочетъ и можетъ быть. Не хочу и слышать о томъ, любятъ ли тамъ, ненавидятъ ли; существуетъ ли въ тѣхъ сферахъ верхъ или низъ!—восклицаетъ онъ. Онъ, такъ сказать, махнулъ рукой на все, что недоступно непосредственно осязанію его чувствъ. «Великій духъ отвергъ меня съ презрѣніемъ,—продолжаетъ онъ.—Заперлась природа отъ меня. Оборвана и мысли нить. Давно противно мнѣ и знанье. Утопимъ же пламенную страсть въ пучинахъ чувственности, бросимся въ гремящіе валы потоковъ временъ и въ бурныя волны событій! Пусть смѣняются, какъ хотятъ, страданія и радости. Лишь въ безустанной дѣятельности живъ человѣкъ». «Слушай,—говоритъ онъ духу отрицанія,—не объ радостяхъ идетъ рѣчь. Утомительному опьянѣнію отдаю себя, наслажденію, полному страданій и боли, любви, переполненной ненавистью, горю, закаляющему силы. Исцѣлился я отъ жажды знаній; отнынѣ грудь моя открыта всѣмъ страданіямъ на свѣтѣ. Всѣмъ существомъ моимъ хочу пережить все, что лишь дано человѣчеству въ удѣлъ, хочу объять моимъ духомъ всѣ высоты, всѣ глубины его и пережить и радости его, и муки, собравъ ихъ всѣ въ моей груди и, такъ себя расширивъ до его предѣловъ, слиться съ нимъ и, какъ оно, погибнуть вмѣстѣ съ нимъ!» Вотъ какимъ вѣдѣніемъ можетъ быть удовлетворенъ Фаустъ. Не вѣря уже въ возможность этого, онъ говоритъ духу лжи и отрицанія: «Въ тотъ мигъ, когда спокойно и лѣниво лягу на постель—мой конецъ. Тотъ день, когда съумѣешь ты льстиво налгать мнѣ на самого меня и я собой доволенъ буду, когда ты сможешь наслажденьемъ обмануть меня—мой послѣдній день. Вотъ мой закладъ!» Мефистофель согласенъ и Фаустъ заключаетъ съ нимъ такой договоръ: «Когда скажу мгновенію: стой...» прекрасно ты!—тогда накладывай оковы на меня, тогда охотно я погибну, тогда пускай раздастся похоронный звонъ, часы свой остановятъ ходъ, и

стрѣлка часовая упадетъ и минетъ время для меня! Тогда свободенъ ты, и я—твой рабъ». Смѣясь въ душѣ, ударилъ Фаустъ съ Мефистофелемъ по рукамъ и, шутя, кровью подписалъ свой договоръ. «Съ чего начнемъ?»—говоритъ онъ.—«Уйдемъ отсюда»,—отвѣчаетъ Мефистофель.—Что за жизнь здѣсь, среди мукъ и душевныхъ пытокъ? Что за жизнь—томиться скукой и надоѣдать юношамъ и себѣ? Слышу кто-то идетъ сюда». Фаустъ не въ силахъ вынести вида юноши и быстро уходитъ; Мефистофель, надѣвши на себя длинное платье Фауста, говоритъ ему вслѣдъ: «Презри только разумъ и науку, эти высшія силы людей! Попробуй укрѣпиться лживыми силами волшебныхъ чаръ, и ты—безусловно мой. Его одарила судьба духомъ, неукротимо рвущимся впередъ; спѣшитъ онъ, хочетъ перескочить черезъ всѣ радости жизни, оставя ихъ за собой; но я протащу его сквозь эту дикую жизнь, сквозь пошлую ея ничтожность. Онъ будетъ карабкаться, замирать въ оцѣпенѣніи, ползти, и, какъ ни томятъ его голодъ и жажда, при всей ненасытимости его, и пища, и питье проскользнутъ мимо его губъ. Вотще будетъ онъ молить объ утоленіи внутренняго его жара! Еслибъ не отдался онъ дьяволу, пропалъ бы все равно». Затѣмъ входитъ ученикъ. Мы не останавливаемся на сценѣ Мефистофеля съ ученикомъ; замѣтимъ только, что этотъ юноша, исполненный неудержимаго стремленія быть посвященнымъ въ таинства наукъ, благоговѣйно внимающій словамъ учителя школьной средневѣковой мудрости, есть тотъ самый юноша, котораго мы встрѣтимъ во второй части трагедіи и въ томъ же ученомъ кабинетѣ Фауста, уже вырвавшимся на абсолютную свободу мысли. Тамъ онъ, исполненный вѣры во всемогущество разума, признаетъ за абсолютный источникъ истины и весь внѣшній міръ, представляющійся сознанію человѣка, за созданіе его собственнаго разума. Этотъ юноша служитъ въ трагедіи символомъ перехода средневѣковаго состоянія умовъ къ интеллектуальному воззрѣнію новаго времени. Замѣтимъ, что въ этой сценѣ въ основаніе характеристики факультетовъ университетовъ въ разговорѣ Мефистофеля съ ученикомъ Гёте положилъ свои собственныя наблюденія во время его трехгодичнаго пребыванія въ Лейпцигскомъ университетѣ. Сопоставленіе рѣчей Мефистофеля съ пылкими запросами стремящагося впередъ юнаго духа служитъ геніальнымъ изображеніемъ состоянія науки, не удовлетворявшей уже требованіямъ умовъ въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ.

По удаленіи ученика входитъ Фаустъ, готовый покинуть свое одинокое жилище. «Куда же мы?»—спрашиваетъ онъ Мефистофеля.—«Куда будетъ тебѣ угодно,—отвѣчаетъ тотъ.—Мы увидимъ сперва малый, потомъ большой міръ. Съ какою радостью, съ какою пользою пройдешь ты этотъ веселый путь!» «Подъ малымъ и большимъ свѣтомъ,—говоритъ Лёперъ,—Мефистофель разумѣетъ простыхъ гражданъ и міръ придворныхъ и правящихъ». Вейсе говоритъ въ своемъ сочиненіи о нѣмецкомъ театрѣ (1765 г.): «Не знаютъ они ни большаго, ни малаго міра, ни сферы придворной жизни, ни частной». Однимъ словомъ, подъ именемъ малаго міра и большаго должно разумѣть въ первомъ случаѣ кругъ людей, занятыхъ только интересами частной жизни, а во второмъ сферу жизни, объемлющую болѣе широкій кругъ людей, въ который могутъ входить нѣсколько малыхъ міровъ. Затѣмъ Мефистофель и Фаустъ уносятся на волшебномъ плащѣ, какъ повѣствуетъ и легенда. Фаустъ отправился въ водоворотъ жизни за Мефистофелемъ, который поведетъ его отъ сферы малаго міра въ сферы большихъ міровъ.

С. Юрьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СКУЧАЮЩАЯ ПУБЛИКА *).

Очерки, путевыя замѣтки, разсказы.

IV. Трудами рукъ своихъ.

I.

Въ послѣднихъ строкахъ предъидущаго очерка я обѣщалъ познакомить читателя, томящагося рѣшеніемъ вопроса: «како жить свято?»—съ одною рукописью, написанною крестьяниномъ, въ которой какъ бы «брезжитъ» нѣчто, отвѣчающее на этотъ многосложный и многотрудный вопросъ. Рукопись эта будетъ представлена читателю въ настоящемъ очеркѣ, но я боюсь, что она не произведетъ на него такого впечатлѣнія, какое я желалъ бы, чтобъ оно произвело; я боюсь, что читатель (конечно, именно только такой читатель, который не чуждъ мыслей о томъ, како жить свято?), истомленный дѣйствительностью, повидимому, неопровержимо доказывающей ему каждую секунду и долгіе-долгіе годы подрядъ, что свято жить нельзя, а надобно жить не свято,—боюсь, что этотъ читатель набросится на эту рукопись, въ которой обѣщанъ отвѣтъ на мучительный вопросъ, съ жадностью и алчностью утомленнаго, чрезмѣрно уставшаго человѣка, и, какъ всякій уставшій и проголодавшійся человѣкъ, которому кажется, что онъ съѣстъ быка, не съѣстъ съ должнымъ аппетитомъ и того маленькаго кусочка, который ему предлагаютъ. «Кусокъ», который предлагаетъ рукопись крестьянина, не великъ, но въ немъ есть, дѣйствительно, подлинныя питательныя свой-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

ства, надобно только потребить его не съ азартомъ жадности, а «поотдохнувши», не торопясь глотать его сразу. Вотъ именно въ видахъ того, чтобы читатель съѣлъ этотъ кусокъ полностью, съ аппетитомъ, ощутилъ бы его доброкачественность и оригинальность вкуса, мнѣ и необходимо не давать его читателю сейчасъ, «съ устатку», и попросить его поотдохнуть немного на нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеніяхъ. Эти «предварительныя соображенія» дѣлаются мною, между прочимъ, на основаніи выводовъ и наблюденій, сдѣланныхъ на тему настоящаго очерка уже другими русскими писателями, такъ что предлагаемый очеркъ есть работа компилятивная.

Въ томъ же предъидущемъ очеркѣ мною было сказано, между прочимъ, что наша интеллигентная скучающая публика потому именно «влачитъ» безплодно и тускло свое существованіе, что, волею судебъ, для нея уже выработаны формы существованія, что она должна принимать ихъ готовыми, что эти готовыя формы оставляютъ ея силу самостоятельной мысли; не приходится думать, когда уже впередъ извѣстно, какъ пойдутъ твои дни и годы. Но, принимая, волею судебъ, надвигающіяся готовыя формы жизни съ совершенно готовымъ содержаніемъ, русскій интеллигентный человѣкъ, самъ по себѣ, не можетъ не видѣть, не чувствовать, что все это готовое — не ладно, не гармонично, не чисто и вообще «не такъ». Какъ человѣкъ *свѣжій*, т.-е. не принимавшій ровно никакого участія въ созданіи тѣхъ формъ жизни, которыя онъ долженъ принять готовыми, онъ, въ то же время, принимаетъ также въ готовомъ видѣ и критику этихъ формъ, и, еще не живя въ нихъ, не пробуя ихъ, онъ уже съ совершенною ясностью видитъ, что они негодны, непривлекательны, не возбуждаютъ аппетита.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ему быть искреннимъ въ уваженіи и интересѣ къ оригиналу тѣхъ сторонъ жизни, которыя онъ обреченъ только копировать? Оригиналъ этотъ, европейская жизнь, какъ видитъ всякій, не блещетъ особенно привлекательными сторонами и рѣшительно никого не можетъ убѣдить, что оригиналъ этотъ совершенство и послѣднее слово. Мнѣ невозможно вдаваться въ подробности несовершенства настоящей минуты, переживаемой оригиналомъ, но чтобы читателю была видима самая суть этихъ несовершенствъ, я позволю себѣ указать хотя на послѣдніе выборы въ европейскіе парламенты, такъ какъ *суть* (необходимая намъ для нашей цѣли) выражается въ нихъ

весьма рельефно: безпрестанныя стычки и даже драки, брань, ссора, ожесточенная борьба партій никогда съ такою силою не проявлялись на собраніяхъ, предшествовавшихъ выборамъ, какъ въ послѣдніе мѣсяцы. Не слышно никакихъ теоретическихъ разговоровъ,—по этой части все ужь переговорено,—а дерутся и ругаются, срамятъ и стремяться втоптать въ грязь другъ друга группы людей, не имѣющія между собой *ничего общаго*. И вотъ этимъ-то *ничего не имѣющимъ общаго* между собою группамъ людей, на которыя распалось европейское общество, предстоитъ выбрать правительство, блюдущее интересы всѣхъ, хотя у всѣхъ интересы совершенно различные: у капиталиста не тѣ, что у рабочаго, у духовенства не тѣ, что у республиканцевъ, у земледѣльцевъ не тѣ, что у землевладѣльцевъ... Немудрено, что, напр., господину Греви, стоящему «во главѣ» такого правительства, не остается другого занятія, какъ кормить по нѣскольку разъ въ день свою утку и отдѣлываться ничего незначащими фразами отъ требованій всѣхъ партій, такъ какъ интересовъ одной нельзя удовлетворить, не нарушая интересовъ другой, а эта другая, какъ и третья, и пятая, стремится выдвинуть эти интересы непремѣнно на первый планъ.

Но отдѣльный человѣкъ, отнятый отъ этого муравейника и, притомъ, человѣкъ рѣшительно каждой изъ борющихся партій, не скажетъ вамъ, что онъ счастливъ, что ему легко, что онъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Ни рабочій, ни капиталистъ, ни землевладѣлецъ, ни купецъ, ни военный, ни ученый и т. д.,—никто не скажетъ, что онъ не нуждается въ томъ, чтобы какой-нибудь изъ его перечисленныхъ сосѣдей не былъ притиснутъ къ стѣнѣ для того, чтобы его благополучіе было вѣрнѣе обезпечено, и что, слѣдовательно, каждый изъ нихъ, т.-е. каждый ихъ милліоновъ жителей, населяющихъ страну, при настоящихъ условіяхъ жизни, складывающейся на подобіе пчелинаго улья, не можетъ чувствовать себя уравновѣшеннымъ съ окружающей средой и, слѣдовательно, личное его существованіе не полно, не независимо, не свѣтло и, слѣдовательно, не счастливо.

Въ видахъ того, чтобы читатель могъ оцѣнить значеніе того простонароднаго произведенія, съ которымъ мы хотимъ его познакомить, намъ желательно обратить особенное его вниманіе именно на эти двѣ рѣзкія черты, характеризующія оригиналъ тѣхъ формъ жизни, которыя ужь томятъ русскаго человѣка, въ глубинѣ этихъ формъ,—томится личность человѣческая, томится

человѣкъ, на умаленіи котораго и зиждется успѣхъ теперешняго «общества». Между тѣмъ, прогрессъ *есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами (недѣлимаго) и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми*. Это опредѣленіе прогресса принадлежитъ русскому писателю Н. К. Михайловскому.

Въ четвертомъ томѣ его сочиненій читатель найдетъ обширную статью: *Что такое прогрессъ?* которая выведетъ его сбиваемую съ толку мысль на настоящую дорогу, къ настоящему свѣту. Мы не можемъ дѣлать большихъ выписокъ изъ этой статьи, такъ какъ выясненію вышеприведеннаго положенія посвящены почти всѣ пять томовъ этого писателя, такъ что теряешься въ обиліи блестящихъ страницъ и не знаешь, которую изъ нихъ предпочесть передъ прочими. Ограничимся поэтому только тѣми строками, въ которыхъ формула прогресса г. Михайловскаго излагается въ самомъ сжатомъ видѣ. На основаніи этой формулы, *безнравственно*,—говоритъ г. Михайловскій,—*несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе* (т.-е. приближеніе *недѣлимаго къ цѣлостности*). *Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ*.

Прилагая ее къ настоящему моменту жизни человѣческихъ обществъ и выдѣляя изъ нихъ *личность человѣческую, недѣлимое*, мы не можемъ не видѣть, что недѣлимое не можетъ похвалиться «цѣлостностью» своего существованія. Напротивъ, въ каждомъ человѣкѣ каждой общественной группы, изъ соединенія которыхъ образуется благообразіе пчелинаго улья, нѣтъ гармоніи въ развитіи его личности, нѣтъ разнородности въ дѣятельности членовъ его организма; напротивъ, онъ, *цѣлый человѣкъ*, живетъ только *частью* себя, самъ сдѣлавшись *членомъ* общественнаго организма. Трудъ раздѣленъ «между людьми», а не «между членами организма человѣческаго». Рабочій только стоитъ у станка или у горна и стучитъ всю жизнь молотомъ, проститутка всю жизнь должна быть весела и пьяна и т. д. Всѣ исполняютъ какую-нибудь спеціальность, не дающую возможности жить спеціалисту другими сторонами чевѣческаго духа и тѣла, и всѣ не могутъ считать себя счастливыми. «Попробуй-ка моего!»—можетъ сказать человѣкъ всякой современной профессіи, и вся-

кій, въ то же время, не можетъ существовать безъ посторонней помощи, всякій эксплуатируетъ всякаго и, въ свою очередь, эксплуатируется всякимъ. Рабочій, священникъ, инженеръ, балетная танцовщица, ученый и т. д., поставленные въ положеніе, при которомъ ихъ спеціальности оказываются ненужными, не требуются, не покупаются,—должны *сгинуть*, пропасть отъ своей безпомощности, и вообще никто изъ нихъ не можетъ *самъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ*, а, напротивъ, удовлетворяя какую-нибудь ничтожную общественную потребность, *самъ-то* въ удовлотвореніи всѣхъ своихъ потребностей требуетъ постороннихъ услугъ такихъ же, какъ и онъ, микроскопическихъ спеціалистовъ.

Выраженіе «*самъ* удовлетворяетъ *всѣмъ своимъ потребностямъ*» принадлежитъ гр. Л. Н. Толстому; употреблено оно имъ какъ характеристика формъ жизни нашего крестьянства, въ отличіе отъ формъ жизни, выработанныхъ «цивилизаціей», и, какъ мы думаемъ, характеристика эта окончательно разсѣеваетъ всю ту темь, и туманъ, и муть, которые въ литературныхъ спорахъ окружаютъ толки о народѣ и цивилизаціи, о Россіи и Европѣ. Упомянувъ въ одной изъ своихъ педагогическихъ статей о мнѣніи Маколея, что благостояніе рабочаго народа измѣряется высотой заработной платы, гр. Толстой спрашиваетъ: «Неужели мы, русскіе, до такой степени не хотимъ знать и не знаемъ положенія нашего народа, что повторяемъ такое безсмысленное и ложное положеніе? Весь народъ, каждый русскій человѣкъ безъ исключенія назоветъ богатымъ степнаго мужика, съ старыми одоньями хлѣба на гумнѣ, никогда не видавшаго въ глаза заработной платы, и назоветъ несомнѣнно бѣднымъ подмосковнаго мужика въ ситцевой рубашкѣ, получающаго постоянно высокую заработную плату. Не только въ Россіи невозможно опредѣлять богатство степенью заработной платы, но смѣло можно сказать, что появленіе въ Россіи заработной платы есть признакъ уменьшенія богатства и благосостоянія». А въ другомъ мѣстѣ той же педагогической статьи гр. Толстой говоритъ: «Чтобы человѣку изъ русскаго народа полюбить чтеніе Пушкина или исторіи Соловьева, надо этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т.-е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ потребностямъ». Пушкинъ и Соловьевъ здѣсь поставлены только какъ признакъ нужды духовной, которую оказывается невозможнымъ удовлетворять самому, какъ и въ предшествовавшемъ примѣрѣ

указаны признаки матеріальный нужды: разъ человѣкъ теперь, въ настоящую минуту, удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ, онъ вполнѣ независимъ, и дѣлается зависимымъ, т.-е. несовершенымъ, удаляется отъ цѣлостнаго типа только тогда, когда не можетъ *самъ* удовлетворять себя во всѣхъ своихъ потребностяхъ. Какъ видите, та формула прогресса, которую дѣлаетъ г. Михайловскій путемъ научнымъ, гр. Л. Н. Толстой, къ нашему огромному счастію, видитъ даже осуществленной въ глубинахъ нашихъ народныхъ массъ и его выраженіе *самъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ*, сказавшееся послѣ глубокаго и искреннѣйшаго изученія русскаго народа, вполнѣ отвѣчаетъ теоретическому выводу г. Михайловскаго: «нравственно, справедливо, разумно, все то, что уменьшаетъ разнородность общества (разнородность между профессіями людей), усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ», т.-е. соединяя эти разрозненныя профессіи въ каждомъ человѣкѣ, т.-е. дѣлая для каждаго возможнымъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ.

Повторяемъ: эта формула и этотъ выводъ, сдѣланные гр. Л. Н. Толстымъ относительно формъ жизни русскаго народа, окончательно рѣшаютъ вопросъ какъ о томъ, что вообще нравственно, разумно, справедливо, такъ и о томъ, что такое Россія, Европа, народъ и цивилизація. Стоитъ только эти выводы приложить къ любому разсужденію о благѣ русскаго народа, чтобы немедленно убѣдиться, точно ли разсуждающій желаетъ народу блага, точно ли онъ понимаетъ, въ чемъ оно заключается, точно ли онъ любитъ его или только галдитъ о немъ и безъ толку бормочетъ о Россіи и Европѣ, о народѣ и цивилизаціи?

Попробуемъ, напримѣръ, *для обращика* подойти, съ этой коротенькой формулой, къ теперешнему славянофильству, которое, какъ всѣмъ извѣстно, десятки лѣтъ твердитъ о народѣ и хлопочетъ о широкомъ развитіи его духа. Сдѣлаемъ выписку изъ № 4 *Дня* за 1865 г. изъ статьи *Зигзаги и арабески русскаго домосѣда* *). Вотъ что написано въ этихъ «зигзагахъ»: «Всякимъ довольствомъ обильна, величавымъ покоемъ полна, текла когда-то старинная дворянская жизнь домосѣдская: медъ, пиво варили, соленья солили и гостей угощали на славу,—избыткомъ некупленнымъ, Богомъ дарованныхъ благъ. И этой спокойной жизни не смущала залет

*) Цитату эту я заимствую изъ III т. соч. Н. К. Михайловскаго, стр. 213.

ная мысль, а если подчасъ бушевала кровь застоялая, пиры и охота, шуты и веселье разгуломъ утоляли заволновавшуюся буйную кровь». Затѣмъ идетъ описаніе запустѣнія дворянской жизни и, не мѣняя былиннаго языка, авторъ приходитъ къ выводу, что въ Россіи нужны новыя желѣзныя дороги, новыя финансовыя предпріятія, деньги съ которыхъ опять оживятъ жизнь домосѣдскую. «Не старцевъ, калѣкъ перехожихъ ждетъ томящійся избыткомъ богатствъ неисбытныихъ южнорусскій край, ждетъ онъ желѣзнаго пути отъ середины Москвы къ Черному морю. Ждетъ его могучаго свиста древній престольный городъ Кіевъ; встрепенется, оживетъ въ немъ старый русскій духъ богатырскій; возсіяютъ яркимъ золотомъ потемнѣвшія златоглавыя церкви и звонче раздастся колокольный тотъ звонъ, что со всѣхъ концовъ земли русской утомленныя силы, нажитое, накопленное горе ко святымъ пещерамъ зоветъ, облегченье, обновленье даетъ. Торный, широкій слѣдъ проложила крѣпкая вѣра нетронутая, да тяжелая, жизнью вскормленная скорбь народная къ городу Кіеву. Но на перепутьи другомъ создали силы народныя новый городъ Украйны, Харьковъ торговый; бьетъ ключемъ здѣсь торговая русская жизнь, сѣверъ съ югомъ торговлю ведетъ и *стремятся сюда свѣжія ретивыя* русскія рабочія силы къ непочатымъ землямъ Черноморья и Дона, къ просторнымъ степямъ, къ Крыму безлюдному, что стономъ стонетъ, рабочихъ рукъ проситъ. Томятся, ждутъ города и земли—къ кому (къ Кіеву или Харькову) направится новый желанный путь, кому дастся сила, кому безсиліе?» Къ этому редакція *Дня* дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Моря и Москвы хочетъ доступить Кіевъ; пуще моря нужна Москва Харькову; Кіеву—первый почетъ, да жаль обидѣть и Харькова. Или Русь-богатырь такъ казной-мошной отощала, ума-разума истеряла, что не подъ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму за единый разъ добыть обоихъ путей, обоихъ морей, желѣзомъ сягнуть до Чернаго черезъ Кіевъ-градъ и Азовское на цѣпь къ Москвѣ черезъ Харьковъ взять, чтобы никому въ обиду не стало?» За исключеніемъ мнѣнія, будто бы Азовъ-градъ обидится, если его по примѣру прочихъ мѣстъ не посадятъ на цѣпь, — что же тутъ, спрашивается, русскаго, народнаго, что тутъ «не Европа»? Богатырскимъ языкомъ здѣсь изложено, что желаютъ учредить совершенно европейское финансовое предпріятіе; съ гуслярнымъ звономъ говорится о рабочихъ рукахъ, т.-е. о нарожденіи той самой заработной платы, которая не можетъ появиться на Руси

иначе, какъ вслѣдствіе упадка народнаго благосостоянія. Кстати сказать о недавно вышедшей книгѣ г. Янжула *Фабричный бытъ Московской губерніи**). Книга эта рисуетъ «начало» на Руси чисто европейскихъ формъ жизни, и намъ кажется, что г. Янжулъ, зная фабричный бытъ Англіи, т.-е. самаго обращика, могъ бы даже теперь, не посѣщая фабрикъ, не только знать, что тамъ дѣлается, но даже и предсказать, что тамъ будетъ дѣлаться завтра, черезъ десять, пятнадцать лѣтъ. И все, что тамъ ни дѣлается, и все, что ни будетъ дѣлаться,—все это противорѣчитъ кореннымъ свойствамъ народнаго быта, основаннаго на личномъ удовлетвореніи всѣмъ своимъ потребностямъ. Но если г. Янжулъ, какъ знающій фабричный бытъ Англіи, т.-е. образца, съ котораго у насъ на Руси водворяется готовый слѣпокъ, могъ бы предсказать заранѣе все, что воспослѣдуетъ изъ этого нововведенія, то наша интеллигентная скучающая публика *должна* знакомиться съ такими работами, какъ книга г. Янжула, такъ какъ она весьма мало знаетъ, что̀ такое за несчастіе эта заработная плата и что за счастіе такое учрежденіе, какъ фабрика.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, чего, напримѣръ, стоитъ человѣку (*человѣку*, господа!) такой ничтожнѣйшій продуктъ, какъ рогожа? Работа на рогожныхъ фабрикахъ начинается съ воскресенья, девяти часовъ вечера и идетъ такъ: работники — отецъ, мать и двое дѣтей—работаютъ всѣ вмѣстѣ съ девяти часовъ до четырехъ часовъ ночи; въ четыре часа отецъ ложится спать, а мать и двое дѣтей работаютъ до шести; въ шесть встаетъ отецъ, ложится мать, въ девять часовъ ложится одинъ ребенокъ, а въ часъ дня, *то-есть проработавъ шестнадцать часовъ подрядъ*, засыпаетъ другой, и такъ въ теченіе цѣлаго дня почти безъ остановочно, съ перерывами въ одинъ часъ для обѣда, въ два-три часа, когда случится, днемъ и ночью для сна, идетъ работа всю осень, зиму и весну... Весной, уходя домой, рабочіе до того измаиваются, что даже, по выраженію самихъ хозяевъ этихъ фабрикъ, ихъ «вѣтромъ качаетъ», и что-жь, такой каторжный, измаивающій трудъ, что̀ онъ, приближаетъ ретивый трудовой типъ русскаго человѣка къ «цѣлостности», къ полнотѣ или удаляетъ отъ него и изъ цѣлаго человѣка превращаетъ въ какой-то инструментъ, щиплющій мочало?

---

*) См. въ этой же книгѣ статью И. И. Иванюкова, посвященную указываемому труду г. Янжула.

Но эта рогожная фабрика—образецъ фабрики самаго первобытнаго устройства; здѣсь хозяинъ, какъ видите, самъ говоритъ, что работники измаиваются такъ, что ихъ «вѣтромъ качаетъ»; кромѣ того, при наймѣ рабочихъ также самъ хозяинъ, по-мужицки, откровенно говоритъ имъ, что за провизію съ нихъ онъ, хозяинъ, будетъ брать дороже лавочнаго и чтобы эту дорогую провизію брать непремѣнно у него. Это фабрика—нерафинированная ни гуманностью, ни филантропіей. Но и рафинированныя фабрики, обращики которыхъ читатель можетъ найти въ книгѣ г. Янжула, также не очень будутъ радовать его сердце.

Вотъ, напримѣръ, фабрика въ городѣ Серпуховѣ, гдѣ все устроено по послѣдней модѣ и со всевозможнымъ гуманствомъ: есть и больница, и особенный родильный пріютъ для рабочихъ женщинъ, гдѣ онѣ могутъ «родить безплатно» и, притомъ, пользуются даровыми лѣкарствами и уходомъ; для дѣтей фабричныхъ рабочихъ устроены калыбельни, въ которыхъ, за отсутствіемъ матерей, за дѣтьми ходятъ нѣсколько нанятыхъ администраціей фабрики женщинъ. Около этой колыбельни устроенъ садикъ и въ немъ ящики съ пескомъ, въ которыхъ дѣти могутъ играть. Все превосходно, съ перваго взгляда, а посмотрѣть на дѣло «по-божецки», такъ и скучненько станетъ: представьте себѣ дѣтскіе годы этого ребенка; ребенокъ, неразлучный съ матерью со дня рожденія, благодаря уже *одному разговору* материнскому,—разговору, начинающемуся еще *за долго* до самыхъ элементарнѣйшихъ признаковъ пониманія въ ребенкѣ, за долго до того времени, когда онъ еще научится слышать, глядѣть, разговору безконечному, постоянному и, притомъ, рѣшительно *обо всемъ*, что только даетъ разнообразная жизнь дня,—благодаря уже одной этой материнской болтовнѣ, ребенокъ начинаетъ ощущать потребность самаго разносторонняго вниманія и, благодаря именно этому вниманію къ многочисленности явленій жизни, возбужденныхъ материнскою болтовнею, начинаетъ развиваться *всѣми сторонами* своего духа и тѣла. Теперь же въ этомъ ящикѣ съ пескомъ, оставленный на попеченіе старухи, обязанной смотрѣть за десятерыми, онъ на тысячи вопросовъ не получитъ отвѣта (не разорваться же старухѣ!), тысячи любопытныхъ явленій,—цвѣтокъ, пѣтухъ, бабочка и т. д.,—мелькнутъ только явленіями непонятными. Въ этомъ ящикѣ съ пескомъ онъ уже лишенъ безконечно-разнообразныхъ впечатлѣній, которыхъ бы дала ему жизнь въ трудовой крестьянской семьѣ, впечатлѣній трудоваго крестьянскаго дня.

Мать онъ видитъ въ то время, когда она приходитъ ѣсть и спать, въ тѣ же часы видитъ и отца, но и у матери, и у отца нѣтъ ничего общаго въ трудѣ, какъ это есть въ крестьянской семьѣ, нѣтъ общаго, понятнаго и мужу, и женѣ и, въ то же время, воспитывающаго этимъ общимъ трудовымъ днемъ и разговоромъ своего ребенка: отецъ дѣлаетъ одно, мать другое, а общій разговоръ про деньги, «отдохнуть», «уйдтить въ кабакъ». Ребенокъ растетъ подъ однообразный стукъ и свистъ паровыхъ машинъ, въ разговорахъ о штрафахъ, о рабочихъ часахъ, объ убавкѣ платы,— и съ дѣтскихъ годовъ всѣ его духовныя и физическія свойства воспитываются примѣнительно къ узкой, однообразной, измаивающей фабричной работѣ. Онъ будетъ, можетъ быть, аккуратнѣе отца, будетъ исправнѣе, но онъ будетъ уже его, глупѣе, если можно такъ сказать, онъ уже не будетъ тѣмъ полнымъ человѣкомъ, какимъ пришелъ на фабрику его отецъ; отца его нужно было приводить въ машинообразное состояніе штрафами, вычетами, кутузками, строжайшими угрозами, пустить по міру, безъ копѣйки, за буйство, за пѣсни, за опозданіе, за драку, за водку: на тысячи манеръ администрація «обламывала» неотесаннаго мужика, который напился и набуянилъ отъ тоски, который изъ ревности исколотилъ жену, изъ личной обиды на неотеса надсмотрщика, и испортилъ дорогую машину или «нажрался» съ радости, вспомнилъ, что «на селѣ» праздникъ, что надо погулять, потому жена родила, заговорило родительское сердце... Этотъ новый типъ, безъ деревенскихъ впечатлѣній, ребенокъ, выросшій въ колыбельняхъ, въ ящикахъ съ пескомъ, подъ стукъ и свистъ паровиковъ и паровыхъ молотовъ, можетъ быть, и не будетъ буянить, будетъ пьянствовать тихо, валяться за мертво, не безпокоя администраціи и не подвергая себя штрафу; быть можетъ, этотъ будущій, рафинированный фабрикой человѣкъ не забуянитъ и изъ ревности, потому что, вѣроятно, и надъ проституціей простется рука гуманности, и она будетъ «упорядочена», улучшена въ гигіеническомъ отношеніи, такъ что не будетъ надобности и въ больницѣ лежать, и ревновать, да и на крестинахъ буйствовать съ радости, вѣроятно, также не придется... Еще можно бы говорить, что эти новости неотразимы для насъ, что эти бѣды должны придти къ намъ, что нужно все сдѣлать, чтобы ослабить неизбѣжное зло, и подъ прикрытіемъ этихъ гуманностей, все-таки, съ грѣхомъ пополамъ класть въ карманъ «неизбѣжный и неотразимый» дивидентъ, но говорить, что

соловьиный свистъ желѣзныхъ дорогъ и фабричныхъ паровиковъ тоже, что богатырскій посвистъ Ильи Муромца (это сказано въ упомянутой статьѣ *Дня*), что отъ свиста этого проснется русскій духъ богатырскій, что засіяютъ кресты златоглавые,—это ужь даже и безобразно.

II.

Не будемъ, однако, слишкомъ далеко уходить отъ главной темы настоящаго очерка и предоставимъ капиталу творить то, что ему будетъ можно творить; позволимъ себѣ вновь остановить вниманіе читателя на любезномъ намъ типѣ человѣка «независимаго» и удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ. Типъ этотъ любезенъ намъ потому, что, какъ мы видѣли, и «по наукѣ» онъ оказывается именно тѣмъ типомъ существованія, о которомъ смутно и тяжко томится стиснутая и скомканная душа современнаго человѣка, пытающагося отвѣтить на преслѣдующій его вопросъ: «како жить свято?» И потому любезенъ онъ, что въ немъ есть и простота, и широта, и гармонія, и независимость, и правда,—все, что хочется человѣку, все, что таится въ глубинѣ-глубинъ его тоскующей совѣсти; любезенъ онъ намъ еще и потому, что этотъ типъ, т.-е. этотъ *обращикъ* справедливаго существованія, есть у насъ въ живомъ видѣ, живетъ въ массахъ русскаго народа, и во-сто разъ любезнѣе и значительнѣе становится онъ для насъ теперь, благодаря рукописи простаго крестьянина, потому, что рукопись эта говоритъ, что и самъ народъ, въ лицѣ своихъ по своему образованныхъ мыслящихъ людей, также хочетъ сказать всему бѣлому свѣту, что и онъ, народъ, *сознательно* полагаетъ и правду, и счастіе, и независимость именно въ такой формѣ жизни, въ основѣ которой лежитъ *удовлетвореніе личностью всѣхъ своихъ потребностей*.

Съ умысломъ подчеркнуто мною слово *сознательно*. Всякій, кто, желая знать народъ, старался понять его жизнь и его мысль, и вообще всякій интеллигентный человѣкъ, жившій въ деревнѣ, въ народѣ и хоть чуть чуть «съ народомъ», непремѣнно и, притомъ, необычайно долго долженъ былъ переживать самыя мучительныя, самыя терзательныя, бѣснующія даже иногда минуты. На каждомъ шагу онъ встрѣчалъ и, притомъ, одновременно какъ дѣйствительно тѣ гармоническія формы народнаго быта, о которыхъ только что говорено и которыя невольно возбуждали скорбь о своемъ интеллигентномъ ничтожествѣ и зависть къ гармонической

силѣ и простотѣ народа, такъ и полное разочарованіе въ этой гармоніи, полную безмыслицу деревенскихъ людей, грубую дикость, узость, узколобіе, безсердечіе и вообще полнѣйшее отсутствіе какихъ-бы то ни было человѣческихъ привлекательныхъ чертъ и свойствъ. Вотъ сейчасъ, напримѣръ, въ то самое время, когда я писалъ эти строчки, приходилъ ко мнѣ вполнѣ «гармоническій», «цѣлостный» и «полный» деревенскій человѣкъ и объявилъ, что онъ завтра поступаетъ въ лакеи къ одному барину, который появился на станціи «Что же ты будешь дѣлать у него?» — «Да ужь что потребуется... куда пошлютъ... что подать... комнаты, напримѣръ, *пріобрѣсти* въ чистоту» и т. д. До сей минуты это *былъ* славный крестьянскій юноша, молодой парень, человѣкъ, «самъ удовлетворяющій своимъ потребностямъ», а сегодня онъ съ веселымъ лицемъ идетъ въ лакеи, потому что ему дадутъ семь рублей въ мѣсяцъ (хотя не проявись на стаціи баринъ, этотъ парень продолжалъ бы оставаться «цѣльнымъ» и «полнымъ и жилъ бы безъ семи рублей, какъ жилъ безъ нихъ до настоящаго времени). И вотъ онъ-то весело идетъ въ лакеи, изъ хозяина, вполнѣ независимаго человѣка, радуется, превращаясь въ холопа, нимало не задумываясь о томъ, что это униженіе, что обидно же ему будетъ подавать тарелки, когда теперь ему самому подаютъ бабы, что не маленькій онъ бѣгать за булками. Вчера еще онъ говорилъ отличнымъ языкомъ, правильнымъ, дѣльнымъ, свободнымъ, выразительнымъ, а теперь онъ выдвигаетъ слова, въ которыхъ смысла человѣческаго нѣтъ— «*пріобрѣсти* комнату въ порядокъ», а завтра, можетъ быть, будетъ уже тайкомъ выпивать остатки недопитаго «портвину», воровать папироски, льстить барскому самолюбію, даже про барскую собаку, можетъ быть, будетъ говорить «*онъ* пошли по своей части», а ужь рѣчь его будетъ, навѣрное, испещрена чортъ знаетъ какими словами; не сегодня, завтра онъ ужь «примазывается» къ «куфаркѣ» и на весь домъ ржотъ отъ удовольствія, найдя въ отсутствіе барина сатирическій листокъ съ какой-нибудь сальной картинкой, тогда какъ вчера онъ и мысли не имѣлъ, чтобы «примазываться» къ кому-нибудь: вчера онъ велъ себя въ этомъ смыслѣ и чисто, и честно, и строго, а о сальностяхъ и удовольствіи созерцать ихъ и помину не было. Словомъ, вчера я считалъ его человѣкомъ вполнѣ достойнымъ всякаго уваженія, обращался съ нимъ деликатно, вѣжливо, какъ и онъ со мной, относился къ нему, какъ къ сильному, умному, толко-

вому, понятливому сельскому жителю, не сегодня, завтра семьянину и хозяину, а завтра онъ ужь и самъ *не посмѣетъ* протянуть мнѣ руки, поздороваться «за ручку», какъ мы здоровались все время, а разговаривать намъ будетъ ровно не о чемъ.

Словомъ, на каждомъ шагу нашихъ столкновеній съ народомъ мы чувствуемъ и видимъ «собственными глазами», что есть въ этомъ гармоническомъ человѣкѣ какой-то предѣлъ, послѣ котораго этотъ же человѣкъ можетъ превратиться Богъ знаетъ во что, изъ добраго сдѣлаться злымъ, изъ великодушнаго—жаднымъ и алчнымъ, изъ мірскаго — сущимъ врагомъ міра, разорителемъ его и предателемъ, и изъ человѣка внимательнаго къ себѣ — какимъ-то безсмысленнѣйшимъ губителемъ самого себя.

Гдѣ же тотъ пунктъ и въ чемъ онъ заключается, дойдя до котораго гармоническій человѣкъ вдругъ превращается въ безобразіе и дѣлается рѣшительно не похожимъ даже самъ на себя? Мало-по-малу, то восхищаясь, то терзаясь разочарованіями, начинаешь приходить къ мысли, что этотъ гармоническій человѣкъ *едва ли* даже *понимаетъ*, *что онъ именно гармоническій*, что онъ хоть и говоритъ всю жизнь прозой, но, кажется, рѣшительно не знаетъ этого; онъ не знаетъ, хорошъ ли онъ, или худъ, а живетъ, дѣлаетъ и думаетъ хорошо и красиво, и справедливо, какъ бы только благодаря какимъ-то постороннимъ, вовсе не отъ него зависящимъ, вліяніямъ; начинаетъ чувствоваться, что кто-то властвуетъ надъ нимъ, и покуда этотъ кто-то властвуетъ, передъ вами стоитъ и многостороній, и гармоническій человѣкъ, а какъ только этотъ кто-то пересталъ властвовать, такъ гармоническій человѣкъ и идетъ въ лакеи къ барину, который «проявился на станціи», и начинаетъ выговаривать слова безъ всякаго смысла—«*пріобрѣсти* комнату въ чистоту».

Разубѣдиться въ силѣ этой власти невозможно, такъ какъ, почуявъ ея присутствіе, вы можете только всѣми силами добиваться разрѣшенія вопроса: гдѣ, въ чемъ и чья такая эта власть? Оказывается, что власть эта есть дѣйствительно и что все благообразіе гармоническаго человѣка всецѣло зависитъ отъ условій его труда, и вотъ здѣсь, самымъ пристальнымъ образомъ вникая въ условія и свойства этого труда, вы убѣждаетесь, что этотъ трудъ, безпрерывный и безконечный, во имя только «куска хлѣба», охватываетъ всего человѣка, владѣетъ имъ всю жизнь, переноситъ на него все свое разнообразіе, красоту, многосложность, гармоничность, поэзію; убѣждаетесь, что этотъ трудъ, вла-

дѣя человѣкомъ, уничтожаетъ въ этомъ человѣкѣ малѣйшую возможность своевольства, *своей* выдумки, *своихъ* плановъ, *своихъ* убѣжденій, но, напротивъ, самъ своею властью, выдумкой, прихотью входитъ въ мысль, въ поступки, въ домашніе и общественные порядки и отношенія деревенскаго «гармоническаго человѣка». *Знай* этотъ гармоническій человѣкъ, что онъ живетъ такъ хорошо, честно, просто и свято,—потому что такъ *должно* жить, что жить такъ справедливо по отношенію къ себѣ и къ людямъ, что вообще иныя, болѣе легкія формы существованія не соотвѣтствуютъ требованіямъ его совѣсти, его убѣжденіямъ,—развѣ бы онъ продавалъ съ такою веселою безпечностью свое первородство за чечевичную похлёбку, какъ это мы видимъ въ деревнѣ безпрестанно?

Да и никогда для огромной милліонной массы огромнаго большинства русскаго крестьянства не было и малѣйшей возможности воспитывать свою совѣсть; оно дѣлало это само, кое-какъ, безъ малѣйшихъ средствъ, валило черезъ пень колоду, но дѣлало едва-едва, урывками, мало, плохо, путанно, но дѣлать хорошо и прочно оно не могло, потому что сотни лѣтъ его воспитывали исключительно въ хозяйственныхъ дѣлахъ, въ агрономическомъ, такъ сказать, направленіи. И большой бояринъ стараго времени, и господинъ бывшій помѣщикъ чуяли, что власть земледѣльческаго труда безгранична надъ мужикомъ, что она сильнѣе палки и даже самого бурмистра или ключника, и старались только, чтобы надъ нимъ царила исключительно эта власть, власть естественныхъ условій труда, власть земли, навоза, вѣтра, дождя, урожая, неурожая,—условій, которыя не подлежатъ ни контролю, ни протесту, ни малѣйшей критикѣ; большой бояринъ и бывшій господинъ помѣщикъ ничего не измѣнили въ той, такъ сказать, «запряжкѣ» крестьянина, которую создали ему независящія отъ него условія труда; съ своими бурмистрами, прикащиками, арапниками и прочими аттрибутами хозяйства, они только нахлестывали запряженнаго ужь мужика, увеличивая этимъ хлестаньемъ только напряженіе его труда, заставляя его плотнѣе «лечь въ оглобли», поднять и провести больше того, что онъ вывезъ бы безъ кнута, но ничего не измѣняя ни въ условіяхъ труда, уже владѣвшихъ мужикомъ и создавшихъ ему «запряжку», ни въ томъ пути, по которому онъ и самъ шелъ, повинуясь опять же этимъ условіямъ труда.

Недаромъ же только послѣ освобожденія крестьянъ явилось

такое обиліе сектъ, весь смыслъ которыхъ исчерпывается стремленіемъ *тѣ же самыя земледѣльческія формы жизни, тѣ же самые семейные и общинные порядки*, которые мы постоянно и безъ сектанства встрѣчаемъ въ народѣ, но которые не основаны *на убѣжденіи* въ чистотѣ и правдѣ этихъ порядковъ, а только на томъ, что такъ хорошо *велитъ* жить *хорошій трудъ*, передѣлать и перестроить на основаніи *именно правоты, справедливости, чистоты и праведности этихъ формъ жизни*, т.-е. сдѣлать ихъ крѣпкими и незыблемыми, чего невоспитанная совѣсть огромной массы русскаго народа не можетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока чье-нибудь слово неразрывно съ дѣломъ не возмутся за эту молчащую струну народной души. Наша деревня съ «нетронутою и невоспитанною совѣстью», при обиліи въ настоящее время всевозможныхъ и безчисленныхъ новыхъ вліяній, бо́льшею частью неблагопріятныхъ «гармоническому типу»,—вліяній, которымъ невоспитанная, неукрѣпленная убѣжденіемъ совѣсть ничего противупоставить не можетъ,—поминутно выдѣляетъ отъ своего зоологически здороваго ядра тысячи единицъ, которыя уже не могутъ жить за одно съ этимъ ядромъ, а должны отпасть отъ него: одинъ, послуживъ на желѣзной дорогѣ, отвыкъ отъ работы, другой запутался въ долгахъ и, сдавъ землю, пошелъ въ работники, у третьяго отъ тѣсноты семьи перемерли всѣ близкіе, а зоологическая деревня только хоронитъ мертвыхъ, увольняетъ изъ общества, описываетъ за долги имущество и современемъ постепенно опять уравновѣситъ количество жителей съ количествомъ земли. Было, положимъ, при надѣлѣ сто душъ,—и земли на сто душъ хватало; теперь на этой же землѣ должна жить тысяча душъ. У зоологической деревни нѣтъ *способовъ* добыть на всѣхъ земли; вотъ тогда придетъ крестьянскій банкъ, да объявятъ объ этомъ, да разъяснятъ, да уговорятъ, чтобы «не пужались»,—вотъ тогда она купитъ земли, а теперь и есть земля, и вотъ она рядомъ, и деньжонки бы нашлись, но всѣ отъ мала до велика въ зоологической деревнѣ говорятъ, что «съ нашимъ народомъ не сообразишь». И такъ какъ сообразить точно нельзя, потому что этого и въ заводѣ не было, то дѣло идетъ, такъ, какъ *велятъ* обстоятельства. «Горлушкомъ» перемерло человѣкъ двѣсти дѣтей,—вотъ уже и ближе къ равновѣсію. Ушелъ Иванъ Кузминъ, потому у него лошадь пала въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ жена померла, простудилась, таская за 30 к. въ день дрова изъ рѣчки въ студеную пору; Иванъ

Кузминъ сдалъ землю, пустилъ ребятъ по міру, самъ ушелъ и вотъ опять ближе къ равновѣсію—земли прибавилось. Три двора начисто распьянствовались, все пораспродали, землю сдали, разбрелись въ работники. Иванъ Мироновъ, совсѣмъ «распустивши», померъ у кабака, жена ушла къ купцу въ работницы, землю сдала: пришла «воспа»—поуровняла еще души съ количествомъ земли... И такъ постепенно, покоряясь естественному теченію. Глядишь, на той же землѣ, которой хватало только на сто душъ, опять живутъ не тысяча уже, а именно только сто, и живутъ исправно. Но народъ, оторванный отъ этого здороваго, выдержавшаго всѣ напасти ядра деревни, образуетъ ту массу бродячаго рабочаго люда, котораго теперь такъ много развелось на Руси.

На нашихъ глазахъ, настроенія духа этого бродячаго человѣка выражались въ весьма различныхъ видахъ; еврейскіе погромы, поджоги усадебъ и только что приготовленнаго на продажу владѣльцами хлѣба и т. д. совершались и совершаются не безъ участія этой бродячей рабочей толпы; съ другой стороны, не меньшая масса такого же народа, оторваннаго отъ «своихъ мѣстъ», стремится на новыя мѣста, примазывается къ переселенцамъ, пристаетъ къ сектантамъ обществами, даже новые сектантскіе союзы образуетъ. И всякій такой новый союзъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ образуется изъ людей «чужихъ» другъ другу, людей «разныхъ мѣстъ», и этимъ «чужіе», «разные» люди соединяются въ общины и союзы уже не зоологически, не стадно, а сознательно; весь югъ, Новороссійскій край, напримѣръ, весь онъ населился людьми «разныхъ мѣстъ», «чужими другъ другу людьми», людьми, которыхъ или жестокости помѣщика, или личное несчастіе, или равнодушіе тупоумнаго деревенскаго общества выбросили вонъ изъ своей естественной, испоконной среды, отпустили его на волю неизвѣстности, одиночества, голода, холода, всякаго страданія, всякаго страха *),—словомъ, совершенно выбили изъ обычной колеи жить такъ, какъ *велятъ* дожди, засухи, урожаи и становые, заставили много думать «вобче», привели, долгимъ опытомъ ежеминутной опасности сгинуть, исчезнуть, пропасть зря, къ мысли, къ убѣжденію, что такъ жить нельзя, что надо жить «по-бо-

*) Обращаемъ вниманіе читателей на «Записки южнорусскаго крестьянина», напеч. въ журн. *Устои* 18[illegible]3 г.

жецки», и вотъ уже *на убѣжденіи* жить по-божецки образуется, повидимому, *та же самая* крестьянская семья, то же самое сельское общество, въ которомъ живутъ, повидимому, *тѣ же самые* мужики, которые точно также пашутъ, сѣютъ, косятъ, бабы которыхъ точно также жнутъ и бѣлье стираютъ; но эта семья и эта община уже «божецкая», убѣжденная, что она устроилась *такъ*, а не иначе потому, что *такъ* жить справедливо, праведно, что такъ жить слѣдуетъ *по совѣсти*.

Эта зоологическая, съ нетронутой, невоспитанной совѣстью деревня, какъ много разъ говорено было мною, глубоко нуждается въ интеллигентной помощи, въ чьемъ-нибудь постороннемъ вліяніи, которое бы дало возможность пробудиться мысли и совѣсти. И какъ бы ни были слабы и неопытны люди изъ русскаго интеллигентнаго общества, чувствующіе потребность жить въ деревнѣ, «работать» и «помогать», какъ бы ни были они мало опытны и какъ бы ни чувствовали они ежеминутно, что имъ тяжко и тяжело, и мучительно,—дѣло ихъ не безплодно, такъ какъ они при всей своей неопытности, отдаленности отъ народа, унаслѣдованныхъ отъ ненароднаго воспитанія и прежней обстановки жизни, *не могутъ* не дѣйствовать именно въ направленіи тѣхъ же справедливыхъ и гармоническихъ формъ жизни, которыя созданы неосмысленными условіями труда. Что эти формы хороши, правдивы,—этого нельзя не чувствовать, не ощущать, и разъ человѣкъ относится къ дѣлу искренно, онъ даже по одному только художественному инстинкту, даже просто по инстинкту, не скажетъ такого слова и не сдѣлаетъ такого дѣла, чтобы повредить этимъ формамъ, разстроить ихъ, урѣзать и убавить. Такъ и въ немъ самомъ, хотя и не сознанно, не ясно, а только мучительно тяжко, живетъ все то же стремленіе къ полнотѣ существованія, иначе онъ не былъ бы несчастливъ, не томился бы вопросами: «что дѣлать и какъ жить?» А за справедливость, за правду и красоту формъ жизни, при которыхъ человѣкъ можетъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, т.-е. быть совершенно независимымъ, цѣльнымъ, не эксплуататоромъ и не эксплуатируемымъ, то-есть за главную, хотя и отдаленную цѣль работы интеллигентнаго человѣка, какъ видѣли мы, свидѣтельствуетъ и наука, и самый пристальный и искренній опытъ, и, наконецъ, *сознательное* слово, исходящее изъ среды самого народа. Теперь будемъ говорить, наконецъ, и о *рукописи*, въ которой это слово сказано.

III.

Рукопись эта написана крестьяниномъ изъ молоканъ, добровольно переселившимся въ Енисейскую губернію. Въ заголовкѣ ея значится, что авторъ адресуетъ ее: «*Въ м — скую городскую музэю, въ домъ Бѣлова, гдѣ собраны со всего свѣта рѣдкости*». Ознакомившись съ содержаніемъ рукописи, не трудно понять, почему именно авторъ ея избралъ такое нейтральное мѣсто, чрезъ посредство котораго желалъ бы познакомить Россію съ своими идеями: «образованный» человѣкъ, вообще бѣлоручка, не всегда, съ точки зрѣнія его идей, можетъ пользоваться его почтеніемъ, а, вѣдь, образованный человѣкъ, «чистый народъ», къ несчастію автора, утвердился во всѣхъ мѣстахъ, завѣдующихъ «серьезными дѣлами», и являться съ критикой къ критикуемому, для того, чтобы онъ «помогъ распространить эту критику» оказывается дѣломъ неудобнымъ, и вотъ авторъ вноситъ свое произведеніе въ нейтральное мѣсто — въ *городскую музэю, въ домъ Бѣлова, гдѣ собраны со всего свѣта рѣдкости*.

Кромѣ того, онъ и самъ считаетъ свое произведеніе явленіемъ рѣдкимъ, такъ какъ полагаетъ, что идеи его не только у насъ, но и во всемъ свѣтѣ умышленно скрыты, «спровергнуты», несмотря на то, что истекаютъ изъ первороднаго закона Божія. «Источникъ,—говоритъ онъ въ началѣ рукописи,—изъ котораго я почерпнулъ все это,—завѣтъ Божій: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратимся въ землю, отъ нея же взятъ*». (Бытія, 3), и на основаніи этого завѣта строитъ цѣлую, стройную теорію труда «своими руками», которой и даетъ общее заглавіе: *Трудолюбіе или торжество земледѣльца*. До чего авторъ послѣдователенъ въ развитіи своихъ идей о святости и неизбѣжности для человѣка исполнять первородный законъ Божій, повелѣвающій *трудиться*, и трудиться непремѣнно своими руками, можетъ служить одно, даже нѣсколько возбуждающее улыбку,—то мѣсто въ этой рукописи, гдѣ авторъ мелькомъ упоминаетъ о евреяхъ. Какъ вы думаете, отчего именно евреи такіе, какъ они есть, а не другіе? Отчего имъ надобно тянуть съ ближняго своего выработанный этимъ ближнимъ грошъ, а не работать самимъ и вырабатывать его своими руками? Строго, вѣковѣчно, незыблемо установивъ законъ для всего человѣчества—въ потѣ лица есть хлѣбъ свой, Богъ, по милосер-

дію своему, однажды только, изъ жалости и состраданія нарушилъ его, «*поманилъ* (т.-е. побаловалъ) *евреевъ сорокъ лѣтъ въ пустынѣ манною*», т.-е. покормилъ ихъ даровымъ хлѣбомъ, и тѣмъ самымъ испортилъ ихъ навсега; отъ этой-то ошибки,— говоритъ авторъ—«*они и по сей день вонъ какіе работники!*» Восклицательный знакъ принадлежитъ автору и доказываетъ, до какой степени ему непріятенъ типъ тунеядца и какъ онъ взволнованъ этой непоправимой «ошибкой». Хотя этотъ отрывокъ рукописи и можетъ заставить улыбнуться читателя, но онъ ни мало не портитъ стройности мысли автора, а, напротивъ, свидѣтельствуетъ о глубочайшей строгости его мыслей, зорко примѣчающихъ нарушенія «закона первороднаго», гдѣ бы и кѣмъ бы это нарушеніе сдѣлано ни было.

Далѣе вотъ что читаемъ мы въ рукописи:

«Я призналъ себя въ правѣ толковать о трудолюбіи и тунеядствѣ потому, что я знакомъ съ «закономъ» и трудомъ его (земледѣльческимъ) не на словахъ только, но на дѣлѣ, съ юности и даже съ предковъ. Вотъ и говорю, не запинаясь, отъ имени всего своего земледѣльческаго круга.

«При концѣ каждаго изъ шести дней творенія Господь сказывалъ: «добро есть». «И видѣ Богъ, яко добро есть». Если бы эти слова: «добро есть» сказалъ человѣкъ, то тутъ можно (было бы) усумниться, потому что человѣкъ ошибкѣ подлежитъ и даже часто называетъ доброе худымъ, худое добрымъ. Но ежели Богъ сказалъ: «добро есть», то тутъ никакому сомнѣнію мѣста быть не можетъ и, стало быть, все сотворенное имъ не требуетъ ни приложенія, ни отнятія, а непремѣнно для всѣхъ и навсегда— «добро есть».

«...Въ то же время (т.-е. въ теченіе этихъ шести дней творенія) и на томъ же мѣстѣ Богъ выдалъ человѣку свой незавитой (не запутанный), короткій и, притомъ, не тяжкій законъ: «въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой». И утвердилъ этотъ законъ словами: «добро есть» и, стало быть, и тутъ не нужно ни приложенія, ни отнятія (никакого умствованія), а надо принимать, что этотъ законъ вполнѣ добро есть. Тутъ-то, безъ сомнѣнія, и открывается намъ, что человѣкъ, работающій хлѣбъ своими руками, исполненъ всѣхъ добродѣтелей, а удаляющійся отъ него творить зло: не сказано: «не работай» и не сказано, что не работать «добро есть».

«...Все, что создано Богомъ на землѣ и на небѣ, — ничто

не выходитъ изъ круга первороднаго закона и вполнѣ и безусловно повинуется волѣ Сотворшаго. Спрашиваю, почему Онъ сотворилъ въ началѣ бытія *только двухъ людей*,—мужа и жену, Адама и Еву,—а не населилъ землю, по всемогуществу своему, множествомъ людей? Потому, что во всей жизни человѣческой два главнѣйшихъ дѣла или двѣ обязанности одного и того же достоинства и цѣны: *первая*—рождать на свѣтъ людей, *вторая*—вырабатывать имъ хлѣбъ. Онъ и сказалъ Евѣ: «Умножая, умножу печали твоя и воздыханія твоя, въ болѣзняхъ родити чада твоя», а Адаму сказалъ: «Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой».

«Ничто, по закону первородному, не мѣняется ни на землѣ, ни на небѣ, и какъ опредѣлилъ Богъ женскую обязанность, такъ она и безъ всякихъ тайностей, изворотовъ и иносказаній исполняется, и какъ сказалъ Богъ, такъ буквально все и сбывается: какъ женѣ, живущей въ убогой хижинѣ, такъ и царицѣ, на престолѣ сѣдящей, на главѣ корону имѣющей—одна и та же участь: въ болѣзняхъ родить чада своя. Да! До такой степени въ болѣзняхъ, что по днямъ лежитъ полумертвою, а иногда и совсѣмъ умираетъ.

«Но вотъ эта именитая жена могла бы за деньги избавить себя отъ родовъ, могла бы купить за деньги готоваго ребенка? Нѣтъ! Нельзя этого сдѣлать; не можно перемѣнить постановленія Божія; собери со всего свѣта сокровища и отдай ихъ за дитя, а оно не будетъ твоимъ, и какъ было чужое, такъ чужимъ тебѣ и останется. Чье же оно? Да той матери, которая его родила.

«Также и мужъ. И онъ тоже можетъ отказаться отъ хлѣбной работы, купить деньгами одинъ фунтъ хлѣба. А хлѣбъ какъ былъ чужой, такъ и будетъ чужимъ. Чей же онъ? А того, кто его работалъ. Потому что какъ Богомъ положено—женѣ не должно прикрываться деньгами или какими-либо изворотами отъ рожденія дѣтей, такъ и мужъ долженъ для себя и для жены, и для дѣтей своими руками работать хлѣбъ, какого бы онъ ни былъ великаго достоинства.

«Вотъ гдѣ главнѣйшій источникъ всѣхъ добродѣтелей, вотъ гдѣ полезнѣйшія врачевства отъ нищеты и злодѣянія! И все это въ обнародованіи *первороднаго* закона, влекущаго человѣка ко всѣмъ трудамъ, которому голова есть хлѣбный (земледѣльческій) трудъ. Этотъ трудъ и по житейскому—дороже всѣхъ драгоцѣнностей, и по духовному—спасительнѣе всѣхъ заповѣдей и постановленій, потому что въ немъ законъ *первородный*, въ немъ защита отъ пролитія человѣческой крови и слезъ!

«Пускай обнародуется этотъ первородный законъ, и всѣ мы получимъ себѣ временное и вѣчное спасеніе, потому что онъ собственный нашъ, земледѣльческій. А безъ него мы лишены и того, и другаго, безъ него мы бѣдны, глупы, злы, безъ него мы сироты, какъ маленькія дѣти безъ отца и безъ матери; безъ него у насъ нѣтъ покровителя и спасителя!

«Я говорилъ: ни на небѣ, ни на землѣ ничто не мѣняется противъ первороднаго закона. Только человѣкъ, образованнѣйшій и умнѣйшій, который бы долженъ какъ къ хлѣбному, а затѣмъ и къ прочимъ трудамъ показывать собою примѣръ другимъ, скрылся и удалился отъ назначеннаго Богомъ труда, да и живетъ въ какихъ-то тамъ *трущобахъ*, *припѣвающи*, да руки свои заложилъ въ карманы и праздным своимъ житіемъ ослабляетъ руки другимъ, поощряетъ ихъ къ злодѣяніямъ.

«...Каждый изъ нихъ (ученѣйшихъ и умнѣйшихъ) говоритъ: «Я люблю и почитаю какъ хлѣбный трудъ, такъ и работающаго хлѣбъ, а лѣнивца ненавижу и гнушаюсь имъ». Но я таковымъ отвѣчаю: «слышу голосъ Іакова, а осязаю Исава».

«— Мы не лежимъ (говорятъ ученѣйшіе и умнѣйшіе), а рачительно работаемъ. Мы болѣе земледѣльца трудимся; мы хлѣбъ не даромъ беремъ, а за трудовыя деньги покупаемъ; мы по заповѣди въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ. Мы людямъ деньги даемъ, а люди намъ хлѣбъ. Мы людьми живемъ, а люди нами. Намъ и людьми-то распоряжаться и давать имъ направленіе времени не достаетъ, а не то чтобы самимъ работать. Данная Адаму заповѣдь не на одинъ только хлѣбъ указываетъ, а на всѣ занятія. Человѣкъ и деньги наживаетъ съ тою цѣлью, чтобы избавиться отъ хлѣбной работы. Заняться хлѣбомъ, тогда о другомъ дѣлѣ и подумать некогда. Я покою не знаю, день и ночь хлопочу, мнѣ и готоваго-то поѣсть некогда. Если всѣ будутъ работать, тогда вселенная должна придти въ упадокъ и обнищать. Я вотъ сколь много денегъ имѣю, да поѣду работать за сорокъ копѣекъ; тогда всѣ должны меня глупцомъ назвать. Пусть у меня хлѣбъ вырабатываютъ деньги, а не я...» А я спрашиваю: «Что, ежели бы этими суевѣрными и закону противными изворотами стали бы и мы всѣ прикрываться отъ трудовъ,—повѣрили ли бы они намъ?» Подумай себѣ, читатель, представь и вообрази: если бы мы всѣ, подобно имъ, попрятались отъ хлѣбной работы за разные углы, «кто куда, а кто куды», тогда въ короткое время вся

вселенная должна голодной смертью погибнуть. Приняли ли бы они отъ насъ такое же, какъ ихнее, оправданіе?

«— Я поѣхалъ бы работать хлѣбъ (говоритъ какой-нибудь *изъ нихъ*), да не умѣю». Спрашиваю: «Когда тебѣ два года было отъ роду, ты и тогда уже умѣлъ ѣсть хлѣбъ, а работать его и застолько лѣтъ не научился? Если бы Богъ сказалъ: «возьми камень и коси», ты бы могъ сказать: «этого нельзя!» Это оправданіе уважительно. А почему нельзя хлѣбъ работать?

«...Все это я говорю тебѣ, городъ М—скъ, только потому, что ты торчишь у меня передъ глазами, а на самомъ дѣлѣ этотъ разговоръ не къ тебѣ слѣдуетъ. Если бы законъ первородный былъ разъясненъ, и всѣ народы, а также и предки твои выполняли бы его, то твоя вина (теперь не выполняющаго этого закона) была бы неизбѣжна. Но если (отъ этого закона) отъ начала вѣка осталось только одно имя, то (не обвиняя М — ска) я спрашиваю всю Россію: «Виновата ли ты, Россія, въ спроверженіи этого закона? Затѣмъ прошу тебя, Россія, передѣлай всѣ мои вопросы на лучшій ладъ, съ добавленіемъ, но безъ отнятія смысла ихъ, и представь государствамъ, которыя старше тебя отъ рожденія: ты отъ нихъ законъ и вѣру получила и приняла; они обязаны тебя законнымъ отвѣтомъ удовлетворить—*какъ* они сначала писали законъ и *съ какою цѣлію* отъ очей всего міра этотъ законъ скрыли? Они старики, они учители твои, а твоя, Россія, хата съ краю; ты по этому великому и уму непостижимому дѣлу *за людьми человѣкъ*.

«... Именемъ Бога правды умоляю васъ, читатели и слушатели, почему это такъ, что самая главнѣйшая и душеспасительнѣйшая изъ всѣхъ добродѣтелей, драгоцѣнность дороже всѣхъ драгоцѣнностей свѣта, скрыта и уничтоженію предана? Да и было ли когда-нибудь прежде разъясненіе этому закону во всѣхъ вѣрахъ и народахъ, во всѣхъ писаніяхъ? Ни слова! И этотъ законъ въ цѣломъ мірѣ—живой мертвецъ. Хотя бы его къ малѣйшимъ добродѣтелямъ причли, изъ «головы» сдѣлали бы хвостомъ, — нѣтъ, ничему такому даже не уподобили! Кѣмъ же онъ уничтоженъ? Можетъ статься, невѣрующими въ бытіе Божіе? Можетъ быть, незначительными и невѣжественными людьми? Нѣтъ, ученѣйшими и умнѣйшими! Можетъ быть, не во всѣхъ племенахъ и вѣрахъ скрытъ этотъ законъ? Нѣтъ, во всѣхъ племенахъ земныхъ! Можетъ статься, и теперь есть люди, которые желаютъ работать въ честь этой заповѣди, но по случаю какого-либо пре-

пятствія не могутъ? Нѣтъ, на это нѣтъ никакого препятствія! Можетъ статься, были тѣ вѣка и люди, у которыхъ эта заповѣдь процвѣтала, такъ что можно надѣяться, что она и опять возникнетъ, изъ праха возстанетъ и изъ пепелища выйдетъ? Нѣтъ, никогда ничего такого не было!...

«...Собирай, м—ская почтенная публика, собирай свои мысли, разсѣянныя по свѣтскимъ суетамъ, собирай и совѣтуйся съ ними, какой отвѣтъ дать мнѣ на мои вопросы. Видишь ли: рѣзала, рѣзала коса траву, да и сама нарѣзалась на камень! Не всегда вамъ насъ учить и направленіе давать, чтобы мы были Богу угодны и людямъ полезны; дошла и наша очередь—не учить и не направленіе давать, а только спросить: а почему вы людей учите, а сами себя не научите, какъ сказано: «связываете тяжкія и неудобоносимыя бремена, и накладаете на плечи человѣческія, а сами перстомъ двинуть не хотите ихъ»? Это почему такъ?

«...Я и самъ своей загадки разгадать не могу: на кого жалуюсь, тому и жалуюсь; съ кѣмъ завелъ тяжбу, тому и на рѣшеніе ее представляю... Здѣсь и десятой части не сказано (того, что нужно было бы сказать), потому что въ этомъ законѣ скрыто сокровище, что и на тысячѣ кораблей не подымешь! При мысли объ этомъ много разъ я пытался сказать все это какъ-нибудь скрытно или какъ-нибудь стороною и обинякомъ, но нѣтъ, нельзя! Кромѣ ласкательства да лукавства, нѣтъ никакихъ средствъ... Потому-то я и поѣхалъ прямикомъ!»

Вотъ, кажется и все, что оказалось возможнымъ извлечь изъ довольно объемистой рукописи *О трудолюбіи и торжествѣ земледѣльца*.

IV.

Я знаю, что, даже несмотря на мое предостереженіе, сдѣланное читателю въ первой главѣ этого очерка, относительно того, чтобы онъ не очень жадно набрасывался на литературное произведеніе крестьянина,—произведеніе это, съ которымъ теперь читатель успѣлъ уже ознакомиться, не удовлетворило его; оно кажется блѣднымъ, не громкимъ, не трещитъ, не открываетъ какихъ-нибудь новыхъ невѣдомыхъ чудесъ, а, напротивъ, толкуетъ о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ и даже непривлекательныхъ для большинства читающей и скучающей публики. Извольте-ка, въ самомъ дѣлѣ, идти пахать, своими руками «работать

хлѣбъ»,—совѣтъ, неисполнимый для милліоновъ людей. Да мы и не думаемъ, чтобъ скучающая публика, двадцать лѣтъ изнемогающая (подъ звуки: «который былъ моимъ папашей, который былъ моимъ мамашей») въ тоскѣ бездѣйствія и бездумья, стала бы отказываться отъ семейно-музыкально-танцовальныхъ формъ жизни и бѣжать къ сохѣ, чтобы начать новую жизнь, «по-божецки». Конечно, на Руси было бы много лучше жить, если бы «соха» поприбрала подъ свой цѣлительный покровъ дурно направленныя массы «нерабочаго народа». Да и вообще положеніе независимое на лоскутѣ земли,—положеніе, выражающееся словами «самъ хозяинъ, самъ и работникъ», не оскорбительно ни для какого хорошаго, образованнаго и честнаго человѣка. И ничѣго бы не было болѣе желательнаго, если бы этотъ «типъ» распространялся на Руси, входилъ бы въ моду среди образованныхъ людей подрастающаго поколѣнія, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ вошелъ, напр., типъ адвоката, т.-е. человѣка, хотя и «умнѣйшаго и ученѣйшаго», а, все-таки, вполнѣ зависящаго, съ позволенія сказать, отъ всякой кляузы. Но я даже и такихъ совѣтовъ не намѣренъ давать; если приведенные выше отрывки изъ рукописи могутъ имѣть какое-нибудь значеніе, такъ только для людей, не боящихся просто и смѣло *думать*, и думать, конечно, во-первыхъ, о томъ, «како жить свято?» вообще и, во-вторыхъ, о будущемъ русскихъ народныхъ массъ. А для такихъ людей вышеприведенный документъ долженъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Нельзя, будучи справедливымъ, не признавать за вполнѣ справедливую ту формулу прогресса, которую мы привели въ началѣ этого очерка, т.-е. *постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между* (*ихъ*) *органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми* (*то-есть самими недѣлимыми*),—вотъ что такое прогрессъ. И далѣе, нельзя, на основаніи этой формулы, не признать безусловно, что *нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ*. Нельзя, затѣмъ, не признать, что та же научная формула, выраженная словами: *самъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ*, характеризующими форму жизни огромной массы русскаго земледѣльческаго населенія, говоритъ намъ, что у русскаго народа есть полная возможность

развиваться широко, самостоятельно, «справедливо, нравственно, разумно». И вотъ этотъ-то справедливый, разумный и нравственный идеалъ человѣческаго существованія не только *сознательно* подтверждается словомъ человѣка, принадлежащаго къ народной земледѣльческой средѣ, не только совпадаетъ съ научнымъ опредѣленіемъ прогресса, но еще и говоритъ, что идеалъ этотъ прочно таится въ самой народной душѣ, что она именно и живетъ во имя этого самаго идеала, живетъ, вполнѣ сознавая его «нравственность, справедливость и разумность».

Какъ ни блѣдны тѣ отрывки изъ рукописи, которые мною приведены, но и изъ нихъ нельзя не убѣдиться, что въ народѣ таятся вполнѣ опредѣленныя и ясныя стремленія и что во имя вѣры въ ихъ справедливость онъ *можетъ* совершенно ясно видѣть и сознавать все, что этимъ стремленіямъ не соотвѣтствуетъ, мѣшаетъ, не подходитъ. Авторъ рукописи строго ведетъ свою линію, исходная точка которой «жить трудами рукъ своихъ», самому удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ духовнымъ—сознаніемъ, что такая жизнь справедлива, нравственна, разумна, такъ и физическимъ: мужъ и жена должны жить такъ, а не иначе, потому, между прочимъ, что они физически обязаны жить извѣстнымъ образомъ: мужу физически нельзя оставлять въ бездѣйствіи такой сложный организмъ, который данъ ему, какъ мужчинѣ, точно также и женщинѣ невозможно избѣжать тѣхъ свойствъ организма, которыя ей даны. Такъ вотъ мнѣ и кажется, что если читатель, даже и скучающій, усвоитъ себѣ хотя бы мало-мальски ясныя очертанія «справедливаго, разумнаго и нравственнаго» типа существованія, провѣритъ имъ себя и подумаетъ *о будущемъ* русскаго народа, примѣняясь къ его нравственнымъ свойствамъ и идеаламъ, то, если онъ и не оживетъ и не воспрянетъ, все-таки, онъ хоть думать начнетъ свѣтлѣе, увѣреннѣе, у него будетъ хоть «что-нибудь» впереди, но это «что-нибудь», навѣрное, свѣтлое, справедливое, «божецкое».

Г. Успенскій.

ЛЮБОВЬ ВСЕ ВИДИТЪ *)

(Amor ha centi occhi).

Романъ Сальваторе Фарина.

Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ).

Часть вторая

IX.

Сильвіо была приготовлена громаднѣйшая постель, но едва онъ погрузился въ нее, едва пожелалъ покойной ночи Козимо, какъ открылъ глаза въ темнотѣ и сталъ прислушиваться.

Въ комнатѣ, рядомъ, Анджела и Беатриче еще смѣялись, прежде чѣмъ улеглись въ постели патріарха. Изъ другой комнаты, гдѣ ночевали молодые пастухи, слышался смѣшанный шумъ, сдержанный хототъ, шелестъ соломы, толчки, отъ которыхъ дрожали тросниковыя перегородки; молодежь еще не спала и шалила. Профессоръ воображалъ эту возню. Не правда, ему не тридцать три года; онъ такъ же, какъ вотъ эти, способенъ, зажмурясь, броситься въ кучу соломы и возиться тамъ, работая руками и головой, чтобъ вылѣзти наружу... Шумъ затихъ понемногу; въ щели больше не свѣтилось огня; всѣ заснули.

Но Сельвіо не спалось.

Въ темнотѣ онъ прислушивался къ дыханію Козимо. Это было спокойное дыханіе человѣча, увѣреннаго въ своемъ счастьѣ. Счастье тутъ, рядомъ; разстояніе—одна перегородка и одна ночь.

То-то онъ такъ скоро и заснулъ; знаетъ, что завтра, на зарѣ, съ нимъ опять будетъ его владычица, его подруга...

Сильвіо не завидовалъ, даже не ревновалъ: Козимо въ своемъ правѣ. Сильвіо радовался, что любовь, которая еще разъ оживила его старое сердце, не подняла въ немъ ни желаній, ни надеждъ... Поднималась только... музыка, чудная музыка!...

А сколько разъ бывалъ влюбленъ Сильвіо?

Онъ задавалъ себѣ этотъ лукавый вопросъ, но тутъ же разрѣшалъ его: человѣкъ любитъ только однажды — *въ послѣдній разъ*.

- Только теперь онъ вѣрилъ въ себя. Только теперь, безъ гнѣва и печали, могъ онъ сказать любовнымъ мечтамъ, которыя когда-то промелкнули въ его воображеніи: «Исчезайте; вы были ничего больше, какъ пустыя обѣщанія...»

И въ самомъ дѣлѣ, послѣ долгаго промежутка времени, посвященнаго изученію агрономіи и соціальной философіи, любовь являлась профессору совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели студенту, доставляла философу наслажденіе, совершенно непохожее на прежнее, хотя столько же невинное... Въ семнадцать лѣтъ (онъ еще это помнилъ) Сильвіо былъ влюбленъ въ тридцати-пяти лѣтнюю женщину; она была умна и хороша собою. Онъ любилъ ее потому, что юноши любятъ будущее, а будущее для юноши — любовь. Теперь онъ чувствовалъ, что было не то, но затруднился бы объяснить что такое. Точно будто онъ, не размышляя, долго шелъ по незнакомой, утомительной дорогѣ и вдругъ остановился, оглядывался, и напрасно трудился распознать и мѣстность, и самого себя... Точно будто новая Беатриче взяла за руку этого бѣднаго Данте *Житейской комедіи* и говорила: «Люби меня, и возродишься, и получишь силу остановить всевоплощающее время».

Ничто оскорбительное для дружбы не затемняло ясности этой любви, которая только что родилась, а, казалось, будто существовала давно, вѣчно... Сильвіо рѣшался и грубо исповѣдывалъ себя. Совѣсть смутилась на одно мгновеніе и затѣмъ отвѣчала спокойно: «Люби ихъ. Да, *люби ихъ*. *Ихъ* обоихъ, *ее* и *его;* соедини ихъ въ тайномъ обожаніи души твоей, охраняй ихъ счастье...»

Онъ долго грезилъ съ открытыми глазами, наконецъ, заснулъ, продолжая грезить тоже, но проснулся еще до солнца и подумалъ о братѣ. Довольно любовнаго эгоизма! Сильвіо упрекнулъ

себя, что забылъ несчастнаго отца, тоже изнывающаго отъ другой любви.

Онъ одѣлся, отворилъ дверь и въ утреннихъ сумеркахъ пробрался чрезъ комнату, гдѣ спали пастухи въ повалку, погребенные подъ соломой. Дверь стаццо запиралась на засовъ; Сильвіо тихо отворилъ ее и вышелъ на дворъ. Въ пустомъ полѣ пробѣгалъ свѣжій вѣтерокъ; въ ближнемъ загонѣ блеяла овца; собаки спали. Въ небѣ еще свѣтили послѣднія звѣзды.

Сильвіо вздохнулъ полной грудью и бросилъ пространству одну ноту чудной *музыки*, наполнявшей душу:

— Беатриче!...

— Сильвіо!—позвалъ его кто-то.

Онъ обернулся. Это былъ братъ.

— Я не могъ заснуть,—говорилъ Джіорджіо.—Тоска у меня въ жильѣ. Лиса въ дурномъ расположеніи духа, потому что Марія-Антонія уѣзжаетъ въ Темпіо съ своимъ женихомъ. По крайней мѣрѣ, теперь Лиса хочетъ спать. Но мнѣ не спалось. Вчера весь день сердце мнѣ служило, а сегодня отплачиваетъ.,

— Ахъ, бѣдный!

— Не жалѣй. Я доволенъ; все хорошо. Дочь меня не знаетъ и ничего не подозрѣваетъ. Вотъ поправлюсь, приду къ вамъ повидаться.

Сильвіо обхватилъ его и хотѣлъ вести къ нему въ хижину, поговорить съ Лисой, но Джіорджіо не шелъ.

— Лиса теперь проснулся, — сказалъ Сильвіо. — Пойдемъ къ нему.

— Нѣтъ, самъ придетъ. Да вотъ и онъ...

Бандитъ выходилъ изъ-за овчарни; онъ шелъ, глядя разсѣянно передъ собою; Бригадиръ скакалъ, подставляя голову подъ руки хозяина, но онѣ не шевелились для ласки. Воробьи поднимались стаями и весело кричали.

— Здравствуйте!—закричалъ бандитъ, увидя братьевъ и почувствовавъ, что предъ измученнымъ отцомъ не имѣетъ права высказывать своего маленькаго огорченія.

Трое друзей прохаживались около дома. Джіорджіо дожидался, когда выглянетъ въ окно бѣленькое личико его дѣвочки.

Молодые пастухи выходили изъ стаццо, еще повязанные платками, какъ спали; кафтаны ихъ были завалены въ соломѣ. Чтобъ разогнать сонъ, молодежь колотила другъ друга въ спину. Стада

просыпались, блеяли и ревѣли; собаки лаяли, прибавляя свои грубые голоса къ концерту.

Подъ такой шумъ спать было невозможно. Чрезъ нѣсколько минутъ жители стаццо были всѣ во дворѣ или у растворенныхъ оконъ — Бастіана, Анна-Марія, Николетта, самъ Длинный Джіанандреа, Чичито-Скано и другіе. Не отворилось только одно окно и Беатриче вышла съ мужемъ на крыльцо, объявляя, что Анджела еще почиваетъ.

Но когда пастухи принесли ведра съ парнымъ молокомъ, окно распахнулось и Анджела выглянула.

— Папа Эфизіо, я ѣсть хочу, ѣсть хочу!

И Беатриче хотѣла ѣсть, но Сильвіо—нисколько.

— Воздухомъ живъ!—сказала она, когда онъ подалъ ей молока.

— Какъ влюбленный!—прибавилъ Козимо.

Профессоръ поскорѣе нагнулся къ ведру, зачерпнулъ кружку и выпилъ разомъ. Кончивъ и оглядываясь, онъ увидѣлъ, что Беатриче взяла Козимо за руку и вела полюбоваться любопытнымъ зрѣлищемъ: ягненокъ сбирался перескочить чрезъ изгородь и не смѣлъ, перепугался,—внизу лаяла собака. Нѣкій духъ подстрекнулъ Сельвіо; онъ хотѣлъ пойти за Беатриче.

— Я озябла,—сказала Беатриче, вздрогнувъ.

Профессоръ бросился принести ей шаль, но развязность его пропала; онъ догадался, что Беатриче хотѣла остаться съ мужемъ одна.

«Хочетъ сказать ему что-нибудь,—думалъ онъ.—Что такое она хочетъ сказать?»

Возвратясь съ шалью, онъ узналъ, что ея ужь не нужно: это было только «такъ, маленькая утренняя дрожь, и теперь прошло....» и Сильвіо продолжалъ спрашивать себя, что такое она сказала? Ничего обиднаго для него, разумѣется: оба улыбались.

«Я такъ люблю ихъ»,— думалъ Сильвіо, но ужь не было силы повторить, какъ наканунѣ: «береги ихъ счастье...»

Черезъ часъ въ стаццо привели лошадей и гости прощались съ пастухами.

Джіорджіо прислонился къ дереву, сбирая послѣднее мужество.

— Прощай, папа Эфизіо,—сказала, подходя, Анджела.

Онъ молча взялъ ея голову въ обѣ руки и цѣловалъ. Друзья смотрѣли на него; онъ выдержалъ.

— Прощай,—сказалъ онъ.—Я приду въ Сассари; еще увидимся.

Сильвіо былъ уже въ сѣдлѣ и тревожно ждалъ свою даму.

— Чичито-Скано везетъ въ Темпіо Марію-Антонію,—сказалъ ему братъ.—Кто-жъ повезетъ Анджелу?

— А какъ же... графиня...—заговорилъ было Сильвіо.

— Я поѣду съ Козимо, — сказала Беатриче. — Мы не боимся.

Джіорджіо подсадилъ дѣвочку на сѣдло къ брату; Джіанандреа помогъ сѣсть Беатриче.

— Будьте здоровы!

Они поскакали.

Джіорджіо держался на ногахъ, покуда могъ видѣть дочь. Она уѣзжала такая же веселая, какъ пріѣхала, такъ же громко шутила и обо всемъ разспрашивала. Когда ѣздоки скрылись за лѣсомъ, покинутый отецъ не могъ больше выдержать и упалъ на землю.

— Сердце ничего не сказало ей!—прошепталъ онъ.

— Кумъ Эфизіо, тебѣ дурно?

— Ничего, — вступился Лиса, —слабъ онъ еще; вотъ вздумалъ поднимать и сажать дѣвочку... Это впору здоровому.

Онъ наклонился къ другу и спросилъ его на ухо:

— Хочешь еще на нее посмотрѣть?

— Откуда?—спросилъ Джіорджіо, вскакивая.

— Только поторопиться надо. Чрезъ полчаса они выѣдутъ изъ лѣса. Тутъ поворотъ. Если пойти прямо, на перерѣзъ, полемъ, мы ихъ въ полчаса догонимъ... Только какъ же ты...

— Такъ и быть!—произнесъ Джіорджіо и пошелъ впередъ.

Пастухи глядѣли на нихъ съ удивленіемъ. Лиса объяснилъ Джіанандреа:

— Я позабылъ кое-что сказать Маріи-Антоніи; надо ихъ догнать у лѣса... минутное дѣло.

Онъ побѣжалъ за товарищемъ.

— Вѣдь, и я одинъ остался, — сказалъ онъ ему. — Марія-Антонія совсѣмъ ушла.

— Господи, пошли мнѣ эту милость!—повторялъ Джіорджіо, и торопилъ своего товарища.

На другой день, поздно вечеромъ, путешественники воротились въ Сассари уже въ потемкахъ; первый человѣкъ, котораго въ темнотѣ встрѣтилъ Сильвіо, былъ Лиса.

— Что случилось?

— Здѣсь *онъ*,—отвѣчалъ бандитъ, пожимая плечами.—Я не

могъ его удержать. Разъ увидѣлъ дочь, говоритъ, что жить безъ нея не можетъ... Жалость!... Обѣщался, что глупостей не надѣлаетъ.

X.

Въ Сассари, въ ту же ночь, Сильвіо видѣлся съ братомъ. Тотъ рѣшился рисковать всѣмъ на свѣтѣ, лишь бы не разставаться съ дочерью. Сильвіо предложилъ ему убѣжище въ *Нашей Надеждѣ*, гдѣ подъ именемъ Эфизіо Пачисъ Джіорджіо могъ жить, не возбуждая подозрѣній.

Новый гость былъ представленъ Джіованни и Пантамо, какъ родственникъ Сильвіо, всегда жившій съ пастухами въ деревнѣ и прибывшій нарочно изъ Галлуры учить приготовленію сыра и масла. Анджелѣ это показалось очень просто; она не составила себѣ яснаго понятія, какъ живутъ въ стаццо, а приглашеніе пастуха въ *Надежду* было, конечно, цѣлью поѣздки въ стаццо. Теперь она поняла: Эфизіо Пачисъ сначала еще не рѣшался переѣхать жить у нихъ; онъ былъ нездоровъ, сердце у него болѣло, но теперь почувствовалъ себя лучше и явился, не теряя времени.

Чрезъ нѣсколько дней Эфизіо Пачисъ вступилъ въ управленіе *Надеждой*. Сначала онъ держался, по возможности, въ сторонѣ, чтобы не смущать повара Джіованни, который принялъ слишкомъ въ серьезъ слова профессора и намѣревался пріятно властвовать надъ людьми и имѣніемъ господина. Но Джіорджіо сразу вошелъ въ его милость, не злоупотребляя ни довѣріемъ Сильвіо, ни своимъ родствомъ съ господами.

Новоприбывшій говорилъ въ мѣру, степенно, а когда былъ веселъ, то на его лицѣ выражались сила и великодушіе. Это замѣчаніе сдѣлалъ Джіованни.

— Видишь, что,— сказалъ онъ Пантамо въ тотъ вечеръ, какъ явился *родственникъ*,—нечего намъ забирать себѣ въ голову, будто мы здѣсь одни господа и хозяева. Сюда придетъ еще много народу и всякій долженъ быть у своего дѣла. Твое дѣло — коляска, телѣга; мое—присмотрѣть за работой въ домѣ, въ полѣ. Вотъ этотъ Эфизіо, кажется, мастеръ по части масла и сыра—и я его уважаю. Немножко онъ печаленъ, правда, но улыбка у него пріятная. Замѣтилъ ты? Такъ будемъ же уважать другъ друга втроемъ. Придетъ завтра еще четвертый, я

скажу: давай уважать другъ друга вчетверомъ. Домъ просторенъ, а имѣніе еще просторнѣе.

Пантамо ни минуты не сомнѣвался въ этой истинѣ, хотя и не вполнѣ постигалъ значеніе наставленій своего коллеги; онъ только нѣсколько разъ повторилъ, что Джіованни правъ, и все пошло отлично.

Работы начались; профессоръ всякій день являлся распоряжаться.

Первыя работы, которыя началъ Сильвіо, заключались въ углубленія ямы въ руслѣ ручья, внизу долины, для спуска воды по ея склону, чтобы она не застаивалась болотами. Это были работы трудныя и въ нихъ успѣвали только тѣ копальщики, которые не боялись, если нужно, входить по колѣна въ воду и иногда браться за заступъ, а не за лопату. Когда воды ручья, наконецъ, собрались въ одно мѣсто, понадобилось сдѣлать плотину, укрѣпить землю, чтобъ ее опять не размыли осенніе дожди. Работы шли и по склонамъ обоихъ холмовъ; подсаживались деревья въ рощѣ и лозы въ запустѣломъ виноградникѣ,—сотни лозъ, лучшихъ сортовъ на островѣ; параллельно имъ, сверху до низу возвышенности, прокапывались канавки и выкладывались кирпичемъ. Въ *Нашей Надеждѣ* было множество родниковъ; они сочились изъ скалъ. Сильвіо изслѣдовалъ ихъ, отыскивая воду для питья. Понадобились камнетесы. Однимъ вечеромъ, Сильвіо отправился въ Сассари и у воротъ Мачелло встрѣтилъ, на свое счастье, человѣкъ шесть камнетесовъ безъ работы; они на другой же день пришли съ ломами и кирками. Еще ранѣе Сильвіо разыскалъ въ сѣняхъ дома груды извести и песку, тачки и ведра. Время не терялось. Рабочіе напали на скалы, задѣлали нѣсколько отверстій, откуда вытекала вода, заставили ее принять правильное теченіе и по канавкамъ направили въ ручей.

Эти работы, а также и другія, оказывавшіяся необходимыми, заняли много времени. Сильвіо проводилъ въ полѣ цѣлые дни и даже ночи. Джіорджіо выздоравливалъ понемногу.

Козимо также не оставался безъ дѣла, и даже выбралъ самое трудное. Онъ хлопоталъ о хозяйственныхъ орудіяхъ всякаго рода, необходимыхъ для новыхъ заведеній, о металлическихъ винодѣльныхъ и масляныхъ прессахъ, вмѣсто единственнаго стараго, деревяннаго, который какъ-то отыскался въ домѣ. Необходимы были новые жернова, разные приборы и формы для маслобойни и приготовленія сыра, да еще надо было приспособить къ этому

и помѣщенія. Козимо былъ занятъ съ утра до ночи на площадкѣ передъ домомъ съ подрядчикомъ и плотниками.

Пока продолжались усиленныя работы, Сильвіо чувствовалъ себя очень хорошо. Безумная привязанность, которой онъ далъ мѣсто въ душѣ своей, его не безпокоила; напротивъ: въ то утро, во дворѣ стаццо, когда прошла первая тревога, профессоръ рѣшилъ, что мученіе любви можетъ быть благомъ, что онъ можетъ жить въ мирѣ съ своей совѣстью, тайно. Онъ почти готовъ былъ рѣшить, что любитъ не Беатриче, а любовь къ ней...

По возвращеніи въ Сассари, работы въ *Нашей Надеждѣ* приковали Сильвіо и не давали ему отдыха. Со втораго же дня онъ не пошелъ завтракать на *Мельницу*, находя удобнѣе прибѣгнуть къ стряпнѣ Джіованни и ночевать, какъ придется, въ домѣ *Нашей Надежды*. Въ этотъ день, отказавшись видѣть Беатриче, онъ вообразилъ, что силенъ, и поздравлялъ себя съ такой властью надъ своими чувствами. На другое утро, отправляясь на работы, правда, онъ чувствовалъ, что его пульсъ бьется какъ будто въ лихорадкѣ, что куда бы ни шелъ онъ, образъ Беатриче идетъ передъ нимъ, что этому дню — конца нѣтъ... но когда пришло время идти *домой*, на *Мельницу*, онъ, повѣся голову, вернулся съ полдороги. Впослѣдствіи, отговариваясь усталостью, Сильвіо не только не приходилъ ночевать на *Мельницу*, но когда Беатриче приходила въ *Надежду*, спрашивала о немъ, шла ему на встрѣчу въ лѣсъ или въ виноградникъ, онъ, завидя ее издалека, обмиралъ и, случалось, какъ воришка, прятался въ лѣсу или въ виноградникѣ. Совершивъ это раза два, онъ ужь больше не лицемѣрилъ предъ собою, увѣряя себя, что, отдаляясь, доказываетъ свою силу. «Напротивъ,—разсудилъ онъ,—силы гибнутъ, когда мы уклоняемся отъ борьбы», и рѣшился на битву.

Сильвіо обрился, сошелъ къ рабочимъ, и случилось такъ, что, поручивъ надзоръ за остальнымъ Джіованни и своему брату, не оставалось больше необходимаго дѣла.

— Иду домой,—сказалъ онъ мимоходомъ Джіорджіо.—Если уговорю Анджелу, то приведу ее къ тебѣ.

Дорогой Сильвіо воображалъ, какъ что будетъ. Онъ придетъ, явится нежданный; всѣ въ столовой, Беатриче, Козимо, Анджела; домъ полонъ веселья, шутокъ, споровъ, смѣха... Или они увидятъ его изъ окна и выйдутъ, встрѣтятъ на дорогѣ... Или онъ никого не найдетъ дома и усядится въ гостинной въ кресло-качалку: сюрпризъ имъ, когда воротятся... Онъ былъ

готовъ на всякій пріемъ, готовъ извиняться, отшучиваться, хохотать...

Подходя къ дому, онъ какъ-то инстинктивно замедлилъ шаги. Когда онъ вошелъ на крыльцо, сердце его упало. Затѣмъ онъ прошелъ коррндоръ и появился въ столовой.

Беатриче была одна.

Бѣжать ужь было поздно; прелестная женщина увидѣла его и привѣтливо улыбалась.

— Какой добрый вѣтеръ занесъ васъ? — сказала она, бросивъ шитье въ корзинку и вставая.

Ласковый пріемъ далъ время Сильвіо оправиться. Съ колѣнъ Беатриче упалъ конвертъ письма; Сильвіо наклонился и поднялъ, что еще дало ему возможность скрыть смущеніе.

— Оставьте,—сказала Беатриче, — конвертъ пустой. Благодарю.

Однако, она взяла его и опустила въ карманъ; по ея лицу пробѣжала тѣнь. Она нервно продолжала:

— Садитесь, разсказывайте о *Нашей Надеждѣ*. Третьяго дня я такъ устала, искала васъ... да, васъ! Я въ виноградникъ, вы въ лѣсъ, я въ лѣсъ, вы въ виноградникъ! Наконецъ, я сѣла подъ пальмами и ждала васъ... да, ждала! И такъ, не видавъ васъ, была принуждена уйти домой... Вамъ, вѣрно, нужно Козимо или Анджелу? — продолжала графиня, не давая ему извиниться.— Козимо недавно ушелъ, а Анджела еще у себя.

Сильвіо овладѣлъ собою; на лицѣ графини не замѣчалось неудовольствія. Онъ сталъ объяснять ей свои новыя распоряженія въ имѣніи. Беатриче восхищалась и объявила, что въ сентябрѣ отправится въ *Надежду* и проживемъ тамъ цѣлый мѣсяцъ.

— Здѣсь скучно,—призналась она съ дѣтской гримаской.— Мой бѣдный Козимо заработался, измучился, все не дома, и еслибъ не Анджела, мнѣ пришлось бы цѣлый Божій день сидѣть съ моей горничной... Право! *Дѣйствіе первое* (и единственное), *явленіе первое* (и единственное)—*графиня Беатриче и Аннета*.

Она засмѣялась и вдругъ спросила серьезно:

— Доволенъ ли Козимо?

— Кажется, доволенъ,—отвѣчалъ Сильвіо.

— Точно доволенъ?

— Точно... Почему же нѣтъ?

— Почему?... У мужчинъ много всего на умѣ. Это не женщины. Для женщинъ—гдѣ только любовь, тамъ и рай.

Бѣглымъ взглядомъ профессоръ убѣдился, что это до него не касалось. Нѣтъ, она думала не о немъ, а все о Козимо.

— Разскажите же о себѣ, — сказала, наконецъ, Беатриче, глядя на него невинными глазами, — разскажите о Джіорджіо. Какъ теперь его здоровье? Я боялась, что Анджела что-нибудь заподозритъ, станетъ меня разспрашивать, а я не знаю, что отвѣчать. Я чуть не измѣнила себѣ, но, все-таки, мы хорошо держались. Я отъ себя даже столько не ждала; я говорила Козимо: «Оставь меня дома; увѣряю тебя, если я поѣду, я все испорчу, увидя этого несчастнаго отца, расплачусь, надѣлаю неосторожностей». Но Козимо настоялъ. Ему хотѣлось, чтобъ я посмотрѣла, что такое стаццо въ Галлурѣ. Бѣдный Козимо ужь и не знаетъ, чѣмъ бы развлечь меня... Ну, теперь все идетъ хорошо. Какая правда, что, воображая вещи заранѣе, мы ихъ преувеличиваемъ или уменьшаемъ. Вѣдь, правда, синьоръ Сильвіо?.. Говорите же мнѣ о себѣ... Ахъ, если бы вы знали! Козимо пришла идея...

Инстинктивно Сильвіо испугался этой «идеи» и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Вы спрашивали о Джіорджіо? Что касается брата, то добиться пересмотра его процесса нельзя; для этого нужно, чтобъ обвиненные явились сами; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Лиса, явился бы, заручившись какимъ-нибудь свидѣтелемъ въ свою пользу; теперь это было бы возможно: вражда поутихла. Но Лиса, къ несчастью, послѣ того, защищаясь, убилъ объѣздчика и изувѣчилъ пастуха-шпіона; ему нельзя явиться въ судъ: его во всякомъ случаѣ обвинятъ.

— Слѣдовательно?

— Слѣдовательно, дѣлать нечего!

— Это невозможно! За Джіорджіо, навѣрное, найдутся свидѣтели... Но что-жь это за правосудіе?

— Правосудіе говоритъ обвиненному: «если ты правъ, не бойся меня и приходи; я буду судить тебя въ другой разъ».

— Покорно благодарю!—вскричала молодая женщина.—Надѣюсь, вашъ братъ не дастъ себя провести этой *юстиціи*... какимъ-нибудь адвокатамъ?

— Опасно обращать опять вниманіе на дѣло Джіорджіо; одно слово можетъ возбудить подозрѣнія...

— Напишите въ Миланъ, юрисконсульту,—сказала Беатриче.

— Правда! Я не подумалъ объ этомъ! Напишу...

— Пишите сейчасъ.

Нѣжно-настойчиво, какъ заставляютъ дѣлать хорошее дѣло, она открыла письменный столъ и подвинула Сильвіо бумагу и чернильницу.

Сильвіо задумался, выбирая, кому написать, потомъ придумывалъ выраженія и началъ писать медленно. Беатриче стояла за нимъ, смотрѣла и ободряла.

— Отлично! Сейчасъ и отошлемъ, — сказала она. — Нечего мѣшкать! Позвольте... Чеккинно, Аннета!

Она звала и пошла сама, забывая, что есть колокольчикъ.

Сильвіо остался одинъ, глядя въ полъ, потомъ поднялъ голову и долго слѣдилъ за чѣмъ-то въ открытомъ окнѣ; тамъ, въ полѣ, въ блѣдной зелени оливъ, мелькала какая-то... «идея»... Перо еще оставалось въ рукѣ Сильвіо.

— Сказать вамъ, какая идея пришла Козимо? — спросила, возвращаясь, Беатриче.

— Скажите!

— Но... знайте только, что мой мужъ васъ очень, очень любитъ.

Сильвіо обомлѣлъ; ему показалось, что онъ отгадываетъ.

— Если вы будете такъ на меня смотрѣть, я, разумѣется, ничего не скажу.

— Какъ смотрѣть? Говорите!

— Прежде засмѣйтесь, а потомъ я и скажу... Ну, вотъ!... И такъ, Козимо выдумалъ женить васъ.

Сильвіо громко захохоталъ.

— Нѣтъ, теперь вы ужь слишкомъ смѣетесь. Да, синьоръ! Козимо говоритъ, что въ ваши года надо жениться. Онъ не говоритъ, будто вы стары, но для хорошаго мужа не обязательно быть старикомъ... Да не смѣйтесь же; это непріятно.

— Дайте время обдумать,—отвѣчалъ Сильвіо, вдругъ дѣлаясь серьезнымъ.

Онъ сталъ нетерпѣливо ждать Козимо, въ теченіе четверти часа четыре раза посмотрѣлъ на часы и, наконецъ, ушелъ. Беатриче проводила его до крыльца.

Онъ пошелъ въ *Надежду* скорымъ шагомъ, будто его тамъ ждали,—и прямо подъ пальмы. Тамъ, сказала *она*, она сидѣла и долго его дожидалась. И точно будто *она* еще тутъ, не ушла... Профессоръ сѣлъ на скамью. Ему было необходимо разобрать,

что *она*—ангелъ, или, просто, отчасти глупа, какъ всѣ женщины, влюбленныя въ своихъ мужей?

На недавніе вопросы: не все ли напрасно, не слѣдуетъ ли вырвать изъ сердца *ея* милый образъ, потому что *она* никогда его не полюбитъ?—на эти вопросы онъ еще себѣ не отвѣчалъ.

Онъ опустилъ голову на грудь и глядѣлъ въ даль изподлобья. Вдругъ онъ поднялся и сказалъ громко:

— Я могу *ее* любить, потому что *она* никогда меня не полюбитъ...

Графиня вынула изъ кармана пустой конвертъ, надъ которымъ цѣлое утро ломала голову, и съ досадой положила его передъ собою.

Письмо было адресовано мужу; штемпель миланскій; не оплачено; адресъ—крупными буквами, неумѣлымъ почеркомъ; раза по два чертили по одному слову; *Ми* у *Милана* отставлено неизвѣстно зачѣмъ.

Примѣчательнаго было одно: тотъ, кто получилъ письмо, сорвалъ этотъ конвертъ съ досадой, какъ будто, еще не читая, зналъ его содержаніе.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ дома, но ничѣмъ больше не выразилъ своего неудовольствія. Беатриче смотрѣла въ окно; Козимо шелъ медленно, съ той напускной серьезностью, которая, при постороннихъ, сдѣлалась у него привычной. На условномъ мѣстѣ онъ остановился, оглянулся и, улыбаясь, ласково сдѣлалъ женѣ знакъ рукою. Когда онъ скрылся за поворотомъ дороги, Беатриче подняла конвертъ, расправила его и положила къ себѣ на колѣни...

«Не *ея* почеркъ»,—подумала она.

Въ этомъ не было сомнѣнія: почеркъ не Чезиры.

XI.

Въ Миланѣ, въ первый годъ брака, вся преисполненная восторга предъ серьезностью своего мужа, молодая графиня Беатриче однажды въ первый разъ увидѣла почеркъ Чезиры. Злые языки ея подругъ ее не предупреждали. Мужъ ничего не открывалъ самъ,—ему, очевидно, не позволяло достоинство; ей донесъ... случай. Случай ничего не щадитъ и не уважаетъ. Если бы Беатриче могла вообразить, что дѣло идетъ о канатной плясуньѣ, которою когда-то занялся графъ, еще будучи холостымъ, и съ

которой разстался очень давно до свадьбы,—Беатриче не стала бы и заботиться узнавать дальше. *Свѣтъ* ужь научилъ ее снисходительности. Но... она была какъ въ потемкахъ. Въ первый же разъ, какъ глаза графа какъ-то подозрительно сверкнули (сверкнули, можетъ быть, и досадой), графиня пожелала узнать *все*, и женская хитрость помогла ей поймать одну таинственную записочку. Она развернула, давая себѣ клятву, что прочтетъ только имя, которымъ записочка подписана. Но какъ удержаться? Имя было—*Чезира* и даже: *несчастная Чезира*... Что сдѣлала бы другая женщина? Беатриче прочла все.

И, такимъ образомъ, она узнала, что «несчастная» Чезира въ свое время была «знаменитой» гимнасткой, что упала, повредила ногу, принуждена была отказаться отъ *искусства* и родила дѣвочку. Больше изъ письма было невозможно ничего узнать, но остальное угадывалось. Нельзя сказать, чтобы это открытіе не встревожило Беатриче; она еще не знала свѣта. Изъ числа мудрыхъ наставленій, которыя наложили ей въ свадебную корзинку, пріятельницы и знакомыя Беатриче никакъ не разсчитывали, что придется такъ скоро вынуть наставленіе на *такой* случай. Во всякой службѣ, какъ извѣстно, съ совершенства не начинаютъ, а въ должности жены бываютъ тоже свои затрудненія. Нравомъ Беатриче была весела, какъ малиновка, и рѣзва, какъ воробей, но тутъ она поплакала и часъ цѣлый не шевельнулась съ мѣста. Потомъ она принялась обдумывать свое положеніе и сказала себѣ, что не за святаго же сбиралась она замужъ; что если мужъ шалилъ, когда былъ холостымъ, ей до этого нѣтъ дѣла; что, наконецъ, эта Чезира *была* знаменита, а теперь — хромаетъ. Маркиза Элалія учила, что выдти замужъ за раскаяннаго Донъ-Жуана значитъ выдти на зависть всѣмъ маркизамъ на свѣтѣ. Всѣ пріятельницы, молодыя и уже на возрастѣ, хоромъ пѣли, что мужъ только тогда хорошій мужъ, когда пожилъ и испыталъ. Если Козимо, какъ другіе, пожилъ и испыталъ, тѣмъ лучше: онъ не пойдетъ изъ дома гоняться за хорошенькими... Мужъ казался ей всегда такъ непохожимъ на другихъ; въ его рѣчахъ было столько милаго, серьезнаго достоинства; всѣ его движенія были такъ изящны. Даже его лицо, — а онъ хуже собою многихъ! — даже его лицо красивѣе всѣхъ, окаймленное прелестной бородою. Беатриче восхищалась всѣмъ: его походкой, всякимъ движеніемъ, улыбкой. Сколько разъ, на вечерахъ въ одномъ, другомъ аристократическомъ домѣ, она едва

удерживалась, чтобъ не указать пріятельницѣ: «Смотри, смотри, какъ хорошъ мой мужъ, какъ ловокъ!» Беатриче не могла понять одного. «Хотѣлось бы мнѣ знать,—думала она,—какъ онъ допустилъ до себя эту дѣвушку изъ цирка; что онъ сказалъ ей въ первый разъ, что говорилъ въ послѣдній разъ, какъ улыбался ей? Возможно ли, съ этимъ достоинствомъ...»

Но невозможно было спросить объ этомъ Казимо и мудрено, чтобъ онъ самъ вызвался разсказывать... Беатриче встряхнула головкой, чтобъ выгнать изъ нея напрасное любопытство. Но оно вылетѣло не все: хотѣлось знать, что отвѣтитъ мужъ «несчастной Чезирѣ». Хотя она и хромая, все же онъ что-нибудь отвѣтитъ. Беатриче въ эту ночь снилось, будто онъ пришелъ къ ней, къ женѣ, и во всемъ покаялся; но, проснувшись, она вмигъ поняла, что это вещь невѣроятная. Онъ, такой сильный, серьезный, важный, станетъ приносить покаяніе передъ веселенькой крошкой!... Но онъ такъ утѣшилъ ее во снѣ! И на яву, если бы онъ только захотѣлъ, онъ могъ бы сдѣлать это отлично... Онъ умѣлъ все дѣлать изящно. Отъ него и исповѣдь въ холостой шалости показалась-бы полна достоинства. А она сама... она была увѣрена, что не допуститъ его договорить до конца, а сама попроситъ у него прощенія... Во снѣ она такъ не сдѣлала, но, проснувшись, поняла, что не могла бы поступить иначе.

Но это были сны и мечты.

Козимо не пришелъ каяться и ничего не сказалъ маленькой своей подругѣ. Можетъ быть, онъ думалъ, что такая откровенность не нужна или безполезна; можетъ быть, опасался, что жена придастъ этому роману его юности больше значенія, нежели онъ имѣлъ его на самомъ дѣлѣ въ числѣ другихъ... Столько было Чезиръ, и теперь иныя красивы, и не всѣ хромаютъ!

Но довольно. Важно теперь только одно: узнать, что отвѣчалъ Козимо хромой танцовщицѣ. По его лицу догадаться нельзя; онъ, попрежнему, нѣжно улыбается своей Биче, у него всегда ровный тонъ голоса и ровное очаровательное обращеніе. Этимъ-то именно и восхищались въ немъ женщины, а она, Беатриче, больше всѣхъ. Безъ сомнѣнія, Козимо отвѣчалъ, какъ человѣкъ порядочный и сердечный. Беатриче старалась этими соображеніями укротить свое любопытство; но это ей не удавалось. Ей нѣсколько разъ приходила мысль послать въ улицу Вивайо, въ квартиру хромой, подъ предлогомъ помощи, а, между тѣмъ, увидѣть, узнать... Но *отъ кого* послать?... Ахъ, отъ *неизвѣст-*

наго!... Но кого послать? Войдя въ домъ мужа, Беатриче пріобрѣла себѣ истиннаго друга въ старикѣ Амброджіо. Ему она поручитъ послать кого-нибуть въ домъ хромой, кого-нибудь, кто бы пошелъ не справляясь, самъ не зная, отъ кого посланъ.

Но едва Амброджіо услышалъ это предложеніе, какъ весь вспыхнулъ и смутился.

— Это невозможно! Я не могу взять на себя такого порученія, потому что... Вы знаете, графиня, я за васъ готовъ умереть... Но идти въ улицу Вивайо, въ квартиру этой женщины... Невозможно!

— Но вамъ самому и не надо идти.

— Все равно... не могу!

— Понимаю, — сказала Беатриче, — вы ужь были тамъ по порученію моего мужа?

У старика захватило дыханіе.

— Да, синьора, я былъ... но, стало быть, синьорѣ извѣстно...

— Все!

— Слѣдовательно, можно не скрывать... Я отнесъ этой женщинѣ пятьсотъ лиръ и передалъ отъ имени графа, чтобы она больше не писала, потому что это будетъ напрасно: графъ не намѣренъ больше даже распечатывать ея писемъ.

— Что это за женщина?

— Она хромая.

— А собою?

— Была, кажется, не дурна.

Графинѣ больше ничего не было нужно. Она была довольна, что мужъ не захотѣлъ отвѣчать письменно этой женщинѣ; довольна, что онъ помогъ ей; довольна, что запретилъ писать къ себѣ... Довольнѣе она быть не могла, но наплакалась потихоньку, какъ дѣвочка, какъ дурочка...

Время шло. Беатриче предприняла трудный подвигъ—завоевать мужа, отнять его у пріятелей и клубовъ, и это ей удавалось все больше и больше. Не удавалось только одно: овладѣть его полнымъ довѣріемъ. Чтобъ мужу было пріятно, чтобъ онъ не скучалъ дома, Беатриче пользовалась всѣми наставленіями премудрой графини Вероники, смѣялась всякимъ пустякамъ, смѣялась часто, смѣялась слишкомъ много. Это было необходимо потому (объясняла свекровь), что люди знатнаго происхожденія любятъ видѣть вокругъ себя веселыя лица, а для людей серьезныхъ это еще пріятнѣе. По своей собственной догадкѣ, Беат-

риче не забросила своего рояля, какъ инструментъ, который уже сослужилъ дѣвицѣ всю службу, на какую былъ способенъ, то-есть помогъ найти жениха; она продолжала изучать и новую, и старинную музыку. Она не дожидалась часа визитовъ для совершенія своего туалета, но наряжалась съ утра, едва вставъ съ постели, причесывалась просто, прикалывала какой-нибудь цвѣтокъ въ волосы; нашила себѣ утреннихъ нарядовъ (лазуревый, розовый, сѣренькій, бѣлый, какъ снѣгъ,—всѣхъ цвѣтовъ радуги); ночью, въ потьмахъ, закручивала свои мелкія кудри на затылкѣ, и такъ всякій разъ, будто готовясь завтра вѣнчаться съ Козимо, будто боясь, что свадьба растроится какъ-нибудь за ночь. Она осторожно оставляла въ тѣни серьезныя достоинства своего ума и сердца, чтобъ не назвали ихъ педантствомъ или желаніемъ выказаться. Этимъ способомъ, совершенствуя его ежедневно на глазахъ графини Вероники, Беатриче достигла того, что могла сказать себѣ то, что повторяли ей мужъ и свекровь: «Веселись, тебя любятъ, тебя обожаютъ». Но ей, ненасытной, все было мало. Она завладѣла чувствомъ, ей хотѣлось владѣть умомъ своего мужа. Ей хотѣлось быть призванной видѣть тайную работу его мысли, помогать его мысли, тѣмъ болѣе потому, что она замѣтила, что ея Козимо часто утомительно и безплодно мучился мыслью... Ей хотѣлось, разъ навсегда, пріучить его къ довѣренности; она попробовала быть серьезной. Козимо пригрозилъ ей, что позоветъ доктора. Она попробовала спросить его прямо: «Ты озабоченъ; скажи, что съ тобою?» Онъ принялся смѣяться. Между тѣмъ, она его изучала и могла сказать ему,—даже сказала,—что знаетъ его наизусть.

— Ты немножко не смѣлъ,—говорила она,—ты смущаешься отъ неожиданнаго слова; но это не робость людей слабыхъ, а деликатность людей добрыхъ.

— Будто бы?

— Да, синьоръ!... Ты добръ, ты великодушенъ. Когда ты боишься кого-нибудь обидѣть, ты конфузишься, а такъ какъ тебѣ скучно конфузиться, ты взялъ привычку молчать.

— Это еще что?

— А это—еще хуже. Ты отъ природы откровененъ, простъ, даже немножко болтливъ, но ты примѣтилъ, что когда рѣшаешься высказаться тѣмъ, что ты есть, ты этимъ ничего не высказываешь, и вотъ ты молчишь.

— Стало быть, я притворщикъ?

— Всѣ мы притворщики. Ты облекся въ мантію достоинства и прячешь подъ нею свою душу: и хорошее, и дурное; но радуйся... (вѣдь, и ты самолюбивъ, хотя и желаешь показать, что похвалы для тебя — ничто!) радуйся: никто лучше тебя не носитъ этой мантіи...

Козимо на минутку сбрасывалъ эту мантію, чтобъ легче было смѣяться, а Беатриче смѣялась громче его, чтобъ не злоупотреблять торжествомъ. Но откровенность, все-таки, не являлась и душа мужа, все-таки, оставалась для жены въ потемкахъ.

Послѣ перваго письма Чезиры, вѣроятно, были и другія и, вѣроятно, у Козимо не было силы отослать ихъ, не читая, какъ онъ обѣщался. Такъ продолжалось до послѣдняго года, до разоренія дома Родригесъ. Тогда, или Козимо разсчелъ, что передалъ ужь довольно, или требованія Чезиры сдѣлались ужь слишкомъ нецеремонны, но онъ не давалъ ей больше ничего. Настали черные дни. Графиня Вероника лежала разбитая параличемъ; Козимо пришлось прибѣгать къ ростовщику, синьору Чилекка. Тогда явилось безъимянное письмо къ молодой женѣ, извѣщавшее ее, что «въ каморкѣ, въ улицѣ Вивайо, живетъ дѣвушка, мать семилѣтней малютки, у которой въ жилахъ течетъ кровь благородныхъ Родригесъ. Малютку зовутъ Ненна; она представляетъ лягушку въ циркѣ. Мать—хромая, работать не можетъ...» Ужасъ!

— О, злая женщина!—вскричала Беатриче.

Ничего больше она не сказала. У нея явились разомъ три намѣренія: одно,—какъ въ драмахъ,—пойти къ мужу и сказать просто: «читай». Другое,— какъ въ романахъ, — отправиться самой въ улицу Вивайо. Третье—не удостоивать отвѣтомъ этотъ безобразный шантажъ. Затѣмъ она долго, горько плакала. Низость *этой матери* оскорбляла ее, какъ женщину и жену. Беатриче не обвиняла Козимо; сидя, ночью, утомленная, у изголовья старухи, Беатриче притворилась, будто заснула, чтобъ слѣдить за мужемъ. Она прочла на его лицѣ всю его скорбь и самоотверженіе. Она ужь давно поняла его жестокую муку, когда онъ скрывалъ отъ умирающей матери... и отъ нея, отъ жены!... ихъ разореніе; она чувствовала, сколько унижена тѣмъ, что онъ не зоветъ ее раздѣлить его горе, но она удивлялась человѣку, который рѣшился страдать одинъ.

«Не отъ гордости онъ молчитъ, — отъ великодушія!» — думала она.

И предъ этой безмолвной скорбью, молодая женщина радовалась, какъ радуются равно виноватыя дѣти,—что, вотъ, этому человѣку, все-таки, придется уступить ей *игрушку* своей скорби. Наконецъ, нельзя же ему будетъ молчать! Долженъ же онъ будетъ сказать: давай страдать вмѣстѣ! Нѣтъ, она, жена его, не должна, не осмѣлится увеличивать боль его раны. *Та женщина* обратилась къ ней; она, жена его, должна защитить, сберечь покой мужа... Нуженъ помощникъ. Беатриче выбрала Сильвіо.

Поклявшись, что сохранитъ тайну, Сильвіо отправился въ улицу Вивайо, видѣлъ хромую Чезиру и не видалъ Ненны, которая въ это время *работала* въ деревянномъ балаганѣ на площади Кастелло. Сильвіо безъ труда получилъ обѣщаніе старой танцовщицы—оставить въ покоѣ графа Козимо, если ей будутъ ежемѣсячно выдавать небольшой пенсіонъ. Беатриче радовалась, что хоть немного, хоть чѣмъ-нибудь могла поберечь дорогаго человѣка.

Графиня Вероника умерла; они оставили Миланъ и уѣхали въ Сассари. Каждый мѣсяцъ Беатриче высылала одной своей миланской знакомой небольшую сумму, а та доставляла ее танцовщицѣ, въ улицу Вивайо.

И вотъ эта злая женщина, все еще не довольная, провѣдала, куда скрылся Козимо послѣ своего разоренія, и опять пишетъ ему, несмотря на обѣщаніе, данное довѣрчивой женѣ, даже не заботясь, что та, которая такъ участливо, безобидно помогаетъ любовницѣ мужа, можетъ, по крайней мѣрѣ, узнать почеркъ!

Да, сомнѣнія нѣтъ; Беатриче не забыла почерка этой женщины; эти буквы будто отпечатались въ ея головѣ. На что рѣшиться? Ни на что. Чтобъ рѣшиться, нужно знать содержаніе этого пустаго конверта. Сейчасъ она чуть не спросила совѣта у Сильвіо, но удержалась и была рада, что удержалась. Ей было совѣстно ставить Сильвіо судьею между ею и ея Козимо; ужь однажды она это сдѣлала и почти раскаявалась... Но что-жь дѣлать теперь? На что рѣшиться?

На смѣлый шагъ: дождаться возвращенія Козимо и вырвать у него признаніе,—страшно смѣлый, но необходимый.

Графъ возвращается... Вотъ онъ!

Беатриче опять спрятала конвертъ въ карманъ. Улыбаться у нея не было силъ; она отвернулась къ окну.

— Биче, — тихо сказалъ Козимо, остановясь сзади нея,— Биче!

— А! это ты?

Она обернулась.

— Что съ тобою? Боже, что съ тобою? Говори скорѣе!

— Ничего,— тихо отвѣчалъ Козимо. — Но мнѣ нужна твоя любовь...

Ея сердце забилось.

— Любишь ли ты меня сегодня?—спросилъ Козимо, печально улыбаясь.

— Люблю, очень люблю... Но что съ тобой?

— Биче,—повторилъ графъ, обнявъ ее,—сегодня мнѣ необходимо, чтобы ты любила меня больше, чѣмъ вчера, больше, чѣмъ когда-нибудь во всю нашу жизнь... Можешь ли ты такъ любить меня?

Она не успѣла отвѣчать; онъ подалъ ей письмо.

— Прочти.

Беатриче развернула листокъ нетерпѣливо, дрожа отъ волненія. Она ничего не прочла, ничего не видала, кромѣ одного имени внизу страницы: *Ненна*.

— Прости меня! Благодарю! — вскричала она, бросаясь на шею мужа и заливаясь слезами.—Благодарю! Я счастлива!

Письмо Ненны, написанное крупными буквами, по двумъ линейкамъ, состояло въ слѣдующемъ:

«Любезный синьоръ графъ!

«Маменька говоритъ, что я должна написать вамъ, потому что вы нашъ покровитель и мы васъ очень любимъ; она говоритъ, что вамъ будетъ пріятно узнать о насъ хорошія новости. Маменька была немного нездорова, а теперь здорова. Мнѣ исполнилось восемь лѣтъ и я работаю въ циркѣ. Я представляю лягушку и мнѣ всѣ хлопаютъ. Я умѣю читать и писать, и хожу въ школу, но мнѣ больше нравится ѣздить верхомъ. Папаша Никола учитъ меня гимнастикѣ. Его приглашаютъ въ Сардинію, въ одно мѣсто, которое называется Ористано, и онъ хочетъ взять меня съ собой. Маменька меня отпускаетъ. Стало быть, вы скоро можете посмотрѣть, какъ я работаю въ циркѣ. Маменька говоритъ, что вамъ это доставитъ удовольствіе. Маменька вамъ очень кланяется, а я васъ цѣлую и остаюсь

«Ваша Ненна».

XII.

Сонъ сбылся: мужъ разсказывалъ все, когда, какъ, почему ухаживалъ онъ за хорошенькой танцовщицей, и это щекотливое признаніе, казалось, было ему не трудно. Онъ разсказывалъ въ третьемъ лицѣ; можно было подумать, что дѣло идетъ о постороннемъ.

— И вотъ онъ... этотъ молодой человѣкъ, увидѣлъ знаменитую танцовщицу...

— Она была хороша собою?

— Да, хороша.

— Въ какомъ родѣ?

— А такъ себѣ, красота вульгарная; блондинка... Но важно то, что всѣ прославляли ее красавицей.

— Правда; это важно... А дальше?

— Молодой человѣкъ увидѣлъ блондинку въ циркѣ. Товарищи забавлялись, разсказывали анекдоты о неприступности *артистки*. Говорили, будто даже опытные, старые обольстители отошли отъ нея ни съ чѣмъ. «Потому что они старые!»—возразилъ юноша.—«Браво!»—«Пари?»—«Идетъ!» Юноша, не теряя времени, выигралъ пари...

— Не теряя времени... Что-жь онъ сдѣлалъ?

— Прямо отправился къ ней на квартиру.

— Что-жь онъ сказалъ ей?

— А кто-жь эти вещи помнитъ? Вздоръ какой-нибудь. Юноша былъ богатъ или считалъ себя богачемъ и тратилъ много... Танцовщица сдалась... Нечего сказать—побѣда!...

Беатриче хотѣлось разспросить еще много, но не хотѣлось набиваться на признаніе; она ждала, чтобъ они явились добровольно.

— Я разскажу коротко,—продолжалъ Козимо.—Юноша растерялъ много денегъ, но нашелъ опять свое собственное достоинство. Нашелъ онъ его въ томъ же домѣ танцовщицы, въ одинъ прекрасный день, когда, къ счастью, столкнулся тамъ носъ съ носомъ съ однимъ школьнымъ товарищемъ... Еще раньше этого онъ ужь сталкивался съ этимъ товарищемъ, но только на лѣстницѣ... Юноша былъ справедливъ; хлопалъ танцовщицѣ, вызывалъ ее громче другихъ, чтобъ доказать, что не сердится — и оставилъ ее совсѣмъ... Она была очень сердита.

— А потомъ?

— А потомъ страшно грозила и извѣщала, что онъ—отецъ...

Отецъ! Быть отцомъ ребенка подобной женщины! Это было невыносимо... Онъ самъ былъ ребенокъ... Онъ еще пошелъ къ этой женщинѣ, онъ былъ добръ съ нею... Но нѣтъ, нѣтъ, онъ не могъ быть добръ! Онъ высказалъ и напомнилъ ей все, слухи, поступки; онъ назвалъ ее обманщицей. Она не смутилась, поняла волненіе его совѣсти и довершила однимъ словомъ: «А ежели?... Положимъ, я могу ошибаться, но я чувствую, что ребенокъ—*твой*». Да, она сказала *твой*.

— *Твой?*

— Да, такъ и сказала.

— О!... Дальше!

— Юноша, мальчикъ вынесъ отвращеніе, сомнѣнія, ужасъ, провелъ мучительнѣйшіе дни своей жизни и вышелъ взрослымъ. Злая женщина извѣстила его изъ Павіи, что родила дочь!

— Что сдѣлалъ несчастный?

— Послалъ ей денегъ и одно слово, все то же, вѣчное, горькое слово: *обманщица!* Потомъ ему пришла мысль справиться въ метрическихъ спискахъ. Ненна была отмѣчена: *отецъ неизвѣстенъ*. Прослѣдя время отъ ея рожденія до того дня, какъ молодой человѣкъ разстался навсегда съ танцовщицей, онъ могъ увѣренно сказать, что не отецъ этого ребенка. Но если судьба пощадила его отъ самаго унизительнаго стыда, какой только можетъ тяготѣть на человѣческой совѣсти—отъ сомнѣнія въ правѣ на имя отца, онъ, все-таки, заслужилъ свое наказаніе...

— Сколько лѣтъ ему было?

— Двадцать два.

— А много ли юношей, которые и позднѣе своихъ двадцати двухъ лѣтъ могутъ быть увѣрены, что не заслужили такого наказанія?—спросила Беатриче.

— Можетъ быть, немногіе,—отвѣчалъ Козимо, невольно улыбнувшись.

— Продолжай. Что дальше?

— Женщина не переставала его преслѣдовать; ребенокъ служилъ ей ужаснымъ предлогомъ... Амброджіо былъ у нея и сказалъ, что видѣли свидѣтельство о крещеніи дѣвочки. Мать не смутилась, сказала, что окрестила Ненну чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея рожденія, и готова была поклясться... Потомъ молодой человѣкъ женился на обожаемой дѣвушкѣ, потомъ танцовщица упала и ушибла ногу, а онъ, продолжая расплачиваться...

— Остальное я знаю,—прервала Беатриче.

— Какъ, знаешь?

— Изъ этого письма все ясно.

Она покраснѣла, непривычная къ обману, и Козимо все угадалъ.

— Ты не оскорбился?

— Нѣтъ!—Ему было хорошо, онъ былъ счастливъ, онъ нашелъ силу тамъ, гдѣ предполагалъ изнѣженность, нашелъ почти материнскую ласку въ этой дѣтской улыбкѣ.

— Что-жь ты сдѣлаешь теперь?—спросила Беатриче.

— Прикажи.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ты предоставляешь мнѣ? Точно ли? Чудесно! Такъ знаешь ли, что я сдѣлаю? Хочешь сейчасъ знать? Я сама напишу.

— Беатриче!

— Напишу этой женщинѣ и выпрошу у нея Ненну. Хочешь? Не говори: нѣтъ. Дѣвочка ни въ чемъ не виновата; мы ее «усыновимъ», какъ будто наше дитя... тѣмъ болѣе, что мнѣ не даетъ Богъ. Но теперь Богъ послалъ мнѣ покой и о *томъ*... я больше загадывать не буду... Хочешь? Тогда эта женщина увидитъ, что у насъ съ тобою нѣтъ тайнъ. Вѣдь, вся ея сила въ томъ, что она думаетъ, будто мы другъ друга мало любимъ... Говори: да. Ты никогда еще не видалъ Ненну? Она будетъ хорошенькая, будетъ добрая. Въ ея года всѣ дѣвочки—прелесть.

Ея глаза сіяли, лицо горѣло; она разговорилась живо, невинно, какъ дѣвочка. Она не потупила глазъ подъ пристальнымъ, подозрительнымъ взоромъ мужа.

— Ты, стало быть, полагаешь, что эта дѣвочка, въ самомъ дѣлѣ...—началъ было Козимо и не кончилъ.

Беатриче ничего не предполагала: для нея метрическое свидѣтельство было неоспоримымъ доказательствомъ. Взглядъ мужа старался проникнуть ей въ душу; Беатриче защитилась новыми уговорами и новыми ласками.

— Мы ее оторвемъ отъ ея отвратительнаго ремесла. Она не будетъ скакать лягушкой. Она вырастетъ, какъ наша дочь, будетъ миленькая, добрая... Козимо, сдѣлаемъ это доброе дѣло!

Онъ не отвѣчалъ, глядѣлъ на нее и вдругъ весело наклонился и принялся ее цѣловать.

— А, побѣдила!—вскричала въ радости Беатриче.

XIII.

Наступилъ великій праздникъ—Ивановъ день.

Беатриче обѣщала придти въ *Надежду* съ утра, остаться весь день и даже ночевать. Вечеромъ, на площадкѣ передъ домомъ, сбирались зажечъ костеръ и, по обычаю, *кумиться* на Ивановъ день.

Съ девяти часовъ утра всѣ собрались передъ домомъ пить парное молоко. Пришелъ и Амброджіо, добрый, веселый, въ морщинахъ; пришла Анджела съ страшной охотой набѣгаться; Аннета, нарядная и жеманная, готовая представить изъ себя ребенка; Чеккино Мизиролли, смиренно предложившій кухмистеру свои услуги. Сильвіо едва поклонился графинѣ и не отходилъ отъ Козимо, къ которому почувствовалъ сильнѣйшую привязанность. Эфизіо Пачисъ овладѣлъ своею дочерью, обѣщалъ показать ей сорочьи гнѣзда и увелъ въ дубовый лѣсокъ. Черезъ часъ всѣ разсыпались по разнымъ концамъ и эхо повторяло ауканья. Дома оставались только Джіованни и Чеккино, занятые приготовленіемъ завтрака.

Къ полудню явились немногіе званые гости, недавніе знакомые: нотаріусъ Пиризи, составлявшій условіе покупки этого имѣнія; инженеръ Коста, помогавшій Козимо устроить мельницу; два молодыхъ адвоката; докторъ Кубелло, владѣлецъ виноградника по сосѣдству *Надежды*. Онъ былъ сердитъ за водяныя работы, но, наконецъ, позволилъ рабочимъ графа провести воду и въ его собственное владѣніе, потому что это не стоило ему ни квартино. Общество было смѣшанное, мало знакомое, но сходилось между собою скоро, потому что было нецеремонно и любило посмѣяться. Всѣ являлись красные, усталые, всѣ бросались отдыхать на каменной скамьѣ подъ оливами, а потомъ ужь шли къ графинѣ съ заявленіемъ, что «жара страшная!»

Послѣ завтрака общество разошлось гулять. Докторъ Кубелло не отходилъ отъ Козимо и Беатриче, говорилъ о Миланѣ, гдѣ никогда не былъ, и о другихъ еще болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ даже не думалъ быть никогда.

Кто-то улегся на травѣ, въ лѣсу, сбираясь заснуть, какъ того требовала гигіена, т.-е. неотвязная привычка.

Анджела приказала принести старинное кресло въ бесѣдку и устроилась тамъ; но она сбиралась не спать, а размышлять.

Лучи солнца едва проникали чрезъ сводъ винограда и пасси-

флоры, рисуя листы на небольшомъ освященномъ пространствѣ; жужжанье насѣкомыхъ замирало у входа; изрѣдка оводъ, вырвавшись изъ стаи товарищей, будто кто гналъ его, залеталъ въ темноту и проворно оборачивалъ назадъ; нити паутины серебрились, колыхаясь на жердяхъ, вверху свода... Анджела не хотѣла спать. Ей хотѣлось насладиться этимъ покоемъ; хотѣлось заглянуть въ глубину будущности «несчастной сиротки», разжалобиться надъ своей судьбою, если найдется причина, что, судя вообще, казалось ей возможно... наконецъ, отдать себѣ отчетъ въ разныхъ маленькихъ происшествіяхъ, которыя она ужь записала въ дневникъ, чтобы удобнѣе вспомнить ихъ.

Напримѣръ: Добрый этотъ Эфизіо Пачисъ (она сейчасъ, подъ какимъ-то предлогомъ, отъ него бѣжала), этотъ папа Эфизіо. Говорили, онъ мастеръ дѣлать сыры. Она сейчасъ его спросила: онъ о сырахъ понятія не имѣетъ. И никто не думаетъ дѣлать сыры въ *Надеждѣ*; толкуютъ о маслѣ, винѣ, о спиртѣ, — о сырахъ ни слова. Зачѣмъ же явился сюда Эфизіо Пачисъ? Анджела была почти увѣрена, что знаетъ зачѣмъ Онъ скрывается. Прекрасная эта исторія о бандитѣ, что убилъ человѣка и бѣжалъ въ Африку, можетъ быть, его исторія. А если не его (Анджела надѣялась, что не его: ей нравилось, что это, можетъ быть, исторія ея отца), такъ, все равно, похожая. Анджела всегда слыхала, что Сардинія полна бандитовъ. Ахъ, какъ это ей поздно все говорятъ! А ей, вѣдь, тринадцать лѣтъ, а на видъ, не хвалясь, и пятнадцать, а по уму — она взрослая, право, настоящая женщина... Чего-жь *они* ждутъ? Чтобъ она вышла замужъ? И она пойдетъ?... Сердце говорило, что не пойдетъ, а сердце, извѣстно, не обманываетъ... Ея участь—жить въ тѣни, исчезнуть во мракѣ; ея день не достигнетъ полдня. Она такъ была въ этомъ увѣрена, что сейчасъ записала бы въ своемъ дневникѣ... Какая жалость, забыла его дома! Надо запомнить наизустъ: «Да, несчастная Анджела, твоя участь — прожить во мракѣ, исчезнуть въ ночи...» Ея мысли смѣшались.

Она проспала цѣлый часъ, протянувшись въ креслахъ. Открывъ глаза, она увидѣла солнце; оно было уже низко, стояло прямо противъ входа бесѣдки и сквозь листву насыпало точно кучу золота на колѣни дѣвочки. Стало жарко.

На скамейкѣ, спиной къ ней, стоялъ человѣкъ, поднимаясь на концы пальцевъ и старясь завѣсить платкомъ эти безпокойные лучи; это былъ Эфизіо Пачисъ. Онъ очень трудился укрѣ-

пить концы платка за колечки пассифлоры, но они все обламывались.

Вдругъ онъ слегка вскрикнулъ, схватился за грудь и, не сходя со скамейки, прислонился головой къ столбу бесѣдки.

«Вѣрно, палецъ укололъ»,—подумала Анджела.

Онъ не шевелился; она испугалась.

— Папа Эфизіо!—вскричала она.

Онъ оглянулся, улыбнулся ей, но его лицо искажалось болью, а рука все сжимала грудь. Анджела вскочила съ своего кресла и бросилась къ нему.

— Ничего... я привыкъ... сердце у меня иногда...—выговорилъ Джіорджіо, забывая боль и гладя дочь по головѣ.

— Помочь тебѣ сойти?—предложила Анджела.—Обопрись на меня, я сильна... Ну, какъ ты себя чувствуешь? Лучше? Вотъ и славно, папа Эфизіо, вотъ и прошло...

Наступилъ вечеръ.

— Давайте *кумиться*,—сказала Беатриче.

— Давайте, давайте!—послышались голоса.

На средину площадки передъ домомъ принесли вязанку хворосту, сухихъ лозъ и зажгли огонь. Пламя поднялось высоко; отъ его мерцанія, казалось, ночь скорѣе упала на окрестность. Летучія мыши поднялись въ испугѣ, почти задѣвая стѣны дома. Пробужденныя крупныя черныя бабочки летѣли на внезапный свѣтъ и обжигали крылья. Одинъ одурѣлый *сфинксъ* сѣлъ на плечо Анджелы; та испугалась, вообразивъ, что это хищная птица, но потомъ взяла его въ руки и, спасая отъ смерти, посадила въ чашечку розы. Пламя немного затихло; никто не начиналъ; наконецъ, выступила Аннета, выбравъ себѣ въ *кумовья* Джіованни, который принялъ эту честь съ удовольствіемъ. Но никто не зналъ, что дѣлать; вступился докторъ Кубелло.

— Подайте длинную палку!—закричалъ онъ.

— Извольте.

— Дама — сюда, кавалеръ — туда! Костеръ — между вами. Берите палку каждый за конецъ. Такъ. Крутите палкой надъ огнемъ... Такъ. Приговаривайте: «*Кумъ и кума на Иванову ночь*» и прыгайте черезъ огонь... Такъ, недурно. Теперь еще: «*Кумъ и кума на Иванову ночь*» — и прыгъ!... Хорошо! Ну, послѣдній разъ: «*Кумъ и кума на Иванову ночь*»... Отлично!

Теперь, если поцѣлуетесь, еще лучше, но можете и не... А славно, славно!

Аннета заслужила это рукоплесканіе; въ послѣдній разъ она скакнула, какъ лань, и, раскинувъ костеръ, упала прямо на Джіованни. Тотъ воспользовался своимъ правомъ, потребовалъ поцѣлуй и получилъ.

— А теперь что же?—спросилъ Джіованни.

— Кто знаетъ, что можетъ быть!—сказала ему Аннета.

— Вотъ что будетъ,—объяснилъ нотаріусъ Пиризи, — вы теперь *кумъ* и *кума*; можете говорить другъ другу *ты*; обязаны другъ другу помощью и честной преданностью. Вотъ что должно быть... Это—условіе, только безъ нотаріуса. Должна быть откровенность между вами, но, вмѣстѣ, и уваженіе... такъ, немножко... А теперь, чья очередь?

Пошла Анджела; ей хотѣлось испытать, пріятно ли имѣть *кума*, и выбрала инженера Леонардо Коста.

Затѣмъ была очередь Беатриче.

— Профессоръ, хотите меня въ *кумы*?

— Съ удовольствіемъ!

— Замѣтьте: вы будете обязаны быть со мной откровеннѣе и почтительнѣе, *такъ*, *немножко*,—какъ сказалъ господинъ нотаріусъ.—Способны вы на это?

— Еще бы!

Она взяла палку и махала надъ костромъ.

— «*Кумъ и кума на Иванову ночь*»...—повторяли они.

Сильвіо перескочилъ три раза. Беатриче только обошла костеръ и затѣмъ крѣпко пожала *куму* руку. О поцѣлуѣ не было и помину.

Черезъ часъ гости расходились тропинкой между двумя выбѣленными стѣнками. Въ темнотѣ, со стороны *Надежды* раздался веселый голосокъ:

— Покойной ночи, кумъ Леопардо!

— Кума Анджела, покойной ночи!

Послышался смѣхъ и все затихло. Подлѣ дѣвочки, въ темнотѣ, подъ старыми оливами еще оставался кто-то; это былъ все тотъ же папа Эфизіо.

Всѣ спокойно уходили въ домъ.

— Дай мнѣ руку,—сказала Анджела.—Знаешь, мы останемся здѣсь завтра, можетъ быть, и послѣ завтра, а тамъ придемъ опять и пробудемъ въ *Надеждѣ* цѣлый мѣсяцъ. Биче хочетъ

перевезти сюда рояль, я возьму свои книги, тетради... Ахъ, слушай, слушай... Что это такое?

Въ листвѣ оливъ послышался какъ будто шорохъ крыльевъ; можетъ быть, птица во снѣ свалилась съ вѣтки...

Была уже глубокая ночь. Раздались три легкіе удара въ дверь *Надежды*. Джіорджіо не ложился и не могъ заснуть Онъ отворилъ окно. Внизу, въ темнотѣ, дожидался Лиса. Джіорджіо понялъ свое несчастіе.

— Сойди,—сказалъ бандитъ.

Джіорджіо не отвѣчалъ. Онъ посмотрѣлъ на небо, полное звѣздъ, какъ будто звалъ кого-то изъ горняго міра, и потомъ сошелъ.

Лиса пожалъ ему руку.

— Не робѣй... *Они* тебя искали у Длиннаго Джіанандреа... Они разузнали, что тебя называютъ Эфизіо Пачисъ, что у тебя длинная борода, кудрявые волосы. Джіанандреа хотѣлъ тебя выручить, сказалъ, будто ты ушелъ къ морю. Не повѣрили. Отправились шарить по сосѣднимъ стаццо и въ лѣсу. Прежде всего, пойдутъ, конечно, въ Кастельсардо, въ твой домъ, а потомъ—сюда. Это какъ разъ. Одѣвайся, бѣжимъ.

Джіорджіо держался за грудь... Въ кустахъ пѣлъ соловей.

— *Она* тутъ... Не увидать ее, не сказать ей...

— Не знаю. Дѣлай какъ самъ знаешь. Я нынѣшней ночью издалека прошелся, чтобъ самому тебя предупредить; другимъ не довѣрилъ. Умнѣе будетъ уйти сейчасъ, но если ты остаешься, и я остаюсь. Я тебя не оставлю, покуда ты не въ безопасности... Я бандитъ, ремесло свое знаю. Хочешь сдѣлать, какъ я скажу?

Джіорджіо кивнулъ головою.

— Бери бритву—обрѣйся, бери ножницы—остригись, бери пистолетъ—будь готовъ умереть.

— Я готовъ.

— Я написалъ тебѣ вотъ это письмо,—продолжалъ бандитъ, — вотъ, бери, клади въ карманъ. И помни, это письмо далъ тебѣ я, Лиса, чтобы ты отнесъ его Эфизіо Пачисъ. Оно запечатано; что въ немъ—тебѣ неизвѣстно. Тебя зовутъ Пьетро Курузи, ты — пастухъ изъ Альцагены. Это на случай, если намъ придется разстаться, а *они* тебя остановятъ и станутъ спрашивать.

— Что ты написалъ въ этомъ письмѣ?

— Я тебя въ немъ предупреждаю, что тебя ищетъ юстиція, приказываю тебѣ бѣжать и сойтись со мною въ воскресенье во Флоринасъ, въ позднюю обѣдню. Помни хорошенько: тебя зовутъ Пьетро Курузи; ты несъ это письмо отъ меня къ Эфизіо Пачисъ, но Эфизіо Пачисъ скрылся. Я послалъ такое же письмо въ Кастельсардо. Если, на наше счастье, оно попадетъ въ руки карабинеровъ, они будутъ ловить насъ во Флоринасъ, а мы въ это время будемъ на дорогѣ въ Нурру.

Джіорджіо слушалъ, стараясь запомнить.

— Говорю тебѣ, времени терять нельзя. Твоя воля. Если хочешь дожидаться, покуда разсвѣтетъ, такъ и скажи; я улягусь вонъ тамъ подъ деревьями; часъ выспаться мнѣ не мѣшаетъ.

— Идемъ,—сказалъ Джіорджіо глухо, но рѣшительно.

Онъ воротился въ домъ. Лиса легъ подъ деревомъ.

Джіорджіо осторожно прошелъ мимо дверей дочери и тихо постучалъ въ дверь рядомъ.

Анджела не спала,—она въ первый разъ проводила ночь въ деревнѣ,—постояла у окна, послушала соловья. Потомъ бросилась въ постель, оставя окно отвореннымъ, и не спала, потому что соловей распѣвалъ на все поле.

Когда постучали три раза въ наружную дверь, дѣвочка открыла глаза и тоже подошла къ окну. Въ темнотѣ она не узнала, кто сказалъ: *сойди* и не размотрѣла, что тотъ, кто сошелъ, былъ Эфизіо. Анджела не разслышала, что они говорили у крыльца; соловей не умолкалъ.

Но Анджела поняла, что происходило что-то странное, и испугалась, сама не зная чего. Она хотѣла зажечь свѣчу и не смѣла. Когда-то ей разсказывали, будто кто-то сдѣлалъ эту неосторожность, зажегъ свѣчу, и его убили въ постели; врагъ его сидѣлъ на деревѣ, напротивъ окна... Днемъ у Анджелы не было враговъ (такъ, по крайней мѣрѣ, она полагала), но ночью... Ей пришло въ голову, не постучать ли въ стѣну, въ комнату рядомъ, — тамъ спалъ дядя Сильвіо, — но снова раздался легкій шумъ. Кто-то вошелъ съ крыльца по лѣстницѣ, прокрался по корридору мимо ея двери и сдѣлалъ то, что хотѣла сдѣлать она,— разбудилъ дядю Сильвіо.

«Не воры и не разбойники,—подумала дѣвочка.—Это папа Эфизіо».

Она одѣлась и прислушивалась... Ничего, только ходятъ по комнатѣ...

— Дядя Сильвіо одѣвается!

Таинственное молчаніе продолжалось. Дѣвочка опять подошла къ окну. На черной тьмѣ вырѣзался большой свѣтлый четыреугольникъ,—отраженіе сосѣдняго окна,—и на немъ быстро двигалась тѣнь огромной руки; когда рука отклонялась, показывался огромный профиль. Свѣтъ исчезъ. Шаги Сильвіо и Эфизіо приблизились къ дверямъ Анджелы. Опять молчаніе. Что-то сказали...

Дѣвочкѣ послышалось, что сказали: «Анджела!»

Она бросилась къ двери и слушала, замирая. Слышалось тяжелое дыханіе. Опять все затихло. Опять шаги по корридору. Свѣчу пронесли мимо отворенной двери; въ темное поле опять брызнуло свѣтомъ...

Анджела, перепуганная, принялась опять смотрѣть въ окно. Изъ дома вышли два человѣка; къ нимъ на встрѣчу подошелъ третій, какъ будто изъ земли выросъ.

— Готовъ ты?—спросилъ онъ.—Какъ себя чувствуешь? Дай на себя взглянуть.

Онъ повернулъ того, который былъ выше ростомъ, лицомъ къ свѣчѣ, оставленной на площадкѣ лѣстницы... Анджела вскрикнула.

XXIV.

Анджела дрожала и плакала всю ночь, а къ утру лежала въ постели, въ жару. Докторъ, за которымъ тотчасъ послали въ Сассари, объявилъ, что это простудное, горячечное состояніе, и синьорина виновата сама: слушала соловья и почивала съ открытымъ окномъ.

Анджела не возражала и безропотно проглотила и хининъ, и магнезію. Она ограничилась тѣмъ, что дала понять Сильвіо, что этой ночью открыла тайну Эфизіо... а потому, можетъ быть, ея собственная болѣзнь заслуживаетъ другаго имени, достойнаго не хинина и магнезіи, а уваженія.

Во все время нездоровья, предъ Козимо и Беатриче Анджела разыгрывала роль *простой* больной въ лихорадкѣ. Имъ, вѣроятно, уже все разсказалъ Сильвіо; но отъ нея—они ничего не узнаютъ! Такъ мстила дочь, которую они считали недостойной открыто любить своего отца!... Можетъ быть, по вечерамъ, когда, едва закрывъ глаза, она видѣла вокругъ своей постели вереницы то безобразныхъ, то веселыхъ тѣней, когда въ мозгу поднималась работа странныхъ соображеній, пустыхъ заключеній, зву-

чащихъ какъ будто толково и стройно,—можетъ быть, въ бреду у нея вырывались жалобы и Беатриче и Козимо ихъ слышали. Но съ открытыми глазами—она твердо стояла въ своемъ намѣреніи выказаться оскорбленной женщиной, которую развило и состарило несчастье.

Въ жару она думала объ отцѣ. Несчастный! онъ ушелъ, не зная, что его дитя его узнало, — ушелъ, не получивъ отъ нея ни одной дочерней ласки! Но теперь онъ ужь все знаетъ; ему писалъ Сильвіо, въ Темпіо, на имя отца Эммануила, который пріютилъ у себя Джіорджіо. Едва лишь будетъ возможно держать перо въ рукахъ, Анджела сама ему напишетъ длинное письмо, четыре страницы кругомъ, прекраснѣйшее письмо, — въ головѣ у нея уже вертѣлись и начало, и конецъ,—письмо, какъ самыя лучшія любовныя письма, какія она читала въ романахъ.

Едва начиная выздоравливать, Анджела ломала себѣ голову, «чтобъ найти *выраженія*», но на этотъ разъ не съ такимъ успѣхомъ, какъ бывало обыкновенно; вѣроятно, горячка оставила слѣды—умственную слабость. Сначала все шло хорошо; она была довольна, написавъ: «Отецъ, ты явился мнѣ, какъ свѣтлый призракъ, вызванный съ неба...» Недурно было и въ концѣ, гдѣ она увѣряла: «Вѣчно останусь твоей дочерью, въ жизни и въ смерти...» Но остальное было не ладно:

«Папа, милый, еслибъ я только могла вообразить, что этотъ Эфизіо Пачисъ, который разсказывалъ мнѣ исторію бандита въ стаццо у Длиннаго Джіанандреа, еслибъ только я могла вообразить, что это ты,—во сколько бы я была добрѣе, лучше съ тобою и со всѣми другими! Помню, я не хотѣла тебя поцѣловать, я о тебѣ не пожалѣла, когда ты промахнулся, не попавъ въ веревку. А теперь, нѣтъ тебя, а я бы тебя сто разъ обняла за тотъ одинъ! Папа, милый, всѣ мои поцѣлуи, всѣ, всѣ—твои...»

Она простодушно обвиняла себя во многихъ винахъ передъ нимъ, просила прощенія, обѣщала, что всегда будетъ добра, лишь бы онъ воротился къ ней или позволилъ ей пріѣхать въ Темпіо.

«Папа, милый, я безъ тебя жить не могу, — писала она далѣе.—Теперь ты знаешь, что дочь тебя любитъ, и позволишь ей быть съ тобою. Я помогу тебѣ скрываться. Я чувствую, что найду такое мѣсто, гдѣ тебя увидятъ только Богъ да мама изъ царства небеснаго...»

Анджела кончала просьбой, чтобъ отецъ отвѣчалъ скорѣе, отвѣчалъ длинно, и назначилъ, когда ей къ нему пріѣхать.

Это письмо (она была имъ несовсѣмъ довольна) вмѣстѣ съ запиской Сильвіо было отослано отцу Эммануилу. Анджела выздоровѣла и записала въ свой дневникъ эти послѣдніе дни. На этотъ разъ слогъ ей удался. Ей такъ нравилось это произведеніе, что, рискуя достоинствомъ дочери, оскорбленной въ святынѣ своихъ чувствъ, она помирилась съ Биче, отчасти для того, чтобъ посвятить ее въ тайну дневника. Биче не замѣчала ссоры, но приняла миръ, прочла дневникъ своей маленькой подруги, очень интересовалась, была тронута и очень хвалила *выраженія*, чего особенно желала Анджела.

Между тѣмъ, отецъ не отвѣчалъ. Дѣвочка, едва лишь выздоровѣла, какъ стала еще несчастнѣе прежняго.

Покорно и нѣжась, какъ выздоравливающая, Анджела гуляла въ оливковой аллеѣ подъ руку съ Беатриче и даже давала немножко поддерживать себя.

У воротъ *Надежды* явились два карабинера.

Сила почувствовала смущеніе при видѣ двухъ молодыхъ и прекрасныхъ женщинъ. Карабинеры остановились въ недоумѣніи. Только, когда Анджела, увидя ихъ, тоже вдругъ остановилась, бросая грозный взглядъ, бригадиръ сдѣлалъ шагъ впередъ и поклонился по-военному.

Сильвіо и Пантамо были въ лѣсу; Козимо и Амброджіо по дѣламъ въ Сассари; они могли скоро вернуться, но покуда женщины были однѣ.

Но Биче не испугалась, а Анджела и подавно. Онѣ ждали, чтобъ бригадиръ подошелъ. Онъ подошелъ учтиво (вѣроятно, испугался дѣвочки) и спросилъ, не здѣсь ли въ домѣ, или не былъ ли нѣкто Эфизіо Пачисъ. Графиня привѣтливо отвѣчала, что точно, пастухъ, котораго такъ называли, прогостилъ здѣсь нѣсколько дней, но что онъ ушелъ какъ-то ночью и о немъ ничего больше не знаютъ.

Бригадиръ поклонился, подумавъ, что слѣдовало приходить раньше.

— Синьора, вы — графиня Беатриче Родригесъ? — спросилъ онъ, радуясь, что самое затруднительное кончено, и желая любезнѣе исполнить остальное.

— Да.

— Осмѣлюсь ли спросить васъ, какъ давно оставилъ вашъ домъ этотъ Эфизіо Пачисъ?... Извините...

— Ничего!... Подождите... восемь... десять дней... или нѣтъ... Анджела, ты не припомнишь?

— Ничего не помню,—возразила сурово Анджела.

Она была сердита за то, что не обратила въ бѣгство этихъ солдатъ.

— Если не ошибаюсь, — досказала Беатриче, — недѣли двѣ.

— Если ваше сіятельство позволите, мы должны исполнить нашу обязанность,—убѣдиться, что Эфизіо Пачисъ не скрывается еще здѣсь... Я совершенно увѣренъ, что его нѣтъ, но формальности, по закону...

— У васъ есть приказъ его арестовать?—спросила, смѣясь, графиня.

— Приказъ старый. Эфизіо Пачисъ, котораго мы ищемъ, долженъ быть господинъ Джіорджіо Бони, осужденный заочно уже тринадцать лѣтъ назадъ... Мы должны осмотрѣть домъ...

Поза и взоръ Анджелы храбро выражали: «Я дочь Джіорджіо Бони; если меня нужно *юстиціи*, я здѣсь!»

— Исполняйте вашу обязанность,—сказала Беатриче.

Бригадиръ отправился, принявъ воинственный видъ, очевидно, не желая уронить своей важности предъ синьорами. Карабинеръ слѣдовалъ за нимъ, по возможности стараясь подражать «начальству».

Въ сопровожденіи Чеккино Мизиролли эти посѣтители обшарили всѣ углы дома, разспрашивали Джіованни, наконецъ, прошли опять мимо синьоръ и ушли совсѣмъ.

— Теперь,—вскричала Анджела,—отецъ можетъ воротиться сюда; теперь здѣсь безопаснѣе, чѣмъ прежде.

Но *юстиція* хитра. Анджела подумала это, когда, въ одну ночь, бригадиръ и съ нимъ уже не одинъ, а четыре карабинера перелѣзли черезъ стѣну и стали, какъ часовые, наблюдая за домомъ. Амброджіо просыпался чѣмъ свѣтъ; подойдя къ окну и увидя этихъ людей, онъ вышелъ и пригласилъ ихъ войти, если хотятъ осмотрѣть покуда комнаты нижняго этажа. Но бригадиръ не переступилъ порога ранѣе пяти часовъ, «чтобъ не нарушить домашняго спокойствія», и вошелъ только въ пять, замѣтивъ Амброджіо, что пять пробило на всѣхъ колокольняхъ въ Сассари. Онъ простеръ свою учтивость до того, что подож-

далъ, покуда встали синьоры, говоря, что «не желаетъ имѣть на совѣсти ни одной минуты ихъ благотворнаго сна».

На этотъ разъ карабинеры ушли въ дурномъ расположеніи духа, такъ какъ на серьезныхъ лицахъ всѣхъ жителей *Надежды* ясно прочли насмѣшку.

— Теперь больше не придутъ!—вскричала Анджела.—Отецъ можетъ воротиться.

Дѣвочкѣ, однако, не говорили, что ея отецъ болѣнъ безнадежно, судя по письмамъ священника. Наконецъ; пришла вѣсть, которую скрыть было уже невозможно: Джіорджіо Бони былъ уже внѣ власти человѣческаго правосудія; онъ умиралъ и хотѣлъ видѣть дочь.

Анджела была искренно поражена страшной вѣстью. Сильвіо больше не раздумывалъ, взялъ дѣвочку на сѣдло и уѣхалъ ночью.

Дорога шла между выбѣленными стѣнками сассарскихъ владѣній, а потомъ, когда взошла луна, великолѣпными полями, до Лаэрру, гдѣ Сильвіо и Анджела ужинали и провели остатокъ ночи у Джіанъ-Томмазо, синдика этого мѣстечка. Работникъ Джіанъ-Томмазо отправился предупредить отца Эммануила, что въ слѣдующую ночь къ нему будутъ гости, такъ что, когда они пріѣхали къ гранитному городку, ихъ встрѣтилъ причетникъ, помогъ сойти Анджелѣ и увелъ лошадь Сильвіо далеко отъ жилья.

Молча, вся дрожа, Анджела ухватилась за руку Сильвіо и дала вести себя по каменистой дорогѣ къ дому священника.

Они остановились.

— Дядя Сильвіо, я боюсь!

— Чего?

— Что у меня не достанетъ мужества... Какъ сердце бьется!

Въ одномъ изъ оконъ дома блеснулъ огонекъ и потухъ; часы протяжно пробили два.

Анджела похолодѣла; ее охватилъ таинственный ужасъ. Они вошли.

Высокій и прямой, какъ призракъ, подоткнувъ одну полу рясы, отецъ Эммануилъ явился имъ на встрѣчу наверху лѣстницы. Одной рукой онъ высоко держалъ свѣчу.

— Милости просимъ,—сказалъ онъ, захвативъ другой рукой руки обоихъ гостей и пожавъ ихъ крѣпко. — Очень томится,— продолжалъ онъ, не дожидаясь вопросовъ.—Хочетъ спать, а заснуть не можетъ; васъ ждетъ. Идите, синьорикка.

Все казалось сурово въ этомъ служителѣ церкви—горе, привязанность, даже привѣтливость... Дѣвочка думала, что у нея не станетъ силъ, что она умретъ, не дойдя до постели отца, но когда она увидала отца Эммануила, въ ней явилось неожиданное мужество.

— Онъ тамъ,—сказалъ священникъ.

Передъ комнатой больного была еще большая темная комната, и Анджела бросилась туда; отецъ Эммануилъ удержалъ ее и прошелъ впередъ. Черезъ минуту онъ показался на порогѣ и сдѣлалъ знакъ ожидавшимъ.

Не понимая, какая сила ее толкнула, Анджела очутилась на колѣняхъ предъ широкимъ кожаннымъ кресломъ и прижалась губами къ холодной, опухшей рукѣ... Эта рука уже едва чувствовала ласку.

— Нѣтъ, не теперь! — сказалъ Джіорджіо, едва слышно, опуская голову на грудь, чтобъ лучше видѣть дочь.

Онъ поднялъ глаза на распятіе, привѣшенное на стѣнѣ; казалось, онъ молилъ о милости—еще продолжить свое страданіе...

— Нѣтъ, не теперь...—повторилъ онъ, притягивая къ себѣ на грудь свое дитя.—Не умеръ, когда тебя покидалъ, не умру, когда свидѣлись. Богъ милосердъ!

Анджела склонила голову, но не могла плакать, удивлялась, не постигала черствости своего сердца и упрекала себя... Какъ же она зла, преступна, если не плачетъ?... Но упреки были напрасны. Ея непокорная мысль, не вникая въ несчастіе настоящей минуты, возсоздавала образъ Эфизіо Пачисъ, — такой, какимъ онъ являлся ей въ стаццо Джіанандреа и въ *Нашей Надеждѣ*,—и сравнивала его съ тѣмъ, который теперь былъ передъ нею... Ей казалось невозможнымъ, чтобы теперь, когда это лицо опять заросло бородою,—чтобъ отецъ могъ опять *исчезнуть*... но совершенно исчезнуть, такъ, какъ будто она не подозрѣвала о его существованіи. Если бы несчастный не былъ такъ болѣнъ, если бы лицо его не опухло, если бы онъ былъ здоровъ, если бы былъ веселъ, какъ и слѣдовало бы ему при свиданіи съ дочерью,—Анджела, прежде всего, сотню разъ цѣловала бы его лицо, чтобъ разъяснить себѣ эту загадку.

Но теперь это все напрасно. Теперь надо бы плакать, много плакать... такъ, чтобы слезы капали на это старинное кожанное кресло, у котораго на ручкѣ восемнадцать мѣдныхъ полосокъ, всѣ позеленѣлыя...

Умирающій не сводилъ глазъ съ ея головы.

— Взгляни на меня,—сказалъ онъ.

Анджела подняла лицо, но оно было безъ слезъ.

— Я получилъ твое письмо,—продолжалъ онъ,—и хорошо мнѣ было.

Онъ захватилъ грудь и, томясь, оглянулся, будто искалъ кого-то. Сильвіо кинулся къ нему.

— Джіорджіо!

Анджела позавидовала его слезамъ.

— Мнѣ надо съ тобой поговорить,—продолжалъ Джіорджіо и ласкалъ дочь, какъ будто прося прощенія, что ее отсылаетъ.

Анджела встала и пошла за отцомъ Эммануиломъ въ сосѣднюю комнату. Выходя, она слышала, какъ отецъ началъ говорить:

— Я видѣлъ сонъ...

Она бросилась на черный деревянный сундукъ и зажала руками глаза, которые не хотѣли плакать. Сквозь пальцы, она смотрѣла на отца Эммануила. Тотъ постоялъ надъ нею и, полагая, что она ничего не помнитъ отъ горя, воротился въ комнату Джіорджіо. Анджела уронила свои руки на колѣни...

— А, вѣдь, отецъ Эммануилъ знаетъ сонъ моего отца...

До нея неясно достигалъ хриплый голосъ умирающаго. Только разъ ей послышалось свое имя; она прислушалась: точно, онъ повторилъ: «Анджела».

Онъ, можетъ быть, звалъ ее. Дѣвочка встала и подошла къ двери.

Сильвіо поддерживалъ голову брата. Священникъ стоялъ поодаль, глядя на нихъ обоихъ.

— Ты сдѣлаешь ее счастливой,—шепталъ Джіорджіо,—обѣщай мнѣ... и самъ будешь счастливъ.

Анджела испугалась, что слишкомъ много слышала, отскочила и бросилась на стулъ.

Начинало разсвѣтать; мутный свѣтъ прокрадывался въ полуотворенное окно; въ углу, на комодѣ, блѣднѣлъ огонь свѣчи. Анджела хотѣла провести всю ночь у ногъ отца, но заснула, стоя на колѣняхъ, а умирающій все смотрѣлъ на нее, удерживая кашель и стоны, чтобъ ее не потревожить. Отецъ Эммануилъ стоялъ у окна и прислушивался къ первымъ звукамъ, которые поднимались на пустынной дорогѣ. Онъ, казалось, безпокоился.

Вдругъ онъ сжалъ кулаки и поднялъ ихъ къ небу... Это были и гнѣвъ, и угроза...

Сильвіо всталъ и подошелъ. Священникъ объяснилъ все однимъ словомъ:

— Сержантъ.

Это значило, что за Анджелой и Сильвіо слѣдили и что убѣжище Джіорджіо открыто. Намѣреніе сержанта было ясно. Онъ нисколько не заботился, что его видятъ, прохаживался передъ домомъ и посматривалъ на окошко, въ которомъ всю ночь горѣлъ свѣтъ.

Отецъ Эммануилъ подвелъ Сильвіо къ другому окошку. На дорогѣ, прислонясь къ стѣнѣ, стояли четыре карабинера.

— Онъ, видишь, не одинъ. Ждетъ, когда можетъ войти по закону, не нарушая домашняго спокойствія. Теперь—половина пятаго. Полчасика еще прогуляется.

Анджела проснулась на колѣняхъ отца; забывая боль, онъ улыбнулся ей.

— Тебѣ лучше?—спросила дѣвочка.

— Немножко,— отвѣчалъ Джіорджіо.

Онъ задыхался, опухшее лицо было будто восковое, глаза смыкались.

— Какъ я рада!—сказала Анджела.—Ну, да, да, разумѣется, тебѣ лучше. И ты вовсе не особенно болѣнъ. Ты скоро, скоро выздоровѣешь. Папа ты мой милепькій, выздорѣй, утѣшь меня, а тамъ...

Она зашептала.

— А тамъ—бѣжимъ съ тобой вмѣстѣ!

Джіорджіо смѣялся, лаская ее холодѣющей рукою.

Она замолчала, не зная, что прежде сказать изъ всего, что вертѣлось у нея въ головѣ. Онъ перебиралъ ея волосы.

— Говори еще... говори что-нибудь...

Пользуясь минутой ихъ разговора, отецъ Эммануилъ вышелъ на улицу.

— Господинъ сержантъ!—крикнулъ онъ съ крыльца.

Сержантъ подошелъ, кланяясь по-военному.

— Съ добрымъ утромъ, господинъ сержантъ. Кого-нибудь сторожите?

Сержантъ боялся хитраго попа; если бы не ряса, попъ былъ бы карабинеръ почище его и умѣлъ бы скрытничать.

— Такъ... не то, чтобы... Знаете, должность наша. И вы раненько встаете, отецъ Эммануилъ.

— Да, знаете, тоже... служу всегда раннюю.

Священникъ не надѣялся избавить Джіорджіо, но не хотѣлъ нанести ему послѣдній ударъ—объявить ему... Можетъ быть, карабинерамъ что-нибудь не такъ сказали?... Можетъ быть... Если бы сержантъ проговорился... Но сержантъ болталъ о постороннемъ. Онъ боялся попа. Пробило пять часовъ.

Сержантъ внутренно бѣсился; чтобъ войти въ домъ, надо было учтиво попросить посторониться. Онъ заранѣе воображалъ, что постучитъ въ дверь и торжественно произнесетъ первому, кто встрѣтится: «Именемъ короля...» и вдругъ—дверь ужь настежь, но на порогѣ—самъ хозяинъ!

Священникъ немного полюбовался его досадой и сказалъ спокойно:

— Не угодно ли, господинъ сержантъ, зайти, выпить чашечку кофе?

— Я, собственно, хотѣлъ... — заговорилъ было сержантъ.

Но священникъ не далъ ему кончить и, учтиво повернувшись, пошелъ впередъ; сержантъ слѣдовалъ за нимъ до пріемной.

— Слушайте,—началъ отецъ Эммануилъ.—Оба мы — люди честные, говоримъ съ глазу на глазъ; съ королевскимъ прокуроромъ васъ не имѣютъ намѣренія ссорить. Скажите, что вамъ нужно въ моемъ домѣ, и потолкуемъ.

Важность обстоятельства была такъ велика, что отецъ Эммануилъ не поколебался сказать до обѣдни праздное слово. Онъ очень хорошо зналъ, что сержанта нельзя было назвать честнымъ человѣкомъ, не придавая этому названію значенія болѣе широкаго, нежели то, которое оно имѣетъ. Самъ исполнитель закона былъ этимъ не мало удивленъ и подумалъ: «*Онъ* здѣсь».

— Правда ваша,—отвѣчалъ онъ громко,—лучше объясняться прямо. Я долженъ обыскать домъ.

— Кого вы ищете?

— Джіорджіо Бони. Онъ называлъ себя Эфизіо Пачисъ, а теперь, можетъ быть, зовется еще иначе. Недѣли двѣ назадъ это былъ человѣкъ высокій, худой, чернобородый. Теперь, вѣроятно, бороды у него нѣтъ. Теперь онъ долженъ быть похожъ на свой портретъ лѣтъ за четырнадцать. Портретъ остался въ рукахъ у слѣдователя; сдѣланы были копіи... Не особенно онѣ удались, потому что тогда фотографіи, вообще, у насъ, въ Сардиніи, были

плохи... И еще, знаете, ваше преподобіе, и нынче онѣ плохи. Я вотъ четыре раза снимался и ни одинъ фотографъ не съумѣлъ меня схватить такъ, чтобы... Я прихотливъ... Впрочемъ, это не то. Я хотѣлъ сказать только, что мнѣ прислали одинъ такой портретъ.

Отказавшись отъ всякой надежды, отецъ Эммануилъ обратился къ сердцу сержанта... О, чудо! сержантъ оказывался чувствительнымъ!

— Только желалъ бы видѣть...

— Ну, взгляните изъ-за меня въ дверь... Можете ли вы *узнать* въ этомъ человѣкѣ того, кого вамъ приказано задержать?.. Умоляю васъ...

— Позвольте...

Сержантъ слѣдовалъ за нимъ до двери комнаты, и вдругъ, стараясь выступить впередъ, началъ монотоннымъ голосомъ:

— Джіорджіо Бони, именемъ короля...

Но отецъ Эммануилъ не далъ ему кончить, толчкомъ откинулъ его назадъ, въ другую комнату, и загородилъ дорогу.

— Именемъ короля!—закричалъ сержантъ.

— Именемъ Бога,—прервалъ священникъ, грозно, будто съ амвона,—молчи! Этотъ человѣкъ умираетъ.

Джіорджіо все слышалъ.

Анджела упала къ его ногамъ и рыдала, радуясь, что, наконецъ, плачетъ.

Сержантъ ограничился тѣмъ, что поставилъ одного карабинера часовымъ въ первой комнатѣ, а другаго—на крыльцѣ дома, чтобъ преступникъ не могъ скрыться тайно.

Эти предосторожности были излишни. Джіорджіо умеръ ночью.

Анджела не видала его послѣднихъ часовъ... Прежде равнодушный къ смерти, а теперь чувствуя, наконецъ, что она близка, Джіорджіо боролся съ нею; возбужденный какой-то новой силою, онъ молилъ то брата, то священника, то, наконецъ, часоваго, чтобъ отворили окна, дали ему воздуха.

Въ послѣднія минуты, когда священникъ наклонился надъ нимъ, осѣняя его крестомъ, Сильвіо разбудилъ дѣвочку. Она успѣла получить послѣдній поцѣлуй отца. И опять не плакала, какъ окаменѣлая, потупивъ глаза въ землю... Они видѣли истинное горе...

В. Крестовскій (псевдонимъ).

(Окончаніе слѣдуетъ).

МУДРЕЦУ.

Рѣчью увѣренной, чуждой сомнѣнія
Въ смерти, мудрецъ, ты сулишь мнѣ покой
И нескончаемый отдыхъ забвенія,
Сладостный отдыхъ во тьмѣ гробовой.

«Смерть,—говоритъ ты,—глаза утомленные
«Намъ благотворной рукою смежитъ,
«Смерть убаюкаетъ думы безсонныя,
«Смерть наше горе навѣкъ усыпитъ».

Знай же, мудрецъ, той мечтѣ обольстительной
Всю мою вѣру я въ жертву принесъ;
Но подымается съ болью мучительной,
Съ прежнею болью упрямый вопросъ:

Что, если тамъ, за безмолвной могилою,
Намъ ни на мигъ не давая уснуть,
Тѣ же мученья, но съ новою силою
Будутъ впиваться въ усталую грудь?

Что, если вырвавъ изъ мрака ничтожнаго
Душу, безсмертную душу мою,
Не потушу я сознанья тревожнаго,
Жгучей тоски и ничемъ не убью?

Буду о смерти мольбой безполезною
Я къ безучастной природѣ взывать,—
Но отовсюду холодною бездною
Будетъ угрюмая вѣчность зіять,

Вѣчность унылая, вѣчность безцѣльная,
Вѣчность томленья и мукъ безъ конца,
Гдѣ не уснетъ моя скорбь безпредѣльная
И не измѣнится воля Творца;

А надо мной въ красотѣ оскорбительной
Будетъ злорадное небо сіять,
Звѣздныя очи улыбкой презрительной
Будутъ на стоны мои отвѣчать...

Нѣтъ, передъ страхомъ нѣмой безконечности
Разумъ твой гордый безсиленъ, мудрецъ...
О, безпощадные призраки вѣчности,
Кто же васъ вырветъ изъ нашихъ сердецъ?

Д. Мережковскій.

Фабричный бытъ московскаго района.

(Отчетъ фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ московскаго округа И. И. Янжула).

Закономъ 1 іюня 1882 года о работѣ малолѣтнихъ, въ связи съ дополненіями къ нему, высочайше утвержденными 12 іюля 1884 года, открывается новая эпоха въ исторіи нашей фабричной промышленности. Жизнь обитателей фабричнаго царства, предоставленная собственному теченію или, точнѣе сказать, произволу хозяевъ, подчиняется этимъ закономъ контролю государства. Темный промышленный міръ, энергично охранявшійся отъ посторонняго взора, выходитъ, наконецъ, на дневной свѣтъ. Созданъ новый государственный органъ — фабричная инспекція — обязанности котораго — слѣдить за исполненіемъ закона и представлять ежегодные отчеты о своей дѣятельности и о состояніи фабричнаго быта. Такимъ образомъ, изслѣдованія инспекторовъ могутъ и должны охватить подвѣдомый имъ промышленный міръ со всѣхъ его разнообразныхъ сторонъ.

Предъ нами вышедшій недавно первый отчетъ фабричнаго инспектора московскаго округа, профессора И. И. Янжула, съ содержаніемъ котораго мы намѣрены познакомить читателя. Прочтя сдѣланныя нами важнѣйшія извлеченія изъ отчета, читатель, думаемъ, согласится, что, если отчеты другихъ фабричныхъ инспекторовъ будутъ подобны отчету московскаго инспектора, мы получимъ тогда полную картину нашей фабричной жизни.

Изъ 174 фабрикъ и иныхъ промышленныхъ заведеній московскаго округа, осмотрѣнныхъ г. Янжуломъ, данныя разработаны имъ по 158 фабрикамъ, изъ коихъ каждая имѣетъ не менѣе 100 человѣкъ рабочихъ. Означенныя фабрики дѣлятся по производствамъ на 24 категоріи: хлопчатобумажное производство, шерстяное и суконное, шелковое, производство смѣшанныхъ тканей и ковровъ, рогожное, красильное, химическое, спичечное, парфюмерное, свѣчное и мыловаренное, пиво и медоваренное, сахарорафинадное, производство конфектъ и шоколада, табачное, писчебумажное, производство обоевъ, мебельное и рояльное, челночно-токарное, фарфоровое

и фаянсовое, стеклянное, производство золотыхъ и серебряныхъ вещей, производство гвоздей, машино-строительное, котельное и литейное, типографіи. Все населеніе, получающее свой заработокъ изъ конторъ этихъ фабрикъ, составляетъ 84,606 человѣкъ, среднимъ числомъ, 535 человѣкъ на фабрику, причемъ изъ 41 крупныхъ фабрикъ, приходящихся больше всего на хлопчатобумажное производство, каждая въ среднемъ имѣетъ 1,280 человѣкъ рабочихъ. Изъ общаго числа 84,606 рабочихъ, занятыхъ на 158 осмотрѣнныхъ фабрикахъ, малолѣтнихъ до 15-ти лѣтъ обоего пола—8,112 человѣкъ, что составляетъ, по отношенію къ общему числу рабочихъ, 9,6%. Весь матеріалъ, добытый московскимъ инспекторомъ *исключительно* личными допросами и осмотрами, раздѣленъ въ его отчетѣ на двѣ части. Первая заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о положеніи малолѣтнихъ на фабрикахъ; вторая — свѣдѣнія, относящіяся столько же ко всѣмъ рабочимъ, сколько и къ малолѣтнимъ. Но такъ какъ положеніе фабричныхъ малолѣтнихъ, какъ увидитъ читатель, мало чѣмъ отличается отъ быта взрослыхъ рабочихъ, то мы будемъ говорить объ обѣихъ этихъ группахъ работниковъ совмѣстно.

При какихъ условіяхъ выполняется трудъ фабричныхъ работниковъ, какъ велики ихъ заработки и каковы ихъ помѣщенія?—вотъ вопросы, съ разсмотрѣнія которыхъ мы начнемъ наше изложеніе.

Первое, что бросается въ глаза при разсмотрѣніи условій труда на нашихъ фабрикахъ, это—полное отсутствіе различія между взрослыми и малолѣтними въ продолжительности работы и чередованіи смѣнъ. Исключенія въ этомъ отношеніи крайне рѣдки. Можно указать лишь на Тверскую и на Раменскую мануфактуры, гдѣ работа дѣтей ограничена восемью часами, то-есть тѣмъ временемъ, какое установлено теперь закономъ 1 іюня 1882 года.

Наиболѣе употребительный рабочій день есть двѣнадцатичасовой. На многихъ фабрикахъ работа продолжается отъ 12 до 14 часовъ; на нѣкоторыхъ фабрикахъ продолжительность работы достигаетъ 15 и 16 час. въ сутки; наконецъ, болѣе 16 часовъ и до 18 въ сутки (а иногда, хотя трудно повѣрить, и выше) работа продолжается постоянно на рогожныхъ фабрикахъ и періодически—въ ситцевыхъ, въ отдѣленіяхъ: красильномъ, на барабанахъ, въ складальномъ и набивномъ корпусѣ.

Если продолжительность труда можетъ пагубно отражаться на здоровьѣ рабочаго, а тѣмъ болѣе на состояніи дѣтскаго организма, то не менѣе вреднымъ является и такая система смѣнъ, при которой рабочій не можетъ достаточно отдохнуть и собраться съ силами, хотя бы общая суточная продолжительность работы и не превышала его физическихъ силъ. Вреднымъ является здѣсь, прежде всего, слишкомъ рѣдкое чередованіе смѣнъ; послѣднее обстоятельство предусмотрѣно закономъ 1 іюня 1882 года, воспретившимъ для малолѣтнихъ безсмѣнную работу долѣе четырехъ часовъ кряду. Въ этомъ отношеніи, то-есть въ чередованіи посмѣнныхъ

работъ, выработаны у насъ обычаемъ по отдѣльнымъ производствамъ своя системы.

Такъ, при 12 часахъ суточной работы, типомъ чего могутъ служить бумагопрядильныя, такимъ чередомъ или временемъ смѣны является шесть часовъ, по истеченіи которыхъ происходитъ перемѣна очередей. «Я не буду,— говоритъ профессоръ Янжулъ,—вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе, насколько такая система смѣны даетъ достаточно отдыха для человѣка; замѣчу только, что гигіенистами она весьма осуждается».

Далѣе встрѣчается чередованіе смѣнъ еще болѣе ненормальное, вызывающее несравненно бо́льшее напряженіе силъ и, безъ сомнѣнія, значительный вредъ для здоровья работающихъ. Вотъ, напримѣръ, обычный распорядокъ смѣнъ или очередей на всѣхъ нашихъ суконныхъ фабрикахъ, которыя работаютъ и днемъ, и ночью:

Дневная смѣна: съ $4^1/_2$ час. утр. до 8 час. утр.=тремъ съ пол. час.
» » » $8^1/_2$ » » » $12^1/_2$ » » =четыремъ час.
» » » $1^1/_2$ » » » 8 » веч.=шести съ пол. час.

Ночная смѣна: съ 8 час. веч. до $4^1/_2$ час. утр.=восьми съ пол. час.
» » » 8 » утр. » $8^1/_2$ » » =получасу.
» » » $12^1/_2$ » дня » $1^1/_2$ » дня=одному часу.

При этой системѣ очередей, вся жизнь рабочаго, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, недѣли, когда на его долю приходится ночная смѣна (а очереди мѣняются по недѣлямъ), складывается крайне неестественно, и онъ совершенно не имѣетъ возможности достаточно набираться силъ или высыпаться. Рабочему дается здѣсь на сонъ лишь $3^1/_2$ часа (предполагая еще, что его жилое помѣщеніе близко) и, затѣмъ, его будятъ на $^1/_2$ часа для того только, чтобы машина не стояла; послѣ этого онъ имѣетъ опять на сонъ всего лишь $3^1/_2$ часа, какъ въ часъ снова свистокъ призываетъ его къ работѣ, и только послѣ половины втораго ему оставляется свобода въ 6 часовъ для ѣды, питья чая и остальнаго сна; объ удовлетвореніи другихъ его потребностей не можетъ быть и рѣчи въ рабочій день. Очевидно, что эта система, безъ всякой пользы для фабриканта, до такой степени утомляетъ и надрываетъ здоровье рабочаго, что настоятельно требуетъ измѣненія. При этомъ, если уменьшеніе рабочаго времени является затруднительнымъ для фабриканта вслѣдствіе конкурренціи, то измѣненіе лишь существующаго порядка смѣнъ вполнѣ въ его рукахъ.

Еще нераціональнѣе устроена система очередей въ пунцово-красильномъ производствѣ. Какъ ни тяжела работа ночной смѣны на суконныхъ фабрикахъ, но рабочіе имѣютъ тутъ въ виду хоть будущую недѣлю, когда, перейдя въ дневную смѣну, относительно отдохнутъ; на пунцовыхъ же фабрикахъ существуютъ постоянные или безсмѣнные ночные разнаго пола и

возраста (между ними много малолѣтнихъ и дѣвочекъ), которые обрекаютъ себя на эту жизнь въ теченіе восьми или девяти мѣсяцевъ въ году, когда дѣйствуютъ пунцово-красильныя фабрики. Вотъ, напримѣръ, распорядокъ, принятый на пунцово-красильныхъ фабрикахъ въ Зуевѣ:

Дневная смѣна: съ 4 ч. у. до 12 ч. дня=восьми час (безъ перерыва),
и затѣмъ » $1^3/_4$ » д. » 8 » веч.=шести съ четв. час.

Ночная смѣна: съ 8 ч. в. до 4 ч. у.=восьми часамъ.
» » » 12 » » » $1^3/_4$ » д.=часу и три четв.
» » » 4 » д. » 7 » в.=тремъ час. (вмѣстѣ съ днѣвн.).

Рабочіе на этихъ фабрикахъ—почти исключительно пришлые изъ земледѣльческихъ губерній (преимущественно изъ Рязанской); этимъ, вѣроятно, и объясняется, что они выносятъ такой продолжительный, *постоянный* ночной трудъ, при общей весьма нездоровой обстановкѣ работы и переполненныхъ сплошь жилыхъ помѣщеніяхъ (большею частью холодныхъ балаганахъ или баракахъ).

Не менѣе ненормальной нужно считать крайнюю длину рабочаго времени и на нѣкоторыхъ видахъ безсмѣнной работы, особенно же работы на рогожныхъ фабрикахъ, которыя представляютъ собою изъ ряда вонъ крайнюю эксплуатацію рабочихъ силъ. Начинается работа съ воскресенья вечера—съ 9 ч. и всѣ четверо: мужикъ, баба и двое малолѣтнихъ *) работаютъ безъ перерыва до 4 ч. утра (мужикъ ткетъ, баба «заправляетъ» станъ, малолѣтніе щиплятъ мочалу); въ 4 ч. мужикъ ложится, а остальные работаютъ до 7 ч. утра; въ 7 ч. ложится баба, спитъ до 9 ч. утра, затѣмъ встаетъ, а на смѣну ей одинъ малолѣтній ложится до часу дня. Все это время взрослые и одинъ изъ малолѣтнихъ продолжаютъ работать непрерывно. Въ часъ дня спавшій малолѣтній встаетъ, чтобы дать мѣсто для сна второму малолѣтнему до 4 ч. вечера. Съ 4 ч. вечера и до 2 ч. ночи всѣ работаютъ опять вмѣстѣ безъ передышки, въ 2 ч. ночи ложатся, примѣрно, часа на два, на три, то-есть до 4 или 5 ч. утра, и т. д. работа тянется цѣлые дни и ночи съ такими ничтожными перерывами; передъ праздникомъ работа кончается часовъ въ 7 или 8 вечера. Замѣтимъ, что почти половина изъ работающихъ малолѣтніе, изъ коихъ весьма многіе не достигаютъ 10 лѣтъ, и встрѣчаются малютки, работающіе около своихъ матерей, даже 3 лѣтъ. По выраженію одного ихъ хозяевъ рогожной фабрики, передъ Пасхой и прекращеніемъ работы на лѣто, всѣ рогожники до того ослабѣваютъ физически, что ихъ «вѣтромъ качаетъ».

Въ интересахъ здоровья фабричныхъ рабочихъ играетъ существенную роль не только длина времени работы и распредѣленіе ея въ теченіе су-

*) Работы и наемъ совершаются семьями, состоящими обыкновенно изъ двухъ взрослыхъ и, по крайней мѣрѣ, двухъ малолѣтнихъ, часто весьма разнаго возраста.

токъ, но и длина ея за круглый годъ, т.-е. число рабочихъ дней въ году и количество годичныхъ праздниковъ. Чуть ли не самая распространенная жалоба, которую приходится слышать на фабрикахъ со стороны хозяевъ и вообще фабричной администраціи, заключается въ чрезмѣрномъ, будто бы, у насъ количествѣ праздничныхъ дней для рабочихъ. Одинъ изъ фабрикантовъ оффиціально заявлялъ объ этомъ московскому фабричному инспектору, прося довести до свѣдѣнія правительства желаніе его и иныхъ лицъ законодательнымъ путемъ уменьшить такое огромное число праздниковъ. Для публики будетъ неожиданной новинкой узнать, что это ходячее мнѣніе совершенно невѣрно. На 44 фабрикахъ, въ которыхъ г. Янжулъ нашелъ списки праздниковъ, вывѣшенные на стѣнахъ или напечатанные въ разсчетныхъ книжкахъ, существуетъ девятнадцать общихъ праздниковъ; остальные на каждой фабрикѣ разные, причемъ на большинствѣ фабрикъ не празднуются даже высокоторжественные дни и нѣкоторые изъ двунадесятыхъ праздниковъ. На трехъ только фабрикахъ число праздничныхъ дней составляетъ 41, 38, 37, на всѣхъ остальныхъ—гораздо меньше, а на нѣкоторыхъ всего 21—22 дня, конечно, не считая воскресеній. Среднее число праздничныхъ дней на означенныхъ 44 фабрикахъ составляетъ всего 27,6 на фабрику, въ то время какъ число неприсутственныхъ или табельныхъ дней по календарю 1883 г. составляетъ 37, не считая одного праздника, упавшаго на воскресенье. Обращаясь къ образцамъ Запада, мы находимъ, что англійскіе рабочіе, прекращающіе занятія съ полудня субботы (полупраздникъ, по выраженію англичанъ), празднуютъ въ году 32 дня, не считая воскресеній, строго соблюдаемыхъ въ Англіи, чего нельзя сказать относительно русскихъ фабрикъ. Такимъ образомъ, русскій рабочій имѣетъ меньше праздниковъ, чѣмъ чиновники, воспитанники учебныхъ заведеній и англійскій рабочій.

На большинствѣ московскихъ фабрикъ, особенно крупныхъ, работа кончается въ субботу, въ то время какъ въ обыкновенные дни, и лишь на немногихъ,—въ 6 или 7 ч. вечера; на многихъ же крупныхъ фабрикахъ она не прекращается въ этотъ день вплоть до 12 час. ночи или даже до 4 — 6 ч. утра воскресенья (включая чистку машинъ), а въ понедѣльникъ работа часто начинается даже съ 3 час. утра. Кромѣ того, 52 воскресенья, святость которыхъ въ этомъ отношеніи наблюдается въ Западной Европѣ съ большой строгостью, у насъ нарушаются весьма часто. Работа въ праздничные дни является даже нерѣдко условіемъ, заранѣе и формально предписаннымъ работнику. Такъ, во многихъ разсчетныхъ книжкахъ открыто говорится, что рабочіе обязаны отнюдь не отказываться отъ работы по праздникамъ по первому требованію хозяина. При этомъ рабочіе, не явившіеся для такой работы, болѣе или менѣе сильно штрафуются. На одной изъ писчебумажныхъ фабрикъ взрослые, не явившіеся на праздничную работу, штрафуются на 3 руб., а малолѣтніе на 1 руб.

Ознакомившись съ продолжительностью фабричной работы и распредѣ-

леніемъ ея въ теченіе сутокъ, посмотримъ теперь, какъ вознаграждается эта работа.

Собравъ свѣдѣнія по заработной платѣ, проф. Янжулъ употребилъ слѣдующій пріемъ для ихъ разработки. Записавъ на каждой фабрикѣ заработокъ хорошаго и плохаго рабочаго по каждому отдѣльному разряду занятій, онъ въ результатѣ получилъ *среднюю* плату *средняго рабочаго* на всѣхъ фабрикахъ данной категоріи. Оказалось, что въ общемъ заработная плата взрослыхъ мужчинъ въ два раза больше женской, а женская на одну треть больше дѣтской. Наивысшая заработная плата взрослыхъ мужчинъ приходится на гвоздильное производство—30 руб. въ мѣсяцъ и машино-строительное — 29 руб. въ мѣсяцъ. Объясняется это тѣмъ, что первое производство требуетъ большой физической силы, а второе—значительнаго обученія. Женщинъ въ этихъ производствахъ не имѣется. Наименьшая заработная плата мужчинъ въ производствахъ: шерстопрядильномъ и смѣшанныхъ тканей—13 и 12½ руб. въ мѣсяцъ (женская плата здѣсь по 8 р.); наименьшая плата женщинъ въ производствахъ: ситцевомъ, писчебумажномъ, красильно-отбѣльномъ и аппретурномъ, фарфоровомъ и фаянсовомъ—7, 6¾ и 5 руб. въ мѣсяцъ. Средняя мѣсячная заработная плата, выведенная изъ всѣхъ производствъ, слѣдующая: мужская 18¾ руб., женская—9 руб., дѣтская (до 15 лѣтъ)—6 руб.

Цифра заработной платы сама по себѣ говоритъ еще весьма мало, если не сопоставить ее съ платою, получаемою рабочими въ другихъ странахъ, и съ стоимостью средствъ продовольствія. Въ виду этого проф. Янжулъ сравниваетъ плату нашего рабочаго съ платою англійскаго и американскаго и приходитъ къ весьма любопытнымъ выводамъ. Оказывается, что въ мужскомъ трудѣ американская плата превосходитъ русскую по разнымъ категоріямъ производства на 100 и до 400%, въ женскомъ — слишкомъ на 300%; англійская плата превосходитъ русскую въ мужскомъ трудѣ на 50 и до 400%, въ женскомъ—на 150 до 250%.

Не ограничившись однимъ простымъ сопоставленіемъ русской заработной платы съ иностранной, г. Янжулъ приводитъ далѣе заработную плату въ соотвѣтствіе съ продолжительностью рабочаго дня, т.-е. съ количествомъ труда. Послѣднее сопоставленіе требуетъ поясненія.

Средняя продолжительность работы на московскихъ фабрикахъ составляетъ 12½ час. въ сутки, т.-е. превосходитъ на нѣсколько часовъ наибольшую продолжительность работы на фабрикахъ многихъ странъ Западной Европы. Въ Америкѣ рабочій день разнится по различнымъ штатамъ въ предѣлахъ отъ 8 до 10 ч. Въ Англіи рабочій день для взрослыхъ продолжается 10 ч. Съ цѣлью привести заработную плату въ соотвѣтствіе съ количествомъ труда, г. Янжулъ прировнялъ рабочіе дни Америки, Англіи и Россіи къ 12 часамъ, и вотъ каковы результаты сопоставленія заработной платы въ этихъ странахъ съ количествомъ работы.

Въ бумагопрядильномъ и ткацкомъ производствахъ средній мѣсячный

заработокъ американскаго рабочаго составляетъ 77 руб., англійскаго 55 р., а русскаго 15 р. Въ шерстяномъ производствѣ американскій рабочій зарабатываетъ, среднимъ числомъ, 82 р. въ мѣсяцъ, англійскій — 54, а русскій 18 р. Въ слесарномъ производствѣ американскій—105 р., англійскій—68, русскій—21 рубль.

Объясненіе огромной разницы въ денежной заработной платѣ русскаго рабочаго, съ одной стороны, американскаго и англійскаго, съ другой, нельзя найти въ различіи стоимости продуктовъ. Правда, цѣна продовольствія въ Америкѣ и Англіи, особенно въ послѣдней, выше, чѣмъ въ Россіи, но и въ Англіи она превышаетъ никакъ не болѣе 50% на главнѣйшіе жизненные продукты, и, притомъ, высшаго качества. Громадная разница указанныхъ заработныхъ платъ обусловливается, главнымъ образомъ, различіемъ въ этихъ странахъ обычнаго образа жизни рабочихъ классовъ. Американскій рабочій питается не хуже нашего средняго класса; онъ тратитъ на мясо пятую часть своей заработной платы. У англійскаго рабочаго идетъ на мясо 14% заработной платы. Русскій рабочій, согласно изслѣдованію проф. Эрисмана, потребляетъ въ день, среднимъ числомъ, только двадцать золотниковъ мяса, а женщина всего семь. Столь же различны расходы на жилище, платье, домашнюю обстановку, удовольствія и пр.

Точное знаніе времени полученія денегъ является крайне важнымъ во всякомъ хозяйствѣ, а тѣмъ болѣе въ хозяйствѣ рабочаго, который живетъ исключительно своимъ заработкомъ. Поэтому, частью обычай, частью законъ выработалъ вездѣ въ Западной Европѣ и даже у насъ въ другихъ отрасляхъ труда, кромѣ фабричнаго, опредѣленные, болѣе или менѣе частые сроки расплаты, напр., мѣсячные или даже недѣльные. Но далеко этотъ же обычай не имѣетъ должнаго примѣненія на нашихъ фабрикахъ: на большинствѣ ихъ до сихъ поръ не существуетъ правильныхъ сроковъ расплаты, строго соблюдаемыхъ, и деньги даются въ лучшемъ случаѣ, когда рабочій о нихъ проситъ. Изъ всѣхъ, осмотрѣнныхъ московскимъ фабричнымъ инспекторомъ, заведеній оказалось болѣе 100 фабрикъ, т.-е. значительное большинство, на которыхъ расплата совершенно неопредѣленна и зависитъ вполнѣ отъ воли и отъ положенія дѣлъ хозяина; обычай устанавливаетъ здѣсь лишь меньшее или большее число сроковъ въ году, когда производится такъ называемый «счетъ», т.-е. подводятся итоги взаимной задолженности хозяина и рабочаго, но расплата не всегда совпадаетъ и со временемъ «счета».

«Счетъ большею частью приноравливается къ тѣмъ или инымъ праздникамъ: такъ, при счетахъ два раза въ году, «счеты» падаютъ на Пасху и Рождество; при трехъ—на Петровъ день, Рождество и Святую недѣлю; при четырехъ—къ Казанской, Покрову, Рождеству и Пасхѣ; при пяти — къ двумъ Казанскимъ (8 іюня и 22 октября), Ивану постному (29 августа), Покрову, Рождеству и Пасхѣ; при шести и семи счетахъ—сюда присоединяются еще Троицынъ день, 14 ноября (заговѣнье предъ рождествен-

скимъ постомъ) и масляница. Ко времени этихъ счетовъ обыкновенно подводится итогъ заработка рабочаго и выдаются ему деньги изъ конторы, если онъ объ этомъ проситъ и онѣ есть на лицо. На 29 фабрикахъ очистка или полная расплата производится всего одинъ разъ въ году — къ Пасхѣ или къ концу срока паспорта. Сверхъ этихъ «счетовъ», на нѣкоторыхъ фабрикахъ существуютъ другіе сроки, напр., мѣсячные для «выдачи» или «дачки» денегъ, на другихъ же и даже на весьма многихъ фабрикахъ сроковъ «дачки» не существуетъ и каждый разъ рабочій долженъ выпрашивать свои деньги у хозяина.

Получая деньги въ неопредѣленные или весьма рѣдкіе сроки, рабочій или вынужденъ искать кредитъ, который обходится ему весьма дорого, или забирать продукты въ предѣлахъ своего заработка изъ лавки фабриканта, гдѣ цѣны на всѣ товары стоятъ выше обыкновенныхъ. Въ виду этого, какъ справедливо замѣчаетъ московскій фабричный инспекторъ, пока опредѣленный, болѣе или менѣе частый срокъ расплаты не будетъ сдѣланъ обязательнымъ по закону, до тѣхъ поръ ст. 105 тома XI части II, запрещающая расплату товарами, вмѣсто заработной платы, остается лишь мертвой буквой.

Другимъ обстоятельствомъ, уменьшающимъ вознагражденіе рабочихъ за трудъ, являются харчевыя лавки, содержимыя фабрикантами.

Въ Москвѣ и ея окрестностяхъ фабричныя лавки встрѣчаются лишь какъ рѣдкія исключенія, и рабочіе получаютъ припасы изъ вольныхъ лавокъ; но такъ какъ и здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, рабочіе не могутъ найти самостоятельнаго кредита, сколько-нибудь значительнаго, то хозяинъ или контора обыкновенно указываютъ рабочимъ на тѣ мясныя, мучныя и колоніальныя лавки, гдѣ они могутъ брать въ долгъ товары подъ гарантію конторы, за что на многихъ фабрикахъ хозяева пользуются отъ лавочниковъ или «маркитантовъ» въ свою пользу скидкой съ общаго забора отъ 5 до 10 коп. на рубль. Внѣ Москвы и ея ближайшихъ окрестностей, хотя бы даже въ мѣстностяхъ населенныхъ и съ лавками, напр., во многихъ уѣздныхъ городахъ, фабрики, по общему правилу, имѣютъ свои собственныя лавки, хотя существованіе ихъ и не вызывается необходимостью. Въ г. Коломнѣ, напр., почти всѣ фабрики или имѣютъ лавки, или такъ или иначе рабочіе вынуждены брать всѣ припасы лишь черезъ посредство своихъ хозяевъ, которые этимъ путемъ зарабатываютъ себѣ хорошій процентъ. Наконецъ, въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ Москвы и вообще отъ населенныхъ пунктовъ, фабричныя лавки являются безусловно необходимыми и тутъ хозяева слишкомъ широко пользуются естественной въ данномъ случаѣ коммерческой монополіей, доставляя себѣ значительнымъ повышеніемъ цѣнъ на продукты новый крупный источникъ дохода и уменьшая и безъ того небольшой заработокъ рабочаго.

Насколько стремленіе московскихъ фабричныхъ хозяевъ къ наживѣ не какъ промышленниковъ, а какъ торговцевъ съѣстными припасами и

другими товарами, имѣетъ мѣсто на практикѣ, видно изъ того, что цѣны въ фабричныхъ лавкахъ одной и той же мѣстности, за одно и то же время, разнообразятся сильно и нерѣдко отличаются отъ рыночныхъ цѣнъ на 20 и даже до 80%. На нѣкоторыхъ фабрикахъ владѣлецъ даже и не безпокоитъ себя хлопотами разсчета, а, смотря на лавку, какъ на доходную статью, сдаетъ ее въ аренду, получая за это на большихъ фабрикахъ крупный доходъ.

Весьма важнымъ и существеннымъ вопросомъ для малолѣтнихъ на фабрикахъ, равно какъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ, по заявленію московскаго фабричнаго инспектора, является устройство отдѣльныхъ отъ взрослыхъ жилыхъ помѣщеній. Безразличное спанье въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ взрослыхъ и малолѣтнихъ не можетъ не отражаться пагубно, при весьма распространенной, къ сожалѣнію, разнузданности и испорченности нравовъ многихъ лицъ изъ рабочаго класса, на нравственности самихъ малолѣтнихъ. Пьянство, цинизмъ и брань, столь распространенные у насъ въ этомъ классѣ, служатъ дурными примѣрами, которые портятъ весьма скоро свѣжую деревенскую молодежъ, явившуюся работать временно или постоянно на московскія фабрики.

Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ московскимъ инспекторомъ фабрикъ *лишь на восьми* онъ встрѣтилъ отдѣльныя спальни для малолѣтнихъ мужскаго пола. За этими немногими исключеніями, можно считать у насъ за общее правило, что на всѣхъ почти московскихъ фабрикахъ не обращается рѣшительно никакого вниманія (и никто, повидимому, даже не задается мыслью по этому вопросу) не только на отдѣленіе спальныхъ помѣщеній мальчиковъ отъ взрослыхъ рабочихъ, но въ весьма многихъ промышленныхъ заведеніяхъ не дѣлается ничего для раздѣленія рабочихъ всякаго возраста и даже пола другъ отъ друга; и весьма нерѣдко малолѣтніе и взрослые, женатые и холостые, дѣвочки и мальчики спятъ вмѣстѣ на нарахъ одной и той же комнаты безъ всякихъ раздѣленій.

Жилыя помѣщенія на московскихъ фабрикахъ являются въ двухъ видахъ—общихъ спаленъ или казармъ и каморокъ. На немногихъ и сравнительно небольшихъ фабрикахъ существуетъ исключительно лишь первый типъ помѣщеній. Въ большинствѣ же помѣщенія смѣшаннаго характера, т.-е. на одной и той же фабрикѣ встрѣчаются и казармы, и каморки; въ первыхъ—всегда помѣщаются холостые и, въ случаѣ недостатка мѣста, женатые, а въ каморкахъ—рабочіе женатые; впрочемъ, это раздѣленіе въ значительной части фабрикъ соблюдается не строго, и если на нѣкоторыхъ фабрикахъ холостые люди отдѣлены отъ дѣвицъ, а женатые отъ тѣхъ и другихъ, то на большинствѣ господствуетъ безразличное смѣшеніе половъ и возрастовъ, и сплошь и рядомъ всѣ спятъ вмѣстѣ въ одной и той же казармѣ или каморкѣ, безъ всякихъ перегородокъ, въ крайне тѣсной и грязной обстановкѣ.

Обстановка жилыхъ помѣщеній рабочихъ, будь это казармы или каморки,

вездѣ очень однообразна; по общему правилу, въ нихъ обыкновенно помѣщены въ нѣсколько рядовъ досчатыя, большею частью голыя нары и весьма рѣдко желѣзныя кровати. О подстилкѣ рабочій обязанъ позаботиться самъ, и въ большинствѣ рабочіе спятъ на собственномъ полушубкѣ или кафтанѣ; изъ женщинъ довольно многія обзаводятся мочальными или соломенными матрацами, да и вообще женскія спальни, если онѣ только существуютъ отдѣльно, гораздо опрятнѣе и наряднѣе мужскихъ. На бумагопрядильныхъ фабрикахъ обыкновенно рабочіе спятъ на тарахъ, набитыхъ соломой (мѣшки, въ которыхъ привозится хлопокъ) и которые они или получаютъ даромъ отъ конторы, или покупаютъ за нѣсколько копѣекъ. На рогожныхъ фабрикахъ рабочіе всякаго пола и возраста спятъ вмѣстѣ на тѣхъ же самыхъ, часто сырыхъ, мочалахъ и рогожахъ, которыя обрабатываются, и прикрываются ими же; лишь больныхъ помѣщаютъ на единственной печкѣ, находящейся посреди каждаго отдѣленія рогожной фабрики. На немногихъ заводахъ и фабрикахъ, какъ Невскій стеариновый заводъ, золотоканительная фабрика Алексѣева, отбѣльно-красильная Кузьмичева, рабочіе получаютъ отъ хозяевъ матрацы, подушки и одѣяла, а на первой и третьей—даже простыни.

Говоря о жилыхъ помѣщеніяхъ рабочихъ, нельзя, въ заключеніе, не замѣтить, что, по словамъ г. Дружинина, директора Реутовской мануфактуры Мазуриныхъ, съ тѣхъ поръ, какъ эта фабрика отстроила новые корпуса и вообще улучшила жилье для рабочихъ, качественный составъ самихъ рабочихъ на фабрикѣ *замѣтно улучшился*, такъ какъ болѣе солидные рабочіе, особенно женатые, изъ-за помѣщенія стали болѣе дорожить фабрикою. Ненадежный бродячій элементъ уменьшился и, слѣдовательно, фабрика сторицею выиграла то, что затратила на это предпріятіе. То же самое почти подтвердили московскому фабричному инспектору и на другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, гдѣ, подъ благотворнымъ вліяніемъ такихъ примѣровъ, какой представляетъ собой Раменская мануфактура въ ея попеченіи о своихъ рабочихъ, начали воздвигать новыя, лучшаго качества, спальни для рабочихъ. Такимъ образомъ, заботы о санитарныхъ улучшеніяхъ обстановки рабочаго не только не уменьшаютъ, но, пожалуй, увеличиваютъ еще доходъ фабрикантовъ. Достаточно при этомъ вспомнить, сколько послѣдніе должны проигрывать отъ болѣзненности своихъ рабочихъ и ихъ манкировки, благодаря именно неудовлетворительнымъ помѣщеніямъ.

Про санитарную обстановку мастерскихъ слѣдуетъ сказать то же, что и о жилыхъ помѣщеніяхъ, т.-е. въ значительной части фабрикъ ихъ нельзя признать удовлетворительными. По тѣмъ или инымъ причинамъ въ дневникѣ московскаго фабричнаго инспектора отмѣчены мастерскія словомъ «неудовлетворительныя» на 85 фабрикахъ; причиной такой отмѣтки служила или тѣснота въ разстановкѣ машинъ, или недостатокъ огражденія опасныхъ механизмовъ, или слишкомъ высокая температура мастерской, или отсутствіе необходимой вентиляціи и неопрятность, или недостатокъ устра-

ненія пыли и вредныхъ отбросовъ при производствѣ, или же, наконецъ, соединеніе особо вредныхъ процессовъ съ безвредными въ одномъ и томъ же помѣщеніи, безъ должнаго устраненія пагубныхъ отсюда послѣдствій для здоровья рабочихъ. Вотъ для примѣра описаніе нѣсколькихъ фабрикъ въ дневникѣ московскаго фабричнаго инспектора: «Въ кондитерской № 11 мастерскія помѣщенія крайне темны, грязны; бо́льшая часть шоколаднаго отдѣла помѣщается въ подвальномъ этажѣ, весьма темномъ, куда проникаетъ грязь со двора, почва котораго насыщена экспрементами, помоями и т. п. На ситцевой фабрикѣ № 22, въ мойкѣ и при печатной машинѣ, гдѣ работаютъ малолѣтніе, постоянная температура не меньше 21°, а въ сушильнѣ, гдѣ работаютъ много мальчиковъ и дѣвочекъ, свыше 30°. На кожевенномъ заводѣ № 36, въ сушильнѣ, гдѣ работаютъ исключительно малолѣтніе, всегда температура стоитъ выше 25°, и крайне пагубно для ихъ здоровья то обстоятельство, что, натянувъ рамки, малолѣтніе выносятъ ихъ на совершенно открытую платформу, гдѣ температура улицы. На томъ же заводѣ ручная ткацкая помѣщается въ второмъ этажѣ надъ дубильной, почему въ ней господствуетъ постоянно сильнѣйшее зловоніе и, сверхъ того, грязь и темнота; а въ суконномъ отдѣлѣ завода, въ сушильнѣ, температура простирается выше 30°, такъ что рабо́чіе работаютъ полунагими, и въ такомъ видѣ ходятъ, для извѣстной надобности, черезъ дворъ, зимой покрытый снѣгомъ и обледенѣвшій. На суконной фабрикѣ № 48, какъ и на многихъ, впрочемъ, другихъ суконныхъ фабрикахъ, въ красильнѣ воздухъ до того насыщенъ парами, что въ ней во время осмотра ничего нельзя было видѣть,—и я двигался по красильнѣ ощупью, какъ бы съ завязанными глазами: очевидно, тяги тутъ не было никакой. При этомъ машины разставлены очень тѣсно и ремни скрещиваются во всѣхъ направленіяхъ; проходъ крайне затруднителенъ, и несчастіе отъ машинъ легко возможно безъ всякой вины со стороны рабочаго. На химическомъ заводѣ № 44 удушливые газы въ отдѣленіи, гдѣ приготовляютъ оловянныя соли, настолько сильны, что для непривычнаго человѣка дѣлаютъ невозможнымъ пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Въ отдѣленіи, гдѣ готовятъ ртуть, единственною предосторожностью при этой страшно ядовитой операціи служитъ завязыванье рта у рабочихъ, и не только нѣтъ никакихъ болѣе вѣрныхъ и безопасныхъ для того приспособленій, но въ томъ же самомъ отдѣленіи, лишь чрезъ дверь, живетъ семья одного рабочаго. На бумагопрядильной и ткацкой мануфактурѣ № 126 рабочія помѣщенія крайне тѣсны и низки. Огражденій механизмовъ весьма мало, особенно въ трепальной: многія шестерни совсѣмъ безъ прикрытій и машины бо́льшею частью старой, болѣе опасной для рабочихъ, конструкціи. Вентиляціи, кромѣ немногихъ форточекъ, не существуетъ, почему воздухъ крайне пыльный и душный, даже въ сортировальной, гдѣ вовсе нѣтъ машинъ. Рабочіе, особенно дѣти, отличаются крайне болѣзненнымъ видомъ. На мануфактурѣ № 115, въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ,

особенно въ трепальномъ и старомъ ткацкомъ корпусѣ, большая тѣснота отъ машинъ и, кромѣ того, недостатокъ вентиляціи, почему въ чесальной и трепальной страшная пыль отъ хлопка и движенія воздуха; приспособленія къ удаленію пыли недостаточны и многіе механизмы, преимущественно въ трепальной, не прикрыты и опасны; въ опальной или палильной—правильной тяги не устроено и сильный дымъ настолько ѣдокъ, что я не въ состояніи былъ оставаться болѣе двухъ или трехъ минутъ. На ковровой фабрикѣ № 151 красильня отличается крайне удушливымъ спертымъ воздухомъ: всѣ окна—со вставленными двойными рамами, несмотря на лѣто. Верхній этажъ ткацкаго корпуса имѣетъ всего одну деревянную лѣстницу; снаружи пожарная лѣстница (чугунная) есть, но, во-первыхъ, она приставлена къ окнамъ такъ неудобно, что необходимо было бы прыгнуть въ воздухѣ съ высоты двухъ этажей, чтобы на нее попасть, и, во-вторыхъ, эта лѣстница отдѣлена отъ помѣщенія двойными крѣпкими рамами, которыя выбить, въ случаѣ опасности, очень трудно и потребовало бы весьма много времени. Вентиляціи не существуетъ никакой, кромѣ развѣ случайно разбитыхъ оконъ, причемъ воздухъ крайне удушливъ, съ вреднымъ запахомъ красокъ».

На многихъ фабрикахъ, свидѣтельствуетъ московскій фабричный инспекторъ, машины разставлены слишкомъ тѣсно и многіе механизмы, требующіе огражденій, въ дѣйствительности не ограждены, что грозитъ большою опасностью для работающихъ и ведетъ на нашихъ фабрикахъ къ большому количеству несчастій, начиная съ ничтожныхъ порѣзовъ и кончая изуродованіемъ и лишеніемъ жизни. У насъ нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ, могущихъ сколько-нибудь претендовать на точность и по которымъ можно бы судить о степени опасности отъ машинъ для жизни и здоровья рабочихъ. Наши фабриканты до того привыкли къ безъотвѣтственности въ данномъ случаѣ, а рабочіе—видѣть эту безъотвѣтственность, что огромная часть травматическихъ поврежденій, причиняемыхъ машинами, неизвѣстна никому, кромѣ пострадавшихъ, и не всегда извѣстна даже фабричной администраціи. Одинъ крупный московскій фабрикантъ ситца откровенно сознался г. Янжулу, что на его фабрикѣ доводится до свѣдѣнія полиціи только о такихъ несчастіяхъ, которыхъ скрыть невозможно, т.-е. которыя грозятъ опасностью для жизни рабочаго. На разспросы г. Янжула о количествѣ несчастій на одной крупной фабрикѣ, фабричный врачъ указалъ ему всего на шесть или семь случаевъ за цѣлый годъ, и на справедливое недовѣріе, выраженное имъ по этому поводу, врачъ сознался, что это только тѣ случаи, въ которыхъ пострадавшіе рабочіе обратились съ жалобой и просьбой о вознагражденіи. Только послѣ долгихъ, со стороны московскаго фабричнаго инспектора, убѣжденій, врачъ согласился сообщить ему, что больныхъ съ травматическими поврежденіями отъ машинъ было за 1881 годъ въ больницѣ 159 человѣкъ и амбулаторныхъ—268 человѣкъ. На другой крупной московской фабрикѣ молодой фабричный

врачъ задумалъ было заняться болѣе основательно статистикой болѣзненности на своей фабрикѣ и для этого началъ вести записи больныхъ по новой, раціонально составленной программѣ, обративъ серьезное вниманіе также на количество и свойство травматическихъ поврежденій; но чрезъ нѣкоторое время онъ получилъ отъ администраціи фабрики приказаніе оставить свою затѣю и отнюдь не оглашать получаемыхъ данныхъ.

При такомъ стремленіи нашихъ промышленниковъ скрывать, по возможности, отъ посторонняго взгляда количество и свойство несчастій, не можетъ быть, конечно, и рѣчи о сколько-нибудь даже близкихъ къ истинѣ данныхъ о количествѣ и родѣ травматическихъ поврежденій, имѣющихъ мѣсто на нашихъ фабрикахъ. Но несомнѣнно, что одна изъ важныхъ причинъ несчастій на фабрикахъ заключается въ тѣсномъ размѣщеніи машинъ и недостаткѣ огражденій опасныхъ механизмовъ. А это, въ свою очередь, происходитъ, во-первыхъ, отъ отсутствія необходимыхъ по данному предмету категорическихъ предписаній закона; во-вторыхъ, отъ недостатка сколько-нибудь дѣятельнаго, а не фиктивнаго только, надзора за фабриками, и, въ-третьихъ, отъ отсутствія спеціальной отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ заведеній за эти несчастія передъ лицами пострадавшими.

Замѣчено вездѣ, что довольно значительная доля несчастій отъ машинъ происходитъ отъ чистки во время ихъ хода или дѣйствія. Повидимому, съ этой стороны на нашихъ фабрикахъ принимаются мѣры для предотвращенія въ данномъ случаѣ несчастій, такъ какъ на всѣхъ рѣшительно фабрикахъ по стѣнамъ вывѣшены объявленія, запрещающія чистить машины во время хода, и, тѣмъ не менѣе, несчастія на большихъ фабрикахъ происходятъ чуть не ежедневно, какъ это доказываютъ данныя, собираемыя на нѣкоторыхъ мануфактурахъ, относящихся съ меньшею подозрительностью къ ихъ собиранію или сообщенію.

Очевидно, что причины несоблюденія предписаннаго на всѣхъ фабрикахъ запрещенія чистки машинъ во время хода нельзя искать въ одномъ только тупомъ непослушаніи рабочихъ. Истинныя причины несоблюденія этого предписанія суть слѣдующія. На всѣхъ почти фабрикахъ въ разсчетныхъ книжкахъ или въ отдѣльныхъ правилахъ объясняется, что каждый рабочій обязанъ содержать свою машину въ чистотѣ; а, между тѣмъ, почти нигдѣ такая чистка спеціально не оплачивается; рабочій обязанъ производить ее по окончаніи работы, когда машина стоитъ, т.-е. въ свое свободное время и безплатно, какъ это и объясняется правилами многихъ фабрикъ. «Чистка машины,—говорится, напр., въ разсчетныхъ книжкахъ нѣкоторыхъ фабрикъ,—по окончаніи работъ подъ праздники, обязательна и безплатна». На бумагопрядильныхъ фабрикахъ, напримѣръ, гдѣ работа съ субботы на воскресенье кончается въ 4 часа, а на нѣкоторыхъ даже въ 6 ч. утра, когда только машины останавливаются, рабочіе обязаны приняться безъ всякаго вознагражденія за ихъ чистку. Само собой разумѣется, что, дорожа своимъ отдыхомъ, они стараются выгадать время и нарушаютъ предписанія, запре-

щающія чистку машинъ раньше ихъ остановки, чтобы поскорѣе освободиться и покончить съ работой. Поэтому, какъ сообщаютъ фабричные врачи, чаще всего несчастія отъ машинъ происходятъ именно по воскресеньямъ и, притомъ, утромъ, передъ ихъ остановкой.

Безотвѣтственность хозяевъ за несчастія съ рабочими ведетъ не только къ недостатку огражденія опасныхъ частей машинъ, но даже къ полнѣйшему невниманію къ таковымъ ограждeніямъ, гдѣ они уже существуютъ. Авторъ отчета приводитъ разительный примѣръ изъ видѣннаго имъ лично: «На мануфактурѣ № 31, въ опальнѣ или палильнѣ, между двумя машинами со множествомъ зубчатыхъ колесъ, вращающихся въ разныхъ направленіяхъ, существуетъ проходъ всего, примѣрно, въ три четверти аршина, черезъ который въ теченіе сутокъ проходятъ сотни рабочихъ и, въ томъ числѣ, малолѣтніе; малѣйшая неосторожность, особенно при господствующемъ шумѣ и жарѣ въ этомъ отдѣленіи, одинъ нетвердый шагъ или толчекъ, — и человѣкъ въ этомъ проходѣ легко можетъ зацѣпиться за ту или другую шестерню и быть изуродованнымъ. Я обратилъ вниманіе мастера на этотъ опасный пунктъ, и онъ мнѣ хладнокровно отвѣтилъ, что для прикрытія этихъ машинъ есть у нихъ деревянные футляры; но у одного изъ нихъ, недѣли двѣ тому назадъ, оторвалась крышка, и что никакъ не соберутся ее исправить, и тутъ же указалъ и на самый футляръ, лежавшій въ углу комнаты; я осмотрѣлъ его—оказалось, что у одной крышки оторвана обыкновенная петля, для поправленія которой нужны лишь молотокъ да нѣсколько гвоздей. И, между тѣмъ, футляры лежатъ на полу безъ употребленія — на фабрикѣ, гдѣ нѣсколько десятковъ столяровъ и слесарей—уже цѣлыхъ двѣ недѣли, а жизнь рабочихъ ежедневно подвергается серьезной опасности!»

Какихъ-либо правилъ или даже твердыхъ обычаевъ относительно обезпеченія лицъ, пострадавшихъ на фабрикахъ, не выработано. Лишь немногія промышленныя заведенія принимаютъ хотя какое-нибудь участіе въ судьбѣ пострадавшихъ рабочихъ. Такъ, на Раменской мануфактурѣ вошло въ обыкновеніе—лицъ, потерпѣвшихъ серьезныя поврежденія (притомъ, изъ хорошихъ рабочихъ), вродѣ, напримѣръ, потери руки или ноги — оставлять на фабрикѣ, по выздоровленіи, давая имъ какую-нибудь должность: хожалаго, сторожа, вообще такую, которую пострадавшій можетъ нести. На золотоканительной фабрикѣ Алексѣева для увѣчныхъ рабочихъ существуетъ пенсіонный капиталъ; на Коломенскомъ машино-строительномъ заводѣ вспомогательная касса.

По закону, всякая фабрика, если въ ней имѣется болѣе ста рабочихъ, должна имѣть больницу. Внѣшнимъ образомъ статья эта выполняется, такъ какъ на всѣхъ почти фабрикахъ, находящихся внѣ городовъ, существуютъ больницы; но въ дѣйствительности эти такъ называемыя больницы существуютъ лишь для обхода закона, и никакой дѣйствительной медицинской помощи фабричному населенію не доставляютъ. Дѣло въ томъ, что

на значительномъ числѣ фабрикъ подъ именемъ больницъ разумѣются лишь пріемные покои изъ двухъ, чаще изъ одной комнаты, съ одною или двумя постелями, гдѣ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, больной можетъ пролежать одинъ или два дня, пока фабрика не придумаетъ того или иного способа отъ него избавиться: отвести его въ ближайшую больницу или расчесть и отправить домой. Обыкновенно такой пріемный покой имѣетъ совершенно заброшенный видъ, помѣщается гдѣ-нибудь назади фабрики, въ каморкѣ, которая ни на что иное не понадобилась. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ инспекторомъ фабрикъ (174), больницы имѣются лишь на 38, хотя, замѣчаетъ инспекторъ, и тутъ лишь съ большими натяжками многія изъ нихъ можно назвать больницами, а не пріемными покоями. При больницѣ обыкновенно имѣется фельдшеръ, хотя не всегда: на нѣсколькихъ фабрикахъ встрѣчались пріемные покои, а фельдшеровъ не было, или обязанности фельдшеровъ были связаны съ какою-нибудь другою должностью на фабрикѣ. Два раза, напримѣръ, инспекторъ встрѣтилъ такой курьезный случай: обязанности фельдшеровъ исправляли фабричные лавочники, которыхъ и нужно было вызвать изъ лавки для того, чтобы показать ему пріемный покой.

Больные во всѣхъ такихъ пріемныхъ покояхъ и большей части больницъ, собственно говоря, постоянной помощи врача не имѣютъ; лишь на *десяти фабрикахъ* изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ живутъ доктора и, слѣдовательно, имѣется всегда на лицо требуемая медицинская помощь; затѣмъ нужно еще прибавить 8 фабрикъ, гдѣ, хотя доктора и не живутъ, но регулярно, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, пріѣзжаютъ на фабрику и принимаютъ больныхъ. За исключеніемъ этихъ восемнадцати случаевъ, медицинскую помощь на фабрикахъ можно считать почти отсутствующей, а больницы и покои — существующими только для того, чтобы выполнить внѣшнимъ образомъ требованія закона.

Кромѣ травматическихъ поврежденій, московскій фабричный инспекторъ собиралъ въ больницахъ также и свѣдѣнія о сифилисѣ, въ виду того, что, при легкости нравовъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, сифилисъ сильно развитъ въ рабочемъ классѣ и разносится потомъ по всей Россіи. Все, что онъ узналъ объ этомъ предметѣ, привело его къ убѣжденію, что на огромномъ большинствѣ фабрикъ медицинская помощь не только отсутствуетъ для зараженныхъ этою страшною болѣзнью, но что администрація очень многихъ промышленныхъ заведеній косвенно даже способствуетъ распространенію заразы, такъ какъ на весьма многихъ фабрикахъ существуетъ обычай — немедленно увольнять съ фабрики всѣхъ сифилитиковъ, вмѣсто того, чтобы ихъ лѣчить. Понятно, что черезъ эту неразумную и негуманную мѣру больные скрываютъ болѣзнь елико возможно; слѣдовательно, запускаютъ ее и часто заражаютъ другихъ, а, при отпускѣ съ фабрики, разносятъ заразу по городамъ и деревнямъ. Лишь сравнительно на небольшомъ числѣ фабрикъ (какъ, напримѣръ, на Богородско-Глуховской мануфактурѣ, на Раменской и нѣкоторыхъ другихъ) такихъ крутыхъ

мѣръ съ сифилитиками не употребляютъ, а пользуютъ ихъ въ больницахъ, какъ и прочихъ больныхъ.

Предъидущее изложеніе познакомило насъ съ обстановкой фабричнаго труда и вознагражденіемъ за него. Теперь, для болѣе полнаго выясненія положенія фабричнаго населенія, намъ надо разсмотрѣть еще взаимныя права и обязанности хозяевъ и рабочихъ. Извлекаемъ изъ отчета содержаніе нашего законодательства по этому предмету.

1) Права.

Хозяина.

1) Можетъ заключать съ мастеровыми и рабочими особыя письменныя условія или замѣнять оныя выдачею имъ разсчетныхъ тетрадей, которыя пріемлются въ основаніе при разборѣ споровъ между хозяевами и рабочими, и въ нихъ должны заключаться условія найма, записываться каждая выдача денегъ и сколько должно быть взыскано за прогулъ или причиненный вредъ хозяину.

2) Можетъ и до истеченія договорнаго срока отпускать отъ себя мастеровыхъ, а рабочихъ по причинѣ невыполненія ими своихъ обязанностей или за дурное поведеніе, удовлетворяя ихъ заработанными деньгами по условію. Причинами къ отказу рабочему признаются: лѣнь, пьянство, воровство, непослушаніе, грубіянство и вообще дурное поведеніе и все то, что мѣшаетъ успѣшному выполненію работъ.

3) При желаніи рабочихъ изъ крестьянъ казенныхъ и мѣщанъ оставаться на фабрикѣ долѣе условнаго срока или срока вида, при правѣ на полученіе таковаго вновь,

Мастеровыхъ и рабочихъ.

1) Всякому лицу податнаго состоянія, получившему отъ начальства узаконенный видъ, дозволяется наниматься для фабричныхъ работъ на нѣкоторое или на все время, на которое уволенъ по виду. но не далѣе назначеннаго въ оном срока.

могутъ относиться въ надлежащія мѣста для истребованія новыхъ видовъ безъ личной для сего явки рабочихъ въ города и казенныя вѣдомства.

4) Посылать въ московскую адресную контору, подъ своей отвѣтственностью, для удобнѣйшаго обновленія, билеты рабочихъ, на его фабрикѣ находящихся, коимъ сроки минули, съ своимъ уполномоченнымъ и слѣдующими деньгами для сего. Московская адресная контора личной явки самихъ рабочихъ не требуетъ.

5) На основаніи правилъ, изложенныхъ правительствомъ въ разсчетныхъ тетрадяхъ, хозяинъ вычитаетъ съ рабочихъ за каждый самовольно прогульный день жалованье за три рабочихъ дня, и, хотя правило это не ограничено, вычетъ, однако же, будетъ производиться только за три прогульныхъ дня, т. - е. за девять рабочихъ дней, и затѣмъ мастеровые и рабочіе получаютъ разсчетъ, или вновь поступаютъ на работу, если хозяинъ на то будетъ согласенъ.

Хозяина.

1) Обходиться съ нанявшимися на его фабрику справедливо и кротко, для отвращенія случая къ обоюднымъ неудовольствіямъ и жалобамъ.

2) Не требовать отъ нихъ другой работы, кромѣ той, для которой они наняты.

3) Не понижать самовольно задѣльную или мѣсячную плату прежде истеченія условнаго срока и не

Мастеровыхъ и рабочихъ.

1) Нанявшіеся въ работу мастеровые и рабочіе обоего пола и всякаго возраста должны быть вѣрными, послушными и почтительными къ хозяину и его семьѣ и ко всему установленному отъ него на фабрикѣ внутреннему управленію и стараться добрыми поступками и безукоризненнымъ поведеніемъ сохранять тишину и согласіе.

заставлять, вмѣсто слѣдующей платы деньгами, получать таковую товарами, хлѣбомъ или другими какими-либо предметами, подъ опасеніемъ взысканія.

4) Не принимать мастероваго и рабочаго безъ надлежащаго вида, подвергаясь за нарушеніе сего взысканію, на основаніи статьи 1,787 уложенія о наказаніяхъ.

5) Не принимать съ другой фабрики мастероваго и рабочаго безъ надлежащаго вида, подъ опасеніемъ вознагражденія прежняго хозяина за всѣ убытки отъ этого перехода.

6) Имѣть особую книгу для записки производимыхъ имъ разсчетовъ и платежей мастеровымъ и рабочимъ. Книга сія принимается въ основаніе при разборѣ споровъ между хозяевами и рабочими.

7) Имѣть на стѣнахъ рабочихъ комнатъ или фабричной конторы печатныя или письменныя за его подписаніемъ общія правила, дабы рабочіе въ подробности знали внутренній порядокъ фабрики.

8) Немедленно выдавать хранимые у себя виды мастеровыхъ и рабочихъ, какъ скоро они, представя разсчетную тетрадь, по учиненіи съ ними разсчета и минованіи срока найма, не захотятъ долѣе у него оставаться и къ удержанію ихъ не будетъ законной причины.

9) Наблюдать, чтобы мастеровые и рабочіе отнюдь до своевольствъ, ссоръ и дракъ допускаемы не были.

10) Не дѣлать съ мастеровыхъ рабочихъ вычеты за напечатаніе

2) По условленнымъ для хозяина работамъ стараться, сколько можно, отвращать могущіе случиться убытки.

3) Безъ вѣдома хозяина не брать и не отправлять чужую работу.

4) Безотговорочно платить хозяину за утрату ввѣренныхъ имъ вещей, равно за вредъ или ущербъ, причиненные ему небреженіемъ своимъ по ввѣреннымъ имъ работамъ, матеріаламъ и имуществу, и если не въ состояніи заплатить, то заслуживать работою хозяйскіе убытки.

5) Промотавъ хозяйское, платятъ хозяину убытки, и, сверхъ того, за такой проступокъ судятся, какъ воры, уголовнымъ порядкомъ.

6) Взявъ впередъ деньги у хозяина, и если по болѣзни не въ силахъ заработать къ сроку и не имѣетъ чѣмъ заплатить, то по выздоровленіи заслуживаетъ за срокъ столько времени, сколько по условной задѣльной или мѣсячной платѣ нужно будетъ для покрытія долга.

7) Не требовать ранѣе договорнаго срока какой-либо прибавки задѣльной или мѣсячной платы, сверхъ условленной.

8) За стачку между собою прекратить работу прежде истеченія условленнаго съ хозяиномъ срока, для того, чтобы принудить его къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ уложеніемъ о наказаніяхъ (статья 1,792).

9) За явное неповиновеніе хозяину или управляющему фабрикой,

выдаваемыхъ имъ разсчетныхъ тетрадей, за расходы, вопреки адресныхъ билетовъ (кромѣ денегъ, вносимыхъ за самые билеты и въ пользу больницы для чернорабочихъ), за содержаніе дворниковъ, за очистку мостовой и ретирадныхъ мѣстъ, за артельныя избы, за воскъ и снаряды и вообще за такіе предметы и матеріалы, которые, оставаясь принадлежностью фабриканта, употребляются мастеровыми и рабочими только временно для производства издѣлій. Подобные вычеты при разбирательствѣ жалобъ на оные мастеровыми и рабочими слагаются съ ихъ счетовъ.

оказанное цѣлой артелью или толпою, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за возстаніе противъ властей.

10) За оглашеніе какого-либо содержимаго въ тайнѣ ввѣреннаго ему въ видѣ тайны средства, секрета, рисунка, пріема или способа, составляющаго собственность хозяина и употребляемаго при изготовленіи или отдѣлкѣ произведеній фабрики, когда не было на сіе положительнаго согласія хозяина, коему сія тайна принадлежитъ по праву и, слѣдовательно, къ ущербу его, подвергается наказанію, на основаніи статьи 1,864 уложенія о наказаніяхъ.

Сопоставивъ взаимныя права и обязанности хозяевъ и рабочихъ, проф. Янжулъ даетъ слѣдующую характеристику этой стороны нашего законодательства: «Въ договорѣ найма, — говоритъ онъ, — какъ и во всѣхъ двухсторонніхъ договорахъ, права и обязанности договаривающихся сторонъ, по общему правилу, необходимо обусловливаютъ взаимность: каковы права и обязанности одной стороны, таковы соотвѣтственно должны быть и другой. Но какъ видно уже изъ приведеннаго изложенія общихъ правилъ нашихъ фабрикъ, означенный юридическій принципъ взаимности далеко не имѣетъ должнаго приложенія касательно правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между нашими рабочими и хозяевами. Право нашъ фабричный рабочій имѣетъ лишь одно—поступить на фабрику, тогда какъ хозяину принадлежитъ цѣлыхъ три: а) принять рабочаго на фабрику по письменному условію или разсчетному листу, какъ онъ пожелаетъ; b) отказать рабочему ранѣе срока найма, когда онъ найдетъ это нужнымъ, и с) наказать рабочаго вычетомъ жалованья трехъ дней работы за одинъ прогульный день.

«Такая же неравномѣрность и отсутствіе полной взаимности отличаетъ и обязанности хозяевъ и рабочихъ. Обѣ стороны, какъ видно изъ приведенныхъ выше правилъ, имѣютъ счетомъ равное число обязанностей (по 10), но если нѣсколько вдуматься въ ихъ содержаніе, то тотчасъ замѣтимъ, что въ то время, какъ для рабочихъ правила обозначаютъ ихъ дѣйствительныя обязанности по отношенію къ фабрикантамъ, большинство обязанностей, установленныхъ для хозяевъ, чисто полицейскаго характера и только четыре изъ нихъ обозначаютъ въ дѣйствительности то,

что по закону считается обязательнымъ со стороны хозяина по отношенію къ рабочему и имѣетъ для послѣднихъ какое-нибудь значеніе, а именно: 1) обходиться съ рабочими и кротко справедливо; 2) не требовать отъ нихъ другой работы, кромѣ той, для которой они наняты; 3) не понижать самовольно задѣльную или мѣсячную плату прежде окончанія условнаго срока: 4) не дѣлать съ мастеровыхъ вычета за напечатаніе разсчетныхъ тетрадей и т. п. Такимъ образомъ, и къ обязательнымъ относится то же замѣчаніе, которое мы сдѣлали о правахъ: отсутствіе равномѣрности и взаимности замѣчается въ обоихъ случаяхъ».

Отсутствіе принциповъ взаимности въ правахъ и обязанностяхъ хозяевъ и рабочихъ даетъ себя чувствовать особенно сильно въ важнѣйшемъ пунктѣ договора найма—именно *въ срокъ*. Хозяевамъ предоставлено право отпускать рабочихъ ранѣе договорнаго срока, рабочіе же не имѣютъ права оставить хозяина ранѣе срока. Но заставить насильно работать нанявшагося нельзя, да и невыгодно. Что же въ правѣ предпринять хозяинъ, когда рабочій отказывается отъ работы? Законъ ничего не говоритъ по этому вопросу. Пользуясь такимъ пробѣломъ въ законѣ, хозяева дѣлаютъ вычеты изъ заработанныхъ денегъ, и могутъ съ нѣкоторой натяжкой обосновать эти вычеты статьей закона, которая даетъ хозяину право вычитать съ рабочихъ за каждый самовольно прогульный день жалованье за три рабочихъ дня.

Вычеты, которыми хозяева стараются задержать рабочихъ отъ ухода съ фабрики, крайне разнообразны и произвольны. Въ отчетѣ перечислено много образцовъ такихъ вычетовъ. На нѣсколькихъ фабрикахъ за произвольный уходъ рабочаго съ фабрики назначается вычетъ заработной платы за 6 дней работы; на нѣкоторыхъ серпуховскихъ фабрикахъ рабочій за самовольный уходъ раньше срока лишается 12-ти дневнаго заработка. На весьма многихъ фабрикахъ за то же нарушеніе договорнаго срока рабочій карается вычетомъ двухнедѣльнаго заработка, на нѣкоторыхъ—вычетъ доходитъ до мѣсячнаго заработка рабочаго и, наконецъ, на одной фабрикѣ—рабочій, ушедшій ранѣе срока, лишается, во-первыхъ, мѣсячной платы, которая удерживается постоянно въ конторѣ до самаго разсчета, и, во-вторыхъ, подвергается еще вычету двухнедѣльнаго заработка, т.-е. лишается всѣхъ плодовъ шестинедѣльнаго труда.

Такимъ образомъ, недостатокъ точнаго, законодательнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній между хозяевами и рабочими и спеціально опредѣленія послѣдствій нарушенія договора влечетъ за собой на практикѣ полный произволъ въ наказаніяхъ, налагаемыхъ на рабочихъ.

Помимо вычетовъ изъ жалованья рабочаго за уходъ съ фабрики ранѣе срока, рабочіе подвергаются штрафамъ еще по многимъ другимъ и весьма разнообразнымъ поводамъ, и, притомъ, подвергаются имъ вполнѣ беззаконно. Въ силу закона хозяинъ можетъ наложить штрафъ на рабочаго за прогульный день и, сверхъ того, рабочій обязанъ безотговорочно платить хозяину за утрату ввѣренныхъ ему вещей, равно за вредъ или ущербъ,

причиненный хозяину небреженіемъ своимъ по ввѣреннымъ ему работамъ, матеріаламъ и имуществу. Но хозяева налагаютъ на рабочихъ штрафы и по многимъ другимъ причинамъ.

Вывѣшенныя на стѣнахъ рабочихъ помѣщеній объявленія заключаютъ въ себѣ перечисленіе многочисленныхъ штрафовъ, которые хозяева собираютъ съ рабочихъ по тому или иному поводу. Штрафы эти такъ же разнообразны, какъ самыя фабрики, и размѣры ихъ, какъ и мотивы, опредѣляются только волей хозяина или фабричной администраціей, не дающими въ этомъ отношеніи никому отчета. На многихъ промышленныхъ заведеніяхъ мотивы и величина штрафовъ заранѣе не опредѣляются совсѣмъ, а стоитъ въ объявленіяхъ только одна фраза: «замѣченные въ нарушеніи фабричныхъ правилъ штрафуются *по усмотрѣнію хозяина*». Крайній произволъ въ назначеніи штрафовъ, а, слѣдовательно, и безконтрольное распоряженіе заработкомъ рабочаго достигаетъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ мало вѣроятныхъ размѣровъ: такъ, напр., на нѣкоторыхъ фабрикахъ Подольскаго уѣзда существуетъ десятирублевая неустойка за оставленіе фабрики прежде срока; но дѣло здѣсь не ограничивается лишь назначеніемъ ея въ случаѣ произвольнаго оставленія фабрики рабочимъ, контора сама налагаетъ этотъ высокій штрафъ на каждаго рабочаго, котораго захочетъ почему-либо удалить съ фабрики, и даже взыскиваетъ его въ извѣстныхъ случаяхъ съ лица, подвергшагося три раза штрафу. Между тѣмъ, поводы къ штрафованію весьма многочисленны и, слѣдовательно, подпасть подъ эту крупную неустойку для каждаго рабочаго дѣло весьма возможное; такъ, напр., однимъ рублемъ штрафа наказываютъ тѣхъ изъ рабочихъ, которые почему-либо явились въ контору не по одиночкѣ, а нѣсколько человѣкъ разомъ, а во второй разъ такіе нарушители удаляются даже совсѣмъ съ фабрики, съ уплатой упомянутой неустойки. На одной изъ мануфактуръ вывѣшено объявленіе отъ 24 октября 1877 года, въ которомъ означаютъ штрафы, по усмотрѣнію конторы, *въ четырнадцати разныхъ случаяхъ* по поводу соблюденія тишины и чистоты; отъ 4 декабря 1881 года—объявленіе съ назначеніемъ штрафовъ *по четыремъ различнымъ поводамъ*; отъ 4 сентября 1882 г. — также назначеніе штрафовъ *по четыремъ поводамъ* и затѣмъ нѣсколько десятковъ мелкихъ объявленій; каждое назначаетъ штрафъ по какому-нибудь отдѣльному мотиву: напримѣръ, отъ 4 августа 1883 года—огромный штрафъ до 5 р. за пѣніе пѣсенъ на дворѣ фабрики позднѣе $9^1/_2$ часовъ, или во всякое время, въ какомъ-нибудь другомъ, кромѣ указаннаго хозяиномъ, мѣстѣ. 3 іюня 1881 г. назначенъ штрафъ съ рабочихъ, которые вздумаютъ пронести въ ткацкій корпусъ чай съ сахаромъ, хлѣбъ или какіе-нибудь припасы, «во избѣжаніе,—говоритъ объявленіе, — разведенія всякой твари»; 14 мая 1880 г. объявленіе о штрафахъ для тѣхъ, кто будетъ писать карандашемъ, или мѣломъ, или чѣмъ-либо другимъ на стѣнахъ въ красильномъ или ткацкомъ корпусѣ; 8 декабря 1881 года объявленіе о штрафахъ: «если

кто изъ рабочихъ мальчиковъ будетъ заводить драку или биться на кулачки, для перваго раза штрафъ 3 рубля»; 29 декабря 1879 г. объявленіе о штрафахъ для самоткачей и красильщиковъ, которые вздумали бы зачѣмъ-нибудь сходить въ слесарно-столярную мастерскую, въ паровую и котельную; отъ 30 мая 1880 года контора фабрики объявляетъ «ручнымъ ткачамъ, рѣзчикамъ и прочимъ рабочимъ на фабрикѣ, что пѣсни пѣть въ рабочіе дни окончательно не дозволяется подъ опасеніемъ штрафа»; отъ 29 ноября 1877 года контора фабрики строго воспрещаетъ холостымъ рабочимъ ходить въ гости въ семейныя помѣщенія или женскія и т. д.

Такое разнообразіе и произволъ штрафовъ, уменьшающихъ и безъ того небольшой заработокъ рабочихъ, не оправдывается даже нѣкоторыми пробѣлами нашего законодательства въ этомъ отношеніи и существуютъ лишь вслѣдствіе отсутствія должнаго контроля за фабриками. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что законъ дозволяетъ штрафовать рабочихъ лишь за прогулъ или причиненіе хозяину имущественнаго вреда. Очевидно, что многіе изъ перечисленныхъ выше образцовъ штрафовъ, какъ, напр., за пѣніе пѣсенъ, хожденіе въ гости и тому подобное, отнюдь, даже при самой сильной натяжкѣ, не могутъ быть подведены подъ эти два повода, дающіе хозяину право на наложеніе штрафовъ на своихъ рабочихъ. Всѣ деньги, собираемыя штрафами и разными вычетами, поступаютъ въ безконтрольное распоряженіе хозяина и, достигая нерѣдко весьма значительныхъ размѣровъ — нѣсколькихъ тысячъ рублей въ годъ, могутъ, при недобросовѣстности хозяина, сдѣлаться немаловажнымъ источникомъ добавочнаго дохода.

Несмотря на отсутствіе принципа взаимности въ правахъ и обязанностяхъ хозяевъ и рабочихъ, первые не исполняютъ и существующихъ постановленій закона, хотя, помѣщаемыя въ разсчетныхъ книжкахъ, эти постановленія извѣстны рабочимъ. Образцы нарушенія закона въ дѣлѣ наложенія штрафовъ мы уже видѣли; теперь приведемъ примѣры нарушеній закона въ другихъ отношеніяхъ.

Такъ, по закону, хозяинъ обязанъ предупредить рабочаго о его увольненіи за двѣ недѣли. Правило это соблюдается на фабрикахъ весьма рѣдко, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ законъ нарушается уже совсѣмъ открыто, ибо вывѣшенныя объявленія гласятъ, что «контора можетъ немедленно разсчитать и отпустить рабочаго, когда захочетъ». Параграфъ 3-й правилъ въ разсчетныхъ книжкахъ, излагая права и обязанности хозяина, повторяетъ извѣстный намъ законъ: «что хозяинъ не въ правѣ понизить самовольно сдѣльную или мѣсячную плату прежде истеченія условнаго срока» и что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Въ концѣ 1882 года на стѣнахъ одной изъ мануфактуръ появилось объявленіе такого рода: «Въ виду плохихъ цѣнъ, застоя пряжи, съ 1 января 1883 года цѣны прядильщикамъ убавлены 2 коп. за пудъ пряжи каждаго номера по Пасху 1883 г.; присучальщикамъ первымъ убавлено $^3/_4$ копѣйки съ пуда пряжи каждаго номера, присучальщикамъ вторымъ $^3/_4$ коп. съ пуда пряжи каждаго номера» и т. д.

Такимъ образомъ, фабрика явно нарушаетъ законъ, напечатанный на страницахъ собственныхъ разсчетныхъ книжекъ каждаго рабочаго. Но мало того, эта фабрика стремится штрафовать рабочаго даже тамъ, гдѣ онъ виноватъ по закону и несетъ помимо хозяина не малую кару, а именно: она въ одномъ изъ своихъ письменныхъ правилъ содержитъ такой пунктъ: «если рабочіе сдѣлаютъ стачку, то штрафуются каждый по десяти рублей». По закону, хозяинъ не имѣетъ права брать какого-нибудь вознагражденія за выдачу разсчетныхъ книжекъ, а, между тѣмъ, на многихъ фабрикахъ требуютъ за нихъ отъ 10 до 25 копѣекъ. По закону, хозяинъ можетъ требовать отъ рабочихъ исполненія только условленной работы, для которой наемъ учиненъ. Между тѣмъ, на весьма многихъ фабрикахъ существуетъ обыкновеніе, чтобы рабочіе назначали изъ себя такъ называемыхъ дневальныхъ, по очереди, съ цѣлью или смотрѣть за чистотой и порядкомъ, или оберегать извѣстныя помѣщенія. Дневальные за этотъ трудъ ничего не получаютъ и, мало того, теряютъ при сдѣльной работѣ, а хозяева дѣлаютъ сбереженія въ расходѣ на сторожей и другихъ чернорабочихъ.

Не существуетъ, повидимому, границъ для разнообразныхъ поводовъ, по которымъ на той или иной фабрикѣ взимаются штрафы, очень тѣсна также граница нарушеній хозяевами постановленій закона объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи рабочихъ. Вообще, замѣчаетъ московскій фабричный инспекторъ, хозяинъ фабрики — неограниченный властитель и законодатель, котораго никакіе законы не стѣсняютъ, и онъ часто распоряжается ими по своему; рабочіе ему обязаны *безпрекословнымъ повиновеніемъ*, какъ гласятъ правила нѣкоторыхъ фабрикъ.

Положить предѣлъ такому властительству хозяевъ и составляетъ цѣль закона 1 іюня 1882 г. Законъ этотъ заключаетъ въ себѣ двѣ важныя стороны: онъ беретъ въ опеку государства малолѣтнихъ рабочихъ и создаетъ, въ лицѣ фабричной инспекціи, дѣйствительный, а не фиктивный только, контроль государства надъ мануфактурами, фабриками и заводами. На фабричныхъ инспекторовъ возложена обязанность, кромѣ надзора за исполненіемъ хозяевами постановленій закона, собирать также матеріалы о всѣхъ сторонахъ фабричнаго быта. Когда этотъ матеріалъ будетъ собранъ фабричной инспекціей, тогда раскроется во-очію необходимость дальнѣйшаго расширенія закона 1 іюня 1882 года въ смыслѣ болѣе энергическаго вмѣшательства государства въ фабричный бытъ для улучшенія судьбы не только малолѣтнихъ, но и взрослыхъ рабочихъ. Такимъ именно путемъ шло западно-европейское фабричное законодательство, достигшее уже въ настоящее время въ Англіи и Швейцаріи значительнаго развитія и улучшившее весьма существенно положеніе рабочаго класса. Пока оконченъ и напечатанъ отчетъ только московскаго фабричнаго инспектора. Но уже и въ этомъ одномъ отчетѣ ярко указаны ближайшія и крайне необходимыя задачи нашего фабричнаго законодательства. Задачи эти заключаются въ слѣдующемъ:

1) Установленіе бо́льшей опредѣленности и взаимности въ правахъ и обязанностяхъ хозяевъ и рабочихъ.

2) Ограниченіе закономъ продолжительности рабочаго дня.

3) Установленіе сроковъ расплаты хозяевъ съ рабочими.

4) Регулированіе цѣнъ на продукты въ фабричныхъ лавкахъ.

5) Изданіе санитарныхъ правилъ относительно жилыхъ и рабочихъ помѣщеній въ промышленныхъ заведеніяхъ.

6) Опредѣленіе законодательнымъ путемъ отвѣтственности хозяевъ за несчастія съ рабочими.

7) Устройство надлежащей медицинской помощи на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ.

И. Иванюковъ.

По поводу одной литературной хроники.

Писаше, ничтоже сумнящеся.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ критика занимала у насъ въ толстыхъ журналахъ видное мѣсто. Лѣтъ около шестидесяти назадъ эту критику основалъ Надеждинъ, при всемъ умѣ слишкомъ тяжеловѣсный по своему изложенію для массы публики. Ровно пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ *Молвѣ* появилась первая статья Бѣлинскаго *Литературныя мечтанія* и съ этой статьи наша критика, благодаря великому его таланту, становится серьезною руководительницею общества въ дѣлѣ искусства. И по смерти Бѣлинскаго, хотя и черезъ нѣсколько лѣтъ, эта серьезная критика находитъ себѣ продолжателей въ лицѣ Дружинина, Дудышкина, Аполлона Григорьева и особенно Добролюбова, котораго пока не замѣтилъ еще никто. Все это были люди многосторонне и основательно образованные, а, главное, относившіеся къ своему дѣлу серьезно. Они понимали, что оцѣнка цѣлаго міровоззрѣнія писателя, во всей совокупности его дѣятельности, требуетъ со стороны критики особенно строгой и серьезной вдумчивости, такъ какъ міровоззрѣніе писателя и его многолѣтняя дѣятельность представляютъ собою выраженіе очень многихъ и сложныхъ обстоятельствъ и условій жизни. Вотъ почему критическія мнѣнія Бѣлинскаго, Добролюбова и даже Дружинина и Аполлона Григорьева, несмотря на частую парадоксальность послѣдняго, до сихъ поръ имѣютъ цѣну для всякаго русскаго образованнаго человѣка. И когда приходится припомнить того или другаго литературнаго дѣятеля, уже отшедшаго въ могилу, молодое поколѣніе ищетъ себѣ руководительства въ писаніяхъ названныхъ критиковъ. И молодежь не ошибается. Она разглядитъ заблужденіе, отдѣлитъ то, что принадлежало личности и минутѣ, уже отжившимъ, и, все-таки, найдетъ серьезное, продуманное мнѣніе о томъ или другомъ писателѣ, чье слово было завѣтнымъ убѣжденіемъ послѣдняго въ назиданіе позднѣйшихъ поколѣній,—то незыблемое, вѣчное, что непремѣнно высказывается талантомъ, хотя бы и въ малой мѣрѣ, безъ чего и не бываетъ талантовъ истинныхъ.

Не то теперь. Много надобно было бы говорить о томъ, почему нѣтъ у насъ именно теперь такой критики. Причины этого слишкомъ сложны, и будущій историкъ литературы объяснитъ наше *переходное* время. А пока, вмѣсто этой критики, которой въ толстыхъ журналахъ уже много лѣтъ почти нѣтъ вовсе, появляются разные критическіе этюды, обозрѣнія и хроники въ фельетонахъ газетъ, между дѣломъ просматриваемые нетребовательнымъ читателемъ и легко забываемые.

Вмѣсто Надеждина, Бѣлинскаго, Дружинина, Добролюбова, міровоззрѣніе, талантъ и характеръ поэта оцѣнивается неизвѣстными обозрѣвателями, и только статьи г. Буренина на столбцахъ *Новаго Времени* да В. Чуйко въ *Новостяхъ* выдаются, если не содержательностью, то бойкостью, развязностью, авторитетнымъ тономъ и извѣстной хлесткостью. Оставляя пока въ сторонѣ г. Буренина, разобравшаго на газетныхъ столбцахъ и Тургенева, и Гончарова, и начавшаго даже разбирать Гоголя, остановимся на г. Чуйко, издателѣ *Библіотеки европейскихъ писателей и мыслителей*, слѣдовательно, повидимому, критикѣ образованномъ. Онъ задался цѣлью весьма смѣлою. Подъ именемъ *Литературной хроники* онъ замыслилъ дать цѣлый рядъ очерковъ о представителяхъ современной русской поэзіи (Шумахерѣ, гр. Голенищевѣ-Кутузовѣ, Случевскомъ, Д. Н. Садовниковѣ, Андреевскомъ и др.). Мысль хорошая, но требующая со стороны автора весьма большой критической проницательности, ясности, сжатаго изложенія, умѣнья въ нѣсколькихъ рѣзкихъ чертахъ обрисовать сущность поэтической дѣятельности писателя. Такими сжатыми, легкими, такъ сказать, фельетонными этюдами европейскіе писатели и мыслители, напр., Сентъ-Бёвъ, Маколей, Брандесъ, стяжали себѣ имя глубочайшихъ, проницательнѣйшихъ критиковъ, и почему же не попробовать себя на такомъ скользкомъ поприщѣ и г. Чуйко? Но въ томъ-то и дѣло, что то, что подъ силу такимъ талантамъ, какъ названные нами критики, не всегда по плечу смертному обыкновенному. И если бойкіе и развязные фельетоны по поводу совсѣмъ еще не опредѣлившихся или малосодержательныхъ стихотворцевъ вродѣ гг. Голенищева-Кутузова или Андреевскаго могутъ пройти незамѣченными, ибо и поэтовъ-то этихъ мало кто знаетъ, то легкомысленное третированіе на газетныхъ столбцахъ такихъ поэтовъ, какъ Л. Мей или А. Плещеевъ, по меньшей мѣрѣ, странно, и должно быть отмѣчено, какъ знаменіе времени, очень удачно названнаго, кажется г. Минаевымъ, *опереточнымъ*. Только со стороны этого-то знаменія времени, отразившагося въ газетной критикѣ (другой и нѣтъ), и намѣрены мы поговорить съ читателемъ объ одной изъ хроникъ *Новостей* (№ 232), развязно дающей аттестатъ на восьми столбцахъ фельетона почти единственному оставшемуся въ живыхъ и продолжающему писать изъ талантливѣйшихъ русскихъ поэтовъ А. Н. Плещееву, честная литературная дѣятельность котораго обнимаетъ гораздо болѣе четверти вѣка.

Вотъ какого приговора удостоивается почтенный поэтъ со стороны

г. Чуйко, присяжнаго критика и издателя европейскихъ писателей и мыслителей (а писатель не мыслитель?):

«На всѣхъ произведеніяхъ А. Н. Плещеева лежитъ отпечатокъ недовольства собой, а *отчасти и другими* (?)». «Эта особенность придаетъ его поэзіи нѣсколько однообразный, почти нокющій характеръ, который à la longue довольно сильно вредитъ впечатлѣнію». «Поэтическое дарованіе г. Плещеева незначительно—незначительно, какъ незначителенъ и узокъ кругозоръ его художественныхъ впечатлѣній (!). Это—мягкая, спокойная, отчасти даже сентиментальная художественная натура, мало или почти совсѣмъ не откликающаяся на рѣзкіе, сколько-нибудь душевные сильные звуки». «Его слезы не потрясаютъ. Все въ немъ умѣренно, средняго калибра, — звуки, чувства, впечатлѣнія. Поэтому (какъ хорошо это *поэтому*) Плещеевъ только лирикъ и лирикъ, производящій слабое впечатлѣніе (?); онъ не потрясаетъ, не вызываетъ ни энергіи, ни протеста; онъ только, если можно такъ выразиться, разстраиваетъ. Его грусть легко передается читателю... который, пожалуй, станетъ, подобно ему, жаловаться на судьбу, будетъ грустить и даже носиться съ своею грустью, но къ отчаянію или энергическому протесту онъ не придетъ; его психическій организмъ не будетъ потрясенъ». «Съ своей грустью, съ своимъ разочарованіемъ поэтъ какъ бы носится, постоянно повторя свои жалобы, но эта грусть не вызываетъ въ немъ подвига, желанія борьбы». Замѣчая, что въ талантѣ г. Плещеева есть *нѣчто жизненное, безсильное, умѣренно-ровное и не столько чувство, сколько отголосокъ, рефлексъ чувства*, критикъ строго указываетъ на другую особенность таланта поэта—*отсутствіе красокъ въ стихѣ, слабую образность, хотя*,—снисходительно прибавляетъ г. Чуйко,—*въ пріятной красивости стиха ему невозможно отказать. Но красивости, т.-е. того, что французы называютъ le joli, недостаточно*,—совершенно справедливо дабавляетъ авторъ; это только форма; и только краски, рѣзко опредѣлившійся, ярко поставленный образъ сообщаютъ поэтическому произведенію энергію, силу, выразительность. «*Этихъ послѣднихъ качествъ совершенно лишенъ Плещеевъ*». Называя г. Плещеева отнюдь не поэтомъ непосредственнаго чувства, а только рефлектирующимъ, критикъ даже ставитъ поэту въ укоръ, что «природа вызываетъ въ немъ, какъ и все остальное, только скорбное раздумье, что-то безотрадное, лишенное свѣта и блеска». И, приводя затѣмъ прекрасное стихотвореніе *Природа скудная родимой стороны*, критикъ укоряетъ поэта въ томъ, что послѣдній, молъ, не воспѣваетъ «самой природы, а излагаетъ лишь свое состояніе духа».

Приведя затѣмъ выписку изъ извѣстной рецензіи 1858 г. Добролюбова объ однообразно-грустномъ тонѣ русской поэзіи и какомъ-то безсиліи передъ борьбой,—рецензію только объ изданіи маленькой книжечки стихотвореній, которыхъ потомъ появилось множество и появляется и до сихъ поръ, г. Чуйко, будто обрадовавшись авторитету якобы своего собрата по критикѣ, водянисто распространяется о томъ, что вотъ именно, молъ, у г. Пле-

щеева-то и видны эта дряблость и безсиліе. «Поэзія эта,—говоритъ критикъ,—однообразна и узка по своему содержанію; въ извѣстномъ смыслѣ, можно даже сказать, что поэтъ вполнѣ себя обманываетъ (?!) и какъ будто не можетъ сладить съ своимъ внутреннимъ чувствомъ».

Одобрительно отозвавшись о *прекрасномъ по выраженію* стихотвореніи «*О, еслибъ знали вы, друзья моей весны...*», критикъ продолжаетъ: «это прекрасное, по выраженію, стихотвореніе можетъ служить образцомъ поэтическаго настроенія г. Плещеева. Поэтъ носится съ своимъ горемъ, но, въ концѣ-концовъ, все-таки, сваливаетъ всю вину на обстоятельства, на судьбу». Говоря далѣе о герояхъ и героиняхъ повѣстей и разсказовъ г. Плещеева, которые напрасно критикъ пристегиваетъ къ стихотвореніямъ поэта, онъ видитъ въ нихъ «какое-то нравственное малокровіе, тѣмъ болѣе печальное, что оно несомнѣнно искреннее и что въ немъ не замѣчается и слѣда рисовки». «Благодаря этому (т.-е. малокровію героевъ, что ли?) обстоятельству, очень трудно опредѣлить и самое міровоззрѣніе поэта. Это не пессимизмъ, это и не индифферентизмъ». «Нравственнаго сибаритства въ стихотвореніяхъ г. Плещеева мы, конечно, не замѣтимъ» (спасибо хоть за это *конечно*). «Но, можетъ быть,—заключаетъ свой этюдъ г. Чуйко,—идеальныя требованія поэта такъ велики, что ихъ не можетъ удовлетворить жизнь? Вѣрнѣе всего послѣднее, но ошибка нашего поэта заключается именно въ томъ, что въ его произведеніяхъ мы *не видимъ этихъ идеальныхъ требованій* (sic), что они скрываются въ какомъ-то туманѣ звуковъ, изъ-за котораго ничего нельзя разглядѣть». «Отсюда тотъ разладъ, который поражаетъ при чтеніи почти каждаго стихотворенія г. Плещеева, и поэтъ, *очевидно*, не можетъ справиться съ этимъ разладомъ».

Вотъ какой аттестатъ выдаетъ г. Плещееву критикъ въ 1884 году. Не полѣнимся перенестись за двадцать шесть лѣтъ и посмотримъ, что говорилъ о поэтѣ въ 1858 г. Добролюбовъ, изъ статьи котораго новый критикъ развязно вырываетъ нужный отрывокъ о русскихъ поэтахъ вообще, а затѣмъ обратимъ вниманіе на замѣчательную большую рецензію въ № 3 *Современника* 1861 года о новомъ изданіи стихотвореній г. Плещеева значительно дополненномъ противъ книжечки 1858 года, о которой говорилъ Добролюбовъ. Авторитетно на восьми газетныхъ столбцахъ подписавши приговоръ всей болѣе чѣмъ тридцатилѣтней дѣятельности поэта, г. Чуйко, очевидно, судилъ только по крошечной книжкѣ стихотвореній, вышедшихъ въ 1858 г., совершенно игнорируя книгу 1861 года въ 283 страницы, затѣмъ изданіе 1863 г. *Новыя стихотворенія* въ 108 страницъ, наконецъ, закрывая глаза на цѣлый большой рядъ стихотвореній, появившихся въ нашихъ толстыхъ журналахъ.

«Какое-то внутреннее, тяжелое горе,—говоритъ Добролюбовъ,—грустное утомленіе жизнью, печаль о несбывшихся надеждахъ,—вотъ характеръ большей части изданныхъ нынѣ (замѣтьте, что здѣсь говорится только о маленькой книжкѣ) стихотвореній г. Плещеева». Хотя, по словамъ кри-

тика, разочарованіе и сдѣлалось обычною пошлою темою бездарныхъ стихотворцевъ, «но, присматриваясь ближе къ содержанію стихотвореній г. Плещеева, мы найдемъ, что характеръ его сожалѣній не совсѣмъ одинаковъ съ жалобными стонами плаксивыхъ піитъ прежняго времени. У тѣхъ и надежды-то были дѣйствительно не только глупы, но и пошлы, мелки; и сожалѣнія-то были такого рода, что до нихъ именно никому дѣла не было». «Нельзя сказать того же о сожалѣніяхъ, которымъ предается г. Плещеевъ. Его надежды, можетъ быть, также были безразсудны, но, всетаки, онѣ относились не къ розѣ, дѣвѣ и лунѣ,—онѣ касались жизни общества и имѣли право на его вниманіе. Поэтому и грусть поэта о неисполненіи его надеждъ не лишена, по нашему мнѣнію, общаго значенія и даетъ стихотвореніямъ г. Плещеева право на упоминаніе въ будущей исторіи русской литературы, даже совершенно независимо отъ степени таланта, съ которымъ въ нихъ выражаются эта грусть и эти надежды». Сказавъ о характерѣ грусти и даже какого-то безсилія передъ борьбой у русскихъ поэтовъ вообще, Добролюбовъ отмѣчаетъ эту черту, особенно ярко выступающую у г. Плещеева, что, по нашему мнѣнію, служитъ доказательствомъ именно русской жизненности поэзіи послѣдняго. но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ и другую, мажорную, бодрую и сильную ноту даже въ самой ранней дѣятельности поэта—на смѣлый призывъ, полный вѣры въ себя, вѣры въ людей, вѣры въ лучшую будучность, — призывъ, такъ горячо выражающійся въ извѣстной, одной изъ лучшихъ вообще въ русской поэзіи вещей г. Плещеева, въ стихотвореніи *Впередъ*. «Эта чистая увѣренность, такъ твердо выраженная, этотъ братскій призывъ къ союзу —не во имя разгульныхъ пировъ и удалыхъ подвиговъ, а именно подъ знаменемъ науки, это благородное рѣшеніе не творить себѣ кумировъ— обѣщали многое». Далѣе Добролюбовъ, дѣйствительно, какъ бы ставитъ въ упрекъ поэту, что и послѣ восьмилѣтняго перерыва въ его дѣятельности (съ 1848 по 1856 г.) опять заслышались въ его поэзіи печальныя ноты скорби и разочарованія, и приводитъ, кромѣ другихъ выписокъ, то же стихотвореніе «*О, еслибъ знали вы, друзья моей весны*», которое приводитъ и г. Чуйко; но вотъ какую мысль,—мысль, совсѣмъ игнорируемую новымъ критикомъ, тутъ же и приводитъ Добролюбовъ: «Въ этомъ стихотвореніи довольно удачно опредѣляется, съ какой именно стороны грозитъ человѣку нравственная гибель, при враждебныхъ обстоятельствахъ внѣшнихъ, среди пошлости всей окружающей жизни. Не столько велика опасность, что задохнешься въ смрадѣ этой одуряющей атмосферы, сколько страшно то, что привыкнешь къ этому смраду и будешь, какъ и другіе, ходить цѣлый вѣкъ одуреннымъ». «Хорошо еще, если въ насъ остается хоть воспріимчивость къ вѣчной жизни, хоть желаніе возрожденія. Эта именно воспріимчивость, это желаніе—замѣтны повсюду въ стихотвореніяхъ г. Плещеева. А при такомъ расположеніи духа можно еще утѣшиться въ томъ, о чемъ сожалѣетъ поэтъ, т.-е. что онъ принужденъ былъ не разъ

мириться со зломъ и зарывать въ землю талантъ, которому нельзя было найти употребленія».

Черезъ три года, въ 1861 г., новое изданіе стихотвореній г. Плещеева, значительно дополненное, въ томъ же *Современникѣ* вызвало обширную рецензію извѣстнаго переводчика и поэта оригинальнаго М. Л. М. Вспоминая о несправедливыхъ и пренебрежительныхъ отзывахъ, которые вызвала въ лучшихъ журналахъ первая небольшая книжка стихотвореній поэта, явившаяся какъ разъ въ то время, когда въ критикѣ нашей водвигалось цѣлое гоненіе на стихи вообще, критикъ говоритъ: «Не понравилось серьезнымъ рецензентамъ, зачѣмъ г. Плещеевъ говоритъ о любви къ человѣчеству, о его страданіяхъ и будущихъ идеалахъ, о свѣтлыхъ надеждахъ. Дико вспомнить теперь объ этомъ. Неужели благородныя чувства, благородныя мысли, которыми вѣяло отъ каждой страницы небольшой книжки г. Плещеева, было такимъ ежедневнымъ явленіемъ въ тогдашней русской поэзіи, чтобы можно было съ пренебреженіемъ отъ нихъ отвернуться? Все въ его стихотвореніяхъ вполнѣ искренно и сказалось отъ души, и едва ли кто могъ усомниться въ этомъ и тогда. Или не понравилось юношеское увлеченіе поэта, неопредѣленность это стремленій и надеждъ? Но была ли возможность выражать эти надежды, эти стремленія точнѣе и опредѣленнѣе, объ этомъ никто не хотѣлъ вспомнить. И дѣйствительно ли всѣ мы такъ высоко и безукоризненно развиты, что намъ не нужно слышать искренняго голоса, заступающагося, хотя бы въ общихъ чертахъ, за лучшую сторону нашей природы, до сихъ поръ мало торжествовавшую?» Возражая рецензентамъ на обвиненіе поэта въ томъ, будто онъ не высказываетъ въ своихъ произведеніяхъ ничего новаго, М. Л. М. справедливо замѣчаетъ: «Все ли успѣло такъ устарѣть для нашего общества, и не нужно ли, и не будетъ ли еще долго нужно повторять и толковать ему простѣйшія и неоспоримѣйшія истины и доказывать, что бѣлое бѣло, а не черно, а черное черно, а не бѣло? Есть много самыхъ обыкновенныхъ понятій, врожденныхъ человѣку чувствъ, о которыхъ, тѣмъ не менѣе, надо безпрестанно напоминать, чтобы они не забывались. Это и вездѣ, не говоря уже о нашемъ не сформировавшемся обществѣ. Поэты съ такимъ благороднымъ и чистымъ направленіемъ, какъ направленіе г. Плещеева, всегда будутъ полезны для общественнаго воспитанія и найдутъ путь къ молодымъ сердцамъ. Трудно употребить лучше его въ дѣло тѣ поэтическія способности, которыми онъ обладаетъ». И, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, рецензентъ приводитъ прекраснѣйшій гимнъ «*Впередъ безъ страха и сомнѣнья*», который, по словамъ его, «всегда останется прекрасной памятью скромной, но благородной литературной дѣятельности г. Плещеева». На этотъ старый мотивъ плещеевской поэзіи, т.-е. благодаря вѣрѣ въ жизнь и лучшее будущее, сохраненіе въ себѣ силы остаться посреди всѣхъ искушеній и скорбей чистымъ и честнымъ,—мотивъ, котораго не нашелъ Добролюбовъ въ маленькой книжкѣ стихотвореній и совершенно игнорировалъ г. Чуйко, особенно

указываетъ М. Л. М., приводящій въ доказательство своей мысли прекрасное стихотвореніе *Сонъ*, заключающееся слѣдущими стихами пророка:

Мой падшій духъ возсталъ, и утѣсненнымъ вновь
Я возвѣщать пошелъ свободу и любовь.

«Мотивъ этой пьесы,—говоритъ М. Л. М.,—точно также, какъ и мотивъ стихотворенія *Впередъ*, проходятъ болѣе или менѣе внятно по всѣмъ собственно оригинальнымъ стихотвореніямъ г. Плещеева, который, чувствуя прочность зла и свое безсиліе бороться съ нимъ, молитъ Бога объ одномъ, чтобы жаръ его сердца «*не засыпало пепломъ мертвящее сомнѣніе*». Глубокая искренность этихъ теплыхъ словъ, любовь къ истинѣ и къ благу ближнихъ, вызывавшія эти элегическіе стихи, не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію». При всей благородной скорби, которая слышится въ большей части произведеній г. Плещеева, для поэта осталась еще и надежда на что-то лучшее, которая поддерживаетъ и ободряетъ его. За г. Плещеевымъ осталась одна сила, сила призыва къ честному служенію обществу и ближнимъ. Смыслъ лучшей стороны его дѣятельности яснѣе всего выражается стихотвореніемъ, напечатаннымъ на 148 стр. изд. 1861 г.; отъ большей части его оригинальныхъ пьесъ вѣетъ на читателя тѣмъ добрымъ чувствомъ, тѣмъ здравымъ пониманіемъ обязанности и цѣли жизни, которыя высказаны въ этихъ стихахъ:

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь.
Прими же мой привѣтъ, не громкій, но сердечный;
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной.
Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры и любви свѣтильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.
Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою;
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеалъ,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ.
И если въ старости, въ раздумья часъ печальный
Ты скажешь: въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный...
Ты будешь счастливъ, другъ: иного счастья нѣтъ!

Вотъ въ какихъ теплыхъ выраженіяхъ и съ какимъ уваженіемъ отозвались Добролюбовъ и М. Л. М. объ одномъ изъ старѣйшихъ, остающихся въ живыхъ поэтовъ, о которомъ такъ легкомысленно и безъапелляціонно разсуждаетъ новый критикъ, г. Чуйко, усмотрѣвшій въ поэтѣ одно нытье и чуть не бездарность, между тѣмъ какъ черезъ мѣсяцъ послѣ статейки о г. Плещеевѣ тотъ же критикъ въ 260 № *Новостей* выставилъ

образцомъ для новыхъ поэтовъ безсодержательнаго и водянистаго стихотворца С. А. Андреевскаго. Мы бы не стали, конечно, и останавливаться на какой-нибудь болѣе, чѣмъ поверхностной, газетной фельетонной болтовнѣ, если бы именно эта болтовня, сама не вѣдающая, что творитъ, не захватила въ свои руки всю критику, и если бы эта болтовня, читаемая, за неимѣніемъ лучшаго, десятками тысячъ читателей, не коснулась имени поэта такого почтеннаго, но стихотворенія котораго въ старыхъ изданіяхъ давно вышли изъ продажи и, слѣдовательно, мало извѣстны публикѣ, не могущей провѣрить новаго критика, а стихотворенія послѣ послѣдняго изданія 1863 г. (*Новыя стихотворенія*. Москва, 1863 г.) разбросаны по журналамъ. Поэтому и остановились мы на литературной хроникѣ г. Чуйко и, приведя отзывы старыхъ критиковъ, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ и о всей дѣятельности поэта, продолжающейся и до сихъ поръ.

Г. Плещеевъ, пишущій болѣе тридцати лѣтъ, занимаетъ въ нашей литературѣ послѣ А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго, уже давно почти, мѣсто весьма почтенное и совершенно особенное. Если достоинство лирика опредѣляется цѣлостностью міровоззрѣнія, ясностью требованій отъ жизни и здравымъ взглядомъ на свое поэтическое призваніе, то г. Плещеевъ именно такой лирикъ, вполнѣ опредѣленный и законченный. Не говоря уже о массѣ превосходнѣйшихъ переводовъ, о которыхъ совсѣмъ умалчиваетъ г. Чуйко, онъ отъ ранней своей юности до старости, несмотря на всѣ пережитыя тяжкія испытанія, не утратилъ, по выраженію Лермонтова, въ пустынѣ жара свой прекрасной души, отзывчивой на все высокое и благородное и глубоко скорбящей надъ всѣмъ, въ чемъ нѣтъ сердечнаго, задушевнаго, человѣческаго. «Будь безтрепетнымъ пѣвцомъ,—обращается онъ къ поэту еще въ 1863 г.,—бойцомъ за права человѣка,— не дай заснуть въ порокахъ вѣка твоей душѣ постыднымъ сномъ». Изъ двухъ дорогъ, открывающихся передъ человѣкомъ, — одной — широкой, привольной, усѣянной всѣми благами жизни, и другой—кремнистой, пустынной и безотрадной, по которой не придти къ наслажденію въ золоченыя хоромы, авторъ избираетъ послѣднюю. По этой дорогѣ пускаются люди

Проложить въ пустынѣ слѣдъ.
Хоть угрюма та дорога
И не къ радостямъ ведетъ,
Но по ней за нами много
Новыхъ путниковъ пойдетъ,
Съ упованьемъ, что желанный
Часъ придетъ когда-нибудь,
Что на край обѣтованный
Будетъ имъ дано взглянуть.
И съ душою умиленной,
Въ этотъ часъ съ крутыхъ высотъ
Солнца правды — надъ вселенной
Встрѣтятъ путники восходъ.

(*Двѣ дороги*. «Новыя стихотв.», стр. 25).

Съ одной стороны, г. Плещеевъ поэтъ надежды и вѣры въ торжество свѣта и правды, которое непремѣнно должно наступить рано или поздно вмѣстѣ съ торжествомъ просвѣщенія, науки и свободы мысли, и этотъ мотивъ, начиная отъ юношескаго стихотворенія *Впередъ* до самаго послѣдняго времени, проходитъ во множествѣ стихотвореній, и въ этой бодрой вѣрѣ въ добро поэтъ сходится съ Тургеневымъ, точно такъ же до конца жизни оставшимся благороднѣйшимъ идеалистомъ; съ другой стороны, онъ поэтъ общественной совѣсти, скорби и стыда за такъ часто утрачиваемое человѣческое достоинство. Въ однихъ стихотвореніяхъ зовя на борьбу со зломъ и поднимая ослабѣвающаго брата идти впередъ до послѣднихъ силъ, въ другихъ — глубоко скорбитъ надъ холодностью, пустотой и пошлостью, какъ тиной затягивающими человѣка въ омутъ. Этихъ печальныхъ мотивовъ, правда, у поэта больше; но развѣ задушевное, трогательное, выраженное гармоническими музыкальными стихами оплакиваніе разбитыхъ надеждъ, утрату лучшихъ чувствъ человѣка, не лучше, не здоровѣе пошлаго самодовольства, примиренія со зломъ и холодной разсудочности этихъ мудрецовъ, что знаютъ жизнь такъ хорошо по книгамъ? «То, что другихъ болѣзненно тревожитъ, презрѣнье въ нихъ рождаетъ или смѣхъ; сомнѣнья червь сердецъ у нихъ не гложетъ, непогрѣшимъ мужей ученыхъ цехъ!» (*Нов. стих.*, стр. 23). Вотъ эти-то два мотива, въ сущности, исчерпывающіе всю оригинальную поэзію г. Плещеева, такъ не нравятся своимъ однообразіемъ г. Чуйко. Мы, напротивъ, считаемъ особенно цѣнными въ наше время эти мотивы; призывъ къ дѣятельности на пользу людямъ и скорбь надъ несовершенствомъ, слабостью и дряблостью современнаго человѣка, такъ чудно развитые въ прекрасномъ легкомъ стихѣ, столь рѣдкомъ у новѣйшихъ поэтовъ,—дѣлаютъ г. Плещеева особенно любезнымъ поэтомъ лучшей нашей молодежи. Воспитательное значеніе его въ смыслѣ именно возбужденія въ юношахъ бодрости духа, теплой любви къ человѣчеству и человѣку, падшему и заблудившемуся, возбужденія ужаса передъ опошленіемъ и скорби о невыдержавшихъ борьбы и склонившихъ голову передъ бѣдой,—такое значеніе г. Плещеева несомнѣнно. Этого-то значенія и не замѣтилъ близорукій критикъ, увидѣвшій въ истинныхъ порывахъ глубокаго чувства и святыхъ слезахъ одно нытье. Наконецъ, не забудемъ еще и такого факта, въ высшей степени знаменательнаго. Въ то время, какъ почти всѣ наши поэты совсѣмъ равнодушны къ юношеству и никогда не спускаются до него съ высоты своего величія, г. Плещеевъ въ послѣдніе годы написалъ много прекрасныхъ вещей для дѣтскихъ журналовъ. Эти вещи онъ издалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими лучшими изъ своихъ прежнихъ произведеній, наиболѣе доступными пониманію юношества, въ отдѣльномъ сборникѣ *Подснѣжникъ*, по свѣжести и оригинальности мотивовъ и задушевности заслуживающемъ полнаго вниманія критики. Такое же высокое педагогическое значеніе имѣетъ, если не для учащихся, то для учащихъ,

и слѣдующее, затерявшееся въ журналахъ, недавно написанное стихотвореніе, которое мы позволимъ себѣ привести:

Блаженны вы, кому дано
Посѣять въ юныя сердца
Любви и истины зерно.
Свершайте-жь честно, до конца
Свой подвигъ трудный и благой.
И нѣтъ награды выше той,
Что васъ за этотъ подвигъ ждетъ:
Роскошный цвѣтъ, обильный плодъ
При жизни вашей принесетъ
Добро, посѣянное вами.
Когда-жь пробьетъ прощальный часъ,
Съ благоговѣньемъ и слезами
Опуститъ въ землю юность васъ.
Но горе вамъ, коль захотите
Умы вы ложью омрачать:
Позора вы не избѣжите.
Пятна вамъ съ совѣсти не снять!
Кто жаждетъ знанья, жаждетъ свѣта,
Тѣмъ не ужиться долго съ тьмой;
Придетъ пора, — спадетъ долой
Съ ихъ глазъ повязка, что надѣта
Была предательской рукой.
Порока бездну, бездну зла,
Къ которой ваша ложь вела,
Увидѣвъ, юность содрогнется,
Полна и скорби, и стыда,
Отъ лжеучителей тогда
Она съ проклятьемъ отшатнется
И имена ихъ презирать
Своихъ дѣтей научитъ мать!

Этимъ стихотвореніемъ мы и заканчиваемъ нашу замѣтку. Ею мы только хотѣли указать на недобросовѣстность и легкомысліе, съ которыми критикъ, ничтоже сумняшеся, отнесся къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ въ наше время по благородству и задушевности своего направленія поэту оригинальному и переводчику, удивительно передающему подлинники многихъ изъ современныхъ поэтовъ иностранныхъ. Мы и не стали бы, повторяемъ, останавливаться на литературной хроникѣ развязнаго критика; но, къ сожалѣнію, голосъ г. Чуйко не единственный по части похода противъ идеализма, сердечности и призывовъ къ оглядкѣ на настоящее. Очень много развелось у насъ теперь людей, которымъ мозолитъ глаза истинная скорбь и недовольство настоящимъ. Для нихъ все это—скорбь и раздумье надъ жизнью—кажется только *нытьемъ*, и ничѣмъ больше. Ach wie ist romantisch und schön die Natur!—восклицаютъ они, какъ нѣмецъ въ одной веселой пѣсенкѣ, наивно убѣжденные, какъ Розенкранцъ въ Гамлетѣ, въ томъ, что

все такъ хорошо устроено въ этомъ прекраснѣйшемъ изъ міровъ. Къ числу этихъ людей, повидимому, принадлежитъ и ничего не понимавшій въ поэзіи г. Плещеева критикъ. Нельзя не пожелать, чтобы почтенный поэтъ поскорѣе выпустилъ въ свѣтъ полное собраніе всѣхъ своихъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, нельзя будетъ развязно печатать свои заключенія о немъ по первой небольшой книжкѣ стихотвореній, изданной двадцать пять лѣтъ назадъ.

Викторъ Острогорскій.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Ученые съѣзды нынѣшней осени за границей и въ Россіи.

Осень, какъ время сбора плодовъ науки. — Ученые съѣзды. — Съѣздъ британской ассоціаціи для прогресса наукъ въ Монреалѣ. — Рѣчь предсѣдателя сессіи, лорда Райлея, о новѣйшихъ успѣхахъ физики. — Успѣхи электро-техники, термо и гидродинамики, оптики.—Мнѣніе Райлея о преимуществахъ реальнаго образованія.—Рѣчи Томсона и Роско.—Сообщеніе Мозлея о животной жизни на большихъ глубинахъ.—Условія жизни въ глубинѣ океана; особенности глубинной фауны и ея происхожденіе.—Рѣчь Бланфорда объ ошибочныхъ воззрѣніяхъ въ геологіи.—Невѣрность мнѣнія объ однородности древнихъ фаунъ и флоръ и объ однообразіи температуры на всей земной поверхности.—Климатическіе пояса и ледниковыя эпохи въ теченіе древнѣйшихъ геологическихъ періодовъ. — Рѣчь Б. Тайлора о вопросахъ антропологіи.—Вопросъ о связи первобытныхъ американцевъ съ азіатами.—Рѣчь Ф. Долля о кометахъ. — Открытія Скіапарелли, Хёггинса и Бредихина.—Связь кометъ съ метеорами, вещество кометъ и хвосты ихъ.— Съѣздъ американской научной ассоціаціи.—Вопросъ о постоянствѣ суточнаго вращенія и неизмѣнности земной оси.—Неправильности въ движеніяхъ луны.—Пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ о планетахъ.—Задачи, представляемыя солнцемъ. — Съѣздъ французской научной ассоціаціи въ Блуа.—Вопросъ о холерномъ контагіѣ и сомнѣнія въ зловредности коховской бациллы.—Конгрессъ гигіенистовъ въ Гаагѣ, рѣчь Рошара объ экономической цѣнности человѣческой жизни. — Съѣздъ англійской ассоціаціи для распространенія соціальныхъ наукъ.— VI съѣздъ русскихъ археологовъ въ Одессѣ. — Участіе въ немъ иностранныхъ ученыхъ и русскихъ юристовъ.—Новыя открытія по каменному вѣку.—Пещеры по Днѣстру и древнія каменныя сооруженія въ Александровскомъ уѣздѣ.—Новыя раскопки кургановъ.—Изслѣдованія запорожскихъ древностей.

Осень, время жатвы для земледѣльца, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и время сбора плодовъ въ области науки. Осенью устраиваются, обыкновенно, ученые съѣзды, на которыхъ спеціалисты дѣлятся между собою результатами своихъ трудовъ, а отчасти знакомятъ и общество съ новѣйшими успѣхами въ ихъ спеціальности. Послѣдній обычай особенно практикуется въ Англіи, на съѣздахъ британской ассоціаціи для прогресса наукъ. Какъ президентъ съѣзда, такъ и предсѣдатели отдѣльныхъ секцій произносятъ здѣсь, по обычаю, рѣчи, въ которыхъ касаются наиболѣе современныхъ вопросовъ

и фактовъ въ различныхъ отрасляхъ естествознанія. Нынѣшній разъ британская ассоціація устроила свой конгрессъ за предѣлами Европы: она выбрала мѣстомъ собранія своихъ членовъ городъ Монреаль, въ Канадѣ, куда къ назначенному дню и собралось до 800 членовъ (не считая еще такого же числа мѣстныхъ и изъ Соединенныхъ Штатовъ). Нечего и говорить, что Канада и въ особенности Монреаль отнеслись къ своимъ ученымъ гостямъ съ полнымъ вниманіемъ и радушіемъ. Городъ ассигновалъ 40,000 долларовъ на расходы по пріему; 736 гостей были перевезены даромъ изъ Европы въ Канаду и обратно; кромѣ того, болѣе 300 пріѣзжихъ нашли гостепріимство въ частныхъ семействахъ. Генералъ-губернаторъ, лордъ Лэнсдаунъ, привѣтствовалъ съѣздъ теплою рѣчью, а нѣсколько дней спустя пригласилъ членовъ его на парадный банкетъ; мэръ города поднесъ сочувственный адресъ и, вмѣстѣ съ представителями города, принималъ всѣ мѣры, чтобы оказать почетнымъ гостямъ большее вниманіе; корпорація Мак-гильскаго университета устроила роскошный пріемъ въ стѣнахъ своего зданія и избрала болѣе выдающихся гостей въ свои почетные члены. Ученыя засѣданія перемежались съ банкетами и поѣздками, и съѣздъ окончился экскурсіей въ болѣе достопримѣчательныя мѣста Канады, причемъ пріѣзжіе гости вынесли много новаго и поучительнаго и унесли съ собой въ Европу массу пріятныхъ впечатлѣній.

Ученыя собранія съѣзда открылись рѣчью президента ассоціаціи, лорда Райлея, профессора экспериментальной физики въ Кэмбриджскомъ университетѣ. Лордъ Райлей—еще сравнительно молодой человѣкъ, 42 лѣтъ, но успѣвшій уже пріобрѣсти значительную извѣстность своими учеными трудами. Онъ началъ рѣчь свою съ того, что указалъ на значеніе открываемаго съѣзда, перваго за предѣлами метрополіи и знаменующаго собою новую эру въ распространеніи естествознанія и англійской науки.

Затѣмъ онъ перешелъ къ сущности своей рѣчи, посвященной обзору новѣйшихъ успѣховъ физики. Предварительно, впрочемъ, онъ еще сдѣлалъ небольшое отступленіе, чтобы почтить память умершихъ сочленовъ, и въ особенности знаменитаго физика-техника сэра В. Сименса. Девизъ этого дѣятеля былъ: «практика въ союзѣ съ наукою» (Practice with Science); заводчикъ и инженеръ, онъ всегда стремился къ тому, чтобы примѣнять научные принципы къ практическимъ цѣлямъ и къ новымъ открытіямъ. Всѣмъ извѣстна его роль въ исторіи развитія и усовершенствованія электродвигательныхъ машинъ. Достаточно указать еще на одно изъ его лучшихъ открытій—газовыхъ регенеративныхъ печей, экономизирующихъ ежегодно милліоны тоннъ угля на сталелитейныхъ и стеклянныхъ заводахъ. Сущность этой экономіи можно объяснить въ двухъ словахъ. Извѣстно, что при всякой работѣ, требующей употребленія топлива, необходимо достиженіе опредѣленной температуры. Если продукты горѣнія ниже этого предѣла, теплота, выдѣляемая ими, теряется безъ пользы. Для того, чтобы она не терялась, Сименсъ и придумалъ регенеративныя печи. Продукты горѣнія,

прежде выхода въ трубу, проходятъ чрезъ массы неплотно сложеннаго кирпича, которыя въ скоромъ времени и нагрѣваются почти до той же степени, какъ сама печь. Иргъ помощи особыхъ клапановъ, газъ проводится тогда на другіе кирпичи, которые онъ нагрѣваетъ такимъ же образомъ. Теплота, скопляющаяся въ кирпичахъ, утилизируется для нагрѣванія еще не сгорѣвшаго газа и тока воздуха, направляемаго въ печь. Такимъ образомъ, почти вся теплота, развивающаяся при высокой температурѣ во время горѣнія, утилизируется для желаемой работы, что, понятно, должно значительно сокращать количество потребляемаго топлива. Открытія, сдѣланныя Сименсомъ, доставили ему, кромѣ извѣстности, и большое состояніе, но не будетъ преувеличеніемъ сказать, что жизнь такого человѣка, какъ Сименсъ, была посвящена общественному благу и что личныя выгоды, полученныя имъ отъ его открытій, далеко не могутъ сравняться съ тою пользою, которую извлекли изъ нихъ для себя массы.

Переходя къ новѣйшимъ успѣхамъ физики, лордъ Райлей указалъ на значительную трудность обнять ихъ въ совокупности, въ виду того, что современная физика распадается на нѣсколько отраслей, изъ коихъ каждая можетъ поглотить всю жизнь ученаго. Съ другой стороны, изученіе каждой вѣтви физики требуетъ, по крайней мѣрѣ, знакомства съ общими началами науки, и нерѣдко пограничная область между двумя отдѣлами способна приносить наиболѣе цѣнные плоды, или, какъ выразился Максвелль, наилучшіе результаты получаются отъ «перекрестнаго оплодотворенія» наукъ. Но изобиліе матеріала еще не единственная трудность, съ которою приходится бороться при обозрѣніи научныхъ результатовъ. Другое затрудненіе заключается въ правильной оцѣнкѣ достоинствъ и точности вновь появляющихся изслѣдованій. Не всегда то, что кажется сначала важнымъ, оказывается таковымъ на дѣлѣ и, наоборотъ, исторія науки представляетъ много примѣровъ, что открытія, проходящія почти незамѣченными, мало-помалу пріобрѣтаютъ почву и приносятъ богатые плоды. Въ примѣръ можно привести электродвигательную машину, основанную на открытіи Фарэдея, сдѣланномъ назадъ тому полвѣка, но потребовавшую много усилій для приданія ей современнаго совершенства. Эта медленность объясняется, до извѣстной степени, по мнѣнію лорда Райлея, недостаточнымъ довѣріемъ къ выводамъ науки. Еще въ 1846 году было доказано Джулемъ, что превращеніе электрической работы въ механическую можетъ производиться съ значительною экономіей; съ другой стороны, давно уже было извѣстно, что электричество, получаемое изъ химическаго дѣйствія, представляетъ слишкомъ дорогую механическую силу, если имѣется надобность въ сильныхъ токахъ. Отсюда естественно было заключить, что электричество можетъ быть получено наиболѣе выгоднымъ способомъ при помощи механической силы. Такимъ образомъ, есть основанія думать, что если бы вопросъ былъ подвергнутъ болѣе настойчивой разработкѣ, то прогрессъ электродвигательной машины совершился бы много скорѣе. Правда, открытія всегда кажутся

простыми, когда мы смотримъ на нихъ съ высоты совершившагося факта, тѣмъ не менѣе, очевидно, что нужно идти впередъ безъ колебаній, разъ мы увѣрены, что представляющіяся препятствія не могутъ считаться непреодолимыми и что мы не стоимъ въ противорѣчіи съ какимъ-либо закономъ природы.

Впрочемъ, современное развитіе электричества зависитъ столько же отъ лампы, въ которой происходитъ накаливаніе, сколько отъ машины. Одно изъ главныхъ условій лампы, это—полученіе въ ней совершенной пустоты, до одной милліонной атмосферы, — пустоты, которую еще двадцать лѣтъ тому назадъ трудно удавалось получить даже въ лабораторіяхъ. Несомнѣнно, что удивительные новѣйшіе успѣхи никогда бы не были достигнуты, если бы въ стремленіи къ нимъ преслѣдовались только практическія цѣли. Дорога въ этомъ направленіи была расчищена учеными, которыхъ главная цѣль состояла въ прогрессѣ чистой науки. Едва ли кто-либо изъ нихъ могъ воображать, что разработанные ими процессы получатъ скоро практическое, промышленное приложеніе, станутъ спеціальностью простыхъ ремесленниковъ. Конечно, приложенія электричества встрѣтились и съ трудностями, но эти трудности не могутъ остановить попытокъ къ усовершенствованію. Освѣщеніе большихъ пароходовъ, напримѣръ, удалось вполнѣ,—прогрессъ, который могутъ оцѣнить вполнѣ только тѣ, которымъ приходилось испытать на себѣ скуку длинныхъ зимнихъ ночей на кораблѣ при недостаточномъ освѣщеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что условія, представляемыя пароходами, являются въ извѣстномъ отношеніи весьма благопріятными; ограниченное пространство, единство въ управленіи, присутствіе механиковъ устраняютъ неудобства, съ которыми въ другихъ случаяхъ приходится серьезно считаться. Внутренное освѣщеніе обширныхъ группъ домовъ покуда еще не могло состояться и результаты конкурренціи съ дешевымъ газомъ еще не достаточно выяснились; но электро-техника развилась теперь уже настолько, что она можетъ вступить въ такую конкурренцію, по крайней мѣрѣ въ подобномъ центрѣ, какъ Лондонъ. Болѣе важный прогрессъ осуществится, однако, тогда, когда для произведенія электродвигательной силы удастся воспользоваться, вмѣсто топлива, теченіемъ воды. Теперь колоссальныя силы, представляемыя большими рѣками, теряются безъ пользы; придетъ время, когда онѣ будутъ утилизироваться для нуждъ человѣка, когда онѣ въ состояніи будутъ въ значительной степени замѣнить силы, получаемыя въ настоящее время при помощи топлива.

Практическія потребности вліяютъ иногда весьма благопріятно на развитіе науки. Подобно тому, какъ усовершенствованіе телеграфовъ повело къ измѣренію электрическихъ токовъ слабой силы, такъ электрическое освѣщеніе направило изслѣдованія на измѣреніе сильныхъ токовъ. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что методы измѣреній еще не представляютъ особенной важности, но въ дѣйствительности они оказываютъ существенное вліяніе на результаты изслѣдованій и на устройство приборовъ. Такъ,

сопротивленіе, съ которымъ техникъ долженъ считаться при пользованіи слабымъ токомъ, исчезаетъ, если ему приходится имѣть дѣло съ токами, во сто или болѣе разъ сильными. Сильные токи, которыми располагаютъ теперь физики, даютъ послѣднимъ новыя средства для открытій и изслѣдованій. Результаты, которые въ прежнее время получались рѣдко и представляли значительныя трудности для наблюденія, теперь могутъ быть производимы по желанію и въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ. Такъ, поляризація свѣта можетъ быть достигаема теперь въ такихъ размѣрахъ, которые еще недавно были немыслимы. Теперь плоскость поляризаціи можетъ быть легко вращаема на 180°, и, благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ, Кундтъ и Рёнтгенъ въ Германіи и Беккерель во Франціи могли открыть вращеніе въ газахъ и воздухѣ, гдѣ прежде оно ускользало отъ наблюденій. Подобнымъ образомъ, вопросъ о магнитномъ насыщеніи желѣза получилъ теперь гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ во времена Джуля. Теперь въ каждой электродвигательной машинѣ желѣзо магнитовъ приближается къ состоянію насыщенія,—фактъ, который долженъ быть принятъ во вниманіе при дальнѣйшемъ изученіи вопроса и изслѣдованіе котораго должно, въ свою очередь, повести къ новымъ усовершенствованіямъ въ постройкѣ самыхъ машинъ. Несмотря на замѣчательные труды Рауланда и Столѣтова, наши понятія о состояніи желѣза при различныхъ условіяхъ намагничиванія еще довольно не ясны; можно надѣяться, однако, что новый приборъ Хюгса, его индуктивные вѣсы, окажетъ въ этомъ отношеніи большія услуги. Съ помощью его можно будетъ воспользоваться удивительною силою телефона и примѣнить ее къ распознаванію свойствъ металловъ въ отношеніи магнитизма и электрической проводимости.

Перейдя затѣмъ къ успѣхамъ термо-динамики, ораторъ остановился, прежде всего, на двухъ ея основныхъ законахъ. Первый законъ извѣстенъ всѣмъ, сколько-нибудь изучавшимъ физику; онъ говоритъ, что теплота можетъ быть обращена въ механическую работу и, наоборотъ, механическая работа—въ теплоту, и что между этими двумя силами существуетъ извѣстное численное соотношеніе—такъ называемый механическій эквивалентъ теплоты, установленный впервые Джулемъ и затѣмъ подтвержденный другими учеными, особенно Рауландомъ. Второй законъ, гораздо болѣе важный въ практическомъ отношеніи, только въ новѣйшее время получилъ надлежащую оцѣнку. До извѣстной степени онъ является противорѣчіемъ первому, такъ какъ устанавливаетъ неравенство между эквивалентами теплоты и механической работы. Работа можетъ быть всегда превращена въ теплоту, но теплота превращается въ работу лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Второй законъ устанавливаетъ, что дѣйствительное значеніе теплоты, какъ механической силы, зависитъ отъ температуры содержащаго ее тѣла. Чѣмъ выше теплота тѣла относительно окружающей ея среды, тѣмъ количество полезной теплоты является болѣе значительнымъ. Чтобы

понять это отношеніе между первымъ и вторымъ законами термо-динамики, достаточно бросить взглядъ на теорію паровой машины. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было доказано точнымъ вычисленіемъ несовершенство паровой машины при сравненіи ея полезной работы съ механическимъ эквивалентомъ теплоты, доставляемой ея котлу. Но подобныя вычисленія имѣли въ виду только первый законъ термо-динамики и оставляли въ сторонѣ практическій вопросъ о полезной работѣ, который требуетъ приложенія втораго закона. Доля полной энергіи, которая можетъ быть обращена въ работу, зависитъ отъ относительныхъ температуръ котла и конденсатора; а такъ какъ температура котла не можетъ быть возвышаема до безконечности, то очевидно, что нѣтъ возможности и утилизировать всю энергію, заключенную въ топливѣ. Въ настоящее время, при болѣе правильной постановкѣ вопроса, производительность паровой машины представляется столь высокой, что усовершенствованіе ея въ этомъ отношеніи едва ли можетъ много обѣщать. Большая температура можетъ быть достигаема при замѣнѣ пара газомъ и многіе наблюдатели уже утверждаютъ, что не далеко время, когда паровая машина должна будетъ уступить мѣсто ея младшему сопернику, газовому двигателю.

Возвращаясь къ теоретическому вопросу, можно сказать вмѣстѣ съ Д. Томсономъ: энергія не можетъ теряться, это вѣрно, но она стремится постоянно къ равсѣянію, къ переходу изъ полезныхъ формъ въ безполезныя. Усвоивъ себѣ этотъ принципъ, не трудно убѣдиться въ его важности для системы вселенной. Всякое измѣненіе, химическое, термическое или механическое можетъ совершаться въ природѣ только на счетъ извѣстнаго количества полезной энергіи. Если, поэтому, мы желаемъ знать, можетъ или нѣтъ произойти извѣстное превращеніе силъ, мы должны поставить вопросъ въ такой формѣ: произойдетъ или нѣтъ при этомъ извѣстная потеря энергіи? Если нѣтъ, то превращеніе (при данныхъ условіяхъ) невозможно. Основанія, положенныя Томсономъ, поддерживаютъ теперь уже внушительное зданіе, благодаря работамъ многихъ физиковъ, особенно же Вилларда, Гоббса и Гельмгольца. Первый разработалъ теорію равновѣсія разнородныхъ веществъ, которая несомнѣнно поведетъ къ весьма важнымъ слѣдствіямъ. Гельмгольцъ развилъ понятіе о свободной энергіи съ весьма любопытнымъ примѣненіемъ его къ теоріи гальванизма. Онъ замѣтилъ, что стремленіе къ растворенію составляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не малую долю того, что называется химическимъ сродствомъ, и участвуетъ въ значительной мѣрѣ въ произведеніи электродвигательной силы. Отъ дальнѣйшаго изученія электролиза можно ждать новыхъ взглядовъ и на сущность химическихъ реакцій, и на тѣ силы, которыми онѣ вызываются. Не считая себя достаточно компетентнымъ въ области химіи, лордъ Райлей не призналъ возможнымъ входить въ дальнѣйшія соображенія по этому предмету. Тѣмъ не менѣе, онъ выразилъ мнѣніе, что важный шагъ впередъ надо ожидать именно въ этой области, на границѣ между физикой и хи-

міей, и что особенное вниманіе должны обратить на себя простѣйшія химическія явленія, повидимому, хорошо извѣстныя, но на самомъ дѣлѣ еще далеко не вполнѣ изученныя.

Въ области гидро-динамики особеннаго вниманія заслуживаютъ изслѣдованія Фрауда о движеніи кораблей. Признавъ ложность ходячихъ мнѣній о сопротивленіи воды, Фраудъ доказалъ, что если кузовъ корабля хорошо построенъ, онъ долженъ разсчитывать единственно на сопротивленіе, производимое треніемъ поверхности, а, въ случаѣ большихъ скоростей, на образованіе поверхностныхъ волнъ, поглощающихъ энергію. При умѣренныхъ скоростяхъ сопротивленіе зависитъ единственно отъ тренія поверхности, бо́льшая или меньшая гладкость которой должна оказывать, слѣдовательно, непосредственное вліяніе. Сущность этого тренія, однако, еще далеко не разъяснена, хотя очевидно, что она обусловливается клейкостью или вязкостью, свойства которой были изучаемы въ послѣднее время многими учеными. Интересныя наблюденія были сдѣланы, между прочимъ, Максвеллемъ и другими надъ вязкостью газовъ. Вязкость водорода, напримѣръ, остается безъ измѣненія какъ при атмосферномъ давленіи въ 760 миллиметровъ, такъ и при уменьшенномъ до полмиллиметра ртутнаго барометра, но, начиная съ этой степени разрѣженія и до одной милліонной атмосфернаго давленія, коэфиціентъ вязкости постепенно падаетъ и газъ пріобрѣтаетъ въ этомъ отношеніи иныя свойства. Установленіе закона вязкости обратило вниманіе и на динамическую теорію газовъ, которая, впрочемъ, еще нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ и, прежде всего, въ болѣе тщательномъ изученіи электрическихъ и оптическихъ свойствъ газообразныхъ тѣлъ.

Въ оптикѣ вниманіе ученыхъ сосредоточивалось въ послѣднее время преимущественно на спектрѣ, особенно на изученіи невидимыхъ его частей, за предѣлами краснаго и фіолетоваго. При помощи спеціальныхъ фотографическихъ методовъ, Эбней (Abney) изучилъ такъ обстоятельно ультракрасные лучи, что физики знаютъ теперь эту невидимую часть спектра столь же хорошо, какъ и видимыя. Весьма интересны также изслѣдованія Лэнглея надъ дѣйствительной энергіей радіаціи; ученый этотъ изобрѣлъ аппаратъ, который отмѣчаетъ на общей скалѣ различныя части спектра, видимыя и невидимыя, независимо отъ свойствъ глаза и чувствительности фотографическихъ препаратовъ. Съ другой стороны, Беккерель подмѣтилъ весьма интересное свойство ультра-фіолетовыхъ лучей, которое выражается въ томъ, что они ослабляютъ свѣтъ фосфоризирующихъ веществъ. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ еще Лэнглей, касается вліянія атмосферы на качество солнечнаго свѣта. Сравнивая наблюденія, сдѣланныя чрезъ слои воздуха различной толщины, онъ доказалъ, что поглощеніе атмосферы оказываетъ большое вліяніе на свѣтъ съ сильной преломляемостью, до такой степени, что для наблюдателя, помѣщеннаго внѣ атмосферы, солнце должно представлять голубоватый оттѣнокъ. Ско-

рость свѣта также была въ послѣднее время предметомъ нѣсколькихъ изслѣдованій, результаты которыхъ, впрочемъ, еще нуждаются въ провѣркѣ. Такъ, Юнгъ и Форбзъ, произведя рядъ наблюденій по методу Физо (съ зубчатымъ колесомъ), пришли къ заключенію, что скорость свѣта въ пустотѣ варіируетъ по цвѣтамъ спектра и что длина волнъ голубаго цвѣта почти вдвое больше волнъ краснаго. Подобное различіе стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ данными теоріи и поэтому нуждается въ болѣе солидныхъ доказательствахъ. Михельсонъ, производившій съ той же цѣлью опыты по методу Фуко, пришелъ къ результатамъ, какъ разъ противуположнымъ; онъ не могъ констатировать тѣхъ различій, какія нашли, будто бы, упомянутые ученые. Дѣйствительная скорость свѣта разнится мало отъ той, которая была выведена прежними изслѣдователями; она можетъ быть опредѣлена въ 299,800 километровъ въ секунду.

Заканчивая свою рѣчь, лордъ Райлей посвятилъ нѣсколько словъ распространенію научнаго или реальнаго образованія. «Поборники послѣдняго,— сказалъ онъ,—находятъ нелѣпымъ и чудовищнымъ тотъ фактъ, что столь важное мѣсто въ общемъ образованіи удѣляется теперь классическимъ, мертвымъ языкамъ. Съ своей стороны, я не иду такъ далеко; я не вѣрю въ преимущества исключительно реальнаго образованія. Греческій и латинскій языкъ могутъ служить полезной основой въ томъ случаѣ, когда имъ посвящается много времени и ученики обнаруживаютъ филологическія способности. Необходимо только, чтобы большинство учениковъ достигало солидныхъ свѣдѣній въ этихъ языкахъ или хорошаго знакомства съ классическими писателями. Но въ дѣйствительности, какъ извѣстно, такіе результаты почти никогда не достигаются; поэтому весь вопросъ сводится къ пригодности древнихъ языковъ, какъ дисциплинирующаго средства. Возможно, что, съ этой точки зрѣнія, они и приносятъ нѣкоторую пользу, но во всякомъ случаѣ польза эта является довольно ограниченной. Между тѣмъ, достигая возмужалости и вступая въ жизнь, мы бываемъ слишкомъ заняты дѣлами, чтобы пополнять недостатки нашего общаго научнаго образованія, чтобы преодолѣвать тѣ затрудненія, которыя преграждаютъ доступъ къ основательному усвоенію науки. Математика, въ особенности, если не будетъ усвоена въ молодости, едва ли можетъ быть уже усвоена впослѣдствіи. По отношенію къ физико-математическимъ наукамъ меня могутъ, впрочемъ, заподозрить въ пристрастіи, но мои ограниченныя свѣдѣнія въ новыхъ языкахъ даютъ мнѣ смѣлость выступить болѣе безпристрастнымъ ихъ защитникомъ. По моему мнѣнію, основательное изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ можетъ замѣнить вполнѣ изученіе латинскаго и греческаго, а непосредственная польза отъ нихъ будетъ, несомнѣнно, много большею. Вдвое меньшее количество времени, чѣмъ употребляемое теперь безъ пользы на классическіе языки, было бы вполнѣ достаточно на основательное ознакомленіе съ языками новыми. Остальное время могло бы быть съ пользою употреблено на изученіе естественныхъ наукъ, исторіи

и отечественной литературы, такъ часто, къ стыду нашему, поставляемое теперь на второй планъ».

Противъ реальнаго образованія приводятъ часто тотъ доводъ, что оно располагаетъ къ матеріализму. «Но матеріалистическія—воззрѣнія, замѣчаетъ Райлей,—встрѣчаются у натуралистовъ въ той же степени, какъ и у другихъ образованныхъ людей. Съ другой стороны, религіозность такихъ свѣтилъ, какъ Ньютонъ, Фарэдей и Максвелль, достаточно убѣждаетъ насъ, что вполнѣ высоко-научный умъ отнюдь не подразумѣвастъ непремѣнно безвѣрія. Взгляды натуралистовъ, вообще, имѣютъ значеніе лишь по стольку, по скольку они отражаютъ въ себѣ инстинктивное стремленіе людей науки разъяснять, а не затемнять трудные вопросы. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы натуралистъ могъ брать на себя роль пророка преимущественно передъ другими образованными людьми. Въ глубинѣ своего сердца онъ долженъ сознавать, что въ его конечныхъ теоріяхъ есть многія противорѣчія, примирить которыя онъ не въ состояніи. Высшія тайны жизни, во всякомъ случаѣ, ему недоступны; онѣ требуютъ иныхъ средствъ, чѣмъ опытъ и вычисленіе. Да натуралисту и нѣтъ надобности забѣгать въ области философовъ и богослововъ. Его собственная область такъ велика, что въ состояніи удовлетворить самое широкое честолюбіе».

Изъ другихъ рѣчей, произнесенныхъ на монреальскомъ съѣздѣ, особенное вниманіе обратили на себя рѣчи представителей отдѣленій: Томсона, Роско, Мозлея, Тайлора, Болля, Бланфорда, также проф. Лоджа, лейт. Гриллея и др. Рѣчь Томсона была посвящена «кинетической теоріи вещества» и недостаточно удобна для краткаго, популярнаго ея изложенія. Проф. Роско сдѣлалъ бѣглый обзоръ новѣйшихъ успѣховъ химіи со времени смерти Берцеліуса (1848 г.) и до времени кончины Дюма и Вюрца (1884 г.). При этомъ онъ особенно остановился на томъ вліяніи, которое оказало на прогрессъ химіи установленіе спектральнаго анализа Бунзеномъ и Кирхгофомъ (1860 г.), и на тѣхъ вопросахъ, которые поднимаются теперь въ области термо и электро-химіи. Въ заключеніе Роско указалъ на нѣкоторые недостатки химическаго образованія въ Англіи, сравнительно съ Германіей, замѣтивъ, однако, что въ дѣлѣ технической химіи Англія можетъ смѣло конкуррировать съ другими государствами. Только въ химіи красильныхъ веществъ Англія должна признать превосходство нѣмцевъ, но за то другіе виды прикладной химіи имѣютъ въ ней наиболѣе извѣстныхъ представителей. Металлургическіе процессы въ особенности обязаны ей своимъ улучшеніемъ, и такія имена, какъ Кортъ, Болль, Бессемеръ, Томасъ, Элькингтонъ, хорошо извѣстны во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Президентъ секціи біологіи, Мозлей (профессоръ сравнительной анатоміи въ Оксфордскомъ университетѣ), говорилъ о животной жизни на большихъ океаническихъ глубинахъ. Въ глубинѣ океана условія жизни во многомъ разнятся отъ тѣхъ, которыя присутствуютъ въ болѣе поверх-

ностныхъ слояхъ моря. Животныя должны выносить тамъ гораздо бо́льшее давленіе и, кромѣ того, вода въ глубокихъ слояхъ заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе кислорода. Впрочемъ, малое количество этого газа (напр., 0,65 куб.сант. на литръ), все-таки, содержится и тамъ, а мы знаемъ изъ опытовъ Гумбольдта и Провансаля, что нѣкоторыя рыбы способны жить въ водѣ, заключающей въ себѣ еще менѣе кислорода. Углекислота встрѣчается въ океанѣ тоже въ весьма маломъ количествѣ, хотя, по наблюденіямъ Мёррея, раковинки мертвыхъ крылоногихъ (Pteropoda), на извѣстной глубинѣ, довольно скоро растворяются и то же происходитъ съ раковинами корненожекъ (Globigerina) — въ болѣе глубокихъ слояхъ. Вліяніе на животныхъ высокаго давленія составляло въ послѣднее время предметъ изслѣдованій Реньяра. Онъ подвергалъ дрожжи давленію 1,000 атмосферъ, равному давленію морской воды на глубинѣ около 6,500 саженъ, и по прошествіи часа, смѣшивая ихъ съ сахарнымъ растворомъ, убѣдился, что броженіе не происходитъ. Смѣсь дрожжей съ растворомъ сахара не выказываетъ броженія, если ее подвергнуть давленію 600 атмосферъ (соотвѣтствующему глубинѣ около 3,900 саж.). Водоросли, инфузоріи, моллюски, подвергнутыя подобному же давленію, приходятъ въ оцѣпенѣніе, но потомъ, по возвращеніи къ нормальнымъ условіямъ, мало-по-малу оправляются. Рыба безъ плавательнаго пузыря или съ пузыремъ, освобожденнымъ отъ воздуха, выноситъ безъ всякихъ послѣдствій давленіе ста атмосферъ (равное глубинѣ 650 саж.), но при давленіи двухсотъ атмосферъ (1,300 саж.) становится сонною, а при 300 атмосферахъ — околѣваетъ. Опыты Реньяра представляютъ большой интересъ, но они вызываютъ нѣкоторыя замѣчанія. Возможно, что при сильномъ давленіи рыбы умираютъ не столько отъ него, сколько отъ недостаточнаго обмѣна въ водѣ кислорода (хотя бы въ маломъ количествѣ), или отъ быстрой смѣны слабаго давленія болѣе сильнымъ. Необходимо поэтому повторить опыты съ извѣстными предосторожностями, именно позаботиться о нѣкоторомъ обмѣнѣ въ водѣ кислорода и о томъ, чтобы усиленіе давленія происходило медленно и постепенно.

Не вполнѣ еще разъясненъ вопросъ, чѣмъ питаются животныя на большихъ глубинахъ. Растительности тамъ нѣтъ, такъ какъ растенія не идутъ ниже тѣхъ слоевъ, куда еще могутъ проникать лучи свѣта. Вѣроятно, что наибольшая доля пищи доставляется мертвыми органическими остатками, опускающимися туда изъ поверхностныхъ слоевъ. Не мало такихъ остатковъ попадаетъ туда и съ суши, съ береговъ и изъ устьевъ рѣкъ, какъ то показали изслѣдованія на большихъ глубинахъ въ недалекомъ разстояніи отъ берега. Замѣчено также, что чѣмъ далѣе отъ береговъ, тѣмъ животная жизнь въ глубинѣ моря становится болѣе бѣдною. Факты эти какъ бы указываютъ, что глубинная фауна не есть древнѣйшая, что она развилась уже послѣ того, какъ появилась фауна (и флора) на берегахъ и на сушѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что животныя

въ глубокихъ слояхъ моря питаются, по преимуществу, мертвыми остатками, хищныхъ формъ тамъ нѣтъ, и Мозлей полагаетъ, что встрѣчающіяся тамъ рыбы съ загнутыми взадъ зубами пользуются этими орудіями не для ловли живыхъ животныхъ, а для хватанія мертвыхъ, опускающихся туда сверху. Мертвые остатки сохраняются, вѣроятно, на днѣ моря довольно продолжительное время и гніеніе тамъ должно происходить весьма медленно. Этимъ можно объяснять накопленіе тамъ остатковъ животныхъ, которые, покрываясь осадками, могутъ переходить потомъ въ окаменѣлое состояніе.

Много любопытныхъ данныхъ можетъ дать гистологическое изученіе глубинныхъ формъ, хотя, покуда, въ этомъ отношеніи сдѣлано еще весьма немного. У одной рыбы, Iphops Murrayi, Günth, вытащенной съ большой глубины экспедиціей «Вызывателя» («Challenger»), было найдено, что глаза ея курьезнымъ образомъ сплющены и занимаютъ всю верхнюю поверхность пасти. Въ нихъ не замѣчается никакихъ слѣдовъ хрусталика и радужной оболочки, а ретина ихъ состоитъ изъ слоя длинныхъ палочекъ, за которыми непосредственно слѣдуютъ нервныя волокна. Палочки расположены шестигранными пучками, свободные концы которыхъ соотвѣтствуютъ шестиугольнымъ площадкамъ на сосудистой оболочкѣ.

Прогрессъ въ изслѣдованіи глубинной фауны только подтвердилъ прежній выводъ о невозможности опредѣлить послѣдовательные зоны глубины по присутствію или отсутствію характеристичныхъ группъ животныхъ. Нѣкоторыя группы видовъ встрѣчаются, правда, по преимуществу, на большой глубинѣ, но представители ихъ попадаются иногда и въ мелкой водѣ, на глубинѣ не болѣе 100 саженъ. Фактъ этотъ весьма затрудняетъ рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи условій образованія геологическихъ пластовъ съ морскими ископаемыми. Весьма мало знаемъ мы также о фаунѣ промежуточныхъ слоевъ между поверхностными и глубинными, составляющихъ $^{9}/_{10}$ всей массы океана. Этотъ недостатокъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ несовершенства тѣхъ приборовъ, которые употребляются для добыванія животныхъ съ различныхъ глубинъ.

Что касается состава фауны на большой глубинѣ, слѣдуетъ отмѣтить, прежде всего, отсутствіе въ ней древнихъ, палеозоическихъ формъ, за исключеніемъ немногихъ слизняковъ и руконогихъ (Brachiopoda). Между слизняками не попадается вовсе представителей аммонитовъ и наутилисовъ; Lingula, самый древній брахіоподъ, встрѣчается только въ мелкой водѣ. Точно также отсутствуютъ формы древнѣйшихъ коралловъ, морскихъ лилій, морскихъ ежей, трилобитовъ, ганоидныхъ рыбъ, амфіоксуса; между тѣмъ, если бы глубины моря были заселены въ палеозоическій періодъ, то въ нихъ можно было бы ожидать встрѣтить представителей этой древнѣйшей эпохи. Съ другой стороны, наблюденія показываютъ, что большинство новѣйшихъ береговыхъ формъ способно приспособляться къ жизни на большой глубинѣ, а это заставляетъ думать, что подобною же способ-

постью обладали и формы древнѣйшаго періода. Въ дѣйствительности мы видимъ, что многіе представители древнихъ формъ (какъ, напр., Limulus, Amphioxus, Dipnoi) живутъ теперь на небольшихъ глубинахъ или даже въ прѣсной водѣ.

По отношенію къ происхожденію глубинной фауны, почти не можетъ быть сомнѣній, что она произошла отъ береговой, которая дала также, вѣроятно, начало и всей наземной фаунѣ. Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ формы открытаго моря или пелагическія были менѣе древни, чѣмъ береговыя. Напротивъ того, можно сказать, что большинство современныхъ представителей береговой фауны выказываетъ, въ своихъ раннихъ стадіяхъ развитія, извѣстное сходство съ пелагическими, свободноплавающими формами. А эти пелагическія, личиночныя формы во многихъ случаяхъ настолько сходны между собою въ главныхъ чертахъ своего строенія, хотя и происходятъ отъ весьма различныхъ по своимъ признакамъ родителей, что на нихъ нельзя иначе смотрѣть, какъ на формы древнія, повторяющія типы древнихъ прародичей. Различныя древнія пелагическія, свободно-плавающія формы, представленныя въ современный періодъ почти исключительно личинками, должны были постепенно приспособляться къ береговой жизни и подвергаться при этомъ различнымъ видоизмѣненіямъ. Онѣ должны были бороться съ приливомъ и прибоемъ и вырабатывать различныя для того приспособленія. У нѣкоторыхъ стала развиваться твердая раковина или скелетъ, въ качествѣ охранительнаго покрова; другія начали обезопашивать себя, пробуравливая скалы или зарываясь въ пескахъ; иныя, наконецъ, стали прикрѣпляться къ постороннимъ предметамъ и тѣмъ противустоять могучему дѣйствію волнъ. Такъ, усоногіе раки, прикрѣпляющіеся головой къ скалѣ и защищенные конической раковиной, произошли, вѣроятно, отъ свободныхъ пелагическихъ формъ, сходныхъ съ ихъ теперешними личинками. Подобнымъ же образомъ полипы произошли, вѣроятно, отъ палэозоическихъ формъ кишечно-полостныхъ (Coelenterata), какъ на то указываютъ ихъ личиночныя формы—Planula. Какъ бы то ни было, но заселеніе большихъ глубинъ началось, вѣроятно, сравнительно поздно. Глубинная фауна стала развиваться только тогда, когда растительная и животная жизнь стали болѣе богатыми и разнообразными. Съ этихъ поръ глубинные слои стали наполняться мертвыми органическими остатками, съ этихъ поръ стало возможно и заселеніе глубинъ постепеннымъ приспособленіемъ къ нимъ формъ болѣе мелкой воды. Въ палэозоическій періодъ глубины океана, вѣроятно, были незаселенными и заселеніе ихъ могло начаться только къ концу этого періода. Возможно также, что въ эту древнѣйшую эпоху океанъ заключалъ въ себѣ болѣе углекислоты, которая могла выходить въ большемъ количествѣ, соотвѣтственно большей энергіи тогдашнихъ вулканическихъ дѣятелей. Такимъ образомъ, глубины океана стали доступными сравнительно поздно и заселеніе ихъ могло происходить

только постепенно, въ связи съ развитіемъ борьбы за существованіе между формами, населявшими первоначально болѣе мелкія воды.

Рѣчь Бланфорда (предсѣдателя геологической секціи) имѣла болѣе спеціальный характеръ. Она была посвящена уясненію параллели между геологическими формаціями въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. При этомъ референтъ привелъ данныя, доказывающія, что морскія ископаемыя формы представляютъ бо́льшее значеніе для опредѣленія относительной древности формацій, чѣмъ формы прѣсноводныя или наземныя. Подобнымъ же образомъ параллелизмъ между однородными геологическими пластами въ различныхъ частяхъ свѣта можетъ быть скорѣе устанавливаемъ на сходствѣ морскихъ ископаемыхъ формъ, чѣмъ наземныхъ или прѣсноводныхъ. Основываясь на этомъ принципѣ, Бланфордъ подвергнулъ внимательному пересмотру существующія палеонтологическія данныя о различныхъ, преимущественно третичныхъ пластахъ и пришелъ, по отношенію къ нимъ, къ нѣкоторымъ новымъ выводамъ. Такъ, онъ доказалъ ошибочность отнесенія извѣстныхъ отложеній Пикерми (въ Греціи) и Сивалика (въ Индіи)—къ міоцену (вмѣсто пліоцена), невѣрность опредѣленія многихъ формацій въ Гималаяхъ и Австраліи, сходство между геологіей южной Африки, Индіи, Австраліи и т. д. Что касается различія фаунъ въ древніе геологическіе періоды, по различнымъ широтамъ, то, по мнѣнію Бланфорда, это различіе было столь же значительнымъ, какъ и въ настоящее время. Эоценовыя, міоценовыя и пліоценовыя позвоночныя сѣверной Америки отличаются настолько же отъ европейскихъ формъ тѣхъ же періодовъ, насколько разнятся между собою современные роды (genera); между млекопитающими Гималаевъ и Греціи въ пліоценовую эпоху существовало подобное же различіе, какъ и между современными представителями ихъ въ тѣхъ же областяхъ. Для мезозоическихъ формацій мы располагаемъ такими же доказательствами. Гады юрскихъ отложеній въ Америкѣ представляютъ крупныя различія отъ ближайшихъ ихъ родичей той же эпохи въ Европѣ, а южноафриканскія формы отложеній Кару едва ли гдѣ-либо имѣютъ себѣ аналогіи. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы границы или отношенія между зоологическими и ботаническими областями въ прежнія времена были такими же, какія мы видимъ теперь. Несомнѣнно, что распредѣленіе суши подвергалось послѣдовательно многообразнымъ измѣненіямъ и что распредѣленіе наземныхъ формъ должно было стоять въ зависимости отъ присутствія или отсутствія связи между различными материками. Другими словами, зоологическія и ботаническія наземныя области были столь же рѣзко обозначены въ прежніе періоды, какъ и теперь, но онѣ были совершенно иначе распредѣлены. Замѣчательное сходство между флорами отложеній Кару въ южной Африкѣ, Дамуда въ Индіи и угольныхъ пластовъ—въ Австраліи и полнѣйшее несходство ихъ съ какими бы то ни было ископаемыми европейскими флорами можетъ служить хорошимъ примѣромъ этого древняго распредѣленія онтологическихъ областей. Едва ли нужно

также напоминать, что современныя неотропическія (южно-американскія) и австралійскія млекопитающія болѣе походятъ на третичныя формы тѣхъ же странъ, чѣмъ на современныхъ млекопитающихъ другихъ областей, и что австралійская фауна звѣрей представляетъ болѣе сродства съ формами, населявшими Европу въ мезозоическую эру, чѣмъ съ какими-либо позднѣйшими европейскими животными типами. Если бы современныя млекопитающія Австраліи всѣ вымерли, то отложенія, заключающія ихъ кости, были бы, по всей вѣроятности, отнесены къ мезозоическимъ.

Мнѣніе объ однородности древнихъ фаунъ и флоръ на всей земной поверхности тѣсно связано съ представленіемъ, — нѣкогда общепринятымъ, но раздѣляемымъ отчасти еще и теперь, — что температура на землѣ была прежде однообразна и что до самой средины третичной эпохи на полюсахъ былъ такой же жаркій климатъ, какъ и на экваторѣ. Однако, отсутствіе слѣдовъ древнихъ ледниковыхъ образованій на Шпицбергенѣ и въ Гренландіи, гдѣ, несомнѣнно, въ теченіе многихъ геологическихъ періодовъ существовала древесная растительность, уравновѣшивается все болѣе и болѣе накопляющимися доказательствами существованія ледниковыхъ эпохъ нижне-мезозоическаго и верхне-палеозоическаго періодовъ въ южной Африкѣ, Австраліи и, что наиболѣе удивительно, въ Индіи. Такимъ образомъ, уже для этихъ отдаленныхъ періодовъ исторіи земнаго шара, когда есть основанія думать, что температура высокихъ широтъ была выше, чѣмъ теперь, имѣются данныя, доказывающія существованіе различныхъ климатическихъ поясовъ, и недавно д-ръ Нейманъ (въ Вѣнѣ) доказалъ, что географическое распредѣленіе мѣловыхъ и юрскихъ головоногихъ молюсковъ (Cephalopoda) свидѣтельствуетъ о существованіи въ тѣ времена такихъ же жаркихъ и холодныхъ поясовъ на земной поверхности, какъ и теперь, которые, притомъ, оказывали совершенно такое же вліяніе на обособленіе морскихъ фаунъ.

Убѣжденіе, что морскія и наземныя фауны и флоры были нѣкогда сходны на всей земной поверхности, настолько укоренилось въ палеонтологіи, что, несомнѣнно, потребуются еще многіе годы, покуда ложность его будетъ всѣми признана. Одно изъ обстоятельствъ, наиболѣе способствовавшихъ такому убѣжденію, было мнимое повсемѣстное распространіе каменноугольной флоры. Но фактъ, что растительныя формы каменноугольныхъ отложеній Европы замѣнены совершенно другими формами въ Австраліи, нанесетъ, вѣроятно, окончательный ударъ гипотезѣ, построенной на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ палеонтологами принималось, что сходство между ископаемыми наземными фаунами и флорами доказываетъ тождество геологической эпохи и что существованіе сходныхъ типовъ, относимыхъ безъ достаточныхъ основаній къ одному и тому же геологическому періоду, можетъ служить доказательствомъ одновременнаго распространенія однѣхъ и тѣхъ же формъ по самымъ отдаленнымъ

областямъ. Въ сущности же, это былъ ложный кругъ, обусловливавшійся ложностью предвзятыхъ понятій.

Предсѣдателемъ отдѣленія антропологіи былъ въ нынѣшнюю сессію извѣстный изслѣдователь первобытной культуры Б. Тайлоръ. Въ своей рѣчи онъ остановился, прежде всего, на тѣхъ данныхъ, которыя имѣются по вопросу о древности человѣка въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, а затѣмъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о происхожденіи первобытныхъ обитателей Америки. Интересенъ фактъ, что племена, населявшія Европу въ древнѣйшій каменный вѣкъ (такъ называемый палеолитическій періодъ), представляютъ много сходнаго въ своемъ бытѣ и культурѣ съ современными эскимосами сѣверной Америки. Въ третичную эпоху сѣверная Америка находилась въ непосредственномъ соединеніи съ другимъ континентомъ; на существованіе этого «третичнаго моста» указываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что глубина Берингова пролива и ближайшаго къ нему моря не превосходитъ 200 фут., тогда какъ далѣе къ югу опускается до нѣсколькихъ тысячъ футовъ. Въ пользу кровной связи американскихъ индѣйцевъ съ азіатами говорятъ черты монгольскаго типа, замѣчаемыя у многихъ американскихъ племенъ. Впрочемъ, мнѣніе Гумбольдта о сходствѣ всѣхъ индѣйцевъ по ихъ внѣшнимъ признакамъ преувеличено, и въ Америкѣ мы находимъ подобное же разнообразіе племенъ, какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, хотя, можетъ быть, и менѣе рѣзкое. Но, кромѣ физическаго типа, для разъясненія вопроса объ этническомъ сродствѣ необходимо принять еще въ соображеніе строеніе языка. Въ этомъ отношеніи Америка стоитъ, повидимому, особнякомъ, и полисинтетизмъ ея нарѣчій обособляетъ ея населеніе отъ другихъ группъ племенъ. Ближайшее разсмотрѣніе, однако, показываетъ, что строеніе языка эскимосовъ представляетъ только дальнѣйшее развитіе той структуры, которая свойственна и языкамъ урало-алтайскимъ. У другихъ группъ индѣйскихъ племенъ можно также найти нѣкоторыя аналогіи (въ грамматическомъ строеніи) съ языками Азіи и даже Полинезіи. Нѣкоторыя черты сходства можно констатировать также въ соціальномъ строѣ и въ другихъ особенностяхъ быта, какъ, напримѣръ, въ признаніи родства по матери, въ такъ называемомъ «тотемизмѣ», въ календарныхъ циклахъ Мексики и центральной Америки, въ подробностяхъ матеріальной культуры и т. д. Дальнѣйшія изслѣдованія, вѣроятно, еще болѣе разъяснятъ эту связь, и Б. Тайлоръ закончилъ свою рѣчь обращеніемъ къ мѣстнымъ ученымъ о необходимости усиленнаго собиранія данныхъ для разрѣшенія этого важнаго антропологическаго и этнологическаго вопроса.

Изъ другихъ сообщеній, сдѣланныхъ на монреальскомъ съѣздѣ, мы позволимъ себѣ еще указать на рѣчь Р. Болля, королевскаго астронома Ирландіи. Предметъ ея составляли кометы, именно новѣйшіе успѣхи въ ихъ познаніи. Этими успѣхами астрономія особенно обязана итальянскому профессору Скіапарелли, англійскому—Хёггинсу и русскому—Бредихину. Скіапарелли доказалъ связь кометъ съ періодическими явленіями падающихъ

звѣздъ. Давно уже извѣстно, что кометы движутся по эллипсамъ, меньшей или большей величины, и иногда даже совершенно для насъ безмѣрнымъ, т.-е. безконечнымъ, или, на языкѣ математиковъ, по параболамъ. Съ другой стороны, также давно знали явленіе паденія звѣздъ или метеоровъ, причемъ можно было убѣдиться, что оно періодически повторяется и можетъ быть предсказано напередъ. Послѣднее большое паденіе было видимо въ ночь 12 ноября 1866 г., именно въ тотъ день, когда оно было предсказано астрономами. При этомъ можно было убѣдиться, что всѣ эти тысячи, даже миріады падавшихъ звѣздъ направлялись по одному пути, отъ опредѣленной точки созвѣздія Льва, что и дало поводъ назвать ихъ «леонидами». Скорость паденія ихъ была, несомнѣнно, страшная, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ нихъ не упалъ на землю. Объясняется это быстротой полета и тѣмъ, что земля защищена атмосферой. Попадая въ атмосферу, метеоры мгновенно встрѣчаютъ громадное сопротивленіе; быстрота ихъ отъ того задерживается и скопленная въ ней энергія превращается въ теплоту. Развивающаяся теплота настолько сильна, что нагрѣваетъ тѣло до красна, раскаливаетъ его до бѣла, даже превращаетъ его плотную массу въ безвредный паръ. Прежде думали, что падающія звѣзды имѣютъ связь съ метеоритами, но это мнѣніе не имѣетъ никакихъ основаній. Происхожденіе метеоритовъ еще не вполнѣ разъяснено, но, по всей вѣроятности, они заносятся на землю съ планетъ.

Изслѣдованія показали, что падающія звѣзды или метеоры движутся по эллипсамъ и что потокъ леонидовъ повторяется каждые 33 г. Онъ былъ видимъ въ 1866 г. и снова будетъ видѣнъ въ 1899 г. Опираясь на эти данныя, Скіапарелли и дошелъ до своего открытія. Въ 1866 г. была видима комета и паденіе метеоровъ. Скіапарелли наблюдалъ оба эти явленія и подвергнулъ тщательному исчисленію ихъ пути. Оказалось, что какъ эллипсъ кометы, такъ и эллипсъ падающихъ звѣздъ лежатъ въ одной плоскости, имѣютъ одно и то же положеніе, одинаковую форму и величину. Это уже служило достаточнымъ доказательствомъ, что падающія звѣзды находятся въ прямой зависимости отъ кометъ. А если принять при этомъ еще во вниманіе, что массы кометъ должны быть крайне малы въ сравненіи съ ихъ размѣрами, то приходится заключить, что частицы кометы связаны между собою слабо, что онѣ легко, такъ сказать, отрываются и что эти-то обломки, оставляемые кометами на своемъ пути, и образуютъ метеоры или падающія звѣзды, которыя и движутся затѣмъ по тому же пути, описывая такіе же эллипсы.

Другое важное открытіе было сдѣлано Хёггинсомъ, который изслѣдовалъ спектры кометъ и доказалъ въ нихъ присутствіе характеристичныхъ линій углерода. Наконецъ, третій важный вкладъ въ науку былъ внесенъ г. Бредихинымъ, который анализировалъ данныя, касающіяся кометныхъ хвостовъ. Извѣстно, что хвостъ составляетъ характеристичную особенность кометъ, хотя у нѣкоторыхъ его и не видно, а у другихъ, вмѣсто одного,

замѣчается два хвоста. Хвостъ кометъ бываетъ короче или длиннѣе, прямой или изогнутый, но всегда онъ направленъ въ сторону, противуположную отъ солнца, такъ что надо признать, что вещество его отталкивается отъ солнца какою-то особенною и, притомъ, значительною силой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, есть факты, которые заставляютъ принять, что вещество хвоста не остается однимъ и тѣмъ же или, точнѣе, что оно непрерывно разсѣевается и постоянно возобновляется, т.-е. истекаетъ изъ кометы подобно тому, какъ столбъ дыма непрерывно вылетаетъ изъ трубы. Изучая проявленія этой отталкивающей силы, г. Бредихинъ показалъ, что она должна быть электрической. Если допустить, что кометы и солнце заряжены оба электричествомъ одного рода, то электричество солнца, выражающееся въ отталкиваніи, должно дѣйствовать въ направленіи обратномъ силѣ тяготѣнія, т.-е. притяженію. Притяженіе солнечной массы, конечно, въ большинствѣ случаевъ преодолѣваетъ отталкиваніе, но по отношенію къ существу кометъ необходимо допустить, что электрическое отталкиваніе превосходитъ силу притяженія. Приближаясь къ солнцу, комета нагрѣвается и вещества ея переходятъ, наконецъ, въ состояніе пара, т-е. въ состояніе крайняго дѣленія. Всѣ эти отдѣльныя частицы заряжены электричествомъ, однороднымъ съ электричествомъ солнца, причемъ, вслѣдствіе ихъ малой величины, сила отталкиванія перевѣшиваетъ силу ихъ тяготѣнія къ солнцу и частицы уносятся въ сторону, противуположную отъ послѣдняго, образуя потокъ, являющійся въ формѣ хвоста. Анализируя хвосты кометъ, г. Бредихинъ убѣдился, что составъ ихъ долженъ быть различенъ, что, напримѣръ, длинные хвосты должны заключать въ себѣ водородъ, изогнутые — углеводороды, а короткіе и загнутые—элементы бо́льшаго атомическаго вѣса. Но вообще массы кометъ гораздо меньше массъ планетъ; можно утверждать даже, что онѣ, сравнительно, неизмѣримо малы.

Коснувшись вопросовъ астрономіи, будетъ кстати указать еще на рѣчь профессора Юнга, произнесенную 5 сентября, при открытіи съѣзда американской ассоціаціи для развитія наукъ, въ Филадельфіи. Съѣзды американскихъ натуралистовъ установились, въ подражаніе англійскимъ, въ 1848 году, и первый съѣздъ ихъ происходилъ въ той же Филадельфіи, гдѣ нынѣшній годъ, по прошествіи 36 лѣтъ, ассоціація собралась вторично. Это обстоятельство могло бы дать поводъ оглянуться назадъ и сдѣлать абрисъ того, насколько измѣнялись въ эти 36 лѣтъ научныя воззрѣнія и насколько успѣхи естествознанія повліяли за это время на прогрессъ въ промышленности и въ обыденной жизни. Но профессоръ Юнгъ предпочелъ иной путь и, вмѣсто того, чтобы оглядываться назадъ, бросилъ взглядъ впередъ, въ будущее науки, причемъ, сообразно своей спеціальности, посвятилъ свою рѣчь «ближайшимъ задачамъ астрономіи». Задачи эти заключаются, во-первыхъ, въ точномъ опредѣленіи размѣровъ и формы земли, однообразія ея суточнаго вращенія и постоянства ея полюсовъ и оси. Оказывается, что размѣры земли извѣстны далеко не такъ точно, какъ то

требуется съ точки зрѣнія астронома, и что точное опредѣленіе ихъ получится только тогда, когда по всей поверхности земнаго шара будетъ произведена тріангуляція, которая опредѣлитъ массу точекъ въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и соединитъ ихъ съ точками Европы въ одну сплошную геодезическую сѣть. Что касается вращенія земли, то покуда нельзя сказать положительно, остается ли оно постояннымъ, или измѣняется, но нѣкоторыя необъяснимыя неправильности въ видимыхъ движеніяхъ луны намекаютъ, повидимому, на возможность послѣднихъ. Вопросъ этотъ, впрочемъ, тѣсно связанъ съ другимъ—какъ мы можемъ удостовѣриться въ постоянствѣ сутокъ и не зависятъ ли неправильности въ движеніяхъ луны отъ неправильности или неполности нашей математической теоріи. Покуда наиболѣе достовѣрную провѣрку даютъ намъ движенія Меркурія и затмѣнія спутниковъ Юпитера. Проф. Ньюкомбъ, пользуясь всѣми этими данными, сравнилъ астрономическія наблюденія почти за 200 лѣтъ и пришелъ къ выводу, что сутки постоянны и что неправильности въ движеніяхъ луны, необъяснимыя теоріей тяготѣнія, дѣйствительно существуютъ, и въ такой степени, что среднее движеніе луны въ періодъ времени между 1800 и 1875 гг. было меньше (т.-е. тише), чѣмъ между 1720 и 1800 гг. Въ видахъ наибольшей точности было бы, однако, желательно найти такую единицу времени (и длины), которая была бы независима отъ земныхъ условій и измѣреній, но покуда найти ее еще не удалось. Юнгъ полагаетъ, однако, что придетъ время, когда точность научныхъ наблюденій настолько увеличится, что неправильности въ движеніи земли выступятъ наружу и станутъ невыносимыми. Тогда ученые, несомнѣнно, остановятся на опредѣленной, независимой единицѣ, принявъ за основаніе, — какъ это уже было предложено нѣкоторыми физиками,—колебанія или движеніе свѣта, или какое-либо другое физическое дѣйствіе въ предѣлахъ вселенной.

Другой вопросъ касается постоянства земной оси, которое, можетъ быть, также нѣсколько измѣняется, сообразно съ перемѣщеніемъ веществъ на поверхности (напр., льдовъ) или во внутренности земли. Если колебаніе земной оси возможно, то оно должно оказывать вліяніе на «широты» нашихъ обсерваторій. Такъ, напримѣръ, если бы сѣверный полюсъ уклонился на сто футовъ отъ своего настоящаго положенія, по направленію къ материку Европы, то широты европейскихъ обсерваторій возрастутъ приблизительно на одну секунду, тогда какъ для Азіи и Америки результатъ будетъ почти неуловимъ. Единственный покуда доводъ въ пользу такихъ движеній полюса заключается въ выводахъ Нирена, который свелъ опредѣленія широты Пулковской обсерваторіи, сдѣланныя съ помощью большаго вертикальнаго круга въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Эти опредѣленія указываютъ, повидимому, на медленное, но постоянное уменьшеніе широты обсерваторіи, доходящее до одной секунды въ столѣтіе; какъ будто бы сѣверный полюсъ отклоняется и разстояніе его отъ Пулкова увеличивается, примѣрно, на одинъ футъ въ годъ. Гринвичская и Парижская обсерваторіи

не высказываютъ ничего подобнаго, но это еще, само по себѣ, не убѣдительно, принимая во вниманіе различіе ихъ долготы, не говоря уже о сравнительной точности измѣреній. Вопросъ этотъ, такимъ образомъ, находится подъ сомнѣніемъ, но его считаютъ настолько важнымъ, что на прошлогоднемъ съѣздѣ международной геодезической ассоціаціи въ Римѣ было принято рѣшеніе, рекомендующее спеціальныя наблюденія для его разъясненія.

Что касается неправильностей въ движеніяхъ луны, то онѣ, конечно, незначительны,—ихъ не можетъ замѣтить невооруженный глазъ,—но для астрономовъ онѣ, все-таки, настолько замѣтны, что доходятъ до нѣсколькихъ секундъ дуги или миль пространства. Наиболѣе вѣроятно предположеніе, что эти уклоненія вызываются какими-нибудь силами, отличными отъ тяготѣнія, но ближайшее опредѣленіе ихъ принадлежитъ будущему. Будущія же наблюденія должны разъяснить вопросъ о температурѣ, свѣтѣ луны и о присутствіи на ней атмосферы. Въ настоящее время полагаютъ, что весь свѣтъ луны есть отраженіе солнечнаго, что температура ея не выше точки замерзанія воды или даже ртути и что атмосферы у нея никакой нѣтъ. Интересно также прослѣдить тѣ измѣненія, которыя могутъ быть замѣчены на лунномъ дискѣ. Сравненіе старинныхъ и новѣйшихъ лунныхъ картъ какъ будто указываетъ на нѣкоторыя различія, но они, вѣроятно, скорѣе вызваны несовершествомъ прежнихъ способовъ наблюденія.

По отношенію къ движеніямъ планетъ, совпаденіе между теоріей и наблюденіями въ настоящее время таково, что лучшаго трудно и желать. Труды Леверрье, Хилля, Ньюкомба и другихъ настолько расчистили поле, что требуются десятки лѣтъ, чтобы замѣтить какія-нибудь отклоненія, способныя повести къ поправкамъ въ астрономическихъ таблицахъ. Впрочемъ, уже Леверрье указалъ на одно странное исключеніе, представляемое ближайшей къ солнцу планетой, Меркуріемъ. Движенія ея выказываютъ нѣкоторую неправильность, именно перигелій ея орбиты (сегментъ, ближайшій къ солнцу) обращается вокругъ солнца скорѣе, чѣмъ это можетъ быть объяснено вліяніемъ другихъ извѣстныхъ планетъ. Со времени Леверрье фактъ этотъ подтвердили многіе, а новѣйшія изслѣдованія Ньюкомба поставили его всѣ всякихъ сомнѣній. Причину такого уклоненія Леверрье полагалъ во вліяніи какой-нибудь неизвѣстной планеты, находящейся между Меркуріемъ и солнцемъ, но, въ настоящее время, способы наблюденія усовершенствовались настолько, что подобное предположеніе представляется почти невѣроятнымъ. Другіе предполагали вліяніе кольца метеорическаго вещества, существующаго, будто бы, между планетой и солнцемъ, но это также мало вѣроятно, ибо подобное кольцо сказалось бы еще бо́льшими уклоненіями. Наконецъ, иные допускаютъ варіаціи въ законѣ тяготѣнія, или вліяніе солнечнаго электричества, или особое дѣйствіе солнечнаго лучеиспусканія на близкомъ разстояніи, или особыя свойства того пространства, въ которомъ движется планета, но всѣ эти предположенія покуда ничто иное, какъ ни на чемъ неосновавныя догадки. Конечно, мелкія планеты еще

могутъ открываться, но крупныя едва ли, за исключеніемъ развѣ болѣе отдаленныхъ областей, за предѣлами самой дальней планеты, Нептуна.

Но за то многое еще остается сдѣлать по отношенію къ уже извѣстнымъ планетамъ, даже самымъ ближайшимъ къ землѣ. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ не удалось еще опредѣлить точное суточное вращеніе Меркурія и состояніе его поверхности. Относительно Венеры наши свѣдѣнія нѣсколько полнѣе; извѣстенъ приблизительный періодъ ея суточнаго вращенія (на 35 минутъ короче нашего), а въ послѣднее время сдѣланы были даже наблюденія, которыя въ состояніи будутъ опредѣлить положеніе ея полюсовъ и, можетъ быть, дадутъ намъ нѣкоторое понятіе объ ея горахъ (которыхъ много и очень высокія), моряхъ и континентахъ. Марсъ извѣстенъ еще болѣе и астрономамъ удалось начертить подробныя его карты, съ нанесеніемъ на нихъ морей, горъ и (на полюсахъ) скопленій льдовъ. Впрочемъ, при сходствѣ въ главныхъ чертахъ, эти карты значительно разнятся въ подробностяхъ, что наводитъ уже на нѣкоторыя сомнѣнія въ ихъ точности. За Марсомъ слѣдуютъ, какъ извѣстно, астероиды, мелкія планеты, числомъ до 200. О физическихъ свойствахъ ихъ неизвѣстно почти ничего и въ этомъ отношеніи изслѣдователямъ предстоитъ еще богатое поле. Изслѣдованія эти были бы тѣмъ болѣе желательны, что они могли бы пролить свѣтъ на природу и свойства межпланетнаго пространства и на самое происхожденіе солнечной системы. Юпитеръ, эта самая колоссальная планета, представляетъ своими явленіями еще много загадочнаго. Будучи планетой, онъ, въ то же время, выказываетъ нѣкоторыя явленія, свойственныя солнцу, и вообще, основываясь на аналогіяхъ земли и земной атмосферы, невозможно объяснить многія странныя вещи, замѣчаемыя на его дискѣ, особенно появленіе на немъ громадныхъ красныхъ пятенъ. Вопросы, представляемые Сатурномъ, почти тѣ же, что и по отношенію къ Юпитеру, съ тою только разницей, что его поверхность и атмосферныя явленія менѣе доступны для наблюденія. Но особенный интересъ возбуждаютъ чудныя кольца Сатурна, единственныя на всемъ небѣ, самые привлекательные объекты телескоповъ, типичные обращики того процесса, которымъ шло, вѣроятно, образованіе міровъ. Наблюденія показали, что эти вращающіяся облака измѣнчивы въ своихъ размѣрахъ и въ своей плотности въ различныхъ частяхъ, — обстоятельство, могущее служить достаточнымъ стимуломъ для дальнѣйшихъ непрерывныхъ и усиленныхъ наблюденій. Относительно Урана и Нептуна мы знаемъ только ихъ движенія, но періодъ ихъ вращенія, ихъ поверхность, атмосферныя явленія еще подлежатъ изученію. Опредѣленіе періодовъ вращенія планетъ представляетъ важность въ томъ отношеніи, что они должны стоять, по всей вѣроятности, въ извѣстной связи съ разстояніями планетъ отъ солнца, съ ихъ діаметрами и массами, и разстояніе этой связи, несомнѣнно, способно оказать громадное вліяніе на теоріи происхожденія и развитія нашей планетной системы.

Задачи, представляемыя солнцемъ, точно также весьма многочисленны

и важны. Правда, его масса, размѣры, движенія изучены хорошо и опредѣлены точно, но когда мы переходимъ къ вопросамъ, касающимся его состава, причины и природы явленій на его поверхности, періодичности его пятенъ, его температуры и поддержанія его жара, размѣровъ его атмосферы и сущности его короны, то мы встрѣчаемся съ самыми различными и противурѣчивыми мнѣніями. Трудность этихъ вопросовъ объясняется, прежде всего, тѣмъ громаднымъ различіемъ, которое существуетъ между условіями на солнцѣ и въ нашихъ лабораторіяхъ. Мы можемъ, напримѣръ, констатировать на солнцѣ присутствіе желѣза, водорода и другихъ земныхъ элементовъ, но, если мы, основываясь на этихъ данныхъ и опираясь на наши земные опыты, попытаемся опредѣлить дѣйствительную температуру солнца, то мы легко можемъ впасть въ самыя ошибочныя заключенія.

Общепринятое теперь мнѣніе насчетъ солнца таково, что это большой шаръ, состоящій изъ сильно нагрѣтыхъ паровъ и газовъ и окруженный покровомъ изъ темныхъ облаковъ, образуемыхъ сгущеніемъ менѣе летучихъ веществъ въ капли и кристаллы, подобно дождю и снѣгу. Нужно, однако, замѣтить, что эта гипотеза подвергнута сомнѣнію такими высокими авторитетами, какъ Кирхгофъ и Цёлльнеръ, которые доказываютъ, что видимая фотосфера не есть слой облаковъ, а или твердая кора, или жидкій океанъ расплавленныхъ металловъ. Съ другой стороны, не совершенно еще оставлено мнѣніе Гершеля, что центральное ядро солнца есть твердый, можетъ быть даже обитаемый шаръ и что только наружная поверхность его атмосферы покрыта слоемъ пламени, поддерживаемымъ какимъ-то дѣйствіемъ вещества, которое разсѣяно въ окружающемъ пространствѣ. Природа солнечныхъ пятенъ также еще далеко не разъяснена. Самымъ натуральнымъ представленіемъ можетъ считаться то, что въ окружающей солнце фотосферѣ плаваютъ темные, угловатые шлаки, отчасти выступающіе на ея поверхность, отчасти болѣе или менѣе покрываемые ею и уходящіе въ ея глубь. Но свойства спектра не подтверждаютъ такого мнѣнія и какъ бы намекаютъ на то, что пятна являются темными не вслѣдствіе исконнаго отсутствія въ нихъ свѣта, а вслѣдствіе потери или поглощенія послѣдняго.

Задача относительно особенностей вращенія солнца и экваторіальнаго ускоренія на немъ также является весьма важною и до сихъ поръ еще не разрѣшена. По всей вѣроятности, рѣшеніе ея зависитъ отъ правильнаго пониманія обмѣна веществъ между внутренностью и поверхностью жидкаго, охлаждающагося шара. Любопытно, что подобныя же особенности вращенія замѣчаются и на Юпитерѣ, широкія пятна котораго, находящіяся близъ экватора планеты, обращаются быстрѣе, чѣмъ большое красное пятно, лежащее на разстояніи 40 градусовъ отъ экватора. Едва ли нужно разъяснять, что наблюдатель нашихъ земныхъ облаковъ, помѣстившись гдѣ-либо внѣ земли, напримѣръ, на лунѣ, замѣтилъ бы какъ разъ обратное: экваторіальныя облака двигались бы для него тише, чѣмъ въ болѣе высокихъ широтахъ. Періодичность солнечныхъ пятенъ также вызываетъ

рядъ вопросовъ, если только признать, что эта періодичность, дѣйствительно, несомнѣнна. Существуетъ мнѣніе, что появленіе пятенъ стоитъ въ связи съ климатическими (и другими) явленіями на землѣ, что пятна должны оказывать вліяніе на лучеиспусканіе солнца, на направленіе господствующихъ вѣтровъ и на распредѣленіе тепла и дождя. Предполагали, что если пятна достигаютъ своего максимума, то извѣстныя области на землѣ могутъ получать болѣе тепла и менѣе дождя, тогда какъ въ другихъ областяхъ можетъ быть какъ разъ обратное. Всѣ подобныя мнѣнія нуждаются, однако, еще сильно въ подтвержденіи ихъ болѣе точными данными, которыя могутъ быть даны только непрерывными и продолжительными наблюденіями при помощи самыхъ точныхъ и чувствительныхъ приборовъ, на какой-нибудь высокой горѣ въ полосѣ бездождія,—наблюденіями всѣхъ предполагаемыхъ измѣненій въ силѣ солнечнаго лучеиспусканія. Покуда можно считать несомнѣнною только связь, существующую между дѣятельностью на поверхности солнца и магнитными уклоненіями на землѣ, но и она еще не получила удовлетворительнаго объясненія.

Хромосфера и выступы ея представляютъ также много непонятнаго. Спектръ ея указываетъ, напримѣръ, на присутствіе желѣза, но линіи, характеристичныя для этого металла, являются какими-то особенными, то яркими, то темными, то разорванными, что зависитъ, очевидно, отъ особеннаго физическаго состоянія, въ которомъ находится металлъ на солнцѣ.

Вопросъ о коронѣ солнца обратилъ на себя въ послѣднее время большое вниманіе, хотя различные изслѣдователи и не сходятся въ ея объясненіи. Д-ръ Хёггинсъ считаетъ корону реально-существующею и говоритъ, что ему удалось снять съ нея фотографическіе снимки при полномъ свѣтѣ. Наоборотъ, д-ръ Хэстингсъ (наблюдавшій ее при послѣднемъ солнечномъ затмѣніи въ Тихомъ океанѣ) склоненъ видѣть въ ней только кажущееся явленіе,—чисто оптическій эффектъ, обусловливаемый дифракціей свѣта на окраинѣ луны. Какъ бы то ни было, но образованіе на солнцѣ облаковъ раскаленнаго водорода и измѣненіе формы высокихъ выступовъ хромосферы настолько очевидны, что не могутъ подлежать никакому сомнѣнію.

Самая интересная и глубокая задача заключается, однако, въ объясненіи солнечнаго жара, его поддержанія и его продолжительности. Наилучшее рѣшеніе ея было предложено Гельмгольцемъ, который видитъ источникъ теплоты въ медленномъ сжатіи солнца вслѣдствіе охлажденія. Единственное возраженіе, которое можно сдѣлать, состоитъ въ томъ, что такая теорія ограничиваетъ прошедшее солнечной системы всего какими-нибудь 20 милліонами лѣтъ, чѣмъ, пожалуй, нѣкоторые геологи останутся недовольны. Для будущаго та же теорія даетъ только половину этого періода, причемъ къ концу дѣятельность солнца будетъ ослабѣвать и, наконецъ, послѣдуетъ смерть системы. Но какъ бы эта теорія ни была геніальна, она является, все-таки, гипотезой, для повѣрки которой мы не можемъ покуда примѣнить никакихъ измѣреній. Съ другой стороны, она предполагаетъ,

что значительная часть солнечной энергіи пропадаетъ даромъ, такъ какъ не болѣе одной милліонной части солнечныхъ лучей, разсѣеваемыхъ въ пространствѣ, падаетъ на какія-нибудь тѣла и производитъ какую-нибудь полезную работу. Подобная безцѣльная трата энергіи можетъ казаться несоотвѣтствующею нашему представленію о цѣлесообразности въ природѣ, но нужно сознаться, что судить о цѣляхъ и полезности въ данномъ случаѣ превышаетъ наше пониманіе. Притомъ, можетъ быть, что есть еще неизвѣстныя намъ тѣла за предѣлами нашихъ телескоповъ или что пространство заключаетъ въ себѣ нѣкоторую среду, способную утилизировать проходящіе чрезъ нее лучи. Гипотеза невѣсомаго эфира есть, вѣдь, только гипотеза и, притомъ, въ самой сущности своей остающаяся для насъ непонятною.

Не останавливаясь на другихъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ на съѣздѣ американской ассоціаціи, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ ученыхъ съѣздахъ, бывшихъ въ теченіе нынѣшней осени. Почти одновременно съ американской открылась сессія французской ассоціаціи въ г. Блуа, подъ предсѣдательствомъ члена института, извѣстнаго гидрографа Буке-де-ла-Грн. Вступительная его рѣчь была посвящена успѣхамъ гидрографіи во Франціи и представляетъ болѣе мѣстный и спеціальный интересъ. Съ большимъ вниманіемъ была выслушана рѣчь Буле о живой природѣ контагія и о предохранительной прививкѣ бѣшенства, въ которой были изложены исторія и сущность замѣчательныхъ изслѣдованій знаменитаго Пастёра. Изъ другихъ вопросовъ, вызвавшихъ рефераты и дебаты, упомянемъ вопросы о холерѣ, о гипнотизмѣ и о промышленномъ кризисѣ. По вопросу о холерѣ, здѣсь кстати замѣтить, что пресловутая бацилла-запятая Коха начинаетъ все болѣе и болѣе внушать сомнѣнія въ ея зловредности. Профессоръ Льюисъ, долго наблюдавшій холеру въ Индіи и затѣмъ въ Марсели, положительно увѣряетъ, что коховская бацилла-встрѣчается и въ слюнѣ совершенно здоровыхъ людей, а, съ другой стороны, что она сравнительно рѣдка въ кишечной слизи холерныхъ. Въ изверженіяхъ холерныхъ она, правда, попадается, и иногда въ большомъ количествѣ, съ исключеніемъ другихъ микро-организмовъ, но не рѣдки и такіе случаи, когда она встрѣчается въ маломъ числѣ, уступая первенство другимъ формамъ. Такъ, у одного холернаго больнаго въ Марсели было замѣчено необыкновенное изобиліе исключительно спириллей. Если же это такъ, то, по мнѣнію Льюиса, будетъ чистымъ произволомъ придавать бациллѣ въ видѣ запятой значеніе исключительнаго носителя холерной заразы.

Вопросъ о холерѣ игралъ также важную роль на медицинскомъ конгрессѣ нынѣшняго лѣта въ Копенгагенѣ и послѣдовавшемъ за тѣмъ гигіеническомъ конгрессѣ въ Гаагѣ. На послѣднемъ было также много толковъ о прилипчивости или неприлипчивости чахотки, причемъ вопросъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что чахотка можетъ быть прилипчивой, хотя такіе случаи, сравнительно, и рѣдки. Особенное вниманіе на этомъ съѣздѣ обра-

тила еще на себя длинная рѣчь Жюля Рошара объ экономической цѣнности человѣческой жизни. Задача сообщенія состояла въ томъ, чтобы доказать необходимость широкихъ санитарныхъ мѣропріятій и именно на томъ основаніи, что 1) всякій расходъ въ цѣляхъ гигіены есть экономія; 2) нѣтъ ничего болѣе убыточнаго, какъ болѣзнь, исключая только смерть, и 3) пренебреженіе человѣческой жизнью болѣе разрушаетъ общества, чѣмъ что-либо иное. Доказательствамъ этихъ трехъ положеній и была посвящена бо́льшая часть рѣчи, причемъ референтъ, между прочимъ, показалъ, что если бы, вслѣдствіе какихъ-либо мѣропріятій, число ежегодно умирающихъ и больныхъ могло быть уменьшено на одну десятую, а гигіена въ состояніи идти въ этомъ отношеніи еще дальше, то для Франціи оказалась бы ежегодная экономія не менѣе, чѣмъ въ 165 милліоновъ франковъ. Любопытныя данныя были также приведены Рошаромъ относительно распространенія тифа, отъ котораго умираютъ и болѣютъ ежегодно въ Европѣ до 100 милліоновъ,—число, которое смѣло могло бы быть сокращено санитарными мѣропріятіями на одну четверть. Особенное вниманіе слѣдовало бы также обратить на распространеніе чахотки, которая съ теченіемъ времени становится все болѣе и болѣе опустошительною. Между 1822 и 1853 гг. въ Парижѣ приходилось на 1000 умершихъ не болѣе 137 чахоточныхъ; теперь этотъ процентъ доходитъ до 168. Принятіе мѣръ противъ распространенія этой болѣзни является поэтому настоятельною потребностью.

Много интереснаго представлялъ также съѣздъ англійской ассоціаціи для распространенія соціальныхъ наукъ, успѣвшей, какъ извѣстно, за двадцать восемь лѣтъ своего существованія пріобрѣсти почетную извѣстность разработкою и подготовленіемъ въ своей средѣ многихъ замѣчательныхъ реформъ послѣдняго времени. Такъ, напримѣръ, ей во многомъ обязаны такія реформы, какъ отмѣна покупки военныхъ чиновъ и налога на газеты, какъ учрежденіе рабочихъ союзовъ, улучшенія въ школьномъ и тюремномъ дѣлѣ, введеніе фабричныхъ законовъ и т. д. Въ нынѣшнюю сессію ассоціація выдвинула также нѣсколько существенныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, о расширеніи мѣстнаго самоуправленія, объ улучшеніи жилищъ для бѣдныхъ, о первоначальномъ и среднемъ образованіи, о распространеніи ремеслъ въ тюрьмахъ, о рабочихъ корпораціяхъ и т. д.

У насъ, въ Россіи, нынѣшнею осенью также происходилъ одинъ ученый съѣздъ, именно VI археологическій въ Одессѣ (съ 15 по 30 августа). Всего записалось въ члены съѣзда до 400 лицъ, но присутствовало не болѣе трети, въ томъ числѣ около 50 депутатовъ отъ университетовъ и другихъ ученыхъ учрежденій. При съѣздѣ была выставка, причемъ прибывшіе археологи могли видѣть многія коллекціи, остававшіяся до того неизвѣстными. Общихъ собраній на съѣздѣ было два, засѣданій секцій—болѣе 30. Къ сожалѣнію, у насъ на съѣздахъ не принято говорить «вступительныя рѣчи», въ которыхъ бы дѣлались обзоры новѣйшаго состоянія и успѣховъ раз-

личныхъ отраслей науки. А, между тѣмъ, именно у насъ такіе обзоры были бы особенно кстати, въ виду малаго распространенія научныхъ свѣдѣній среди нашего образованнаго общества. Кромѣ русскихъ археологовъ, съѣздъ посѣтили еще нѣкоторые славянскіе ученые, именно пр. Рачки и Любичъ—изъ Загреба, д-ръ Ванкель—изъ Ольмюца, г. Оссовскій—изъ Кракова, а также г. Пападопуло-Керамевсъ—изъ Константинополя. Всѣхъ отдѣленій или секцій на съѣздѣ было 11,—больше, чѣмъ на всѣхъ предъидущихъ съѣздахъ. Рефератовъ было сдѣлано также больше; ихъ насчитывается до 120. Эта многочисленность секцій и рефератовъ объясняется въ значительной степени тѣмъ, что на одесскомъ съѣздѣ впервые приняли живое участіе юристы. Вслѣдствіе предложенія, сдѣланнаго въ предварительномъ комитетѣ профессорами Леонтовичемъ и Ковалевскимъ, при съѣздѣ были открыты двѣ новыхъ секціи: «памятниковъ юридическихъ» и «памятниковъ общественнаго и частнаго быта». Обѣ секціи засѣдали большей частью совмѣстно и въ ряду сдѣланныхъ на нихъ сообщеній было нѣсколько весьма интересныхъ. Таково, напримѣръ, сообщеніе проф. Лучицкаго объ общинномъ землевладѣніи въ Малороссіи. Составляя, въ одно и то же время, плодъ архивныхъ разысканій и внимательныхъ наблюденій надъ бытомъ современнаго крестьянства, оно внесло новый свѣтъ въ исторію русскаго общиннаго землевладѣнія. Много любопытнаго представили также рефераты гг. Ковалевскаго, Леонтовича и Кулишера, касавшіеся древнихъ правовыхъ воззрѣній у различныхъ народовъ, отчасти сохранившихся еще и теперь, между прочимъ, у нѣкоторыхъ народовъ Кавказа.

Что касается вещественныхъ памятниковъ древности, то нѣсколько любопытныхъ сообщеній было сдѣлано въ отдѣлѣ первобытной археологіи. Между прочимъ, д-ръ Ванкель сообщилъ объ одной интересной находкѣ въ Моравіи, гдѣ около м. Пшедмоста удалось открыть слѣды стоянки обитателей древнѣйшаго каменнаго вѣка. Массы костей мамонта и другихъ животныхъ, искусственно расколотыхъ и составлявшихъ, очевидно, остатки отъ охотничьихъ пировъ, разбросанныя среди нихъ различныя издѣлія изъ кремней, кости и рога, наконецъ, слѣды многочисленныхъ очаговъ, свидѣтельствующихъ о долговременномъ здѣсь пребываніи или частомъ посѣщеніи этой мѣстности древнимъ человѣкомъ,—все это представило любопытные матеріалы для исторіи первобытной культуры европейскаго населенія. Не меньшій интересъ возбудили и находки г. Оссовскаго, сдѣланныя имъ въ пещерахъ Краковскаго округа и Кѣлецкой губерніи. Здѣсь можно было прослѣдить постепенныя стадіи и эпохи культуры, начиная съ древнѣйшаго періода мамонта и кончая позднѣйшей эпохой каменнаго вѣка. Въ Новороссійскомъ краѣ подобныя изслѣдованія обратили на себя вниманіе только въ послѣднее время. Только въ прошломъ году, напримѣръ, проф. Антоновичъ произвелъ развѣдки пещеръ по Днѣпру, о которыхъ ранѣе не было почти ничего извѣстно. Часть этихъ пещеръ естественныя, часть—выдолбленныя искусственно человѣкомъ. Послѣднія принадлежатъ уже позд-

нѣйшей эпохѣ и ими пользовались наиболѣе въ средніе вѣка въ видахъ укрытія отъ враговъ или пустынножительства. Естественныя пещеры были обитаемы, повидимому, раньше, хотя точныхъ доказательствъ ихъ обитанія въ каменный вѣкъ еще не добыто. Тѣмъ не менѣе, каменныя орудія (топоры, молоты, стрѣлы) попадаются такъ часто въ предѣлахъ края, что сомнѣваться въ существованіи здѣсь нѣкогда каменнаго вѣка невозможно. Г-жа Мельникъ встрѣтила даже, въ Александровскомъ уѣздѣ, какія-то каменныя сооруженія (изъ гранитныхъ плитъ или глыбъ), которыя она приравниваетъ къ древнимъ мегалитическимъ постройкамъ Западной Европы. Эти послѣднія относятся, какъ извѣстно, къ концу каменнаго вѣка и ихъ назначеніемъ было служить гробницами; но относительно упомянутыхъ выше сооруженій неизвѣстно покуда никакихъ данныхъ, которыя бы могли разъяснить ихъ назначеніе и эпоху. Есть даже основаніе думать, что это не искусственныя сооруженія, а продукты естественнаго раскалыванія мягкой породы гранита.

Болѣе матеріаловъ было представлено на съѣздъ по раскопкамъ кургановъ. Такъ, проф. Антоновичъ доложилъ о раскопкахъ кургановъ въ порѣчьяхъ Днѣстра, Буга и Ингула, а проф. Самоквасовъ—кургановъ въ Александровскомъ уѣздѣ, на берегахъ р. Конки. Между послѣдними можно было различить четыре типа, въ томъ числѣ одинъ—весьма древній, относящій къ началу металлической эпохи, когда еще каменныя орудія продолжали оставаться въ употребленіи, одинъ — скифской эпохи и одинъ—позднѣйшій, примѣрно XIV в., принадлежавшій какому-нибудь тюркскому народу. Но самымъ любопытнымъ представляется четвертый типъ кургановъ (по времени—третій), характеризующійся могилами съ трупосожженіемъ и присутствіемъ многихъ весьма оригинальныхъ золотыхъ украшеній. По стилю и характеру вещей эти курганы относятся къ эпохѣ, промежуточной между скифской и славянской, но болѣе близкой къ послѣдней, примѣрно къ IX—X вѣкамъ. По мнѣнію г. Самоквасова, славяне суть прямые потомки скифовъ, а потому и древнѣйшая культура ихъ должна выказывать многія черты, общія съ культурою скифскою.

Классическіе памятники южной Россіи также дали матеріалъ для нѣсколькихъ сообщеній, но бо́льшей частью слишкомъ мелкихъ и спеціальныхъ. Отмѣтимъ только крупный фактъ полнаго, образцоваго изданія всѣхъ южно-русскихъ греческихъ надписей, предпринятаго Императорскимъ археологическимъ обществомъ подъ редакціей молодаго ученаго, г. Латышева. Памятники Византіи и ея искусство вызвали также нѣсколько любопытныхъ рефератовъ, отчасти связанныхъ съ послѣднею ученою экспедиціей въ Константинополь (гг. Кондакова, Васильевскаго, Успенскаго и др.), отчасти имѣвшихъ отношеніе къ исторіи вліянія Византіи на бытъ и искусство въ Россіи. Не забыто было и древнее русское церковное зодчество, и древнѣйшіе образцы русскаго церковнаго иконописанія, равно какъ древности восточныя и памятники славянской письменности. Большой интересъ

возбудили также разысканія о запорожскихъ древностяхъ, собиранію которыхъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ молодой харьковскій ученый г. Эварницкій. Несмотря на скудость сохранившихся вещественныхъ памятниковъ, изслѣдователю удалось собрать много любопытнаго и надо думать, что подготовляемое имъ сочиненіе: *Поѣздка на запорожскія урочища* будетъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую историко-этнографическую литературу.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣдній отчетъ по духовному вѣдомству.—Борьба съ расколомъ.—Нынѣшняя дѣятельность земскихъ учрежденій.—Кахановская коммиссія.—Проектъ закона о „совмѣстимости“. — Юбилейныя торжества. — Рѣчь ректора кіевскаго университета г. Рененкампфа.—Дѣятельность крестьянскаго банка. — Землевладѣльческій кредитъ и предположенія объ учрежденіи государственнаго земельнаго банка.

Борьба съ расколомъ ведется весьма дѣятельно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и послѣдній отчетъ по духовному вѣдомству. Нельзя, конечно, сказать, что ведется она средствами исключительно духовными, то-есть только тѣми, какія излагаются въ отчетѣ. У насъ еще существуетъ, продолжаетъ существовать и послѣ указа 1883 года, цѣлый кодексъ законодательныхъ мѣръ свѣтскихъ, направленныхъ противъ распространенія сектъ, признаваемыхъ «менѣе вредными», и противъ самаго бытія тѣхъ, которыя причтены къ «болѣе вреднымъ». Между тѣмъ, въ числѣ послѣднихъ есть и такія, которыя не содержатъ въ себѣ ни безнравственности, ни самоистязанія или иного изувѣрства. Такъ, молоканство, духоборчество и штунда поставлены и доселѣ внѣ всякихъ правъ.

Такое вполнѣ отрицательное отношеніе свѣтскаго законодательства къ русскому иновѣрію издавна совмѣщалось у насъ съ терпимостью къ иновѣрію иностранному. Молельни протестанскія дозволялось строить для иностранцевъ, а по мѣрѣ присоединенія къ государству областей съ населеніями иновѣрными, свѣтскій законъ долженъ былъ признавать существованіе въ русскомъ государствѣ католическаго и протестанскихъ исповѣданій, допуская свободное отправленіе богослуженія въ этихъ исповѣданіяхъ, которыя, однако, продолжаютъ считать и называть «иностранными».

Но совсѣмъ иначе свѣтскій законъ относился, а отчасти и продолжаетъ доселѣ относиться къ иновѣріямъ, возникшимъ на русской почвѣ. Въ нихъ власть свѣтская, смотря глазами власти духовной, видѣла, прежде всего, возмущеніе противъ церкви православной, съ цѣльностью которой неразрывно связывалось изстари самое понятіе о русскомъ государствѣ.

Что такъ смотрѣло на расколъ духовенство, это логично вытекало изъ понятія о непогрѣшимости церкви вселенской. Такъ точно и католичество видѣло въ протестантизмѣ отрицаніе себя, возмущеніе, а потому легче примирялось съ существованіемъ еврейскихъ молелень, чѣмъ лютеранскихъ храмовъ. Но подобное же отношеніе къ русскому иновѣрію со стороны власти свѣтской уже перестало быть логичнымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, когда, за присоединеніемъ иновѣрческихъ областей, самое понятіе о принадлежности къ русскому государству должно было отдѣлиться отъ понятія о непремѣнной принадлежности къ церкви православной. Государство оказалось дѣятельнѣе, завоевательнѣе и—въ мірскомъ смыслѣ—могущественнѣе церкви. Православная церковь никогда не отличалась сильнымъ духомъ прозелитизма и пропаганда была впослѣдствіи скорѣе внесена въ нее видами государственнаго единенія, чѣмъ какимъ-либо внутреннимъ, самодѣятельнымъ движеніемъ.

И вотъ, когда государство въ расширеніи своихъ предѣловъ далеко опередило церковь, то представленіе о полномъ ихъ совпаденіи должно было бы сгладиться не только въ области географіи, но затѣмъ и въ области права. Этого, однако же, не случилось, и не случилось потому, что петровскій періодъ, въ которомъ совершалось присоединеніе западной полосы имперіи, на самомъ рубежѣ своемъ поставилъ такое начало въ отношеніяхъ государства къ церкви, при которомъ государственной власти не было уже никакой нужды «эмансипироваться» отъ церковныхъ воззрѣній и требованій. Вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ расколу тѣсно связанъ съ вопросомъ объ отношеніи, существовавшемъ и существующемъ у насъ между государствомъ и «господствующей» церковью. И такъ, прежде чѣмъ продолжать наше разсужденіе о положеніи раскола, мы сдѣлаемъ нѣсколько историческихъ справокъ о томъ переломѣ, какой произошелъ на рубежѣ XVIII столѣтія въ отношеніяхъ государства къ самой церкви.

Отношенія эти установились при Петрѣ въ смыслѣ полнаго подчиненія церкви власти государственной, и это не на практикѣ только, какъ бывало временами и раньше, и даже не въ однихъ учрежденіяхъ,—какъ-то: въ замѣнѣ патріарха синодомъ съ государственнымъ прокуроромъ,—но въ самой теоріи, усвоенной даже епископами подъ вліяніемъ «духовнаго регламента». Авторъ «духовнаго регламента», Ѳеофанъ Прокоповичъ, выставлялъ въ немъ мысль о независимости и даже нѣкоторомъ превосходствѣ власти церковной надъ властью свѣтской, какъ суевѣріе, будто бы существовавшее лишь въ простомъ народѣ по невѣжеству его: «Отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, каковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо *простой народъ* не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный,

или и больше его, и что духовный чинъ есть то другое и лучшее государство».

Въ этихъ и послѣдующихъ словахъ регламента, очевидно, умышленно преувеличивается до крайней степени, до «бунта», прежнее мнѣніе о самостоятельности, высшемъ призваніи и высшемъ нравственномъ значеніи «чина духовнаго». Преувеличивается это сознаніе съ той именно цѣлью, чтобы выставить его несовмѣстимымъ съ спокойствіемъ государства и даже со здравымъ смысломъ, отождествить съ невѣжественнымъ предразсудкомъ простаго народа. «И се, самъ собою,—продолжаетъ тотъ же памятникъ,—народъ тако умствовати обыкъ. Что же, егда еще и плевелные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вся духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо, и пребезумно согласуютъ, и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ, и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своея не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися».

Но авторъ регламента, преувеличивъ до бунта старинное понятіе о преимуществѣ чина духовнаго предъ свѣтскимъ и низведя это начало до степени невѣжественнаго суевѣрія простаго народа, самъ себѣ противорѣчитъ вскорѣ, намекая вслѣдъ затѣмъ на такіе факты, которые показывали, что старинный взглядъ, съ которымъ онъ борется, принадлежалъ вовсе не одному простому народу: «Что-жь,—говоритъ онъ далѣе,—когда еще и самъ пастырь таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ?» И, приведя примѣры, какъ «не единажды во многихъ государствахъ сіе показалося», Ѳеофанъ заключаетъ: «да не воспомянутся подобные бывшіе и у насъ замахи».

Въ дѣйствительности же, понятіе о независимости церкви во внутреннихъ ея дѣлахъ и о призваніи русскаго патріарха руководить самую дѣятельность государства къ охраненію вѣры православной не подлежало сомнѣнію во весь московскій періодъ, какъ и верховное положеніе правительства духовнаго, на ряду съ правительствомъ свѣтскимъ, удостовѣрялось самыми наружными формами въ тѣхъ случаяхъ, когда царь и патріархъ, оба именовавшіеся «великими государями»», являлись торжественно передъ народомъ. Старинное преданіе лучше всего выражается опредѣленіемъ Стефана Яворскаго въ *Камнѣ Вѣры*: «Почитаемъ власть царскую, яко отъ Бога данную, но не на сицево дѣло. Церковное бо строеніе и чина церковнаго предѣлы и уставы вручи Богъ апостоламъ и ихъ воспріемникамъ, не мірской власти, но духовной». Авторъ новѣйшаго изслѣдованія о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ П. О. Морозовъ, въ доказательство независимости церкви отъ власти свѣтской въ дѣлахъ церковныхъ въ до-петровской Россіи, удачно ссылается на слова самого Ивана Грознаго въ одномъ изъ писемъ къ Курб-

скому: «ино святительская власть, ино царское правленіе», и напоминаетъ, что еще Алексѣй Михайловичъ не допускалъ даже сравненія между «царемъ земнымъ» и «великимъ свѣтильникомъ, прославленнымъ Богомъ».

Какъ извѣстно, на патріархѣ Никонѣ, который явился наиболѣе энергичнымъ представителемъ идеи независимости церковной власти отъ свѣтской, а, какъ полагаютъ иные, еще и преобладанія первой надъ второю, сказался, однако, переломъ, который при Петрѣ и завершился съ быстротой, нигдѣ на Западѣ не виданной. Управленіе внутренними церковными дѣлами сразу перешло подъ прямой весьма бдительный контроль государства, а духовенство явилось уже только въ видѣ «чина», одинаково съ прочими чинами зависимаго.

Упомянувъ о Никонѣ, нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что догадки о стремленіи его подчинить себѣ власть свѣтскую,—тѣ догадки, на основаніи которыхъ его называли «попежникомъ» и Ѳеофанъ Прокоповичъ — съ одной стороны, и раскольники—смертельные враги Прокоповича—съ другой, на основаніи которыхъ, наконецъ, газета *Русь* посейчасъ именуетъ Никона «единственнымъ русскимъ клерикаломъ»,—основаны на весьма недостаточныхъ и, къ тому же, шаткихъ признакахъ. Признаки эти взяты изъ отдѣльныхъ показаній враговъ Никона, но не подтверждаются ни однимъ положительнымъ фактомъ.

Самая борьба Никона съ боярами, а черезъ нихъ и раздоръ между нимъ и Алексѣемъ Михайловичемъ продолжались слишкомъ короткое время, а именно всего 8 лѣтъ. И въ чемъ же выразилъ патріархъ свое недовольство, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ царя? Развѣ Никонъ составлялъ себѣ воинствующую партію, развѣ разрѣшалъ своихъ приверженцевъ отъ присяги царю или отлучалъ его отъ церкви? Вовсе нѣтъ. Онъ — удалился въ монастырь; вотъ все, что онъ сдѣлалъ и чѣмъ прогнѣвалъ царя, который считалъ его своимъ другомъ: «Се вижу,—написалъ онъ Алексѣю,—на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды и того ради и соборовъ во св. церкви лишаемы. Азъ же пришлецъ есмь на земли. И се нынѣ, понимая заповѣдь, дая мѣсто гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего».

Обвиненіе Никона, будто онъ проклиналъ царя, было рѣшительно опровергнуто тѣмъ же патріархомъ, который на вопросъ объ этомъ выразился даже такъ: «буду я анаѳема, если относилъ псаломъ къ царю». Да, наконецъ, самый фактъ, что Алексѣй Михайловичъ и послѣ низложенія Никона просилъ его благословенія, посылалъ ему подарки, давалъ ему самыя почтительныя именованія и передъ смертью просилъ его прощенія, а Ѳедоръ Алексѣевичъ хотѣлъ даже снова возвести Никона на патріаршій престолъ, по справедливому замѣчанію Щапова, опровергаютъ посягательство патріарха на царскія права, котораго ему бы, конечно, не простили. И въ соборномъ опредѣленіи о низложеніи Никона не указано никакой его вины по отношенію къ правительству, кромѣ той, что онъ «досаждалъ государю». Неужели же этого достаточно, чтобы видѣть въ Никонѣ «клерикала»?

Отношеніе къ личности Никона представителей разныхъ взглядовъ заслуживаетъ того, чтобы надъ нимъ остановиться, такъ какъ въ этомъ именно одинаковомъ отношеніи къ нему воззрѣній взаимно-враждебныхъ и сказывается, что у насъ еще съ того времени произошло въ этой области совершенное смѣшеніе понятій. Церковь—«не отъ міра сего», но сама въ себѣ она — организмъ самостоятельный и цѣльный, имѣющій правильное устройство. Вотъ это-то простое опредѣленіе у насъ не выяснилось исторіею, и на Никона, который представлялъ собою это начало, обрушились обвиненія со всѣхъ сторонъ.

Довольно естественно, что его провозглашали «попежникомъ»—раскольники. Но, вѣдь, расколъ, котораго начало было еще до исправленія книгъ при Никонѣ, шелъ къ разрушенію самой организаціи церкви; истинный смыслъ и истинная сила раскола была въ безпоповщинѣ, а она явилась какъ начало безусловно - антицерковное, какъ движеніе отчасти демократическое, отчасти раціоналистическое, направленное и противъ іерархіи, и противъ авторитета церкви въ самомъ истолкованіи догматовъ, однимъ словомъ, противъ всякой «обязательности», всякаго органическаго порядка. Между тѣмъ, Никонъ былъ именно энергическимъ дѣятелемъ порядка. И исправленіе книгъ, и дисциплинарныя мѣры противъ массы соблазновъ и злоупотребленій имѣли у Никона одну и ту же цѣль — чистоту и крѣпость церкви. Въ этомъ смыслѣ кто видитъ въ Никонѣ «клерикала», тотъ — противникъ церковнаго единства. Если такъ, то выходитъ, что всякій, кто говоритъ о вселенской церкви, есть «клерикалъ»

Что касается приверженцевъ преобладанія свѣтской дисциплины въ церковныхъ дѣлахъ, начиная съ Ѳеофана, то и они, пожалуй, могутъ видѣть «попежника» въ Никонѣ, такъ какъ, дѣйствительно, онъ возставалъ противъ своеволія бояръ въ монастырскомъ приказѣ и тѣмъ навлекъ на себя вражду ихъ друзей въ боярской думѣ. Но называя такъ Никона, они обязаны признавать за самими собой именованіе «лютерцовъ».

Что очищеніе церковнаго управленія отъ злоупотребленій было необходимо, объ этомъ согласно свидѣтельствовали всѣ соборы XVII вѣка. Что Никонъ былъ правъ въ своемъ обличеніи своеволія бояръ монастырскаго приказа, распоряжавшихся духовными имуществами и опредѣлявшими священниковъ и игумновъ безъ согласія патріарха, это доказывается свидѣтельствомъ восточныхъ патріарховъ, которые также писали царю противъ приказа, и самымъ закрытіемъ приказа, которое послѣдовало уже послѣ низложенія Никона. Послѣднее можетъ служить отвѣтомъ тѣмъ обвиненіямъ, которыя осуждали Никона за такія будто-бы дѣйствія, къ какимъ онъ не могъ приступать безъ соборнаго постановленія.

Намъ казалось не лишнимъ сдѣлать это историческое отступленіе, чтобы выяснить различіе между двумя вещами: посягательствомъ церкви на покореніе государства, на подчиненіе себѣ власти свѣтской, и внутренней духовной самостоятельностью церкви, которая предполагаетъ, для жизнен-

ности церковнаго управленія, и нѣкоторую самостоятельность въ немъ самомъ:

Совершенно естественно, что и въ нашей дальнѣшей исторіи памяти Никона выпала на долю та судьба, о которой мы упомянули.

Къ личности и воззрѣніямъ его отнеслись враждебно петровскіе преобразователи, поставившіе самихъ іерарховъ въ такое положеніе, что они «повелѣнію властей покорены суть, да въ дѣлѣ званія своего пребываютъ и наказанію, аще не пребываютъ». Но еще болѣе враждебно отнеслись къ нему приверженцы старины болѣе древней, преданія о мірскомъ, общественномъ элементѣ въ церкви, смѣшаннаго уже съ новизною духовнаго разноученія. Петръ сильно преслѣдовалъ раскольниковъ, какъ бы не сознавая, что самъ поступалъ въ отношеніи къ «клерикальному» началу въ церкви совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и они. Но, конечно, громадная разница была между раскольниками и Петромъ и въ дѣлахъ, и въ средствахъ. Ихъ цѣлью—насколько они держались понятія о церкви (поповщина)—было возстановленіе въ церковномъ управленіи начала общинно-мірскаго; его цѣлью былъ штатсъ-интересъ. Ихъ средствомъ было отпаденіе отъ церкви подъ обрядовыми предлогами; его средствомъ было подчиненіе духовнаго чина прокурору и секретарю. Понятно, что всѣ эти три начала — полная независимость церковнаго управленія, возстановленіе въ немъ начала земскаго и окончательное покореніе, подчиненіе какъ духовнаго чина, такъ и остатковъ организма земскаго канцеляріи — являлись взаимно-враждебными. Надъ всѣми одержало побѣду начало централизующее.

Когда такое полное подчиненіе совершилось, то отсюда произошли два послѣдствія. Во-первыхъ, не имѣя уже нужды, какъ мы замѣтили выше, освобождаться отъ вліянія духовенства, государственная власть и не думала секуляризовать законы. Къ чему это было дѣлать, когда оно секуляризовало самую церковь? Вѣдь, постепенная секуляризація законодательства, освобожденіе его отъ церковныхъ воззрѣній являлось на Западѣ именно какъ средство для борьбы съ притязаніями папъ и вліяніемъ духовныхъ конгрегацій. Вслѣдствіе того, государственная власть у насъ долгое время ничего не дѣлала для поставленія въ сколько-нибудь сносное положеніе тѣхъ русскихъ иновѣрцевъ, которые по воззрѣнію церкви были отщепенцами православія. Русское государство, какъ замѣчено выше, уже вмѣстило въ себя новыя многочисленныя населенія не православныя, такъ что совпаденіе обоихъ понятій уже не соотвѣтствовало болѣе фактамъ, и, стало быть, и великорусскіе диссиденты могли бы получить право на терпимость и признаніе. Но государство, въ отношеніи къ нимъ, продолжало держаться церковнаго взгляда, что они какъ бы посягатели на православіе, что расколъ есть только временное зло, имѣющее пройти, и что потому не слѣдуетъ отмѣнять направленныхъ противъ него стѣсненій, а надо только имѣть твердость и терпѣніе, а болѣзнь пройдетъ.

Во второе столѣтіе существованія старообрядчества не было уже жестокихъ гоненій противъ цѣлыхъ обществъ, но значительная часть великорусскаго народа, придерживавшаяся разныхъ видовъ «старой вѣры», подъ именемъ которой являлись и толки совершенно новые, съ направленіемъ то мистическимъ, то раціоналистическимъ, жила въ безправіи или же въ притворствѣ.

Нѣтъ нужды напоминать объ особенностяхъ того совершенно безправнаго положенія, въ какомъ оставались великорусскіе иновѣрцы до семидесятыхъ годовъ. Замѣчательно, что въ самый разгаръ реформъ никакое преобразованіе не коснулось гражданскаго быта старообрядцевъ. Правда, еще 18 октября 1858 года состоялось необнародованное высочайшее повелѣніе, которымъ предписывалось не преслѣдовать раскольниковъ за вѣру, а препятствовать только распространенію раскола. Но нерѣшительное настроеніе тогдашняго правительства въ отношеніи старообрядцевъ свидѣтельствуется тѣмъ фактомъ, что всего за два года передъ тѣмъ опечатаны были алтари на Рогожскомъ кладбищѣ, въ храмахъ, которые существуютъ со временъ Екатерины. Первая, крупная по наружности уступка, въ смыслѣ признанія за всѣми русскими иновѣрцами правъ гражданскихъ, состоялась въ 1874 году въ законѣ о метрическихъ записяхъ ихъ браковъ и рожденій.

Но уступка эта была важнѣе по принципу, чѣмъ по практическимъ послѣдствіямъ, такъ какъ въ силу ограниченій, включенныхъ въ законъ, огромное большинство старообрядцевъ вовсе не могло имъ воспользоваться. Болѣе практическаго значенія имѣлъ изданный въ 1879 году законъ, предоставившій министру внутреннихъ дѣлъ право разрѣшать починку молитвенныхъ старообрядческихъ зданій, такъ какъ министерство стало разрѣшать всѣ подобныя ходатайства, и потому на практикѣ законъ 31 октября 1879 года получилъ смыслъ общаго дозволенія починки молеленъ.

Затѣмъ, новый шагъ, въ смыслѣ предоставленія великорусскимъ иновѣрцамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по исправленію требъ, сдѣланъ закономъ 1883 года. Законъ этотъ важенъ и по принципу, и въ практическомъ примѣненіи. Конечно, и онъ не рѣшаетъ дѣла окончательно въ смыслѣ полнаго уравненія. Въ текущемъ году изданы еще двѣ законодательныя мѣры, относящіяся къ положенію старообрядчества. Законъ 1 мая 1884 г. измѣняетъ въ «Сводѣ» тѣ опредѣленія полицейскаго и уголовнаго свойства, которыя несогласны съ прошлогоднимъ закономъ о дарованіи старообрядцамъ нѣкоторыхъ новыхъ правъ, а законоположеніе 17 января нынѣшняго же года—о подчиненіи посадовъ Черниговской губерніи, населенныхъ старообрядцами, вѣдѣнію общей полиціи, хотя и имѣетъ примѣненіе только мѣстное, но, все-таки, является какъ еще одно удостовѣреніе въ смыслѣ сознаваемой необходимости устранять разныя исключительныя условія, какими былъ обставленъ весь бытъ старообрядцевъ. Такихъ условій

остается еще не малое число. Характеренъ самый тотъ фактъ, что доселѣ въ 11 посадахъ Черниговской губерніи существовали спеціальныя полицейскія управленія для старообрядцевъ, а при губернаторѣ два особыхъ чиновника особыхъ порученій для веденія дѣлъ о раскольникахъ. Независимо отъ своего содержанія, эти новые законы важны на практикѣ еще и тѣмъ, что уменьшатъ придирки къ старообрядцамъ низшихъ властей и вообще умѣрятъ излишнее рвеніе блюстителей, показывая, что правительство расположено къ оставленію старообрядцевъ въ покоѣ. Нынѣшній отчетъ по духовному вѣдомству относится еще къ 1882 году, когда новые законы не были изданы. Съ своей стороны, епископы, конечно, не нуждались въ новомъ напоминаніи, чтобы не употреблять противъ сектантовъ иныхъ мѣръ, кромѣ увѣщаній. Всѣ отчеты за послѣднія лѣтъ пятнадцать повторяютъ, что духовныя власти и дѣйствовали только этимъ, нравственнымъ путемъ, поощряя подчиненное имъ духовенство къ борьбѣ съ расколомъ единственно посредствомъ собесѣдованій и особыхъ миссій въ мѣстности, гдѣ расколъ усиливался. Въ послѣднее время особенное вниманіе духовнаго вѣдомства вообще обращено на возможно-бо́льшее распространеніе книгъ и брошюръ, обличающихъ несогласіе съ православнымъ ученіемъ.

Изъ нынѣшняго отчета оберъ-прокурора св. синода, какъ и изъ предшествующихъ, видно, что новыя секты постоянно образуются, появляясь отъ причинъ какъ бы случайныхъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ личностей, успѣвающихъ собрать группы приверженцевъ для ученій самыхъ различныхъ направленій, такъ что если бы по этимъ направленіямъ судить о томъ, въ какую именно сторону устремляется религіозная мысль въ народѣ, разъ она покидаетъ область церковную, то получились бы странные и какъ бы взаимно противорѣчивые выводы. Мы видимъ изъ новѣйшаго отчета (за 1882 г.) такіе отдѣльные факты, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сектантство слабѣетъ, по крайней мѣрѣ, становится менѣе фанатичнымъ, забайкальскіе сектанты радушно принимаютъ иркутскаго православнаго епископа и слушаютъ съ довѣріемъ его поученія, въ другихъ же мѣстностяхъ секты старыя держатся крѣпко или возникаютъ новыя, различнаго направленія. Такъ, по свидѣтельству отчета, въ Псковской губерніи «видимо растетъ смѣлость расколоучителей и вожаковъ» у безпоповцевъ, которыхъ за годъ присоединилось къ церкви лишь 48 чел., отпало же отъ нея въ расколъ 975 лицъ; въ Астраханской губерніи внушаетъ заботу распространеніе лжеученій молоканскихъ, а въ одномъ изъ селъ Симбирской губерніи обнаружилась секта жидовствующихъ. Съ другой стороны, частныя извѣстія съ юга свидѣтельствуютъ о распространеніи тамъ штунды; мы ссылаемся въ отношеніи ея успѣховъ на частныя извѣстія потому, что о ней нѣтъ точныхъ свѣдѣній въ тѣхъ извлеченіяхъ изъ отчета по духовному вѣдомству, какія опубликованы.

Всѣ тѣ толки, о которыхъ только что упомянуто, имѣютъ религіозное направленіе весьма различное. Если еще у молоканъ можно найти сходныя

черты съ штундистами и, главнымъ образомъ, невыработанность догматической стороны, то уже ни у тѣхъ, ни у другихъ нѣтъ ничего общаго съ ересью жидовствующихъ. И если присмотрѣться къ наружной причинѣ, къ поводу усиленія или возникновенія того или другаго религіознаго движенія въ каждой мѣстности, то кажется, какъ будто причиною былъ просто случай. Въ одномъ мѣстѣ богатые, вліятельные молокане увлекли за собою новыхъ приверженцевъ, въ другомъ секта жидовствующихъ возникла по такому поводу, что хозяинъ постоялаго двора для евреевъ совратился въ ихъ ученіе и сталъ его распространять, а самъ-то онъ, къ довершенію случайности, былъ безпоповецъ. Въ третьемъ случаѣ, штунда распространилась по причинѣ сосѣдства съ колонистами - протестантами. Наконецъ, въ вышеприведенномъ примѣрѣ проявилъ особую дѣятельность и съумѣлъ возбудить довѣріе къ себѣ—православный епископъ.

Совершенно то же самое, такую же случайность, такой же разбродъ религіозной мысли или, лучше сказать, религіозной потребности, по разнымъ направленіямъ, можно наблюдать и во всей массѣ случаевъ совращеній, собранной въ предшествующихъ синодальныхъ отчетахъ, съ тѣхъ поръ, какъ они публикуются. Изъ этихъ многочисленныхъ, весьма разнообразныхъ, но согласно свидѣтельствующихъ фактовъ позволительно вывести заключеніе. Они доказываютъ, что среди русскаго народа въ настоящее время нѣтъ движенія религіозной мысли въ опредѣленномъ направленіи, но есть потребность религіозной жизни болѣе дѣятельной. Есть почва для разнообразныхъ религіозныхъ движеній потому, что чувствуется потребность въ самомъ движеніи, то-есть въ оживленіи духовномъ. Такой потребностью могутъ пользоваться распространители самыхъ различныхъ толковъ, такіе люди, которыхъ наводитъ на ту или другую вѣру уже дѣйствительно случай. Но этой же потребностью въ оживленіи, въ усиленіи духовной стороны, въ религіозномъ просвѣтленіи жизни можетъ пользоваться и православное духовенство, какъ мы это видимъ изъ примѣра иркутскаго епископа и изъ примѣровъ, подаваемыхъ многими православными миссіонерами.

Вообще,—по крайней мѣрѣ, судя по даннымъ, какія сообщаются духовному управленію изъ консисторій, — нельзя сказать, что сектантство въ общемъ итогѣ растетъ, но нельзя также сказать, что и церковь православная, въ общемъ итогѣ, постепенно ослабляетъ расколъ въ свою пользу. Правда, отпаденіямъ въ расколъ не ведется статистики, такъ какъ секты свое распространеніе укрываютъ, но въ отчетахъ упоминаются иногда довольно яркіе и довольно многочисленные случаи совращеній.

Вотъ въ удовлетвореніи этой потребности въ болѣе дѣятельной, болѣе живой,—если можемъ такъ сказать,—религіозной жизни и находилось бы, несомнѣнно, вѣрнѣйшее средство бороться съ расколомъ, чѣмъ въ сохраненіи въ свѣтскомъ законодательствѣ той весьма еще значительной неравноправности русскихъ иновѣрцевъ, какая и доселѣ осталась. Они все еще

находятся въ неравномъ положеніи съ русскими гражданами такъ называемыхъ исповѣданій иностранныхъ, не только давно и по необходимости признанныхъ, вслѣдствіе присоединенія къ государству новыхъ областей, но и признаваемыхъ вновь. Такъ, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ состоялся законъ, которымъ оффиціально признано въ Россіи исповѣданіе баптистовъ и учителямъ ихъ усвоено качество лицъ духовныхъ.

Между тѣмъ, русскіе штундисты безуспѣшно ссылались на этотъ примѣръ, прося признанія своего исповѣданія. Остается все еще въ силѣ взглядъ, что то — исповѣданіе, хотя и не признававшееся доселѣ въ Россіи, но, все-таки, иностранное, а потому признаніе его не можетъ угрожать православной церкви, между тѣмъ какъ исповѣданіе штундизма есть возмущеніе противъ церкви, а, стало быть, и государства, и будто признаніе такого «возмущенія» могло бы представить опасность.

Не возвращаясь къ тому, что мы сказали выше о существенной перемѣнѣ въ отношеніяхъ государства и церкви, какая произошла въ Россіи еще въ прошломъ столѣтіи, остановимся только на томъ фактѣ, что такой взглядъ заключаетъ въ себѣ какъ бы неувѣренность въ религіозной твердости народа. Подобное сомнѣніе проявляется не только по отношенію къ православному населенію, среди котораго опасаются бо́льшаго распространенія раскола, если правительство станетъ относиться къ расколу снисходительнѣе, но и въ отношеніи къ самому населенію, уже пребывающему въ расколѣ. По этому взгляду, снисходительность необходимо повлекла бы за собой возрастаніе упорства въ сектантахъ.

Въ самомъ отчетѣ мы находимъ слѣдующій отзывъ о трудности борьбы духовенства съ расколомъ: «Эта трудность въ послѣднее время стала обусловливаться еще тѣми обстоятельствами, что между раскольниками распространились и упорно держались слухи, будто правительство, сознавая правоту раскола, намѣрено признать его наравнѣ съ господствующею греко-россійскою церковію». Замѣтимъ, что слухи, о которыхъ здѣсь говорится, относятся къ отчетному, то-есть къ 1882 году, когда еще не былъ изданъ указъ о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію требъ. И такъ, если бы этому взгляду суждено было оправдаться, то оказалось бы, что когда уже самый слухъ о возможности полнаго уравненія раскола повелъ къ его укрѣпленію и затруднялъ дѣло православныхъ миссіонеровъ, то изданіе положительнаго закона, хотя и далеко не дающаго сектамъ равноправности, но, все-таки, дающаго сектантамъ новыя права, должно было бы произвести результатъ аналогичный.

Однако, едва ли въ дѣйствительности этого можно опасаться. Подобному опасенію,—котораго правительство, очевидно, не имѣло, иначе не издало бы новаго закона,—противорѣчатъ всѣ тѣ свидѣтельства цѣлаго ряда отчетовъ, которые показываютъ, что упорство, фанатизмъ раскольниковъ ослабляются, уступаютъ именно передъ средствами кроткими, нравственными, передъ убѣжденіями, а не передъ принужденіями. Во-вторыхъ, мысль о подобной

опасности, а, стало быть, и основательность того взгляда, изъ котораго эта мысль вытекаетъ, опровергаются самой двухвѣковой исторіей раскола, показывающей безплодность мѣръ принудительныхъ, возбужденіе упорства и фанатизма именно ими, а не снисходительностью.

Всѣ данныя о борьбѣ съ расколомъ, заключающіяся какъ въ нынѣшнемъ отчетѣ, такъ и въ предшествующихъ, доказываютъ, что единственнымъ вѣрнымъ средствомъ для этой борьбы представляется оживленіе дѣятельности въ самомъ православномъ духовенствѣ, внесеніе бо́льшей жизни въ дѣло поученія народа истинной вѣрѣ и началамъ нравственности, наконецъ, бо́льшая энергія духовныхъ дѣятелей и нѣкоторый просторъ, безъ котораго энергія немыслима.

Жизнью народною можетъ управлять только тотъ, что сознаетъ ея потребности и умѣетъ удовлетворить ихъ, идя къ своей цѣли. Потребность усиленія религіозной жизни такъ очевидно служитъ нынѣ единственной почвою для распространенія или возникновенія новыхъ сектъ, потребность эта сказывается такъ наивно въ самомъ отсутствіи какого-либо опредѣленнаго идеала и въ стремленіи только, чтобы жизнь эта была правдою, чтобы она реально связывала людей и отзывалась въ дѣлахъ, что отрицать все это невозможно. Почему мы не встрѣчали еще ни въ одномъ отчетѣ такого случая, чтобы исправникъ или приставъ заставилъ гдѣ-нибудь старообрядцевъ присоединиться къ церкви, пригрозивъ имъ, что закроетъ молельню и вышлетъ расколоучителя? Наоборотъ, изъ массы приводимыхъ отчетами примѣровъ обращеній цѣлыхъ обществъ каждый начинается съ описанія трудовъ какого-либо миссіонера или личныхъ увѣщаній самихъ архипастырей. Значитъ, для укрѣпленія населенія въ вѣрѣ нужно оживленіе, усиленіе духовнаго почина среди самого духовенства.

И вотъ въ этомъ мѣстѣ нашего разсужденія мы должны еще на минуту возвратиться къ тому, что сказано нами выше о началѣ петровскаго періода. Мы указали на одно послѣдствіе полнаго подчиненія церкви государству: государство не видѣло нужды признать русское иновѣріе, секуляризовать свои законы, потому что ему не приходилось болѣе бороться съ церковью. Но было и другое послѣдствіе того же факта,—послѣдствіе, которое поддержало расколъ въ то время, какъ государство оставляло въ силѣ направленныя противъ него свѣтскія кары. Этимъ послѣдствіемъ, этой невольной поддержкою расколу послужили облеченіе самой церкви бюрократическими узами, ослабленіе въ ней личнаго почина, духа энергіи, ослабленіе въ дѣятельности духовенства элемента жизненнаго.

Подчиненіе церкви государству, почти такъ же, какъ и самый расколъ, есть фактъ двухвѣковой и нельзя думать о коренномъ его измѣненіи. Но все, что могло бы быть сдѣлано безъ измѣненія основныхъ отношеній, должно бы быть сдѣлано, чтобы дать въ духовенствѣ болѣе простора личному почину, возвысить значеніе духовенства въ народѣ и въ образованномъ обществѣ, ослабить въ духовенствѣ отчуждающій его сословный

складъ, пробудить въ немъ жизнь, побудить его не стоять на мѣстѣ, но стремиться,—стремиться, само собой разумѣется, не къ новизнамъ, но къ дѣйствительнѣйшему исполненію его высокаго призванія.

Одинъ изъ самыхъ новѣйшихъ фактовъ представляетъ собою признакъ, что сознаніе въ необходимости и возможности полнаго оживленія проявилось уже тамъ, гдѣ, по выраженію Данта, «возможно то, что желательно». Мы разумѣемъ недавній съѣздъ епископовъ въ Кіевѣ. Съѣздъ этотъ или помѣстный соборъ, по газетнымъ извѣстіямъ, разсматривалъ, между прочимъ, именно вопросъ о распространеніи штунды.

Что такое «штунда»? По одному мнѣнію, штунда есть именно ничто иное, какъ баптизмъ, занесенный въ нѣмецкія колоніи нашего юга изъ Германіи, а именно изъ Гамбурга, гдѣ книгопродавецъ Онкенъ образовалъ центральный пунктъ баптистской пропаганды, направленной въ Россію. Лютеранское духовенство боролось съ распространеніемъ баптизма на Волыни и въ Новороссійскомъ краѣ, и мѣстная свѣтская власть принимала свои мѣры еще въ то время, когда пропаганда велась среди нѣмцевъ.

Баптистскіе миссіонеры, по распоряженію новороссійскаго генералъ-губернатора Коцебу, были высланы изъ Россіи, но появились въ Добруджѣ и оттуда продолжали свое дѣло присылкою книгъ, причемъ имъ изъ Гамбурга оказывалась денежная помощь. Пропаганда баптизма среди нѣмцевъ оказалась успѣшною, несмотря на противодѣйствіе власти и лютеранскаго духовенства, а затѣмъ стала увлекать и православное населеніе.

По другимъ изслѣдованіямъ, происхожденіе штунды было иное, а именно: ученіе это занесено изъ Виртемберга въ Херсонскую губернію колонистами, выписанными въ 1817 году, а затѣмъ проникло и въ Кіевскую губернію, чрезъ посредство людей, жившихъ у херсонскихъ колонистовъ или имѣвшихъ съ ними дѣла. Г. А. Молчановъ, который наблюдалъ штундистовъ на мѣстѣ, не считаетъ ихъ баптистами и говоритъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ православные священники обходятся съ ними мягко, штундисты исповѣдуются и причащаются у нихъ, но мѣры насильственныя вызываютъ у нихъ полное уклоненіе отъ православія, такъ что штундисты не крестятъ дѣтей и не отпѣваютъ умершихъ.

Но, по обѣимъ этимъ версіямъ, штунда распространилась среди православнаго народа, все-таки, отъ сосѣдства съ нѣмцами-колонистами. При этомъ дѣйствовало то, что дѣйствуетъ въ Россіи повсемѣстно даже при менѣе сильныхъ поводахъ къ увлеченію сектаторствомъ. Слабость религіозной жизни, отсутствіе поученій со стороны православнаго духовенства, незнаніе народомъ многихъ основныхъ догматовъ и безсвязное знакомство съ другими, неумѣнье вывести изъ одного обрядоваго религіознаго отправленія тѣхъ нравственныхъ указаній, которыя были бы примѣнимы къ повседневной жизни,—вотъ черты общія, которыя создаютъ почву, готовую для воспріятія новыхъ ученій.

Въ виду такого положенія, намъ кажется, не слѣдовало бы искать но-

выхъ мѣстныхъ экономическихъ или психологическихъ объясненій быстрымъ успѣхамъ штундизма на югѣ Россіи. Особенность мѣстная, по всей вѣроятности, заключалось только въ томъ, что религіозное движеніе, происходившее вблизи, среди нѣмцевъ, было сильно и имѣло дѣятелей болѣе развитыхъ, чѣмъ наше крестьянство. Напрасно, кажется, отыскивать, какъ то дѣлали иные корреспонденты, еще какія-то причины особенныя, какъ, напр., раздачу денегъ, оказаніе хозяйственной поддержки принимавшимъ новое ученіе православнымъ. Вѣдь, хозяинъ постоялаго двора въ Корсунскомъ уѣздѣ, тотъ, который развелъ тамъ секту жидовствующихъ, не могъ же совращать населеніе раздачею денегъ. Подобныя объясненія похожи на высказывавшееся нѣкоторыми петербургскими рекстокистами мнѣніе, будто успѣхъ пашковскихъ собраній среди простыхъ людей зависѣлъ отъ раздачи платковъ.

Что касается тождественности штундизма съ баптизмомъ или независимости ея отъ послѣдняго, то этого вопроса мы, по недостатку точныхъ изслѣдованій, рѣшить не можемъ, но полагаемъ, что сомнѣніе въ этомъ отношеніи мѣстныхъ наблюдателей происходитъ только отъ незнакомства ихъ съ ученіемъ баптистовъ, которое, между тѣмъ, имѣетъ довольно опредѣленныя черты. Поэтому считаемъ нелишнимъ привести изъ записки съ мотивами къ закону о признаніи баптистскаго исповѣданія въ Россіи оффиціально собранныя свѣдѣнія о сущности этого ученія. Затѣмъ, мѣстнымъ изслѣдователямъ легко будетъ удостовѣриться, сходны ли вѣрованія штундистовъ съ баптистскими, или нѣтъ.

Баптисты первоначально появились въ Англіи, еще въ XVI вѣкѣ, и отсюда распространились въ сѣверную Америку, Германію, Францію, Швейцарію и Испанію. Въ настоящее время ихъ больше всего въ Америкѣ, а именно до $1^1/_2$ м. душъ, въ Англіи около 200 т., въ европейскихъ странахъ ихъ считаютъ всего по нѣсколько тысячъ. Центръ ихъ въ Германіи, дѣйствительно, въ Гамбургѣ. Характеристическія черты ученія баптистовъ слѣдующія: они допускаютъ вполнѣ свободное толкованіе св. писаніе, а потому догматика у нихъ весьма произвольна и разнообразна (попытки составленія общаго, обязательнаго катихизиса, сдѣланныя въ Германіи, не удались); отсутствіе священства; совершеніе обрядовъ крещенія и причащенія буквально по словамъ евангелія. Они крестятъ только взрослыхъ, такъ какъ видятъ въ крещеніи нравственное перерожденіе, которое мыслимо только при полномъ сознаніи и, притомъ, ссылаются на примѣры св. Іоанна Крестителя и самого Спасителя. Придерживаясь примѣровъ этихъ буквально, они крестятъ не иначе, какъ въ рѣкѣ, а причащеніе совершаютъ такъ, что старшій преломляетъ хлѣбъ и передаетъ ближайшему изъ предстоящихъ, который передаетъ слѣдующему, и т. д.; такъ они поступаютъ и съ виномъ. Учителя ихъ избираются общиной и называются старшинами; отъ нихъ требуется богословское знаніе. Къ причащенію никто не допускается безъ согласія общества, которое должно признать приступающаго достойнымъ. Вообще, баптистская община подвергаетъ постоянному нравственному над-

зору каждаго изъ своихъ членовъ; за безнравственное дѣйствіе членъ общины подвергается увѣщанію и, въ случаѣ неуспѣшности увѣщаній, исключается изъ общины. Бракъ также заключается не иначе, какъ съ согласія общества, и не признается таинствомъ; однако, разводъ не допускается, не допускается и бракъ внѣ общины, исключая, если онъ заключенъ былъ до вступленія въ нее. Впрочемъ, такія же условія наблюденія общины за каждымъ членомъ и согласіе ея на браки находимъ и у «моравскихъ братьевъ» или «гернгутеровъ».

Несомнѣнно, что въ виду кіевскаго съѣзда епископовъ должны были находиться точныя свѣдѣнія о происхожденіи штунды и сущности ея религіозныхъ воззрѣній. Но вопросъ о противодѣйствіи дальнѣйшему распространенію этой секты, по общему мнѣнію, не былъ единственнымъ предметомъ обсужденій этого помѣстнаго собора. Самый фактъ этого собора, скажемъ кстати, явленіе весьма замѣчательное. Соборовъ у насъ не было со времени Петра Великаго, такъ какъ самъ св. синодъ, по мысли его учрежденія, долженъ былъ служить постояннымъ соборнымъ правительствомъ всероссійской церкви. Между тѣмъ, на соборѣ 1667 года, самое возникновеніе раскола приписывалось недостаточно частому созыву соборовъ: «подобаетъ,—говорилось тамъ,—яко же повелѣваютъ правила св. апостоловъ, и вси вселенстіи и помѣстніи св. соборы, яко да въ коейждо странѣ и епархіи творити архіереомъ соборы дважды въ лѣто, или, нужды ради, поединощи, церковныхъ ради вещей исправленія».

Кіевскій соборъ, каковы бы ни были предметы его сужденій, является какъ признакъ оживленія и важенъ именно въ этомъ смыслѣ. Соборъ былъ помѣстный, состоялъ изъ восьми епископовъ южныхъ епархій, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго митрополита Платона, а на первыхъ засѣданіяхъ собора присутствовалъ г. оберъ-прокуроръ св. синода. Затѣмъ прошелъ слухъ, что этотъ соборъ не будетъ единственнымъ. Конечно, одно возвращеніе къ древнему обычаю еще не опредѣляетъ собою характера дѣйствій соборовъ и возможныхъ ихъ послѣдствій. Но, все-таки, созваніе поемѣстнаго собора, послѣ полуторавѣковаго перерыва, показываетъ, что то бюрократическое, формальное, тормазящее жизнь направленіе, которое было внесено не только въ церковное управленіе, но въ самую церковную жизнь русскаго народа «духовными регламентами» Петра, не признается нынѣ чѣмъ-то окончательнымъ, послѣднимъ словомъ русской церковной исторіи.

Догматы церкви и самый строй ея неизмѣнны. Но направленіе дѣятельности духовенства, какъ нѣчто человѣческое, измѣняться можетъ. Въ свое время самый «регламентъ» подвергъ ее сильнѣйшему измѣненію. Передъ нами—послѣдствія. Но ихъ можно было предвидѣть по самому характеру опредѣленій, выработанныхъ при Петрѣ, по цѣлямъ, какія при этомъ имѣлись въ виду, по самому озлобленію, съ какимъ относились авторы къ старинѣ, въ которой, однако,—въ церковной области,—заключались всѣ задатки жизни органической. Сочиненія Ѳеофана Прокоповича и его проповѣди

дышатъ ненавистью къ этой старинѣ, что объяснялось не только политическою борьбой Петра, но и склонностью Ѳеофана къ протестантству. Его обличенія неустройства въ церковномъ управленіи и суевѣрій въ народѣ содержали въ себѣ такое безпощадное отношеніе къ духовенству, такое отрицаніе всякихъ его правъ на какой-либо просторъ дѣятельности, такое убѣжденіе во всеспасаемости мѣръ исключительно дисциплинарныхъ, мѣръ запрета, взысканія, надзора, что нисколько неудивительна вражда, возбужденная его дѣлами и въ духовенствѣ, и въ народѣ, поведшая къ большему распространенію раскола. Неудивительно и послѣдовавшее закрѣпощеніе, такъ сказать, замерзаніе жизненнаго начала въ церковной дѣятельности, бывшее плодомъ этого дѣла.

Повторяемъ, какъ уже сказали выше, что думать объ основныхъ измѣненіяхъ въ созданныхъ тогда отношеніяхъ церкви и государства нынѣ не время. Но всякій, кто сознаетъ великость культурной роли, какая была бы возможна и въ Россіи для духовенства, пожелаетъ всего, что только возможно сдѣлать для того, чтобы народъ находилъ въ православной церкви болѣе жизни и болѣе нравственной поддержки, чѣмъ въ расколѣ.

Въ этомъ отношеніи весьма характерно и то, что такой замѣтный признакъ «новизны, напоминающей старину», какъ созваніе собора, соприкоснулся именно съ обсужденіемъ вопроса о штундѣ. Штунда и есть именно крайность, діаметрально противуположная той крайности, какая произошла отъ направленія, созданнаго «духовнымъ регламентомъ». Регулированіе всего, формалистика, вредящая всему живому,—вотъ та наносная и исправимая, хотя теперь уже давняя черта, отъ которой желательно бы избавиться въ жизни церковной. Полное отрицаніе всякихъ формъ, доходящее до отсутствія даже точныхъ догматовъ и всякаго церковнаго устройства, — вотъ что, по отзыву наблюдателей, представляетъ собой штунда. Такое противупоставленіе само по себѣ поучительно и не совсѣмъ случайно. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, случайнымъ кажется лишь то, чего не сознается причина.

Отъ вопроса о самодѣятельности въ области церковной перейдемъ теперь къ нашей самодѣятельности гражданской, къ земскому самоуправленію. Въ настоящее время въ однѣхъ губерніяхъ происходятъ уѣздныя земскія собранія, а въ другихъ они уже закрылись и составляются отчеты для наступающей чрезъ мѣсяцъ сессіи губернскихъ собраній. Тихо и непримѣтно проходитъ нынѣ земская дѣятельность. Въ общественныхъ разговорахъ о ней не слышно и газеты перестали интересоваться ею. Сами земцы какъ-то спѣшатъ совершить свой обрядъ, почти втихомолку, и разъѣхаться. Таково настроеніе.

Въ особенности же земства стараются ограничить свои ходатайства. Можно было,—только тому, конечно, кто незнакомъ съ нашими нравами,—опасаться, что земства, наоборотъ, воспользуются болѣе, чѣмъ совѣтуетъ

практичность, той полной свободой ходатайствованія, какая за ними недавно признана сенатомъ. Сенатъ,—постановленіями 10 января 1882 г. и 13 декабря 1883 года, по дѣлу о протестѣ полтавскаго губернатора противъ рѣшенія константиноградскаго земства ходатайствовать передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ,—разъяснилъ, что право губернаторовъ останавливать исполненіе постановленій земства «не можетъ имѣть примѣненія къ такимъ постановленіямъ земства, кои не вызываютъ собою какихъ-либо опредѣлительныхъ дѣйствій или распоряженій». Сенатъ нашелъ, что къ послѣдней категоріи постановленій земства несомнѣнно принадлежатъ возбуждаемыя имъ предъ правительствомъ по тѣмъ или другимъ предметамъ ходатайства, которыя и не подлежатъ, поэтому, опротестованію со стороны губернаторовъ и должны ими быть представляемы въ подлежащія министерства, для дальнѣйшаго направленія или отклоненія оныхъ въ установленномъ порядкѣ. При этомъ сенатъ сослался на законъ, по которому земскія ходатайства могутъ быть отлагаемы только комитетомъ министровъ.

Такое разъясненіе закона сенатомъ, мѣстомъ, котораго толкованіе законовъ имѣетъ силу обязательную, открываетъ безусловный доступъ къ правительству всякихъ ходатайствъ земства, хотя бы даже какое-либо земство ходатайствовало, въ противность закону, о нуждахъ общихъ, а не мѣстныхъ. Естественно, что подобное ходатайство было бы безцѣльно, такъ какъ оно было бы отклонено комитетомъ министровъ, съ указаніемъ земству на нарушеніе имъ закона; но, тѣмъ не менѣе, оно дошло бы до комитета министровъ. За то для ходатайствъ, не нарушающихъ этого закона, для представленій о «мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ каждой губерніи и каждаго уѣзда» сенатское рѣшеніе (оно опубликовано въ *Собр. Узак.* только 16 іюня нынѣшняго года) открывало широкое поле.

Но не только не оправдались опасенія, что земства могутъ воспользоваться этимъ правомъ неумѣренно, а замѣчается, наоборотъ, что никогда земства не были такъ мало расположены ходатайствовать, какъ въ настоящее время. Настроеніе совершенно измѣнилось въ сравненіи съ 1880 годомъ. Въ недавно вышедшемъ *Земскомъ Ежегодникѣ за 1880 годъ*, изданномъ вольно-экономическимъ обществомъ, находимъ цѣлую массу земскихъ ходатайствъ 1880 года, изъ которыхъ укажемъ на тѣ, которыя, очевидно, возникали изъ самой дѣятельности земства.

Такъ, владимірское земство ходатайствовало о скорѣйшемъ разрѣшеніи податнаго вопроса, съ тѣмъ, чтобы проекты по этому предмету были передаваемы на обсужденіе экстренныхъ земскихъ собраній, какъ было въ 1870 году, а тверское земство — о скорѣйшей отмѣнѣ подушной подати, также съ обсужденіемъ проектовъ новыхъ налоговъ въ земскихъ собраніяхъ. Вологодское земство просило объ измѣненіи закона, установлявшаго право губернатора доставлять въ сенатъ свои заключенія о лицахъ, избираемыхъ земствомъ въ мировые судьи; то же земство—объ учетѣ въ отдѣле-

ніи государственнаго банка векселей, совершонныхъ между землевладѣльцами, и объ открытіи имъ кредита. Владимірское земство ходатайствовало объ облегченіи крестьянамъ переселеній. Было въ 1880 году много и такихъ ходатайствъ, которыя выходили изъ круга земской дѣятельности. Но въ приведенныхъ нами примѣрахъ земство ходатайствовало о такихъ мѣрахъ, которыя впослѣдствіи были дѣйствительно приняты правительствомъ или, по меньшей мѣрѣ, предположены (какъ, напр., облегченіе переселеній).

Нынѣ земство, такъ сказать, вышло изъ моды; вокругъ его дѣятельности нѣтъ никакого шума, дѣятельность эта стала скромнѣе, чѣмъ когда-либо, и земству приходится довольствоваться ролью той добродѣтельной женщины, о которой «ничего не говорятъ», но которая исполняетъ свой долгъ. Въ жизни земскихъ учрежденій, которымъ въ текущемъ году исполнилось двадцатилѣтіе, безспорно отразились и недостатки нашего общества. Отдѣльные общественные органы не могутъ быть лучше всего организма. Но если бы взять, для сравненія, любую иную область нашей общественной дѣятельности, то съ полнымъ безпристрастіемъ слѣдуетъ сказать, что въ средѣ земства работа наша оказалась и чище, и толковѣе, чѣмъ въ какой-либо. Въ земской средѣ, все-таки, находится болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, людей, работающихъ по убѣжденію, посвятившихъ свои усилія идеѣ. И такихъ людей въ земствѣ не мало; ихъ назовутъ вамъ нѣсколько въ каждой губерніи.

Слѣдя за измѣненіями въ общихъ итогахъ земскихъ бюджетовъ по трехлѣтіямъ, открываешь медленный, но постоянный успѣхъ. Когда земская работа начиналась, сумма обязательныхъ расходовъ земства превышала итогъ расходовъ необязательныхъ, затѣмъ цифры эти сравнялись, наконецъ, въ настоящее время, расходы необязательные, между которыми первое мѣсто занимаютъ издержки на врачебную и училищную части, значительно уже превосходятъ первые. Такъ, въ Московской губерніи обязательныхъ расходовъ было на 505 т. р., а необязательныхъ на 994 т. р. Собраній, не состоявшихся за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ въ 1880 году, по показанію *Ежегодника*, было незначительное число. Въ числѣ мѣръ по взысканію недоимокъ, отмѣтимъ постановленіе устюжскаго земства: «за безуспѣшностью всѣхъ исчерпанныхъ управою законныхъ способовъ къ понужденію полиціи, въ особенности же по отношенію къ болѣе крупнымъ и состоятельнымъ недоимщикамъ, поручить управѣ — печатать въ газетахъ *Голосъ* и *Новое Время*, ранѣе (впереди) передовыхъ статей, именныя приглашенія такимъ недоимщикамъ». Любопытно было бы знать, подѣйствовала ли эта мѣра.

Земскія учрежденія со своимъ 30 милліоннымъ бюджетомъ, изъ котораго около 40 процентовъ поглощаются расходами обязательными, несутъ на себѣ только часть, и, притомъ, часть меньшую и по объему, и по вліянію, всего мѣстнаго управленія. Вопросъ о преобразованіи всего мѣстнаго управленія, какъ извѣстно, занимаетъ правительство и въ на-

стоящее время. Коммиссія, которой поручена его разработка, возобновила въ прошломъ мѣсяцѣ свои засѣданія въ усиленномъ составѣ, а именно при участіи нѣсколькихъ губернаторовъ, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ.

Этотъ весьма замѣтный фактъ представляетъ собою новый примѣръ призыва экспертовъ или, какъ выражались прежде, «свѣдущихъ людей» для обсужденія вопросовъ не техническихъ, но относящихся къ области административной. Но эксперты и въ настоящемъ случаѣ призываются лишь для обсужденія проектовъ, выработанныхъ безъ ихъ участія. Нельзя не замѣтить, что это представляетъ въ практическомъ отношеніи большое неудобство. Являясь къ обсужденію готовыхъ проектовъ, эксперты возбуждаютъ вновь вопросы о самыхъ основныхъ чертахъ этихъ предположеній или предлагаютъ такія отдѣльныя измѣненія, которыя требуютъ передѣлки проектовъ заново.

Иначе и быть не можетъ, такъ какъ важно узнать мнѣніе не о подробностяхъ, конечно, но о главныхъ статьяхъ, въ которыхъ и заключаются основы дѣла. Казалось бы, что по тѣмъ вопросамъ, для обсужденія которыхъ имѣется въ виду призывать экспертовъ, полезнѣе было бы привлекать ихъ къ выработкѣ самой программы; при этомъ упростилось бы позднѣйшее обсужденіе и выигралось бы время. За примѣромъ недалеко ходить. Онъ представляется намъ въ обсужденіи питейнаго вопроса при помощи «свѣдущихъ людей». Вопросъ о новыхъ правилахъ для питейной торговли былъ первоначально разработанъ въ чисто-административной коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ сенатора бар. Розена, въ то время бывшаго директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ. Разработка эта была очень тщательная и при ней именно былъ собранъ весь существенный матеріалъ, какимъ пользовались впослѣдствіи разныя присутствія, поочередно составлявшіяся для обсужденія готоваго проекта, вышедшаго изъ рукъ той, первой коммиссіи.

«Свѣдущіе люди», призванные къ обсужденію этого проекта, возбудили такіе вопросы и предложили такія основанія, которые перевернули вверхъ дномъ всю административную работу. Когда «свѣдущіе люди» разъѣхались, въ министерствѣ финансовъ составлены были новыя правила о торговлѣ питіями, причемъ далеко не всѣ постановленія, принятыя большинствомъ голосовъ въ собраніи «свѣдущихъ», были осуществлены въ новомъ проектѣ. Это представлялось, впрочемъ, совершенно естественнымъ, такъ какъ эксперты приглашались только для разъясненія дѣла, но не для рѣшенія его. Однако, когда «свѣдущіе люди» были затѣмъ приглашены вновь, то въ средѣ ихъ было замѣтно нѣкоторое разочарованіе, и въ виду непринятія нѣкоторыхъ основныхъ пунктовъ, являлось уже меньше охоты обсуждать однѣ подробности.

Въ возобновившуюся теперь законодательную сессію, въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ на первую очередь, мы находимъ и вопросъ о пи-

тейной торговлѣ. Въ государственный совѣтъ внесены заключенія коммиссіи и проектъ новыхъ правилъ, выработанныхъ особымъ совѣщаніемъ, при участіи новыхъ экспертовъ. Этотъ новый проектъ представляетъ собою, такимъ образомъ, результатъ долговременныхъ работъ, которыя шли не въ одномъ направленіи, скачками въ разныя стороны, причемъ нѣсколько разъ перерѣшалось одно и то же.

Въ этомъ именно и представляется неудобство разработки вопросовъ при окончательномъ только содѣйствіи экспертовъ, безъ привлеченія ихъ къ установленію основныхъ предположеній. Такой путь былъ бы естественъ лишь въ томъ случаѣ, если бы эксперты созывались для окончательнаго рѣшенія какого-либо частнаго вопроса; это значило бы, что на представленіе проекта къ утвержденію требуется ихъ согласіе или несогласіе. Тогда, разумѣется, имъ и могъ бы быть сообщаемъ только готовый проектъ. Но, вѣдь, эксперты, это—не законодатели, а только сотрудники, совѣтники; сотрудничество же при одномъ концѣ только затрудняетъ дѣло.

Конечно, въ вопросахъ совершенно спеціальныхъ эксперты могутъ быть, пожалуй, приглашаемы именно только для того, чтобы обсудить одни способы примѣненія, одни техническія подробности. Такъ было съ другимъ совѣщаніемъ экспертовъ, созваннымъ министерствомъ финансовъ въ апрѣлѣ настоящаго года для обсужденія новыхъ правилъ о винокуреніи. Завѣдующій этою спеціальной частью въ министерствѣ, открывая первое засѣданіе, прямо объявилъ, что основы существующей акцизной системы должны оставаться внѣ вопроса. Но при разработкѣ такого общаго вопроса, какъ объ устройствѣ управленія,—вопроса, касающагося и земскихъ, и городскихъ, и крестьянскихъ учрежденій, участіе экспертовъ въ самомъ началѣ работъ такъ называемой «кахановской» коммиссіи могло принести большую пользу. Оно сократило бы громадный приготовительный трудъ собиранія свѣдѣній въ видѣ письменныхъ отзывовъ.

Извѣстно, что предположенія, составленныя кахановскою коммиссіею, касаются устройства и сельскаго общества, и волости. Въ новомъ своемъ составѣ, т.-е. при участіи экспертовъ, коммиссія и приступила, прежде всего, именно къ вопросу о сельскомъ обществѣ, въ которомъ проектъ дѣлаетъ различіе между хозяйственной общиною и административной единицей мірскаго управленія. Нельзя не пожалѣть, что эксперты не участвовали въ самомъ возбужденіи подобнаго вопроса и что составленіе проекта производилось при составѣ изъ однихъ столичныхъ административныхъ лицъ, весьма способныхъ, но мало знакомыхъ съ сельскимъ бытомъ. Въ числѣ постоянныхъ членовъ коммиссіи мы затруднились бы указать лицъ, которыя спеціально изучали хотя бы законы, относящіеся къ сельскому составу и сельскому быту, за исключеніемъ уважаемаго В. И. Вешнякова, издавшаго сборникъ постановленій, касающихся сельскаго хозяйства.

Возраженіе, что эксперты, призванные въ началѣ для уясненія самой программы трудовъ коммиссіи, могли бы преувеличить самую ея задачу,

чрезмѣрно расширить его постановку общаго вопроса, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ выборъ лицъ, приглашаемыхъ въ эксперты, совершенно зависитъ отъ вѣдомства, которое желаетъ ихъ сотрудничества. Сожалѣніе, какое нами здѣсь высказано, можетъ показаться запоздавшимъ; проекты готовы и приходится уже обсуждать именно ихъ, какъ они есть. Но мы потому и представили эти замѣчанія, чтобы основать на нихъ нѣкоторое сомнѣніе въ скоромъ успѣхѣ дальнѣйшихъ работъ коммиссіи. Интересъ, первоначально возбужденный ея назначеніемъ, замѣтно ослабѣлъ и въ обществѣ, такъ что усиленіе ея членами изъ провинціи, фактъ самъ по себѣ довольно крупный, прошелъ, не обративъ на себя особеннаго вниманія.

Въ числѣ другихъ предположеній, поставленныхъ также на первую очередь въ открывшейся законодательной сессіи, находится и проектъ измѣненій въ устройствѣ судебной части въ Сибири. Надо, впрочемъ, замѣтить, что предполагается теперь вовсе не введеніе въ сибирскихъ губерніяхъ судебныхъ учрежденій, въ томъ видѣ, какъ они созданы уставами 1864 года, а только лишь нѣкоторыя переходныя улучшенія въ нынѣ существующемъ тамъ устройствѣ судебной части. Распространеніе новыхъ судебныхъ учрежденій на Сибирь пока отложено по соображеніямъ финансовымъ.

Наконецъ, въ числѣ проектовъ, внесенныхъ теперь въ государственный совѣтъ, находится и предполагаемый законъ о «совмѣстимости» или, точнѣе, о несовмѣстимости нѣкоторыхъ должностей въ государственной службѣ съ занятіями въ акціонерныхъ обществахъ. Сказать правду, этотъ послѣдній законопроектъ является немного поздно, когда всѣ концессіи желѣзныхъ дорогъ проведены и самыя дороги устроены, а уставы всѣхъ банковъ утверждены и банки успѣли уже показать себя. Поэтому въ настоящее время на предполагаемую мѣру, если она пройдетъ, можно будетъ смотрѣть скорѣе какъ на нравственное заявленіе, нежели какъ на мѣру принудительнаго огражденія нравственности.

Мѣра эта, во всякомъ случаѣ, не можетъ осуществить вполнѣ тотъ принципъ, какимъ она внушается. Принципъ заключается въ томъ, что лица, служащія государству, не должны, въ то же время, служить частнымъ промышленнымъ или торговымъ интересамъ, такъ какъ послѣдніе часто оказываются несогласными съ интересами казны и клонятся то къ обходу ея правъ, то къ пріобрѣтенію отъ нея уступокъ. Но ясно, что для осуществленія этой идеи недостаточно воспретить «нѣкоторымъ» служащимъ заниматься въ «нѣкоторыхъ» (акціонерныхъ) предпріятіяхъ. Золотые пріиски, сахароваренные и винокуренные заводы, дѣло горнозаводское и, наконецъ, владѣніе всякими паями и акціями, хотя и безъ участія въ веденіи акціонерныхъ дѣлъ,—все это—разные виды собственности, которыхъ интересы одинаково часто бываютъ несогласными съ интересами казны.

Государственный чиновникъ и не занимая должность въ акціонерномъ

или другомъ коммерческомъ предпріятіи, можетъ быть заинтересованъ въ его успѣхѣ, а, стало быть, и употреблять въ его пользу свое должностное вліяніе, и можетъ дѣлать это даже тѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе гласно его участіе въ предпріятіи.

Достаточно сообразить, что при исходатайствованіи концессій и утвержденія банковыхъ уставовъ, вѣдь, не существовали еще и самыя акціонерныя общества, которыя должны были пользоваться впослѣдствіи этими концессіями и уставами, и, стало быть, если предположить, что были какія-либо благопріятныя этимъ ходатайствомъ административныя вліянія, то «вліянія» эти никакихъ акціонерныхъ должностей еще и не занимали въ то время, когда дѣйствовали.

Большія акціонерныя общества любятъ ставить во главѣ своихъ совѣтовъ людей съ высокимъ административнымъ положеніемъ. Конечно, не бѣда, если общества будутъ лишены этого удовольствія. Нѣкоторые администраторы предпочтутъ, быть можетъ, оставить свои посты, чтобы удержать акціонерные оклады, которые значительнѣе казенныхъ. Спрашивается, однако, станутъ ли главные акціонеры поддерживать этихъ лицъ при слѣдующихъ выборахъ, когда кандидаты эти лишатся своего административнаго положенія? Но совѣты акціонерныхъ обществъ все равно не останутся безъ громкихъ именъ и безъ людей съ вліятельными связями. Вмѣсто лицъ высокихъ чиновъ, они будутъ украшать свои списки лицами титулованными; вмѣсто важныхъ должностныхъ лицъ, они будутъ стараться привлекать родственниковъ этихъ лицъ.

И такъ, предполагаемый законъ, по всей вѣроятности, не достигнетъ непосредственно своей цѣли и если окажетъ дѣйствіе, то развѣ чисто нравственное, въ смыслѣ законодательнаго напоминанія о безкорыстіи.

Правда, нѣкоторые приводятъ еще иной аргументъ противъ совмѣстительства: говорятъ, что служащіе государству не должны отнимать своего времени отъ занятій по той должности, которая имъ поручена. Но въ такомъ случаѣ, кромѣ закона противъ «совмѣстительства», потребовался бы еще законъ противъ «совмѣщенія» двухъ и болѣе административныхъ же должностей въ одномъ лицѣ.

Признавая, что невозможно устранить закономъ содѣйствіе должностныхъ лицъ промышленнымъ и коммерческимъ предпріятіямъ, мы готовы, однако, согласиться, что не лишне хотя бы одно «напоминаніе». Нравы въ администраціи разныхъ странъ зависятъ, прежде всего, конечно, отъ нравовъ самого общества. А когда «напоминаніе» закона совпадаетъ съ общимъ сознаніемъ, что, несмотря на всѣ реформы, грѣховъ было у насъ не мало, оно имѣетъ свое значеніе.

У насъ положительная страсть къ юбилеямъ. Объясняется эта страсть очень легко: торжества эти представляютъ болѣе или менѣе многочисленнымъ обществамъ или кружкамъ возможность дѣлать свѣрки, бросать взгляды

на свое прошлое, настоящее и будущее, заявлять о своемъ существованіи и, вмѣстѣ, ощупывать въ себѣ признаки какого-нибудь солидарнаго сознанія. Кружку или обществу нельзя вѣчно сидѣть въ разбродѣ по угламъ и работать и думать въ одиночку; общественные организмы, какъ и единично-человѣческій, нуждаются въ моціонѣ. И вотъ, юбилеи у насъ представляютъ возможность невиннаго общественнаго моціона.

Поэтому слѣдуетъ смотрѣть снисходительно и на частость ихъ, и на относительную краткость торжествуемыхъ на нихъ эпохъ, и на нерѣдкую ихъ безсодержательность, обусловливаемую обстоятельствами. Было одно время, когда пустились было даже праздновать десятилѣтніе юбилеи всѣхъ экзекуторовъ, но начальство положило этому предѣлъ. Однако, страсть къ юбилеямъ осталась, и за послѣднее время много шума надѣлали и много вызвали умственнаго моціона три юбилея: городъ Архангельскъ праздновалъ свое трехсотлѣтіе, кіевскій университетъ и артистъ В. В. Самойловъ—свои пятидесятилѣтія.

Изъ этихъ юбилеевъ наиболѣе внушительнымъ по относительной продолжительности празднуемаго періода представлялся, безъ сомнѣнія, юбилей В. В. Самойлова. Полувѣковая артистическая дѣятельность даетъ почти крайній предѣлъ для силъ и для заслугъ одного человѣка, художника. Но университетъ, празднующій свое пятидесятилѣтіе, нѣсколько похожъ на мальчика, который праздновалъ бы свою пятнадцатилѣтнюю возмужалость, хотя его еще водятъ въ курточкѣ. О трехсотлѣтіи города Архангельска не говоримъ. Правда, Москва не праздновала ни трехсотлѣтія, ни семисотлѣтія существованія. Да и вообще, какой смыслъ праздновать самый фактъ своего бытія? Можно по поводу славнаго имени, славнаго событія торжествовать выражаемую ими идею; но юбилеи, выражающіе одну только давность, это просто какіе-то праздники хронологіи. Впрочемъ, если праздновалось тысячелѣтіе Россіи, то почему же было не отпраздновать и трехсотлѣтіе Архангельска?

Съ кіевскимъ университетомъ совсѣмъ иное дѣло. Здѣсь и давность-то ужь такъ не велика, что, по смыслу самой рѣчи ректора, университетъ св. Владиміра праздновалъ еще только свою молодость. Не будемъ говорить о прискорбныхъ безпорядкахъ, происшедшихъ въ Кіевѣ. Само собою разумѣется, что никто не можетъ сочувствовать насилію, но виновные уже понесли наказаніе, и чѣмъ скорѣе забудутся, чѣмъ меньше оставятъ за собой тяжелыхъ послѣдствій прискорбные случаи, бывшіе какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Москвѣ, тѣмъ будетъ лучше. Но, разсматривая рѣчь Н. К. Ренненкампфа исключительно какъ литературное или публицистическое произведеніе, мы находимъ въ ней нѣкоторыя положенія, съ которыми не можемъ согласиться и на которыя считаемъ не лишнимъ возразить.

Прежде всего, мы не знаемъ, гдѣ усмотрѣлъ ораторъ удостовѣряемое имъ, и доселѣ имъ однимъ во всей Россіи, «грустное современное явленіе», будто бы «въ настоящее время университеты наши не пользуются такими

общими симпатіями и довѣріемъ, съ которыми относились къ нимъ въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія». Если бы въ самомъ дѣлѣ было такъ, то это составляло бы по истинѣ грустное явленіе. Но мы убѣждены, что г. ректоръ совершенно ошибался, когда въ торжественномъ собраніи представителей русской науки и русскаго общества, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ страны, и ученыхъ, прибывшихъ изъ-за границы, говорилъ о паденіи общихъ симпатій и довѣрія къ русскимъ университетамъ.

И съ какимъ же временемъ сравнивалъ ораторъ наше время, къ его невыгодѣ? Съ періодомъ тридцатыхъ годовъ! Уже одно то, что въ нынѣшнемъ грамотномъ обществѣ людей съ университетскимъ образованіемъ, навѣрное, впятеро больше, чѣмъ въ обществѣ тридцатыхъ годовъ, ручается за нѣчто совершенно противуположное. Со времени тридцатыхъ годовъ самое число университетовъ увеличилось, сотни слушателей въ нихъ превратились въ тысячи, университеты захватили въ себя глубже русскіе общественные слои, а, наконецъ, и университетская наука сдѣлала съ тѣхъ поръ не малые успѣхи, оказала не малыя заслуги. Все это не могло не поднять значеніе университетовъ въ обществѣ и какимъ же образомъ это уменьшило бы общія къ нимъ симпатіи и довѣріе?

Быть можетъ, ректору случалось слышать единичные отзывы въ такомъ смыслѣ, но и съ такими исключительными взглядами ужь конечно чаще, чѣмъ въ настоящее время, можно было встрѣчаться именно въ тридцатыхъ годахъ. Недаромъ грибоѣдовскіе герои говорили съ ужасомъ о «педагогическомъ институтѣ», бывшемъ въ Петербургѣ вмѣсто университета, о пользѣ фельдфебеля вмѣсто Вальтера и о необходимости «собрать всѣ книги бы, да сжечь».

Правда, г. Ренненкампфъ не оставилъ своего страннаго положенія безъ нѣкоторыхъ объясненій, но объясненія его еще страннѣе, еще невѣроятнѣе, чѣмъ сами положенія. По его отзыву, «эта перемѣна во взглядѣ на университеты *особенно* (значитъ, и прежде она уже началась) съ тѣхъ поръ, какъ въ нашихъ университетахъ *и обществѣ* науки гуманныя уступили свое преобладающее вліяніе реализму и наукамъ практическимъ; многіе находятъ университетскую науку слишкомъ высокою, несоотвѣтствующею потребностямъ жизни, лишенною прикладныхъ знаній». Затѣмъ г. Ренненкампфъ посвящаетъ нѣсколько словъ опроверженію такого мнѣнія, разъясняетъ, что не дѣло университета сообщать прикладныя знанія и т. д.

Но во всемъ этомъ трудно найти логическую связь. Если общество, тѣмъ менѣе, сочувствуетъ университету за то, что въ послѣднемъ «реализмъ» и «практическія науки» будто бы отняли преобладающее положеніе у наукъ гуманитарныхъ, то какимъ образомъ оно же можетъ находить, что университетское образованіе, сдѣлавшись болѣе «реальнымъ» и «практическимъ», менѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ жизни, лишено прикладныхъ знаній? Вѣдь, во всякомъ случаѣ практическія науки и ближе къ при-

кладнымъ знаніямъ, и болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ жизни, чѣмъ гуманитарныя.

Если же г. Ренненкампфъ хотѣлъ сказать, что этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ недовольны не общество, а только «многіе», общество же недовольно мнимой смѣною въ университетѣ «гуманныхъ наукъ» «реализмомъ», то это мы могли бы понять, хотя и считаемъ это недоказаннымъ. Однако, ораторъ устранилъ возможность и такого пониманія. Онъ сказалъ, что общіе симпатіи и довѣріе къ университетамъ уменьшились особенно съ тѣхъ поръ, какъ науки гуманныя уступили свое преобладающее вліяніе наукамъ практическимъ не только въ университетѣ, но и въ самомъ обществѣ. Но въ такомъ случаѣ за что же обществу быть недовольнымъ университетами? Неужели за то, что они стали ближе къ духу самого общества, что въ нихъ, какъ и въ немъ самомъ, произошла перемѣна въ одномъ и томъ же смыслѣ?

Все это объясненіе не только не удобопонятно, но и включаетъ въ себѣ фактъ невѣрный, приводимый въ доказательство факта сомнительнаго. Университетъ, какъ то извѣстно всѣмъ не менѣе, чѣмъ и г. ректору, не только обнимаетъ собой всѣ отрасли чистой науки, но и подраздѣляется по этимъ отраслямъ. Говорить о преобладаніи которыхъ-либо наукъ въ университетѣ нельзя, пока онъ раздѣляется на факультеты. Мы нисколько не видимъ, чтобы реализмъ и практическія науки отняли преобладаніе у наукъ гуманныхъ въ факультетахъ историко-филологическомъ и юридическомъ; точно также мы не слыхали, чтобы хотя бы и въ тридцатыхъ годахъ въ факультетахъ физико-математическомъ и медицинскомъ гуманныя науки преобладали надъ естествовѣдѣніемъ.

Вообще же упадокъ въ обществѣ симпатіи къ университетамъ—явленіе, котораго доселѣ еще не усматривалъ никто, и о немъ заявлено въ первый разъ на университетскомъ празднествѣ, въ собраніи общественныхъ представителей, явившихся для того, чтобы почтить университетъ. Явленіе это мы отрицаемъ, считаемъ его неестественнымъ и несуществующимъ, въ доказательство чего можемъ сослаться хоть на послѣдующія слова самого же г. ректора: «университеты наши слились съ русскимъ обществомъ, составляютъ кость отъ кости его, плоть отъ плоти его, и, естественно, не могутъ не отражать въ себѣ движеній и характера жизни всего общества». При такой полной солидарности, откуда же могло произойти, чтобы въ обществѣ уменьшились симпатіи и довѣріе къ университетамъ? Вѣдь, это значило бы, что общество не симпатизируетъ и не довѣряетъ самому себѣ.

Совсѣмъ иначе представлялось бы дѣло, если бы ораторъ хотѣлъ выразить, что не науки университетскія, но университетскіе профессора были въ тридцатыхъ годахъ меньшими реалистами въ своей дѣятельности, чѣмъ нынѣ, что въ тридцатыхъ годахъ въ средѣ ихъ было болѣе идеалистовъ и не было, напримѣръ, ни одного предсѣдателя коммерческаго банка. Это было бы совершенно понятно, но уже значило бы совсѣмъ не то, что

дѣйствительно сказалъ г. Ренненкампфъ. А, впрочемъ, его же собственный примѣръ показываетъ, что чисто-реальная, финансовая дѣятельность, которой онъ обязанъ извѣстностью своей большинству русскаго общества, не исключаетъ искренней привязанности къ гуманитарнымъ наукамъ, хотя, быть можетъ, и вредитъ нѣсколько академичности слога. Такъ, идеалистъ-профессоръ тридцатыхъ годовъ едва ли бы выразился о родной почвѣ, что она «слаба силами» (выраженіе, которое напоминаетъ «слабосильную» команду—солдатскій пріютъ, существующій гдѣ-то въ Петербургѣ).

Но все это не мѣшаетъ и г. Ренненкампфу быть идеалистомъ въ своихъ пожеланіяхъ и надеждахъ. Такъ, ему «кажется, что близко время, когда науки гуманныя вновь займутъ въ университетахъ свое утраченное положеніе». Мы вполнѣ признаемъ высокое значеніе гуманныхъ наукъ, но затрудняемся обозначить время, когда эти науки утратили свое положеніе въ университетахъ, а, стало быть, не можемъ предвидѣть и близости того времени, когда оно имъ будетъ возвращено.

То, что сказано нами выше по поводу борьбы съ расколомъ и собора, о вліяніи преувеличенной государственной регламентаціи при Петрѣ Великомъ на внутренній бытъ православной церкви, побуждаетъ насъ сдѣлать возраженіе еще на одно мѣсто въ рѣчи г. Ренненкампфа. Празднуя годовщину основанія университета св. Владиміра, учрежденнаго, какъ и всѣ наши университеты, государствомъ, вполнѣ умѣстно было упомянуть о заслугахъ государства въ Россіи въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія. Но, говоря о заслугахъ государства, г. Ренненкампфъ зашелъ слишкомъ далеко—для ученаго—въ своихъ опредѣленіяхъ. По его словамъ, государство не только «создало» наше просвѣщеніе, ввело насъ въ европейскую жизнь и, «руководимое правдой, постоянно освобождало наше общество отъ историческихъ неправдъ и тягостей», но еще «сплотило насъ въ самую могучую народную личность, организовало наши внутреннія силы и уяснило намъ всѣ наши національныя и общечеловѣческія задачи».

Выходитъ такъ, какъ будто государство, то-есть, выражаясь иначе, объединяющій политическій успѣхъ, переходившій отъ Кіева къ Владиміру, отъ Владиміра къ Москвѣ и, наконецъ, къ Петербургу, создалъ самую личность русскаго народа, его матеріальный складъ и самый духъ его. Ибо если отнять у народа «личность» и присущія его духу «національныя и общечеловѣческія задачи», какъ нѣчто созданное государствомъ, то, спрашивается, что же затѣмъ остается въ народѣ органическаго, самодѣльнаго, составляющаго его племенную особенность?

Между тѣмъ, государство, въ томъ смыслѣ, какъ его разумѣетъ г. Ренненкампфъ, застало русскую народную личность совершенно готовою и уже могучею. Всего за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ принятіемъ государствомъ этого облика, оно было спасено собственнымъ, самодѣятельнымъ починомъ русскаго народа. Исторія же народнаго просвѣщенія, какъ ученому должно быть извѣстно, начинается со введенія хри-

стіанства, и какую бы справедливость мы ни отдавали историческому подвигу Петра, мы не забудемъ ни въ немъ — сына русскаго народа, ни въ найденныхъ имъ силахъ и условіяхъ—силъ и свойствъ русскаго народа.

Самый складъ государства былъ намѣченъ и обусловленъ самостоятельными усиліями народа. Не государство колонизовало всю восточную половину Россіи, не государство пріобрѣло Сибирь, не государство забросило въ Азовское и Черное моря казачьи якоря. Не оно претворило въ себѣ органической силою всѣхъ этихъ печенѣговъ и половцевъ и всю эту чудь, и мордву, и безчисленныя разновидности аборигеновъ сѣвера и востока. Наконецъ, самыя училища и литература имѣли уже свое начало до Петрова преобразованія, и начало это не было положено государствомъ, но возникло изъ самодѣятельныхъ народныхъ силъ.

Вообще отдѣлять государство отъ народа также трудно, какъ отдѣлять форму отъ содержанія, но если ужь дѣлать такое различеніе, то вѣрнѣе и научнѣе признать, что форма истекла изъ внутреннихъ силъ народа, чѣмъ утверждать, что государство создало и народную личность и уяснило народу національныя и общечеловѣческія задачи. Университеты обязаны у насъ непосредственно государству своимъ существованіемъ — это справедливо; но развитіемъ своимъ и вліяніемъ они, все-таки, были обязаны гораздо болѣе собственнымъ усиліямъ и сочувствіямъ общества, его естественнымъ потребностямъ въ наукѣ, въ высшемъ образованіи, въ умственной жизни вообще. Хотя г. Ренненкампфъ и замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что «наши законодатели всегда ясно сознавали важность и необходимость университетовъ для развитія и благоденствія Россіи», но, вѣдь, направленія бывали разныя, и самъ же онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ періодъ, наступившій послѣ 1848 года: «измѣняется общее направленіе мѣръ министерства просвѣщенія, научное движеніе подвергается многимъ ограниченіямъ, для профессоровъ и студентовъ установляются строгія правила и контроль».

То время, конечно, давно миновало, и намъ остается заключить наши возраженія г. Ренненкампфу согласіемъ съ нимъ въ надеждѣ дальнѣйшаго счастливаго развитія для университетовъ. Что касается русскаго общества, то мы надѣемся, не такъ, какъ г. ректоръ, что оно «возвратитъ университетамъ прежнія симпатіи и довѣріе», но что оно сохранитъ эти чувства къ университетамъ, такъ какъ несочувствіе и недовѣріе къ университетамъ въ обществѣ означало бы несочувствіе къ свѣту и недовѣріе къ будущности самого общества.

Среди застоя большихъ промышленныхъ и частныхъ кредитныхъ предпріятій, о которыхъ теперь если и упоминается въ разговорахъ, то развѣ именно по поводу факта о «совмѣстительствѣ», обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность банка крестьянскаго, о которой *Правительственный Вѣстникъ* сообщилъ недавно новыя свѣдѣнія, доходящія до 1 октября.

Дѣйствія крестьянскаго банка открылись 10 апрѣля 1883 года и имъ доселѣ разрѣшено 853 ссуды на сумму $10^1/_2$ милл. руб.

Если смотрѣть на крестьянскій банкъ съ высоты тѣхъ требованій и ожиданій, какія предшествовали и сопровождали его довольно шумное зарожденіе, то достигаемые имъ результаты, конечно, покажутся незначительными. По размѣру своихъ дѣйствій, онъ не можетъ устранить малоземельность, созданную какъ ошибкою положенія 19 февраля относительно даровыхъ надѣловъ, такъ и возрастаніемъ населенія. Въ полтора года онъ разрѣшилъ ссуду на $10^1/_2$ м. р., между тѣмъ какъ выкупная операція въ настоящее время представляется цифрой $816^1/_4$ м. р., а современемъ составитъ милліардъ.

Но дѣятельность банка приноситъ несомнѣнную пользу въ отдѣльныхъ случаяхъ, и приноситъ пользу именно крестьянамъ, а не какимъ-либо скупщикамъ земли. Всего земли куплено на $12^1/_2$ м. р., количествомъ 234 т. десятинъ, причемъ покупщиками явились $35^3/_4$ тысячъ домохозяевъ. Число послѣднихъ уже свидѣтельствуетъ, что пособіемъ банка пользуется именно крестьянство, хотя, конечно, и могутъ быть единичные примѣры, что ссуда берется обществомъ номинально, а за обществомъ стоитъ кулакъ. Однако, пособіемъ этимъ пользуются крестьяне не столько въ составѣ своихъ сельскихъ обществъ, сколько въ видѣ товариществъ, добровольно заключенныхъ. Въ числѣ покупщиковъ являются 264 общества, 466 товариществъ и 120 отдѣльныхъ крестьянъ. Нынѣ опубликованныя въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* свѣдѣнія слишкомъ кратки для болѣе подробнаго анализа ихъ цифръ. Но изъ отчета крестьянскаго банка за годъ его существованія видно, что товарищества пріобрѣтаютъ и бо́льшее количество земли по отношенію къ числу покупщиковъ. Мало того, преобладаніе покупокъ земли товариществами надъ покупкою обществами замѣчается не только въ южныхъ губерніяхъ, но и въ Тверской губерніи. Въ виду этого послѣдняго факта, отчетъ допускалъ предположеніе, что въ немъ проявляется «значительное въ послѣднее время усиленіе въ тверскомъ населеніи личнаго элемента надъ общиннымъ».

По количеству купленной крестьянами при помощи банка земли, первое мѣсто занимаетъ губернія Екатеринославская—$62^3/_4$ т. десятинъ, второе Полтавская—$36^1/_2$ т. дес. Но общая цѣнность пріобрѣтенной земли выше въ губерніи Полтавской—3 м. 384 т. р., чѣмъ въ Екатеринославской — менѣе 3 м. р. Замѣчательно мало куплено земли крестьянами губерній юго-западныхъ, Кіевской, Волынской, Подольской, что объясняется, вѣроятно, бо́льшими размѣрами надѣловъ, а, быть можетъ, и бо́льшей прочностью частнаго землевладѣнія, такъ какъ земли пріобрѣтаются крестьянами, въ большинствѣ случаевъ, отъ помѣщиковъ.

Выше сказано, что все количество купленной земли составляетъ цѣнность $12^1/_2$ м. р., а банкомъ разрѣшено въ ссуду $10^1/_2$ м. р. Остальные 2 м. р. (1 м. 918 т.) представляютъ доплату самихъ покупщиковъ. И

такъ, крестьяне пріобрѣтаютъ землю примѣрно въ $^4/_5$ посредствомъ банка, а только въ $^1/_5$ на свои деньги. При этомъ доплата изъ своихъ средствъ бываетъ больше при покупкѣ товариществами, чѣмъ при покупкѣ сельскими обществами (т.-е. отдѣльными поселеніями), а еще больше при пріобрѣтеніи земли единичными крестьянами.

Весьма важны будутъ свѣдѣнія о первыхъ взысканіяхъ за неплатежи. Неисправности всегда неизбѣжны, а тѣмъ болѣе въ предпріятіяхъ, гдѣ $^4/_5$ капитала представляются занятыми. Между тѣмъ, отобраніе земли, занятой цѣлымъ обществомъ, и на которой могутъ быть возведены постройки представляется связаннымъ не только съ настоящимъ бѣдствіемъ для общества, вложившаго въ него послѣднія средства, но и съ нѣкоторыми затрудненіями. До сихъ поръ крестьянскій банкъ даетъ ссуды почти всѣмъ требующимъ: изъ 941 разрѣшенныхъ дѣлъ по ссудамъ только 55 окончились отказомъ со стороны банка.

Во всякомъ случаѣ кредитъ есть сила, такъ сказать, безличная; это только новое орудіе, посредствомъ котораго усиливается и ускоряется дѣйствіе факторовъ хозяйственныхъ. Такъ, крестьянскій банкъ, безъ сомнѣнія, ускоритъ ликвидацію прежняго частнаго землевладѣнія въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ оно и безъ того шло къ разложенію. Изъ данныхъ отчета банка видно, что изъ выдаваемыхъ банкомъ ссудъ и доплатъ покупателей пошло на погашеніе долговъ земельнымъ банкамъ 22%, долговъ по частнымъ закладнымъ 14%, разныхъ взысканій 2%, а на руки крестьянамъ выданы 62%. Точно также, тамъ, гдѣ общинное пользованіе слабѣетъ, гдѣ бѣднѣйшіе крестьяне фактически уступаютъ свои надѣлы болѣе достаточнымъ, вносящимъ за нихъ налоги, банкъ поддержитъ и это явленіе, помогая, сверхъ того, богатымъ общинникамъ округляться на сторонѣ, внѣ общины. Наконецъ, тамъ, гдѣ крѣпка община, и она воспользуется новыми средствами для надѣла подрастающаго населенія.

Отъ скромныхъ успѣховъ крестьянскаго банка естественно перейти къ кредиту землевладѣльческому. Тѣмъ болѣе естественно, что, какъ водится въ настоящую пору года, появились публикаціи о продажѣ цѣлой массы имѣній за невнесеніе срочныхъ платежей. Большинство владѣльцевъ постараются, конечно, остановить продажу уплатою; но, все-таки, сотни имѣній будутъ, дѣйствительно, проданы, какъ это бываетъ каждый годъ.

Землевладѣльцы жалуются на обременительность платежей въ существующихъ земельныхъ банкахъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ учрежденія государственнаго банка земельнаго кредита. Такое учрежденіе было обѣщано въ докладѣ г. министра финансовъ къ государственной росписи текущаго года. Но здѣсь представляется вопросъ: въ состояніи ли будетъ этотъ новый государственный банкъ облегчать перезалогъ въ немъ всей массы имѣній, заложенныхъ въ банкахъ акціонерныхъ и ипотечныхъ, иными словами, можетъ ли государственный земельный банкъ задаться цѣлью—упразднить земельные банки, частные и общественные?

Конечно, нѣтъ. Итогъ ссудъ, выданныхъ подъ сельскую недвижимость въ Россіи, составлялся къ 1882 году изъ слѣдующихъ суммъ: 186 милл. 861 т. р., выданныхъ акціонерными банками, и 510 м. 179 т. р., выданныхъ обществами, основанными на взаимности и круговой порукѣ (*Ежегодникъ министерства финансовъ 1873 г.*). Предполагая, что государственный земельный банкъ будетъ выпускать облигаціи въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ банкъ крестьянскій, самая возможность ихъ помѣщенія не позволитъ банку имѣть въ виду выкупъ 700 милл. рублей ссудъ. Вообще едва ли онъ даже можетъ взяться въ какомъ бы то ни было размѣрѣ за операцію перезалога на свои средства. Онъ будетъ производить ссуды подъ имѣнія не заложенныя, предоставляя владѣльцамъ имѣній, уже заложенныхъ въ другихъ земельныхъ банкахъ, самимъ выкупать ихъ и затѣмъ закладывать въ немъ для нѣкотораго пониженія процента. Но наиболѣе нетерпѣливо ожидаютъ учрежденія государственнаго земельнаго банка тѣ землевладѣльцы, которые съ трудомъ вносятъ и годовые платежи, слѣдующіе съ нихъ банкамъ частнымъ, а для такихъ владѣльцевъ погашеніе самаго капитала и переходъ въ банкъ государственный — дѣло почти неосуществимое, тѣмъ болѣе, что оцѣнка имѣній въ государственномъ банкѣ будетъ строже и, стало быть, занятою у него суммою не покроешь денегъ, перехваченныхъ на погашеніе прежней ссуды.

Государственному земельному банку достаточно будетъ имѣть въ виду только земли еще незаложенныя. Пространство земель уже заложенныхъ въ настоящее время въ Россіи, не включая царства Польскаго, составляетъ 22,478 десятинъ, то-есть около 24% всего количества земли, состоящаго въ личномъ владѣніи. Эти цифры взяты изъ *Указателя* мин. фин. и относятся къ 1882 году. Такимъ образомъ, еще $^3/_4$ земель не заложены; но при этомъ надо имѣть въ виду, что въ этихъ трехъ четвертяхъ заключаются колоссальныя лѣсныя пространства нашего сѣвера, которыя въ залогъ не принимаются.

Что касается размѣра срочныхъ платежей, то можно полагать, что въ банкѣ государственномъ онъ будетъ нѣсколько ниже, но разница эта едва ли можетъ быть значительною, какъ то видно изъ примѣра банка крестьянскаго и какъ то обусловливается тѣмъ фактомъ, что само правительство занимаетъ нынѣ за процентъ свыше 6-ти.

Много говорится въ томъ смыслѣ, что частное землевладѣніе погибаетъ и что государство обязано придти ему въ помощь кредитомъ, остановить переходъ земель въ другія руки. Но переходъ этотъ — вещь неотвратимая, и кредитъ долгосрочный не только не можетъ остановить, а, наоборотъ, способствуетъ этому переходу. Основныя хозяйственныя улучшенія не достигаются долгосрочнымъ кредитомъ. Положимъ, владѣлецъ незаложеннаго имѣнія получалъ съ него 6,000 рублей чистаго дохода. При оцѣнкѣ въ такомъ случаѣ стоимость имѣнія принимается въ 100 т. р. и ссуда выдается въ размѣрѣ 60 т. р. На эти 60 т. р. приходится срочныхъ пла-

тежей 7½%, то-есть 4,500 рублей въ годъ; значитъ, изъ чистаго дохода владѣльцу остается всего 1,500 рублей.

Но какія хозяйственныя улучшенія сдѣлаетъ онъ, чтобы получать 4,500 р. съ занятыхъ 60 тысячъ? Допустимъ, что ему это удастся. Тогда онъ будетъ въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ до ссуды, то-есть будетъ получать 6,000 рублей, какъ и прежде.

Вотъ почему, въ дѣйствительности, владѣлецъ береть на себя эту тяжкую обузу вовсе не потому, что надѣется улучшить хозяйство на взятую ссуду такъ, чтобы получать съ нея 10 процентовъ, — что собственно въ земледѣліи совсѣмъ немыслимо,—но потому, что ссуду его побуждаютъ взять иныя обстоятельства, а совсѣмъ не улучшеніе. Ссуда берется, чтобы произвести раздѣлъ между наслѣдниками или для нуждъ, не имѣющихъ отношенія къ хозяйству. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ кредитъ, стало быть, является уже не въ смыслѣ помощи для хозяйства, а въ смыслѣ бремени для него, и способствуетъ не упроченію земли въ прежнихъ рукахъ, но, наоборотъ, создаетъ опасность перехода его въ другія руки. Родбертусъ принимаетъ даже, какъ общій фактъ, что долгосрочный кредитъ повсемѣстно является именно орудіемъ мобилизаціи земельной собственности, причемъ задолженность самой земли постоянно возрастаетъ.

Почти излишне напоминать, что тѣ, кто ожидаетъ сохраненія землевладѣнія въ рукахъ дворянства при помощи государственнаго банка, увлекается въ этой мысли воспоминаніемъ о томъ, дѣйствительно, дешевомъ кредитѣ, какой дворянство находило въ прежнемъ государственномъ банкѣ и въ опекунскихъ совѣтахъ, закладывая въ нихъ крѣпостныхъ. Ссуды, какъ первоначальныя, такъ и дополнительныя, производились въ то время по числу душъ, и ссуда увеличивалась не съ расширеніемъ имѣнія, а съ возрастаніемъ населенія. Но такой видъ кредита былъ мыслимъ лишь потому, что всѣ вклады въ то время стекались въ государственныя кредитныя учрежденія, и государство, платя по нимъ 4%, не только могло, но было принуждено давать ссуды по 5%, иначе ему не было бы чѣмъ платить по вкладамъ. Нѣтъ, разсчетъ на сохраненіе землевладѣнія въ дворянскихъ рукахъ при помощи государства привраченъ еще болѣе, чѣмъ ожиданіе, что содѣйствіе крестьянскаго банка товариществамъ, покупающимъ землю, можетъ исправить ошибки надѣла и отвратить отъ бѣднѣйшихъ крестьянъ обезземеленіе.

Двѣ эпохи конгрессовъ.

Многократныя въ минувшее царствованіе свиданія трехъ императоровъ и ихъ министровъ не на русской, а на германской или австрійской почвѣ, не могли быть, конечно, по сердцу русскому человѣку. Несмотря на обычную при такихъ свиданіяхъ дипломатическую таинственность, чуялось что-то недоброе, замѣчалось какое-то ухаживаніе съ двухъ сторонъ за Россіею, и, въ то же время, не въ Россію шли друзья-сосѣди за желанными уступками, а Россія несла имъ сама эти уступки. Положеніе, принятое Россіею въ это время при кн. Горчаковѣ, представляло мало отраднаго. Послѣдствія оправдали это. Переговоры, ведшіеся между тремя имперіями послѣ франко-прусской войны, и договоры, заключенные тогда на иноземной почвѣ, обнаружились въ совершившихся вскорѣ затѣмъ событіяхъ. Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи было началомъ, а берлинскій конгрессъ былъ концомъ этой дипломатической игры, которую тотчасъ послѣ провозглашенія Германской имперіи кн. Бисмаркъ затѣялъ въ исключительныхъ выгодахъ новой имперіи и въ которую вовлекъ и Россію. Въ этой игрѣ два товарища, Германія и Австро-Венгрія, били навѣрняка по предварительному взаимному сговору, Россія же исполняла служебное назначеніе и должна была принять на себя одна всю тягость и весь рискъ войны съ Турціею для того, чтобы свой же вѣковой и унаслѣдованный отъ прошлыхъ царствованій кругъ вліянія на Балканскомъ полуостровѣ ограничить и открыть широкій входъ австрійскому вліянію и преобладанію въ этомъ заповѣдномъ полуостровѣ. Цѣлыя столѣтія судьба берегла этотъ непочатый уголъ Европы отъ иноземщины, какъ бы обрекая его, въ силу исторической подготовки, единовѣрія и племеннаго родства для Россіи, для ея политическаго и торговаго господства. Но властная воля людей, которая по природѣ человѣческой свободна въ своихъ наклонностяхъ и дѣйствіяхъ, часто не согласуется съ указаніями исторіи и требованіями правильнаго народно-государственнаго развитія. Есть сотни примѣровъ уклоненія свободной воли политическихъ дѣятелей отъ законнаго пути—и за этотъ грѣхъ исторія караетъ дѣятеля своимъ правдивымъ приговоромъ,

а за нарушенный историческій законъ роковое возмездіе постигаетъ цѣлый народъ, цѣлое государство. Вмѣсто того, чтобы держаться охранительной политики въ балканскихъ областяхъ, предоставляя времени и зрѣющимъ туземнымъ народностямъ сдѣлать свое дѣло самостоятельно и независимо, Россія вдалась въ политику искусственныхъ переворотовъ, затѣянныхъ Германіею исключительно въ собственныхъ выгодахъ. Своими руками она отворила ворота въ Балканскій полуостровъ, и мгновенно нахлынули туда австрійскіе солдаты и нѣмецкіе колонисты, католическіе попы и монахи, эксплуататоры-евреи, разношерстное чиновничество, нѣмецкіе учителя, — совершилось нашествіе чуждой власти, истребляющей православіе, развращающей народные нравы, высасывающей народное богатство, насилующей свободную волю и умы народные, истребляющей народный языкъ, дѣйствующей то соблазномъ совѣсти, то кознями и пускающей далѣе и далѣе въ глубь народнаго существа свои тлетворные отростки чрезъ тайныхъ агентовъ и іезуитскую пропаганду.

Время семидесятыхъ годовъ можно назвать временемъ конгрессовъ, хотя нѣсколько своеобразныхъ и не получившихъ оглашенія, но, тѣмъ не менѣе, имѣвшихъ характеръ установленнаго соглашенія между тремя императорскими дворами. Вѣроятно, кн. Горчаковъ не составилъ себѣ предварительно яснаго понятія о свойствѣ тѣхъ цѣлей, для которыхъ съѣзжались имперскіе министры, и не въ его средствахъ было устоять противъ ловушки, въ которую вовлекли его хитроумные кн. Бисмаркъ и гр. Андраши. Цѣль же этихъ конгрессовъ, въ концѣ-концовъ, была революціонная, потому что задумывалось совершеніе переворота въ европейскихъ владѣніяхъ султана и коренное измѣненіе порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Мы не можемъ не вѣрить въ этомъ случаѣ такимъ свѣдущимъ людямъ, какъ лордъ Дерби и герцогъ Аргайль, которые публично приписывали эту цѣль имперскимъ свиданіямъ. Самая поѣздка императора Франца-Іосифа, передъ герцеговинскимъ возстаніемъ, въ Далмацію ничѣмъ инымъ объяснена быть не можетъ, какъ первымъ шагомъ къ осуществленію предположеннаго переворота. Ни отъ кого не укрылось, что императоръ во время этой поѣздки держался болѣе боснійско-герцеговинской границы и расточалъ свое милостивое вниманіе подданнымъ султана, располагая ихъ къ будущей оккупаціи.

Послѣдствія этихъ конгрессовъ извѣстны. По берлинскому трактату Австрія захватила себѣ Боснію и Герцеговину, размежевалась и разсчиталась своими интересами съ Германіею и обѣ, вполнѣ довольныя своими пріобрѣтеніями, полученными чрезъ русско-турецкую войну, вошли между собою въ оборонительный и наступательный союзъ 1879 года.

Послѣ всего этого нельзя было не порадоваться тому, что свиданіе двухъ сосѣднихъ императоровъ съ нынѣ царствующимъ русскимъ императоромъ состоялось не на чужбинѣ, а въ предѣлахъ Россійской имперіи — въ Скерневицахъ. Народное самолюбіе удовлетворено.

Правда, двукратная поѣздка г. Гирса заграницу и посѣщеніе имъ Берлина и Вѣны даютъ поводъ предполагать, что и на этотъ разъ не обошлись безъ подготовительныхъ переговоровъ на иностранной почвѣ; но это, быть можетъ, объясняется замѣчаніемъ одного изъ наблюдателей придворной жизни, что русскій дворъ предпочитаетъ вести переговоры не у себя дома съ иностранными представителями, а непосредственно чрезъ своихъ чрезвычайныхъ уполномоченныхъ съ самими иностранными дворами. Если это дѣйствительно такъ, что, впрочемъ, подтверждается нѣсколькими случаями передъ войною съ Турціею и берлинскимъ конгрессомъ, то великолѣпные пріемы, оказанные русскому министру иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ и особенно въ Вѣнѣ, свидѣтельствуютъ, что г. Гирсъ пріѣзжалъ съ пріятными для обоихъ дворовъ предложеніями.

О скерневицкомъ свиданіи, несмотря на то, что оно такъ сильно занимало общественное вниманіе какъ въ Россіи, такъ и за границею, нашъ *Правительственный Вѣстникъ* не промолвился ни словомъ. За то полуоффиціальныя *Journal de St. Petesrbourg*, *Le Nord*, *Norddeutsche Zeitung*, *Fremdenlatt* и *Pester Loyd*, какъ бы по уговору, въ одинъ голосъ утверждаютъ, что переговоры въ Скерневицахъ привели къ взаимному установленію общихъ взглядовъ съ цѣлью сохраненія status quo и обезпеченія продолжительнаго мира для Европы. Ничего другаго, конечно, нельзя было и ожидать отъ газетъ, получающихъ внушенія откуда слѣдуетъ. Естественно, что при представившемся благопріятномъ случаѣ и министръ Тисса въ рѣчи своей въ венгерской палатѣ депутатовъ и передъ бюджетными делегаціями истолковалъ скерневицкое свиданіе въ томъ же смыслѣ.

Напротивъ, нѣкоторыя англійскія газеты и во главѣ ихъ близко стоящая къ компетентнымъ лицамъ *Pall-Mall Gazette* утверждаетъ, что въ Скерневицахъ шла рѣчь также о возможныхъ случайностяхъ: такъ, если бы, говоритъ она, Австрія очутилась въ Салоникахъ и присоединила окончательно Боснію и Герцеговину, то Восточная Румелія соединилась бы съ Болгаріей, Россія пріобрѣла бы Дарданеллы, Франція — Триполи.

Другимъ предметомъ скерневицкихъ переговоровъ, по общему отзыву, было установленіе согласнаго и совокупнаго образа дѣйствій имперскихъ правительствъ противъ анархистовъ, расплодившихся почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Несомнѣнно, что скерневицкое свиданіе является крупнымъ современнымъ событіемъ, отъ котораго зависитъ направленіе европейскихъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Едва ли бы одно только сохраненіе существующаго положенія, т. е. status quo, могло привлечь на скерневицкіе переговоры самолично императора австрійскаго, а кольми паче императора германскаго. Тѣмъ менѣе заслуживали бы того анархисты. Не вѣрнѣе ли предполагать, что сосѣдніе императоры по обоюдному между собою договору прибыли въ Скерневицы съ какими-нибудь новыми важными предложеніями въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія своей восточной

политики въ томъ наступательномъ направленіи, какое дано было ей въ протоколахъ берлинскаго конгресса. Слѣдовательно, имъ вновь оказалось безусловно необходимымъ содѣйствіе Россіи, а это содѣйствіе есть ничто иное, какъ рядъ новыхъ уступокъ со стороны Россіи. Въ такомъ случаѣ приведенное выше извѣстіе, сообщенное въ *Pall-Mall Gazette* и подтверждаемое отчасти изъ другихъ источниковъ, получаетъ нѣкоторую степень правдоподобія. Представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что въ Скерневицахъ было постановлено: окончательно присоединить Боснію и Герцеговину къ Австріи, Сербію и Черногорію предоставить вліянію Австріи, Болгарію соединить съ Румеліею, настоять у Порты на безотложномъ соединеніи турецкихъ желѣзныхъ дорогъ съ болгарскими и сербскими по плану, выработанному «конференціею четырехъ» (conférence à quatre). Если это такъ, то за этимъ стоило пріѣхать въ Россію. Сверхъ того, египетскія дѣла, тонкинское столкновеніе Франціи съ Китаемъ, нейтрализація средне-африканскихъ рѣкъ Конго и Нигера, требующая европейской конференціи, увеличивали матеріалъ для взаимныхъ совѣщаній. А тутъ же кстати и установленіе совокупныхъ дѣйствій противъ анархистовъ. По словамъ *Schlesische Zeitung*, ссылающейся на свѣдѣнія, полученныя итальянскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отъ берлинскаго кабинета, эти дѣйствія будутъ состоять въ совмѣстномъ со стороны Россіи, Австріи и Германіи наблюденіи за преступными обществами, причемъ суды во всѣхъ трехъ имперіяхъ будутъ самостоятельно разслѣдовать и рѣшать дѣла о виновныхъ. Нѣтъ поэтому причины не признавать за скерневицкимъ свиданіемъ значенія конгресса, хотя и состоявшагося при закрытыхъ дверяхъ и безъ письменныхъ протоколовъ. Для несогласныхъ съ этимъ опредѣленіемъ сдѣлаю уступку: назову императорскія свиданія малыми конгрессами.

И такъ, въ текущемъ столѣтіи мы уже вторично встрѣчаемъ эпоху конгрессовъ. Первая эпоха имѣла мѣсто послѣ низверженія Наполеона I. Вторая эпоха началась послѣ низверженія Наполеона III. Въ первую эпоху главное вниманіе конгрессовъ было устремлено на западную Европу, во вторую эпоху оно направлено на восточную Европу. Въ первую эпоху, несмотря на видимое первенство Россіи, главною дѣйствующею силою являлся кн. Меттернихъ, окончательно овладѣвшій русскою политикою на послѣднемъ, веронскомъ конгрессѣ, во вторую эпоху открыто и безусловно преобладающею силою является кн. Бисмаркъ. Будемъ надѣяться, что придетъ же когда нибудь и третья эпоха конгрессовъ, чтобы и нашей улицѣ не остаться безъ праздника. Подождемъ, не народится ли и у насъ дипломатъ, который совмѣститъ въ себѣ и Меттерниха, и Бисмарка.

Такія крупныя событія, какъ политическія свиданія государей, представителей цѣлой половины наличныхъ силъ Европы, дѣлаютъ исторію; поэтому и значеніе ихъ должно быть освѣщено историческимъ свѣтомъ. Ихъ нельзя разсматривать только подъ впечатлѣніемъ одной настоящей минуты. Исторія должна указать ихъ связь съ предшествующимъ временемъ и вы-

яснить, независимо отъ ожиданій и увлеченій настоящей минуты, ихъ неизбѣжныя послѣдствія въ будущемъ. Говорю неизбѣжныя потому, что никакая свобода человѣческой воли не въ состояніи отвратить силу человѣческаго развитія или—что то же—исполненіе историческаго закона.

Какое значеніе въ жизни европейскихъ народовъ имѣла первая эпоха конгрессовъ?

Отстраняя все прочее, что сюда не относится, я скажу, что опредѣленія конгрессовъ двадцатыхъ годовъ касались двухъ сторонъ народной жизни: народнаго самосознанія или чувства національности и политическихъ правъ.

Осенью 1814 г. завязался любопытный споръ между англійскимъ посланникомъ Касльри и русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Чарторыжскимъ по поводу раздѣла Польши. Онъ любопытенъ тѣмъ, что тогда никому и въ голову не приходило принять во вниманіе, что между тремя разнородными правительствами дѣлится одно живое, цѣльное народное существо. Никому и дѣла не было до того, удобно ли это, возможно ли это въ смыслѣ человѣчности, прочно ли въ корнѣ своемъ? Высчитывали доли раздѣла по числу душъ и по количеству дохода. А что такое были эти души: имѣли ли онѣ свою единую природу, свой языкъ, свою единую цѣльную духовную жизнь—объ этомъ не было и рѣчи. Точно также окончился общій споръ четырехъ державъ о раздѣлѣ Саксоніи. Шла торговля между кабинетами о той или другой части, о томъ или другомъ городѣ одной народности, одного національно-государственнаго цѣлаго; предлагались сдѣлки: то брали такую часть въ такомъ-то размѣрѣ, то брали другую въ иномъ размѣрѣ, то одну замѣняли другою, пока окончательно не договаривались о дѣлежѣ. Какъ будто народъ былъ бездушнымъ веществомъ безъ мысли, памяти, чувствъ и страстей, которое можно было по произволу расчленять, дробить, предоставлять въ пользованіе тому или другому изъ европейскихъ владѣльцевъ. Польша была окончательно распредѣлена между Россіею, Австріей и Пруссіей; Саксонія была урѣзана и часть ея отошла къ Пруссіи. Точно также относились и къ другимъ народностямъ: славянской, итальянской. Далмація съ славянскимъ населеніемъ, Тироль съ итальянскимъ населеніемъ подчинились нѣмецкой Австріи. Ей же подчинили и Ломбардо-Венеціанскую область въ вознагражденіе за Бельгію. Отличавшаяся отъ Голландіи въ религіозномъ и національномъ отношеніи Бельгія слита съ Голландіею. Италія, населенная единымъ цѣльнымъ народомъ, раздроблена, попрежнему, на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, и, кромѣ савойской династіи, подчинена опять чуждымъ династіямъ—габсбурго-лотарингской, т.-е. членамъ австрійскаго дома, и бурбонской. Даже у Швейцаріи нарушено было политическое единство и ея невшательскій кантонъ поставленъ подъ верховную власть Пруссіи. Очевидно, вопросъ о народности и о народномъ единствѣ еще былъ чуждъ европейской политикѣ того времени: дѣлили Европу по душамъ, по квадратнымъ милямъ, дѣлили по династіямъ, а на народную почву не обращали вниманія, не подозрѣвая, что она-то и составля-

етъ главную, одухотворяющую суть государства. Если созданіе или возстановленіе искусственныхъ государствъ было тогда возможно, потому что народное самосознаніе еще не возросло до политической силы, то, все-таки, въ принципѣ, въ смыслѣ абсолютной правды это была ошибка. Законъ человѣческаго развитія взялъ свое. Послѣдующіе перевороты доказали, что это дѣйствительно была ошибка, которую непреложный историческій законъ завершилъ исправленіемъ.

Отрицаніе права народности,—вотъ ближайшее опредѣленіе этой стороны дѣйствій вѣнскаго конгресса 1814 г.

Другая, сюда относящаяся сторона конгрессовъ первой эпохи, касается политическихъ правъ народонаселенія западно-европейскихъ государствъ.

Германія, сильно развитая въ умственномъ отношеніи наукой и поэзіей, возбужденная только что окончившеюся великою борьбою, сплотившая для этой борьбы воедино духовныя и матеріальныя силы нѣмецкаго народа, естественно, съ водвореніемъ мира, задалась мыслью о свободѣ, самостоятельности и значеніи общаго отечества. Еще ранѣе того, прусскій король, изъ Калиша, призывалъ своихъ подданныхъ къ оружію, обѣщая возстановленіе «единой свободной имперіи въ коренномъ, исконномъ духѣ германскаго народа». Нѣмцы ждали, что вѣнскій конгрессъ объединитъ ихъ; мысль о національномъ единствѣ наполняла умы патріотовъ и въ особенности молодежи; вмѣстѣ съ тѣмъ, ожидали и обѣщанныхъ нѣмецкими государями въ трудную минуту политическихъ правъ. Но вѣнскій конгрессъ только на половину объединилъ нѣмецкій народъ, создавши германскій союзъ; внутри этого союза оставались, попрежнему, независимыя государства, которыхъ, начиная съ двухъ имперій и заканчивая вольными городами, насчитывалось до 38. Дать политическія права своимъ подданнымъ предоставлено было каждому правительству порознь. За небольшими мелкими исключеніями, какъ-то: Саксенъ-Веймара, Бадена, Нассау, Гессенъ-Дармштата, въ которыхъ введены были болѣе или менѣе правильныя конституціи, въ другихъ государствахъ, какъ и въ Австріи и Пруссіи, политическія права населенія были ограничены земскимъ совѣщательнымъ представительствомъ или земскими чинами, призываемыми къ участію въ совѣщаніяхъ безъ права рѣшающаго голоса. За наибольшее ограниченіе политическихъ правъ стоялъ Меттернихъ, вовлекая мало-по-малу въ свои взгляды другія нѣмецкія правительства и Россію. Пруссія не уступала Австріи въ реакціи. Въ § 13 акта объ учрежденіи германскаго союза обѣщано было введеніе конституціи съ земскими чинами. Меттернихъ далъ такое толкованіе этому параграфу: «Конституція съ земскими чинами противуполагается конституціи представительной. Первая болѣе сходна древнимъ обычаямъ германскимъ, болѣе національна, чѣмъ вторая, занесенная изъ-за границы, какъ плодъ революціи. Первая состоитъ въ правѣ членовъ существующихъ корпорацій участвовать въ законодательной дѣятельности правительства; вторая даетъ представительнымъ лицамъ прямое участіе въ законодательствѣ и важнѣй-

шихъ правительственныхъ дѣлахъ, какъ представителямъ цѣлаго народа. Конституція съ земскими чинами, защищая всѣ права и вольности, оставляетъ неприкосновенными всѣ прерогативы государей; конституція представительная основана на ложномъ началѣ народнаго полновластія; она постоянно стремится къ тому, чтобы призракъ мнимой народной свободы, т.-е. общественной воли, поставить на мѣсто общественнаго порядка и подчиненности, химеру общаго равенства передъ закономъ на мѣсто различія правъ и сословій, установляемыхъ самимъ Богомъ». Не такъ, однако, думали нѣмецкіе патріоты-либералы. Они добивались конституціи представительной на манеръ англійской. Возникла между правительствами и народомъ глухая борьба. Впереди демократической партіи шли университеты съ ихъ «всеобщимъ союзомъ» и гимнастическими обществами. Ученые, писатели, чиновники, ремесленники,—все среднее сословіе было на сторонѣ этой партіи. Однако, правительственная власть, руководимая Меттернихомъ и поддерживаемая Россіею, вскорѣ заглушила эти конституціонныя стремленія народа. На съѣздѣ министровъ отъ разныхъ германскихъ правительствъ въ Карлсбадѣ, въ сентябрѣ 1819 г., по предложенію Меттерниха было постановлено: 1) ограничить полновластіе отдѣльныхъ державъ; 2) увеличить значеніе сейма; 3) ввести цензуру на пять лѣтъ; 4) установить надзоръ за университетами; 5) учредить въ г. Майнцѣ слѣдственную коммиссію для открытія демагогическихъ заговоровъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ введенныя конституціи были нѣсколько либеральны, то вѣнскимъ заключительнымъ актомъ 15 мая 1820 года признано было единственно правильнымъ толкованіе конституціи, предложенное Меттернихомъ, и установлено различіе между земскими сеймами и представительною системою для обузданія приверженцевъ послѣдней. Вся свободомыслящая часть нѣмецкаго народа, не желавшая ничего болѣе, какъ политическихъ правъ, названа была демагогическою и революціонною, закрыты гимнастическія общества, запрещенъ всеобщій университетскій союзъ и даже члены тугенбунда признаны неблагонадежными въ политическомъ отношеніи. Такъ въ Германіи приглушено было въ силу взаимнаго единомыслія европейскихъ государей всякое стремленіе народа къ пріобрѣтенію политическихъ правъ. Россія, какъ участница вѣнскаго конгресса, служила для Меттерниха одною изъ главныхъ опоръ; петербургскій дворъ мало-по-малу подчинялся вліянію Меттерниха. Въ іюнѣ 1819 года русскіе уполномоченные при германскихъ дворахъ получили инструкцію слѣдующаго содержанія: «Если таковы результаты ученій, преподаваемыхъ въ германскихъ университетахъ, если осмѣливаются употреблять во зло религію, благодѣтельницу человѣчества; если такова, наконецъ, цѣль, указываемая свободѣ, то не настоитъ ли нужда задушить зло при его рожденіи? Не надлежитъ ли общими мѣрами утвердить господство принциповъ, которыхъ государи и народы не могутъ забывать безнаказанно? Во время своего пребыванія въ Веймарѣ императоръ обратилъ вниманіе

великаго герцога на эти великія и спасительныя истины. Продолжайте эти внушенія, поддерживайте вашимъ кредитомъ мѣры, которыя Австрія предложитъ въ этомъ отношеніи, сообща съ другими нашими союзниками».

Во Франціи при слабомъ и болѣзненномъ Людовикѣ XVIII, посаженномъ на престолъ союзниками по низверженіи Наполеона, крайніе легитимисты, ультра-роялисты, поддержанные братомъ короля, графомъ Артуа, и палатою,— которая подъ вліяніемъ переворота въ пользу Бурбоновъ и узаконенія королевской власти, наполнилась крайними реакціонерами, — стремились къ возстановленію прежней Франціи, какою она была до революціи и попирали ногами данную королемъ хартію. Въ «завѣтной» палатѣ—chambre introuvable, какъ называлъ ее король, слышались голоса, нежелавшіе присягать конституціи. Жестокому преслѣдованію всюду и въ общественной жизни, и въ администраціи, и въ войскахъ подверглись тѣ, кто не принадлежалъ къ крайнимъ роялистамъ. Палата провозгласила: «конецъ милосердію». Начался бѣлый терроръ. Въ департаментахъ были учреждены превотальные (военные) суды. Кто не за реакцію, тотъ былъ якобинцемъ. Республиканцы, бонапартисты и вообще стоявшіе за права, обезпеченныя конституціею, были преслѣдуемы палатою, одолженною своимъ бытіемъ той же конституціи. Изувѣрство, вновь внесенное католическимъ духовенствомъ, въ связи съ вступленнымъ роялизмомъ, возбуждало до неистовства. Въ южной Франціи происходили кровавые ужасы въ обратномъ смыслѣ съ ужасами революціи. Фуше, только что оставившій постъ министра полиціи, писалъ къ лорду Кастльри: «не дай Богъ, чтобы слово «легитимистъ» стоило намъ такъ же дорого, какъ слово «равенство». Зло происходитъ почти всегда подъ священными предлогами». «Тронъ и алтарь!»—стало лозунгомъ роялистовъ, которые послѣ распущенія «завѣтной» палаты еще болѣе напали на существующую государственную власть, желая подчинить себѣ и министерство, и короля. Они добились того, что лучшій и искуснѣйшій министръ Деказъ, умѣвшій держаться спасительной середины въ это бурное время борьбы двухъ противуположныхъ направленій, былъ смѣщенъ, и, вслѣдъ затѣмъ, послѣдовали указы объ ограниченіи личной свободы чрезъ аресты по усмотрѣнію администрацію, объ ограниченіи свободы печати и выборнаго права. Наслѣдовавшій умершему 16 октября 1824 г. Людовику XVIII братъ его графъ Артуа подъ именемъ Карла X далъ окончательное торжество крайнимъ роялистамъ. Для возстановленія значенія трона, пошатнутаго революціей, Карлъ торжественно короновался и принялъ помазаніе на царство въ Реймсѣ; для возстановленія святости алтаря, онъ ввелъ во Францію тайно іезуитовъ, возвратилъ духовенству его прежнее вліятельное положеніе, отдалъ въ его руки воспитательную и учебную часть, возобновилъ учрежденіе женскихъ общинъ, провелъ законъ о вознагражденіи эмигрантовъ милліардомъ франковъ за отнятое у нихъ имущество, ввелъ разныя запретительныя мѣры. Королевскіе приближенные, а за ними и другіе, подъ руководствомъ іезуитовъ, вдались въ святоше-

ство и устроили «конгрегаціи» или общества благочестія для тайныхъ доносовъ и преслѣдованія вольномыслящихъ, подъ которыми тогда разумѣлись всѣ стоявшіе за конституціонныя права. На улицахъ показались вновь духовныя процессіи и толпы покаянниковъ. Франція была и есть страна моды. Теперь мода обратилась на богомолье. Съ возворенія на французскомъ престолѣ династіи Бурбоновъ внутреннее положеніе Франціи не переставало быть тревожнымъ вслѣдствіе того, что изъ одной крайности страна перешла въ другую крайность. Тѣмъ не менѣе, главнымъ итогомъ реакціи—подавленіемъ народной свободы, опредѣленной политическими правами, которыми французскій народъ дотолѣ уже пользовался, союзные монархи были довольны и потому на ахенскомъ конгрессѣ въ 1818 г. рѣшено было уменьшить стоявшее во Франціи союзное войско до 30 тысячъ; а затѣмъ оно было окончательно выведено изъ Франціи.

Въ Испаніи, когда плѣненный Наполеономъ король Фердинандъ VII, вернувшійся изъ Франціи на мѣсто короля Іосифа Бонапарта въ 1814 г., разогналъ кортесы и отмѣнилъ конституцію 1812 года, наступилъ старый порядокъ неограниченной власти. Духовенство и аристократія, выдѣлившія изъ себя придворную камарилью и съ ея помощію совсѣмъ опутавшіе короля, достигли возстановленія своихъ прежнихъ льготъ и свободы отъ податей, монастыри были возстановлены, іезуиты возвратились, опять явилась инквизиція съ ея пытками и казнями. Все, что носило отпечатокъ французскаго вліянія, все, что сочувствовало конституціи, подверглось страшному гоненію. Даже доблестные вожди народнаго ополченія, сражавшіеся противъ французовъ за свободу отечества, —и тѣ, коль скоро не подчинялись неограниченной королевской власти, были казнимы или спасались бѣгствомъ. Либералы или такъ называемые испанскіе франкмасоны были безпощадно преслѣдуемы и истребляемы за то, что стояли на сторонѣ конституціонной свободы. Вдругъ 1 января 1820 года въ войскѣ, собранномъ въ Кадиксѣ для отправки въ возмутившіяся испанскія колоніи, подъ главнымъ предводительствомъ Одонеля, вспыхнулъ бунтъ. Сначала Одонель открылъ въ войскахъ какой-то заговоръ, потомъ узнали, что онъ самъ сталъ во главѣ заговора. Его отставили; но мятежное войско, руководимое полковникомъ Рафаэлемъ Ріэго и Квирогою, провозгласило конституцію 1812 года съ возстановленіемъ кортесовъ. Кадикскій бунтъ отозвался въ Галиціи, Наваррѣ, Аррагоніи, Каталоніи. 7 марта король вынужденъ былъ присягнуть конституціи въ присутствіи созванныхъ кортесовъ. Три года длилась борьба конституціонистовъ съ королевскою властью. Кортесы впали въ другую крайность, преслѣдуя духовенство, продавая церковныя имущества, лишая привилегій аристократію, нанося удары стариннымъ народнымъ обычаямъ и набожнымъ обрядамъ. На сторонѣ короля образовалось новое войско: «армія вѣры». Возбуждаемый духовенствомъ, народъ сталъ принимать сторону королевской власти. За короля образовалась партія «апостолическая». Въ виду этой смуты союзные государи, съѣхавшіеся на

конгрессъ въ Веронѣ, въ октябрѣ 1822 года, получивши отъ кортесовъ отказъ на требованіе предоставить больше власти королю, пригласили короля французскаго Карла X усмирить Испанію оружіемъ. Подъ предводительствомъ герцога Ангулемскаго французскія войска, одолѣвши сопротивленіе отдѣльныхъ храбрыхъ вождей гверильи, взяли Мадридъ, а затѣмъ подъ стѣнами Кадикса заставили бѣжавшіе съ королемъ въ этотъ городъ кортесы объявить себя распущенными и предоставить вновь неограниченную власть королю. Тысячами бѣжали изъ Испаніи сторонники конституціи, многіе изъ вожаковъ и въ томъ числѣ Ріэго были казнены, другіе брошены въ тюрьмы. Таково было дѣйствіе полномочія, даннаго Франціи веронскимъ конгрессомъ.

Въ Италіи, шесть мѣсяцевъ спустя послѣ возмущенія испанскаго войска, въ Кадиксѣ, вспыхнулъ первый мятежъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, гдѣ возстановленный король бурбонской династіи Фердинандъ правилъ хотя и абсолютно, но, слѣдуя совѣтамъ императора Александра, довольно кротко. 2 іюля 1820 офицеръ Морелли и священникъ Миникини, принадлежавшіе къ обществу карбонаровъ, вышли изъ города Полы съ отрядомъ кавалеріи и національной гвардіи и при возгласахъ: «Богъ, король и конституція» направились къ Неаполю. Королевское войско оказалось на ихъ сторонѣ. Области стали подыматься одна за другой. Ночью съ 5 на 6 іюля пять карбонаровъ проникли въ королевскій дворецъ и отъ имени войска и гражданъ потребовали отъ короля конституціи по образцу испанской 1812 года. Король согласился. Тревога поднялась въ Вѣнѣ. Меттернихъ спѣшилъ пригласить союзныхъ императоровъ на новый конгрессъ, а итальянскимъ владѣтелямъ писалъ, чтобы они не давали конституцій, потому что того не допустятъ союзные монархи, которые возстановятъ и въ Неаполѣ старый порядокъ управленія. Изъ Варшавы императоръ Александръ, въ письмѣ къ императору австрійскому Францу, напоминалъ, что еще по поводу испанской революціи онъ предлагалъ общее совѣщаніе о мѣрахъ для сдержанія дальнѣйшихъ революціонныхъ движеній; а русскій посланникъ въ разговорахъ съ лордомъ Кэслри выразилъ мысль своего правительства, что итальянское дѣло есть дѣло общее, которое поэтому нужно рѣшить сообща, объявить Европѣ общую волю монарховъ и бороться со зломъ общими силами. 20 октября 1820 г. прибыли въ Опаву (Троппау) императоры Александръ и Францъ; король прусскій прибылъ 5 ноября. 23 октября открылся конгрессъ подъ предсѣдательствомъ Меттерниха. Обнаружена была секретная статья договора, заключеннаго въ 1815 г. между королемъ Фердинандомъ и Австріею, въ которой сказано было, что король не допуститъ въ своемъ королевствѣ никакой перемѣны, которая была бы противна древнимъ монархическимъ учрежденіямъ и началамъ, принятымъ Австріею во внутреннемъ управленіи ея итальянскими областями. Какъ нежданная новинка, статья эта открыла собравшимся дипломатамъ, что Австрія, имѣвшая членовъ своей царствующей династіи на разныхъ итальянскихъ престолахъ, втянула въ свои сѣти и королевство Обѣихъ Сицилій съ династіей бурбон-

скою. Протоколъ 19 ноября вполнѣ опредѣлилъ тотъ основный взглядъ, которымъ руководились съѣхавшіеся монархи и ихъ министры. Въ немъ сказано: «Государства, входящія въ европейскій союзъ, подвергшись измѣненію своихъ правительственныхъ формъ посредствомъ мятежа,—измѣненію, которое будетъ грозить опасными послѣдствіями для другихъ государствъ, перестаютъ чрезъ это самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него до тѣхъ поръ, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательства за порядокъ и прочность. Союзныя государства не ограничиваются провозглашеніемъ этого исключенія, но обязываются другъ передъ другомъ не признавать перемѣнъ, совершонныхъ незаконнымъ путемъ. Когда государства, гдѣ совершились подобныя перемѣны, будутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью и когда союзныя державы могутъ оказать на нихъ дѣйствительное и благодѣтельное вліяніе, въ такомъ случаѣ онѣ употребляютъ для возвращенія первыхъ въ нѣдра союза сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и принудительныя мѣры, если употребленіе силы окажется необходимо». Протоколъ этотъ подписанъ уполномоченными Россіи, Австріи и Пруссіи.

Старикъ-король Фердинандъ былъ приглашенъ на конгрессъ; для облегченія ему пути конгрессъ послѣ Опавы былъ назначенъ въ Люблянѣ (Лайбахѣ). Въ Неаполѣ вооруженныя толпы карбонаровъ кричали на улицахъ: «испанская конституція или смерть!» Испуганный король обѣщалъ, что въ Люблянѣ будетъ имѣть единственною цѣлью защищать конституцію. На его платьѣ виднѣлись карбонарскіе знаки. Но въ Ливорны знаковъ этихъ уже не было. Конгрессъ открылся въ первыхъ числахъ января 1821 года. Въ февралѣ король Фердинандъ письмомъ изъ Любляны увѣдомилъ регента принца Калабрійскаго, что конгрессъ постановилъ отмѣнить въ Неаполѣ порядокъ, созданный революціею, и въ случаѣ надобности сокрушить его силою; гарантіею будетъ служить пребываніе австрійскаго войска въ Неаполѣ. Съ своей стороны, русскій, австрійскій и прусскій уполномоченные объявили регенту, что австрійская армія получила приказъ выступить въ походъ, что она займетъ королевство или дружественно, или силою, а если австрійскія войска будутъ отражены, то на помощь имъ придутъ русскія. Регентъ и парламентъ признали такое рѣшеніе конгресса несогласнымъ съ достоинствомъ страны; герцогъ Калабрійскій отвѣчалъ отцу, что онъ не можетъ считать письма его изложеннымъ безъ посторонняго принужденія и что рѣшился раздѣлить опасность и судьбу народа и пожертвовать собою и семействомъ для защиты правъ, независимости и чести родной страны. Австрійскія войска вступили въ предѣлы королевства. Разговаривая съ французскимъ повѣреннымъ Ла-Феронэ, императоръ Александръ такъ опредѣлилъ свое участіе въ постановленіи конгресса: «Австрія и Пруссія всегда хотѣли войны; такъ какъ Австрія въ этомъ дѣлѣ естественно призвана къ такой роли, то я не могъ отдѣлиться отъ нея иначе, какъ разорвавши великій союзъ, что повело бы къ переворотамъ въ Италіи, а, можетъ быть,

и въ Германіи, и я счелъ своею обязанностью скорѣе пожертвовать своимъ личнымъ взглядомъ, чѣмъ допустить до подобныхъ явленій. Притомъ, это вѣрный способъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время сдержать революціонеровъ и не дать свободы духу анархіи и нечестія, представляемому тайными обществами, подрывающими основы общественнаго порядка». Австрія же въ лицѣ Меттерниха не хотѣла никакихъ примирительныхъ мѣръ, хотя бы онѣ и устраняли всякій безпорядокъ въ странѣ: ей нужно было вовсе не допускать конституціоннаго порядка въ Италіи. Когда русскій посланникъ гр. Каподистрія произнесъ въ засѣданіи конгресса слово «конституція», Меттернихъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Это слово не должно быть произносимо на конгрессѣ. Австрія не потерпитъ, чтобы въ Неаполѣ была конституція».—«Но если самъ король дастъ ее?»—спросилъ Каподистрія.—«Тогда мы объявимъ войну королю,—отвѣчалъ Меттернихъ,—чтобы заставить его отказаться отъ конституціи, ибо она для насъ всегда опасна, какимъ бы путемъ ни возникла. И это рѣшеніе не одной Австріи, но всѣхъ государей итальянскихъ». 26 февраля люблянскій конгрессъ былъ закрытъ. Два императора оставались здѣсь въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Австрійскія войска двигались по королевскимъ владѣніямъ, выдерживая стычки съ карбонарскими волонтерами и мѣстными войсками; 24 марта австрійцы вступили въ Неаполь. Парламентъ и конституція были упразднены.

А, между тѣмъ, изъ Піемонта пришло извѣстіе, что 10 марта гарнизонъ Алессандріи и партія итальянскихъ федератовъ провозгласили конституцію. Затѣмъ повторилось то же въ самой столицѣ Туринѣ при крикахъ: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ испанская конституція! Война австрійцамъ!» За отказомъ отъ престола короля Виктора-Эммануила, регентъ принцъ Кариньянскій уступилъ требованіямъ народа и провозгласилъ конституцію. Въ Люблянѣ это извѣстіе произвело страшное смущеніе Но императоръ Александръ успокоилъ своего союзника, императора Франца: «Мои войска въ распоряженіи вашего величества,—сказалъ онъ,—если вы считаете ихъ содѣйствіе полезнымъ для себя». Посланъ былъ приказъ, чтобы сто тысячъ русскаго войска выступили въ Галицію; чрезъ два мѣсяца они должны были прибыть въ Италію. Приказано было готовить еще двѣ другія арміи. Обстоятельства, однако, сложились благопріятнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Народъ раздѣлился на двѣ партіи: умѣренную за конституцію и крайнюю за итальянскую федерацію и войну съ Австріею. Началась междоусобная война. Австрійскій корпусъ явился при Наваррѣ на помощь регенту, крайніе были разсѣяны и 10 апрѣля генералъ Латуръ съ одними піемонтскими войсками вступилъ въ Туринъ. Члены революціоннаго правительства ночью бѣжали изъ города, и братъ отрекшагося короля, герцогъ Генуэзскій Карлъ-Феликсъ, вступилъ на престолъ.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ событій первой эпохи конгрессовъ я слѣдовалъ исключительно объективному изложенію, чтобы каждый самъ могъ вывести для себя заключеніе, съ какого рода стремленіями тогдашнихъ ли-

бераловъ конгрессъ имѣлъ дѣло. Стремленія эти не шли далѣе конституціи или пріобрѣтенія народомъ такихъ политическихъ правъ, при которыхъ народу обезпечено бы было выборное представительство, защищена личная свобода, упразднены сословныя привилегіи, введено равенство передъ закономъ. Чрезъ двадцать, тридцать лѣтъ позднѣе никто въ Западной Европѣ и не подумалъ бы пугаться сторонниковъ конституціоннаго правленія или называть ихъ заговорщиками, тайными обществами, революціонерами; но въ то время только что незадолго передъ тѣмъ въ одной только Франціи изъ числа континентальныхъ державъ введенная конституція представлялась правительствамъ другихъ державъ опасною новинкой, несмотря общее въ то время стремленіе къ ней западно-европейскихъ народовъ. Въ Германіи и отчасти въ Италіи къ этому стремленію присоединялось и желаніе національнаго объединенія. Кромѣ Франціи, въ другихъ государствахъ на представительной конституціи лежалъ страшный запретъ. О ней можно было говорить только тайкомъ. Вотъ почему вся Западная Европа покрылась тайными обществами: Тевтонія въ Германіи, франкмасоны въ Италіи и Португаліи, карбонары въ Италіи казались тогда страшилищемъ; члены этихъ обществъ изображались не иначе, какъ демагогами, революціонистами, заговорщиками, нечестивцами. Противъ нихъ-то Меттерниха придумывалъ разныя полицейскія мѣры. Онъ предлагалъ, чтобы въ Вѣну прислано было по одному довѣренному лицу отъ Россіи и Пруссіи; Австрія назначитъ третьяго отъ себя. Эти три делегата составятъ секретный комитетъ, который и будетъ центральнымъ мѣстомъ, куда отовсюду будутъ доставляться тайныя сообщенія. Каждое правительство съ этою цѣлью приметъ мѣры для указанія комитету слѣдовъ заговоровъ, которые она откроетъ. Центральная слѣдственная коммиссія въ Майнцѣ будетъ продолжать свою дѣятельность согласно почти единодушному желанію всѣхъ германскихъ правительствъ. Въ Италіи должна учредиться подобная коммиссія изъ членовъ, назначенныхъ всѣми правительствами итальянскими; работы этихъ двухъ коммиссій будутъ доставляться въ центральный секретный комитетъ. Между тѣмъ, всѣ тогдашнія тайныя общества ничего большаго или худшаго не имѣли въ виду, какъ только добиться конституціи. Ни соціализмъ нынѣшній, ни анархизмъ еще не существовали по той причинѣ, что постепенность развитія и созрѣванія общественныхъ идей, какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ, еще не привела до соціалистическаго ученія и его крайняго выраженія—анархизма. Если и былъ случай въ Мангеймѣ, гдѣ студентъ Зандъ закололъ Коцебу, то въ этомъ случаѣ Зандъ дѣйствовалъ одиноко и открыто: никакого тайнаго общества крови и желѣза не было, да и самый поводъ къ убійству,—насмѣшка Коцебу, какъ писателя, надъ политическими замыслами германскихъ студентовъ,—не выступалъ далѣе предѣловъ національнаго единства и общей конституціи. Не далѣе тѣхъ же политическихъ предѣловъ борьбы изъ-за конституціонной свободы выходило изувѣрство сѣдельнаго подмастерья Лувеля, пора-

зившаго герцога Беррійскаго. Лувель увлекся въ этомъ случаѣ общимъ говоромъ, что Бурбоны—виновники всѣхъ внутреннихъ смутъ во Франціи.

И такъ, противъ чего же дѣйствовали конгрессы? Они заглушали чувство національности, имѣвшее своимъ естественнымъ движеніемъ на политической почвѣ стремленіе къ національному объединенію. Такъ было въ Польшѣ, Далмаціи, Боккѣ Которской, Италіи и Германіи. Затѣмъ они не допускали конституціонной свободы и истекающихъ изъ нея политическихъ правъ для народа.

Какое же мѣсто по степени участія занимала Россія на этихъ конгрессахъ? Императоръ Александръ, воспитанникъ Лагарпа и живой очевидецъ самыхъ бурныхъ событій во Франціи, гдѣ быстро чередовались всѣ виды и формы правленія, не могъ быть крайнимъ консерваторомъ, потому что видѣлъ всю неправду и весь вредъ «бѣлаго террора»; онъ не могъ быть и крайнимъ либераломъ, потому что видѣлъ всѣ безобразія, всю разнузданность страстей и насилія, вызываемыя революціями; онъ былъ умѣреннымъ и либераломъ, и консерваторомъ. Русскій посланникъ въ Парижѣ, Поццо-ди-Борго, постоянно поддерживалъ либеральное министерство Деказа, котораго другіе обвиняли въ популяризированіи и національзированіи правительства до такой степени, что считали возможнымъ подозрѣвать Деказа въ заговорѣ съ Лувелемъ. Русскій посланникъ въ Туринѣ, графъ Моченіго, дѣйствовалъ примирительно во время революціи и въ самый воинственный азартъ Австріи. Русскіе посланники при германскихъ дворахъ получили инструкцію: 1) удерживаться отъ всякаго участія во внутреннихъ дѣлахъ Германіи; 2) отзываться самымъ благосклоннымъ, искреннимъ и честнымъ образомъ о тѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, которыя надѣются уладить чрезвычайными мѣрами, и не отдавать предпочтенія никакой системѣ; 3) что касается самыхъ этихъ чрезвычайныхъ мѣръ и вопросовъ, съ ними связанныхъ, то не высказывать никакого мнѣнія, пока не будутъ спрошены, и въ послѣднемъ случаѣ высказывать мнѣніе, основанное на принципахъ права, достоинства государей и благосостоянія народовъ, ибо истинное благосостояніе народовъ истекаетъ исключительно изъ нравственной силы правительствъ. И это предписывалось въ то самое время, когда въ Карлсбадѣ Меттернихъ упразднялъ всякую нравственную силу правительствъ и замѣнялъ ее внѣшними полицейскими мѣрами: цензурою, полицейскимъ надзоромъ, слѣдственною комиссіею и арестами. Императоръ Александръ не испугался того, что Меттернихъ чуть только не называлъ его подстрекателемъ демагоговъ. «Демагоги въ Баваріи и Баденѣ часто употребляли во зло августѣйшее имя императора, безстыдно проповѣдуя, что конституція, дарованная имъ Польшѣ, есть самая либеральная, какую только можно придумать». Ни на эти слова, ни на сильнѣйшія представленія вѣнскаго и берлинскаго дворовъ противъ правительственнаго учрежденія Царства Польскаго императоръ Александръ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Въ разговорѣ съ Ла-Ферроннэ въ Люблянѣ, императоръ выразился: «Чѣмъ я былъ, тѣмъ и остаюсь теперь и останусь навсегда.

Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить; но можно ли вводить ихъ безразлично у всѣхъ народовъ? Не всѣ народы готовы въ равной степени къ ихъ принятію». Основной взглядъ императора Александра, проводимый имъ всюду, безусловно заключался въ томъ, что народы могутъ получить себѣ форму правленія лишь законнымъ путемъ, отъ самого правительства, а не чрезъ революцію. Отъ этого взгляда императоръ не уклонился и въ дѣлѣ грековъ. Когда молодой Ипсиланти, оставивши русскую службу, пожертвовавши милліоннымъ своимъ богатствомъ, отдался всецѣло завѣтной мысли освобожденія православнаго христіанскаго народа отъ мусульманскаго ига и для этого, разумѣется, долженъ былъ сначала дѣйствовать въ сторонѣ отъ Греціи, въ княжествѣ Молдавіи, чрезъ тайное общество Гетерію, то императоръ Александръ приказалъ отвѣтить ему: «Развѣ какой-нибудь народъ можетъ подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговоровъ? Не таково мнѣніе императора. Онъ старался обезпечить грекамъ свое правительство договорами, заключенными между Россіею и Портою; теперь эти мирныя выгоды не признаны, законные пути оставлены; вы соединили свое имя съ событіями, которыхъ его императорское величество никакъ не одобряетъ. Какъ вы смѣли обѣщать жителямъ княжества поддержку великаго государства? Если вы разумѣли здѣсь Россію, то ваши соотечественники увидятъ ее неподвижною и скоро ихъ справедливый упрекъ обрушится на васъ; на васъ всею своею тяжестью ляжетъ отвѣтственность за предпріятіе, которое могли присовѣтовать только безумныя страсти. Никакой помощи—ни прямой, ни косвенной не получите вы отъ императора, ибо мы повторяемъ, что не достойно его подкапывать основанія Турецкой имперіи постыдными и преступными дѣйствіями тайнаго общества». Этотъ взглядъ, примѣненный ко всякому случаю безъ исключеній и безъ разбора, императоръ положилъ въ основу священнаго союза. Свято соблюдать существующіе договоры и трактаты, охранять все законно существующее, — вотъ цѣль священнаго союза. Наоборотъ, все, что хочетъ возникнуть и проявить себя незаконнымъ путемъ, должно быть заглушаемо, хотя бы на то понадобилась матеріальная сила. На конгрессѣ въ Веронѣ императоръ говорилъ Шатобріану: «Существуетъ только одна политика—общая, которая должна быть принята и народами, и государями для общаго счастія. Я первый долженъ показать вѣрность началамъ, на которыхъ я основалъ союзъ. Представилось испытаніе—возстаніе Греціи: религіозная война противъ Турціи была въ моихъ интересахъ, въ интересахъ моего народа, требовалась общественнымъ мнѣніемъ моей страны. Но въ волненіяхъ Пелопоннеза мнѣ показались признаки революціонные—и я удержался». Затѣмъ императоръ прибавилъ: «должно дозволить государямъ заключать явные союзы для защиты отъ тайныхъ обществъ». Въ этихъ словахъ, произнесенныхъ на послѣднемъ конгрессѣ при жизни императора Александра, сказалась вся сущность внѣшней поли-

тики Россіи. Императоръ, не ограничиваясь священнымъ союзомъ между тремя государствами, мечталъ объ общеевропейскомъ союзѣ, который основывался бы на точномъ и ясномъ опредѣленіи началъ международнаго права; это было бы нѣчто похожее на вѣчный миръ. Въ этомъ союзѣ семья европейскихъ государствъ оставалась бы блюстительницею договоровъ и трактатовъ, и никакіе порывы народныхъ стремленій, если они не узаконены собственными правительствами и союзниками ихъ, не должны быть терпимы; для началъ этого идеальнаго союза императоръ Александръ готовъ былъ жертвовать интересами Россіи. Намъ вполнѣ понятны слова: «не вложу шпаги въ ножны, пока ни одинъ непріятельскій воинъ не останется въ землѣ русской»; но непонятно это всецѣлое, безъ всякой связи съ Россіею, погруженіе въ политическую жизнь Западной Европы. Благодаря ряду конгрессовъ, русскій императоръ сдѣлался непремѣннымъ членомъ между западно-европейскими правительствами, принимая горячо къ сердцу чужіе интересы, готовый двинуть арміи для поддержанія неограниченной власти котораго-либо изъ государей, отрекающійся отъ собственныхъ личныхъ убѣжденій, жертвующій интересами своей страны ради сохраненія того порядка, который по мысли всемогущаго Меттерниха казался необходимымъ для примѣненія къ западнымъ государствамъ, гдѣ преобладающая сила возвратила на престолы и такихъ неограниченныхъ правителей, которые были ненавистны народу своими порочными качествами или абсолютною нетерпимостью. Разница между положеніемъ Россіи и Западной Европы была громадная. Послѣ изгнанія полчищъ Наполеона, Россія предоставлена самой себѣ и собственнымъ силамъ возрожденія; ея государь крѣпокъ на своемъ престолѣ любовью народною и не нуждается ни въ чьей поддержкѣ. На Западѣ возстановленные съ прежними династіями престолы шатаются, народы выросли изъ прежнихъ пеленокъ, имъ нужны болѣе просторныя формы управленія, а, между тѣмъ, ихъ вгоняютъ въ прежнія тѣсныя рамки абсолютизма. Это было домашнимъ дѣломъ Западной Европы. Принципъ, который оставался отвлеченнымъ для Россіи, получалъ практическое примѣненіе на почвѣ Западной Европы, и надъ примѣненіемъ его, сознавая ущербъ собственнымъ интересамъ, трудился тамъ, на Западѣ, императоръ русскій. Злой геній Меттерниха, ловко пользуясь шумомъ быстро чередующихся революцій, не переставая держать передъ его глазами призракъ тайныхъ обществъ, все глубже и дальше вовлекалъ его въ эти домостроительства въ чужихъ земляхъ для своей лишь собственной пользы и въ явный ущербъ Россіи.

Свиданія государей и конгрессы первой эпохи затянули Россію въ сферу чужихъ интересовъ, сдѣлали ее слугою Запада. Она работала на другихъ и, какъ само собою разумѣется, преимущественно на членовъ священнаго союза—Австрію и Пруссію. Австрія, по системѣ Метерниха, должна была держать свои народы въ желѣзныхъ тискахъ; чтобы не было и по сосѣдству соблазна, она должна была въ такихъ же тискахъ держать Италію и Германію. Пруссія брала съ нея примѣръ и не хуже ея выдерживала своихъ

подданыхъ подъ давленіемъ полнаго абсолютизма власти. Но въ виду всеобщаго возбужденія народовъ, пытавшихся революціями прорвать этотъ правительственный гнетъ, имъ необходима была помощь Россіи. Принципъ императора Александра, что законно только то, что исходитъ отъ правительства, вполнѣ согласовался съ этою системою. И вотъ Россія, спокойная у себя дома, въ тревогѣ и тупой борьбѣ западныхъ народовъ съ правительствами, является блюстительницею порядка и сторожемъ въ чужомъ дому. Если конгрессы первой эпохи не причинили ей ущерба, территоріальнаго, какъ это случилось послѣ второй эпохи конгрессовъ, то нанесли ей ни за что, ни про что громадный нравственный ущербъ единственно потому, что она, завлеченная священнымъ союзомъ, далеко шла за предѣлы собственныхъ, ради чужихъ, выгодъ. Съ той поры общественное мнѣніе на Западѣ все повернулось противъ нея: ее стали величать жандармомъ, страною кнута и грубой силы, виновницею всякаго застоя. Можно бы было высшимъ политическимъ средамъ не обращать вниманія на это всеобщее ожесточеніе противъ Россіи; но дѣло въ томъ, что при постепенномъ водвореніи на Западѣ представительной конституціи мнѣніе общественное неизбѣжно вошло въ законодательныя палаты, отсюда въ министерства — и, такимъ образомъ, западныя правительства должны были волей-неволей считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и до извѣстной степени подчиняться ему. Нѣкоторые полагаютъ, и не безъ основанія, что возникновеніе подпольнаго движенія въ русской Польшѣ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, несмотря на то, что эта Польша превосходила всѣ государства, даже саму Францію, своими свободными учрежденіями, — было слѣдствіемъ вліянія западныхъ тайныхъ обществъ, которыя, не истребленныя, но сдавленныя у себя дома, какъ бы искали своему ученію выхода наружу въ болѣе свободной странѣ. Послѣдній актъ священнаго союза — помощь Австріи противъ венгерцовъ въ 1849 г.—прибавила къ враждебнымъ элементамъ Запада еще новаго врага Россіи—цѣлый народъ мадьярскій. На сторонѣ Россіи оставались съ первой эпохи конгрессовъ только одни турецкіе и австрійскіе славяне. Западъ сталъ противъ нея благодаря конгрессамъ. Она испытывала на чужомъ пиру похмѣлье.

Можетъ быть, Россія вознаградила себя за эту жертву искренностью и безкорыстною преданностью двухъ членовъ священнаго союза въ той же мѣрѣ, въ какой относился къ нимъ императоръ Александръ. Ни чуть не бывало! Австрія въ соглашеніи съ берлинскимъ кабинетомъ старалась вездѣ, гдѣ только она не нуждалась въ Россіи, помѣшать ей дѣйствовать, умалить ея значеніе, понизить ея первенство. Не стану перечислять всѣ случаи въ многосложной политикѣ того времени, когда потаенная враждебность Австріи къ Россіи то одиноко, то въ союзѣ съ Англіею или Пруссіею дѣйствовала противъ Россіи; ограничусь словами Генца, въ которыхъ вѣрно отражается общая черта австрійской политики. Генцъ пишетъ: «Пока Австрія и Пруссія въ союзѣ, Россія не можетъ предаться одиночнымъ

предпріятіямъ. Вначалѣ она не встрѣтитъ большихъ препятствій, но мало-по-малу противодѣйствіе организуется, вся Германія подвинется на помощь Австріи и Пруссіи, и равновѣсіе въ силахъ установится, не считая содѣйствія Англіи. Россіи останется союзъ съ Франціею, союзъ возможный и самый страшный; но оба эти государства не въ состояніи причинить вредъ, пока не будетъ разорвана серединная полоса, состоящая изъ государствъ, которыя желаютъ мира». Въ Пруссіи была громадная аристократическая или генеральская партія, которая твердила объ опасности, грозящей со стороны Россіи, и о необходимости во время принять мѣры къ ея предупрежденію. «Берлинскій кабинетъ, по словамъ Генца, къ счастію, убѣдился, что для него нѣтъ спасенія, кромѣ тѣснаго союза съ Австріею,— союза, который дастъ этимъ обоимъ государствамъ средства сообща располагать силами остальной Германіи. Эта система восторжествовала надъ системою русскаго союза, который основывался только на временныхъ нуждахъ и обстоятельствахъ. Русскій союзъ не имѣетъ теперь ни одного приверженца въ Пруссіи; самъ король, хотя лично преданный императору Александру, кажется, оттолкнулся отъ русскаго союза безповоротно».

Такова была обстановка, которую сама русская политика создала для Россіи, вовлекши ее въ сдѣлки, договоры и союзы, вовсе не нужные въ истинно русскихъ интересахъ. Помогъ ли явный союзъ государей противъ тайныхъ обществъ въ русской Польшѣ? Искреннему, прямодушному усмирителю революцій на Западѣ не принесли ли вреда его священно-союзники, когда, недовольные слишкомъ свободною и соблазнительною конституціею въ русской Польшѣ, они чрезъ тайныя козни подготовляли польское возстаніе съ цѣлью отвлечь Россію отъ войны съ Турціею, отъ которой съ опасеніемъ ожидали новаго усиленія могущества Россіи?

Чѣмъ же, въ концѣ-концовъ, завершились труды и самопожертвованіе Россіи, столь безкорыстно принесенной въ служеніе Западу и началамъ «братской любви, неразрывной дружбы и взаимной помощи», положеннымъ въ основу священнаго союза? Припомнимъ, что конгрессы, во-первыхъ, подчинили право національности и идею національнаго единства преобладанію географическаго дѣленія и династическимъ притязаніямъ; во-вторыхъ, политическія права народовъ подчинялись правительственному самовластію въ лицѣ неограниченныхъ государей. Исключеніемъ была и оставалась только Франція. Но не прошло полныхъ восьми лѣтъ послѣ послѣдняго веронскаго конгресса, который посылалъ французскія войска усмирять революцію въ Испанію и отказалъ въ содѣйствіи грекамъ, какъ въ самой Франціи вспыхнула іюльская революція 1830 года. Низвергнута была бурбонская династія съ ея «конгрегаціею», устроенною въ противодѣйствіе либераламъ, и народъ, призвавшій на французскій престолъ династію Орлеановъ, получилъ либеральную конституцію. Возстала Бельгія и послѣ кровавой развязки съ Голландіею добыла себѣ національную и политическую самостоятельность. Греки уже открыто бились съ сво-

ими повелителями турками и освободили Морею. Вспыхнулъ бунтъ въ русской Польшѣ. Въ Германіи не проходило года безъ того, чтобы тамъ или тутъ не прорвалось наружу внутреннее напряженное состояніе недовольства народнаго. Въ Испаніи и Португаліи продолжались постоянныя смуты и народу не разъ приходилось получать болѣе свободныя конституціи. Въ Италіи, Австріи и Пруссіи было, повидимому, спокойно. Полицейская система Меттерниха и ея подражатели пригнетали всякое проявленіе мысли о политической свободѣ или національномъ единствѣ. Произошло, однако, то, что должно было произойти. Сильная власть, твердо увѣренная въ самой себѣ, принимающая во вниманіе интересы народа и общее его благосостояніе, могла бы удовлетворить справедливымъ желаніямъ и насущнымъ нуждамъ народа соотвѣтственными измѣненіями и при этомъ отстранить всякія излишества и крайности. Но, вмѣсто того, чтобы избрать этотъ серединный путь, на который указывалъ русскій императоръ, говоря, что народамъ надобно давать столько, сколько они могутъ по своей развитости воспринять, правительства средней Европы соединились между собою подъ руководительствомъ Австріи и Пруссіи и противупоставили требованіямъ времени систему рѣшительнаго, безусловнаго отказа во всякой перемѣнѣ. Императоръ Александръ, мечтавшій о братскомъ союзѣ всѣхъ европейскихъ государствъ и желавшій поддержать законный порядокъ и внутреннее спокойствіе въ Австріи, Германіи, Пруссіи, Италіи, Испаніи, Франціи и даже въ Турціи, былъ незамѣтно противъ своихъ личныхъ убѣжденій увлеченъ священнымъ союзомъ до тождества съ меттерниховскою политикою нетерпимости. Чѣмъ больше, послѣ него, подъ спудомъ этой политики скоплялось въ Западной Европѣ горючихъ матеріаловъ, тѣмъ сильнѣе послѣдовалъ взрывъ 1848 года. Несомнѣнно, 48-й годъ былъ слѣдствіемъ того, что на конгрессахъ и послѣ нихъ не хотѣли знать двухъ началъ: народности и истекающаго оттуда стремленія къ народному объединенію и политическихъ правъ народа. Первымъ началомъ пренебрегали, второму противудѣйствовали; на нихъ тяготѣла главнѣйше вся дѣятельность конгрессовъ. 48-й годъ далъ первому господствующее положеніе между двигателями политической жизни Европы и узаконилъ другое согласно историческимъ особенностямъ западно-европейскаго общества. Но чего же стоило это упраздненіе зданія, сооруженнаго трудами конгрессовъ и на средства Россіи! Грозный ураганъ послѣдняго мятежа пронесся надъ Западной Европою, оставивъ за собою обломки старыхъ учрежденій, низвергнутые престолы, потоки крови, вопли старческаго разочарованія, крики новонарождающагося дѣтища. Долго потомъ пришлось и правительствамъ, и народамъ разбираться въ этой грудѣ стараго и новаго, пока, наконецъ, не удалось въ теченіе долгихъ лѣтъ установить существующій порядокъ.

Такъ конгрессы двадцатыхъ годовъ вызвали 48-й годъ.

Прошло около двадцати пяти лѣтъ послѣ этого мироваго по своему

значенію урока исторіи—и мы видимъ повтореніе стараго. Только мѣсто дѣйствія перенесено на Востокъ. Свиданія или, въ сущности, тѣ же конгрессы семидесятыхъ годовъ съ берлинскимъ конгрессомъ въ заключеніе также полновластно распоряжаются народностями и правами народными. Для нихъ ничего не значитъ частицу одного и того же сербскаго народа отдать Черногоріи, другую отдать Австріи, третью отдать Болгаріи, четвертую оставить за Турціею. На берлинскомъ конгрессѣ гр. Шуваловъ торгуется съ гр. Андраши за полосу земли между Болгаріею и Сербіею: одинъ старается оттянуть побольше къ Болгаріи, другой къ Сербіи, не обращая вниманія на то, чѣмъ населена эта полоса и въ какую сторону клонится ея населеніе по своему происхожденію и языку. Съ удивительною легкостью пренебреженія одну часть Болгаріи дѣлаютъ почти независимою съ княземъ и конституціею, другую часть оставляютъ за Турціею, ограничивая генералъ-губернаторскимъ управленіемъ. Самодержавное право независимой Черногоріи на прибрежное море подчиняютъ австрійскому полицейскому дозору; навязываютъ народамъ вѣротерпимость исключительно въ видахъ еврейскаго племени, обязываютъ срочною постройкой желѣзныхъ дорогъ. Но самый вопіющій грѣхъ противъ человѣчества, самое грубое преступленіе противъ историческаго закона, это—отдача Босніи и Герцеговины въ безотчетное управленіе Австріи. Здѣсь подъ необузданнымъ произволомъ самовластія преслѣдуется народный языкъ, истребляется православіе, грабятся общественныя деньги для цѣлей противуположныхъ тѣмъ, для которыхъ онѣ были собраны: такъ, на учебныя средства православнаго населенія учреждаютъ католическія школы; пришлый католицизмъ издѣвается, ругается надъ туземнымъ православіемъ; политическія права, за которыя народъ сражался и которыя ему обѣщаны по санъ-стефанскому договору, отняты у народа; тяжкіе и несправедливые налоги и поборы, взыскиваемые съ безпощадною строгостью, гнетутъ населеніе; насилуется совѣсть рекрутъ присягою непризнанному государю; введенъ полный произволъ администраціи, въ судахъ нѣтъ защиты; жестокость, грубость, наглость, самоуправство низшихъ властей царятъ надъ безправнымъ народомъ; даже придумана средневѣковая мѣра противъ гайдуковъ—этихъ мстителей народа, расправляющихся своимъ судомъ надъ зломъ и насиліемъ—поголовная пеня со всего населенія, въ окрестностяхъ котораго появится гайдукъ. Далѣе этого уже не куда идти безправію.

Такъ новѣйшіе конгрессы, задавшіеся преобразованіемъ юго-востока Европы, по примѣру конгрессовъ первой эпохи, пренебрегли началомъ народности и народнаго объединенія, отказали населенію сербскихъ областей въ политическихъ правахъ, которыхъ такъ долготерпѣливо и съ такою геройскою стойкостью добивались сербы, не щадя своей жизни въ отчаянной борьбѣ съ турками. Въ лицѣ своихъ полномоченныхъ, Россія безпрекословно согласилась на занятіе австрійцами Босніи и Герцеговины; еще и ранѣе того она сама наталкивала Австрію на это занятіе.

Далѣе мы видимъ подобіе священнаго союза—тройственный союзъ императоровъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяется такая же, какъ и тогда, подпольная интрига со стороны Германіи и Австріи противъ Россіи, но только въ несравненно бо́льшихъ размѣрахъ и съ характеромъ уже наступательнымъ. Я уже имѣлъ случай подробнѣе изложить всю эту интригу въ статьѣ о раздѣлѣ Турціи *). Какъ во времена священнаго союза, въ который Россія въ лицѣ своего императора вносила искреннее чувство братской любви и безкорыстный обѣтъ взаимной помощи, уже говорилось о пользѣ австро-прусскаго союза съ цѣлью ограниченія превосходства Россіи, такъ и теперь, во время свиданій, состоялся тайный уговоръ между Германіею и Австріею съ цѣлью исторгнуть изъ сферы русскаго вліянія самый важный отдѣлъ Балканскаго полуострова—западный и потомъ въ противность Россіи двигаться далѣе, постоянно вытѣсняя отсюда Россію религіозною и политическою пропагандою. Этотъ секретный уговоръ, когда уже достигнута была главнѣйшая цѣль и заняты были австрійцами Боснія и Герцеговина, выразился въ формальномъ оборонительно-наступательномъ австро-германскомъ союзѣ 1879 года. Какъ въ первую эпоху конгрессовъ Россія вовлечена была въ интересы союзниковъ до самопожертвованія, такъ во вторую эпоху конгрессовъ она съ такимъ же самоотрицаніемъ вытаскивала своими руками для своихъ союзниковъ каштаны изъ пылающаго балканскаго очага, подожженнаго для этой цѣли австрійскими агентами.

Прошлое, какъ видно, ничему не научило; уроки исторіи забыты или же остались невѣдомыми.

Говорятъ, что скерневицкое свиданіе надолго упрочило миръ Европы. Не касаясь пока Запада, спросимъ, относительно Востока, — на какихъ основаніяхъ? Если на прежнихъ, statu quo, то самое свиданіе не имѣло бы своего raison d'être. Напротивъ, есть извѣстія и существуютъ признаки, что соглашеніе между тремя правительствами состоялось для дальнѣйшаго развитія программы, начертанной на берлинскомъ конгрессѣ; поэтому скерневицкое свиданіе можно признать заключительнымъ актомъ второй эпохи конгрессовъ. Но какія это основанія? Если, какъ увѣряютъ, Россія предоставила Австріи окончательно присоединить себѣ Боснію и Герцеговину, то въ этомъ случаѣ повторяется капитальная ошибка прежнихъ конгрессовъ: народъ славянскій и православный лишается, подъ напоромъ чужеродной власти и нашествіемъ разнаго сброда иноплеменниковъ, своей народной самостоятельности, отдѣляется насильственно отъ своихъ кровныхъ братьевъ, утрачиваетъ свои политическія права. Здѣсь совершается то же, что прежде было въ Италіи. Страна по усмотрѣнію совершенно посторонняго для нея ареопага подчиняется чуждой ей династіи; этою страною распоряжаются единственно по праву сильнаго: отдаютъ ее тому, кому заблагоразсудили по высшимъ соображеніямъ, до которыхъ, однако, самой этой

*) *Русская Мысль*, кн V.

странѣ нѣтъ никакого дѣла, потому что ея ближайшее желаніе: или слиться съ сосѣдними однородными государствами, или получить самоуправленіе.

Напротивъ того, для Восточной Румеліи допущено политическое сліяніе съ Болгаріею; здѣсь совершенно обратное явленіе: начало народности и народнаго объединенія торжествуетъ; весь народъ болгарскій получаетъ политическія права. Утѣшительно, что такое согласное съ историческимъ закономъ явленіе происходитъ тамъ, гдѣ до поры до времени предоставлено Россіи имѣть свое преобладающее вліяніе. Тѣмъ не менѣе, прямо бросается въ глаза такая странная противуположность: на одномъ и томъ же полуостровѣ дѣйствуютъ два принципа—отрицаніе и признаніе народности и народнаго объединенія, отрицаніе и признаніе за народомъ политическихъ правъ.

Естественно послѣ того рождается вопросъ: прочно ли такое зданіе? Какой залогъ мира усматриваетъ въ немъ русская политика, вся сосредоточенная въ рукахъ дипломатовъ?

Очевидно, Австрія становится крѣпкою ногою на Балканскомъ полуостровѣ. По поводу окончательнаго присоединенія къ ней Босніи и Герцеговины не мѣшаетъ припомнить, что съ самаго начала занятія этихъ областей вѣнскій дворъ и цислейтанское правительство весьма не двусмысленно выражали желаніе этого присоединенія, да и по секретному уговору на берлинскомъ конгрессѣ самое занятіе было предложено маркизомъ Салисбёри въ видахъ послѣдующаго присоединенія. Странное было тогда положеніе Россіи. Ей напоминаютъ, что срокъ вывода ея войскъ изъ Болгаріи приближается, ей говорятъ, чтобы она не пропустила этого срока; войска ея дѣйствительно очищаютъ въ срокъ Болгарію, чтобы никогда уже туда не возвращаться, а въ это самое время войска австрійскія насильственно входятъ въ Боснію и Герцеговину, подавляя на каждомъ шагу сопротивленіе жителей, и остаются тамъ, чтобы никогда оттуда не уходить. Въ 1880 году докладчикъ бюджетной австрійской делегаціи Грохольскій въ засѣданіи австро-венгерскихъ делегацій, отвѣчая доктору Штурму, восклицаетъ: «Австрійскій императорскій орелъ никогда не долженъ покидать горъ Босніи и Герцеговины!» Въ слѣдующемъ году въ коммиссіи четырехъ венгерской делегаціи графъ Кальноки, не задолго передъ тѣмъ перемѣнившій постъ посланника при петербургскомъ дворѣ на званіе австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, толкуетъ о привлеченіи (Anzug) Босніи и Герцеговины къ австро-венгерской монархіи. Шмерлингъ, бывшій министръ, въ засѣданіи венгерской палаты настаиваетъ на присоединеніи. Этихъ компетентныхъ голосовъ достаточно, чтобы понять, какъ всегда смотрѣлъ вѣнскій дворъ на цѣль занятія областей. Но можно было ожидать, что ужь если русская политика въ лицѣ своихъ новѣйшихъ дипломатовъ сдѣлала величайшую ошибку, допустивши дѣлежъ Балканскаго полуострова и, вслѣдствіе того, занятіе Босніи и Герцеговины австрійцами, то русская дипломатія, внимая общественному голосу и авторитетнымъ отзывамъ, указывавшимъ на весь вредъ, происходящій отсюда для государственныхъ интересовъ Россіи, особливо на буду-

щее время, приметъ мѣры къ тому, чтобы ослабить дѣйствіе этой ошибки. Ни чуть не бывало! Русскій дипломатическій агентъ г. Хитрово, въ Софіи, оффиціально созываетъ русскихъ и запрещаетъ имъ отъ имени своего правительства не только дѣломъ, но и словомъ обнаруживать сочувствіе возставшимъ противъ австрійскаго правленія герцеговинцамъ. Гр. Кальноки публично даетъ похвальный аттестатъ дипломатическому агенту русскаго правительства г. Іонину въ томъ, что онъ хорошо держалъ себя во время этого возстанія. Вѣроятно, похвалою иностраннаго министра были польщены тѣ, до кого она относилась, а вопросъ о томъ, согласовался ли такой поступокъ иностраннаго министра съ достоинствомъ русскаго правительства, едва ли кому пришелъ на мысль. Все свидѣтельствуетъ, что и послѣ берлинскаго конгресса, когда за границей громко ликовали, что провели Россію въ самомъ существенномъ для нея вопросѣ, и торжествовали побѣду надъ нею, дипломатія наша благожелательно относилась къ занятію австрійцами Босніи и Герцеговины, которымъ австро-германская политика рѣшительно выбивала насъ изъ самой крѣпкой на полуостровѣ позиціи, занятой не тѣми, кто такъ легко уходилъ изъ нея, а знаменитыми дѣятелями минувшихъ славныхъ царствованій. Увѣряютъ, что послѣ данцигскаго свиданія, въ августѣ 1881 г., когда Вѣна была смущена этимъ событіемъ, петербургскій кабинетъ поспѣшилъ успокоить Вѣну и, вслѣдствіе личныхъ дружескихъ отношеній представителей двухъ кабинетовъ, состоялся въ Петербургѣ протоколъ, подписанный г. Гирсомъ и гр. Калькони. Приведу дословно этотъ любопытный актъ въ томъ видѣ, какъ онъ получилъ извѣстность: «§ 1. Непрерывно дѣйствующее (permanant) полномочіе, данное Австро-Венгріи на занятіе Босніи и Герцеговины и примѣненіе его въ формѣ наиболѣе благопріятной для сохраненія внутренняго порядка и развитія благосостоянія сихъ областей. § 2. Утвержденіе (consolidation) независимости княжествъ Сербіи и Черногоріи чрезъ развитіе ихъ экономическихъ средствъ и отстраненіе возбужденій, которыя могли бы нарушить безопасность какъ внутри, такъ и внѣ сихъ государствъ. Императорско-королевскій дворъ (т.-е. вѣнско-пештскій) изъявляетъ готовность (et disposé) оказать помощь княжескимъ правительствамъ въ этомъ дѣлѣ. § 3. Выполненіе статьи берлинскаго трактата относительно согласованія желѣзнодорожныхъ линій австро-венгерскихъ съ турецкими въ ихъ направленіи чрезъ Сербію и Болгарію. § 4. Регламентація плаванія по Дунаю въ интересѣ прибрежныхъ государствъ. § 5. Кабинеты вѣнскій и петербургскій признаютъ высокое значеніе полной независимости Румыніи, лучшее обезпеченіе которой состоитъ въ поддержаніи добрыхъ отношеній между этимъ королевствомъ и двумя сосѣдними имперіями и въ удаленіи революціонныхъ происковъ, которые могли бы испортить характеръ этихъ отношеній. § 6. Императорское русское правительство будетъ продолжать поддерживать своими совѣтами (assister de ses conseils) правительство болгарское въ дѣлѣ устройства княжества на основаніяхъ охранительныхъ. Въ случаѣ, если слияніе Восточной Румеліи

съ Болгаріей сдѣлается необходимымъ, оно должно произойти такъ, чтобы не произошло никакого сотрясенія въ сосѣднихъ областяхъ, и съ устраненіемъ всякаго участія революціонныхъ элементовъ. § 7. Долженъ быть положенъ конецъ непрекращающемуся анархическому состоянію, въ которомъ находится Албанія, посредствомъ областнаго учрежденія, указаннаго въ берлинскомъ трактатѣ и удовлетворяющаго благоразумнымъ желаніямъ албанскаго народа. § 8. Обѣ договаривающіяся стороны, одинаково проникнутыя заботами какъ вообще въ интересахъ мира, такъ и въ особенности спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ, входятъ во взаимное соглашеніе для противодѣйствія честолюбивымъ видамъ всякой другой державы относительно этого полуострова. § 9. Въ случаѣ важныхъ усложненій, которыя угрожали бы безопасности путей сообщенія на полуостровѣ или чрезъ проливы, соединяющіе Черное море съ Средиземнымъ, а равно и порядку, господствующему въ столицѣ оттоманской имперіи, — дворами вѣнскимъ и петербургскимъ будутъ съ общаго согласія приняты необходимыя мѣры охраненія (de protection). § 10. Оба правительства полагаютъ, что Суэцкій каналъ и Египетъ должны и впредь находиться подъ покровительствомъ, обезпеченнымъ сообща всѣми великими державами. § 11. Правительство Германской имперіи будетъ приглашено познакомиться съ настоящимъ протоколомъ и принять участіе въ переговорахъ объ основаніяхъ для послѣдующихъ соглашеній и о мѣрахъ, которыя оказались бы нужными въ выше предвидѣнныхъ случахъ. § 12. Развитіе и видоизмѣненіе, которыя силою обстоятельствъ были бы внесены въ порядокъ вещей, установленный берлинскимъ трактатомъ, должны быть подвергнуты на одобреніе державъ, подписавшихся подъ этимъ трактатомъ. По всему вѣроятію, этотъ протоколъ или подобный ему былъ принятъ въ основаніе уговоровъ, состоявшихся въ Скерневицахъ. Есть уже признаки, какъ мы сейчасъ увидимъ, что онъ отчасти приводится въ исполненіе Съ перваго же раза видно, что онъ составленъ графомъ Кальноки въ интересахъ одной но Австро-Венгріи.

И вотъ почему:

Не Россіи нужна и выгодна безсрочность занятія Босніи и Герцеговины, но Австро-Венгріи.

Предоставленіе Австро-Венгріи права оказать содѣйствіе правительствамъ Сербіи и Черногоріи въ устраненіе возможныхъ тамъ агитацій открываетъ для Австро-Венгріи полную возможность постояннаго нравственнаго давленія на Сербію и Черногорію. Если высказано опасеніе, что эти агитаціи могутъ быть вредны внѣ этихъ государствъ, то, ясное дѣло, что подъ этимъ «внѣ» разумѣются Боснія и Герцеговина. За нихъ боится вѣнско-пештскій кабинетъ. Россія успокоиваетъ ее правомъ тушить волненія въ сосѣднихъ независимыхъ владѣніяхъ. И дѣйствительно, вслѣдъ за скерневицкимъ свиданіемъ мы узнаемъ, что князь Николай, по настоятельному требованію изъ Вѣны, удалилъ всѣхъ герцеговинскихъ воеводъ,

вождей послѣдняго возстанія противъ Австріи, и съ ними до сотни другихъ бѣглецовъ, проживавшихъ до сихъ поръ въ Никшичѣ,—въ Улцинъ и Подгорицу, приказавши объявить остальнымъ перебѣжчикамъ, что если они будутъ заводить смуты въ Герцеговинѣ, то онъ выдастъ ихъ австрійскимъ властямъ. Это распоряженіе *Гласъ Черногорца* сопровождаетъ отъ себя замѣчаніемъ, что князь далъ чрезъ это доказательство, какъ высоко цѣнитъ онъ дружбу Австріи, оказавшей такъ много доброжелательства и пользы для Черногоріи. Газета цетиньская не писала бы такъ, если бы не чуяла, что и Черногорія вводится въ сферу австрійскаго вліянія. Гр. Каллай, общеимперскій министръ финансовъ, которому поручено верховное завѣдываніе Босніею и Герцеговиною, уже поспѣшилъ въ делегаціяхъ сдѣлать одобрительный отзывъ о такомъ поступкѣ князя Николая.

Устройство непрерывной сѣти желѣзныхъ дорогъ на Балканскимъ полуостровѣ въ соединеніи съ австро-венгерскими необходимо, конечно, уже не для Россіи, а для Австро-Венгріи, которая, имѣя въ своемъ полномъ владѣніи безсрочно занятыя Боснію и Герцеговину, съ этого базиса будетъ постоянно дѣйствовать далѣе въ глубь полуострова, подрывая вездѣ, гдѣ только можно, значеніе Россіи. Сербія уже въ безусловной покорности у нея; начинаетъ покоряться ей и Черногорія; ловкіе и многочисленные агенты ея въ Софіи и другихъ болгарскихъ городахъ только и заняты тѣмъ, что внушаютъ народу и особенно интеллигенціи враждебныя чувства къ Россіи. Владѣя сѣтью желѣзныхъ дорогъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ до Константинополя и Салоникъ,—потому что онѣ строятся на австрійскія деньги, — Австро-Венгрія будетъ полнымъ здѣсь господиномъ и въ политическомъ, и въ торговомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. При чемъ же останется тутъ Россія? Желѣзныя дороги на Балканскомъ полуостровѣ ей не нужны, ея сообщенія съ Сербіею и Болгаріею идутъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Напротивъ, въ связи съ австро-венгерскими дорогами онѣ будутъ вредны ей въ политическомъ отношеніи. Между тѣмъ, послѣ скерневицкаго свиданія, по словамъ *National Zeitung*, русскій посланникъ въ Константинополѣ, г. Нелидовъ, настоятельно совѣтовалъ Портѣ поспѣшить сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, какъ рѣшила конференція à quatre, т.-е. конференція уполномоченныхъ Австро-Венгріи, Сербіи, Болгаріи и Турціи, назначившая направленіе и соединительные узлы желѣзныхъ дорогъ четырехъ означенныхъ государствъ.

Регулированіе плаванія по Дунаю уже окончено на лондонской конференціи и такъ, что Австро-Венгрія получила въ международной коммиссіи преимущество предъ другими прибрежными государствами, хотя ея владѣнія кончаются на Дунаѣ именно тамъ, откуда начинается вѣдомство международной коммиссіи (у Желѣзныхъ Воротъ), и, слѣдовательно, на основаніи принципа прибрежности, говоря строго, она не могла бы имѣть даже никакого мѣста въ международной коммиссіи. Россія и тутъ поддерживала ее.

Румынія не имѣетъ повода воевать съ Россіею; напротивъ: она съ жа-

дностью взираетъ на австро-венгерскую Седмиградію, гдѣ значительное большинство населенія составляютъ румыны. Не съ Россіею, а съ Австро-Венгріею могутъ встрѣтиться у нея важныя недоразумѣнія и столкновенія. Не революціонные элементы могутъ возникнуть между румынами, а чисто народная партія можетъ склониться къ Россіи; поэтому протоколъ возлагаетъ на Россію грустную обязанность усмирять румынскихъ народниковъ во вредъ самой себѣ.

Въ Болгаріи Россіи предоставляется поддерживать своими совѣтами болгарское правительство. Мудрено сказать, что изъ этого выйдетъ, и если что хорошее выйдетъ, то не надолго. Новоустановленный порядокъ вещей на Балканскомъ полуостровѣ, вслѣдствіе дѣлежа, разсчитанъ, по всей вѣроятности, не на короткое время, потому что если часть западной или сербской половины полуострова поступили въ безсрочное, т. - е. всегдашнее владѣніе Австріи, чрезъ что и королевство сербское, и княжество черногорское на столько же времени вошли въ сферу австрійскихъ интересовъ, т.-е. подчинились неизбѣжному вліянію Австро-Венгріи, то для уравновѣшенія выгодъ дѣлежа Болгарія должна бы оставаться столько же времени въ сферѣ интересовъ Россіи. Но до сихъ поръ торговля съ Болгаріею не въ русскихъ рукахъ; въ политическомъ же отношеніи болгарское правительство и его выдающіяся личности не разъ уже обнаруживали полное отвращеніе отъ Россіи. Припомнимъ, что совѣты Россіи не исправили правительственныхъ безпорядковъ въ 1880 году. Князь Александръ, по возвращеніи изъ Петербурга, произвелъ 1 іюля 1881 года coup d'etat. Тогда же *Journal de St.-Petersbourg* привѣтствовалъ этотъ государственный переворотъ какъ предвѣстникъ водворенія прочнаго порядка, — разумѣется, въ интересахъ Россіи. Но оказалось, что, несмотря на поддержку совѣтами со стороны Россіи, Баттенбергъ и двухъ лѣтъ не выдержалъ своей роли. Не говоря о внутренней неурядицѣ, онъ ясно склонился на сторону Германіи и Австріи, послѣ того какъ посѣтилъ Берлинъ и Вѣну. Его министерство дѣйствовало враждебно Россіи. Русскіе военные были притѣснены на службѣ и почти всѣ удалились изъ Болгаріи. Генералъ Соболевъ и приближенные князя изъ русскихъ также были уволены. Доходило до того, что противъ генерала Соболева составился въ прошломъ году заговоръ въ Софіи: положено было убить его на 8 сентября; сербы, черногорцы, далматинцы, босняки, герцеговинцы, хорваты и др., постоянные посѣтители своей гостинницы «Искра», куда нѣтъ входа болгарину, узнавши про этотъ заговоръ, объявили, что они всѣ пойдутъ охранять Соболева, и если хотя малѣйшая попытка будетъ сдѣлана болгарами, то они перерѣжутъ ихъ всѣхъ. Извѣстенъ заносчивый приказъ Баттенберга по поводу увольненія русскихъ, оскорбившій все русское общество. Въ палатѣ мы слышали, какъ Цанковъ заявлялъ, что пришло время избавиться отъ иностранцевъ и иностраннаго вліянія, подразумѣвая здѣсь Россію и русскихъ. Если дерзкія выходки противъ русскихъ, которыхъ Цанковъ

назвалъ «вагабондами», довели до того, что министръ Начевичъ получилъ двѣ пощечины, то можно заключить, прочно ли будетъ современемъ положеніе Россіи въ Болгаріи. Нѣтъ нужды, что *Journal de St.-Petersbourg*, разочарованный поведеніемъ самодержавнаго Баттенберга, писалъ уже совсѣмъ не то, что въ 1881 году, и опять ссылался на интересы Россіи; интересы эти не могутъ долго дѣйствовать, несмотря даже на военную конвенцію, потому, что иностранный элементъ господствуетъ въ княжескомъ дворцѣ, болгарскій простой народъ ничего не значитъ, да и не способенъ ни къ какому политическому чувству, а тѣмъ менѣе къ столь отвлеченному, какъ благодарность. Если это чувство еще кое-гдѣ слышится между среднею интеллигенціею, то оно слабѣетъ съ каждымъ годомъ и скоро улетучится. Другая же и большая часть высшей интеллигенціи только въ силу необходимости мирится съ Россіею, и если бы еще не свѣжая память объ освободительной войнѣ, то все русское было бы изгнано изъ Болгаріи. Цанковыхъ, Начевичей многое множество въ Болгаріи. Они составляютъ во всякомъ случаѣ силу, къ которой какъ скоро дѣло коснется Россіи, пристанутъ и всѣ другія партіи. Уже и теперь, вообще говоря, ощущается натянутость и только внѣшнее приличіе въ отношеніяхъ Болгаріи къ Россіи. Пройдутъ года, Австро-Венгрія, съ своимъ управленіемъ, съ своими войсками, въ мѣстности, укрѣпленной самою природою, станетъ твердою ногою на всей западной половинѣ полуострова и отсюда будетъ командовать всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, располагая желѣзными дорогами и въ той части, которая досталась Россіи — Болгаріи и Восточной Румеліи; а Россія съ своими платоническими совѣтами и съ своими идеальными разсчетами на народную благодарность, не имѣя никакой существенной заручки, отодвинется во свояси. Скандалъ съ *Journal de S.-Petersbourg* показываетъ, что наша дипломатія неустойчива и мало знакома съ людьми, призванными къ управленію княжествомъ, да и вообще съ болгарскою интеллигенціею, которая будетъ поставлять изъ среды своей министровъ и народныхъ представителей.

Анархическое состояніе Албаніи возбуждаетъ заботу Австро-Венгріи. Но такого состоянія нѣтъ въ Албаніи; напротивъ, католическіе патеры и наемные агенты возбуждаютъ нарочно смуты въ албанцахъ съ цѣлью, чтобы они усвоили себѣ мысль обратиться къ австрійскому императору съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство. Австро-Венгріи уже разъ удалась такая продѣлка въ Босніи: она сама умышленно своими средствами поддерживала борьбу босняковъ съ турками до самаго берлинскаго конгресса и эту смуту выставила, какъ главный предлогъ къ тому, чтобы Боснія и Герцеговина были отданы въ ея управленіе. Тоже самое и тѣмъ же путемъ, какъ видно, ей хочется устроить и съ Албаніею.

Противудѣйствіе честолюбивымъ видамъ всякой другой державы, къ которому обязуется Россія, будетъ полезно лишь для Австро-Венгріи, какъ единственной будущей дѣйствительной обладательницы Балканскаго полу-

острова. Напротивъ, сближеніе съ гладстоновскою Англіею дало бы Россіи силу и возможность положить предѣлы австро-венгерскимъ притязаніямъ на Балканскомъ полуостровѣ, а чрезъ это и самую Россію освободить отъ лишнихъ заботъ о Болгаріи. Къ сожалѣнію, бисмарковскій буксиръ тянетъ насъ на всякія непріятности съ лондонскимъ кабинетомъ, руководимымъ такимъ благороднымъ человѣкомъ, какъ Гладстонъ, и, что еще прискорбнѣе, заставляетъ огорчать Англію въ такихъ вопросахъ, до которыхъ Россіи вовсе нѣтъ дѣла. И на этотъ разъ кн. Бисмарку удалось отвлечь Россію отъ сближенія съ кабинетомъ, во главѣ котораго стоитъ мужъ, провозгласившій по адресу Австро-Германіи: «руки прочь!» и который могъ бы принести намъ существенную помощь тамъ, гдѣ страдаютъ наши освященные исторіею жизненные интересы.

Предусмотрѣнныя въ протоколѣ важныя усложненія на Балканскомъ полуостровѣ, которыя стали бы угрожать Константинополю, едва ли можно понимать иначе, какъ въ смыслѣ кореннаго переворота или упраздненія оттоманской имперіи. Въ такомъ случаѣ охраненіе Россіею австрійскихъ желѣзныхъ путей сообщенія, безъ сомнѣнія, будетъ полезно для Австро-Венгріи, но приманка, выставленная для Россіи въ вознагражденіе за внутренность полуострова, гдѣ будетъ господствовать Австро-Венгрія,—приманка въ образѣ проливовъ, соединяющихъ Черное море со Средиземнымъ, есть мыльный пузырь, о которомъ не стоитъ и распространяться. Не владѣя Добруджею и соединенными Болгаріею и Восточною Румеліею, не владѣя Ѳракіею и Константинополемъ, Россія не можетъ держать въ своихъ рукахъ и проливы съ противулежащимъ азіатскимъ берегомъ; а владѣть всѣмъ этимъ—это такіе воздушные замки, которые даже не имѣютъ въ себѣ ни чего привлекательнаго. Единственною историческою, здравою и спасительною политикою Россіи должно быть возстановленіе самостоятельности и независимости народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, какъ въ духовной, такъ и политической ихъ жизни. Политика приключеній менѣе всего свойственна Россіи, да и не по плечу ея дѣльцамъ; насущные же интересы требуютъ здѣсь строго охранительной политики, и первымъ словомъ этой политики должно быть приглашеніе, чтобы Австро-Венгрія удалилась съ Балканскаго полуострова. Какъ ни страннымъ покажется это нашимъ дипломатамъ, а, все-таки, это единственный согласный съ историческимъ закономъ исходъ всѣхъ нашихъ сношеній по восточному вопросу съ Германіею и Австро-Венгріею. Иначе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ грозятъ намъ страшныя усложненія, которыя должны неминуемо отразиться и на нашимъ западныхъ границахъ.

Когда пристально всматриваешься въ петербургскій протоколъ, то такъ и кажется, что писалъ его покойный Меттернихъ. Агитація и революція пронизываютъ его насквозь. На самомъ же дѣлѣ только съ австрійской точки зрѣнія можно видѣть эти ужасы тамъ, гдѣ проявляется лишь чувство народности и желаніе политической свободы. Въ Вѣнѣ хорошо понимаютъ.

что Россія, всегда, когда могла дѣйствовать самостоятельно, какъ и по санъ-стефанскому договору, обезпечивала жителямъ Балканскаго полуострова ихъ народность, вѣру и самоуправленіе; что эти начала дѣйствуютъ на пользу Россіи и, наоборотъ, во вредъ хищнической политикѣ Австро-Венгріи; что на восточной славянской почвѣ народныя движенія могли бы имѣть установленіе правильнаго и прочнаго порядка вещей; и вотъ она старается запугать петербургскій кабинетъ страшными словами: агитація, революція, анархія. Если бы кто рѣшился сказать, что это не такъ, то я спрошу, гдѣ и что такое были революціи на Балканскомъ полуостровѣ послѣ берлинскаго конгресса? Была революція въ Босніи и Герцеговинѣ, когда онѣ съ оружіемъ въ рукахъ возстали на защиту минутно улыбнувшейся имъ политической самостоятельности отъ вторгавшейся чужестранной силы, уполномоченной Европою на ихъ захватъ. Была другая революція тамъ же, когда эта чужестранная власть, насильственно поработившая эти области, лишила народъ свободы слова и всѣхъ политическихъ правъ, стала тѣснить и поносить православную вѣру, изгонять народный языкъ изъ судовъ, школъ и письменности, закрывать народныя православныя училища, похищать имущества церквей и общинъ, запрещать народу даже называться сербскимъ и помышлять о своемъ единствѣ съ остальнымъ сербскимъ племенемъ. Была революція и въ Боккѣ Которской, гдѣ австрійская власть нарушила политическія права населенія, обезпеченныя за нимъ императорскимъ словомъ Александра I при передачѣ Бокки во владѣніе Австріи, потомъ обѣтами австрійскихъ императоровъ и, наконецъ, формальнымъ договоромъ между населеніемъ Бокки и австрійскимъ правительствомъ. Больше нигдѣ не было никакихъ революцій; но вѣроятною становится революція въ Сербіи и опять потому, что правительство сербское дѣйствуетъ въ ущербъ политической самостоятельности королевства и во вредъ народному чувству сербовъ. Вотъ призракомъ какихъ революцій Австро-Венгрія старается объединить свой образъ дѣйствій съ таковымъ же Россіи! Къ чему стремился Меттернихъ въ Западной Европѣ въ первую эпоху конгрессовъ, того же домогается вѣнско-пештскій дворъ во вторую эпоху конгрессовъ. Россія втягивается въ исключительные интересы Австро-Венгріи и во вредъ самой себѣ даетъ согласіе на пригнетеніе начала народности, народнаго объединенія и политическихъ правъ народа,—точь въ точь какъ въ первую эпоху конгрессовъ, но только не на Западѣ, какъ тогда, а на Востокѣ.

Послѣ этого самъ собою рождается вопросъ: не вызоветъ ли такая политика Австро-Венгріи новый, но уже не западный, а восточный 48 годъ? Пригнетаемыя ею начала суть общечеловѣческія, которыя могутъ умереть только со смертію самого народа; иначе, по сербской пословицѣ «яче тлаче—више скаче» (сильнѣе ударишь — выше прыгнетъ), они могутъ прорваться изъ-подъ гнета, какъ прорвались тѣ же самыя начала въ 48-мъ году въ Западной Европѣ, благодаря той же Австріи.

Предвижу, что дипломаты съ усмѣшкою подумаютъ про себя: Боснія

и Герцеговина такъ малы и такъ ничтожны, что о нихъ не стоитъ и говорить, не только что принимать ихъ въ разсчетъ: la force majeure все обработаетъ по своему. Нынѣшняя дипломатическая школа не хочетъ знать ни прошедшаго, ни будущаго. Въ настоящую минуту, точно, миръ и спокойствіе обезпечены превосходствомъ силы: такъ думалъ и надѣялся также и Меттернихъ въ свое время. Но взрывы народнаго духа заразительны. Рядомъ съ Босніею и Герцеговиною далматинскіе итальянцы протестуютъ противъ усиленнаго введенія нѣмецкаго языка; сербы далматинцы православнаго исповѣданія возмущены участью своихъ братьевъ въ покоренныхъ областяхъ Босніи и Герцеговины; населеніе Бокки Которской, бѣжавшее въ Черногорію, пылаетъ мщеніемъ; по другую сторону — Сербія склонна къ низверженію нынѣшней владѣтельной династіи и ея сообщниковъ; по ту сторону Сербіи—отмежеванное къ Болгаріи смѣшанное и бо́льшею частью сербское населеніе ждетъ удобнаго случая, чтобы открыть рѣзню съ ненавистными ему болгарами. Въ предѣлахъ самой Австро-Венгріи хорваты уже горячо вступились за свою народность; между ними число противниковъ соглашенія съ Венгріею, установленнаго въ 1867 году, увеличивается постепенно; въ Венгріи между мадьярами слышатся голоса противъ всякой другой связи съ Австріею, кромѣ личной. Въ Австріи нѣмцы болѣе чѣмъ когда-нибудь ожесточены противъ славянъ. Въ Галиціи русскій народъ стонетъ подъ насиліемъ поляковъ. Славяне, видимо, отвернулись отъ Россіи со времени берлинскаго конгресса преимущественно за ея поступокъ съ Босніею и Герцеговиною и за отреченіе ея отъ сербскаго народа, а съ нимъ отъ своей славянской политики. Въ ея тѣсномъ сближеніи съ Германіею они видятъ погибель для себя и потому спѣшатъ войти между собою въ болѣе тѣсную политическую связь: хорваты ѣдутъ въ Прагу, чехи ѣдутъ въ Краковъ. Подготовляется взаимный союзъ австрійскихъ славянъ съ цѣлью самозащиты и съ настроеніемъ, враждебнымъ къ Россіи. Нельзя оставить безъ вниманія и Румынію, гдѣ мечтаютъ о возсоединеніи съ Седмиградіею, и Италію, гдѣ все еще не перестаютъ твердить о возсоединеніи съ итальянскимъ Тиролемъ. Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ уже не малую область недовольства, непріязни, раздраженія, стремленія къ болѣе естественному, прочному и спокойному порядку. Такія начала, какъ народность и политическія права народа, сама Пруссія, поддерживающая теперь Австро-Венгрію, признала во всей ихъ силѣ, вырвавши южный Шлезвигъ и Голштинію у Даніи, возвративши Италіи Венеціанскую область, давши нѣмецкому народу политическое единство и конституціонное управленіе. Если скерневицкое свиданіе обезпечило Австро-Венгрію со стороны Россіи въ сохраненіи того положенія или status quo, которое мы сейчасъ видѣли, то съ прискорбіемъ должно сознаться, что какъ послѣ 1815 года Россія вооружила противъ себя общественное мнѣніе на Западѣ, такъ теперь она окончательно вооружитъ противъ себя мнѣніе всего славянства на Востокѣ; что какъ ея участіе въ конгрессахъ двадцатыхъ годовъ и

учрежденіе священнаго союза ободрили и поддержали Меттерниха—главнаго виновника 48-го года, такъ и теперь ея соглашеніе съ венско-пештскимъ дворомъ можетъ ободрить послѣдній на такой образъ дѣйствій, который приведетъ къ новому перевороту. Послѣ скерневицкаго свиданія, въ рѣчи своей къ представителямъ австро-венгерскихъ делегацій императоръ Францъ-Іосифъ объявилъ, что миръ и внутреннее спокойствіе обезпечены на долго; но изъ исторіи мы знаемъ, что въ Австріи обезпеченіе этихъ истинныхъ благъ народныхъ понимаютъ иногда очень своеобразно. Меттернихъ восхищался водвореніемъ спокойствія въ Италіи, когда тамъ пытки, казни и военная сила давили подъ произволомъ властей народныя чувства. Нынѣшній верховный правитель Босніи и Герцеговины, министръ Каллай, тоже восхищается спокойствіемъ этихъ областей, когда видитъ удачное дѣйствіе тюремъ и висѣлицъ и истощеніе народа поборами и пенями.

На скерневицкомъ свиданіи, какъ извѣщаютъ газеты, шла рѣчь также объ анархистахъ и, вѣроятно, приняты какія-либо совмѣстныя мѣры къ очищенію общества отъ этой язвы. «Монархамъ дозволительно заключать явные союзы противъ тайныхъ обществъ»,—говорилъ Шатобріану въ Веронѣ императоръ Александръ. Но тогдашнія тайныя общества имѣли цѣлью національную и политическую свободу — начала, признанныя и узаконенныя позднѣйшею Европою. И, однако, признаніе этихъ началъ не дешево обошлось Европѣ, начиная съ іюльскихъ дней во Франціи и оканчивая 48-мъ годомъ съ его дальнѣйшими послѣдствіями. Если развитіе и усиленіе господства Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ, по соглашенію въ этомъ съ Россіею и Германіею, грозитъ рано или поздно возбудить взрывъ народнаго недовольства въ границахъ, которыя трудно заранѣе опредѣлить, то этимъ взрывомъ не замедлятъ воспользоваться европейскіе анархисты, чтобы въ политическія страсти влить свою острую отраву. Смуты, предшествовавшія 48-му году и разыгравшіяся во всей силѣ въ этомъ году, имѣли одно политическое свойство. Съ началами, которымъ досталась тогда побѣда, Европа помирилась, сжилась и успокоилась. Не таково разрушающее начало анархіи. Дѣйствіе его въ слитіи съ напряженнымъ политическимъ возбужденіемъ охватитъ по самому свойству своему не только формы управленія, но проникнетъ въ самое существо общественной среды, внося отрицаніе всѣхъ основъ государственнаго общежитія. Если бы случилось что-нибудь подобное, то представилось бы великое затрудненіе для борьбы съ врагомъ всякаго порядка и спокойствія на почвѣ, возмущенной народнымъ недовольствомъ. Врага этого не было въ 48-мъ году. Теперь онъ уже дѣйствуетъ и извѣстно какимъ орудіемъ.

Поэтому надо желать, чтобы Россія уклонилась отъ всякаго соглашенія съ своими сосѣдями по восточнымъ дѣламъ. Ей нужно обрѣсти въ себѣ достаточную силу духа, чтобы сбросить накинутыя на нее путы и выйти на самостоятельную дорогу. Для нея настаетъ благодарная задача — дать свободный ходъ развитію началъ народности и политической свободы въ

странахъ, прямо или косвенно освобожденныхъ ею отъ турецкаго господства. Сама она дала же то и другое Болгаріи. Если въ неподготовленномъ и неразвитомъ народѣ начала эти принялись и не произвели даже на первыхъ порахъ ничего разрушительнаго, то болѣе подготовленный, болѣе сдержанный и самообладающій народъ сербскій еще лучше усвоилъ бы себѣ эти начала. Россіи нужно стараться предупредить на будущее время всякую смуту, могущую возникнуть на Востокѣ отъ народнаго неудовольствія единственно потому, что Австро-Венгріи, поддерживаемой Германіею, угодно распространяться и подчинять себѣ такія страны, которыя ни по какому праву ей не принадлежатъ. Только Россія можетъ это сдѣлать, возстановивши политическую самостоятельность и полную государственную независимость народовъ и государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, и если сдѣлаетъ, то устранитъ усложненія и расчистить путь для борьбы съ врагомъ общественнаго порядка и спокойствія, который, не находя себѣ тогда поддержки въ иныхъ источникахъ народнаго недовольства, которыхъ уже не будетъ, окажется въ одиночествѣ. Упрощеніе борьбы съ этимъ врагомъ есть первая и настоятельная задача; но она достижима лишь тогда, когда Россія отрѣшится отъ преданій дружбы и союза, подъ которыми еще со временъ Фридриха Великаго и Маріи-Терезіи кроется затаенная враждебность къ Россіи и которыми въ послѣднее время союзники стараются вовлечь Россію въ качествѣ служебной силы въ свои виды и замыслы, направленныя противъ нея же самой.

Майковъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Ноябрь. 1884 года.

Содержаніе: Обзоръ журналовъ.—Беллетристика.—Исторія, политика, біографія и пр.—Естествознаніе, технологія и пр.—Педагогія, книги для дѣтскаго и народнаго чтенія и учебники.—Искусство.—Плоды книгопродавческой спекуляціи.—Литературная хроника.—Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ.—Указатель новыхъ книгъ.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Русскій Вѣстникъ». — «Наблюдатель». — «Вѣстникъ Европы». — «Revue des deux mondes».—«La Nouvelle Revue». — «Revue Internationale». — «Westermanns Monat Hefte». — «Deutsche Rundschau». — «The Contempory Review». — «The Fortnightly Review».—«The Nineteenth Century».

Русскій Вѣстникъ. Въ предисловіи къ библіографическому отдѣлу нашего журнала (октябрская книга) редакція высказала свои основные взгляды на тенденціозность и на воинствующее направленіе, забравшіяся въ русскую беллетристику и упорно держащіяся въ ней болѣе двадцати лѣтъ. Возвращаться къ этому вопросу и дробить общія положенія на частныя при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ боевыхъ машинокъ, преподносимыхъ публикѣ въ видѣ повѣстей и романовъ, мы считаемъ лишнимъ, какъ считаемъ ни на что ненужными и самыя машинки этого сорта. Но разъ взявши на себя обязанность доводить до свѣдѣнія читателей, по возможности, обо всемъ почему-либо замѣтномъ въ области печати, мы тѣмъ самымъ лишили себя права проходить молчаніемъ такія произведенія беллетристики, значеніе которыхъ въ художественномъ отношеніи равно нулю. Боевыя машинки, хорошо ли, дурно ли, цѣлесообразно или нѣтъ состроенныя, занимаютъ не малое мѣсто въ нашей литературѣ и этимъ оказываются замѣтными. Задавшись нашею вышеопредѣленною цѣлью и поставивши себѣ за правило не входить здѣсь ни въ какія «направленскія» пререканія, мы будемъ лишь констатировать факты и оцѣнивать литературныя произведенія по ихъ литературному значенію, касаясь ихъ тенденціозности лишь въ той мѣрѣ, въ какой она неразрывно связана съ вопросомъ о художественности и правдѣ, опять-таки художественной и объективной, а не той мелкотравчато-обличительной, прототипическимъ выразителемъ которой былъ

Петръ Ивановичъ Бобчинскій, когда при всѣхъ заявлялъ Петру Ивановичу Добчинскому, что «у него зубъ со свистомъ». Это была тоже правда; г. Бобчинскій былъ искрененъ, глубоко убѣжденъ и честно, даже не безъ нѣкотораго мужества, обличилъ г. Добчинскаго. А мы хохочемъ надъ г. Бобчинскимъ съ его правдою. Не чувствуя склонности потѣшаться надъ тѣмъ, что, какъ литературное явленіе, скорѣе грустно, чѣмъ смѣшно, мы рѣшились, гдѣ только можно, не трогать всего того, что напоминаетъ обличительный пріемъ Бобчинскаго, въ какую бы сторону таковой ни былъ направленъ и какими бы благими намѣреніями ни руководились прибѣгающіе къ подобнымъ пріемамъ. Все это мы нашли нужнымъ высказать читателямъ на тотъ конецъ, чтобы разъ навсегда выяснить причины, по которымъ мы будемъ оставлять безъ вниманія иныя частности, боеваго характера, въ беллетристическихъ произведеніяхъ; а затѣмъ приступаемъ къ дѣлу.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* нынѣшняго года помѣщено три крупныхъ (размѣрами) беллетристическихъ вещи: *Блудный братъ*, повѣсть К. Орловскаго (янв.-іюнь), *Дочь Алляръ-Хана* Н. А. Крыжановскаго, неоконченный романъ, и *Бездна* Б. М. Маркевича, романъ безъ начала и безъ конца. Повѣсть г. Орловскаго есть вещь довольно заурядная, написанная гладко, хотя и не безъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, какъ это увидитъ читатель ниже. Фабула ея такова. Въ армейскій гусарскій полкъ, стоящій въ губернскомъ городѣ, переведенъ изъ гвардіи молодой офицеръ Петръ Васильевичъ Бороздинъ. Причина перевода составляетъ тайну, вынуждающую товарищей сторониться отъ вновь прибывшаго офицера. Тайну эту авторъ довольно долго хранитъ и отъ читателей. Насъ же къ подобной сдержанности ничто не обязываетъ и мы секретъ выдадимъ сразу. Молодой человѣкъ въ Петербургѣ прокутился и занялъ денегъ на честномъ словѣ у товарища. Мамаша Бороздина, прескаредная и прескверная старуха, всю душу вложившая въ старшаго сына Всеволода и не любившая Петра, поручила этому послѣднему продать свои акціи. Когда онъ возвращался домой съ деньгами, его встрѣтилъ Миша Перхуровъ, товарищъ, ссудившій его деньгами, и заявилъ, что крайне нуждается въ трехъ тысячахъ, которыя проигралъ на слово. Гвардеецъ вынулъ требуемую сумму изъ денегъ матери и отдалъ свой долгъ Перхурову. Въ этомъ весь секретъ, все преступленіе Пети и вся причина его перевода въ армію. Не касаясь вопроса о преступности, мы считаемъ самый переводъ въ армію не совсѣмъ правдоподобнымъ. Если милая мамаша надѣлала скандалъ, то Бороздина должны были исключить изъ полка; если же она скандала не дѣлала, то онъ могъ перейти въ армію, не таская на себѣ какого-то секрета и подозрѣнія, Богъ знаетъ, въ чемъ. Безъ этой натяжки авторъ легко могъ обойтись, такъ какъ отчужденіе отъ товарищей могло быть объяснено личною несообщительностью Бороздина, съ одной стороны, и недоброжелательствомъ старыхъ офицеровъ, которымъ гвардеецъ садился на шею, съ другой. Изъ тихой, почти аскетической жизни въ полку выводитъ Бороздина тотъ же пріятель Миша Перхуровъ, пріѣхавшій по дѣламъ въ губернію. Онъ знакомитъ гусара съ своимъ родственникомъ, Павликомъ Княжичъ, сыномъ богача губернскаго предводителя, и съ компаніей какихъ-то подозрительныхъ личностей, оказавшихся шулерами. Они стали обыгрывать Павлика, Бороздинъ ихъ уличилъ и стрѣлялся съ однимъ изъ шулеровъ, чтобы избавить того же Павлика отъ дуэли съ проходимцемъ. Шулеръ подстрѣлилъ Бороздина, не до-

жидаясь условной команды секундантовъ. У Павлика есть сестра красавица, Вѣруся, которая увлекается геройствомъ Бороздина, потомъ его прекраснодушіемъ и влюбляется въ спасителя своего брата. Само собою, Бороздинъ влюбляется въ нее, и Вѣруся становится невѣстою Пети, необъявленною лишь потому, что старикъ Княжичъ не даетъ своего согласія. На бѣду пріѣзжаетъ въ городъ министръ и привозитъ съ собою въ качествѣ ближайшаго чиновника Всеволода Бороздина. Молодой чиновникъ въ двадцать четыре часа влюбляется въ Вѣрусю, въ два-три дня влюбляетъ ее въ себя, въ четыре дня не только отбиваетъ невѣсту у брата, но еще и продѣлываетъ это съ его же согласія. Вѣруся вышла замужъ за Всеволода Бороздина и уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, гдѣ они и зажили припѣваючи и далеко не по средствамъ. Всеволодъ запутался, потянулъ денежки изъ кассы банка, въ которомъ былъ директоромъ, потомъ, чтобы скрыть растрату, сдѣлалъ подлогъ, попался и очутился въ тюрьмѣ для подслѣдственныхъ. Какъ только Петя узналъ объ этомъ, такъ сейчасъ же прискакалъ въ Петербургъ и заявилъ слѣдователю, что подлогъ сдѣлалъ онъ самолично, а не его братъ. Его сажаютъ подъ замокъ, а Всеволода отпускаютъ съ миромъ. Между тѣмъ, Вѣруся узнала, что мужъ ея значительную часть денегъ растратилъ на содержанку, побѣжала къ слѣдователю, донесла на мужа и доказала невиновность великодушнаго Пети. Всѣми покинутый Всеволодъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ; Петя уѣзжаетъ на войну и умираетъ геройскою смертью, заслоняя собою раненаго товарища; Вѣруся ухаживаетъ за больнымъ отцомъ, воспитываетъ своего сынка и, въ концѣ-концовъ, выходитъ замужъ за Мишу Перхурова, вмѣстѣ съ которымъ благодѣтельствуетъ крестьянамъ своего околодка. Развязка не совсѣмъ ожиданная и слегка водевильная. Впрочемъ, во всей повѣсти водевильнаго не мало: всѣ дѣйствующія лица являются какъ на сценѣ, въ тотъ именно моментъ, когда это нужно, чтобы слышать послѣднія слова; иныя только затѣмъ и показываются, чтобы подать реплику, или же проходятъ, какъ въ комедіяхъ «гости», ради оповѣщенія публики о случившемся и т. п. Условія сцены вынуждаютъ такіе условные пріемы, ничуть не похожіе на дѣйствительную жизнь; рамка же, отведенная романисту, много шире, и повѣствователь можетъ легко избѣжать бѣлыхъ нитокъ, безъ которыхъ почти нѣтъ средствъ обойтись драматургу. Главный же недостатокъ повѣсти г. Орловскаго въ томъ, что въ выведенныхъ имъ лицахъ нѣтъ ни одной типичной черты. Это все давно знакомыя фигуры, но знакомыя не въ жизни, а изъ книгъ, — это второстепенныя и третьестепенныя лица, собранныя изъ многихъ другихъ повѣстей и повѣстенокъ и переведенныя на первыя роли, оказавшіяся имъ далеко не по силамъ. И «заблудившійся» карьеристъ Всеволодъ, и легкомысленно-добродѣтельная Вѣруся, ея папаша, мужиковатый губернскій тузъ, Разметальскій, биржевой воротила, его избалтавшійся сынокъ, Катя, попадающая изъ горничныхъ въ первоклассныя кокотки,— словомъ, всѣ безъ исключенія лишены всякаго намека на оригинальность. Добродѣтели и готовность жертвовать собою на каждомъ шагу и за всѣхъ такъ велики у Пети Бороздина, что мы уже ожидали подъ конецъ вотъ-вотъ онъ застрѣлится за брата Всеволода... Съ этимъ героемъ произошло нѣчто странное: несмотря на всѣ его прекрасныя качества, несмотря на искреннее сочувствіе къ нему автора, въ читателѣ Петя Бороздинъ не возбуждаетъ симпатіи, всѣ его доблести выходятъ такими плохонькими, безсильными и даже глуповатыми, что... Впро-

чемъ, быть можетъ, въ разсчеты автора и входило именно показать, какъ возвышенныя дѣянія, совершаемыя не сильнымъ умственно и нравственно человѣкомъ, опошляются самою мизерностью совершающаго ихъ лица. Въ такомъ случаѣ это тоже не ново и не оригинально.

Романъ г. Крыжановскаго: *Дочь Алаяръ-Хана* (*разсказъ о трехъ различныхъ воспитаніяхъ*) еще не конченъ; но это не помѣшаетъ намъ дать о немъ отзывъ. Назвать его было бы, кажется, правильнѣе разсказомъ о результатахъ трехъ различныхъ воспитаній, такъ какъ самому воспитанію отведено очень ничтожное мѣсто и разсказъ о немъ ограничивается весьма не многими общими чертами, почти намеками. Но это не важно: не въ заголовкахъ дѣло, а въ сущности. Сущность же вотъ въ чемъ: въ Индіи у одного владѣтельнаго князя была красавица дочь, Анумати. Въ нее влюбились англійскій офицеръ, Гибсонъ, и персіянинъ-купецъ, Алаяръ. Англичанинъ все церемонился, а персъ безъ церемоніи похитилъ красавицу. По прошествіи шести лѣтъ мы встрѣчаемъ Алаяра командующимъ арміей бухарскаго эмира, отстаивающей крѣпость Джузакъ отъ войскъ Бѣлаго Царя. Во время штурма Алаяръ-Ханъ убитъ, его жена, красавица Анумати, смертельно ранена, капитанъ Гибсонъ, находящійся въ русскомъ отрядѣ въ качествѣ туриста, попрежнему, церемонится и исправляетъ должность сидѣлки при умирающей индійской принцессѣ, все еще имъ страстно любимой. Анумати умираетъ, поручая свою дочь, Наталику, попеченію мистера Гибсона. Анумати похоронили, сиротку окрестили подъ именемъ Натальи Алаяровой и отдали подъ опеку крестному отцу, полковому доктору Рыбину. Отъ отца ей осталось состояніе въ 450 тысячъ рублей. Опекунъ завѣдуетъ только денежными дѣлами своей крестницы. Какъ завѣдуетъ, мы не знаемъ, такъ какъ авторъ объ этомъ умалчиваетъ, но, должно быть, хорошо. Мистеръ Гибсонъ завѣдуетъ воспитаніемъ пріемной дочери. Какъ онъ ее воспитываетъ, авторъ не говоритъ; должно быть, тоже очень хорошо, по крайней мѣрѣ, автору нравится, какъ ее воспитали—по-англійски. А родную дочь доктора Рыбина, Елену, воспитывала ея мать, какъ,—объ этомъ говорится вскользь,—только воспитала прескверно, такъ какъ сама была женщина довольно дрянная; супругъ же ея, д-ръ Рыбинъ,—хотя и хорошій человѣкъ, хотя и имѣлъ время заниматься дѣлами дѣвочки, подобранной въ развалинахъ глиняной крѣпости бухарцевъ,—къ воспитанію своей дочери отнесся съ небреженіемъ, дѣлающимъ ему мало чести. Наташа Алаярова красавица писанная, Елена Рыбина хорошенькая, третья дѣвица, графиня Александра Петровна Трояновская—«маленькая, тщедушная, узенькая въ плечахъ и плоская со всѣхъ сторонъ, какъ доска. имѣла видъ болѣзненнаго, слабаго недоноска» и въ романѣ представляетъ собою обращикъ третьяго воспитанія, столь же мало выясненнаго, какъ и первыя два. Авторъ сообщаетъ намъ доподлинно только то, что мать графини Александры была полуумная, отецъ—шутъ гороховый, тетка-воспитательница—какая-то ханжествующая піетистка; родной дядя, занимающій высокій постъ статсъ-секретаря, возбуждаетъ недоумѣніе, какими судьбами такого оболтуса да на такое мѣсто поставили. Всѣ три дѣвицы перешли девятнадцатилѣтній возрастъ. Въ красавицу Алаярову влюбленъ ея названный отецъ, мистеръ Гибсонъ; въ хорошенькую Рыбину влюбленъ статсъ-секретарь, графъ Трояновскій, и энергичный, сильный молодецъ Лобовъ, къ прискорбію нашему, попавшій въ шайку террористовъ и увлекшій за собою Елену Рыбину не любовью, а... не

извѣстно чѣмъ и какъ,—авторъ самъ не знаетъ; въ «слабаго недоноска», графиню Трояновскую, никто не влюбленъ. За то она влюблена въ офицера; Елена безъ ума влюблена въ мистера Гибсона, Наташа Алаярова влюблена въ него же, только не безъ ума. Графиня Александра Петровна отъ любви только вздыхаетъ и, кажется, вздрагиваетъ или жмурится,—хорошо не упомнимъ; на нее, бѣдняжку, никто, даже читатель, никакого вниманія не обращаетъ. Дочь Алаяръ-Хана и мистеръ Гибсонъ церемонятся; даже сами себѣ боятся признаться въ своихъ чувствахъ. Дѣвица Рыбина ни съ кѣмъ не церемонится. Нигилистъ и соціалистъ Лобовъ съ нею не церемонится, — на то они и нигилисты, — и предлагаетъ ей сердце и руку (нигилистъ-то?), предлагаетъ уѣхать въ Америку, жениться и наплевать на соціализмъ, нигилизмъ и все прочее. Но Елена подъ ладъ не дается, хочетъ во что бы то ни стало завоевать сердце и руку церемоннаго англичанина и для этого продѣлываетъ разныя хитрости, дѣлающія честь, если не ея воспитанію, то природной ловкости и силѣ чувства девятнадцатилѣтней дѣвушки, готовой лучше погибнуть, чѣмъ отказаться отъ своей любви. Въ силѣ ея и въ умѣ мы сомнѣваться не имѣемъ права; она ихъ доказываетъ цѣлымъ рядомъ поступковъ весьма не заурядныхъ: дурачитъ статсъ-секретаря и министра Трояновскаго до положенія *полишинеля*, выкрадываетъ документы государственной важности изъ секретнаго портфеля, забытаго этимъ вертопрахомъ на ея пяльцахъ подъ мотками шерсти, распоряжается черезъ того же легкомысленнаго администратора назначеніемъ военныхъ агентовъ нашего правительства при иностранныхъ дворахъ и т. п. Ея союзникъ, Лобовъ, ей какъ разъ подъ пару; онъ тоже не менѣе ловко и нагло выкрадываетъ изъ кабинета мистера Гибсона планъ Зимняго дворца, довѣренный чести англичанина. Мистеръ Гибсонъ, какъ человѣкъ положительный, сейчасъ же заявляетъ кому слѣдуетъ о кражѣ плана. Но потомъ, когда нигилисты возвратили ему планъ при благодарственной запискѣ, англичанинъ опростоволосился и этого любопытнаго документа не сообщилъ тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, которымъ эти дѣла вѣдать надлежитъ; а эти послѣднія не нашли нужнымъ справиться о томъ, какъ возвращенъ планъ дворца. Напротивъ, еще болѣе опрометчиво они заподозрили г. Гибсона въ сообществѣ съ злоумышленниками.

Авторомъ въ заголовкѣ выставленъ на первый планъ вопросъ о воспитаніи,—вопросъ несомнѣнно капитальной важности; на немъ мы, прежде всего, и остановимся. Въ итогахъ, которые можно подвести къ роману уже теперь, не ожидая его окончанія, оказывается, что по-англійски воспитанная дѣвица Алаярова прекрасно образована, благовоспитанна, добродѣтельна и чопорна. Она убѣжденный консерваторъ, почерпающій значительную долю мудрости изъ старыхъ и очень почтенныхъ афоризмовъ. Вотъ образецъ: на званомъ обѣдѣ всѣ ѣдятъ скоромное, одной дѣвицѣ Алаяровой подаютъ стерляжью уху. На чей-то вопросъ о причинѣ такого исключенія она съ достойною простотою объясняетъ, что теперь успенскій постъ и она, какъ православная, хотя и воспитанная англичанами, считаетъ долгомъ исполнять уставы церкви. Православные собесѣдники начали говорить противъ постовъ; тутъ-то ихъ и осадила воспитанница консервативной Англіи. «Вообразите себѣ на минуту,—сказала она,—что вдругъ всѣ согласились бы исполнять только тѣ законы и тѣ наставленія, которые каждому нравятся, и не исполнять тѣхъ, которые не нравятся. Представьте же себѣ какой произошелъ бы отъ того хаосъ, не только въ головѣ

каждаго, но и во всемъ обществѣ, во всѣхъ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. По мнѣ: критикуйте законъ, перемѣните его, если онъ не хорошъ, но пока онъ держится, уважайте его».—«Вотъ именно этого-то у насъ и не умѣютъ, подумалъ графъ, — вотъ отъ этого и происходитъ весь хаосъ...» Святая это истина, да только не вся, а лишь малая ея частица. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о практическомъ исполненіи даннаго дѣвицею Алаяровою наставленія, какъ поступать съ ненравящимися законами, мы обратимъ вниманіе на то, чего не досмотрѣли застольные оппоненты благовоспитанной барышни, а именно: по уставамъ церкви, въ успенскій постъ рыбная пища воспрещена. Слѣдовательно, авторъ ввелъ свою героиню стерляжьею ухою въ большой просакъ, и гости потому только не обратили ея умнаго разсужденія противъ нея самой, что съ подлиннымъ-то уставомъ церковнымъ они такъ же мало знакомы, какъ и леди Алаярова, и самъ Н. А. Крыжановскій. Въ этой-то нетвердости знаній законовъ и лежитъ, быть можетъ, одна изъ причинъ легкомысленнаго отношенія къ обязанности уважать существующіе законы. Конечно, указанный нами промахъ автора нисколько не умаляетъ достоинствъ англійскаго воспитанія, о которомъ, между прочимъ, самъ же авторъ отзывается очень неодобрительно. Въ мартовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* онъ говоритъ (стр. 202): «Воспитываясь въ Англіи, среди нѣсколькихъ чопорныхъ, ножилыхъ леди, молодая дѣвушка приняла отъ нихъ нѣсколько пуританскій образъ мыслей, непреклонную строгость къ самой себѣ, къ своимъ поступкамъ, словамъ и мыслямъ, педантическое соблюденіе церковныхъ обрядовъ и постановленій, щепетильное повиновеніе до мелочей кодексу приличій и условій, связывающихъ въ Англіи членовъ одного и того же общества, и безграничное уваженіе къ дѣйствующимъ законамъ, къ преданіямъ старины и къ обычаямъ, вкорененнымъ многими поколѣніями предковъ. Но, къ счастью, Наташи, всѣ эти правила старыхъ леди пали сѣменемъ не на холодную почву англичанки, а на огненную натуру индіянки, а потому, не произведя ничего крайняго, достигли блаженной середины». Эффектъ выходитъ довольно неожиданный: оказывается, что англійское воспитаніе можетъ дать *блаженные* результаты лишь при такой счастливой, но крайне рѣдкой случайности, какъ взятая авторомъ, т.-е. когда въ руки англійскихъ воспитательницъ попадетъ *огненная натура* какой-нибудь южанки; во всѣхъ же иныхъ случаяхъ результаты должны получиться менѣе блаженные, а, слѣдовательно, при нѣкоторыхъ комбинаціяхъ и плохіе. И такъ, для холодныхъ англичанокъ англійское воспитаніе никуда не годится, а для индіянокъ, египтянокъ, дочерей пустынной, каменистой Аравіи лучше и желать нельзя. Но такъ какъ вопросъ о наилучшей системѣ воспитанія дѣвицъ бедуинскихъ племенъ и уроженокъ восточныхъ владѣній ея британскаго величества интересуетъ насъ довольно косвенно, то мы и ставимъ вопросъ, сердцу нашему болѣе близкій: пригодно ли оно для нашихъ дочерей и сестеръ, для дѣвушекъ русскихъ, огненными натурами по большей части не одаренныхъ? Если вѣрить г. Крыжановскому, то англійское воспитаніе для нихъ не удобно, результаты даетъ плохіе. Стало быть, объ этомъ и толковать не стоило,—напрасно хлопоталъ г. Крыжановскій; эта часть его выводовъ можетъ быть любопытна и поучительна для богатыхъ индѣйцевъ, для насъ же она никакого практическаго значенія не имѣетъ, а съ точки зрѣнія теоретической представляется недоказанною.

Переходя къ русскому воспитанію, авторъ противупоставляетъ домашнему воспитанію Наташи Аланяровой, получавшей тридцать тысячъ рублей годоваго дохода, воспитаніе Елены Рыбиной, брошенной отцомъ на попеченіе матери, «которая сошлась съ красивымъ польскимъ паномъ, поскользнулась и полетѣла кувыркомъ...» Очевидно, что г. Крыжановскимъ взяты для сравненія величины несоизмѣримыя: съ одной стороны, домашнее воспитаніе англійской аристократки, съ другой—бѣдной дѣвочки, видящей дома самый развращающій примѣръ, бѣгающей въ плохую школу, гдѣ она получаетъ убѣжденіе, что примѣръ этотъ не составляетъ исключенія и что бываетъ еще хуже. Результатъ отъ такихъ не похожихъ другъ на друга воспитаній получается нисколько не неожиданный: при условіяхъ благопріятныхъ воспитаніе даетъ хорошіе плоды, при условіяхъ плохихъ—очень дрянные. Нельзя сказать, чтобы эти весьма правильныя мысли блистали особенною новизною. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ авторъ о женскихъ гимназіяхъ: «Каждый день пріѣзжаютъ и прибѣгаютъ въ гимназію дочери губернатора, купца, офицера, духовнаго лица, пьянаго отставнаго чиновника, крестьянина, провинціальной актрисы, горничной, мѣщанина, прачки, даже цѣловальника изъ кабака; всѣ приносятъ съ собою крошечныя, но ясныя и правдивыя фотографіи своихъ семействъ и, передавая ихъ другъ другу въ общую складчину дѣтскихъ впечатлѣній, составляютъ себѣ изъ наиболѣе ярко выдающихся и чаще другихъ повторяемыхъ чертъ этихъ фотографій картину ожидающей ихъ жизни, ихъ обязанностей и отвѣтственности». Получающееся оттого зло, по мнѣнію г. Крыжановскаго, можетъ быть исправлено хорошими начальницами, воспитательницами и учителями (мартъ, стр. 207). Ну, и слава Богу, сказали бы мы, если бы все дѣло только въ томъ состояло, чтобы подыскать хорошій персоналъ классныхъ дамъ и учителей. Къ сожалѣнію, мы сказать этого не можемъ, ибо оптимизма автора не раздѣляемъ и въ гимназіяхъ видимъ лишь общественное училище, какъ необходимое дополненіе къ домашнему воспитанію. Центръ тяжести остается, все-таки, въ семьѣ; какую идеальную школу ни устраивай, ею одною ровно ничего подѣлать нельзя, если отцы знать не хотятъ дѣтей, если матери летятъ «кувыркомъ», если дома дѣти видятъ мерзости, въ обществѣ мерзости, кругомъ цѣлое море мерзости... Не въ томъ бѣда, что въ школѣ сходятся дѣти разныхъ слоевъ общества и «*даже* цѣловальниковъ», прачекъ и пр., что, повидимому, такъ ужасаетъ г. Крыжановскаго, а бѣда въ томъ, что нравы *даже* цѣловальниковъ и прачекъ чище, чѣмъ нравы выведенныхъ авторомъ представителей высшаго общества. Хорошъ въ самомъ дѣлѣ этотъ высшій сановникъ, теряющій голову и государственной важности бумаги при видѣ голаго локтя пріятельницы своей родной племянницы! А, вѣдь, онъ-то воспитывался не въ губернской женской гимназіи и, надо думать, не въ обществѣ дѣтей горничныхъ и прачекъ. Если статсъ-секретарь ни за что считаетъ соблазнить честную дѣвушку, дочь заслуженнаго ученаго, если онъ позволяетъ себѣ купить ее цѣною своихъ служебныхъ дѣйствій, т.-е. измѣною долгу чести, то чего же ждать отъ «пьяницы чиновника, отъ мѣщанина и цѣловальника изъ кабака»? Та же Елена Рыбина сама на шею вѣшается англичанину, и ни одинъ дурной помыселъ не шевельнулся въ головѣ британскаго джентельмена; объясненіе въ любви дѣвушки «удивило и растрогало мистера Гибсона; онъ глубоко вздохнулъ, протянулъ руку Еленѣ» и сказалъ то, что въ подобныхъ

случаяхъ говорится порядочными людьми, умѣющими уважать себя и женщину. А тамъ, гдѣ никто и ничего не уважаетъ, нечего ломать голову надъ розыскомъ источниковъ нигилизма; они у всѣхъ на виду и ключемъ бьютъ изъ этого неуваженія къ себѣ самимъ.

Романъ не конченъ, но это и не важно. Чѣмъ бы онъ ни кончился, для вопроса о воспитаніи, намѣченнаго авторомъ, это безразлично. Этотъ капитальный вопросъ, какъ видитъ читатель, поставленъ авторомъ въ ошибочной формѣ и разработанъ на ложныхъ основаніяхъ Г. Крыжановскому это дѣло оказалось не по силамъ.

Романъ *Бездна*, какъ мы уже сказали, безъ начала въ нынѣшнемъ году; въ примѣчаніи сказано: см. №№ 1 и т. д. 1883 года. По справкѣ оказалось, что это продолженіе другаго романа того же автора, подъ заглавіемъ *Переломъ*, а *Переломъ* есть продолженіе третьяго романа: *Четвертъ вѣка назадъ*. Самая *Бездна* еще не кончена и пока неизвѣстно, будетъ ли окончена въ нынѣшнемъ столѣтіи, или перейдетъ въ XX вѣкъ подъ какимъ-нибудь четвертымъ, а, быть можетъ, и пятымъ заглавіемъ.

Путевой журналъ г. В. Крестовскаго: *Въ гостяхъ у эмира бухарскаго* (февр. - сент.) написанъ очень живо. Въ бойкомъ разсказѣ авторъ знакомитъ насъ со всѣмъ, что онъ видѣлъ и подмѣтилъ въ интересной и мало извѣстной странѣ. Путевой журналъ г. Крестовскаго не только занимательное, но и полезное чтеніе, необходимое всякому, кого судьба направитъ въ описанныя имъ страны.

Еще бо́льшій интересъ, только обусловливаемый иными мотивами, возбуждаетъ въ читателѣ описаніе житья-бытья поповской семьи въ недалекой Коломнѣ полвѣка назадъ, которое даетъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ въ своихъ воспоминаніяхъ *Изъ прожитаго* (май - сент.), пока еще не оконченныхъ. Въ послѣдней, сентябрской, книжкѣ *Русск. Вѣстн.* разсказъ доведенъ до поступленія автора воспоминаній въ московскую семинарію. Впрочемъ, о самой семинаріи г. Гиляровъ-Платоновъ говоритъ уже въ этой книгѣ со словъ своихъ старшихъ братьевъ, изъ коихъ одинъ, Александръ, былъ священникомъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а другой, Сергѣй, — гдѣ-то въ селѣ. Во время ученичества старшихъ Гиляровыхъ, семинарія помѣщалась на Перервѣ, подъ Москвою, и лишь въ сороковыхъ годахъ была переведена въ Виѳанію. «Содержаніе семинаристовъ на Перервѣ было голодное,—говоритъ авторъ.—Голодному брюху воспитанники помогали разбоями, особенно въ осеннее время. Цѣлыми гурьбами они нападали на огороды, которыми окружена Перерва, и опустошали ихъ... Если попадали на сторожу, завязывалась драка, принимавшая иногда серьезный оборотъ: выбѣгала вся деревня и завязывался правильный бой для отраженія фуражировъ. Отношенія были эпическія. Подвиги фуражировъ и бойцовъ при набѣгахъ слагались чуть не въ поэму. Братъ Александръ былъ изъ числа удалыхъ. Сохранилась память объ уводѣ крестьянскихъ гусей, доставившемъ ему въ семинаріи славу. Но характеренъ разсказъ брата Сергѣя о своемъ пріѣздѣ на Перерву по переводѣ изъ училища. Явился онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ. «Только что мы подошли къ Перервѣ,—передавалъ онъ,—только что увидалъ кто-то брата, какъ разнесся крикъ, который потомъ началъ переливаться и собирать толпу: «Гиляровъ, Гиляровъ пріѣхалъ!» Толпа насъ окружила. брата увлекли, увели ли, унесли ли, не знаю. Я остался одинъ и только къ ночи узрѣлъ возлюбленнаго братца, котораго вели мертвецки пьянаго и затѣмъ

заботливо укладывали на постель». Отъ этихъ повѣствованій по истинѣ эпосомъ вѣетъ, точно не про перервинскую семинарію читаешь, а про какую-то Сѣчь Запорожскую. «Винить ли семинаристовъ за разбойничьи набѣги?—продолжаетъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. — Удержусь, и не по тому основанію, излюбленному нынѣшними адвокатами, что на разбой наталкивалъ голодъ. Нѣтъ, а разбой во всемъ бурсацкомъ мірѣ отъ вѣка не считался ни преступнымъ, ни постыднымъ дѣломъ, причисляясь, напротивъ, къ подвигамъ. Такъ было не на одной Перервѣ; такъ было, по преданіямъ, въ Коломнѣ, такъ велось и въ кіевской академической бурсѣ... Виѳанская семинарія уже въ сороковыхъ годахъ въ этомъ тоже не отставала». И начальство смотрѣло на такіе подвиги будущихъ пастырей церкви совсѣмъ снисходительно, вѣрнѣе же никакъ не смотрѣло, въ случаѣ жалобъ «взыскивало за буйство, за драки съ крестьянами, и это ставилось на видъ, а не кражи. Любопытная черта!»—заканчиваетъ авторъ. Дѣйствительно очень любопытная и не одна эта, а множество и другихъ, передаваемыхъ въ воспоминаніяхъ *Изъ прожитаго*. Не менѣе любопытно и то обстоятельство, что въ самомъ тонѣ, съ которымъ все это передается авторомъ, слышится не одна только правдивость, но звучитъ и иная нотка, отзывающаяся какъ бы гордостью за удаль брата Александра и за его положеніе въ бурсацкомъ мірѣ. Да не подумаетъ кто-либо, что мы говоримъ это въ укоръ или въ осужденіе. Отнюдь нѣтъ; отъ всего этого русскимъ духомъ вѣетъ. Александръ Петровичъ Гиляровъ, угоняющій въ 17 лѣтъ стадо гусей, въ 20 встрѣченный привѣтственными криками сотни товарищей, какъ любимый удалецъ и гордость бурсы, мертвецки напивающійся по случаю радостнаго свиданія съ удалою братіею, и тотъ же Александръ, страстно молящійся въ пустой церкви Новодѣвичьяго монастыря,—вѣдь, это плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. Или сцена отца Александра Гилярова съ пріѣхавшимъ къ нему больнымъ братомъ Сергѣемъ, развѣ это не продолженіе того же эпоса?... «Подали на ужинъ кислую капусту съ квасомъ и рыбой. Александръ Петровичъ говоритъ брату: «Садись, ѣшь.»—«Боже мой! Да я не могу,—стонетъ жалобно Сергѣй.—И ты не вѣришь? Я вотъ уже три недѣли, кромѣ чая, едва, едва перепущу крошку бѣлаго хлѣба, да и то съ трудомъ. У меня нѣтъ ли еще сращенія желудка. (У Сергѣя Гилярова была просто отчаянная мнительность).—«Ѣшь, говорятъ тебѣ! Да ну! А то я вышвырну вонъ на морозъ. Умирать, такъ все равно тебѣ, околѣвай на снѣгу».—«Боже мой, Боже мой»,—стонетъ больной.—«Да вы принудьте себя, хоть одну ложку»,—участливо уговариваетъ невѣстка.—«Господи, да, вѣдь, это и здоровому вредно: капуста, квасъ, это...» Больной хочетъ пуститься въ медицинскія объясненія. Старшій братъ останавливаетъ: «Аксинья,—кричитъ онъ кухаркѣ,—бери ухватъ! Если ты еще слово скажешь и не будешь ѣсть, я тебя выгоню!» Съ видомъ человѣка, который видитъ, что смерть его наступаетъ гораздо скорѣе ожиданнаго и, притомъ, отъ другой причины, больной беретъ съ отчаяніемъ ложку и проноситъ въ ротъ. За слѣдующей затѣмъ дружескою бесѣдою онъ незамѣтно для себя покушалъ капусты съ квасомъ. Подали кашу. Это пища тяжелая, больной не можетъ... «Аксинья! Ухватъ!...» Покушали и каши; спать легли. И слава Богу, все на доброе здоровье пошло, больному стало лучше, онъ выздоровѣлъ».

Въ запискахъ Н. П. Гилярова-Платонова замѣчательно и характерно отно-

шеніе автора какъ къ свѣтлымъ, такъ и къ мрачнымъ сторонамъ семинарскаго воспитанія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Безалаберныя и жестокія наказанія, за которыя болѣе всего винили семинарію, нужно приписать, главнымъ образомъ, грубости нравовъ... Но прозрите далѣе этихъ грубыхъ формъ: за ними увидите болѣе справедливости и человѣколюбія, нежели за сдержанными и даже вѣжливыми пріемами свѣтскаго начальника». Въ этихъ немногихъ словахъ намъ слышатся двѣ поучительнѣйшихъ истины: воспитаніе должно стоять въ неразрывной связи съ самою жизнью и нравами, искусственные, дѣланные пріемы воспитанія грѣшатъ противъ человѣколюбія и справедливости. Архаическая простота бурсацкой жизни отошла, конечно, въ область воспоминаній *изъ прожитаго* и возвращаться къ старымъ пріемамъ и формамъ невозможно, но согласовать школу съ общимъ строемъ жизни всегда и безусловно необходимо.

Въ высшей степени возбуждаютъ любопытство слѣдующія строки изъ записокъ г. Гилярова-Платонова: «Исторія моего училищнаго періода, между прочимъ, способна отвѣтить и на вопросъ: почему, если не большинство семинаристовъ, то лучшая его часть бѣжитъ изъ духовнаго званія? Недостаточное обезпеченіе духовенства—причина не главная и даже вовсе не причина... Существеннѣе причина—нравственная неподготовленность къ священнослужительскому званію; а этой нравственной неподготовленности не мало содѣйствуетъ постановка учебнаго курса и способъ его прохожденія». Далѣе разсказывается, какъ въ сороковыхъ годахъ кіевскій митрополитъ задумалъ одѣть семинаристовъ въ подрясники и какой это возбудило ропотъ по всему духовно-учебному міру. «Не удивительно ли?—продолжаетъ авторъ.—Послушники въ монастыряхъ щеголяютъ подрясниками, не находя, чтобъ отличительная одежда ихъ унижала; а добрая половина семинаристовъ почувствовала бы себя загрязненною. Школа, хотя и именуемая духовно-учебною, не умѣла возвысить въ понятіяхъ воспитанниковъ священнослужительское званіе до идеала: идеалы, если успѣвали вырастать въ душѣ, то другіе. Оттого и напоминаніе воспитаннику о священнослужительствѣ, какъ бы неизбѣжномъ для него, кажется ему стѣснительнымъ и мундиръ въ видѣ подрясника непріятнымъ». Пока мы не видимъ еще отвѣта на вышепоставленный авторомъ весьма капитальный вопросъ и можемъ лишь пожелать, чтобы отвѣтъ получился въ ясной и убѣдительной формѣ. Нѣкоторые намеки уже и теперь проскальзываютъ, но именно съ недостаточною убѣдительностью для насъ, по крайней мѣрѣ, и, смѣемъ думать, для большинства читающей публики. Такъ, авторъ говоритъ о слабомъ состояніи преподаванія закона Божія, которое «обусловливалось ригоризмомъ, наступившимъ по закрытіи Библейскаго Общества. Опасеніе протестантства и вольномыслія повело къ обскурантизму. Сколько-нибудь живое изложеніе предметовъ вѣры не допускалось къ выходу въ свѣтъ» и т. д. Но, вѣдь, это было 50—60 лѣтъ тому назадъ, замѣтимъ мы, неужели же и теперь учебники остаются такими же, какими были во дни прохожденія школы авторомъ воспоминаній? Болѣе опредѣленно слѣдующее за тѣмъ мѣсто записокъ: «Книга осуждается не только за то, что она говоритъ, но за то, чего не говоритъ, осуждается за умолчаніе. Таково основаніе гоненія на духовно-нравственныя брошюры: какъ протестантскія, онѣ основаны только на библіи; такъ почему только на библіи? Да уваженіе библіи и евангелія еще не есть протестантство: молчаніе о

церкви и преданіяхъ еще не увлечетъ въ штунду, особенно когда цѣль брошюръ не догматическая, а чисто нравственная. О церкви и преданіяхъ пусть выходятъ книжки сами собою; однѣ другимъ не мѣшаютъ, напротивъ, однѣ другими дополняются. Но книжекъ-то духовно-нравственныхъ нѣтъ, а которыя есть, тѣ сухи, тяжеловѣсны и состоятъ больше изъ общихъ мѣстъ. Въ итогѣ получается обскурантизмъ. А такъ какъ другая волна—свѣтской литературы—течетъ свободнѣе, особенно въ предѣлахъ, не затрогивающихъ политики, то общество и въ частности юношество отдаются на нравственное воспитаніе романамъ и повѣстямъ», въ большинствѣ прескверными, добавимъ мы отъ себя. А народъ что читаетъ за неимѣніемъ живаго духовно-нравственнаго чтенія—подумать страшно...

Мы, однако, такъ увлеклись глубокимъ интересомъ, возбужденнымъ въ насъ статьями Н. П. Гилярова-Платонова, что дали выпискамъ изъ нихъ больше мѣста, чѣмъ даже имѣемъ въ своемъ распоряженіи, а потому съ сожалѣніемъ отлагаемъ бесѣду о нихъ до слѣдующей книжки.

Историческій очеркъ Д. В. Цвѣтаева: *Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода* (іюль-августъ) состоитъ изъ шести повѣствованій о сватовствахъ между царствовавшими въ Россіи домами и иноземными королевскими фамиліями. Авторъ начинаетъ съ брака Маріи Владиміровны, родной племянницы Ивана Грознаго, съ Магнусомъ датскимъ, носившимъ титулъ короля ливонскаго. Изъ прежде бывшихъ брачныхъ союзовъ русскихъ государей съ иноземными упоминается въ предисловіи только о двухъ: о бракѣ польскаго короля Александра съ Еленою, дочерью Ивана III, и о Софіи Палеологъ, какъ о послѣдней иноземной принцессѣ, ставшей супругою русскаго государя. Исторія сватовства королевича Магнуса сначала за старшую дочь несчастнаго князя Владиміра Андреевича Старицкаго, а по ея смерти за младшую, извѣстна настолько, что повтореніе ея ни для кого не интересно. Новымъ для большинства читателей окажется лишь самый обрядъ вѣнчанія иновѣрнаго принца съ русскою княжною. Обрядъ вѣнчанія надъ княжною совершонъ православнымъ священникомъ въ церкви и одновременно съ этимъ пасторъ лютеранскій тотъ же обрядъ совершалъ на церковной паперти надъ королевичемъ, которому по тогдашнимъ понятіямъ не дозволялось присутствовать при богослуженіи въ православномъ храмѣ. Дальнѣйшая судьба Маріи Владиміровны, жены единственнаго въ исторіи короля ливонскаго, тоже извѣстна. Овдовѣвши очень молодою, она поддалась на льстивыя обѣщанія Стефана Баторія и была засажена въ крѣпость, отдалась подъ покровительство царя Бориса Годунова и попала въ монастырь, гдѣ и пострижена подъ именемъ инокини Марѳы. Во время осады Троицкой лавры судьба свела ее тамъ съ дочерью Бориса, Ксеніей, тоже насильно постриженной подъ именемъ Ольги. Года черезъ два обѣ принцессы-монахини очутились въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь ихъ ограбили «до нага и обѣихъ подвергли поруганію» казаки Заруцкаго. Похоронены онѣ обѣ въ Троицкой лаврѣ.

Слѣдующія затѣмъ повѣствованія: сватовство Грознаго за Марію Гостингсъ, Ксенія Годунова и ея женихи, два сватовства Михаила Ѳеодоровича за иноземныхъ принцессъ—не составляютъ не только цѣннаго, но и ровно никакого вклада ни въ науку, ни въ литературу. Послѣдній, VI очеркъ: Дѣло Вольдемара датскаго и Ирины Михайловны отмѣчаетъ одну, хотя не новую, но, все-таки,

любопытную черточку въ пріемахъ московскихъ дипломатовъ. Дабы успокоить датчанъ относительно свободы вѣроисповѣданій иноземцевъ, въ отвѣтной грамотѣ за большою государевою печатью написано: «Мы, великій государь, у тѣхъ (у иновѣрцевъ) въ ихъ вѣрахъ и въ законѣ воли не отнимаемъ, и кирки по ихъ вѣрамъ есть, и моленіе свое совершаютъ по своимъ вѣрамъ и по закону». А за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ въ грамотѣ къ шведскому правительству бояре писали, что «иновѣрныхъ храмовъ у насъ нѣтъ и не бывало». Между тѣмъ, тогда кирка была въ самой Москвѣ и еще въ Нижнемъ, если не ошибаемся; теперь же кирки были разрушены по распоряженію самого правительства. Вслѣдъ за тѣмъ дозволено вдругъ опять строить кирки. Такимъ образомъ, оказывается, что сватовство Вольдемара имѣло важное вліяніе на судьбу московскихъ кирокъ. Ради рѣшенія этого вопроса и, притомъ, рѣшенія одною только догадкою г. Цвѣтаева, не стоило писать такой длинной и скучноватой статьи. Въ безошибочности вышесказаннаго мнѣнія автора мы, все-таки, сомнѣваемся, по ходу самаго сватовства, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, самого жениха-то за караулъ посадили.

Какъ на очень серьезный историко-критическій трудъ, слѣдуетъ указать на статью А. Г. Брикнера: *О чумѣ въ Москвѣ 1771 года* (сент.). Авторъ въ началѣ статьи говоритъ о нѣкоторыхъ неточностяхъ и неполнотѣ монографіи г. Мордовцева: *Чума въ Москвѣ 1771 года*, напечатанной въ журналѣ *Древняя и новая Россія* въ 1875 г. Цѣль статьи—исправленіе погрѣшностей и недостатковъ монографіи г. Мордовцева и дополненіе ея новыми данными, опубликованными послѣ ея появленія или же пропущенными авторомъ монографіи. Статья г. Брикнера не кончена, и мы къ ней возвратимся.

Далеко не имѣетъ того же значенія статья г. Н. Сбоева: *Императоръ Іосифъ II и его восточная политика* (авг.-сент.); но для большинства русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ личностью этого государя, компилятивный трудъ г. Сбоева, все-таки, не лишенъ интереса.

Помѣщенная въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* статья Д. Н. Завалишина: *Декабристы* обращаетъ на себя невольное вниманіе какъ своимъ заглавіемъ, такъ и именемъ автора, одного изъ послѣднихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ событій 1825 года. По содержанію, это статья чисто полемическая и, притомъ, посвященная, главнымъ образомъ, личнымъ счетамъ автора съ лицами, опубликовавшими свои воспоминанія въ журналѣ *Русская Старина* и въ *Морскомъ Сборникѣ*. О декабристахъ собственно говорится въ статьѣ довольно мало, за то о самомъ авторѣ очень много и кое-что о такъ называемомъ «амурскомъ дѣлѣ», или, вѣрнѣе, не о самомъ «дѣлѣ», а объ амурскомъ генералъ-губернаторѣ Н. Н. Муравьевѣ и его отношеніяхъ къ г. Завалишину. Изъ всей статьи явствуетъ несомнѣнно, что «декабристы декабристамъ рознь»: были между ними хорошіе, были и дурные; изъ числа же первыхъ, лучшимъ, по словамъ автора, былъ никто иной, какъ самъ онъ, Дм. Ир. Завалишинъ. Доказательствамъ этого послѣдняго положенія и посвящена вся статья. Огромное же большинство «декабристовъ», по увѣренію г. Завалишина, были люди безалаберные или своекорыстные эгоисты, лже-либералы и того хуже.

В. Ѳ. Чижъ, въ статьѣ *Достоевскій, какъ психопатологъ* (май-іюнь), даетъ нѣчто вродѣ клиническихъ лекцій о душевныхъ болѣзняхъ, которыми

были одержимы дѣйствующія лица, выведенныя Ѳ. М. Достоевскимъ въ его произведеніяхъ. Попытка оригинальная, но едва ли особенно плодотворная для психіатрической науки, какъ-то полагаетъ г. Чижъ. Рѣшать этотъ вопросъ мы не беремся, а предоставляемъ это спеціалистамъ по психіатріи. Не можемъ лишь не отмѣтить утвержденія автора, будто «на тысячу душевно-здоровыхъ приходится четверо душевно-больныхъ». Къ сожалѣнію, г. Чижъ не указалъ, на чемъ основанъ его разсчетъ и какихъ душевно-больныхъ онъ разумѣетъ,—тѣхъ ли, что въ больницахъ держатъ, или такихъ, какіе изображены Достоевскимъ. Въ первомъ случаѣ пропорція кажется намъ непомѣрно большою; вѣдь, это придется до 400,000 на Россійскую имперію; если же начать дѣлать смѣту на основаніи произведеній Достоевскаго, тогда... лучше не считать,—того гляди досчитаешься до себя и попадешь въ клиническую лекцію г. Чижа, если только счетъ не дойдетъ и до него.

Наблюдатель. Переходъ отъ старѣйшаго изъ «въ живѣ сущихъ» крупныхъ журналовъ, *Русскаго Вѣстника*, къ младшему изъ нихъ по времени существованія—къ *Наблюдателю* кажется намъ самимъ нѣсколько рѣзкимъ и непослѣдовательнымъ. Но что же дѣлать, когда вся наша жизнь складывается изъ непослѣдовательностей и изъ переходовъ, вѣрнѣе сказать скачковъ отъ одной крайности къ другой. Не наша въ томъ вина (т.-е. не вина пишущихъ эти строки), если за стовосмидесяти лѣтній періодъ времени,—считая съ того года, когда прорублено «окно» на чухонское болото, съ видомъ черезъ него въ Европу,—русскіе внутри самихъ себя не смогли разобраться въ своей народности подъ осѣвшей на ихъ жизни монгольщинѣ, византійщинѣ, нѣмечинѣ и т. д., если до сихъ поръ они сами не знаютъ, гдѣ въ нихъ кончается русскій и начинается татаринъ и англійскій лордъ, какимъ чудомъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ совмѣщается полудикій ногай, «льстивый» грекъ и нѣмецкій «гелертеръ». Французы говорятъ: les extrémités se touchent; у русскихъ крайности не только соприкасаются, но просто переплетаются, срастаются въ какомъ-то противуестественномъ сочетаніи. Поэтому нѣтъ у насъ ясно опредѣленныхъ партій, *лагерей*, какъ иногда вырыжаются, ради пущей важности. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ, а есть журнальные кружки, дѣйствующіе каждый за себя, за свой личный отвѣтъ, безъ малѣйшей связи съ дѣйствительною жизнью общества, не говоря уже о связи съ народомъ, неимѣющимъ никакого соприкосновенія съ ежемѣсячными журналами. Газеты стоятъ въ этомотношеніи въ нѣсколько иномъ положеніи; о нихъ мы будемъ имѣть случай говорить особо. Тамъ, гдѣ существуютъ партіи и гдѣ органы печати являются выразителями партій,—тамъ само собою складывается извѣстная группировка съ необходимою послѣдовательностью, съ градаціей отъ одной крайности къ другой. А гдѣ, какъ у насъ, нѣтъ никакихъ партій, тамъ мы видимъ только одни кружковыя крайности и самую узкую исключительность.

Эти общіе признаки дѣлаютъ наши журналы однообразными и скучноватыми. Ихъ оживленію мало способствуетъ наиболѣе читаемый отдѣлъ—беллетристическій. Общаго оскудѣнія не избѣжалъ и *Наблюдатель*; и онъ «вынужденъ», за неимѣніемъ маркитантовъ, довольствоваться блинниками, да еще заранѣе возвѣщать публикѣ объ имѣющемъ появиться въ его книжкахъ новомъ романѣ мало извѣстнаго автора. Такъ, во всѣхъ газетахъ было объявлено о романѣ

«Б. Л. Маркова, автора *Курских порубежниковъ*». Кто читалъ этихъ *Порубежниковъ*? Кто ихъ помнитъ? Чѣмъ они замѣчательны?... Лѣтъ восемь тому назадъ, а, можетъ быть, и не восемь, былъ точно напечатанъ такой quasi-историческій романъ, преплохой; на немъ авторъ и прикончилъ было свои литературныя упражненія, и вдругъ опять заявляется, въ предшествіи громкихъ объявленій, съ романомъ *Знакомые люди* (іюль-окт.). Если его *Порубежники* извлечены изъ забытаго хлама затѣмъ, чтобы публика не смѣшала В. Л. Маркова съ его болѣе извѣстнымъ братомъ Евгеніемъ Марковымъ, тогда, конечно, упоминанію о *Порубежникахъ* можно найти нѣкоторое оправданіе. Трудно будетъ оправдать напечатаніе *Знакомыхъ людей*. Это уже не историческая белиберда, представляющая хотя какой-нибудь интересъ, а галиматья современная. Сюжетъ новаго романа... да нѣтъ въ немъ пока никакого сюжета. Судите сами: Варвара Ильинишна Хворостова сидитъ въ деревнѣ и мечтаетъ о томъ, какъ бы хорошо отдать дочку замужъ за богатаго человѣка, напримѣръ, за сосѣда Селифонтьева, спившагося съ круга помѣщика. А дочка Сашенька за этого пьянаго барина идти не хочетъ; ей нравится другой сосѣдъ, Андрей Петровичъ Овраговъ, пятидесятилѣтній, очень бодрый господинъ, тоже зажиточный и надѣленный всѣми добродѣтелями и талантами. Къ самой же Сашенькѣ очень неравнодушенъ учитель ея брата Бориса, Модестъ Гавриловичъ, соединяющій въ себѣ высокія добродѣтели съ обширными познаніями. У Оврагова живетъ его незаконная дочь, Анюта, шестнадцатилѣтняя красавица, къ которой слегка неравнодушенъ восемнадцатилѣтній Борисъ. Вотъ все, что мы узнаемъ изъ четырехъ книжекъ журнала. Въ каждой главѣ являются непремѣнно новыя лица, болѣе или менѣе образа человѣческаго на себѣ не имѣющія. Всѣ они отрекомендовываются читателю, проводятся передъ нимъ, какъ лошади въ конныхъ заводахъ на выводкѣ, а затѣмъ убираются прочь до слѣдующей выводки. Съ іюля по ноябрь романъ не подвинулся ни на полшага; представленная читателю компанія толчется на одномъ мѣстѣ безъ всякаго прока и дѣла. Самыя рекомендаціи производятся очень нехитрымъ, дѣтскимъ способомъ. Всякій воленъ, конечно, писать романъ по своему, не придерживаясь никакихъ правилъ, никакой рутины и оригинальничая по мѣрѣ своихъ силъ. Указывать автору, какъ писать романъ, никто не въ правѣ; но мы крѣпко держимся за охраненіе правилъ относительно того, чего писать не слѣдуетъ, и считаемъ обязанностью всякой редакціи, уважающей себя и своихъ читателей, охранять нѣкоторыя, весьма почтенныя правила. Мало ли до чего могутъ довираться авторы, возмнившіе себя прославившимися какими-нибудь *Порубежниками!* Нельзя же пропечатывать отъ слова до слова и безъ разбора всякія ненужныя гадости, которыя эти господа, по малой опытности своей, считаютъ признаками реализма и натурализма. Чтобы не показаться голословными, мы, скрѣпя сердце, вынуждены привести нѣкоторые примѣры безобразій, допущенныхъ редакціей *Наблюдателя* на своихъ страницахъ. Къ Хворостовымъ пріѣхала въ гости предводительша; хозяйка дома провела ее прямо въ свою комнату. «Элегантная гостья, истощивъ всевозможныя усилія въ борьбѣ за живость своего лица и замѣчательно скоро переколовъ нѣсколько булавокъ тамъ, гдѣ это, по ея соображенію, оказалось нужнымъ, рѣшилась оторвать себя отъ трюмо хозяйки и встала. По ея выраженію, понятно было, что ей предстояло еще выполнить какую-то обязанность.

«— Je vous quitte pour un tout petit moment, ma chère,—обязательно шепнула ей хозяйка съ понятнымъ гостьѣ намекомъ на орѣховыя ширмы, за которыми скромно пряталась ея кровать и прочія удобства дамской спальни». Кажется, понятно; непонятно только, для чего понадобилось автору показывать читателямъ хотя краешекъ того, что обыкновенно скрывается отъ посторонняго глаза за ширмами. Было бы много лучше, если бы авторъ догадался во время *оторвать себя* отъ... туалетныхъ подробностей. Но это цвѣтики, а вотъ и ягодки: крестьянка приноситъ къ Сашенькѣ Хворостовой больнаго ребенка.

«— У него животикъ болитъ,—поспѣшила замѣтить внимательно наблюдавшая за нимъ Сашенька.

«— Что онъ, марается?—спросила она Феклушу.

«— Другой день не марается, барышня. Вотъ она, простынька, чистенькая».

Дала барышня лѣкарство,—мы пропускаемъ натуралистическія подробности, объясняющія, какъ ребятамъ даютъ дѣтскій порошокъ,—и, собираясь уходить, говоритъ:

«— Сиди же, Феклуша, съ ребенкомъ и примѣчай, не будетъ ли у него въ желудочкѣ вѣтровъ».

На что все это понадобилось? Или дальше: мужикъ объясняетъ съ такою же ни на что ненужною точностью, что именно онъ прикладывалъ къ обмороженной щекѣ (августъ, стр. 29). Заведется же такая гадость въ книгахъ, что про себя читать мерзко, а вслухъ и думать нечего. Если этого не понимаютъ какіе-нибудь литературные *порубежники*, то ихъ должны бы обуздывать редакторы.

Положимъ, бѣллетристика вездѣ не важная, но хуже *Знакомыхъ людей* г. Маркова-брата въ нынѣшнемъ году намъ ничего не попадалось. Даже *Крымскія акварели* Д. Н. Стахѣева (май-авг.), какъ ни плохи, по крайней мѣрѣ, не мараются. Это — маленькія, безцвѣтныя сценки, случайно выхваченныя изъ воспоминаній о Крымѣ. Такихъ можетъ написать всякій грамотный человѣкъ сколько угодно, пожалуй, и не выѣзжая изъ Петербурга и озаглавливаяихъ, ради разнообразія, то *Кавказскими олеографіями*, то *Астраханскими цинкографіями*—сойдетъ одинаково: вездѣ жиды и татары одинаково неправильно говорятъ по-русски, и г. Стахѣевъ ничего по этой части новаго не открылъ. Этотъ конекъ изъѣзженъ давно и пора его бросить.

Не особенно новъ разсказъ изъ сибирской жизни г. Г. *Мы побывали*. Это повѣствованіе о томъ, какъ до сибирскихъ уѣздныхъ властей дошла вѣсть о существованіи въ тайгѣ поселка старовѣровъ, неизвѣстнаго администраціи. Въ сибири такіе сюрпризы еще и теперь случаются. Властвовалъ въ поселкѣ, по старинѣ, «міръ», а старикъ Провъ былъ чѣмъ-то вродѣ безсмѣннаго старосты. Обыватели никуда изъ своей тайги не выходили, не знали ни кабака, ни поборовъ, ни даже денегъ или какихъ-либо соблазновъ; довольствовались они тѣмъ, что дастъ земля-кормилица, да домодѣльными произведеніями своей первобытной промышленности, а жили счастливо, богато и припѣваючи благочестивыя канты. Нагрянули пьяные и полупьяные представители администраціи и цивилизаціи. Деревня пуста, ни души, а жители въ тайгу убѣжали. Только восьмидесятилѣтній Провъ замѣшкался. Его запримѣтили и начали травить, какъ звѣря. Не видя возможности скрыться, старикъ бросился въ пропасть и убился до смерти. Прошло три года. На поселкѣ, воспріявшемъ всѣ прелести

цивилизаціи, слышны звуки гармоники; бабы, въ кумачахъ и цвѣтныхъ платкахъ, щелкаютъ орѣшки и лукаво улыбаются... Парни въ красныхъ рубахахъ... На лучшемъ домѣ красуется вывѣска: «распивочно»... Доносятся веселые звуки пѣсни:

За полштофчикъ сладкой водки
Перерѣжу хоть три глотки...

Ясно, что «мы побѣдили» на всѣхъ пунктахъ.

Золотая ночь (изъ разсказовъ о золотѣ) Д. Сибиряка принадлежитъ къ наиболѣе слабымъ произведеніямъ того же автора. Разсказъ о томъ, какъ производится занятіе новыхъ золотыхъ пріисковъ, къ какимъ хитростямъ и подвохамъ прибѣгаютъ золотопромышленники для того, чтобы захватить лучшіе участки, самъ по себѣ интересенъ; но въ данномъ случаѣ повѣствованіе перегружено излишними подробностями и ненужными повтореніями. Оттого разсказъ въ три печатныхъ листа кажется длиннымъ и скучнымъ, хотя мѣстами въ немъ проскальзываютъ мастерскія черточки, именно черточки, а не черты, — авторъ слишкомъ измельчилъ. Искренно желая добра и преуспѣянія автору *разсказовъ о золотѣ*, мы позволимъ себѣ дать ему добрый совѣтъ — не такъ расточительно расходовать въ немъ самомъ залегающее золото и не пускать его въ обращеніе въ видѣ болѣе или менѣе крупныхъ самородковъ. Намъ сдается, что въ его душѣ имѣется драгоцѣнный запасъ, изъ котораго онъ въ силахъ былъ бы создать выдающееся *произведеніе;* но для этого нужно поработать, не увлекаться скороспѣлыми успѣхами, не ковырять свою *жилку* какъ попало... Чтобы стать мастеромъ, необходимо терпѣніе.

По недостатку мѣста, мы ограничимся указаніемъ на беллетристику *Наблюдателя* лишь за вторую половину текущаго года. Но не можемъ того же сдѣлать относительно другихъ статей, и, прежде всего, насъ къ тому вынуждаютъ превосходныя статьи В. О. Михневича: *Картины петербурскихъ нравовъ*, служащія продолженіемъ его не менѣе замѣчательнымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ томъ же журналѣ за прошлый годъ подъ заглавіемъ: *Язвы современнаго Петербурга*. Первый очеркъ съ подзаглавіемъ: *Семейный разбродъ* помѣщенъ въ мартовской книжкѣ. «До сихъ поръ (въ Язвахъ совр. Петерб.) я говорилъ о нарушеніяхъ «общественнаго договора» криминальнаго свойства — о преступленіяхъ; здѣсь мы попробуемъ разобраться въ хаосѣ многообразныхъ нарушеній морали, почти вовсе ускользающихъ отъ блистательнаго ока и законнаго корректива юридической власти»,—такъ опредѣляетъ авторъ задачу своего новаго труда и, надо отдать ему полную справедливость, выполняетъ ее вполнѣ добросовѣстно и мастерски.—«Быть можетъ, ничто другое, какъ именно состояніе семьи, не представляетъ болѣе вѣрнаго, болѣе наглядnаго масштаба для измѣренія нравственнаго здоровья, а также, конечно, и нравственной болѣзненности данной среды, даннаго общества». Отъ этой-то совершенно правильно поставленной исходной точки и начинаетъ г. Михневичъ свой «тяжелый и печальный» трудъ, — свои скорбные листы «общественной нравственности, болѣющей нынѣ столькими глубокими, острыми и хроническими недугами».

Причины недуга, какъ и всегда бываетъ, распадаются на двѣ категоріи, на общія и частныя. Вотъ какъ опредѣляетъ авторъ первыя: «старыя скрѣпы семьи, державшіяся, главнымъ образомъ, на крутомъ подчиненіи женщинъ, у

насъ подорваны и расшатаны не только въ интеллигентномъ обществѣ, но и въ крестьянской средѣ—въ деревнѣ. Женская «эмансипація» у насъ — вовсе не выдумка «либераловъ», а несомнѣнный реальный запросъ жизни. Потребность въ бо́льшей свободѣ чувствуется барыней и деревенской бабой, не подозрѣвающей о существованіи «женскаго вопроса». Потребность эта, не находя нормальнаго исхода, а, напротивъ, встрѣчая грубое противодѣйствіе, ищетъ себѣ удовлетворенія въ произвольныхъ и часто порочныхъ нарушеніяхъ семейнаго начала и его святости. Неудовлетворенная потребность создаетъ протестъ, выражающійся въ такихъ случаяхъ дико, разнузданно и уродливо». Это, конечно, не единственная причина общаго характера, но, несомнѣнно, одна изъ существенныхъ. Переходя къ частнымъ, авторъ раскрываетъ по истинѣ ужасающее положеніе семьи въ Петербургѣ. Изъ цифръ, приводимыхъ авторомъ, оказывается, что «брачныхъ паръ, живущихъ вмѣстѣ, въ Петербургѣ всего на всего 68,000», а общая цифра взрослыхъ обоего пола безбрачныхъ простирается до 400,000. Другими словами: изъ пяти взрослыхъ человѣкъ обоего пола почти *четыре* холостыхъ, причемъ на 100 чел. муж. приходится около 77 жен. пола. «Самый простой ариѳметическій разсчетъ приводитъ насъ къ открытію, чрезвычайно скандалезному для репутаціи столичнаго прекраснаго пола»; выходитъ, что четвертая часть мужчинъ «чужеядно пользуется благосклонностью извѣстнаго числа женщинъ совмѣстно съ ихъ легальными обладателями». На самомъ же дѣлѣ такой разсчетъ далеко ниже дѣйствительности. Число незаконныхъ рожденій доходитъ въ Петербургѣ до 25 на 100. Неравенство браковъ, по возрасту, ставши, въ силу экономическихъ и соціальныхъ условій, преобладающимъ, играетъ тоже весьма важную роль въ дѣлѣ общественной нравственности, или, вѣрнѣе, безнравственности, на что рѣзко и правдиво указываетъ г. Михневичъ. Слѣдующій очеркъ, съ подзаглавіемъ (*семейныя драмы* (іюнь), посвященъ въ частности изображенію супружескихъ отношеній, созданныхъ современными условіями брака въ Петербургѣ. Съ нѣкоторыми ограниченіями то же самое можетъ, кажется, быть сказано и о другихъ крупныхъ городахъ Россіи. «Формальные разводы между супругами у насъ чрезвычайно рѣдки; — говоритъ авторъ,—во-первыхъ, потому, что они очень хлопотливы, затруднительны и дорого стоятъ, а, во-вторыхъ, потому, что, при нынѣшней покладистости нравовъ, бредущіе врозь супруги вовсе не нуждаются въ санкціонированіи своего развода». Далѣе г. Михневичъ указываетъ на всестороннюю безнравственность формальныхъ разводовъ, основанныхъ на лжесвидѣтельствахъ, на подкупахъ, на *покупкѣ* женъ у ихъ законныхъ мужей. Обыкновенно же не поладившіе супруги просто *разъѣзжаются* и живутъ на всей вольной волюшкѣ, доходящей до того, что въ Петербургѣ 10% общаго числа проститутокъ состоитъ изъ *разъѣхавшихся* съ мужьями женщинъ. А сколько таковыхъ остается внѣ «контроля блюстителей полиціи нравовъ,— никто не считалъ, да и сосчитать было бы мудрено». Формальные разводы, слишкомъ скандалезные и обходящіеся очень дорого, большинству не по карману, замѣняются выдачею мужьями женамъ отдѣльныхъ видовъ на жительство, либо по обоюдному соглашенію, либо по суду, а то по распоряженію административной власти. Въ сущности, это тотъ же разводъ, только безъ права вступать въ новый *законный* бракъ. «Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ, — сама предержащая власть, въ лицѣ суда и администраціи, разрѣшая

на практикѣ эту форму разлученія супруговъ, явно высказывается противъ исключительности и устарѣлости дѣйствующаго на этотъ предметъ закона, не допускающаго свободнаго развода». Ясно само собою, какой образъ жизни предстоитъ разлученнымъ супругамъ, не имѣющимъ права на заключеніе честнаго брака. Передавая факты расправы мужей съ погрѣшившими женами, г. Михневичъ отмѣчаетъ то характерное обстоятельство, что расправа всею своею тяжестью обрушивается на одну женщину, «а участникъ ея грѣха и соблазнитель не только пользуется полной безнаказанностью, но еще пріобрѣтаетъ престижъ истиннаго кавалера и молодца».

Трагическою мрачностью вѣетъ отъ третьяго очерка—*Родители и дѣти* (августъ). «Семейный разбродъ между супругами отражается неблагопріятно на положеніи дѣтей, на ихъ нравственности и, вообще, на воспитаніи. Развратная жена не можетъ быть доброй матерью и мужъ-негодяй, навѣрное, и дурной отецъ. Наконецъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они, сами по себѣ, люди порядочные, но бракъ ихъ неудаченъ и разрѣшается раздоромъ,—положеніе дѣтей, все-таки, незавидное и ихъ не можетъ не демерализовать происходящая между родителями распря». Эти вполнѣ вѣрныя мысли авторъ иллюстрируетъ множествомъ потрясающихъ душу примѣровъ, взятыхъ изъ нашихъ уголовныхъ хроникъ, въ которыхъ дѣти играютъ слишкомъ часто и слишкомъ разнородныя роли. «*Дѣтскій вопросъ* у насъ обострился до крайности,—говоритъ авторъ,—вопіетъ о себѣ на каждомъ шагу и стоитъ открытымъ, безъ надежды на скорое, сколько-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе». Филантропія дѣлаетъ, что можетъ; къ несчастью, она безсильна помочь злой «судьбѣ цѣлыхъ десятковъ тысячъ малолѣтковъ, томящихся въ затхлыхъ подвалахъ и на чердакахъ ремесленныхъ заведеній... злосчастныхъ дѣтей, уже по одной внѣшности имѣющихъ видъ какихъ-то маленькихъ каторжниковъ, какихъ-то отверженцевъ». Грязь физическая, мерзость нравственная заѣдаютъ и губятъ несчетное количество деревенскихъ дѣтей, отдаваемыхъ *въ науку* къ торгашамъ и мастеровымъ. Но это ли только? Въ однихъ ли подвалахъ гибнутъ молодыя силы? Нѣтъ, «современныя дѣти интеллигентной среды, въ особенности столичныя дѣти, какъ-то ужасно шибко живутъ,—развиваются скороспѣло, быстро, безъ разбора вкушаютъ всѣ плоды отъ «древа познанія добра и зла», въ особенности же зла, нравственно растлѣваются въ окружающей ихъ порочной, распутной городской средѣ». Въ результатѣ,—страшно сказать,—самоубійства дѣтей! Въ концѣ статьи авторъ высказываетъ удивленіе, какъ при такой обстановкѣ, при такомъ положеніи семьи и общественной нравственности «большинство юношества успѣваетъ, несмотря ни на что, сберечь свою свѣжесть, ясность духа и свои бодрыя силы для блага родины».

Очень крупный интересъ представляютъ статьи: *Послѣднія десять лѣтъ жизни барона Брамбеуса (Осипа Ивановича Сенковскаго)*. 1848—1858 гг. Письма къ редактору *Наблюдателя* А. В. Старчевскаго (іюль—октябрь). Въ своемъ первомъ, такъ сказать, вступительномъ письмѣ авторъ воспоминаній объ О. И. Сенковскомъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Такъ какъ личность барона Брамбеуса до сихъ поръ не оцѣнена по заслугамъ даже его друзьями, а все, что было писано о немъ какъ при его жизни, такъ и послѣ его смерти, принадлежитъ перу лицъ, не сочувствовавшихъ ему и

вовсе не знавшихъ его лично, поэтому я считаю долгомъ посвятить мои воспоминанія окончательному выясненію этой личности, насколько я это съумѣю, но, во всякомъ случаѣ, сообщу много такихъ фактовъ и данныхъ, которые совсѣмъ неизвѣстны ни обществу, ни присяжнымъ собирателямъ извѣстій о жизни умершихъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ... Конечно, все то, что я намѣренъ сообщить о покойномъ О. И. Сенковскомъ, есть лишь матеріалъ, которымъ всецѣло воспользуется будущій его біографъ; но безъ достовѣрныхъ извѣстій, которыя, вѣроятно, дополнятся еще сообщеніями многихъ другихъ лицъ, владѣющихъ письмами покойнаго О. И., немыслима обстоятельная и добросовѣстная оцѣнка человѣка, честно и усердно служившаго русской наукѣ и литературѣ тридцать слишкомъ лѣтъ».

Уже по этому предисловію можно предположить, что характеристика О. И. Сенковскаго должна выдти изъ-подъ пера его ближайшаго сотрудника, г. Старчевскаго, нѣсколько одностороннею, направленною къ прославленію «честнаго и усерднаго» служенія барона Брамбеуса русской наукѣ и литературѣ. Но такая, хотя бы даже предвзятая односторонность, обусловленная личнымъ расположеніемъ, нисколько не умаляетъ важнаго значенія «писемъ» А. В. Старчевскаго. Совсѣмъ напротивъ: въ этихъ живыхъ и добрыхъ воспоминаніяхъ открываются для будущихъ біографовъ, для публики такія стороны интимной жизни знаменитаго оріенталиста и писателя, которыя дадутъ совсѣмъ иное освѣщеніе всей личности, считавшейся *загадочною*. Въ данномъ случаѣ субъективность оцѣнки, даже пристрастіе автора, весьма почтенное по мотивамъ, послужитъ на пользу правдѣ, и нельзя не поблагодарить редактора *Наблюдателя* за то, что онъ далъ въ своемъ журналѣ мѣсто «письмамъ» г. Старчевскаго, несмотря на то, что самъ онъ высказывалъ въ своихъ историко-литературныхъ монографіяхъ совсѣмъ иные взгляды на барона Брамбеуса. Подробный отчетъ о трудѣ г. Старчевскаго мы дадимъ читателямъ по окончаніи его статей.

Б.

Вѣстникъ Европы (октябрь). Кому случалось читать французскіе романы изъ русской жизни, тотъ по себѣ знаетъ, какъ часто улыбка надъ наивнымъ непониманіемъ автора описываемой имъ жизни смѣняется досадою, почти злостью, на человѣка, развязно повѣствующаго о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ никакого понятія не имѣетъ. Какъ разъ то же самое испытали мы, читая повѣсть г. Ѳ. Э. Ромера: *Деревенскія исторіи. I. Счастливчикъ* (сент.-окт.). Его первая *деревенская исторія* совсѣмъ на рѣдкость. Ѣхалъ князь Убронскій съ дочерью; лошади чего-то испугались, бить стали и, пожалуй, убили бы княжну до смерти, если бы мужикъ ихъ не удержалъ, самъ рискуя жизнью. Мужикъ этотъ, Алексѣй Щастневъ, изъ села Богодухова, былъ, по словамъ односельчанъ, «мужикъ настоящій, степенный мужикъ—работникъ, непитущій... житель, одно слово! Много ли еще у насъ такихъ-то?» Человѣкъ смирный и даже застѣнчивый, добавляетъ авторъ отъ себя, и вообще рекомендуетъ этого крестьянина въ наилучшемъ видѣ и во всѣхъ отношеніяхъ. Въ награду за спасеніе единственной дочери, князь даритъ *счастливчику* Алексѣю сто двадцать десятинъ превосходнѣйшей земли, которую изъ года въ годъ снималъ въ аренду нѣкоторый проходимецъ и великій кровопійца Николай Ѳадѣевичъ Писарекъ, уже намошенничавшій себѣ хорошій участокъ земли въ собственность. На рас-

ходы по купчей крѣпости Щастневъ распродалъ коровъ и еще что-то. Князь приказалъ управляющему совершить купчую на свой счетъ; но управляющій обманулъ мужика, стащилъ съ него деньги и положилъ ихъ въ карманъ. Писарекъ, не желая разстаться съ лакомымъ кускомъ, достающимся Алексѣю, норовитъ оттягать у мужика княжескій подарокъ. Алексѣй не поддается и начинаетъ судиться; тогда Писарекъ подводитъ подъ него разные подвохи. Описанію таковыхъ и посвящена вся повѣсть. Подвохъ первый: идетъ Алексѣй отъ мироваго судьи; вдругъ его догоняетъ незнакомый молодецъ верхомъ на лошади и отъ имени судьи проситъ довести лошадь на хуторъ къ Писарьку. Щастневъ, съ дуру, садится на лошадь, зная, что она принадлежитъ Писарьку, съ которымъ онъ судится. Но не успѣлъ онъ проѣхать полверсты, какъ его догоняютъ самъ Писарекъ, его работники и урядникъ, стаскиваютъ съ лошади, крутятъ руки назадъ и обвиняютъ въ кражѣ лошади. Дѣло поступаетъ къ мировому и кончается оправданіемъ Щастнева. Проходитъ нѣсколько дней и въ селѣ пропадаютъ три лошади. Сейчасъ же подозрѣніе падаетъ на Алексѣя, на «настоящаго, степеннаго мужика, на жителя», какихъ въ селѣ не много, къ тому же только что получившаго отъ щедротъ князя цѣлое богатство, о чемъ извѣстно всей округѣ. Все село убѣждено, однако же, въ томъ, что этотъ уважаемый человѣкъ свелъ у сосѣдей трехъ лошаденокъ. Не правда ли, какъ это похоже на дѣйствительность? Мало того, подпоенные Писарькомъ мужики ни на минуту не задумываются составить мірской приговоръ о ссылкѣ Щастнева въ Сибирь, засаживаютъ въ арестантскую, а потомъ вмѣстѣ съ женою въ острогъ, по подозрѣнію въ поджогѣ хутора Писарька. И все это, несмотря на живѣйшее участіе въ Алексѣѣ мироваго судьи, принявшаго на себя хлопоты по тяжбѣ его съ разбойникомъ Писарькомъ. За недостаткомъ уликъ Щастневыхъ выпустили изъ острога. Но, вернувшись домой, они застали десятилѣтняго сынишку мертвымъ,—мальченка замерзъ безъ призора; домъ весь разоренъ. Рекомендованный мировымъ судьею адвокатъ подкупленъ Писарькомъ и читаетъ Алексѣю подложное рѣшеніе окружнаго суда, яко бы присудившаго землю Писарьку... Князь съ княжною пріѣзжаютъ посмотрѣть, какъ поживаетъ осчастливленный, и застаютъ его повѣсившимся. И такую-то нескладицу, такую-то городскую выдумку на русскаго мужика, на его міръ, намъ выдаютъ за *деревенскую исторію*. Надо быть иностранцемъ, чтобы повѣрить такимъ исторіямъ. Мы знаемъ, что нѣтъ почти никакой возможности относительно дѣйствительныхъ воровъ добиться отъ міра приговора объ удаленіи изъ общества. Объ этомъ въ газетахъ писано не мало, въ земствахъ говорено, цѣлые ходатайства представлялись объ измѣненіи порядка ссылки порочныхъ членовъ общества. А тутъ вотъ на поди, по щучьему велѣнію, по Писарькову прошенію, за ведро водки, лучшаго и богатѣйшаго мужика въ селѣ міръ приговорилъ сослать ни за что, ни про что. Смыслъ же всей этой исторіи такой выходитъ: мужикъ до того глупъ, что управиться съ участкомъ земли выше душеваго надѣла не можетъ; да гдѣ ему управиться? Онъ подареннаго имѣнія взять не умѣетъ, а только свое все растеряетъ. Мужикъ такъ безпомощенъ лично и коллективно на міру, что всякій мошенникъ, грабящій все село, можетъ за ведро водки лучшаго «жителя» въ острогъ посадить и въ Сибирь сослать, какъ только этотъ обыватель осмѣлится не дать себя ограбить безпрекословно. Не въ помощь мужику ни благодѣтели князья, ни хорошіе мировые судьи, ни честные

предводители дворянства, такъ какъ всѣ ихъ усилія разбиваются о дикость мужика, съ одной стороны, и о хитрость Писарька — съ другой. Все это фальшь и неправда. Обираютъ мужиковъ разные проходимцы вродѣ Писарька, только не такъ просто, и только обираютъ, а въ остроги не упрятываютъ и въ Сибирь не ссылаютъ; спаиваютъ кулаки сельскіе сходы, только не такъ и не за этимъ. Чтобы написать повѣсть изъ крестьянскаго быта, для этого мало подслушать нѣкоторыя особенности мужицкаго говора и перековеркать ихъ на утѣху столичныхъ жителей, для этого надо подслушать нѣчто иное, надо почувствовать «душу живу» подъ сермяжнымъ зипуномъ, надо сознать, что мужикъ «хотя и сѣръ, а умъ-то у него не чортъ съѣлъ»; надо уразумѣть, почему въ понятіяхъ русскаго народа искони вѣковъ «міръ—великъ человѣкъ и больше міра никто не будетъ». Всего этого не понялъ г. Ромеръ, и вышло у него, что для осчастливленія Алексѣя Щастнева хорошо бы отдать его, да уже кстати и село Богодухово, въ крѣпостную зависимость добродѣтельному барину, въ огражденіе мужика отъ грабителей, отъ своей же братьи и отъ міра... Очень не дурно!

Въ томъ-то и бѣда, что *господа* писатели смотрятъ на народъ либо по-барски, либо по-чиновничьи; въ томъ-то и сила (сравнительно говоря) писателя *разночинца*, что ему доступнѣе пониманіе народа. Вотъ г. Ромеръ описалъ преужасныя несчастья Алексѣя; но его *исторіи* никто не вѣритъ,—всѣ знаютъ, что онъ это все выдумалъ, своимъ досужествомъ изобрѣлъ; ни въ комъ не блеснетъ ни искры сочувствія къ обнесчастливленному имъ герою,—всѣ понимаютъ, что это такъ, вранье отъ бездѣлья. Написалъ Д. Н. Маминъ разсказъ: *На шиханѣ* (*В. Евр.*, октябрь), представилъ въ немъ замотыгу Савку, который за убійство въ острогѣ сидѣлъ семь разъ, въ бѣгахъ былъ нѣсколько лѣтъ, деннымъ и ночнымъ разбоемъ промышлялъ, по кабакамъ до нитки пропивается, за что жена его бьетъ «большимъ боемъ»... Савка и сейчасъ, того гляди, ножемъ «полыхнетъ»... Это не «степенный мужикъ, не житель», какъ Алексѣй Щастневъ. А, между тѣмъ, благообразный Алексѣй не нашъ, а Савка—нашъ. Почему? Потому, что Алексѣй—ромеровскій фантошъ, а Савка живой человѣкъ, настоящій русскій человѣкъ, хотя мужикъ совсѣмъ не «настоящій». Г. Маминъ понялъ его «душу живу» и даетъ намъ уразумѣть ее подъ безобразной оболочкой фабричнаго замотыги и бродяги, даетъ уразумѣть безъ мелодраматическихъ пріемовъ французскаго пошиба, излюбленныхъ г. Ромеромъ. Нѣтъ въ разсказѣ г. Мамина никакихъ жалостныхъ сценъ вродѣ возвращенія изъ острога супруговъ Щастневыхъ, застающихъ на столѣ сына, замершаго какъ разъ къ ихъ приходу, и т. п. Совсѣмъ напротивъ: всѣ сцены болѣе или менѣе комичны; за то драма, скрытая подъ лохмотьями Савки, незамѣтная для посторонняго взгляда, самимъ Савкою не ясно сознаваемая, а только чувствуемая, — вотъ что хватаетъ за душу и поднимаетъ въ головѣ тяжелую думу. Дѣло же само по себѣ очень не хитрое: на охотѣ разозлившійся нѣмецъ, управляющій заводомъ, застрѣлилъ свою собственную собаку. Савка не успѣлъ помѣшать ему и, какъ дикій звѣрь, бросился душить нѣмца съ крикомъ: «Бей меня, а то пса губить... живодеры, мошенники!... Задушу, я те покажу, нѣмчура! У! нехристь!...» Нѣмецъ сильнѣе Савки, избилъ его, объѣзчики оттолкнули бродягу прочь. Оставшись наединѣ съ авторомъ, Савка сожалѣетъ, что не попался ему ножъ, а то бы онъ «проклятому нѣмцу кишки

выпустилъ».—«Это изъ-за собаки?»—удивляется разсказчикъ.—«Что онъ меня по рожѣ билъ, это мнѣ наплевать, а вотъ псицу жаль...—объясняетъ Савка.—Зачѣмъ онъ ее порѣшилъ безъ вины? Не могу я этого самаго звѣрства видѣть, потому во мнѣ все нутро закипитъ... Охъ, вездѣ неправда, вездѣ темнота, вездѣ это самое звѣрство! Ты теперь, баринъ, разбери, кто лучше: звѣрь или человѣкъ?» И пьяная эта рожа, Савка, самъ того не подозрѣвая, въ простотѣ своей живой души возвышается до поэзіи, проникаетъ въ глубь философскаго мышленія... оставаясь мужикомъ, бродягой и пьяной рожей для всѣхъ, кто не имѣетъ глазъ его чистую душу видѣть, не имѣетъ ушей ея скорбные стоны слышать.

Въ октябрской книжкѣ *Вѣст. Евр.* идетъ продолженіе статьи А. Н. Пыпина: *Объ историческомъ складѣ русской народности*, начало статьи К. Д. Кавелина: *Задачи этики* и начало повѣсти Д. И. Стахѣева: *У храма искусства*. О нихъ мы дадимъ отчетъ читателямъ, когда онѣ будутъ закончены.

Ан.

Revue des deux Mondes (*1 et 15 septembre et 1 octobre*). Послѣдніе нумера журнала, стяжавшаго себѣ почетную извѣстность въ исторіи европейской прессы, представляютъ нѣсколько статей научно-популярнаго содержанія, которыя способны возбудить интересъ не только западно-европейской публики, но и нашихъ русскихъ читателей. Мы не скажемъ, чтобы всѣ эти статьи вполнѣ соотвѣтствовали ожиданіямъ, возникающимъ вслѣдствіе ихъ заглавій и именъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ производятъ разочарованіе, что весьма часто случается съ произведеніями крупныхъ научныхъ авторитетовъ, допускающихъ нѣкоторую эксплуатацію своего имени. Такого рода статью помѣстилъ во второй сентябрской книжкѣ извѣстный французскій писатель Тэнъ. Заглавіе очерка Тэна весьма заманчиво: *Психологія якобинскихъ вождей.—Маратъ, Дантонъ, Робеспьеръ*. Новый историкъ французской революціи прошелъ въ своемъ развитіи совершенно особую школу, въ которой выработались оригинальныя черты, отличающія его научные пріемы изслѣдованія и толкованія историческихъ фактовъ. Тэнъ долго занимался вопросами изъ области философіи, литературной и художественной критики, исторіи литературы и исторіи искусства. Ему приходилось постоянно пребывать въ сферахъ, стоящихъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ практической жизни. Экономическія явленія, со всѣми послѣдствіями, изъ нихъ вытекающими, внѣшняя жизнь народовъ, проявляющаяся какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, такъ и въ игрѣ человѣческихъ страстей, возникающихъ у отдѣльныхъ личностей и у отдѣльныхъ группъ, принадлежащихъ къ одному опредѣленному народу,— все это было чуждо автору *Исторіи англійской литературы, Классическихъ философовъ XVIII вѣка во Франціи, Философіи искусства* и *Философіи искусства въ Греціи, Италіи и Нидерландахъ*. Тамъ отвлеченный умъ знаменитаго французскаго ученаго былъ какъ у себя дома и произведенія, посвященныя Тэномъ этимъ вопросамъ, на половину теоретическимъ, на половину конкретнымъ, останутся навсегда великими научными памятниками. Но когда ихъ авторъ взялъ на себя задачу, принадлежащую такъ называемой чистой исторіи, когда ему пришлось заняться экономическими, правовыми и

общественными отношеніями, когда ему пришлось объяснять активную дѣятельность различныхъ выдающихся личностей, — тогда, несмотря на всю силу его таланта, на замѣчательную способность работать, выступили наружу его односторонность и неумѣнье переноситься изъ своего времени въ другія историческія эпохи, съ тѣмъ, чтобы уразумѣть прошлое и возсоздать въ живыхъ образахъ людей, принадлежащихъ къ инымъ поколѣніямъ, окруженныхъ иной жизненной обстановкой. Блестящія характеристики Тэна увлекаютъ вначалѣ читателя, но потомъ онъ невольно чувствуетъ отсутствіе жизни въ логическихъ построеніяхъ этого французскаго мыслителя. Люди Тэна похожи на машины, но не на людей. Стоитъ взять, напримѣръ, высокоталантливыя страницы, на которыхъ изображаются якобинцы, во второмъ томѣ его сочиненія о французской революціи, чтобы уразумѣть всю фальшь подобной интерпретаціи явленій исторической жизни.

Разсматриваемая нами статья представляетъ попытку развитія того, что было сказано по поводу якобинцевъ вообще. Тэнъ старается изобразить, какъ этотъ якобинскій типъ воплотился въ трехъ главныхъ представителяхъ и вождяхъ всего движенія: въ Маратѣ, Дантонѣ и Робеспьерѣ. «Эти люди,—говоритъ онъ,—достигли первенства и господства, благодаря уродливости и извращенности ума и сердца, сдѣлавшихъ ихъ совершенно соотвѣтствующими требованіямъ среды, въ которой имъ пришлось дѣйствовать». Изъ трехъ характеристикъ лучше удалась Тэну характеристика Марата; она одна можетъ быть названа психологическимъ этюдомъ. То, что сказано о Дантонѣ и Робеспьерѣ, ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ историческихъ характеристикъ и не представляетъ рѣшительно ничего новаго. Подобная оцѣнка Дантона встрѣчается во всѣхъ ходячихъ исторіяхъ французской революціи, а значеніе личности Робеспьера и причины, обусловливавшія его вліяніе на ходъ революціи, остаются, попрежнему, неразгаданными. Рѣзкость красокъ превращаетъ эти характеристики въ карикатуры и придаетъ историческому изслѣдованію тонъ политическаго памфлета. Маратъ представленъ въ настоящемъ этюдѣ Тэна по всѣмъ правиламъ, предлагаемымъ не психологіей, но прикладной ея частью, обратившейся въ особую науку, — психіатріею. Это не простой демагогъ, не фанатикъ, но сумасшедшій, у котораго, подъ вліяніемъ выгодныхъ для этого условій, безпрепятственно, во всей полнотѣ развиваются существенныя проявленія его душевной болѣзни; эта болѣзнь становится главной пружиной въ его дѣятельности и даже основной причиной его вліянія. Скорбный листъ Марата снабженъ всѣми медицинскими терминами и, для подтвержденія каждаго симптома, приводятся слова самого больнаго вождя якобинцевъ. Первый симптомъ, это—*бредъ честолюбія*, часто встрѣчающійся въ сумасшедшихъ домахъ. Потомъ болѣзнь усложняется, къ бреду примыкаетъ *манія преслѣдованія*. Все это создаетъ *постоянный кошмаръ;* наконецъ, появляется *мономанія убійства*.

«Съ самаго начала и до конца,—говоритъ Тэнъ,—онъ не уклонялся отъ прямаго направленія революціи, сохраняя въ своемъ ослѣпленіи необыкновенную ясность и прозорливость. Онъ достигъ этого, благодаря своей логикѣ сумасшедшаго, благодаря полному соотвѣтствію его личной болѣзни съ болѣзнью общественной, благодаря тому, что его бредъ проявился раньше и съ совершенною полнотою среди другихъ современниковъ, бредъ которыхъ оказывался неполнымъ и запоздалымъ; онъ одинъ является неизмѣннымъ безъ угрызеній совѣсти,

торжествующимъ и занимающимъ съ перваго момента ту крутую вершину, на которую его соперники или не рѣшаются взобраться, или же пробираются ощупью». Намъ кажется, что Тэнъ ошибается, предполагая, что онъ пишетъ психологическое изслѣдованіе. Для такого изслѣдованія недостаточно употреблять тѣ или другіе термины, подводить подъ эти термины различныя изреченія и констатировать, такимъ образомъ, душевную болѣзнь. Для подобной работы нужно быть, во-первыхъ, опытнымъ психіатромъ и, во-вторыхъ, имѣть болѣе полный матеріалъ; въ данномъ же случаѣ психологическая или, лучше сказать, психіатрическая характеристика Марата превращается въ карикатуру, уснащенную различными медицинскими терминами.

Иное впечатлѣніе произвелъ на насъ этюдъ Поля Жане *Письма г-жи де-Гриньянъ*, помѣщенный въ обоихъ сентябрскихъ нумерахъ.

Это весьма изящно написанная работа изъ области исторіи литературы, отличающаяся, при этомъ, весьма оригинальнымъ пріемомъ. Г-жа де-Гриньянъ, дочь знаменитой маркизы де-Севинье, не оставила почти никакихъ писемъ; между тѣмъ, Жане, на основаніи этихъ, не дошедшихъ до насъ писемъ, составилъ статью, помѣщенную въ двухъ нумерахъ. Онъ по письмахъ матери къ дочери, служившимъ отвѣтами на посланія, уничтоженныя самой г-жей де-Гриньянъ, возстановилъ эту, утраченную для насъ, часть знаменитой въ исторіи литературы переписки. Дочь маркизы де-Севинье является у Жане одной изъ весьма любопытныхъ и достойныхъ изученія личностей въ общественной и литературной исторіи XVII вѣка. Вотъ какъ изображаетъ ее Жане: «Г-жа де-Гриньянъ была въ полномъ значеніи слова аристократка. Обладая сильнымъ и гордымъ духомъ, она въ высшей степени увлекалась стремленіемъ къ внѣшнему величію. Это стремленіе ее разорило, такъ какъ пріемы ея отличались великолѣпіемъ; даже, когда ей приходилось оставаться одной въ своемъ замкѣ, то и тогда ее окружалъ дворъ болѣе чѣмъ изъ сотни людей. Для удовлетворенія тщеславія, она вела крупную игру и всегда проигрывала. Она провела всю свою жизнь среди денежныхъ затрудненій, столь унизительныхъ для ея гордости. Несмотря на расточительность, эта аристократка была хорошей администраторшей и умѣла извлекать доходы изъ своихъ имѣній. Любовь къ внѣшнему почету нисколько не исключала въ ней величіе души; она была женщиной искренно правдивой, какъ говоритъ это ея мать, но никогда она не была женщиной нѣжной. Она вполнѣ сознавала всю силу и глубину любви, которую къ ней питала ея мать, и глубоко страдала, не будучи въ состояніи отвѣтить на эту любовь. Чѣмъ болѣе страстная нѣжность обожающей матери увеличивалась, тѣмъ болѣе росла ея собственная сухость. По временамъ у ней появлялись внезапное раскаяніе и порывы нѣжности, вытекающей скорѣе изъ угрызеній совѣсти, чѣмъ изъ чувства. Она любила умѣренно своихъ дѣтей и, насколько требуютъ приличія, своего мужа. Вообще, чувство у ней было слабо, за то умъ отличался силою и твердостью; она болѣе размышляла, чѣмъ вѣрила. Трудно опредѣлить, какъ далеко простиралось у нея свободомысліе, но она была не изъ тѣхъ, которыя вѣрятъ съ простодушіемъ. Г-жа де-Гриньянъ выставляла всегда на первый планъ свои философскія убѣжденія и была хорошимъ знатокомъ системы Декарта. Но эта кортезіанка проявляла иногда веселость, ей прирожденную, и слогъ ея не былъ лишенъ остроумія, хотя, вслѣдствіе чрезвычайной точности и жесткости, отличался холодностью.

Всѣ эти черты, вмѣстѣ взятыя, рисуютъ намъ ее личностью весьма оригинальною, правда, не возбуждающей той симпатіи, которая такъ влечетъ къ ея матери, но, во всякомъ случаѣ, г-жа де-Гриньянъ заставляетъ насъ удивляться такому рѣдкому соединенію блестящихъ достоинствъ, которыя даютъ ей видное мѣсто въ семьѣ, пользующейся такой славой, какъ семья Шанталей и Рабютеновъ».

Совершенно въ другую научную область переносимся мы, читая статью французскаго физика Жамена подъ заглавіемъ: *Какимъ образомъ воздухъ былъ обращенъ въ жидкость*. Ученый авторъ съ большою ясностью разсказываетъ, какимъ образомъ, со временъ Ванъ Марума и Лавуазье, разрабатывалось, и теоретически и практически, ученіе о томъ, что всякое тѣло, при извѣстной температурѣ и при извѣстномъ давленіи, можетъ переходить изъ газообразнаго состоянія въ жидкое и изъ жидкаго въ твердое. Первый газъ, обращенный въ жидкость, былъ аммоніакъ; первый ученый, высказавшій эту физическую теорію о различныхъ состояніяхъ тѣлъ, былъ Лавуазье. Но опыты, производящіеся съ цѣлью превращенія газовъ въ жидкости, сопряжены съ большими трудностями и опасностями. Нѣкоторые газы требуютъ для этого чрезвычайно низкихъ температуръ и чрезвычайно высокаго давленія. Однако, передъ усиліями многихъ смѣлыхъ и неутомимыхъ изслѣдователей одинъ газъ за другимъ подчинялся требованіямъ науки и въ 1883 году физика одержала самую блестящую изъ своихъ побѣдъ: краковскіе ученые Врублевскій и Ольшевскій превратили въ жидкое состояніе кислородъ и азотъ, составныя части воздуха, до сихъ поръ противившіяся усиліямъ такого ученаго, какъ Кальете. Всякаго, даже не физика, должно порадовать и освѣжить прекрасно изложенное изображеніе одной изъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго ума надъ природой.

Французскій адмиралъ Жюрьенъ де-ля-Гравьеръ, много работавшій по исторіи мореходства, занимается *Морскимъ дѣломъ у византійцевъ*. Вопросъ этотъ, весьма важный для насъ, русскихъ, обслѣдованъ ученымъ французскимъ адмираломъ весьма обстоятельно, но написана статья сухо и не интересно для читателей неспеціалистовъ (№ 1 сентября).

Гекторъ де-ля-Ферріеръ уже давно занимается архивнымъ изученіемъ исторіи Франціи въ XVI столѣтіи и съ этой цѣлью посѣтилъ даже Петербургъ, гдѣ въ публичной библіотекѣ нашелъ много писемъ Екатерины Медичи. Въ октябрскомъ нумерѣ онъ началъ статью объ ея дочери *Маргаритѣ Валуа*, первой женѣ Генриха IV. Ея юность и ея бракъ съ королемъ наваррскимъ составляютъ первую часть изслѣдованія де-ля-Ферріера. Тутъ собрано много новыхъ фактовъ изъ жизни этой несчастной женщины, связанной съ мужемъ, котораго она ненавидѣла и который ее не любилъ, покинутой своею матерью и имѣвшей въ лицѣ своего брата Генриха III самаго ожесточеннаго и смертельнаго врага. Раскрытіе всѣхъ условій, среди которыхъ пришлось жить и дѣйствовать Маргаритѣ, не обладавшей сильнымъ характеромъ, вполнѣ объяснятъ намъ источникъ, изъ котораго вышли ея проступки, и смягчаетъ оцѣнку ея нравственнаго паденія.

Въ предъидущихъ нумерахъ помѣщены слѣдующія болѣе замѣчательныя статьи: *Генералъ-дипломатъ временъ революціи* Альберта Сореля. Генералъ Дюмурье, одинъ изъ самыхъ видныхъ полководцевъ конца XVIII вѣка, имѣетъ

также отношеніе и къ русской исторіи: герцогъ Шуазель посылалъ его въ Польшу во время борьбы конфедератовъ съ Екатериною Великою. Большая работа Сореля, спеціально изучающаго дипломатическую исторію новой Европы, написана съ большимъ талантомъ (№№ 15 іюля, 1 и 15 августа). — *Большіе альпійскіе туннели: Монсенисъ, Сенъ Готардъ, Арльбергъ* Лудовика Симонена. Даровитый инженеръ и геологъ могъ вполнѣ компетентно познакомить читателей журнала съ исторіей прорытія туннелей и съ экономическимъ значеніемъ ихъ, какъ путей, облегчающихъ торговый обмѣнъ между различными странами. — *Три эпохи въ исторіи одного научнаго открытія* Дастра. Кровообращеніе долго оставалось неразгаданной тайной; три стадіи въ изученіи этого важнаго жизненнаго процесса охарактеризованы Дастромъ чрезвычайно рельефно и вполнѣ доступно. Первая стадія связана съ именами итальянца Реальдо Коломбо и испанца Михаила Сервета, вторая относится къ трудамъ англійскаго медика и анатома Вильгельма Гарвея и, наконецъ, третья принадлежитъ уже нашему времени, когда вопросъ былъ окончательно разработанъ Клодъ Бернаромъ и новѣйшими физіологами. Изъ этихъ трехъ стадій Дастръ болѣе всего останавливается на послѣдней (№ 1 августа).

La Nouvelle Revue (15 septembre et 1 octobre). Изъ двухъ книжекъ, недавно полученныхъ нами, болѣе важныя статьи помѣщены въ первой. Тутъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе очеркъ Жандра *Рабочая и соціалистическая Германія*. «Если принять методъ, употребляемый въ политической экономіи, по которому богатство народа оцѣниваютъ размѣрами его производства, то, — говоритъ Жандръ, — Германія можетъ считаться самою богатою страною въ Европѣ». «Но экономисты, — продолжаетъ онъ, — часто забываютъ, что рядомъ съ продуктами находятся человѣческія существа, ихъ производящія. Кромѣ общей цифры произведенныхъ богатствъ, весьма важно знать ихъ распредѣленіе. Съ этой точки зрѣнія Германія Бисмарка можетъ назваться страною бѣдняковъ». Авторъ пользуется для доказательства этого положенія оффиціальными источниками, въ особенности отчетами фабричныхъ инспекторовъ.

Приведемъ нѣсколько фактовъ о положеніи различныхъ рабочихъ, преимущественно сельскихъ. Такъ, напримѣръ, семья земледѣльцевъ въ Таунусѣ, состоящая изъ семи взрослыхъ лицъ, тратитъ на свое содержаніе 1,379 марокъ 92 пф., т.-е. менѣе двухсотъ марокъ на человѣка. Эта семья потребляетъ въ годъ мяса 9 кил., хлѣба 1,405 кил. и картофелю 3,200 кил. Скудость азотистой пищи, это — отличительная черта питанія нѣмецкихъ пролетаріевъ. Изъ напитковъ они употребляютъ: кофе съ молокомъ, пиво и водку. Въ Исполиновыхъ горахъ крестьяне употребляютъ пищу еще болѣе плохую; тамъ въ теченіе всего года они не знаютъ мяса; хлѣбъ, картофель и черный кофе безъ сахару и молока, — вотъ все, чѣмъ нѣмецкіе крестьяне, на границѣ Богеміи, поддерживаютъ свои силы, столь необходимыя для трудной работы. Длина рабочаго дня въ Германіи равняется 12, 14 и 15-ти часамъ, причемъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства рабочее время еще болѣе удлиняется. Въ саксонской провинціи поденщикъ получаетъ въ обыкновенное время 1 марку 50 пф. въ день, а во время жатвы двѣ марки; женскій трудъ оплачивается 80-ю пф. Жилье сельскаго рабочаго, по тѣснотѣ и отсутствію всякихъ гигіеническихъ условій, можетъ сравниться, по мнѣнію автора, только съ жильемъ русскихъ крестьянъ;

въ хижинахъ горныхъ обитателей Таунуса, состоящихъ нерѣдко изъ одной комнаты, живутъ, работаютъ и спятъ 7, 8, а иногда и 10 человѣкъ. Тройное иго—нищеты, подавляющаго труда и тяжкой воинской повинности—тяготѣетъ надъ германскимъ крестьяниномъ. Такая же безотрадная картина представляется и при разсмотрѣніи положенія фабричныхъ рабочихъ. Въ ней читатель найдетъ много любопытнаго. Интересны также свѣдѣнія о различныхъ соціалистическихъ школахъ и партіяхъ и, наконецъ, объ экономической политикѣ Бисмарка. Къ этой политикѣ авторъ относится весьма неодобрительно.

Совершенно въ другую сферу и въ иное время переноситъ насъ Ларокъ въ литературномъ этюдѣ, озаглавленномъ: *Поэты въ своемъ отношеніи къ власти. Жанъ Расинъ, какъ придворный человѣкъ.* Это—обстоятельная работа, въ которой разсматриваются: литературныя достоинства, политическія качества Расина, дворъ въ его трагедіяхъ, любовь въ жизни и въ произведеніяхъ, характеръ, оффиціальныя обязанности и придворное положеніе поэта, его политика и его конецъ. Между отдѣльными частями весьма немного связи; онѣ представляютъ рядъ интересныхъ замѣтокъ, способныхъ разъяснить истинное значеніе Расина въ развитіи французской литературы и въ исторіи общественной жизни.

Наша соотечественница, столь хорошо извѣстная въ Парижѣ княгиня Трубецкая, помѣстила небольшой біографическій очеркъ *Ивана Ивановича Бецкаго*, одного изъ главныхъ сподвижниковъ Екатерины Великой. Очеркъ написанъ живо и ясно на основаніи источниковъ, разсѣянныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*, въ *XVIII вѣкѣ*, *Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества* и нѣкоторыхъ мемуарахъ. Отношеніе къ Бецкому весьма сочувственное, только сравненіе его дѣлъ съ дѣлами св. Бернарда и св. Винцента нѣсколько неумѣстно (№ 15 сентября).

Въ первомъ октябрскомъ нумерѣ достойна замѣчанія только одна статья; авторъ ея скрывается за тремя звѣздочками и носитъ она названіе: *Общія причины войны 1870 г.* Редакція помѣстила оговорку, въ которой заявляетъ, что страницы эти получены отъ авторитетнаго писателя, съ мнѣніями котораго, однако, редакція не согласна. Авторъ—крупный дипломатъ, оцѣнивающій политику Наполеона III тономъ компетентнаго судьи, стоящаго у самаго источника всѣхъ свѣдѣній и знакомаго съ тайными пружинами политики. Къ обыкновеннымъ писателямъ онъ относится съ нѣкоторой снисходительностью и даетъ публицистамъ благосклонные совѣты въ наставительной формѣ. Это скорѣе политическій памфлетъ, чѣмъ историческое изслѣдованіе. Особенному осужденію подвергается политика Наполеона III въ отношеніи къ польскому вопросу, къ освобожденію Италіи и, вообще, ко всѣмъ событіямъ, которыя могли разрушить Европу, созданную Вѣнскимъ конгрессомъ.

«Польскій кризисъ 1863 года,—говоритъ анонимный авторъ,—это—кульминаціонная точка всей политики нынѣшняго столѣтія. Онъ былъ основною причиною всѣхъ великихъ событій, за нимъ слѣдовавшихъ, ниспровергнувшихъ европейское равновѣсіе». Дипломатическая кампанія Наполеона III въ пользу поляковъ называется главной ошибкой всего его царствованія и эта ошибка до сихъ поръ не понята французами.

Но не одинъ императоръ Наполеонъ III виновенъ въ этихъ политическихъ промахахъ; «французское общество также сочувствовало съ энтузіазмомъ крым-

ской войнѣ, войнѣ за Италію и дипломатическому крестовому походу за Польшу; оно же въ 1870 году провозглашало: «въ Берлинъ, въ Берлинъ!» Неизвѣстный авторъ оканчиваетъ свое произведеніе обращеніемъ къ французскимъ публицистамъ и политическимъ дѣятелямъ, прося ихъ обратить вниманіе на высказанныя соображенія (1 октября).

The Contemporary Review (*August, September, October*). *Современное Обозрѣніе* считается однимъ изъ органовъ болѣе просвѣщенной части англиканскаго духовенства; въ немъ принимаютъ участіе профессора и священники. Статьи не отличаются большою живостью, хотя и замѣтно стремленіе касаться современныхъ вопросовъ. Отъ времени до времени въ немъ появляются произведенія Герберта Спенсера, Тэна и другихъ знаменитостей англійскихъ и иностранныхъ. Но главный фондъ составляютъ работы выше помѣченныхъ сотрудниковъ.

Въ августовскомъ и октябрскомъ нумерахъ профессоръ Зили написалъ двѣ статьи *о Тёте* и, какъ видно, предполагаетъ помѣстить еще нѣсколько статей. Это, слѣдовательно, большая работа, посвященная характеристикѣ великаго нѣмецкаго писателя; но въ этой работѣ много мѣста занимаютъ фразы и соображенія общаго характера, такъ что она принесетъ весьма мало пользы читателямъ, желающимъ ознакомиться съ авторомъ *Фауста*. Въ августовскомъ нумерѣ помѣщена характеристика лица, принадлежащаго совершенно къ иной сферѣ, а именно Руджіери Бонги изобразилъ дѣятельность *папы Льва XIII*.

Теоріи современнаго вождя католической церкви и его дѣятельность представлены весьма точно. О результатахъ шестилѣтняго управленія Льва XIII Бонги весьма невысокаго мнѣнія. Чтобы характеризовать значеніе всѣхъ трудовъ этого папы, онъ прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію: «Говоря правду, мнѣ иногда кажется, что папа изображаетъ собою композитора замѣчательной музыкальной пьесы, исполненной высокой гармоніи, и что онъ самъ руководитъ исполненіемъ этой пьесы. Движеніе его рукъ величественно и исполнено экспрессіи; оно вполнѣ соотвѣтствуетъ ходу музыки. Ни одинъ исполнитель не можетъ ошибаться и не ошибается никогда въ игрѣ своей партіи: такъ велико уваженіе, которое къ нему всѣ они питаютъ. Но, увы, всѣ, какъ духовые, такъ и струнные инструменты, имѣютъ одинъ недостатокъ: они не издаютъ звуковъ. Когда вы наблюдаете за дирижеромъ оркестра, то вамъ кажется, что вы услышите божественную музыку, даже иногда кажется, что вы слышите ее, но на самомъ дѣлѣ вы ничего не слышите. Пока инструменты не будутъ перемѣнены,—если только въ нихъ лежитъ причина отсутствія звука,—или пока заколдованный воздухъ, отказывающійся передавать дрожаніе инструментовъ, не будетъ освобожденъ отъ чаръ, изъ всѣхъ этихъ величественныхъ движеній не выйдетъ ничего, кромѣ труда, потраченнаго на произведеніе ихъ».

Въ прошедшемъ нумерѣ *Русской Мысли* мы указывали на замѣтку Солли о техническомъ образованіи, помѣщенную въ *Девятнадцатомъ Вѣкѣ*. Въ августовскомъ нумерѣ разсматриваемаго теперь журнала Риггъ знакомитъ съ результатами отчета, представленнаго парламентскимъ коммисаромъ по техническому образованію, Масеромъ, *О техническомъ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ*. Статья Ригга названа: *Техническое образованіе въ Америкѣ*.

Изъ отчета видно, что Америка въ этомъ отношеніи стоитъ выше Англіи, хотя англійскія условія представляютъ много такихъ качествъ, которыя даютъ этой странѣ возможность занять среднее мѣсто между двумя крайностями: между германской системой съ ея школьной централизаціей и бюрократіей, съ одной стороны, и между Америкой съ ея полной децентрализаціей и отсутствіемъ всякаго правительственнаго контроля—съ другой. Риггъ отвергаетъ мнѣніе парламентскаго репортера, по которому между промышленною дѣятельностью Америки и ея школами существуетъ самая тѣсная связь, и утверждаетъ, что рабочіе классы совершенно не приготовляются въ общественныхъ школахъ къ какимъ бы то ни было профессіональнымъ занятіямъ. Авторъ самъ посѣтилъ Америку и изучилъ на мѣстѣ школьное дѣло. Онъ разсматриваетъ программы и учебные планы и приведенные имъ факты вполнѣ подтверждаютъ его мнѣніе. Главную причину высокаго техническаго развитія американцевъ Риггъ видитъ не въ устройствѣ школъ, но въ самыхъ условіяхъ американской жизни. «Нужно помнить, — говоритъ онъ,—что американскія общественныя школы преимущественно существуютъ для дѣтей фермеровъ и лавочниковъ, принадлежа народу, состоящему почти исключительно изъ средняго класса. Англійскія же общественныя школы разсчитаны, главнымъ образомъ, для удовлетворенія нуждъ значительнаго рабочаго населенія.

Въ сентябрскомъ нумерѣ болѣе выдаются двѣ статьи чисто литературнаго содержанія: *Чистилище Данта*, написанная деканомъ Уэльскимъ, и *Нѣкоторыя раннія сочиненія Шелли*, написанная профессоромъ Дауденомъ. Почтенный англиканскій прелатъ изучаетъ чистилище съ совершенно особой точки зрѣнія: онъ выбираетъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ Дантъ говоритъ о себѣ, и, такимъ образомъ, составляетъ почти полную исповѣдь великаго флорентійскаго поэта. Работа полезная и вся составлена изъ выписокъ.

Дауденъ, извѣстный англійскій критикъ, изучаетъ первые литературные опыты Шелли, кончающіеся 1815 годомъ. Эта литературная монографія необходима для каждаго, желающаго ближе изслѣдовать развитіе поэтическаго таланта Шелли.

Въ октябрскомъ нумерѣ Тэнъ, въ этюдѣ *Соціализмъ, какъ правительство*, исходя изъ оцѣнки якобинскаго правительства, посредствомъ теоретическаго и сравнительнаго изученія попытокъ подчинить живыхъ людей такимъ стѣсненіямъ, чтобы они подошли подъ мѣрку логическимъ путемъ созданнаго человѣческаго типа,—осуждаетъ якобинскую теорію и якобинскую практику. А леди Верней въ статьѣ: *Американцы, какъ они изображаютъ самихъ себя*—представляетъ характеристику общества и нравовъ въ заатлантической республикѣ на основаніи самыхъ распространенныхъ и ходячихъ американскихъ романовъ и повѣстей. Оказывается, что въ этомъ демократическомъ обществѣ существуютъ самыя строгія аристократическія подраздѣленія.

Revue internationale (10 et 25 Août). Новый международный журналъ выходитъ съ нынѣшняго года во Флоренціи подъ редакціей итальянскаго ученаго Анджело де-Губернатиса, отличающагося многостороннею литературною и научною дѣятельностью. Де-Губернатисъ имѣетъ весьма обширное знакомство во всѣхъ интеллигентныхъ кружкахъ Европы; такимъ образомъ, его періодическое изданіе могло собрать на своихъ страницахъ произведенія писате-

лей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ національностямъ. Нельзя сказать, чтобы статьи, помѣщаемыя въ этомъ обозрѣніи, издаваемомъ въ Италіи на французскомъ языкѣ, всегда отличались высокими достоинствами, но уже одна попытка къ учрежденію такого международнаго органа печати; гдѣ въ мирномъ сообществѣ могутъ сойтись люди, въ другихъ сферахъ, благодаря національнымъ распрямъ, враждующіе между собою,—уже одна подобная попытка, утверждаемъ мы, заслуживаетъ уваженія и благодарности. Въ наше время столько толкуютъ о враждѣ между различными европейскими національностями. Національный эгоизмъ, ошибочно принимаемый за проявленіе патріотическихъ чувствъ, выступаетъ во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни съ такою неудержимою силой, что даже простое напоминаніе о общечеловѣческомъ значеніи просвѣщенія является теперь прямой необходимостью. Въ августовскихъ нумерахъ журнала мы можемъ указать на статьи, въ которыхъ обращается вниманіе на нѣкоторые научные вопросы и на статьи чисто литературнаго характера. Французскій астрономъ, извѣстный русской публикѣ благодаря переводамъ нѣкоторыхъ его сочиненій на русскій языкъ, занялся изверженіемъ Кракатоа, которое онъ называетъ *величайшимъ геологическимъ явленіемъ новаго времени*. Камиллъ Фламмаріонъ отличается богатымъ воображеніемъ и способностью каждое, даже самое далекое явленіе сдѣлать, для своихъ читателей, чѣмъ-то совершенно близкимъ и знакомымъ. «Въ первый разъ, — говоритъ онъ, — въ исторіи человѣчества подобный феноменъ подлежалъ наблюденію столькихъ научно-образованныхъ очевидцевъ, которые могли, слѣдовательно, изучить его во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ». Самъ авторъ знакомитъ насъ съ главными слѣдствіями этого изверженія. Во-первыхъ, онъ говоритъ о томъ потрясеніи атмосферы, которое, въ видѣ воздушной волны, три раза, одинъ за другимъ, обошло весь земной шаръ; во-вторыхъ, о морскихъ волнахъ, вызванныхъ внезапнымъ проваломъ острововъ въ Зондскомъ проливѣ, которыя достигли вышины 35 метровъ. Далѣе онъ указываетъ, что сила звука, отъ взрывовъ во время изверженія, была такъ велика, что эти взрывы были слышны на окружности, описанной около Кракатоа, какъ центра, радіусомъ въ 30 градусовъ; такъ что діаметръ этого круга равняется $^1/_6$ окружности земнаго шара. Затѣмъ слѣдуетъ высота изверженія и сила взрыва. Тутъ интересны данныя о количествѣ пепла и пемзы. Если около Кракатоа, какъ центра, описать кругъ радіусомъ въ 15 километровъ, то на всемъ этомъ пространствѣ слой пепла и пемзы достигалъ толщины отъ 20 до 40 метровъ. Изъ этихъ изверженій образовалось нѣсколько острововъ. Статья заканчивается разсмотрѣніемъ причинъ этой катастрофы и приводитъ въ связь съ изверженіемъ тѣ особыя освѣщенія горизонта во время сумерокъ, которыя замѣчались въ 1883 году съ 26 ноября въ различныхъ частяхъ Европы и, какъ оказывается, не только въ Европѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ.

Тамъ же Бонналь излагаетъ *Ученіе національнаго конвента о всемірной республикѣ*. Всѣмъ извѣстна та революціонная пропаганда, которой занимались конвентъ и потомъ директорія въ Западной Европѣ. Бонналь сгруппировалъ всѣ эти теоріи національнаго конвента, а также отмѣтилъ планы якобинскихъ вождей къ обращенію въ республики всѣхъ европейскихъ государствъ (10 августа).

Изъ области литературы и искусства нѣкоторый интересъ представляютъ

статьи: Шарля Бюэ о *Франсуа Коппе*, Карла Блинда о *Гансѣ Саксѣ* и де-Іонга о *Вагнеровскомъ Парсифалѣ*. Бюэ собралъ довольно характерные факты объ одномъ изъ лучшихъ современныхъ французскихъ поэтовъ. Небольшая статейка написана живо, съ большимъ сочувствіемъ, но безъ всякихъ затѣй и безъ желанія возвеличить героя этого біографическаго очерка (10 августа).

Блиндъ, нѣмецкій эмигрантъ, поселившійся въ Лондонѣ, былъ наведенъ на мысль познакомить публику съ народнымъ Гёте XVI вѣка вслѣдствіе появленія замѣчательнаго музыкальнаго произведенія Рихарда Вагнера *Нюренбергскіе мейстерзингеры*. Статья эта не закончена; въ ней Блиндъ, главнымъ образомъ, трактуетъ объ отношеніи поэзіи мейстерзингеровъ къ поэзіи миннезингеровъ.

Эхо изъ Байрейта по поводу Парсифаля. Де-Іонгъ, голландецъ, описываетъ, по-французски, впечатлѣнія, возбужденныя нѣмецкимъ произведеніемъ, на страницахъ международнаго журнала, издающагося во Флоренціи. Впечатлѣнія эти отличаются большою трезвостью. Авторъ статьи признаетъ великія заслуги Вагнера, но не принадлежитъ къ числу его завзятыхъ адептовъ и указываетъ на многіе недостатки какъ самой музыки нѣмецкаго маэстро, такъ и ея исполненія на сценѣ байрейтскаго театра (25 августа).

Насъ не очень поразила довольно странная, по формѣ, повѣсть г. Маркевича подъ заглавіемъ: *По телеграфу, современный романъ*, въ которой нашъ соотечественникъ прибѣгнулъ къ новой, по своей оригинальности, но нисколько не художественной формѣ изложенія: въ видѣ телеграммъ. Повѣсти и романы въ письмахъ не всегда удаются, а телеграммы оказываются уже совершенно неудобнымъ средствомъ. Но если мы не были удивлены появленіемъ этого плохаго произведенія на страницахъ иностраннаго журнала, мало знакомаго съ нашей литературой, то намъ показалась чѣмъ-то похожимъ на рекламу замѣтка о самомъ авторѣ: Болеславѣ Михайловичѣ, «камергерѣ двора Его Императорскаго Величества». Въ ней, во-первыхъ, г. Маркевичъ ставится на ряду съ Гоголемъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ, Писемскимъ и Островскимъ; далѣе, онъ называется первокласснымъ романистомъ, обладающимъ блестящимъ талантомъ: авторъ замѣтки сравниваетъ его съ Гёте. Безконечный романъ г. Маркевича (трилогія: *Четвертъ вѣка назадъ*, *Переломъ* и *Бездна*), въ началѣ нравившійся нашей публикѣ, но потомъ надоѣвшій ей вслѣдствіе излишней длинноты и постепеннаго ослабленія силъ автора, восхваляется до небесъ. Наконецъ, по поводу послѣдней драмы, извлеченной г. Маркевичемъ изъ его *Перелома*, говорится о какихъ-то гоненіяхъ, которымъ подвергся ея авторъ, и судьба этой драмы сопоставляется съ судьбою гоголевскаго *Ревизора*. Однимъ словомъ, оказывается, что русская земля обладаетъ теперь такимъ писателемъ, который совмѣщаетъ въ себѣ дарованія Гоголя, Гёте, Тургенева и другихъ великихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ.

Въ предшествовавшихъ нумерахъ помѣщены были слѣдующія болѣе замѣчательныя статьи: *Замѣтка о современномъ турецкомъ театрѣ* г-жи Суходольской. Театръ этотъ существуетъ не болѣе 20 лѣтъ и обязанъ своимъ основаніемъ одному армянину по имени Гулли-Агопу, причемъ, прежде всего, давались французскія комедіи Мольера въ турецкомъ переводѣ. Въ послѣднее время почти каждый день появляются оригинальныя турецкія произведенія. Г-жа Су-

ходольская сообщаетъ о нихъ много любопытныхъ свѣдѣній (10 іюля).— *Коломанъ Микатъ, венгерскій новеллистъ* Томаса Шаны. Маленькій очеркъ, принадлежащій перу секретаря одного венгерскаго литературнаго общества, знакомитъ съ популярнымъ и въ высшей степени симпатичнымъ венгерскимъ писателемъ. Этотъ писатель, къ сожалѣнію, у насъ совершенно неизвѣстенъ: между тѣмъ, въ его новеллахъ, изображающихъ народную жизнь Венгріи, столько юмора, такое глубокое пониманіе дѣтей природы, простыхъ венгерскихъ пастуховъ, что эти новеллы заслуживаютъ быть переведенными на русскій языкъ. Наша публика познакомилась бы тогда и съ венгерскимъ бытомъ, и съ прекрасными поэтическими твореніями (25 іюля).

Westermanns Illustrierte Deutsche Monats-Hefte (*September*, *October*). Этотъ иллюстрированный ежемѣсячный журналъ принадлежитъ къ числу старыхъ нѣмецкихъ органовъ печати и занимаетъ одно изъ самыхъ почтенныхъ мѣстъ. Достаточно сказать, что редакторомъ его состоитъ въ настоящее время Фридрихъ Шпильгагенъ. Журналъ считаетъ своей главной задачей избѣгать всякой тенденціозности и ограничиваться исключительно развитіемъ въ своихъ читателяхъ изящнаго вкуса и распространеніемъ самыхъ разнообразныхъ знаній. Повѣсти, принадлежащія перу лучшихъ писателей и вполнѣ популярныя, украшенныя рисунками статьи изъ области естественныхъ наукъ, географіи, психологіи, политической экономіи, исторіи, археологіи и искусства вполнѣ достигаютъ своихъ цѣлей и даютъ полезное и совершенно приспособленное къ потребностямъ обширной публики чтеніе. Выборъ статей весьма строгій; авторитетныя имена встрѣчаются, но и ихъ работы соотвѣтствуютъ общимъ цѣлямъ журнала.

Въ сентябрскомъ нумерѣ мы укажемъ нашимъ читателямъ на три статьи: Эрнестъ Циль охарактеризировалъ одного изъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ, произведенія котораго извѣстны русской публикѣ. *Робертъ Гамерлингъ*, авторъ *Царя Сіона*, переведеннаго на русскій языкъ Ѳ. Б. Миллеромъ, отличается большимъ разнообразіемъ своихъ произведеній. Драмы, поэмы, историческіе романы, кантаты, комедіи и т. д., однимъ словомъ, самыя противуположныя роды поэтическихъ произведеній были испробованы этимъ плодовитымъ писателемъ съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ.

Неутомимый путешественникъ по Африкѣ, Рольфсъ, пишетъ о *Городахъ на берегу Чермнаго моря*. Значеніе всемірнаго торговаго пути, направляющагося черезъ Суэцскій каналъ, такъ велико, что каждаго образованнаго читателя должны занимать описанія столь важныхъ пунктовъ, какъ Косейръ, Суэцъ и Джедда. Особенно любопытенъ Суэцъ, въ которомъ соединены самыя разнообразныя народности, въ которомъ можно найти магометанскія мечети, церкви: католическую, протестантскую и православную, арабскія школы, французское учебное заведеніе для мальчиковъ, женскій пансіонъ, руководимый французскими монахинями, двѣ массонскія ложи и т. д.

Шнейдеръ посвятилъ нѣсколько страницъ изученію того, какимъ образомъ развивается рѣчь у дѣтей. Въ ст. *Развитіе рѣчи у дѣтей* дается много полезныхъ совѣтовъ, какъ руководить процессомъ пріобрѣтенія словъ, но, вообще говоря, вслѣдствіе краткости, эта замѣтка недостаточно обстоятельна. Въ октябрскомъ нумерѣ Юліанъ Шмидтъ излагаетъ исторію гётевскаго *Вертера* и, слѣдовательно, тѣхъ событій, которыя послужили мотивами для гётевскаго романа. Помѣщено шесть прекрасно исполненныхъ рисунковъ. Г. Бин-

церъ разсказываетъ въ статьѣ *На берегахъ Днѣпра* о своемъ пребываніи въ южной Россіи, гдѣ онъ ознакомился съ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ. Рисунки изображаютъ типы южнорусскихъ крестьянъ и крестьянокъ,—типы, нѣсколько идеализированные художникомъ.

Deutsche Rundschau (*October*). Профессоръ Гиршфельдъ занимается, въ изящно написанномъ очеркѣ, озаглавленномъ *Делосъ*, исторіей этого прекраснаго острова, на которомъ нѣкогда возвышался знаменитый храмъ Аполлона. Благодаря неутомимымъ трудамъ французскихъ археологовъ, удалось открыть остатки этого храма и даже составить ясное представленіе объ его планѣ. Кромѣ развалинъ, найдены были во время раскопокъ необыкновенно важные документы: это—инвентари храмоваго имущества и владѣній за 300 лѣтъ, начиная съ 434 г. до Р. Х. Инвентари написаны на мраморныхъ доскахъ и составляютъ весьма богатый матеріалъ для археологовъ и политико-экономовъ. Документы эти напоминаютъ намъ полиптики средневѣковыхъ католическихъ монастырей. Гиршфельдъ удачно воспользовался ими для своего этюда.

Нѣмецкая колоніальная политика Ф. Г. Гефкена посвящена одному изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ не только для Германіи, но и для всей Европы. Гефкенъ приводитъ всевозможные аргументы въ пользу того, что его отечество должно заняться колоніальной политикой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и особенно распространяется о только что пріобрѣтенныхъ колоніяхъ въ западной Африкѣ, объ Ангра-Пекѣнѣ и объ Камерунскомъ округѣ.

The Fortnichtly Review (*August*). *Двухнедѣльное Обозрѣніе* было прежде органомъ позитивистовъ и издавалось извѣстнымъ знатокомъ исторіи литературы XVIII вѣка Морлеемъ. Тогда журналъ отличался исключительнымъ характеромъ и выражалъ мнѣнія одного рѣзко обособленнаго кружка. Теперь онъ не имѣетъ прежняго узкаго направленія и старается давать какъ можно болѣе разнообразныхъ статей. Такъ, въ этомъ августовскомъ нумерѣ помѣщены слѣдующія разнохарактерныя статьи: *Маркизъ Салисбёри* неизвѣстнаго автора. Признавая блестящія дарованія главы консервативной партіи въ палатѣ лордовъ, статья эта критикуетъ всю политическую дѣятельность этого англійскаго государственнаго человѣка и утверждаетъ, что онъ совершенно непригоденъ для своей роли и ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться государственнымъ мужемъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Онъ стоитъ, какъ политикъ, несравненно ниже своего предшественника, лорда Биконсфильда.—Фрэнсисъ Гальтонъ, прилагающій статистическій методъ къ антропологіи и психологіи, помѣстилъ замѣтку объ *Измѣреніи характера* и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: характеръ долженъ быть измѣряемъ на основаніи тщательно изложенныхъ фактовъ, представляющихъ собою повседневное поведеніе человѣка. Простое обобщеніе можетъ привести легко къ ошибкамъ. Нужно составлять списки фактовъ; каждый изъ нихъ долженъ быть въ отдѣльности провѣренъ, оцѣненъ и взвѣшенъ и потомъ уже все добытое должно быть точно суммировано. Такимъ образомъ получится статистика поведенія каждаго человѣка во всѣхъ мелочахъ повседневной жизни. Такой пріемъ даетъ самую простую и точную мѣрку для опредѣленія характера. Постоянное и методическое опредѣленіе характера другихъ лицъ и своего собственнаго, по убѣжденію Гальтона, весьма возможно и заслуживаетъ вниманія и провѣрки на опытѣ.

Очеркъ Гора о *Томасѣ Гоббсѣ* на немногихъ страницахъ весьма сжато и содержательно характеризуетъ великаго англійскаго философа XVII вѣка. Авторъ съумѣлъ изложить не только біографію, но и философскія и политическія ученія этого въ высшей степени оригинальнаго мыслителя (августъ).

The Nineteenth Century (*October*). Если въ этомъ нумерѣ *Девятнадцатаго Вѣка* и нѣтъ ни одной выдающейся статьи, то, все-таки, нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ нашего вниманія. Мы уже упоминали въ прошломъ мѣсяцѣ о статьѣ Джессопа: *Повседневная жизнь въ средневѣковомъ монастырѣ*. Она вызвала со стороны одного англійскаго бенедиктинскаго монаха дополненіе, появившееся въ настоящей книжкѣ *Девятнадцатаго Вѣка* подъ заглавіемъ: *Повседневная жизнь въ современномъ монастырѣ*. Въ ней о. Коди рисуетъ идеальную картину жизни католическаго монастыря въ Англіи и, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, полемизируетъ съ достопочтеннымъ Джессопомъ, своимъ англиканскимъ собратомъ. Слѣдуетъ, однако, признать, что эта защита монастырской жизни написана весьма умѣренно и мягко: не думаемъ, однако, чтобы она могла вполнѣ познакомить насъ съ современнымъ католическимъ монастыремъ.

Суинбернъ, извѣстный англійскій поэтъ и литературный критикъ, изобразилъ въ краткомъ очеркѣ литературную характеристику *Чарльза Рида*, романы и повѣсти котораго неоднократно переводились у насъ. Суинбернъ ставитъ этого писателя весьма высоко и сравниваетъ его съ различными англійскими и французскими романистами. Опредѣлить мѣсто, занимаемое Ридомъ въ развитіи англійской литературы, критикъ затрудняется. Главный недостатокъ этого писателя, по мнѣнію Суинберна, заключается въ томъ, что Чарльзъ Ридъ не создалъ ни одного крупнаго произведенія, которое бы удовлетворяло, со стороны гармоніи и единства, требованіямъ литературной критики. За то у этого писателя много блестящихъ эпизодовъ и замѣчательно хорошо очерченныхъ отдѣльныхъ личностей.—Г-жа Блакбернъ занялась весьма важнымъ вопросомъ *О призрѣніи и воспитаніи глухонѣмыхъ*. Статья носитъ характеръ преимущественно справочный. Мы находимъ въ ней исторію обученія глухонѣмыхъ въ различныхъ странахъ. Подъ конецъ статьи г-жа Блакбернъ касается причинъ появленія глухонѣмыхъ, которыхъ въ настоящее время насчитываютъ на земномъ шарѣ отъ 700,000 до 900,000; по ея мнѣнію, одной изъ главныхъ причинъ должны считаться браки между родственниками.

Викторъ Михайловскій.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Eugène Onéghine». Пушкина. Переводъ на французскій языкъ *Владиміра Михайлова*.—«Въ странѣ мантильи и кастаньетъ». *А. Н. Бѣжецкаго*.—«Двѣ матери». Драма *Евгенія Бѣлозерскаго*.—«Niezaradni». *Т. Т. Jeza*.—«Roses de Noel». *M-se de Blocqueville*.—«Paris qui grouille». *Pierre Veron*.—«Paris anécdote». *A. Privat d' Anglemont*.—«Belle-maman». *Debut de Laforest*.—«La seconde nuit». *Paul Ginisti*.

Eugène Onéghine, roman en vers. Pouschkin. Traduit du russe par Wladimir Mikhaïlow. 1884. Незнакомство иностранцевъ, особливо французовъ, съ Россіей, съ русской литературой и даже съ первенствующими ея

произведеніями, просто поразительно, иногда забавно. Въ то время, какъ произведенія Виктора Гюго, Альфреда де-Мюссе, Жоржъ Зандъ, Бальзака, Алек. Дюма, да и всѣхъ мало-мальски выдающихся французскихъ писателей извѣстны у насъ школьникамъ, французы едва слыхали имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя... Впрочемъ, съ прозаиками они стали въ послѣднее время кое-какъ знакомиться съ легкой руки Тургенева, о поэтахъ же имѣли лишь самое смутное представленіе по немногимъ переводамъ въ прозѣ. Переводъ Владиміромъ Михайловымъ *Евгенія Онѣгина* есть, кажется, первый опытъ передачи стихами произведеній русскихъ поэтовъ, и опытъ этотъ удался блистательно, такъ, какъ онъ могъ удаться только русскому, при полномъ знаніи роднаго языка, владѣющему въ совершенствѣ языкомъ Расина, Корнеля и Вольтера, нынѣ, увы, гибнущемъ въ самой Франціи подъ напоромъ варварскаго уличнаго жаргона. Такъ перевести великаго русскаго поэта, какъ переведенъ *Евгеній Онѣгинъ*, могъ лишь русскій, не только понимающій его умомъ, но и чувствующій русскимъ сердцемъ. Переводъ г. Михайлова подстрочный, дословный; это поражающій tour de force таланта и увлеченія, не ослабѣвшаго ни на одномъ стихѣ на протяженіи 282 страницъ. Признаемся, мы взялись за книгу г. Михайлова съ недовѣріемъ и понятнымъ опасеніемъ за участь Онѣгина, Татьяны, Ленскаго и Ольги. Первая строфа, первые двѣнадцать стиховъ не разсѣяли нашей тревоги; они показались намъ и слабыми, и натянутыми, не передающими всей чудной свѣжести подлинника,—показались вымученными. Они, быть можетъ, и на самомъ дѣлѣ таковы. Но уже со второй и третьей строфы всѣ сомнѣнія разсѣялись; а чѣмъ дальше мы читали, тѣмъ яснѣе становилось, что переводчикъ стоитъ отнюдь не ниже взятой имъ на себя задачи. Мы уже читали Пушкина—настоящаго. Передъ нами звучала и въ насъ отдавалась своеобразная гармонія... Нѣчто подобное мы испытывали, слушая, какъ первоклассный музыкантъ передаетъ на скрипкѣ захватывающіе душу звуки нашей родной любимой русской пѣсни... Только теперь, благодаря труду г. Михайлова, французы и всѣ иностранцы, знающіе французскій языкъ, получатъ возможность ознакомиться съ великимъ русскимъ поэтомъ и отчасти оцѣнить его. Мы говоримъ отчасти потому, что по одному *Евгенію Онѣгину* оцѣнка не можетъ быть полною, и на этомъ-то основаніи высказываемъ самыя горячія пожеланія, чтобы нашъ талантливый переводчикъ не остановился на полпути, чтобы онъ далъ возможность иностранцамъ прочесть *Каменнаго гостя*, *Моцарта и Сальери*, *Бориса Годунова*, *Руслана и Людмилу*, *Полтаву*... Судя по лежащей передъ нами книгѣ, мы считаемъ исполненіе столь прекрасной и заманчивой задачи посильною г. Михайлову. Его литературное имя составлено, а впереди ждетъ, быть можетъ, и слава!

Въ странѣ мантильи и кастаньетъ. Путевые наброски А. Н. Бѣжецкаго. Спб., 1884 г. Заглавіе заманчивое и страна интересная, русской публикѣ мало знакомая. А потому понятно, съ какимъ любопытствомъ мы взялись за эту чистенько и даже щеголевато изданную книжку. Начинается она описаніемъ Біарица. Авторъ въ трехъ главахъ, на 33 страницахъ сообщаетъ читателямъ, что Біарицъ — городъ маленькій и довольно дрянненькій, и только. Слѣдуетъ Мадридъ и оказывается, что это городъ небольшой и тоже довольно плохой, и т. д. до конца книги. «Послѣ быстрой и непродолжительной экскурсіи изъ Біарица въ Кастилью, а изъ Кастильи въ Андалузію,—говоритъ авторъ, — у

меня осталось только сильное «чувство», безотчетное впечатлѣніе, голубыя, пунцовыя и розовыя краски и больше почти ничего». Изъ этой смѣси красокъ выдѣляются: «Тамъ Донъ-Кихотъ, тамъ Санчо-Пансо, кастаньеты, площади auto-da-fé, Jerez de la Frontierra, торосъ и primera spada, вѣжливые разбойники и наглые нищіе, мавры и Джеральда, Мадридъ и какой-нибудь кабальеро, который несется по улицамъ этого города, «лицо плащемъ закрывъ и брови шляпой», и спрашиваетъ—узнаютъ ли его здѣсь въ такомъ видѣ? оборванныя, грязныя дѣти красоты неописанной; Санхо Великій, Фердинандъ Святой—освободитель Севильи, Филиппъ II и Христоферъ Колумбъ, открытіе Америки, Алькасара и Аранхуэцъ, Альгамбра, арабески и сады Гренады, донъ Педро Жестокій и Марія Падилья, купальня Маріи Падильи, ножки Маріи Падильи, продѣтыя непремѣнно сквозь чугунныя перила; мавры и гитаны; Севилья и Гренада при лунномъ свѣтѣ; шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ, и волнами играетъ прозрачный Хениль. Sant Jago! и вездѣ-то апельсины, и мирты, и лавры, и воздухъ напоенъ ароматомъ...» Дальше не читайте, до конца книги нѣтъ ровно ничего: нѣтъ ни кастаньетъ, ни мантильи, ни даже боя быковъ... Видѣлъ авторъ Алькасаръ въ Севильѣ и Альгамбру въ Гренадѣ и говоритъ, что Алькасаръ очень хорошъ, что хороша и Альгамбра, да жаль немного пообглупилась, и сады хороши, и испанки хороши. Такихъ путевыхъ набросковъ любой грамотный человѣкъ можетъ написать десятокъ, не выѣзжая изъ собственной усадьбы, много лучше можетъ написать и озаглавить еще забористѣе, напримѣръ: въ странѣ слоновъ и байядерокъ, въ странѣ чарды и зурны и т. п. Ради такихъ впечатлѣній, какія «набросалъ» г. Бѣжецкій, не стоило ѣздить въ Испанію.

Двѣ матери. Драма въ 5 дѣйствіяхъ (въ стихахъ). Евгенія Бѣлозерскаю. Москва, 1884 г. Начнемъ съ первыхъ строкъ: Дѣйствіе I, явленіе 1. Наташа входитъ (*читая письмо*).

Письмо, желанное давно,
Я отъ Сергѣя получила;
Меня встревожило оно
И мысли всѣ мои смутило.
Его прочла я въ торопяхъ,
А дрожь меня вотъ такъ и била... и т. д.

Письмо въ прозѣ. Сергѣй, между прочимъ, пишетъ: «Я зналъ въ свѣтѣ не мало дѣвушекъ, и ни одна изъ нихъ не была такъ щедро надѣлена природой, какъ ты. Клянусь тебѣ, ты феноменъ въ моей жизни!.. Страстно обнимаю и цѣлую тебя *всю* (курсивъ въ подлинникѣ), моя жемчужина. *Весь твой Сергѣй*».

Входитъ мать Наташи, Анна Андреевна, бранится и, наконецъ, восклицаетъ:

«Что за письмо ты получила?
Секретовъ я не допущу,
Что бы ты мнѣ ни говорила...»

Это опять въ стихахъ. Наташа уходитъ въ лавку за покупками. Безъ нея идутъ посторонніе разговоры. Но вотъ она возвращается; мать говоритъ:

„Сегодня ты странна ужасно,
Бѣжишь по глади безъ подковъ;
Какъ упадешь...»

Наташа *(съ горечью)*:

Уже у-па-ла (sic)
И невозможно больше встать (*плачетъ*).
Я, дочь, любовницею стала,
Виной тому родная мать (*показываетъ на нее пальцемъ*).

Дѣйствіе II, явленіе 1. Буровъ *(тихонько выходя изъ спальни Наташи)*.

Наташа матерію стала
Лежитъ недѣли три больной...

Надо полагать, что *матерію* можно на семъ и покончить безъ дальнихъ разсужденій: птица видна по полету. Въ четвертомъ дѣйствіи Наташа два раза промахивается по Бурову изъ пистолета, а въ пятомъ выпрыгиваетъ въ окно и безъ промаха разбиваетъ себѣ голову. Удивительныя бываютъ драмы и въ удивительныхъ стихахъ!

М.

Niezaradni. Powiesc T. T. Jeża. Warszawa, 1884. Г. Ежъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ польскихъ писателей, напрасно называетъ свое произведеніе повѣстью; это цѣлый романъ, въ которомъ авторомъ выведено много лицъ и дѣйствіе происходитъ въ различныхъ мѣстахъ и въ теченіе значительнаго промежутка времени. Этотъ романъ представляетъ въ польской литературѣ весьма отрадное явленіе. Въ немъ писатель выказываетъ много сочувствія къ подольскимъ хлопамъ и осуждаетъ шляхетныхъ помѣщиковъ. Произведеніе г. Ежа можетъ быть названо въ русскомъ переводѣ: *Въ безвыходномъ положеніи* и въ этомъ положеніи оказывается польская помѣщичья семья, проникнутая шляхетскимъ эгоизмомъ, относящаяся къ своимъ крѣпостнымъ съ полнѣйшимъ непониманіемъ въ нихъ какихъ бы то ни было человѣческихъ чувствъ. Если въ литературномъ отношеніи повѣсть г. Ежа страдаетъ многими недостатками, то эти недостатки искупаются крупными достоинствами. Несмотря на нѣкоторую преднамѣренность при выведеніи тѣхъ или другихъ лицъ, лица эти не являются нигдѣ съ тенденціозной окраской и каждое изъ нихъ запечатлѣно жизненной правдой. Единственнымъ дѣланнымъ лицомъ въ романѣ оказывается его героиня, что и составляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ. Высказанное нами мнѣніе о романѣ г. Ежа подтвердится краткимъ изложеніемъ его содержанія.

Въ Подольской землѣ, во времена, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, когда еще господствовало крѣпостное право, невдалекѣ отъ деревни Говорувки стояла корчма, называвшаяся Изгнанницей. Въ эту корчму приходятъ два старика крестьянина, полунищіе, полубродяги; одинъ изъ нихъ горькій пьяница, другой подавленъ несчастіемъ и горемъ. Туда же съ охоты приходитъ полный здоровья и самодовольный помѣщикъ панъ Тадеушъ Говоровскій. Встрѣча пана Тадеуша, обидчика, съ обиженнымъ имъ крестьяниномъ Лукою составляетъ эпилогъ романа. Въ чемъ заключалась обида и что довело Луку, трудолюбиваго непьющаго хлопа до состоянія полунищенства уже въ видѣ намека чувствуется въ этомъ эпилогѣ. У стараго Луки, въ его полуразрушенной хатѣ, бережно хранится сундукъ съ женскими нарядами и украшеніями. Несмотря на свою бѣдность, Лука ни за какія деньги не согласился бы продать эти наряды, принадлежавшіе его внучкѣ—Маринѣ. Авторъ переноситъ читателя за десятокъ

лѣтъ назадъ въ полѣ, прилежащее къ лѣсу. Среди хлѣбовъ идутъ три дамы, кавалеръ и маленькая дѣвочка. Одна дама, пани Ружа, — это жена помѣщика Говорувки, другая—ея пріятельница и гувернантка дѣвочки, а третья—сестра помѣщика, панна Эмилія. Кавалеръ, еще молодой человѣкъ, весьма франтоватый, богатый землевладѣлецъ Павелъ Стоцкій, ухаживаетъ за молодой дѣвицей или, лучше сказать, она занимается уловленіемъ выгоднаго жениха. Дѣвочка, хорошенькая, капризная Юлися, избалованная своими родителями, собираетъ сначала цвѣты, а потомъ, когда общество подходитъ къ лѣсу, увлекается земляникой. Земляника служитъ главнымъ поводомъ къ тому, что Марина, юная дочь Луки, попадаетъ прямо изъ лѣса въ домъ помѣщика. Дѣвушка, несмотря на босыя ноги, грубыя руки и незатѣйливый нарядъ, поражаетъ всѣхъ своей замѣчательной красотой. Капризная Юлися привлечена какой-то симпатіей къ героинѣ романа и для удовлетворенія ея каприза Марину отнимаютъ у дѣдушки и дѣлаютъ чѣмъ-то вродѣ прислужницы и компаньонки всесильной барышни. Такимъ образомъ, наивная крестьянская дѣвушка вступаетъ въ польскій помѣщичій кругъ. Панъ Стоцкій, сдѣлавшійся женихомъ Эмиліи Говоровской, какъ страстный поклонникъ красоты, обращаетъ вниманіе на Марину. Изъ Говорувки, вмѣстѣ съ ея обитателями и съ Мариной, читатель посѣщаетъ городъ Умань, въ то время, когда тамъ происходитъ большой съѣздъ окрестной польской шляхты. Марина, на которую музыка производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе, понадаетъ со своей барышней въ концертъ. Пѣніе заѣзжей артистки Х. еще болѣе развило въ ней страсть къ музыкѣ. Госпожа Х., вульгарная, но талантливая пѣвица, отправилась гостить въ Говорувку и открыла тамъ два таланта: во-первыхъ, она въ неспособной къ пѣнію Юлисѣ нашла замѣчательное вокальное дарованіе, чѣмъ очень польстила матери; во-вторыхъ, она была поражена необыкновенно сильнымъ, серебристымъ голосомъ Марины и совѣтовала ей сдѣлаться пѣвицей. Г-жа Х. уѣхала изъ Говорувки, а мать Юлиси стала теперь мечтать о необходимости заняться образованіемъ музыкальнаго таланта дочери.

Для изготовленія приданаго къ приближающейся свадьбѣ Стоцкаго съ панной Эмиліей семейство Говоровскихъ отправилось въ Одессу; за ними долженъ былъ послѣдовать Стоцкій, но онъ замедлилъ съ выѣздомъ и совершенно исчезъ; исчезла также и Марина. Панъ Павелъ увлекся ея красотою, ея страстью къ музыкѣ, къ которой онъ и самъ питалъ большую любовь, и рѣшился заняться ея музыкальнымъ образованіемъ. Такимъ образомъ, Марина, подольская крестьянка, очутилась въ Парижѣ.

На время оставимъ героиню романа и послѣдуемъ въ Одессу за Говоровскими. Не дождавшись Стоцкаго, они занялись воспитаніемъ Юлиси. Авантюристъ учитель музыки совершенно завладѣлъ этимъ шляхетскимъ семействомъ, женился на паннѣ Эмиліи или, лучше сказать, на ея приданомъ и повезъ ее въ Парижъ. Туда же впослѣдствіи направилась и пани Ружа съ дочкой Юлисей, въ громадныя музыкальныя способности которой мать совершенно увѣровала. Говоровскіе совершенно разорились: отецъ, запутанный въ долгахъ, живетъ въ деревнѣ, а мать съ дочерью ведутъ почти нищенскую жизнь въ Парижѣ. Мужъ Эмиліи занимается финансовыми аферами и на балу у него Говоровскіе встрѣчаютъ знаменитую пѣвицу Ирамъ де-Ровогъ (Мари изъ Говоръ). Великая артистка поетъ только на вечерахъ у богачей за громадныя деньги:

всѣ преклоняются передъ ея красотою, но никто не можетъ добиться ея любви: она любитъ только одно искусство. Романъ кончается тѣмъ, что Марина спасаетъ изъ нищеты своихъ прежнихъ барынь, выходитъ замужъ за пана Павла и отправляется въ свою родную Подольскую землю вмѣстѣ съ Говоровскими и съ мужемъ. Тамъ имѣніе пана Тадеуша оказывается проданнымъ съ молотка, а бывшій владѣлецъ живетъ въ полуразоренной хижинѣ вмѣстѣ съ Лукою, который далъ ему пріютъ.

Изъ обзора содержанія, какъ намъ кажется, можно ясно видѣть, что г. Ежъ, обладающій безспорнымъ талантомъ, увлекся французскими романами плохой школы, выводящими ради эффекта мелодраматическихъ героевъ и героинь. Но многое можно простить автору за его теплое отношеніе къ забитымъ хлопамъ и за мѣткую характеристику польской шляхты. Собраніе этой шляхты въ Умани, по нашему мнѣнію, составляетъ лучшій эпизодъ въ романѣ.

Викторъ Михайловскій.

Roses de Noël, pensées d'hiver, par la M-se de Blocqueville. Эти *Зимнія думы*, посвященныя любящею теткою милой ея сердцу племянницѣ, очевидно, продуктъ выдающагося ума и чуткаго, нѣжнаго сердца. Въ нихъ мы видимъ только для женщины доступное сочетаніе поэзіи съ возвышенною философіей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «Страшная вещь смерть; но надо любить Бога настолько, чтобы ничего не бояться и смерть называть ея настоящимъ именемъ — *превращеніемъ*».—«Сочувствіе горю ближняго убаюкиваетъ собственныя страданія».—«Испытавшіе страданіе умѣютъ предохранить отъ нихъ близкихъ сердцу. Счастливы дочери несчастныхъ матерей...» Между *Зимними думами* маркизы де-Блокевилль встрѣчаются иныя, нелишенныя нѣкоторой ядовитости: «Все поддѣльное никуда не годится, въ особенности же поддѣльные солдаты; слѣдовательно, не надо національной гвардіи». Мы встрѣтили такое размышленіе: «*Будетъ чортъ—у него Бога нѣтъ!* гласитъ прекрасная русская пословица, полная философіи и любви; не мѣшало бы надъ нею глубоко поразмыслить людямъ, призваннымъ властвовать...» Въ заключеніе о всѣхъ афоризмахъ, собранныхъ въ этой книжкѣ, мы скажемъ ея же словами: «Не пренебрегайте крошками; онѣ иногда лучше большихъ кусковъ!...»

Paris qui grouille par Pierre Véron. Пьеръ Веронъ принадлежитъ, безспорно, къ талантливѣйшимъ и симпатичнѣйшимъ разсказчикамъ. Всякая мелочь, выходящая изъ-подъ его пера, блещетъ остроуміемъ, иногда серьезнымъ юморомъ, нерѣдко глубокимъ чувствомъ. Въ *Копошащемся Парижѣ* (*Paris qui grouille*) авторъ безпощадно рѣжетъ правду въ глаза своимъ согражданамъ; и отъ этой правды покоробитъ не однихъ французовъ, а кое-кого къ намъ поближе, а потому считаемъ не лишенными назидательности нѣкоторыя выдержки изъ лежащей передъ ними книги. На первой страницѣ, въ *Le carnaval de la vertu* (*Карнавалѣ добродѣтели*) мы читаемъ:

«Плохъ сталъ карнавалъ, никуда не годится ни качественно, ни количественно. Пожалѣетъ ли кто о его внезапномъ прекращеніи? Развѣ не вѣчный у насъ карнавалъ, созданный... Ну, да ладно! Я чуть-чуть не отчиталъ фразы, всѣми наизусть заученной. Повоздержусь... или, лучше, изъ всѣхъ непрерывныхъ и охватывающихъ насъ карнаваловъ я припомню только одинъ, кото-

рому недавнія событія придаютъ особый интересъ современности. Это карнавалъ добродѣтели. Отъ вашего вниманія, конечно, не ускользнули разсказы въ газетахъ про облавы, устроенныя въ нѣкоторыхъ переулкахъ, гдѣ милыя дамы производили торговлю, которой онѣ были и лучшимъ украшеніемъ, и главнымъ товаромъ. Исправительная полиція удостоивается даже иногда чести судить нѣкоторыхъ изъ этихъ героинь, держащихся нѣсколько иныхъ путей, чѣмъ Іоанна Д'Аркъ. Цѣль благая и промыселъ этихъ спеціалистокъ не совсѣмъ подходитъ подъ правила о выдачѣ премій покойнаго Монтіона. Но я думалъ, что передъ закономъ равны всѣ французы и француженки тоже. А теперь становлюсь въ тупикъ передъ фактами поразительной неравноправности».

Далѣе авторъ сопоставляетъ участь «милыхъ дамъ», которыхъ полиція ловитъ по ночамъ, какъ бродячихъ собакъ, съ столь же «милыми дамами», нанимающими лавченку для торговли духами и перчатками и производящими, подъ прикрышкою нѣсколькихъ флаконовъ съ простою водою, въ полномъ спокойствіи и безопасности отъ полиціи тотъ же торгъ, за производство котораго «въ разносъ хватаютъ полицейскіе агенты и сажаютъ въ тюрьму св. Лазаря исправительные суды... Въ Фоли-Бержеръ и Эденъ-Театрѣ та же коммерція ведется столь же свободно и безнаказанно безъ всякой прикрышки пустыми флаконами и бракованными перчатками. Въ Елисейскихъ поляхъ цѣлый рой такихъ же дамъ красуется въ роскошнѣйшихъ экипажахъ. Всѣхъ ихъ и публика, и полиція знаетъ; газеты говорятъ о нихъ, нисколько не скрывая, какого рода заработкомъ пріобрѣтается ихъ роскошь». «На какомъ же основаніи существуютъ для одного и того же различные вѣсы и мѣры? Чѣмъ обусловлены терпимость съ одной стороны и репрессія съ другой»?—спрашиваетъ авторъ и приходитъ къ тому выводу, что для авторитета власти было бы полезнѣе держаться чего-либо одного, хотя бы даже просто махнуть рукой на всѣ «милыя, но погибшія созданія». Мы бы предпочли, пожалуй, иной путь, но во всякомъ случаѣ однообразный и равный для всѣхъ.

Въ «Moutarde après dîner» (Послѣ обѣда горчица) авторъ возвращается къ тѣмъ несчастнымъ созданіямъ, которыхъ за коммерцію въ разносъ сажаютъ въ тюрьму, вмѣстѣ съ воровками, гдѣ тюремные «патронаты» хлопочатъ объ обученіи ихъ грамотѣ и пр. «Не поздно ли? — замѣчаетъ П. Веронъ. — Не будетъ ли это послѣ ужина горчица? Не лучше ли и не полезнѣе ли было бы подумать о дѣтяхъ и направить всѣ заботы и силы общества на предохраненіе отъ порока, чѣмъ азбуками и душеполезными книжками пытаться возвратить къ добродѣтели?...»

Глава «Les étonneurs» (*Удивлятели*) заслуживаетъ того, чтобы остановиться на ней именно здѣсь, въ отдѣлѣ, въ которомъ часто приходится вѣдаться съ удивлятелями.

«Для новаго явленія необходимо создать новое слово, — такъ начинаетъ П. Веронъ.—Удивлятели—это язва нашего времени. Въ былые годы для пріобрѣтенія извѣстности надо было потрудиться, взять ее съ бою шагъ за шагомъ, послѣ долгой борьбы. Нынче не то. Всѣхъ охватило нетерпѣніе поскорѣе выскочить... Этому лихорадочному стремленію добиться скороспѣлой репутаціи обязана своимъ возникновеніемъ секта удивлятелей, пріобрѣтающая постоянно новыхъ послѣдователей и постоянно продѣлывающая передъ нашими глазами новыя безумія и безобразія. Штучка, сама по себѣ, очень простая. Если вы

на улицѣ снимете панталоны и предъявите на показъ публикѣ то, чего показывать не допускаетъ стыдливость, то, само собою разумѣется, на васъ станутъ оглядываться прохожіе и соберется толпа. Такъ-то и поступаютъ удивлятели. Въ литературѣ эту штучку продѣлываетъ натурализмъ съ его нелѣпыми показываніями. Онъ ли недостаточно снялъ штановъ! И штучка удалась ему; вокругъ него собралась толпа зѣвакъ. Возмись эти люди работать по настоящему, добросовѣстно, бо́льшая часть изъ нихъ пребывала бы въ полной неизвѣстности. Сколько никому невѣдомыхъ талантовъ гибнетъ по чердакамъ! А стоитъ только заявить себя удивлятелемъ, и ваше имя сразу становится извѣстнымъ бараноподобной толпѣ... Кричите во все горло безстыдныя вещи, говорите кабацкимъ жаргономъ, тащите въ литературу мерзость, — успѣхъ вашъ обезпеченъ». Въ искусствѣ тотъ же фортель... Въ политикѣ, въ биржевыхъ дѣлахъ то же самое... «Берегитесь, удивлятели! — заканчиваетъ Веронъ.—Я думаю, что часъ расплаты близокъ. Отъ звука трубнаго пали стѣны Іерихона. Для васъ достаточно будетъ звука свистковъ». Жаль только, что свистки медлятъ, и нахальное безстыдство *удивлятелей* растетъ и продолжаетъ вызывать аплодисменты Панургова стада не въ одной Франціи, но и у насъ. Съ такою же правдивою рѣзкостью говоритъ авторъ о современномъ театрѣ въ очеркѣ «Le théatre d'assises» (мы переведемъ такъ: *Уголовщина на сценѣ*): «на сценѣ изображаются всѣ гадости *жульническаго* міра (du monde où l'on chourine» *). Веронъ указываетъ на посѣтителей верхнихъ ярусовъ,—райка, по нашему,—на то, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ они слѣдятъ за этимъ «курсомъ сравнительнаго преступленія». «Берегитесь!—продолжаетъ авторъ.— Это представляетъ собою соціальную опасность, на которую должно обратить вниманіе и устранить которую необходимо. Говорятъ, театръ—школа...Да, было время, когда театръ каралъ порокъ смѣхомъ, теперь онъ развращаетъ, заставляя скучать». Въ этомъ Веронъ винитъ не авторовъ подлыхъ пьесъ, не антрепренеровъ, ставящихъ мерзости, а публику, которая бѣжитъ толпами на эту гниль и носъ воротитъ отъ здоровой умственной пищи. Гдѣ же лѣкарство? Гдѣ спасенье отъ этого? Веронъ ожидаетъ таковаго отъ реакціи, долженствующей наступить, когда театръ дойдетъ до той крайности, которая *замутитъ* на душѣ у зрителей, какъ мутитъ въ желудкѣ отъ испорченной пищи. Мы такой надежды съ авторомъ не раздѣляемъ, какъ, впрочемъ, не раздѣляемъ и нѣкоторыхъ иныхъ взглядовъ. Во всякомъ же случаѣ *Paris qui grouille* заслуживаетъ полнаго вниманія.

Paris anécdote par. A. Privat d'Anglemont. Книжка эта составлена изъ фельетоновъ, выбранныхъ изъ газеты *Siècle*, если намъ не измѣняетъ память. Разсказы д'Англемона знакомятъ насъ съ чрезвычайно интересными сторонами парижской жизни, совершенно незнакомыми русскимъ и даже самимъ парижанамъ, или ихъ огромнѣйшему большинству. Это тоже «копошащійся Парижъ», только авторъ изображаетъ не тѣ части его населенія, о которыхъ говоритъ Пьеръ Веронъ въ своей книгѣ *Paris qui grouille*. Д'Англемонъ сразу вводитъ читателя въ цѣлый міръ, хорошо изученный авторомъ и публикѣ столь же мало извѣст-

*) Словъ: *chourin*, *chourineur*, *chouriner* въ словаряхъ не ищите. Это изъ парижскаго *argo*; въ переводѣ на языкъ Хитрова рынка въ Москвѣ и Сѣнной въ Петербургѣ *chourin* значитъ *жуль*, *chourineur*—*жуликъ*. На обыкновенномъ языкѣ *жуль* и *chourin*—ножъ, *жуликъ* и *chourineur*—воръ, грабитель.

ный, какъ жизнь столицы Тибета. Въ особенности интересны очерки *Les Industries inconnues* (неизвѣстные промыслы). Тутъ мы встрѣчаемся съ цѣлыми фабриками — чего бы вы думали? — пѣтушьихъ гребешковъ для соуса, муравьиныхъ яицъ для корма птицамъ, хлѣбовъ и пряниковъ, изготовленныхъ изъ хлѣбныхъ кусковъ, остающихся въ трактирахъ; авторъ ведетъ насъ въ кухмистерскія, перерабатывающія для своихъ кліентовъ объѣдки блюдъ изъ тѣхъ же трактировъ... и мало ли куда еще заходитъ самъ открыватель «неизвѣстныхъ промысловъ» и заводитъ съ собою читателя,—именно заводитъ, такъ живы и увлекательны его описанія. Такой-то,—авторъ называетъ имя, указываетъ мѣсто жительства, если хотите, можете провѣрить,—такой-то пришелъ въ Парижъ съ тремя алтынами, былъ тряпичникомъ, копался въ уличномъ сору и думалъ, думалъ и выдумалъ «неизвѣстный до него промыселъ», взялся за него и теперь живетъ въ собственномъ домѣ, получаетъ десятки тысячъ франковъ дохода, сталъ библіоманомъ... Или вотъ, напримѣръ: виконтъ Х.. рыцарь безъ страха и безъ копѣйки, служилъ солдатомъ. Возлюбленная одного изъ офицеровъ, дѣвица, произвела на свѣтъ ребенка. Отцу почему-то неудобно было признать дитя своимъ (такого рода усыновленія допускаются французскимъ закономъ) и онъ обратился къ виконту. Тотъ согласился. Не все ли ему равно? Понадобилась та же услуга еще кому-то, виконтъ готовъ оказать таковую и этому; ему, все-таки, кое-что перепадаетъ безъ хлопотъ. Кончилась военная служба виконта, пріѣхалъ онъ въ Парижъ и по чьей-то рекомендаціи заявился въ меріи отцомъ. Слухъ объ этомъ распространился, и скоро всѣ дамы «квартала Бреда», оказывавшіяся въ необходимости заявлять меріи о приращеніи населенія Франціи, пожелали быть матерями «виконтовъ», а для г. виконта Х. открылся новый, прибыльной промыселъ ходить въ мерію и удостовѣрять, что таковымъ приращеніемъ Франція обязана ему. Жилось виконту пречудесно, но только до поры до времени. Неожиданное наслѣдство дало ему возможность «оставить дѣла—se retirer des affaires». Тутъ-то и ждала расплата. Провѣдавши о наслѣдствѣ, нѣсколько сотъ виконтовъ и виконтессъ поспѣшило заявить свои легально-неотразимыя права на отеческую нѣжность и попеченія ихъ законнаго родителя. Выпутался ли виконтъ и выпутается ли изъ столь затруднительнаго положенія, пока неизвѣстно. Это, конечно, юмористическая часть книги Д'Англемона; но, рядомъ съ этимъ и другими юмористическими эпизодами, въ ней есть и очень много серьезнаго, въ высшей степени любопытнаго и поучительнаго. Отрывки изъ этой книги или, вѣрнѣе, нѣкоторыя изъ вошедшихъ въ нее статей были переведены на русскій языкъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онѣ печатались во французской газетѣ.

Belle-maman, moeurs contemporaines, par Debut de Laforest. Авторъ предпосылаетъ роману предисловіе въ видѣ посвященія своему другу, извѣстному романисту Орельену Шолю. Мы же безъ всякихъ предисловій возьмемся прямо за фабулу, а о посвященіи потолкуемъ въ послѣсловіи. Заслуженный генералъ Кладель, всѣми чтимый герой франко-прусской войны, женатъ на прелестной во всѣхъ отношеніяхъ особѣ. Отъ перваго брака у него есть взрослая дочь Леони. Жермена—belle-maman и Леони дружны, какъ два ангела небесныхъ, ухаживаютъ за старикомъ генераломъ, боготворятъ его. Идиллія немножко утрирована авторомъ, но это не мѣшаетъ радоваться на нее другу генерала, доктору, а съ нимъ и читателю. Графъ де-Монтиньи, капитанъ кварти-

рующаго по близости полка, влюбляется въ Леони; она въ него; препятствій нѣтъ, партія подходящая,—честнымъ пиркомъ и за свадебку... Другая идиллія. Обѣ онѣ то текутъ параллельно въ городѣ и въ деревнѣ у генерала, то сливаются подъ одною кровлею къ общему удовольствію. До свадьбы капитанъ жилъ съ одною актрисою; но, влюбившись въ Леони и собравшись жениться, выдалъ своей бывшей возлюбленной соотвѣтствующій его положенію кушъ и выпроводилъ ее въ Италію,—отъ грѣха подальше, значитъ. Но грѣхъ подкарауливаетъ его съ другой стороны во образѣ belle-maman. Монтиньи влюбляется въ мачиху жены, главнымъ образомъ, потому, что нѣжно любящая и страстно имъ любимая Леони, готовясь быть матерью, подурнѣла, ни наряжаться, не выѣзжать не можетъ; а Жермена и наряжается, и танцуетъ, и привлекаетъ всею прелестью молодой женщины, неиспытавшей сладости любви, понимаемой въ данномъ случаѣ довольно односторонне. Первое его объясненіе въ любви съ Жерменой кончается самымъ естественнымъ образомъ: молодая женщина выгоняетъ его вонъ и, оставшись одна, восклицаетъ: «Не бойся, Леони, я твоя maman!...» Между тѣмъ, актриса вернулась, она все еще любитъ капитана, а Леони все дурнѣетъ. И вотъ Монтиньи возобновляетъ прежнюю связь, только приказываетъ актрисѣ одѣваться, какъ Жермена, и подражать ея голосу, ея манерѣ, во время свиданій съ нею устраиваетъ для себя своего рода иллюзію, зоветъ актрису именемъ belle-maman. Леони подозрѣваетъ невѣрность мужа и приходитъ въ полное отчаянье, когда письмо одной театральной соперницы подтверждаетъ ея опасенія. Тутъ вступается belle-maman, Жермена, и миритъ молодыхъ супруговъ. Идиллія на время воскресаетъ, но уже не совсѣмъ искренняя. Капитанъ гдѣ-то добылъ фотографическую карточку Жермены, осыпалъ ее поцѣлуями, облилъ слезами и, не выпуская изъ рукъ, уснулъ въ тѣнистомъ саду. Пришла Леони, увидала карточку мачихи, вернувшись домой, сдѣлала Жерменѣ страшную сцену, обвиняя ее въ связи съ капитаномъ, и въ тотъ же день уѣхала съ мужемъ въ городъ. Жермена въ страшномъ волненіи. Она ли не любила Леони, она ли не пожертвовала сладостями любви ради ея спокойствія, и за все это, вмѣсто благодарности, тяжкія оскорбленія. Въ разгарѣ этихъ думъ Монтиньи входитъ въ ея комнату, опять говоритъ о своей любви. Въ нравственной и физической борьбѣ съ жгучею страстью влюбленнаго молодая женщина изнемогаетъ... Проходитъ недѣля. Докторъ успѣлъ кое-какъ всѣхъ помирить, все уладить. Но тутъ Леони случайно подслушиваетъ разговоръ своего мужа съ belle-maman. Онъ уговариваетъ Жермену бросить старика генерала и бѣжать вмѣстѣ за границу. Леони убѣждается въ томъ, что ея мужъ былъ любовникомъ мачихи, снимаетъ со стѣны револьверъ и стрѣляетъ въ измѣнника. Сбѣжавшимся на выстрѣлъ Монтиньи успѣваетъ сказать, что застрѣлился самъ; а Леони падаетъ въ объятья Жермены и говоритъ: «Я его обожала, belle-maman».

Романъ написанъ живо и читается легко, но... Вотъ по случаю этого «но» намъ и предстоитъ вернуться къ предисловію. Въ немъ авторъ говоритъ: «Меня давно поражало крайнее неудобство совмѣстной жизни, постоянныя опасности, въ которыя ставится домашній очагъ нѣжными излишествами и родственными ласками, отклоняющими боязнь чего-нибудь дурнаго, а также всякое наблюденіе за самимъ собою». Далѣе Лафоре указываетъ на послѣдствія сожительства въ крестьянскихъ семьяхъ, достаточно знакомыя русскимъ читателямъ.

пожившимъ въ деревняхъ. Для демонстраціи такой-то опасности и написанъ романъ *Belle-maman*. Но,—возразимъ мы,—представленный авторомъ случай нисколько ни убѣдителенъ и отнюдь не доказываетъ положенія, поставленнаго въ вышеприведенномъ предисловіи. Это не болѣе, какъ возможный случай, а не необходимый результатъ совмѣстной жизни и родственныхъ отношеній между зятемъ и тещей, какъ бы она ни была молода. Для того, чтобы подобный казусъ случился, вовсе не необходима жизнь вмѣстѣ, въ одномъ домѣ; то же самое могло произойти и при жизни въ разныхъ домахъ. На возможной случайности нельзя строить какихъ бы то ни было выводовъ; мало ли что бываетъ, стоитъ только припомнить исторію Козьмы III, семейства Ченчи, дона Карлоса... Если начать на нихъ основаніи дѣлать общія заключенія, то можно зайти такъ далеко, что, въ концѣ-концовъ, и выхода не окажется. Равнымъ образомъ ставить въ заголовкѣ такого романа, что это—*moeurs contemporaines* (очеркъ современныхъ нравовъ), кажется намъ неумѣстнымъ. Все изображенное въ романѣ не составляетъ отличительнаго признака настоящаго состоянія нравовъ: то же самое бывало и пятьдесятъ, и сто, и болѣе лѣтъ тому назадъ, много болѣе, — бывало съ тѣхъ поръ, какъ появились на свѣтъ тещи и зятья, и будетъ случаться болѣе или менѣе рѣдко до тѣхъ поръ, пока люди будутъ... людьми. Такими книжками, какъ романъ Лафоре, нравы не исправляются. Выше мы сказали, что романъ легко читается и живо написанъ; этимъ мы, впрочемъ, не хотѣли сказать, что онъ хорошъ,—въ немъ не мало крупныхъ недостатковъ. Самый главный тотъ, что ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не возбуждаетъ настоящей симпатіи: герой, капитанъ де-Монтиньи, пошловатъ, въ переряживаніяхъ актрисы въ Жермену немножко комиченъ, а въ сценахъ съ Жерменой — скотоподобенъ и гадокъ. Личность Жермены не характерна; это какая-то неясная фигура; у нея не хватаетъ силы ни на то, чтобы отдаться зятю, ни на то, чтобы ему не отдаться. Вышло ни то, ни се; захватилъ ее Монтиньи врасплохъ, какъ могъ бы захватить всякій другой красивый офицеръ, нецеремонный на насиліе. Несчастная жена, Леони, возбуждаетъ невольную улыбку постоянными примиреніями съ своимъ пошлымъ мужемъ. Конецъ мало правдоподобенъ и не производитъ впечатлѣнія; читатель какъ бы не вѣритъ въ столь трагическую развязку и читатель правъ,—эта развязка выдуманная, дѣланная: тутъ и подслушиванье, и револьверъ припасенъ, только нарочно, и рѣчь, высокимъ слогомъ сказанная молоденькою женщиною, пришедшею убить невѣрнаго мужа,—все это годилось бы въ мелодраму, а въ романѣ не годится: эффекты получаются нежелательные, слегка смѣхотворные.

La seconde nuit, par Paul Ginisti. Illustrations de Henriot; 66 gravures dans le texte. «Вторая ночь» такъ и просится на сцену въ видѣ оперетки, конечно. Дѣло вотъ въ чемъ: иллирійскій герцогъ, Орсино, вынужденъ былъ на другой день своей женитьбы отправиться на войну. Цѣлый годъ онъ геройски побивалъ враговъ отечества и, покрытый славой, возвращается въ столицу и въ объятія прелестной супруги. Но тутъ именно его и подкарауливаетъ... конституція. Герцогъ Орсино, мы забыли сказать, государь конституціонный и, по основному закону Иллиріи, не долженъ имѣть болѣе одного сына, во избѣжаніе династическихъ соперничествъ и замѣшательствъ. На бѣду герцога въ его отсутствіе родился наслѣдникъ престола, и молодой мужъ, на «вторую ночь» и на всѣ остальныя разлученъ съ любимою супругою консти-

туціоннымъ параграфомъ. Несмѣняемый канцлеръ, Арминіусъ, и три государственныхъ юрисконсульта обязаны неусыпно слѣдить за ненарушимостью конституціи. Они заявляютъ объ этомъ государю, предлагаютъ ему всякія утѣшенія въ супружеской невзгодѣ, но съ герцогинею позволяютъ видѣться только въ присутствіи охранителей закона. Смѣнить этихъ неумолимыхъ стражей нельзя: они несмѣняемы; отказаться отъ престола,—герцогъ и на то готовъ,—нельзя: воспрещено конституціей. Тогда герцогъ рѣшается похитить жену и бѣжать съ вѣрнымъ своимъ пажемъ, Титиромъ, который за компанію похищаетъ супругу несмѣняемаго канцлера. Послѣ многихъ, очень забавныхъ похожденій, все устроивается къ общему удовольствію, и стѣснительный для государей Иллиріи параграфъ отмѣняется.

Весь разсказъ такъ и искрится чисто французскимъ остроуміемъ; фигуры министровъ, блюстителей конституціи, смѣхотворны неподражаемо; иллюстраціи Генріо прелестны. Въ типографскомъ отношеніи книжка издана какъ нельзя лучше.

М.

ИСТОРІЯ, ПОЛИТИКА, БІОГРАФІЯ И ПРОЧ.

„Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій". *С. А. Венгерова.*—„Грядущее рабство". *Герберта Спенсера.*—„Житія святыхъ" *„Филарета Черниговскаго.*—„Православный палестинскій сборникъ".— „Les voyageurs en France" *Albert Babeau.* — „Geschichte des Alterthums". *Max Duncker.*—„Der neue Plutarch".—«The Ancient Empires of the East Herodotos". *A. H. Sayce.*

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій. Критико-біографическій очеркъ С. А. Венгерова. Извѣстный французскій писатель Пьеръ Веронъ, въ своей умной разсмотрѣнной нами (см. «Беллетристика») книжкѣ «Paris qui grouille», говоритъ, между прочимъ, нижеслѣдующее объ эпидеміи литературнаго сплетничества: «Едва успѣетъ испустить послѣдній вздохъ какой-нибудь извѣстный литераторъ, художникъ, музыкантъ, какъ начинается мелкая возня по всей линіи. Бѣгутъ къ швейцарамъ домовъ, гдѣ жили покойники, развѣдывать о мелочныхъ подробностяхъ ихъ повседневной жизни, выспрашиваютъ лакеевъ, обшариваютъ углы шкафовъ, нюхаютъ въ кострюляхъ, забираются въ ихъ уборныя, приподнимаютъ занавѣсы алькововъ. Другіе, съ такимъ же рвеніемъ, кидаются въ погоню за клочками бумаги, валяющимися въ ящикахъ, за обрывками записокъ... и, подъ предлогомъ ознакомленія насъ съ выдающимися личностями, пускаются въ неприличныя разоблаченія. На нашъ взглядъ, это крайне прискорбный обычай. Было въ свое время протестовалъ противъ тѣхъ, кто, «дабы почтить мертвецовъ, лишалъ жизни живыхъ». Нынче же, ради потѣхи живыхъ, не задумываются опозоривать покойниковъ. Туда-сюда еще, если бы это могло послужить къ чему-нибудь, если бы приносило хотя какую-нибудь пользу исторіи литературы или искусства! Ничуть не бывало. Скажите, какой толкъ для исторіи отъ свѣдѣній о томъ, что господинъ «такой-то» объѣдался капустнымъ супомъ или заигрывалъ съ горничными. Меня,—публику,—можетъ интересовать лишь то, что касается его

произведеній, что можетъ выяснить мнѣ вложенную въ нихъ авторомъ идею, что можетъ облегчить мнѣ его пониманіе. Такъ въ былые годы и понимала критика свои обязанности. Теперь все измѣнилось...» Все сказанное относится слово въ слово къ намъ, русскимъ, вообще, и какъ нельзя лучше примѣнимо къ книжкѣ г. Венгерова, въ частности. На 1, 2 и 3 страницахъ своего очерка г. Венгеровъ говоритъ, что, съ разрѣшенія супруги покойнаго Алексѣя Ѳеофилактовича, пользовался его неизданною автобіографіей, черновыми письмами къ разнымъ лицамъ и письмами къ нему многихъ знакомыхъ. «Правда,—замѣчаетъ авторъ очерка,—вся эта обширная переписка, представляющая не малый литературно-историческій интересъ, больше имѣетъ значенія для характеристики авторовъ писемъ, нежели для характеристики Писемскаго...» и т. д. Не касаясь правъ вдовы писателя располагать каждымъ клочкомъ бумаги, исписанной рукой умершаго мужа, какъ наслѣдственною литературною собственностью, мы позволимъ себѣ заявить нѣкоторое сомнѣніе относительно таковаго же ея права на письма живыхъ еще лицъ, адресованныхъ къ ея супругу, какой бы литературно-историческій интересъ они ни представляли. Еще большему сомнѣнію подвергаемъ мы право литератора пользоваться такимъ матеріаломъ, не заручившись, по меньшей мѣрѣ, согласіемъ авторовъ такихъ писемъ на опубликованіе полностью или отчасти содержанія писемъ и записокъ, извлеченныхъ изъ шкафовъ, ящиковъ, корзинъ подъ столомъ и мало ли еще откуда. Это уже не просто подсматриваніе на кухнѣ или въ спальной, а безшабашно-нахальный «сыскъ», предпринятый съ единственною цѣлью доказать, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей былъ въ своей интимной жизни «грязнымъ циникомъ, *фальстафомъ*, рѣшительнымъ рабомъ желудочныхъ инстинктовъ, ѣлъ и пилъ больше, чѣмъ на славу. А въ особенности пилъ... что къ тремъ основнымъ качествамъ англійскаго фальстафа—трусливости, циничности и чревоугодничеству, А. Ѳ. присоединялъ черты чисто русской, помѣщичьей распущенности,—именно былъ неряшливъ и невоспитанъ до безобразія...» По правдѣ говоря, такого литературнаго безобразія, какое представляетъ собою «критико-біографическій очеркъ» г. Венгерова, такой нравственной «неряшливости» и литературной невоспитанности, какія проявилъ авторъ «очерка», мы давно уже не встрѣчали. Всячески опозоривши покойнаго Писемскаго, какъ человѣка, въ его интимной жизни, г. Венгеровъ пытается доказать, что одинъ изъ первыхъ русскихъ романистовъ и драматурговъ былъ очень-грубъ, почти глупъ, необразованъ и неразвитъ. «Въ 1840 г. Писемскій кончилъ курсъ гимназіи. Не особенно много онъ изъ нея вынесъ.—Въ итогѣ математическій факультетъ ничего не далъ Писемскому.—Какое же вліяніе оказалъ на него университетъ? Сравнительно, незначительное.—На сценѣ Писемскій игралъ не болѣе, какъ сносно—и то комическія роли (это сыгравши Подколесина превосходно). — Констатируя фактъ малой образованности и малаго развитія Писемскаго, мы, конечно, прежде всего, руководились долгомъ добросовѣстности.—Но куда же онъ былъ годенъ, какъ писатель съ «идеями», когда у него идей-то никакихъ не было?...» Такъ раздѣлываетъ біографъ А. Ѳ. Писемскаго при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности. Возражать на все это мы г. Венгерову не станемъ; онъ самъ себѣ возразилъ, сказавши, что Писемскій «обличалъ, смѣялся, боролся, преслѣдовалъ (рѣчь идетъ о безобразіяхъ русской жизни и всякихъ мерзостяхъ),—вотъ въ

чемъ прошла вся литературная дѣятельность Писемскаго. Ни одной положительной задачи». Въ другомъ мѣстѣ говорится: «А. Ѳ. показываетъ намъ, сколько мерзости и дрянности сидитъ въ каждомъ такъ называемомъ «порядочномъ» человѣкѣ. И жизнь, къ сожалѣнію, за него». Въ третьемъ мѣстѣ: «Всѣ они (произведенія Писемскаго до 60 года) и теперь, по прошествіи болѣе тридцати лѣтъ со дня своего появленія, читаются съ такимъ же неослабнымъ интересомъ и въ такой же степени поражаютъ читателя необыкновенною жизненностью своихъ героевъ. необыкновенною силою реалистическаго отношенія къ выводимымъ типамъ...» Или еще: «Считается, что первый разъ типъ Рудиныхъ былъ воспроизведенъ въ русской литературѣ Тургеневымъ. Считается и вмѣняется Тургеневу въ первоклассную заслугу... тогда какъ одинъ изъ героевъ Писемскаго—Шамиловъ (*Богатый женихъ*) есть родоначальникъ литературнаго воспроизведенія рудинскаго типа...» Мы не станемъ дѣлать дальнѣйшихъ ссылокъ на книжку г. Венгерова; вышеприведеннаго достаточно, кажется. для уясненія критической силы автора, полагающаго, что все изъ сказанное могъ сдѣлать человѣкъ не умный, не развитой, не образованный, грубый, не имѣющій въ головѣ никакой «идеи» и т. д. Весь «критико-біографическій очеркъ» г. Венгерова есть не болѣе, какъ комъ грязи, брошенный на могилу человѣка и первокласснаго писателя за его *Взбаломученное море*. Будемъ надѣяться, что эта грязь послѣдняя и что найдется, наконецъ, серьезный и безпристрастный критикъ, который дастъ настоящую оцѣнку исключительно *литературной* дѣятельности Писемскаго и ея значенія въ нашемъ обществѣ.

Грядущее рабство. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Въ этой брошюрѣ, вышедшей въ Англіи въ началѣ нынѣшняго года, знаменитый философъ съ обычною силою аргументаціи и логики вооружается противъ «государственнаго соціализма», предостерегаетъ противъ всего, что къ нему ведетъ, и въ торжествѣ его видитъ наступленіе «грядущаго рабства», ничуть не лучшаго того рабства, побѣдою надъ которымъ такъ кичится современная Европа. «Многочисленныя соціалистическія реформы,— говоритъ авторъ,— уже провозглашенныя парламентскими актами и еще предстоящія въ близкомъ будущемъ, постепенно сольются въ одно цѣлое — въ государственный соціализмъ; такимъ образомъ, всѣ маленькія волны будутъ поглощены одной огромной волной, которую они сами мало-по-малу воздвигли. Но многіе, безъ сомнѣнія, спросятъ насъ: «почему мы описываемъ всѣ эти явленія, какъ *грядущее рабство?*» Отвѣтъ простой: соціализмъ, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, заключаетъ въ себѣ рабство». Передъ этимъ авторъ перечислилъ всѣ виды государственнаго вмѣшательства въ частную жизнь гражданъ, въ ихъ взаимныя отношенія и въ организацію, упорядоченіе таковыхъ, ради общаго блага. При этомъ «политики, какъ бы гордящіеся даже практичностью своихъ стремленій, не видятъ косвенныхъ результатовъ, которые могутъ произойти отъ прямыхъ послѣдствій принимаемыхъ ими мѣръ...» Тогда какъ «для каждаго политическаго дѣятеля должно быть самымъ первымъ и самымъ главнымъ вопросомъ, такъ сказать, вопросомъ изъ вопросовъ: какой типъ общественнаго строя намѣренъ онъ создать? Но этотъ-то именно вопросъ практическимъ политикамъ никогда и не приходитъ въ голову...» А потому,— демонстрируетъ г. Спенсеръ,—результаты получаются непредвидѣнные, нежелательные для самихъ иниціаторовъ мѣропріятій; мелкія причины, «какъ мелкіе ручьи, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ могу-

чій потокъ. несущійся совсѣмъ не туда, куда предполагалось его направить». По мнѣнію англійскаго мыслителя, заботы о жилищахъ рабочихъ приведутъ къ къ тому, что государство будетъ вынуждено сдѣлаться домовладѣльцемъ для размѣщенія рабочаго населенія, единственнымъ землевладѣльцемъ для того, чтобы земли не запустѣли, и, чтобы сельское населеніе не осталось безъ работы, единственнымъ владѣльцемъ желѣзныхъ дорогъ, а, вслѣдъ затѣмъ, и всѣхъ производствъ, съ ними соприкасающихся: «должно будетъ сдѣлаться фабрикантомъ локомотивовъ, вагоновъ, изготовителемъ брезентовъ и смазки, собственникомъ пароходовъ, хозяиномъ угольныхъ копей, каменоломень, владѣльцемъ омнибусовъ, водоснабдителемъ, газопроводчикомъ, строителемъ и собственникомъ конно-желѣзныхъ дорогъ, хозяиномъ ваннъ и купалень» и т. д., и т. д. до полной «государственной апропріаціи земель, жилищъ и путей сообщенія, до государственнаго захвата всѣхъ видовъ промышленности, которымъ всѣмъ сплошь предстоитъ быть управляемыми и обрабатываемыми посредствомъ правительственныхъ чиновниковъ». За симъ сама собою должна слѣдовать «организація земледѣльческихъ и фабричныхъ армій, подъ контролемъ государства, на кооперативныхъ началахъ». «Если бы только они (практическіе политики) поразмыслили немного, съ полнымъ спокойствіемъ, то скоро убѣдились бы, что съ введеніемъ предлагаемыхъ ими порядковъ ихъ вольности и права, какъ свободныхъ людей, должны будутъ уменьшиться въ той самой мѣрѣ, въ какой они надѣются обезпечить матеріальное благосостояніе. Ни одна форма кооперації, въ большомъ или маломъ размѣрѣ, не можетъ обойтись безъ контроля свыше и всегда требуетъ подчиненія распоряжающимся властямъ...» «Промышленные союзы (Trades-Unions) убѣждаютъ насъ, что для успѣха имъ безусловно необходима строгая дисциплина, почти военная по своей суровости...» «Если отъ общинной власти будутъ требовать, чтобы она всѣхъ обезпечивала, то она, съ своей стороны, должна будетъ требовать, чтобы ей доставляли всѣ необходимыя для этого средства. Тутъ уже немыслимо, какъ при нынѣ дѣйствующей системѣ, свободное соглашеніе нанимателя съ нанимаемымъ: при будущей системѣ оно въ принципѣ исключено. И на мѣсто его должно будетъ стать, съ одной стороны, приказаніе мѣстныхъ начальниковъ рабочимъ, а съ другой—покорное исполненіе рабочими заданнаго имъ отъ начальства урока...» Такъ какъ подобная организація не будетъ ни частною артелью, ни добровольною ассоціаціей.—къ которымъ можно принадлежать или нѣтъ, какъ угодно,—а вырастетъ ассоціація національная и всеобъемлющая, въ составъ которой должны будутъ войти волей-неволей всѣ граждане,—то и выхода изъ нея не будетъ другаго, кромѣ бѣгства изъ отечества. А власть іерархически-организованной и централизованной администраціи будетъ вооружена всѣми рессурсами цѣлаго государства, будетъ «опираться на силу любаго размѣра, какая только можетъ потребоваться для приведенія въ дѣйствіе ея декретовъ и для охраненія того, что она называетъ порядкомъ. Не даромъ такой человѣкъ, какъ Бисмаркъ,—замѣчаетъ авторъ,—чувствуетъ вожделѣніе къ государственному соціализму». Гербертъ Спенсеръ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: «Конечнымъ результатомъ будетъ возрожденіе деспотизма. Дисциплинированная армія гражданскихъ чиновниковъ, подобно тому, какъ и армія, состоящая изъ военныхъ, дастъ своему главѣ верховную власть, такую власть, которая часто поведетъ къ узурпаціи...» Жестоко ошибаются,—заканчиваетъ авторъ,—не

только соціалисты, но и такъ называемые либералы, усердно расчищающіе путь для первыхъ, когда воображаютъ, «что при надлежащемъ умѣньи худо функціонирующее человѣчество можетъ быть вогнано въ формы отлично функціонирующихъ учрежденій. Это не болѣе, какъ иллюзія. Природные недостатки гражданъ неминуемо проявятся въ дурномъ дѣйствіи всякой соціальной конструкціи, въ какой бы ихъ ни устроили. Нѣтъ такой политической алхиміи, посредствомъ которой можно бы было получить золотое поведеніе изъ свинцовыхъ инстинктовъ».

Мы передали со всевозможною полнотою главныя и существеннѣйшія положенія автора. Ихъ критическій разборъ не входитъ въ задачу нашихъ библіографическихъ отчетовъ, а потому мы ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ, что все высказанное г. Спенсеромъ, на нашъ взглядъ, непримѣнимо ни къ русскимъ артелямъ; ни къ русской сельской общинѣ, сложившимся совершенно своеобразно и не имѣющимъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ соціализмомъ и коммунизмомъ, болѣе или менѣе всегда заложенными въ основу всякихъ ассоціацій на Западѣ. Въ началѣ своей брошюры авторъ говоритъ, между прочимъ: «Я полагаю, что слѣдующее изреченіе, съ которымъ и религія, и знаніе вполнѣ согласны между собою, является въ высшей степени авторитетнымъ; оно гласитъ: кто не хочетъ работать, тотъ не долженъ ѣсть». Вотъ именно русскій-то народъ и заложилъ въ основу своей артели, общины и даже воззрѣнія на источникъ права собственности вышеприведенное христіанское правило: «не трудивыйся да не ястъ». А такая почва едва ли можетъ оказаться удобною для взращенія на ней коммунизма и соціализма въ какой бы то ни было ихъ формѣ.

Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью, составленныя Филаретомъ, арх. черниг., съ изображеніями святыхъ и праведниковъ академика Ѳ. Г. Солнцева. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова Спб. 1885 г. Вѣдь, вотъ умѣютъ же петербургскіе издатели (не всѣ... не всѣ...) издавать добрыя книги чистенько, хорошо и даже не дорого. Лежащее передъ нами произведеніе знаменитаго черниговскаго архипастыря раздѣлено на 12 книгъ, по мѣсяцу въ книгѣ. Объ изложеніи говорить нечего; за него ручается имя составителя. Но нельзя сказать, чтобы «изображенія святыхъ и праведниковъ», напечатанныя въ текстѣ, могли послужить къ прославленію имени академика, ихъ рисовавшаго, рѣщика, изготовлявшаго клише, и типографіи, ихъ отпечатавшей. Тутъ на каждомъ, по долѣ его участія, лежитъ вина въ томъ, что художественная сторона изданія есть, въ то же время, и слабая его сторона. Цѣна сочиненія за 12 томовъ, отъ 17 до 23 листовъ въ каждомъ,—15 рублей.

Православный палестинскій сборникъ. Выпускъ 5-й. Изд. правосл. палестинскаго общества Спб. 1884 г. Въ 5-мъ выпускѣ (томъ II) этого сборника помѣщены путешествія св. Саввы Сербскаго къ святымъ мѣстамъ въ 1225—1237 годахъ. Архіепископъ Савва былъ первымъ сербскимъ архипастыремъ; онъ вѣнчалъ на царство Стефана II Первовѣнчаннаго и сына его Родослава, а потомъ своего втораго племянника, Владислава. Отправляясь въ свое второе путешествіе въ Палестину, св. Савва поставилъ себѣ преемникомъ, сербскимъ архіепископомъ, своего ученика Антонія, какъ бы предчувствуя, что уже не увидитъ своей паствы; и дѣйствительно, святитель въ Бозѣ почилъ на обратномъ пути къ родинѣ. Съ точностью года его путешествій неизвѣстны;

первое, предполагаютъ, было совершено между 1225 и 1230 г., второе—между 1233 и 1237 г. Описанія этихъ путешествій изданы, по рукописи XV вѣка, хранящейся въ Троицкой лаврѣ и сличенной съ другими списками, на языкѣ того времени, что не мало затрудняетъ пользованіе этимъ любопытнымъ документомъ для массы публики. Вотъ образцы языка: «О възвращеніи прѣосвештенааго отъ светые горы Синаискые и о пришьствіі въ Иерусалимъ»...—«вьсоу же Соурию около обьшьдь и Перьсию и Египьть вьсь и страны его, идѣже чоуяше крѣпькые чрьньце, николиже не оставляеше ихъ, доньдеже видѣти е».

Les voyageurs en France depuis la renaissance jusqu'a la révolution par Albert Babeau. 1885. Авторъ этой книги Альбертъ Бабо, архивистъ въ городѣ Труа, писалъ весьма много по общественной исторіи дореволюціонной Франціи. У него, какъ это всегда бываетъ во время такихъ работъ, накопились различныя замѣтки и изъ этихъ замѣтокъ составилась цѣлая книга съ довольно заманчивымъ заглавіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть интереснѣе, какъ собраніе извѣстій различныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ страну въ теченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ? Впечатлѣнія, вынесенныя иностранными и туземными наблюдателями, должны ознакомить насъ съ такими сторонами жизни, съ которыми обыкновенно другіе источники не сближаютъ историческихъ изслѣдователей. Подобная книга могла бы быть прекрасной и оригинальной общественной исторіей Франціи въ послѣдніе три вѣка старой монархіи; но А. Бабо, обыкновенно солидно работающій, въ настоящемъ случаѣ отнесся къ своему дѣлу весьма небрежно. Книга состоитъ изъ внѣшнимъ образомъ связанныхъ, отдѣльныхъ замѣтокъ, разнохарактерныхъ по своему составу. На ряду съ важными извѣстіями помѣщены пикантные анекдоты, на ряду съ остроумными и серьезными наблюдателями поставлены ничего не значащіе и не интересные туристы. Нельзя сказать, чтобы читатель ничего не вынесъ изъ этой книги, такъ какъ подобный сборникъ фактовъ, заключающій въ себѣ и важное, и не важное, во всякомъ случаѣ, долженъ доставить хотя нѣкоторыя свѣдѣнія, но отъ Бабо мы имѣемъ полное право ждать чего-нибудь болѣе серьезнаго. Въ одномъ отношеніи его работа полезна: онъ первый сопоставилъ главныя путешествія по Франціи въ теченіе этихъ трехъ столѣтій и, такимъ образомъ, далъ возможность будущимъ историкамъ хотя нѣсколько оріентироваться въ этой богатой литературѣ.

Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣхъ путешественниковъ; достаточно назвать нѣкоторыхъ болѣе выдающихся, чтобы выяснить все значеніе этого рода историческихъ источниковъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ въ XVI столѣтіи итальянцевъ: Тасса и венеціанскаго посла Липпомано, ученаго парламентскаго сановника де-Ту, скептика Монтаня и нѣсколькихъ солидныхъ нѣмцевъ, причемъ въ число ихъ занесенъ голландецъ Понтанусъ. Въ XVII вѣкѣ Францію посѣтили англичане; изъ нихъ болѣе выдается Джонъ Эвелинъ, дневникъ котораго составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Англіи; изъ французовъ Реньяръ, Лафонтенъ и Расинъ, изъ дамъ маркиза де-Севинье; въ XVIII вѣкѣ замѣчательны ученые монахи Мартенъ и Дюранъ; путешественники, отправляющіеся для пополненія своего образованія, какъ, напримѣръ, знаменитый Бюффонъ, и путешественники-пешеходы, среди нихъ Жанъ-Жакъ Руссо. Изъ англичанъ, посѣтившихъ Францію въ этомъ столѣтіи, достаточно

назвать Горація Вальполя, Франклина, Гольдсмита, Стерна, Смоллета и Артура Юнга. Встрѣчается и одинъ русскій посѣтитель—Карамзинъ. Перечень, приведенный нами, не полонъ, но и онъ уже показываетъ, какой ботатый матеріалъ былъ въ рукахъ у Бабо, и намъ приходится пожалѣть, что онъ такъ мало имъ воспользовался при составленіи настоящаго сочиненія.

Geschichte des Alterthums von Max Duncker. Neue Folge. Erster Band. Leipzig, 1884. Всѣ историки были убѣждены, что большое сочиненіе Дункера по *Исторіи древняго міра* останется навсегда неоконченнымъ трудомъ, такъ какъ уже прошло много лѣтъ послѣ выхода послѣдняго тома и ея авторъ былъ занятъ въ это время другими учеными работами. Максъ Дункеръ—одинъ изъ талантливѣйшихъ историковъ германскихъ и его сочиненіе, безспорно, принадлежитъ къ числу главныхъ созданій исторической науки XIX вѣка. Между тѣмъ, оно остановилось на Платейской битвѣ, и мы были пріятно порадованы, узнавъ, что вышелъ первый томъ новой серіи, представляющей продолженіе прежняго труда. Этотъ новый восьмой томъ всего сочиненія обнимаетъ періодъ тридцати лѣтъ (478—449 до Р. Х.). И здѣсь Максъ Дункеръ отличается всѣми достоинствами великаго историка; матеріалъ тщательно переработанъ и нигдѣ не подавляетъ писателями. Личности историческія выступаютъ выпукло на общемъ фонѣ событій, но, во всякомъ случаѣ, событія и состояніе общества, т.-е. тѣ условія, благодаря которымъ выдвигаются историческіе дѣятели, перевѣшиваютъ въ изложеніи Дункера; это отчасти особенность его таланта.

Мы не станемъ вдаваться въ детальную критику, считая это неумѣстнымъ въ библіографической замѣткѣ, но скажемъ только, что этотъ ученый, не отличаясь консерватизмомъ Курціуса, высказывается, однако, осторожнѣе такихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Онкенъ.

Исторія Греціи Макса Дункера займетъ въ научной литературѣ совершенно особое мѣсто на ряду съ трудами Курціуса и Грота; въ ней исторія культуры и исторія политическихъ событій распредѣлены равномѣрно, и авторъ въ обѣихъ областяхъ оказывается равно компетентнымъ.

Der neue Plutarch. Biographien hervorragender Charaktere der Geschichte, Literatur und Kunst. Herausgegeben von Rudolf von Gottschall. X Theil. Leipzig, Brockhaus. 1884. Въ недавно вышедшемъ 10 томѣ *Новаго Плутарха* помѣщены три очень интересныя біографіи: Валленштейна, Тасса и Наполеона III. Біографія Валленштейна написана Берихардомъ Куглеромъ, извѣстнымъ знатокомъ исторіи тридцатилѣтней войны. Главный интересъ этого труда лежитъ въ разработкѣ такъ называемаго «Wallenstein-Frage»,—вопроса объ измѣнѣ генералиссимуса своему государю, императору Фердинанду австрійскому. Вопросъ этотъ, въ его капитальной части, былъ уже отчасти рѣшенъ такимъ крупнымъ авторитетомъ, какъ Ранке. Но въ его рукахъ были немногія лишь сравнительно письма Валленштейна; теперь же вновь открытое ихъ собраніе составляетъ многіе томы и даетъ возможность всецѣло возстановить нравственный образъ великаго полководца, что весьма талантливо и добросовѣстно исполнено авторомъ новой біографіи знаменитаго «Фрисландца». Относительно «валленштейновскаго вопроса», въ которомъ одна сторона высказывалась за признаніе полководца измѣнникомъ, тогда какъ противная видѣла въ немъ «благороднаго мученика за доброе дѣло», авторъ вы-

сказывается въ томъ смыслѣ, что, становясь на строго юридическую точку зрѣнія, Валленштейна нельзя признать безупречнымъ и вполнѣ свободнымъ отъ подозрѣнія въ нелояльныхъ дѣйствіяхъ противъ императора, что на Валленштейнѣ неотразимо лежатъ упреки въ безграничномъ честолюбіи, корыстолюбіи, полномъ презрѣніи чужихъ правъ, въ жестокости; но все это далеко не обусловливаетъ необходимости измѣны. Съ другой стороны, Куглеръ считаетъ героя тридцатилѣтней войны борцомъ за умиротвореніе Германіи, жертвою іезуитской интриги и въ этомъ смыслѣ «мученикомъ за честное и доброе дѣло». Смерть Валленштейна открыла возможность католическо-габсбургской части Германіи съ новою силою преслѣдовать свои церковно-политическіе планы. На этомъ основаніи авторъ устанавливаетъ, что совсѣмъ не государственная измѣна погубила генералиссимуса, а заговоръ клерикаловъ, вызванный его оппозиціей стремленіямъ іезуитовъ, испанцевъ и баварцевъ. Подъ вліяніемъ испанскаго посла и своего духовника, іезуита Ламормени, императоръ Фердинандъ далъ приказъ объ убійствѣ Валленштейна. Существованіе такого категорическаго приказанія должно считаться вполнѣ доказаннымъ. Для болѣе яснаго пониманія личности Валленштейна, авторъ весьма вѣрно замѣчаетъ, что какъ сторонниками, такъ и противниками полководца ему приписывались такіе грандіозные планы и цѣли, какихъ онъ въ дѣйствительности никогда не имѣлъ. Біографъ признаетъ въ немъ замѣчательныя административныя способности, до геніальности доходящее умѣнье создавать изъ ничего грозныя арміи и противупоставлять военному искусству противниковъ выдающіеся таланты полководца, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считаетъ Валленштейна далеко не такимъ геніемъ, который въ силахъ былъ бы управлять политическими событіями, ихъ своевременно предвидѣть и вѣрно оцѣнивать обстоятельства, на нихъ вліявшія. Не лишнимъ считаемъ здѣсь отмѣтить, что Валленштейнъ былъ родомъ чехъ, а не нѣмецъ.

Вторая біографія—«Торквато Тассо» принадлежитъ Отто Шпейеру. Большинство нѣмецкихъ, а также русскихъ читателей знакомо съ личностью знаменитаго итальянскаго поэта по драмѣ Гёте, и интересъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается на вопросѣ: насколько произведеніе великаго нѣмецкаго писателя вѣрно исторической дѣйствительности? Повидимому, авторъ біографіи имѣлъ въ виду разрѣшеніе этого вопроса и особенное вниманіе обратилъ на выясненіе отношеній Тасса къ принцессѣ Леонорѣ. Шпейеръ приходитъ, однако же, къ заключенію о невозможности воспроизвести эту исторію съ желательною полнотою и достовѣрностью. Кромѣ восторженныхъ пѣсенъ поэта, отрывочныхъ, хотя и многозначущихъ мѣстъ въ его письмахъ и весьма противорѣчивыхъ мнѣній современниковъ, не сохранилось никакихъ документовъ, на которыхъ можно было бы основать какой-либо твердый выводъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ біографіи рѣшительно отвергаетъ предположеніе, будто чувства пламеннаго обожанія поэта къ высокой покровительницѣ переходили изъ выраженій поэтическихъ восторговъ въ болѣе опредѣленныя формы, и что сама принцесса Леонора относилась къ поэту когда-либо иначе, чѣмъ совѣтница и заступница передъ братомъ. Біографъ считаетъ ошибочнымъ мнѣніе, будто взаимная любовь восторженнаго юноши и принцессы Леоноры играла какую-либо роль въ дѣлѣ заключенія Тасса въ домѣ умалишенныхъ. Шпейеръ объясняетъ жестокость герцога Альфонса, державшаго поэта въ теченіе семи лѣтъ въ домѣ

сумасшедшихъ, личными счетами съ нимъ герцога за рѣзкія выходки Тасса противъ Феррарскаго двора и противъ него самого, а равнымъ образомъ опасеніемъ Альфонса, какъ бы, уйдя во Флоренцію, поэтъ не придалъ своимъ присутствіемъ новаго блеска двору Медичисовъ и не отомстилъ ему, герцогу Альфонсу за его оскорбленія. Эти взгляды развиты авторомъ весьма доказательно и получаютъ большую правдоподобность отъ характеристики самого Альфонса д'Эсте. Основательное знаніе трактуемаго предмета и знаніе итальянской жизни описываемаго времени придаютъ особенную цѣну труду Шпейера.

Стоящая на третьемъ мѣстѣ біографія Наполеона III написана самимъ издателемъ Рудольфомъ фонъ-Готшаль. Первую характеристику императора французовъ авторъ далъ лѣтъ 25 тому назадъ, въ то время, когда Наполеонъ былъ на вершинѣ своего могущества и славы. Какъ тогда, такъ и теперь мы считаемъ, что еще не настало время писать настоящую исторію человѣка, котораго называли «коронованнымъ сфинксомъ», и эта часть книги кажется намъ наиболѣе слабою, хотя авторъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее. Всѣ обстоятельства жизни величайшаго авантюриста XIX вѣка изложены полно, безпристрастно и интересно. Но общее освѣщеніе какъ личности Наполеона III, такъ и прошедшихъ передъ нашими глазами событій едва ли можно признать не подлежащимъ большимъ спорамъ. Не говоря уже о невозможности для современниковъ правильной оцѣнки историческаго значенія событій и лицъ, самыя дѣйствующія лица представляются намъ, вслѣдствіе близости, не въ тѣхъ размѣрахъ, которые будутъ имъ приданы позднѣйшею исторіей. А Наполеонъ III болѣе, чѣмъ кто-либо изъ людей послѣдняго времени, принадлежитъ къ тому разряду историческихъ дѣятелей, которые вблизи кажутся или слишкомъ великими, или слишкомъ малыми, смотря по субъективному на нихъ взгляду біографа. Во всякомъ случаѣ трудъ фонъ-Готшаля представляетъ собою почтенный историческій матеріалъ, могущій современемъ очень пригодиться историкамъ нашего времени.

The Ancient Empires of the East Herodotos I—III by A. H. Sayce: Среди древнихъ писателей *отецъ исторіи* занимаетъ выдающееся мѣсто по всѣмъ вопросамъ географіи и этнографіи. Благодаря тому, что въ четвертой книгѣ своего повѣствованія о греко-персидскихъ войнахъ онъ занимается народами, населявшими, въ его время, нынѣшнюю южную Россію, Геродотъ извѣстенъ всѣмъ изслѣдователямъ древнѣйшихъ судебъ русской земли и пользуется у нихъ большой благосклонностью. Провѣрить показанія Геродота, касающіяся скифовъ, какими бы то ни было другими источниками, имѣющими документальный характеръ, почти невозможно. Въ виду этого обстоятельства, даже для русскихъ историковъ является настоятельная необходимость справиться съ тѣмъ: много ли достовѣрнаго нашли у отца исторіи изслѣдователи, поставленные въ болѣе выгодныя условія? Тогда получится мѣрка для оцѣнки Геродота, опредѣлится степень довѣрія, которое можно питать къ нему.

Въ послѣднія десятилѣтія нынѣшняго вѣка изученіе древняго Востока подвинулось чрезвычайно далеко. Матеріалъ, доставленный гіероглифическими и клинообразными надписями, многочисленные постройки и памятники искусства, открытые въ Нильской долинѣ и въ передней Азіи, обильныя археологическія находки,—все это поставило изученіе археологіи и исторіи древнихъ восточныхъ народовъ на болѣе прочную почву. Богатый и разнообразный матеріалъ

далъ возможность провѣрить неоспоримыми данными, основанными на непосредственныхъ источникахъ, всѣ извѣстія, сообщаемыя Геродотомъ въ первыхъ трехъ книгахъ его исторіи.

Сейсъ, извѣстный лингвистъ и разносторонній знатокъ исторіи и культуры древняго Востока, пожелалъ сопоставить результаты новѣйшихъ изслѣдованій съ повѣствованіемъ Геродота и плодомъ этой работы была книга, подъ заглавіемъ *Древнія монархіи Востока. Геродотъ I—III*. Сочиненіе Сейса издано не для оріенталистовъ, но для историковъ и классическихъ филологовъ; состоитъ оно изъ греческаго текста первыхъ трехъ книгъ Геродота съ историческими и филологическими примѣчаніями, изъ довольно большого введенія и изъ приложеній. Для насъ большую важность имѣютъ введеніе и приложенія, особенно та часть введенія, которая названа *Историческая достовѣрность Геродота*; въ приложеніяхъ, въ довольно сжатыхъ очеркахъ представлены изысканія новѣйшихъ ученыхъ по исторіи Египта, Вавилоніи и Ассиріи, Финикіи, Лидіи и Персидской монархіи.

Тамъ, гдѣ Сейсъ говоритъ о достовѣрности Геродота, онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: древніе были весьма невысокаго мнѣнія о правдивости отца исторіи; большимъ довѣріемъ пользовался его соперникъ Ктезій, врачъ персидскаго царя Артаксеркса Мнемона. Главная цѣль сочиненія, это—представить разсказъ о борьбѣ грековъ съ варварами. Все, что не касается исторіи персидской войны, имѣетъ значеніе эпизодовъ, соотвѣтствующихъ подстрочнымъ примѣчаніямъ и экскурсамъ книгъ нашего времени. Хотя ученые классики старались защитить Геродота отъ обвиненія въ умышленномъ обманѣ, но многіе факты показываютъ, что Геродотъ пользовался чужими показаніями и выдавалъ ихъ за свои. Такъ, напримѣръ, его описанія крокодила и гиппопотама взяты у Гекатея со всѣми ошибками и выдаются за результаты собственныхъ наблюденій. Такихъ примѣровъ у Сейса много. Къ тому, что отецъ исторіи говоритъ о своихъ обширныхъ путешествіяхъ, слѣдуетъ также относиться съ большимъ недовѣріемъ. Онъ вводитъ отдѣльные эпизоды или опредѣленные варіанты какого-нибудь разсказа не потому, что онъ ихъ считаетъ особенно достовѣрными, но потому, что они соотвѣтствуютъ складу и направленію его ума и общему характеру его сочиненія. Все, что сообщается имъ объ Египтѣ, заимствовано у спеціальныхъ драгомановъ, которые водили его остатривать достопримѣчательности и сообщали различные ходячіе анекдоты и преданія, существовавшіе у того полугреческаго, полуегипетскаго смѣшаннаго населенія дельты, съ которымъ Геродотъ имѣлъ больше всего дѣла. Египтологія и ассиріологія настолько подорвали значеніе Геродота, что мы не можемъ принимать ни одного его показанія, не провѣривъ его данными, основанными на памятникахъ. За то свидѣтельства его соперника Ктезія, по скольку они дошли до насъ, оказываются всегда справедливыми. Такимъ образомъ, Сейсъ, опираясь на послѣднія открытія на Востокѣ, высказываетъ весьма невысокое мнѣніе о первыхъ трехъ книгахъ Геродота, какъ объ историческомъ источникѣ.

Викт. Михайловскій.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ, ТЕХНОЛОГІЯ И ПРОЧ.

«Болѣзни воли». *Т. Рибо.* Переводъ *д-ра В. В. Томашевскаго.*—«Объ оздоровленіи городовъ». *В. Н. Бензенгра.* — «Grundzüge der physischen Erdkunde». *Alexander Supan.*—«Die Physik im Dienste Wissenschaft, der Kunst und des praktischen Lebens». *Dr. G. Krebs.*

Болѣзни воли. Т. Рибо. Переводъ съ французскаго подъ ред. д-ра В. В. Томашевскаго. Въ высшей степени интересный предметъ разработанъ въ этой книгѣ очень обстоятельно съ точки зрѣнія исключительно позитивистской, а потому, быть можетъ, и нѣсколько односторонне. Во всякомъ случаѣ въ ней найдутъ для себя много поучительнаго врачи *душевныхъ* болѣзней, судьи, адвокаты и, въ особенности, воспитатели. Авторъ весьма тщательно проводитъ градацію состояній воли, которая тонкими, едва уловимыми оттѣнками переходитъ отъ положенія нормальнаго къ болѣзненному, къ различнымъ видамъ ослабленія воли или ея извращенія, кончающимся чисто патологическимъ состояніемъ умопомѣшательства. Изъ книги этой становится яснымъ, какъ трудно, иногда почти невозможно опредѣлить грань, отдѣляющую здороваго человѣка отъ душевно-больнаго, и особливо post factum, т.-е. послѣ такого дѣянія, которое, само не будучи нормальнымъ, должно заставить усомниться въ нормальности воли и хотѣнія виновника этого дѣянія. Мы сказали, что воспитателямъ и, во-первыхъ, матерямъ необходимо внимательно прочесть трудъ Рибо. Онъ дастъ имъ драгоцѣнныя указанія и, между прочимъ, одно, капитально важное,—это необходимость зорко слѣдить за психическимъ состояніемъ дѣтей, серьезно относиться къ ничтожнымъ проявленіямъ «волевыхъ» ненормальностей, капризовъ, непостоянства дѣтскаго хотѣнія и т. д. На все это смотрятъ у насъ слишкомъ легко. Изъ разсматриваемой же книжки ясно видно, что недостатокъ воспитанія и дисциплины воли чаще, чѣмъ мы думаемъ, является причиною личныхъ несчастій и преступленій. Авторъ стоитъ на чисто физіологической почвѣ. Мы не станемъ входить здѣсь въ оцѣнку правильности такой исключительной постановки дѣла, да оно собственно и не нужно для нашей цѣли, для того, чтобы сказать, что дисциплиною, воспитаніемъ, если можно такъ выразиться, гимнастикою хотѣнія и воли должно развивать въ молодыхъ субъектахъ силу воли и хотѣнія, какъ гимнастикою развивается физическая, мускульная сила, что внимательнымъ предупрежденіемъ волевыхъ уклоненій можно и должно дѣйствовать такъ же, какъ поступаютъ воспитатели, замѣтивши въ ребенкѣ какую-либо ненормальность движеній, дурную привычку. Переводъ книжки сдѣланъ очень удовлетворительно; къ сожалѣнію, цѣна ея, 1 р. 50 к. за 11 печатныхъ листовъ, на нашъ взглядъ, дорога слишкомъ и можетъ послужить препятствіемъ къ желательному ея распространенію.

Объ оздоровленіи городовъ. В. Н. Бензенгра. Москва, 1884 года. Имя доктора Бензенгра, хорошо извѣстное не въ одной только Москвѣ, ручается за добросовѣстность и доброкачественность его брошюры. Къ прискорбію нашему, мы вынуждены сказать по поводу лежащей передъ нами книжки, что

совѣты легче подавать, чѣмъ по онымъ поступать. Читатели согласятся съ нами, прочитавши слѣдующія выдержки изъ оглавленія брошюры: «Глава 1-я. Доставленіе возможно большаго количества воздуха. Устройство площадей на возвышенныхъ мѣстахъ, проведеніе широкихъ улицъ по направленію господствующихъ вѣтровъ.... удаленіе изъ городовъ заведеній и фабрикъ, портящихъ воздухъ, и проч. Гл. 2-я. Доставленіе возможно большаго количества чистой и здоровой воды... Гл. 3-я. Содержаніе почвы въ возможной чистотѣ, канализація и т. д. Гл. 4-я. Доставленіе возможно большаго количества здоровыхъ и дешевыхъ квартиръ; борьба съ многоэтажными и многоквартирными домами; полное запрещеніе подвальныхъ жилыхъ помѣщеній; устройство небольшихъ домовъ съ дворами и садами и пр. Гл. 5-я. Доставленіе постоянно достаточнаго количества здоровыхъ и дешевыхъ пищевыхъ матеріаловъ; устраненіе всякихъ монополій... строжайшій надзоръ за фальсификаціей пищевыхъ матеріаловъ». «Исполненіемъ однѣхъ мною предлагаемыхъ мѣръ (только!!) можно привести, если не въ совершенное, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма сносное состояніе плохой городъ»,—говоритъ въ заключеніе предисловія нашъ уважаемый гигіенистъ и присовокупляетъ, что «все это легко достижимо и обѣщаетъ, несомнѣнно, полнѣйшій успѣхъ». Увы, намъ «все это» кажется не только не легкимъ, но просто невозможнымъ. Борьба съ многоэтажными и многоквартирными домами представляется намъ обѣщающею не болѣе успѣха, чѣмъ битва съ вѣтреными мельницами. Доставленіе достаточной и здоровой пищи, здоровой воды, уничтоженіе фальсификаціи... Эхъ, докторъ! Вашими бы устами, да медъ пить! Вѣдь, для исполненія «однѣхъ предлагаемыхъ вами мѣръ» надо городъ Москву срыть и на его мѣстѣ выстроить новый—*Гигіенополисъ*... только!

Grundzüge der physischen Erdkunde von Alexander Supan. Leipzig, 1884. Основанія физическаго землевѣдѣнія принадлежатъ перу профессора землевѣдѣнія въ Черновицкомъ университетѣ. Г. Зупанъ поставилъ себѣ цѣлью представить возможно сжато и ясно весь существенный матеріалъ физическаго землевѣдѣнія такъ, чтобы его книга могла служить руководствомъ для студентовъ, преподавателей географіи и всѣхъ лицъ, интересующихся этой наукой. Чтобы не расширить объема книги, авторъ оставилъ въ сторонѣ весь ученый аппаратъ; у него нѣтъ ни одной цитаты; однако, тщательное изученіе различныхъ частей его сочиненія убѣдило насъ, что г. Зупанъ воспользовался не только всѣми общими сочиненіями и монографическими работами, но даже и богатой литературой путешествій. До сихъ поръ географическая наука не имѣла монографіи по физическому землевѣдѣнію, которая бы удовлетворяла всѣмъ научнымъ требованіямъ. Большой трудъ Реклю слишкомъ обширенъ и въ настоящее время уже устарѣлъ, благодаря быстрому движенію науки. *Общее землевѣдѣніе* Ганна, Гохштетера и Покорнаго, при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, отличается большой неравномѣрностью и не вездѣ одинаковыми качествами. Нѣкоторые отдѣлы, какъ, напр., все то, что написано Ганномъ по метеорологіи и Гохштетеромъ по геологіи, разработаны превосходно. Не такъ хороша часть, написанная Покорнымъ. Произведеніе Зупана является во всѣхъ своихъ отдѣлахъ одинаково и добросовѣстно изложеннымъ. Пониманію текста способствуютъ многіе политипажи и двадцать весьма наглядныхъ раскрашенныхъ картъ. Вообще мы совѣтуемъ всѣмъ интересующимся у насъ географіей поближе познакомиться съ этимъ руководствомъ.

М.

Die Physik im Dienste der Wissenschaft, der Kunst und des praktischen Lebens. Herausgegeben von Prof. Dr. G. Krebs. 1884 in oct. 582 Seiten. 259 Holzschnitte. Заглавіе книги указываетъ, какую обширную и трудную задачу предпринялъ издатель. Для того, чтобы справиться съ ней и дать интересующейся публикѣ обстоятельное понятіе различныхъ примѣненій физики къ наукамъ, искусству и практической жизни, образовалось общество изъ 11 спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ прикладной физики. Содержаніе книги распадается на 13 независимыхъ другъ отъ друга отдѣловъ: 1) фотографическая мастерская, 2) спектръ и спектральный анализъ, 3) метеорологическая станція, 4) нѣмецкая морская наблюдательная станція, 5) отопленіе и вентиляція, 6) акустика въ главныхъ ея примѣненіяхъ къ музыкальнымъ инструментамъ, 7) двигатели (механическіе) мелкаго производства, 8) электрическія машины, 9) свѣчи и лампы, 10) борьба электрическаго свѣта съ газовымъ, 11) въ гальванопластической мастерской, 12) телефоны и ихъ практическое примѣненіе и 13) на обсерваторіи. Изъ этого перечня не трудно замѣтить, что наиболѣе интересные отдѣлы прикладной физики, за исключеніемъ развѣ отдѣла паровыхъ машинъ, проэкціонныхъ оптическихъ инструментовъ, а также микроскопа, исчерпанъ книгой. Задавшись мыслью сдѣлать изложеніе возможно популярнымъ, большинство составителей столкнулось съ очень нелегкой задачей—сообщить всѣ новѣйшіе результаты открытій съ достаточною краткостью и доступною публикѣ простотою и, надо отдать справедливость, всѣ статьи читаются почти съ равнымъ интересомъ; послѣднему обстоятельству не мало способствуетъ сообщеніе историческаго хода различныхъ открытій. Вслѣдствіе обилія матеріала, составители отдѣловъ выбирали лишь наиболѣе существенныя открытія и изобрѣтенія, посвящая имъ отъ двухъ до трехъ листовъ сжатаго содержанія. Понятно, что на эту книгу ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть, какъ на руководство къ обстоятельному изученію помѣщенныхъ въ ней приложеній физики къ наукѣ, искусству и жизни; она даетъ всякому читателю, какова бы ни была сфера его занятій, лишь возможность близко познакомиться съ послѣдними успѣхами физическихъ наукъ. Въ виду отсутствія въ русской научной литературѣ подобной добросовѣстно выполненной компиляціи, книгу эту можно порекомендовать всѣмъ, желающимъ узнать результатъ движенія физическихъ наукъ за послѣднія столѣтія. Съ внѣшней стороны, изданіе, снабженное 259 рисунками, не оставляетъ желать лучшаго.

М. Кронебергъ.

ПЕДАГОГИКА, КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ И УЧЕБНИКИ.

Вступленіе.—Петербургскій комитетъ грамотности и изданный имъ „Систематическій обзоръ русской учебно-народной литературы".—Изданія комитета для дѣтскаго и народнаго чтенія.—„Что читать народу?" Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, составленный учительницами харьковской воскресной школы г-жи Алчевской.— Рѣчь *Оскара Брауниша* на Бирмингамскомъ конгрессѣ соціальныхъ наукъ.—Брошюра *Эрнеста Христаллера*: „Uber unser Gimnazialwesen».—«Wielka Dydaktyka". *Jana Amosa Komenskiego.* — „Жизнь Іисуса Христа, Спасителя міра", *Ѳ. Ѳ. Пуцыковича.* — „Школа женщинъ". *В. О. Іордана и О. М. Дембинской.*—„Научныя развлеченія". *Гастона Тиссандье.*—„Сборникъ примѣровъ и задачъ по русскому правописанію". *В. Разыграева.*—„L'archipel en feu". *Jules Verne.*—„Учебный атласъ всеобщей географіи".

Изъ всѣхъ книгъ, обращающихся въ нашемъ русскомъ обществѣ, наименѣе всего возбуждаютъ въ публикѣ интересъ книги педагогическія; наименьшее вниманіе удѣляетъ публика вопросамъ педагогическимъ; журналы и газеты почти совершенно игнорируютъ все, что относится къ педагогіи, и очень рѣдко, и то совсѣмъ случайно, отзовутся поверхностной рецензіей о той или другой дѣтской книжкѣ, почти никогда не помѣщая обзоровъ педагогическихъ журналовъ. Вся область педагогіи для массы читающей публики какая-то совсѣмъ невѣдомая и неинтересная земля, гдѣ живетъ особый, малочисленный и неизвѣстный народъ—педагоги, надъ которыми художественная литература наша, начиная еще съ фонъ-Визина съ его Кутейкинымъ, Цыфиркинымъ и Вральманомъ, только или почти только смѣялась, выставляя ихъ идіотами или личностями странными, курьезными, злонамѣренными или забитыми. Вспомните учителей въ сатирическихъ журналахъ Новикова, въ *Горе отъ ума* — числомъ поболѣе, цѣною подешевле; у Пушкина въ *Онѣгинѣ*, у Гоголя въ *Мертвыхъ душахъ* и *Ревизорѣ*: какимъ жалкимъ, невѣжественнымъ людямъ еще такъ недавно ввѣрялось у насъ воспитаніе молодыхъ поколѣній! И въ самомъ дѣлѣ, малоинтересенъ и несимпатиченъ публикѣ типъ бѣднаго русскаго педагога. Жалкое состояніе нашего образованія, только терпимаго, какъ необходимое зло,—образованія, на которое отпускается у насъ такая, сравнительно, малая цифра въ государственномъ бюджетѣ, плохо оплачиваемый тяжелый трудъ изо дня въ день, цѣлые десятки лѣтъ, если не вгонитъ онъ бѣдняка въ могилу ранѣе,—все это дѣйствительно повліяло на образованіе типа учителя, по самому роду своихъ занятій и положенію какъ бы оторванному отъ общества. Словомъ, общество, мало интересуясь и педагогической литературой, и учителями, пожалуй, до нѣкоторой степени и право.

Между тѣмъ, особенно съ освобожденія крестьянъ и всеобщей воинской повинности, когда образованіе стало у насъ дѣломъ настоятельной, всесословной необходимости, область педагогики въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова должна занять, если не первое, то, по крайней мѣрѣ, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду функцій государственной жизни и, слѣдовательно, возбуждать интересъ во всѣхъ, кому дороги просвѣщеніе и будущая судьба своей родины.

И если нашъ журналъ рѣшился ежемѣсячно знакомить публику съ новостями литературы художественной и ученой, то онъ долженъ отвести видное мѣсто и педагогикѣ. Открывая съ этого мѣсяца новый отдѣлъ библіографіи, мы хотимъ, чтобы педагогикой интересовались отнюдь не одни спеціалисты, но и вся читающая публика вообще. Показать въ общей картинѣ, что дѣлается въ этой области литературы замѣчательнаго или выдающагося по своему безобразію, у насъ, и какія заботы о просвѣщеніи прилагаются за границей въ наиболѣе образованныхъ странахъ: Германіи, Англіи, Франціи, Бельгіи, Италіи, Швеціи,—вотъ цѣль нашего отдѣла. Не одну школу въ тѣсномъ смыслѣ будемъ имѣть мы въ виду, но и всю литературу, относящуюся къ просвѣщенію массъ, какъ-то: печатные отчеты объ учительскихъ или профессорскихъ съѣздахъ, популярныя книжки научнаго и литературнаго содержанія, написанныя для дѣтей или народа, публичныя лекціи и чтенія, дѣтскіе и народные журналы и газеты, статьи о воспитаніи, въ случаѣ, если попадутся онѣ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ,—словомъ, все, что только прямо или косвенно можетъ быть отнесено къ дѣлу воспитанія дѣтей или народа. При этомъ мы обратимъ особенное вниманіе на отношеніе къ воспитанію у насъ и за границей; и если въ нашемъ русскомъ обществѣ, гдѣ даже нижегородскій генералъ-губернаторъ въ печатномъ приказѣ еще недавно долженъ былъ объяснять, что *жидъ—человѣкъ, а не собака*,—еще слишкомъ мало пробуждено стремленіе къ самообразованію и воспитанію, то журналистика должна придти на помощь къ пробужденію этихъ стремленій. У насъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ часто смѣшиваютъ образованіе съ воспитаніемъ, наивно думая, что одна школа съ ворохомъ фактовъ, которымъ начиняютъ головы бѣдныхъ учениковъ, и оканчиваетъ приготовленіе человѣка для жизни. Знакомить съ тѣмъ, что дѣлается за границей для просвѣщенія вообще, какъ именно *воспитываются* тамъ массы взрослыхъ людей для полезной общественной и государственной дѣятельности въ духѣ современныхъ идеаловъ, основанныхъ на свободной наукѣ,—вотъ что намѣрены мы дѣлать, насколько возможно, полно и не увлекаясь исключительно въ какую-нибудь одну излюбленную сторону.

Оставляя до будущаго мѣсяца обзоръ новостей народной, педагогической и дѣтской литературы, постараемся на этотъ разъ ознакомить публику съ тѣмъ, что было сдѣлано по этой части у насъ, въ Россіи, за послѣднія двадцать пять лѣтъ.

Вступленіе на престолъ покойнаго Императора Александра II, почти тотчасъ же учредившаго коммиссію по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, застало насъ совершенно неподготовленными къ вопросамъ педагогическимъ, столь настоятельно вызваннымъ потребностями времени. Въ предшествующее царствованіе журналовъ для народа и педагогическихъ, за очень малыми и жалкими попытками, о которыхъ не стоитъ и говорить, не было вовсе; книги для дѣтей писались, но, за очень рѣдкими исключеніями, это была бездарная спекуляція, только развращавшая дѣтей. Слащавыя изданія Ишимовой, *Звѣздочка* и *Лучи*, предназначались почему-то для чтенія *благороднымъ воспитанницамъ институтовъ*; для чтенія воспитанникамъ *военно-учебныхъ заведеній* издавали также особый журналъ, прекратившійся въ 1851 г.; раньше, въ 1847 г., около года издавалась П. Рѣдкинымъ *Новая библіотека для воспитанія* и только въ 1851 г. явился вполнѣ порядочный *Журналъ для*

дѣтей М. Чистякова, первый дешевый журналъ, насколько возможно, добросовѣстно выполнявшій свое назначеніе, съ величайшимъ интересомъ читавшійся не только дѣтьми, но и взрослыми. Вотъ все, что существовало у насъ написаннаго для дѣтей; что же касается вопросовъ о воспитаніи, то, за исключеніемъ, кажется, одного Бѣлинскаго, горячо ратовавшаго во многихъ изъ своихъ статей за общечеловѣческое, гуманное развитіе души, рѣшительно никто о нихъ и не заикался.

Первымъ борцомъ за необходимость воспитанія, за общечеловѣческое, научное и гуманное просвѣщеніе не только мужчины, но и женщины, явился въ новое царствованіе медикъ-хирургъ Н. И. Пироговъ въ *Морскомъ Сборникѣ* съ своей знаменитой статьей *Вопросы жизни*. Въ 1857 году, въ апрѣлѣ, вышелъ въ свѣтъ первый въ Россіи *Русскій Педагогическій Журналъ* извѣстнаго основателя женскихъ гимназій Н. А. Вышнеградскаго, читавшійся даже и въ высшемъ обществѣ и возбуждавшій толки въ сферахъ правительственныхъ. Въ этомъ журналѣ впервые были поставлены чрезвычайно важные вопросы о приготовленіи учителей въ элементарныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о народныхъ училищахъ, ихъ внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ, о реальныхъ училищахъ, о гимназіяхъ, наконецъ, о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и о необходимости сдѣлать ихъ открытыми и доступными. Занятый устройствомъ женскихъ гимназій, Н. А. Вышнеградскій скоро прекратилъ свой журналъ, и въ 1859 году явился подъ редакціей О. И. Паульсона, издававшійся до 1868 года, прекрасный журналъ *Учитель*, въ которомъ въ чрезвычайно живой и интересной формѣ разрабатывались вопросы воспитанія и обученія въ элементарной и средней школѣ. Это положительно лучшее и разнообразнѣйшее у насъ педагогическое повременное изданіе,—въ которомъ принимали самое дѣятельное участіе такія лица, какъ извѣстные покойные педагоги Ф. Г. Толль, Ѳ. Ѳ. Резенеръ, баронъ Н. А. Корфъ,—положило прочное основаніе всего дальнѣйшаго развитія у насъ педагогики и дидактики, внесло, благодаря своему свѣжему и благородному направленію, свѣтъ и жизнь въ школу, гуманно и горячо ратовало за уваженіе къ дѣтской личности и за любовь, какъ главный воспитательный элементъ, и своей обстоятельной критикой дѣтскихъ книгъ, можно сказать, породило настоящую разумную дѣтскую литературу. Одновременно почти съ *Учителемъ* основался и журналъ для юношества *Развлеченіе* Кремлина.

Въ это чудное время всеобщаго пробужденія педагогическихъ интересовъ, какъ разъ въ годъ освобожденія крестьянъ, 1861, открылся въ Петербургѣ при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ комитетъ грамотности. Задачи его, выраженныя простымъ словомъ *грамотность*, были обширны, и нужно только истинно пожалѣть о томъ, что, съ одной стороны, наступившія неблагопріятныя условія, съ другой — апатія самого общества, скоро уставшаго отъ лихорадочной дѣятельности шестидесятыхъ годовъ, не дали осуществить ихъ, такъ что въ настоящее время комитетъ поддерживается единственно благодаря неослабной энергіи нѣсколькихъ лицъ. А задачи эти таковы: 1) правильное устройство школъ; 2) подготовленіе учителей и учительницъ; 3) разумный выборъ практическихъ учебниковъ, пособій, руководствъ и книгъ для чтенія; 4) снабженіе ими школъ; 5) правильно организованное обученіе въ методическомъ отношеніи; 6) правильный взглядъ на

школьное дѣло вообще, на задачи народнаго образованія, на отношеніе школъ къ обществу и къ нуждамъ мѣстнаго населенія,—вообще, систему народнаго образованія, что составляетъ предметъ училищевѣдѣнія, наконецъ, 7) такъ какъ школа подготовляется къ самообразованію, то изысканіе средствъ къ послѣднему: устройство библіотекъ для чтенія, читаленъ, книжныхъ складовъ и т. п., а также устройство народнаго театра, музыкальнаго образованія народныхъ массъ и т. п. Такимъ образомъ, по цѣлямъ, этотъ комитетъ до нѣкоторой степени сходится съ извѣстнымъ новиковскимъ *Дружескимъ обществомъ*, которое вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ отцвѣло такъ рано, не успѣвъ развернуть своей широкой дѣятельности. Но кое-что, въ предѣлахъ скромной возможности, комитетъ и сдѣлалъ; напримѣръ, за 20 лѣтъ своего существованія разослалъ безплатно по разнымъ концамъ Россіи по 1881 годъ до 1.051,573 томовъ всякихъ книгъ; особою коммиссіей, еще въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, разработалъ вопросъ о народномъ театрѣ вполнѣ обстоятельно; выработалъ обширный народный репертуаръ и даже составилъ планъ устройства театра. Дѣло это поступило тогда же на разсмотрѣніе министерства двора, но исходъ его неизвѣстенъ. Какъ жаль, что комитетъ до сихъ поръ не позаботился напечатать этой своей работы! Но самое главное, видное дѣло комитета, это—составленіе громаднаго *Обзора русской учебно-народной литературы*, о которомъ рѣчь впереди.

Къ этому же времени шестидесятыхъ годовъ относится и начало плодотворной педагогическо-литературной дѣятельности гр. Л. Н. Толстаго, открывшаго въ 1863 г. свою извѣстную Яснополянскую школу, именемъ которой—*Ясная поляна* онъ и назвалъ свой оригинальный педагогическій журналъ, проводившій въ общество живыя и гуманныя педагогическія воззрѣнія.

Періодъ съ 1857 года до половины шестидесятыхъ годовъ можно назвать *золотымъ вѣкомъ* исторіи нашей педагогической литературы. Въ этотъ краткій вѣкъ жива была сама литература, трактовала образованіе и воспитаніе широко и жизненно; интересовалось этой педагогикой и общество, жертвовавшее на безплатныя школы и педагогическія книги не мало средствъ.

Но судьба не балуетъ насъ. Положеніе дѣлъ скоро измѣнилось—и воспитательное движеніе, столь настоятельно необходимое въ виду освобожденія многочисленной массы народа, замерло, обезличилось и обратилось на сухія, подчасъ ненужныя и даже курьезныя мелочи и хитрости, вовсе для публики неинтересныя, а самое слово педагогика стало пугаломъ вродѣ страшныхъ словечекъ для купчихи въ *Тяжелыхъ дняхъ* Островскаго.

Второй періодъ, продолжающійся до нѣкоторой степени и до сихъ поръ, мы назвали бы *нѣмецко-военнымъ*. Нѣмецкимъ потому, что въ этотъ періодъ пересаживаются на русскую почву всякія нѣмецкія методы и дидактики, причемъ вопросы общіе и живые совсѣмъ откладываются въ сторону; военными потому, что педагогика эта преимущественно тяготѣетъ къ военнымъ гимназіямъ и военнымъ учительскимъ семинаріямъ, гдѣ усиленно производились опыты надъ живымъ матеріаломъ — дѣтьми; мало того, даже народныя чтенія, первыя у насъ въ Россіи, затѣиваются военно-учебнымъ вѣдомствомъ въ петербургскомъ Соляномъ городкѣ, особою коммиссіею подъ предсѣдательствомъ сначала полковника, а потомъ генерала Коховскаго, прямо перешедшаго отъ боевой службы въ Польшѣ въ 1863—1864 г.

къ занятіямъ педагогіей. Это—время господства методовъ, учебниковъ и задачниковъ гг. Евтушевскаго, Сентъ-Иллера, Д. Семенова и многихъ другихъ, стяжавшихъ себѣ хорошіе капиталы отъ своихъ трудовъ; время игры въ вопросики и отвѣтики, время разжевыванія передъ четырнадцатилѣтними отроками самыхъ простѣйшихъ вещей, наглядно понятныхъ шестилѣтнимъ ребятамъ; время игры въ науку, время скучнѣйшихъ журналовъ, каковы: *Педагогическій сборникъ военно-учебныхъ заведеній*, редактированный г. Весселемъ, и *Педагогическій музей*, просуществовавшій годъ, два или три. Голосъ графа Л. Н. Толстаго, громко протестовавшій противъ всѣхъ этихъ злоупотребленій педагогики, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, въ извѣстной статьѣ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, поднявшей цѣлую бурю въ педагогическомъ муравейникѣ, остается единственнымъ смѣлымъ и трезвымъ голосомъ въ эти скучные годы нѣмецко-военной педагогіи.

Независимо отъ послѣдней, въ 1869 г. возникъ и до сихъ поръ издающійся журналъ *Дѣтское Чтеніе*, сразу обратившій на себя всеобщее вниманіе жизненностью своего направленія, свободною отъ всякихъ иноземныхъ хитростей, талантливостью и разнообразіемъ интересныхъ статей. Взявъ за основаніе здравую мысль, что съ дѣтьми слѣдуетъ говорить серьезно, безъ сюсюканья и поддѣлыванія подъ дѣтскій тонъ, что дѣтямъ менѣе всего интересны разсказы о нихъ же самихъ и что дѣтскій журналъ долженъ быть непремѣнно художественъ,—это изданіе со множествомъ прекрасныхъ рисунковъ, съ нотами и со всякими играми и занятіями, справедливо заняло первое мѣсто въ русской дѣтской журналистикѣ и послужило образцомъ для всѣхъ другихъ позднѣйшихъ дѣтскихъ журналовъ, изъ которыхъ *Родникъ*, издающійся уже четвертый годъ, представляетъ очень замѣтное подражаніе *Дѣтскому Чтенію*, къ сожалѣнію, выходящему теперь такъ неаккуратно. Не малую службу сослужило оно педагогической литературѣ и своимъ приложеніемъ *Педагогическій Листокъ*, гдѣ обстоятельно разбиралось въ продолженіе пятнадцати лѣтъ все, выходившее въ нашей литературѣ для дѣтскаго и юношескаго возраста. Въ этомъ отношеніи не малую пользу принесла и *Народная Школа*, основанная лѣтъ пятнадцать тому назадъ покойнымъ Мѣдниковымъ. Журналъ *Семья и Школа* въ первые годы своего существованія также представлялъ интересъ, но преимущественно въ отдѣлѣ не дѣтскомъ,—гдѣ въ выборѣ статей у него всегда было мало вкуса, жизни и таланта,—но педагогическомъ. Если къ этимъ журналамъ присоединимъ еще едва влачащую свое существованіе *Игрушечку* г-жи Пассекъ, положительно позорное наглоспекулятивное изданіе г. Вольфа, ровно ничего не понимающаго въ педагогіи, *Задушевное Слово*, о которомъ будетъ еще особая рѣчь въ нашемъ журналѣ, практическій, очень порядочный журналъ *Русскій Народный Учитель*, издающіяся въ Москвѣ, *Записки Учителя* и *Женское Образованіе*, интересное особенно своей библіографіей и многими живыми статьями,—вотъ и все, что въ настоящее время представляетъ наша педагогическая журналистика. Объ этихъ журналахъ мы будемъ отдавать читателю отчетъ съ января будущаго года, а теперь остановимся подробнѣе на двухъ капитальныхъ трудахъ на пользу народнаго образованія, а именно *Систематическомъ обзорѣ русской учебно-народной литературы* и вышедшей въ нынѣшнемъ году книгѣ *Что читать народу?*

Заботы по разсмотрѣнію книгъ для народнаго чтенія, учебниковъ и пособій

для школъ занимали петербургскій комитетъ грамотности съ перваго года его существованія и даже съ этою цѣлью въ 1861 году при комитетѣ была учреждена особая комиссія для разсмотрѣнія этого народно-образовательнаго и воспитательнаго матеріала. Комиссія, въ которую входили, между прочимъ, покойные Толь, Резенеръ, Погосскій, а также Навловъ, Золотовъ, Паульсонъ и Оболенскій, энергически взялась за дѣло, и уже въ декабрѣ представила комитету цѣлую массу рецензій. Въ этихъ рецензіяхъ кратко указывалась цѣль, достоинство и недостатки книгъ, съ цѣлью доставить школамъ возможность, не растрачивая безполезно скудныхъ средствъ, выписывать книги дѣйствительно полезныя. Такимъ образомъ, мысль *Обзора* возникла еще за семнадцать лѣтъ до его появленія. Въ томъ же 1861 г. былъ изданъ *первый* каталогъ комитета и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, какъ первый опытъ народно-учебнаго руководства при выборѣ книгъ, былъ очень радушно встрѣченъ не только публикою, но и самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое одно выписало его до 3,000 экземпляровъ для разсылки по школамъ. Этотъ каталогъ, заключавшій въ себѣ всего только 104 названія, которыя только и можно было выбрать изъ руководствъ для учителей, учебниковъ, книгъ для народнаго чтенія и журналовъ, и то выбрать съ очень большою снисходительностью, имѣлъ цѣлыя *восемь* изданій и много лѣтъ оставался первымъ и единственнымъ руководителемъ нашей юной народной школы.

По мѣрѣ того, какъ шло время, увеличивалось число школъ, а, вмѣстѣ, и книгъ для дѣтскаго вообще и народнаго чтенія. Чутко прислушиваясь къ потребностямъ времени, не дремала спекуляція, и, рядомъ съ немногими трудами добросовѣстными и полезными, явилась цѣлая масса всякаго хлама. Въ литературѣ учебно-народной необходимо было разобраться. И вотъ, въ началѣ 1875 года, когда комитетъ, такъ блестяще начавшій четырнадцать лѣтъ назадъ свою благотворную дѣятельность, скромно влачилъ свое существованіе, занимаясь почти одной только безплатной разсылкой по школамъ книгъ да небольшихъ библіотекъ по военнымъ госпиталямъ, въ средѣ немногихъ лицъ, отдававшихъ свое время комитетской дѣятельности, возникла мысль создать обширный систематическій каталогъ-библіографію всей русской учебно-народной литературы по всѣмъ отраслямъ знанія. Мысль была очень смѣлая, прежде всего, уже потому, что въ кассѣ комитета, насчитывавшемъ весьма мизерное число членовъ, аккуратно плативщихъ трехрублевый взносъ, было всего какихъ-нибудь послѣднихъ три-четыре тысячи. Но мысль, поддержанная предсѣдателемъ комитета, Н. А. Ермаковымъ, осуществилась: нашлись и люди, согласившіеся за скромный гонораръ потрудиться для дѣла народнаго образованія; нашлись и средства къ напечатанію книги. Пригласивъ къ участію въ составленіи *Обзора* спеціалистовъ-педагоговъ по всѣмъ отдѣламъ школьнаго преподаванія и народнаго самообученія, комитетъ составилъ, такимъ образомъ, особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Я. Т. Михайловскаго, которая въ мартѣ 1875 г. приступила къ работѣ. Трудъ предстоялъ громадный, долгій и не легкій. Болѣе двухъ лѣтъ неустанно работала комиссія изъ двѣнадцати человѣкъ, имѣя съ марта 1875 г. по августъ 1877 г. 103 особыхъ засѣданія, въ которыхъ прочитывалась каждая изъ 965 рецензій, вошедшихъ въ *Обзоръ*, не считая множества неодобренныхъ, и куда приглашались для совѣта и указаній спеціалисты и со стороны. Болѣе трехъ тысячъ книгъ было

просмотрѣно за это время коммиссіей, и это было тѣмъ болѣе трудно, что, при отсутствіи у насъ аккуратныхъ и полныхъ каталоговъ и хорошихъ складовъ дешевыхъ книгъ, самое открытіе существованія многихъ книгъ, и особенно добываніе ихъ для просмотра, сопряжено съ большими затрудненіями.

Наконецъ, въ маѣ 1878 года, благодаря М. М. Стасюлевичу, напечатавшему въ кредитъ трудъ коммиссіи, вышелъ въ свѣтъ, подъ общей редакціей Я. Т. Михайловскаго, огромный томъ in 4°/₀ въ 46 печатныхъ листовъ, изъ которыхъ 26 петита, въ два столбца, и стоющій всего два рубля, что, при страшной дороговизнѣ у насъ книгъ, поражаетъ дешевизной. Этотъ *Систематическій обзоръ* представляетъ, въ своемъ родѣ, явленіе *единственное* въ педагогической литературѣ не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ, гдѣ школа поставлена такъ высоко. Цѣль книги троякая: во-первыхъ, дать возможность народнымъ учителямъ, особенно въ глуши отдаленныхъ отъ умственныхъ центровъ мѣстностей, пополнить свое образованіе, и для этого по всѣмъ предметамъ общеобразовательнаго курса (педагогика, законъ Божій, родной языкъ, ариѳметика, пѣніе, рисованіе и черченіе, гимнастика, гигіена, географія, исторія, естествовѣдѣніе, наконецъ, сельское хозяйство) даны обстоятельныя руководящія статьи и описательныя рецензіи лучшихъ книгъ; во-вторыхъ, предложены рецензіи учебниковъ, руководствъ и учебныхъ пособій для учениковъ, и, въ-третьихъ, рецензіи всего, что только могла найти коммиссія маломальски пригоднаго для чтенія дѣтямъ и народу. Въ видѣ приложенія въ концѣ помѣщена статья о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Школа и журналистика встрѣтили трудъ коммиссіи радушно, и, за немногими исключеніями, періодическая печать, множество лицъ, съ разныхъ концовъ Россіи, компетентныхъ къ дѣлѣ народнаго образованія, а также и члены ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія отнеслись какъ къ цѣли, такъ и къ исполненію труда крайне сочувственно. Не остался *Обзоръ* незамѣченнымъ и за границею, и на послѣдней парижской всемірной выставкѣ удостоился почетной награды. Такимъ образомъ, при всѣхъ недостаткахъ, промахахъ и ошибкахъ, неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ большомъ дѣлѣ, *Обзоръ* посильно отвѣчалъ потребностямъ школъ, читаленъ, народно-учебныхъ и педагогическихъ библіотекъ и всѣхъ лицъ, кому дорого у насъ дѣтское и вообще народное обученіе, воспитаніе и образованіе.

Не останавливаясь передъ исправленіемъ и продолженіемъ своего дѣла, коммиссія образовала постоянное бюро, куда стали стекаться со всѣхъ концовъ Россіи какъ письменные, такъ и печатные отзывы, исправленія и дополненія къ *Обзору*, и продолжала слѣдить за всѣми вновь выходящими педагогическими книгами, попутно составляя новыя рецензіи. Результатомъ продолженія этихъ трудовъ, черезъ четыре года, въ 1882 г., явилось въ такомъ же духѣ и планѣ *Первое дополненіе къ систематическому обзору русской учебно-народной литературы*, составленное тѣми же, за малыми исключеніями, двѣнадцатью лицами, работавшими и раньше въ *Обзорѣ*, и подъ общею редакціею того же Я. Т. Михайловскаго. Въ этомъ *Дополненіи*, исправивъ, по возможности, недосмотры, недостатки и пробѣлы, коммиссія не ограничилась разборкою книгъ и учебныхъ пособій, вышедшихъ за послѣдніе три года, но пересмотрѣла и тѣ, которыя были указаны критикой въ числѣ пропущенныхъ. Въ видѣ приложенія, помѣщена статья *О цѣлесообразномъ устройствѣ сель-*

ской народной, *пока* только *дорогой школы* съ планомъ. Планъ устройства такого народно-школьнаго зданія, которое вмѣстѣ съ педагогико-гигіеническими требованіями соединило бы возможную дешевизну постройки, къ сожалѣнію, будетъ приложенъ только въ слѣдующемъ *Дополненіи*. Не считая возможнымъ приступить къ выработкѣ *такого именно плана дешевой школы*, не познакомившись предварительно съ состояніемъ у насъ сельской народно-школьной архитектуры и съ цѣнностью постройки школъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, коммиссія обратилась отъ имени комитета грамотности ко всѣмъ земскимъ управамъ (365) съ просьбой доставить ей планы существующихъ у нихъ народно-школьныхъ зданій. Откликнулись только 84 земскія управы, прислав къ половинѣ 1882 года 254 плана, и надо надѣяться, что въ слѣдующемъ *Дополненіи* явится уже не *идеальный* планъ, какъ теперь, а болѣе осуществимый при скудныхъ настоящихъ средствахъ русской народной школы.

Такъ какъ земства, а также и многія другія учрежденія, при составленіи библіотекъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, часто обращались къ содѣйствію комитета грамотности, то коммиссія приложила къ *Дополненію* еще и *Каталогъ народно-школьной библіотеки* съ 171 названіемъ книгъ, стоимостью всего въ 60 р. — сумма, болѣе или менѣе подходящая къ средствамъ нашихъ земствъ, обыкновенно присылавшихъ въ комитетъ на покупку книгъ 35—100 р. За этотъ каталогъ, хотя и во многомъ несовершенный, также можно поблагодарить коммиссію.

Такимъ образомъ, къ половинѣ 1882 года русская элементарная школа въ самомъ широкомъ смыслѣ, понимая подъ ней и домашнее воспитаніе, школу городскую и сельскую, младшіе классы гимназій, словомъ, всѣ русскія училища, получила, благодаря петербургскому комитету грамотности, помимо руководящихъ статей по всѣмъ предметамъ школьнаго обученія и воспитанія, дешеваго школьнаго каталога и плана устройства школы, рецензіи *тысячи двухсотъ восьмидесяти девяти* книгъ для учителей и учащихся (324 рецензіи помѣщены въ *Дополненіи*), другими словами, критическій обзоръ всей народно-педагогической русской литературы, не только текущей, но, начиная приблизительно съ 1855 года, т. е. болѣе, чѣмъ съ четверть столѣтія, слѣдовательно, за все время новой дѣятельности Россіи на пользу образованія народныхъ массъ. *Обзоръ* комитета грамотности вышелъ уже восемь лѣтъ назадъ, породилъ въ свое время много статей и рецензій, извѣстенъ болѣе или менѣе всюду, гдѣ есть въ Россіи сколько-нибудь сносныя школы; но мы въ общей картинѣ состоянія нашей учебно-народной литературы не могли не напомнить читателямъ о самомъ выдающемся въ этомъ отношеніи дѣлѣ, которое оцѣнить вполнѣ можетъ только будущая исторія русскаго образованія.

Дѣятельность петербургскаго комитета грамотности не ограничивается въ настоящее время *Обзоромъ* и разсылкой книгъ по бѣднѣйшимъ школамъ. Съ 1880 года товарищъ предсѣдателя комитета Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ, такъ много поработавшій по устройству сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, принялъ на себя главное руководство по сложной операціи дешевыхъ изданій для народа, которая и до сихъ поръ еще находится бо́льшею частью въ рукахъ безграмотныхъ московскихъ книгопродавцевъ Леухина, Манухина и другихъ наглыхъ и невѣжественныхъ эксплуататоровъ народныхъ грошей. Г. Фанъ-деръ-Флитъ, пожертвовавъ первымъ на упорядоченіе народныхъ из-

даній пятьсотъ рублей и пригласивъ къ участію въ редакціи нѣкоторыхъ изъ членовъ комитета и лицъ, составлявшихъ *Обзоръ*, въ томъ же 1880 г. издалъ первую книжку *изданій спб. комитета грамотности — Аленькій цвѣточекъ* С. Т. Аксакова, съ виньеткой извѣстнаго покойнаго иллюстратора И. С. Панова и съ его же прекрасными рисунками. Подъ общимъ заглавіемъ,— *Изд. спб. к. гр.* — и съ общей виньеткой, въ настоящее время вышло уже семнадцать изящнѣйшихъ по внѣшности (бумага, печать, хорошая корректура) народныхъ книжекъ, съ виньетками и рисунками такихъ мастеровъ, какъ Пановъ, Репинъ и Каразинъ, приложившихъ все стараніе, чтобы оказаться на высотѣ служенія народному дѣлу. Эти книжечки, стоящія не болѣе десяти, а то и пяти копѣекъ (только *Разсказы о севастопольской оборонѣ* гр. Л. Н. Толстаго—120 страницъ—стоятъ 20 коп.), и то еще съ уступкой 30% для всѣхъ лицъ, обращающихся прямо въ складъ изданій (Спб., книжн. маг. Стасюлевича, В. О., 2 л., д. 7), хотя бы покупалъ всего одинъ экземпляръ; эти книжечки, по выбору матеріала вполнѣ художественнаго и педагогическаго (Гоголь, Лермонтовъ, гр. Л. Толстой, Григоровичъ, гр. А. Толстой, Некрасовъ, Шевченко, Погосскій и др.), по чрезвычайно красивой внѣшности и многимъ прелестнѣйшимъ рисункамъ представляютъ образецъ того, что и какъ нужно издавать для народа не только у насъ, но хотя бы и въ самыхъ образованныхъ странахъ Европы. Дешевыя книжечки эти, бо́льшая часть которыхъ вполнѣ пригодна вообще для изящнаго подарка дѣтямъ всѣхъ сословій, представляютъ отраднѣйшее явленіе русской педагогической литературы, указывая благороднѣйшую изъ дѣятельностей для всѣхъ достаточныхъ людей, имѣющихъ досугъ и желающихъ своимъ образованіемъ и капиталомъ, который, впрочемъ, навѣрное, вернется съ лихвой, послужить дѣлу народнаго образованія.

Отъ *Обзора* и народныхъ изданій комитета перейдемъ къ вышедшей недавно такой же отрадной книгѣ *Что читать народу?* о которой уже было говорено въ нашемъ журналѣ и которая вызвала нѣсколько статей и рецензій, какъ вещь оригинальная, а, въ общемъ, очень полезная. Не входя въ разборъ этой книги, требующей особой обстоятельной статьи, скажемъ только объ ея возникновеніи, достоинствахъ и сторонахъ слабыхъ. Трудъ *Что читать народу? — Критическій указатель книгъ народнаго и дѣтскаго чтенія* по объему еще больше, чѣмъ *Обзоръ*. Это громадная книга въ 53 печатныхъ листа, напечатанныхъ въ два столбца сплошь и стоящая такъ же, какъ и *Обзоръ*, всего два рубля. Точно такъ же, какъ и послѣдній, она трудъ многихъ лѣтъ и трудъ не единичный, идущій отъ одного лица, а коллективный, кружковый, составленный совокупными добросовѣстными силами многихъ лицъ. Въ общемъ, и тамъ, и тутъ цѣль одна—помощь народному образованію. Но *Обзоръ* составленъ двѣнадцатью мужчинами, хотя и спеціалистами-педагогами, но знающими народъ и народную школу болѣе теоретически, а *Что читать народу?* двѣнадцатью учительницами харьковской частной женской воскресной школы г-жи Алчевской; кромѣ того, въ книгу вошли еще рецензіи и замѣтки о чтеніяхъ для народа и самимъ народомъ, присланныя одной екатеринославской и двумя курскими народными школами. *Обзоръ* имѣетъ въ виду вообще школу и по преимуществу собственно народныя книги; *Что читать народу?* — по преимуществу школу для дѣвочекъ и книги не только народныя, но и дѣтскія

вообще. *Обзоръ* серьезнѣе, полнѣе и шире по задачамъ: онъ знакомитъ съ книгами для самообразованія учителя, учебниками и классными пособіями; *Что читать народу?* разсматриваетъ только книги, которыя *были прочтены* или учительницей преимущественно передъ женской школьной публикой разныхъ возрастовъ отъ десяти до тридцатилѣтняго, или же самими ученицами на дому; притомъ разсмотрѣны только книги духовно-нравственныя, литературныя (самый большой отдѣлъ), по исторіи, біографіи, географіи и путешествіямъ, земскому дѣлу и народному хозяйству. Этотъ послѣдній прекрасный отдѣлъ, составленный бар. Н. А. Корфомъ, особенно цѣненъ въ книгѣ. Всѣхъ книгъ разсмотрѣно 1,067, изъ которыхъ 685 отошли къ литературѣ, исторіи и біографіи. Разборы отличаются обстоятельностью, подробнымъ или краткимъ изложеніемъ содержанія, такъ что, подобно *Обзору*, съ которымъ въ оцѣнкахъ большею частью сходится, книга эта весьма полезна какъ для земствъ и педагоговъ всякаго рода, такъ и для всякой семьи, гдѣ хотятъ разумно руководить дѣтскимъ чтеніемъ. Книга эта съ *одной* стороны даже практичнѣе *Обзора*, такъ какъ даетъ въ приложеніи цѣлыхъ четыре книжные каталога для школъ въ разныя цѣнности: въ 46 р. 23 к., въ 92 р. 29 к., въ 141 р. 90 к. и въ 205 р. 14 к., а, кромѣ того, еще списокъ рекомендуемыхъ книгъ съ распредѣленіемъ ихъ по возрастамъ и развитію.

Но книга харьковскихъ учительницъ имѣетъ одну вполнѣ оригинальную сторону, на которую слѣдуетъ обратить особое вниманіе, это—цѣлый рядъ страницъ (354), посвященный исключительно почти стенографически записаннымъ отзывамъ самихъ дѣтей и взрослыхъ о прочтенномъ. Такимъ образомъ, интересующійся чтеніемъ для народа наглядно знакомится съ тѣмъ, какъ понята и какое впечатлѣніе оставила та или другая книга. Подобное записываніе наблюденій, непосредственно заимствованныхъ изъ практики, во всякомъ случаѣ, весьма цѣнное даже и въ томъ видѣ, какъ оно дается харьковскими учительницами, было бы еще цѣннѣе, если бы велось болѣе толково и осмысленно. Но, къ сожалѣнію, всей душой преданныя дѣлу воспитанія учительницы отнеслись къ дѣлу немножко непосредственно и слишкомъ объективно, совсѣмъ отказываясь отъ своей личности, которая, по крайней мѣрѣ, должна была бы руководить выборомъ книгъ. Составительницы книги *Что читать народу?* набрали цѣлый ворохъ дѣтскихъ и народныхъ книгъ, читали ученицамъ сами или роздали ихъ на домъ и затѣмъ, по крайнему своему разумѣнію, предложили читательницамъ вопросы о прочтенномъ, подчасъ довольно наивные, и записали отвѣты. Такимъ образомъ, получился также цѣлый безпорядочный ворохъ разсказовъ и отзывовъ маленькихъ и взрослыхъ людей, начиная лѣтъ съ 9 и кончая 30, даже имена которыхъ добросовѣстно записаны учительницами. Много непосредственнаго, задушевнаго высказывается въ этихъ отвѣтахъ; мнѣнія и вкусы учащихся, во всей простотѣ послѣднихъ, обнаруживаютъ богатство душевныхъ силъ народа, часто поразительную правдивость и мѣткость сужденія и, большею частью, вполнѣ оправдываютъ рекомендацію составительницъ по отношенію къ книгамъ, ими выбраннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти отвѣты совершенно ясно доказываютъ, что дѣти, воспитанныя самой жизнью, большею частью, являются въ школу въ нравственномъ отношеніи вполнѣ сформированными. Они вовсе не такъ наивны и глупы, какъ думаютъ многіе педагоги, самонадѣянно берущіеся просвѣщать народъ. Книга *Что читать на-*

роду? вполнѣ убѣдитъ каждаго, что только произведенія именно художественныя (Пушкинъ, Жуковскій, гр. Л. Толстой, Григоровичъ, Лермонтовъ, Гоголь, Некрасовъ, Шевченко, Тургеневъ, Шекспиръ, произведенія народной поэзіи, напр., Роландъ, Муромецъ и др.) и наиболѣе живыя изъ путешествій, біографій и книгъ о природѣ, безъ всякой искусственной поддѣлки подъ народный говоръ и понятія, могутъ интересовать массу, доставлять ей наслажденіе. Книга эта — трудъ добросовѣстности изумительной за цѣлыхъ 14 лѣтъ кропотливой женской работы, часто многословный и наивный, иногда сентиментальный, простодушно предлагающій школамъ регламентацію вопросиковъ о прочитанномъ, тогда какъ ихъ легко придумать и самому учителю, примѣняясь къ данной аудиторіи и случаю; но, какъ первый оригинальный опытъ, книга вполнѣ заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся народнымъ міросозерцаніемъ, понятіями нравственными. Въ самой наивной непосредственности и педантичности учительскихъ записей кроется великій интересъ не только для педагога, но и для всякаго, интересующагося вопросомъ о томъ, какъ думаетъ и чувствуетъ народъ, и только размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ привести интересныхъ примѣровъ оригинальнѣйшаго отношенія къ прочитанному. Очень жаль только, что стремленіе къ опытамъ побудило учительницъ, рядомъ съ прекраснѣйшими произведеніями, давать для чтенія дѣтямъ и взрослымъ такія плохія книги, какъ *Практическая книжка* А. Круглова— *Иванъ Ивановичъ и К°*; слащаво сентиментальные, совсѣмъ ужь не подходящіе къ народу разсказы Вучетича *Двѣ елки* и *Сонъ* и особенно глупый *Степка-Растрепка*, да еще и *Жизнь и приключенія Степки-Растрепки*. Точно нужно было пренебрегать ради такихъ плохихъ книженокъ хорошими вещами только для того, чтобъ убѣдиться, что давать именно эту-то дрянь вродѣ *Степки-Растрепки* и не слѣдовало. Благодаря такимъ опытамъ, въ этой интересной и полезной книгѣ встрѣчаются, напр., такіе курьезы (стр. 109—110): семнадцатилѣтняя ученица возвращаетъ учительницѣ *Чертовщину* Погосскаго. «Вотъ интересно-то, сказала она, даже ночью снилось!» И съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ начала разсказывать о чертяхъ, вѣдьмахъ и привидѣніяхъ.—«Какъ же вы думаете, все это правда? спросила учительница.—«Разумѣется, правда!» отвѣчала ученица. Признаюсь, этотъ рѣшительный отвѣтъ меня сильно озадачилъ, прибавляетъ учительница. Послѣ минуты молчанія я начала объяснять ей, что все это неправда. Ученица стояла передо мною молча, опустивши глаза. Мнѣ казалось, что она думала: «написано въ книжкѣ, книжку дала учительница, какъ же это неправда?» Мнѣ даже какъ-то стыдно было разрушать ея иллюзіи, а затѣмъ я думала: *дѣло ли школы давать такія книги, въ которыхъ одна небывальщина смѣняетъ другую, отуманивая голову простолюдина и лишая его возможности разобраться въ этой чертовщинѣ и отгородить правду отъ фантазіи?* Дѣло ли школы давать книги, послѣ которыхъ воспаленной головѣ грезятся черти, вѣдьмы и крокодилы? Я думаю, нѣтъ, тѣмъ болѣе, если на этихъ книгахъ не написано даже «сказка», значеніе которой извѣстно каждому».

Но, на ряду съ такими неудачными опытами, нельзя, съ другой стороны, не указать на чрезвычайно интересный отдѣлъ о *произведеніяхъ драматическихъ*, а также *историческій*, *біографическій* и *географическій*.

Какіе же недостатки этого перваго опыта, можетъ быть даже *слишкомъ*

добросовѣстнаго коллективнаго женскаго учительскаго труда, который, во всякомъ случаѣ, можетъ быть смѣло рекомендованъ какъ настольная книга не только во всякой школѣ, но и въ семьѣ? Поменьше болтовни объ очевидномъ и всякому понятномъ, только напрасно утолщяющей книгу; поменьше наивныхъ вопросиковъ, которые легко составитъ и самъ учитель по поводу прочитаннаго для слушателей; совершенное изгнаніе всякихъ опытовъ съ дрянными книгами; наконецъ, вообще меньше пассивности въ учительницахъ, которыя должны быть, какъ образованные люди, сознательными руководительницами темнаго народа,—и второе изданіе книги несомнѣнно выиграетъ. Что же касается вопроса *что читать народу?* то книга рѣшаетъ его только до нѣкоторой степени и то слишкомъ обще: читать слѣдуетъ изъ литературы произведенія *только художественныя*, проникнутыя любовью къ человѣку и сожалѣніемъ о его порокахъ и заблужденіяхъ; въ области же науки читать только то, что живо и интересно. Что же касается самого народа, то по книгѣ можно видѣть въ немъ только, съ одной стороны, много непосредственнаго ума, тонкаго чувства, а съ другой—еще бо́льше темнаго невѣжества и сумбура соціальныхъ и нравственныхъ понятій. Всѣ эти замѣчанія учительницъ, устные и письменные отвѣты ученицъ, всѣ эти отмѣтки о впечатлѣніяхъ читателей отъ прочитаннаго,—все это пока сырой матеріалъ, отрывочный и многословный, не освѣщенный никакой опредѣленной, руководящей идеей.

Начиная съ этой книги нашего журнала особыя педагогическо-литературныя обозрѣнія, мы на первый разъ намѣренно ограничились только тремя наиболѣе крупными явленіями: *Обзоромъ*, *изданіями спб. комитета грамотности* и книгой *Что читать народу?* Мы хотѣли только указать на то, что до сихъ поръ сдѣлано въ литературѣ для русской школы и семьи, такъ какъ въ этихъ книгахъ сосредоточиваются наиболѣе рельефно и современныя педагогическія воззрѣнія, и цѣлая масса указаній практическихъ, и, нужно сказать не увлекаясь, сдѣлано не мало. *Обзоръ* и книга харьковскихъ учительницъ даютъ довольно опредѣленныя основы критики литературы народно-педагогической; *изданія же спб. комитета грамотности* показываютъ, *какъ* нужно издавать народныя книжки.

Викторъ Острогорскій.

Людямъ непосвященнымъ, проникающимъ въ область педагогики, приходится иногда испытывать крайнее недоумѣніе. Нѣчто подобное случилось, напр., съ членами и публикой послѣдняго конгресса соціальныхъ наукъ, происходившаго въ прошломъ сентябрѣ въ Бирмингемѣ. Вотъ какъ *Daily News* описываетъ вечернее засѣданіе $^{7}/_{19}$ сентября:

«У м-ра Оскара Браунинга оказалась обширная и представительная аудиторія. Онъ—президентъ воспитательной секціи, и самые выдающіеся члены конгресса были всѣ на лицо, въ надеждѣ услышать отъ него нѣчто интересное. Въ томъ, что они не разочаровались, можно было убѣдиться изъ нѣкоторыхъ признаковъ, легко замѣтныхъ для аудиторіи. Даже когда съ мнѣніями м-ра Браунинга нельзя было согласиться, покачиванія головами сопровождались улыбками, которыя выказывали, что отрицательный аргументъ не лишенъ своей занимательной стороны даже для тѣхъ, кто его не одобряетъ, или въ силу своего остроумнаго и искуснаго выраженія, или вслѣдствіе восноминаній прош-

лаго, вызываемыхъ мнѣніями оратора. Такъ, напр., подобные признаки внутренней работы мысли замѣчались, когда м-ръ Браунингъ высказывался противъ права начальниковъ школъ приглашать и увольнять своихъ помощниковъ и заявилъ предпочтеніе системѣ назначенія и начальниковъ, и помощниковъ центральнымъ воспитательнымъ учрежденіемъ. Рѣчь м-ра Браунинга носила заглавіе «среднее образованіе» (secondary education). Она начиналась граціозными картинами, которыя ораторъ наблюдалъ въ Германіи и которыя иллюстрируютъ распространенность образованія въ этой странѣ. Центръ одной изъ такихъ картинокъ составлялъ кружокъ студентовъ, распѣвавшихъ передъ дверями обитателей Ариштадта, ради того, чтобы собрать денегъ на путешествіе въ университетскій городъ. Эта сцена внушила м-ру Браунингу размышленіе—какою странною она показалась бы для англичанъ, которые «не имѣютъ даже школьной системы, подготовляющей къ университетскому образованію мальчиковъ, настолько бѣдныхъ, что они не могутъ воспользоваться имъ, не обращаясь къ общественной помощи». «У насъ нѣтъ студентовъ, — продолжалъ м-ръ Браунингъ, очевидно, забывая о шотландскихъ студентахъ, приносящихъ болѣе благородныя жертвы ради своего образованія, нежели пожертвованіе своей гордостью, возмущающейся прошеніемъ милостыни, — у насъ нѣтъ студентовъ, видящихъ въ образованіи такую высокую цѣль, что они не считаютъ позорнымъ просить подаяніе ради него, и у насъ нѣтъ публики, которая удѣлила бы шиллингъ и полкроны на этотъ предметъ такъ, какъ она даетъ ихъ заѣзжимъ нѣмецкимъ музыкантамъ или рождественскимъ шарманщикамъ». Исходя изъ этого замѣчанія, м-ръ Браунингъ доказывалъ, что въ Англіи существуетъ вопіющій недостатокъ въ среднемъ образованіи, которое проводило бы лучшихъ учениковъ изъ первоначальныхъ школъ въ университеты; что отсутствіе подобной системы парализуетъ дѣятельность Англіи во многихъ направленіяхъ и что необходима иниціатива государства для того, чтобы восполнить этотъ недостатокъ. Затѣмъ м-ръ Браунингъ указывалъ необходимость уклониться отъ существующей въ Англіи системы народныхъ школъ и устроить дневныя школы по ганноверскому образцу» и т. д. (*Daily News*, 20 sept. 1884).

Другими словами, м-ръ Браунингъ,—очевидно, извѣстный педагогъ, такъ какъ онъ былъ избранъ президентомъ воспитательной секціи конгресса,—утверждаетъ, что въ Англіи и среднія учебныя заведенія, и первоначальныя школы требуютъ коренного преобразованія. Безъ сомнѣнія, это могло удивить каждаго, кто его слышалъ. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ оффиціальнаго отчета, при всей мягкости его тона, можно замѣтить, что слушатели м-ра Браунинга, относясь къ нему съ должнымъ почтеніемъ, все-таки, покачивали головами и улыбались, слушая его рѣчь. Можетъ быть, то, что имъ говорилъ м-ръ Браунингъ, было совершенно неожиданно для нихъ, и ихъ изумленіе нашло себѣ выходъ въ сомнительныхъ покачиваніяхъ головой и недовѣрчивыхъ улыбкахъ. Но намъ кажется, что этого недостаточно, что подобныя обличенія школы, выходящія изъ педагогической среды, всегда должны наводить на размышленія, какъ бы странны и смѣшны они ни представлялись намъ.

Съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ пройти безъ вниманія вышедшей недавно довольно незначительной нѣмецкой брошюры нѣкоего Эрнеста Христаллера, озаглавленной *Uber unser Gimnasialwesen*. Она представляетъ собою весьма слабое и невѣжественное нападеніе на гимназіи въ отечествѣ автора,

но это не мѣшаетъ ей быть весьма поучительной въ своемъ родѣ. На нашъ взглядъ, она раскрываетъ весьма любопытное явленіе, а именно, что школа и на Западѣ поставлена вовсе не такъ твердо въ общественномъ сознаніи, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Казалось бы, что̀ можетъ быть установленнѣе въ педагогическомъ мірѣ, какъ тамошняя классическая школа? Она имѣетъ тамъ вѣковую и знаменитую исторію; она тамъ школа по преимуществу; всѣ европейскія научныя и литературныя свѣтила неизбѣжно учились въ ней. Представить себѣ образованнаго француза, нѣмца или англичанина, не знающаго латинскаго и даже греческаго языка, повидимому, такъ же немыслимо, какъ вообразить себѣ опернаго пѣвца, не знающако итальянской музыки. Классическая школа въ Европѣ является продуктомъ всей ея исторіи, всего просвѣщенія, и не должна была бы колебаться, пока самый характеръ этого просвѣщенія не измѣнится. Не только спеціалисты по такъ называемымъ гуманитарнымъ наукамъ, но и знаменитые натуралисты, стоящіе во главѣ естественно-научнаго движенія, оказываются тамъ глубокими знатоками классическихъ языковъ. Такъ, извѣстный Дж. Г. Льюисъ въ своей книгѣ объ Аристотелѣ не только пользуется оригиналомъ, но даже исправляетъ текстъ его въ неясныхъ и спорныхъ мѣстахъ. Мы не говоримъ уже объ этнографахъ вродѣ Тайлора или Бастіана, которые, пользуясь обильными латинскими и греческими цитатами, никогда не переводятъ ихъ, полагая ихъ понятными для своихъ читателей.

И что же? Вдругъ въ Германіи, въ странѣ классической педагогики, мы встрѣчаемъ книжку, заглавіе которой мы назвали выше, отрицающую самое существованіе классической школы!

Если бы такая книжка вышла изъ рукъ лица, не принадлежащаго къ педагогическому міру, и тогда намъ не слѣдовало бы пройти ее молчаніемъ, именно въ виду ея отрицательныхъ качествъ. А будучи произведеніемъ гимназическаго учителя, слѣдовательно, профессіональнаго педагога, она даетъ намъ пищи еще болѣе. Дѣло въ томъ, что каждое нападеніе на школу, если въ немъ мы находимъ откликъ распространенныхъ въ обществѣ упрековъ, не лишено интереса, такъ какъ оно служитъ наглядымъ изображеніемъ отношенія общества къ школѣ въ данный моментъ. И оно еще интереснѣе, когда эти упреки повторяются педагогомъ.

Брошюра Христаллера даетъ весьма невысокое понятіе о педагогическомъ уровнѣ нѣмецкихъ учителей. Вооружаясь противъ классической системы нѣмецкихъ гимназій, авторъ не затрогиваетъ сравнительной исторіи классической и другихъ образовательныхъ системъ, не изслѣдуетъ зависимости школы отъ общественнаго настроенія извѣстнаго времени и не выставляетъ противъ своихъ противниковъ какихъ-либо установленныхъ въ теоріи и провѣренныхъ на практикѣ началъ умственнаго развитія. Вообще, брошюра его скорѣе напоминаетъ газетную статью, которая держится на почвѣ общихъ мѣстъ и выказываетъ болѣе задора, чѣмъ серьезнаго знанія дѣла. Впрочемъ, и эти недостатки до извѣстной степени характерны. Всякій человѣкъ, принадлежащій къ извѣстной профессіи, непремѣнно принадлежитъ къ извѣстной категоріи ея представителей. Христаллеръ можетъ служить обращикомъ тѣхъ педагоговъ, для которыхъ міръ сосредоточивается въ ихъ школѣ и кончается за предѣлами ея. Онъ какъ будто ничего не знаетъ и ничего не хочетъ знать, кромѣ ме-

ханизма школьнаго дѣла. Всѣ мысли его вращаются исключительно въ стѣнахъ гимназіи, въ сферѣ распредѣленія уроковъ и гимназической программы. Онъ смотритъ на педагогику лишь какъ на обязанность выучить воспитанника знаніямъ, полезнымъ для него въ будущей практической жизни. Умъ ученика гимназіи, повидимому, представляется ему чѣмъ-то вродѣ фотографической пластинки, на которую свѣтъ падаетъ только изъ школы. Семья и общество, среди которыхъ живетъ ученикъ, точно совсѣмъ для него не существуютъ.

Точкой отправленія его полемики служитъ сожалѣніе объ ученикахъ за то, что они скучаютъ надъ латинскими и греческими уроками. «Въ одинъ прекрасный іюньскій день,—такъ начинаетъ онъ,—моя обязанность гимназическаго учителя опять показалась мнѣ очень тяжелой. Въ усталыхъ лицахъ моихъ учениковъ я могъ прочесть, какъ мало радости доставляетъ имъ классическое образованіе. Я только что заставилъ моего любимца, хорошенькаго мальчика съ карими глазами, прочесть отрывокъ изъ небольшихъ упражненій для переводовъ; онъ перевелъ хорошо, какъ и всегда, но какимъ-то особеннымъ, трогательно-покорнымъ тономъ. Когда онъ кончилъ свое упражненіе и другой заступилъ его мѣсто, онъ посмотрѣлъ въ открытое окно на голубое небо, на бѣгущія облака, такимъ тоскливымъ, увлаженнымъ слезою взглядомъ, какого я никогда не забуду. Въ качествѣ учителя, я былъ обязанъ заставить его слѣдить внимательнѣе за переводомъ; я сдѣлалъ ему замѣчаніе настолько дружелюбно, насколько могъ; участіе, которое онъ почувствовалъ въ моихъ словахъ и въ моемъ голосѣ, такъ растрогали его, что свѣтлыя слезы покатились у него по щекамъ, къ большому удивленію его менѣе чувствительныхъ товарищей. Я самъ только на половину принадлежалъ моимъ обязанностямъ» и т. д. (Op. cit., 3 — 4). Мы полагаемъ, что мальчику съ карими глазами было бы въ прекрасный іюньскій день не менѣе скучно сидѣть въ классѣ и за ариѳметической задачей, и за урокомъ изъ географіи, и даже изъ ботаники, которая не замѣнила бы ему цвѣтовъ на лугу, но нашъ авторъ видитъ въ его скукѣ не основаніе для того, чтобы возстать противъ классныхъ занятій дѣтей въ лѣтнюю пору, а прямо выступаетъ противъ всей классической системы.

Въ его нападеніяхъ на нее мы не встрѣчаемъ ни одного новаго соображенія, ни одной оригинальной мысли. Но они тѣмъ интереснѣе для насъ. Мы видимъ здѣсь собранными вмѣстѣ ходячія, постоянно повторяющіяся нападки на школу, которыя какъ будто не измѣняются ни отъ времени, ни отъ мѣста. Они не перестаютъ обращаться въ обществѣ, мы не перестаемъ слышать ихъ, и потому мы воспользуемся случаемъ видѣть ихъ собранными вмѣстѣ и формулированными нѣмецкимъ педагогомъ. Насъ не затрогиваютъ его нападенія въ томъ смыслѣ, насколько тѣ могутъ быть чувствительны для классической школы: мы стоимъ совершенно въ сторонѣ отъ послѣдней и увидимъ сейчасъ, что они никакую школу, а тѣмъ болѣе классическую, поколебать не могутъ. Мы приведемъ ихъ здѣсь только для того, чтобы показать другимъ, болѣе разумнымъ педагогамъ, ту задачу, которую они, по большей части, упускаютъ изъ вида. Противъ Христаллера мы вооружимся только во имя логики и нѣкоторыхъ простыхъ пріемовъ педагогики, незнаніе которыхъ для него, какъ педагога, въ своемъ родѣ также весьма характерно.

Онъ, конечно, начинаетъ съ того разсужденія, что древніе языки вовсе не

нужны для современной практической жизни. Даже богословы и юристы, по его мнѣнію, могли бы обойтись безъ нихъ. Первые могли бы ограничиться чтеніемъ св. писанія и отцовъ церкви въ переводахъ, а, вмѣсто того, имъ слѣдовало бы пріобрѣсти «знаніе народа, его интересовъ и образа мыслей, вмѣстѣ съ свѣдѣніями по сельскому хозяйству, садоводству, законовѣдѣнію и гигіенѣ; такъ какъ имъ предстоитъ ободрять, улучшать, утѣшать людей, то имъ нужны и достаточныя психологическія познанія; кромѣ того, они должны выучиться искусно говорить не только на каѳедрѣ, но и въ обыкновенной жизни» (ib., 10). Авторъ не объясняетъ, какимъ образомъ гимназія (такъ какъ рѣчь идетъ о гимназическомъ образованіи) можетъ выучить всему этому, съ какого класса будущіе богословы должны опредѣлить свое будущее призваніе, чтобы готовиться къ нему, и какіе особые отъ товарищей предметы должны быть введены для нихъ. Онъ полагаетъ далѣе, что и будущіе юристы должны обучаться, вмѣсто древнихъ языковъ, болѣе полезнымъ для нихъ психологіи и краснорѣчію. Однако, краснорѣчіе и психологія для нихъ нужны не тѣ, какія требуются для богослововъ, въ виду различія цѣлей тѣхъ и другихъ. Для богослововъ нужна психологія, которая помогала бы имъ понимать человѣческую душу, а для юристовъ необходима психологія, которая вела бы къ обширному познанію современныхъ общественныхъ отношеній (ib., 11). О будущихъ медикахъ и натуралистахъ авторъ ничего не говоритъ, вѣроятно, потому, что имъ не нужно ни древнихъ языковъ, ни краснорѣчія, ни какой-либо спеціальной психологіи.

Уничтожая древніе языки въ гимназіяхъ, авторъ уничтожаетъ и классическую филологію въ университетахъ, такъ какъ практически она становится безполезна. Греческій и латинскій языки онъ сводитъ на положеніе персидскаго и санскритскаго языковъ и замѣняетъ ихъ психологіей, антропологіей и педагогикой.

Легко видѣть, что самыя простыя соображенія объ общемъ образованіи, объ общемъ научно-литературномъ развитіи и подготовкѣ къ университету у автора вовсе отсутствуютъ. Такъ разсуждаетъ педагогъ, учитель гимназіи!

Дальнѣйшій аргументъ его противъ древнихъ языковъ заключается въ томъ, что греческая и римская литературы вовсе не такъ хороши, какъ о нихъ говорятъ, и поэтому изучать ихъ въ оригиналѣ не стоитъ. Такую ве всякомъ случаѣ спорную истину авторъ подтверждаетъ собственнымъ мнѣніемъ о Виргиліи, у котораго, будто бы, ничего нѣтъ, кромѣ «лживой и заимствованной напыщенности», и разсужденіемъ, что мы слишкомъ далеко стоимъ отъ древнихъ авторовъ для того, чтобы ихъ понимать. Все это, конечно, дѣло вкуса, но отъ учителя, который беретъ на себя объясненіе классическихъ писателей другимъ, мы хотѣли бы слышать иное, болѣе основательное сужденіе о нихъ. Разумѣется, если учитель къ нимъ такъ относится, то нечего удивляться ученикамъ нѣмецкихъ гимназій, которые, по свидѣтельству нашего педагога, по окончаніи экзаменовъ, бросаютъ свои грамматики и лексиконы въ огонь и даже въ рѣку.

Онъ выказываетъ коренную неспособность отдѣлить учебное качество самого предмета отъ способа его преподаванія. Онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что гимназическіе учителя древнихъ языковъ въ Германіи «засыпаютъ своихъ учениковъ пыльными грамматическими, лексикографическими и метрическими при-

мѣчаніями», что все ихъ преподаваніе заключается въ «подавляющемъ всякое мышленіе, механическомъ заучиваньи наизустъ вокабулъ, словесныхъ формъ и правилъ, въ словесно-формальныхъ упражненіяхъ и непрерывной работѣ, лишенной всякой критики», что они заставляютъ запоминать «безчисленныя формы, безсвязныя синтаксическія правила, тысячи мелкихъ, совершенно ничтожныхъ упражненій» и т. д., и т. д. Если это дѣйствительно такъ, тогда, казалось бы, нѣмецкимъ педагогамъ надо, прежде всего, заняться вопросомъ о болѣе успѣшной постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ ихъ гимназіяхъ. Однако, нашъ педагогъ проходитъ мимо этого вопроса, какъ будто давая понять, что древніе языки иначе и нельзя преподавать.

Придя къ такому убѣжденію, нечего было бы и говорить дальше о древнихъ языкахъ, но онъ, все-таки, подвергаетъ критикѣ мнѣніе о пользѣ изученія ихъ, какъ лучшаго учебно-образовательнаго матеріала. Онъ начинаетъ съ того, что собираетъ указанія своихъ противниковъ, защитниковъ классической системы, въ чемъ именно заключается дѣйствіе изученія древнихъ языковъ на умъ учащагося. Мы не можемъ судить, насколько полно и добросовѣстно онъ изучалъ педагогическіе авторитеты Германіи по этому предмету, но мнѣнія, приводимыя имъ, дѣйствительно, нѣсколько разногласятъ между собой. Онъ приводитъ, напр., отзывы Вольфа, извѣстнаго спеціалиста по Гомеру. Тотъ видѣлъ пользу изученія древнихъ языковъ, главнымъ образомъ, въ «упражненіи памяти» и даже высказывалъ, какъ правило, что «къ четырнадцати годамъ формы должны быть усвоены; разумъ вначалѣ вовсе не долженъ работать, такъ какъ разсужденіе ослабляетъ память». Нашъ авторъ, посмѣявшись надъ этимъ правиломъ, приводитъ мнѣніе нѣкотораго анонимнаго педагога, защищавшаго классическое преподаваніе въ сочиненіи, озаглавленномъ *Videant Consules*, будто древніе языки потому должны быть изучаемы, что, «разлагая построенія мысли древнихъ писателей, умъ получаетъ питательныя силы; однимъ словомъ, древніе языки, это—гимнастическія упражненія, доставляющія мышленію свободу движенія и творческую энергію». И, тѣмъ не менѣе, Христаллеръ, совершенно неожиданно для насъ, поколебался передъ этимъ разсужденіемъ и заговорилъ: «несомнѣнно, что классическое образованіе въ гимназіяхъ заключаетъ въ себѣ полезное упражненіе для мышленія и ведетъ къ укрѣпленію его, но надо спросить—нѣтъ ли лучшихъ методовъ», и т. д. «Зачѣмъ же это спрашивать? — могутъ сказать ему его оппоненты, если кто-нибудь будетъ ему возражать.—Развѣ у васъ есть сравнительный опытъ для нашего метода и для вашего? Положимъ, другой, на мѣстѣ Христаллера, если бы онъ былъ убѣжденный человѣкъ, вызвался бы на такой опытъ, но для этого надо знать, какъ его расположить, а Христаллерамъ этого не выдумать.

Согласившись, что древніе языки представляютъ полезное умственное упражненіе, нашъ авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, разсуждая далѣе, что древніе языки полезны только тогда, когда они изучены вполнѣ, а въ гимназіи никогда не удается изучить ихъ. Его противники и тутъ могли бы ему возразить, что польза ихъ остается въ своей силѣ, вполнѣ они изучены или не вполнѣ, такъ какъ она заключается или, по крайней мѣрѣ, предполагается въ послѣдовательномъ умственномъ упражненіи. Они могли бы сослаться на примѣръ математики, полезности которой для развитія логичности мышленія никто отрицать не будетъ, несмотря на то, что многіе, изучавшіе ее, чрезъ

нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса, не вспомнятъ уже формулы квадратнаго уравненія и, пожалуй, будутъ путаться, когда у нихъ спросятъ что такое логариѳмъ? Впрочемъ, примѣръ математики не убѣдитъ Христаллера, потому что онъ хотя и протестующій, но, все-таки, филологъ и преобладанія математики надъ классическими языками вовсе не добивается.

Онъ нѣсколько разъ выставляетъ, какъ аргументъ противъ древнихъ языковъ, что они слишкомъ далеки отъ современной жизни. Если бы его нѣмецкіе противники знали *Недоросля*, они, вѣроятно, указали бы ему на г-жу Простакову, которая находила, что можно прекрасно прожить и безъ ариѳметики, и безъ географіи, и безъ исторіи. Враги математаки тоже могли бы говорить и противъ нея: кому нужны въ обыденной жизни пройденныя въ школѣ алгебра и геометрія? Кому, за исключеніемъ инженеровъ, техниковъ и т. п., приходится пользоваться школьными математическими познаніями, кромѣ четырехъ правилъ ариѳметики, именованныхъ чиселъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, тройнаго правила, такъ какъ даже дроби практика безъ церемоніи отбрасываетъ?

Продолжая собирать нападки противъ классическихъ языковъ, Христаллеръ говоритъ еще, что они слишкомъ скучны для учащагося, что они не поддерживаютъ въ немъ ни малѣйшаго интереса къ себѣ. И, въ то же время, онъ самъ же разсказываетъ, что для ученика нѣмецкой гимназіи какое-нибудь географическое имя, напр., «Гималайскій хребетъ», не связывается ни съ какимъ представленіемъ о горной цѣпи, въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ природѣ, съ характеромъ ея пейзажа, съ ея горными породами, флорой и фауной. Это—не болѣе, какъ нѣсколько буквъ на извѣстной страницѣ географіи Даніэля. Что же? Значитъ, и географія виновата въ томъ, что ученикъ ограничивается безсмысленнымъ заучиваньемъ учебника? Развѣ о ней можно сказать, что она не близка къ жизни, что она не питаетъ воображенія ученика, что она не даетъ ему полезныхъ свѣдѣній? Не проще ли рѣшить, что дѣло зависитъ отъ учителя, а не отъ самой науки?

У Христаллера мы находимъ обвиненіе гимназій и въ томъ, что онѣ портятъ нравственность учениковъ, развивая въ нихъ притворство и ложь. Къ счастью для древнихъ языковъ, онъ находитъ, что болѣе всего обманъ процвѣтаетъ въ классахъ математики.

Выказывая полное непониманіе такихъ основныхъ педагогическихъ понятій, какъ воспитаніе и образованіе, безпрестанно сбиваясь и противорѣча себѣ, нашъ педагогъ не ограничивается тѣмъ, что совсѣмъ изгоняетъ изъ гимназій древніе языки, замѣняя ихъ нѣмецкимъ языкомъ съ декламаціей и критическимъ разборомъ читаемаго. Смотря на воспитательную задачу, какъ на обязанность выработать особые умственные аппараты для будущихъ теологовъ, юристовъ, учителей и медиковъ, онъ создаетъ свой, совершенно особенный планъ гимназій. Разбирать этотъ планъ подробно мы, конечно, не будемъ. Скажемъ только, что авторъ, кромѣ нѣмецкаго, вводитъ еще обязательно французскій и англійскій языки и еще особо «науку о языкѣ», и заставляетъ учениковъ уже съ перваго года учиться физикѣ, химіи, зоологіи и ботаникѣ. Замѣтимъ еще, что реальныхъ училищъ онъ нигдѣ не противупоставляетъ гимназіямъ и совсѣмъ о нихъ не говоритъ.

Мы можемъ разстаться съ Христаллеромъ. Для насъ уже достаточно этого

поверхностнаго знакомства съ нимъ, чтобы оцѣнить вполнѣ, какая неустановленность мыслей, какая сбивчивость сужденій и какое педагогическое невѣжество царствуетъ въ умѣ этого нѣмецкаго педагога. Тѣмъ не менѣе, его книжка весьма дорога для насъ. Она даетъ намъ возможность сдѣлать два весьма важныхъ вывода. Первый изъ нихъ относится къ педагогамъ, а второй къ публикѣ, разсуждающей о школахъ.

Едва ли нужно доказывать, что такое невѣжество въ собственномъ дѣлѣ, такое развязное уничтоженіе цѣлой системы и столь же безъастѣнчивое навязываніе своей собственной, вмѣсто той, какая уже существуетъ цѣлые вѣка, не можетъ встрѣтиться ни въ какой другой средѣ, кромѣ педагогической. Мы не можемъ представить себѣ медика, который выступилъ бы съ брошюрой, доказывающей, что всѣ существующія больницы и лечебницы—ничто иное, какъ учрежденія для систематическаго и безнаказаннаго убійства людей. Точно также немыслимъ былъ бы и такой адвокатъ, который сталъ бы увѣрять, что нынѣшніе суды всегда обвиняютъ невинныхъ и оправдываютъ виновныхъ, т.-е. дѣлаютъ совершенно противуположное тому, что имъ слѣдуетъ дѣлать.

Такую разницу между педагогами и представителями другихъ умственныхъ профессій легко объяснить. Дѣло въ томъ, что, отождествляя понятія «учителя» и «педагога», какъ это обыкновенно дѣлается, мы по бо́льшей части совершаемъ большую ошибку. Надо стараться сохранять за терминами опредѣленное и точное значеніе. Пусть слово «учитель» означаетъ собою человѣка, который можетъ учить, т.-е. болѣе или менѣе искусно передавать знаніе, а педагогъ—человѣкъ, который способенъ воспитывать дѣтей, т.-е. развивать въ извѣстномъ, желаемомъ имъ направленіи ихъ умъ и характеръ. Если мы условимся въ такой терминологіи, тогда намъ придется сознаться, что педагогическій міръ дѣлится весьма неровно—на массу техниковъ или эмпириковъ и на весьма незначительное число теоретиковъ или, лучше сказать, философовъ своего дѣла. По странному недоразумѣнію, въ наше время, когда представители учебнаго міра требуютъ и отъ правительства, и отъ общества нравственнаго сочувствія и матеріальной помощи школѣ, педагогика, въ смыслѣ философіи и энциклопедіи образовательнаго и воспитательнаго дѣла, почти нигдѣ не преподается. Не только у насъ, но и за границей до сихъ поръ даже многіе изъ педагоговъ безпощадно смѣшиваютъ технику образовательнаго искусства, т.-е. умѣнье преподавать, съ философіей воспитательной науки, т.-е. систематическимъ обобщеніемъ фактовъ воздѣйствія тѣхъ или другихъ воспитательныхъ и образовательныхъ пріемовъ на умъ и нравственность воспитанника.

До тѣхъ поръ, пока эта разница не будетъ усвоена самими педагогами, публика не выйдетъ изъ ложныхъ представленій о школѣ, потому что некому сообщить ей здраваго понятія объ этомъ предметѣ. Такъ называемая новѣйшая педагогика—это почти сплошь техника обученія; публикѣ мало дѣла до нея, какъ и вообще до технической стороны всѣхъ другихъ профессій. Поэтому и спеціально педагогическіе журналы мало читаются у насъ: несмотря на живость затрогиваемой ими стороны общественной жизни, они въ своемъ родѣ также спеціальны, какъ журналы инженерные, военные и техническіе. Публика не можетъ интересоваться вопросами—съ какого класса удобнѣе начинать и какъ лучше всего учить грамматикѣ или ариѳметикѣ? Всѣ «мето-

дики», «дидактики» и т. п., которыми такъ много занимаются нынѣшніе педагоги, всегда останутся чужды для насъ. И, въ то же время, она нигдѣ не находитъ необходимыхъ для нея истинъ теоріи или философіи воспитанія. Вслѣдствіе того, хотя сочувствіе школѣ и составляетъ, какъ говорится, «долгъ каждаго порядочнаго человѣка», но это сочувствіе только формальное, холодное, и школа, своими нервами, если можно такъ выразиться, не чувствуетъ его. Оттого-то на самомъ дѣлѣ и нѣтъ живой связи между обществомъ и школой. За это принято упрекать общество въ тупости, равнодушіи, эгоизмѣ и т. п. Но чему же оно будетъ сочувствовать, когда нѣтъ-нѣтъ, да и поднимется голосъ изъ среды самого же педагогическаго міра, доказывающій, что нынѣ существующія школы никуда не годятся? Что дѣлать обществу, когда передъ нимъ явится то Оскаръ Браунингъ съ объявкой ему, что школы въ его странѣ надо передѣлать всѣ сверху до низу, то Эрнстъ Христаллеръ, который примется объяснять, что во всей Германіи ни гимназіи, ни реальныя училища ничего не стоятъ и должны быть замѣнены новыми, выдуманными ими гимназіями?

Намъ кажется, что вина лежитъ и на нашихъ, и на западно-европейскихъ педагогахъ. Тѣ и другіе упускаютъ изъ вида весьма важную сторону своего дѣла—проведеніе въ публику здравыхъ педагогическихъ понятій. Публика должна достаточно знать, что̀ такое современная наука о воспитаніи, какъ она примѣняется въ школѣ и что нужно для школы, чтобы приблизиться къ идеальной формѣ ея. Тогда для этого приближенія публика сдѣлаетъ все, что отъ нея зависитъ. Тогда только она будетъ довѣрять школѣ и сознательно поддерживать ее. А до тѣхъ поръ, въ обществѣ неизбѣжно будутъ вращаться невѣжественныя и вредныя для школы понятія, и школа не въ правѣ будетъ жаловаться на него.

Намъ припоминается сцена, видѣнная нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Цюрихѣ. Это было вскорѣ послѣ того, какъ было окончательно отстроено зданіе тамошняго Политехникума. Однажды, когда мы проходили мимо, мы замѣтили стоявшую передъ самымъ зданіемъ школы группу изъ нѣсколькихъ блузниковъ. Подойдя ближе, мы увидали, что они отъ души любуются этимъ новымъ, красивымъ зданіемъ. Нѣкоторые даже ласково проводили рукой по стѣнѣ и слегка, любовно постукивали по ней кулакомъ, какъ бы говоря: «хорошо! крѣпко!» Вотъ какого отношенія къ себѣ должна желать всякая школа.

Д. К.

Wielka Dydaktyka. Iana Amosa Komenskiego. Przelozyl Henryk Wernic. Warszawa, 1884. Великій славянскій мыслитель и геніальный педагогъ Янъ Амосъ Коменскій, котораго англійскіе и нѣмецкіе ученые ставятъ на ряду съ замѣчательными умами Европы XVII вѣка, котораго на Западѣ считаютъ не только предшественникомъ всѣмъ педагогическихъ идей XVIII и XIX столѣтій, но даже такимъ авторитетомъ, у котораго и теперь могутъ многому научиться современные педагоги, безспорно заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны представителей науки во всѣхъ славянскихъ странахъ. У насъ на Руси, гдѣ такъ много толкуютъ о славянствѣ и о славянской взаимности, никто не позаботился о самостоятельной разработкѣ жизни и трудовъ самаго

крупнаго изъ славянскихъ ученыхъ и мыслителей. Работа г. Верница, изданная редакціей варшавскаго педагогическаго журнала *Przeglod Pedagogiszny*, представляетъ весьма солидную попытку къ ознакомленію съ Коменскимъ польскаго общества. Въ началѣ перевода *Великой дидактики* предпослано довольно большое введеніе, заключающее въ себѣ біографическія извѣстія и разборъ произведеній автора этого выдающагося педагогическаго труда. Г. Верницъ писалъ свой очеркъ совершенно самостоятельно, по первоначальнымъ источникамъ. Прекрасный переводъ снабженъ обстоятельными примѣчаніями. Однимъ словомъ, намъ остается пожелать, чтобы на русскомъ языкѣ появилось что-нибудь подобное и столь же достойное памяти честнаго и высокодаровитаго наставника и епископа «моравскихъ братьевъ».

Жизнь Іисуса Христа, Спасителя міра. Настольная книга для семьи и школы. Съ 80 картинами и 94 другими рисунками. Сост. Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ. Спб., 1884 г. Книга составлена по евангелію, очень толково и обстоятельно, написана легко и грамотно. Картинки и виньетки исполнены хорошо, иныя даже превосходно. Книгу смѣло можно рекомендовать для подарка дѣтямъ, въ особенности же для раздачи ученикамъ въ сельскихъ школахъ. Она внесетъ свѣтъ и радость въ семью крестьянина. Принимая во вниманіе чистоту и изящество изданія, цѣну въ 75 к. надо признать весьма умѣренною.

Школа женщинъ. Настольная книга для русской женщины на всѣ случаи повседневной жизни. (Семейный очагъ). Составили В. О. Іорданъ и О. М. Дембинская. Изданіе И. Ѳ. Морозова. Москва, 1884 г. Каждому изъ насъ случалось проводить по нѣскольку часовъ томительной скуки «въ толпѣ, и суетной, и праздной» и вдругъ нежданно-негаданно наткнуться въ какомъ-нибудь уголкѣ на живую бесѣду двухъ умныхъ и развитыхъ людей, недовѣрчиво отнестись сначала къ ихъ несовсѣмъ правильной рѣчи, а потомъ заслушаться, увлечься и провести остатокъ вечера пріятно и съ пользою для ума и сердца. Какъ разъ то же самое случилось со мною, когда изъ вороха лежащихъ передо мною продуктовъ разноязычной прессы я случайно взялъ въ руки *Школу женщинъ*. На первой страницѣ ошибки граматическія и синтаксическія, на второй пустословіе, на третьей опять ошибки, вызывающія невольную улыбку; но чѣмъ дальше я читалъ, тѣмъ незамѣтнѣе проскальзывали погрѣшности противъ роднаго языка, я увлекался искренностью и теплотою авторовъ, а затѣмъ и содержательностью ихъ произведенія. На 14 страницѣ книги приведенъ извѣстный историческій анекдотъ: «Старыя системы воспитанія никуда не годятся.—сказалъ какъ-то Наполеонъ I въ разговорѣ съ г-жею Кампанъ.—Чего не достаетъ для хорошаго воспитанія?»—«Матерей»,—отвѣтила г-жа Кампанъ.—Да,—сказалъ императоръ,—въ этомъ одномъ словѣ заключаются всѣ системы воспитанія. Старайтесь же образовать матерей такъ, чтобы онѣ умѣли воспитывать дѣтей». Этой-то задачѣ, т.-е. указанію, что нужно дѣлать и чего избѣгать при воспитаніи и образованіи женщинъ для того, чтобы изъ нихъ вышли хорошія матери, и посвящена названная книга. Основныя положенія авторовъ могутъ не понравиться многимъ; мы сами думаемъ, что въ нихъ есть нѣкоторыя преувеличенія, обусловленныя, впрочемъ, единственно искренностью убѣжденія составителей книги. Такъ, мы не вполнѣ раздѣляемъ всѣхъ восторговъ авторовъ передъ женщинами Соединенныхъ Штатовъ, да и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ держимся менѣе крайнихъ взглядовъ и мнѣній, какъ,

напримѣръ, по вопросу о превосходствѣ той или другой школы для женщинъ и пр. Но во многомъ въ большинствѣ случаевъ авторы правы, высказываются твердо и доказательно, выводы свои подкрѣпляютъ ссылками на солидные авторитеты. Свободу женщины они понимаютъ не совсѣмъ въ тонъ поборникамъ женской «эмансипаціи». Пресловутымъ фразамъ «о няньченьи дѣтей и соленьи огурцовъ», бывшимъ еще недавно въ большомъ ходу, авторы противупоставляютъ нижеслѣдующія возраженія: «Разумная, достойная мать, которая сама можетъ научить дѣтей хозяйственнымъ занятіямъ, однимъ присутствіемъ своимъ удаляетъ всякую мысль о пошлости или низости этихъ занятій. Да и вообще мнѣніе о пошлости и недостойности хозяйственныхъ занятій, это—колоссальный абсурдъ, созданный сторонниками той женской свободы, противъ которой такъ горячо ратуетъ Легуве. Никакой трудъ не можетъ быть пошлымъ и недостойнымъ, а тѣмъ болѣе трудъ на пользу семьи» и т. д. Изобразивши положеніе американки въ семьѣ и въ обществѣ, авторы говорятъ: «Вотъ вамъ блестящій примѣръ того, какъ легко и удобно совмѣщается въ женщинѣ хорошая хозяйка, отличная мать, превосходная жена, образцовая дочь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благородная женщина, умная, честная, образованная, независимая, самостоятельная, полноправная и безпредѣльно преданная своему долгу. Занятія въ кухнѣ, стряпня, возня съ дѣтьми, даже мытье бѣлья не только не роняютъ этихъ образцовыхъ, идеальныхъ гражданокъ, но, напротивъ, возвышаютъ ихъ какъ въ своемъ собственномъ, такъ и въ общественномъ мнѣніи». «Матери должна быть знакома наука воспитанія», говорится въ другомъ мѣстѣ. Къ сожалѣнію, такая наука у насъ не въ авантажѣ обрѣтается, а ея азбука считается положительнымъ неприличіемъ. Заботливость объ охраненіи нравственной чистоты дѣвушки изгоняетъ изъ программы ея образованія физіологію. «Дѣвушка, готовая выдти замужъ, не имѣетъ ровно никакого понятія о томъ, что будетъ происходить въ ея организмѣ послѣ того, какъ она станетъ женою и матерью». Невѣдѣніе или, вѣрнѣе, невѣжество дѣвушекъ въ этомъ отношеніи охраняется, какъ нѣкая святыня; воспитательницы боятся замарать умъ и сердце дѣвушки чистою и трезвою наукою и, въ то же время, безсмысленно загрязняютъ ихъ нелѣпымъ чтеніемъ романовъ, «обществомъ сладострастныхъ и легкомысленныхъ гувернантокъ, которыя воспаляютъ умъ своихъ воспитанницъ порочными разсказами и сообщаютъ имъ волнующія ихъ страсти». Въ результатѣ такого воспитанія получается женщина, дѣлающаяся «истиннымъ несчастьемъ и для родителей, и для мужа, и для своихъ дѣтей».

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ слѣдить далѣе за авторами, по недостатку мѣста, равнымъ образомъ не можемъ вдаваться въ обсужденіе вопроса «о свободѣ женщинъ и ихъ равноправности» съ мужчинами. Но каковы бы у кого ни были личные взгляды на эти спорные вопросы, мы позволимъ себѣ рѣшительно рекомендовать *Школу женщинъ* В. О. Іордана и О. М. Дембинской всякой семьѣ, всякой матери, понимающей святость своего призванія въ жизни. Можно расходиться съ авторами въ ихъ основныхъ положеніяхъ, въ частности же слѣдуетъ всѣмъ женщинамъ принять ихъ совѣты не только къ свѣдѣнію, но и къ непремѣнному исполненію. Вторая часть книги посвящена хозяйственнымъ и домоводственнымъ рецептамъ и наставленіямъ. Цѣна книги, 3 руб. за 31 печатный листъ in 8°, не дорога, если принять въ соображеніе дороговизну

у насъ изданій, а въ разсужденіи содержательности книги, эту цѣну слѣдуетъ признать ничтожною.

Научныя развлеченія. Знакомство съ законами природы путемъ игръ и опытовъ, не требующихъ спеціальныхъ приборовъ: Съ 352 рисунками въ текстѣ. Гастона Тиссандье. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Ф. Павленкова. Второе, значительно дополненное изданіе. Спб., 1884 г. Положеніе воспитателя становится очень затруднительнымъ въ то время, когда обыкновенныя дѣтскія игрушки начинаютъ утрачивать занимательность для его воспитанниковъ. Лѣтомъ выручаетъ просторъ съ его разнообразіемъ физическихъ упражненій; садъ, поля, луга, лѣса и рѣка даютъ неисчерпаемый матеріалъ для занятій пріятныхъ и полезныхъ. Съ наступленіемъ же мрачныхъ осеннихъ дней и длинныхъ вечеровъ дѣло крайне усложняется: дѣти подрасли, развились за лѣто, требуютъ новой пищи для своего ума и любознательности внѣ классныхъ занятій. Вотъ тутъ-то и сослужатъ неоцѣнимую службу такія книги, какъ *Научныя развлеченія* Гастона Тиссандье. Извѣстный французскій ученый, изобрѣтатель и воздухоплаватель не почелъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ ученаго *опростить* физику и перенести ее изъ физическихъ кабинетовъ на столъ въ дѣтскую. Стаканы, ложки, вилки, косточки домино, листъ бумаги и ножницы,— все это въ его умѣлыхъ рукахъ моментально превращается въ физическіе аппараты и служитъ для демонстраціи законовъ физики, которые безъ этихъ пособій были бы просто недоступны пониманію не только дѣтей, но и взрослыхъ. Говорить нечего о томъ, какое воспитательное значеніе имѣетъ на дѣтей данная имъ возможность самимъ соорудить необходимый снарядъ, самимъ быть экспериментаторами, съ увѣренностью ожидать извѣстнаго явленія и затѣмъ собственными силами вызвать желаемое явленіе. Въ дѣтяхъ развивается вниманіе, точность, терпѣніе и настойчивость, въ хорошемъ проявленіи этого качества, а съ тѣмъ вмѣстѣ прочно пріобрѣтается навсегда драгоцѣнный запасъ положительныхъ знаній. Переводъ книги на русскій языкъ удовлетворителенъ; картинки, за немногими исключеніями, очень недурны; вообще изданіе чистенькое и даже красивое. Цѣна книги (2 р.) не очень высока, но и дешевою названа быть не можетъ. Удешевленіе кажется намъ возможнымъ; по всей вѣроятности, оно оказалось бы и для издателя не убыточнымъ, такъ какъ способствовало бы увеличенію спроса на книгу.

Сборникъ примѣровъ и задачъ по русскому правописанію съ приложеніемъ подробнаго конспекта. Курсъ первый. Элементарныя свѣдѣнія о правописаніи словъ. Составилъ В. Разыграевъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1885 г. Составитель этой книжки указываетъ на малограмотность, выносимую учениками изъ среднихъ учебныхъ заведеній, и видитъ причину этого въ недостаточности класснаго времени, удѣляемаго на обученіе правописанію посредствомъ диктантовъ. Г. Разыграевъ предлагаетъ замѣнить диктанты «примѣрами и задачами», въ которыхъ слова уже написаны, но съ пропускомъ тѣхъ буквъ, вставка коихъ можетъ возбуждать въ ученикѣ сомнѣніе или вести къ орѳографической ошибкѣ. Для поясненія возьмемъ нашъ бѣдовый *ъ*; по системѣ г. Разыграева, звукъ *е* замѣняется въ задачахъ звѣздочкою въ такомъ видѣ: хл-бъ, вр-мя, см-лый, н-пр-м-нно и т. д. Всѣхъ такихъ значковъ предлагается восемь на разные сомнительные случаи правописанія. По мнѣнію автора, такія упраженія идутъ быстрѣе диктактовъ, слѣдовательно, ученикъ ус-

пѣетъ исполнить больше упражненій и получитъ болѣе практическаго навыка, причемъ ему предоставляется бо́льшая свобода думать и соображать, какую букву надлежитъ поставить въ данномъ случаѣ. Не отрицая нѣкоторой полезности такихъ упражненій, мы не рискуемъ возлагать на нихъ большой надежды. Мы полагаемъ, что главную основу грамотности слѣдуетъ закладывать въ дѣтскія головы много ранѣе и, притомъ, способомъ чисто механическимъ, заставляя учениковъ съ перваго приступа списывать съ книги и продолжая такія упражненія хотя бы даже до окончанія курса средняго учебнаго заведенія. По нашему мнѣнію и, отчасти, по личному опыту, мы бы считали цѣлесообразнымъ требовать отъ учениковъ, чтобы заданный имъ урокъ русскаго языка былъ ими не только выученъ, но и чистенько списанъ въ тетрадку внѣ класса. Такое списываніе полезно вдвойнѣ: для навыка въ правописаніи и для лучшаго усвоенія заданнаго. А то обстоятельство, что ученикъ будетъ раздумывать надъ звѣздочками, точками и др. знаками, представляется намъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже вреднымъ, или, по меньшей мѣрѣ, опаснымъ,—какъ бы эта привычка не осталась у иного на всю жизнь. Правописаніе мы позволимъ себѣ приравнять къ игрѣ на фортепьяно: хорошій учитель не позволяетъ ученику смотрѣть на клавиши, чтобы пальцъ, такъ сказать, инстинктивно зналъ свое мѣсто. Такой же *инстинктъ* орѳографіи необходимо стремиться выработать въ юношахъ; нужно не только, чтобы онъ зналъ, какъ написать правильно, но чтобы онъ *не могъ* написать неправильно, хотя бы думалъ въ минуту писанія совсѣмъ не о томъ, что дѣлаетъ рука, какъ это и бываетъ всегда на практикѣ, ибо мысль постоянно идетъ впереди написаннаго и иногда очень далеко впереди. Какъ достигнуть этого — дѣло педагоговъ. На систему же значковъ г. Разыграева мы не возлагаемъ большихъ надеждъ.

Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій. А. Гано. Перевели съ франц. изд. Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ. Съ 1232 политипажами, 2 раскрашенными таблицами спектровъ, 170 практическими задачами съ указаніемъ ихъ рѣшеній и краткимъ очеркомъ популярной химіи. Пятое, значительно дополненное изданіе. Спб. 1885 г. Девятнадцать французскихъ изданій и пять русскихъ достаточно свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ достоинствѣ книги. Говорить о ней — значитъ хвалить, а это уже давно сдѣлано и многократно, и всѣми, имѣвшими книгу въ рукахъ. Поэтому повторять общеизвѣстное и общепринятое мы не не станемъ; отмѣтимъ только, что книга въ 67 печатныхъ листовъ, съ огромнымъ числомъ разсказовъ, прекрасно изданная, крайне убористо и четко отпечатанная, предлагается публикѣ за 3 р. 50 к. Такою необычайною дешевизною насъ балуютъ очень рѣдко. Честь и слава издателямъ!

L'Archipel en feu par Jules Verne. Ц. 1 р. 50 к. Всѣмъ русскимъ читателямъ, отъ малаго до стараго, давно извѣстно имя Жюля Верна, высокоталантливаго автора *Капитана Гатраса, Подъ водою, Въ 80 дней вокругъ свѣта, Въ странѣ мѣховъ* и многихъ другихъ болѣе или менѣе фантастическихъ произведеній, увлекательныхъ, какъ арабская сказка, и поучительныхъ, какъ популярная лекція. Лежащая передъ нами книга *Архипелагъ въ огнѣ* ничѣмъ не уступаетъ большинству предъидущихъ повѣствованій Ж. Верна. Но да не подумаетъ читатель, что авторъ увлекся въ область чистой фантазіи или въ изображеніе грозныхъ явленій природы. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ «архипела-

гомъ», объятымъ пламенемъ патріотическаго воодушевленія въ борьбѣ за независимость,—съ греческимъ архипелагомъ, бьющимся за свое освобожденіе отъ турецкаго владычества. Разсказъ обнимаетъ собою двадцатые года нынѣшняго столѣтія и въ яркихъ, блестящихъ чертахъ изображаетъ передъ нами цѣлую историческую картину. *Архипелагъ, объятый пламенемъ*, только потому не можетъ быть названъ историческимъ романомъ, что главныя дѣйствующія въ немъ лица и отчасти событія, въ которыхъ они непосредственно участвуютъ, вымышленныя; а затѣмъ новая книга Жюля Верна заключаетъ въ себѣ всѣ элементы исторической повѣсти и на ряду съ прежними произведеніями того же автора даетъ хорошее и занимательное чтеніе нашему юношеству. Мы, впрочемъ, давненько уже вышедшіе изъ юнаго возраста, прочли ее, все-таки, съ большимъ удовольствіемъ.

М.

Учебный атласъ всеобщей географіи. 23 таблицы. Андрея Линберга. Москва, 1884 г. Учебный географическій атласъ долженъ значительно отличаться отъ неучебнаго. Для ученика, который только что начинаетъ знакомство свое съ поверхностью земли и съ большимъ трудомъ разбирается въ подробностяхъ карты, атласъ долженъ изобразить каждую страну выпукло и ясно, безъ излишнихъ мелочей, настолько просто, чтобы ученикъ могъ *читать* карту съ помощью учителя. Такой атласъ, при искусномъ преподаваніи, можетъ дѣйствительно вызвать живыя географическія представленія въ умахъ учащихся.

Новый атласъ г. Линберга составляетъ несомнѣнно шагъ впередъ въ указанномъ направленіи. Исполненный въ Лейпцигѣ свѣдущими нѣмецкими картографами, онъ вполнѣ удовлетворяетъ современному состоянію нашихъ познаній о землѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пластиченъ, на его картахъ отчетливо выдѣляется рельефъ земли — главная основа географическаго изложенія. Всѣ мѣстности, высоко поднятыя надъ уровнемъ моря, сдѣланы однимъ цвѣтомъ, низменныя равнины—другимъ, и рисунокъ отчетливъ, рѣзокъ и красивъ. Послѣ карты Австраліи, Африки, Америки и Азіи, сдѣланныхъ въ одномъ и томъ же масштабѣ, слѣдуетъ карта Европы, а за нею 10 картъ европейскихъ государствъ, въ большинствѣ весьма изящныхъ, отчетливыхъ и пластичныхъ. Онѣ очень хороши. Плоха одна только Германія; безъ сомнѣнія, г. Линбергъ измѣнитъ ее въ слѣдующемъ изданіи своего атласа, упроститъ ее и сдѣлаетъ болѣе наглядной, хотя бы для этого и пришлось пожертвовать нѣсколькими десятками надписей. Вообще, мы думаемъ, атласъ много выигралъ бы, если бы изъ него исчезли названія многихъ городовъ, вовсе не нужныхъ при первоначальномъ изученіи европейскихъ государствъ. По этому поводу нельзя пройти молчаніемъ еще одну особенность новаго атласа, а именно попытку возстановить рядомъ съ нѣмецкими названіями полузабытыя славянскія имена городовъ и рѣкъ. Такъ, напр., Бреславль названъ еще Вратиславомъ, Одеръ—Одрой, Шпрее—Шпровой и т. п. Чего хочетъ достигнуть этимъ авторъ? Признаемся, для насъ это совершенно непонятно, а, между тѣмъ, карта, и безъ того достаточно испещренная буквами, еще болѣе тускнѣетъ. Не слѣдуетъ забывать, что атласъ, вѣдь, «учебный», что ученикъ будетъ трудиться надъ нимъ при свѣтѣ лампы, утомляя свое молодое зрѣніе, что для него, какъ начинаю-

щаго, необходимо только существенное, а для подробностей нуженъ ужь иной, не «учебный» атласъ.

Послѣ западно-европейскихъ государствъ слѣдуетъ Россія. Первое, что даетъ г. Линбергъ, это общую маленькую карту Европейской Россіи, сдѣланную, главнымъ образомъ, для ознакомленія съ русскими рѣками. Далѣе слѣдуетъ болѣе подробная карта Европейской Россіи на трехъ таблицахъ. Безспорно, это одна изъ лучшихъ учебныхъ картъ Россіи, какія только были до настоящаго времени. Только рядомъ съ нею не мѣшало бы помѣстить детальныя изображенія нѣкоторыхъ особенно замѣчательныхъ мѣстностей, какъ, напр., карту истоковъ Волги, Петербурга и его окрестностей, Крыма и пр.

За Европейской Россіей слѣдуетъ таблица съ Туркестаномъ и Кавказомъ; ее нужно признать неудавшеюся. Кавказъ—все тотъ же Кавказъ, который ужь прискучилъ на всѣхъ учебныхъ изданіяхъ: ни малѣйшей пластики, никакого представленія о богатомъ рельефѣ страны не дается этой картой. Туркестанъ былъ бы хорошъ, если бы былъ полонъ. На немъ отчетливо высятся горныя массы Тянь-Шаня, Алая, Памира и др., а у ихъ подошвы стелется пустынная равнина. Видно, какъ теряются въ этой пустынѣ рѣки, вытекающія изъ горныхъ ущелій; видно также, какъ жмутся къ рѣкамъ людскія поселенія. Но всѣ достоинства этой карты пропадаютъ для учащихся по той причинѣ, что она не окончена на сѣверѣ и востокѣ. Вѣдь, горы и равнины русскаго Туркестана продолжаются далеко за предѣлы карты; вмѣстѣ съ ними исчезло множество интересныхъ особенностей, и отношеніе къ Сибири и Европейской Россіи сдѣлалось неяснымъ. Мы не сомнѣваемся, что столь почтенный и свѣдущій географъ, какъ г. Линбергъ, самъ хорошо сознаетъ недостатки этихъ двухъ картъ и дастъ намъ въ будущемъ вмѣсто нихъ что-либо другое, болѣе достойное занять мѣсто въ его атласѣ.

Что касается Сибири, то при современной скудости нашихъ познаній объ этой огромной странѣ едва ли возможно лучше составить ея карту; образцомъ для нея, очевидно, послужила Азія Петермана—образецъ во всякомъ случаѣ достойный подражанія. Если бы и для Кавказа взятъ былъ моделью трудъ того же великаго нѣмецкаго картографа, атласъ г. Линберга еще болѣе выигралъ бы въ глазахъ всѣхъ, кому дорога разумная постановка географіи въ нашей школѣ.

С. Мечъ.

ИСКУССТВО.

„Иллюстрированная исторія искусствъ". *Любке. Переводъ Ѳ. И. Буланова.* — „Die bilder zur geschicte". *Jas Langl.* — „Le neveu de Rameau". *Diderot.* Portrait et illustrations par F. A. Milius. — „Музыкальный словарь". *П. Перепелицына.*

Иллюстрированная исторія искусствъ.—Архитектура скульптура, живопись, музыка. (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 134 рисунками. Любке. Переводъ Ѳ. И. Буланова. Спб., 1884 г. Наша публика нуждается въ хорошемъ и толковомъ учебникѣ исторіи искусства, но до сихъ поръ ея потребности не были никѣмъ удовлетворены. Иностранныя руководства, появлявшіяся въ русскихъ переводахъ, какъ, напримѣръ, сочиненія Куглера и Кар-

ріера, слишкомъ обширны и мало доступны для обыкновенныхъ читателей. Но нельзя сказать, чтобы переводъ маленькаго руководства Любке, сдѣланный г. Булгаковымъ, принесъ большую пользу. Любке, извѣстный нѣмецкій ученый, совершенно не умѣетъ писать популярно и всѣ его руководства, какъ большія, такъ и малыя, отличаются сухостью и представляютъ номенклатуру, переплетенную общими, иногда ничего незначущими фразами о достоинствахъ произведеній того или другаго художника. Переводъ сдѣланъ довольно правильно, хотя встрѣчаются такіе промахи: египетскій царь Хуфу названъ Чуфу, а Черветри, близъ котораго находится этрусская гробница, — Серветри. Рисунки въ этой исторіи искусства весьма неизящны; для нихъ издательская фирма г. Суворина воспользовалась, повидимому, уже довольно сбитыми заграничными клише (укажемъ для примѣра на рисунокъ тиціановскаго Петра Мученика, № 122). Цѣна этого изданія довольно высокая: 2 р. 50 к.

Каковы бываютъ изданія, популяризирующія искусство, за границей, примѣромъ служитъ новое произведеніе Лангля, выпускающаго теперь въ свѣтъ въ уменьшенномъ форматѣ свои картины, которыя изображаютъ выдающіеся творенія архитектуры всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ: *Die Bilder zur Geschichte. Ein Cyklus der hervorragendsten Bauwerke aller Culturepochen von Jos. Langl. Wien, 1884.*

Это прекрасное изданіе выходитъ выпусками. Всѣхъ картинъ - фототипій будетъ 61; исполнены онѣ превосходно какъ по отчетливости самыхъ мелкихъ деталей, такъ и по мягкости тоновъ. Къ каждой картинѣ приложена краткая, но обстоятельно написанная замѣтка. Цѣна назначена весьма недорогая: за все произведеніе 20 мар. Большія стѣнныя картины Лангля употребляются у насъ въ нѣкоторыхъ богатыхъ школахъ; подобное же изданіе могли бы пріобрѣтать и болѣе мелкія учебныя заведенія.

Le Neveu de Rameau, Satire par Denis Diderot. Revue sur les texes originaux et annotée par Maurice Tourneux. Portrait et illustrations par F. A. Milius. 1884. Роскошное изданіе одного изъ главныхъ произведеній Дидеро можетъ служить вполнѣ достойнымъ памятникомъ столѣтняго юбилея великаго писателя. Изданіе сдѣлано г. Турнэ, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Дидеро, участвовавшимъ въ большомъ изданіи всѣхъ его сочиненій. Въ началѣ книги г. Турнэ помѣстилъ исторію самой сатиры. Но особенно замѣчательны рисунки композиціи и работы извѣстнаго художника Миліуса, воспроизводящіе различныя сцены изъ *Племянника Рамо*. Эти офорты отличаются необыкновенною нѣжностью тона и чрезвычайно точно воспроизводятъ манеру гравюръ того времени. Всѣ историческія и бытовыя детали соблюдены, если можно такъ выразиться, со щепетильностью и можно смѣло сказать, что рѣдко кто изъ французскихъ писателей удостоивался чести быть изданнымъ съ соблюденіемъ такого строго-художественнаго стиля.

Викторъ Михайловскій.

Музыкальный словарь. Энциклопедическій справочный сборникъ. Сост. П. Перепелицынъ. Изд. П. Юргенсона. Москва, 1884 г. Подъ этимъ громкимъ заглавіемъ вышла недавно въ свѣтъ небольшая книжка, состоящая изъ 396 стр. и совмѣщающая въ себѣ краткія свѣдѣнія въ алфавитномъ порядкѣ о композито-

рахъ, артистахъ-музыкантахъ, музыкальныхъ терминахъ, нотныхъ знакахъ и пр. Маленькія біографіи сопровождаютъ всѣхъ выдающихся музыкальныхъ дѣятелей и книжка эта дѣйствительно можетъ служить *справочнымъ сборникомъ* для лицъ, интересующихся музыкальнымъ дѣломъ. Мы бы готовы были рекомендовать эту книжку, стоющую всего 2 р., какъ небезъинтересное пособіе при разныхъ справкахъ, если бы не натолкнулись на нѣкоторыя погрѣшности составителя, которыя нельзя не отмѣтить въ видахъ ихъ важности.

Во-первыхъ, авторъ далеко не упоминаетъ обо *всѣхъ* дѣятеляхъ, обогатившихъ музыкальную литературу своими трудами по исторіи и теоріи музыки; говоря даже о такихъ, которые написали нѣсколько фельетонныхъ статеекъ въ газетахъ, г. Перепелицынъ не упоминаетъ вовсе ни о *Шлютерѣ*, написавшемъ *Обозрѣніе всеобщей исторіи музыки*, ни (что уже непростительный промахъ!) о *Клеманѣ*, извѣстномъ французскомъ критикѣ, написавшемъ двадцать два сочиненія по разнымъ музыкальнымъ вопросамъ; многія изъ нихъ пользуются большой популярностью не только во Франціи, но и во всемъ музыкальномъ мірѣ; назовемъ главнѣйшія изъ нихъ: *Les musiciens sélèbres*, *Histoire generale de la musique religieuse*, *Histoire des opéras ou dictionnaire lyrique*, *Méthode de musique vocale*, *Méthode d'orgue, d'harmonie et d'accompagnement* и др.

Во-вторыхъ, въ спискѣ артистовъ, также расположенномъ въ алфавитномъ порядкѣ, не встрѣчается именъ такихъ извѣстныхъ у насъ пѣвицъ, какъ г-жи Леонова и Меньшикова; мы бы ничего не имѣли противъ автора, если бы онъ вовсе не касался живущихъ и дѣйствующихъ артистовъ, но г-жа Леонова давно сошла со сцены и имя ея надолго останется на страницахъ исторіи нашей оперы; изъ находящихся на нашей оперной сценѣ артистовъ одна лишь г-жа Климентова попала въ списокъ 'счастливицъ, къ которымъ благоволитъ составитель *Музыкальнаго словаря*.

Въ-третьихъ, г. Перепелицынъ уснащаетъ весьма часто свои объясненія, даваемыя имъ извѣстнымъ музыкальнымъ терминамъ, иностранными словами, для яснаго уразумѣнія которыхъ многимъ, вѣроятно, придется обращаться къ другому словарю, уже не музыкальному, а *иностранному*; напр., на страницѣ 350 къ слову *трель* прибавлено: *трель обозначается абревіатурой* tr.

Мы уже не говоримъ о массѣ опечатокъ, могущихъ ввести читателя въ заблужденіе относительно годовъ; напр., цитируя отзывы иностранныхъ газетъ о г. Давыдовѣ, по поводу котораго г. Перепелицынъ, между прочимъ, говоритъ, что, «благодаря его *добродушнымъ* (?!) трудамъ», петербургская консерваторія достигла значительной высоты, авторъ словаря помѣчаетъ эти отзывы *1822 г.*, между тѣмъ какъ выше г. Перепелицынъ сообщаетъ, что г. Давыдовъ родился въ *1838 г.*

При всемъ томъ нельзя не прибавить, что, несмотря на всѣ свои недостатки, *Музыкальный словарь* имѣетъ и несомнѣнныя достоинства: читатель не музыкантъ можетъ почерпнуть много свѣдѣній какъ о жизни и дѣятельности извѣстныхъ музыкантовъ, такъ и относительно музыкальной терминологіи. При нашей бѣдности въ пособіяхъ при изученіи музыкальнаго дѣла и *Музыкальный словарь* г. Перепелицына можетъ оказать извѣстную помощь.

В. Б.

ПЛОДЫ КНИГОПРОДАВЧЕСКОЙ СПЕКУЛЯЦІИ.

Вступленіе. — Характеръ изданій Сытина. Земскаго, Леухина и друг. — Ихъ рекламы. — «Священная исторія ветхаго и новаго завѣта». Изданіе *И. Д. Сытина и К°*. — «Словарь практическихъ свѣдѣній». Изданіе *д-ра Л. Симонова*. — «Искуство жить столѣтъ». *Л. Ноаро*.

«Не обмануть—не продать»,—гласитъ любимая поговорка торгашей извѣстнаго сорта, и ни въ одной отрасли торговли не практикуется она такъ открыто и безнаказанно, какъ въ книгопродавческомъ и издательскомъ дѣлѣ. Обыватель, покупающій въ лавочкѣ провизію или носильное платье, знаетъ, зачѣмъ ихъ покупаетъ и чего ждетъ отъ своей покупки. Лавочникъ не осмѣлится увѣрять кого-либо въ чудодѣйственныхъ свойствахъ своего товара, вродѣ того, напримѣръ, что носящій платье его подѣлки проживетъ «сто лѣтъ», а съѣвшій пару его пироговъ пріобрѣтетъ «познаніе всѣхъ тайнъ природы» и т. под.; тогда какъ въ книжной лавчонкѣ за нѣсколько рублей или гривенъ предлагается все, чего только можетъ пожелать сумасбродная фантазія невѣжды. Мало того, объявленіями и рекламами возбуждаются и раздразниваются воображеніе и самые разнородные инстинкты необразованной, но грамотной массы. Тутъ безразлично эксплуатируются и добрыя побужденія, и дурныя; тутъ спекулируется на благочестіе и на стремленіе къ быстрой наживѣ, на исканіе практически полезныхъ свѣдѣній и открытія разныхъ «тайнъ» и «секретовъ», на жажду знаній и на жажду такъ называемаго пикантнаго чтенія, этой нравственной отравы рабочей молодежи... Нигдѣ торгашескій зазывъ въ свою лавочку не проявляется съ такимъ безстыдствомъ, какъ въ торговлѣ книгами и въ издательствѣ, и едва ли гдѣ онъ наноситъ столько нравственнаго вреда народу. Это не простой зазывъ: «къ намъ пожалуйте,—атласъ, канифасъ, трико и лионскій бархатъ высшей доброты...», а въ нѣкоторомъ смыслѣ обязательство, принимаемое на себя торговцемъ документально, печатно, дать покупателю за его деньги именно то, что обѣщано,—обязательство, завѣдомо не исполнимое и не могущее быть провѣреннымъ до купли; по просту говоря, это обманъ въ качествѣ товара, мошенничество, предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ относительно атласа, канифаса, сапоговъ и пироговъ, но не предусмотрѣнное относительно того, что идетъ на удовлетвореніе духовныхъ потребностей народа.

Намъ лично случилось видѣть въ провинціи у одного молодаго и очень богатаго прасола, одержимаго весьма симпатичною жаждою знаній, цѣлую библіотеку гостиннодворскихъ изданій, составлявшую его гордость. На просьбу высказать наше мнѣніе о его книжномъ сокровищѣ, мы принуждены были объяснить, что девяносто девять сотыхъ его коллекціи никуда не годится, что это собраніе чепухи и вранья. Библіоманъ, конечно, не повѣрилъ и противупоставилъ намъ довольно характерный аргументъ: «Этого быть не можетъ, чтобы въ печатной книгѣ вранье было. Нельзя этого-съ, потому за вранье-то нигдѣ не похвалятъ, а не токмо что печатно. А я выписываю тоже не зря, съ разборомъ. Вотъ извольте посмотрѣть...» Хозяинъ съ убѣжденнымъ видомъ предъявилъ намъ кипу книгопродавческихъ объявленій. Онъ, дѣйствительно,

выписывалъ книги, ими особенно рекомендованныя. Его нѣсколько поколебало было, но, все-таки, не убѣдило наше увѣреніе, что эти господа выхваляютъ свой товаръ, какъ цыгане лошадей на базарахъ. «Разница-съ!—твердилъ библіоманъ,—то лошади... цыгане-съ... а тутъ книги. Нельзя-съ, никто имъ этого не позволитъ, потому и цыгана, коли при свидѣтеляхъ, такъ можно къ мировому... А тутъ книги... Опять же объявленія разсылаются при такой газетѣ... Не стала бы она разсылать. Мы, къ примѣру, прасолы, такъ развѣ станемъ съ цыганами якшаться, да ихъ покрывать?.. А такая-то газета, надо полагать, не намъ чета!..» Въ простотѣ сердечной онъ показалъ *такую* газету, авторитетомъ которой считалъ себя вполнѣ гарантированнымъ.

Удивительная библіотека нашего прасола есть, быть можетъ, въ своемъ родѣ единственная въ Россіи и современемъ можетъ стать рѣдкостнымъ собраніемъ книжныхъ монстровъ, если не остынетъ библіоманія ея хозяина. Но то же самое явленіе выписки книгъ по рекомендаціямъ объявленій, разсылаемыхъ подъ флагомъ благонадежныхъ газетъ, ту же вѣру въ этотъ флагъ, «прикрывающій товаръ», мы встрѣчали на каждомъ шагу во время нашихъ провинціальныхъ экскурсій у людей, стоящихъ по развитію далеко выше любознательнаго гуртовщика. На ту же удочку попадались и попадаются мировые судьи, помѣщики, священники, учителя... всѣхъ званій и состояній провинціалы и будутъ попадаться до тѣхъ поръ, пока не извѣрятся въ рекламы.

Не видавши объявленій «никольскихъ» книгопродавцевъ, нельзя составить себѣ даже приблизительнаго понятія объ употребляемыхъ этими господами коммерческихъ пріемахъ. Въ видѣ обращика приведемъ точныя и дословныя выдержки изъ объявленій, лежащихъ передъ нами. Весьма характерны первыя строки, вступленіе къ объявленію: «*Прошу обратить вниманіе*!—обращается г. Земскій къ своимъ покупателямъ. — Въ послѣднее время много вышло и продолжаютъ выходить таковыя книги, что одна и та же книга напечатана подъ нѣсколькими разными названіями, со стороны торговцевъ вслѣдствіе чего публика дѣлается жертвой недобросовѣстной эксплуатаціи, а потому, въ огражденіе интересовъ господъ покупателей, какъ покупающихъ у меня лично, такъ и провинціальныхъ, выписывающихъ книги изъ моего магазина, прошу, при совпаденіи подобнаго случая, купившаго отъ меня таковую книгу, уже читанную ранѣе, возвратить мнѣ ее обратно...» и т. д. Послѣ столь очевиднаго заявленія своего безкорыстія, непричастности къ «недобросовѣстной эксплуатаціи» и своей малограмотности, г. Земскій тутъ же, черезъ пять строкъ, предлагаетъ покупателямъ слѣдующую книгу: *Великій Пантеонъ всѣхъ ремесленныхъ искусствъ и техническихъ производствъ или полный Ключъ къ познанію всякихъ наукъ. Книга къ всестороннему и всемірному самообразованію, или какъ Самоучитель къ познанію, изученію и открытію всѣхъ таинствъ природы. Эта книга Великій Пантеонъ наукъ, или какъ Самоучитель ко всякаго рода ремесламъ и техническимъ искусствамъ, а также къ познанію всякихъ наукъ, которыя всякій хозяинъ можетъ завести у себя въ домѣ* (точно таракановъ!) *и научиться домашнимъ образомъ.* (Точка)—*въ существованіе открытыхъ отъ начала созданія міра и до нашихъ временъ дошедшихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ историческимъ и повѣствовательнымъ языкомъ изложенныхъ.*

Это все послѣ репримanda товарищамъ за ихъ «безсовѣстную эксплуатацію покупателей»! Но этотъ «Великій пантеонъ и самоучитель, какъ заводить у себя въ домѣ науки», въ сущности, только цвѣточекъ въ букетѣ г. Земскаго, а ягодки еще впереди. Отъ авторовъ этой удивительной книги говорится въ томъ же объявленіи, что въ ихъ *великомъ твореніи* находится, между прочимъ, «ясное указаніе и толковое объясненіе и наставленіе къ самовоздѣлыванію и самопроизводству...» Далѣе объясняется, что «земля вслѣдствіе своей реформаціи и сложившихся разнородныхъ пластовъ въ продолженіе громаднаго пространства вѣковъ даетъ возможность людямъ извлекать изъ себя необъятное и неисчерпаемое богатство»... за 5 руб. съ пересылкою. То-есть, говоря короче и яснѣе, вся эта длинная и безтолковая рацея ведется къ тому единственно, чтобы побудить наивныхъ людей къ «самовоздѣлыванію» и къ «извлеченію» изъ кармана означенныхъ пяти рублей въ пользу г. Земскаго за его *необъятное*... обѣщаніе. Это, конечно, нахально, но и только. А вотъ что сказать о такой исторіи, имѣющейся въ томъ же объявленіи: *Книга новыхъ средствъ и секретовъ сельскаго и городскаго хозяйства предназначена къ руководству сельскимъ и городскимъ хозяевамъ какъ въ подарокъ. Дорогіе секреты по сельскому и городскому хозяйству и агрономіи. Агрономія сельская вообще и городское хозяйство.* Соч. Прокопенко подъ редакціею почетныхъ членовъ общества любителей сельскаго и городскаго хозяйства Зернова и Бекетова, владѣльцевъ сельскихъ имѣній и городскихъ хозяйствъ. Книга по истинѣ вмѣщаетъ въ себѣ *Полный Ковчегъ...*» Растрогивать содержимое этого *ковчега* мы не станемъ: извѣстно — ковчегъ, какъ ковчегъ... Тутъ интересенъ другой вопросъ: что такое за общество «любителей сельскаго и городскаго хозяйства», почстные члены котораго, купно съ г. Прокопенко, наполняли этотъ ковчегъ? Въ спискахъ обществъ, правительствомъ дозволенныхъ, такого не имѣется; стало быть, одно изъ двухъ: или это тайное общество, или его совсѣмъ не существуетъ. Если бы это было тайное общество, тогда его почетные члены не дозволили бы г. Земскому, вмѣстѣ съ «дорогими секретами», опубликовывать и ихъ личный секретъ, за который не долго угодить и въ кутузку. Слѣдовательно, никакого общества нѣтъ, а выдумали его гг. Земскій, Прокопенко и компанія, выдумали для того, чтобы ввести въ заблужденіе покупателей. Имена гг. Бекетова и Зернова (настоящихъ) пользуются заслуженною извѣстностью; однофамильцы же ихъ, присвоивающіе себѣ званіе почетныхъ членовъ несуществующаго общества, ровно никому неизвѣстны, если только существуютъ въ дѣйствительности, въ чемъ тоже усумниться можно. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ самъ собою вопросъ: не есть ли приведенная публикація простой обманъ въ качествѣ товара, предусмотрѣнный уставомъ о наказаніяхъ? Вопросъ интересный и, по нашему мнѣнію, не лишенный нѣкотораго практическаго значенія. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ простою рекламою, выхваляющею свой «атласъ, канифасъ», а кое съ чѣмъ, весьма похожимъ на продажу «канифаса» подъ поддѣльнымъ этикетомъ. Мы помнимъ, какъ года три тому назадъ нѣкто за искусно составленные ярлыки на водочныхъ бутылкахъ былъ признанъ виновнымъ въ мошенничествѣ и попалъ въ узилище, другому тоже не поздоровилось за какія-то, кажется, чайныя обертки. Неужели водочные ярлыки и чайныя обертки настолько важнѣе книжныхъ обертокъ и объявленій о продажѣ книгъ, что для

этихъ послѣднихъ нѣтъ никакого законнаго удержа, ни опредѣленной границы, за которую не долженъ переступать зазывъ въ лавочку?

Кто выписываетъ, напримѣръ, *Тайны ада и его обитатели, книга злыхъ духовъ* съ ихъ портретами, или *Портфейль секретныхъ развлеченій и тайны любовной школы*, тотъ и получаетъ за свои деньги, быть можетъ, не совсѣмъ то, чего ожидалъ, но во всякомъ случаѣ приблизительно то именно, что ему можно дать, т.-е. глупости и пошлости. Въ иномъ совершенно положеніи оказывается человѣкъ серьезный и дѣльный, неосторожно выписавшій книгу: *Технологъ-практикъ*, составленную Окт. Мильчевскимъ, *Полную общедоступную механику*, сост. М. Мурзинскимъ, и другія книги съ очень обыкновенными заглавіями, могущими заинтересовать спеціалиста, и съ такимъ содержаніемъ, которое не стоитъ дрянной бумаги, употребленной на ихъ отпечатаніе. Тутъ ни въ чемъ неповинный человѣкъ попадаетъ въ просакъ и лишается нѣсколькихъ рублей единственно за незнаніе, кѣмъ изданы эти якобы научныя книги. Намъ дѣла нѣтъ до такихъ произведеній, какъ *Адъ* съ его обитателями, *Альбомъ любви и наслажденій*, *Цвѣты любви и адская почта* и т. под. Если мы упомянули объ этихъ *цвѣтахъ*, выращиваемыхъ въ лавчонкахъ на Никольской, и будемъ иногда упоминать, то лишь ради курьеза. Что же касается *плодовъ никольской* науки, могущихъ вводить въ заблужденіе людей, ищущихъ знанія,—за ними мы намѣрены учредить, по возможности, бдительный надзоръ и собирать ихъ въ нашу литературную кунсткамеру. Быть можетъ, намъ и удастся спасти хотя нѣсколько трудовыхъ рублей, идущихъ за негодный хламъ книгопродавческой спекуляціи въ ущербъ распространенію серьезныхъ и дѣйствительно полезныхъ книгъ.

Мы не говоримъ о книгахъ, которыя читаетъ народъ, хотя онъ тоже пробавляется по бо́льшей части изданіями никольскихъ книгопродавцевъ. Докладъ, читанный В. И. Орловымъ 24 октября въ статистическомъ отдѣленіи юридическаго общества,—«Что читаютъ крестьяне Московской губерніи»,—можетъ служить отчасти указаніемъ на то, что читаетъ и весь русскій народъ. Варіаціи по губерніямъ едва ли могутъ быть значительны. Изъ интереснаго реферата г. Орлова видно, что главную основу народнаго чтенія все еще составляютъ книги духовнаго содержанія: псалтырь, часословъ, житія святыхъ. Евангеліе на русскомъ языкѣ распространяется, но не особенно быстро, несмотря на замѣчательную дешевизну новаго изданія великобританскаго библейскаго общества (25 коп. экземпляръ въ переплетѣ). Объ этомъ изданіи мы уже говорили. Библіи почти совсѣмъ нѣтъ въ рукахъ народа. Житія святыхъ, по бо́льшей части никольскаго издѣлія, изданы плохо и неграмотно. Затѣмъ идутъ съ того же рынка разныя болѣе или менѣе глупыя сказки: *Бова Королевичъ*, *Еруслань Лазаревичъ*, *Францыль Венеціянъ* и т. под. Сказокъ нашихъ лучшихъ писателей встрѣчается въ деревняхъ очень мало, главнымъ образомъ, потому, что изданіе ихъ не въ рукахъ никольскихъ мастеровъ пускать въ ходъ книги и книжонки. Народу онѣ очень нравятся, надо только постараться сдѣлать ихъ доступными для деревни и, пожалуй, привлекательными по внѣшнему виду. Въ этомъ случаѣ едва ли благоразумно пренебрегать обертками. По крайней мѣрѣ, книжныхъ дѣлъ мастеръ И. Д. Сытинъ только этимъ и беретъ, да и не онъ одинъ. Всѣ дѣтскія книги щеголяютъ обертками, множество заграничныхъ изданій тоже. Мы рѣшительно не видимъ причины не дѣ-

лать красивыхъ и заманчивыхъ обертокъ на добрыхъ книгахъ, предназначаемыхъ для простаго народа. Всегда и вездѣ книгу, какъ и человѣка, встрѣчаютъ по платью. Изящество и красивость обертки очень мало возвысятъ цѣну на книгу, быть можетъ, даже совсѣмъ не возвысятъ, если принять во вниманіе увеличеніе сбыта. Крестьяне очень любятъ историческія повѣсти, разсказы и брошюры. Далѣе слѣдуютъ романы, но въ маломъ количествѣ. Это замѣтно даже по каталогамъ съ Никольской: въ нихъ романамъ отведено немного мѣста; очевидно, это товаръ не ходкій.

Въ рефератѣ г. Орлова, между прочимъ, отмѣченъ тотъ фактъ, что большіе журналы совсѣмъ не доходятъ до крестьянъ. Поэтому не было бы практической цѣли отводить много мѣста въ нашихъ обозрѣніяхъ разбору того, что пригодно и что не пригодно для народа. Въ этой отрасли мы будемъ отмѣчать только особенно выдающееся. Борьба же съ книгопродавческою спекуляціею на книгахъ этого рода должна вестись на иной почвѣ и инымъ оружіемъ. Для этого, помимо умѣнья составить книгу доступно и занимательно для народа, необходимо, какъ уже мы сказали, обратить серьезное вниманіе на ея внѣшность, а затѣмъ принять къ распространенію такихъ книгъ тѣ же мѣры, какими орудуютъ гостиннодворскіе и никольскіе торговцы. Тогда произойдетъ одно изъ двухъ: или желательныя книги станутъ вытѣснять лубочныя изданія, или сами книжные аферисты вынуждены будутъ, ради собственной выгоды, улучшать свои изданія до возможности конкуррировать съ хорошими изданіями. Въ томъ и другомъ случаѣ народъ выиграетъ. Объ этомъ стоитъ подумать, на это стоитъ затратить деньги и трудъ. Мы убѣждены, что ни за деньгами, ни за людьми, готовыми потрудиться на честномъ дѣлѣ, остановки не будетъ; все, стало быть, за починомъ, за преодолѣніемъ нашей русской неподвижности. А ее преодолѣть—все равно, что гору сдвинуть: у насъ даже евангеліе на русскомъ языкѣ издано лондонскимъ обществомъ,— неужели ждать, чтобы какое-нибудь лейпцигское или нью-іоркское общество взялось дать русскому народу чистыя книги, занимательное и нравственное чтеніе?...

Священная исторія ветхаго и новаго завѣта съ присовокупленіемъ непрерывнаго лѣтоисчисленія и современныхъ событій, заимствованныхъ изъ достовѣрныхъ греческихъ писателей. Съ 52 картинами. Въ двухъ частяхъ. Москва. Изданіе книгопродавца И. Д. Сытина и К°. Во-первыхъ, книга не въ 2 частяхъ, а въ одной, даже подъ одною непрерывною нумераціею страницъ; во-вторыхъ, издана она на сквернѣйшей бумагѣ, дряннымъ шрифтомъ; въ-третьихъ, 52 картины, — мы не считали, сколько ихъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ 52, — безобразны возмутительно, а иныя просто непозволительны, какъ, напр., «Воскресеніе Іисуса Христа» и «Крещеніе Христа». Все изданіе до крайности неопрятно, но прикрыто бросающейся простолюдину въ глаза хромолитографическою пестротою обертки. Цѣны на книгѣ предусмотрительно не выставлено.

Такъ же настоятельно предупреждаемъ публику противъ *Азбуки*, изданія того же И. Д. Сытина, въ такой же пестрой оберткѣ, изображающей двухъ дѣтей съ книжкою въ окнѣ крестьянской избы. Объ этомъ книжныхъ дѣлъ мастерѣ и его товарѣ намъ придется говорить не разъ.

Словарь практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни всякому. Изданіе д-ра Л. Симонова. Выпускъ первый. Спб., 1884 г. Сло-

варь д-ра Симонова обѣщаетъ весьма много: онъ желаетъ «дать возможность всякому сдѣлать или найти самому многое изъ того, за чѣмъ прежде ему приходилось обращаться къ другимъ, и черезъ это уменьшить стоимость жизни, ограничить случаи обмана, доставить основанія для сознательнаго выбора и отличія полезнаго отъ вреднаго, хорошаго отъ дурнаго». Однимъ словомъ, г. Симоновъ надѣется доставить русской публикѣ такого премудраго совѣтника, который бы замѣнилъ собою и поваренную книгу, и адресный календарь, и лечебникъ, и, наконецъ, даже кодексъ нравственности. Мы нашли только два пробѣла: въ ней нѣтъ снотолкователя и письмовника. За то въ словарѣ сообщаются такія важныя свѣдѣнія, какъ, напр.: «Амбра съ виду походитъ на воскъ, снаружи сѣраго, а внутри желтаго или краснаго цвѣта, пріятнаго запаха, который, впрочемъ, многимъ не нравится. Употребляется въ парфюмерномъ искусствѣ (для какой потребы?). Амбру находятъ въ кишкахъ и испражненіяхъ кашалота». Или: «Воротъ—машина, употребляемая для подъема тяжестей», или же, наконецъ, еще перлъ въ этомъ родѣ: «Вѣнчаніе, т.-е. надѣваніе вѣнцовъ на брачущихся,—обрядъ, которымъ сопровождается совершеніе брака въ православной церкви».

Самыя подробныя свѣдѣнія касаются приготовленія разнаго рода печеній, вареній и т. д. Словарь будетъ состоять изъ 10 или 12 выпусковъ, каждый стоимостью отъ 1 р. до 1 р. 20 к. — цѣна слишкомъ высокая за подобное полуграмотное твореніе.

Искусство жить не менѣе ста лѣтъ съ приложеніемъ: то что всякому необходимо знать лѣтомъ и зимою. Л. Ноаро. Спб., 1884 г. Издающему книгу, хотя бы и глупую, необходимо знать грамоту во всякое время года, или имѣть грамотнаго корректора, по крайней мѣрѣ, и не надо забывать, что книгу, какъ и человѣка, встрѣчаютъ по платью, а по уму провожаютъ. Лежащее передъ нами издѣліе д-ра Хана явилось въ свѣтъ въ вышеуказанномъ шутовскомъ нарядѣ; а потому едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, какая ожидаетъ ее встрѣча со стороны людей, ушедшихъ въ грамотности нѣсколько далѣе ея составителя. Въ оглавленіи мы находимъ такіе же курьезы, какъ и на оберткѣ, напримѣръ: «Средняя жизненность во Франціи. — Теорія Декарта. — Польза воды, какъ питья.—Время, когда гулять.—Перемѣнность испаренія.—Опытъ съ булочными служанками...» А вотъ образцы перевода: «Къ открытіямъ, которыя произвели самое большое впечатлѣніе въ среднихъ вѣкахъ, принадлежитъ великая выдумка Арно-де-Вильнева».—«Въ началѣ XVI вѣка слава одного страннаго человѣка прогремѣла съ громаднымъ шумомъ во всей Европѣ».—«Англійскіе врачи испытывали эту операцію съ успѣхомъ у животныхъ»... Есть въ книгѣ «философы алхиміи», «тайный дѣятель, которому дали названіе философскаго камня»... и мало ли что еще; всего не перечесть. Это сплошной продуктъ безграмотности и невѣжества. Написать глупую книгу извинительно: во-первыхъ, авторъ никогда не можетъ быть судьею своего произведенія; во-вторыхъ, такой казусъ можетъ случиться и съ очень умнымъ человѣкомъ. Ну, а выбрать изъ массы иностранныхъ книгъ для перевода одну изъ самыхъ дурацкихъ и выпустить ее «съ приложеніемъ то что»—могутъ только гг. Ханъ и иная гостинодворская братія, въ покушеніяхъ на карманы публики срама неимущая.

Литературная хроника.

Издателю-редактору газеты *Театральный Міръ*, Ал. Ал. Плещееву, разрѣшено съ будущаго 1885 года: 1) выдавать годовымъ подписчикамъ безплатную премію подъ названіемъ *Литературный Альманахъ*, въ составъ котораго войдутъ пьесы, очерки, разсказы и стихотворенія; 2) помѣщать въ текстѣ газеты рисунки декорацій, костюмовъ и сценъ изъ драматическихъ и музыкальныхъ произведеній; 3) расширить программу газеты введеніемъ отдѣла—городская хроника.

— Разрѣшено издательницѣ *Всеобщей Газеты*, Любови Николаевнѣ Эвальдъ, издавать при этой газетѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ сборникъ статей ученo-литературнаго и критическаго содержанія, подъ названіемъ: *Сборникъ Всеобщей Газеты*, и назначить подписную цѣну на газету вмѣстѣ со *Сборникомъ* 16 р. за годъ, а подписную цѣну на *Всеобщую Газету* безъ *Сборника* оставить прежнюю, т.-е. 4 р. за годовое изданіе.

— Ос. Павл. Пелизаро разрѣшено издавать въ С.-Петербургѣ, съ предварит. цензурой, подъ его редакторствомъ, литературный журналъ, подъ названіемъ: *Иллюстрированные романы всѣхъ народовъ*. Срокъ выхода—двухнедѣльный Цѣна съ дост. и перес. за годъ 4 р.

— За невыходомъ въ свѣтъ въ теченіе года признаны окончательно прекратившимися слѣдующія періодическія изданія:

1) *Волжско-Камское Слово*—издатель-редакторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй Шпилевскій.

2) *Иллюстрированная Библіотека*—издатель-редакторъ коллежскій секретарь Михаилъ Алисовъ.

3) *Криминалистъ* — издатель-редакторъ судебный слѣдователь Антонъ Напіорковскій.

4) *Модныя выкройки* — издатель-редакторъ потомственный почетный гражданинъ Николай Подсосовъ.

5) *Новороссійскій Листокъ* — издатель-редакторъ надворный совѣтникъ Михаилъ Озмидовъ.

6) *Страна*—издатель-редакторъ статскій совѣтникъ Леонидъ Полонскій.

7) *Телефонъ*—издатель с.-петербургскій 2-й гильдіи купецъ Егоръ Копанышинъ.

8) *Таврида*—издатель-редакторъ статскій совѣтникъ Илья Казазъ.

9) *Торговый Вѣстникъ Западнаго Края*—издатель статскій совѣтникъ Яковъ Померанскій,—и

10) *Pietarin Wicko Sanomat*—издатель-редакторъ оберъ-пасторъ Мурманъ.

— Изъ *статистики прессы въ Англіи*, опубликованной г. Гиббартомъ, видно, что въ Великобританіи выходило въ 1883 году 2,015 журналовъ и газетъ; изъ того числа собственно въ Англіи—1,578 (въ томъ счету 401 въ Лондонѣ), въ Валиссѣ—80, въ Шотландіи—181, въ Ирландіи 156, на мелкихъ ближнихъ островахъ—20. Ежедневныхъ газетъ выходило 179. Наиболѣе распространенныя изданія печатались въ нижеслѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

Times — 100,000, *Standard* — 242,000, *Telegraph* — 250,000 *Daily News*—160,000; еженедѣльные: *Illustrated London News* и *Graphic* по 100,000, *Police News*—300,000, *Family Herald*—200,000, *Reanolds*—350,000, *Lloyds Weekly*—612,000.

Въ томъ же 1883 г. въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки считалось 11,966 періодическихъ изданій; изъ низъ 1,119 ежедневныхъ, 9,136 еженедѣльныхъ. На нѣмецкомъ языкѣ 600 изданій.

— Общество *изданія книгъ для слѣпыхъ* праздновало недавно въ Лондонѣ 36 годовщину своей дѣятельности. Общество занимается изданіемъ книгъ съ рельефными, выпуклыми буквами; слѣпцы читаютъ ихъ пальцами. Основатель общества д-ръ Монсъ (Moons) придумалъ азбуку, состоящую всего изъ девяти буквъ, очень простыхъ и легко разбираемыхъ. Эта азбука примѣнена къ 250 языкамъ и нарѣчіямъ, т.-е. къ потребности почти всѣхъ народовъ. Этимъ способомъ изготовлено болѣе 150,000 экземпляровъ книгъ. Судя по книгамъ, бывшимъ у насъ въ рукахъ, мы можемъ засвидѣтельствовать объ аккуратности ихъ исполненія, о разборчивости рельефа и о прочности его, что весьма важно въ такихъ изданіяхъ.

— По части книгъ любительскихъ и подарочныхъ (éditions de luxe et livres d'étrennes) въ Парижѣ объявлено о скоромъ выходѣ въ свѣтъ:

Изъ типогр. Дидо — *La Renaissance en Italie et en France* par Eug. Müntz; изданіе обѣщаетъ быть не только роскошнымъ по исполненію, но и очень содержательнымъ. О книгахъ *Modes et usages au temps de Marie-Antoinette* и о *Dictionnaire historique et pittoresque du théâtre* par A. Pougin мы уже говорили въ хроникѣ прошедшаго мѣсяца.

Издательская фирма Планъ объявляетъ о готовящейся книгѣ: *Saint François d'Assise*, великолѣпномъ изданіи съ любопытными гравюрами и *eaux-fortes* Фламенга, Гальяра и Ле-Ра. Вслѣдъ за этою книгою обѣщаны: *Le Japon et Japonais* par le comte Dalmas и др.

Типографія Ротшильда готовитъ: *Chefs-d'oeuvres de l'art en Italie* par Müntz, Yriarte et Lafenestre и друг. изданія.

Издатель Кантенъ, кромѣ книги г. Узана *Son Altesse la Femme*, готовитъ къ концу года иллюстрированныя и, какъ говорятъ, очень роскошныя изданія: *Madame Bovary*, in-октаво, съ иллюстраціями Фурнье, и *Les voyages de Gulliver*, въ новомъ переводѣ, съ множествомъ раскрашенныхъ иллюстрацій съ акварелей В. А. Пуарсона.

— Не меньшій интересъ, чѣмъ иллюстрированныя изданія, представитъ, вѣроятно, изданіе фирмы Гашетъ *Paléographie des classiques latins*, которое будетъ выходить выпусками и заключать въ себѣ собраніе *факсимиле* главнѣйшихъ списковъ Плавта, Теренція, Цицерона, Цезаря, Корнелія Непота, Лукреція, Катула, Виргилія, Горація, Овидія, Тацита, Ювенала и пр., и пр. Все изданіе предположено въ десять выпусковъ. Въ первый войдутъ снимки съ рукописныхъ изданій Плавта, Теренція, Варрона и Катула.

— Въ Англіи только что вышло въ свѣтъ новое собраніе разсказовъ Эдгара Поэ, пополненное нѣсколькими неизданными до сихъ поръ разсказами. Въ книгѣ портретъ автора, 3 фотогравюры и 14 офортовъ.

— Большой интересъ возбуждаетъ брошюра, написанная леди Гладстонъ, супругою перваго министра, къ гигіенической выставкѣ въ Лондонѣ. Брошюра

посвящена вопросу объ оздоровленіи спальныхъ и дѣтскихъ комнатъ и заключаетъ въ себѣ много очень дѣльныхъ и полезныхъ совѣтовъ. Между прочимъ, г-жа Гладстонъ рѣзко возстаетъ противъ обычая поздно укладывать дѣтей спать и, въ особенности, противъ употребленія дѣтскихъ колясочекъ для прогулокъ.

— *Книжный Вѣстникъ* (въ № 19 1 октября) рѣзко осуждаетъ книгопродавческую фирму «Тов. М. О. Вольфъ» за измышленный ею видъ «зазыванія» покупателей въ свою лавку. Дѣло въ томъ, что г. Вольфъ издалъ *Календарь и справочную книжку для учащихся* и объявилъ въ газетахъ, что книжка эта будетъ раздаваться учащимся *даромъ*, въ видѣ *преміи*, при покупкѣ ими учебниковъ въ магазинахъ издательской фирмы. Приманка, къ сожалѣнію, удалась; учащаяся молодежь потянулась за даровщинкой, по молодости лѣтъ и неопытности, не понимая, что въ лавкахъ даромъ ничего не дается. Это именно и доказываетъ *Книжный Вѣстникъ* весьма убѣдительнымъ разсчетомъ. На нашъ взглядъ, бѣда не въ томъ, что купецъ зазываетъ и для этого употребляетъ такъ называемый «фортель», ставшій обычнымъ у издателей иллюстрированныхъ журналовъ и газетъ. Бѣда, главнымъ образомъ, въ томъ, что г. Вольфъ взялся уловлять на свою удочку дѣтей; а дѣти, какъ сообщаетъ вышеназванный журналъ, не замедлили сдѣлать изъ гешефта ловкаго книгопродавца свой собственный гешефтъ, чѣмъ значительно умалили выгоды, ожидавшіяся г. Вольфомъ. Догадливые школьники начали требовать обѣщаннаго *презента* при покупкѣ каждой учебной книжки, заходя за каждою изъ нихъ разновременно, а потомъ расторговывались этимъ *презентомъ*. Вышла настоящая скверность, въ которой виноватъ г. Вольфъ, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, родители и воспитатели, или просмотрѣвшіе «фортель», или же сами на него поддавшіеся. У насъ это возможно и правдоподобно.

Если бы неправдоподобно было, то оказалось бы невозможнымъ заниманіе издателями иллюстрированныхъ журналовъ подписчиковъ обѣщаніями удивительнѣйшихъ премій. А, вѣдь, такія обѣщанія адресуются уже не къ ребятишкамъ, а къ людямъ взрослымъ, неумѣющимъ, однако же, распознать, что не существуетъ никакихъ *безплатныхъ* премій и приложеній и существовать не можетъ. Все разсылаемое подъ этимъ названіемъ входитъ въ цѣну журналовъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ составляетъ крайне дешевый и никуда негодный хламъ.

Передъ нами лежитъ невѣроятно пестрое объявленіе того же «Товарищества М. О. Вольфъ» объ изданіи имъ *Перваго русскаго иллюстрированнаго толстаго журнала Новь*. Въ этой широковѣщательной рекламѣ издатель обѣщаетъ подписчикамъ «*4 небывалыхъ до сихъ поръ*, по своему художественному значенію и богатству, *безплатныхъ преміи*», за 14 рублей съ пересылкою и 12 р. 50 к. безъ пересылки. Три преміи очень бывалыя: фотографія, хромолитографія, стѣнной календарь; небывалою оказывается рамка для хромолитографіи. Впрочемъ, и это едва ли особенно плѣнительно. Мы помнимъ обѣщаніе въ видѣ безплатныхъ премій швейныхъ машинъ, поповскихъ ризъ... каменнаго дома!... Послѣ этого какою-нибудь рамкою соблазнишь не многихъ. Г. Вольфъ это знаетъ и потому старается прельстить публику именами будущихъ сотрудниковъ, на каковой конецъ и пропечатываетъ въ объявленіи цѣлое поминаніе, перечисляющее почти всю пишущую и рисующую бра-

тію нашего отечества. Но и это, увы, не *новь* для насъ; то же помпианіе можно прочесть съ малыми варіаціями въ любомъ объявленіи. Намъ казалось бы болѣе новымъ, если бы г. Вольфъ объявилъ подписку на четыре «роскошнѣйшихъ, богатѣйшихъ» и пр. картинки, хотя бы безъ рамъ, а въ видѣ *небывалой*, *безплатной* преміи пообѣщалъ высылать свой «толстый» журналъ. На эту небывалую удочку онъ, пожалуй, изловилъ бы десятокъ-другой лишнихъ охотниковъ до даровщины, а рамка осталась бы у него въ барышахъ *).

При подпискѣ на иностранные журналы на будущій годъ, мы обратили вниманіе на каталогъ таковыхъ журналовъ, разосланный товариществомъ М. О. Вольфъ». На второй строкѣ текста каталога значится, что магазины «Тов. М. О. Вольфъ будутъ дѣлать разсчетъ за германскую марку 55 коп., за франкъ 50 коп., за шиллингъ 60 копѣекъ. Получая нѣкоторые изъ англійскихъ журналовъ, мы сдѣлали переложеніе англійской подписной цѣны на русскія деньги по разсчету, заявленному фирмою М. О. Вольфъ, и оказалось: журналы *Graphic* и *Illustradet London News*, оба еженедѣльные, стоятъ по 26 шиллинговъ (по 6 пенсовъ нумеръ). 26 шиллинговъ, по 60 коп. за шиллингъ, составляютъ на наши деньги 15 р. 60 к.; только не для всѣхъ: по разсчету «Товарищества М. О. Вольфъ» вышло 18 р. 20 к., каковая цѣна и поставлена въ его каталогахъ за вышеозначенные журналы и за многіе другіе, англійскія цѣны которыхъ намъ извѣстны. По просту говоря, эта книжная лавочка на первой страницѣ своего объявленія заманиваетъ покупателя дешевизною, обѣщаніемъ разсчитывать 60 коп. за шиллингъ, тогда какъ всѣ московскіе книгопродавцы считаютъ шиллингъ въ 65 коп.; а на 7-й страницѣ каталога фирма М. О. Вольфъ выставляетъ цѣны по разсчету *70 коп.* за шиллингъ и, пользуясь незнаніемъ публики, эту цѣну и деретъ съ наивныхъ покупателей. Какъ называется такое дѣяніе и не предусмотрѣно ли оно уставомъ о наказаніяхъ?—эти вопросы мы оставляемъ безъ отвѣта, ибо квалификацію каждый самъ подберетъ, а по части уставовъ есть спеціалисты, которымъ и книги въ руки. Мы только отмѣчаемъ фактъ, характеризующій не одного книгопродавца, а въ особенности публику, съ которою можно продѣлывать такія *простенькія* штучки.

Къ слову, отмѣтимъ въ каталогѣ Вольфа слѣдующее: цѣна еженедѣльнаго журнала *L'Art*, издаваемаго гг. Eugène Véron и Léon Gaucherel, означена 60 рублей, съ пересылкою 75 руб., т.-е. за пересылку 24 нумеровъ взимается 15 рублей! Не многонько ли будетъ? Тотъ же журналъ по каталогу г. Вл. Г. Готье стоитъ 36 руб., съ пересылкою 39 руб. Или еще: *L'Artiste* A. Haussaye у Вольфа стоитъ 25 руб., съ пересылкою 30 руб.; у Готье—30 руб., съ пересылкою 33 руб., у Мелье 27 р., съ пересылкою 30 р. Сей сонъ что означаетъ? Здѣсь кто почемъ считаетъ за франкъ?

Справимся относительно счета на марки. *Rundschau (Deutsche)* у Готье стоитъ 12 руб., съ перес. 14 р. 50 к.; у Вольфа—13 р. 20 к., съ перес. 15 р. 65 к., у Мелье 14 р. 50 к., съ пересылкой 17 р. 50 к. *Ueber Land und Meer*—у Готье 7 р. 20 к., съ перес. 10 р.; у Вольфа — 6 р. 20 к., съ перес. 9 р. 10 к., у Мелье—7 р. 20 к., съ пересылкой 10 р. Что за чепуха! По чемъ же у васъ марка, господа?

*) Послѣ написанія этой замѣтки вышла первая книжка *Нови* и при ней разосланы преміи. Оказалось, что пресловутая рама нарисована на хромолитографіи.

— *Некрологъ. Викторъ Селиверстовичъ Шпакъ*, извѣстный виньетистъ, сотрудникъ многихъ иллюстрированныхъ изданій, умеръ недавно, оставивши безъ всякихъ средствъ жену и дочь. Симпатичная личность покойнаго, привлекавшая къ нему при жизни сердца окружающихъ, не осталась забытой и послѣ смерти,—какъ сообщаетъ *Книжный Вѣстникъ*,—и редакціи тѣхъ журналовъ, гдѣ онъ работалъ, согласились выпустить въ свѣтъ изящный альбомъ, состоящій изъ наиболѣе выдающихся иллюстрацій, виньетокъ и набросковъ покойнаго Шпака. При альбомѣ будетъ приложенъ портретъ самого художника, прекрасно исполненный его дочерью. Цѣль изданія—дать средства дочери покойнаго продолжать свое художественное образованіе.

Альбомъ будетъ напечатанъ въ формѣ *Стрекозы* на слоновой бумагѣ и заключенъ въ обертку, печатанную краеками. Цѣна альбома 3 руб., съ пересылкою 3 р. 50 к. Подписка принимается въ редакціяхъ: *Стрекозы* и *Нивы*. Вырученная отъ продажи альбома сумма, цѣликомъ, безъ всякихъ вычетовъ, поступаетъ въ пользу семейства В. С. Шпака.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ КНИГЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ. Октябрь. Деревенскія исторіи. I. Счастливчекъ. XIII—XXI. Окончаніе. Ѳ. Э. Ромера. — Францъ Листъ. Біографическій очеркъ. IV—V. Окончаніе. П. А. Трифонова. — У храма искусствъ. Повѣсть. I — XIV. Д. И. Стахѣева. — Дени Дидро. 1713—1784. Опытъ характристики. I—III. Алексѣя Н. Веселовскаго. — Разсказы Бретъ-Гарта. I. Отверженный. II. Въ погонѣ за мужемъ. Съ англійскаго. А. Э. — Задачи этики. I—II. К. Д. Кавелина. — Объ историческомъ складѣ русской народности. Историко-критическія замѣтки. V—VII. А. Н. Пыпина. — Картинки изъ жизни. — Разсказы финскаго писателя Пейверинта. Съ шведскаго. Е. М. — На Шихалѣ. Изъ записной книжки охотника. Д. И. Мамина.

РУССКОЕ БОГАТСТВО. Сентябрь. Страничка изъ столичной жизни. А. Михайлова. — Гандзя Загарницкая. Романъ. Т. Ежа — Основные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи. Н. Грота. — Критика современныхъ системъ нравственности. Изложеніе позитивной морали. Литре. Тэнъ. Критико-позитивной морали. — Странное явленіе въ природѣ. (Цвѣтное солнце и вулканическія изверженія). — Археологическій съѣздъ въ Одессѣ. Корреспонденція. Л—а. — Муза Достоевскаго и муза Тургенева. (Сравнит. характер.). Созерцателя. — «Грядущее рабство». Гербера Спенсера. Г.

НАБЛЮДАТЕЛЬ. Октябрь. Золотая ночь (изъ разсказовъ о золотѣ). Д. Сибиряка. — Генрикъ Ибсенъ и его драмы. II. О. Морозова. — Мы побѣдили! (Изъ сибирской жизни). Разсказъ Г***. — Новыя театральныя дѣла. Оконч. П. Д. Боборыкина. — Сафо. Парижскіе нравы. Романъ. Оконч. Альфонса Додэ. — Знакомые люди. Гл. XIII—XV. Ром. Д. Л. Маркова. — Лила Флеронъ. Ром. Продолж. Онэ. — Государственный соціализмъ Бисмарка. Я. Папера. — Наша повѣсть. Ф. Стоктона. — Послѣднія десять лѣтъ жизни барона Брамбеуса. Съ 1848—1858. А. В. Старчевскаго. — Мистрисъ Намлисъ. Разсказъ С. Дэли.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Сентябрь. Этнографъ-беллетристъ. Гл. I—IV. П. С. Усова. — Къ исторіи польскаго возстанія 1863 г. К. Н. В. — Тамбовскій край въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. Гл. IV—V. И. И. Дубасова. — Выдержки изъ записной книжки. П. К. Мартьянова. — Семейныя отношенія гр. А. И. Остермана (съ иллюст.). П. П. Каратыгина. — Старина XVIII столѣтія. 1730—1740 г. В. О. Михневича. — Карлово въ сороковыхъ годахъ (съ иллюстр.). Городокъ, любимый Гёте (съ иллюстр.). — Суевѣрія человѣчества. Статья III. Суевѣрія новыхъ вѣковъ. Оконч. М. К. Цебриковой. — Документальная исторія сношеній съ чортомъ. Оконч. В. Р. Зотова.

Октябрь. Первые годы царствованія Екатерины II. А. Г. Брикнера. — Этнографъ-беллетристъ. Гл. V—VIII. П. С. Усова — Дневникъ Ѳ. И. Дозе. — Тамбовскій край въ концѣ XVIII и нач. XIX стол. Гл. VI — VIII. И. И. Дубасова. — Партизанъ Фигнеръ. (Изъ семейныхъ воспоминаній). А. В. Фигнера. — Суворовъ въ ссылкѣ (съ иллюстр.). П. К. Мартьянова. — Путевыя записки адмирала барона Ѳ. П. Врангеля. — Сентиментальное путешествіе русскаго человѣка (съ иллюстр.). Вл. З. — Провинціальная канцелярія и черты народной русской жизни 1719—1777. К. Н. В. — Теорія и практика новѣйшаго соціализма Ѳ. И. Булгакова.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ. Сентябрь. О чумѣ въ Москвѣ 1771 г. Гл. I—III. А. Г. Брикнера. — Императоръ Іосифъ и его восточная политика Оконч. Н. Сбоева. — Очеркъ Западнаго Бѣломорья. Н. В. Кудрявцева. — Бездна. Правдивая исторія. Часть III. Гл. X—XIII. В. М. Маркевича. — Изъ прожитаго. Гл. XXVII—XXXIII.

Н. П. Гиляровой-Платоновой.—Дочь Аланръ-Хана. Часть III. Гл. IV—VIII. Н. А. Крыжановскаго.—Годы ученія Рафаэля. А. В. Вышеславцева.

ГРАЖДАНИНЪ. Октябрь. Тенета. Ром. К. Тхоржевскаго. — Потомокъ рыцарей. Истор. ром. Н. В. Кукольника.— Отомстила. Повѣсть К.— Пріятельская комната. Разсказъ.—Таперъ. Разсказъ.—Балъ. Разсказъ.—Къ итогамъ великаго церковнаго спора —Историческія замѣтки и поправки. П.—Исцѣленіе.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА. Сентябрь. Дидро. Мадамъ де ла-Карліеръ, разсказъ. Пер. Д. А. Коропчевскаго. — Карлъ Френцель. Деньги. Повѣсть. Пер. А. Г. Каррикъ. — Карлъ Эмиль Францозъ. Нѣмой, разсказъ. Пер. Е. Н. Астальцевой.—Доминико Чіамполи. Сынъ лѣса. Разсказъ. Пер. Э. К. Ватсона.— Ада Кристенъ. Наши сосѣди, очерки I. Лиза. II. Возвращеніе на родину. — Фридрихъ Шакъ. Изъ «Пѣсенъ Печали». Стихотв. Пер. В. Бермана — Нервность современнаго поколѣнія. Публичная лекція Р. Крафтъ-Эбинга, профессора психіатріи въ Грацкомъ университетѣ.—Денни Дидро. По поводу столѣтней годовщины его смерти. (Окончаніе).

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ.

РЕЛИГІЯ, ФИЛОСОФІЯ. ПСИХОЛОГІЯ.

Библейская исторія, разсказанная по св. Писанію и объясненная І. Г. Куртцомъ. Спб. 84. Тип. Р. Голике. 8 д., 1,000 экз. Ц. 90 к.

Голубинскій, Ѳ. Лекціи философіи: 1) Біографич. очеркъ и характеристика его лекцій; 2) введеніе въ философію и 3) введеніе въ математику. Вып. 1-й. М. 84. Тип. Снегирева. 8 д., 600 экз. Ц. 60 к.

Голубинскій, Ѳ. Лекціи философіи. Вып. 2-й. М. 84. Тип. Л. Снегирева. 8 д., 1,200 экз. Ц. 60 к.

Молитвенная пѣснь души, стремящейся отъ тлѣнности земной къ вѣчности небесной. Одесса. 1884. Тип. Е. Фесенко. 2 д., 1 нен. стр., 2,000 экз.

Мостовскій, М. Исторія храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд. 3. М. 84. Тип. М. Лаврова и К°. 8 д., 5,000 экз. Ц. 50 к.

Орловскій, Н. А. Краткій очеркъ исторіи духовнаго одноголоснаго пѣнія въ Россіи. Харьковъ. 1884. Тип. окружн. штаба. 8 д., 2 нен. + 23 стр., 100 экз. Ц. 50 к.

Розаліевъ, В. Слова, бесѣды и рѣчи (труды послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ). Протоіерея кавказ. каѳедральн. собора В. Розаліева Став. Кавк. 84. Тип. К. Ткачева. 8 д., 1000 экз. Ц. 2 р

Bojanowski, T. X. Słowo Boże we wszystkie niedziele roku w kościele parafialnym św. Krzyża w Warszawie. Tomu I-go—seszyt I. Ченстохово. 1884. Тип. М. Стохольскаго. 8 д., 64 стр., 2,000 экз. Ц. 30 к.

Brzozowski, St. Żywot błogosławionego Ładysława z Gielniowa. Z dodaniem litanii i piesni. Варшава. 1884. Тип. Ф. Червинскаго. 12 д., 32 стр., 1,000 экз. Ц. 25 к.

Skarb duszy pobożnej czyli zbiór różnego nabożeństwa z różnych aprobowanych autorów, z przydaniem kalendarza na nowo wydany. Варшава. 1885. Тип. Котти. 16 д., 498 + XI стр., 12,000 экз. Ц. 2 р. 40 к.

Baum (feu G.) et Ed. Cunitz. Histoire ecclésiastique des églises réformées au royaume de France. Édition nouvelle avec commentaire, notice bibliographique et tables des faits et des noms propres. Paris. 1884. Tome II, 992 p. in 8.

(Les Classiques du protestantisme).

Brunel (Lucien). Les Philosophes et l'Académie française au dix-huitième siècle. Paris. 1884. XVI et 371 p. in 8. Ц. 3 p.

Lambert (the Rev. L. A.). Christianity versus Infidelity. Notes on Ingersoll. London. 1884. pp. VII and 184 in 18.

Analyse, Kritische, der antispiritistischen Erklärungsweise sogenannter spiritistischer Phänomene, von einem Nicht-Spiritisten. Lpz. 1884. 36 S. in 8. Ц. 35 к.

Brasch (M.). Die Klassiker der Philosophie. Lpz. 7 Lief. 289 — 336 S. in 8. Ц. 27½ к.

Christenthum, Positives, und orthodoxer Pietismus. Bonn. 1884. 84 S. in 8. 80 к.

Frauenhand. Ursprung, Entwickelung und Schicksale der Taufgesinnten oder Mennoniten. Norden. 1884. XX und 447 S. in 8.

Germanicus. Papst oder Luther. Wer ist der Antichrist? Eine zeitgemässe Revi-

sion 'alter Acten. Luxemburg. 1884. 56 S. in 8.

Israeli (I.). Das Buch über die Elemente. Ein Beitrag zur jüdischen Religionsphilosophie des Mittelalters. Lpz. 1884. I Th. 83 S. in 8. Ц. 2 р. 20 к.

Jacobsen (A.). Untersuchungen über das Johannes-Evangelium. Berlin. 1884. 102 S. in 8. Ц. 1 р. 10 к.

Kunkel (C.). Sind Stoff und Kraft Ursache und Wirkung? Kiel. 1885. 18 S. in 8. Ц. 33 к.

Matthes (K.). Allgemeine kirchliche Chronik. Fortgesetzt von A. Werner. Gotha und Hamburg. 30-ter Jahrgang, das Jahr 1883. Hamburg. 1884. VI und 319 S. in 8.

Michelis (F.). Warum werden wir nicht alle Altkatholiken? Mainz. 1883. 25 S. in 8.

Mosler (H.). Die jüdiche Stammverschiedenheit, ihr Einfluss auf die innere und äussere Entwickelung des Judenthums. Lpz. 1884. X und 146 S. in 8.

Prel (C. d.). Die Philosophie der Mystik. Lpz. 1885. XII und 547 S. in 8. Ц. 5 р. 50 к.

Romundt (H.). Die Herstellung der Lehre Jesu durch Kant's Reform der Philosophie. Bremen. 34 S. in 8.

Rubinstein (S.). Psychologisch-aesthetische Essays. 2-te Folge. Heidelberg. 1884. 278 S. in 8.

Schäffer (L.). Der Raum. Studie zu einer kineto-monistischen Weltanschauung. Wien. 1884. 16 S. in 8.

БЕЛЛЕТРИСТИКА

Абрамовъ, Я. (Ѳедосѣевецъ). Въ поискахъ за правдой. Сборникъ разсказовъ. Второе изданіе. Спб. 1885. Тип. А. Котомина и К°. 8 д., 2 нен.+192 стр., 2,600 экз. Ц. 1 р.

Аниcимовъ, С. Самки и самцы. Ром М. 85. Тип. Ф. Іогансонъ, 8 д., 1.200 экз.

Бебуръ, Б. Грузинскія народныя сказки. Спб. 84. Тип. В. Комарова. 8 д., 2,400 экз. Ц. 50 к.

Бельмесовъ, Н. Шутливые стихи и смѣшливая проза. Для легкаго чтенія. Спб. 84. Тип. Н. Лебедева, 8 д., 1,000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлинскій, В. Сочиненія. Съ портретомъ автора и его факсимиле. Ч. 3-я. Изд. 5-е. М. 84. «Русск. типо-литогр.» 8 д., 2,400 экз. Ц. каж. час. 1 р. 25 к.

Бѣлозерскій, Е. Двѣ матери. Драма въ 5 дѣйст. (Въ стихахъ). М. 84 «Русская типо-лит.». 8 д., 1,200 экз. Ц. 60 коп.

Волшебныя приключенія принца Солигдара. Перс. сказка. Перед. Д. Байковъ. Изд. книгопр. Е. Губанова. М. 84. Тип. Вильде. 16 д., 5 000 экз.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій. Томъ 3-й. Изданіе 5-е. Москва. 1884. Тип. Гагенъ. 8 д., 426 стр., 12,100 экземпл.

Дунаевъ Н. Первый сонъ доктора Дунаева. Эпилогъ къ «Майоршѣ». Изд. 2-е Н. Дунаева. Спб. 84. 16 д., 5,000 экз. Ц. 15 к.

Дѣдушка водяной Царь Морской и Садко, купецъ новгородскій. Старин. русс. сказка Изд. книгопр. Морозова. М. 84. 16 д., 7,200 экз.

Е. Р. Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій 1877—1878 г. (Для народнаго чтенія). Кіевъ. 1885. Тип. С. Кульженко. 8 д., 119+III+1 нен. стр., 800 экз. Ц. 60 к.

Злополучный красавецъ или маскарадъ вдвоемъ. Ком. въ одномъ дѣйст. Пер. съ франц. Н. Шенка. (Театральн. библіот. Вып. 7-й). Изд. книж. маг. Н. Мартынова. Спб. 84. Тип. Ѳ. Сущинскаго. 8 д., 1,200 экз. Ц. 50 к.

Калугинъ. Н. И. Стрѣлокъ безъ промаха. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Спб. 1884. Тип. С. Леонтьева и К°. 8 д., 56 стр. 3,000 экз.

Карновичъ, С. Караулъ. Комедія въ одномъ дѣйств. Устюгъ. 84. Тип. А. Блинова. 16 д., 300 экз. Ц. 20 к.

Козьминъ-Перваго, П. Сцены изъ мори житейскаго. Ошибки женщинъ. Житейская драма въ 5 дѣйс. Спб. 84. Тип. А. Пожаровой. 8 д., 1,000 экз. Ц. 1 р.

Короленко, Л. Повѣсти и разсказы изъ записокъ прошлаго времени. Томъ III. Спб. 1884. Тип. А Пожаровой. 8 д., 2 нен.+II+1 нен.+516 стр., 600 экз. Ц. 4 р. за три тома.

Кузнецовъ, В. Некрологъ. Дмитрій Петровичъ Островскій (1836—1884 г). Казань. 84. Тип губ. правл. 8 д., 18 стр. 210 экз.

Лебедевъ, И. Занозы и слезы. Стихотворенія. М. 84. Тип. В. Гатцука. 8 д., 1,000 экз.

Лукьяновскій, А. Русскія народныя сказки и были въ стихахъ. Т. II. Спб. 84. Тип. товар. «Общ. польза». 8 д., 900 экз.

Мансфельдъ, Д. Мученикъ страсти. Драма-комедія въ 3-хъ дѣйст. М. 84. Тип. *Соврем. Изв.* 8 д., 100 экз.

Мордовцевъ, Д. Архимандритъ-Гетманъ. Историч. повѣсть. М. 84. Тип. Т. Малинскаго. 8., 1,050 экз. Ц. 80 к.

Оленинъ, П. Пѣсни скорби. Стихотв. М. 84. Тип.-лит. И. Кушнерева и К°. 8 д., 55+1 нен. стр., 1,200 экз. Ц. 75 к.

Островскій, А. Н. Сочиненія. Томъ десятый. Спб. 84. Тип. А. Траншеля. 8 д., 438+1 нен. стр., 2.500 экз. Ц. 3 р.

Паруновъ, М. В. А. В. Кольцовъ и

его пѣсни. Изд. третье. Спб. 84. Тип. М. Хана. 8 д., 38 + 2 нен. стр., 6,000 экз. Ц. 10 к.

Писемскій, А. Сочиненія. Посмертное полное изданіе. Т. XI и XII. Изд. товар. М. Вольфъ. Спб. 84. 8 д., 3,010 экз.

Помощь братьямъ. Литературн. сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія въ Галиціи и Привислинскомъ краѣ. Изданіе В. Рафальскаго и А. Антоновича. Кіевъ. 84. Тип. Кушнерева, Ѳедорова, Завадскаго и др. 2 д., 4,000 экз. Ц. 1 р.

Русскіе писатели въ классѣ. Ред. П. Вейнберга. Вып. II-й: фонъ-Визинъ. (Письма и чистосердечное признаніе). Изд. 2-е. Спб. 84. Тип. А. Вольфа. 8 д., 2,000 экз. Ц. 20 к.

Смирновъ, П. Школьный учитель. Драма въ 5 дѣйс. Спб. 84. Тип. дома приз. малолѣт. бѣд. 8 д., 1,000 экз. Ц. 1 р.

Собраніе повѣстей и романовъ для юношества. № 6. Монастырка (повѣсть Антонія Погорѣльскаго). Въ 2-хъ час. Изд. Общ. распрост. полез. книгъ (№ 398). М. 84. 16 д., 1,200 экз. Ц. 75 к.

Соколовскій, А. Дѣвушка дьяволъ. (Фантазія). Спб. 84. Тип. дома приз. малолѣт. бѣд. 4 д., 10,000 экз.

Соколовскій, А. З. Сравнились!... (Маленькій романчикъ). Спб. 84. Типо-лит. Дома призр. малолѣтн. бѣдныхъ. 4 д., 16 стр., 10,000 экз.

Сумцовъ, Н. Къ исторіи южнорусской литературы семнадцатаго столѣтія. Вып. 1-й. Лазарь Барановичъ. Хар. 85. Тип. М. Зильберберга. 8 д., 300 экз.

Сухонинъ, П. Русская свадьба въ исходѣ XVI вѣка. Драматич. представл. въ 3 дѣйст. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 12 д., 1,200 экз.

Толстой, А. К., гр. Полное собраніе сочиненій. Спб. 84. Тип. М. Стасюлевича. 8 д. Т. I. Стихотвор.: 2 нен. + XVI + 367 стр., 3,000 экз. — Томъ II. Стихотворенія: 2 нен. + 331 стр., 3,000 экз. Ц. за 2 тома 3 р. — Томъ IV. Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго: VIII + 359 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Тургеневъ, И. С. Полное собраніе сочиненій. Второе изданіе. Спб. 84. Тип. Глазунова. 8 д. — Томъ I: VIII + L + 446 стр., 12,200 экз. — Томъ VI: 5 нен. + 458 стр., 12,000 экз. Ц. 15 р. за десять томовъ.

Успенскій, Г. Сочиненія. Т. 5-й. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 84. 8 д., 2,100 экземпл.

Чуровскій, А. Черный Кощей или Заднѣпровскій хуторъ у Лунной горы. Русскій романъ изъ временъ Петра Великаго. Изд. Д. Прѣснова. Москва. Тип. Ф. Іогансонъ. 12 д., 215 + 1 нен. стр., 6,000 экземпл.

Чичаговъ, Л. М. Доблести русскихъ воиновъ. Выпускъ I. Примѣры изъ прошлой войны 1877—78. Описаніе отдѣльныхъ солдатскихъ подвиговъ. Изд. второе, В. Березовскаго. Спб. 84. Тип. С. Добродѣева. 8 д., 2 нен. + 81 + 1 нен. стр., 5,000 экз. Ц. 30 к.

Шиллеръ. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Томъ первый. Изд. шестое. Спб. 84. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., VIII + 417 стр., 4,000 экз.

Burtynik, As., W. W pogoni za posagiem. Komedya w I-m akcie. Варшава. 1884. Тип. Шульца и К°. 12 д., 60 стр., 1,000 экз. Ц. 50 к.

Fellner (E. d-r). Morderca kobiet Hugo Schenk i jego ofiary. Romans kryminalny z naszych czasów, podług autentycznych źródeł. Wiedeń. 1884. Zeszyt II. 33—64 str. in 8. Ц. 30 к.

Niemcewicz (J. U.). Dzieła. Kraków. 1884. Tom II. Komedye. 276 str. in 8. Ц. 1 р. 20 к.

Petöfi, A. Stryczek kata. Powieść. Przekład A. Callier. Варшава. 1885. Тип. „Ежедневнаго Обозрѣнія". 16 д., 144 стр., 1,500 экз. Ц. 24 к. 1 р. 35 к.

Soave, F. X. Powieści moralne. Z włoskiego przełożył X. P. Rzewuski. Варшава. 1884. Тип. Ф. Червинскаго. 12 д., 211 + 1 нен. стр., 2,200 экз. 1 р. 25 к.

Anglemont (A. Privat d'). Paris anecdote. Les Industries inconnues. La Childebert. Les Oiseaux de nuit. La Villa des chiffoniers. Voyage de découverte du boulevard à la Courtille par le faubourg du Temple. Paris inconnu. Paris. 1884. 343 p. in 18. Ц. 1 75 к.

Aubert (Charles). Les Frileuses. Vol. II. Sacha et Loudmilla. Marfa. Paris. 62 p. in 18. Ц. 1 р.

Audebrand (Philibert). La Fille de Caïn. Scènes de la vie réelle. Paris. 1884. 430 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Boutique (Alexandre). Mal mariée. 2-me édition. Paris. 1884. 308 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Buet (Charles). Les Coups d'épée de M. de Puplinge. Paris. 1884. 363 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Cavailhon (Edouard). La Créole parisienne. Paris. 1884. 410 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Chabrillat (Henri). La Petite Belette. Paris. 1884. 484 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Demesse (Henri). Un Martyre! Paris. 1884. 367 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Diane (comtesse). Maximes de la vie. Préface par Sully Prudhomme. 3-me édition revue et augmentée. Paris. 1884. XVIII et 225 p. in 12. Ц. 2 р.

Eekhoud (Georges). Kermesses. Bruxelles. 200 p. in 18. 1 p. 75 к.

Enault (Louis). Histoire d'amour. Paris. 1884. 315 p. in 18. Ц. 1 p.

Erckmann-Chatrian. Avant 89. Les Impôts. Les Pommes de terre. Les Racoleurs. La Gazette. Le Déficit. Paris. 127 p. in 8. Ц. 75 к.

(Epoques mémorables de l'histoire de France).

Ernst (Alfred). L'Oeuvre dramatique de H. Berlioz. Paris. 1884. 372 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Espiney (Charles d'). Les Comédies du docteur (théâtre de salon). C'est sa fête! La Comédie au salon. Les Qualités de mademoiselle. Comme à Alger. Pour ma filleule! Bric-à-brac. Les Eaux de Saint-Gervais. Le Major. Oh! les femmes! Paris. 1884. 290 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Ferry (Gabriel). Les Deux maris de Marthe. Paris. 1884. II et 418 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Frescaly (Marcel). Fleur d'Alfa. Roman de moeurs espagnoles. Paris. 1884. 308 p. in 18. 1 p. 75.

Gastyne (Jules de). L'Amour et l'argent. Paris. 1884. 305 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Gondrecourt (A. de). La Vieille fille. Naumbourg. 1857. Tome IV (2-me série tome I), 160 p. Tome V (2-me série tome II), 160 p. Tome VI (2-me série tome III), 149 p. in 24.

(Bibliothèque choisie Vol. CLXXIX — CLXXXI).

Guéroult (Constant). La Femme de monsieur le duc. Paris. 1884. Tome I, 360 p. Tome II, 392 p. in 18. Ц. 3 p.

Gyp. Un Homme délicat. 2-me édition. Paris. 1884. 353 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Henry (Théodore). Les Amours du crime. La Belle Miette. Paris. 1884. 310 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Hugo (Victor). Oeuvres complètes. Edition définitive d'après les manuscrits originaux. Actes et paroles. Paris. 1884. Tome III. Depuis l'exil. 1870—1876. 442 p. in 8. 3 p. 75 к.

Jacob, bibliophile (P. L.). Les Courtisanes de l'ancienne Rome. Avec un avant-propos. Bruxelles. 1884. XV et 222 p. in 18. Ц. 2 p. 50 к.

Laforest (Dubut de). Belle-maman. Moeurs contemporaines. Paris. 1884. VII et 308 p. in 18. 1 p.

Lepage (Auguste). Les Diners artistigues et littéraires de Paris. Paris. 1884. XI et 360 p. in 18. 1p 75 к.

Levinck (A.). Après la ruine. Paris. 1884. VI et 296 p. in 18. 1 p. 50 к.

Lorin (Georges). Paris rose. Paris. 1884. 282 p. in 8. Ц. 1 p. 75 к.

Maizeroy (René). Les Amours défendues. Paris. 1884. Vol. IV. La Petite Narcisse. Mieux vaut tard que jamais! Le Livre de comptes. 62 p. in 12. 1 p.

Maizeroy (René). La Joie d'aimer. Paris. 306 p. in 18. Ц. 2 p. 50 к.

Mariéton (Paul). Joséphin Soulary et la pléiade lyonnaise. Victor de Laprade. Pierre Dupont. Jean Tisseur. Louisa Siefert. Paul Chenavard. Paris. 1884. 143 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Mistral (Frédéric). Nerte. Nouvelle provençale. Avec la traduction française en regard. Paris. 1884. 381 p. in 18. Ц. 2 p. 50 к.

Moinaux (Jules). Les Tribunaux comiques. Préface par Armand Silvestre. Paris. 1884. 3-me série, XII. et 383 p. in 18. Ц. 2 p. 50 к.

Montépin (Xavier de). Les Amours de province. Paris. 1884. Vol. I. Le Crime du lieutenant. 360 et 2 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Nadau (Gustave). Une Idylle. Paris. 1883. 274 p. in 4. Ц. 7 p. 50 к.

Nouval (A. de). Contes salés. Paris. 1884. 109 p. in 8.

Petit secrétaire galant (Le). suivi des conseils pour faire un bon mariage et d'un guide pour les formalités et les cérémonies. Paris. 104 p. in 16.

Pouchkine. Eugène Onéguine. Roman en vers. (1825 — 1832). Traduit du rus. par W. Mikhailow. Paris. 18^{6}. Ц. 2 p.

Silvestre (Armand). Contes pantagruéliques et galants. Paris. 1884. Vol. III. Bonne fortune. Edifiante histoire. La Bonne ménagère. 63 p. Vol. IV. Simple badinage. Les Etrennes bien reçues. En buvant du vin clairet. 60 p. Vol. VI. Une Rupture. Conte oriental. Propos de carême. 60 p. in 32. 50 к.

Turgeniew, J. Dimitri Rudin. Roman. Deutsch v. A. Gerstmann. 8°. Janke, Berlin. Mk. 1,50.

Toussaint-Nigoul. Isabelle Ducos, histoire parisienne. Nouvelle édition. Paris. 338 p. in 8.

Valleyres (Marc de). Sur le boulevard. Portraits et types modernes. Paris. 1884. 402 p. in 18.

Verne (Jules). L'Archipel en feu. Paris. 305 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

(Les Voyages extraordinaires).

Véron (Pierre). Paris qui grouille. 2-me édition. Paris. 1884. 291 p. in 18. Ц. 1 p. 50 к.

Vignix (Joseph-André). Arrêtez-le!!! Arrêtez le président! Arrêtez tout le monde! Reflexions politiques et morales d'un commerçant de Paris en prison à Mazas. Paris. 1884. 188 p. in 18.

Aïde (Hamilton). Introduced to Society. Leipzig. 1884. pp. 288 in 12. Ц. 85 к.

(Tauchnitz ed. Vol. 2,271).

Betham-Edwards (Miss). Doctor Jacob. Leipzig. 1884. pp. 372 in 12. Ц. 85 к. (Tauchnitz ed. Vol. 2,277).

Bowes (the Rev. G. S.). Information and Illustration. Helps gathered from facts, figures, anecdotes, books, etc. for sermons, lectures and addresses. London. 1884. pp. VIII and 416 in 18.

Buchanan (Robert). Annan Water. A romance. Hamburg. 1884. Vol. I. pp. 269. Vol. II. pp. 264 in 12. Ц. 1 p. 70 к. (Asher's Col. Vol. 253—254)

Gibbon (Charles). Fancy Free and other stories. Hamburg. 1884. Vol. I. pp. 204. Vol. II. pp. 214 in 12. Ц. 1 p. 70 к. (Asher's Col. Vol. 251—252).

Harte (Bret). On the Frontier. Leipzig. 1884. pp. 264 in 12. Ц. 85 к. (Tauchnitz ed. Vol. 2268).

James (Henry). Portraits of Places. Leipzig. 1884. pp. 303 in 12. Ц. 85 к. (Tauchnitz ed. Vol. 2,276).

Oliphant (Mrs.). The Wizard's Son. A novel. Leipzig. 1884. Vol. I. pp. 286. Vol. II. pp. 287 Vol. III. pp. 278 in 12. (Tauchnitz ed. Vol. 2.273 — 2,275). Ц. 2 p. 55 к.

Peard (F. M.). The White Month. Hamburg. 1881. pp. VI and 283 in 18. (Asher's Col. Vol. 159). Ц. 85 к.

Reade (Charles). Singleheart and Doubleface. A Matter-of-fact romance. Leipzig. 1884. pp. 271 in 12. Ц. 85 к. (Tauchnitz ed. Vol. 2,272).

Ropes (Mary E.). Prince and Page. A story of Russia. London. pp. 124 in 12.

Arwed (E.). Deutsche Edelleute. Roman. Lpz. 1885. 278 S. in 8. Ц. 2 p. 75 к.

Barral (G.). Die Liebe in der Ehe. Basel. 1884. 192 S. in 16. Ц. 1 p. 65 к.

Baumbach (R.). Der Pathe der Todes. Dichtung. Lpz. 1884. 120 S. in. 16. Ц. 1 p. 10 к.

Becker (A.). Liederhort aus Jungfriedel der Spielmann. Lpz. 1884. XIX und 288 S. in 12. Ц. 1 p. 65 к.

Beisler (K. R.). Erna. Lyrisch-episches Gedicht. Essen und Lpz. 68 S. in 8.

Berg (Graf). Tagebuch aus der Krimm. 32 S. in 8.

Björnstjörne-Bjornson. Ein fröhlicher Bursch. Deutsch von H. Denhardt. Lpz. 105 S. in 16.

Brand (H.). In Lehnspflicht. Historische Erzählung aus dem 16 Jahrhundert. Kassel. 1884. I Bd. VIII und 271 S.; II Bd. 267 S. in 8.

Briefe aus dem Himmel. Bremen. 1884. 216 S. in 8.

Brühl (G. v.). Das Testament des Bettlers, oder: Die Opter der Börse. Original-Sittenroman. Dresden. I—III Bd. 368, 364 und 228 S. in 8. Ц. 2 p. 75 к.

Burmester (H.). Harten Leina. En Speigel vör Land un Lüd. Berlin. I und II Th. 228 und 221 S. in 8.

Crome-Schwiening (C.). Mirza-Schaffy in der Schützen-Joppe. Ein lustiges Vademecum. Lpz. 1884. 41 S. in 8. Ц. 55 к.

Dudwig (K.). Reinhold Lenz. Lyrisches aus dem Nachlass. Berlin. 1884. 139 S. in 8.

Fricke (W.). Patriotische Klänge. Minden. 1884. VIII und 248 S. in 8.

Friedrich (F.). Des Hauses Ehre. Roman. Lpz. I Bd. 187 S.; II Bd. 207 S. in 8, Ц. 4 40 к.

Gaebeler (A.). Die Egoisten. Drama. Stuttgart. 1884. 100 S. in 8.

Grasberger (H.). Nix für Unguet! Schnaderhüpfeln. Lpz. 1884. XXXI und 115 S. in 12.

Gregorow (S.). Die Saxo-Saxonen. Roman. Berlin. 1884. 63 S. in 8. Ц. 40 к.

Grillparzer. Die Ahnfrau. Trauerspiel. Stuttgart. 1881. 140 S. in 8.

Grillparzer. Libussa. Trauerspiel. Stuttgart. 1872. 121 S. in. 8. 1 p. 10 к.

Grillparzer. Medea. Trauerspiel. Stuttgart. 1879. 146 S. in. 8. 1 p. 10 к.

Haffner (C.). Bekannte und unbekannte Grössen. Skizzen und Novelleten aus der Kunst-und Theaterwelt. Wien. 1884. X und 240 S. in 8.

Hart (H. und J.). Kritische Waffengänge. 6 Heft. Fr. Spielhagen und der deutsche Roman der Gegenwart. Lpz. 1884. 74 S. in 8. Ц. 55 к.

Heiraths-Vermittelungen, Die, in Berlin. Ein Seelenbild des Lebens der Residenz. Neudamm und Lpz. 1884. 64 S. in 8. Ц. 55 к.

Jókai (M.). Verkehrte Welt. Roman. Berlin. 208 S. in 8. Ц. 55 к.

Kniest (P.). Skizzen aus dem Schifferleben. Von der Wasserkante. Bremen. 1884. 181 S. in 8.

König (E. A.). Das Medaillon. Roman. Berlin. 204 S. in 8.

Kümmel (M.). Die gefälschten Banknoten. Kriminal-Erzählung. Müth. a. R. 80 S. in 8.

Kunze (H.). Späte Vergeltung. Roman. Berlin. 1884. 296 S. in 8. Ц. 1 p. 65 к.

Lahenheim (E. v.). Jugend eines Genies. Schul-Humoreske. Barmen. 43 S. in 8.

Langegg (J. v.). Japonische Thee-Geschichten. Wien. 1884. XXXII und 364 S. in 8.

Lindenberg (P.). Schutzlos und schuldlos. Eine Novelle aus unseren Tagen. Berlin. Lpz. 144 S. in. 8.

Lorm (H.). Vor dem Attentat. Roman.

Dresden und Lpz. 1884. 252 S. in 8. Ц. 1. 50 к.

Mauerhaf (E.). Zur Idee des Faust. Lpz. 1884. 141 S. in 8.

Mecisner (A.). Geschichte meines Lebens. 2-te Auflage. II Bd.: VIII und 351 S. in 8. Ц. 2 р. 75 к.

Metscherschky (W.). Die Realisten der grossen Welt. Aus dem Russischen übertragen von F. Leoni. Breslau. 1885. 281 S. in. 8. Ц. 2 р. 25 к.

Mohr (L.). Altes Schrot und Korn. Erzählungen aus dem Lande der Hessen. II Bd.: Kassel. 1884. 284 S. in 8.

Müller (K.). Feurige Kohlen. Der Sohn des Kunstreiters. Mölheim a. R. 96 S. in 12.

Rüttenauer (B.). Siebenschön. Ein April-Mai-Märchen. Lpz. 1884. V und 116 S. in 12.

Schranz (J.). Aerztliche Plauderein. Innsbruck. 1884. 89 S. in 8.

Schreiber (C.). Eine Wienerin in Paris. Berlin, Wien und Lpz. X und 219 S. in 8. Ц. 2 р. 20 к.

Scribe und Melesville. Valerie. Komödie in 2 Aufzügen. Lpz. 35 S. in 16.

Seidel (H.). Idyllen und Scherze. Neue Gedichte. 3-te Sammlung. Lpz. 1884. VIII und 163 S. in 12.

Stökl (H.). In Untreue treu. Roman. Berlin. 188 in 8.

Sturm (A.). Auf Flügeln des Gesanges. Ein deutsches Liederbuch. Neuhaldensleben. 1883. VI und 90 S. in 8. Ц. 85 к.

Unter dem Sargdeckel. Fragmentarische Enthüllungen aus dem grossen „Nichts", genannt: „Freimaurerlogen". Von „Bruder" Narrenfeind. Zürich. 1884. 50 S. in 8.

Valera (J.). Pepita Imenez. Lpz. 208 S. in 16. Ц. 1 р. 50 к.

Voss (R.). Unehrlich Volk. Trauerspiel. Lpz. 1884. 106 S. in 8.

Wagner's (R.). Lebens-Bericht. Lpz. 1884. 103 S. in 8.

Weber (L.). A. Ebrard: Ein Totentanz, und M. Rovel: Briefe aus der Hölle. Lpz. 1884. 31 S. in. 8.

Wildenbruch (E. v.). Christoph Marlow. Trauerspiel. Berlin. 1884. 118 S. in 8.

Wolff-Kassel (L.). Rachegeister, oder: Dämon uns'rer Zeit. Drama. Berlin. 1884. 52 S. in 8.

Wolff-Kassel (L.). Ruth. Bibtisches-Schauspiel in 1 Act. Berlin. 30 S. in 8.

Würdig (L.). Krieg und Frieden. Bruderliebe. Fügungen. Mülheim a. d. R. 64 S. in 12.

Würdig (L.). Vor den Geschwornen. Kriminal-Erzählung. Mülheim a. d. R. 80 S. in 12.

Zastrow (K.). Heideröschen. Eine Erzählung. Mülheim a. d. R. 96 S. in 12.

Zöge von Manteufel (U.). Das Majorat. Roman. Berlin. 1884. I und II Bd.: 244 und 256 S. in 8. Ц. 4 р. 95 к.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ.

Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Изд. редакціи журнала *Досугъ и Дѣло*. Спб. 84. Тип. товарищ. «Обществ. Польза». 8 д., 2 нен.+62 стр., 1,100 экз.

Владимірскій-Будановъ, М. Исторія Импер. университета Св. Владиміра. Т. 1-й. Университетъ Св. Владиміра въ царствованіе Импер. Николая Павловича. К. 84. Тип. универ. Св. Владиміра. 8 д., 900 экз.

Всероссійская промышленно-художественная выставка 1882 г. въ Москвѣ. Историко-статистическій очеркъ общаго и спеціальнаго образованія въ Россіи. Спб. 84. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 600 экз.

Гиббонъ, Э. Исторія упадка и разрушенія Рим. Имперіи. Изд. Джоржа Белля 1887 г., съ примѣч. Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и друг. Пер. съ англійс. В. Невѣдомскій. Ч. IV. Изд. К. Солдатенкова. М. 84. 8 д., 1,200 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Иконниковъ, В. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императ. университета Св. Владиміра. (1834—1884). К. 84. Тип. Универ. 8 д., 600 экз.

Историческій очеркъ Рубежевской земледѣльческо-исправительной колоніи съ 1876 по 1884 г. К. 84. Тип. С. Кульженко. 8 д., 100 экз.

Историческая портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года съ краткими ихъ біографіями. Выпускъ V. Изд. А. Суворина. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 2 д., 8 нен. стр., 8 картинъ, 3,000 экз. Ц. 2 р.

Карамзинъ, Н. М. Исторія Государства Россійскаго. Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской (Дешевая библіотека). Изданіе А. Суворина. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 16 д., 2 нен+100 стр., 5,100 экз. Ц 10 к.

Котошихинъ, Г. О. Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 3-е. Археограф. Ком. Спб. 84. Тип. м-ва вн. дѣлъ. 8 д., 600 экз.

Кояловичъ, М. Чтенія по исторіи Зап. Россіи. Изд. 4-е. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 3,000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Наказъ царя Алексѣя Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному въ 1675 г. къ великому моголу Аурензебу. Изд. Кобеко. Спб. 84. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 300 экз.

Н. Б. Къ 50 лѣтнему юбилею университета Св. Владиміра. Очерки и замѣтки

по исторіи университета. Изд. «Кіевс. Календаря». К. 84. 8 д., 1,000 экз.

Сиповскій, В. Родная Старина. Отечествен. исторія въ разсказахъ и картинахъ (XVII й вѣкъ). Изд. Д. Полубояринова. Спб. 84. 8 д., 3.600 экз. Ц. 2 р 50 к.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. 28-й. Изд. 2-е. М. 84. Универ. тип. 8 д., 600 экз. Ц. 2 р.

Соловецкій монастырь и его святыни. Съ 8-ю рисунками. Изд. редакціи журнала *Досугъ и Дѣло*. Спб. 84. Тип. товарищ. «Обществ. Польза». 8 д., 2 нен. + 82 стр., 1,500 экз.

Титовъ, А. Протоіерей Михаилъ Раевскій (въ своихъ письмахъ къ О. М. Бодянскому). М. 84. Тип. М. Щепкина. 16 д., 100 экз.

Тула. Матеріалы для исторіи города XVI—XVIII столѣтія. М. 84. Тип. М. Лаврова и К°. 4 д., 200 экз.

Щербакъ, А. Ахалъ-текинская экспедиція генерала Скобелева въ 1880—81 годахъ. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 2,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Kalinka (Waleryan, x.). Sejm czteroletni. Wydanie III, przejrzane. Lwów. 1884. Tom I. VIII i 683 str. in 8. Ц. 3 p. 50 к.

Kamiński (Julian Aleksander). Materyały do monografii ródzin Kamieńskich i Kamińskich; herby kolorowane, portrety, tablice rodowodów i przegląd tych materyałów (z korespodencyi prywatnych, rękopismów i dzieł drukowanych zebrane). Lwów. 1854—1856. Tom II. 320 str. in 8. Ц. 2 p.

Łoski, J. Jan Sobieski, jego rodzina, towarzysze broni i współczesne zabytki. Dodatek. Zeszyt IX. Варшава. 1884. Тип. (бывш.) Унгера. 2 д., 117—136 стр., 750 экземп. 1 p. 20 к.

Ptaszycki (Stanisław). Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie z końca XVI wieku. Ustęp z dziejów drukarstwa w Polsce. Kraków. 1884. 43 str. in 8. Ц. 35 к.

Sokołowski (Maryan). O dekoracyi wewnętrznéj drewnianych kościołów: Kobylin i Lubusza. Kraków. 1884. 12 str. in 4.

W trzechsetną rocznicę Jana Kochanowskiego 1584—1884. Kraków. 1884. VIII i 304 str. in 8. Ц. 2 p.

Babeau (Albert). Les Voyageurs en France depuis la renaissance jusqu'à la révolution. Paris. 1885. 433 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Cheslay (G. R.). La Convention nationale, son oeuvre. 1792—1795. Paris. 1884. 320 p. in 4. 1 p. 75 к.

Comettant (Oscar). Les Compositeurs illustres de notre siècle. Rossini. Meyerbeer. Mendelssohn. Halévy. Gounod. Félicien David. Paris. 1883. VII et 175 p. in 8.

Hennebert (It-colonel). L'Europe sous les armes. Paris. 1884. VIII et 216 p. in 18. Ц. 1 p. 75 к.

Lettenhove (le baron Kervyn de). Les Huguenots et les gueux. Etude historique sur vingt-cinq années du XVI-e siècle (1560 — 1585). Bruges. 1884. Tome III (1572—1576), 644 p. in 8.

Monchanin (A.). Dumouriez 1739—1823. Paris. 1884. 349 p. in 18. Ц. 1 p.

Nolte (Frédérick). L'Europe militaire et diplomatique au XIX siècle. 1815 — 1884. Paris. 1884. Tome I. La Politique de la Sainte-Alliance, mouvements constitutionnels et guerres d'indépendance 1820—1864, VII et 473 p. Tome II. Guerres d'agrandissement 1820—1878. 580 p. Tome III. Guerres coloniales et expéditions d'outremer 1830—1884. 573 p. Tome IV. Guerres coloniales et expéditions d'otre-mer 1830—1884 (suite). 608 p. in 8. Ц. 15 p.

Pajol (comte). Les Guerres sous Louis XV. Paris. 1884. Tome III (1740—1748). Italie. Flandre. 605 p. in 8. Ц. 6 p.

Hordynski (Joseph). History of the late Polish Revolution, and the events of the campaign. Boston. 1832. pp. XVI and 406 in 8.

Aechtritz (O. v.). Der Adel in der christlich-socialen Bewegung der Gegenwart. Heilbronn. 1884. 48 S. in 8.

Disselhoff (J.). Lebensgeschichte des Oberpräsidenten Ludwig. v. Vincke. Kaiserwerth. 72 S. in. 8.

Erler (G.). Deutsche Geschichte von der Urzeit bis zum Ausgang des Mittelalters in den Erzählungen deutscher Geschichtschreiber. Lpz. 20 Lief. (III Bd.) 321—400 S. in 8. Ц. 55 к.

Geschichte, Allgemeine, in Einzeldarstellungen, herausgegeben von W. Oncken. Berlin. 86 Abth. 161—320 S. in 8. Ц. 1 p. 65 к.

H. G. und J. G. Geschichts-Perlen für Jung und Alt. Stuttgart. I und II Bd. 224 und 234 S. in 8.

Hirsch (F.). Geschichte der deutschen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. Lpz. 1884. 10 Lief. (II Bd.) 273—352 S. in 8.

Hottinger (C. G.). Kaiser Wilhelm I in Wort und Bild. Strassburg. 1884. in 4.

Jaubert (C.). Heinrich Heine. Erinnerungen aus den letzten zwanzig Jahren seines Lebens (1835—1855). Uebersetzung von L. Welter. Paris und Lpz. 1884. 93 S. in 8. Ц. 1 p. 10 к.

Kern (H.). Der Buddhismum und seine Geschichte in Indien. Uebersetzung von

H. Jacobi. II Bd. Lpz. 1 Th.: 281 — 594 S. in 8. Ц. 2 р. 20 к.

Mercy-Argenteau. Briefe des Grafen Mercy-Argenteau K. K. bevollmächtigten Ministers in den Österreichischen Niederlanden an den K. K. ausserordentlichen Gesandten zu London Grafen Louis Starhemberg (vom 26 December 1791 bis 15 August 1794). Originaldocumente aus dem schriftlichen Nachlasse des Letzteren gesammelt und geordnet nebst Erläuterungen von dessen Enkel A. Graf Thürheim. Innsbruck. 1884. XX et 288.

Möppen (F. v.). Die Hohenzollern und das Reich von der Gründung des Brandenburgisch-Preussischen Staats bis zur Wiederherstellung des Deutschen Kaisertums. Glogau. I Heft: 40 S. in 4. Ц. 85 к.

National-Literatur, Deutsche. Historisch-kritische Ausgabe von J. Kürschner. Stuttgart. 158—161 Lief., in 8. Ц. 1 р. 35 к.

Reichskanzler, Der, und die Deutsche freisinnige Partei. Berlin. 1884. 47 S. in 8.

Sauter. Die Hexerei. Zur Hexenbulle 1484. Eine kultur-historische Studie. Ulm. 1884. 82 S. in 8.

Schäfer. (D.). Deutsches Nationalbewusstsein im Lichte der Geschichte. Jena. 1884. 32 S. in 8.

Schulte (J. Fr. v.). Karl Friedrich Eichhorn. Scin Leben und Wirken. Stuttgart. 1884. VIII und 255 S. in 8.

Wapler (R.). Wallensteins letzte Tage. Lpz. 1884. VIII und 145 S.; Anhang. LIV S. in 8.

Weber (G.). Allgemeine Weltgeschichte. 45 Lief. (VII Bd): 257—368 S. in 8. Ц. 55 к.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ, ПОЛИТИКА и СТАТИСТИКА.

Алексѣевъ, Н. Руководство для мировыхъ судей, тяжущихся и судебныхъ приставовъ. Уставъ гражд. судопроизвод. Час. 1-я. 2-е исправ. и допол. изд. Вит. 84. Тип. наслѣд. М. Неймана. 8 д., 1,200 экз. Ц. 3 р.

Бардзкій, А. Объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства за преступленія и проступки по службѣ. Тула. 1884. Тип. Н. Соколова. 8 д., 2 нен.+IX+452+1 нен. стр., 1,000 экз. Ц. 2 р.

Боровиковскій, А. Законы гражданскіе (т. X, ч. 1-я), съ объясненіями по рѣшеніямъ граж. кассац. д-та правит. сената. Изд. 3-е. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 3,000 экз.

Гельбке, К. Ф. Торговое право и гражданское уложеніе. Къ вопросу о предметѣ и системѣ русскаго гражданскаго уложенія. Спб. 84. Тип. правит. сената. 8 д., 92 стр., 300 экз.

Гражданскіе законы (т. X, ч. 1-я), съ разъясненіемъ ихъ по рѣшеніямъ правит. сената. 15-е изд. Спб. 84. Тип. м тва пут. сооб. 8 д., 6,000 экз. Ц. 2 р.

Лавле, Эм. (де-). Парламентарный образъ на управлението и демократията. Прѣвелъ С. Карагеозовъ. Изд. И. Волкова. К. 84. Тип. Е. Кереръ. 8 д., 1,200 экз. Ц. 60 к.

Мушниковъ. Руководство военно-уголов. законовъ въ связи съ законами обще-уголовными. Час. 1-я. Законы матеріальные. Спб. 84. Тип. В. Балашева. 8 д., 2.400 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Носенко, Д. Томъ XI, ч. 2 Св. Зак. Уставы торговый, ремесленный и фабричный, съ приложеніемъ устава о пошлинахъ за право торговли и проч. и разъясненіями по рѣшеніямъ правит. сената. Вып. II О договорахъ и обязательствахъ по торговому судостроенію и мореплаванію, общее и особенныя учрежд. коммерч. судовъ, уставъ судопроизводства о торговыхъ словесн. судахъ (ст. 779 - 1854). Спб. 84. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 3,000 экз. Ц. 2 р.

Зуевъ, Н. Статистико-географическія таблицы Россійской Имперіи. Спб. 84. Тип. м-тва вн. дѣлъ. 8 д., 1,800 экз. Ц. 50 к.

Общій составъ м — ства финансовъ. Кн. 2-я за 1884 годъ. Свѣдѣнія по 1 августа. Спб. 84. Тип. товар. „Общест. польза". 8 д., 1,300 экз.

Правила о постройкахъ въ селеніяхъ, предупрежденія пожаровъ и гашенія ихъ. Съ приложеніемъ правительственныхъ распоряженій. Псковъ. 1884. Тип. губ. земства. 8 д., 2 нен.+64 стр. 6,500 экз.

Положеніе о взаимномъ земскомъ страхованіи и сводъ Правительственныхъ по сему предмету распоряженій, постановленій псковскаго губернскаго земскаго собранія и правила о постройкахъ въ селеніяхъ и о мѣрахъ противъ пожаровъ. Съ такими же дополненіями. Псковъ. 1884. Тип. губ. земства. 8 д., 2 нен.+162+8+12+2+6+1 нен. стр., 1.600 экз.

Рудневъ, П. и Кусаковъ, М. Алфавитный сборникъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правит. сената за 1881 и 1882 гг. Спб. 84. Тип. правит. сен. 8 д., 1100 экз.

Сборникъ узаконеній и распоряж. правительства, относящихся до производства единовременнаго и пожизненнаго пособій отставнымъ и безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ, солдаткамъ, бывшимъ контанистамъ, сыновьямъ почтовыхъ служителей, ратникамъ государственнаго

ополченія и членамъ семействъ лѣсной стражи. Спб. 84. Тип. И. Скороходова. 8 д., 910 экз.

Справочная книжка о гербовомъ сборѣ и другихъ пошлинахъ, которыми на основаніи зак. 1 мая 1884 г. оплачиваются съ 1 іюля 1884 г. совершаемыя въ губ. Царства Польскаго ипотеч. и нотаріальн. дѣйствія. Изд. А. Страсбургера. Варш. 84. Тип. О. Унгра. 8 д., 1.000 экз. Ц. 5 р.

С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I. Населеніе. Часть II. Изд. спб. гор. управы. Спб. 84. 2 д., 1 200 экз. Ц. за все изд. 10 р.

Статистическіе очерки. Вып. 3. Изд псков. губ. статистич. ком. пск. 84. 8 д., 310 экз.

Чулковъ, И. Обязанности сельскихъ обществъ, старостъ, сборщиковъ податей, смотрителей магазиновъ и проч. должн. лицъ сельск. общест. управ. по полож. 19 февраля 1861 г. и др. позднѣйш. законоположеніямъ и правительст. распоряженіямъ. Изд. 4-е. М. 84. Изд. Л. Снегирева. 8 д., 1.200 экз. Ц. 1 р. 54 к.

Яжулъ, И. Очерки и изслѣдованія. Сборникъ статей по вопросамъ народнаго хозяйства, политики и законодательства. Т. I и II. М. 84. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 900 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Marx (Karol). Kapitał. Krytyka ekonomii politycznej. Lipsk. 1884. Tom I. Księga 1. Wytwarzanie kapitału. VII i 122 str. in 4. Ц 1 р.

Annuaire de l'économie politique et de la statistique par M. M. Guillaumin, Joseph Garnier. M-ce Block. 1884. Paris. 41-e année. 967 p. in. 16. Ц. 4 р. 50 к.

Bosq (Paul). Voyage autour de la République. Paris. 1884. 297 p. in 18. Ц. 1 р. 75 к.

Goldfarb, J. Réduction des valeurs de Hollande, d'Autriche. d'Allemagne, de France, de Belgique, d'Italie et d'Angleterre, en roubles. Од. 84. Славянс. тип. 8 д., 500 экз. Ц. 3 р.

Hubert-Valleroux (P.). Les Associations coopératives en France et à l'étranger. Paris. 1884. X et 470 p. in 8. Ц. 4 р.

Lavollée (René). Les Classes ouvrières en Europe. Etudes sur leur situation matérielle et morale. 2-me édition revue et complétée d'après les documents les plus récents. Paris. 1884. Tome I. Allemagne, Pays-Bas, Etats Scandinaves, Russie. VII et 566 p. Tome II. Suisse, Belgique Autriche-Hongrie, Italie, Espagne-Portugal. 600 p. in 8.

Leroy-Beaulieu (Paul). Le Collectivisme. Examen critique du nouveau socialisme. Paris. 1884. VII et 449 p. in 8. Ц. 4 р.

Noël (Octave). Etude sur la gestion financière en France depuis 1871. Paris. 1884. 174 p. in 8.

Périgot (Ch.). Histoire du commerce français. Paris. 1884. VIII et 510 p. in 18. Ц. 1 р. 50 к.

Sumner (William Graham). Des Devoirs respectifs des classes de la société. Traduit par J. G. Courcelle-Seneuil. Paris. XIX et 236 p. in 24. Ц. 1 р. 25 к.

Arbeits-Gesetzgebung, Internationale. Ein unerlässliches Mittel zur Verbesserung der Lage der arbeitenden Klassen. Lpz. 1880. 44 S. in 8.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Бѣжецкій, А. Н. Путевые наброски въ странѣ мантильи и кастаньетъ. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 1 нен.+252+1 нен. стр., 1,000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Гельвальдъ, Ф. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множествомъ иллюстрацій. Изд. А. Суворина. Выпускъ 36-й. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 273—304 стр., 2,200 экз. Ц. 30 к.

Каово, А. Отъ Ростова-Ярославскаго до Переяслава-Залѣсскаго. М. 84. Тип. М. Щепкина. 12 д., 116 стр., 150 экз.

Ландцертъ, В. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. 1884 г. Май-октябрь. XVIII. Спб. 84. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 1,000 экз. Ц. 60 к.

Матеріалы для статистическаго описанія Радомской губ. Вып. III. Радомъ. 84. Типо-лит. И. Тржевинскаго. 8 д.. XI+442 стр. 300 экз.

Мусницкій, Н. Справочный планъ С.-Петербурга. Составленъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Изд. А. Беггрова. Спб. 84. Лит. Беггрова. 2 д., 1 нен. стр., 500 экз.

Памятная книжка С.-Петербургской губерніи на 1884 годъ. Спб. 84. Губ. тип. 1 нен.+VI+94+46+1 нен.+96 стр., 5 таблицъ, 250 экз.

Песковъ, П. Фабричный бытъ Владимірской губ. Отчетъ за 1882—83 гг. Спб. 84. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 600 экз.

Рѣки Сибири и Россіи и сибирская желѣзная дорога. Казань. 84. Тип. В. Ключникова. 4 д., 42+IX стр., прилож., 1,000 экз.

Kolberg (Oskar). Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Kraków. 1884. Serya XVII. Lubelskie. Część II. V i 244 str. in 8. Ц. 2 р.

Ossowski (G.). Sprawozdanie z badań paleo-etnologicznych w jaskiniach okolic

Ojcowa dokonanych w r. 1883. Kraków. 1884. 26 str. in 8. Ц. 25 к.

Boussenard (Louis). Le Trésor des rois cafres. Paris. 1884. 321 p. in 18. Ц. 1 q. 75 к.

(Aventures périlleuses de trois français au pays des diamants). Ц. 1 р. 75 к.

Gatteyrias (J.). A travers l'Asie Centrale. Paris. IV et 280 p. in 18. Ц. 75 к.

Journet (F.). L'Australie. Description du pays. Colons et natifs. Gouvernement. Institutions. Productions. Travaux publics. Mines. Paris. 1885. VIII et 376 p. in 8. Ц. 6 р.

Lenormant (François). La Grande-Grèce, paysages et histoire. Littoral de la Mer Ionienne. Paris. 884. Tome III. La Calabre. VI—444 p. in 8. Ц. 3 р. 75 к.

Marmier (Xavier). Lettres sur l'Adriatique et le Montenegro. 3-me édition. Paris. 1884. VIII et 488 p. in 18. Ц. 1 р.

Sachot, O. La Sibérie Orientale. L'Amérique Russe et les régions polaires. Explorations, récits de voyages. Ducrocq. Paris. br. Ц. 3 р. 50 к. rel. 5 р.

Teissier. La mer Noire et la Russie méridionale. Limoges. 8.

Marvin (Charles). The Region of the Eternal Fire: an account of a journey to the petroleum region of the Caspian in 1883. London. 1884 pp. XVIII and 413 in 8.

Russland. Land und Leute. Herausgegeben von Dr. H. Roskoschny. Lpz. 72—75 Lief. (Asien 31—34 Lief.) 481—540 S. in folio. Ц. 55 к.

Sweiger-Lerchenfeld (A. v.). Von Ocean zu Ocean. Eine Schilderung des Weltmeeres und seines Lebens. Wien. Pest und Lpz. 12—14 Lief. 353—448 S. in 8. Ц. 33 к.

Werner (W.). Das Kaiserreich Ostindien und die angrenzenden Gebirgsländer. Jena. 1884. XII und 639 S. in 8. Ц. 6 р. 5 к.

Zschokke (H.). Konstantinopel. Eine Fahrt nach dem Goedenen Horn beschrieben. Würzburg und Wien. 1884. VII und 370 S. in 12.

МАТЕМАТИКА, АСТРОНОМІЯ, ФИЗИКА и ХИМІЯ.

Детловскій, Ю. Химич. изслѣдованіе составн. частей листовъ обыкнов. сирени (Syringa vulgaris L.) Хар. Тип. М. Зильберберга. 8 д., 200 экз.

Майеръ, А., и Бармаръ. Свѣтъ. Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта. Перев. съ англійск. М. Антоновича. Изд. Л. Пантелеева. Спб. 84. 8 д., 1.550 экз.

Потылицынъ, А. О вытѣсненіи хлора бромомъ и объясненіе реакцій, сопровождающихся поглощеніемъ тепла. Спб. 84 Тип. В. Демакова. 8 д., 80 экз.

Радкевичъ, М. И., инж. Упрощенный способъ вычисленія земляныхъ работъ съ таблицами половинъ и четвертей площадей. Спб. 1884. Тип. мин. пут. сообщ. 4 д., 22 нен. стр., 1.000 экз.

Шарыгорстъ, К. Сферическ. тригонометрія съ прилож. къ астрономіи. Спб. 84. Тип. Импер. акад. наукъ. 8 д., 1 010 экз.

Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału matematyczno - przyrodniczego Akademii Umiejętności. Kraków. 1884. Tom XI. 268 i CXII str. in 8.

ТЕХНОЛОГІЯ И СѢЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Авдаковъ, Н. С. О современномъ положеніи каменноугольной промышленности Донецкаго бассейна. Спб. 1884. Тип. А. Суворина. 8 д., 15 стр. 110 экз.

Гостковскій. Р., баронъ, инж. Теорія движенія по желѣзнымъ дорогамъ въ примѣненіи ея къ практикѣ. Съ 52-мя чертежами. Переводъ съ польскаго. Харьковъ. 1884. Тип. К. Счасни. 8 д., 1.200 экз. Томъ I. 2 нен. + V + 411 + 2 стр. — Томъ II. 299 + III стр. Ц. 7 р. за 2 тома.

Дугаль-Макъ. Куганье для овецъ. Безвредное, недовитое, испытан. и патентован. обмываніе противъ коросты, ранъ и насѣкомыхъ, встрѣчающихся у рогатаго скота и овецъ. К. 80. Тип. Г. Горчакъ-Новицкаго. 16 д., 2.000 экз.

Зиминъ, Н. Какимъ условіямъ долженъ и можетъ удовлетворять городской водопроводъ въ пожарномъ отношеніи. Принципы городскаго водопроводнаго хозяйства. М. 84. Город. Тип. 16 д., 1.200 экз.

Кабештовъ, И. Посѣвъ кормовой свекловицы и откормка и силосованною кукурузою убойнаго скота для отправки въ столицы и заграницу. Спб. 84. Тип. В. Демакова, 8 д., 1520 экз. Ц. 75 к

Клеманъ, Г. Настольная книга для дамъ и дѣвицъ. Самоучитель кройки, шитью, вязанью вышиванью и др. домашн. жен. рукодѣльямъ. Умѣнье одѣваться красиво и со вкусомъ. Искусство скрывать физическіе недостатки тѣла. Спб. 85. Тип. Г. Клеманъ, въ Дрезденѣ. 8 д., 1500 экз.

Ковачъ, М. Очеркъ постройки арльсбергской желѣзной дороги и арльсбергскаго туннеля. Перевелъ и дополнилъ инж. К. Коковцовъ. Спб. 1884. Тип. Мин. Пут. Сообщ. 8 д., 2 нен. + 54 стр., IV листа чертежей. 30 экз.

Компанія Зингеръ въ Нью-Іоркѣ. Руководство къ новой швейной машинѣ „Цилиндръ“ для тонкихъ и толстыхъ сапожныхъ работъ (съ кольцеобразнымъ челнокомъ). Москва. 1884. Тип. В. Чичерина. 8 д., 13+1 неи. стр., 1.000 экз.

Котельниковъ, В. Бесѣды по земледѣлію. (Съ 7-й по 11-й). Объ удобреніи почвы. Изд. А. Девріена. Спб. 84. 8 д., 2.400 экз. Ц. 25 к.

Ламмарръ, А. Новое руководство для любителей фейерверочнаго искусства или практическія правила для приготовленія цвѣтныхъ огней, фальшфейеровъ и всѣхъ фейерверочныхъ издѣлій. Перевелъ И. Горѣловъ. Изданіе В. Печаткина. Спб. 1884. Тип. товарищ. «Обществ. Польза». 12 д., 2 неи. + IX + 196 стр., 3.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Манжинъ, В. Обзоръ подковъ и инструментовъ для ковки лошадей на всероссійской выставкѣ 1882 года. Харьковъ. 1884. Тип. окружн. штаба. 8 т., 9 стр.

Министер. государст. имущ. Д-тъ землед. и сельск. промыш. Изслѣдованіе современнаго состоянія овцеводства въ Россіи. Вып. IV. Южно-русское тонкорунное овцеводство. Спб. 84. Тип. В. Киршбаума. 4 д., 1.200 экз.

Молоховецъ, Е. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ. Части I и II. 11-е изд. Спб. 84. Тип. Шепердсона. 8 д., 3.000 экз. Ц. 4 р.

Описаніе дальномѣра Готье и употребленіе его. Спб. 84. Тип. Голике. 12 д., 500 экз. Ц. 50 к.

Описаніе дальномѣра Ле-Буланже и практическіе пріемы употребленія его. Спб. 84. Тип. Голике. 12 д., 500 экз. Ц. 50 к.

Пржиборовскій, А Нѣсколько словъ о страховыхъ обществахъ отъ падежа животныхъ. Харьковъ. 1884. Тип окружн. штаба. 8 д., 10 стр.

Рутковскій, М. Правительственный контроль надъ желѣзнодорож. общест. въ Австріи, Голландіи и Франціи. Спб. 84. Тип. Д. Шеметкина. 8 д., 200 экз.

Ф. В. Граманъ въ Ригѣ. Способы употребленія хлѣбо-жатвенной машины «Индиспензабль». Рига. 1884. Тип. Мюллера. 8 д., 3 нен. стр., 50 экз.

Шамонина, Н. Руководство-самоучитель къ изученію кройки женскихъ нарядовъ. М. 84 Тип. А. Ставровскаго. 8 д., 9.600 экз. Ц. 40 к.

МЕДИЦИНА и ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Андреевскій, д-ръ. Школа здоровья (домашній лѣчебникъ). Полный популярный курсъ медицины съ 137 общепонятными рисунками. Въ двухъ частяхъ. 3-е исправленное и значительно дополненное изданіе А. Ступина. Москва. 1884. Тип. В. Гатцукъ. 8 д., 5 неи. +Ш+2 неи. + 1.106+VI стр., 12.000 экз. Ц. 3 р.

Арндтъ, Е. К., магистръ. Случай поврежденія подъязычной кости у лошади. Харьковъ. 1884. Тип. окружн. штаба. 8 д., 5 стр.

Атласъ естественной исторіи. Основанъ проф. К. Арендтсомъ. Передѣланъ проф. А. Брантомъ. 3-е изд. К. Риккера. Спб. 82. 4 д., 3.000 экз.

Behrend. G. Учебникъ кожныхъ болѣзней для врачей и студентовъ. Перев. со 2-го нѣмец. изд. подъ редак. д-ра мед. А. Поспѣлова. М. 84. Тип. И. Дурново. 8 д., 1.200 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Бензенгеръ, В. Объ оздоровленіи городовъ. Изд. Тип А. Карцева. М. 84. 8 д., 600 экз. Ц. 60 к

Berlin, R., проф. Нормальное дно глаза лошади Переводъ А. Останенко. Харьковъ. 1884. Тип. окружн. штаба. 8 д., 19 стр.

Бертенсонъ Л., и Воронихинъ, Н. Минеральныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и заграницею Путеводитель по лѣчебнымъ мѣстностямъ. 3-е вновь обработан. и значит. дополнен. изд. К. Риккера. Спб. 84. 8 д., 5.000 экз.

Браунъ. Онанизмъ и вѣрное средство къ возстановленію и укрѣпленію здоровья, разстроеннаго онанизмомъ. Сифилисъ и венерическія болѣзни. О мужскомъ безплодіи и полной неспособности мужчинъ. Перев. съ XI-го нѣмец. изд. Спб. 85. Русская Скоропечатня. 8 д., 3.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Возстановитель здоровья. Врачеб. искусство къ продленію жизни, охранитель отъ смерти и тайны познанія, изученія и вѣрнаго излеченія всѣхъ болѣзней и недуговъ. Сост. общ. врачей-спеціалистовъ, подъ ред. доц. медицины Льговскаго. М. 84. Тип. Ф. Іогансонъ. 8 д., 3.600 экз. Ц. 3 р.

Григорьевъ, А., и Музыкантовъ, А. Матеріалы къ вопросу о прим. фарадизаціи въ перемеж. лихорадкѣ. Спб. 84. Тип. П. Шмидта. 8 д., 50 экз.

Евсѣенко, Е. Ветеринарная медицина на седьмомъ съѣздѣ земскихъ врачей Московской губерніи. Харьковъ 1884. Тип. окружн. штаба. 8 д., 5 стр.

Евсѣенко, С. Эпизоотіи, какъ ближайшій источникъ эпидемій. Харьковъ. 1884. Тип. окружн. штаба, 8 д., 5 стр.

Извлеченіе изъ постановленія медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. О мѣрахъ личной предосторожности и осторожности, предохраняющихъ отъ заболѣванія холерою. Спб. 1884. Тип. Ѳ. Елеонскаго и К°. 8 д., 8 стр. 150 экз.

Кремянскій, Я. Объ измѣненіи вре-

мени, предметовъ и средствъ преподаванія спеціальной патологіи и терапіи и не спеціальн. терапевтич. клиникъ. Спб. 84. Тип. П. Шмидта. 8 д., 100 экз.

Куцевол-Артемовскій, Л. Хирургич. факультетская клиника Императ. универ. Св. Владиміра съ 1 ноября 1844 по май 1882 года. Подъ редак. заслуж. ординар. профес. В. Караваева. Вып. 1-й. К. 84. Тип. универ. 4 д.

Мартино, Л. Онанизмъ, сафизмъ и содомія у женщинъ. Лекціи, читанныя въ госпиталѣ Lourcine и собранныя интерномъ М. Lormand'омъ. Перев. съ франц. Изд. 1884 г. И. Жарновскаго. Ниж. Нов. 84. Тип. М. Гилевой. 8 д., 400 экз. Ц. 1 р.

Масловскій, Н. Къ казуистикѣ прогрессивной мышечной атрофіи (Atrophia muscularis progressiva familiaris). Спб. 84. Тип. П. Шмидта. 8 д., 50 экз.

Мѣры на случай появленія холеры. К. 84. Тип. И. Кушнерева и К°. 12 д., 1000 экз.

Нейберъ, Г., д-ръ. Руководство къ изученію техники антисептическаго лѣченія ранъ и долгосрочныхъ перевязокъ со многими рисунками въ текстѣ. Перев. съ нѣм. д-ра А. Гринбаума. Варшава. 1884. Тип. К. Ковалевскаго. 8 д., 3 нед.+III+123 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р. 20 к.

Нотнагель, Г., и Россбахъ, М. Дополненіе къ четвертому изд. руководства къ фармакологіи, составленное по 5-му нѣмец. изд. М. Гиршфельдомъ. Спб. 84. Изд. и Тип. Эттингера. 8 д., 2.000 экз. Ц. 1 р.

Остроглазовъ, В., д-ръ. Холера въ Москвѣ въ 1830 году. Москва. 1884. Унив. тип. 8 д., 8 стр., 150 экз.

Петровскій, А. Недостаточность двухъ-створчатаго клапана лѣваго желудка сердца лошади. Харьковъ. 1884. Тип. окружн. штаба 8 д., 5 стр.

Поповъ. Матеріалы для исторіи земской ветеринаріи въ Воронежской губерн. Харьковъ. 1884. Тип. окружн. штаба. 8 д., 7 стр.

Сербиновъ, П. И. Случай бѣшенства (lyssae humanae) у ребенка. Харьк. 1884. Тип. окружнаго штаба. 8 д., 6 стр.

Смирновъ, С. Минеральн. воды вообще и кавказскія въ особенности. М. 84. Тип. М. Лаврова и К°. 8 д., 200 экз.

Сорокинъ, Н. Растительные паразиты человѣка и животныхъ, какъ причины заразныхъ болѣзней. Вып. Ш. Изд. глав. воен. медиц. управ. Спб. 84. 8 д., 4.000 экз.

Сѣраковскій, И. Погуба отъ онанизма. К. 84. Тип. Давиденко. 8 д., 1.100 экз. Ц. 7 к.

Труды Императорскаго с.-петербургскаго ботаніч. сада. Томъ IX. Вып. 1-й. Спб. 84. Тип. бр. Шумахеръ. 8 д., 450 экз.

Труды с.-петерб. общества естествоиспытателей, издав. подъ редак. секретаря общ. И. Бородина. Томъ XIV и XV. Вып. 2-й. Спб. 84. Тип. В. Демакова. 8 д., 300 экз.

Уходъ за оспопрививными дѣтьми. Спб. 84. Тип. Товар. „Общ. Польза". 12 д., 20.000 экз Ц. 2 к.

Четвертое общее собраніе с.-петербургскаго общества «послѣдователей гомеопатіи». 15-го апрѣля 1884 г. Спб. 1884. Тип. товарищ. «Обществен. Польза». 8 д., 22 стр., 1.200 экз.

Janocha (Karol). O cholerze, jej przebiegu, rozszerzaniu i o środkach zaradczych. Rzeszów. 1884. 31 str. in 8. Ц. 40 к.

Koszutski (Józef d-r). O stosunku dyfteryi do krupu i o jej wyłącznie lokalnem leczeniu jednochlorkiem rtęci. II. Etyjologia i leczenie choleryny niemowląt i dzieci. Poznań. 1884. 9 nien., 62 i 12 str. in 8. Ц. 75 к.

ЛИНГВИСТИКА.

Барановскій, С. Идеографія. Общій языкъ для всѣхъ народовъ. Харьковъ. 1884. Тип. окружн. штаба. 12 д., 28 стр., 300 экз.

Макаровъ, Н. П. Полный русско-французскій словарь. Часть I. А—Н. Изд. Н. П. Макарова. Спб. 1884. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., 2 нед. — X—1 нед. —398 стр., 3.050 экз. Ц. 5 р. за двѣ части.

Орловъ, А. И. Полный филологическій словарь русскаго языка. Томъ I. Отъ А до Г. Москва. 1884. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 815 стр., 6.000 экз. Ц. 5 р.

Baranovsky. L'Jdéographie. Une langue pour toutes les nations. Хар. 84. Тип. окруж. шт. 16 д., 300 экз.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Германъ, Н. Сводъ основаній для составленія требованій на всѣ виды денежнаго, провіантскаго, приварочнаго, фуражнаго, кормоваго, вещеваго, квартирнаго и проч. довольствія, въ полкахъ и отдѣльныхъ батальонахъ, со всѣми измѣненіями по май 1884 г. Варшава. 1884. Тип. В. Шульца и К°. 8 д., 3 нед. — 77 стр., 400 экз.

Дагаевъ и Василевскій. Руководство для штабсъ-офицеровъ и капитановъ, подвергающихся испытанію при зачисленіи въ кандидаты на должности уѣзд. воинск. начальниковъ и справочная книга для уѣзд. воинск. начальниковъ. Вып. III и послѣдній. Рига. 84. Тип. Липинскаго.

8 д., 1.200 экз. Цѣна трехъ выпусковъ, 4 р. 50 к.

Древнія каменныя орудія, собранныя въ предѣлахъ Казанской губерніи В. И. Засайловымъ. Выпускъ первый. Казанскій уѣздъ. Казань. 1884. Тип. окружн. штаба. 2 д., 6 стр., 200 экз.

Казачковъ, И. Оглавленіе постановленій и заключеній общ. собранія и правленія Импер. общ. для содѣйствія рус. торговому мореходству. М. 84. Типо-лит. Н. Куманина. 8 д., 600 экз.

Каллистовъ, Н. Полковой праздникъ 15-го грен. тифлис. Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Константина Константиновича полка, въ связи съ исполнившимся столѣтіемъ наименованія его тифлисскимъ 1784—1884. Тип. канц. главнонач. гражд. частью на Кавказѣ. 16 д., 130 экз.

Миловидовъ. Справочная книжка по вещевому довольствію въ войсковыхъ частяхъ (кромѣ гвардіи), штабахъ и военныхъ управленіяхъ. Изд. 2-е, исправ. и дополн. Пенза. 84. Губерн. тип. 8 д., 1,000 экз.

Постановленія для руководства пажей роты Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса и юнкеровъ военныхъ училищъ. Спб. 84. Тип. м-ства пут. сообщ. 24 д., 1,600 экз.

Р. Е. Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій 1877—1878 г. К. 85. Тип. С. Кульженко. 8 д.. 8,000 экз. Ц. 60 к.

Руководящія указанія и программа для преподаванія курса тактики въ юнкерск. училищ. Спб. 84. Тип. В. Демакова. 8 д., 3,500 экз.

Сасіонковъ, А. Жалонеръ-сигналистъ. Систематическій сборникъ необходимыхъ свѣдѣній для полковыхъ жалонерныхъ офицеровъ, батальонныхъ адъютантовъ и нижнихъ чиновъ пѣхоты, исполняющихъ обязанности жалонеръ-сигналистовъ и сигналистовъ. Варш. 84. Тип. С. Оргельбранда сынов. 12 д.. 32 стр., 500 экз. Ц. 25 к.

Скугаровскій, А., и Энгельгардъ, А. Руководство для зимнихъ занятій съ офицерами по инструкціи 1882 г. и сборн. тактич. задачъ. Спб. 84. Тип. Шт. войс. гвар. и Петер. воен. окр. 8 д., 2,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Фонъ-Фохтъ, Н.. полковникъ. Дополнительныя записки къ курсу тактики, читанному въ офицерской стрѣлковой школѣ въ 1884 г. Выпускъ 1-й. Спб. 84. Тип. В. Киршбаума. 4 д., 3 нен.+146 стр., 1 табл., 400 экз.

Фохтъ, фонъ, полковникъ. Маневрированіе съ боевою стрѣльбою въ Красномъ селѣ. Спб. 84. Тип. департ. удѣловъ. 8 д., 17 стр., 200 экз.

Фохтъ, фонъ, Н., полк. Чертежи къ дополнительнымъ запискамъ тактики, читанной въ офицерской стрѣлковой школѣ въ 1884 г. Выпус. 1-й. Спб. 84. Тип. В. Киршбаума. 4 д., XII таб., 400 экз.

ПЕДАГОГІЯ.—УЧЕБНИКИ.—ДѢТСКІЯ КНИГИ.

А. и С. Книга для чтенія. Первая часть (послѣ азбуки). Либ. 84. Тип. М. Петерсона. 8 д., 2,000 экз.

Барановъ, А. Книга для чтенія, примѣненная къ тѣмъ народнымъ школамъ, въ которыхъ начинаютъ обучать родному языку по „Родному Слову“ К. Ушинскаго. 5-е изд. Д. Полубояринова. Спб. 84. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 143 + 1 нен. стр., 10,000 экз. Ц. 45 к.

Беренсъ, В., полк. Руководство геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 344-мя чертежами въ текстѣ. Спб. 84. Тип. Н. Лебедева. 8 д., VIII + 256 стр., 1,060 экз.

Берте, Н. Нѣмецкая хрестоматія, выборъ прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ изъ сочиненій нѣмецкихъ классиковъ всѣхъ столѣтій. Пятнадцат. изд. насл. бр. Салаевыхъ. М 85. Тип. Э. Лиснеръ и Ю. Романъ. 8 д., VIII+288 стр., 6,000 экз. Ц. 70 к.

Боголѣповъ. П. Сборникъ устныхъ ариѳметическихъ задачъ на числа первой сотни. М. 84. Тип. А. Карцева. 8 д., 2,4000 экз. Ц. 25 к.

Босъ, А., и Ребьеръ, М. Полный курсъ элементарн. геометріи, съ прил. коническихъ сѣченій. Вып. 1-й. Спб. 85. Типо-лит. Б. Янпольскаго. 8 д., 1.000 экз. Ц. 60 к.

Буслеръ, Л. Свободный стиль. Учебникъ контрапункта и фуги въ свободномъ стилѣ, изложенный въ 33 задачахъ. Перс. съ нѣмец. Н. Кашкина. Изд. П. Юргенсона. М. 85. 8 д., 1,200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлоха, П. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ элементарный. Изд. 16-е. Спб. 85. Тип. Товар. «Общ. Польза». 8 д., 2,430 экз. Ц. 25 к.

Бѣлоха, П. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. 22-е изд. Спб. 84. Тип. А. Траншеля. 8 д., 2,300 экз. Ц. 1 руб. 25 к.

Вагаповъ. Самоучитель для русскихъ по-татарски и татаръ по-русски. 9-е изд. Казань. 84. Универ тип. 8 д., 4,800 экз. Ц. 25 к.

Васильевъ-Яковлевъ, Н. Сборникъ задачъ по коммерческой ариѳметикѣ. Для коммерч. и реальныхъ училищъ. Изд. 2 е. К. 84. Тип. Л. Даниловой. 8 д., 1,200 экз. Ц. 75 к.

Вессель, Н., и Альбрехтъ, Е. „Гусельки“ 128 колыбельныхъ дѣтскихъ и народныхъ пѣсенъ и прибаутокъ, съ

голосами и съ акомпанементомъ фортепіано. Спб. 85. 6-е изд. Муз. маг. І. Юргенсона. 8 д., 1,000 экз. Ц. 1 р.

Веркгауптъ, Г. Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. II. Иліада. Пѣснь XVI-я. Изд. книжн. магаз. наслѣдн. брат. Салаевыхъ. М. 84. 8 д., 2,400 экз. Ц. 30 к.

Виноградовъ, И., и Андреевъ, А. Русская хрестоматія для приготовит. клас. средн. учебн. завед., съ приложен. церковно-славянскаго текста евангелія. Изд. книжн. маг. насл. бр. Салаевыхъ. М. 85. Тип. Э. Лиснеръ и Ю. Романъ. 8 д., 2,400 экв. Ц. 50 к.

Байковъ, Д. Волшебныя приключенія принца Солигдара. Перенде. сказ. Изд. Е. Губанова. М. 84. Тип. Вильде. 12 д., 36 стр. 5,000 экз.

Воскресенскій, В. И. Начальная ариѳметика. К. 84. Унив. Тип. 8 д., 600 экз.

Гаррисонъ, А. И. Практическій курсъ англійскаго языка съ грамматикою. Часть 1-я. Изд. 3-е. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., XXIV+190+90 стр., 1,000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Гердъ. А. Руководство минералогіи для реальныхъ училищъ (строеніе земнаго шара). 4-е изд. Д. Полубояринова. Спб. 84. 8 д., 4,025 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Герцъ, К. Руководство прямолинейной тригонометріи въ объемѣ гимназич. курса. 2-е изд. Варш. 85. Тип. А. Ганса. 8 о., 3.000 экз. Ц. 1 р.

Горскій, В. Граммат. правила франц. языка, служащія руководствомъ для перевода фразъ въ учебникѣ Марго: „Cours élémentaire et progressif de langue française". Вып. 1-й. Изд. 5-е. Книжн. маг. наслѣдн. бр. Салаевыхъ. М. 84. 8 д., 2,400 экз. Ц. 30 к.

Гортовъ, А. Методич. руководство обученія письму. Пособіе для учителей средн. и низш. учебн. заведеній, родителей и для самообученія. Елабуга. 84. Тип. И. Кибардина. 8 д., 2,000 экз. Ц. 1 р. 30 к.

Гуревичъ, Я. Историч. хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Т. II-й. Изд. 2-е. Спб. 84. Тип. м-ва пут. сооб. 8 д., 2,400 экз. Ц. 2 р.

Деркачевъ, И. Школьныя ступени. Годъ 2-й. Книга для чтенія въ нач. школѣ. 4-е изд. Исправ. согласно указан. учен. к-та м-ва народн. просв. Изд. «Сотрудн. школъ" А. Залѣсской. М. 84 8 д., 6,000 экз. Ц. 40 к.

Дюгамель. Методика ариѳметики и алгебры или различн. способы рѣшенія задачъ и изложеніе пріемовъ преподаванія низшей ариѳметики и элементарной алгебры. Вып. 1-й. Пер. съ франц. Изд. 2-е. Спб. 85. Тип. В. Безобразова и К°. 12 д., 1,000 экз. Ц 75 к.

Евстафіевъ, П. Древняя русская литература (до-петровскій періодъ). 1-й вып. Устная народная словесность. Изд. 4-е. Приложеніе къ вып. 1-му: Классный сборникъ образцовъ русской народной поэзіи: былинъ, пѣсенъ, сказокъ и пословицъ. Изд. Д. Полубояринова. Спб. 84. 8 д., 4.000 экз. Ц 50 к.

Евстафіевъ, П. Новая русская литература (отъ Петра Великаго до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительс. семинарій Изд. 6-е. Д. Полубояринова. Спб. 84. 8 д., 4,025 экз. Ц. 1 р. 60 к.

Егоровъ, Ѳ. Крат. руковод. ариѳметики и собраніе задачъ, вычисленій и другихъ упражненій для начальнаго преподаванія. Вып. II. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Изд. учеб. маг. „Начальная школа" Е. Тихомировой. М. 84. 8 д., 3,000 экз. Ц. 30 н.

Зубковъ, В. Сборникъ упражненій въ перев. съ рус. языка на латинскій, составленный примѣнительно къ грамматикѣ Эленда-Зейфферта, съ указаніями на грамматики Кеслера и Шульца. Для среднихъ классовъ гимназій. Изд 2-е. М. 84. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 2,400 экз. Ц. 1 р.

Игнатовичъ, В. С. Концентрическій учебникъ франц. яз. сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ 3-хъ частей. Курсъ элементарный. Часть I. Изд. 8-е. Спб. 84. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., XVI+136 стр. 20,000 экз. Ц. 40 к.

Игнатовичъ, С. Концентрическій учебн. франц. языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Ч. III. Курсъ средклас. гимназій и прогимназій. Изд. 6-е. Спб. 84. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., 5,010 экз. Ц. 1 р 25 к.

Иловайскій, Д. Руков. къ русской исторіи. Изд. 25-е М. 84. Тип. Товарищ. „Печатня С. Яковлева". 8 д., 10,000 экз. Ц. 40 к.

Ильменевъ, С. Приложеніе къ учебной книгѣ рус. языка «Въ школѣ и дома». (Для учащихъ). Спб. 84. Тип. А. Траншеля. 8 д., 1,000 экз.

Колосовъ, М. Старо-славянс. грамматика. Изд. 13-е. Варшава. 84. Тип. М. Земкевича. 8 д., 5,000 экз. Ц. 75 к.

Кремеръ, Я. Sophoclis tragoediae. Трагедіи Софокла (Аянъ, Электра, Эдипъ царь). Текстъ съ словаремъ и приложеніемъ: о трагедіи и театрѣ древней Греціи. I. Изд. 3-е. Книжн. магазина наслѣд. брат. Салаевыхъ. М. 85. Тип. Э. Лиснеръ и Ю. Романъ. 8 д., 2,400 экз. Ц. 1 р. 10 к.

Кремеръ, Я. Sophoclis tragoediae.

Трагедіи Софокла (Эдипъ въ Колонѣ, Антигона, Трахиніянки, Филоктетъ). Текстъ съ словаремъ и приложеніемъ: о трагедіи и театрѣ древней Греціи. II. Изд. 3-е кн. маг. насл. бр. Салаевыхъ. М. 85. Тип. Э. Лисснеръ и Ю. Романъ. 8 д., 2,400 экз. Ц. 1 р. 10 к.

Леве, А. Приближенныя вычисленія надъ десятичными дробями. Спб. 84. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 200 экз.

Леве, А. Курсъ ариѳметики и собраніе ариѳметическ. задачъ. 17-е изд. Спб. 84. Тип. товар. „Общест. польза". 8 д., 3,000 экз. Ц. 1 р.

Малининъ, А., и Буренинъ, К. Ариѳметика. Изд. 15-е. книжн. маг. насл. бр. Салаевыхъ. М. 84. 8 д., 100,000 экз. Ц. 75 к

Мальцевъ, А. Основанія педагогики. Спб. 85. Тип. Дом. призр. малол. бѣдн. 8 д., 1,200 экз Ц. 75 к.

Мамышевъ, К. Начала начертательной геометріи. Руководство для реальныхъ училищъ. Изд. 4-е. Спб. 84. Тип. Н. Евстигнѣева. 8 д., 3,000 экз.

Мейеръ, И. Книга упражн. къ греч. грамматики Г. Нидерле. Курсъ III и IV классовъ гимназій и прогимназій. Издан. книж. маг. насл. бр. Салаевыхъ. М. 85. 8 д., 3,600 экз. Ц. 85 к.

Моревъ, Д. Руководство коммерчес. экономіи для учениковъ коммерческихъ отдѣленій въ реальныхъ училищахъ. Спб. 84. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., VIII + 248 стр., 1,200 экз. Ц. 2 р.

Науманъ, Г. Нѣмецкая грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній. Въ 3 частяхъ. Вильно. 84 Тип. А. Сыркина. 8 д., 3,000 экз Ч. I.—Ц. 25 к. Ч. II. и III—25 к.

Недлеръ, Г. Методическій курсъ нѣмецкаго языка, построенный на изученіи и усвоеніи связнаго текста. Для низшихъ классовъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 2-я. Спб 84 Тип. Ю. Штауфа. 8 д., 3 нен. + 88 + 72 стр., 5,000 экз. Ц. 50 к

Новрузовъ. Г. Исторія Россіи до дома Романовыхъ. Сост. для начальныхъ училищъ. Изд. I. Тифл. 84. Тип. канц. главнонач. гражд. частію на Кавказѣ. 8 д., 32 стр., 415 экз.

Олесницкій, А., свящ. Воскресныя бесѣды сельскаго учителя съ односельцами. Кіевъ. 84. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 8 д., 27 стр., 500 экз.

Опацкій, Д. А. Употребленіе счетной таблицы. Кіевъ. 84. Тип. С. Кульженко. 4 д., 2 нен. стр., 1,000 экз.

Опацкій, Д. Легкій и вѣрный способъ сложенія, умноженія и дѣленія. К. 84 Тип. С. Кульженко. 16 д., 3,000 экз. Ц. 5 к.

Орловъ, А. Полный филологическій словарь русскаго языка съ подробнѣйшимъ разъясненіемъ всѣхъ отличій разговорной рѣчи отъ ея письменнаго изображенія и съ указаніемъ значенія и замѣны всѣхъ иноязычныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, чисто русскими словами. Томъ I отъ А до Г. М. 84. Тип. А. Мамонтова и К'. 8 д., 6,000 экз. Ц. 5 р.

Острогорскій, В. Выразительное чтеніе. Пособіе для учителей и учащихся. Спб. 84. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 1,200 экз. Ц 50 к.

Петровъ, К. Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ для младшаго возраста. 3 е исправлен. и дополн. изд. Спб. 85. Тип. Р. Голике. 8 д., 3,500 экз. Ц. 50 к.

Пржевальскій, Е. Начальная алгебра. Изд. 3 е, исправ. и дополн. М. 85. Тип. Э. Лисснеръ и Ю. Романъ. 8 д., 1,800 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Преображенскій, П. Руководство къ ариѳметикѣ для старш. и средн. классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Ариѳметика дробныхъ чиселъ. М. 84. Тип. Э. Лисснеръ и Ю. Романъ. 8 д., 2,400 экз.

Романченко, И. Конспектъ занятій по „Родному слову, Ушинскаго. Годъ 2-й. Пособіе для учителей народныхъ училищъ. Изд. 2-е. Книжн. маг. Е. Ѳедосѣева, въ Ростовѣ на Дону. М. 85. 16 д., 5,000 экз. Ц. 40 к.

Рутковскій, Л. Элементарн. учебн. логики, примѣнит. къ требован. гимназич. курса. Спб. Тип. м-ва пут. сообщ. 8 д., 1,200 экз. Ц. 45 к.

Савенко, Ѳ. Объстнительное чтеніе. Сборникъ статей для первоначал. занятій рус. языкомъ. Изд. 2-е. учебнаго магаз. „Начальная школа" Е. Тихомировой. 8 д., 3,200 экз. Ц. 75 к.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Т. 33-й. Спб. 84. Тип. Имп. ак. наукъ. 8 д., 600 экз.

Селитренниковъ, М. Учебникъ русскаго языка по генетической методѣ. Изд. 6-е. Д. Полубояринова. Спб. 84. 4 д., 4,000 экз. Ц. 80 к.

Семека, В. Руковод. къ начальн. обученію ариѳметикѣ. Спб. 84. Тип. губ. прав. 8 д., 2,520 экз. Ц. 1 р.

Смирновскій, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Курсъ старш. классовъ муж. и женс. гимназій. Ч. 2-я. (Вып. 3-й). Новый періодъ. Отд. I. (Отъ Ломоносова до Карамзина). Изд. 3-е книжн. маг. насл. бр. Салаевыхъ. М. 85. 8 д., 3,700 экз. Ц. 1 р.

Сопоцинскій, А. Указатель книгамъ, одобреннымъ учен. комитетомъ м-ва

нар. просв. въ періодъ времени съ 1856 по 1863 годъ включительно для употребленія въ средн. и низш. учебн. заведеніяхъ м-ва народ. просв. К. 84. Универс. тип. 8 д., 400 экз.

Сосницкій, А. Теорія словесности. Курсъ сред. учеб. завед. М. 84. Тип. А. Карцева. 8 д., 2,400 экз. Ц. 75 к.

Толстой, Л. Н. гр. Вторая русская книга для чтенія. Изд. 10-е. М. 84. Тип. М. Щепкина. 8 д., 10,000 экз. Ц. 10 к.

Толстой, Л. Н. графъ. Третья русская книга для чтенія. Изд. 10-е. М. 84. Тип. М. Щепкина. 8 д., 5,000 экз. Ц. 12 к.

Ходобай, Ю., и Виноградовъ, П. Книга для упражненій въ латинской грамматикѣ Ф. Шульца. Ч. 2-я. Синтаксическія упражненія. Изд. 5-е. М. 84. Универ. тип. 8 д., 2,600 экз. Ц. 70 к.

Черный, Э. Греческая грамматика гимназич. курса. Час. II. Синтаксисъ, изложен. сравн. съ рус. и латин. Изд. 3-е. М. 85. Изд. книжн. маг. насл. бр. Салаевыхъ. 8 д., 4,800 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Шестой конкурсъ по рисованію и черченію въ сред. учеб. заведеніяхъ, бывшій въ Императорской академіи художествъ въ 1881 году. Конкурсъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ рисованіе считается предметомъ необязательнымъ. Спб. 84. Тип. Имп. акад. наукъ. 8. д., 510 экз.

Elementarz polsko-ruski. Z dodaniem ruskiego wzorku. Wydanie szóste poprawione i powiekszone. Варшава 1884. Тип. Братмана. 8 д., 78+2 нен. стр., 5,000 экз. Ц. 20 к.

Wappler, A., ks. Historya kościoła katolickiego napisana dla wyższych zakładów naukowych. Przełozy na język polski W. Jakubowicz. Wydanie piate, znacznie poprawione i pomnożone. Nakład M. Orgelbranda. Варшава. 1884. Тип. С. Оргельбрандта сынов. 8 д., XII+278+1 нен. стр., 3,000 экз.

Dupuis (Eudoxie). Contes de tante Nicole. Paris. Ц. 2 vol. 3 p.

Les Souhaits de Tommy. Les Dix petits garçons, etc. etc. 43 p.

Hors de l'oeuf. Un Bain inutile, etc. etc. 46 p.

La Danse des lettres. La Pipe de Pierre, etc. etc. 1881. 43 p.

Le Cirque dans la chambre. Frisette et Frison, etc. etc. 1881. 48 p.

Un peu paresseuse. Grande frayeur, etc. etc. 1882. 48 p. in 4.

Girardin (J.). Comme Don Quichotte. Paris. 1884. 36 p. in 12.

(Bibliothèque des écoles et des familles).

Girardin (J.). Le Rêve de Françoise. Paris. 1884. 36 p. in 12.

(Bibliothèque des écoles et des familles).

Margot (D.). Cours élèmentaire et progressif de langue française à l'usage des classes inférieures et moyennes des écoles. 27-me édition. Спб. 84. Тип. Треnke и Фюсно. 8 д., 25,050 экз. Ц. 80 к.

Pagès (Adrien). La Pie gourmande. Scène enfantine. Paris. 24 p. in 24.

Pagès (Adrien). La Souricière. Scène enfantine. Paris. 23 p. in 24.

Pagès (M. Adrien). Nouveau théâtre d'éducation. Paris. Tome VII. Dix scènes enfantines pour pensionnats de demoiselles. La Fée rieuse. 23 p. La Veillée de Noël. 24 p. Les Bonnets de coton. 24 p. Les Fantaisies de Cyprienne. 24 p. La Fée Bulle-d'Air. 24 p. La Reine des dindons. 24 p. La Pie gourmande. 24 p. La Souricière. 23 p. Le Plumage ne fait pas l'oiseau. 23 p. La Royauté de Laurentine. 23 p. in 24.

Trim. Jean-Jean Gros-Pataud. Histoire allemande accommodée pour les petits français de trois à six ans Paris. 16 p. in 4. Ц. 1 p. 50 к.

Reade (Charles). Good Stories of Man and Other Animals. New-York. 1884 pp. 69 in 4.

Lesebuch, Deutsches, für höhere Lehranstalten, herausgegeben von Dr. R. Kohts, K. W. Meyer und A. Schuster 2-te Aufl. Hannover. 1882. IV Theil. Tertia. XIV und 330 S. in 8. Ц. 1 p. 25 к.

Lesebuch, Deutsches, für Vorschulen höherer Lehranstalten, herausgegeben von Dr. R. Kohts, K. W. Meyer und A. Schuster. Hannover. 1882. I Th. Ц. 80 к. XII I und 164 S. Ц. 1 p. 10 к. II Th.: VIII und 148 S. in 8.

Müller (C.). Die preussischen Kulturminister und das Volksschulwesen. Bernsburg. 1884. VI und 89 S. in 8. Ц. 55 к.

Schumann (J. C. G.). Unsere Schulzucht. Ein erweiterter Vortrag. 2-te Aufl. Neuwied und Lpz. 1884. 102 S. in 8. Ц. 55 к.

Soden (A.). Die Einflüsse unseres Gymnasiums auf die Jugendbildung. 2-te Aufl. Tübingen. 1884. XI und 100 S. in 8. Ц. 55 к.

ИСКУССТВА И ИЗДАНІЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ

Барбье, Жюль, и Карре. Фаустъ. Опера въ 5 дѣйст. Муз. Гуно. Перев. съ итальян. Н. Овсянникова. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 3,000 экз. Ц. 35 к.

Гугеноты. Опера въ 5 дѣйст. Слова Э. Скриба. Муз. Д. Мейербера. Вольный перев. съ итальян. Н. Овсянникова. Спб. Тип. А. Суворина. 12 д., 70 стр., 3,000 экз. Ц. 35 к.

Гаспаронъ. Оперетта, въ 3 дѣйс. Муз. Миллекера. Изд. Я. Волкова и Н. Ризникова. Спб. 94. 8 д., 1,000 экз. Ц. 10 к.

Иллюстрированный прейсъ - курантъ склада инструментовъ музыкальной торговли П. Юргенсона въ Москвѣ. М. 84. Тип. П. Юргенсона. 8 д., 2 нен.+66 стр., 2,400 экз.

К—овъ, И. Передъ непонятой картиной. Вып. 1-й. М. 84. Универ. тип. 8 д., 1 нен.+161 стр., 600 экз. Ц. 1 р.

Лишинъ, Г. Бѣднига студентъ. Комич. опера, въ 3 дѣйст. Муз. Миллекера. Изд. Эд. Гоппе. Спб. 84. 8 д., 1,000 экз. Ц. 50 к.

Новый пѣсенникъ модныхъ любовныхъ пѣсенъ, романсовъ и стихотвореній, съ успѣхомъ пѣтыхъ и читанныхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и друг. городахъ Россіи. М. 84. Изд. книгопр. Н. Баркова. 16 д., 5,000 экз.

Орловскій, Н. Краткій очеркъ исторіи духовнаго одноголоснаго пѣнія въ Россіи. Хар. 84. Тип. окр. штаба 8 д., 100 экз. Ц. 50 к.

Сефферъ, О. Нѣсколько словъ и поясненій молодымъ ученикамъ пѣнія и краткій очеркъ исторіи развитія музыки. Тиф. 84. Тип. канц. главнонач. граж. час. на Кавк. 8 д., 253 экз.

Скрибъ, Э. Пророкъ (Іоаннъ Лейденскій). Опера въ 5 дѣйст. Муз. Д. Мейербера. Вольв. пер. съ итальян. Н. Овсянникова. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д.. 3,000 экз. Ц. 35 к.

Собраніе либретто опереттъ. Сост. Я. В. Изд. Я. Волкова и Н. Ризникова. Спб. 84. Типо-лит. Н. Ризникова. 8 д., 2,000 экз. — № 21. «Бѣгство Фантаски». Въ 3 дѣйст. и 4 карт. Муз. Штрауса: 9+3 нен. стр.— № 22. «Веселая война». Въ 3-хъ дѣйст. Муз. Штрауса: 8+3 нен. стр. — № 23 «Маленькій герцогъ». (Скороспѣлки). Въ 3 хъ дѣйст. Муз. Лекока: 11+3 нен. стр. – № 24. «Жирофле-Жирофля». Въ 3-хъ дѣйс. Муз. Лекока: 11+3 стр. Ц. 10 к. за каждое либретто.

Фиделіо. Опера въ 2 дѣйст. Муз. Бетховена. Текстъ въ переводѣ О. Ленко. Изд. Эд. Гоппе. Спб. 84. 8 д., 1,000 экз. Ц. 50 к.

Schiller (Fryderyk). Dzieła poetyczne i dramatyczne illustrowane przez znakomitych artystów. Lwów. T. I. Zeszyt XVII. 193—216 str. T. II. Zeszyt XVIII. 193—216 str. in 8. Ц. 40 к.

Dumas. Livret illustré du Musée du Luxembourg publié sous la direction de F. G. Dumas. Paris. 1884. LXIII, 256 et 20 p. in 8. Ц. 1 р. 75 к.
(№ 12 de la collection).

СМѢСЬ.

Академическіе списки Императорскаго университета Св. Владиміра (1834-1884 гг.). Кіевъ. Тип. университ. 8 д., 500 экз.

Бѣговой отчетъ с.-петербургскаго общества охотниковъ рысистаго бѣга за 1883-1884 гг. Спб. 84. Тип. П. Шмидта. 8 д. 400 экз.

Гаркави, А Я. Начертанія буквъ еврейскаго алфавита въ ново - открытыхъ библейскихъ рукописяхъ. Спб. 84. Тип. Импер. академ. наукъ. 4 д., 1 нен. стр., 110 экз.

Григорьевъ, В. Программа для изслѣдованія переселенческаго движенія на мѣстахъ выхода переселенцевъ. М. 84. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 300 экз.

Еврейскій вопросъ въ картинахъ. Изд. II. Ч. Вып. I. К. 84. Тип. С. Кульженко. 8 д., 1,940 экз.

Езерскій, Ѳ. Курсъ счетоводныхъ документовъ въ связи съ исправленіемъ почерка. Документы общепотребные. Спб. 84. Фирма «Счетоводъ». 8 д.. 2,000 экз. и приложенія: Образцы почерка и счетоводныхъ документовъ. 4 д., 2,000 экз.

Записная книжка и календарь на 1884 - 85 учебный годъ. Спб. 84. Изд. мастерской канцелярс. принадлежностей. 16 д., 5,000 экз.

З - въ, Л. Библіограф. указатель технич. книгъ, вышедшихъ на рус., нѣмец., франц. и англійс. языкахъ въ 1883 г. въ Россіи и заграницей. Спб. 84. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8 д. Ц. 75 к.

Календарь на 1885 г. Изд. Н. Баркова. М. 84. Тип. Вильде. 16 д., 64 стр. 50,000 экз.

Кіевскій народный календарь на 1885 г. Годъ 21-й. Кіевъ. Универ. тип. 8 д., 30.000 экз.

Крестный календарь на 1885 г. Изд. А. Гатцука. Годъ 20-й. М. 84. Тип. А. Гатцука. 4 д., 48+2 нен. стр., 800,000 экз. Ц 15 к.

Крестный календарь на 1885 г. Изд. А. Гатцука. Годъ 20-й. М. 84. Тип. А. Гатцука. 4 д , 32 стр., 400,000 экз Ц. 10 к.

Новаро, Л. Искуство жить не менѣе ста лѣтъ съ приложеніемъ того, что всякому необходимо знать лѣтомъ и зимою. Спб. 84 Тип. М. Хана. 8 д., 1,500 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Новыя постановленія о производствѣ въ чины. Спб. 84. Тип. деп. удѣл. 8 д., 800 экз.

Отчетъ о дѣятельности варшав. отдѣла россійскаго общества покровительства животнымъ за 1883 г. Варш. 84. Тип. П. Лебенсона и К°, 12 д., 47 стр., 200 экз.

Палестина. Сборникъ статей и свѣ-

дѣній о еврейскихъ поселеніяхъ въ Св. Землѣ. Спб. 84. Тип. Н. Лебедева. 8 д., 1,400 экз. Л. 50 к.

Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1884 годъ. Спб. 84. Губерн. тип. 8 д., 250 экз.

Предупредитель убытковъ. Карман. справ. таблицы тиражей, выигрышей и погашенія билетовъ I и II госуд. внутрен. съ выигрышами займовъ и не востребованныхъ изъ Банка выигрышей, павшихъ на билеты со дня первыхъ тиражей, т.-е. съ 1866 г. Изд. справочн. конт. „Е. Копаныгинъ". Спб. 84. 16 д., Ц. 15 к.

Программа испытанія лошадей въ С.-Петербургѣ, 1884—85 гг., на Семеновскомъ плацу. Спб. 84. Типо-лит. П. Шмидта. 8 д., 47 стр., 310 экз.

Русскій народный календарь на 1885 г. Изд. П. Шарапова. М. 84. Тип. Л. Снегирева. 4 д., 40 стр., 60,000 экз. Ц. 15 к.

Раунеръ, С. Дюны, ихъ укрѣпленіе и облѣсеніе. Спб. 84. Тип. В. Демакова. 8 д., 300 экз.

Сельскій календарь на 1885 г.. подъ редакц. Ѳ. Григорьева. Варш. 84. Типолит. Х. Кельтера. 4 д., 3,000 экз.

Словарь практ. свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни всякому. Изд. Л. Симонова. Вып. 1-й. Спб. 84. Тип. А. Суворина. 8 д., 4,000 экз.

Смѣта доходовъ и расходовъ по главному управленію государственнаго коннозаводства на 1885 г. Спб. 84. Тип. Мѣсника и Римана. 4 д., XX+47 стр., 12 приложеній, 500 экз.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1882 г. Спб. 84. Тип. В. Балашева. 8 д., 2 нен.+II+117+74+41+9+6+10 стр., 300 экз.

Стѣнной календарь на 1885 г. М. 84. Тип. В. Барбей. 32 д., 12,060 экз.

Тарасовъ, Гр. Новая библіотека. Наставленіе, какъ оказывать помощь въ несчастныхъ случаяхъ. М. 84. Тип. Л. Снегирева. 12 д., 60+III стр., 2,400 экз. Ц. 35 к.

Хвольсонъ, Д. Сборникъ еврейск. надписей, содержащій надгробн. надписи изъ Крыма и надгробн. и другія надписи изъ иныхъ мѣстъ, въ древнемъ еврейск. квадрат. шрифтѣ, также и образцы шрифтовъ изъ рукописей отъ IX—XV столѣтъ. Спб. 84. Тип. Имп. акад. наукъ. 4 д., 285 экз.

Шорцль, В. Названія цвѣтовъ и символич. значеніе ихъ. Вологда. 84. Тип. В. Исаева. 8 д., 200 экз.

Sobieściana. Bibliografia jubileuszowego obchodu dwóchsetnéj rocznicy potrzeby wiedeńskiéj z r. 1683. Lwów. 1884. IV i 107 str. in 8.

Albert-Levy. Les Nouveautés de la science. Paris. 1883. 191 et 1 p. in 16. (Bibliothèque des écoles et des familles).

Jacob (Maurice). Etude des appareils du jeu de roulette de Monaco. Nice. 4 p. in 4.

Quarante cinquième rapport de la société suisse de bienfaisance à Moscou. Assemblée générale du 15 janvier 1884. (На франц. и нѣмец. яз.). М. 84. Тип. Эбе. 8 д., 120 экз.

Brown (John Croumbie). Forests and Forestry of Northern Russia and Lands beyond. Edinburgh. 1884. pp. VIII and 297 in 8.

Brockhaus' Conversations-Lexikon. 123—126 Heft. (IX Bd.) 129—384 S. in 8, 27½ к.

Rode (R.). Akademische Novellen. Berlin. 1884. 295 S. in 8.

Kemmer (O.). Pessimisten-Gesangbuch. Minden i./W. 1884. XVI und 332 S. in 8.

8788 019

XVII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: Обзоръ журналовъ.—Беллетристика.—Исторія, политика, біографія и проч.—Естествознаніе, технологія и проч.—Педагогика, книги для дѣтскаго и народнаго чтенія и учебники.—Искусство.—Плоды книгопродавческой спекуляціи. — Литературная хроника. — Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ.—Указатель новыхъ книгъ 1
XVIII. ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ «РУССКОЙ МЫСЛИ».
XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные — недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію, съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и **съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена тою конторой.** По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *11* до *4-хъ* часовъ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ **исключительно** въ помѣщеніи редакціи, гдѣ въ принятіи оныхъ выдаются установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставленныя рукописи должны быть четко переписаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію. **Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедшія въ свѣтъ. Деньги выдаются черезъ пять дней по выходѣ книги. Авансы не выдаются. Отдѣльные оттиски статей дѣлаются не иначе, какъ по заявленію желанія на то авторовъ и на ихъ счетъ.**

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного* до *четырехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналѣ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. **Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и непринятыхъ ею для помѣщенія въ журналѣ стихотвореній редакція не въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то прилагались марки.**

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

Къ этой книгѣ прилагается объявленіе отъ книжнаго и музыкальнаго магаз. В. Г. Готье.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ"

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1885 ГОДЪ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ):

Годъ: въ Москвѣ и Петербургѣ: безъ доставки . . . 15 р.
» » » съ доставкою . . 16 р.
Съ пересылкою въ другія мѣста Россіи . . . 17 р.
За границу . . . . . 19 р.

Шесть мѣсяцевъ—половина годовой платы.

Одна книга—1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Лицамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается разсрочка: п подпискѣ безъ доставки—5 руб., съ доставкою—6 руб., съ пересылкою 7 руб., за границу—9 руб. и по 5 руб. къ апрѣлю и къ іюню. Болѣе лы ныя разсрочки допускаются по особому соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій, 21. **Въ отдѣленіяхъ ко торы:** въ **Москвѣ**, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, при конто объявленій Н. Н. Печковской; въ **Петербургѣ**, на Невскомъ, въ до Армянской церкви, при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°; въ **Варша** Новый Свѣтъ, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Гг. иногороднихъ просятъ высылать деньги исключительно въ конто (Москва, Леонтьевскій, 21).

Контора журнала открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и пра ничныхъ дней) отъ 11 до 4 часовъ.

Лица, подписывающіяся на «Русскую Мысль», могутъ чре ея контору подписываться на всѣ русскіе и иностранные жу налы и газеты и пріобрѣтать находящіяся въ продажѣ русск и иностранныя книги, а также ноты, причемъ пересылку книг и нотъ контора журнала принимаетъ на свой счетъ.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

ACME
BOOKBINDING CO., INC.
MAY 2 3 1984
100 CAMBRIDGE STREET
CHARLESTOWN, MASS.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
SEP 15 1984